Сергей ВАХРИН

Дѣло объ убійствѣ Володимера Атласова. Камчатская Сибириада

Книга I

УДК 929
ББК 63.3(2Камч)
В 22

Вахрин С.И.
В22 Дѣло объ убійствѣ Володимера Атласова. Камчатская Сибириада. Книга I. — Петропавловск-Камчатский : издательство «Камчатпресс», 2021. — 972 с.
ISBN 978-5-9610-0390-1

В своей новой книге писатель С.И. Вахрин обращается к событиям трехвековой давности и пытается разобраться в причинах и мотивах убийства казачьего головы Владимира Владимировича Атласова — «камчатского Ермака», как назвал Атласова великий русский поэт Александр Сергеевич Пушкин.

При этом исследуются не только общеизвестные исторические события, но прослеживается, шаг за шагом, жизненный путь Владимира Владимировича и тех людей, кто был рядом и кто, в конечном итоге, стал его убийцей.

Ставится под сомнение официальная версия о том, что главными виновниками всех происходящих бунтов на Камчатке были выходцы из сибирской столицы – Тобольска, откуда были родом первые старожилы Камчатки.

УДК 929
ББК 63.3(2Камч)

ISBN 978-5-9610-0390-1 © КРОФ «Сохраним лососей ВМЕСТЕ!», 2021
© Вахрин С.И., 2021
© «Камчатпресс», 2021

Была ли история освоения, покорения, завоевания Сибири простой и ясной?

Нет, не была.

Как не была простой и ясной история великого переселения народов мира, создания и крушения государств и империй, появления и исчезновения стран и народов.

В Сибирь пришли наши предки — представители различных городов и весей не только Московского, но и соседних с ним государств, многие из которых стали родоначальниками коренных сибирских династий.

Наши предки прошли огромный путь — от Уральских гор до Северной Америки, покоряя и тундру, и тайгу, форсируя реки и преодолевая морские просторы Северного Ледовитого и Великого Тихого океанов.

Начал этот поход казачий атаман Ермак Тимофеевич. Завершил его на Северо-Востоке Российской империи камчатский Ермак — Владимир Атласов.

А вместе с ними шли в Сибирь — и вольно, и подневольно — тысячи и тысячи людей, имена которых почти не сохранились в истории.

«ПОЧТИ» — и потому одна из главных задач этой книги — ВОСКРЕСИТЬ ИЗ ИСТОРИЧЕСКОГО НЕБЫТИЯ имена тех из них, кто прошел всю Сибирь-матушку и добрался до самой восточной ее окраины — Камчатки.

И при этом понять причину личной трагедии человека, который присоединил к Российской империи 325 лет назад эту удивительную и прекрасную землю, где восходит солнце для всей России, — нашу Камчатку.

Посвящается
Сергею Евгеньевичу Дурынину
и Елене Геннадьевне Петровой (Дурыниной),
сподвигнувших меня на написание этой книги

ПРЕДИСЛОВИЕ

Поставив перед собой задачу рассмотрения спустя три века «Дела об убийстве Володимера Атласова», мы должны руководствоваться классическими принципами криминалистики при расследовании убийства, которые опираются на следующие базовые основы:

1. Описание личности потерпевшего и вероятный вывод о круге лиц, среди которых следует искать убийцу.
2. Особенности места, времени, среда, условия, в которых совершается убийство.
3. Следы различных способов подготовки, совершения, сокрытия убийства и противодействия следствию.
4. Характеристика вероятного убийцы.
5. Способы совершения и механизм убийства, типичные последствия его применения…

ЧАСТЬ 1. АТЛАСОВЫ. СЕМЕЙНЫЙ КРУГ

Отлас

Писатели и историки зачастую, создавая образ своего героя, влюбляются в него и потому перестают быть объективными. Чаша сия не миновала и многих из тех историков, кто попытался воссоздать героический образ камчатского Ермака.

Я думаю, что и настоящий — сибирский — Ермак Тимофеевич и камчатский Ермак (по определению Александра Сергеевича Пушкина) — Владимир Владимирович Атласов — не нуждаются в излишней героизации. Они действительно были героями своего времени и таковыми останутся навсегда в памяти человечества независимо от оценок, которыми изобилуют труды историков и писателей — и ликующих, и негодующих (каковых так же немало).

Гораздо важнее, на мой взгляд, выяснить ту роль, какую в действительности играл тот или иной живой человек в реальной жизни, что двигало им, когда он совершал те или иные поступки, о которых нам сегодня что-то известно…

Об Атласовых известно не так уж и много. В различных энциклопедиях и по сей день путают Владимира Владимировича Атласова (Отласова) с его отцом Владимиром Тимофеевичем Отласом. Гуляет по серьезным энциклопедиям и невесть откуда-то взявшееся третье отчество — Васильевич. Кто-то считает его коренным уроженцем Якутска, кто-то — уроженцем Великого Устюга…

А ведь это важно — выяснить и понять родовые корни, узнать, в каких условиях Севера Сибири (якутских, экстремальных, весьма жестких) или более уравновешенного традиционного Русского Севера формировался характер будущего землепроходца и набор его морально-нравственных понятий и принципов.

Как и важно знать, кто его родители — потомственные жители Русского Севера или, как утверждал Б.П. Полевой, аборигены Якутии — так как женой Владимира Тимофеевича и, соответственно, матерью Владимира Владимировича Атласовых была, по его мнению, якутка.

Владимир Тимофеевич Отлас в 1651 году в числе других промышленных людей, пришедших с Руси в Восточную Сибирь за заработками, был задержан на территории Якутского воеводства

казаками за «какие-то нарушения правил охоты на пушного зверя» и доставлен в Якутскую приказную избу, где и дал первые известные нам сегодня показания о себе.

И вот что становится известным:

«Допрошенный вместе со своими товарищами Владимир Тимофеев заявил, что родом он из Усолья, очевидно, Усолья Камского, что на Лену он пришел в качестве наемного работника (“покрученника”) купцов Колупаевых и что в течение 1650 г. промышлял соболя в якутских волостях. Эти промыслы окончились неудачей. Покрученники Колупаевых, в том числе и Владимир Тимофеев, были задержаны воеводскими людьми за нарушение запрещения вести соболиную охоту. Через год после этого, а возможно и раньше, Атласов поступил на казачью службу в Якутский гарнизон. Оставшись вдали от родных мест, без средств к существованию, молодой промышленник волей или неволей вынужден был пристроиться “на государеву службу”» (М. Белов).

Г.А. Леонтьева уточняет: *«Своей Родиной Отлас назвал Усолье, правда, не пояснив какое — Камское (соль Камская) или Вычегодское (Соль Вычегодская). Оказалось, что на Лену он пришел в качестве покрученника купцов Колупаевых. Если принять во внимание, что хозяева Отласа, торговые люди Колупаевы, жили в Соли Камской, то Отлас был уроженцем именно этого города».*

Правда, полное имя самого торгового человека Колупаева, как сообщает сам М. Белов, Колупаев Матвей Никитин Казанец, говорит о его казанском происхождении.

Был еще один торговый человек, вероятно, родственник — Тихон Колупаев Казанец, коч с товарами которого в Жиганах в 1647 году разграбили взбунтовавшиеся против якутских воевод знаменитые землепроходцы и мореходы — пятидесятник Шалам Иванов, десятник Василий Бугор и другие.

Обычно в те времена наказывали не за сроки охоты (сроки определялись качеством шкурки — кому нужны не имеющие цены линялые), а за попытку обойти таможенную заставу и не платить «десятину». Как раз в это же время *«6 апреля* (1651 г. — *С.В.*) *в съезжей избе в присутствии воеводы Францбекова и дьяка Степанова «бит батоги нещадно» промышленный человек* ***Денис Булыгин*** (запомним это имя, — *С.В.*), *только что вернувшийся из Жиганского зимовья. Вина его состояла в*

том, что он, не желая предъявлять в съезжей избе и платить «государеву десятую пошлину», спрятал у себя «в штанах четыре соболишка плохих». Утайка была обнаружена целовальником Андреем Дубовым, который по поручению воеводы выехал навстречу промышленным людям и до Якутска, на дороге, «осматривал у них промышленные и всякие мягкие рухляди». Наказан Д. Булыгин батогами нещадно для того, «чтоб ему Дениске и иным промышленным и всяким людям на то смотря впредь так воровать и промышленной своей мягкой рухляди, приезжая с соболиных промыслов, хоронити и мимо таможенную избу украдом провозить без десятые пошлины было не повадно».

Одновременно с огромным наплывом в Якутию промышленного люда — ватаг охотников-промысловиков, существовал страшный дефицит в служилых кадрах. Редкий казачий поход обходился без жертв… И поэтому промышленных людей (а еще чаще гулящих, не имеющих никаких документов) и по доброй воле, а тем более за всевозможные провинности охотно записывали в государеву службу.

Вот как сообщают о подобном же явлении, датированном уже 1653 годом: *«…а на Колыме реке подал челобитную торговой человек Матвей Колупаев мне, холопу твоему государеву, да целовальнику Ваське Клеунову, на пять человек, на Елеску Петрова с товарищи. И у него Матфея из Якутцкого острогу подписной челобитной не было и в наказной памяти у меня, холопа государева, об них указу нет. И мы их служилых людей для безлюдства приняли на Колыме реке, а всякие государевы службы служат без государева жалованья, государева казна и аманатов берегут в трех зимовьях. А промышленых людей охочих мало, и государевы службы служить не с кем, потому их в Якутцкой острог не выслали».*

А вот еще один пример, связанный с человеком, который был в числе самых первых первопоселенцев Якутска: *«Расспросные речи сына боярского Василия Власьева о приеме им на службу беглых служилых людей Ивана Борисова Пинеги с товарищами из-за недостатка служилых людей (“хотя их скоп воровской разрушить”)».*

Вот таков был кадровый «голод» — дефицит служилых людей — в то время.

Конечно, его отчасти восполняли тобольские годовальщики — присылаемые на службу в Якутск на три-четыре года, в числе которых был и казак Степан Савельев Колупаев. Совпадению фамилий удивляться не стоит: мы будем нередко встречаться в истории Якутии и Камчатки с семейными (родовыми) корпорациями, когда кто-то из родственников числится в торговых людях, кто-то — в казаках, а кто-то в промышленных людях: одни добывают пушного зверя, другие обеспечивают им защиту, а третьи — успешно торгуют… В 1661 году в Тобольске служили Тихон и Власко Савельевы Колупаевы, отправленные позже (первый в 1652, второй в 1655 году) на службу «в Дауры». Братья Колупаевы служили в станице Ивана Федорова. А в станице атамана пеших тобольских казаков Ивана Ярославцова в это же время служил другой Тихон Колупаев, который так же в 1652 году был послан «в Дауры». По всей видимости, оба Тихона Колупаева были в отряде Дмитрия Зиновьева, то есть брали под арест и доставляли в Москву для «сыска» Ерофея Павловича Хабарова. Потомком кого-то из них, возможно, был и нерчинский казак Осип Колупаев (по данным 1708 года) и, вполне вероятно, — матрос 2-й статьи 47-го Камчатского флотского экипажа, набранного из забайкальских казаков, Потап Колупаев — один из защитников Петропавловского порта в 1854 году.

А в 1650-х годах на Лене и Колыме тезка (или родственник) тобольских Колупаевых — Тихон Колупаев Казанец занимался торговыми делами и был выбранным целовальником, принимая в казну пушнину от промышленного и служивого люда.

Примерно в это же время (1654–1658 гг.) собирал вплоть до своей смерти в 1658 году ясак с эвенков Столбовского зимовья служилый человек Семен Колупаев. А в Тобольске в десятниках служил Юшко Колупаев (умер в 1689 году).

И, думается, дальнейшая — уже казачья — судьба Отласа продолжала каким-то образом быть связанной с кланом Колупаевых. И видимо, не случайно попал он в служилые…

Кстати, обратим внимание еще на одну историческую деталь: в Якутской приказной избе в свое время было открыто «Дело о беглых служилых людях — пятидесятнике Шаламе Иванове, десятнике Василие Бугре и других, ограбивших в 7155 (1647) г. в Жиганах коч с товарами торгового человека Тихона Колупаева Казанца…». Этот случай будет иметь в нашем рассказе (и не один раз) самое неожиданное продолжение.

Владимир Тимофеевич Отлас был зачислен в «холостой» (в отличие от оклада женатого семейного человека) оклад — 5

рублей 25 копеек денег, 5 четвертей с четвериком хлеба и 1,5 пуда соли.

И с этим «холостым» окладом, на что обращает особое внимание Г.А. Леонтьева в своем исследовании «Якутский казак Владимир Атласов – первопроходец земли Камчатки» (М., 1997), Владимир Тимофеевич, прослужил «вплоть до своей кончины», несмотря на то, что не только был женат, но у него было и три законнорожденных сына, поверстанных позже в якутские казаки, — Владимир, Иван и Григорий.

На этот счет существуют самые разные мнения. Борис Петрович Полевой одним из первых выдвинул следующую концепцию, которая и по сей день гуляет из книги в книгу: «Владимир Тимофеевич считался холостым, потому что жена его была некрещеной якуткой, а значит, их брак не мог быть оформлен по церковным правилам».

То есть, следуя логике Бориса Петровича, — дети Отласа были незаконнорожденными.

Могла быть такая ситуация? Вполне — ведь даже якутский воевода Дмитрий Францбеков, не таясь ни от кого, жил с якуткой Варваркой, как и многие другие служилые, промышленные и торговые люди Якутска.

Правда, первый православный храм в Якутске был построен уже в 1643 году во имя преподобного Михаила (Малеина) и Животворной иконы Троицы.

Поэтому Галина Александровна Леонтьева в своей книге «Якутский казак Владимир Атласов — первопроходец земли Камчатки» весьма убедительно возражает Б.П. Полевому: *«Согласно гражданскому кодексу середины XVII в. — Соборному уложению 1649 г., по которому жила вся Россия, внебрачным детям все блага давались в последнюю очередь. Зато осуждений и оскорблений было более чем в избытке: “А будет кто с кем побраняся, назовет кого выблядком, и тот, кого он назовет выблядком, учнент на него государю бити челом о безчестье и с суда сыщется, про того челобитчика допряма, что …он прямой выблядок, прижит у наложницы… и таким выблядком в бесчестье отказывати, и к законным детем того не причитати, и поместий и вотчин того, кто его беззаконно прижил, ему не давать”».*

Какова же ее версия? «Скорее всего, он очень долго не вывозил свою семью из Европейской России в Сибирь и жил в Якутии «бессемейным, беззаводным бобылем».

И в этом тоже ничего странного, необычного и незаконного нет — жизнь якутского служилого проходила в бесконечных походах, а содержать семью в Якутске было очень и очень дорого. Б.П. Полевой в одной из своих книг приводит текст челобитной жены Владимира Владимировича Атласова (сына Отласа) Степаниды Федоровны, который в это время находился в анадырской «отсылке», а семья осталась без средств к существованию:

«Великим государем, царям и великим князьям Иоанну Алексеевичу, Петру Алексеевичу всеа великие и малые и белыя России самодержцам. Бьет челом сирота ваша, казака Володимера Отласова женишка ево Стефанидка. По вашему, великих государей, указу муж мой Володимерко послан на вашу, великих государей, дальнюю нужную службу на Нос ***служить многия годы беспеременно*** (здесь и далее выделено мной. — *С.В.*)*, а я, сирота ваша, скитаюся меж двор, помираю голодом. Милосердные великие государи, цари и великие князья Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич всеа великие и малые и белые России самодержцы, пожалуйте меня, сироту свою, великих государей хлебным и соляным жалованием мужа моего окладом на нынешней на 200 (1691–1692) год для скудости. Великие государи цари, смилуйтесь».*

В качестве примера Г. Леонтьева приводит семью Ерофея Хабарова, который женился в 1629 году перед отъездом в Сибирь, но только в 1651 году испросил разрешение на перевод семьи из Соли Вычегодской в Илимский уезд в свою деревню Хабаровку.

И вот еще один довод, который к тому же совершенно по-новому характеризует безвестного прежде якутского казака Владимира Отласа:

«Косвенным доказательством того, что семья Владимира Тимофеевича оставалась “на Руси”, возможно, в Соли Камской, могут служить его поездки с ясачной казной в Москву, которые для рядового казака были очень частыми (1658–1660, 1661–1663, 1668–1669, 1671–1673, 1677–1678). Из этих поездок он не вывез себе чинов».

Вот это-то и странно. Обычно в Москву за чинами и ездили… И за наградами.

«В XVII веке существовал обычай, что на подобныя посылки в Москву, сопровождавшияся тою или другою наградою для посылаемых лиц, всегда назначались люди отличившиеся, заслужившие право на «государево жалованье» и предпочтительно —

отличившиеся именно в том деле, по поводу которого их посылают “к государю”. То же самое практиковалось и в ратном деле: сеунчами (вестниками) с поля боя всегда посылались наиболее отличившиеся в том бою ратные люди» (Н.Н. Оглоблин).

* * *

Любопытно, при ком из якутских воевод удавалось Владимиру Тимофеевичу Отласу совершать столь престижные, а главное, столь частые вояжи в столицу?

При этом давайте помнить, что практически все якутские воеводы, за редким исключением, были — ЗА НЕЗАКОННОЕ ОБОГАЩЕНИЕ И ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ВЛАСТЬЮ — привлечены к ответственности. И, конечно же, использовать перевоз казенной пушнины для поставок на Русь пушнины, добытой незаконным путем, было очень удобно. Но и очень рискованно — в пути казну тоже перепроверяли таможенные службы. Поэтому в составе конвоя обязательно должны были быть доверенные лица воевод. И когда один и тот же человек сопровождает практически каждый (или через один) груз казенной пушнины, это говорит о многом.

Во-первых, о том, что этому человеку действительно ДОВЕРЯЮТ.

Во-вторых, что это доверенное лицо передается от одного воеводы другому «по наследству», как деталь хорошо отлаженного коррупционного механизма. Впрочем, не всякий воевода мог быть в курсе действия этого механизма, запущенного, вполне вероятно, небескорыстными дьяками Сибирского приказа в Москве и торгово-служило-промышленными корпорациями Якутского уезда.

Благодаря исследованиям С.В. Бахрушина и С.А. Токарева (сборник «Якутия в 17 веке») мы можем выявить весьма интересное (а может быть, и весьма необычное) явление якутской жизни 17-го столетия: ту реальную «частоту» командировок Отласа в Москву.

Итак, он в 1651 году становится якутским казаком.

В 1658–1660 годах он впервые отправляется в Москву при якутском воеводе Михаиле Лодыженском. Обратим внимание и на тот факт, что в 1656–1657 гг. казну в Москву не отправляли, поэтому стоимость накопившейся в Якутске пушной казны оценивалась почти в 90 тысяч рублей, и участники конвоя, безусловно, рассчитывали на щедрые царские награды, и, следовательно, необходимо было пройти достаточно высокий отборочный «конкурс», чтобы попасть в конвойные. Цена конкурса нам известна — Отлас дал взятку двенадцать рублей (то есть сумму, равную официальному его жалованью за два с лишним года службы). Таким образом, делаем вывод, в первую свою поездку он попал по случайному набору — дал взятку больше, чем кто-то другой. А впрочем, взятку могли дать и за него…

«Первую поездку в Москву Атласов совершил в качестве сопровождающего «государеву соболиную казну» в 1658 г. Отряд, в состав которого входил Атласов, затратил на трудную и дальнюю дорогу два года. На обратном пути на Илимском волоке вместе со своими товарищами Атласов дал показания о злоупотреблениях только что смещенного воеводы М. Лодыженского, взявшего с него за отпуск в Москву «посул 12 рублей» (М.И. Белов).

Покупательная способность рубля того времени: «4 пуда ржаной муки — 30 копеек, пуд масла — 60 копеек, пуд сёмги — 37 копеек, лимон — полторы копейки, курица — 1 копейка. Одежда: шуба из овчины — 30–40 копеек, шуба на соболях — до 70 рублей, простые зипуны — 50 копеек, телогреи — 35–80 рублей, рубаха из холстины — 10–12 копеек. Средняя зарплата — 3–4 копейки в день (Н.В. Прохорова «Монеты и банкноты России», 2009 г.)

«Поездка Атласова с отрядом в 1658 г. не представляла ничего необычного. Однако одно обстоятельство отличает ее от многих других: с отрядом в 1658 г. воевода Михаил Лодыженский сообщал Сибирскому приказу чрезвычайную весть — о морском походе колымских казаков во главе с Семеном Дежневым вдоль берегов Чукотки на реку Анадырь, об открытии ими в устье этой реки богатого лежбища моржей, клыки которых высоко ценились в то время, и о построении Анадырского острога. С конвоем доставлялась в Москву первая партия моржовой кости, привезенной на Лену товарищами Дежнева Степаном Вилюем, Федотом Ветошкой и Василием Бугром» (М.И. Белов)

В 1660–1661 годах уже при воеводе Иване Федоровиче Большом Голенищеве-Кутузове отправки казны также не было. Груз был сформирован и отправлен только в 1661–1662 гг. Следовательно, и Отлас сопровождал именно этот груз. Опять же, очень дорогой — стоимостью не менее 70 тысяч рублей.

«В Якутском архиве сохранилась “проезжая грамота”, датированная 21 июля 1661 г., от Якутска до Москвы на имя сына боярского Кузьмы Лошакова с товарищами, в том числе и ка-

зака Владимира Отласа. Отряд Кузьмы Лошакова сопровождал ясачную соболиную казну и три бочки "кости моржовой зуб", добытый на устье Анадыря товарищами Семена Дежнева, которые также ехали в Москву. Из этой поездки Атласов вернулся на Лену, очевидно, в 1663 г.

О прибытии Атласова на Лену в 1663 г. говорит то, что его начальник Кузьма Лошаков летом того же года получил по службе новое назначение.

<…> Следующая поездка Атласова в Москву состоялась в 1668 г., что видно из "подорожной грамоты" от Якутска до Москвы, выданной 10 июля 1668 г. казачьему пятидесятнику Устину Панфилову и казаку Владимиру Атласову. В столицу они посылались "наскоро" со "счетными списками и отписками и изветными делами". Подробности этой поездки неизвестны. Атласов вернулся на Лену осенью 1669 г.».

И действительно в графах за 1668–1669 годы у авторов исследования написано «пропущено» — то есть вывоза пушного груза не было, следовательно, Отлас приезжал в Москву совершенно с другим заданием.

Это было при якутском воеводе Иване Барятинском. А затем, при нем же, он снова оказался в московском конвое:

«Через два–три года ему снова пришлось сопровождать ясачную казну, на этот раз в составе отряда сына боярского Ивана Ерастова, который отправился в дорогу, очевидно, еще осенью 1671 г. и прибыл в Москву в декабре 1672 г. Время возвращения отряда Ерастова на Лену неизвестно» (М.И. Белов).

А в последний раз, в 1677–1678 гг., Отлас сопровождает казенный груз уже при воеводе Андрее Барнешлеве, уличенного вскоре в казнокрадстве и злоупотреблениях, но скоропостижно скончавшегося, как и многие другие якутские воеводы, по пути в столицу Сибири — Тобольск.

Вот данные, которые приводят исследователи.

Год	Кем прислана пушнина	Сумма		Ден
		руб.	алт.	
1638–39	Тобольск. и енис. воеводами	6114	29	1
1639–40	Томск. и енисейским, »	23502	31	4
1640–41	Тобольс., Енисейским, Ленским воеводами	11268		5
1641–42	Пропущено	—	—	—
1642–43	Присылки не было	—	—	
1643–44	Тобольск. воеводами	21622	32	3

1644–45	Присылки не было	—	—	
1645–46	»	—	—	
1646–47	Якутским воеводой Головиным (за 4 года)	168723		—
1647–48	Якутским воеводой Пушкиным	44962	(?)	3½
1648–49	»	53743	18	1
1649–50	»	56359	5	—
1650–51	Якутским воеводой Дм. Францбековым	915 (??)	16	2
1651–52	»	45016	30	—
1652–53	Пропущено	—	—	
1653–54	Якутским воеводой Мих. Лодыженским	38992	31	4
1654–55	Присылки не было	—	—	—
1655–56	Якутским воеводой Мих. Лодыженским	94373	30	5
1656–57	»	66709 с полтиною	—	—
1657–58	Присылки не было	—	—	—
1658–59	Якутск. воевод. Мих. Лодыженским	89011	15	1½
1659–60	»	(?)	27	—
1660–61	Присылки не было	—	—	—
1661–62	Якутским воеводой Голенищевым-Кутузовым	(?)	11	1½
1662–63	»	(?)	30	—
1663–64	»	66815	—	—
1664–65	Присылки не было	—	—	—
1665–66	Якутск. Воевод. Голенищевым-Кутузовым	66147	25	—
1666–67	»	6581 0	13	2
1667–68	»	48(???)	(?)	—
1668–69	Пропущено	—	—	—
1669–70	Якутским воеводой кн. Ив. Барятинским	123930	27	—
1670–71	Присылки не было	—	—	—
1671–72	Як. воев. кн. Ив. Барятинским	47165	—	—
1672–73	Якутским воеводой кн. Як. Волконским	46981	3	2
1673–74	»	(?)	(?)	—
1674–75	»	506(?)6	22	½
1675–76	»	522(??)	10	—
1676–77	Якутским воеводой Анд. Барнешлевым	478(??)	20	—

И по этим данным, если учесть, что казна отправлялась не каждый год, получается, что Владимир Тимофеевич Отлас был практически ПОСТОЯННЫМ сопровождающим пушной якутской казны в Москву.

А если вспомнить, что в одном из документов есть информация о том, что он был задействован еще и на поставках хлеба в Якутск (деле ЧРЕЗВЫЧАЙНО выгодном), то вырисовывается весьма реалистичная картина его действительной казачьей

службы в период, начиная с воеводства Ивана Федоровича Большого Голенищева-Кутузова, при котором был организован самый крупномасштабный вывоз пушнины на Русь.

* * *

А где и когда, если следовать документам, проходила первоначальная служба пешего якутского казака Володьки Отласа, когда он эту самую службу только еще осваивал, входя в доверие своему начальству?

Оказывается, если судить по его контактам с теми или иными лицами, то судьба довольно часто сводила его со многими великими землепроходцами земли Русской. В принципе, вот этот список имен:

М.Белов: *«Отважные люди пускались в открытое море на судах-кочах, оснащенных компасом и лотом, храбро боролись с ледяной стихией и, как правило, выходили победителями из этой трудной и опасной борьбы. Документы сохранили нам имена мореходов-казаков: Федор Чюкичев шесть раз плавал между Леной, Индигиркой, Алазеей и Колымой; Иван Родионов Ерастов совершил пять морских походов; Василий Бурлак шесть раз плавал на Индигирку, Колыму, Омолон и другие реки; Андрей Горелый являлся участником пяти походов на Индигирку; Кузьма Лошаков дважды ходил на Яну и Индигирку; Иван Ребров, открывший Индигирку, затем пять раз плавал по морю на Оленек и Колыму; Тимофей Булдаков совершал походы на Колыму и обратно; Третьяк Алексеев неоднократно ходил на Колыму. Выдающимися мореходами были: Герасим Цыпандин, Лазарь Аргунов, Второй Гаврилов, Второй Катаев, Константин Дунай, Михаил Стадухин, Юрий Селиверстов, Курбат Иванов, Дружина Чистяков, Григорий Горбун, Родион Кобелев, Иван Курбатов, Григорий Татаринов, Иван Перфирьев, Иван Рубец, Иван Хворый, Семен Сорокоумов, Михаил Шадра и многие другие».*

А вот и подробности: *«В 1949 г. в Москве в РГАДА Н. С. Орлова, работая над составлением сборника документов “Открытие русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на Северо-Востоке Азии”, неожиданно обнаружила отписку* ***сына боярского Андрея Булыгина*** (не вспоминается промышленный человек Денис Булыгин, пытавшийся вывезти соболей и наказанный за то батогами? — *С.В.*), *приказного Охотского острога, которая была им отправлена в Якутск 8 марта 1655 г. В ней рассказывалось, как во время различных небольших походов из Охотского острога удалось добыть немало соболей — “6 сороков 24 соболя”, т. е. 264 соболя, да еще одну необыкновенную “лисицу черно-бурную, вешнюю (весенней окраски)”. Повез эту значительную добычу (“казну”) отряд из трех казачьих десятников. И в списке сопровождавших их рядовых был упомянут... “Волотька Отлас”!»* (Б. Полевой).

1655 (163) г. не ранее марта 8 — ранее июня 19. — **Отписка сына боярского Андрея Булыгина в Якутскую приказную избу о походе по рекам побережья Охотского моря, с участием Владимира Атласова.**

Государя, царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии стольнику и воеводе Михаилу Семеновичю да диаку Федору Васильевичю сынчишко боярской Ондрюшка Булыгин челом бьет.

В прошлом во 161-м году по государеву указу и по вашей наказной памяти послан я, Ондрюшка, з государевыми служилыми людьми на государеву дальную службу на Ламу на Большее море акиян, на Улью, и на Охоту, и на Нию, и на Мотыхлей реки для государева, царева и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии ясачново и поминочново соболиного збору и для прииску и приводу под государеву царскую высокую руку неясачных немирных иноземцов, тынгусов.

И в прошлом во 162-м году за Ламской волок с служилыми людьми и з государевою казною на Улкан реку дал бог здорово перешли, и на Улкане для государевы службы морского ходу кочи зделали, и с великою нужею чють живы на море выплыли, и морем шли до Ульи реки 3 недели. И на Улье заехал яз, Ондрюшка, тех… ных Семена Епишева да Бориса Оноховского с служилыми людьми…

И я, Ондрюшка, на Улье принял у Бориса Оноховского государевы казны хлебных запасов и подарошных товаров, и пищалей, и куяков, и зелья, и аманатов, 2 пуда с четью муки ржаной, 9 пищалей, 34 куяка, 2 пансыря ветхие, 4 наручни битые, 8 гривенок железа, 10 фунтов пороху, 5 фунт свинцу, 2 пуда 3 гривенки меди зеленые, да 7 человеков аманатов: 2 человеки Нюнюгирского роду имянем Бундуга да Мундуга, да Люлюгирского роду имянем Кангут, Кугтугирского роду Илдега, Чагчагирского роду Капнага, Шелонского роду Лека, да книги 7-ми годов. И принял я, Ондрюшка, у него, Бариса, государеву казну и амантов и с Ульи реки пошел с служилыми людьми морем, и

со мною пошел пятидесятник Борис Оноховской с служилыми людьми 34 человеки. И как я буду с служилыми людьми на усть Урака реки, и меня, Ондрюшку, с служилыми людьми морем розбило, и государево жалованье хлебные запасы и свинцы, и порохи — казачьи оклады все притонуло, и сами одва не погибли… И взяв амана́та, и с Урака реки шел я, Ондрюшка, с служилыми людьми морем до усть Охоты реки шел судки, июня в 25 день на Охоту вошли и станы поставили…

И после того я, Ондрюшка, с служилыми людьми и з Борисовыми полчаны на Охоте реке острог поставили мерою в длину 20 сажен, а поперег 10 сажен.

Да в нынешнем же во 163-м году генваря в 10 день по государеву указу с Охоты реки из ясачного острожку ходил я, Ондрюшка, на государеву службу [с] служилыми людьми зимным путем на нартах на новые сторонные реки на неясачных людей на Улбей и на Нию, где бы государю прибыль учинить. Да со мною ж, Ондрюшкою, ходил пятидесятник Борис Оноховской своими полчаны…

А послал я, Ондрюшка, к вам в Якутцкой острог государевы казны ясачново збору 6 сороков 24 соболи да лисицы чернобурую вешную, да лисицу сиводущатую, да напольник соболей, а в нем 5 пластин, что собрано в нынешнем во 163-м году. И тому государеву ясачному збору книги за моею, Андрюшкиною, и целовальника Данилка Толмачева за руками. А с которого что роду взято государева ясаку, и то писано в ясачных книгах…

Да служилой человек Васька Филиппов помер своею смертью, а борошнишку у него ничего не осталось, а пищаль он, Васька, отдал при себе служилому человеку Микитке Савельеву. Да служилой человек Лаврушка Хомяков помер, а пищаль ево взял в государеву казну, а иного ничево у нево не осталось.

Да взял я, Ондрюшка, на Улье у Бориса Оноховского государевых судовых старых варовых снастей и привозу прежных приказных для государевы службы морского ходу де 5 якорей, один якорь без лапы, потому что судовые снасти на Улкане, на шиверах, и на порогах пирвало…

Да на Охоте в новом ясачном острожке у государева анбара и у острожных ворот, и у аманатцкой казенки, и у ножных желез замков нет, а купить на государев обиход негде. И как будет перемена, и замков на государев обиход надобно с лишком. Да марта в 2 день

служилой человек Зинка Васильев бил челом государю, а мне, Ондрюшке, в отпуске в Якутцкой острог подал челобитную, и я тое челобитную послал под сею отпискою в Якутцкой острог. Да в нынешнем же во 163-м году февраля в 26 день в Охотцком острожке служилые люди моего, Андрюшкина, полку били челом государю, а в судной избе мне, Ондрюшке, подали об своих нужах 2 челобитные за их руками. Да служилой человек Онтонко Андреев подал мне явочную челобитную на пятидесятника на Бориса Оноховского, и я, Ондрюшка, у них, служилых людей, те челобитные и явку принял и, приняв, послал подсею отпискою к вам в Якутцкой острог. Да служилые ж люди моего, Андрюшкина, полку били челом государю, а мне, Ондрюшке, подали челобитную, чтоб их государь пожаловал, велел им дать свой государев парус для нужи в роздачю врознь на рубашки. И я, Ондрюшка, против их челобитья для их бедности в их оклады парус врознь роздал, и в том у них, служилых людей, холсту имал отписи. И тое челобитную и отписи послал к вам в Якутцкой острог. Да в нынешнем же во 163-м году служилые люди моего, Андрюшкина, полку десятники Тимошка Ливенец да Микитка Прокопьев, да Баженко Федоров с товарыщи, которы посланы за государевою соболиною казною в судной избе били челом государю, а мне, Ондрюшке, подали челобитную о судовых старых снастех и об якорех. И я у них тое челобитную, приняв, послал под сею отпискою в Якутцкой острог.

Да в нынешнем же во 163-м году на государеве службе вверх по Охоте и на Ураке, и на Ульбе, и на Ине реках вновь аманатов изымал и под государеву царскую высокую руку по их вере к шерте их привели, чтоб они впредь государю были покорны в вечном холопстве.

Да в нынешнем же во 163-м году марта в 8 день отпустил из Охотцкого острогу к вам, в Якутцкой острог, государеву ясачную казну 6 сороков 24 соболя в косках с хвосты, да лисицу чернобурую вешную, да лисицу сиводущатую, да польник соболей, а в нем 5 пластин. А за тою государевою соболиною казною послал я, Ондрюшка, служилых людей десятников Тимошку Кирилова Ливинца, да Микитку Прокопьева, да Важенка Федорова, да рядовых с ними служилых людей 13 человек Онтонко Андреев, Софонко Симанов, Матюшка Прошутин, Гришка Иванов,

Омелька Мартемьянов, Исачко Вахромеев, Ивашко Черкас, Кирилко Филов, Володька Отлас, Силка Михайлов, Ивашко Кондратьев, Куземка Констянтинов, Семейка Шехирев. Да марта в 1 день бил челом государю, а мне, Ондрюшке, в судной избе подал челобитную служилой человек Афонька Курбатов, что он, Афонька, на государеве службе на иноземском приступе ранен, чють жив был. А в челобитной ево написано, чтоб ево государь пожаловал, велел ему государевою службою поменятца, за государевою соболиною казною в его место итить служилому человеку Баженку Федорову. И я, Ондрюшка, для ево смертных ран в его место послал в Якутцкой ево, Баженка, за государевою казною. <…>

ф. Якутская приказная изба, ст. № 2430 (256), лл. 45-55.

* * *

А ведь речь идет о знаменитом Охотском остроге.

Получается, что Владимир Отлас был в числе тех русских казаков, кто дал этому острогу вторую жизнь.

О том, что в 1639 году отряд томских казаков достиг берегов неведомого моря, названного сначала Ламским, потому что на языке тунгусов, проживающих в здешних местах слово «лама» и значило «море», в Якутске — столице нового огромного, не ведающего еще собственных границ воеводства, узнали в июле 1641 года от десятника Ивана Юрьевича Москвитина, посланного томским атаманом Дмитрием Копыловым, о котором у нас впереди большой рассказ, на поиски новых земель (а главное — на поиски неизвестной серебряной горы) «встречь солнцу». В августе этого же 1639 года по реке Улья землепроходцы сплавились на речных судах к берегам Великого Тихого океана. Москвитинцы серебряной горы не нашли, но в поисках ее и сбора ясака — пушнины — с местного населения они обследовали огромную территорию западного побережья моря, которое позже назовут Охотским, на протяжении 1300 километров от Удской губы на севере до Амурского лимана на юге.

Затем, уже по Амуру, на тихоокеанское побережье вышел отряд письменного головы Василия Пояркова и, оставив в построенном москвитинцами зимовье на реке Улье небольшой гарнизон из восемнадцати человек для сбора ясака, затем также проследовал проторенной дорогой москвитинцев в Якутск.

Строил Охотский острог (первоначально в 1647 году зимовье, а в 1649 году «косой острог») казачий десятник Семен Андреевич Шелковников, направленный воеводой Василием Пушкиным приказным человеком в земли тунгусов для сбора ясака и создания крупного военного укрепления — острога.

Его отряд состоял из сорока человек. В устье реки Ульи Шелковников принял командование и над служилыми из отряда Пояркова.

Они еще не знали, какая грозная сила противостояла им.

И они еще не успели разбудить эту силу, дремлющую в тундровых и таежных просторах на оленьих пастбищах и на речных рыбалках.

Пока еще русские казаки и пришедшие вместе с ними промышленные люди своим «огненным боем» только лишь напугали — устрашили — местных жителей, заставив их платить дань.

Но вскоре последовала и ответная реакция — и в течение многих последующих десятилетий шел долгий и кровавый спор о том, кто сильнее в этом таежном мире.

И с этой еще дремлющей силой русские из отряда Шелковникова столкнулись в устье реки Охоты, куда они пришли на морских кочах, построенных на Улье, где и намеревались поставить острог: по сообщению одного из спутников Шелковника Ивана Афанасьева в устье Охоты их ждал большой отряд ламутов (еще одно название тунгусов, жителей побережья Ламского моря) – «было за 1000 и больше», и они «…учинили драться…» и «…в реку не пущали…» «и за большим боем Охоту взяли… и на том бою мужиков тунгусов побили, а иных испереранили…», но и ламуты «испереранили» русских. Пробившись в устье Охоты, они «покаместа можно было идти судами, шли от устья версты с три, и зимовье поставили».

Здесь отряд разделился.

В июне 1648 года Шелковников направляет из Охотска «морем на Иню реку и за Иню реку проведать, где бы… государю прибыль учинить» отдельный отряд в 24 человека во главе с Кириллом (Ермилом) Васильевым и Алексеем Глубоким (Филипповым). Отряд казаков морем прошел до реки Мотыклейки, составив подробнейшее описание побережья, «Роспись пути от реки Охоты до Мотыклея» — первую лоцию Охотского побережья. Обратно они возвратились в Охотск только через три года, основав новое зимовье в устье реки Тауй и взяв ясак с местных жителей.

В этом же 1648 году неожиданно, возможно, от многочисленных ран, нанесенными костяными наконечниками тунгусских стрел, умер Семен Шелковников. За старшего остался Иван Афанасьев. Гарнизон острога составлял 31 человек.

Ламуты на время отступили. Известно, что при Шелковникове удалось с боем собрать в ясак 857 соболиных шкурок. Но после его смерти все переменилось — основные боевые действия тунгусов начались с 1649 года из-за смерти «князца Ковыри», убитого «из пищали до смерти промышленным человеком Федулкой Абакумовым». У убитого князя было двенадцать сыновей… И каждый хотел мстить…

В 1649 году охотские казаки «круг зимовья поставили косой острог», т. е. окружили его частоколом из заостренных и наклоненных в сторону противника бревен. С этого времени поселение стало официально именоваться Косой острожек. И три последующих года охотские казаки провели в постоянной осаде.

В 1652 году на смену охотским «годовальщикам» пришел новый отряд из Якутска в составе 35 человек, который возглавлял десятник Семен Иванов сын Епишев — тверич, сын боярский, сосланный в Якутск в 1647 году вместе с женой и отцом Ивашкой.

И вот что он увидел: «Июня в 3 день пришли морем на устье Охоты реки, и в те поры на устье иноземцев тунгусов многих родов было тысяча и больше, и встречали нас збройны и оружны, с луки и с копья, в доспехах и в шишаках в железных и костяных, и в Охоту пустить не хотели, хотели побить…»

«Божею милостию и государевым счастием, я, Сенка, пришед на Охоту, служилых людей от тех иноземцев выручил и застал только чуть живых двадцать человек…»

Выводов из случившего он не сделал, а продолжил политику устрашения местного населения: «Ходил я Сенка из острожку с служилыми людьми в поход вверх по Охоте на неясачных иноземцев… И как был я Сенка с служивыми людьми у них в улусах, их вышло к нам много збройны и оружны и учали с нами дратца, бились с нами многое время, и Божие милостию на том бою убили мы у них семь человек до смерти, а сами в острог отошли здоровы, а на том бою со мною было двадцать девять человек, а иноземцов было много…»

Награбленного добра было столь много, что казаки перессорились между собой: *«Приказчик Охотского острожка Сенка Епишев в 1652 году отправил жалобу Якутскому воеводе на многочисленные бесчинства своих подчиненных. В частности, он писал: «И в нынешнем же в 160 году (1652 год), сентября в 9 день, в ясачном зимовье сказал толмач Ивашко Уренинов заговорщиком своим Андрюшке Терентиеву, Офонке Курбатову, Ивашку Суре, Офоньке Кучину с товарыщи: будто он слышал от ясачного Тунгуса, что де на Лене служивые люди многие побились промежь собою* (намек на казачий бунт 1647 года и грабеж бунтовщиками купца Колупаева. — *С.В.*)*, а мне того дела он Ивашко не сказал, и они, служивые люди, такое дело слыша, что на Лене так делалось, и здесь на Охоте служивые за такие вести дурные слыша дуровать стали, и государева указу ни в чем не слушают, меня Сенку и в воду посадить хотели, и что захотят собою, то и делают, и ныне в таких их делах в их служивых людей в дурности государева служба стала и деле государевых делать не мочно…»*

«…служилые люди Охотского острога отказались повиноваться приказчику С. Епишеву и хотели посадить его в воду, но при этом ссорились и дрались между собой из-за дележа добычи» (А. Зуев).

Прежней команды уже не было. Этим и воспользовались разъяренные казачьими набегами тунгусы. Весной 1652 года, когда казаки мелкими отрядами отправились собирать ясак и грабить окрестности, острог был осажден. Казаки, сидевшие в остроге при пушной казне и аманатах, вынуждены были бежать на Улью. А Косой острог тунгусы предали огню.

Многие историки почему-то пишут о том, что Андрей Булыгин, с которым пришел Владимир Отлас, принял на Улье «государеву казну» у Семена Епишева. Но, судя по вышеприведенным документам, Епишев, бывший охотский приказчик, «самовольно бежав» (определение якутских казаков) из Охотска на Улью, спасаясь от восставших тунгусов, уже к этому времени сдал все дела тобольскому пятидесятнику Борису Оноховскому, прибывшему ему на смену из Якутска.

Новый приказчик — тобольский пятидесятник Борис Оноховский появился в Якутске в 1647 году, приведя на смену тобольским «годовальщикам», прибывшим вместе с воеводой Петром Головиным, новый отряд из 50 человек. В 1650 году его назначили приказчиком на реку Яну, где он принял Юкагирское (Устьянское) зимовье у Кузьмы Лошакова, с которым в дальнейшем также сведет судьба Владимира Отласа.

Но служба в Якутском воеводстве была Онохоскому не по нраву:

Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии бьют челом холопи твои служилые люди Якусково острогу пятидесятник Бориско Оноховской и рядовыя, который на твоей государеве службе на Яне, в Юкагирском зимовье: Фочка Самсонов, Онашка Максимов, Пятунька Алексеев, Заметинка Сергиев, Федька Родионов, Васька Козмин, Назговорко Моисеев, Афонька Дорофеев, Нехорошко Перфирьев, Федотко Прокофьев, Кондрашко Родионов, Гришка Кисель да юкагирской толмач Савка Иванов. В прошлом, государь, во 158 году посланы мы, холопи твои, на твою государеву службу на Яну реку, в Юкагирское зимовье морем в коче; и выбежали на море и забежали в лед и тем льдом загнало нас в Омолоеву губу. И мы по губе бежали и взяла тишина боковая. И мы стояли на отстое и якорь переломился, и понесло к берегу и принесло к высокому стоячему льду и тут нас розбило: судно разломало, аманатской запас и сети, и парус, и снасти, и шейма — то все потонуло. А сами мы на лед попали с великой нужей; и после искали возле лед паруса и снастей, и шеймы накрепко и натти не могли; лишь только нашли муки по два пуда на человека, а рожь, та вся погибла, да и пищали и пищальный запасы потонули, и наши запасы и рыболовныя заводы сети и мережишко всякой завод, то все потонуло. И пошли к ясашному зимовью, а зимовья взять не знать где: да только бы, государь, юкагирские люди, Гобзо да Омолой, с улусными своими людьми не наехали и к ясашному зимовью бы не вывезли, и мы бы, холопи твои, все погибли. А топере, государь, у нас, холопей твоих, нет хлебных запасов и рыболовных заводов, сети и мереж езовых, самим ести нечево и твоих государевых аманатов кормить нечем же, ни судна нет, к морю для корму плавать не в чем. И пищалей, а пищальных запасов нет же… И мы, холопи твои, обнищали и одолжали великими долги. Милосердный государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Русии, пожалуй нас, холопей своих, вели, государь, переменить с Яны реки в Якутской острог или твоего государева хлебного жалованья и пищальных запасов к нам, холопем твоим, прислать для нашей нужи и бедности, чтобы нам, холопем твоим, голодной смертью не помереть и твоих государевых аманатов не потерять. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

Царь, по всей видимости, смилостивился и, спустя несколько лет, отряд тобольских «годовальщиков» пятидесятника Бориса Оноховского, состоящий из 35 человек, прибыл на Охотское побережье, чтобы принять Охотский острог, но тобольчане почему-то не решились с имеющимися у них силами (включая казаков Епишева, в стане которого, по-видимому, по-прежнему происходила постоянная свара из-за азартных игр «в зернь», на кону которых было все награбленное у ламутов добро) идти на пепелище и возрождать Охотский острог, а отсиживались на Улье, в ожидании подмоги.

Только в 1655 году сын боярский Андрей Булыгин, новый приказчик Охотского острога, в команду которого входил и Владимир Тимофеев Отлас, «с полчанами Оноховского», отправился на реку Охоту, чтобы подавить сопротивление ламутов и восстановить Косой острожек.

Обратим внимание на то, что в материалах Якутской приказной избы обнаружены были челобитные «казачьих пятидесятников Селивана Харитонова, **Устина Панфилова** и служилых людей полка сына боярского Андрея Булыгина о службе их на Ламе, Улье, Охоте и других реках, о походах на неясачных тунгусов, о недостатке пороха и хлебных запасов, о претерпеваемых ими лишениях, об освобождении их от платы судных пошлин, об освобождении их от «дальней заочной кровавой службы».

Устин Панфилов — это тот самый будущий пятидесятник, с которым Отлас «*посылались "наскоро"* со *«счетными списками и отписками и изветными делами»* в Москву в 1668 году.

* * *

О сыне боярском Андрее Булыгине известно немного. Вероятно, он пришел в Якутск в числе тобольских «годовальщиков» уже в чине сына боярского. Возможно, существовала и служило-торгово-промышленная корпорация Булыгиных.

Вот, например, что нам известно из архивных материалов: «Березовской казак Пашко Кокоулин в прошлом во 155-м [1647] году из Якутцково острогу збежал на море а в его Пашково место велено быть в том же во 155-м [1647] году ссыльного Офонки Булыги сыну ево Васке Булыгину». Вполне возможно, что Андрей — старший сын Афанасия, потому что в 1667 году в Якутске значится еще

один сын боярский Булыги — Ефим Афанасьев сын, бывший приказчиком либо в Верхнем Майском, либо в Чаринском зимовьях.

Афанасий (Офонка) Анисимов сын Булыга мог быть родственником дьяка Ивана Булыгина, который служил в Тобольске при воеводе князе Иване Семеновиче Куракине в 1620 году. А мог, как, например, Епишев, быть из ссыльных детей боярских, тверских, московских или новгородских — в Якутск ссылали со всей Руси…

Грамотные ссыльные были в Якутске в чести — и нередко были верстаны в чины детей боярских. Других же Булыгиных мы пока в Якутске не отслеживаем.

Но все-таки это пока только предположения.

А вот что нам известно точно:

«В 1653 г. за неуплату ясака, в целях устрашения охотских тунгусов, сборщик ясака Андрей Булыгин приказал повесить аманата Муеллагирского рода Канюга. За отказ платить ясак аналогичным образом русские сборщики ясака поступали и с другими аманатами тунгусских родов. “И за то Макагирского роду аманат повешен, чтобы впредь иным аманатам в государевом ясаке отказывать было неповадно”».

Что касается Охотского острога: «Восстановлен он был на прежнем месте летом 1654 г. …Были поставлены “государев анбар, аманацкая казенка, судная изба и жилища для казаков”. Строения были обнесены стоячим частоколом. Новый острог имел вид четырехугольника, был “мерою в длину 20 сажен, а поперек 10 сажен” (всего по периметру 60 сажень). С этого времени он стал именоваться Охотским».

Михаил Иванович Белов дает этому событию самую высокую оценку: «Ему удалось построить постоянное русское поселение на Охотском побережье — Охотский острог, которое продолжало существовать позднее. Тем самым серьезным образом были укреплены позиции Русского государства в этой части Тихого океана. Вместе со своими товарищами Атласов (Отлас. — *С.В.*) *принял непосредственное участие в создании Охотска, сыгравшего столь значительную роль в последующей истории географических открытий и развития русского мореплавания на Тихом океане».*

А вот некоторые подробности: *«В Якутск Булыгин отправил после этих походов 6 сороков 24 соболя, т. е. 264 шкурки.*

Впрочем, несмотря на удачи в крупных сражениях, спокойной жизнь в Охотском остроге назвать было бы сложно. В отписках в Якутск Булыгин сообщал, что “осенью, на рыбной ловле, одного служилого человека Афонку Михайлова Суслу иноземцы убили до смерти и пищаль его… взяли”. Многие помирали от ран, полученных в сражениях».

Андрей Булыгин впоследствии служил в Заполярье: в 1658/1659 гг. по приказу якутского воеводы Лодыженского служилые Андрей Булыгин и Ларион Лама встречают в Жиганске «рыбий зуб», доставленный из Анадырского острога товарищами Семена Дежнева Василием Бугром, Анисимом Костромитиным, Никитой Семеновым, вместе с которыми и отправится в Москву в первую свою столичную поездку Владимир Отлас. Возможно, Булыгин и прикомандировал первоначально Отласа к группе, сопровождающих «рыбий зуб» из Жиганска в Якутск.

В 1663 году в период якутского правления стольника Ивана Федоровича Большого Голенищева-Кутузова сын боярский Андрей Булыгин будет назначен официальным приказчиком на Индигирку.

В 1665 году юкагиры Зашиверской ясачной волости послали в Якутск челобитную на сына боярского Андрея Булыгина:

«Он же Андрей всякими обидами их обидит и приметывает-ца своими бездельными приметы и побрал у них юкагирей всякие последние животишка и олени и ясаку-де им промышлять не на чем и жить-де им стало не можно».

В РГАДА хранится «Дело о злоупотреблениях бывшего приказчика Подшиверского зимовья сына боярского Андрея Булыгина о притеснении местного населения, хищении ясачной соболиной казны и вымогательстве соболей у юкагиров (одулов)» за 7174 (1665–1666) год.

Юкагиры и эвены отказываются платить ясак, а в 1668 году совершают нападение на Зашиверский острог, в котором на смену Андрею Булыгину пришел сын боярский **Кузьма Лошаков** (да-да, еще один из командиров конвойной команды по доставке пушнины в Москву, в которой был и Отлас).

В отписке от 1668 года Кузьмы Лошакова рассказывается:

«И того жъ 174 года, апреля въ 17 день, Зашиверскеого острожку ясачные люди Ламутки и Юкагири, Чанжа съ родом своим, великим государемъ изменили, пришли оплошнымъ деломъ в острожекъ и хотели острожекъ взять, а служилыхъ людей всехъ побить, и аманатов взять и вывести из острожку вонъ; и убили двухъ человекъ промышленных людей Стенку Щукина съ

женою, старым индигирским толмачемъ Бурчикомъ, да Федосейка Кюдрю да промышленнаго человека Оверки Мартемьянова ясыря его с дочерью, и служилых и промышленных людей многих переранили и отошли прочь. Да в 175 году, сентября въ 5 день те же Ламутские мужики Юкагири, Чанжа съ родом своимъ пришли къ острожку приступом и приступали накрепко; и мы Коземка съ товарищи, божиею милостью и государскимъ счастиемъ во острожке отсиделись».

Далее Козьма пишет: *«И в прошлом же во 175 году, февраля въ 16 ден, скопяся те же ламутские мужики изменники, собравъ себе воровское великое собранье, приступали ночью к острожку, и учали острожные стены, и ясачное зимовье, и острожные ворота рубить топорами, а иные люди приставили лестницы къ стенам через амбары: и мы Козёмка съ служилыми и промышленными людми бой съ ними поставили, и Божией милостию, и великих государей счастиемъ, убили у нихъ воров ламутских мужиков лутчихъ людей трёх человек».*

Боярский сын Андрей Булыгин умер в 1673 году – его дворовое место в Якутске было передано казакам Савину и Феоктистову (то есть, надо полагать), что наследников у Булыгина к тому времени в Якутске не было.

* * *

Тобольский пятидесятник Борис Оноховский впоследствии, как и многие его земляки, возвращается с «годовалой» службы назад в Тобольск, и мы видим его имя в казачьих списках за 1661 год. В начале 17-го столетия в Тобольске несут службу пешие казаки Иван да Микишка Оноховские, возможно, это уже внуки.

А вот судьба ссыльного тверича, бывшего до ссылки сыном боярским, Семена Ивановича Епишева, который не только впоследствии восстановил в Якутске свой былой статус, но даже стал первым городничим Якутска, заслуживает особого внимания.

Как-то очень уж мимолетно историки Б.П. Полевой и Г.А. Леонтьева коснулись в своих работах истории, благодаря которой стало известно действительное отчество Владимира Отласа.

Напомню рассказ Б.П. Полевого: *«Просматривая судебные дела Якутской приказной избы за 1684 г., мне посчастливилось обнаружить еще одну важную для нас неизвестную "исковую челобитную" Владимира Атласова. Вот ее краткая история.*

Весной 1684 г. Владимир Атласов вернулся в Якутск из далекого Удского острога. Разбирая бумаги своего отца, Атласов нашел среди них записку якутского казака Максима Даниловича Мухоплева, которая гласила: "Государю моему приятелю Володимиру Тимофеевичю Максимка Данилов челом бьет. Буть ты де хорош, Володимер Тимофеевич на многие лета. Да заложил я твое ожерелье у Федора Чернеговского во шти рублев десяти алтынех и ты в том выкупи…".

Владимир Атласов в это время остро нуждался в деньгах и решил, что по этой записке он сможет вытребовать долг с Максима Мухоплева.

20 июня 1684 г. Атласов подал "исковую челобитную" в Якутскую приказную избу, в которой писал: "…бьет челом холоп ваш, казак Волотька Отласов. В прошлых, государь, годех положил отец мой покойной Володимир Тимофеев на збереженье ожерелия низоное казаку Максиму Данилову и тот Максим заложил то ожерелья мимо отца моего во шти рублех в десяти алтын казаку Федору Черниговскому, и отец мой, покойной Володимир, то ожерелья выкупил своими деньгами мимо его Максима, а ныне он, Максим, тех денег мне, холопу вашему, не платит неведомо за что".

Около документа сделана пометка: "Ответчик казак Максимка Мухоплев, выслушав исковый челобитной исца казака Волотьки Отласова отвечал, а в ответе своем сказал: отец де ево, Володимер Отлас, ожерелье низаное во шти рублех в десять алтынех ему, Максимку, заложил в Енисейску и тому де готов с восмь, а не на збереженье, безденежно, а велел де мне то ожерелье заложить в тех же деньгах на Илиме казаку Федору Черниговскому".

Очевидно, что после этой находки уже никто не сможет взять под сомнение то, что якутский казак Владимир Тимофеевич Отлас был отцом "Камчатского Ермака" — Владимира Владимировича Атласова».

Отец илимского казака Федора Черниговского — знаменитый атаман воровских казаков Албазинского острога, обвиненный вместе со своими детьми — Федором, Васькой и Анисимом — в убийстве илимского воеводы Лаврентия Обухова, приговоренный к смертной казни и прощенный царем Алексеем Михайловичем, первый официальный приказчик будущего героического Албазинского острога Никифор Романович Черниговский, мо-

жет быть, и не вошел бы в историю Сибири, если бы судьба, к его собственному несчастью и несчастью его детей, не свела его людей с Семеном Епишевым, которому они доверились:

«Да он же, воевода Лаврентей Обухов, велел нам, сиротам, выймовать из вашей великих государей казны хлеб. А имал на нас кабалы к себе, и тот наш долг по кабалам имал он, Лаврентей, к себе, а не в вашу великих государей казну. И мы, сироты ваши, от того обнищали и одолжали великими неоткупными долги. Да мы же, сироты ваши, пашенные крестьяне, били челом вам, великим государем, а ему, Лаврентью Обухову, подавали челобитные по многое время о ссуде из вашей великих государей казны хлеба на семяна, ржы. И он, Лаврентей Обухов, велел имать в вашу великих государей казну в хлебе кабалы, а хлеба нам, сиротам, на посев не давал. И по тем кабалам он, Лаврентей Обухов, имал с нас, сирот ваших, хлеб себе. И оттого у нас, сирот ваших, не почал на полях хлеб родитьца, потому что у нас, сирот ваших, сев был не вовремя, сеяли исподнза. Новой хлеб у нас на Лене приходит в ядро на Семен день [1 сентября]. И от того ево, Лаврентья Обухова, насильства и изгони мы, сироты ваши, обнищали и одолжали великими неоткупными долги и з домами своими, з женами и з детьми, разорились. А в прошлых же, великие государи, годех мы, холопи ваши и сироты, били челом вам, великим государем, и челобитные подавали на Чичюйском волоку приказному сыну боярскому Федору Пущину. А в челобитье нашем написано, чтоб вы, великие государи, нас, холопей и сирот ваших, пожаловали: велели те наши челобитные с Чичюйского волоку послать под отпискою в Якуцкой острог к стольнику и воеводе Ивану Федоровичю большому Голянищеву-Кутузову. А из Якуцкого острогу, чтоб великие государи пожаловали: велели те наши челобитные под отпискою послать к вам, великим государем, к Москве. И стольник и воевода Иван Федорович большой Голянищев-Кутузов те наши челобитные послал к вам, великим государем, к Москве с служилым человеком с Сенькою Епишевым. И он, воевода Лаврентей Обухов, в прошлом во 172 [1664] году ево, Сеньку Епишева, в Ылимском остроге задержал. И тот Сенька Епишев сведал те наши, холопей ваших и сирот, к вам, великим государем, челобитные, и ему, Лаврентью Обухову, отдал на выкуп. И те челобитные на себя он, Лаврентей Обухов, воровски у себя задержал и затаил, чтоб к вам, великим государем, от нас, холопей ваших и сирот, на него, Лаврентья Обухова, великим государем не дошли. И после того он, воевода Лаврентей Обухов, уведав на себя челобитные от нас, холопей ваших и сирот, к вам, великим государем, и он, Лаврентей Обухов, нас, холопей ваших и сирот, почал о том челобитье к вам, великим государем, что мы подавали челобитные, всякими приметы приметыватьца, и хотел нас жечь и пытать. И оттого он, Лаврентей Обухов, имал с нас, холопей ваших и сирот, большие посулы. А мы, холопи ваши и сироты, закладываючи жен своих и детей и последние свои статки, от него, Лаврентья Обухова, откупались, чтоб нас ни жег, ни пытал в том нашем на него челобитье. И в тех деньгах мы, холопи ваши и сироты, стояли многое время на смертном правеже. А окупить нам, холопем вашим и сиротам, тех долгов нечем. И он, Лаврентей Обухов, ис тех наших заемных долгов правил немилостивым смертным правежем, чтоб впредь от нас, холопей ваших и сирот, на него, Лаврентья, вам, великим государем, челобитья не было. А с правежу велел к ночи в турму [тюрьму] (…)»

Гадкая история. Но она имела свое логическое продолжение.

* * *

При расследовании злоупотреблений царского стольника якутского воеводы Ивана Федоровича Большого Голенищева-Кутузова, который был одним из организаторов мощнейшей в Сибири того времени торгово-промышленно-воеводской «мафии», почему, по всей видимости, его, как и некоторых других якутских воевод, постигла преждевременная смерть в Сибири, в делопроизводстве сыска оказалось огромное количество писем из частной переписки воеводы с различными лицами — как богатейшими купцами — представителями столичной «гостиной сотни», так и с местными приказными начальниками, которых команда Голенищева расставляла на важнейших стратегических узлах приобретения пушнины в ясачных волостях воеводства и поставки ее «в Русь».

Когда начали «сгущаться тучи» над воеводой от многочисленных жалоб, то и содержание писем стало более четко опре-

делять конкретную роль участников этого торгово-промышленно-воеводского сговора:

*«…письма носят более конкретно-деловой характер. Они то и раскрывают постоянные, широко раскинувшиеся экономические связи воеводы с Москвой, Енисейском, Соликамском, Илимском, различными зимовьями. Повсюду у Ивана Федоровича Голенищева-Кутузова находились близкие люди самого различного социального положения. Из Москвы постоянную дружеско-деловую переписку с ним поддерживал гость Остафий Иванович Филатьев. Гость был заинтересован в своих торговых делах в Якутии, поэтому он "искатель милости" воеводы и о его здоровье "и впредь слышати жаден". **В Москве Филатьев ссужал деньгами людей воеводы, приехавших за товарами, закупал эти товары по присланному** списку и одновременно создавал воеводе общественную репутацию: "А милость твоя, государя нашего, и великому государю верная служба окольничему Родиону Матвеевичу (Стрешневу, начальнику Сибирского приказа. — Авт.) и всем возвещена и ведома". Делалось все это, конечно, не даром. Филатьев в письмах аккуратно напоминал о необходимости не только помогать его приказчикам, но и субсидировать их.*

…Большое количество писем к Голенищеву-Кутузову поступало от его зависимых людей. Одни из них сидели приказчиками в зимовьях, другие вели торговые операции своего патрона. Все они — "скормленники", "рабы и искатели милости", существующие "жалованием и береженьем" воеводы, сообщают торговую конъюнктуру в разных городах, пишут о совершенных сделках, а порой и наушничают друг на друга. П. Григорьев с Чечуйского волока писал об отправке в Якутск 100 пудов муки "доброй", сообщал, что все распоряжения воеводы "о своем человеке" и о "промышленных" исполнены и, считая, повидимому, себя достаточно исполнительным слугой, просил оставить его на другой год в целовальниках. М. Парфентьев с Колымы просит также оставить его еще на год, приводя вполне обоснованную аргументацию, чтобы, "будучи у дела, должишка хозяйские выбрать".

*"Скормленник" воеводы, жиганский целовальник К.Я. Попов докладывал о различных делах, Л. Аргунов из Енисейска — о торговых операциях. **С. Епишев осенью 1664 г., сообщив, что у ряда лиц взяты какие-то «грамотки», торопился известить Голенищева о неприятностях — илимский воевода Л.А. Обухов проведал о челобитной в Сибирский приказ на Голенищева, будто бы "тобою все разорено стало". Епишев рекомендовал "связаться" с Обуховым и сыскивать заводчиков извета».***

Любопытна одна деталь: *«Покумившийся с семьей Голенищева выезжий немец А.А. Барнешлев сообщал в Якутск из Енисейска о посылке подарков жене воеводы и, как бы между прочим, о своем намерении обменять товары на меха. В заключение следовала все та же просьба — моему человеку "во всем способствуй… чтоб ему не истерять и во всем ево, Дмитрея, поберечь…"»* (впоследствии Барнешлев станет якутским воеводой, а Семенов Иванович Епишев в 1684 году — якутским городничим).

Но когда исход этого дела был практически решен, на покойного Голенищева-Кутузова «вешают уже всех собак»:

«…брат Голенищева, Лев, сообщил из Москвы: "…в бедах своих насилу жив, а беды все ведает и разоренье окольничево Родиона Матвеевича Стрешнева Семен Иванович Епишев, а называет те соболи твоими, восемь сороков, что мои взяты в Якуцком остроге, другой год морит, тем есть бы немилость боярина князь Ивана Алексеевича Воротынского… Перемена тебе — князь Иван Петрович Борятинской"».

А далее, как сообщают авторы книги «Власть и общество. Сибирь в 17 веке» (Александров В.А., Покровский Н.Н., Новосибирск, 1991 г.) история выглядела уже следующим образом: *«Получив это известие, воевода начал готовиться к сдаче дел. В письме к сыну Федору, по-видимому в Чечуйский острог, он приказал ему дожидаться Барятинского: "потому что на тебя хотят бита челом пашенные и ты сам с ним будешь говорить" и выбирать "хлеб мой по кабалам, что я с тобой послал".*

*Сомнения о "воровстве" воеводы, возникшие у начальника Сибирского приказа Р. М. Стрешнева, подтвердились. Прибывший в Якутск сыщик Ф. Охлопков сыскал, что, используя кабальные записи на гостиных приказчиков и многих торговых людей, Голенищев отправил в Центральную Россию гигантское количество лично ему принадлежавших мехов — **573 сорока соболей,** причем от операций с ясачными людьми им была получена только пятая их часть. Умер воевода в Якутске, все его колоссальное имущество было конфисковано. У вдовы на торговых и*

промышленных людей из разных городов и на сибирских служилых людей было взято 62 кабалы, по которым довелось бы получить более 3616 руб., два сорока соболей, 150 пудов ржи. Взыскание по ним казна проводила в свою пользу на протяжении более чем 20 лет».

Иван Федорович Голенищев-Кутузов служил в Якутске с 25 мая 1660 г. по 26 августа 1666 г.

Напомним, что при нем Отлас совершил поездку в Москву в 1661–1663 годах.

Кум Ивана Федоровича, Андрей Афанасьевич Барнешлев, служил воеводой с 22 августа 1675 г. по 11 апреля 1678 г.

При нем Отлас также посетил Москву в 1677–1678 годах.

* * *

В 1647 году ссыльные Семен и Ивашка (его отец) Епишевы поверстаны в пешие казаки, но уже в 1651 году рядовой казак Семен Иванов сын Епишев направлен приказчиком в Охотский острог. Конечно, такие случаи, когда рядовых казаков назначали приказчиками зимовий и даже острогов, случались в истории Сибири неоднократно — но, как правило, это были рядовые казаки с большим опытом службы в Сибири.

Кстати, сама история этого назначения была не простая, так как в делах Якутской приказной избы есть любопытные документы: «Челобитная служилых людей, посылаемых на службу на Улию и Охоту реки и их расспросные речи по поводу отказа их служить с пятидесятником казачьим Борисом Оноховским. Память (черновая) служилому человеку Семену Епишеву о назначении его на службу вместо Бориса Оноховского на Улию и Охоту реки».

То есть казаки ОТКАЗАЛИСЬ служить вместе с пятидесятником Борисом Оноховским.

И он пришел на смену Епишеву с другим отрядом — но и эти казаки не захотели идти с Оноховским восстанавливать Охотский острог.

Темная какая-то история…

А вот Семен Иванович Епишев в 1656 году уже является «хлебным приемщиком» и стоит на раздаче самого дефицитного в Якутии продукта — хлеба.

В 1662–1663 годах Семен Иванович Епишев служит приказчиком по Чечуйской волости — ведает сбором «десятинного хлеба» с крестьян. И заворачивает дела здесь круто, вот, например,

одно из них: «об избиении и вымогательстве хлеба у пашенного крестьянина Тимофея Алексеева чечуйским приказчиком Семеном Епишевым».

В 1668 году в отряде Родиона Кобелева, отправленного служить приказчиком Анадырского острога «для письма» был послан Василией Епишев. По всей видимости, сын (по крайней мере, у нас есть информация о наличии сына: «о недодаче служилому человеку Семену Епишеву жалованья его сына», а жалованье, как известно, получали тогда только служилые люди.

Причина карьерных успехов Семена Епишева проста — он был грамотным, что, как мы уже говорили, в условиях Якутского воеводства было большой редкостью. Отметим также, что таможенный целовальник Василий Епишев служил в Анадырском остроге в 1690 году — когда туда был отослан Владимир Владимирович Атласов, сын Отласа.

В 1672 году с толмачом Петром Беляевым (Беловым) Епишев собирает ясак на реке Алдан.

В 1681 году Семен Епишев служит в чине пятидесятника.

Это удивительно, потому что в 1668 году во время известного в истории Якутии противостояния якутских казаков и якутских детей боярских он почему-то находился в рядах «детей»:

«Боярскихъ дѣтей Ивана Ярастова и Ив. Жеглова казаки обвиняли въ растратѣ казенныхъ денегъ, а приказнаго человѣка на Чичюйскомъ волокѣ С. Епишева въ томь, что онъ у мельницы поставилъ висѣлицу и связалъ три петли, невѣдомо для чего. Онъ же забилъ до смерти батогами пашеннаго крестьянина, а когда инородцы подошли подъ Охотскій острожекъ, самовольно убѣжалъ оттуда, и острожекъ былъ сожженъ. Епишевъ признался, что на Чичюйскомъ волокѣ, по воеводскому наказу, онъ поставилъ для острастки даурскихъ бѣглецовъ висѣлицу, но петель не дѣлалъ. Пашеннаго же крестьянина батогами билъ онъ за воровство и крестьянинъ дѣйствительно умеръ, но не отъ побоевъ. Въ Охотскомъ острогѣ Епишевъ сидѣлъ въ осадѣ болѣе года и покинулъ его только тогда, когда сдѣлалось ясно, что помощи изъ Якутска ожидать нельзя. Епишевъ призналъ за собою только одну вину: въ 1654 году, въ Якутскѣ, на праздникъ Алексѣя Божія человѣка, высидѣлъ съ ведро вина и то вино выпилъ съ добрыми людьми».

Мы действительно находим информацию о «переводе десятника казачьего Семена Епишева за долголетнюю службу по разным рекам и на море, **за заслуги по освобождению из осады от неясачных якутов Охотского острога** на службу в Якутский острог пятидесятником». Это случилось при воеводе Иване Петровиче Барятинском в 7177 или 7179 (1669–1671). Позже, в 1673 году, он будет головой (старшим) у наряда городских пушкарей.

И опять что-то непонятное: в описи Якутской приказной избы мы находим «Дело по челобитной якутского служилого человека Семена Епишева (бывшего тверского сына боярского, сосланного на службу в Якутский острог в 7154 (1646) г.) о поверстании его в пятидесятники за службу», датированное 1678 годом.

То есть прежний чин пятидесятника ему не засчитали.

Такие случаи бывали — когда производство шло не по правилам: по воле воеводы, а не указу царя. И вероятно, в первом случае решение воеводы было отмененено.

В 1679–1680 году пятидесятник Семен Епишев собирает ясак с эвенков по Оленскому зимовью.

Но еще удивительнее (а может быть, справедливее) другое — в 1683 году пятидесятник Семен Епишев разжалован в рядовые казаки «за злоупотребления во время пребывания на Маймакане». Это случилось при воеводе И.В. Приклонском.

А в 1685 году при генерале О.М. Кровкове он назначен городничим Якутска (вот запись, датированная этим временем): «…о выдаче прибавочного жалованья городничему Сем. Епишеву за службу в нарядчиках в новом городе у церковного строения».

Но вернемся к делу о «детях боярских».

Вполне возможно, что все эти обвинения в адрес Епишева исходили лично от Герасима Ивановича Цыпандина – пятидесятника, знаменитого землепроходца и морехода, в ответ на которые Епишев выдвинул свое обвинение против Цыпандина. Убийственное. И ложное.

«…некий сын боярский Семен Епишев выдвинул против Герасима Цыпандина обвинение в том, что тот сам был соучастником погрома Ванюкова — Герасим-де тогда вместе с боярским сыном Кириллом Ванюковым “многих иноземцев пытая зажгли до смерти и Уянду — лучшаго человека, по их зову князца — повесили, для своих пожитков разорили многих иноземцев”. Обвинение, видимо, подкреплялось тем, что недавно, в середине 1660-х, Цыпандин был обвинен туземцами в том, что в Учурском зимовье (там платили ясак тунгусы-лалагиры) “чинил обиды и налоги” (лишние), по их челобитьям было произведено следствие и по его итогам по приговору Якутского воеводы в 1667 г. Цыпандин был бит кнутом».

Герасим Цыпандин мало чем отличался от своих сослуживцев. В книге «Власть и общество. Сибирь в XVII веке» В.А. Александрова и Н.Н. Покровского приводятся ошеломляющие цифры: «При сыске в Якутске тобольского дворянина Ф. Качанова в начале 1690-х гг. выяснилось, что сборщик И. Криженовский в воеводство М.О. Кровкова вывез из Удского зимовья только для себя 30 сороков соболей и 2 шубы собольих, а ясаку — всего лишь 5 сороков 13 соболей. При И.М. Гагарине пятидесятник И. Цыпандин вывез оттуда же для себя 24 сороков соболей, а ясаку – 5 сороков 21 соболь».

В Якутске служили два брата — Герасим и Андрей Ивановы, сыновья Цыпандины.

Герасим как ясачный сборщик впервые, по нашим данным, упоминается в 1654 году на службе в «Жиганском и Молодском зимовьях». В 1657–1659 гг. он служит приказчиком на Индигирке, в 1661–1663 гг. на Алазее, в 1677–1678 гг. и в 1682 г. — на Колыме, в 1686 году — в Зашиверском остроге на Индигирке.

В Удском остроге, то есть в южной части воеводства, служил Андрей Иванович, который впоследствии (1689–1690 гг.) будет приказчиком Анадырского острога, а при якутском воеводе князе Иване Михайловиче Гагарине (1690–1694 гг.) он вполне мог быть назначен приказчиком Удского острога, откуда и вывез 24 сороков соболей.

Но вот эта информация была ложной:

«Казачій пятидесятникъ Герасимъ Ципандинъ обвинялся въ томъ, что на р. Индигиркѣ онъ многихъ иноземцевъ пыталъ огнемъ, отчего тѣ умерли, а лучшаго человѣка, князьца Уянду повѣсилъ и разорилъ многихъ иноземцевъ. Братъ же этого Цыпандина Андрей перемѣнялъ соболей, оставляя себѣ лучшія шкуры».

Нет, Андрей Цыпандин, вероятно, как и большинство казаков, был действительно грешен в «перемене» соболей, отбирая себе лучших – и мы можем найти множество подобных «дел» в документах Якутской приказной избы…

Но в преступлении, которое приписывал Епишев Герасиму Ивановичу, тот виновен не был — наоборот…

«Однако в данном случае, вероятно, сын боярский Епишев просто сводил счеты с казаком Цыпандиным: тот когда-то обличил сына боярского Ванюкова, и, не имея возможности просто перевести стрелки (вина Ванюкова давно была выяснена), Епишев (или его информатор) по крайней мере решил приплести Цыпандина к вине Ванюкова. Доказать свою невиновность на месте Цыпандину было нечем. Данные "розыска" ушли в Москву на решение царя и в Москву пришли через три года, в 1672. Решение царя по ним неизвестно, но Цыпандин был приказчиком на Колыме в 1677–1678 гг., а на Индигирке — в 1686–1688 гг., так что если его и наказали, то не сильно, и на службе он остался. Его брата Андрея Цыпандина в том же розыске уличили, что при сборе ясака он сотоварищи "воровали — великаго государя соболи переменяли", лучшие забирали себе, а похуже отдавали в казну; Андрей был с соучастником пытан по распоряжению воеводы и с пытки они признались. Данные о нем вошли в розыск, отправленный в Москву; несомненно, его там признали виновным, но в 1686–1689 он был приказчиком Анадырского острога. Люди были нужны и наказывали их обычно так, чтобы не потерять в них служилых людей на будущее. Так что Герасима Цыпандина за то, что он заступился за янгинцев и обеспечил им справедливое возмещение в деле с Ванюковым (а формально — прямо за противоположное, т. е. за приписанное ему соучастие в этом деле), в крайнем случае выдрали кнутом».

А было на самом деле вот что:

«…зимой 1655/1656 г. тогдашний приказчик Уяндинского зимовья Кирилл Ванюков, собрав уже с Уянды (якутского князца. — *С.В.*) *ясак, послал на Уянду отряд служилых, торговых и промышленных людей под началом своего подручного Ивана Овчинникова — числом более сотни человек! — заявив, что те-де виновны в измене (подготовке нового восстания). Ванюков при этом был достаточно хитер, чтобы не пойти с Овчинниковым самому, а обвинения в измене формулировать в виде подозрений, подлежащих расследованию и наказанию при подтверждении. Овчинников его хорошо понял и "расследовал" так, что об этом вскорости написал жалобу на Ванюкова в Якутск соседний приказчик недавно построенного в краю*

шоромба Зашиверского зимовья, Герасим Цыпандин. Вступившись за янгинцев, он писал (правда, не сразу, а минимум на полгода с лишним позже): "В прошлом-де в 164 году зимою (зима 1655/1656 г.) сын боярский Кирило Ванюков, собрав на Индигирке реке из-за всех зимовий многих служилых и торговых и промышленных людей, для своей бездельной корысти сказал измену на ясачных индигирских юкагирей и послал на них служилых и торговых и промышленных людей, Ивашко Овчинникова с товарищи, больше ста человек, после государева ясачного збора, и велел погромить. И служилые и торговые и промышленные люди по ево Кирилову велению тех индигирских ясачных людей погромили — жен и детей, и оленей с триста на погроме взяли и иного всякого юкагирского живота погромили и от того погрому на Индигирке юкагиры обеднели". Трое янгинцев при этом были убиты, причем их пытали огнем, а самого Уянду повесили. Многие женщины и дети попали в ясырь. Как значилось в другом, более позднем следственно-обвинительном акте русских властей, "…многих иноземцев пытая зажгли до смерти и Уянду — лучшего человека, по их зову князца — повесили, для своих пожитков разорили многих иноземцев". Субплемя Уянды не ожидало нападения — оно только что выплатило ясак, — но даже если бы ожидало, ничего не могло бы сделать — Ванюков послал на него столько бойцов, сколько во всем субплемени не было всего населения. Возможно, набег Овчинникова затронул не только эту группу янгинцев. Часть награбленного Овчинников передал Ванюкову.

Так нашел смерть Уянда. Янгинцы разгромленной группы откочевали и рассеялись, естественно, и перестали платить ясак. В Якутске, получив обвинение в адрес Ванюкова от Цыпандина, начали расследование и потребовали от Ванюкова ответа. Кроме того, служилые разыскали отошедших янгинцев, те изложили дело и подали жалобы на Ванюкова, требуя вернуть им имущество, жен и детей. По этим жалобам тоже начали следствие. В ходе этого дела Ванюков струхнул и отписался, что погрома не предписывал, был недоволен, когда о нем узнал и-де выговаривал Ивашку с товарищами за это. Вскрылось, однако, и то, что часть награбленного Ивашком была передана Ванюкову. В 1657 Ванюков был смещен (и, видимо, наказан, хотя и остался на службе), зимовье перешло под контроль обличившего его Цыпандина».

* * *

Семен Епишев, как отмечено в одном из дел Якутской канцелярии, подозревался и в насильственном убийстве казака Тимофея Михайлова Булдакова.

Булдаковых в Якутске было большое семейство. Свою родословную они вели от тобольского клана Булдаковых, Тимошка Михайлов сын Булдаков Кузнец прибыл в Якутию в составе отряда Петра Головина. Служили тобольские Булдаковы и в Енисейске — в 1640 году енисейский казак Андрей Булдаков тоже служил в Якутске, а в 1661 году он был уже атаманом пеших казаков одной из сотен Тобольска. Его сын — Иван Андреевич Булдаков — атаман, как и отец, в чине сына боярского в 1693 году тоже был направлен служить в Якутский острог, но в действительности вместо него служил его брат, в то время неверстанный еще сын боярский Семен Шохтин. В Тобольске служил и сын боярский Семен Андреевич Булдаков.

А в Якутске, кроме Тимофея Михайловича, служил в десятниках Василий Булдаков — у них у обоих были сыновья Григории. В 1661 году в якутских казаках служил Михаил Булдаков.

В период с 1714 по 1718 год на Камчатке собирал ясак в районе реки Авачи Федор Булдаков.

В 1650–1652 гг. рядовой казак Тимофей Михайлов сын Булдаков Кузнец был приказчиком на Колыме, и его имя сегодня занесено в список знаменитых русских мореходов.

«Булдаков (Тимофей) — служилый человек Якутского округа, известен своими путешествиями по Ледовитому морю. В 1649 г. он был отправлен с отрядом, в качестве приказчика для сбора ясака на Колыму. Выйдя из Якутска осенью, он успел только дойти до Жиганска (теперь небольшой городок на левом берегу реки Лены, Якутской области), зимовал здесь и лишь 2 июня 1650 г. приплыл к Ленскому устью. Отсюда он хотел было тотчас же пуститься в море, но из-за льдов простоял на месте около 4 недель и только в половине июля достиг Омолаевой губы (река Омолай, впадает между Яной и Леной, несколько южнее Янского устья). Несколько дней он носился около этой губы из-за противных ветров и льдов и наконец, вместе с восемью кочами торговых и промышленных людей, которых он встретил около Омолаевой губы, после многих препятствий и страданий, достиг устья Яны. Затем ему удалось, плывя на восток в весьма недалеком расстоянии от берега, что вполне было возможно по мелководности коч, обогнуть Северный

мыс или Святой Нос (который едва ли не Булдаков первый и обошел) и войти в Хромую губу. Но в это время (август месяц) начались морозы: море на всем видимом пространстве покрылось льдом, кочи примерзли, и Булдаков решился уже со своими путниками, захватив провиант, идти сухим путем. Во время сборов поднялся сильный ветер с берега и разломал весь лед (1 сентября), который понесло в море, а с ним вместе и кочи. Несколько дней блуждал Булдаков на своих кочах, носимый ветром между ледяными массами, от которых не раз грозила опасность быть совершенно затертым; наконец ветер утих, полыньи покрылись льдом, и Булдаков, после исследования толщины льда казаком Андреем Погореловым собирался было по льду отправиться к берегу, как новая буря унесла их еще дальше в море. Через пять дней ветер утих, и путешественники по льду, истощенные до крайности голодом, холодом, трудами и цингою, добрались наконец до устья Индигирки, откуда, хотя уже с меньшим трудом, но с такою же нуждою, продолжали путь. Суда их все были истреблены льдом. В 1651 г., великим постом, из Уяндина Булдаков пошел на Колыму через горы, нартами, и шел таким образом до реки Алазейки (которая течет на расстоянии 500 верст по болотистой местности и впадает в Ледовитое море пятью устьями; глубока и богата рыбой) целый месяц, питаясь по дороге корой. С Алазейки до Колымы шел еще неделю и здесь зазимовал, получив государево жалованье от боярского сына Василия Власьева. Что затем было с Булдаковым, Миллер, сообщивший об этой экспедиции, ничего не говорит».

Служилый человек Тимофей Булдаков позже рассказывал: «Мы на нартах и на веревках друг друга переволачивали и с льдины на льдину перепихивали, и идучи по льду, корм и одежу дорогого метали, а лодок от кочей с собою не взяли, потому что, морем идучи, оцынжали, волочь не в мочь, на волю божию пустились; и от кочей шли по льду до земли девять дней, а вышед на землю, наделали нартишка и лыжишка». Наконец, «холодны и голодны, наги и босы», достигли Уяндинского зимовья.

Мы не знаем, что побудило Семена Епишева на убийство этого человека. Но подозрение пало именно на него…

* * *

17 декабря 1668 года десятник Семен Епишев приложил руку (что подтверждает его грамотность) к «допросным речам вме-

сто коряцкого малого Петрушки по его веленью». А в этих допросных речах корякский малой Петрушка

«в допросе сказал: коряцкого роду неясашного отца сын, а взял де его Ивашко Рубец на погроме с казаками на реке Камчатке, а как ево по-коряцки зовут, того сказал не помнит и пока де (по сее) время он не крещен, а назвал его Ивашко Рубец русским именем Петрушкою и потому де его и ныне тем именем называют, а скольких лет взят на погроме, того сказать не помнит».

Так впервые в истории географии Сибири появляется это имя — **Камчатка**…

* * *

Но вернемся к событиям на Охотском побережье.

Казачий десятник Семен Андреев сын Шелковник — фигура малоизвестная (среди тобольских казаков был его тезка — Семен Федоров сын Шелковников, казак станицы Якова Елизарьева, и можно было бы решить, что это одно и то же лицо, но в 1661 году Семейка Шелковник снова служит в Тобольске, — хотя вполне возможно, что они оба из одного тобольского рода-племени). Кто-то из этих двух Шелковниковых, как и многие другие служивые и торговые люди Ленского острога, при воеводе Головине сидел в тюрьме, о чем у нас будет разговор особый.

Вышел наш арестант на свободу уже при новом воеводе Василии Пушкине и был отправлен то ли ставить острог на реке Охоте, то ли в… Москву:

«Семейка Шелковник в прошлом во 154-м [1646] году отпущен з государевою с соболиною казною к Москве в провожатых».

Вот что писал о Семене Андреевиче Шелковнике А. Алексеев в своих многочисленных книгах об истории Охотска:

«Известно, что он с первыми казаками пришел на Лену и в 1641 г. был уже в Ленском остроге. Годом раньше целовальник Семен Шелковник получил в свое ведение соляную варницу на Усть-Куте. Принимал он ее от знаменитого впоследствии Ерофея Павловича Хабарова. Это поручение было весьма ответственным. Шелковник был деловой, предприимчивый и смелый казак, проживший тяжелую жизнь, полную скитаний и опасностей. И до сих пор в Якутске, наряду с многочисленными Хабаровыми, Поярковыми и другими потомками прославленных землепроходцев, можно встретить немало Шелковниковых».

В 1670-х годах в Якутске служили братья Ерофей и Яков Стефановичи Шелковниковы.

Но, возможно, это были уже не тобольские, а томские Шелковниковы. О томском Степане Шелковникове известно то, о чем сообщил его сын Григорий Степанович в 1680 году: «…отец родом устюжанин и в Томске служил в конной службе. Он бил челом великому государю на отцово место в конную службу при воеводе Иване Бутурлине. Оклад 7 рублев с четью, 2 пуда соли. Пашня».

У Ерофея в Якутске был сын Федор (1688), следовательно, он был «семейственным», то есть оседлым, казаком.

В 1723 году приказчиком Камчатки был назначен сын боярский Федор Иванович Шелковников, сын казака Ивана Шелковникова, который служил в первой пятидесятне Якутского казачьего полка (возможно, также сын Ерофея или его брата Якова). Федор Иванович знал Камчатку — служил здесь в 1712–1716 гг. У Федора был старший брат Василий Иванович (в 1706 году казак одиннадцатой пятидесятни), который был назначен приказчиком Камчатки, но «прошлого 706 года прикащик Василий Шелковников со служилыми людьми в Олюторе побиты». «В этом же году алюторы во главе с Левкой Танхамревым (Танхагиревым, Тахтай Гиревым) разгромили отряд Василия Шелковникова, посланного приказчиком на Камчатку. По одним сведениям, из 12 казаков были убиты 7, по другим, из 15 — 10. Погиб и сам Шелковников».

Еще один якутский казак Василий Шелковников служил на Камчатке при С.П. Крашенинникове, а в 1761 году был в Якутске в сотниках.

Так что Шелковниковы, действительно, не в малом числе служили в Якутске, на Камчатке и в Охотске.

Но начало военного конфликта с ламутами заложил все-таки не Семен Андреевич Шелковник.

Участник похода И. Москвитина Нехорошко Колобов, рассказывая в своих показаниях 8 января 1646 г. о столкновениях с охотскими тунгусами, пояснял их причины следующим образом:

«А те де тунгусы люди дикие, преж их русских людей нихто у них не бывали, и слухав у них про государевых руских людей не бывало же, и того не знают, что государю ясак платят».

Сам Москвитин сообщал, как о само собой разумеющемся:

«И он, Дмитреи (Копылов. — *С.В.*), послал меня, холопа твоего, а со мною тритцат[ь] человек для тое горы (серебряной. — *С.В.*) и для иных орд и непослушных землиц про-

ведывати. И я, холоп твои, на море ходил, блаженные памяти отцу твоему, великому государю, царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии и тебе, государю, служил; и гору, где серебряная руда; **и про сиделых людеи, которые сидят окол[о] тои горы по реке Онкуру, и по реке Чирколу, и по реке Омуту сиделые и кочевные люди, и на островах на море натцких людеи, и по реке Охоте щелганских людеи; и с ними бился. И убили у них шездесят человек**. И Ковыра князца с иво родники и с ясашными людми тунгусов, да Изенские земли князца Дорогу с его родники и с ево ясашными людми под высокую руку отца твоего, государя нашего, царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии, привел и ясаку с них взял двенатцат[ь] сороков соболеи самых добрых».

И это действительно было только еще начало, потому что Михаил Стадухин, самовольно пришедший на Оймякон, за что при воеводе Петре Головине «посажен за приставы и морен голодом», отправил с Оймякона «встречь солнцу» отряд Андрея Иванова сына Горелого (из томских казаков) и в 1646 году тот докладывал в Якутске:

«И с той де с Омокона реки тот Михалко Стадухин посылал ево, Ондрюшку, с товарищи, с служилыми людьми, которые тут наперед их были, с осьмьюнатцатью человеки да с ним же якутов человек з дватцать коньми через горы на Охоту реку на вершины… А тех де тунгусов, ламутских мужиков, по той Охоте реки вниз к морю кочуют многие люди оленные, а ходят на тех оленях аргишами. И дороги у них учинены большие пробойные. И они де по тем аргишским дорогам ходили вниз той Охоты реки к морю…

*А по той Охоте реки соболя и всякого зверя много и реки рыбные. Через они ту реку на лошадях бродили, и одва лошади в той рыбе перебрели. А река быстрая и тою быстредью рыбу убивает и на берег выметывает много и по берегу той рыбы, что дров лежит. А у тех ж де ламутских мужиков по той реки юрты сидячие, как есть большие русские посады. А запасы у них все рыбные, сушеная юкола в рыбных же мешках и рыбная икра. А того де запасу у них запасают много, что русские хлебные анбары запасы, так у них той пасеной рыбы по юртам много. А ходили де они на ту Охоту реку с Омокона реки и назад шли до Омокона всего пять недель… **А бой у них лучной, стрелы-копейца костяные, а бьютца на оленях сидя, что на конях гоняют. И в те поры у них, служилых людей, ранили двух человек**».*

23 мая 1647 года заложено Охотское зимовье, и отписка об этом пошла в Якутск:

*«Писали к нам прежние воеводы Василий Пушкин с товарыщи: в прошлом во 156 (1648) году писал к ним в Якуцкий острог с новой Охоты реки ясачной сборщик служилый человек Семейка Шелковник, который в прошлом во 154 году с служилыми людми с сорокью человеки послан на Улью и на Охоту, для нашего ясачного сбору и прииску новых землиц, а в отписке его написано: в прошлом же де во 155 году пришел он Семейка на Охоту реку и зимовье поставили, **и к тому де острожку многих родов Якуты приступали и хотели их побить, и от тех де иноземцев сидят они в осаде,** из зимовья никуда не ходят; и только де тех иноземцев привесть под нашу царскую высокую руку, и служилых людей надобе на Охоту реку к ним в прибавку человек со сто; а те де иноземцы многие люди, и как учнут нам ясак платить, и в ясачном сборе будет нам прибыль многая».*

* * *

Более подробно о жизни казаков в Охотском остроге рассказал Иван Афанасьев, оставшийся после смерти Шелковникова за старшего.

1651 после 14 июля. — **Челобитная Ленских служивых людей Ивана Афонасьева с товарищами, о даче им жалованья за службу на реках Улье и Охоте.**

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии бьют челом холопи твои государевы Ленского розряду служивые людишка **Ивашко Афонасьев, Жданко Власов, Фомка Федоров, Конанко Ларионов, Олешка Филипов, Федка Яковлев, Ивашко Савин, Ондрюшка Иванов, да Нилко Володимеров с товарыщи** и во всех служилых людей 39 человек место. В прошлом, государь, во 154 году, по отца твоего государева блаженные памяти Государя царя и великого князя Михайла Феодоровича всеа Русии указу и по наказной памяти твоих государевых Ленских воевод Василья Никитича Пушкина с товарыщи, посланы мы холопи твои на твою государеву службу с приказным человеком с десятником Семеном Шелковником сорокью че-

ловеки большим морем Окияном на Улью и на Охоту реку для прииску новых землиц, где бы на тебя государя взять; и как, государь, мы холопи твои пришли на Улью до, 155 году маия в 16 день, и на Улье приказной Семен Шелковник, по твоему государеву указу, принял себе в полк твоих государевых служилых и промышленых людей **Ермилка Васильева с товарыщи 17 человек**, которые были оставлены от писмяного головы Василья Пояркова для твоего государева ясачного соболиного сбору, и с усть Ульи пошли на твою государеву службу на Охоту июня в 16 день, и всего нас холопей твоих.... 54 человека; и как мы холопи твои пришли морем к усть Охоте июня в 23 день, и втепоры на устье... **Тунгусов было за 1000 и болше, и как мы холопи твои тебе государю служили и Охоту реку имали, и втепоры был на нас холопей твоих напуск от тех болших людей, и учали с нами холопи твоими дратца и в реку не пущали, и на том, государь, бою они иноземцы нас холопей твоих исперанили многих, и Божиею милостию и твоим государевым счастьем, за болшим боем Охоту взяли, и кто тебе государю служил и на том бою мужиков Тунгусов побили, а иных исперанили, и нас холопей твоих самих исперанили и в которые места билися**, и тому, государь, послужной список за нашими руками; и вверх, государь, по Охоте реке мы холопи твои, покаместа было можно итти судами, шли от устья версты с три, и зимовье поставили, и тогож, государь, году и аманата поимали из пеших людей Баяшинского роду Комна, и кто тебе государю служил и за тем боем аманата взял, и то писано в послужном списке имянно. И в прошлом, государь, во 156 году, по твоему государеву указу и по наказной памяти твоих государевых воевод Василья Никитича Пушкина с товарыщи, из твоего государева ясачного зимовья он приказной Семен Шелковник послал на твою государеву службу морем на Иню реку и за Иню реку проведать, где бы тебе государю прибыль учинить, служилых людей, **Кирилка Васильева да Олешку Филипова с товарыщи двадцати четырех человек.**

И тогож году, волею Божиею того нашего приказного Семена Шелковника не стало, а нас холопей и сирот твоих после его осталось 26 человек, и твоею государевою службою радели, и ясак на тебя государя под аманатов сбирали, и от иноземцов три года осадную нужу и голод и бедность терпели по приход приказного человека Семена Епишева с служивыми людми, и в осаде сидя, в те три годы что на тебя государя твоей государевы ясачной соболиной казны собрано из за аманатов на 157 и на 158 и на 159 год, и что, государь, было до тех годов со 155 году у приказного человека Семена Шелковника собрано на Улье и на Охоте реке, **с нами же холопи твоими, и всее твоей государевы казны сороков с 20 и слишком, и тому, государь, сбору книги, и мы холопи твои тебе, государь, служили, и с твоею государевою казною в осаде сидели, и под зимовье приходя иноземцы приступали, и у нас двух человек под зимовьем убили, а иных нашу братью исперанили, и на рыбную ловлю не выпущали, и видя мы холопи твои от них иноземцов приступы безпрестанные, и во 157 году двадцатью четырмя человеки около зимовья острожек косой ставили**. И Тогож, государь, году, как твой государев **ясачной Тунгус Баяшинского роду Комна тебе государю изменил, втепоры, как мы холопи твои около зимовья острог ставили, и втепоры тот Комна, пришед со многими воинскими людми, с своими родники и с иными многими роды, к твоему государеву ясачному острогу приступали, и нас холопей. твоих побить хотели, и зимовье и твою государеву казну взять и аманатов отбить, и мы холопи твои тебе государю служили, и зимовье отстояли и с иноземцы бились, не щадя голов своих; и в прошлом же, государь, во 157 году, тот же изменник ясачной Тунгус Комна в приступное время твоих государевых служивых людей караулщиков, которые, у аманатов на карауле были, и иных служивых людей, которые втепоры были в аманатцкой избе, откасом рубил и исперанил, а иные наша братья втепоры билися с иноземцы из острогу, и милостию Божиею и твоим государевым счастьем острог и твою государеву, казну отстояли, и с твоими государевы изменики и непослушники билися на приступех, не щадя голов своих; и кто тебе государю на тех приступех служили, и у тех многих людей трех человек убили, а иных исперанили, и нас самих холопей твоих на приступех по которые времена аманат откасом исперанил** и в которые места, и тому имена в послужном списке

под сею челобитною за нашими руками. — Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайловичь всея Русии! пожалуй нас холопей своих, вели, государь, сю нашу челобитную и тот наш послужной список принять своему государеву Ленскому воеводе Дмитрею Ардреевичю Францбекову да дьяку Осипу Степанову, и сю нашу челобитную и тот наш послужной список… к себе праведному государю к Москве, чтоб тебе милостивому государю про нашу холопей твоих службу, и про раны, и про осадное сиденье и про всякую нужу вестно было, и пожалуй, государь, нас холопей своих за ту нашу службу, за кровь и за раны, и за осадное сиденье по тому нашему послужному списку своим государевым жалованьем, как тебе милосердному государю об нас холопех своих Бог известит. Царь государь, смилуйся».

* * *

В июне 1648 года отряд из 26 казаков под начальством Ермила Васильева и Алексея Филиппова на построенных в устье Охоты двух кочах вышел в море и направился вдоль побережья на север.

«И как, государь, мы холопи твои пришли на Иню реку, и на Ине реке на устье сидячих людей было ста с три и больше, и на той реке тебе государю мы холопи твои служили, и с теми многими иноземцы бились, не щадя голов своих, и после того бою с Ини реки пошли тебе государю служить вперед, на иные реки проведывать»

«И после того бою с Ини реки пошли июля в 3 день, и как будут в урочных местах, есть озеро велико подле моря, и у того озера море разбило суда и на кошку выбросило, и оттого места с великою нужею шли до Мотыхлея реки и как пришли на Мотыхлей реку августа в 3 день».

«…и захватили из двух родов по одному знатному человеку».

Одного из них — Тавуна захватил **Якун Максимов** и получил за него ясак 30 соболей. Другого — Лукача из Убзирского рода захватил **Кручина Родионов.** Но захваченные также оказались достаточно смелыми. Лукач сказал родственникам, чтобы за него ясак не платили, а нападали на казаков. Это привело к новым столкновениям. Эвены пошли на штурм зимовья. Казаки отстреливались из укрепления на крыше зимовья — «нагородни» и шли на «вылазки», вооруженные холодным оружием. Эффект от стрельбы из ружей был, видимо, высокий. Поэтому

особо, как отличный стрелок, в том сражении отмечен **Иван Логинов**. Сколько погибло эвенов, неизвестно, но они временно отступили.

Весной 1651 г., потеряв трех человек убитыми и семь умершими от ран и болезней, отряд прибыл в Охотский острог с аманатами и ясаком, откуда 22 казака были отправлены во главе с **Алексеем Филипповым** в Якутск с пушной казной.

* * *

А это уже события из охотской жизни Владимира Отласа.

Вот некоторые бытовые эпизоды: *«Жизнь в Охотском остроге была сложной и наполненной своими проблемами. Разбирались дела о воровстве — **Захар Никитов** проигрался (вплоть до пищали со всеми припасами) и украл рыбу у **Гаврила Васильева.** Некоторые из казаков выступали против Булыгина — "вором… называют, и бунты всякие заводят, и от государева дела мне отказывают". Вообще, "государево дело" — обвинение в серьезном государственном преступлении, судя по документам, в то время было распространенным явлением. Оно было заявлено и на пятидесятника Охновского (*Оноховского. — *С.В.*), **что он де якобы утаил лисицу черную, "а та де лисица година взять в государеву казну…"**». Позже подобное же обвинение будет брошено на Камчатке сыну Отласа — Владимиру Атласову…

А вот их боевые будни: *«В конце августа (26) 1654 г. ночью эвенские роды, руководимые Комкой и Ладака (из Нюнюгирского рода), в количестве более 500 человек напали на казачьи станы на Охоте и пытались отбить аманатов. Сражение было упорным — "бились с ними крепким боем"»* — писал Булыгин. Многих русских в том бою переранили, был один убитый. Видимо, и эвены понесли потери.

После этого нападения Булыгин решил поставить острог для защиты от нападений:

*«"Острог поставили, мерою в длину 20 сажень, а поперег 10 сажень", — сообщал он в Якутск. Пытаясь подавить сопротивление эвенских родов, возглавляемых Комкой, он в средине сентября посылает другого своего пятидесятника **Селивана Харитонова** вверх по Охоте. Против них вышел не только Комка, но и несколько других родов. По словам Булыгина, сражение было упорным — "служилые люди …служили не щадя голов своих", но и в "…том бою неясачных многих людей побили". Эвены потерпели поражение, и у русских остался в*

аманатах глава Шелонского рода эвенов Камнику. За него было получено казаками ясаку 40 соболей. Но это не остановило эвенов, и на обратном пути на отряд Харитонова опять напали, но они отбились и в конце сентября вернулись в острог без потерь.

Действия Комки стали серьезно мешать Булыгину выполнять задачи, поставленные перед ним якутским начальством, и он решает сам отправиться в начале декабря 1654 г. с отрядом в поход на Комку. Комка на вызов ответил и вышел, поддержанный другими родами, на сражение. Битва продолжалась долго, но казаки одолели эвенов, и в этот раз им даже удалось "изменника Комку Бояшинца на том бою, Бог пособил, в аманаты взять". Остальные члены рода пытались отбить главу и опять напали на казаков, но потерпели поражение, а двух знатных членов Килярского рода — Шалгу и Муртыя — казаки взяли в аманаты. Для русских это был большой успех, и они получили за аманатов ясак сразу 77 соболей. Комка после этого пленения совсем смирился и привел в острог с детьми своими в аманаты глав шести эвенских родов, за которых те стали платить ясак в Охотский острог.

20 января 1655 г. Булыгин с пятидесятником Охновским (Оноховским. — *С.В.*) *отправляется из Охотского острога зимним путем на нартах в сторону реки Иня. На реке Ульбея они с боем взяли ясак — 19 соболей — и захватили в аманаты главу Улгиданского рода Делгибея. В конце января он подошел к реке Иня. Их встретило здесь большое войско эвенов — "они… вышли к нам на бой сбруйны (*в защитных латах. — *Авт.) и ружейны, сот с пять и больше".*

Сражение продолжалось "день до вечера", сообщал Булыгин, "побили их ста едва и больше, и аманатов, государь, из них больших людей на том бою взяли". Интересно, что сражались в том бою против Булыгина и эвены Товуйского рода, среди которых был захвачен в аманаты глава рода по имени Бахнея. Взять с него, как оказалось, нечего, и "под Товуйского аманата ничего не взято, (но) впредь у государя милости просят в том ясаке". С других глав родов, в зависимости от их многочисленности, они получили от 2 до 32 соболей. Трудно поверить, но Булыгин сообщает, что отряд вернулся в Охотский острог после такого тяжелого похода без потерь, если не считать, конечно, потери двух "государевых… знамен киндяшных", видимо, отрядных. Их умыкнули вместе с нартой, на которой их везли, наши охотско-тауйско-мотыклейские эвены Долганского рода. Потом они повинились, эвен Нявлига рассказал, что спрятали они санки в торосах у моря, а прилив знамена унес. За то он сам сел в аманаты, и его родственники платили за него ясак».

* * *

8 марта 1655 г. в составе 16 человек конвоя, сопровождавшего собранный ясак (6 сороков 24 соболя, лисицу чернобурую (конфисковали у Оноховского?) и сиводушную, напольник соболий) Владимир Тимофеев Отлас был отправлен из Охотского острога в Якутск.

19 июня 1655 г., пройдя новой, нежели прежней, более короткой дорогой «вверх по Ураку, через горный хребет — на Юдому, Майю, Алдан, Лену», отряд прибыл в Якутск.

А потом, как предполагает Г. Леонтьева: *«В 1656 г. В. Отлас, вероятно, снова вернулся собирать ясак на Охоту-реку. В 1657 г. он встретил здесь известного землепроходца, исследователя Колымского и Анадырского края Михаила Стадухина».* Подтверждений этому, правда, она не приводит…

Скорее всего, Отлас тогда отправился в отряде Булыгина в Жиганск.

А в 1658 году Владимир Отлас «включен» в состав конвоя, сопровождающего меховую «государственную казну» в Москву.

Г. Леонтьева по этому поводу пишет: *«Поездка в столицу у служилых людей считалась престижной и материально выгодной. Служилые люди из Сибири в европейскую часть страны, как правило, ехали не с пустыми руками. Везли собольи меха, лично добытые ими на промыслах, купленные или выменянные "на русский товар" у промышленников и ясачных людей. …Попасть в состав конвоя было непросто. И В. Отлас, следуя правилам и практике своего времени, дал воеводе Михаилу Лодыженскому "за якутский отпуск" взятку в сумме 12 руб».*

Напомним, что при этом его годовой денежный оклад был всего 5 рублей с копейками.

В составе этого конвоя, как сообщает М. Белов, были не простые люди — сподвижники Семена Дежнева, отпущенные им из Анадырского острога: Василий Бугор (тот самый «воровской атаман», грабивший Колупаева Казанца в 1647 году), Федор Ветошка, Павел Евсевьев, Степан Вилюй, которые везли в Москву «ры-

бий зуб» — моржовые клыки, добытые ими на Анадырской корге, открытой Дежневым.

Правда, возникает некоторое расхождение в информации. Как уточняет М.И. Белов:

«Весной 1659 года из Охотска в Якутск вернулся из долгого странствия по северо-восточным "землицам" Михаил Стадухин. Ему и было поручено доставить в Сибирский приказ "костяную казну" и очередную партию ясачных и таможенных соболей. Никита Семенов отправился вместе с ним. В конвойный отряд Стадухина вошли также и другие товарищи Дежнева, и среди них Василий Бугор».

Тогда получается, что Владимир Отлас был в этой командировке в команде Михаила Стадухина.

Сын боярский Андрей Булыгин, охотский командир Отласа, в это время служил в Жиганах и встречал отряд Бурлака: *«И тое, государь, нашу привозную кость, в Жиганех по наказной памяти сын боярской Ондрей Булыгин, пересмотря с целовальником, записал и запечатал»* (1659 года июнь. Челобитная торгового человека Анисима Костромина с товарищами с просьбой об уплате за моржовую кость).

Поэтому вполне вероятно, что Владимир Отлас именно в это время служил вместе с Булыгиным в Жиганах и был одним из тех казаков, кого Булыгин отправил сопровождать казенный «рыбий зуб» в Якутск, где у Отласа и появилась возможность присоединиться к московскому конвою:

«До нас дошли две "отписки" якутского воеводы Лодыженского 1658–1659 годов. Обе "отписки" посвящены именно добыче моржовой кости на Анадыре и ее доставке в Якутск. Воевода пишет, что он приказал жиганским служилым Андрею Булыгину и Лариону Ламе "на встрече" торговых и промышленных людей взвесить и записать весь "рыбий зуб". Все это Булыгин исполнил и донес, что Василий Бугор, Анисим Костромин, Никита Семенов и другие дежневцы "объявили" в Жиганске о привозе моржовой кости. Это происходило именно "в Жиганах", ибо в "отписках" упомянуто, что Василий Бугор сделал там вклад в новую часовню моржовыми клыками. Анадырская кость была доставлена морем, прошла через таможенную заставу в Жиганах».

Позже, по возвращении из Москвы, Отлас, по утверждению М. Белова, служит на реке Мая: *«После похода на Охоту в жизни Атласова наступили большие перемены. …казак был привлечен к перевозке государственной ясачной казны в Москву, в перерывы его направляли "на ближайшие службы". В 1669 г., по возвращении на Лену, Атласова посылали* ***в Верхнемайское зимовье в отряд Андрея Булыгина,*** *с которым он раньше служил на Охоте. В следующем году Атласов снова получил назначение на реку Маю, куда отправился под командой пятидесятника Федора Кузнецова».*

Как видим, Андрей Булыгин и Владимир Отлас, судя по этим «слухам», неразлучны.

* * *

А что было в период между этими службами?

М.И. Белов: *«В Якутском архиве сохранилась "проезжая грамота", датированная 21 июля 1661 г., от Якутска до Москвы на имя сына боярского Кузьмы Лошакова с товарищами, в том числе и казака Владимира Отласа. Отряд Кузьмы Лошакова сопровождал ясачную соболиную казну и три бочки "кости моржовой зуб", добытый на устье Анадыря товарищами Семена Дежнева, которые также ехали в Москву. Из этой поездки Атласов вернулся на Лену…»*

Если сопоставлять некоторые материалы, то Отлас и Дежнев в Москве были примерно в одно и то же время.

Белов: *«В Москву Дежнев отправился в составе отряда сына боярского Ивана Ерастова, сопровождавшего "государеву казну". Точное время отъезда Дежнева из Якутска неизвестно. По всей вероятности, он отправился в дорогу в 20-х числах июля 1662 года, а прибыл в столицу в сентябре 1664 года. Таким образом, весь путь от Якутска до Москвы занял больше двух лет. Отсутствие регулярного сообщения между сибирскими городами, неизбежность вынужденных остановок для "осмотра государевой казны", продолжавшихся иногда целые месяцы, примитивность средств передвижения — все это замедляло поездку. Казакам нередко приходилось перетаскивать "государеву казну" волоком, особенно в распутицу. В Енисейске и Тобольске "мягкую рухлядь" тщательно сверяли с документами, осматривали, целы ли печати. Нередко бывали случаи, когда, придравшись к пустяку, воеводские люди останавливали провожатых, запрашивали Якутск, а тем временем в тревожном ожидании проходили недели и месяцы. Сибирские воеводы имели строгий царский наказ без промедления снабжать провожатых*

судами и подводами. Но, как правило, этот наказ никогда не выполнялся. Казакам подсовывали гнилые струги и каюки, лошадей предоставляли меньше, чем требовалось, а иногда и совсем не давали.

Начальнику отряда, назначенному сопровождать "государеву казну", Якутская съезжая изба выдавала так называемые проезжую и подорожную грамоты, в которых подробно перечислялись все пункты, через которые он должен проехать.

Подорожная грамота служила охранным документом на всем пути следования. Сибирские власти по предъявлении этой грамоты обязаны были оказывать казачьему отряду всемерную помощь.

К подорожной грамоте прилагалась подробная роспись служилым, торговым и промышленным людям. Сохранилось две наказные памяти на имя Ивана Ерастова, датированные одна 18 июня 1662 года, другая 21 июля 1662 года. В них отмечено, что с Ерастовым находился "енисейский служилый человек Семен Дежнев"».

* * *

1663 год.

М.И. Белов: *«О прибытии Атласова на Лену в 1663 г. говорит то, что его начальник Кузьма Лошаков летом того же года получил по службе новое назначение».*

Но в составленном самим же Михаилом Ивановичем Беловым хронологическом списке приказчиков на Индигирке Кузьма Лошаков служит там в 1662–1663 годах. То есть мы снова констатируем явное расхождение в датах.

А вот сын боярский Андрей Булыгин по данным все того же М. Белова, в 1663–1665 гг. был приказчиком на Индигирке. А затем, по этим же данным, он в 1665–1668 годах был приказчиком Зашиверского острога и именно ему на смену, по данным из других источников, прибыл… Кузьма Лошаков.

То есть теперь именно Индигирка могла быть местом службы Отласа, если он продолжал служить вместе с Булыгиным или с Лошаковым, которые периодично меняли друг друга.

Булыгин, правда, попытался пробиться на приказную должность на Колыму, но его опередил пятидесятник Григорий Татаринов, клятвенно пообещав якутскому воеводе Голенищеву-Кутузову собрать в казну не менее десяти сороков соболей.

Но клятву свою Татаринов не сдержал, чем вызвал ярость воеводы, который и предоставил нам важную информацию:

«…ту прибыль хотел учинить и мимо тебя сын боярской Андрей Булыгин. А что ты пожалован на Ковыму по указу великого государя, и о том тебе дана великого государя грамота и той прибыли, что хотел учинить Андрей Булыгин, и того в Сибирском приказе ведать было не по чему, потому что всякие прибыли велено искать во всех зимовьях воеводам и дьяком. А будет ты, Гришка, прибыльные десять сороков соболей на нынешней на 171 год и вперед на 172 годы не зберешь, и те соболи стольник и воевода Иван Федорович Большей Голенищев-Кутузов велит доправить на тебе, Гришке, безо всякие пощады. А по указу великого государя стольник (и воевода Иван Федорович Большей Голенищев-Кутузов) ныне тебя переменить не велел, а перемена послана будет на твое место на весну во 172 года».

При этом, думается, Татаринов пообещал и хорошую долю от упромышленных на Колыме соболей самому воеводе.

Думать так у нас есть все основания: «Сыщик Ф. Охлопков, посланный для проверки в Якутию в 1665–1666 годах, выявил, что воевода И.Ф. Голенищев-Кутузов различными злоупотреблениями нажил себе **22 920 соболиных шкур**».

Но и Индигирка тоже в то время была еще «лакомым» местом и сюда посылали не каждого.

Не получив желаемого на Колыме, Булыгин попытался достичь того же на Индигирке: в итоге в 1665 году торговые и промышленные люди из Зашиверска писали на сына боярского Андрея Булыгина челобитную:

«Он же Андрей всякими обидами их обидит и приметывается своими бездельными приметы и побрал у них юкагирей всякие последние животишка и олени и ясаку-де им промышлять не на чем и жить-де им стало не можно».

Теперь становится понятным, откуда и у Отласа были «лишние» деньги на взятки якутским воеводам и для «привозу московского товара».

Кузьма Лошаков, с которым коротал дальний путь в Москву Владимир Отлас, был из бывших енисейских казаков, прибывших на Лену в начале 1630-х годов. Он был в числе тех служилых людей, которые были пытаны якутским воеводой Петром Головиным, то есть уже тогда был на подозрении в махинациях с пушниной. В 1647 году при воеводе Василии Пушкине, который

приблизил к себе всех «обиженных» Головиным, Лошаков был назначен… приказчиком на реку Яну. Тогда он еще был простым казаком, а в 1662–1663 гг., как указывает М.И. Белов, приказчик Зашиверского зимовья Кузьма Лошаков был уже в чине сына боярского.

Янский острог принял у Лошакова пятидесятник… Борис Оноховский.

Весьма интересно, что и Андрей Булыгин примерно в это же время — в 1652 году —получает весьма важную и прибыльную должность в Якутском воеводстве:

«Наказной памятью воеводы Акинфова, от 14 октября, надсмотрщиком за корчемною продажею и варением пива, браги, хмельного кваса и проч. назначен боярский сын Андрей Булыгин».

Казалось бы — чего лучше?

Но настоящую прибыль в те годы приносили только военные походы, почему Андрей Булыгин и избрал для себя новое поприще, где и отметился с особой жестокостью:

«В 1653 г. за неуплату ясака, в целях устрашения охотских тунгусов, сборщик ясака Андрей Булыгин приказал повесить аманата Муеллагирского рода Канюга».

После Охотска Андрей Булыгин оказывается в Жиганах (р. Лена), а уж потом на реке Индигирке.

Он не мог не быть в команде воеводы Голенищева-Кутузова — иначе не получил бы «лакомого» места и на Индигирке, но он явно не был доволен своим новым назначением.

Понятное дело — в Якутске, где шла настоящая война за право обладания сбором ясака в самых богатых промысловых районах воеводства, после неудачи с получением приказа на Колыме — самом престижном и богатом в то время соболином месте Якутии — Булыгин и его люди, в числе которых был, судя по всему, и Отлас, вряд ли могли согласиться с таким решением воеводы.

В «Изветных делах» за 1666–1667 годы — то есть сразу же после расследования злоупотреблений Голенищева-Кутузова и его неожиданной смерти — встречается очень любопытная запись:

«Сын боярской Андрей Булыгин извещал на площеди на ссыльных детей боярских на Матвея Сосновского, на Павла Шульгина, на Федора Пущина, на Ивана Жаглова: “хотят — де они поделить меж себя Якуцкой острог”».

И вот еще один документ за 1673 год с очень любопытной информацией: *«…о расследовании дела по доводной челобитной ссыльных служилых людей Ивана Жеглова и Семена Епишева о притеснении ясачного населения, присвоении пушнины на “дальних заморских реках” сыном боярским Константином Дунаем, Кириллом Ванюковым, Андреем Булыгиным и другими **“непородными”** детьми боярскими».*

А это уже **ЧТО-ТО**…

* * *

«Извещания» Булыгина о том, что четверо якутских пушных «магнатов» *«хотят … поделить меж себя Якуцкой острог»*, безусловно, касались не самого Якутского острога, а, говоря современным языком, тех «сфер влияния» в Якутском воеводстве и тех лиц, которые представлял здесь действительную, а не приходящую московскую, власть.

Кто же они – эти якутские олигархи 17-го столетия?

* * *

Матвей Сосновский. Сын боярский.

Что мы знаем о нем?

«В 1642 г. по политическим мотивам был сослан в Кетский острог и сидел в темнице “иноземец” (поляк) Матвей Сосновский. В июле 1644 г. он писал челобитную царю о своем бедственном положении, прося выпустить его из тюрьмы и сослать в любой дальний город на службу. В челобитной он писал: “Я, холоп твой, в Кетцком остроге в темнице живот свой мучю другой год. А с темничнова, государь, заключенья и от всякой нужи и бедности вконец живота пребываю и немочью смертною страдаю. А указано мне, холопу твоему, твоево государева жалованья на корм по алтыну в день и мне, холопу твоему, в темнице в Кетцком остроге живот свой муча прокормитьца и одетьца нечем в таком нужном месте”».

Царь смилостивился: в декабре 1644 г. была написана грамота о ссылке М. Сосновского на Лену и зачислении его в стрелецкую службу. Ехать туда он должен был «с приставом и служилыми людьми». Якутским воеводам предписывалось его из Якутска никуда не выпускать.

По приезде в Якутск Сосновский был включен в штат и в качестве служилого человека часто выполнял ответственные и секретные поручения воеводы.

Ходили небезосновательные слухи о том, что он был воеводским «ушником», то есть тайным его агентом, и большим ябедником.

При этом был он еще и не меньшим пакостником. В делах Якутской избы сохранился такой вот документ: «Роспись кабальных записей, украденных Матвеем Сосновским у Василья Торопова и о порке Сосновского батогами».

Вполне вероятно, что именно этим объясняется его поведение: в 1646 году поданы три явочные челобитные подьячего Юрия Юрьева и ссыльного Федора Посникова о том, что ссыльные люди Василий Скоробогатов с женой и Матвей Сосновский «похваляются» их убить.

Якутский воевода Францбеков, получив из Даурии от посланного им туда приказным человеком своего «подельника» — Ерофея Хабарова «добрые вести», и, несмотря на указ никуда Сосновского из Якутска не отпускать, отправляет его в 1651 году с отписками в Москву (вероятно, миссия на самом деле была настолько секретная, что никому из якутских служилых, кроме Матвея Сосновского, поручить ее было нельзя).

Позже самый ярый враг Францбекова дьяк Стеншин попытается раскрыть причину этой секретности: *«Матюшка Сосновский, что ехал к тебе, государь, …в первом Ленском острожке твоему государеву воеводе Тимофею Шушерину при енисейском сыне боярском Парфене Ходыреве сказывал…, будто он, Матюшка, от него Дмитрея, везет к тебе, государю, из Даур узорочья, — камень дорогой, и жемчугу самого большого крупного…»*

Стеншин прекрасно понимал, что это «узорочье» царю не достанется — везли драгоценности вовсе даже не царю, а настоящему покровителю дел Хабарова в Сибири — дьяку Сибирского приказа Григорию Протопопову, с которым Ерофей Тимофеевич (тогда еще не Хабаров, а Святитский) сблизился еще по старым своим делам в Мангазее в конце 1620-х годов, а теперь шел в свой Амурский поход, взяв с собой в долю сына Протопопова.

Стеншин полагал, что по этому его сообщению обязательно будет проведен сыск и в итоге темные дела Хабарова-Францбекова-Протопопова станут известны царю.

А в это время Матвей Сосновский шествовал по Сибири: *«…ссыльный человек Матвей Сосновский, зачисленный на Лене реке в государеву службу, украл из Томской таможни семь рублей денег, которые должны быть вычтены из его жалованья», а “на Устюге Великом едучи убил до смерти служилова человека — Енисейского острогу казака”».*

И… ровным счетом НИЧЕГО не произошло с самим Сосновским! Потому что и за ним теперь стоял дьяк Сибирского приказа всесильный Григорий Протопопов, чей родной сын в отряде Хабарова грабил и разорял Амур, а Матвей доставил по адресу дорогие «узорочья», принадлежавшие прежде даурским княжнам.

Стеншин вынужден был писать снова: *«А к тебе, государю, он, Дмитрей* (Францбеков. — *С.В.*), *про ту Даурскую землю писал с сыльным иноземцом, которого по твоей государевой грамоте из Якутцкого острогу в сибирские и руские города никуды выпущать не велено, с Матюшкою Сосновским, свою службу с прикраскою, чего там не бывало. Что будто Ярофейко в Даурской земле поимал пять городков. И тот ссыльный Матюшка Сосновский ехал сибирскими городы в русские городы к тебе, государю, к Москве обманом, пролышкою. В первом в Ленском острожке, которой по твоему государеву указу на Ленскому волоку, на Илиме-реке, мы, холопи твои, поставили, в том острожке твоему государеву воеводе Тимофею Шушерину при Ленском Илимского волоку… при попе Обросиме Толстоухове и при енисейском сыне боярском при Парфене Ходыреве и при игумене Варламе, которой в те поры ис Тобольска ехал, в Ленском сказывал.., что будто он, Матюшка, от него, Дмитрея, везет к тебе, государю, из Даур узорочья — камень дорогой — жемчугу самого большого крупного. Про то, приехав, в Якутцком остроге сказывал енисейской сын боярской Парфен Ходырев. А что твоего государева наряду из Якуцкого с тем Ярофейком послано и что ему Дмитрей в Даурскую землю денег своих дал, и как, едучи из Якуцкого острогу с новоприборными промышленными людьми и с тем Дружинкою Васильевым на Усть-Олекмы-реки твоих государевых ясачных якутов грабили и ис пищалей по них стреляли, их переранили, и грабежом у них коров и быков поимали и с собою взяли, и что Матюшко Сосновской, едучи к тебе государю к Москве, на Ленском волоку даурскому дорогому каменю цену сказывал и жемчугу с собою вес, о том писал к тебе, государю, я, холоп твой, во 158 году».*

Но, как отмечает в научном труде Ф.Г. Сафронов: *«Однако это не испортило его карьеры: он дослужился до чина сына боярского и в этом чине служил до своей смерти где-то в конце 1670-х годов».*

Якутский пятидесятник Никифор Аргамаков, десятник Андрей Щербак, рядовой казак Федор Павлов подали воеводе войсковую челобитную «от имени всех казаков с жалобой на боярских детей Якутского острога, на Матвея Сосновского с товарищами, обвиняя их во всех воровствах и неправдах»:

«Сосновскій, по словамъ казаковъ, будучи въ Жиганскѣ на приказѣ, занимался тайнымъ винокуреніемъ; этимъ же дѣломъ онъ занимался и въ Якутскѣ. Затѣмъ, однажды ему было приказано перевезти казенный хлѣбъ на Чичюйскій волокъ и въ Илимскій острогъ. Но Сосновскій на государственной баркѣ приплавилъ 1000 пудовъ своего хлѣба, государевъ же запасъ покинулъ вверху, и за нимъ должны были идти служилые люди въ другой разъ. На представленныя обвиненія Сосновскій возражалъ такъ. Курить вино и продавать его онъ не могъ по той простой причинѣ, что при прежнемъ Якутскомъ воеводѣ высидѣлъ шесть лѣтъ въ тюрьмѣ (но за что онъ сидѣлъ - не объяснилъ). Въ Жиганскомъ же зимовьѣ онъ, дѣйствительно, выкурилъ два пуда вина и пиво варилъ, но только для себя, такъ какъ тогда страдалъ цингой. Относительно доставки казеннаго хлѣба Сосновскій не далъ удовлетворительныхъ объясненій, онъ увѣрялъ, что хлѣбъ былъ доставленъ имъ сполна, Илимскій воевода ложно увѣрилъ якутскаго воеводу, что Сосновскій бросилъ грузъ на дорогѣ. Напротивъ онъ даже пострадалъ въ этомъ случаѣ, такъ какъ Кутузовъ взялъ у него, въ видѣ залога, 600 пудовъ его собственнаго хлѣба, и онъ долженъ былъ нанять людей для доставки казеннаго запаса. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Сосновскій призналъ, что дѣйствительно онъ везъ въЯкутскъ на казенной баркѣ 1000 пуд. своего хлѣба, но убытку казна отъ того не потерпѣла, такъ какъ барка была велика и подняла бы и государевъ хлѣбъ».

И ему снова все сошло с рук…

В 1668–1669 годах сын боярский Матвей Сосновский собирал ясак с тунгусов Охотского городка.

И правильно понимал Булыгин, что Состновский был не только «ушником», но и одним из якутских **«паханов»**…

Под стать мужу была и его жена Антонина Макарьевна (тетка тобольского посадского Данилы Шелковникова), которая после

смерти мужа, начиная с 1672 году выбивала деньги по закладным мужа из таких крепких казаков как Иван Крыжановский или Иван Пантелееевич Мокрошубов… Она же вовсю торговала людьми: «Дело о закладе жене сына боярского Матвея Сосновского Антониде сыном боярским Артемием Крупецким якутской девушки, купленной у якута Тамана…».

* ⁎ *

В 1672 году Якутская приказная изба завела очередное дело о Матвее Сосновском «по обвинению его в растрате казенных денег, собираемых с пашенных крестьян Чечуйского острожка», где Сосновский был в это время приказчиком вместе с Федором Пущиным.

Дело, по всей видимости, было заведено с подачи Пущина: еще в 1667 году между ними возникла крупная ссора, вылившаяся в «Дело о взыскании сыном боярским Матвеем Сосновским денег по кабале с сына боярского Федора Пущина и его сына Григория».

То есть миром они это дело решить не могли.

* ⁎ *

Федор Пущин, сын боярский.

В известном «Деле о детях боярских» «…Ѳ. Пущина казаки обвиняли въ томъ, что онъ съ сыномъ Григоріемъ на заимкахъ и на приказѣ въ Жиганахъ вино курилъ и варилъ пиво. Разъѣзжая по якутскимъ улусамъ, Пущинъ собиралъ съ якутовъ головщину лѣтъ за 10 и за 15; за это онъ со своимъ сообщникомъ, толмочемъ Аѳонькой былъ уже въ застѣнкѣ и въ томъ дѣлѣ повинился. Посланный воеводой вверхъ по Олекмѣ на Аргунь, съ отрядомъ въ 50 служилыхъ людей, Пущинъ не пошелъ на Аргунь, а сплылъ внизъ по Амуру, гдѣ соединился съ отрядомъ Онуѳрія Кузнеца. Здѣсь самовольно нападая на инородцевъ, Пущинъ потерялъ 44 человѣка. Тотъ же Пущинъ въ Охотскомъ острожкѣ, по своей небрежности потерялъ 50 человѣкъ и ложно донесъ воеводѣ о поставленіи имъ на рѣкѣ Охотѣ города, тогда какъ этого города совсѣмъ не ставилъ. Здѣсь же Пущинъ вмѣстѣ съ боярскимъ сыномъ Лыткинымъ, вѣшалъ инородцевъ, которые великому государю прямили и доносилъ про измѣну. Пущинъ сознался, что дѣйствительно въ Жиганскомъ заливѣ онъ курилъ вино, но дѣлалъ это для себя, ради своей болѣзни, а не на продажу. Относительно ар-

гунскаго похода онъ объяснялъ, что казаки солгали: вверхъ по Аргуни онъ ходилъ 10 дней и возвратился потому, что вышли въ хлѣбные запасы, 43 казака изъ его отряда убѣжали отъ него къ Ѳед. Кузнецу и онъ съ остальными 7-ю казаками пустился догонять беглецовъ, нагналъ ихъ на Амурѣ и остался зимовать у гиляковъ. Весною онъ собиралъ соболиную казну и пошелъ въ Якутскъ съ 20-ю служилыми людьми, такъ какъ остальные его не послушали и остались на Амурѣ, гдѣ инородцы побили изъ нихъ 18 человѣкъ. Что же касается гибели 50 казаковъ во время охотскаго похода, то Пущинъ объяснялъ, что они погибли не по его небрежности. Будучи посланы подъ командою казака Потапа Мухоплева противъ юкагировъ, они разбѣжались въ разныя стороны для своей добычи и по частямъ были перебиты тунгусами. Наконецъ Пущинъ оправдывался и въ томъ, что вѣшалъ инородцевъ. Инородцевъ вѣшали, но по воеводскому наказу: Архипъ Лыткинъ повѣсилъ двухъ инородцевъ, а онъ Пущинъ, повѣсилъ трехъ, за то, что они убили двухъ служилыхъ людей и приступали къ острогу. На р. Охотѣ Пущинъ ставилъ городъ, но не могъ поставить, такъ какъ «иноземцы лѣсу возить не дали».

Попасть на охотское побережье в те времена было уже за честь: сын боярский Юрий Крыжановский во времена правления кума Голенищева-Кутузова Андрея Барнешлева заплатил последнему тысячу (!!!) рублей за свое назначение приказчиком Охотского острога. Эта взятка имела свое специальное название — «окуп».

Что интересно — и в этом случае мимо нас не проходит вездесущий Семен Епишев: по его инициативе в 1678 году в Якутской приказной избе рассматривалось «Дело по челобитной служилых людей Семена Епишева с товарищами на сына боярского Юрия Крыжановского, отобравшего у них выданное им перед отправкой на службу в Охотский острог жалованье в 7184 (1675/1676) г. и отдавшего его в качестве взятки воеводе А.А. Барнешлеву».

При Голенищеве хозяином в Охотске был сын боярский Федор Иванович Пущин — из сибирских старожилов.

Прежде он служил сыном боярским в Томске, но, будучи активным участником Томского восстания 1648 года, был сослан в Якутский острог «в вечное житье» вместе с семьей казаков Мухоплевых, с одним из которых — Потапом (о чем выше) — служил в Охотске.

«В 1664 году (6 авг.) Федор Пущин был послан Якутским воеводою И. В. Голенищевым-Кутузовым на реку Охоту “приказчиком” и “ясачным сборщиком” на “перемену” пятидесятнику казаку Евдокиму Козицину. В следующем году, во время правления Пущина Охотским острожком, произошло возмущение охотских тунгусов. В острог к Пущину пришел знатный тунгус, Зелемей, и сообщил, что около Охотска стоят неясачные и ясачные, но изменившие Государю тунгусы и подкарауливают ясачную казну, а служилых людей хотят перебить. Тогда Пущин по этому известию отправил к неясачным людям 50 человек казаков и торговых людей и наказал им “всякою лаской” привести этих тунгусов под высокую Государеву руку. Но из 50 человек никто в Охотск не возвратился, так как они все были перебиты самим коварным Зелемеем (подробности: “По злому умыслу возмутился умом Зелемей со всеми ясачными иноземцами розных родов, и тех служилых людей Потапа (Мухоплева. — *С.В.*) *с товарыщи, залегши на дроге, тайным делом из прикрыта побили, и тех, которые оставались в юртах, обманом побили же...”); последний не только совершил это преступление, но даже стал развивать перед тунгусами план, как им избавиться от русских. Тунгусы обложили острог вместе с его воеводою Пущиным. Охотский гарнизон насчитывал всего 30 человек, в число которых входили и старые, и молодые, и больные цингою. Острог был уже старый и ветхий. При этом в самом Охотском остроге находилось 60 аманатов. “Царская казна” сбора 1666 года из-за опасности разграбления, несмотря на то что в ней скопилось “сорок сороков” (1600) соболей так же находилась в остроге. Пущин, узнав о кознях, проявил удивительную энергию: он велел взять под городом наиболее подозрительных тунгусов, что и было сделано после небольшой схватки. Пленных затем пытали. Из расспросов на пытках Пущин узнал, что не столько малочисленность подавала возможность надеяться на захват Охотска, сколько ветхость укреплений. Тогда Пущин велел быстро построить новую крепкую избу для охраны “аманатов”, выстроить новые укрепления и поставить для устрашения деревянные пушки. Для той же цели пленные тунгусы были повешены. Но несмотря на принятые меры положение осажденных было тяжелым. Даже свою докладную об осаде Охотского острога и просьбой выслать человек 150 на подмогу Пущин передал с “иноземцем*

на удачу". Якутский воевода Кутузов тут же выслал в Охотск подмогу — в июле 1666 г. атамана Артема Петриловского с отрядом в 50 человек, а в августе — сына боярского Архипа Лыткина так же с 50 казаками. Приход подкрепления позволил снять осаду с Охотского острога».

Любопытно, что в этот же период — в 1664 году — Якутская приказная изба завела «Дело по обвинению илимским сыном боярским Ерофеем Хабаровым сына боярского Федора Пущина в завладении его хлебными запасами и о взыскании с Е. Хабарова хлеба в уплату казенного долга».

А в 1667 году: «дела по челобитной ясачных якутов Бетюнской волости Онея Окюкееза и Хоринской волости Караула Отонаева на сына боярского Г. Пущина о взимании "посулов" за решение судных дел и неправильном составлении челобитной». То есть и сын пошел по стопам своего отца. Правда, в 1674 году он уже и сам является представителем правоохранительных органов воеводства, и ему представляются исключительные права: «Память сыну боярскому Григорию Пущину сыскивать в якутских волостях не было ли злоупотреблений со стороны "денщиков", приезжавших к ним для сбора ясака, налогов и по другим делам и допросные речи князцев Кикамы Лыкова, Мугуры Онекова и других…». А через три года (в 1677 году) последовал обратный указ: «Указные памяти Якутской приказной избы: приказчику Олёкминского острожка сыну боярскому Леонтию Трифонову о высылке в Якутск сына боярского Григория Пущина…». Результат: в 1679 году, то есть два года спустя, новый приказчик Олекминского острога Юрий Крыжановский принимает острог у приказчика… Григория Пущина. Пущины были непотопляемыми… В начале 1680 годов в число приказчиком Якутского воеводства влился и сын бояский Афанасий Григорьевич Пущин.

В 1668 г. Федор Пущин был «приказчиком» на Чечуйском волоке, сменив на этой должности Ивана Ерастова. Как раз в это время поднял свой знаменитый бунт будущий албазинский приказчик Никифор Черниговский. Досталось и Пущину:

«В 20 километрах ниже деревни Сполошного луга была заимка якутского сына боярского Федора Пущина. Она тоже подверглась ограблению. Федор Пущин подал явочную челобитную: "В нынешнем, великие государи, во 173 [1665] году, убив вашего государева илимского воеводу Лаврентья Обухова, воры, Илимского острогу пятидесятник казачей Никифор Черниговский с

товарыщи, с пашенными крестьяны, побежали в Даурскую землю. И в том побеге, пловучи по Лене реке, пристали ко мне, холопу вашему, в деревнишку, и без меня, холопа вашего, женишку мою пограбили: платьишко и ружье, и всякую посуду, оловянную и медную, и пашенной завод — косы и ральники, серпы и топоры — с собою побрали и скот побили, и хлебные запасы пограбили ж. А что имянно тех моих всех пожитков пограбили, тово я, холоп ваш, имянно заочи написать не умею, потому что я, холоп ваш, в то время был в Якутцком остроге. Да оне ж, воры, пловучи, взяли с собою вневолю моих дворовых двух человек: Афоньку Прокопьева да Ефремку. И тем своим грабежем и воровством меня, холопа вашего, до конца разорили"».

В 1691 году судьба свела сына боярского Григория Федоровича Пущина с Иваном Голыгиным и Лукой Семеновым Старицыным Мороско, совершившими доатласовский поход на Камчатку, — они все вместе были посланы на Индигирку. Во время перехода на верховья Индигирки попали в засаду, устроенную эвенами-ламутами. Григорий Пущин был убит, а Мороско и Голыгин добрались до индигирского Зашиверского острога. В Санкт-Петербурге была найдена подлинная челобитная, которая начиналась со слов:

«Казак Лучка Семенов челом бьет, в нынешнем в 200 году послан был с Индигирки реки казак Максимко Струков в Анадырское зимовье за Нос с отписками, и он, Максимко, судом божьим на дороге занемочью остался и те переводные отписки отдал мне, Лучке, на тринатцать лисиц».

Это печальное событие позволило впоследствии историкам более точно определить дату камчатского похода.

16 марта 1692 года Лука Семенов Мороско прибыл на р. Анадырь и по распоряжению сына боярского Афанасия Григорьева Пущина, внука Федора Ивановича и сына Григория Федоровича, явился к анадырскому приказному Семену Чернышевскому.

И, таким образом, судьба свела воедино группу людей, деятельность которых не только предшествовала прорыву камчатского Ермака к славе, но и всячески способствовала этому прорыву…

Чуть позже мы более подробно поговорим о сыне Григория Федоровича и внуке Федора Ивановича Пущиных — о сыне бо-

ярском Афанасие Григорьевиче Пущине (ровеснике Владимира Владимировича Атласова — 1664 г. р.), приказчике Анадырского острога в 1689–1692 гг.

В 1706 году будет верстан в дети боярские правнук Федора Ивановича — Алексей Афанасьевич — на убылое место сына боярского Федора Васильевича Протопопова Верхотурова, погибшего на Камчатке.

* * *

Жеглов (Жаглов) Иван Прокопьевич, сын боярский.

Первая «встреча» трех наших героев, судя по материалам Якутской приказной избы, датируется 1662 годом, когда все они — Семен Епишев, Федор Пущин и Иван Жеглов служили приказчиками в Чечуйской волости: «...дело о неуплате приказчиком Иваном Жегловым и хлебным приемщиком Федором Пущиным денег служилому человеку Алексею Шиврину с товарищами за постройку ими баржи для казенных хлебных запасов». А потом последовало отдельное «Дело о расследовании злоупотреблений бывшего приказчика Чечуйского волока Ивана Жеглова» (тот же 1662 год). В чем суть вины — в незаконном винокурении.

В 1654 году был зачислен в служилые ссыльный Степан Жеголов.

Это был сын Ивана — Степан Иванов сын Жеголов (Жаглов, Жеглов), уяндинский приказчик, о котором в 1665 году сообщал его отец:

«В прошлом, великие государи, во 171 году по вашему великих государей указу послан был из Якутцкого острогу на вашу великих государей службу дальную за море на Индигирку реку сынишко мой Стенька для вашей великих государей ясачной соболиной казны в Уяндино зимовье и, грешным делом, последним осенним путём на море в замороз под вашею великих государей оружейного и пороховою и свинцового и всякою казною и под сынишком моим и под служилыми людьми, не допустив до Индигирки реки, на море в Омолоеве губе коч розбило.

А которая ваша великих государей казна на море не потонула, собрав, сынишко мой оставил в зимовье на усть Яны и свои запасы. И оставя у той вашей великих государей казны служилых людей Михаила Лифанова с товарищи, а сам он, Стенька, з двоюродным своим братом с Петрушкою Михайловым сыном Жегловым и с иными служилыми людьми для збору вашей великих государей ясачной соболиной казны на Индигирку с Яны реки пошел на нартах. И для дальнего растояния нартяного пути за недостатки запасов сынишко мой Стенька з братом и с служилыми людьми з голоду померли. И о том с Индигирки реки писал в Якутцкой острог к вашему великих государей стольнику и воеводе к Ывану Федоровичю Большому Голенищеву-Кутузову сын боярской Андрей Булыгин».

Иван Жеглов просил: *«Милосердный государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа великия и малыя и белыя Росии самодержец и государь благоверной царевич и великий князь Алексей Алексеевич всеа великия и малыя и белыя Росии и государь благоверной царевич и великий князь Федор Алексеевич всеа великия и малыя и белыя Росии, пожалуйте меня, холопа своего, велите, великие государи, из Якутцкого острогу отпустить на ту свою великих государей службу на Индигирку реку для збору вашей великих государей ясачной соболиной казны конным путем, горою, а для пропитанья, чем бы мне, холопу вашему, будучи на Индигирке сыту быть, велите, великие государи, запасу положить на суды, которые люди за море пойдут на кочах, чтоб мне, холопу вашему, будучи на Индигирке, собрать ваша великих государи соболиная ясачная казна и сынишко своего и племянника кости прихоронить».*

В это время на Индигирке был приказчиком тот самый сын боярский Кузьма Лошакова, которого М.И. Белов называет начальником Владимира Отласа, и Лошакову была послана наказная память о содействии Ивану Жеглову в получении имущества его погибшего сына.

Продолжение этой истории мне пока неизвестно, но в 1665–1668 гг. сын боярский Иван Жеглов был приказчиком на Индигирке в Подшиверском зимовье, по соседству с Андреем Булыгиным, который был приказчиком Зашиверского зимовья.

Вполне вероятно, что, оценивая их дальнейшие взаимоотношения, приход на Индигирку (или какие-то действия) Жеглова вызвал гнев Булыгина — у него, по всей видимости, были на этот счет совсем другие планы, но что-то либо сломалось, либо не срослось...

В материалах Якутской приказной избы имеются документы, приоткрывающие краешек той давней истории: «Отписки сына боярского Кузьмы Лошакова о приеме им Зашиверского острожка у сына боярского Андрея Булыгина и злоупотреблениях приказчика Подшиверского зимовья сына боярского Ивана П. Же-

глова… допросные речи подшиверского юкагира Бурнаша Велково о привозе им оружия и товаров для обмена на соболей по приказу сына боярского Ивана Жеглова… сыск Кузьмы Лошакова в Зашиверском зимовье о побоях, нанесенных Иваном Жегловым Василию Иванову, лавочному сидельцу торгового человека Карпа Андреева… записка К. Лошакова об отказе сына боярского Ивана Жеглова выдать ему по "государеву делу" промышленного человека Пятого Миронова…»

Весьма отчетливо проявляется интерес Кузьмы Лошакова к конкретному лицу, тем более что в этих же материалах Якутской приказной избы в одной стопочке с вышеперечисленными находятся и «челобитные служилых и промышленных людей и индигирских ясачных юкагиров на злоупотребления приказчиков зимовий на р. Индигерке детей боярских А.А(фанасьевича. — *С.В.*). Булыгина и И.П. Жеглова (взяточничество, незаконное винокурение, притеснение промышленных людей и ясачного населения)…».

В 1668 году, как мы помним, в Якутске разразился большой скандал, направленный против детей боярских, которых казаки обвиняли во многих прегрешениях и преступлениях.

О Жеглове, правда, сказано было немного: «Боярскихъ дѣтей Ивана Ярастова и Ив. Жеглова казаки обвиняли въ растратѣ казенныхъ денегъ».

Но, думается, что в расследованиях Кузьмы Лошакова доля истины тоже имеется. И по всей видимости, немалая: в 1675 году было возбуждено «Дело о притеснении приказчиком Оленского (Оленекского) острожка сыном боярским Ив. Жегловым местного ясачного населения». До этого в 1673 было возбуждено другое — «Дело по челобитью Воина Якунина о взыскании с сына боярского Ивана Жеглова денег, полученных им по кабалам Якунина на р. Собачьей и завладевшего ими и его имуществом и подавшего ложную челобитную с обвинением Якунина в невыплате денег по кабалам».

Причастность Ивана Жеглова к челобитной о «непородных» детях боярских, датированная 1671 годом, говорит о том, что и он, как и Матвей Сосновский (ссыльный польский сын боярский) и Семен Епишев (ссыльный тверской сын боярский), имеет самое прямое отношение к некогда «породным» детям боярским, сосланным в Сибирь за какие-то преступления…

* * *

Павел Шульгин был личностью еще более интересной.

В 1606 году его дед, Никанор Шульгин, был назначен дьяком в Казанское воеводство к воеводе Богдану Яковлевичу Бельскому — племяннику Малюты Скуратова и любимцу царя Ивана Грозного, скончавшемуся на руках Богдана Яковлевича.

Во время Великой Смуты, пользуясь безвластием, по приказу Никанора Шульгина убивают казанского воеводу Бельского, призывающего не присягать Лжедмитрию, и дьяк Шульгин становится единоличным правителем Казанского царства.

Вступив во Второе ополчение в 1612 году, Шульгин неожиданно отзывает свои войска: казанские ратники «*приидоша до Ярославля и назад поидоша, никакие помощи не учиниша, лише многую пакость земле содеяша*». Только небольшая часть войска осталась в Ярославле и сохранила верность ополчению (20 татарских мурз, 30 русских дворян и 100 казанских стрельцов).

«В октябре 1612 года войска второго ополчения заняли Москву и изгнали оттуда польско-литовский гарнизон. В феврале 1613 года Земский собор в Москве избрал новым царем Михаила Фёдоровича Романова. Однако казанский правитель Никанор Шульгин отказался признавать нового царя и приносить ему присягу на верность. В конце 1612 года по возвращении домой были арестованы казанцы, оставшиеся в Ярославле и участвовавшие в боях за Москву. Стрелецкие головы Лукьян Мясников и Постник Неелов были заключены в темницу.

Никанор Шульгин стремился подчинить своей власти близлежащие районы. В декабре 1612 года он отправил своих гонцов в Вятку, потребовав от местных жителей принести присягу Казанскому государству. Однако вятчане отказались исполнять требование Шульгина. Дьяк отправил в Хлынов отряд из 500 стрельцов во главе с Н. Онучиным, который заставил вятчан подчиниться Казани.

В конце 1612 — начале 1613 года Никанор Шульгин организовал поход на Рязанскую землю, против казацких отрядов атамана Ивана Заруцкого. Передовой казанский отряд (4600 чел.) под командованием головы Ивана Чиркина и князя Аклыча Тугушева выступил из Свияжска и помог рязанскому воеводе Мирону Вельяминову отбить Ивана Заруцкого от Серебряных Прудов. Зимой 1613 года Н. Шульгин во главе большой казанской рати, куда входили русские дворяне и стрельцы, татарские мурзы, чуваши, марийцы, удмурты и "всего Казанского государства вся-

кие ратные люди", выступил в поход против Ивана Заруцкого. В Курмыше Н. Шульгин отстранил от власти воеводу С. Елагина и назначил на его место С. Осипова. Затем казанская рать пришла в Арзамас, где находилась около двух месяцев. В Казани во главе земской администрации оставались второй дьяк Степан Дичков и староста Федор Оботуров.

Во время нахождения в Арзамасе к Н. Шульгину прибыла делегация из Москвы с сообщением, что на царский престол был избран Михаил Фёдорович Романов. В марте 1613 года казанские ратники принесли присягу на верность новому царю. Шульгин, как говорит Новый летописец, "хотя по-прежнему воровати, не нача крест целовати; тако ж и ратным людям не повеле креста целовати, а говорил посланникам, что без казанского совету креста целовати не хощет".

В марте 1613 года из Арзамаса Н. Шульгин с войском отправился в Казань. В это время в самом городе второй дьяк Степан Дичков перешел на сторону царского правительства и отказался подчиняться Н. Шульгину. Приверженцы Шульгина во главе с Ф. Оботуровым были заключены в темницы, а его противники и вятские пленники освобождены. Под Свияжском казанские представители встретили Шульгина и заявили ему, что Казань присягнула на верность новому царю, а ему туда ехать незачем. Никанор Шульгин был арестован и заключен в Свияжске, затем его доставили в Москву.

В августе 1618 года царь Михаил Фёдорович приказал арестованного дьяка Никанора Шульгина отправить из Москвы в ссылку в Сибирь. Н. Шульгин был доставлен в Тобольск и заключен в тюрьму. В августе 1619 года по царскому указу Никанор Шульгин был освобожден из заключения и принят на службу в Тобольске. Его сыновья, дети боярские Иван и Яков Шульгины, были переведены из Тюмени и Туринска в Тобольск, где также поступили на службу».

Дети Якова — Павел и Петр — также в свое время были повёрстаны в тобольские дети боярские.

Вот только один штрих, иллюстрирующий ту эпоху и ту жажду наживы, которая охватила все слои сибирского населения, не исключая, безусловно, и Шульгиных:

«В 1657 году Павел Шульгин приезжал из Тобольска в Москву с соболиною казною, совмещая службу со своей выгодой. Из Ямского приказа была послана память в Сибирский приказ: "Лета 7165 [1657], февраля в 25 день. По государеву указу боярину князю Алексею Никитичю Трубецкому, да дьяком Григорью Протопопову да Федору Иванову. В нынешнем во 165 [1657] году, февраля в 18 день, писал ко государю [А. М.] Сухонского яму ямской приказщик Любим Свиязев: в нынешнем де во 165 году ехал из Тобольска из Сибири з государевою соболиною казною Павел Шульгин с казаками. А вез на ямских подводах, навив возы рыбы своей невмеру. И от тое де ево рыбы пересадил два мерина. А в государеве [А. М.] указе написано: московские и розных городов ямщики, опричь татинных и розбойных, и убивственных дел, в всяких делах ведомы в Ямском приказе. И по государеву [А. М.] указу боярину князю Алексею Никитичю да дьяком Григорью Протопопову, да Федору Иванову о присылке того Павла Шульгина в Ямской приказ учинить по государеву указу. Дьяк Гарасим Головкин". На обороте помечено: "Отослать". Рыба предназначалась для продажи. Вырученные деньги пригодились для покупки. А о покупке написано в челобитной: "Царю [А. М.] бьет челом холоп твой, Пашка Шульгин. Купил, государь, я на Москве литовского полону две женки: Анютку Филимонову да Агафьицу Федорову з дочерью з девкою с Анюткою Кондратьевою. Вели, государь, мне на тех моих купленых людей дать с Москвы до Тобольска проезжую грамоту". Просьбу уважили, на обороте челобитной: "Отпустить"».

То есть Шульгин, помимо рыбы, торговал живым человеческим товаром — вез в Сибирь то, что пользовалось несомненным и повседневным спросом — женщин.

Но и на «старуху бывает проруха»: в 1659 году велено тобольского голову казаков и стрельцов Якова Шульгина *«з женой и з детми за ево многие ссоры сослать ис Тоболска на Лену в Якуцкой острог на вечное житье. И на Лене служить з детми боярскими». «…Якова Шульгина з женою Марьею да с сыном Федором, з дочерми з девками з двемя Овдотьями да с Ориною, невестку ево Яковлеву, Павлову жену Шульгина, Степаниду з детьми с Васильем да с Олександром…»*

Яков Никанорович Шульгин в чем-то крепко не сошелся с тобольским воеводой, и, как ни пытались его обелить сторонники, царь принял сторону сильного:

«Челобитчики жаловались на прежнего тобольского воеводу князя Алексея Ивановича Буйносова: "И он, князь Алексей, ведая перед вами, великими государи, свою неправду, писал к вам,

великим государем, затеяв и поклепав напрасно, ложно, будто приходил в Тобольску стрелецкой голова Яков Шульгин с служивыми людьми к городу и приступал с пищальми, и хотели ево, князь Алексея, убить. А Яков Шульгин с служивыми людьми к городу с пищальми никаким воровским заводом и заговором не прихаживал, и ево, князь Алексея, убить не умышливал. Тем ево, Якова, князь Алексей своими ложными отписками поклепал напрасно, и о нем повинно, и вас, великих государей, на гнев воздвиг ложно. А в прошлом, государи, во 166 [1658] году, в месяце августе, приходили в Тобольску служилые люди, казаки и стрельцы, бити челом вам, великим государем, о денежном и о хлебном жалованье, и ему, князь Алексею, били челом словесно, вежеством, а не криком и не шумом, без пищалей и без Якова Шульгина. А Яков в те поры лежал болен. А дети ево, Яковлевы, были розосланы по вашим государевым службам"».

К слову сказать, челобитчиками был только командный состав Тобольска: в выписке Сибирского приказа отмечено:

«А позади челобитной руки приложили: 2 человека голов, татарской да казачей; 16 человек детей боярских, 3 человека атаманов, 3 человека пятидесятников, 22 человека казаков, 5 человек посадцких людей, в том числе один староста мирской».

Павел Шульгин в это время был в служебной командировке в Киргинской слободе. Младший брат Петр сбежал к нему. Вдогонку за ним послали сына боярского Наума Венгерского (прямого родственника Александры Николаевны Венгерской — бабушки Сергея Евгеньевича Дурынина, одного из главных моих помощников в подготовке этой книги), но ему не удалось найти братьев, которые отправились искать правды и справедливости у царя в Москве.

В итоге 28 мая 1662 года Павел Яковлевич Шульгин все же прибыл в Якутский острог в ссылку в чине головы стрельцов и казаков Якутска (брат Петр умер в Тобольске).

Но, когда он приступил к своим служебным обязанностям, оказалось, что ни он сам, якутский казачий голова, ни его отец, Яков, бывший тобольский голова казаков и стрельцов, не могут получать никакого жалованья, так как в указе об их ссылке ничего об этом жалованье сказано не было и денег на их содержание выделено тоже не было.

Вот строки из отписки тобольского воеводы за 1668 год о Якове Шульгине: *«…во 167-м году по вашему, великих государей, указу и по грамоте сослан ис Тоболска он, Яков, з женой и з детми в Якуцкой острог. И будучи он в ссылке в Якуцком з женою и з детми по нынешний по 177-й год без вашего, великих государей, без денежного, и без хлебного, и без соляного жалованья и без поденного корму, и должася, кормился ожидая вашего, великих государей, указу, и последние свои стаки избыл, и скитаетца меж двор христовым именем и помирает голодною смертью».*

Тобольский оклад Якова Шульгина был приличный: 25 рублей денег, хлеба 22 чети ржи, «овса тож», три пуда соли.

У Павла: денег 16 рублей, хлеба 16 четей ржи, «овса тож», три пуда соли.

У Петра: «денег тринадцать рублев, хлеба тринадцать четей ржи, овса тож, а соляного окладу ему не было».

Но… «…те их, Павлов и Петров, денежныя, и хлебные, и соляной оклады розданы нововерстанным детем боярским…»

Правда, и без жалованья Павел Шульгин весьма быстро развернулся в Якутске, организовав свою команду и создав реальную коммерческую и криминальную угрозу старослужащему сыну боярскому Булыгину. Хотя фактов (кроме заявлений самого Булыгина) на сей счет у нас не имеется. Но таких фактов в великом множестве появится чуть позже и в другом месте…

В 1672 году Павел Яковлевич Шульгин был возвращен в Тобольск, направлен в Москву с соболиной казной. Об этом сохранился документ, в котором появляется впервые еще одна тобольская фамилия, связанная с нашей камчатской историей — Панютины.

«В нынешнем во 180 [1672] году, июля в …день, били челом великому государю сибирских розных городов служивые люди, тобольские дети боярские Павел Шульгин да Федор Панютин с товарыщи. Посланы де они с Москвы в Сибирь з государевою денежною казною и с меновными товары в Тоболеск водою до Соли Камской. И под ту де государеву денежную казну и под товары, и под них, служивых людей, дан струг ис приказу Большово Приходу мал. И на том де стругу з государевою денежною казною и с товарами поднятьца им немочно, и плыть на нем от погоды страшно. И чтоб великий государь пожаловал их: велел им к тому прежнему стругу дать вприбавку стружек небольшой. И великий государь [А. М.] указал: дати под тое свою великого государя денежную казну и под товары, и тобольскому сыну боярскому Павлу Шульгину с то-

варыщи вприбавку дать стружек со всеми судовыми снастьми, чтоб до Казани и до Соли Камской над его государевою казною и под сибирскими служивыми людьми в дороге какие порухи не учинилось. И по государеву [А. М.] указу окольничему Никите Михайловичю Боборыкину да дьяком Офонасью и Тимофею учинить о сем по указу великого государя. Припись дьяка Григорья Порошина». К памяти приложена челобитная Шульгина и Панютина. На обороте помечено: «180 [1672], июня в 29 день. Послать память в Большой Приход. Выдать вприбавку стружёк небольшой».

Это была последняя служба Павла Шульгина в Тобольске. После этого он получает назначение в Нерчинск.

В 1673 году он назначен приказчиком Даурии, сменив на этом посту 31 ноября 1673 года Данилу Даниловича Аршинского и получив власть над острогами Нерчинским, Теленбинским, Иргенским и Албазинским…

Собственно, Павлу Шульгину мы и «обязаны» в конечном итоге будущей албазинской трагедией: именно он начал разжигать на китайской границе международные распри:

«С принятием маньчжурским князем Гантимуром российского подданства обстановка на китайской границе осложнилась грабежами и набегами со стороны монголов, которые распространились вплоть до Еравинского озера. Так, 31 ноября 1673 года, тунгусы Теленбинскаго острога жаловались, что табунутские воровские люди, в количестве 2000 человек, не только промышляют соболей на их природных местах по р. Хилку и Еравинскаму озеру, “но и их самих до смерти побивают”».

На требования Шульгина, обращенные к монгольскому владельцу Очарою, об прекращении набегов ответа не последовало, и он, в апреле 1674 года, снарядил войско под начальством своего сына Василья, боярского сына Григория Лоншакова и пятидесятника Никифора Черниговскаго, в составе 400 служилых и охочих людей, которые, напав на табунутов в степи, около еравинскаго озера, разбили их. Считая свои действия успешными, П. Шульгин доложил в Москву о результатах этого похода:

«…мая ж де в 1 день ратные люди пришли в Нерчинской острог в целости, а собою привезли табуницкого погрому баб и робят 61 человека… А побили де у них человек со 100…»

Совсем иную оценку действиям Павла Шульгина дал в своей отписке в Сибирский приказ Енисейский воевода Михаил Приклонский:

«…Даурских де острогов приказной человек Тоболской сын барской Павел Шулгин пословался с Мунгалскими тайшами Табунутские земли; и после де, государь, посолства на тех Мунгалских таишей он Павел посылал из Нерчинского острогу сына своего с Даурскими служилыми людми войною и Табунуцких Мунгалских таишей погромил, и тем своим погромом учинил с Табунуцкими людми задор; и по тому де его Павлову задору Табунуцкой Мунгалской Гыган кан с тайшами и со многими воинскими людми на Селенгинской и на Брацкие остроги идет войною…»

Чтобы укрепить позиции Нерчинского воеводства в этом районе, в 1675 г. на восточном берегу Малого Еравного озера был построен Еравнинский острог. В ноябре 1675 г. через острог проезжал направлявшийся в Китай посол Н.Г. Спафарий. К тому времени там были возведены башни острога и шесть дворов, в которых проживали 15 служилых людей.

Восприняв политику, проводимую Павлом Шульгиным, как сигнал к действию, «самовыборный» приказчик Албазинского острога Н. Черниговский в 1675 году совершил поход на реку Ган: «…И прикащик де албазинской Микишка Черниговской, взяв с собою служилых и промышленных людей 300 человек, и пошел в китайские улусы на Ган реку…»

Об этом походе Н. Спафарий в своей отписке в Москву писал: *«…А про албазинских, государь, казаков сказали, что в прошлом году ходили в поход человек с полтретьяста на порубежных китайцев для того, что сотник китайской обещал им быть к ним со всеми своими людьми, выехать на твое великого государя имя в вечное подданство. И как они поехали, и их обманул и село запустошил и сам бежал со всеми своими людьми, и казаки поворотились назад и ничего ни кому не учинили».*

Как и на западе, на востоке задача укрепления Нерчинскго воеводства требовала создания новых укрепленных опорных пунктов. И албазинские казаки приступили к их созданию. В 1676 г. приказчик Албазинского острога Ф. Евсеев доложил П.Я. Шульгину, что он «отправил на реки Гилюй и Зею для сбора ясака албазинских служилых людей Василия Терентьева “с товарищи” 14 человек и дал ему Василью наказную память и велел ему на Гилюе реке ясашное зимовье поставить». Казаки

поставили на р. Гилюе ясачное зимовье и собрали с зейских оленных тунгусов пять сороков и два соболя ясака, которые привезли в Албазинский острог. Вместе с ними с Зеи в Албазин прибыли два тунгуса улагирского рода, которые попросили их пожаловать и поставить у них зимовье. Они обязались платить государев ясак и дать аманатов от своего рода. Для этих целей в верховья Зеи из Албазина был послан новый отряд из 28 служилых людей во главе с Титом Фоминым и Афонасием Флоровым на двух дощаниках, которые и возвели там в 1677 г. Верхозейский острог.

В 1677 г. в Нерчинск обратился монгольский князь Мангутей с просьбой принять его в русское подданство и перекочевать в Нерчинский уезд. С целью содействовать успешной миграции воевода П. Шульгин послал Ерофея Могулева, Василия Милованова и толмача Дмитрия Суетина в верховья Онона.

За три года П. Шульгиным было проведено множество мероприятий, позволивших русским еще закрепиться в Даурии, но укрепление Нерчинского воеводства не могло не привести к нарастанию конфликта с Цинской империей.

Находясь на приказе, Павел Шульгин, как и большинство других воевод, использовал различные способы личного обогащения: взятых в аманаты бурятских князьков отпускал за «скупы болшие», а пришедших с ясаком грабил, закупал зерно и «вино курил и пиво варил», которые продавал служилым людям, а «от его Павловы винные продажи» цены на хлеб немыслимо поднялись, поощрял игру в «зернь», обирал рядовое население — «выморные животишка и духовные брал к себе силно», «напився пьян, ночью» даже вздернул на дыбу и «хотел пытать безвинно, для своей безделные корысти» основателя Албазинского Спасского монастыря иеромонаха Гермогена, вымогая у него деньги. В конце концов, доведенные до отчаяния служилые люди в 1676 г. Павлу Шульгину «от Съезжие избы отказали» и до государева указа выбрали в управляющие острогом нерчинского сына боярского Г. И. Лоншакова и десятника И. И. Астраканцова. О чем послали челобитную в Москву. В архиве Санкт-Петербургского института истории РАН хранится обширное «Судное дело о Нерчинском воеводе Павле Яковлевиче Шульгине, обвиняемом во многих преступлениях».

Г. Спафарий сообщал: «А албазинские казаки тебе, великому государю, с великим радением служат. И впредь по тому

ж обещают тебе, великому государю, служить до смерти верно. Толко, государь, меж ими и меж Павлом Шульгиным учинились ссоры, для того что они не принели тоболского казака одного, которого он послал владеть над ними, потому что он хотел завесть кабак и иные непристойные речи в остроге. А просили, чтоб он дал им ис старых даурских служилых людей начальника. И он им не дал. И оттого, государь, учинились ссоры».

Служба П.Я. Шульгина в Нерчинском остроге закончилась в 1677 году. Служилые люди Нерчинского острога, сняв своей волей его с должности, послали об этом челобитную в Москву:

«Илюшка Шутов Филка Тюфяков Ярофейко Могулев. Жалоба, государь, нам, холопям твоим, Нерчинского острогу на приказного человека на Павла Шулгина в том: в прошлых, государь, годех и в нынешнем во 185 [1676–1677] году учинил он, Павел Шулгин, в вашей государеве казне поруху болшую и нам, холопям вашим, и ясачным людем учинил налоги и обиды большие. И мы, холопи ваши, от его, Павловых, налог и обид стали нужны и бедны, и служить вам, великим государем, с ним, Павлом, стало невозможно. И мы, холопи ваши, послали челобитчиков с заручною челобитною к вам, великим государем, к Москве на него, Павла, во всех своих обидах, а ему, Павлу, до вашего государева указу от Съезжие избы отказали. И выбрали мы, холопи ваши, в Нерчинском остроге к вашему государеву делу до вашего государева указу нерчинского сына боярского Григорья Иванова Лоншакова да десятника Ивана Иванова Астраканцова». Обширная челобитная о злоупотреблениях П. Шульгина приведена там же на страницах 371–373. Среди прочих жалоб на Павла Шульгина там написано: «Да в прошлом же, государь, во святый великий пост имал твоего государева царского богомолца черного священника попа Гермогена, напився пьян, ночью снял с него черное платье и разболок донага, и в ремень ставил, и огонь был раскладен, и хотел пытать безвинно для своей бездельные корысти по чмуте тоболского пятидесятника Андрея Шехтина, да взял с него дватцать пуд муки пшенишные, да коня доброго». Однако Павел Шульгин оказался не так прост. Хотя и выбрали приказным человеком Григория Лоншакова, но неизвестно, приступал ли он к выполнению обязанностей. Как следует

из памяти енисейского воеводы, Павел Шульгин, даже будучи больным, не допускал Григория Лоншакова на приказ: «Лета 7186 [1678], августа в 5 день. По государеву [Ф. А.] указу память в Нерчинской острог стрелецкому и казачью голове Андрею Строганову. Писал ты в Енисейск к боярину и воеводе ко князю Ивану Петровичю Борятинскому да к дьяку Василью Телицыну в нынешнем же во 185 [1677] году, июня в 24 день, плыл из Даур из Нерчинского острогу в Енисейск нерчинской казак Юш(ко Але)ксеев с товарыщем. И сказывал тебе он с товарыщем: В нынешнем в 186 [1678] году, в ап(реле) месяце, после Светлого воскресенья на третьей неделе, даурской и нерчинских острогов приказной человек, тобольской сын боярской Павел Шульгин, в Нерчинском остроге судом Божиим умер. И как де он, Павел, был болен, и в то время ходил в Нерчинском остроге в Приказную избу сын ево, Павлов, Василей, и росправу во всяких государевых делах чинил. А как де он, Павел, умер и после де ево, Павловы, смерти нерчинские казаки выбрали и излюбили на приказ Алексея Толбузина. И ныне де в Нерчинском остроге на приказе он, Алексей Толбузин. И тебе б, Андрею, поедучи в Нерчинской острог, делать всякие государевы дела по прежнему наказу и по памяти, каков тебе дан из Енисейска. А Павла Шульгина счесть с ево, Павлова, (си)денья по то число, в котором числе (он), Павел, умер. А Алексея Толбузина по т(ому ж) счесть, с тех мест, как он на ево, (Пав)лово, место на приказе учал быть, (и) зделать счетные списки. И те с(чет)ные списки за руками прислать, и о том отписать в Енисейск к боярину и воеводе ко князю Ивану Петровичю Борятинскому да к дьяку Василью Телицыну. А по памяти, какова тебе дана за дьячьею приписью, про П(ав)ла Шульгина сыскивать и сыск прислать тотчас».

Умер Павел Яковлевич Шульгин в 1678 году в Нерчинске.

Вот такая история.

* * *

Так что Андрей Афанасьевич Булыгин был абсолютно прав в оценке своих противников.

Но сам он со своими «товарищами» мало чем отличался от своих врагов.

Конкретный пример, вызванный поборами и грабежами. В 1668 году Козьма Лошаков отметился в Зашиверском остроге,

куда он прибыл «на подмену» Булыгину: «Приходилось служилым людям вступать в ближний бой и при отражении приступов неприятеля на их остроги, так сын боярский К. Лошаков в 1668 г. отписал якутскому воеводе о нападении на Зашиверский острог:

«…скопяся же те Ламутские мужики изменники, собрав себе воровское великое собрание, приступали ночью к острожку, и учали острожные стены, и ясачное зимовье, и острожные ворота рубить топорами, а иные люди приставили лестницы к стенкам через анбары; и мы Коземка с служилыми и промышленными людьми бой с ними поставили…», «…и видя они Ламутки к нам великую Божию помощь, убоялись и пометали топоры и оружье, луки и стрелы и копья, и рогатины, и от острожку побегали».

По некоторым данным, Андрей Булыгин был в это время в остроге вместе с Кузьмой Лошаковым.

А был ли там Владимир Отлас?

М.И. Белов: *«Следующая поездка Атласова в Москву состоялась в 1668 г., что видно из «подорожной грамоты» от Якутска до Москвы, выданной 10 июля 1668 г. казачьему пятидесятнику Устину Панфилову».*

Пятидесятник Устин Панфилов, с которым Отлас также служил в «полку Булыгина» в Охотском остроге, в тот год был приказчиком в Усть-Патомском зимовье на реке Олекма, правом притоке реки Лены. Могла ли здесь быть какая-то связь?

Вполне.

Вот что сообщает Михаил Иванович Белов: «В 1669 г., по возвращении на Лену, Атласова посылали в Верхнемайское зимовье в отряд Андрея Булыгина, с которым он раньше служил на Охоте».

Да, Отлас с Булыгиным неразлучны на протяжении ряда лет. Но и Устин Панфилов тоже из команды Булыгина. Река Мая – это бассейн реки Лены, точнее, бассейн ее правого и самого крупного притока — реки Алдан, откуда землепроходцы шли уже к тихоокеанскому побережью.

Вообще в тот период ситуация с якутскими зимовьями и острогами выглядела таким образом:

«…В 1675 г. мы видим во всем огромном пространстве края,следующие острожки и зимовья: 1) Олекминский острожек — ходу из Якутска 2 недели. Ясачных якутов и тунгусов — 206 чел., служилых людей — 11 чел., 2) Чаринское зимовье, с Олекминска

ходу 10 дней, служилых людей — 7 чел., 3) Устъ-Патомское зимовье, с Якутска 20 дней, служилых людей 8 чел. 4) Майское зимовье по р. Мае (приток Алдана), ходу 60 дней, служил. людей 20 чел., 5) Тоггорское зимовье — ходу 8 дней, служилых 14 чел., 6) Бутальское зимовье, ходу с Алдана 4 недели, служил. 5 чел., 7) Вилюйское верхнее зимовье, ходу 38 дней, служил. 15 чел., 8) Вилюйское среднее зимовье, служил. 8 чел., 9) Вилюйское нижнее зимовье, служил. 5 чел., 10) Жиганское зимовье — вниз по Лене, 3½ недели от Якутска; ясачные тунгусы и якуты; служил. 14 чел., 11) Оленское зимовье, ходу 38 дней; ясачные тунгусы, служ. 7 чел., 12) Охотский острожек, ходу 51 день, ясачные тунгусы, служ. 44 чел., 13) Янское верхнее зимовье, ходу 5 недель, ясачные якуты, служил. 6 чел. Дальныя заморские реки: 14) Индигирское, Зашиверское, Верхнее зимовье, ходу 9 недель, ясачн. юкагиры, 15) Индигирское Подшиверное Среднее зимовье, ходу от Индигирки 2 дня, ясачные юкагиры, 16) Индигирское Уяндинское Нижнее зимовье, ходу от Средняго 3 дня, ясачные юкагиры. В эти три зимовья посылается 1 приказный и 15 служ. человек, 17) Янское Нижнее зимовье, ходу вниз по Лене до моря 5 недель, а морем на кочах до устья Яны 3 дня и вверх по ней до зимовья 3 суток, ясачные юкагиры, служил. людей 10 чел. 18) Алазейское зимовье, ходу 12 недель и 5 дней, ясачные юкагиры, служ. 10 чел., 19) Колымское Верхнее зимовье ходу от Алазейскаго 10 дней, ясачные юкагиры, 20) Колымское среднее зимовье ходу от Верхняго на нартах 4 нед., ясачные юкагиры, 21) Колымское нижнее зимовье, ходу от Средняго 3 недели, ясачные юкагиры. В эти три зимовья из Янека посылается 1 приказный и 20 человек казаков, 22) Анадырское зимовье, от Н.-Колымскаго ходу 6 недель, ясачные юкагиры, служил. 16 чел., 23) Чондинское зимовье, ходу от Н.-Колымскаго 12 недель, неясачные коряки, служ. 10 чел. Во всех этих зимовьях всего ясачных, якутов, тунгусов, юкагиров 12,236 человек».

Об Устине Панфилове сведений очень мало.
Вот что мы нашли в архивных документах:

«Панфилко Петров сын Тунгуской толмач в прошлом во 156-м [1648] году на государеве службе на Вилюе в середнем зимовье умре и в том же во 156-м [1648] году велено быть в его Панфилково место ссыльному Ондрюшке Федорову в прошлом во 157-м

[1649] году послан на государеву дальную службу на Оленек реку. Устинко Панфилов сын Тунгуской толмач…»

Через двадцать лет он служит в чине казачьего пятидесятника.

Мы нашли документ, датированный 1676 годом, который не может нас не заинтересовать: якутские казаки, в том числе и Устин Панфилов, обращаются к царю с необыкновенной для того времени просьбой — о помощи:

Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу, бьют челом холопи твои детишка боярские Ивашко Жеглов, Матюшка Ярыгин, Архипко Лыткин, Гордюшка Котковской с товарыщи, двадцать шесть человек, да сотничишка казачьи Тренка Смирнягин, Ларка Трофимов, Ивашко Курбатов с товарыщи, шесть человек, да пятидесятничишка казачьи Другашко Прокопьев, Евдокимко Козицын, Устинко Панфилов с товарыщи, двенадцать человек, да десятничишка казачьи Ивашко Голтепа, Ивашко Рубец, Савка Утюжников с товарыщи и все рядовые казачишка. Посылают нас холопей твоих на твои великого государя службы для ясачного сбору, и в посылки за изменниками в походы ходим, и твои государевы изменники, ясачные и неясачные иноземцы нас холопей твоих побивают до смерти, и наругателство чинят многое, груди спарывают, и серцо вынимают, и руки обсекают и глаза выкопывают; и в нынешнем, великий государь, во 184 году, Ярканской волости Якуты Балтуга Тимиреев с братьями и с детми и с родниками тебе великому государю изменили, и промышленых людей вверху по Лене реке, дву человек зимовальщиков убили до смерти, и хлебные запасы розграбили, и зимовье и их в зимовье сожгли и казака Федку Прохорова да пашенного Максимка Непряху с сыном у того ж зимовья убили; и после того, на Вилюе, в верхном ясачном зимовье, посылал приказной Микита Савин казаков дву человек, для ясачного сбору, Федотка Калмака да Левку Лаврентьева с Якутами, и он Балтуга с товарыщи Левку Лаврентьева убили до смерти и над ним всячески наругались, грудь спороли, и серце выняли, и глаза выкопали, и от рук персты обсекли, а Федотка Калмака и ясачного Якута Дюпсюню Оттуева палмами кололи; и призывал он, изменник Балтуга с родниками иных твоих го-

сударевых ясачных иноземцов, Якутов и Тунгусов к себе к воровскому умыслу и к измене, и хотел в зимовьях и в острожках служилых людей побить и аманатов взять и бежать в иные землицы, и многую шатость учинил.

И в нынешнем, великий государь, во 184 году посылал из Якутцкого острогу на того изменника твой государев воевода Андрей Афонасьевичь Барнешлев служилых людей, сына боярского Гордея Котковского с казаками и с ясачными Якуты, и Божиею милостию и твоим великого государя счастием тех изменников Балтугу с родниками, за боем, поимали и привезли в Якутцкой острог; и на имке многих служилых людей он Балтуга с родниками переранил. Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайловичь, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец, пожалуй нас холопей своих, вели, великий государь, своему государеву воеводе Андрею Афонасьевичю Барнешлеву тем изменником Балтуге с родниками, по своему великого государя указу и по соборному Уложенью, свой великого государя указ учинить, чтоб нам холопем твоим впредь на твоих великого государя службах и в посылках от их шатости убитым не быть, и твои великого государя острожки и зимовья не запустели и твоему б великого государя ясаку порухи не было. Царь государь, смилуйся».

С.В. Бахрушин и С.А. Токарев в книге «Якутия в 17 веке» раскрывают причины этого страха Устина Панфилова с товарищами (в числе которых немало тех, кто уже не раз усмирял восставших якутов, юкагиров, тунгусов) перед олекминскими якутами рода Балтуги:

«В 1676 г. имело место одно из самых крупных событий подобного рода — движение Балтуги Тимирева…

…Поводом к столкновению послужила ссора между сородичами Балтуги, которых он послал осенью 1675 г. на соболиный промысел, и русскими промышленниками. В ссоре оказались убитые с обеих сторон. Царская администрация в Олексинском остроге, узнав об этом, направила небольшой отряд из казаков и местных тойонов, чтобы наказать виновных якутов. Казаки занялись грабежами. Балтуга, однако, не склонен был к покорности. Он и его сородичи напали на служилых людей, один из них был заколот, другой едва спасся, просидев раненый в осаде в

якутской юрте 3 дня. Когда это стало известно в Якутске, там взглянули на дело серьезно: пахло настоящей “изменой”. Против Балтуги был послан отряд из 27 служилых людей, опять же с участием якутских тойонов. Узнав о приближении врагов, Балтуга растерялся и не знал, что делать. Он попытался кончить дело миром: послал к русским парламентера с ясаком и с обещанием дать в аманаты своих младших сыновей. Но, не надеясь на успех переговоров, Балтуга в то же время готовился к отпору: он собрал вокруг себя всех своих сородичей, к которым присоединилось и несколько тунгусов. Составилась группа в 70-80 вооруженных людей. Однако этого было, конечно, мало для серьезной борьбы с царскими вооруженными силами. Зная это, Балтуга готовился откочевать на окраину Ленской земли, к немирным тунгусам; он стал колоть свой скот, оставляя только лучших ездовых коней, и кормить мясом свою дружину. Казакам Балтуга посылал сказать, что “он де всех побьет”, учнет де драться до последнего ребенка, а живым де он русским людям не дастся. Он пытался припугнуть служилых людей тунгусами, а тунгусы, воинственные и непокорные, действительно не раз наводили страх и на русских и на якутов своими нападениями: “У него де есть тунгусов много на отводе, — говорил Балтуга, — и они де тунгусы русских людей всех побьют и якутов, которые с ними будут”. В то же время Балтуга сам готовился к обороне, делал завалы из деревьев.

Когда казачий карательный отряд приблизился к лагерю Балтуги, к нему были посланы “разговорщики”, т. е. парламентеры, чтобы побудить его сдаться. Но Балтуга был настроен воинственно. Посланные встретили “изменника Балтугу с родниками, человек с 70 и больше, с копьи и с луками, а иные в куяках… идет войною на русских людей встречу и хотят побить”. От сдачи Балтуга отказался, но попытался уклониться от встречи и боя. Казаки погнались за “изменниками” и нагнали их на берегу Вилюя. Произошел бой, в котором казаки одержали победу. Было взять 9 пленных и много лошадей и оружия. Сам Балтуга, однако, “ушел с боем”. Казаки продолжали преследование, нагнали и разбили сначала небольшой отряд под начальством одного из братьев Балтуги, а затем принудили к бою и самого Балтугу. После ожесточенного сражения Балтуга был взят в плен. Казаки забрали и весь скот Балтуги и его сородичей и с захваченными пленными и трофеями вернулись в Якутск. Вое-

вода Андрей Барнешлев решил сурово наказать "изменников". Он долго и беспощадно вел сыск, подвергая жестоким пыткам узников и в конце концов приговорил их к наказанию: "бить кнутом на козле и в проводку". После этого они были отданы на поруки якутским князцам.

Смелый Балтуга и его сотоварищи не покорились и предприняли дерзкий побег из тюрьмы.Отомкнув "жёлеза" и выбравшись "из тюремной избы окном", "а из тыну де вышли он дверми, збив замок". Беглецов, однако, поймали. Поселенные на поруки Балтуга с сородичами и тогда не отказались, видимо, от борьбы: еще в 1682 г. якутский князец Мазары Бозеков их поручитель, жаловался, что "ныне они Балтуга и Мавра (его брат) и Оенек (сын) живут не смирно".

Мятеж Балтуги Тимирева был отважной попыткой активного протеста против грабительской политики царских воевод и служилых людей. Но эта попытка была совершенно безнадежной: движение Балтуги было изолированным, в нем участвовала лишь одна родовая группа, к которой не примкнул никто, кроме нескольких тунгусов; якутская знать помогала воеводе подавить "измену". Балтуга и не пытался вести наступательных действий, видимо, не ставя перед собой никаких положительных целей, а с самого начала ограничивался оборонительной тактикой».

Но и это кратковременное взрывное выступление настолько не на шутку испугало якутских казаков, что они даже обратились к царю.

А через десять лет Устин Панфилов именно в схватке с тунгусами, на помощь которых так рассчитывал Балтуга, погибнет «идучи на Ламу», в Охотский острог.

«1686 г. не ранее июня 6. — **Отписка царям Якутского воеводы Матвея Кровкова о посылке сына боярского Артемия Крупецкаго с служилыми людьми в поход на Тунгусов, совершивших убийства и грабежи в Якутском уезде, покорении их и казни зачинщиков.**

Государем царем и великим князем Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцем, холоп ваш Матюшка Кровков челом бьет. В прошлом, великие государи, во 192 году, до моего холопа вашего приезду, изменил в Якуцком уезде в Батуринской волости Якут Эрюканко Секуев с товарищи, многих своих братью иноземцов Куния Тыркина с братьями побили, и жен и детей их в полон поимали, и скот, лошади и кобылы отогнали, и собрався и розвоевав Якуцкой уезд, лутчих людей побив, хотели идти за Алдан на Омолон реку в Тунгуские жилища к изменникам, которые **Тунгусы в прошлом во 186 году вам великим Государем изменили, Гортиканского роду Некрунко с товарищи, и служилых людей пятидесятника Устина Панфилова с товарыщи, 37 человек, не допустя идучи на Ламу до Охоцкого острожку, на дороге побили и вашу великих государей товарную и зелейную казну и ружье их и платье и всякой борошень взяли; и после того убойства тот изменник Некрунко с родниками своими с вашим великих государей с ясачным платежем в Якуцкой и на Ламу в Охоцкой не бывал.** А в поход на того изменника, за малолюдством служилых людей, из Якуцкого и с Ламы из Охоцкого острожку посылать некого и нелзя; и я холоп ваш приехав в Якуцкой, на тех изменников посылал сына боярского Артемья Крупецкого с служилыми людми и с иноземцы, и его вора изменника Эрюканка велел разговаривать, чтоб он от воровства своего с товарищи отстал и в винах своих вам великим Государем добили челом и были б под вашею великих государей самодержавною высокою рукою. И по вашему великих государей указу, он Артемей с товарищи того изменника Эрюканка с родниками разговаривал и подзывал под вашу великих государей царскую высокую руку по прежнему в ясачной платеж; и он Эрюканко вашего великих государей указу учинился непослушен и учал битца, и за боем взяли их 15 человек, а иных побили; и за его воровство и за измену велел четвертовать, а товарищей его повесить. И которые с бою перешли за Алдан реку и сели в крепостях, и на тех изменников посылан был пятидесятник Андрей Амосов с служилыми людми и с иноземцы; и милостию Божиею и вашею великих государей праведною молитвою и счастьем, тех изменников побили, трех человек и заводчиков взяли, и полон и скот отогнали; и та измена и воровство моею службишкою и раденьем к вам великим Государем пресеклась, и ваш великих государей ясак за него Ерюканка платят дети его Кунечко да Манта. И по вашему великих государей указу, будучи я холоп ваш на вашей великих го-

сударей службе на Лене в Якуцком, собрал вашей великих государей соболиные и лисичные казны и кости моржеваго зуба в прошлом во 192 году маия с 16 числа, по оценке торговых людей, на 29905 рублев на 3 алтына на 2 денги; во 193 году собрано на 46018 рублев на 13 алтын на 2 денги; во 194 году собрано на 35701 р. на 14 алтын с денгою» (Дополнения к актам историческим, 1867 г., т. X, СПб., № 78: VIII., сс. 353–354).

* * *

Вынуждены повториться, чтобы акцентировать внимание:

«В 1669 г., по возвращении на Лену, Атласова посылали в Верхнемайское зимовье в отряде Андрея Булыгина, с которым он раньше служил на реке Охоте. В следующем году Атласов снова получил назначение на реку Маю, куда отправился под командой пятидесятника Федора Кузнецова».

Как мы теперь понимаем, в системе круговой поруки Якутского воеводства существовали мощные служило-торгово-промышленные кланы, связанные общностью коммерческих интересов, которые были организованы в команды служилых и промышленных людей, как правило, отправляющихся в военно-промысловую экспедицию «на свой кошт», то есть за счет привлеченных (полученных от торговых людей, также заинтересованных в результатах) средств под гарантии сбора с новых необясаченных коренных жителей воеводства определенного количества сороков собольих шкур для казны, для воеводского «окупа» и личных нужд.

Реальную военную добычу можно было получить только в единстве организованной команды, где каждый знает свое место и каждый уверен в своем товарище.

Поэтому, выявляя имена людей, с которыми судьба сводила Владимира Отласа, мы, собственно, определяем командный состав одного из военно-торгово-промышленного кланов, в который он и входил. И входил, как мы видим, довольно успешно — будучи связником между Якутском и Москвой, — подготавливая место «под солнцем Якутска» и для своих сыновей.

Поэтому имя следующего человека, с которым оказался связанным по делам службы Владимир Отлас, — это еще один показатель тех товарищеских уз, которыми впоследствии будет повязан и Атласов-младший.

Родоначальником династии якутских Кузнецовых был Яков Степанов сын Кузнец, или Якунка Кузнец, рядовой казак, впоследствии колымский приказчик в 1667–1668 гг. и в 1675 году.

Его сын Федор Яковлевич Кузнец, тоже рядовой казак, даже опередил своего отца, шагая по карьерной лестнице: уже в 1659–1661 годах он был приказчиком на Алазее, а потом служил пятидесятником, в том числе и в Анадырском остроге.

На «убылое» место Федора Яковлевича будет поверстан в пятидесятники его сын — Василий Федорович Кузнец, так же в будущем один из анадырских приказчиков, о которых наш рассказ впереди.

А на «убылое» место самого Василия Федоровича Кузнеца, после его гибели, будет поверстан в пятидесятники якутским воеводой князем Иваном Михайловичем Гагариным… Владимир Владимирович Атласов.

* * *

В начале 1672 года Владимир Отлас снова сопровождает ясачную казну в Москву. На этот раз его командиром был сын боярский Иван Ерастов, а в попутчиках — казаки Дмитрий Ушаров, Савва Фоминых, Борис Борисов.

В 1661 году Ерастов вместе с Дежневым сопровождали казенную ясачную пушнину в Москву. Обратно они везли казенные деньги, треть из которых Ерастов потратил на закупку разных товаров, на продаже которых в Якутске хотел зашибить свою «копейку».

Но номер не удался — на казенное он позарился без спроса, за что был весьма строго наказан воеводой Голенищевым-Кутузовым:

«Документы говорят о том, что Ерастов был поставлен на правеж (взыскание долга битьем батогами), но поскольку денег у него не оказалось, то были конфискованы привезенные им товары и “розданы служилым людям в жалованье”. Сам же Иван Ерастов был направлен на Чечуйский волок управлять пашенными крестьянами, — должность неприбыльная и малопочетная» (В. Бахмутов Красноярский).

На Чечуйском волоке очень серьезный случай развел навсегда бывших товарищей Ивана Ерастова и Семена Дежнева: здесь был получен приказ об аресте одного из самых знаменитых русских землепроходцев — первооткрывателя Байкала Курбата Иванова, в недавнем приказчика Анадырского острога, у которого

весь собранный на Чукотке ясак сгорел во время пожара. Семен Дежнев отказался выполнять этот приказ. Его исполнил Ерастов. По дороге в Якутск Курбат Иванов скончался от сердечного приступа, будучи не в состоянии перенести бесчестье…

М. Белов: *«Иван Родионов Ерастов, казак, впоследствии сын боярский, служил на Лене в 30-х годах XVII века. В 1638–1641 гг. участвовал в походах Посника Иванова на Индигирку, где и оставался до 1641 г., а летом этого года вместе с другими казаками перешел по морю на Лену. Летом 1648 г. в отряде Индигирского приказчика Константина Степанова Дуная Ерастов совершил морское плавание на Индигирку и в том же году по выданной ему наказной памяти воеводы Франсбекова дошел сухим путем на Алазею и сменил там казака Ивана Кузьмина Белян. Иван Ерастов пробыл на Алазее по 1650 г., когда его сменил Панфил Мокрошубов. В дальнейшем Ерастов занимал ряд видных должностей. Летом 1659 г. он прибыл на Колыму и оставался здесь до лета 1661 г., когда вместе с Дежневым на коче совершил плавание в Жиганск. В 1662 г. Ерастов и Дежнев были посланы в Москву с государевой казной и вернулись в Якутск летом 1666 г. Затем Ерастов служил на Олекме и Чечуйском волоке, а в 1669 г. был послан по морю на Яну. Плавание оказалось неудачным, и коч выбросило на мель. Воевода, недовольный таким оборотом дела, приказал вернуть Ерастова с реки Оленек, куда он пришел от места крушения коча, а на Яну направил нового приказчика сына боярского Кирилла Скворцова. Дальнейшая служба Ерастова нам неизвестна».*

* * *

Долгий спор между двумя однокашниками — историками с мировым именем Михаилом Ивановичем Беловым и Борисом Петровичем Полевым о том, сколько — один или два — Владимиров Отласовых служило в Якутске, закончился в пользу последнего: Владимир Тимофеевич Отлас был признан отцом Владимира Владимировича Отласова (Атласова).

Вот один из фрагментов их спора: *«Белов утверждал, что ему удалось обнаружить документ, будто бы позволивший решить возникшую проблему: это иск Владимира Атласова 1684 г., по которому он потребовал от казака Никифора Мошинцева уплаты ему долга по кабале 1676 г. Вот текст этого документа: “Се яз, Якутцкого острогу казаки Ярофей Яковлев Гундышев, да яз, Никифор Мошинцов заняли сами в Якутцком остроге у казака ж у Володимера Тимофеева сына Отласа шесть рублей денег”. М.И. Белов на основании этого документа утверждал, что “фамилия челобитчика, казака Владимира Атласова писалась различно, а именно „Отлас“ (заемная кабала 1676 г. и запись в съезжей избе Илимского волока 1660 г.) и „Отласов“ (исковая челобитная 1684 г. и факсимиле Атласова на оборотной стороне дела о заемной кабале)”. И это дало основание Белову окончательно уверовать в то, что “Камчатский Ермак” имел полное имя “Володимер Тимофеев”. Напомню, что о таком же отчестве Атласова еще на рубеже XIX и XX вв. писал известный архивист Н. Н. Оглоблин».*

Нас в данной ситуации интересует одна из фамилий — Мошинцов (в другом написании Мошильцов), с которым Отласа связывали кабальные отношения. Дело в том, что Никифор Мошинцов служил с Ерастовым: в 1661 году, когда Ерастов сдал Втору Катаеву должность колымского приказчика и отправился с ясаком в Якутск, то вместе с Иваном Родионовичем были отправлены Андрюшка Федоров Пан, Васька Варфоломеев Бронник, Потапко Данилов, Гришка Черной, Никифорко Мошильцов, Сафонко Симанов, Ивашко Белокопыт и Мишка Коновал.

С Никифором Мошильцовым (Мошинцовым) Иван Ерастов отправляет в Якутск челобитную (жалобу) на торговых людей, из-за которых чуть не погибла казенная пушнина:

«И в прошлом же во 169-м году в августе, то грехом учинилось, прижало мой, Ивашков, коч за Святым Носом к земле льдом. А оне, торговые люди Ондрей Ворыпаев с товарыщи, попали своим кочем за Нос и ко мне вести не подержали. А иные промышленые люди с ево, Ондреева, судна хотели для ради великого государя казны ко мне за Нос итти и проведать. И прошлой целовальник Степан Журливой говорил такову речь — для ради де одново мужика уморить человек 30. И божиею милостию и великого государя счастием с ево, великого государя, казною с великою нужею дошли до Жиган. А государевы казны прошлого 169-го году 19 сороков 16 соболей ясачново збору десятинново таможенново целовальника Ивана Денисова збор 33 сорока 36 соболей, 29 сороков 14 пупков собольих, 3 хвоста собольи, 14 костей моржевово рыбья зубу. А той государеве казне десятинные книги и отписки с козымские и анандырские, и челобитная иноземская на прошлово целовальника на Степана Журливово посланы в Ленской острог с ленским служилым человеком с Никиферком Мощильцовым».

В этом списке есть еще одно интересное имя — Васька Варфоломиев Бронник. Дело в том, что в первый камчатский поход с Владимиром Атласовым ходил Василий Данилов сын Бронник. Весьма любопытно, кто эти люди и связаны ли они между собой?

В 1647 году в Якутск был сослан стрелец Яков Бронник. Но, скорее всего, якутские Бронниковы — это выходцы из Тобольска, где существовала корпорация (вероятно, семейная) казаков Бронниковых, выходцев из посадских людей либо крестьян.

В 1666 году Ваську Бронника ограбили. И это тоже было приметой времени: побеждал сильнейший…

1666 г. января 10. — **Память якутского воеводы Ивана Большого Голенищева-Кутузова на реку Колыму приказному Семену Аврамову о рассмотрении жалобы «Анюйского хребта ясачных иноземцов» на служилого человека Василия Бронника и колымских якутов, ограбивших их и увезших их аманатов из нового ясачного зимовья на реке Анюе в старое зимовье на реку Колыму.**

Лета 7174-го года генваря в 10 день по указу великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича [т.] и государя благоверного царевича и великого князя Алексея Алексеевича [т.] и государя благоверного царевича и великого князя Федора Алексеевича [т.] память на Ковыму реку приказному Семену Аврамову. В нынешнем во 174-м году ноября в 5 день писал в Якутцкой острог к стольнику и воеводе к Ывану Федоровичю Большому Голенищеву-Кутузову с Анюя реки служилой человек Ивашко Хворой и прислал челобитную за знамены Анюйсково хребта ясачных иноземцом князца Таблейка да Ниникейка на служилого человека на Ваську Бронника да на промышленого человека на Фильку Рыбника. А в челобитной их написано: в прошлом де во 172-м году поимал их вверху Анюя реки на Анюйском хребте служилой человек Ивашко Хворой и вывез на Ковыму реку и хотел он Ивашко итти с ними по Омолону реке; и они де били челом (великим государем, чтоб их великие государи пожаловали, не велели по Омолону реке возить для того, что та река от них удалела, а поставить бы зимовье на каменю по Анюю реке; и он Ивашко по их челобитью зимовье поставил на каменю, где бы им приходить великих государей с ясаком; а ясаку принесли они 16 соболей да напольники, а в них 10 пластин; и как учали родники их приезжать к ясачному зимовью великих государей с ясаком, и они били челом великим государем, чтоб их из оманатов переменить, а в их места посадить в аманаты детей и племянников их; и он де Таблейко посадил в свое место жену свою, а он Ниникейко племянника своего; а они де учнут родников своих призывать; и отпустя их тот Ивашко Хворой давал им великих государей подарки, котлы и топоры и пальмы и олово и полицы куяшные; и как учали родники их к ним копица, братья и племянники и зятья, и зять ево Локта послал великих государей ясаку в ясачное зимовье приказному Ивашку Хворому 2 соболя, да с родного ево брата сын Шабла послал соболя, а з достальным ясаком, собрався с родниками своими, хотели они быть к ясачному зимовью; // и в прошлом де во 173-м году пришли с Ковымы реки они Васька Бронник и Филька Рыбник, с иноземцами с ковымскими мужиками и их разорили до основанья, и что им великих государей жалованья подарков дал Ивашко Хворой, котлы и топоры и пальмы и полицы куяшные, и те подарки у них они Васька и Филька отняли; а что им давал тот Ивашко, взяв великих государей ясак, отписи и те отписи они Васька и Филька у них взяли и тем отписям не поверили и родников их розвезли на Ковыму реку; и чтоб великие государи пожаловали их Таблейка и Ниникейка, велели родников их, которые седят на Ковыме реке в аманатех, поставить с ними с очей на очи и велеть на Ковыме реке на Нижной ярмонке тебе Семену роспросить, что те аманаты родники их подлинно, и великих государей ясак платить хотят с ними на Анюйском хрепте: а Ковыма река от них удалела и ходить великих государей [113] с ясаком не вмочь; а в разоренье Васьки Бронника и Фильки Рыбника, что великие государи укажут. И как к тебе ся память придет, и тебе б Ваське Броннику дать тем аманатом с родниками очная ставка. И будет подлинно родники их, и хотят ясак платить на каменю на Анюе в зимовье с ними, и тебе б тех аманатов с Ковымского зимовья отдать служилому человеку пятидесятнику казачью Ваське Бурлаку и в том с ним росписатца. А будет те аманаты не родники их, и им великих государей ясак платить на Ковыме реке. А против их Таблейкова и Ниникейкова челобитья сыскать ясачными иноземцами по их

вере по шерти, как их Васька Бронник с товарыщи грабили: хто что в сыску скажут, и велеть те их речи написать на роспись и к той росписи велеть им знамени свои приложить и дать им Таблейку и Ниникейку с Филькою Рыбником очная ставка. И тот сыск прислать в Якуцкой острог с кем пригоже и велел тот сыск подать в сьезжей избе стольнику и воеводе Ивану Федоровичю Большому Голенищеву-Кутузову.

К. 202. столб. 10 на 95 ставах; сст. 82–84. (Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в. Сборник архивных док-в. Л., изд-во инта народов Севера, 1936).

После похода Атласова в 1700 г. в Якутске стали понимать, что необходимо как можно скорее закрепить русский успех на полуострове Камчатка и направить туда новую экспедицию. Исполнить эту новую миссию поручили бывалому землепроходцу Тимофею Кобелеву. Ему в помощь был выделен небольшой отряд казаков, в который были включены такие опытные служилые люди, участники похода В. Атласова, как сын боярский Иван Мокринский, Семен Ломаев, Иван Куклин и Василий Бронник.

Бронников Федор Васильевич, якутский казак (восьмая пятидесятня), служил на Камчатке, входил в команду Данилы Анциферова Томского, по приказу которого был убит Атласов. На Камчатке Василий Бронников был и оставлен на «вечное житье», в 1748 году у него здесь было два сына – Гаврила и Семен.

* * *

О самом Ерастове есть более подробные сведения, опубликованные в книге *«Славянская энциклопедия. XVII век». — М., ОЛМА-ПРЕСС. 2004.* Автор информации Владимир Богуславский.

«Ерастов (Вельков) Иван Родионович — красноярский казак. Весной 1637 находился в составе отряда атамана П.И. Губаря, разведывавшего “новыя землицы” на р. Яна. Губарь отправил Е. со служилыми людьми вверх по р. Одучая (Адыча), правому притоку р. Яна, для сбора ясака с местных якутов. Е. побывал на ее крупном левом притоке Бурлак (Борулах), т. е. первым проник на Янское плоскогорье. Летом 1640 Е. с приданными ему людьми двинулся вниз по Индигирке и покорил живших в ее среднем течении юкагиров, заставив их платить дань. В 1641 он дошел до устья реки, где, взяв в плен местного “князьца”, узнал от него о расположенной восточнее р. Алазея, на которой тоже “сидели” юкагиры. Тогда он вышел в море и вдоль берега перешел к ее устью. На Алазее русские впервые познакомились с “оленными чукчами” (сами они себя называли чавчу). Е. поднялся по вверх по реке до границы леса и срубил там зимовье, в котором его отряд и перезимовал. В июне 1642, после ледохода, он отправил часть казаков с собранным ясаком вниз по Алазее, а сам двинулся дальше в верховья для покорения и объясачивания лесных юкагиров, живших “у Камени”, т. е. возле Алазейского плоскогорья. Глубокой осенью Е. на оленях перебрался с верх. Алазеи в бассейн Индигирки, перезимовал здесь, а следующим летом морем вернулся в Ленский острог, привезя с собой богатую дань пушниной. **Сохранилась челобитная Е. и его товарищей енисейских казаков Ф. Чюкичева, Т. Алексеева и А. Стефанова** на имя царя Михаила Фёдоровича, в которой он описывает свои мытарства по добыванию “государевой казны”: “…В прошлом… во 146 [1638] году били мы челом тебе, государю… а челобитную подали в старом Ленском остроге енисейскому атаману Ивану Галкину, чтоб государь нас пожаловал, а он, Иван Галкин, по твоему государеву указу отпустил бы нас на твою государеву службу в новую землю — **на Янгу-реку и по иным сторонным речкам для твоего государева ясачново сбору к якутским и тунгуским людем и к захребетным мужиком с енисейским служилым человеком с Посником Ивановым, в 30-ти человеках, чтоб тех якутских и тунгусках или иной какой язык князцев и их улусных людей на Янгереке и по иным сторонным речкам привести под твою государеву… высокую руку**, чтоб оне, иноземские князцы и с своими улусными людьми, были послушны и покорны и учинилися бы в прямом холопстве неотступны навек, а те бы места стали впредь прочны и стоятельны, и твой государев ясак шел бы с них на всяк год безоброчно. И он, Иван Галкин… отпустил нас… И того ж… году дошли мы… до Янги-реки к янским егдурским князцем к Тунгусу и к Темереку и учали им заказывать о твоем государеве ясаке, чтоб оне… с своими родимцы и улусными людьми промышляли твоим государевым ясаком впредь на 147-й год. А иных… служилых людей, свою братью, послали мы… на низ по Янге-реке к олгеским князцем — к Колеску, и к Кортуге-шаману, и к Алебе, к их улусным людем. А приказали також промышлять… ясаком. И те, государь, егдурские и олгеские князцы с своими ро-

ды на том шерть свою дали, что им тебе, государю, служити и во всем прямити, и с себя давати твой государев ясак впредь на 147- й год собольми и впредь. Да от тех же, государь, егдурских мужиков ездели мы… на Одучим и на Бурлак к одученскому князцу Селбуку с товарыщи. И прошали мы… твоего государева ясаку впредь на 147-й год… А собрали мы… будучи на твоей государеве службе на Янге, на прошлой на 147-й год 5 сороков с прибылью перваго ясаку. А тое твою государеву ясачную соболиную казну выслали с Янги-реки с енисейскими служилыми людьми с Балагурком Никиферовым да с Девятком Ермолиным с товарыщи в Ленской острог. Да в том же… во 147-м году приходил с верх Одучея князец Селбук и бил челом служилым людем Поснику Иванову с товарыщи по своей вере словесно. А прошал оборонить от юкагирских людей, что-де… те юкагири их якутские звериные гонбища и лучные ловли, и соболиные промыслы отняли и не за чем-де будет твоего государева ясаку промышлять. И мы… по его, Селбукову, челобитью ездили для обороны вверх по Одучею, под Камень. И тех… юкагирей сошли мы… на их юкагирских кочевьях и учали им говорить: почто вы государевых ясачных людей обидите, зверовья и соболиные промыслы отнимаете, а с себя вы государева ясаку не платите, а живете в изгбылых [избылой — уклоняющийся от уплаты дани]. И те… юкагири учали с нами драться. И мы… у Бога милости прося, учали над ними промышлять, как Бог помощи подал. **И дрались с ними многое время. И Божиею, государь, милостию и твоим государьским счастием тех юкагирей многих побили, а иные изранены ушли**. А на том, государь, бою я, Треньк а, тебе, государю, служил и бился явственно, и поимал юкагирсково мужика, якутсково языку гаразд. И я, Офонька, поимал юкагиря — доброво улусново мужика. И всех, государь, мы… переима на бою 8 человек юкагирей. А ранили служилого человека Макарка Никитина в ногу копьем. И те… юкагирские люди учали нам говорить: пожалуйте-де не убейте нас, мы-де вас переведем на иную, на Индегерскую реку, а тут-де есть живут юкагирские люди, а место-де тут собольное. Да мы ж… из середнево Янсково зимовья ездили вниз по Янге-реке к олгеским мужиком для янсково юкагирсково князца Ендарака, что он, Ендарак, янских низовских ясачных якутов Аибина улуса, и Колескова, и Кортугина, и всех олгеских мужиков убивает и обидит, и своими их холопи на-

зывает, и рыбу у них и всякой корм отнимает, и жены их и дети в полон емлет. И нам бы поимать ево в аманаты. И у меня, у Ивашка, в те поры убили коня. А те, государь, юкагири, что пойманы были вверх Одучия, с якутским переводчиком перевели нас, холопей твоих, с Янги на Индегерскую реку через Камень [хребет Черского] коньми. И того ж… прошлого 147-го году, дошед мы… до Индегерские реки, и стали станом на берегу на рыбном промыслу… Да того ж… прошлого 147-го году в августе те ж индегерские пешие и оленные юкагири, шоромбойские и енгинские мужики, собрався со многими воинскими людьми, пришед опять на нас войною на наши станы, и тех… поиманых аманатов, князца Полеву и Пискуна-шамана, у нас, у невеликих людей, отбили. А я… на том бою, Ивашко, тебе, государю, служил и бился явственно и поимал на воде лутчево шоромбойского челкасково мужика, шамана Юляду имянем. И того, государь, шамана, приветчи с бою, роспрашивали: какой ты человек и есть ли у тебя родимцы [родственники]. И он сказал: яде лутчей человек в шоромбойских мужиках и есть-де у меня 4 сына. И того, государь, шамана Юляду посадили в аманаты. А у меня… Ивашка, в те поры на бою убили коня и у многих служилых людей коней побили. А тот шаман Юляда ныне седит в аманатех в Индегерском Верхнем зимовье и дает твой государев ясак с себя и с улусных людей по вся годы без недобору. Да 148-го [1639] году в сентябре поставили мы… на Индегерской реке зимовье с косым острожком [изгородь из наклонно поставленных жердей или бревен], выше Уяндины реки 2 днища. И поставя зимовье, поделали струги и ходили мы… в стругах на твоих государевых непослушников и изменников по Индегерской реке на янгинских мужиков — на князца Чичюна, на ево улусных людей… И то… место стало прочно и стоятельно. И после… того Посника Иванова осталось, нас… 16 человек, Кирило Нифантьев с товарыщи, збирать твой государев ясак… **И того ж… 149-го [1641] году приехал из Ленского острогу енисейской служилой человек Дмитрей Михайлов Ерило с товарыщи на перемену Кирилу Нифантьеву с товарыщи, и тот Дмитрей у него, Кирила, острожек и аманатов налицо принял.** А тое твою государеву ясачную соболиную казну, наш… збор 149-го году, он, Кирило Нифантьев с товарыщи, вывез с Индегерской реки в Ленской острог. **А меня… Ивашка, он, Дмитрей, и нас… Треньку и Федьку, оставил в Индегер-**

ском зимовье сильно, потому что-де вам здешняя индегерская служба в обычей и надобет-де с кем государева служба служить, а об вас-де я писал в Ленской острог к стольнику и воеводе Петру Петровичю Головину с товарыщи. А за тою твоею государевою соболиною казной с ним, Кирилом Нифантьевым, с нашим збором, не отпустил. Да того ж… 149-го году роспрашивали мы… индегерских аманатов князца Уянду и Чичина брата Нягилбу: где есть ли немирные землицы, которые государю ясаку не плачивали? И оне в роспросе сказали: есть-де вниз по Индегерской реке, у тундр, край лесов, живут юкагири, а род их имянуется олебензии, два князца-де у них, одному-де имя Морле, а другому Бурулга. А промеж собою-де оне братья сродные, Морле-де живет, к морю пловучи, в левой протоке, а Бурулга-де в правой. И мы… по их, аманатским, роспросным речам ездели с иим, Дмитреем Михайловым, 15-ью человеки вниз по Индегерской реке, и сошли… их, олюбенских мужиков, не дашед до моря за полднища, и учали их, Морля и Бурулгу, призывать к твоей государской милости, и стали у них прошать твоего государева ясаку на 149 год… И те, государь, иноземские князцы Морле и Бурулга били челом служилым людем Дмитрею Михайлову с товарыщи о своей вере словесно: пожалуйте-де, казаки, наших детей, кои у вас седят в аманатех, в Верхнее Индегерское зимовье к шоромбюйским и к енгинским мужиком не возите, потому что-де у нас с енгинскими мужиками бой живет [в состоянии войны] по вся годы и наших бы детей ваши шоромбойские и енгинские аманаты по насердью убили, а поставьте-де вы зимовье на Индегерскай реке в наших олюбенских кочевьях, ис тундр вышед, край лесов, на Алазейском переходе, на рыбной ловле, и на зверином правежу, и на соболином промыслу. И мы… по их, Морлеву и Бурулгину, челобитью и веленью поставили зимовье с косым острожком, ис тундр вышед, в лесном месте, на Алазейском переходе против Каменново носу на заречной стороне. А оставили… тут в зимовье служилово человека Онисимка Иванова с невеликими людьми, а приказали ему збирать твой государев ясак с них, олюбинских мужиков, на 150-й год. А сами мы… пошли в Индегерское Верхнее зимовье зимовать… И роспрашивали… мы олюбенских аманатов Морля и Бурулгу: где вы ведаете ли неясачных или захребетных юкагирей и иная родов, которые преж сего государева ясаку не плачивали и руских людей не видали.

И те… олюбенские аманаты в роспросе сказали, что-де есть отсюды недалеко по Индегерской реке, выплыв на море правою протокою, а морем бежать парусом от устья индегерсково до Алазейской реки не большее днище [дневной переход]. А по той-де, государь, реке живут и кочуют многие алазейские юкагирские люди, а ясаку-де оне, юкагири, николе не давали и служилых людей оне не видали, а князцев-де у них зовут Невгоча и Мундита… И мы… слышачи от тех олюбенских аманатов от Морля и Бурулги про ту новую Алазейскую немирную землицу и про неясачных юкагирских людей, взяли мы… олюбенсково аманата Бурулгина сына Чепчюгу с собою в вож [проводником] и пошли с ним на Алазейскую реку в кочах морем с ним, Дмитреем Михайловым, 15-ью человеки. И дошед, государь… до Алазейской реки, и встретили нас… в Алазейской реке многие алазейские люди, князец Невгоча и Мундита. А с ними, государь, были с тундры чюхчи мужики с своими роды и с улусными людьми. И мы… сказали им про твое царское величество и жаловальное твое слово, чтоб оне, алазейские мужики, были послушны и покорны, и учинилися бы под твоею государевою… высокою рукою в прямом холопстве неотступны навек. И учали у них просить твоего государева ясаку на 151 [1643] год. И те, государь, иноземцы, алазейские юкагири и чюхчи, в твоем государеве ясаке отказали и по обе стороны Алазейские реки обошли и учали нас… с обеих сторон стрелять… А будучи мы… на тех твоих государевых дальних службах на Янге, и на Индегерской, и на Алазейской реке, и служачи тебе… **и радеючи и прямячи во всем, и приводя немирные землицы под твою государеву… руку... холод и голод терпели, нужу и бедность приимали, и всякую скверну ели и души свои сквернили. А поднималися мы… на те твои государевы дальние службы собою [за свой счет]: кони, и оружье, и одежу, куяки и збрую конную покупали на свои деньги дорогою ценою, потому что… тогда в Ленской острог посылались из Енисейского острогу для ленские службы дети боярские и атаманы, а с ними служилых людей посылали человек по 30-ти и по 40-ку. А промышленых людей мало, а торговых и не было, и купить было оружья, и збруй, и одеж, и платья не у ково. А подъемы, государь, нам… сталися рублев по сту и больши.** А на коих мы… конях поднимались на твою государеву службу, и те у нас кони иноземцы на боях и на

аманатцких имках все побили до одные лошади. И мы… приезжали с тех твоих государевых дальних служеб в кочах морем в Ленской острог… А твоего государева денежного жалованья мне… Ивашку, шло на Красном Яру по 7-ми Рублев с четвертью на год, а хлебного против иных окладов… А не имывал я… твоего государева денежного и хлебного жалованья со 145-го [1637] году, а на 146 [1638] год я… взял только один рубль, а достальных денег и хлеба на тот год не имывал. **И на прошлые, государь, годы со 145-го и до нынешнаго 154-го [1646] году, на 8 лет не имывал же ни хлеба, ни денег…** Мы, холопи твои, на твоих государевых службах, зажились, дожидаючи перемены и чаючи от тебя, государя, к себе неизреченнаго жалованья. И ныне, государь, с тех землиц, кои мы приводили под твою государеву царскую высокую руку, и под нашу имку аманатов идет твой государев ясак на всяк год без недобору. И от тех твоих государевых служеб, что мы… служили без твоего государева жалованья, и от конного убойства обнищали и задолжали великими долги и стоим на правеже [взыскание долга с помощью батогов]. А долгу на нас рублев по сту и больше. И впредь нам… справиться от долгов и неведомо как. Милосердый государь, царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии, пожалуй нас, холопей своих… за нашу к тебе, государю, службу, и за раны, и за аманатцкие имки, и за конное убойство, и за голодное терпение своим царским денежным и хлебным заслуженым жалованьем и послугою, чем тебе, великому государю, Бог звестит…”».

* * *

А это материал из книги *«Русские полярные мореходы из промышленных, торговых и служилых людей XVII-XIX в. Биографический словарь»* В.Ю. Визе.

Ерастов Иван Родионович (Ярастов) 1642, 1644, 1646(?).

Красноярский казак, перешедший на службу в Якутск, впоследствии сын боярский.

В 1638 году, находясь в отряде Посника Иванова, Ерастов перешел сухим путем из Якутска на Яну, где с боем собирал ясак с якутов. В 1639 году Ерастов принимал участие в походе на юкагиров. В том же году он перешел сухим путем с Яны на Индигирку, где снова был бой с юкагирами. Построив на Индигирке, выше Уяндины, острожек, Ерастов ходил на стругах в верховья Индигирки с целью

сбора ясака с юкагиров. В 1641 году Ерастов отправился вниз по Индигирке и, «не дошед до моря за полднища», стал собирать ясак с юкагиров. Так как те «отказали невежливо», то произошел бой, результатом которого был разгром юкагиров.

В 1642 году Ерастов совершил переход морем из устья Индигирки на Алазею. Ерастов был первым русским, побывавшим на этой реке, он первый сообщил сведения о чукчах. На Алазее Ерастов выдержал бой с юкагирами — «дралися с ними съемным боем целый день до вечера». В этом бою Ерастов был ранен. После боя Ерастов поднялся вверх по Алазее до границы леса, где поставил «зимовье с косым острожком». И здесь произошел бой с «алазеями».

В 1643 году Ерастов перешел сухим путем на Индигирку, а ясачная казна была отправлена с енисейским казаком Федором Алексеевым Чюкичевым (Федор Чюрка) на Индигирку морем. Ерастов встретился с Чюкичевым в Верхнем Индигирском зимовье, откуда Чюкичев повез казну в Якутск.

В 1644 году Ерастов ходил в верховья Индигирки на юкагиров й разбил их. В том же году Ерастов, спустившись вниз по Индигирке, повез соболиную казну в Якутск, совершив переход от Индигирки до Лены морем.

Около 1645–1646 годов Ерастов совершил плавание из Лены в Колыму, откуда он вернулся с «костяной казной» в 1662 году.

* * *

В Москве, в январе 1673 г., случилось весьма интересное: *«В. Отлас подал две челобитные от своего имени. В одной из них содержалась его просьба о выплате денежного жалованья “за заслуженные годы”. “**Собрал я ясак, ездил на дальние реки, строил зимовья, нужу всякую терпел,** а государева жалованья за 1655 г. из положенных 5 руб. 25 коп. недополучил 4 руб., за 1657 г. — 4 руб. 25 коп., за 1659 г. — 1 руб., а за 1660, 1661, 1662 гг., — писал челобитчик, — и вовсе половину не дали — служил с воды и травы”».*

В итоге получилась сумма в 25 руб. 25 коп.

Возникает естественный вопрос: из каких тогда сумм Владимир Тимофеевич умудрялся давать взятки на свои многочисленные поездки в Москву, куда мог попасть далеко не каждый?

У Г. Леонтьевой на этот случай тоже есть ответ: «Думается, что поездки в Москву не оставляли казака “без прибытка”. Из

столицы В. Отлас наверняка привозил “русский товарец про сибирскую руку”. А из Сибири прихватывал “на Русь” партии “мягкой рухляди” — пушнины и опять же не оставался в накладе».

А то, что у Владимира Отласа деньги водились, — факт документальный. Он даже деньги в долг под кабалу давал…

Судя по именам должников — Никифора Мошинцова и Ерофея Гундышева, — как считает Г. Леонтьева, Владимир Отлас в то время — это 1676 год — служил на Анадыре, но, судя по нижеприведенной информации, здесь его и близко не было:

«В июле (все того же 1676 года. — *С.В.*) *привезены из Тобольска с казаками Владимиром Атласовым и Стефаном Кузьминым разные запасы, а именно: 7 пудов 30 гривенок воску, 8 ведер вина церковного, 5 пудов ладану, 15200 аршин холста хрящу и 290 аршин холста мокрого, 20 якорей больших и средних, весу в них 108 пудов. 2 гривенки судовых всяких варовых веревок, дрогов и завозов, ног и бечев и жеем по весу 291 пуд 35 гривенок, 29 пудов укладу жилного, 9 пудов 18 гривенок меди зеленой в котлах и тазах, 2 пуда 13 гривенок с ½ гривенками олова в блюдах, тарелках и прутьях, 51 пуд 5 гривенок с ½ гривенками прядено гороховского и неводного троесучи, 30 пудов зелья ручного с бочками, рогожами и веревками, 29 пудов 10 гривенок свинцу, 18 стоп бумаги писчей, 92 ведра с четью вина горячего, 19 пудов 27 гривенок с ½ грив. меду пресного с деревом в трех бадьях и 8 половинок сукон летчинных».*

Но Тобольск – это только часть пути. В материалах Якутской приказной избы есть любопытный документ, датированный 25 июля 1676 годом, суть которого изложена следующим образом:

«Отписка Илимского воеводы Силы Осиповича Аничкова и енисейского воеводы Михаила Васильевича Приклонского якутскому воеводе Андрею Афанасьевичу Барнешлеву о писчей бумаге, взятой в Илимском остроге в долг на нужды Илимской приказной избы из запасов, следовавших из Москвы в Якутск со служилыми людьми Владимиром Атласовым и Степаном Медниковым».

А в 1677 году он совершает свою последнюю поездку в Москву (о его поездке 1677–1678 гг. сохранилось упоминание в отписке якутского воеводы А.А. Барнешнева, как сообщает М. Белов) и, по версии Г. Леонтьевой, тогда же он вывозит свою семью в Якутск.

* * *

В Якутской окладной книге за 1682 год сообщалось: *«Волотька Отлас в нынешнем во 190-м году июля в 3 день в Якуцком умер»*. Это дата русского календаря «от сотворения мира» — 7190 год и нужно отнять 5508 лет, чтобы перейти в новый европейский календарный формат, установленный Петром I.

В этот же год и в этот же день сразу на «женатый» оклад был верстан в казачью службу Владимир Владимиров сын Отласов: *«Гришка Северов в нынешнем во 190-м году в Горбейском зимовье умер. Июля в третий день в его место приверстан казачий сын Волотька Отласов и июля в 9-й день хлебный оклад учинен ему женатой»*.

И если следовать логике Б.П. Полевого о том, что Владимир Владимирович Атласов уроженец Якутска, то более чем странно, что при том дефиците служилых людей, который был в Якутском остроге, Владимир Владимирович не только оставался в казачьих детях (верстать в казаки начинали с 14-летнего возраста), но успел уже обзавестись семьей, то есть достиг восемнадцатилетия, будучи по-прежнему сыном казачьим.

Вывод другой — сыновья Отласа прибыли в Якутск накануне ухода Владимира Тимофеевича в иной мир.

И Владимир Владимирович прибыл в Якутск уже женатым человеком — то есть свою жену, Стефаниду Федоровну, он привез с родины — Усолья Камского (Соликамска Пермского края) или Усолья Вычегодского (Сольвычегодска Архангельской области).

Ситуация же со служилыми кадрами была следующей:

«Согласно якутскому воеводе А.А. Барнешлеву, в “184”/1676 г. в уезде было 609 служилых [ДАИ 6, 136: I; с. 402]; по сообщению якутского воеводы И.В. Приклонского, к “189” году (т. е. к 1681 г.) во всем Якутском уезде значилось 606 служилых людей; Приклонский по дороге к Якутску, куда он был назначен воеводой, и в самом Якутске отдал ряд приказов о приверстании новых служилых, и в итоге к концу весны “190” года (= весны 1682) под его началом было уже 717 служилых [ДАИ 8, 44: XXV; с. 184]. Согласно другому сообщению Приклонского, к концу февраля “191” года (= февраля 1683 г.) под его началом в уезде состояло всего 683 служилых, из которых 173 человека было получено с Енисея и призвано Приклонским на территории уезда, начиная со “189” / 1681 г., а 510 продолжало службу с 1680 г.» (А.А. Немировский «Материалы по истории юкагиров и русской власти на Пенжине и Анадыре во второй половине 1670-х – середине 1680-х гг.»).

В 1685 году приверстан на казачью службу брат Владимира Владимировича Иван: «В 1685 г. в документах Якутской приказной избы впервые упомянуто имя … казака Ивана Владимирова Атласова» (М. Белов). По другим данным — он был поверстан в том же 1682 году. В 1698 году Иван Владимирович погибнет на реке Вилюй. А его полный тезка и родной племянник — пятидесятник Иван Владимирович Атласов — в 1732 году будет служить на Камчатке и восстанавливать заново Олюторский острог, уничтоженный восставшими коряками.

А затем на службу поступает и Григорий, который, по данным М. Белова, «в 1687 г. числится в разряде холостых казаков», а по другим данным — именно в 1687 году верстан в женатый оклад, то есть тоже достигший к моменту верстания как минимум восемнадцатилетнего возраста, как и его старший брат в 1682 году. Исходя из этого, можно иметь и приблизительный возраст братьев Атласовых — старший, Владимир, примерно 1660–1664 года рождения, младший — 1669.

Это весьма четко связано и с посещениями Владимира Отласа «родного очага» — 1658–1660, 1661–1663, 1668–1669 годы.

* * *

Пытаясь понять психологию Отласа-отца, Галина Леонтьева пишет: «В. Отлас был честным, старательным, исполнительным человеком. Но он всегда лишь шел по стопам первооткрывателей и поэтому оставался в тени, так и не поднявшись до конца своих дней выше чина рядового казака. Чтобы стать Семеном Дежневым, нужно было быть более инициативным, рисковым, смелым и идти в новые земли в первом эшелоне. Но знания, опыт, пусть и не первопроходца, а простого служилого человека, свою любовь и интерес к, казалось бы, неуютному Якутскому краю он сумел передать своему сыну Владимиру Владимировичу Атласову, который во многом превзошел отца».

Судя по тому напору, благодаря которому Отлас пробивал свои московские «командировки», он был прекрасным психологом и организатором. У каждого якутского воеводы был свой норов и свои «таксы». Нужно было не только угодить и подмазать, но еще и заинтересовать.

Интересна в этом смысле и версия Г. Леонтьевой о прозвище Володимера Тимофеева сына. Обычно говорят о том, что этот казак любил рубахи из атласа. Чушь, конечно. В Охотском остроге казаки слезно просили у Андрея Булыгина кусок обыкновенной

парусины, чтобы сшить рубахи, так как «ношебное платье» превратилось в тряпье.

«На Русском Севере, в Поморье, Пермской земле, Предуралье “отласами”, — как пишет Г. Леонтьева, — называли покрытый особым составом (жиром, воском) грубый холст, который использовался для пошива непромокаемой одежды (портов, епанчей, рукавиц), необходимых рыбакам для выхода в море».

И если прозвище возникло именно на этой основе и не в буквальном — по одежде — смыслу, а по характерной примете человека — непробиваемый (непромокаемый), крепкий, но в то же время и изворотливый (скользкий) — то приоткрывается таким образом, исходя из прозвища, и возможная теневая сторона личности бывшего промышленника, пришедшего в Сибирь за «золотым руном» — браконьера-хищника и служилого человека Володимера Отласа, отмеченная его современниками.

Кстати, обращаясь к образу Семена Дежнева, — он стал героем не в силу каких-то личных заслуг, как, например, его личный враг Михаил Стадухин, а только волею случая. Случайно именно он был назначен сборщиком ясака в промышленную экспедицию (оказался «под рукой» у приказного человека Втора Гаврилова, когда рядом не было Стадухина). Случайно остался жив, а не погиб, как большинство из его спутников, в том числе и те, на чьи средства все это организовывалось — тех же купцов Гусельниковых, представителем купеческой корпорации которых выступал Михаил Стадухин. Случайно обнаружил моржовую коргу и доставил в Москву «рыбьего зуба» на баснословную по тем временам сумму — 17 тысяч 340 рублей.

Это, безусловно, не умаляет заслуг Дежнева.

Но сам он не спешил объявлять о своем землепроходческом подвиге, втихую обрабатывая со своими товарищами моржовую коргу, добывая мореный «зуб» и накапливая богатства, девятнадцать(!!!) лет не получая своего нищенского казачьего жалования…

Ведь и пришли они, Владимир Отлас и Семен Дежнев, в эту дальнюю сибирскую землю с Русского Севера не за жалованием, а за своим личным доходом. И каждый зарабатывал как умел, используя для этого и свой особый случай — выпавший судьбой жребий…

Атласов

День смерти отца — Владимира Тимофеева сына Отласа — и день поступления Владимира Владимирова сына Отласова на службу — 3 июля 1682 года.

То есть и то, и другое случилось в один и тот же день.

И поэтому Владимиру Владимировичу Атласову, судя по дальнейшим событиям, нужно было начинать свою сибирскую жизнь с «белого листа».

* * *

И вот как начиналась его служба.

Но сначала давайте познакомимся с территориальным делением Якутского уезда, чтобы нам легче было ориентироваться с местом, куда на первых порах был послан служить Владимир Владимирович — в Удский острог.

Л.И. Каберник в статье «Из истории Удского острога в XVII в.» сообщает следующее:

«Сибирь в административном отношении делилась на 20 уездов, образованных в разное время по мере движения русских от Урала на восток. Уезды группировались в более крупные административные образования, именовавшиеся разрядами. Якутский уезд охватывал обширную территорию, образовывал самостоятельный разряд и подчинялся центральному правительственному органу — Сибирскому приказу. Причиной образования уезда в бассейне р. Лены послужила очень сложная ситуация, связанная с острой конкуренцией русских служилых людей в этом районе между представителями различных гарнизонов, которая доходила порой до вооруженных столкновений. Таким образом, Сибирский приказ вывел новую административную единицу из подчинения воевод, чьи гарнизоны претендовали на различные районы этого огромного региона. Границы нового разряда-уезда определились по территориально-географическому принципу: кроме бассейна р. Лены в него вошли и “иные реки”, т. е. ясачные волости, рациональность управления которыми из Ленского острога, будущего города Якутска, не вызывала сомнения, а также новые “землицы, еще неизвестные или находящиеся в стадии объясачивания их енисейскими казаками (которые еще не знали, что, отправившись из Енисейского острога несколько лет назад,

будут навсегда оставлены якутскими воеводами в этом суровом краю. — *С.В.*)”.

Управление аборигенным населением осуществлялось воеводами и назначаемыми ими приказчиками острогов через родоплеменную знать. Исторически сложившееся деление на роды и племена было сохранено и закреплено в виде административно-территориальных ясачных волостей, имевших чисто территориальные названия и именовавшихся по тем рекам, на которых они были расположены, или же по именам лиц, которые эти волости возглавляли. Б.О. Долгих делил все население юго-восточных зимовий Якутского уезда на три основные части: алдано-майскую (платившую ясак в Бутальское, Усть-Камнунское, Тонторское, Среднемайское и отчасти Верхнемайское зимовья), удскую (Тугурское зимовье и Удский острог) и охотскую (Охотский острог, Тауйское или Мотыхлейское и отчасти Верхнемайское зимовья).

Тугурское зимовье было основано в 1653 г. казаками отряда Уварова — Нагибы, приплывшими сюда с Амура. Отряд этот разошелся на Амуре с Хабаровым и после жестоких боев с гиляками и ряда других злоключений вышел из устья Амура и где-то в районе устья Тугура нашел тунгусов и взял с них ясак. С 1658 г. Тугурское зимовье было фактически ликвидировано, хотя формально продолжало фигурировать в ясачных книгах до 1666 г., а ясак с части тунгусов бассейнов рек Уда и Тугур собирался в Среднемайском зимовье. С 1664 г. удские и тугурские тунгусы платили ясак в Верхнемайское зимовье, а с 1670–1671 гг. они были приписаны к Майскому зимовью. Однако в ясачной книге за 1684–1685 г. имеются данные о плательщиках ясака (негидальцах) Тугурского зимовья. В 1683 г. наряду с Удским острогом упоминается также Тугурский острожек: здесь собирали ясак с амгунских тунгусов. Намеревались также поставить зимовье на самой Амгуни. Но в 1684 г. Тугурский острожек с помощью гиляков и негидальцев был взят маньчжурскими войсками и сожжен.

<…> За Охотским, Тауйским и Удским острогами числилось около 200 казаков. Казаки, направляемые сюда на “двуегоднюю службу” в Удский острог, мирно жили в соседстве с тунгусами и аккуратно собирали с них ясак. В 1680–1681 г. приказчиком Удского острога был назначен Филипп Щербаков, в 1683 г. — Петр Оксентьев, в 1684 г. — Герасим Цапандин (Цыпандин. — *С.В.*),

которого сменил пятидесятник Андрей Амосов. Последний, направляясь вместе с Владимиром Атласовым из Якутска на реку Уду, вышел в путь в августе 1684 г.».

* * *

И здесь нашего героя ожидали первые неприятности (Б.П. Полевой):

«О реке Уде ходила дурная слава: мало там было "прокорму", улов рыбы ничтожен, потому приходилось брать с собой "добрые запасы". В Маймаканском зимовье на небольшую группу казаков напал казак Ларион Дурнев и забрал у них большую часть продовольствия. У одного лишь Владимира Атласова он захватил десять пудов ржи. Эта потеря значительно осложнила службу Атласова на Уде, где он жил впроголодь, хотя временами и ходил в различные походы на далекие реки, где можно было добыть рыбы. Именно тогда Атласов впервые побывал на реке "Хамун" (Амгунь) в землях негидальцев. Но на Уде он голодал и потому 3 июня 1685 г. постарался "полюбовно поменяться" службой с казаком Удского острога Василием Протасовым. В Центральном государственном архиве древних актов найдена челобитная, в которой Василий Протасов просил: "вместо ево, Волотьки, служить Ваших великих государей служба два годы с пятидесятником казачьим с Ондреем Омосовым, а ему Волотьке идти с отписками в Якутский острог". Как раз в тот момент до Удского острога дошли тревожные сведения о том, что противники готовят нападения на Албазин и на Удский острог. Это чрезвычайной важности сообщение Андрей Амосов поручил доставить в Якутск Владимиру Атласову. В помощь были выделены три казака: Любим Дежнев (сын Семена Дежнева), Андрей Цыпандин (ставший вскоре "начальным человеком" Анадырского острога) и Тимофей Борисов. Выйдя на Алдан, группа Атласова от так называемого "Филиппова креста" пошла "коньми" прямо через горы к Якутску. Так выяснилось, что именно Владимир Атласов одним из первых сообщил в Якутск о готовившемся нападении на Албазин. В августе 1687 г. Владимира Атласова снова направили на Уду с отрядом казаков, во главе которых стоял Иван Крыженовский. Как бывалый человек Атласов смог быстро довести новый отряд до места. Однако и на этот раз он пробыл на Уде только одну зиму и вернулся в Якутск».

* * *

А вот как начиналась, по мнению уже Михаила Ивановича Белова, служба Владимира Атласова:

«Трудна и опасна была служба в Даурии. Вот как рассказывал о ней в 1697 г. приказчик Удского острожка Яков Питухин: "...служилые люди в Удском острожке живут вельми голодают — питаются кореньем и травою... А со служилых людей собрать в казне нечего и у мужиков також взять нечего. Помереть всем голодною смертью. А которые хлебные запасы привозят из города казаки, и тех запасов на треть зимы не будет. А залишних запасов не возют, потому что дальнее расстояние". В этот неосвоенный край и отправился Атласов. В августе 1682 г. он был включен в отряд пятидесятника Ивана Жаркова (Жиркова. — *С.В.*)*, направлявшийся на Учур. Путешествие прошло, по-видимому, успешно, так как уже в январе 1683 г. Атласов и казак Аверкий Григорьев доставили в Якутск ясак, собранный с учурских тунгусов. Вместе с ними прибыл казак Иван Усанин, обследовавший горные богатства района рек Тонторы и Гонома. Усанин обнаружил там залежи слюды, два пуда которой для "опыту" привез с собой. Кроме слюды, Усанин добыл "каменье красное", "а сказал, что де то каменье не простое — чаят, что медная руда. А сыскал де то каменье по Гоному реке, в горе. И в той горе того каменья есть много"».*

* * *

Но еще интереснее сообщение Б.П. Полевого, который отмечает главное — уже в самый начальный период своей казачьей службы Владимир Владимирович резко выделялся на общем фоне якутских служилых.

«...в августе 1682 г. Владимир Атласов был послан на двухлетнюю ("двуегоднюю") службу на реку Учур — правый приток верхнего Алдана, ***в качестве "подьячего",*** *что говорит о его грамотности. Его отец, Владимир Тимофеев Отлас, как видно из документов, не был грамотным, но, безусловно, человеком смышленым: недаром воеводы не раз посылали его с различными ответственными поручениями в Москву. Оказавшись в гуще различных важных дел, Владимир Отлас ясно понял, как важна грамота. Вот почему он позаботился о том, чтобы его сыновья, а их было трое, стали людьми грамотными. В те времена обучение грамоте обычно проходило в домашней обстановке. Но были случаи, когда сами якутские власти организовывали небольшие группы ребят для обучения грамоте.*

В качестве примера можно указать на один совершенно уникальный случай. В якутской тюрьме сидел приговоренный на пожизненное заключение фальшивомонетчик Константин Конюховский. Якутский воевода И.Ф. Голенищев-Кутузов самолично распорядился, чтобы в его камере пробили "протесы" — окошки, и на обучение грамоте к нему стали ходить дети.

Это было в 1664–1665 гг. Сибирь XVII в. уже тогда часто называли страной доносчиков, ябед. На воеводу в Москву был послан донос и подобную необыкновенную школу пришлось закрыть. А сам воевода умер еще до окончания следствия. К сожалению, имена учеников, ходивших в эту школу, нам остались неизвестными. Был ли среди них Атласов — сказать трудно. Скорее всего, он тогда еще был слишком мал.

Он стал подьячим, ибо имел весьма неплохой почерк. Уже в январе 1683 г. Атласов вернулся в Якутск с алданским ясаком и новыми известиями об обнаружении на верхнем Алдане слюды. В феврале 1683 г. Владимир был лично допрошен якутским воеводой И.В. Приклонским. ***Одновременно молодой Атласов доложил воеводе о некоторых нарушениях порядка сбора ясака на реке Учур. В частности, по поручению учурского приказного казачьего пятидесятника Ивана Жиркова, он "известил" воеводу о том, что учурские эвенки жалуются на различные злоупотребления сборщика ясака Ивана Усакина*** (Усанина. — *С.В.*). *Поскольку власти в Якутске были заинтересованы в скорейшем «замирении» края — в установлении наилучших отношений с плательщиками ясака - эвенками, вслед за расспросом Владимира Атласова* ***последовало строгое распоряжение воеводы учинить расправу над корыстолюбивым казаком Иваном Усакиным.***

Усакина вызвали для ответа в приказную избу Якутска и там ему простили все его прегрешения за то, что он поведал об удивительном: на реках Тонтора и Гонам (приток Учура) Усакин обнаружил богатые залежи слюды и два пуда "для опыту" доставил в Якутск. Кроме того, он же привез "каменье красное" и при этом объявил: "де то каменье не простое — чаят, что медная руда". Усакин объявил, что нашел его "по Гонаму реке в горе". Уже в ту эпоху на Руси высоко ценили такого рода важные сообщения».

Б. Полевой сообщает нам о нескольких важнейших вещах, имеющих судьбоносное для Атласова значение.

Во-первых, о том, что в Якутске в этот период времени невозможно было выучиться грамоте и существовал страшнейший дефицит на людей грамотных, почему Владимир Атласов и пошел в свой первый в жизни дальний поход в качестве подьячего — походного писаря. И этим он только подтверждает версию Г. Леонтьевой о том, что Владимир Тимофеевич Отлас только перед самой своей смертью привез семью в Якутский острог.

А вторая информация еще более важна — Владимир Атласов отправлялся в дальний поход еще и в качестве «наушника», то есть доносчика, собирая сведения о злоупотреблениях со стороны якутских служилых. На эту роль мог согласиться только человек новый для Якутска, свежий, не связанный дружескими, товарищескими, соседскими или просто корпоративными, отношениями, которому легко было внушить мысль о том, что его «доносы» имеют важную государственную значимость.

* * *

Попытаемся понять, какое отношение могут иметь данные лица или данные события к будущей трагедии.

Иван Семенов сын Жирко (Жирков) был енисейским казаком, перешедшим на службу в Якутск. Мы отмечаем его имя в документах за 1638 год. В 1653 году он числится в десятниках.

Но в 1681 году мы видим в списках пятидесятников Жиркова Ивана Нестерова (возможно, уже внука Ивана Семеновича), будущего приказчика Усть-Кутской и Криволоуцкой волостей. Вероятно, именно с ним и пошел в первый свой поход Владимир Атласов. Жирковых в Якутске, а вслед за этим и на Камчатке, было много. У самого пятидесятника был племянник Степан Жирков (1677 г. р.), который в 1706 г. служил во второй пятидесятне Якутского казачьего полка

В 1674 году в документах Якутской приказной избы проскочило имя подьячего Осипа Жиркова.

А вслед за этим был найден и другой документ: «Челобитные казака Мих. Жиркова, его сестры Натальи и именинника Анатолия Осипова о присвоении имущества умерших родителем их братом Иваном Чирковым, с росписью имущества». Судя по отчеству именника — все они дети подьячего Осипа Жиркова. Вполне вероятно, что и фамилия брата просто искажена — Иваном ЖИРКОВЫМ. Следовательно, был и третий Иван Жирков — Иван Осипович, брат Михаила, Натальи и Анатолия.

У Михаила Осиповича, который в 1706 году служил в третьей пятидесятне, было четверо сыновей: Ондрюшка (1687), Офонка (1688), Оска (1689), Сенка (1691).

Дети боярские Андрей и Афанасий Михайловичи Жирковы были камчатскими приказчиками: «Вместо Шелковникова в камчатские прикащики выбран Степан Трифанов; но впоследствии ему поручены другие обязанности по якутской канцелярии, и на место его послан Андрей Жирков, которому дан в помощь Афанасий Жирков, для письма Иван Шамаев, мореход Невейца и 21 человек казаков.

Вскоре по принятии острогов Андрей Жирков в Нижнем умер, а потому и остался подле него Афанасий Жирков. Афанасий Жирков в 1725 г. при отправлении из Камчатки оставил закащиками в Нижнем Артемья Кочетова, в Верхнем Петра Чупрова и в Большерецком В. Пашкова».

Больше пути Атласова и Жирковых нигде не пересекаются.

* * *

Казак Иван Фомич Усанин (или Усакин).

Нового о нем мы ничего не узнали. Возможно, что и их пути-дороги с Атласовом больше не перекрещивались.

Впрочем, встретилась одна информация за 1680 год: «Дело о злоупотреблениях казака Ивана Фомина Усакина (торговля “заповедными” товарами покупка пушнины у ясачных тунгусов до ясачного сбора), посланные на р. Тонтору для поисков слюды».

То есть дыма без огня действительно не было, и о злоупотреблениях Усанина Атласов доносил не зря. Но явно нажил себе врага…

* * *

Крайне странной кажется история с грабежом, который произвел казак Дурнев.

За такие вещи, как правило, наказывали…

Но Ларион Антипин сын Дурнев в 1703 году, например, служил на важной долности целовальника в Якутске и состоял при раздаче того, что ценилось выше золота в Сибири, — соли. Вполне возможно, что и в 1684 году он занимал уже какую-то высокую должность.

А в 1754 году, вероятно, его прямой потомок, нижнекамчатский казак Родион Дурнев, поведет одно из промышленных судов купца Никифора Трапезникова — шитик «Николай» в Русскую Америку.

* * *

«Полюбовно поменяться» с Протасовым — значило на самом деле продать свое служилое место: кто же добровольно согласится нести за другого «двуегодную службу». Следовательно, помимо продуктовых запасов, которые отнял у Атласова казак Дурнев, у него было и что-то другое, на что мог прельститься Василий Протасов.

Протасовых в Якутске было много — возможно, все они были из тобольских казаков Протасовых. С Атласовым впоследствии мог быть связан Протасов Петр, который погиб на Камчатке в 1707 году.

* * *

Далее по М. Белову:

«В 1684 г. Атласов был направлен в еще более отдаленный район — на реки Удь и Тугир. В поход с ним пошел сын Семена Дежнева Любим Дежнев. Отряд состоял из 50 человек, возглавлял его пятидесятник Андрей Амосов. Он вышел из Якутска не раньше конца июля, в июле же Амосов доносил с дороги, что успешно продвигается по Алдану. И на этот раз Атласов вскоре вернулся в Якутск. Во всяком случае уже 31 мая 1685 г. он снова был направлен в Тугирское и Удское зимовья сроком на два года вместе с сыном боярским Леонтием Трифоновым. Отряд Трифонова состоял из 67 казаков, среди которых находились брат Владимира Григорий Атласов, Любим Дежнев и Петр Ломоносов. Сын Владимира Атласова (Отласа. — *С.В.*) *Иван одновременно получил назначение на реку Маю.*

Подробности поездки Владимира Атласова на Тугир в 1684 г. не известны. Отбыв срок службы, к июлю 1687 г. Атласов вернулся в Якутск. Об этом свидетельствует подпись на оборотной стороне поручной, выданной 1 июля от имени группы казаков, в числе которых был Григорий Атласов: “К сей поручной вместо брата своего Григория, брат его Волотька Отласов руку приложил”».

Но Борис Петрович Полевой, который постоянно пикировался с Михаилом Ивановичем Беловым, ошибочно считавшим, что Владимир Отлас и Владимир Атласов — это один и тот же человек, вновь вносит свои коррективы:

«В августе 1684 г. Владимир Атласов снова в качестве “подьячего” был послан на “двуегоднюю службу” с казачьим пятидесятником Андреем Амосовым на далекую реку Уду» (далее мы цитировали выше).

И вот главное:

*Владимир Атласов «…3 июня 1685 года постарался “полюбовно поменятца” службой с казаком Удского острога **Василием Протасовым**. Удалось найти челобитную Василия Протасова, в которой он просил “вместо его, Волотьки, служить ваших великих государей служба два годы с пятидесятником казачьим с Ондреем Омосовым, а ему, Волотьке итти с отписками в Якуцкий острог”.*

*Как раз в этот момент до Удского острога дошли тревожные сообщения о том, что китайцы готовят нападение на Албазин и Удский острог. Это чрезвычайной важности сообщение Андрей Амосов поручил доставить в Якутск Владимиру Атласову, и ему в помощь были выделены три казака: **Любим Дежнев, сын Семена Дежнева, Андрей Цыпандин** (позже он стал приказным Анадырского острога) и **Тимофей Борисов**. Выйдя на Алдан, группа Атласова от так называемого “Филиппова креста” пошла “коньми” прямо через горы к Якутску. Так выяснилось, что именно Владимир Атласов и его товарищи одними из первых сообщили о готовившемся нападении на легендарный Албазин».*

* * *

То есть выделим, что, по определению Б. Полевого молодой и неопытный казак Владимир Атласов был в этой группе старшим, судя по тому, что ему «в помощь были выделены три казака».

И это очень важно. Следовательно, его собственная роль в отряде Андрея Амосова снова была необычной, то есть выпадающей за рамки обычной казачьей службы, и старшим можно было послать Андрея Ивановича Цыпандина, который служил на Лене с братом, пятидесятником Герасимом Цыпандиным, как минимум, с 1654 года и побывал за эти годы не только в самых разных местах Якутского уезда, но и в самых разных переделках: еще в 1659 году индигирский приказчик **Лазарь Савин Аргунов** пересылал с казаком Андреем Цыпандиным государеву соболиную казну в весь ма сложных условиях.

Вот только один документ, датированный 1668 годом, когда Владимиру Владимировичу Атласову было по меньшей мере только четыре годика, дает оценку деятельности Цыпандина, служившего еще вместе с Отласом, если тот действительно был в команде сына боярского Кузьмы Лошакова:

«А на Индигирку реку с Лены реки пришло 2 коча торговых людей, коч гостя Василья Шорина, человек ево Гришка Варфоломеев с товарыщи, а на другом коче торговые люди Никифор Бобровской Залетин с товарыщи. И оне, Никифор Бобровской, свои хлебные запасы и руские товары переволочили через гору на Ковыму реку, а коч у них остается на Индигирке реке порожден. А я, Семейка, приказав великих государей казну служилым и торговым, и промышленым людем, зимным путем волочился с край лесов до Уяндинсково острожку и до под Шиверского ясачного зимовья для ради великого государева дела к приказным людем сыну боярскому Кузьме Лошакову да Омельяну Аргунову, Марку Федорову, чтобы нам по совету для казны великих государей взять у торговых людей коч, которой буде згоже, и послать бы вам с отписками в Якутцкой острог через Камень служилых людей. И оне, приказные люди Кузьма Лошаков с товарыщи, мне, Семейке, в том во всем отказали — мы де у торговых людей судна коча не возьмем, а с отписками послать в Якутцкой острог неково, у нас служилых людей мало, да и боимся от изменников ламутских мужиков смертного убойства. А мне, Семейке, великих государей казны на Индигирке реке не поставить, как лед скроется, взять у торговых людей под казну великих государей коч, которой буде пригоже, и итти морем в Якутцкой острог. **А с отпискою нынеча через Камень на Янгу реку и в Якутцкой острог к тебе, стольнику и воеводе, послан служилой человек Ондрюшка Иванов Цыпандин по великой нужде, боячись от изменников ламутцких мужиков смертнаго убойства**.

А он, Андрюшка, помнячи великих государей крестново целованья, не убояся смерти, пошел с-Ындигирки реки на Янгу один, только даны ему провожатые 2 человека ясачных юкагирей, на оленях.

А что в прошлом во 175-м году с Ковымы и с Анандыря, и с Чодона рек посланы были отписки в Якутцкой острог со мною, Семейкою, и тех отписок нонча с ним, служилым человеком с Ондреем Цыпандиным, послать не посмел, потому что он, Ондрюшка, один». (1668 (176) г. не ранее марта 1 — не позднее июня 8. — Отписка служилого человека Семена Сорокоумова в Якутскую приказную избу о затертом льдами в

устье Индигирки коче и ввиду этого задержке соболиной казны, доставляемой с р. Колымы в Якутский острог).

В 1688 году в казаки будет верстан уже сын Андрея Ивановича — Петр Андреевич Цыпандин, который унаследует позже казачий чин своего отца, став десятником. А на «убылое место» самого Петра Андреевича, умершего в 1706 году, будет верстан не кто-нибудь, а представитель знаменитой династии сибирских землепроходцев Галкиных — Василий, ведущий свой род от одного из казаков из ватаги Ермака Тимофеевича.

И при всех этих заслугах Андрей Цыпандин был в отряде молодого подьячего (походного писаря) Владимира Атласова, доставляющего в Якутск известие о готовящемся нападении на Албазин, лицом подчиненным.

А это, исходя из казачьей иерархии того времени, о многом говорит.

Добавим к этому характер людей из семьи Цыпандиных, чтобы иметь еще большее представление о подчиненной роли Андрея.

1669 г. — «возвращение казаку Андрею Цыпандину принадлежашую ему ранее роспись с кабалами на торговых и промышленных людей, находившуюся ранее у его брата Герасима Цыпандина и захваченной торговым человеком Василием Емельяновым».

В 1671 г. служилый человек Лука Володимеров за долги отдал Герасиму Иванову Цыпандину в холопство свою падчерицу Аграфену.

В 1677 году в Якутске рассматривалось «Дело о насильственном пострижении в монахи знаменитого казачьего пятидесятника Василия Бурлака его женой Катериной Яковлевной совместно с приказным человеком — пятидесятником Герасимом Цыпандиным и о подмене ими соболей сбора Василия Бурлака».

Без даты. «Следственное дело о злоупотреблениях приказного человека Герасима Цыпандина по обвинению его в поборах с тунгусов, разграблении царской казны и уничтожении Тугурского зимовья».

И этого человека впоследствии Б.П. Полевой в своей книге назовет «другом Атласова»…

Весьма сомнительно.

Но они еще встретятся.

* * *

Отдельно коснемся жизненной истории казака Петра Ломоносова, которая отражает весьма непростые нравы и обычаи того времени. В Якутской приказной избе хранится дело за 1681 год: «Дело по жалобе старицы Матроны о незаконной продаже якутским казаком Семеном Сорокоумовым ее сына Петра Иванова Ломоноса в холопство бывшему якутскому воеводе Андрею Барнешлеву». Дело, судя по тому, что Петр Ломоносов был поверстан в казаки, оказалось выигранным, а воевода Барнешлев, как известно, за многие свои злоупотребления был отдан под суд, но до него, как и Голенищев-Кутузов, не дожил…

* * *

Более любопытна карьерная «лестница» сына боярского Андрея Амосова.

В 1645 году плотник Андрей Амосов готовил виселицы, чтобы по приговору первого якутского воеводы повесить главных казнокрадов Ленского острога, начиная с сына боярского Ходырева и продолжая большим списком торговцев и служилых людей, наживавшихся на тайной продаже пушнины. Но это был однофамилец. И скорее всего, томич.

Отцом якутского казака Андрея Амосова был казачий сотник Амос Михайлов, приказчик на р. Яне в 1660–1662 гг., а затем (в 1665–1666 и в 1670 гг.) на р. Индигирке.

Для нашего рассказа он интересен еще и данными, которые мы почерпнули из исследований Н.Н. Оглобина: «В 1656 г. Дежнев находился еще на р. Анадыре. Об этом свидетельствует данный Якутскими воеводами “наказ” стрелецкому и казачьему сотнику Амосу Михайлову, — первому правительственному “прикащику”, посланному на Анадыр, с 30 служилыми людьми. Он должен был “росписатца” с Дежневым, Никитою Семеновым (товарищ Дежнева по Анадырской службе) и Юр. Селиверстовым, то-есть, принять от них зимовья, служилых людей, аманатов, государеву казну, воинские и др. припасы, документы и проч. Главное внимание наказа обращено на прием от Анадырских начальных людей собранной ими моржевой кости и на дальнейшую добычу этого ценнаго продукта. Якутския власти, повидимому, подозревали Дежнева с товарищами в злоупотреблениях по сбору этой кости, в утайке ея и проч., а потому предписали Михайлову выслать в Якутск Дежнева, Семенова и Селиверстова, а в находившихся в их партиях служилых лю-

дей “ни на какие государевы службы не посылать”, пользоваться же для этого только вновь посланными с Михайловым Якутскими казаками. О Дежневе с товарищи (а также и Стадухине) велено Михайлову произвести строгий “розыск”, как по взаимным их челобитным друг на друга, так и вообще розыскать о всей их деятельности на р. Анадыре. Был ли Дежнев с товарищами выслан Михайловым в Якутск, или добровольно поехал туда, как отнеслись к нему Якутские воеводы, к чему привел “розыск” Михайлова — на все это нет ответа в напечатанных актах».

Ответы на эти вопросы нашел в архивах Михаил Иванович Белов:

«1657 года не раньше марта 19. — Отписка казачьего и стрелецкого сотника Амоса Михайлова и таможенного сборщика Петра Афанасьева якутскому воеводе Михаилу Лодыженскому о путешествии на Анадырь и неудачах во время морского хода.

На обороте: Государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа великия и малыя и белыя Русии самодержца стольнику и воеводе Михаилу Семеновичю да дьяку Федору Васильевичю; *помета дьяка Тонково*: 165 году, июня в 12 день, подал отписку служилой человек Гришка Простокиша. *ЛОИИ, Якутские акты, карт. 16, ст. 9, сст. 4–5.*

Государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа великия и малыя и белыя Русии самодержца стольнику и воеводе Михаилу Семеновичю да дьяку Федору Васильевичю служилые люди Омоско Михайлов да таможенной зборщик Петрушка Афанасьев с товарищи челом бьют. В нынешнем во 165 году, марта в 19 день, на государеве службе в замете на Омолоеве реки замерзли з государевою казною, здравы. Да в прошлом во 164 году вышли мы из устья Ленского у Трех крестов, 2 грешным делом, у нас один коч на обсушке стоял на упалой воде. И после того с мели снялись и ветров пособных не было недели с три и больше; навстречу из заморья с Ковымы шли служилыя люди Данило Вятка с товарищи з государевою казною и из-за Камени с Анадыри промышленой Юшко Селиверстов с товарищи на том же коче, идут пособными ветрами. А сколько у него казны государевы с ним есть, и про то мы не ведаем. Да усть Омолоевы ж реки розбило коч служилых людей Федотко Ветошко с товарищи з государевою костью. И нам от них, служилых, прямые вести учинились, что де с Анадыре тот Юшко государевых аманатов и в коче пятнатцать человек служилых, доброво толмача послал на море или на иную реку, а вести де про них от иноземцов нигде не слышали. А теми де государевыми аманаты и толмачем всякие государевы дела и с иноземцов ясак и поминки збирался, а теперь де на Анадыре и над служилыми людьми над ясачным зимовьем неведомо что делается. А на Омолоевы ж реки, зимуючи, многия служилыя люди хлебное жалованье съели, издержали. А в наказной памяти указано мне, Омоску, с Анадыри посылать служилых на море для промыслу рыбей кости, и кочевых снастей и свердла и напарий, кочи починивая, изломались, а запасных нет, и ныне всяких государевых дел десятинных и таможенных книг писать неким. Да с Анадыре же пошли служилой Васька Бугор да промышленые люди Петрушка Михайлов, Терешка Микитин, а у них своего промыслу рыбьи кости, и тое кость продали торговому Проньке Аминеву. И с своего промыслу он, Васька Бугор, на усть Омолоевы десятую платил, а Петрушка да Терешка с своего промыслу с рыбьей кости десятую платили на Ковыме реке в таможне. А сколько у них торгу и насколько рублев ценою, и то будет писано в десятиных книгах. А в торгу де у них за ту кость, окроме хлебного запасу муки и сетей неводных и топоренков и холсту, в продаже не было, из того у них хлебного запасу и с сетей, и с топоренков для Смоленския службы другая десятая не взята, потому в торгу мяхкой рухляди соболей и лисиц нет. А те промышленыя, Петрушка да Терешка, идут на Ковыму или на Алазею или на Индигирку реку. Да в наказной памяти указано весить всякой вес в государев безмен. А нам государев вес, контарь и безмен не дан. И кость рыбей зуб в вес в безмен торгового Проньки Аминева вешана, а прямой ли тот безмен или несполна, и мы про то не ведаем.

А с отписками отпущен служилой Гришка Простакиша. А об том обо всем, что выше сего писано, как укажете?»

«Амос Михайлов, — констатировал М.И. Белов, — назначен на Анадырь приказным на смену Семену Дежневу. Неблагоприятная погода, нежелание Михайлова ехать в суровый и безлюдный край

задержали его на Омолоне и Яне в течение двух лет. Якутские власти, подозревая его в недобросовестном отношении к делу, отозвали назад. На смену Дежневу был послан сын боярский Курбат Иванов». Тот самый первооткрыватель Байкала, который будет впоследствии за утрату анадырского ясака арестован Иваном Ерастовым и умрет, не выдержав позора от бесчестья.

Сын Амоса Михайлова Андрей Амосов в качестве служилого отмечен в документах, датированных 1652 годом. В 1689 году он поверстан в дети боярские на убылое место Сковорцова Корнилы.

В 1679–1680 гг. он, еще простой казак, так же, как и отец, собирал ясак с верхоянских якутов на реке Индигирке.

В 1682–1683 гг. уже пятидесятник Андрей Амосов собирал ясак с якутов по Янскому Верхнему зимовью.

В 1686–1687 гг. — по Жиганскому и Оленскому зимовьям.

В 1690–1691 гг. сын боярский Андрей Амосов приказчик Оленского зимовья.

В 1694–1695 гг. он собирает ясак с эвенков и якутов Олекминского острожка.

В 1703 г. — приказчик Знаменской слободы.

В 1704 г. — вместе с Афанасием Петровым собирает ясак в Батурусской волости. Позже Афанасий Петров будет служить в камчатских приказчиках.

В Томске тоже встречается фамилия Амосовых — но ее выходцы, как и иркутяне, по всей видимости, пришли сюда из города Березова. Сын боярский Федор Амосов в 1740-х годах служил на Камчатке и Чукотке.

Как покажут дальнейшие события, отношения Атласова и Амосова нельзя назвать ни дружескими, ни добрыми… Они встретятся в позже в Киренске и не будут рады этой встрече.

Но тем не менее на выбор Атласовым своего жизеннного пути он не повлиял.

* * *

Продолжим изучать материалы из книги Б.П. Полевого «Новое о Камчатке…»:

«Последняя служба Атласова в Даурии относится к 1687–1688 гг. В июле 1687 г. он пошел на реку Удь в отряде детей боярских ***Ивана и Василия Крыжевских*** (**Крыжановских**. — *С.В.*) *и вернулся на Лену не позднее 28 июня 1688 г. (в этот день Владимир Атласов вместе со своим братом Григорием подал воеводе челобитную об отводе в Якутске места для двора и огорода)».*

Эта стремительность, характерная для сроков «годовалой» службы у отца и сына Атласовых, поражает — для некоторых казаков срок годовалой службы в дальних острогах или заимках затягивался на десятилетия, до глубокой старости, а тут — и года не прошло, как Володимер Атласов уже снова в Якутске, и ему даже отводят землю знатного казака десятника **Сергея Брусенкина**, бывшего в 1681–1883 гг. приказчиком на Колыме. А участвует в этом землеотводе казак… Лука Старицын Морозко, который вместе с Иваном Васильевичм Голыгиным через десять лет проторят Атласову дорогу в Камчатку.

* * *

Крыжановские как раз и могли бы сыграть в судьбе молодого Атласова какую-то роль, но не вышло…

В первой половине XVII века сотник Запорожской Сечи Федор Крыжановский дал начало запорожской ветви генеральной старшины запорожских казаков Крыжановских. В Генеральную старшину и число полковников войска Малороссийского до 1764 г. входили (по алфавиту): Гоголи, Зеленские, Кравченко, Крыжановские, Мазепа, Максимовичи, Маркевичи, Павлюки. Полковник Антон Степанович Крыжановский в период гетманства Кирилла Разумовского (1747–1764 гг.) участвовал в реформе казачьих войск, судебной реформе, программе обязательного обучения казацких детей. В 1775 г. после ликвидации Запорожской Сечи российскими войсками по манифесту Екатерины Великой запорожское войско привел под Одессу Крыжановский, где и основал еще одну Крыжановку. Впоследствии из этих — бывших запорожских — казаков возникло Черноморское и Кубанское казачество, и Крыжановские служили поколениями в царской армии. Известен генерал Кубанского казачьего войска Федор Григорьевич Крыжановский, который после революции стал председателем Кубанского Правительства.

Но это о тех, кому повезло и кто оказался на политическом Олимпе.

В 1661 году «ссылные ж польские и литовские люди», в том числе Казимерко Крыженевский «по указу великих государей посланы они ис Тоболска на Лену в Якуцкой острог, а государева служба велено им служить в пеших казаках». В июле 1664 года служилый человек Казимир Крыжановский обращается с челобитной о привлечении к суду его должника (и по всей видимости, земляка) Яна Клочковского. По-видимому, Казимир и ста-

нет впоследствии, приняв православие, сыном боярским Юрием Крыжановским (в 1665 году он получает деньги за свое крещение), а в 1667 году появляется «Наказная память об отправке сына боярского Юрия Крыжановского на место Петра Оксентьева», то есть о назначении его приказчиком.

Но служилым человеком он был уже в 1665 году: в тот год малоопытный еще служивый человек Юрий Крыжановский выехал в Борогонскую волость вызвать на суд якута Боркока, но был жестоко избит якутами и вернулся ни с чем.

В 1666 году в Якутске объявляется еще один «литвин» Крыжановский — Ян, ставший Иваном. *«Он в 1655 г. был "взят на бою в Борисове" и в 1662 г. сослан в Якутск "с своею братьею с польскими людьми" служить в детях боярских. Но остался в Енисейске по своей воле, женился на дочери посадского человека и только потом приехал в Якутск вместе с тестем Савкой Казанцом»* (Ф.Г. Сафронов).

В 1668–1669 гг. сын боярский Иван Андреев Крыжановский собирает ясак с эвенков по Майскому Верхнему и Тугурскому зимовьям. Из документов того времени выясняется, что Юрий Крыжановский был его братом.

В 1673–1674 гг. Иван собирает ясак по «Вилюйскому Верхнему зимовью», а Юрий – по Майскому зимовью с эвенков.

В 1674–1675 гг. Юрий собирал ясак с юкагиров и эвенов по Индигирскому Верхнему зимовью, а Иван Андреевич — с якутов и эвенков Олекминского острожка.

В 1675–1677 годах Юрий был приказчиком на Индигирке, в Зашиверском зимовье, а затем в Охотске.

То есть братья Крыжановские широко развернулись.

«Государев сыщик Федор Охлопков, посланный в 1665–1666 годах в Восточную Сибирь "всех воевод... неправды и плутости сыскать", выявил, что за назначение ясачными сборщиками якутские воеводы брали с приказчиков по 300 рублей, подьячих и толмачей — по 40 рублей, с рядовых казаков — по 6 рублей. Еще более безотрадную картину обнаружил другой государев сыщик Федор Качанов, приехавший в Якутск в конце XVII века. Оказалось, что взятки за посылки в ясачные волости поднялись до астрономических сумм: от 100 до 1200 рублей. Чем доходнее была "ясачная волость", тем выше был "окуп" (например, Ю. Крыжановский за назначение приказчиком в Охотск дал воеводе А. Барнешлеву 1000 рублей). По подсчетам сыщика, якутские воеводы во второй половине 1660-х годов одного "окупу" от ясачных сборщиков получали до 6–7 тысяч рублей ежегодно, "оприч того, что из волостей приезжают и приносят собольми и иною мягкою рухлядью". За 1694–1699 годы якутские воеводы в общей сложности получили только с приказчиков, по разным подсчетам, от 14 до 17 тысяч рублей».

И это при годовом жаловании якутского сына боярского в десять рублей?!

Деньги, отданные за «окуп», нужно было возвращать по кабалам — долговым распискам. А деньги — это пушнина. Самая надежная валюта той далекой эпохи.

И потому один за другим возникают следственные дела:

«Дело о винокурении Петра Ярышкина, Юрия Крыжановского с товарищами на Киренге» (без даты).

«Дело по челобитным служилых людей Семена Епишева с товарищами на сына боярского Юрия Крыжановского, отобравшего у них выданное им перед отправкой на службу в Охотский острог жалование в 7184 (1675–1676) г. и отдавшего его в качестве взятки воеводе А.А. Барнешлеву».

«Дело по извету якутских служилых людей сына боярского Мих. Краснояра и сотника казачьего Лариона Трофимова об обмене соболей из ясачного сбора на собственных соболей низкого качества воеводой Андреем Барнешлевым и сыном боярским Юрием Крыжановским с целью присвоения ясачных соболей».

В 1676 году Иван Андреевич служил на Олекме: «...во 184 году писал к тебе Микитке из Олекминского острожку сын боярской Иван Крыженовской, что де осенью убиты от скотьиных иноземцов казак Федка Прохоров да пашенной Максимко Непряха и с сыном своим Васкою, а кто имяны того Федку с товарыщи побили, того де он Иван не ведает».

В 1679 году начал сбор ясака сын боярский Петр Иванов сын Крыжановский — по Вилюйскому Нижнему зимовью. А Юрий Крыжановский в этом году принимает Олекминский острожек у сына боярского Григория Пущина.

Без даты. «...запись якутских служилых по детям боярским И. Крыжановскому и Гр. Мохначевскому о выплате ими начета за истраченное казенное вино».

В 1684–1685 гг. Иван Андреевич собирает ясак по Вилюйскому Верхнему зимовью, а в 1686–1687 — по Охотскому острогу.

В 1688 г. Иван Андреев сын Крыжановский был приказчиком Удского зимовья. Есть данные о том, насколько успешным был для него самого «промысел» в тех местах: «Криженовский в воеводство М.О. Кровкова вывез из Удского зимовья только для себя 30 сороков соболей и 2 шубы собольих, а ясаку — всего лишь 5 сороков 13 соболей».

В его отряде находился тогда Владимир Атласов.

В 1690–1691 гг. Петр Крыжановский собирает ясак по Алазейскому зимовью. В 1692–1693 — Иван Андреевич по Олекминскому зимовью.

О семье Ивана-Яна Андреева сына Крыжановского известно больше, чем о Казимире-Юрие. Сам он был 1629 года рождения, *«в дети боярские верстан он в пр. во 176 г. по грам. при окольничем и воеводе при князе Иване Петровиче Борятинском; а оклад ему учинен: ден. 10 руб., хлеба 4 чети с осм. И с полтретником ржи, 4 чети овса, 3 пуда соли; а по сказке его от рожд. ему, Ив., 70 л., а к службе у него лошадь, ружья пищаль, сабля; а по осмотру болезни на нем нет, с городовую службу…»*

Умер он в 1706 году.

Дети его (по данным за 1682 год): Васька 6 лет, Андрюшка 5 лет, Федька 3 лет.

В архивах хранится «Дело по челобитью детей боярских Ивана, Петра и Василия Крыжановских о выдаче хлебного и соляного жалованья для службы на реках Колыме и Алазейке и хлебного и соляного жалования по заемным кабалам и отписям якутских служилых людей (7–26 августа 1689)», из которого становятся известны имена старших сыновей Ивана и Петра Крыжановских. Василий, вероятно, как раз достиг к этому времени 14-летнего возраста для приверстания на казачью службу. В 1692 году зашиверские ламуты убили на Янском хребте сына боярского Петра Крыжановского с братьями (к сожалению, кого из них конкретно, выяснить не удалось) и пятью служилыми людьми.

В 1706 году во второй пятидесятне служит в казаках Кирила Иванов сын Крыжановский (1681 г. р.) — вероятно, «поскребыш» или сын Ивана Ивановича Крыжановского.

Кроме него мы находим в этот же период в Якутске пятидесятника Тихона Крыжановского (девятая пятидесятня) и рядового казака Крыжановского Федора Андреевича, 1676 г. р. (пятнадцатая пятидесятня), а в 1748 году — казака Креженевского Максима Андреевича (вероятно, сын Андрея Ивановича, который 29

июня 1691 года верстан в пешую казачью службу, а в 1706 году служил в девятой пятидесятне) и Василия Яковлевича (эта линия пока неизвестна).

Из этого рода казаки Крыжановские (вероятно, уже иркутские потомки сосланного Юрия Крыжановского) появляются впоследствии и на Камчатке.

* * *

Но на этом наш рассказ не окончен.

«Среди объясаченных народов наиболее строптивыми оказались тунгусы и ламуты Охотского побережья. Наглядным примером может служить Охотский острог. В 1652 г., напав на острог, тунгусы вынудили приказчика Семена Ивановича Епишева (с 1682 г., после становления Якутска городом, первый его городничий) отступить с отрядом на зимовье в устье Ульи, после чего, освободив аманатов (заложников), сожгли все строения.

Спустя лишь два года вновь назначенный на Охоту приказчик Андрей Булыгин, приняв в устье Ульи должность от С.И. Епишева, дошел до Охоты и 25 июня 1654 г. приступил к восстановлению острога. Но и после этого, до начала 80-х гг., то и дело возникали враждебные действия в отношении служилых людей. И неудивительно, что в Якутском уезде с 1650-х гг. среди острогов и зимовьев, кроме Даурии, Албазина, крупнейший казачий отряд содержался в Охотском остроге — до 150 чел.

Однако надо отметить, что нередко на северо-востоке восстания и возмущения местного населения были спровоцированы действиями приказных людей. Так, например, поборы и жестокость охотских приказчиков Юрия Крыжановского и Петра Ярыжкина в 1676–1678 гг. положили начало цепи трагических для служилых людей на Охотском побережье событий.

Объединившись, 8 тунгусских родов Охотского края под предводительством тунгусов Годниканского рода Некрунко и Канашанко в отместку начали повсеместно убивать русских промышленных и служилых людей, как одиночек, так и целые отряды, а 7 января 1678 г., собрав более 1000 чел., взяли Охотский острог в осаду. Приказчику острога Ярыжкину с гарнизоном едва удалось спасти от расправы Крыжановского и отстоять острог.

Отправленный осенью 1678 г. отцом-воеводой в Охотский острог стольник Данил Фомич Бибиков по прибытии в Охотск

чинил жестокую расправу над тунгусами, за что на обратном пути в Якутск 6 марта 1680 г. на Юдомском Кресте был убит вместе с 39 спутниками, тунгусами во главе с Канашанко (как будто судьбой было предназначено погибнуть в тот же день, когда в Якутске скончался отец), а охотская казна (1130 соболей, лисица чернобурая) и вооружение разграблены. Так стольник Д.Ф. Бибиков стал самой высокопоставленной жертвой от рук местного населения Северо-Востока Сибири XVII–XVIII вв.

После проведения расследования в Якутске воевода стольник Иван Васильевич Приклонский 4 августа 1681 г. приговорил Крыжановского и Ярыжкина ко битью кнутом к ссылке, с семьями, в Даурию, Баргузинский острог и "...велел им быть в пешей казачьей службе..."» (П.Л. Казарян «Роль города Якутска в присоединении Северо-Востока Сибири к русскому (российскому) государству (XVII – XVIII) вв.»).

Добавим к этому информацию из других источников:

«Он, Юрья, преж того был у них в Охоцком городке приказным человеком, и имал с них насильством и приметом своим соболи добрые и лисицы черные, и жен их и дочерей к себе на постелю у них, ясачных тунгусов, для блудного воровства имал».

«В расспросном листе звена Некруна, например, сообщалось, что Крыжановский, помимо сбора ясака, занимался поборами: "имал де с нас соболи добрые и рыси и парки рысьи и олени, с человека соболи по четыре и по пяти, да и малых де робят у нас всех выискал и велел за них приносити по соболю...". А эвен Тавиканка показал на Крыжановского, что тот взял с него и "родников его... три лисицы черных себе, а не в ясак великому государю". Бибиков при сборе ясака занимался "погромами", а у недоимщиков "...иных носы резал".

*<...> "воровали, преж великих государей сбору у ясачных людей ясачные соболи добрые и лисицы черные имали себе, и для воровства и перемены, мимо ясачныя избы, ясачных людей с ясачными соболями пущали к себе избы, и у себя в избах соболи добрые выбирая себе имали, и вместо тех добрых соболей давали иноземцам свои худые соболи, и с теми переменными худыми соболями отсылали от себя в ясачную избу, и в том воровстве учинили великого государя в казне великий недобор и в оценке недоценку великую ж, и ясачных людей разоряли и грабили, и налоги и обиды им чинили великие ж, и от того разоренья и грабежу и налог и обид, охотские ясачные тунгусы многих служилых людей побили, и сами великим государем изменили". За это воровство, доказанное следствием, Ярыжкин и Крыжановский в августе "**биты** на козле кнутом, и **в проводку**, и животы их все взяты на великих государей" и сосланы с женами и детьми в ссылку в Даурские остроги, в пешую казачью службу "и ни к каким Великих государей делам посылать их не велено"».*

В 1681 г. дети боярские Юрий Крыжановский и Петр Ярыжкин были сосланы в «пеший казацкий строй» в Баргузинский острог с женами и детьми.

Но Якутской приказной избой и в следующем, в 1682, году начато «Дело о расследовании злоупотреблений атамана Сергея и толмача Максима Мухоплевых и детей боярских Юрия Крыжановского с товарищами во время сбора ясака с якутов Кангаласской и Мегинской волостей».

В пеших казаках, правда, они (по крайней мере, один из них — Юрий Крыжановский) прослужили недолго. Вскоре, будучи снова уже в чине иркутского сына боярского, Юрий Крыжановский занялся весьма успешной торговлей с Китаем.

А в 1699 году Юрий Крыжановский сам становится... жертвой «заморских» (забайкальских) казаков:

«А Миска де Борисов и Данилко Фык с товарищи пошли с дощаником наперед вверх реки Ангары берегом. А идучи они, Миска и Данилка с товарищи, сухим путем в деревне Иркуцкого уезду у иркуцкого сына боярского у Юрья Крыжановского взяли грабежом ржи и пшеницы и рогатый скот и свиней они убили. А сколько ржи и пшеницы и скота и свиней сколько побили, того он, Антошка, не ведает, а иное что грабежом взяли, того не ведает же. И грабежную де Юрьеву пшеницу в двух мешках холщевых на дощаниках он, Антошка, видел. Да они же де, Миска и Данилка с товарищи, идучи сухим же путем наперед их же, Антошки с товарищи, у зимовья на Бурдугузе прибили иркуцкого казака Ивашка Исакова да пашенного крестьянина Ганку Познякова, и грабежом взяли два постава камок лауданов да тулуп, да суму с табаком. А пришед де они, Антошка с товарищи, на дощаник с хлебными запасы Иркуцкого уезду в Кабанской острог, разошлись все по своим острогам».

И было что грабить, потому что Юрий Крыжановский обрел себя в Иркутске в новой роли — в роли предпринимателя или,

говоря современным языком, бизнесмена. Сначала он занялся хлебным бизнесом вместе с другими своими коллегами по службе:

«Известными поставщиками хлеба из Иркутска в Забайкалье и Приамурье, наряду с торговыми людьми, были представители семьи иркутских детей боярских Перфильевых, а также сын боярский Ю. Крыжановский.

<…> иркутские дети боярские платили "пятинный" хлеб в следующем объеме: А. Московитинов — 25,5 четв., Ю. Крыжановский — 9 четв., С. Шестаков — 6 четв., К. Усов — 5,25 четв., Герасим и Григорий Турчениновы — по 3,5 четв., В. Усов — 2,75 четв., В. Коротов — 1,5 четв. ржи.

Разный объем "пятинных" поступлений от детей боярских чаще всего определялся тем, что многие из них вкладывали средства не в сельское хозяйство, а в другую отрасль. Известно, например, что дети боярские С. Шестаков, Ю. Крыжановский, В. Коротов, которые вносили довольно скромный "выдел" (от 9 до 1,5 четв. ржи в год), весьма успешно занимались хозяйственной деятельностью другого рода. С. Шестаков в 80-х гг. сделал попытку наладить производство юхотных товаров и одновременно занимался торговлей скотом, а в 90-е гг. торговлей китайскими товарами. Ю. Крыжановский уже в 80-х гг. скупал китайские ткани у бухарских купцов, приходивших в Иркутск, и перепродавал их в Иркутском уезде, В. Коротов зарабатывал деньги и товар на обслуживании зарубежных караванов и зарубежном торге» (Г. Леонтьева «Служилые люди Восточной Сибири»).

* * *

А теперь вернемся к дворовым проблемам Владимира Атласова: «*Именно в этот период,* — как пишет Б.П. Полевой, — *после скорого возвращения с далекой службы, он добился выделения ему в Якутске отдельного двора и огорода. До этого он жил вместе с братьями Иваном и Григорием на одном отцовском подворье*».

То есть семейное подворье у Атласовых все-таки было. А в условиях Якутска, где постоянно шли «дворовые» войны за лучший дворовый участок, так как Лена, разливаясь в половодье, могла наделать больших бед и смыть все постройки, Атласову выделяется участок. И участок не простой — ранее принадлежавший Сергею Брусенкину.

Кто же он был такой, этот Сергей Брусенкин (или Брусенин)?

Из дела «якута Даванея Оттуева о краже у него быка, проданного служилому человеку Афанасию Иванову Брусенкину», за 1652 год, мы узнаем имя отца Сергея. Это был енисейский казак, который начинал освоение Лены в числе первопроходцев с 1630-х годов. В Енисейск, скорее всего, он был послан из Тобольска, где проживали и несли службу многочисленные Брусенины (Брусенкины)

Из другого дела мы узнаем имя жены Сергея Афанасьевича: «приводное дело Матвея И. Голенищева-Кутузова, застигнутого с женой Сергея Брусенкина, Февроньей». Воевода Голенищев был хозяином Якутского уезда с 1660 по 1666 годы.

Из третьего — о его братьях и мнимой смерти: «(1683) г. — Дело по челобитьям казачьих десятников Василия и Григория Брусениных, о розыске в зимовьях на р. Колыме имущества и письменных крепостей, оставленных там их братом Сергеем Брусениным, ясачным сборщиком на р. Колыме, убитым юкагирами». Но он не был убит.

Вот его послужной список.

В 1679 году казак Сергей Афанасьев сын Брусенин расследует дело о злоупотреблениях казачьего десятника Семена Сорокоумова и других приказных лиц Колымских зимовий

А в 1681–1682 годах сам становится приказчиком Колымских зимовий.

В 1684–1685 гг. — десятник, приказчик Средне-Вилюйского зимовья.

1686–1687 гг. — приказчик Бутальского зимовья.

1687–1688 гг. — приказчик Вилюйского Верхнего зимовья.

Кроме братьев, которые жили самостоятельной жизнью, прямых наследников у Сергея Афанасьевича Брусенина, по всей видимости, не было, почему после его — уже действительной смерти — выделенный ему администрацией воеводства двор пустовал, и казак Лука Старицын Морозко указал Владимиру Атласову это место. К вопросу о том, кто такой Лука Старицын Мороска, мы еще вернемся.

* * *

А пока попытаемся ответить на вопрос, почему молодому Атласову столь быстро выделили землю:

«Новый воевода Якутска Петр Зиновьев наделил Владимира Атласова в 1687 г. особыми полномочиями: вести суровую борьбу с самогонщиками и также с неплательщиками ясака. Моло-

дой казак рьяно принялся выполнять возложенные на него поручения. Воеводе посыпались жалобы на то, что Владимир Атласов слишком лихо разбивал посуду у самогонщиков. Сын боярский ***В.А. Петриловский*** *даже завел против него дело, однако оно было вскоре прекращено.*

Иначе обстояло дело со сбором недоимок. Тут Атласов и его помощники явно перестарались. Они силой забирали меха у якутов. Порою прибегали к рукоприкладству. С рек Амги и Татты к воеводе П.П. Зиновьеву стали поступать жалобы на поведение Атласова. Воеводе пришлось завести против него специальное дело. В "описи Якутского архива 1703 г." оно названо так: "Столп, в нем дело казака Мишки Гребеньщика да Волотьки Отласова, что они ездили в волости, воровали ясачных людей, разоряли, грабили и обиды и налоги им чинили". В 1930-х годах в Ленинграде были найдены и опубликованы листы этого дела. В них содержались показания многочисленных свидетелей из якутов».

Правда, Борис Петрович Полевой, желая защитить Атласова, уже от себя, добавляет:

«Многие из них жаловались на рукоприкладство Владимира Атласова, но признавали, что действовал он так не ради личного обогащения, а ради покрытия недоимок в сборе ясака. По решению якутского воеводы Атласов был публично порот "на козле".

Все это произошло при якутском воеводе Петре Зиновьеве, который отличался патологической жестокостью».

«Дело о грабеже и увечье казаками Михаилом Гребенщиком и Владимиром Отласовым якутов Сыланской, Батурусской и Скороульской волостей» датировано 1688 годом. И примерно в это же время, по Белову, следы Атласова теряются — его имя на какое-то время исчезает из документов…

* * *

Сын боярский Василий Артемович Петриловский.

Его отец — Артемий Филиппов Петриловский — был племянником Ерофея Павловича Хабарова. В 1651 году, будучи рядовым якутским казаком, Артемий был послан якутским воеводой Францбековым на Амур в отряде казака Третьяка Чечигина в помощь даурскому приказчику Ерофею Хабарову.

В 1658 году, после ареста Ерофея Хабарова, Петриловский оставался на Амуре и участвовал в боях с маньчжурами. Сохранился архивный документ, датированный октябрем 1659 года, — «Расспросные речи в Енисейской приказной избе даурского войскового атамана А. Ф. Петриловского с товарищами о столкновении маньчжурских войск с русским отрядом на Амуре»:

«В Енисейском в съезжей избе воеводе Ивану Ивановичю Ржевскому да подьячему Викуле Панову амурские служилые люди выборной войсковой атаман Артюшка Филипов, да рядовые служилые люди Ивашко Герасимов сын Чебычаков, Сидорко Тимофеев, Сидорко Дементьев, Исачко Кирилов, Ивашко Григорьев по допросу сказали…»

Из Енисейска атаман был послан в Москву с амурским ясаком, где он был допрошен по амурским делам. И откуда они с Хабаровым вернулись на Лену уже отнюдь не героями — с полным запретом посещения Амура за все свои «злодейственные» дела. Сыну боярскому Хабарову был поручен надзор за пашенными крестьянами. Петриловский служил в чине пятидесятника, впоследствии атамана. Это он участвовал в спасении сына боярского Ивана Пущина во время восстания охотских ламутов.

Наверное, Атласову потому и сошла с рук стычка с Петриловским, что эта семья в тот период была в Якутске уже не на первых ролях…

Но это была не последняя их стычка.

* * *

Лука Семенов сын Старицын, прозвище которого было Мороско (или Морозко) — фигура очень колоритная в якутской истории.

Б.П. Полевой, полемизируя с М.И. Беловым, писал: *«К сожалению, Белов собрал очень мало сведений о службе Луки Семенова Мороско Старицына. Между тем по архивным данным можно получить достаточно полное представление об этом своеобразном человеке.*

По окладным книгам Якутского острога видно, что Лука Семенов Мороско начал свою государеву службу 4 августа 1678 г. в качестве "холостого казака". Уже три года спустя он был обвинен в Якутске в том, что при воеводе Приклонском был "в бунту и одиначестве". За это он впервые был выслан на Анадырь, где также вел себя дерзко, "не бояся Бога и не помня крестного целования", жил "бестрашно".

После возвращения в Якутск он был вскоре, в 1688 г., послан на службу в верховья Алдана и оттуда ходил "на покати", то

есть к Становому хребту и даже к верховьям реки Зеи. Во время этого похода он открыл месторождение слюды-мусковита. Позже ему приказали вторично "побывать около слюды". Но этот второй поход оказался малоудачным».

Но и Борис Петрович Полевой на основе этого материала не отвечает на наш главный вопрос — что могло связывать этих двух людей, почему именно этот «бесстрашный» якутский бунтарь Лука Мороско оказался в окружении молодого Атласова.

Может быть, причина заключалась в том, что и Лука Старицын не был уроженцем Якутска, а был устюжанином, то есть выходцем с Руси — из Великого Устюга и столкнулся здесь, в Якутске, с местными традициями и нравами, смириться с которыми не мог?

Обращает внимание и тот факт, что в 1688 году (а затем и повторно) Лука Старицын совершает беспримерный (даже по тому времени) по трудности поход на Зею в поисках полезных ископаемых.

И вполне вероятно, что ему был «симпатичен» тот героизм Атласова, который Владимир Владимирович проявлял в борьбе с самогонщиками — а точнее, с сильными мира сего…

Но в том же, 1688 году, пути-дороги Атласова и Старицына на какое-то время разошлись. Лука отправился на Зею, а Атласов был сослан в Анадырский острог.

* * *

Что же касается напарника Володьки Атласова — Мишки Гребеньщика, с которым «они ездили в волости, воровали ясачных людей, разоряли, грабили и обиды и налоги им чинили», то он попал в ситуацию гораздо более сложную, нежели Владимир Атласов в Анадырском остроге.

Есть и уточнение, где все это происходило: «Дело о грабеже и увечье казаками Михаилом Гребенщиком и Владимиром Отласовым якутов Сыланской, Батурусской и Скороульской волостей».

В 1664 году в одном очень важном для нас документе, в котором говорится о причинах потери анадырским приказчиком Курбатом Ивановым собранного на Чукотке ясака, впервые упоминается и один из Гребенщиковых:

«И те, Курбат и целовальник Петрушка, в Якуцком остроге в съезжей избе перед стольником и воеводою перед Иваном Федоровичем Большим Голенищевым-Кутузовым роспрашиваны, каким обычаем у них та великого государя ясачная соболиная

казна збору 169-го году погорела, и они, Курбат и Петрушка, в роспросе сказали:

Стояли де они на Ковыме реке на Дуванном песку и поставили вместо стана парус, и в том парусе те соболи были в мешке в постельном. И пошли они ис того стана на Нижную ярмонку к башлыку к Гришке Тотаринову прошать коча, чтоб под ту великого государя казну дал коч итти морем в Якуцкой. А в том де стану оставались ево, Курбатов, работник, коряцкой детина, да ево, Петрушкин, ясырь, да промышленых людей Васьки Гребенщика да Треньки Степанова ясыри. И без них тот стан загорелся грешным делом, и те великого государя ясачные соболи згорели, и иные поплели, да и их де пожитченка и платьишко в том стану згорели. А те де великого государя ясачные соболи были за их, Курбатовою и Петрушкиною, печатьми».

А в 1666 году бывший промышленный человек Василий Меркурьев сын Гребенщиков состоял уже на казачьей службе в Якутске.

Василий Гребенщиков был связан с Анадырским острогом: «…во прошлом 191 году [сент. 1682 – авг. 1683] побили приказчика и служилых и торговых людей, и за ту вину свою они Косой с братом и с родниками на тех на неясачных Ходынских изменников на Юкагирей наводили, которые в прошлых годах тот Ямочкин брат Канива с товарыщи на Анадырском хребте на дороге побили Ваську Гребенщика с служилыми людми, человек с 16, и казну великих государей тот Ямочкин брат Канива с товарыщи о то время на том Анадырском хребте на дороге погромили и в Анадырский острожек служилых людей с казною не пропущали».

А в 1690 году казак Микитка (а может быть, Мишка) Иванов сын Гребенщиков «уроженец якутцкой, а отец ево был в Якутцком из гулящих людей в службе» попадет (задолго до похода Владимира Атласова) в так называемое «Камчатское дело» — заговор якутских служилых и промышленных людей, в результате следствия по которому не все останутся живыми…

«198-го году июля в 14 день. По указу великих государей стольник и воевода Петр Петрович Зиновьев, слушав роспросных и пыточных речей и сыску, и всего подлинного дела, и выписки великих государей из указу и из Соборного Уложенья, и из грамот великих государей, и из Новоуставных статей, приговорил воров и бунтовщиков, которые с воры и з бунтовщики с Филькою Щербаковым, с-Ывашком Паламошным с пытки говорили и ви-

нились, хотели в Якутцком великих государей пороховую и свинцовою казну пограбить и стольника и воеводу Петра Петровича Зиновьева и градцких жителей побить досмерти и животы их, и на гостине дворе торговых и промышленых людей животы ж их пограбить и бежать за Нос на Анадырь и на Камчатку реки — сына боярского Мишку Онтипина казнить смертью, а товарыщей ево, Мишкиных, ж десятника Ивашка Голыгина, рядовых казаков: Софонка Ильина, Ивашка Ондронова, Микитку Гребенщикова, Игнашка Шишева, посадцкого человека Офоньку Балушкина, которые в воровстве и в бунту с пытки говорили и винились, вместо смертной казни бить на козле кнутом и в проводку нещадно и сослать их в сылку з женами и з детьми в Нерчинской острог».

Если Мишка и Микитка — это разные люди, то вполне возможно, что с Микитки Гребенщикова ведут свою родословную нерчинские казаки, а от них — и уссурийские Гребенщиковы, в том числе и полный Георгиевский кавалер Николай Гребенщиков.

В 1702 году с юкагиров Индигирских Верхнего, Среднего и Нижнего зимовий собирал ясак служилый человек Михаил Гребенщиков. А в 1704 году — с юкагиров Алазейского зимовья. То есть он тоже выбился в приказные люди… Хотя в 1706 году по-прежнему числился рядовым казаком пятой пятидесятни Якутского казачьего полка.

Но их жизненные пути с Владимиром Атласовым, по всей видимости, больше не перекрещивались.

* * *

В 1686 году приказчиком Анадырского острога еще при воеводе генерале О.М. Кровкове назначен пятидесятник Андрей Иванович Цыпандин, который когда-то был под началом юного подьячего Атласова.

Но Атласов, как определил Борис Петрович Полевой, попадает не под его начало: *«В 1691 г.* (Белов же полагал — с 1688. — *С.В.*) *В. Атласов впервые отправился из Якутска на далекий Север. Был ли он туда послан в ссылку или поехал добровольно — пока еще не установлено. Но он отправился на Анадырь, где несколько лет “начальным человеком” служил его друг Андрей Ципандин. Однако Атласов попал под начало не Ципандина, а весьма заносчивого сына боярского Семена Чернышевского».*

Но сначала давайте вспомним, по какой причине в свое время оказался в Анадырском остроге устюжанин Лука Семенов сын Старицын Мороско.

Повторим для тех, кто забыл: в 1681 году он «*был обвинен в Якутске в том, что при воеводе Приклонском был “в бунту и одиначестве”. **За это он впервые был выслан на Анадырь*** (выделено мной. — *С.В.*)*, где также вел себя дерзко, “не боясь Бога и не помня крестного целования”, жил “бестрашно”».*

Следовательно, в период, когда Чернышевский управлял Анадырским приказом, Лука Старицын был сослан в Анадырский острог уже во второй раз, иначе бы приказчик не писал бы эти слова:

«А ныне они, Лучка, будучи в Анадырском острожке в дал[ь] ном растояние, не боясь Бога и не помня крестнаго целования, живут безстрашно».

То есть Лука Мороско в этот период, будучи отправлен на Чукотку, НЕ находился в Анадырском остроге, НЕ нес службу, НЕ подчинялся анадырскому приказчику.

* * *

Но прежде чем нам идти вперед в своем расследовании, следует сделать два шага назад и возвратиться ко времени командования Анадырским острогом пятидесятником Андреем Цыпандиным, когда его сменил на этом посту пятидесятник Василий Федорович Кузнецов. Вполне вероятно, что и Атласов, если его сослали в 1688 году, был свидетелем происходящего — тем более что впоследствии он будет верстан в пятидесятники на «убылое место» Василия Федоровича Кузнецова.

О нем и пойдет и речь.

Его дед — Яков Степанов Кузнец (тобольский пеший казак «Якунька Степанов сын кузнец в нынешнем во 159-м [1651] году …к Москве в провожатых») был приказчиком на Колыме в 1668 году, а отец — Федор Яковлев Кузнецов служил в Охотском остроге и, вероятно, побывал где-то вблизи Камчатки (чему есть косвенные подтверждения, о которых мы скажем чуть позже).

В этот период промысловая ситуация в Якутском воеводстве сильно усложняется. По мнению Б.П. Полевого: *«Начиная с 1660-х годов из-за интенсивного хищничества добыча соболей стала сокращаться. Доходы от пушного промысла понизились. Местные администрации вынуждены были повысить налоги, а это привело к тому, что заметно понизился интерес к организации новых промысловых походов в “дальние землицы”. Число русских на Северо-Востоке стало сокращаться. У аборигенов стала зреть мысль, что в создавшейся ситуации они легко смо-*

гут вообще избавиться от русских. Резко участились нападения на малочисленных русских. Пребывание на Северо-Востоке стало опасным. Содержание зимовьев и острожков в дальних землях стало просто убыточным. Многие аборигены перестали платить ясак. ***Промысловые походы на Камчатку были прекращены.*** *Особенно осложнилось положение на Анадыре и Пенжине.*

…В самом начале 1680-х годов на Лене стало невыгодным строить морские кочи, и мореходство в Арктике было прекращено. На Северо-Восток стали ходить только по рекам, а в те времена это стало небезопасным. И в довершении всего началась страшная эпидемия черной оспы. ***В этой обстановке русским уже было не до Камчатки****».*

Обратим внимание на эти выделенные слова: ***«Промысловые походы на Камчатку были прекращены. …В этой обстановке русским уже было не до Камчатки».***

То есть задолго до похода Атласова осуществлялись, по мнению Б.П. Полевого, промысловые походы на Камчатку, которые потом внезапно прервались — было не до нее…

«В Анадырский острожек (уже на смену Кузнецова. — *С.В.*) *прибыл новый приказной — Андрей Цыпандин. В ожидании возвращения В.Ф. Кузнецова, который, по его предположениям, должен был находиться в “****земле коряков****”, А.И. Цыпандин решил самостоятельно собрать очередной ясак с “ясачных чюхоч”. С этой целью он и направил туда группу анадырских казаков … во главе с Иваном Анкидиновым. Этот поход … окончился трагически. Впоследствии сам Андрей Цыпандин писал: “Да в прошлом во 197* (1689. — *С.В.*) *году послал я, Андрюшка, по Анадырю реки к морю к чюхчам для ясачного костяного збору казаков* ***Ивашка Онкудинова, Сидорка Григорьева, Степана Иванова, Харьку Самойлова****, и те воры изменники, те же ясачные чюхчи, тех ясачных зборщиков убили”».*

Анадырский приказчик Федор Яковлевич Кузнецов (о котором М.И. Белов почему-то даже не упоминает в своем списке анадырских приказчиков) к тому времени считался уже «пропавшим без вести», отправившись летом 1688 года с Анадырской корги на двух кочах в поход на восточных чукчей, а точнее — в «земли коряк», а если быть еще точнее — то, вполне вероятно, на Камчатку, куда в 1662 году совершил плавание тобольский казак Иван Меркурьев сын Бакшеев Рубец и привез с верховий реки

Камчатки того самого мальчика Петра, о котором сообщал якутскому воеводе в 1668 году.

На его поиски Цыпандин отправил казака **Ивана Котельника**. Он не мог себе и представить, что этот поход станет началом более чем «столетней!» русско-чукотской войны:

«Летом 1688 г. Иван Котельник провожал с Анадырской корги В.Ф. Кузнецова, когда он на двух кочах уходил на юг “для проведывания коряцкой земли”. Новый приказной Андрей Цыпандин, встревоженный отсутствием известий о Кузнецове, решил послать Ивана Котельника на море в “землю коряков” специально “для проведывания Василия Кузнецова с товарищами”. Еще во время похода из Анадырского острожка к устью Анадыря Котельник узнал, что отряд Кузнецова ушел в “Чюхоцкую землю”. Поэтому и он со своими спутниками решил идти к восточным чукчам. На этот раз русские встретили чукчей еще “до моря”. Именно тогда, в ***1689 г. чукчи впервые употребили против русских огнестрельное оружие*** (выделено мной. — *С.В.*). *Цыпандин особо отмечал, что они в 1689 г. “ис пищалей по казакам, и по торговым, и по промышленным людям стреляли, которые взяли у Василия Кузнецова, и впредь хвалятца, что анадырской острожек и ясачное зимовье взяти и казаков и всяческих чинов людей побить, а сказывают про их похвальбу и про воровское их убийство полонянки, которые полоняники были у тех воров, чюхоч в полону и прибежали в Анадырский острожек и в ясачное зимовье…”».*

С Кузнецовым и его людьми случилось следующее: кочи в шторм потерпели кораблекрушение, казаки, возвращаясь на Анадырскую коргу по суше, остановились на ночлег у береговых чукчей, и 6 декабря 1688 года все были вероломно убиты сонными.

* * *

Ивашка Андронов Котельник впоследствии стал еще одним фигурантом «Камчатского дела» 1690 года:

«…хотели де они и стольника и воеводу Петра Петровича Зиновьева, да подьячево Михаила Ушницкого, да сотника Третьяка Смирягина, да умершего толмача Михаила Удина, да ево Ивана да Семена, да пятидесятника Степана Лаврентьева, да подьячево Федота Калмака, да десятника Василия Брусенина и иных градцких жителей убить, домы и животы все пограбить, а жен их и детей убить не хотели, а торговых и промышленных

людей в гостином дворе грабить хотели ж, да ему же было Фильке с товарищи своими взять на реке у торговых людей три плота с хлебными запасы, а тому де убойству и грабежу быть было в нынешнем во 198-м (1690) году о Ильине дни и хотели бежать на Нос, где побили иноземцы пятидесятника Василия Федорова (Кузнецова. — *С.В.*) с товарищи, а атаману де было быть у них сыну боярскому Михаилу Онтипину, а ясавули де быть казаку Софонку Ильину, а вожем было де быть казаку Ивашку Ондропову Котельнику, а про ту де думу и совет ведали брат ево Фильки атаман казачей Степан Полуэхтов, да казаки Сергушка, да и Максимко Мухоплевы и хотели они, Сергушка и Максимко, их, Фильку с товарищи, порохом свинцом и иных товарами ссужать, а сами де они с ними в совете и в думе не были и за Нос бежать не хотели…»

* * *

На самом деле список «заговорщиков» был гораздо больше:

«А те воры и бунтовщики, которые объявились ныне в воровстве и в бунту: Сын боярской Мишка Онтипин, родился в Якутцком, а отец ево был березовской казак, переведен в Якутцкой.

Пятидесятник Филька Щербаков, уроженец Томской, а сослан в сылку ис Томского в Якутцкой со отцом своим с Ондрюшкою Щербаком в прошлом во 162-м году за томской бунт.

Пятидесятник Ивашко Паломошной, уроженец томской, а сослан он в сылку ис Томского в Якутцкой со отцом своим з Богданом Паломошным в прошлом во 162-м году за тот же томской бунт.

Десятник Ивашко Осипов Голыгин, уроженец Якутцкой, а отец у него был из гулящих людей в службе.

Казак Софонко Ильин, ссыльной человек, прислан с Москвы в Якутцкой по енисейской отписки в прошлом во 194-м году.

Казак Ивашко Ондронов, пришел в Якутцкой гулящим и приверстан в пешую казачью службу.

Казак Микитка Кармалин, ссыльной человек, прислан с Москвы со отцом своим с-Ывашком Кармалиным в прошлом во 159-м году за винную и за табашную продажу.

Казак Микитка Гребенщиков, уроженец якутцкой, а отец ево был в Якутцком из гулящих людей в службе.

Казак Митька Спиридонов попов сын, а отец ево поп Спиридон Васильев послан в Якутцкой в прошлом во 146-м году с окольничим с Петром Петровичем Головиным.

Казак Игнашка Шишев, уроженец Илимского острогу, а переведен в Якутцком во 190-м году.

Атаман казачей Степан Полуехтов, уроженец томской, а сослан он в сылку ис Томского в Якутцкой с отцом своим с Ондрюшкою Щербаковым во прошлом во 162-м году за томской бунт.

Казак Сергушка Мухоплев, уроженец томской, а сослан он в ссылку ис Томского в Якутцкой с отцом своим з Данилком Мухоплевым в прошлом во 162-м году за томской же бунт».

И приговор им был вынесен весьма суровый:

«198-го году июля в 14 день. По указу великих государей стольник и воевода Петр Петрович Зиновьев, слушав роспросных и пыточных речей и сыску, и всего подлинного дела, и выписки великих государей из указу и из Соборного Уложенья, и из грамот великих государей, и из Новоуставных статей, приговорил воров и бунтовщиков, которые с воры и з бунтовщики с Филькою Щербаковым, с-Ывашком Паламошным с пытки говорили и винились, хотели в Якутцком великих государей пороховую и свинцовою казну пограбить и стольника и воеводу Петра Петровича Зиновьева и градцких жителей побить досмерти и животы их, и на гостине дворе торговых и промышленых людей животы ж их пограбить и бежать **за Нос на Анадырь и на Камчатку реки** — сына боярского Мишку Онтипина казнить смертью, а товарыщей ево, Мишкиных, ж десятника Ивашка Голыгина, рядовых казаков: Софонка Ильина, Ивашка Ондронова, Микитку Гребенщикова, Игнашка Шишева, посадцкого человека Офоньку Балушкина, которые в воровстве и в бунту с пытки говорили и винились, вместо смертной казни бить на козле кнутом и в проводку нещадно и сослать их в сылку з женами и з детьми в Нерчинской острог. А посадцкого Офоньку Балушкина сослать в ссылку ж з женою и з детьми на заморские реки в Омолонское зимовье на вечное житье. А оговорных людей — атамана Стеньку Полуехтова да казаков Микитку Кармолина, Митьку Попова сослать в сылку ж з женами и з детьми в-Ыркутцкой острог. А казака Сергушку Мухопле-

ва сослать в сылку ж з женою и з детьми на усть Яны к морю на вечное житье. А умерших воров и бунтовщиков Фильки Щербакова и Мишки Онтипина, Ивашка Паломошного, жен их и детей сослать в сылку ж в Нерчинской острог, чтоб на то смотря впредь так воровать и бунтовать и градцких жителей побивать и грабить иным всяких чинов людем было неповадно. А на подлинном деле помета стольника и воеводы Петра Петровича Зиновьева: учинить по сему, великих государей указу. И по указу великих государей сей приговор вором и бунтовщиком Мишке Онтипину с товарыщи чтен. А против пометы на приговоре стольника и воеводы Петра Петровича Зиновьева тем вором и бунтовщиком учинен великих государей указ. Сын боярской Мишка Онтипин казнен смертью, а дети ево Мишка з женою, и брат ево Ивашка холост сосланы в сылку. А жена ево с малыми детьми оставлена в Якутцком, для того, что она больна, лежит присмерти. А пятидесятники Филька Щербаков, Ивашко Паламошной до указу великих государей и до казни в тюрьме с пытки померли. А жена Филькина з детьми сослана в сылку ж. А Ивашкова жена Паламошного в сылку не послана, для того она немошна, лежит присмерти и детей у ней нет. А десятник Ивашко Голыгин да рядовые казаки Ивашко Ондронов, Софонко Ильин, Микитка Гребенщиков, Игнашка Шишев, да посадцкой Офонька Балушкин биты на козле кнутом и в проводку нещадно и сосланы в сылку. А хто тех воров и бунтовщиков з женами и з детьми имяны и куды сосланы и тому роспись ниже сего.

Роспись ссыльным людем, которые посланы в ссылку в-Ыркутцкой острог: Атаман казачей Стенька Полуехтов з женою с Оринкою Анфилофьевою дочерью да з детьми с-Ывашкою да с Офонькою, да с Петрушкою, да с Олешкою. Казак Микитка Кармалин с сыном с Петрушкою. Казак Митька Спиридонов Попов з детьми с Федькою да с-Ывашком, да с Ваською да з дочерью со Овдотьицою.

Роспись ссыльным людем, которые посланы в сылку в Нерчинской острог: Десятник Ивашко Голыгин з женою с Оринкою да з дочерьми с Офимицею да с Матрешкою, да с Настькою. Рядовые казаки холостые: Софонко Ильин, Ивашко Ондронов, Микитка Гребенщиков, Игнашка Шишев. Да вора и бунтовщика Мишки Онтипина дети Филька з женою с Марьицею да з

братом с-Ывашком. Да вора ж и бунтовщика Фильки Щербакова жена Овдотьица Васильева дочь з детьми с Стенькою да с-Ывашком да з дочерьми с Паранкою да с Анюткою. Казак Сергушка Мухоплев з женою с Маринкою с Осиповою дочерью да с сыном с-Ывашком, да з дочерью с Анюткою сослать на усть Яны к морю на вечное житье. Посадцкой человек Офонька Балушкин з женою з Дарьицею с Офонасьевою дочерью да з дочерью с своею Анюткою сосланы, в сылку на заморские реки в Омолонское зимовье на вечное житье».

* * *

Про реку Камчатку в этом документе упоминается как нечто само собой разумеющееся: «бежать **за Нос на Анадырь и на Камчатку реки».**

Хотя, с другой стороны, вроде как и удивляться нечему — еще в 1668 году Иван Меркурьев Бакшеев Рубец сообщал о том, что в 1662 году он побывал в бассейне реки Камчатки и даже собирал ясак среди местных жителей, которых он считал коряками.

И среди арестованных воеводой Зиновьевым «заговорщиков» был человек, который был в команде Рубца — Филька Щербаков, сосланный в Якутск из Томска вместе со своим отцом Андреем Щербаковым и братом — Степаном Полуехтовым, а также большой группой томичей, среди которых также были и «заговорщики» — Паломошный и Мухоплев.

Филька Щербак и Ивашко Паломошный, которых в тюрьме запытали до смерти, по мнению воеводы Зиновьева, были главарями этого заговора.

* * *

Среди этого служилого люда был один человек из посадских людей — Афанасий Балушкин, целовальник, производивший прием и оценку мехов в Анадырском остроге.

У Михаила Ивановича Белова весьма любопытный временной расклад службы Афанасия Балушкина.

Вот Колыма:

к. Михаил Многогрешный	Афанасий Балушкин	1688–1690
к. Григорий Кузнецов	Афанасий Балушкин	1690–1697
с. б. Афанасий Петров	Афанасий Балушкин	1697 – ?

А вот Анадырь:

п/д Андрей Цыпандин	Астафий Балушкин	1686–1689

с. б. Афанасий Пущин	Афанасий Балушкин	1689–1692
к. Иван Понюрин		1692–1694
с. б. Семен Чернышевский	Афанасий Балушкин	1694–1695
к. Михаил Многогрешный		1695–1696
п/д Владимир Атласов	Афанасий Балушкин 1697 г. 30 августа убит на Анадырской дороге туземным населением	29 апреля 1696–1697

И он же, М.И. Белов, сообщает нам: «В первой половине 1694 г. Атласов с каким-то поручением Цыпандина отбыл в Якутск. Весной 1694 г. он прибыл на Колыму, откуда повез в Якутск анадырскую и колымскую «десятинную» казну, собранную целовальником Афанасием Балушкиным. Нужно отметить, что он, как будет показано ниже, уже знал о существовании реки Камчатки».

То есть Афанасий Балушкин не случайно оказался в списке «заговорщиков» — он был прекрасно осведомлен о том, откуда привозили свои меха промышленные и служилые люди, отдавая в казну традиционную «десятину».

И вполне возможно, что Балушкин тоже сыграл определенную роль в судьбе Владимира Атласова, но 30 августа 1697 года сам был убит.

* * *

Еще более важной фигурой был в этом заговоре Иван Осипович Голыгин.

А если точнее — тот из Иванов Голыгиных, кто побывал прежде Атласова на Камчатке.

Вопрос не простой.

Наши самые маститые историки — Михаил Иванович Белов и Борис Петрович Полевой — так и не нашли ответа на этот вопрос.

Михаил Иванович Белов, историк с большой буквы, но человек, как я сейчас понимаю, очень категоричный, совершил как минимум две большие исторические ошибки. Первую мы уже назвали — он до конца дней своих не хотел признавать, что в истории северо-востока России было два Владимира Отласовых — Отлас и Атласов, Владимир Тимофеевич Отлас и Владимир Владимирович А(О)тласов.

Столь же категоричен был Михаил Иванович и в отношении Иванов Голыгиных. Вот что он писал: *«Казачьего десятника Ивана Осипова Голыгина следует отличать от казака Ивана Осипова Голыгина, спутника Атласова по камчатскому походу. Десятник Голыгин приходился родственником казаку Ивану Голыгину, но служили они в разное время. Десятник Иван Голыгин служил до приезда на Колыму приказчиком на Пенжине. В 1683 г. он проездом на Колыму побывал в Анадырском остроге, где оставил после себя опись сданного им имущества. Здесь среди других предметов перечислены судовые снасти, якорь и т. п. (ЯА, карт. 35, ст. 8, сст. 56 и др.). Вероятно, Голыгин проделал свой путь с Пенжины до Анадыря по воде. Ехал ли он по морю, сказать трудно. В Нижнеколымск Голыгин прибыл только в октябре 1683 г., а с Анадыря вышел 1 марта 1683 г. (Там же, сст. 79). Надо иметь в виду, что дорогу из Анадырска на Колыму "перехватили" ходынцы, и Голыгин, когда он прибыл в Нижнеколымск, ходил в поход на этих людей и освободил анадырскую дорогу ("навечно очистил"). Но какой же дорогой шел тогда сам Голыгин? Не по морю ли? Если же допустить, что Иван Голыгин возвращался летом 1683 г. с Анадыря на Колыму не по морю, то остается непонятным, каким образом ему с горсткой людей (5–6 человек) удалось пробиться сквозь лагерь восставших юкагиров, засевших на Анюйском хребте и перехвативших дорогу на Анадырь. Всего вероятнее, что он шел вокруг Чукотского Носа, т. е. совершил второе после С.И. Дежнева плавание по Берингову проливу. Так заставляет думать еще и следующее обстоятельство: в 1683 г. в Якутске за Иваном Голыгиным числились: "коч да карбас морской, да лотка набойница, да кочевых всяких припасов" (ЯА, к. 35, ст. 8). Поездка Голыгина была столь важна, что "о том писано к великому государю к Москве"».*

И уже тогда завязался, как обычно, бескомпромиссный спор между двумя вечными оппонентами — Беловым и Полевым: «В литературе по поводу отчества участника камчатских походов Ивана Голыгина нет единого мнения. Дело в том, что в данное время в Якутском гарнизоне служило три Ивана Голыгина: десятник Иван Осипович, его сын Иван Иванович и племянник Иван Васильевич. М.И. Белов считал, что в походах на Камчатку участвовал Иван Васильевич Голыгин» (Белов М.И. «Русские походы на Камчатку до Атласова» // Изв. ВГО. 1957. Т. 89. № 1. С. 28).

Его постоянный оппонент Б.П. Полевой категорически утверждал, что речь может идти только об Иване Осиповиче Голыгине (Полевой Б.П. «Новое об открытии Камчатки». Ч. 2. С. 58–59).

В свое время, еще не ведая об этом непримиримом споре, а безоговорочно доверяя каждому из оппонентов, я издал книгу «Покорители Великого океана» с очерком об Иване Голыгине, но

сегодня, когда появились новые дополнительные материалы, которые позволяют сделать новые и даже иные, нежели сделанные Михаилом Ивановичем и Борисом Петровичем, выводы об Иванах Голыгиных.

Так уж иногда бывает, что судьбы разных людей действительно сливаются, и очень сложно отделить одну судьбу от другой, тем более если имена и фамилии у них одинаковые и живут они в одно и то же время и действуют примерно в одних и тех же местах и обстоятельствах.

Но мы все-таки попробуем.

В Якутске в одно и то же время жили промышленник устюжанин Василий Иванов сын Голыгин и гулящий человек Осип Голыга.

«Ивашко Ондреев сын Мещеряков в прошлом во 150-м [1642] году убит и того ж 150-го [1642] году в его место Осипко Иванов сын Голыга Устюжанин на государеве дальней службе на Яне реке в нижнем зимовье послан от стольников и воевод от Петра Головина с товарыщи».

«В апреле 1650 года Петр Осколков стал готовиться к отъезду в Якутск и сделал очень крупные закупки мягкой рухляди. …Того ж дни [25 апреля 1650 г.] продали промышленые люди Федька Онтропьев да ***Васка Иванов Голыгин устюжанин*** *два сорока шесть соболей Осипа Осколкова брату ево Петрушки Екимову. Взяли восемьдесят шесть рублей».*

Я не знаю, что случилось с промышленником Василием Голыгиным, но есть сведения, что в 1651 году сын боярский Андрей Горелый отнял у него на Индигирке купленный коч:

«Да яз же, Ондрюшка, служилыми людьми взял для государевы впред службы коч старой, который коч продан был пятидесятником Констянтином Степановым промышленным людем Ваське Голыгину с товарищи, а рядил за тот коч было взяти пятьдесят два соболя».

А вот и подробности от индигирского приказчика пятидесятника Константина Степановича Дуная:

«И промышленые люди, Василей Голыгин да Федька Онтропьев, били челом государю, чтобы их, Ваську и Федьку, государь бы пожаловал велел бы им тот кочик с кочевною снастью, и с ногами, и с парусом дать из своей государевы казны до сроку в долг, а сверх их торговых людей оценки он, Васька и Федька, порядили дать в государеву казну двенатцеть соболей. А Федька Худяков бил челом государю о том же кочике и прошал его из государевы казны в долг же до сроку. И я, Костька, тот государев старой кочик и с кочевною снастью и с ногами, и с парусом отдал в долг до сроку промышленым людем Ваське Голыгину да Федьке Онтропьеву, а на них, Ваську да Федьку, взял за тот кочик и за парус в государеву казну память с подпискою в пятидесят в двух соболях в промышленых с хвосты и голова без выводу на срок, на николин день вешной 159 году. А та кочевная снасть ветчаная и парус был ветчаной же и впредь было тем парусом на судах и по рекам и по морю ходити немошно, потому что тот парус давнишной, привозу на великую реку Лену воевод Петра Петровича Головина с товарищи».

Промышленный человек устюжанин Василий Голыгин либо погиб в море, либо умер в дальней промысловой экспедиции, потому что на вдове Василия Голыгина женился бывший гулящий человек, верстанный в пешие якутские казаки, Осип Голыга, возможно, родной брат Василия, который к этому времени и сам был вдов.

Судя по возрасту его сына Ивана Осиповича, тот был рожден в первом браке.

Казачий сын Иван Осипович Голыгин 20 июня 1670 года был верстан в казаки. Следовательно, в тот год ему было не менее 14 лет — значит, он примерно 1656 года рождения. В поручной записи о его верстании знаменитые фамилии якутских землепроходцев и мореходов.

1670 (178) г. июня 20. — **Поручная запись служилых людей Якутского острога, в том числе атамана Семена Дежнева, по казачьем сыне Иване Голыгине, промышленном человеке Никите Минакове, новокрещене Емельяне Иванове, верстаемых в казачью службу.**

Се аз, Якутцкого острогу дети боярские: Петр Андреев сын Ярышкин, Григорей Федоров Пущин, Леонтей Трифанов, сотник казачей Третьяк Васильев сын Смирнягин, атаман казачей Семен Дежнев; пятидесятники казачей Друган Прокопьев, десятник казачей Сава Михайлов

Учюжников; рядовые казаки: Григорей Михайлов сын Батов, Микифор Мошинцов, Борис Павлов Серебряник, Семен Дементьев Сорокоумов, Емельян Иванов, Максим Семенов, Иван Васильев Курмышев, Михайло Иванов Молоков, Корнило Иванов Ванюков, Мокей Микитин, Павел Мартемьянов, Степан Краснопев, Иван Григорьев Кобелев, Михайло Дехтярев, Василей Вахромеев, Алексей Годнев, Федос Перфирьев, Иван Власов, Андрей Иванов Цыпандин, Степан Ерасимов Цыпандин, Павел Селиверстов Щепеткин, Иван Потапов, Богдан Иванов, толмач Афонасей Семенов Шульга, Андрей Артемьев Унжак, Марко Кирилов, Фома Артемьев, Ерофей Стефанов да Яков Стефанов Шолковники, Алексей Верхотуров, Игнатей Савин, Филат Васильев, Микифор Васильев, Григорей Микифоров Черепан, Сидор Бовыкин, Дмитрей Спиридонов, Михайло Иванов Даурец, Иван Семенов Безносой, Клим Уледников, Иван Андреев, новокрещен Иван Тимофеев Южак, Иван Селиверстов Щепеткин, Иван Сырянин поручилися есми в Якутцком остроге по казачье сыне по Иване Осипове сыне Голыгине да по промышленом человеке по Миките Еремееве сыне Минакове, да по новокрещене Омельяне Иванове сыне, быти им, Ивану и Миките, и Омельяну, за нашею порукою в Якутцком остроге великого государя, царя и великого князя Алексея Михайловича… в казачьей службе.

И будучи за нашею порукою зернью и карты не играть и за пьянством не ходить, и никаким воровством не воровать, и великого государя службы не збежать, и великого государя денежное и хлебное, и соляное жалованье не снесть. А буде они, Иван да Микита, да Омельян, за нашею порукою, будучи великого государя в службе, учнут каким воровством воровать, зернью и карты играть или учнут за пьянством ходить, или великого государя с службы збежат и великого государя денежное и хлебное, и соляное жалованье снесут — и на нас, на порутчиках великого государя, царя и великого князя Алексея Михайловича… пеня, а пеню, что великий государь укажет.

И великого государя сносное денежное и хлебное, и соляное жалованье и наши, порутчиковы головы, в их голову место. А которой нас, порутчиков, будет в лицах, на том великого государя пеня и великого государя денежное и хлебное, и соляное жалованье на нас же, на порутчиках, нерозвытно.

На то послух десятник казачей Панфил Макрошубов.

Порушную писал площадной подьячей Ивашко Антипин лета 7178-го году июня в 20 день.

На лл. 92 об.-93 об.: *Рукоприкладства*: Петр Ярышкин ручал и руку приложил. К сей поручной записи вместо порутчика сына боярсково Григорья Пущина по его велению Ивашка Силин руку приложил. К сей порушной поручик Левонтей Трифанов руку приложил. К сей поручной Бориско Павлов руку приложил. К сей поручной вместо сотника казачья Третьяка Смирнягина по его веленью сотник Иван Курбатов руку приложил. Вместо Василья Бронника по его веленью Сенька Сорокоумов и за себя руку приложил. Казак Гришка Батов ручал и руку приложил. К сей поручной вместо порутчиков Якова Шелковника да Ивана Селиверстова, да Павла Щепоткина и за собя Егафимко Шелковник руку приложил. К сей поручной вместо Сидора Бовыкина, Михайла Даурца, Игнатья Савина, Филата Васильева, Ивана Кулутка и за себя служилой Митька Спиридонов руку приложил. К сей поручной вместо отца своего Другана Прокопьева по его веленью сын ево Микушка руку приложил. К сей поручной записе вместо поручиков Корнила Иванова сына по его веленью и за себя поручик казак Стенька Ильин сын Краснопевцов руку приложил. Порутчик Мишка Дехтерев руку приложил.

К сей поручной записи вместо казаков Микифора Мошинцова и Емельяна Иванова, Клима Уладникова, Максима Семенова, Ивана Григорьева Кобелева, Ивана Потапова, Ивана Михайлова по их веленью казак Федотко Пантелеев руку приложил. К сей поручной вместо Ондрея Иванова, Федора Перфирьева по их веленью и за себя Стенька Герасимов руку приложил.

К сей поручной записи вместо поручиков Фомы Ортемьева, Ивана Семенова, Михайла Молокова, Мокея Микитина, Павла Мартемьянова, Марка Кирилова, Богдана Иванова, Офонасья Шульги да Савы Утюжникова по их веленью и за собя казак Алешка Годнев руку приложил. Вместо Семена Дежнева, Ивана Власова, Михайла Молокова по их веленью и за себя Андрюшка Артемьев руку приложил. Вместо Григория Микифорова по его велению Вторко Питухин руку приложил. Ивашко Курмашев руку приложил. К сей поручной вместо Ивана Тимофиева по его велению и за себя Микифорко Васильев руку приложил.

Послух Панфилко Мокрошубов руку приложил.

В 1690 году при проведении следствия о казачьем заговоре о Голыгине следующая запись: *«Десятник Ивашко Осипов Голыгин, уроженец Якутцкой, а отец у него был из гулящих людей в службе».*

М.И. Белов:

«Десятник Иван Голыгин долгое время был приказчиком Пенжинского зимовья. Летом 1683 г. он совершил путешествие от Пенжины в Анадырский острог, где сдал под расписку имущество, не нужное ему для дальнейшей поездки: два напарья больших, два сверла, долото, два багра и другую судовую снасть и инструменты.

В якутском "судном" столе в 1683 г. за Голыгиным числились: "коч да карбас морской, да лодка набойница, да кочевых всяких припасов: два дрога новых, мерою в них 33 сажени, тобольской присылки шеймы 92 сажени, кочевой причалки 15 саженей, да якорь весом 4 пуда 10 гривенок".

Поездка Голыгина с Пенжины на Анадырь обратила на себя внимание властей, сообщивших о ней в Москву.

Во время опроса в Якутске в 1710 г. большой группы казаков об островах в Тихом и Ледовитом океанах они показали, что еще в очень давние времена Иван Голыгин был на Камчатке, на реке Караге и на Карагинском острове, население которого ему не удалось привести в русское подданство "из-за малолюдства", так как в его отряде было всего лишь три казака.

В документах Анадырской приказной избы за 1683 г. есть запись о том, что пенжинский приказчик Иван Голыгин прибыл на Анадырь с тремя казаками: ***Сидором Григорьевым*** (убит в 1689 году на Чукотке. — *С.В.*)*,* ***Павлом Ларевым и Степаном Ивановым.***

Сопоставление всех этих документальных данных позволяет высказать вполне обоснованное предположение о том, что либо поход Голыгина с Пенжины на Анадырь проходил морем вдоль берега Камчатского полуострова, мимо мыса Лопатки, либо с Пенжины казаки по суше достигли восточного побережья Камчатки, побывали на Карагинском острове и оттуда прибыли в Анадырь. Хотя точно о походе 1683 г. Ивана Голыгина на Камчатку говорить нельзя, бесспорно то, что этот казак, числящийся среди "заговорщиков" 1690 г., побывал на Камчатке раньше Атласова.

Афанасий Балушкин*, целовальник на р. Анадыре, и анадырский казак* ***Иван Селенга*** *также были свидетелями, а возможно, участниками казачьих походов на Олюторский полуостров и в "Коряцкую землю", начавшихся во второй половине 80-х годов XVII в.*

Походы на Олюторский полуостров и в "Коряцкую землю" шли по двум встречным направлениям: с Анадыря на юг и с Охотска на север».

В декабре 1683 года тот же десятник Иван Осипов Голыгин — приказчик на Колыме.

В Якутской приказной избе хранится любопытный документ за 1684 год, который касается многих из героев нашей книги: «Память приказчику десятнику казачьему Ивану Голыгину в Нижнее Колымское зимовье о посылке к нему кочем служилых людей **Сергея Мухоплева** с товарищами (17 чел.), о разделении этой партии служилых людей; об отправлении Якова Лопатина, **Осипа Миронова** (**Липина.** — *С.В.*) и **Льва Старловского** на Колыму через Нижнее Янское зимовье…»

Есть этому и другие документальные подтверждения: 5 декабря 1683 года промышленный человек Алексей Спиридонов Новгород в своей челобитной на имя царей Ивана и Петра жалуется на юкагиров Косова Меньшего с товарищами, убивших его брата Ивана Семенова и пограбивших его животы, и просит: «…пожалуйте меня, сироту своего, велите, великие государи, ковымского Нижного зимовья приказному человеку десятнику казачью Ивану Осипову Голыгину у них, Косово с родниками и с товарищи, допросить и записать, за что они брата моево убили и живот ево пограбили и куды тот ево брата живот ево девали».

15 марта 1684 года нижнеколымский приказчик Голыгин сообщает о фактическом наличии у него в зимовье людей:

«…Да в прошлом во 191 году из Якутцкого острогу великих государей на службу в Ковымское Нижное зимовье на Ковыму реку ко мне, Ивашку, посланы на коче вниз по Лене реке и на Ковыму реку казаки Сергушка Мухо(плев) с товарищи. И он, Сергушка, с служилыми и с подарочною казною на Ковыму реку марта по 15 число не бывал. А указано мне, Ивашку, на Омолон реку десятнику **Дмитрею По(тапову)** трех человек, а на Янандырь реку к … **Ворыпаеву** четверых… дать было… Да указано мне, Ивашку… с… реки **старых казаков выслать в Якутцкой острог, которые заслужили великих государей жалованье**. И яз за малолюдством старых казаков

не послал за тем, что с коча на Ковыму реку служилые люди ко мне не бывали. А что со мною был из Якутцкого острогу казак Максимко Мухоплев, и тот Максимко в Нижном зимовье в свое место нанял промышленого человека Ваську Наумова».

Если брать более поздний срок, то в 1686–1687 (195) гг. десятник Иван Голыгин собирал ясак с юкагиров по Алазейскому зимовью.

1684 г. февраля. — **Отписка нижнеколымского приказчика Ивана Голыгина якутскому воеводе И.В. Приклонскому о походе на неясачных юкагиров и прощении юкагира Косого с товарищами.**

Государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всеа Великия и Малые и Белыя Росии самодержцев, столнику и воеводу Ивану Васильевичю, с Ковымы реки из Нижного Ковымского ясачного зимовья десятник казначей Ивашко Голыгин челом бьет. В нынешнем во 192 году, генваря в [...: повреждено; = янв. 1684] из Нижняго Ковымского ясачного зимовья в вверх [по] Анюю на Анадырские хребты ходил я Ивашко с служилыми людми в десяти человеках великих государей на службу в поход на неясачных Юкагирей на изменников Ходынских, на Ямочкина брата на Каниву, и на Тыкова, и на Зыкова, и на Безрука с товарыщи, сыскивать и призывать под царьские высокие руки. И я Ивашко с служилыми людми, пришед на Анадырские хребты, и тех неясачных изменников Ходынских Юкагирей Ямочкина брата Каниву с товарыщи сыскал и учал их разговаривать под царьские пресветлые высокие руки ласкотою и приветом, а не жесточью. И тот Ямочкин брат Канива уговору не послушал и не пошол и учал со мною дратца; и я Ивашко учал их смирять ратным боем, и, прося у Бога милости, и великих государей счастием, семь юрт погромил и тех изменников неясачных Юкагирей Ямочкина брата Каниву с товарыщи Бог подручил и на бою убил их 16 человек, а всех их было тех изменников 50 человек; и я Ивашко взял на том бою в аманаты трех человек, Ямочкина брата Каниву, да Зыкова, да Безручка, и привел тех аманатов из походу в Нижнее [Ковымское] ясачное зимовье и посадил их в аманатскую клетку. А на том бою те изменники меня Ивашка ранили и трех казаков. Да со мною ж с Ивашком ходили в поход низовые ясачные Юкагири на тех изменников на Ходынских Юкагирей, Косой с братом и с родниками, да Лакиева роду Кабачко с братьями и с родниками. А они Косой с братом и с родниками били челом великим государем словесно и покрыли вину свою что во прошлом 191 году [сент. 1682 – авг. 1683] побили приказчика и служилых и торговых людей, и за ту вину свою они Косой с братом и с родниками на тех на неясачных Ходынских изменников на Юкагирей наводили, которые в прошлых годах тот Ямочкин брат Канива с товарыщи на Анадырском хребте на дороге побили **Васку Гребенщика** с служилыми людми, человек с 16, и казну великих государей тот Ямочкин брат Канива с товарыщи о то время на том Анадырском хребте на дороге погромили и в Анадырский острожек служилых людей с казною не пропущали. И в нынешнем во 192 году тое Анадырскую дорогу я Ивашко с служилыми людми вечно очистил».

[На обороте *помета*:] 192, маия в 26 день [26.05.1684], писать к великим государем отписку, а к приказному человеку послать память, и служба и служилых людей похвалить.

Помета представляет собой резолюцию, положенную на комментируемую отписку в Якутске — Ивану Голыгину объявить благодарность, а сведения, представленные им, сообщить в столицу. Дата 26 мая 192 года является, таким образом, датой рассмотрения отписки Голыгина в Якутске и наложения приведенной резолюции. Поскольку отписка сообщает о походе, имевшем место в январе 1684 г. (и занявшем, очевидно, единицы недель), а попала в Якутск уже к концу мая, временем ее составления можно считать февраль 1684.

* * *

Вопрос, который мы сейчас начали изучать в связи с Голыгиными, имеет самое серьезное отношение ко всем последующим событиям на северо-востоке России.

И потому мы обратимся за помощью к очень интересной работе А.А. Немировского «Материалы по истории юкагиров и русской власти на Пенжине и Анадыре во второй половине 1670-х – середине 1680-х гг.»

«В 1676 году Анадырский острог не представлял для администрации Якутского воеводства никакой практической ценности:

здесь находилось лишь 16 служилых и 12 аманатов, ясак здесь платили всего 30 человек юкагиров (чукчи и коряки не платили), моржовая кость была основательно выбрана, а моржовые лежбища запустели по причине беспощадной их эксплуатации. Якутский воевода Андрей Барнешлев "*…написал царю Алексею челобитную о том, что в Анадырском остроге и на пути туда служилые люди понесли за 27 лет функционирования острога и сбора ясака немалые потери, торговля и промыслы там пришли в упадок, и ставил вопрос о том, не следует ли бросить сам острог и упразднить округ на Анадыре, оговорив, что своей властью, „без твоего, великий государь, указу, тот Анадырский острог оставить и служилых людей не посылать я, холоп твой, не смею„*".

Второй опорный пункт на Северо-Востоке был на реке Пенжине — Чендонское (Чондонское) зимовье. В 1676 году здесь был гарнизон из десяти служилых людей, которые охраняли трех аманатов и собирали ясак с восьми ясачных юкагиров и нескольких пенжинских чуванцев.

Добирались в Чендонское зимовье, по той же росписи, "от Ковымского Нижнего зимовья на судах по Омолоне реке вверх восмь недель до Пенжинского хребта, и по Хребту итти на нартах до Пенжины реки две недели, да по Пенжине реке итти на нартах до Чондонского хребта десять дней, а по Хребту итти на нартах же до Чондонского зимовья восмь дней, **а по тем рекам живут многие неясачные Коряки**" (обратим внимание на этот факт. — *С.В.*).

<…> Приказчиком Чендонского зимовья до 1673 г. был Андрей Щипунов. В 1673 г. его сменил в этой должности Василий Бурлак, однако из-за плохого обращения Щипунова с аманатами юкагиры отошли от зимовья, не являлись к Бурлаку и не платили ему ясака. К концу 1676 г. Василий Бурлак, проведя три года на Пенжине (за это время аборигены так и не подошли к зимовью и не платили ясака), бросил зимовье и вместе со своими людьми ушел в Якутск, куда прибыл летом 1677 г. Ему на смену на Пенжину из Якутска немедленно отправили Василия Тарасова Пермяка (авг. 1677) с приказом разыскать местных юкагиров и взять с них ясак, а в 1678 г. на смену Пермяку — Михаила Ворыпаева. Ворыпаев получил также приказ совершить с Пенжины экспедицию в Анадырский острог и передать туда ряд припасов.

<…> Пермяк, так же как и Бурлак, аборигенов не нашел и ясака и аманатов у них получить не смог. Ворыпаев около начала

1679 г. добрался до верхнего Омолона и нашел там Пермяка "под Пенжинским волоком", после чего дошел до Пенжиной и поставил там новое зимовье на р. Часовишной, так и не увидев следов аборигенов. В августе 1679 г. у его людей была стычка с коряками; еще до того, в июле, один из его казаков, "стакнувшись" с крещеной корячкой, дезертировал и бежал с ней на ее родину, к корякам, но там был убит (это был сын приказчика Василия Пермяка — казак Тимошка Васильев Пермяк. — *С.В.*).

Тем временем в августе 1679 сменить Ивана Потапова в должности приказчика Анадырского острога из Якутска был направлен сын боярский Тит Богомолов; "вожем" при нем и его людях был Никита Ворыпаев, хорошо знавший маршрут на Анадырь вокруг Носа (мыса Дежнева). Однако Тит Богомолов так и не смог добраться до Анадыря, и, когда известия об этом пришли в Якутск, оттуда на исходе лета 1680 г. отправили менять Ивана Потапова другого служилого человека — Ивана Курбатова.

С Курбатовым на Анадырь двинулось около 30 служилых людей — очень много по Анадырским меркам; очевидно, воевода И.Ф. Бибиков решил радикально изменить положение дел на Анадыре и объясачить большую часть обитавших там аборигенов, включая чукчей и коряков.

В конце 1679 – начале 1680 г. Михаил Ворыпаев, приказчик Чендонского зимовья на Пенжине, безуспешно пытался разыскать пенжинских юкагиров-чуванцев (интересно, что пенжинских ходынцев он не пытался даже и разыскивать — в своей отписке он их вообще не упоминает), а также добрался до Анадырского острога и передал там Ивану Потапову порох и свинец, после чего вернулся на Пенжину. Еще до таяния снега пенжинские чуванцы обнаружили следы его экспедиции по их розыску и, опасаясь его сил и не зная, чего от них ждать, безвестно для Ворыпаева откочевали на Анадырь, где (примерно к концу 1680 г.) выдали аманатов в Анадырский острог и обязались платить там ясак. Тем временем Ворыпаев на Пенжине в мае–августе 1680 г. **с переменным успехом вел бои с коряками, но объясачить никого из них не сумел, и лишь "смирял их ратным боем" и кого-то "побил", а кого-то захватил в плен** (выделено мной. — *С.В.*). В октябре – начале ноября 1680 г. Ворыпаев вновь разыскивал пенжинских чуванцев, разумеется, безуспешно — к этому времени они были уже на Анадыре. Однако через некоторое время к нему каким-то образом пришло извещение из Анадыря

о том, что пенжинские чуванцы объявились там и будут отныне платить ясак анадырцам, и Ворыпаев отправил обо всем этом в Якутск отписку.

Между тем Иван Курбатов двигался из Якутска на смену Ивану Потапову в Анадырский острог. В марте 1681 г. он был уже к востоку от Усть-Янского зимовья, но за Нижней Колымой его кочи разбило на море бурей, и он примерно с 30 служилыми людьми и некоторыми их родственниками двинулся на нартах к Анадырю сушей, через верховья Анюя. По дороге, не доходя до реки Анадыря, он встретил след оленного юкагирского обоза и отделил партию числом более чем в половину от своего отряда для розыска этой группы юкагиров. Двинувшись по следу, партия действительно приблизилась к этой группе — и тут обнаружилось, что группа эта представляет собой враждебный русским отряд юкагиров численностью более 200 воинов, включавший ходынцев и находившийся под началом неясачного юкагира-ходынца Канивы из Ямочкина рода — одного из родов ходынцев. Отряд Канивы уничтожил практически всю партию (погибло 16 служилых людей), захватил ее казну и оружие и двинулся на Курбатова. Курбатов с остатком своих людей (12 служилых) смог укрыться в находившемся неподалеку заброшенном острожке, поставленном когда-то Стадухиным, и в течение месяца (середина апреля – середина мая 1681 г.) оборонялся там от осаждавшего его отряда Канивы (спрятав оставшуюся при нем часть казенного имущества. — *С.В.*). Внезапно подошедший на помощь русским отряд юкагиров-чуванцев под началом Моторы отогнал отряд Канивы, после чего Курбатов со своими людьми смог с помощью Моторы уйти за Анадырский хребет, а дальше, уже самостоятельно — до Анадырского острога, куда прибыл 22 июня 1681 г. Характерно, что он принял у Ивана Потапова, которого сменил, и аманатов-чуванцев, и аманатов-ходынцев, т. е. не стал карать последних из-за нападения ходынцев на его отряд.

Этот эпизод носит ключевой характер для реконструкции всей ситуации на Северо-Востоке Сибири в конце 1670-х – начале 1680-х гг., поскольку юкагирский отряд в 200 с лишним воинов — это непомерно огромное для юкагиров полчище, которого даже не могли бы выставить против Курбатова одни ходынцы, а разве что несколько юкагирских “племен”, выступавших как союзники. Такое ополчение не могло собраться и двигаться “просто так” и случайно вступить в столкновение с Курбатовым. Мас-

штаб вовлеченных в это столкновение юкагирских сил и продолжение их действий (в конце 1681 или начале 1682 г. те же самые ходынцы, что атаковали Курбатова весной 1681 г., обложили уже и сам Анадырский острог, а усмирение их затянулось до 1684 г.) требуют считать, что речь идет о **заранее подготовленном выступлении, имевшем целью уничтожить русское господство** на всем пространстве к востоку от Колымы, причем готовило это выступление несколько “племенных” общностей юкагиров. Учитывая тот факт, что в XVII в., по-видимому, существовала определенная ассоциация ходынцев, омоков, лавренцев и когимэ, скрепляемая съездами на территории последних, можно думать, что значительная часть групп, входящих в эту ассоциацию, и подготовила описанное выступление.

Таким образом, ок. 1680 г. обе стороны — и русская власть в Якутске, и юкагиры крайнего Северо-Востока — приготовились к нанесению решительных ударов в бассейне Анадыря: поэтому И.Ф. Бибиков отправил на Анадырь с Курбатовым почти 30 служилых, что утроило бы сосредоточенные там силы, а около того же времени целый ряд юкагирских групп “колымской” ассоциации, при главенстве в этом предприятии ходынцев, договорился о выставлении огромного по юкагирским меркам полчища для низвержения русской власти — сначала, как минимум, на Анадыре. Это не мешало, конечно, каким-то представителям тех же групп продолжать являться к зимовьям и платить ясак — наоборот, заметный отказ от такой уплаты лишь вызвал бы беспокойство русских властей, их усиление Якутском и их активные действия по выяснению ситуации и восстановлению контроля над аборигенами.

<…> …в конце 1681 или самом начале 1682 г. те же юкагиры, что нападали на Курбатова весной, подступили к самому Анадырскому острогу и блокировали его. Уже и ранее, на протяжении всего лета – осени 1681 г., они господствовали на верхнем Анадыре, так что Иван Курбатов так и не рискнул отправить кого-либо забирать спрятанную им по пути к острогу казну. Теперь они “обсадили Анандырской острожек, не выпустят из острожку на рыбную ловлю, не дадут аманатских кормов промышлять”. Положение было настолько напряженным, что Иван Курбатов отправил отписку о помощи в Пенжинское Чендонское зимовье (хотя там было не более десятка служилых), в которой излагал все события, начиная с весны, и просил, чтобы приказчик на Пенжи-

не послал людей “выручить его сотника из осады в Анандырском острожке и на Каменю казну великого государя сыскать, что с ним сотником шла в Анандырской острожек”.

На Пенжине к этому времени Михаила Ворыпаева сменил (в мае 1681 г.) в должности приказчика Иван Исаков (Тобольский. — *С.В.*). Получив просьбу Курбатова о помощи, Иван Исаков сам двинулся со своими людьми в Анадырский острог, а Михаила Ворыпаева, до тех пор остававшегося при нем, отправил с отпиской обо всем случившемся в Якутск (осень 1681 или первая половина 1682 г.).

Б.О. Долгих считал, что Чендонское зимовье было при этом заброшено, однако в литературе указывалось, что на Пенжине накануне 1683 г. был еще один приказчик — Иван Голыгин; если эти сведения правильны, то, скорее всего, Иван Голыгин был одним из служилых людей Ивана Исакова, и последний оставил его исполнять обязанности приказчика Чендонского зимовья, когда уходил на Анадырь.

В середине 1682 г. Иван Исаков должен был, видимо, уже добраться до Анадыря и соединиться с Курбатовым, что должно было несколько изменить там соотношение сил.

Тем временем в Якутске (где около августа 1681 вступил в должность новый воевода — И.В. Приклонский) 1 июня 1682 г. получили отписку Ивана Курбатова о событиях весны – лета 1681 г. о потере им половины своих людей и “казны”. Неизвестно точно, как отреагировал воевода Приклонский на эти сведения, но к исходу 1682 г. приказчиком в Анадырском остроге вместо Курбатова был уже Никита Тютин, а в феврале 1683 г. вместо Тютина — уже Елисей Осипов; судьба Курбатова остается в известных мне документах не освещенной.

Наконец, ок. конца 1682 г. Иван Голыгин получил на Пенжине назначение приказчиком Нижнеколымского зимовья. Решив двигаться туда через Анадырь, он бросил Пенжину (теперь Чендонское зимовье оказалось окончательно запустевшим) **и в феврале 1683 г. находился уже в Анадырском остроге,** где сдал Елисею Осипову часть привезенного с Пенжины имущества. 1 марта 1683 г. Иван Голыгин морем отправился из Анадыря на Колыму (куда прибыл в октябре 1683 г.) и принял под власть Нижнеколымское зимовье.

Таким образом, в результате событий 1681–1682 гг. русские силы к востоку от Колымы полностью стянулись в Анадырский

острог, а почти все пространство между ним и Колымой контролировалось восставшими. Чуванцы, однако, оставались лояльны русской власти.

В первой половине 1683 г. (не ранее февраля) в Якутске, наконец, получили доставленную Михаилом Ворыпаевым отписку Ивана Исакова с Пенжины и узнали из нее о том, что восставшие юкагиры обложили Анадырь и Иван Исаков собирается идти туда с Пенжины. Последующие события свидетельствуют о том, что воевода Приклонский принял меры по подавлению восстания. Не позднее лета 1683 г. Михаил Ворыпаев был отправлен из Якутска в Анадырский острог с назначением новым его приказчиком; на Колыму, видимо, ушли предписания организовать наступление на восставших с запада. Однако еще до того как все эти меры могли состояться, на Анадыре был в 1682 и особенно 1683 г. достигнут перелом, о котором можно судить по данным ясачных книг. Если в 1660-х – 1670-х в Анадырском остроге числилось 20–30 плательщиков ясака, то в 1682 г. — уже 78, а в 1683 г. — 107! Такой рост числа объясаченных — в три с лишним раза! — явно говорит о том, что с момента прибытия Ивана Исакова на соединение с Иваном Курбатовым и при преемниках последнего в 1682–1683 гг. из Анадырского острога производились энергичные успешные вылазки, которые привели к тому, что, во-первых, та угроза Анадырю (имевшая место на рубеже 1681/1682 г.), против которой Иван Курбатов звал на помощь Ивана Исакова, оказалась снята (т. е. враждебные ходынцы и их союзники были отогнаны от острога и больше не подступались к нему), а во-вторых, в развитие этих успехов многие группы ходынцев (и, вероятно, чуванцев) анадырского региона впервые были поставлены под русскую власть. В одной из стычек, имевших место в “191 г.” (т. е. в сент. 1682 – авг. 1683 г.), нижнеколымский юкагир-омок по прозвищу Косой (который ранее в том же году нанялся провести торгового человека Ивана Новгорода с Колымы в Анадырский острог, но на Анюе убил его и захватил его имущество) “с братом и родниками” убил некоего “приказчика” (не Курбатова ли?) и служилых людей.

Хотя территория вокруг Анадырского острога к концу 1683 г. контролировалась его властями, пути с Анадыря на Колыму в верховьях Анюя оставались по-прежнему перекрыты восставшими. Дальнейшие удары по ним наносились прежде всего с запада (скорее всего, не без предписаний из Якутска). В начале 1684 г.

в Анадырский острог прибыл и взял его под власть Михаил Ворыпаев. В январе 1684 г. Иван Голыгин с русскими служилыми и союзными нижнеколымскими юкагирами-омоками (среди которых были и амнистированные Косой с родичами) ходил в верховья Анюя “на Анадырские хребты” против самого Канивы и его группы ходынцев, нашел их, вступил с ними в бой и разбил; из примерно 50 воинов, возглавлявшихся Канивой, было убито 16, Канива попал в плен и был вместе с двумя своими соратниками пощажен и обращен в заложники-аманаты, а Голыгин и еще трое его людей были ранены. Остальные признали русскую власть, и Голыгин хвалился тем, что “[на]вечно очистил” сухопутный маршрут с Колымы на Анадырь.

Разгром и подчинение группы Канивы, возглавлявшей повстанцев с 1680–81 г., и пленение самого Канивы были решающим ударом по повстанцам.

Одновременно не позднее первой половины 1684 г. было (вероятно, экспедицией с Колымы) восстановлено Омолонское зимовье, и с этого года взимался ясак с лавренцев: как отмечает Б.О. Долгих, “в ясачной книге 1684 г. имеется запись: „Омолонского зимовья… десятника **Симки Дехтярева** с ясачных юкагирей на нынешней на 192 год [сент. 1683 – авг. 1684 г.] ясашных 19 соболей…„ В 1685 г. казак Степан Медников взял в Омолонском зимовье 22 соболя [ясака]”, и с тех пор ясак там взимался регулярно. Это утверждение русской власти на Омолоне в конце 1683 или начале 1684 г. трудно не поставить в связь с походом Ивана Голыгина и вероятными распоряжениями якутского воеводы Приклонского.

Сопротивление юкагиров, обитавших между Колымой и Анадырским острогом было в результате сломлено, что хорошо видно по продолжавшему непрерывно возрастать числу плательщиков ясака в Анадырском остроге (со 107 в 1683 г. до 154 в 1688 г.). Однако русско-юкагирская война 1681–1684 гг. между Анадырем и Колымой, приведя к существенному ослаблению местных юкагиров, **создала тем самым на Анадыре известный вакуум силы, который немедленно стали заполнять чукчи и коряки** (выделено мной. — *С.В.*), а на фоне этого осуществляли враждебные действия и некоторые ходынцы, и даже какие-то чуванцы. В результате к 1685 г. на Анадыре сложилась новая обстановка: путям с Колымы на Анадырь и тем, кто выходил для чего-либо из самого Анадырского острога, угрожали теперь прежде всего

чукчи и коряки, “а оборонить от тех неясачных Коряк и Чюкчей некем”; верховья Анюя все еще представляли собой в значительной степени “многие немирные землицы, Чюсайского [чуванского] и Ходынского и Корятцкого и Чюхоцкого родов”, и добираться через них в Анадырский острог приходилось “с великим пристрастием”.

Это, однако, не изменило основной тенденции, заданной событиями 1682–84 гг. — дальнейшего упрочения русской власти в рассматриваемом регионе, выразившегося в продолжении роста числа ясачных плательщиков Анадырского острога. В сентябре 1684 г. новый якутский воевода (с мая 1684 г.), М.О. Кровков, отправил в Анадырский острог на смену Михаилу Воропаеву Василия Пермяка (которого когда-то сам Воропаев сменил в качестве приказчика Чендонского зимовья, теперь заброшенного). В январе 1685 г. Василий Пермяк прибыл в Анадырский острог и принял его под свою власть, а после года управления, проведенного “с великим бережением”, был сменен в Анадырском остроге Андреем Цыпандиным (янв. 1686 г.)».

* * *

Остается открытым вопрос каким образом добирался до Анадыря пенжинский (чендонский) приказчик десятник Иван Осипович Голыгин, если путь из Анадыря на Колыму он совершил по морю, так как сухопутный путь был перекрыт восставшими?

Историк А.С. Зуев, обобщая информацию из разных документов, недоумевает:

> *«В 1683 г. Иван Голыгин ходил из Анадырского острога “проведывать” коряков, обитавших в северной части Камчатского полуострова».*
>
> *«В 1686–1688 гг. Иван Васильевич (Осипович?) Голыгин совершил поход с 13 казаками и промышленниками в сопровождении юкагиров из Анадырска в “коряцкую землю” на р. Пенжину. С Пенжины Голыгин с тремя казаками вышел на Камчатку до р. Караги и о. Карагинского. Из-за малочисленности своего отряда объясачить коряков не смог».*

Вот и подробности:

> *«Во время опроса в Якутске в 1710 г. большой группы казаков об островах в Тихом и Ледовитом океанах они показали, что еще в очень давние времена Иван Голыгин был на Камчатке, на реке Караге и на Карагинском острове, население которого*

ему не удалось привести в русское подданство "из-за малолюдства", так как в его отряде было всего лишь три казака.

*В документах Анадырской приказной избы за 1683 г. есть запись о том, что пенжинский приказчик Иван Голыгин прибыл на Анадырь с тремя казаками: **Сидором Григорьевым, Павлом Ларевым и Степаном Ивановым**».*

Васильевич или Осипович? Если пенжинский приказчик — значит, Осипович. Но по документам за 1686–1687 гг. десятник Иван Голыгин собирает ясак с юкагиров по Алазейскому зимовью.

Далее. Год 1691: *«Поход из Анадырска в корякскую землю казаков Ивана Голыгина и Луки Морозко. В составе их отряда было несколько юкагиров. В Анадырск вернулись 16 апреля 1692 г. О взимании ясака с коряков не известно. По данным Б.П. Полевого, этого похода не было, так как Морозко в июне 1691 г. еще находился в Якутске, а в сентябре того же года — в Зашиверском остроге, а в Анадырск прибыл только 16 марта 1692 г.».*

«**1693 год**

Анадырский приказчик Михаил Зиновьевич Многогрешный (Черкашенин) совершил поход из Анадырска до устья р. Пенжины.

*Вероятно, в том же году из Анадырска в корякскую землю отправился отряд Луки Семеновича Старицына, известного более как Морозко. Сохранился пересказ в грамоте Сибирского приказа от 9 января 1711 г. челобитной участника похода Ивана Енисейского. Согласно ей отряд Морозко вышел из Анадырска в бытность там приказчиком М. Многогрешного. Последний был приказчиком с 1693 по 1696 г. Из похода сам Енисейский вернулся через три года, но до того момента как приказчиком в Анадырске стал В. Атласов, т. е. в 1695 или в начале 1696 г. Соответственно, **получается, что в поход отряд Морозко отправился в 1693 г. В его отряде было 14 чел.** Согласно челобитной Енисейского казаки вышли в северные районы Камчатки, проведали там немирных коряков и "билися с ними, не щадя голов своих, и разбили 7 острогов", "из-за того бою" взяли трех аманатов, "да лисицу чернобурую и пластину соболью, да… ясак собрали два сорока соболей", "а иных коряк в наш великого государя ясак объясачили". Кроме того, Енисейский, отправленный Морозко к немирным оленным корякам, призвал миром в ясачный платеж князца Иктеня с родниками и взял с них ясак.*

*М.И. Белов, проанализировав ряд документов, пришел к выводу, что сам Морозко, отправившись в поход в 1693 г., вернулся из него в 1694 г. (в походе участвовал и И. Голыгин). **На Камчатке Морозко дошел до р. Морошечной*** (выделено мной. — *С.В.*). *Обратим внимание на тот факт, что в исследовательской литературе поход Морозко 1693–1694 гг. очень часто датируют 1696 г., объединяя в один два разных похода: 1693–1694 и 1696 г.*

В 1693–1694 гг. из Анадырска к пенжинским корякам по р. Пенжине и далее к югу по Пенжинскому побережью Камчатки ходил отряд казака Сидора Бычана (возможно, новокрещенный якут — ср. "Бычанов Дганеюры, якут"). Его попытка привести в подданство живших там оленных коряков лишь частично увенчалась успехом. Только немногие из них заплатили ясак, а остальные, видя малочисленность русского отряда, оказали сопротивление и наотрез отказали в ясаке».

Далее: «**1696 год**

*Л. Морозко в конце 1695 или в начале 1696 г. **отправился во второй поход на Камчатку** (среди участников этого похода называют также И. Голыгина и И. Енисейского). Приказчик Анадырского острога М. Многогрешний дал Морозко задание объясачить коряков на р. Апуке. Численность отряда определяется в литературе по-разному: 16 казаков; 11 казаков, 7 промышленных людей и 40 чуванских и ходынских юкагиров; 13 русских и 40 иноземцов.*

*Из Анадырска отряд вышел на Пенжину, затем двинулся далее на юг вдоль Пенжинского залива. Потом повернул на северо-восток, пересек хребет и вышел в район р. Апуки, где заложил зимовье, в котором оставил небольшую группу казаков, промышленников и несколько юкагиров во главе с **Михаилом Ворыпаевым.** С Апуки Морозко двинулся вновь на Пенжинский берег к р. Тигиль. По дороге, как сообщали в челобитной участники похода, взяли "с оленных опуцких коряк и с олюторов и с камчатцких первых людей пластину чернобурую лисию, да двадцать осемь соболей красных, да шесть лисиц сиводушных, да на погроме взяли с олюторов лисицу черную". Где-то на Пенжинском берегу (возможно, на р. Иче) отряд взял штурмом "камчатский острожек" (кому он принадлежал, непонятно: то ли корякам, то ли ительменам). Не дойдя одного дня пути до р. Камчатки, Морозко повернул назад. В Анадырский острог казаки привезли двух ясачных князцов "коряк Эвонту и Инону"*

и "неведомо какие письма", взятые у "камчадалов" (возможно, письма с разбившихся японских судов).

Приказчик Анадырского острога М. Многогрешный обложил ясаком "Пенжины реки пеших коряк сто человек", но каких именно поселений, не сообщил».

И снова Голыгин. Васильевич или Осипович?

«**1697 год**

… После второго погрома коряков атласовцы двинулись на юг и на р. Нингучи "наехали они курильских мужиков 6 острогов". Курилы "ясаку с себя не дали и учинили с ними бой". Один из курильских острожков был взят штурмом, а засевшие в нем курилы (50 чел.) перебиты, "а к иным острожкам не приступали, потому что у них никакова живота нет и в ясак взять нечего". На р. Нингучи без вести пропал казак Иван Голыгин, в честь которого река была названа русскими Голыгиной».

Какой Голыгин — Васильевич или Осипович?

* * *

В третьем томе «Очерков по истории географических открытий» В. Магидовича мы находим уточнение: *«В 1691 г. в Анадырском остроге якутский казак Лука Семенович Старицын, по прозвищу Морозко, собрал большую "ватажку" (57 человек) для торговли и соболиного промысла. "По нем второй человек" был Иван Васильевич Голыгин. Они посетили "сидячих" коряков северо-западного, а может быть, даже северо-восточного побережья Камчатки и к весне 1692 г. вернулись в острог. В 1693–1694 гг. Л. Морозко и И. Голыгин с 20 казаками совершили новый камчатский поход и, "не дойдя до Камчатки-реки один день", построили зимовье — первое русское поселение на полуострове. С их слов, не позднее 1696 г. была составлена "скаска", в которой между прочим дается первое дошедшее до нас описание камчадалов (ительменов): "Железо у них не родится, и руды плавить не умеют. А остроги имеют пространны. А жилища… имеют в тех острогах — зимою в земли, а летом… над теми же зимними юртами наверху на столбах, подобны лабазам… А промежду теми острогами… ходу дни по два и по три и по пяти и шести дней… Иноземцы [коряки] оленные называются, у коих олени есть. А у которых олени нет, и те называются иноземцы сидячи… Оленные же честнейши почитаются…"»*

Но не все историки доверяют В. Магидовичу.

* * *

Поэтому мы пойдем другим путем.

Во-первых, 14 июля 1690 года якутский воевода П.П. Зиновьев выносит приговор по «Камчатскому делу»: *«…десятника Ивашка Голыгина, рядовых казаков: Софонка Ильина, Ивашка Ондронова, Микитку Гребенщикова, Игнашка Шишева, посадцкого человека Офоньку Балушкина, которые в воровстве и в бунту с пытки говорили и винились, вместо смертной казни бить на козле кнутом и в проводку нещадно и сослать их в сылку з женами и з детьми в Нерчинской острог».*

То есть в 1691 году Иван Осипович Голыгин никак не мог участвовать в походе из Анадыря в Камчатку. И ни в каких других походах тоже.

В том же 1690 году в Якутской приказной избе разбирают еще одно дело, но теперь по «челобитью казака Ивана Васильева сына Голыгина о возвращении с реки Колымы его **сродного брата казачьего сына Петра Антонова**, отданного в работу торговому человеку Матвею Ворыпаеву отчимом Осипом Голыгою».

Следовательно, Иван Осипович и Иван Васильевич Голыгины были сводными братьями.

Петр Антонов — вероятно, тоже, как и Иван Осипович, сводный брат Ивана Васильевича, судя по фамилии или отчеству.

Но у Ивана Васильевича был и родной брат — Михаил Васильевич Голыгин, тоже якутский казак, служивший в Анадыре, который в истории Атласова сыграет не последнюю, а может быть, даже первостепенную, роль.

Но и Иванов — Осиповича и Васильевича — Голыгиных тоже официально считали братьями, а не дядей с племянником: *«Книга сбора ясака за 1686–1687 (195) г. с юкагиров по Алазейскому зимовью десятника Ивана Голыгина. Скрепили Кровков и за Голыгина — брат его Иван Васильев Голыгин»*.

И вот теперь все более или менее встает на свои места — Иван Осипович Голыгин и Иван Васильевич Голыгин не являются прямыми родственниками (конечно, если Осип и Василий Ивановичи не были родными братьями): у них, судя по их возрасту, были разные отцы и матери, но живут они в одной семье и служат в одно время, хотя и в разных чинах и даже, порой, в одних и тех же или очень близких местах.

Иван Осипович был значительно старше Ивана Васильевича: он был верстан в казаки в 1670 году, а в 1688 году на казачью службу верстают уже и сына Ивана Осиповича — Никиту Ивано-

вича Голыгина — который будет реальным участником первого камчатского похода пятидесятника Владимимира Владимировича Атласова и вернется оттуда назад живым и здоровым, а в 1711 году, как выяснит следствие, примет участие в заговоре против камчатских приказчиков и их убийстве, включая и убийство казачьего головы Владимира Владимировича Атласова.

В 1706 году в поименном списке якутских казаков мы видим, что Иван (Васильевич или Иванович?) Голыгин записан казаком в первую пятидесятню Якутского полка, то есть, если это Иван Васильевич, то он уже точно не погиб и не потерялся на реке Нынгачу.

Кстати, в версию об убийстве некоего Голыгина на реке Голыгиной не верил и сам Степан Крашенинников, распространивший легенду о происхождении названия этой реки: *«Казаков и юкагирей розделил он надвое, с одною частью послал Морозку Старицына по олюторской дороге, а с другою сам пошел на Пенжинское море; Морозко с Атласовым сошелся на Тигиле реке, а с Тигиля пошли они вперед подле Пенжинского моря, и дошли до Голыгиной реки, где из их партии убит один служивой, Голыгин прозванием, отчего оная река и по сие время Голыгиною называется, а в бою ли он убит или иным каким образом* ***про то неизвестно****».*

А вот что известно: в Якутской приказной избе хранятся «Допросные речи казаков Федора Храпова и полуказака Вас. Дмитриева об исчезновении Ив. Голыгина, ушедшего с промышленными людьми в поход на коряков…». Это было во время его службы на Омолоне — целое дело возникло, хотя приказчик… нашелся.

А здесь: **«…про то неизвестно…»,** — молодой ученый, как известно, привык оперировать проверенными фактами.

Борис Петрович Полевой и Михаил Иванович Белов тоже оперировали фактами.

И был найден такой факт. Но, так как дата не сохранилась, то опять скрестились научные шпаги. Но сначала давайте прочтем это первое подробное сообщение о Камчатке.

«7… году месяца Якуцкого города и присутствия Якуцкого же в дальнем растоянии на реке Анадыре, завомое “за Носом”, из острогу Анадырского пошли устужане, промышленные русские люди, иных разных городов пятнадцать человек, в них же бе первенствеши человек именем Лука… сын прозванием Старицын, по нем вторы человек… сын Голыгин,

родом устужане, а по Якуцкому городу служивые люди посланцы были из Якуцка в Анадырский острог ради ясашного збору, и тамо има дошедшема и пребыста время немалое ради ясашного збору с ламуцких и з юкагирских иноземцов.

И оттоле нача промышляти, камо бы им проведати место и людей незнамых прежде бо сего намерения слух им носился чрез юкагирских иноземцов про камчацких людей и от того слуху паде им намерение тамо итить. И присовокупив к себе 57 человек и поидоста там ради соболиного промыслу чрез хрепты и лесные и пустые места в неведомыя страны. И в том пути в своем намерени камо им мысль была и путь надлежал в далное растояние, и тамо находили при реках в пустых местах людей немногое число на промыслу же соболином кочевых не в далном растоянии от тоих жилищ немногое число в разных неближних местах тунгуские породы. И с ними те промышленные люди торговали и меняли на свои хлебные припасы иноземские товары соболи и лисицы малое число, рублев по пяти и по шести на человека. А иные не торговали. И в том познании и в сходстве и в поговорках, зговоряся промеж собой, почали спрашивать у тех иноземцов: “Вы откуда и где ваши жилища?” Отповедаша нам: “Мы живем здеся не в далнем растоянии”. И пригласиша нас до своих жилищ. Мы же к ним идаху и обитаху у них дни некий и на иные дни идущим в другие жилища. По сих же достиже и тое их жилищ от единого жилища до другого ходу дни по два и по три и по единому у сих пребыша дни некий более. Прочие места далного ради растояния ходити не смеяхом за малолюдством не взохотеща с нами же бе и прежные их два человека взяша с собою ради верности. Они же обещася хранить нас. Нам же живущим у них вопросиша их: “Кто владеет вами?” Они же рекоша нам: “Мы живем сами собою и нихто нами не владеет”. Наши же еще вопросиша их: “Вас в здешнем месте много ли живет?” Они же отведаша нам: “Много есть людей, но далече”. Наши же люди даша им дары хлебными припасы — фунта по два и по три и по пяти фунтов на человека ради припознания. И то немногим, кои у них обретаются по начальнийше. А иным даваху котлы медные содружебства ради, прочим же топоры, овым же ножи, иным же иное и тако их почтиша. Они же, иноземцы, нас вопросиша: “Вы откуда и где живете?” Мы же с(к)азаша им подробну все о себе. Они же нам

глаголят: “И вы напредки будете ли к нам приходити?” Мы же сказахом им: “Будем к вам приходить напредки”. Наши же еще вопросиша их: “Бывают ли к Вам какие люди?” Они же отповедаша нам: “Бывают и приходят к нам и мы к ним ходим же”. Наши же еще вопросиша их: “Где те люди живут?” Они же глаголят: “Далече”. “И много ли их?” Они же скажаша: “Множество”. Мы же паки вопросиша их: “Каковы тамо люди возвраты и собою?” Отповедаша: “Всякими возвраты велицы и малии”. Еще вопросиша: “И хто ими владеет и есть ли у них большие над ними и есть ли у них грады или иное что и вси ли во едином месте живут?” И отповедаша: “Больших над собою имеют многих, всякой во своем остроге”. Мы же вопросиша: “Много ли имеют у себя острогов?” Отповедаша: “Много”. “И в каковых местах стоят те остроги?” И сказаша нам: “Те остроги стоят при реках и при мори”. Мы же вопросиша у них: “Не бывает ли промеж ими драки или войны?” Они же отповедаша нам: “Бывает между собою, у них которой острог с острогом вблизости стоит, воюются”. Мы же вопросиша: “Какое у них оружие и чем бьются?” Отповедаша: “Из луков, стрелы вместо железа каменные”.

Железо у них не родится и руду плавить не умеют. А железо, кое мы привозим, то и покупают чрез иные иноземцы, как прежде к нам и в прочие остроги бывали прежде тех камчацких людей многими годами, когда наши ходили на Ламу и Колому. И с тех времен чрез тех иноземцов то железо к ним доходило, и с того железа делали копья и теми копьями воюются. Еще у них бывают бои, когда единыя ко другим ко острогу приступаху, и тогда из острогу сверху состамых концов лес бросяху и бревна спущаху и тако бьющиеся и людей убиваху. И еще из ремней камением бросяхуся по писаному, ис пращи промеж собою далече велми досязаху и тако убивахуся.

А остроги имеют пространны. Того ради промеж собою, когда брань творят, тогда скот свой — елени, в остроги заставаху и в то время у себя держаху. Донележе брань престанет, тогда же елени из острогу роспущаху. А в тех своих войнах и в плене бираху человеки между собою и на выкуп отдаваху. А жилища у себя имеют в тех острогах зимою в земле, а летом имеют над теми ж зимними юртами наверху на столбах, подобны лабазам, ту жевяху. А промеж теми острогами от острогу до острогу ходу дни по два и по три и по пяти и 6 дней.

Овые же иноземцы оеленными нарицахуся, у коих елени есть, тако и словущи. А у которых елений нет, те называются иноземцы сидячи, тако и словущи, потому что елений не имеют и ездить не на чем. Оленних же честнейши в своем намерении почитахуся, другим зазираху и укоряху между собою, кои елений не имеют. И еще у них вопросиша: “Что у себя животы имею ли, какие и что у них родится?” Отвечаша же: “Елений имеют множество, на них ездят”. “Еще что у них бывает?” Отповедаша: “Соболи, лисицы и иные звери бывают”.

А про иное мы не знаем, что есть у них или нет. Нам же возвращающимися восвояси по времени же достигаша и дошедши во свой острог в Анадырь и ту пребыща до времени. В другие же год паки к ним приидаша двадесять человек и начаща жити с ними и к ним приходити в жилище их и почали с ними торговати и мелушными товаренцами менять, у кого какие прилучилися. А иные наши рыбы, зверей по рекам хождаху промышляти не в далном растоянии от зимовья нашего, человека по два и по 3 и по 5 человек, а инии же по улусам их також хождаху своих ради потреб и ради проведения и подсмотрения чтобы у них познати, каковы у них нравы и какое в них состояние обретается».

* * *

Белов настаивал на том, что этот поход состоялся в 1691–1692 гг. У Б.П. Полевого, как всегда, было свое особое мнение:

«Белов полагал, что Лука Семенов Мороско уже в 1691 г. пошел с Анадыря на Камчатку. Но из документов видно, что 11 июня 1691 г. Мороско еще находился в Якутске. Несколько позже он вместе с Григорием Пущиным и Иваном Осиповым Голыгиным был послан на Индигирку. Во время перехода на верховья Индигирки они попали в засаду, устроенную эвенами-ламутами. Григорий Пущин был убит, а Мороско и Голыгин добрались до индигирского Зашиверского острога уже в “200 г.”, то есть в год, который начался с 1 сентября 1691 г. В Санкт-Петербурге была найдена подлинная челобитная, которая начиналась со слов: “Казак Лучка Семенов челом бьет, в нынешнем в 200 году послан был с Индигирки реки казак Максимко Струков в Анадырское зимовье за Нос с отписками, и он, Максимко, судом божьим на дороге занемочью остался и те переводные отписки отдал мне, Лучке, на тринатцать лисиц”. 16 марта 1692 г. Лука Семенов

Мороско прибыл на Анадырь и по распоряжению Афанасия Пущина явился к анадырскому приказному Семену Чернышевскому. Таким образом, Лука Мороско никак не мог участвовать в 1691–1692 гг. в каком-либо походе на Камчатку».

А вот эти аргументы против Белова Борис Петрович вообще считал убийственными:

«…когда он (Иван Осипович Голыгин. — *С.В.*) *был в 1691 г. реабилитирован, то сразу же выразил желание уехать на Анадырь. Вот тогда-то Иван Осипов Голыгин и отправился вскоре на север вместе с Лукой Мороско. И они вместе пришли на Анадырь, а М.И. Белов нас уверял, что будто бы "Иван Осипов Голыгин не служил на Анадыре вместе с Лукой Мороско". В рукописи сказано: "В другий же год паки к ним приидаща двадесять человек и начаща жити с ними и к ним приходити в жилище их и почали с ними торговати и мелушными товаренцами менять, у кого какие получилися" и т. д. Нетрудно понять, что здесь идет речь* ***о группе Ивана Енисейского, которая в 1696 г. осталась на Камчатке после ухода Луки Мороско*** (выделено мной. — *С.В.*). *Сам Иван Енисейский писал о своей службе на Камчатке так: сперва он отмечал, что ходил "с Лукой Мороскою для проведования на Камчатку в четырнадцать человеках", а затем добавлял, что он "от того Луки Морозска послан был в немирные ж коряки". Еще до начала похода В.В. Атласова Иван Енисейский вернулся в Анадырский острожек, откуда его Атласов "взял с собою на Камчатку вожем и толмачем". Таким образом, М.И. Белов допустил и здесь неточность, безапелляционно утверждая, что между походами Л.С. Мороско и походом В.В. Атласова не было никаких иных походов.*

Явно надуманным является аргумент Белова, что в рукописи описывается поход, предпринятый только по частной инициативе, только с торгово-промысловыми целями, а-де поход 1695–1696 гг. был предпринят лишь для сбора ясака. То и другое не так. Поход Л.С. Мороско был предпринят в первую очередь "для проведывания" новых земель. Его участники собирали ясак, а после окончания сбора занимались и торговлей и промыслом. Именно таким он и описывается в найденной рукописи. Белов почему-то не придает значение сообщению в рукописи, что ***Л.С. Мороско и И.О. Голыгин "посланы были из Якуцка в Анадырский острог ради ясашного збору с ламуцких и юкагирских иноземцов"*** (выделено мной. — *С.В.*). *Без приказания*

анадырского приказчика М. Многогрешного они не смогли бы отправиться на Камчатку, но и сам этот поход не смог бы состояться, если бы к нему не примкнула большая группа торговых и промышленных людей. ***И очень вероятно, что промышленные люди Анадыря и были его главными инициаторами, а Многогрешный им выделил в "начальные люди" казака Луку Семенова Мороско и его помощника Ивана Осипова Голыгина.*** *В 1648 г. точно так поступил колымский приказной, когда он по прошению колымских промышленных и торговых людей выделил им в начальники казака Семена Дежнева».*

Правда, Борис Петрович почему-то не объяснил нам, как так получилось, что десятник Голыгин, прослуживший в казаках не один десяток лет в должности приказчика, был подчинен какому-то рядовому, в недавнем еще и ссыльному, казаку Старицыну?

Это во-первых.

Во-вторых, каким образом сын гулящего Осипа Голыги, родившийся в Якутске, превратился в устюжанина?

В-третьих, *«Как видно из отписки казака Григория Постникова, уходя в поход, В.В. Атласов оставил за себя в Анадырском остроге казака Ивана Голыгина* (ААН, ф. 21, оп. 4, № 32, л. 328)*, от которого Григорий Постников и принял дела 23 февраля 1697 г.».*

В-четвертых, почему в списке Якутского острога 1701 г. о смерти Ивана Осиповича Голыгина не сообщается о том, что он погиб на Камчатке, а *«в прошлом 206 (1697/98) году за Носом убит, а оклад ево в выбылых»* (ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, кн. 1344, 1382/об.). И 7206 год — это уже собственно 1698, а на реке Нынгачу Атласов был в 7205 (то есть в 1697) году.

В-пятых, как быть с этой информацией М.И. Белова:

«…поход начался 14 декабря 1696 г. Подтверждается это отпиской Атласова якутскому воеводе Арсеньеву, в которой сам Атласов сообщает, что в день, когда он вручил отписку и перечневую роспись казаку Сидору Бычану для доставки в Якутск, т. е. 14 декабря, он "пошел со служивыми людьми великих государей на службу из Анадырского острожку на Камчатскую реку"».

Составленная вскоре после этого челобитная казаков Луки Морозки, Ивана Голыгина и других была вручена уже не Атласову, а Сидору Иванову (Бычану. — *С.В.*). *Установленный выше факт позволяет внести и другую существенную поправку в обычные представления: казаки Лука Морозко и Иван Голыгин в Камчатском походе не участвовали и остались на Анадыре.*

Иван Голыгин безвыездно прожил там до возвращения Атласова. За три месяца до его возвращения он привлекался к розыскному делу, которое разбиралось в Анадырском острожке.

После ухода Атласова на Камчатку Морозко и Голыгин подали челобитную, в которой явно сквозила обида: ***“И ту великих государей зборную казну, — писали они, — лисицу черную и чернобурую, пластины и аманатов и книги той казне за своею рукою принял в Анадырском прикащик пятидесятник Володимер Отласов и росписки в одном аманате не дал неведомо зачем”*** (выделено мной. — *С.В.*). *По существу это был донос на Атласова. По-видимому, этим и объясняется умышленное искажение Атласовым показания Морозки о походе к реке Камчатке.*

Сообщая перед походом на Камчатку якутскому воеводе о походе Луки Морозки, Атласов писал, что последний не дошел до реки Камчатки, “за четыре дня”, в то время как сам Морозко показывал, что “до Камчатки реки не доходил один день”, т. е. что он посетил бассейн реки Камчатки.

В подобном искажении был свой умысел. Атласов, видимо, ревновал к подвигу Луки Морозки и его ближайшего товарища Ивана Голыгина. Поэтому он не взял их с собой в поход и умышленно исказил их сообщение об открытии реки Камчатки».

В-шестых, к какому времени относится эта информация:

«Алексей Поротов в допросе сказал: в прошлом 704 году, послал его Алексея с Иваном Томским из Анандырского острогу прикащик Евфим Петров в Камчадальские остроги с присланными из Якутска указными памятьми к прикащику Василью Колесову. И он де Алексей с товарищем шли с Анандыря до Пенжины и с Пенжины до Камчатки горою на оленях и на собакак 4 месяца, и отдал те указные памяти Василъю Колесову в целости. И идучи де они на Камчатку, не дошед до Камчатки, против Караги, от Брусеной, видели значится остров, ***и сказывал де ему Иван Голыгин*** (выделено мной. — *С.В.*), *что он на том острову в байдарах был, и иноземцы де на том острову есть, и много ль иноземцов, того де он Иван ему Алексею не сказал. А грести де в байдарах до того острова от устья Караги реки с утра до вечера. А с Камчатки де он Алексей вышел в Анандырской с камчатскою казною с Василъем Колесовым».*

Вопросов больше, чем ответов…

Но их можно разделить на две неравные части: одну из которых отнести к Ивану Осиповичу, а другую — к Ивану Васильевичу, которые, по всей видимости, служили или были в Анадырском остроге ВМЕСТЕ или в ОДНО время, а может быть, даже какая-то часть относится и к Ивану Ивановичу, сыну Ивана Осиповича, о котором упоминал М.И. Белов, но о судьбе которого нам пока ничего не известно.

* * *

Но вернемся к служебным делам Владимира Атласова.

В 1690 году назначен новый приказчик Анадырского острога сын боярский Афанасий Пущин, внук Федора Ивановича Пущина, который совершил еще один поход, но только против чукчей. О том, что и как было в этом походе, нам неизвестно.

В 1691–1692 годах предпринят еще один поход против них, в котором, как нам известно, принимает участие и Владимир Владимирович Атласов.

Возглавил экспедицию анадырский приказчик сын боярский Семен Тимофеевич Чернышевский.

И вот что в этом походе случилось.

* * *

«Великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцев въ Якутцкой город стол[ь]нику и воеводе князю Ивану Михайловичю из Анадырского острожку прикащикъ сынъ боярской Сенка Чернышевской челом бьет. В прошлом въ 200-м (1691/1692 г.) году из Анадырского острожку ходил я, Сенка, великих государей на службу на неприятелей чюхотцких людей, которые в прошлом во 197-м (1688/1689 г.) году побили пятидесятника казачья Васил[ь]я Кузнецова, а с нимъ сорокъ человекъ казаков. И я, Сенка, их, чюхоч, громил с служилыми, с торговыми и с промышленными люд[ь]ми, чю- хоч бил в пех, а жен их и детей имал в полон. И будучи на той великих государей службе на Корге и с Корги идучи в Анадырской острожекъ, казаки, которые прежтого заводили круги, бунты и одяначества, Сенка Симанова, Володка Отлаев за их вины довелис[ь] бит[ь] батоги и из-за батогов сказывали на меня, Сенку, великих государей дела, Володка сказывал июля въ 24-м числе, а казакъ Сенка Симанова сказывал августа въ 25-м числе, смотря на него, Володку. А сказывали они те великих государей дела до приходу ясачных иноземцов

до ясачного платежу за многое время. А я, Сенка, над собою великих государей дела никакого не знаю и пришед я, Сенка, в Анадырской их, Сенку и Володку, допрашивал въ ясачной избе при всех служилых, торговых и промышленных людях. И они, Володка и Сенка, сказали, что-де они какова великих государей дела на меня, Сенку, не знают, а сказывали-де они те дела боячис[ь] батогов, что хотел-де бит[ь] насмерть, а в их-де винах вол[ь]ны великие государи. А таких великих государей дел мне, Сенке, вершит[ь] не указано, а за их неподобную всякую бран[ь], Володку и Сенку, бил батоги. А скаски их повинные за их руками послал под сею отпискою и их, Сенку и Володку, послал въ Якутцкой великих государей за соболиною ясачною и лисичною казною въ Якутцкой город и велел явитца в приказной избе тебе, стол[ь]нику и воеводе князю Ивану Михай[ло]вичю. **А в прошлых годех при прежнем стол[ь]нике и воеводе при Иване Приклонском казаки Лучко Мороско и Сенка Симанова с казаком с Федкою Мартыновым были в бунту и оначестве** (именно так — в оначестве, а не в одиночестве. — *С.В.*). **А ныне они, Лучка, будучи в Анадырском острожке в дал[ь]ном растояние, не бояся Бога и не помня крестнаго целования, живут безстрашно.** И о том что ты, стол[ь]никъ и воеводы князь Иван Михайловичъ, укажешь.

Великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцев стол[ь]нику и воеводе князю Ивану Михайловичю Гагарину.

201-го году июня въ 9 де[нь] подал казак Ивашко Федоров.

201-го (1692/1693 г.) году июня въ 10 де[нь] взят[ь] въ сто[л]п и выписат[ь] из указу великих государей.

200-го году июля въ 24 де[нь] у моря на Корге казакъ Володимер Отласов сына боярского Семена Чернышевского бранил всякою неподобною бран[ь]ю матерной и ротовой и вором и плутом называл. И того ж числа сынъ боярской Семен Чернышевской за ту ево, Володкину, всякую неподобную бран[ь] и что он какое воровство знает велел взят[ь] казакам **Куске Нарматскому** и иным служилым людем и велел посадит[ь] до указу в колоду. **И казакъ Куска Нарматской ему, сыну боярскому Семену Чернышевскому, отказал и он, Володка, учинился великих государей указу силен и не дался, а сам говорил казаки-де не примайтеся, знаю-де на сына боярского на Семена Чернышевского великих государей дело…**

Сентября въ 13 де[нь] в Анадырском острожке сынъ боярской Семен Чернышевской допрашивал казака Володку Отласова. И казакъ Володка Отласов в допросе своем сказалъ, виноват-де он, Володка, перед великими государи, дела-де он великих государей на сына боярского на Семена Чернышевского не знает, а сказывал-де он то великих государей дело напрасно, боячись батогов, что-де хотел батогами бит[ь] насмерть. […] жиль.

К сему добросу Волотька Отласов руку приложил.

И сынъ боярской Семен Чернышевской слушав скаски казака Володки Отласова, велел ево бит[ь] батоги за матерную бран[ь] и за свое безчестье. А в деле великих государей и в скаске, что великие государи укажут.

200-го году августа въ 25 де[нь] от моря с Корги идучи, казакъ Семен Иванов Симанова сына боярского Семена Чернышевского бранил всякою неподобною всякою бран[ь]ю и за ту ево, Сенкину, всякую неподобную бран[ь] велел взят[ь] казаку **Васке Алямасову да Орефке Лиханову**. И он, Сенка, имъ говорил не приймайтеся-де, казаки, знает-де он на сына боярского на Семена Чернышевского великих государей дело, а скажут-де на него то дело въ Якутцком городе…

Сентября въ 13 де[нь] в Анадырском острожке въ ясачной избе сынъ боярской Семен Чернышевской допрашивал казака Сенку Иванова Симанова. И он, Сенка, в допросе своем сказал, виноват-де он, Сенка, перед великими государи, дела-де он великих государей никакого не знает, а сказывал-де он, Сенка, на него, Семена, великих государей дело, боячис[ь] батогов, хотел-де бит[ь] насмерть.

К сей ска[с]ке вместо Семена Иванова по его велению **Тимошка Стефаев Норицын** руку приложил.

К сим добросным речам вместо казака Семена Иванова Симанова по его велению **Мосийко Тимхин** руку приложил.

И сынъ боярской Семен Чернышевской слушавъ скаски Сенки Симанова, велел ево бит[ь] батоги за ево матерную бран[ь] и за свое безчесть[е]. А в деле и в скаске ево что великие государи укажут».

* * *

Итак, Сенка Иванов Симанов (в другом написании Симонов).

В архивных материалах за 1653 год мы обнаруживаем такую вот запись: «А служилых людей приняли против наказной памяти тобольских и енисейских: Добрынка Игнатьева, Оксенка Скребыкина, **Ивашка Симонова**, Ивашка Пермяка, Мокейка Игнатьева, Ивашка Кузакова».

Поначалу я думал, что речь шла о промышленных и торговых людях, находящихся на Колыме, так как эта цитата взята из документа «**Отписка казачьего пятидесятника Ивана Реброва и таможенного целовальника Василия Клеунова якутскому воеводе Ивану Акинфову о прибытии их на Колыму, о сборе ясака, о принятии на государеву службу охочих торговых людей и о других делах».**

Но позже в архивных документах (РГАДА, ф. 214, оп. 4, д. 206) мы обнаружили эту вот запись, относящуюся к тобольским казакам, посланным на реку Лену: «Васка Мартемьянов в его место казачей брат Ивашко Симанов в прошлом во 157-м [1649] году послан на государеву дальную службу на Ковыму реку», а также и эту: «Карпунка Симанов в прошлом во 157-м [1649] году послан на государеву дальную службу на Ковыму реку. Денег по 4 рубли с четью да хлеба ржи по число что писано выше сего да по 2 чети».

Тобольские Симановы известны с 1623 года: «На речке Кундуске в Санниковых деревнях. …Во дворе пашенный крестьянин Ивашко Симанов. У него брат Павлик. Пашни паханые луговые середние земли 10 четей с получетвериком в поле а в дву потому ж. Луговые ж водопойменные земли 4 десятины. Сена косит в старицком лугу 400 копен. У них же у Гришки Софонова да у Ивашка Симанова с братиею поскотинные луговые земли 40 десятин. Живущим выть без чети и пол-пол-чети выти».

В 1648 году Иван Симонов был целовальником и находился при самой «хлебной» должности — занимался раздачей хлебного жалованья. А затем ушел с братом в поход на Колыму.

Об отце Семена Симанова мы имеем любопытную отписку Семена Сорокоумова за 1668 год:

«…А ясачные зимовья и амбары все целы, а что в них каких статков было или нет, тово не ведаем же, потому, что пришли на Янгу в ясачное зимовье преж нас сын боярской Родион Кобелев с товарищи, да служилые люди **Иван Симанов** с товарищи, да таможенной целовальник Никита Ворыпаев. А мы, Семейка, пришли от моря зело нужны и голодны и холодны. А тот служилой человек Иван Симанов с товарищи ясачное зимовье и лутчие амбары с сеньми он занял под свои животы. А меня, Семейку, с товарищи в ясачное зимовье не пустил и с великою бранью отказал. Да оне же служилые люди, Иван с товарищи, своим самовластьем под казну великого государя соболиную амбаров не дали. Я, Семейка, с товарищи с торговыми и промышлеными людьми взяли под казну пометное амбаришко худое, потому что новых амбаров ставить невчем, близко ясачного зимовья нет лесов, а сами безкормны, безхлебны и нужны. А нынеча мы, Семейка, по осени великого государя соболиного казною итти в Якуцкой острог не поспели, потому что в иноземцах шатость большая и вестей никаких нет, хто на Янге служилых людей побил».

К этому времени Симанов уже не был рядовым казаком: «Казачий десятник Иван Симанов, согласно наказной памяти, был послан на Колыму 14 июля 1668 г. Между прочим, ему было приказано ехать туда «днем и ночью с великим опасением, крепко и осторожливо безо всякие оплошки, и служилых людей наряжать, и про все ему, Ивану, на коче ведать» (М.И. Белов).

Видимо, характером в отца был и его сын Семен, который был выслан в Анадырский острог вместе с Лукой Старицыным.

* * *

А также и с Федькой Мартыновым: ***«А в прошлых годех при прежнем стол[ь]нике и воеводе при Иване Приклонском казаки Лучко Мороско и Сенка Симанов с казаком с Федкою Мартыновым были в бунту и оначестве. А ныне они, Лучка, будучи в Анадырском острожке в дал[ь]ном растояние, не бояся Бога и не помня крестнаго целования, живут безстрашно»***.

В Якутске в 1650-х годах служили несколько тобольских казаков Мартыновых — десятник Мамонко, а также «Ивашко Мартынов в прошлом во 157-м [1649] году в верхоленском в Братцком походе зарезан и в том же во 157-м [1649] году велено быть в его Ивашково место промышленому человеку»; «Июнь 1639 г. (7147) — Дело о поверстании на службу на реку Лену тобольского плотника Леонтия Федорова вместо его больного брата стрельца Ивана Мартынова».

И вот еще: «Да в нынешнем во 158-м [1650] году апреля в 4 день по выписке и по приговору воеводы Дмитрея Андреевича

Францбекова да диака Осипа Степанова приверстаны в государеву службу ссыльные люди которым по государевым царевым и Великого князя Алексея Михаиловича всеа Русии грамотам велено быть в государеве службе на выбылые места…», а среди этих ссыльных был «Васка Мартынов в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву дальную службу на Оленек реку».

Васька Мартынов, **гулящий человек, сослан был в 1646 году в Якутск «за воровство».**

Первое упоминание о казаке Федоре Мартынове мы находим в документах Якутской приказной избы за 1678 год: «Челобитная Юрия Никитина, Федора Мартынова, Николая Мощина и др. о выдаче соляного жалованья».

А в именном списке первого тома описи документов Якутской приказной избы Федор Мартынов значится «прикащиком». И тогда мы вспоминаем о березовском казачьем пятидесятнике: «Мартынко Васильев велено быть в пятидесятниках в рядовом окладе и в нынешнем во 155-м [1647] году по их пятидесятничью челобитью и по помете на выписке диака Петра Стеньшина велено тому Мартынку к рядовому ево окладу к 5-ти рублем с четью прибавлено рубль денег до государева указу с порукою будет государь их пятидесятничьею придачею пожаловать и ему то в оклад а будет той придачи государь их не пожалует и та дача взять в государеву казну». В пятидесятники он был верстан по Якутску и, следовательно, здесь и должен был теперь служить, а его дети, рожденные в Якутске, могли быть уже, как и дети Амоса Михайлова — Амосовыми, так и дети Мартына Васильевы — Мартыновыми с последующими карьерными возможностями роста…

* * *

М.И. Белов прочитал фамилию сообщника Луки Мороски и Семена Симанова как Мартемьянов.

Возможен и такой вариант: «Семейка Иванов в его место прислан Демка Ярофеев и в прошлом во 148-м [1640] году тот Демка в Енисейском остроге зарезал казака до смерти и посажен в тюрму и в том ж во 148-м [1640] году велено быть в его Демкино место промышленому человеку Карпуньке Мартемьянову».

А вот еще: «Ивашко Осипов сын Щербак в прошлом во 152-м [1644] году воеводы Василей Пушкин с товарыщи велели быть со 155-го [1647] году енисейскому казаку Федьке Мартемьянову которой взят из Енисейсково острогу для сыскного дела и Ленской

службы и в прошлом во 156-м [1648] году на государеве службе на Оленке реке умре».

Но это еще не все:

«Тобольские служилые люди которые присланы с Тобольска с пятидесятником с Ларкою Едомским прежним на перемену.

Оклад денег 5 рублев с четью да хлеба по 5 чети с осминою ржи весом иметьца по 25 пуд по 9 гривенок с четью гривенкою против Указу в государеву казенную четь по 4 пуда по 23 гривенки с полугривенкою в четверть да по 4 чети овса да по 2 пуда с четью соли.

Ивашко Мартемьянов в его место казачей брат Миншичко Иванов в верхоленском в Братцком острожке.

Васка Мартемьянов в его место казачей брат Ивашко Симанов в прошлом во 157-м [1649] году послан на государеву дальную службу на Ковыму реку».

Но главное — ни Мартемьянов, ни Мартынов больше «в связке» с именем Атласова не упоминаются.

* * *

Названы были еще четыре фамилии анадырских служилых людей:

«200-го году августа въ 25 де[нь] от моря с Корги идучи, казакъ Семен Иванов Симанов сына боярского Семена Чернышевского бранил всякою неподобною всякою бран[ь]ю и за ту ево, Сенкину, всякую неподобную бран[ь] велел взят[ь] казаку **Васке Алямасову да Орефке Лиханову**. …К сей ска[с]ке вместо Семена Иванова по его велению **Тимошка Стефаев Норицын** руку приложил. К сим добросным речам вместо казака Семена Иванова Симанова по его велению **Мосийко Тимхин** руку приложил».

Арефа Васильев сын Лиханов в 1706 году служил в четвертой пятидесятне Якутского казачьего полка. В 1748 году в именных казачьих списках значится Петр Арефьев сын Лиханов. Другой информации у нас нет.

Что касается Норицыных (Нарицыных), то это была семейная торгово-служило-промышленная корпорация и, судя по написанию с «вичем» — отчеством, Тимошка Стефаев (Стефанов) сын был из промышленных людей, грамотным и авторитетным

человеком, скрепляющим своей подписью и официальные документы — например, в документах Якутской приказной избы мы находим такую запись: «Книга сбора десятой пошлины с мягкой рухляди и моржовой кости на р. Анадыре таможенного целовальника Ивана Антропьева, 26 ноября — 4 декабря 1686 (194) г.

Скрепили Зиновьев и за Антропьева — промышленный человек Тимофей Степанов Норицын».

Зиновьев — это тот самый воевода, по приказу которого Владимир Атласов впервые в своей жизни отведал наказания кнутом.

В 1667 году рассматривалось «Сыскное дело о холопах бывшего якутского воеводы кн. Ив. Голенищева-Кутузова», и вот что почерпнули мы из этого дела:

«Гаврилко Степанов сказал, что де он Никанского роду, а отец де у него был в своей земли торговой человек, безъясачной, и он де был человек вольной же, безъясачной, и он де жил на воле, и пришел де он ис своей воли к казаком к Ивашку Тельному и Ивашко де Тельной ево, Гаврилка, пришедчи в Якутцкой острог челом ударил воеводе Ивану Голенищеву Кутузову, а крестил де ево в Якутцком остроге соборной церкви живоначальные Троицы поп Ияков Прокопьев по приказу Ивана Голенищева Кутузова, а отец де у него был крестной торговой человек Стенка Норицын».

Тимофей Степанович торговал на севере Якутии, а его брат Матвей Степанов сын Норицын — на юге, вблизи Амура.

Вот еще одна запись из описей документов Якутской приказной избы: «Отписка воеводы Ивана Федоровича Большого Голенищева-Кутузова в Сибирский приказ об отправлении в Москву ясачного, десятинного, поминочного и окладного сбора с якутов с подгородных слобод и зимовий Якутского уезда со стрелецким сотником Третьяком Смирнягиным, целовальниками Федором Балезиным, Алексеем Норицыным и со служилыми людьми».

Целовальник лалетин Алексей Норицын был торговым человеком, выходцом из Лальска.

Как и другие Норицыны: «Через Лальск проходил зимний путь из Устюга на Урал, в Сибирь. Здесь создавались промысловые и торговые артели, караваны для сибирских экспедиций с грузом заморских товаров и русских изделий». Именно эти исто-

рические обстоятельства способствовали обогащению лальских купцов Норицыных, Горяиновых, Юрьевых, Басановых, Бобровских» (Добрыднев В.А. «Вычегжане на Урале и в Западной Сибири (кон. XVI – нач. XVIII вв.»).

М.И. Белов в своей книге «Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах» называет еще двух промышленных людей — Василия и Леонтия Норицыных. А вот и название документа, из которого мы почерпнули эти сведения: «1670 года июля 20. Подорожная казачьему атаману Семену Дежневу на проезд из Якутского острога в Москву с ясачною соболиною казною и роспись промышленным людям, которые отпущены с государевой казной в провожатых».

Родственник купцов Норицыных казак Семен Норицын погиб при обороне Албазинского острога в 1682 году. В Иркутске в конце 17-го столетия служил казак Левка Норицын, в Томске — Петр Леонтьев сын Нарицын, в Забайкалье — Яков Норицын.

Тобольский сын боярский Иван Панютин в 1709 году, доставляя на Камчатку из Тобольска и Енисейска новый отряд служилых людей, вынужден был часть из них оставить в якутских острогах: «…в прошлом 709 году писал в Якуцкой из заморских рек камчадалской прикащик Болшей реки сын боярской Иван Панютин: осталось де от него в Зашиверском и Уяндинском зимовьях, за скорбью служилых людей, 16 человек… …и велено их забрать в Камчатку Осипу Миронову». В их числе был и Яков Норицын. Он действительно был в отряде камчатского приказчика Осипа Мироновича Липина, но в 1710 году оставлен был в Анадырском остроге, по пути на Камчатку.

На полуострове нес службу казак Леонтий Нарицын — но он был убит камчадалами в 1705 году.

Четвертая фамилия в этом списке — Мосийко Тимхин. Мы обнаружили ее аналог только в переписной книге Яренского уезда за 1678 год. Вероятно, судя по грамотности, это тоже был торговый человек.

* * *

Более интересна в этой истории фигура казака, который встал на защиту Владимира Атласова: «*Семен Чернышевской за ту ево, Володкину, всякую неподобную бран[ь] и что он какое воровство знает велел взят[ь] казакам* ***Куске Нарматскому*** *и иным служилым людем и велел посадит[ь] до указу в колоду.* ***И казакъ Куска Нарматской ему, сыну боярскому Семену Чернышевскому, от-***

казал и он, Володка, учинился великих государей указу силен и не дался, а сам говорил казаки-де не примайтеся, знаю-де на сына боярского на Семена Чернышевского великих государей дело…»

Нарматский — это Кузьма Марманский. Во время убийства Владимира Атласова в 1711 году он был заказчиком (управляющим делами) Нижнекамчатского острога, где и произошли эти трагические события.

Вероятно, отчество Кузьмы было Яковлевич: Марманский Яков Фомин сын, выходец из Тазовского городка (Новой Мангазеи) в 1664 году был на службе в Якутске. В 1706 году в десятой пятидесятне Якутского казачьего полка служил Петр Яковлев сын Марманский.

Заказчиком Нижнекамчатского острога Кузьму Марманского поставил Осип Миронович Липин — первый из убитых камчатскими казаками приказчик (Атласов был следующим). В 1706 году Осип Миронович был приказчиком Анадырского острога, где в то время, по всей видимости, и продолжал служить Кузьма Марманский.

Почему он встал на защиту Атласова, мы, наверное, никогда не узнаем.

Но, скорее всего, они были друзьями…

* * *

А теперь снова обратимся к М.И. Белову (вынужден допустить повтор некоторых фактов, но это необходимо, чтобы объективно оценить выводы, которые сделал Михаил Иванович):

«После 1689 г. Атласов исчезает на целых пять лет: его нет в списках якутских казаков, нет среди тех, кого посылали на “годовые” и “двоегодные” службы, нет его имени в списках людей, назначаемых ехать в Москву.

Чтобы выяснить причину столь внезапного “исчезновения”, мною было предпринято тщательное обследование якутских столбцов год за годом. В одном из них нашлось сообщение о том, что Атласов ***в указанные годы*** *проходил службу на далеком северо-востоке в составе Анадырского гарнизона. В литературе до сих пор не было даже намека на то, что Атласов бывал на Анадыре раньше 1695 г., когда приехал туда в качестве ясачного сборщика. Новые сведения о пребывании Атласова на Анадыре позволяют рассматривать его поход на Камчатку как прямое продолжение его предыдущих служб в районе, непосредственно к Камчатке примыкающем.*

Столбец, о котором идет речь, содержит отписки анадырского приказчика, сына боярского Семена Чернышевского.

В отписке, датируемой 1693 г., Чернышевский подробно сообщал воеводе И.М. Гагарину о предпринятом им летом 1692 г. походе к устью р. Анадырь против чукчей, “которые в прошлом 197 году побили пятидесятника Василия Кузнецова, а с ним 40 человек служилых людей”».

Мы с вами знаем уже содержание этих «отписок». Но вот выводы ученого:

«*Знакомясь с делом об оскорблении С. Чернышевского, нельзя не отметить того, что* ***выступление казаков, в том числе и Атласова, имело под собой определенные социальные мотивы; недовольство казаков было вызвано поведением приказчика, его деспотизмом и грубостью, переходящей в издевательство. Возмущенные произволом приказчика казаки пытались сместить его*** (выделено мной. — *С.В.*). *Зачинщиком выступления, по свидетельству Чернышевского, был казак Лука Морозко. “В прошлых годах, — писал С. Чернышевский о Морозко, — при прежнем стольнике и воеводе при Иване Приклонском (1681–1684 гг. — М.Б.)* ***казаки Лучка Морозко и Сенька Симонов с казаком с Федькою Мартемьяновым были в бунту и одиначестве*** (так у Белова, у других переводчиков — в оначестве. — *С.В.*). *А ныне они, Лучка, будучи в Анадырском острожке в дальнем расстоянии, не бояся бога и не помня крестного целования, живут безстрашно”».*

* * *

Что для нас важно во всех этих вышеперечисленных историях – Владимир Атласов, пытаясь добросовестно выполнять порученные ему приказчиками и воеводами дела, в итоге наживает себе все большее и большее число врагов из «сильных мира сего», публичную казнь и ссылку.

Если информация о том, что Атласов дважды отведал кнута — в том числе и в правление уже воеводы князя Гагарина, сменившего Зиновьевого, обладавшего, по мнению Б.П. Полевого, «патологической жестокостью», является достоверной, то выходит, что Атласов был настолько уверен в своей правоте, что не побоялся и в Анадырском остроге вступить в конфликт с приказчиком, заработав очередную партию батогов.

* * *

М.И. Белов: *«Чтобы освободиться от “бунтовщиков”, Чернышевский после наказания батогами выслал Атласова и Симонова из Анадыря в Якутск якобы для дознания по “государеву делу”. С Лукой Морозко приказчик не решился расправиться, боясь, видимо, новой вспышки возмущения. Он тайно донес на него в Якутск, ожидая решения воеводы».*

Очень и очень странно — судя по дальнейшим событиям, Лука Семенович чувствовал себя в Анадском остроге не просто уверенно — он снаряжал одну за другой промысловые экспедиции, которые требовали значительных средств — и людских, и финансовых.

* * *

М.И. Белов: *«В декабре 1692 г. Владимир Атласов и Семен Симонов выехали на Лену в составе отряда, сопровождавшего ясачную казну.*

*Достигнув Нижнеколымска в феврале 1693 г., Атласов поменялся службой с казаком **Василием Григорьевым**, который направлялся из Якутска на Анадырь. Василий Григорьев поехал за Атласова в Якутск, а Атласов вернулся на Анадырь, куда прибыл в составе очередной смены **во главе с десятником Андреем Ивановым Цыпандиным**. Приказчик Чернышевский, передав острог Цыпандину, уехал служить на Алазею. Атласову удалось избегнуть новой кары.*

О его жизни на Анадыре при Цыпандине нет сведений. Однако важно заметить, что именно при этом приказчике началось продвижение русских на Камчатку, о чем Атласов не мог не знать».

* * *

Очень сложно разобраться в череде смен приказчиков в Анадырском остроге. Приказчиками были как официальные лица, назначаемые якутскими воеводами, так и выборные лица, остающиеся управлять острогом на время, когда официальный приказчик отсутствовал (был в походе или доставлял ясак в Якутск).

Если рассмотреть таблицу смены приказчиков на Анадыре, составленную М.И. Беловым, то картина окажется совсем другой:

п/д Андрей Цыпандин	Астафий Балушкин	1686–1689
с. б. Афанасий Пущин	Афанасий Балушкин	1689–1692
к. Иван Понюрин		1692–1694
с. б. Семен Чернышевский	Афанасий Балушкин	1694–1695
к. Михаил Многогрешный		1695–1696

п/д Владимир Атласов	Афанасий Балушкин 1697 г. 30 августа убит на Анадырской дороге туземным населением	29 апреля 1696–1697
к. Михаил Многогрешный		1697–1699
с. б. Тимофей Родионов Кобелев	Посадский человек Григорий Стрюков	1699–1701

И на смену Семену Чернышевскому приходит не Андрей Иванович Цыпандин, а черкашенин (запорожец) Михаил Зиновьевич Многогрешный, которому, как администратору, мы и должны отдать историческую пальму первенства в открытии полуостровной Камчатки.

Именно при Михаиле Зиновьевиче и были осуществлены походы Ивана Васильевича Голыгина и Луки Семеновича Старицына Мороски.

Многогрешный был из семьи главы Правобережной Украины — он был племянником гетмана Демьяна Многогрешного, сосланного в Сибирь взамен смертной казни и заключенного здесь в тюрьму. Настоящая фамилии запорожского полковника была, по одной из версий, Игнатович — а это был известный на Украине род шляхтичей, то есть людей знатных, совершенно не случайно (как это следует из других версий) оказавшихся на вершине власти. Обвиненный в предательстве по отношению к России гетман был сослан в Сибирь не один, а вместе со всей своей семьей — брат Василий оказался в тюрьме в Красноярске, Демьян — в Иркутске (а позже в Селенгинске), а их племянник Михаил — в Якутске. Спустя годы братья дослужились до чинов детей боярских, а Михаил Зиновьевич, выпущенный из тюрьмы, долгие годы служил в рядовых казаках, хотя и на должностях приказчиков зимовий и острогов. В 1706 году он числился рядовым казаком четвертой пятидесятни Якутского казачьего полка.

Именно он, будучи приказчиком Анадырского острога, включил в свой присуд новые камчатские земли, приняв их от Атласова.

Именно он, будучи в 1702 году назначенным приказчиком Камчатского (будущего Верхне-Камчатского) острога, привел на полуостров первых его поселенцев — из числа тех казачьих детей, которые были набраны в Тобольске самим Владимиром Владимировичем Атласовым.

С.П. Крашенинников писал о Михаиле Зиновьевиче: «…управлял камчатскими острогами с 1703 по 1704 год до при-

бытия казачьего пятидесятника Василия Колесова. Зиновьев впервые ввел на Камчатке ясашные книги, куда вписывались поименно подлежавшие обложению ясаком камчадалы. Нижние камчатские зимовья, вследствие неудобно выбранного для них места, он перенес к ключам, а на Большой реке построил новый острог. Он же перевел анадырских служивых людей по их собственной просьбе из Укинских зимовий на Камчатку. Приведя таким образом, состояние дел на Камчатке в некоторый порядок, он благополучно вернулся в Якутск с ясашной казной».

* * *

М.И. Белов: *«В первой половине 1694 г. Атласов с каким-то поручением Цыпандина отбыл в Якутск. Весной 1694 г. он прибыл на Колыму, откуда повез в Якутск анадырскую и колымскую "десятинную" казну, собранную целовальником Афанасием Балушкиным.* ***Нужно отметить, что он, как будет показано ниже, уже знал о существовании реки Камчатки*** (выделено мной. — *С.В.*).

31 августа 1694 г. ***после пятилетнего*** *путешествия по северо-восточным рекам Атласов прибыл в Якутск. Позднее, в известных "скасках" о Камчатке он припомнил подробности своих путешествий по тракту Якутск-Анадырь, который ему довелось проезжать четырежды, а также собранные во время похода на чукчей сведения о Чукотском полуострове. К этим последним Атласов присоединил то, что ему удалось узнать у товарищей Семена Дежнева о Большом чукотском носе.*

В Якутск Атласов приехал в тревожное время. Доходы казны падали из года в год. Хищническое истребление пушного зверя, продолжавшееся с неослабной силой в течение полстолетия, привело к почти полному его исчезновению. Приказная администрация была обуреваема планами повышения государственных доходов путем открытия и освоения "новых землиц". Воспользовавшись моментом, Атласов, очевидно, предложил свои услуги.

В связи с этим после возвращения в Якутск Атласов довольно быстро пошел вверх по служебной лестнице (выделено мной. — *С.В.*)**.**

Тот самый якутский воевода И.М. Гагарин, ***по приказу которого Атласова дважды раскладывали на козле*** (??? — *С.В.*), *произвел его 11 октября 1694 г. в чин казачьего пятидесятника. В определении сказано: «203 году октября, в 11 день по указу великих государей и по помете на выписке стольника и воеводы князя Ивана Михайловича Гагарина поверстан в пятидесятники казак Волотька Отласов на убылое место пятидесятника Васьки Кузнецова, а оклад ему учинен тот же, что ему, Ваське».*

В августе 1695 г. Атласов получил назначение приказным на реку Анадырь и 31 августа вместе с отрядом вышел в путь. К месту назначения он прибыл 29 апреля 1696 г.».

* * *

Насчет «раскладывания на козле» — мы явно запутались: у Полевого — это воевода Зиновьев, у Белова (да еще «дважды») — это князь Гагарин.

А вот причина назначения Атласова на новую должность нуждается в дополнительной информации о воеводе Иване Михайловиче Гагарине и его знаменитой родне:

«Огромный доход получали воеводы также путем прямой продажи должностей ясачных сборщиков. Они облагали служилых людей при сборе ясака "налогом" в свою пользу, ***точно фиксированным в соответствии с доходностью того или иного зимовья****. Материалы сысков говорят, что якутские воеводы в 1695–1698 гг. оценивали должность приказчика в наиболее доходных острогах в сумму до 500 руб. Резкое повышение этого "обложения" началось с воевод М.О. Кровкова и П.П. Зиновьева (1680-е гг.), которые получали с сборщиков ясака свыше тысячи рублей дохода. Следующий воевода И.М. Гагарин повысил эту "ставку", и сборщики, уезжая в зимовья, платили ему вперед в общей сложности — 7 тыс. руб. Сборщики, которые фактически купили эту должность, восполняли воеводские "великие накупы", обирая и ясачных людей, и государеву казну.*

…в целом за 1694–1697 гг. якутские воеводы И.М. Гагарин и М.А. Арсеньев получили с приказных людей своего уезда почти 17 тыс. руб.».

Но с анадырских ясачных сборщиков получать было нечего — коряки и чукчи, как известно, платить ясак отказывались, так что на Чукотку, скорее всего, отправляли за провинности, как Мороску, как Мартынова-Мартемьянова, как Атласова…

«В конце XVII в. казна реально почувствовала катастрофическое падение сибирских доходов, и на протяжении 1690-х гг. сыски не прекращались. Они дали материал о восточно-сибирских воеводах. В начале 1690-х гг. вся Восточная Сибирь попала во владение к клану Гагариных. Иван Михайлович Гагарин вое-

водствовал в Якутске, Иван Петрович — в Иркутске, а Матвей Петрович — в Нерчинске. И.М. Гагарин в 1694 г., для того чтобы переправить в Москву соболиные меха, взял с человека Филатьева И. Климова письмо в заемных 4000 руб. на имя думного дворянина Степана Богдановича Ловчикова, которому Климов должен был передать эти меха. Воевода систематически вел беспошлинную торговлю с Китаем через Иркутск, занимался винокурением. "По вся годы" в Якутск приезжали к нему за мехами холопы от его братьев из Нерчинска и Иркутска. Сведения, поступившие в Москву о его винокурении и недоборе ясака, вынудили правительство послать в Якутск сыщика Ф. Качанова. Воспользовавшись убийством ламутами ясачного сборщика, И.М. Гагарин обвинил Качанова в том, что тот призывал их к восстанию. Воевода даже осадил Качанова с группой сопровождавших его московских стрельцов в занимаемой ими избе.

Иркутский и нерчинский воеводы И.П. и М.П. Гагарины "специализировались" на торговле с Китаем. Но тут даже гости Филатьевы не выдержали и подали на них обоих иск во взятых деньгах и товарах на 4480 р. 32 алт.

Гостиной сотни купец Г. Григорьев жаловался на М.П. Гагарина, взявшего у него китайских товаров на 425 руб. Среди конфискованного имущества иркутского и нерчинского воевод львиная доля падала на различные китайские ткани и зерна жемчуга». («Власть и общество. Сибирь в XVII веке»).

Чем все это закончилось?

Напомним, что Матвей Петрович Гагарин — будущий генерал-губернатор Сибири, впоследствии казненный царем Петром за свои злоупотребления, а сын его был разжалован в простые матросы…

Но это будет уже в другую эпоху.

А вот что было в Сибири, когда Гагарины были в фаворе, а Матвей Петрович видел себя царем Сибири. Эту цитату мы берем из книги «Записки князя Петра Долгорукова»:

«Нет никаких сосмнений, что Гагарин совершил множество злоупотреблений; в короткий срок он стал обладателем немалых богатств; по постным дням для десятка гостей у него подавали по пятьдесят блюд, и вся посуда была из массивного серебра; всего у него имелось серебряной и позолоченной посуды на пятьсот человек. Из серебра были ободья колес его экипажей и подковы лошадей; оклады образов в его спальне были украшены

бриллиантами, стоимость которых оценивалась в 130000 рублей (когда 5 рублей — было в то время годовое жалованье рядового сибирского казака. — *С.В.*)*! Своего единственного сына Алексея он женил на дочери вице-канцлера барона Шафирова; а дочь выдал за старшего сына канцлера графа Головкина…*

Петр I повесил князя Матвея Петровича Гагарина вовсе даже не за все эти "излишества" — "…князь рассчитывал поднять бунт в Сибири, провозгласить ее независимость и объявить себя ее государем"».

* * *

Но мы несколько забежали вперед.

Б.П. Полевой: *«Служба Атласова с Андреем Ципандиным продолжалась недолго. Вскоре на Анадырь прибыл новый приказной Афанасий Пущин, сын Григория Пущина, погибшего на Индигирке зимою 1691–1692 гг. Поскольку Афанасий Пущин за заслуги отца и его деда, знаменитого Федора Пущина, бывавшего на Амуре и на Охотском побережье, был поверстан в высший казачий чин сына боярского, Андрей Ципандин сдал ему управление Анадырским острожком».*

Нет, вовсе даже не потому, что Афанасий был сыном боярским, он принял Анадырский острог — а потому, что был официально назначен приказчиком. Иван Мокринский, кстати, тоже сын боярский, был рядовым участником первого похода Владимира Атласова на Камчатку, а затем и всех известных событий на полуострове, в том числе и убийства казачьего головы, но в командирах нигде не был…

К ранее рассказанному о детях боярских Пущиных (в главе «Отлас») добавим следущее.

Федор Иванович Пущин был одним (вместе с братом Григорием) из старожилов Томска. Их отец стрелецкий сотник Иван Пущин, как сообщал о нем Григорий Иванович, был «прислан в Томской [острог] на городовое ставление».

Мы нашли документ, открывающий некоторые страницы из предыдущей сибирской истории рода Пущиных, имеющих, по-видимому, прямую связь с известным родом дворян Пущиных:

«1609 г. 9 декабря. — Государева грамота в Сургут об отпуске в Томск посланных из Москвы служилых людей.

От царя и в. к. Василья Ивановича в. Р. в Сибирь в Сургуцкой город воеводам нашим Федору Васильевичу Волын-

скому да Ивану Володимеровичю Благово. По нашему указу отпущены с Москвы в Сибирь в Сургут сургуцково города сын боярской Иван Пущин да Василий литвин да казак Петрушка Павлов да стрелец Михалко Лукъянов, а наше им денежное жаловенье на прошлой на 117-й год и на нынешней на 118-й год оклады их сполна дано на Москве. А велено Ивану Пущину быть в Томском городе у томских стрельцов в сотниках, а литвину Ондрюшке Иванову велено в Томском городе наша служба служить в конных. И как к вам ся наша грамота придет, а Иван Пущин с товарищи в Сургут приедут, и вы б казаку Первушке Павлову и стрельцу Михалку Лукъянову велели быти и нашу службу служити в Сургуте по прежнему и наше им хлебное жалованье на прошлой на 117-й и на нынешней на 118-й год велели дати по оклады их сполна; а Ивана Пущина да литвина Ондрюшку Иванова отпустили со всеми их животы ис Сургута в Томской город тот час не издержав. А как они в Сургут приедут и в котором числе Ивана и Ондрюшку из Сургута в Томской город отпустите, и вы б о том отписали к нам к Москве с ыными нашими делы, а отписку велели отдати в приказе Казанскаго Дворца Писано на Москве лета 7118-го году декабря в 9 день». (Акты времени правления царя Василия Шуйского. (1606 г. 19 мая – 17 июля 1610 г.) «Императорское Общество Истории и Древностей Российских». — М., 1914).

В 1648 году сын боярский Федор Иванович Пущин был одним из самых активных участников Томского бунта (о котором у нас большой разговор впереди), за что и сослан был в Якутск вместе со всей своей семьей — с женой Татьяной, с сыном Григорием. Афанасий Григорьевич родился уже в Якутске в 1664 году.

В 1668 году якутские казаки выступили против якутских же детей боярских, обвиняя их в многочисленных преступлениях и злоупотреблениях властью:

«Боярскаго сына Ѳ. Пущина казаки обвиняли въ томъ, что онъ съ сыномъ Григоріемъ на заимкахъ и на приказѣ въ Жиганахъ вино курилъ и варилъ пиво. Разъѣзжая по якутскимъ улусамъ, Пущинъ собиралъ съ якутовъ годовщину лѣтъ за 10 и за 15; за это онъ со своимъ сообщникомъ, толмочемъ Аѳонькой былъ уже въ застѣнкѣ и въ томъ дѣлѣ повинился. По-

сланный воеводой вверхъ по Олекмѣ на Аргунь (в 1654 году. — *С.В.*), съ отрядомъ въ 50 служилыхъ людей, Пущинъ не пошелъ на Аргунь, а сплылъ внизъ по Амуру, гдѣ соединился съ отрядомъ Онуѳрія Кузнеца. Здѣсь самовольно нападая на инородцевъ, Пущинъ потерялъ 44 человѣка. Тотъ же Пущинъ въ Охотскомъ острожкѣ, по своей небрежности потерялъ 50 человѣкъ и ложно донесъ воеводѣ о поставленіи имъ на рѣкѣ Охотѣ города, тогда какъ этого города совсѣмъ не ставилъ. Здѣсь же Пущинъ вмѣстѣ съ боярскимъ сыномъ Лыткинымъ, вѣшалъ инородцевъ, которые великому государю прямили и доносилъ про измѣну. Пущинъ сознался, что дѣйствительно въ Жиганскомъ заливѣ онъ курилъ вино, но дѣлалъ это для себя, ради своей болѣзни, а не на продажу. Относительно аргунскаго похода онъ объяснялъ, что казаки солгали: вверхъ по Аргуни онъ ходилъ 10 дней и возвратился потому, что вышли въ хлѣбные запасы, 43 казака изъ его отряда убѣжали отъ него къ Ѳед. Кузнецу и онъ съ остальными 7-ю казаками пустился догонять беглецовъ, нагналъ ихъ на Амурѣ и остался зимовать у гиляковъ. Весною онъ собиралъ соболиную казну и пошелъ въ Якутскъ съ 20-ю служилыми людьми, такъ какъ остальные его не послушали и остались на Амурѣ, гдѣ инородцы побили изъ нихъ 18 человѣкъ. Что же касается гибели 50 казаковъ во время охотскаго похода, то Пущинъ объяснялъ, что они погибли не по его небрежности. Будучи посланы подъ командою казака Потапа Мухоплева противъ юкагировъ, они разбѣжались въ разныя стороны для своей добычи и по частямъ были перебиты тунгусами. Наконецъ Пущинъ оправдывался и въ томъ, что вѣшалъ инородцевъ. Инородцевъ вѣшали, но по воеводскому наказу: Архипъ Лыткинъ повѣсилъ двухъ инородцевъ, а онъ Пущинъ, повѣсилъ трехъ, за то, что они убили двухъ служилыхъ людей и приступали къ острогу. На р. Охотѣ Пущинъ ставилъ городъ, но не могъ поставить, такъ какъ “иноземцы лѣсу возить не дали”».

Его сын, сын боярский Григорий Федорович Пущин, в 1675–1677 гг. был приказчиком на Индигирке (в Зашиверах) вместе с известным уже нам сыном боярским Юрием Крыжановским. В 1691/1692 гг. *«тунгусы убили приказчика Охотского острога Григория Пущина, обвинив его в том, что он пытался заразить их оспой с помощью “сулемы”. На самом деле Пущин, наоборот, с помощью*

этой сулемы пытался лечить тунгусов. По другим данным, Пущин был убит ламутами в 1692 г. по дороге с Индигирки в Якутск, у него захватили ясачную казну» (А. Зуев).

Его внук Афанасий Григорьевич, сын боярский, был приказчиком на Анадыре в 1689–1692 годах. В целовальниках у него был все тот же Афанасий Балушкин. В 1690 г. Пущиным был организован новый русский поход из Анадырска, чтобы «объясачить» чукчей. Удалось захватить в плен чукчу (вероятно, вождя) Тыгагина. За последнего безуспешно пытались взять ясак. Сам Тыгагин 20 апреля 1691 г. сообщил приказчику А. Пущину: «как ево взяли в аманаты в прошлом во 198 году, и он де на корге с коча с ними, чюхчами, перекликался и призывал их под себя в Анадырский острожек великих государев с ясачным платежом и они де, чюхочьи мужики, родники ево, сказали: не будут под него в Анадырском острожке великих государей с ясачным платежом, будто ево земля взяла и не столько у них чюхоч морем емлют».

У Афанасия было два сына — Иван (1683 г. р.) и Алексей.

В 1706 году на убылое место сына боярского Федора Васильевича Протопопова, убитого на Камчатке в 1705 году, верстан правнук Федора Пущина — Алексей Афанасьев сын Пущин.

В камчатской истории Протопопов известен более как Верхотуров, и остров Каменный, на котором и погиб он по пути на Камчатку, называется теперь тоже островом Верхотурова: «*1705 год. Олюторские коряки разбили направлявшийся на Камчатку отряд из 10 казаков во главе с сыном боярским Федором Протопоповым (Верхотуровым). По сведениям Г.Ф. Миллера, отряд Протопопова весной 1705 г. отправился с устья р. Олюторы морем к р. Камчатке. Достигнув устья р. Тымлат, казаки решили атаковать корякский острожек, расположенный на острове Каменном. Но нападение было неудачным: отряд был уничтожен коряками, спаслись только три человека, уплыв на лодке на Камчатку; погиб и Протопопов»* (А. Зуев).

В судьбе Атласова, как покажет время, это событие имело исключительное по важности значение.

* * *

Удивительно, но со своим ровесником анадырским приказчиком Афанасием Пущиным у Атласова не было никаких конфликтов.

Б.П Полевой.: *«Афанасий Пущин рьяно принялся собирать ясак на Анадыре и уже вскоре смог подготовить партию пушнины для отправки в Якутск. Везти эту "казну" в Якутск поручили бывалому казаку* ***Михаилу Голыгину*** (Михаилу Васильевичу Голыгину — родному брату Ивана Васильевича. — *С.В.*). ***Ему в помощь выделили Владимира Атласова и Василия Куркуцкого****»*.

Странно, но на этот раз Атласов не побоялся вернуться в Якутск — ведь по «государеву слову и делу» не имелось сроков давности, да и Семен Тимофеевич Чернышевский не забыл всех тех оскорблений, которые нанесли ему Атласов, Симанов и Старицын.

Значит, у Атласова была для воеводы та новость, которую тот так сильно ждал, — сообщение о существовании новой богатой пушниной земли на юге от Чукотки. Вполне возможно, что эту информацию он получил от брата Ивана Васильевича Голыгина — Михаила. И вполне возможно другое — Атласов вез в Якутск чужое открытие.

«В августе 1694 г. "казна" была в целости доставлена в Якутск. Тогда-то Владимир Атласов и поведал якутскому воеводе И.М. Гагарину о том, что Анадырский острог очень удобен для освоения "новых землиц". Рассказ произвел впечатление на воеводу, и Владимир Атласов решил этим воспользоваться для того, чтобы попросить воеводу поверстать его в казачьи пятидесятники на место погибшего в 1688 г. Василия Кузнецова. Просьба Атласова была уважена 11 октября 1694 г.

Среди зимы идти на дальний Север было трудно. Поэтому Владимира Атласова временно делают сборщиком ясака в якутской Борогонской волости. На этот раз никаких инцидентов в сборе ясака уж не было. Летом Атласов подготовился к новому походу на Анадырь. В августе следующего года он был официально назначен новым приказным Анадырского острога. Но к месту своей службы он смог добраться лишь в конце апреля 1696 г.».

* * *

Обратим внимание на следующие обстоятельства в этом деле.

В 1662 году совершено первое морское плавание на Камчатку во главе с Иваном Меркурьевым Бакшеевым Рубцом. В устье реки Камчатки его отряд прибыл на двух кочах — со служилыми (шесть человек) и промышленными людьми, то есть их было не менее двух десятков человек.

В 1668 году сообщение о посещении Рубцом реки Камчатки легло на стол якутского воеводы.

Но…

Б.П. Полевой: *«По тексту челобитной, поданной в декабре 1669 г. видно, что такой поход состоялся за несколько лет до возвращения Рубца в Якутск. Первоначально казалось, что достаточно будет собрать сведения о службе Рубца на Анадыре и мы сразу подойдем к ответу на этот вопрос.*

Легко удалось установить, что служба Рубца в Анадырском остроге началась осенью 1663 г. и закончилась в начале июля 1666 г., когда ему на смену прибыл Дмитрий Катасанов. Было выявлено немало документов об анадырской службе Рубца. Но никаких сведений о его походе "вверх реки Камчатки" в эти годы выявить не удалось…»

Хотя в Якутской приказной избе находилось *«дело казака Ивашка Рубца в грабеже "животов ево в Онадырском острожке прикащика сына боярского Никиты Катасанова 180 (1671–1672) года… В нем двести сорок ставов", т. е. листов».*

В чем суть этого дела: «В начале июня 1666 г. в Анадырский острог прибыл новый приказной — сын боярский Катасанов. В одних источниках он называется Никитой, в других — Дмитрием. И для Рубца сразу же начались черные дни. За попытку скрыть свои истинные доходы Иван Рубец был арестован и подвергся избиениям. Официально он объявил, что за годы своей службы в Прианадырье и южных землях он смог собрать различного добра на 1050 рублей. По тем временам это была колоссальная сумма. Рядовой казак тогда имел годовое жалованье только в шесть рублей. Наивысший казачий чин — сын боярский имел жалованье годовое всего в десять рублей. Катасанов считал, что истинный доход Ивана Рубца — особенно во время его южного похода 1662–1663 гг. был значительно выше».

То есть о походе известно. О баснословном богатстве одного (а значит, и всех остальных) из участников этого похода известно. Путь в Камчатку тоже известен.

Но…

Б.П. Полевой: *«В августе 1676 г. весьма любознательный якутский воевода А.А. Барнешлев пожелал получить от казаков сведения о "землицах", расположенных к югу от Анадыря. С этой целью для "распросу" в якутскую приказную воеводскую избу были приглашены три бывалых землепроходца — пятидесятник Федор Яковлев* (Кузнецов, отец Василия Федоровича. — *С.В.*)*, десятник Иван Меркурьев Рубец и Артемий Солдат (товарищ Семена Дежнева по службе на Анадыре). Они сообщили Барнешлеву: "…есть около Анадырского острожка неясачные иноземцы, которые великому государю ясак не платят многие годы, а живут те иноземцы промеж Анадыри и Пенжиною реками на хрептах, соболей и лисиц и бобров у них много"».*

О Камчатке — ни слова.

Барнешлев — кум воеводы Голенищева-Кутузова, был сверхалчным человеком, и он не мог пропустить мимо своих ушей информацию о пушных богатствах реки Камчатки.

Но…

Многочисленные промысловые экспедиции, снаряжаемые из Анадыря или с реки Пенжины, тоже по неведомой нам причине никого из служилого и промышленного люда не выводят на Камчатку.

Складывается впечатление, что Камчатка, о существовании которой в Якутске знали многие, была зоной ЗАПОВЕДНОЙ. И ходили в эту землю не за ясаком для царя-батюшки и государства, а за личным охотничьим трофеем. Не случайно в отряде Луки Старицына было 57 промышленных людей, заранее и специально снаряженных для дальнего похода.

Иначе никак не объяснить такой вот нелепой закономерности: Сибирь от Урала до Тихого окена казаки прошли за полвека, и примерно столько же времени потребовалось тому же казачеству, чтобы открыть и присоединить к Российской империи Камчатку, следуя на юг из Анадырского острога.

* * *

Н. Оглоблин: *«…мысль о Камчатском походе принадлежала именно Атласову, а не Якутскому воеводе Арсеньеву, или кому-либо другому.*

О том же, наконец, свидетельствует и то важное обстоятельство, бывшее доселе неизвестным, что в Камчатку Атласов "ходил на своих проторях, одолжась займуя в кабалы, и служилых и промышленных людей (бывших с ним) порохом своим и займуя ссужал"…Именно для этого похода еще в Якутске он занял 160 рублей у подьячаго ***Ивана Харитонова.*** *На эти деньги Атласов купил порох, свинец и др. необходимые запасы. Все это он "без денежно" раздавал своим служилым и промышленным людям. Однако, взятых у Ив. Харитонова денег не хватило: пришлось еще взять запасы пороха и свинца у торговаго человека* ***Михаила Остафьева*** *(собственно у "человека" его Стеньки,*

отчество котораго не указано). Эти запасы Атласов "занял в кабалу на 120 лисиц красных". Взятый у Остафьева порох и свинец также был роздан служилым, а они платили за них Атласову "собольми своего промыслу". Этим путем он собрал впоследствии в Камчатке ***11 сороков соболей.***

Таким образом, материальная сторона задуманной Атласовым экспедиции главною своею тяжестью и риском легла также на его личную ответственность. Но, конечно, дело не обошлось без участия и правительства: именно оно дало Атласову своих служилых людей, без которых он вряд-ли бы мог исполнить задуманный план. Как известно (и как подтверждают разсматриваемые документы) главную силу Атласовскаго отряда в 1-м Камчатском походе представляли ***60 служилых и промышленных людей, частию пришедших с ним из Якутска, частию взятых в Анадырске****. Сколько именно было служилых и сколько промышленных неизвестно, но во всяком случае хотя те и другие получили порох и свинец от Атласова, но оружие было у них "государево": сам Атласов, сообщая о покупке пороха и свинца, ничего не говорит о покупке пищалей др. оружия. Точно также, вероятно, были вооружены государевым оружием и 60 Анадырских "ясачных юкагиров", взятых Атласовым собственно для "соболинаго промысла"».*

* * *

Если якутский воевода Иван Михайлович Гагарин (1690–1694 гг.) поддержал в 1694 году идею камчатского похода Атласова, то якутские воеводы — стольники Михаил Афанасьевич Арсеньев и его сын Андрей Михайлович Арсеньев, служившие в Якутске с 6 июня 1695 г. по 2 июня 1698 г., дали Атласову официальное право на поиски новой земли Камчатки и новых ясачных плательщиков.

Н.Н. Оглоблин: *«Сам-ли он дошел до мысли об этом походе, или же последний был предписан ему Якутским воеводою М.А. Арсеньевым? — Атласов говорит, что шел он в Камчатку "по наказной памяти" воеводы, предписывавшей ему идти "для прииску и призыву новых землиц". Следует заключить отсюда, что это был обычный наказ, дававшийся всем вообще "дальним" прикащикам и всегда требовавший от них приведения "под государеву руку" каких бы то ни было "новых землиц", для обложении их ясаком. Если в данной Атласову "наказной памяти" шла речь именно о прииске Камчатки, то Атласов так бы*

и выразился, что ему было велено приискивать "новую Камчатскую землю". Но вместо этого у него стоит глухое, общее выражение — "новыя землицы". А этих "новых землиц" так много лежало подле Анадырска, ***что до Камчатки собственно еще не доходила очередь****. Несомненно, что Якутский воевода знал о намерении Атласова идти в Камчатку еще во время приготовлений его к походу в Анадырск: как увидим ниже Атласов прямо говорит, что он готовился к* ***Камчатскому походу*** *еще в Якутске и, притом, так открыто, что очевидно имел на то разрешение воеводы. Если же последний не решился дать Атласову прямого приказа о походе в Камчатку, то только потому, что* ***хорошо знал о страшных трудностях этого похода*** *и мог ожидать полной неудачи его, при наличности которой вся ответственность несомненно пала бы именно на воеводу. А разрешая ему этот поход только на словах, Арсеньев слагал с себя официальную ответственность. Любопытно, что когда поход удался, Арсеньев не подумал приписать его успех своим заслугам: нигде в своих отписках в Сибирский приказ он не делает ни одного намека в этом роде, а прямо выставляет одного Атласова* ***единственным виновником призыва под государеву руку новой обширной земли****. В этом обстоятельстве также нужно видеть доказательство того, что мысль о Камчатском походе принадлежала именно Атласову, а не Якутскому воеводе Арсеньеву, или кому либо другому».*

* * *

Михаил Иванович Белов с этим утверждением был категорически не согласен:

*«Первый поход с Анадыря на "Коряцкую землю" (включавшую в себя часть Камчатки) произошел между 1686 и 1688 гг. О нем есть такое известие: "****При Андрее Цыпандине посылан был в Коряцкую землю казак Ивашко Голыгин****"»* (выделено мной. — *С.В.*).

И это был явно не Иван Осипович Голыгин…

И далее: *«Неудача морской экспедиции Кузнецова не остановила продвижения в сторону Камчатки.* ***В 1691 г. с Анадыря в "Коряцкую землю" снова ходил Иван Голыгин, в отряде которого находились анадырские юкагиры.*** *16 апреля 1692 г. он благополучно вернулся назад* (то есть это снова был не Иван Осипович Голыгин, а его сводный брат. — *С.В.*). *В 1693–1694 гг. далеко на юг по побережью Пенжинской губы, к пенжинским*

корякам, ходил казак Сидор Бычан. Попытка привести жившие там племена в русское подданство не увенчалась успехом. Оленные коряки, кочевавшие на границе с Камчаткой и по самой Камчатке, оказали Бычану сопротивление и отказались дать ему аманатов».

А вот самое главное: *«Начало проникновению в глубинные районы Камчатского полуострова положил поход казаков Анадырского гарнизона под руководством* ***Луки Семенова Морозки и Ивана Васильева Голыгина****. О Голыгине сказано выше.*

Что касается Луки Морозки, то в литературе по истории Камчатки его облик еще не нашел должного освещения, хотя это был человек в некоторых отношениях более цельный, колоритный и яркий, чем Атласов. В годы пребывания на Анадыре, как мы отмечали выше, он был вожаком сопротивления казаков против произвола приказчика Семена Чернышевского. Бесспорно, это был выдающийся человек, волевой, энергичный и смелый. В Якутске Атласов и Морозко были соседями. Когда в 1688 г. Владимир и Григорий Атласовы просили воеводу об отводе им огорода, ранее принадлежащего Брусенкину, Морозко пошел в свидетели и показал, что «которая де отведена земля Тимошке (по другой версии — Сергею. — *С.В.*) *Брусенкину, и на той де земле преж сего нихто не живал.*

Внимательное рассмотрение обстоятельств известного поход Луки Морозки показывает, что он сам был его организатором и инициатором. Неправы биографы Атласова, которые приписывают ему инициативу похода Морозки. Атласов не имел никакого отношения к организации этого похода, так как прибыл на Анадырь к моменту его окончания.

Поход Луки Морозки на Камчатку состоялся при анадырском приказчике ***Михаиле Зиновьеве Многогрешном****, сыне* (племяннике. — *С.В.*) *опального запорожского гетмана. Михаил Многогрешный об этом писал так: "Да в прошлом в 204 году* (1696 г. — *С.В.*)*, будучи в Анадырском на приказе, послал казака Лучку Морозку со служилыми людьми для призыву неясачных коряк в ясачный платеж и, пришед, привез с собою двух коряк Эвонту да Инену". Судя по дальности путешествия, можно предполагать, что поход начался самое позднее осенью 1695 г. и окончился после 29 апреля 1696 г. при Атласове. В отряд Морозки и Голыгина входило 16 казаков и среди них* ***Максим Албазинский, Алексей Тютин, Сидор Иванов Бычан и Григорий Худяков****, а также несколько промышленных людей и 40 чуванских и ходынских юкагир. По заявлению Морозки, снаряжение и вооружение казаков и промышленников производилось* ***на его личный счет****.*

Многогрешный поставил перед Морозкой задачу: достичь Олюторского полуострова, бассейна реки Опуки и привести живших там коряков в подданство России. Маршрут Морозки нам неизвестен. Однако предположительно этот путь можно установить.

Поход Морозки был явно вызван неудачным походом Сидора Бычана. То, что не удалось Бычану, должен был выполнить Морозко, в частности, собрать ясак с "сидячих" коряк, приведенных в русское подданство Бычаном. По-видимому, Морозко шел по пути, проложенному Бычаном, т. е. на юг от Анадыря до истока Пенжины, затем вдоль этой реки, дальше повернул на Пенжинское побережье, отсюда круто изменил направление, прошел через горный хребет и вышел в бассейн реки Опуки, уже на восточном берегу Камчатского полуострова. Труднее установить направление Морозки с реки Опуки на реку Камчатку.

Сам Морозко пишет, что "с служилыми людьми, служа и радея вам, великим государем, взял камчацкий острожек, а до Камчатки реки не доходил один день для того — за малолюдством служилых людей". Судя по тому, что и позднее использовали этот маршрут, путь Морозки на реку Камчатку пролегал по западному берегу полуострова через бассейн реки Тигиль. Но уверенности в этом нет.

Результаты этого похода оказались весьма важными. ***Поход Морозки положил начало постоянным русским поселениям и непрерывному пребыванию русских на Камчатке****. Уходя с Опуки, Морозко оставил там небольшой отряд казаков и, очевидно, юкагир.* ***В число казаков входил известный в те годы полярный мореход Михаил Ворыпаев. Перед Ворыпаевым с товарищами были поставлены задачи, во-первых, держать связь с опукскими коряками с тем, чтобы им "итти с ваших великих государей ясачным платежом в Анадырский острог без боязни", во-вторых, стараться призывать под "великих государей самодержавные царские руки в ясачный платеж" соседние племена, иными словами расширять русское влияние на Камчатке.***

Поход Луки Морозки как бы открывал двери казачьим и промышленным ватагам в богатую Камчатку, а поход Атласова лишь завершил мощное казачье-промысловое движение, развернувшееся в 80-е годы XVII в. на подступах к Камчатке. Этим, конечно, нисколько не умаляется значение атласовского похода в истории русских географических открытий».

* * *

Обращает на себя внимание еще один прелюбопытный факт — присутствие в отряде Мороски-Голыгина Алексея Тютина (или Алешки Тюти, как пишет Б.П. Полевой).

Он был сыном известного якутского пятидесятника Никиты (Микиты) Тютина, который, еще будучи казачьим десятником был назначен приказчиком сначала на Алазею (1669 г.), а потом на Анадырь (1682–1683), сменив Родиона Кобелева, прослужившего на Анадыре в общей сложности тринадцать лет. За какие-то особые заслуги «Микитка Тютин в нынешнем 1684 г. августа в 11 день по помете на выписке воеводы Кровкова приверстан вновь в пятидесятники за многие ево службы и раденья и за промысел». И в 1688 году вновь назначен приказчиком на Алазею. В 1696 году мы находим Микишку Тютина в сотне Исецкого полка по тобольскому списку. Вполне вероятно, что он первоначально и был из тобольских казаков.

В 1689 году был поверстан на казачью службу сын пятидесятника Алексей Никитин сын Тютин. Именно он с Лукой Мороской Старицыным, Иваном Васильевичем Голыгиным, Максимом Албазинским, Сидором Ивановичем Бычаном, Григорием Худяковым и Иваном Енисейским совершили тот поход, который и стал базовым для Владимира Атласова, использовавшего для этого похода и часть людей из отряда Мороски. Как мы понимаем сегодня, Алексей Тютин не случайно оказался в этом отряде.

В Якутске служил еще и Козьма Тютин, вероятно, старший сын Никиты, потому что в 1706 году он служил уже десятником девятой пятидесятни. Убит в 1711 году под Ильпейским острогом в отряде анадырского казака Григория Худякова, доставлявшего на Камчатку «свинцовую и пороховую казну».

Худяков (Худаков) Григорий Иванович в 1706 году был десятником пятнадцатой пятидесятни, потому и командовал своим «десятком» людей, которые шли из Анадырска в Камчатку. Возможно, его отец — Худяков Ивашка Иванов — прежде служил в красноярских пеших казаках (в 1662 г. проходит по их именным

спискам). Еще один Худяков известен по делу, связанному с промышленным человеком Василием Голыгиным: «А Федька Худяков бил челом государю о том же кочике и прошал его из государевы казны в долг же до сроку». Коч этот, как известно, не достался ни ему, ни Голыгину. А вот промышленные люди в Якутии часто становились служилыми людьми. Иногда и не по своей воле.

Вполне возможно, что Анадырский острог объединял определенными интересами, безусловно, связанными с Камчаткой, какую-то конкретную группу казаков, имена которых постоянно повторяются (или входят в одну торгово-служило-промышленную копорацию, что было типичным явлением для Якутского уезда 17-го столетия).

Это о них писал Б.П. Полевой: *«…в Санкт-Петербурге был найден еще один документ, связанный с камчатским походом 1695–1696 гг. Это была подлинная челобитная Луки Семенова Мороско и его товарищей — Ивана Голыгина, Максима Албазинского, Алешки Тюти, Сидора Иванова Бычана и Григория Худякова, в которой они сообщали, что в поход пошли "на своих проторях", то есть за свой счет и взяли двух аманатов "Вонты да и Немли" и "с оленных опуцких коряк и с олюторов и с камчатцких первых людей пластину чернобурую лисию, да двадцать осемь соболей красных, да шесть лисиц сиводушных, да на погроме взяли с олюторов лисицу черную". Особо Лука Семенов отмечал, что он "взял камчатцкий острожек, а до Камчатки реки не доходил один день для того за малолюдством служилых людей. Да у них же взяли на погроме листы писаны неведомо какие и те письма отдали Володимеру Отласову. Да я же, Лучка, служа правдою вам, великим государям для достальных опуцких коряк привозу под ваши великих государей самодержавные царские высокие руки оставил двух человек казаков, да третьего* ***толмача Мишку Ворыпаева****, чтобы им оленным опуцкого коряка итти с вашим великого государя ясачным платежом в Анадырский острожек без боязни…"»*

Толмач Мишка Ворыпаев — человек не простой. Он из семьи самых опытных сибирских мореходов и землепроходцев того времени. Точнее нужно сказать так — из семьи торговых, промышленных и служилых людей Ворыпаевых, выходцев из Сольвычегодского уезда, то есть с Русского Севера, представлявшей самых опытных мореходов и землепроходцев северо-востока России 17 столетия.

Вот что писал о них М.И. Белов: *«Прекрасными мореходами считались на Лене и Колыме торговцы и промышленники Ворыпаевы. На Колыме у них были солидные торги. Они имели свои суда, которые искусно водили в водах Северного Ледовитого океана. Сохранившиеся документы оставили нам имена 13 человек, принадлежавших к этому большому и деятельному семейству. И все они были мореходами. Наиболее известными из них были Никита Федоров и Никита Ворыпаев. Купец Никита Ворыпаев совершил десятки опасных морских путешествий с Лены на Индигирку и Колыму и обратно. Так, летом 1650 года он проплыл от устья Лены на Индигирку, в 1654 году от Колымы до Жиганска, в 1660 году он повторил этот маршрут, в 1664 году он снова ходил от Колымы, но был остановлен льдами в районе Янских островов, в 1685 году, в период упадка мореходства, он предпринял один из последних морских походов с Колымы на Лену. Хорошо знал "заповедную дорогу" в "море-океяне" казак Никита Ворыпаев-младший. В 1679 году якутский воевода И. Бибиков, накладывая резолюцию на челобитную Никиты, признал, что "послан он, Никитка, для морского ходу, что ему тот хот за обычай и от Колымы дорогу за Нос знает, и для того послан". Никита был направлен на службу в Анадырский острог. Существует предположение, что во время этой своей поездки Ворыпаев повторил подвиг Семена Дежнева — прошел от Колымы вокруг Чукотского полуострова. Однако имеющиеся в делах Якутской приказной избы документы не подтверждают этого. Они определенно говорят о том, что Никита Ворыпаев, пройдя по морю от Лены до Колымы, оставшуюся часть пути совершил по суше».*

А вот и детали того — одного из последних плаваний в Арктике.

«<…> Всего с Родионом (Кобелевым, новым анадырским приказчиком в 1668 году. — *С.В.*) *поехало на Анадырь 13 казаков: десятник Григорий Горбун, Алексей Самсыгин, Прокофий Травин, Кузьма Тихвинец, Кирила Тюрин, Иван Сабинин, Константин Васильев, Василий Сухарев, Давыд Павлов, Дмитрий Ларионов Плотник, Артемий Сизой, Иван Кобелев и для письма Василий Епишев.*

Одновременно с Кобелевым на своих кочах вышел на Колыму целовальник торговый человек Дмитрий Ворыпаев и приказной десятник Иван Симанов. Родион Кобелев благополучно прибыл

на Анадырь, где пробыл 13 лет. Весной 1682 г. вместе с десятником Иваном Потаповым он приехал на Колыму с "костяной казной", а 7 июня он бил челом приказчику, казачьему десятнику Сергею Брусенкину о выдаче ему кочевого якоря, так как, писал Брусенкин, Родион Кобелев с товарищами "идут морем в Якутцкий острог на 'спаском' коче, а тольке де на том коче один парус". 10 июня 1682 г. путешественники вышли из Нижнеколымска, а 18 апреля 1683 г. прибыли в Якутск, по всей вероятности, на нартах из Жиганска. Это плавание с Колымы на Лену — одно из последних морских походов на северо-востоке Сибири в XVII веке».

А вот и новые подробности об этой промышленно-торгово-служилой корпорации Ворыпаевых (Варыпаевых).

«<…> Андрей Варыпаев принадлежал к известной семье колымских торговцев-мореходов. Его братья, племянники и дяди неоднократно ходили по "студеному морю". Например, летом 1657 г. с Лены на Колыму совершил морской поход Матвей Ворыпаев (у которого служил «сродный» брат Ивана Васильевича Голыгина — Петр Антонов. — *С.В.*)*, в 1658 г. Алексей Ворыпаев предпринял плавание с Колымы на Лену; в 1660 г. Никифор Ворыпаев ходил по морю из Жиганска на Колыму; в 1663 г. Григорий Ворыпаев с устья Лены отправился на море, стремясь достичь реки Колымы, летом 1668 г. Дмитрий Ворыпаев прошел на коче от устья Лены на Яну».*

Иван Варыпаев в 1665–1668 гг. служил с сыном боярским Иваном Жегловым в должности целовальника (то есть финансового директора) на Индигирке; Никита Ворыпаев — в той же должности на Колыме в 1669–1671 гг., а Михаил Ворыпаев, о котором мы много говорили выше, в 1683 году вообще был… приказчиком Анадырского острога. И в тот год был совершен первый из известных нам походов в …корякские земли.

В 1686 году колымскиий казак Семен Иванов Игелтин (вероятно, казак из новокрещенных аборигенов) сообщил якутскому воеводе генералу Кровкову интересную для нас информацию: «в прошлом во 193 году на Ковыме в Нижнем зимовье приезжали весною о Благовещеньеве дни… заноские служилые люди, которые вышли великих государей з десятинною костяною казною через Камень, казаки Ивашко Грыцкой, Микитка Ворыпаев, Антипко Сидоров, Якунька Пермяков, а сколько пуд костяной казны, того он, Сенька, не упомнит».

А эта информация перекликается с предыдущей: *«…в конце 1684 г. из Анадыря в Якутск была отправлена с Иваном Грыцким и Никитой Ворыпаевым большая "костяная казна"* (приказчиком в Анадыре был в это время Михаил Никитич Ворыпаев, которого не нужно путать с его дядей — торговым человеком Михаилом Федоровичем Ворыпаевым. — *С.В.*). *Пройдя Нижнеколымское зимовье в апреле 1685 г., "костяная казна" должна была прибыть в Якутск в течение 1685 г. Согласно другому документу в 194 году [сент. 1685 – авг. 1686] таможенный целовальник Иван Онтропьев собрал в Анадырском острожке с торговых и промышленных людей "десятинную кость рыбью моржевого зуба", а также пошлины и натуральные сборы, выехал со всем этим имуществом на Колыму, прибыл в Нижеколымское зимовье и в 195 году [сент. 1686 – авг. 1687] отправил оттуда деньги и пушнину в Якутск с находившимся при нем "пятидесятником казачьим с Ываном Исаковым Тобольским" сушке, а кость — в тот же Якутск с казаком Василием Даурским "морем на спасском коче". "Иван Исаков Тобольский" — это, вероятно, то же лицо, которое писало отписку с Пенжины в Якутск, как "Иван Исаков", извещая о своем намерени перейти с Пенжины в Анадырский острог».*

То есть на Анадыре служили одновременно отец и сын Воропаевы.

А если вспомнить, что одним из заводил бунтов в Анадырске был казак Симанов, то обнаруживается еще одна любопытная связь и новые нюансы в документе, который мы уже читали ранее: «…А ясачные зимовья и амбары все целы, а что в них каких статков было или нет, тово не ведаем же, потому, что пришли на Янгу в ясачное зимовье преж нас сын боярской Родион Кобелев с товарищи, да служилые люди **Иван Симанов с товарищи, да таможенной целовальник Никита Ворыпаев**. А мы, Семейка, пришли от моря зело нужны и голодны и холодны. А тот служилой человек Иван Симанов с товарищи ясачное зимовье и лутчие амбары с сеньми он занял под свои животы. А меня, Семейку, с товарищи в ясачное зимовье не пустил и с великою бранью отказал. Да оне же служилые люди, Иван с товарищи, своим самовластьем под казну великого государя соболиную амбаров не дали. Я, Семейка, с товарищи с торговыми и промышлеными людьми взяли под казну пометное амбаришко худое, потому что новых амбаров ставить невчем, близко ясачного зимовья нет лесов, а сами безкормны, безхлебны и нужны. А нынеча мы, Семейка,

по осени великого государя соболиного казною итти в Якуцкой острог не поспели, потому что в иноземцах шатость большая и вестей никаких нет, хто на Янге служилых людей побил», — жаловался Семен Сорокоумов на эту дружную «ватагу» — Кобелева, Симанова и Ворыпаева.

И это был не первый случай: еще ранее, в 1651 году, на Алазее жаловался казачий десятник Пантелей Мокрошубов: «А Степан Семенов да торговой ж человек Микита Федоров Ворыпаев Лалечи с покрученики в зимовье своем заперлися и на пищалях лежали и в сенях и в нагородне, а вызывали их трижды, и они не вышли».

О Никите Федоровича Ворыпаеве М.И. Белов был очень высокого мнение: **«Он принимал участие в открытии Камчатского полуострова и побывал там с торгами раньше Морозки и Атласова, как косвенно подтверждает сам Морозко»**.

Но есть интересный документ, датируемый 1679 годом, в котором Никита Федорович называет себя уже казаком, а не торговым человеком:

Царю, государю и великому князю Феодору Алексеевичю… (т.) бьет челом холоп твой казак Микитка Ворыпаев.

Бил челом тебе, великому государю, на меня, холопа твоего, по кабале в долгу в четырехстах рублех торговой человек Иван Федоров сын Катаев, а мне, холопу твоему, ныне сказана твоя, великого государя, служба — итти морем за Нос вожем.

Милосердый государь, царь и великий князь Феодор Алексеевич… (т.), пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, мне в том ево иску дать сроку, как я, холоп твой, приду с твоей, государевы, з заморские службы.

Царь, государь, смилуйся, пожалуй.

На л. 9 об. помета: 187-го августа в 3 день. В-ыску для службы осрочить, а послать паметь, велеть ево выслоть из-за Носья с-Ываном Потаповым и Любимом Козанцовым. А послон он, Никитка, для морскова ходу, что ему тот хот за обычей и от Колымы дорогу за Нос знает, и для того и послон.

ф. Якутская приказная изба, ст. №2398, л. 9.

Ученые путаются в именах Ворыпаевах, и не ясно им, кто из них конкретно — Михаил Никитич или Никита Федорович, участвуя в походе Мороски, был оставлен на Камчатке. Б.П. Полевой

не преминул было «поймать» на этом своего постоянного оппонета М.И. Белова, который и на самом деле путался.

В одном месте он писал: *«Возможно, имело также значение желание связаться с группой Никиты Ворыпаева. Вплоть до реки Камчатки Атласов следовал по маршруту Луки Морозки, который ему показывали казаки из отряда Морозки. К сожалению, встреча с группой Никиты Ворыпаева, оставшейся на Камчатке по время похода Луки Морозки и Ивана Голыгина в 1695–1696 гг., не состоялась».*

В другом: *«Уходя с Опуки, Морозко оставил там небольшой отряд казаков и, очевидно, юкагир. В число казаков входил известный в те годы полярный мореход Михаил Ворыпаев. Перед Ворыпаевым с товарищами были поставлены задачи, во-первых, держать связь с опукскими коряками с тем, чтобы им "итти с ваших великих государей ясачным платежом в Анадырский острог без боязни", во-вторых, стараться призывать под "великих государей самодержавные царские руки в ясачный платеж" соседние племена, иными словами расширять русское влияние на Камчатке».*

Почему-то Владимир Атласов не стал встречаться с Никитой Федоровичем Ворыпаевым, который занимался сбором ясака среди олюторских и апукских коряков? Ведь Ворыпаевы не раз уже ходили в Камчатку?

Ответ простой — вероятно, не хотел делиться славой (или добычей!), как и с Бычаном, Голыгиными, Старицыным, которых он не взял в свой поход.

Но и закономерен другой вопрос — кто из Ворыпаевых, как утверждает Б.П. Полевой, приводя именные списки, все-таки был участником первого похода Атласова?

Может быть, анадырский посадский (то есть торговый человек) Лука Ворыпаев? Или якутский казак Петр Ворыпаев, который служил в первой пятидесятне в 1706 году?

Или казак Григорий Ворыпаев, который погиб в Нижнекамчатске в 1703 году?

Это теоретически мог быть и Григорий Никитич Ворыпаев, которого мы видим среди торговых людей на Колыме и Индигирке в 1663 году, но он, как мне кажется, был староват для такого похода.

Был казак Григорий Ворыпаев и среди «албазинских сидельцев», чудом оставшийся в живых. Но это, скорее всего,

казак из тобольского рода Ворыпаевых, который, вполне возможно, как и Потап Серюков, мог быть на «годовалой службе» в Якутске, будучи представителем другой казачьей линии Ворыпаевых, возможно, и не имеющих родовых корней с Михаилом и Никитой Федоровичами и их многочисленными родственниками.

Вот краткая предыстория этого рода: *«После Смутного времени и захвата Польшей западнорусских уездов (прежде всего Смоленска) далеко не все местные помещики могли вернуться в свои имения и некоторые из них стремились попасть в Сибирь в ратную службу. Часть служилых и приказных людей, не имея материального достатка, также переселялась в Сибирь. В 1628 г. беспоместный малоярославский новик Филат Посников Воропаев, отец которого еще в 1606 г. погиб в полку И.М. Воротынского под Ельцом, добивался поверстания в службу по Тобольску.*

<…> Почти в то же время, осенью 1628 г., в Москву поступила челобитная из Тобольска от служилого подразделения "тобольской литвы и литовского списка казаков". После смерти выбранного и много лет командовавшего ими ротмистра Бартоша Станиславова служилые люди, "излюбя из свое братьи из иноземцев", выбрали в ротмистры "рядового литвина" Григория Иванова Черного и просили утвердить его в этой должности. Рассмотрев это дело, служилую челобитную, приказные справки и отписку тобольского воеводы кн. А.Н. Трубецкого, начальник Сибирского приказа кн. Д.М. Черкасский в начале лета 1629 г. утвердил Г. Черного ротмистром, а на его "выбылое" место поверстал в дети боярские уже упоминавшегося беспоместного малоярославского новика Ф. Воропаева» («Общество и власть. Сибирь в XVII в.»).

В 1731 году на Камчатке погиб вместе со всей своей семьей (с женой и с сыном) служилый толмач Евдоким Ворыпаев. Возможно, он, или его отец, был участником этого похода?

Был еще один Ворыпаев на Камчатке, сыгравший в судьбе Владимира Атласова, вероятно, даже не подозревая об этом, трагическую роль, — камчадал (крестник одного из Ворыпаевых) Иван Ворыпаев, у которого, на свою беду, по сообщению Данилы Беляева, взял себе чернобурую лисицу казачий голова Владимир Атласов, нарушив тем самым царский указ об обязательной сдаче чернобурок в казну…

* * *

М.И. Белов: *«О Камчатском походе Атласова имеется довольно значительная литература. В книге акад. Л.С. Берга одна из глав посвящена подробному разбору сведений об Атласове и его путешествии. Основные сведения о походе на Камчатку так или иначе восходят к версии самого Атласова, так как они почерпнуты из его “скасок”, опубликованных Н.Н. Оглоблиным. В связи с этим особую ценность приобретают данные документов Якутского архива, составленных раньше, чем возникли “сказки” Атласова. Речь идет о письмах Атласова якутскому воеводе, челобитных ясачного населения, отписках анадырского приказчика и других документах, которые в ряде случаев вносят существенные поправки в установившиеся представления о походе Атласова.*

Прежде всего есть возможность уточнить дату начала похода. Во всех без исключения работах об Атласове начальной датой его камчатского путешествия назван 1697 г. Это мнение ошибочно, на самом деле поход начался 14 декабря 1696 г. Подтверждается это отпиской Атласова якутскому воеводе Арсеньеву, в которой сам Атласов сообщает, что в день, когда он вручил отписку и перечневую роспись казаку Сидору Бычану для доставки в Якутск, т. е. 14 декабря, он “пошел со служивыми людьми великих государей на службу из Анадырского острожку на Камчатскую реку”.

Составленная вскоре после этого челобитная казаков Луки Морозки, Ивана Голыгина и других была вручена уже не Атласову, а Сидору Иванову (Бычану. — *С.В.*). *Установленный выше факт позволяет внести и другую существенную поправку в обычные представления: казаки* ***Лука Морозко и Иван Голыгин в Камчатском походе не участвовали и остались на Анадыре. Иван Голыгин безвыездно прожил там до возвращения Атласова.*** *За три месяца до его возвращения он привлекался к розыскному делу, которое разбиралось в Анадырском острожке.*

После ухода Атласова на Камчатку Морозко и Голыгин подали челобитную, в которой явно сквозила обида: “И ту великих государей зборную казну, — писали они, — лисицу черную и чернобурую (и эта тема — тема утаенной чернобурой лисицы будет преследовать Владимира Атласова до самой его смерти — С.В.)***, пластины и аманатов и книги той казне за своею рукою принял в Анадырском прикащик пятидесятник Володимер Отласов и росписки в одном аманате не дал неведомо зачем”. По существу это был донос на Атласова. По-видимому, этим и объясняется умышленное искажение Атласовым показания Морозки о походе к реке Камчатке.***

Сообщая перед походом на Камчатку якутскому воеводе о походе Луки Морозки, Атласов писал, что последний не дошел до реки Камчатки, “за четыре дня”, в то время как сам Морозко показывал, что “до Камчатки реки не доходил один день”, т. е. что он посетил бассейн реки Камчатки (и — главное — ЗНАЛ о существовании этой реки и реальном расстоянии до нее. — *С.В.*).

В подобном искажении был свой умысел. Атласов, видимо, ревновал к подвигу Луки Морозки и его ближайшего товарища Ивана Голыгина. Поэтому он не взял их с собой в поход и умышленно исказил их сообщение об открытии реки Камчатки (выделено мной. — *С.В.*).

Отряд Атласова состоял из казаков, промышленных людей и ясачных анадырских юкагир. Атласов сообщал в Якутск и затем показал в Москве, что с ним ходило 60 русских и 60 юкагир. Эти цифры подтверждаются документами. Другие данные о численности атласовского отряда не внушают доверия.

Отряд в 120 человек для своего времени в условиях крайнего северо-востока был крупной военной силой. Обычно походы в “новые землицы” совершались небольшими отрядами, причем, как правило, они опирались на опорные базы-гарнизоны острогов. На этот раз, взяв с собой большую часть казаков, Атласов оголил один из важнейших форпостов царизма на северо-востоке, что могло привести к серьезным последствиям. В отписке анадырского приказчика ***Григория Постникова*** *указывается, что он пытался остановить Атласова и вернуть назад часть казаков. 4 апреля 1697 г. с остатком анадырского гарнизона он направился даже в погоню за Атласовым, желая предупредить* ***“чтобы он, Володимер, в таком дальнем расстоянии своею дуростью не потерял служилых людей и иноземцев”****. Погоня не увенчалась успехом, так как в апреле, оставив реку Опуку, Атласов двинулся к реке Камчатке. Постникову пришлось примириться с фактом увода с Анадыря многих русских людей.*

В отсутствие Атласова Анадырскому острогу угрожало нападение юкагир, действовавших совместно с чукчами. Толь-

ко успех похода Атласова, сведения о котором прибыли в Анадырский острог с казаком Никитой Лудилой, предотвратили восстание ясачного и неясачного населения Анадырского края. Предводители юкагир позднее сознались, что "подзывали чюхоч Анадырский острог взять и служилых людей побить и аманатов отбить. А буде-де острогу взять не в мочь, и они де огнем сожгут… Как к ним приплыл камчацкой казак Микитка Лудило и принес весть с Камчатки, они-де юкагири от той думы отстали".

Таким образом, поход Атласова в случае его неудачи мог быть чреват серьезными последствиями. На карту было поставлено многое.

Во время похода на Камчатку раскрылся со всей ясностью облик Атласова, сибирского казака-завоевателя, ясачного сборщика, своенравного, решительного и предприимчивого человека, смелого и не останавливающегося ни перед чем при достижении поставленной цели. Будучи человеком своего времени, Атласов совершал поступки, которые не могут быть оправданы с позиции наших современных представлений. Однако как бы то ни было, камчатский поход открыл новую полосу географических открытий на Тихом океане и завершил присоединение важных районов Дальнего Востока к Русскому государству».

* * *

Атласов явно шел ва-банк. За его спиной оставался обезлюженный Анадырский острог, со всех строн окруженный враждебными племенами, готовых в любой момент смести русских с лица земли.

При этом Атласов не берет с собой в поход тех людей, кто собственно уже давно открыл и изучил Камчатку и кто имел ПЕРВЕНСТВУЮЩЕЕ право войти в историю географических открытий. Но он взял в поход только рядовых участников былых походов, в том числе и толмача Ивана Енисейского.

Кстати, в догонку за Атласовым послан был Осип Миронов сын Липин — один из анадырских старожилов. И он не догнал Атласова. Или побоялся догнать, понимая, что ничем хорошим для него самого эта «встреча» не обернется — Атласов не свернет со своего пути в Камчатку.

А ведь Лука Мороско, в отличие от всех других,… нагнал Атласова, и тот вынужден был (кстати, к своему счастью!!!) принять его в свой отряд.

Казак Иван Голыгин вынужден был оставаться на приказе до прихода нового приказчика Григория Постникова.

И последующая гибель Ивана Осиповича Голыгина «за Носом» — то есть на Чукотке, свидетельствует о том, что в 1697 году, сразу после ухода отряда Атласова, коренные жители Севера активизируются в своем противостоянии русским.

Первоначально информация о походе В. Атласова выглядела следующим образом (автор Б.П. Полевой, основывающийся на показаниях самого Атласова):

«Атласов решил начать присоединение камчатских народов уже с реки Пенжины — с местных коряков. "И шли де они, — писал Атласов, — из Анадырского чрез великие горы на оленях полтретьи недели и наехали подле моря к губе на Пенжине реке в Акланском и в Каменском и в Усть-Пенжинском острожках неясашных седячих пеших коряк человек ста с три и больши и призывал их под государеву самодержавную высокую руку ласково и приветом и, собрав с них ясак лисицами красными, выслал в Якуцкой с служилыми людьми с Олешкою Пещерою с товарищи. А бою де у них с ними не было, потому что по государской участи учинились они, неясашные коряки, покорны"».

Но вот что БЫЛО НА САМОМ ДЕЛЕ (автор все тот же — Б.П. Полевой): *«…только недавно выяснилось, что опасения Постникова не были беспричинными. Оказалось, Атласов самовольно стал вторично собирать ясак с тех коряков, которые уже раньше в 1696 г. платили ясак Михаилу Многогрешному, племяннику сосланному в Сибирь опального украинского гетмана. Коряки естественно запротестовали против вторичного их обложения, и до нас даже смогла дойти их жалоба, которая была ими передана Многогрешному. Вот текст недавно найденной подлинной челобитной пенжинских коряков: "…он, Володимер, в Пенжинских острожках имал с холопей ваших ваш великих государей ясак с Акланского и Каменского и Усть-Таловского острожков и у острожек погромил родников наших, прибил всех, а жен их и детей имал в полон неведомо каким обычаем и по какому указу, а (в) прежние годы мы, холопи ваши, слыхали от своих родников и от служилых людей, те де служилые люди ясачных людей не громят". Постников сразу же об этой "дурости" Атласова сообщил в Якутск».*

То есть Атласов действительно шел ва-банк — и ему нужна была пушнина для закрытия своих долгов при любом раскладе. И он не считался ни с кем.

М.И. Белов: *«Обратимся к событиям похода. 13 января 1697 г. Атласов прибыл на реку Пенжину, где кочевали не платившие ясак коряки Окланского, Каменного и Устьталовского острожков, которых он “ласкою и приветом под царские самодержавные руки в ясачное холопство призывал”. От реки Таловки отряд Атласова пошел вдоль берега Пенжинского залива по знакомой казакам дороге, проложенной Сидором Бычаном и Лукой Морозкой. Вскоре, однако, он вынужден был остановиться из-за сопротивления, оказанного “немирными коряками”. “И они коряки, — сообщает В. Атласов, — великим государям не покорились и ясак с себя не дали и учинили бой”.*

В. Атласов считал, что столкновение произошло по вине самих коряк. Однако это обвинение несправедливо.

Из жалобы оленных коряков, сохранившейся в Якутском архиве, становится известным, что виновником столкновения явился Атласов. Коряки писали якутскому воеводе, что “государев ясак” они уплатили еще до прихода Атласова Сидору Бычану, а он, Атласов, “взял с них ясак насильством”, “увел детей и жен в полон”.

Собранный ясак Атласов немедленно отослал в Анадырь с казаком Алексеем Осиповым и промышленным человеком Софроном Григорьевым».

Алексей Осипов (он же Олешка Пещера, он же Алексей Александровых) — казак явно бывалый, впоследствии один из приказчиков Верхнекамчатского острога, по всей видимости, тоже по какой-то причине был человеком для Атласова нежелательным в том походе, почему он сразу постарался от него избавиться.

Мы помним, что в свой камчатский поход Атласов не взял и Сидора Бычана, который уже объясачил местных коряков и был участником по крайней мере двух предыдущих походов на север Камчатки, — он отправил его, как и Пещеру, подальше от себя — вообще в Якутск, сопровождая ясак, что мог выполнить и любой другой из казаков, находившихся на службе в Анадырском остроге…

В своих донесениях Атласов явно приписывал себе одному всю славу покорения Камчатки. И это не мое мнение: *«А далее ситуация разворачивалась следующим образом: “От устья Пенжины атласовцы дошли по западному побережью полуострова до перевала с Лесной на Карагу на Берингово море: ‘…пошли они через высокую гору к олюторским корякским острогам’. Местных жителей и тут ‘призывал ласкою и приветом’. Ясак собирал лисицами. Атласов утверждал, что будто бы ‘русские люди у них преж ево, Владимерова с товарищи приезду никто не бывал’”. На самом деле еще раньше русские в той земле бывали неоднократно — и во времена Ивана Камчатого и особенно, когда сюда ходил Лука Мороско и Иван Енисейский. Соболей они здесь не смогли получить. Никаких конфликтов с олюторскими у русских не было. Атласов пояснял: “И бою де у них с ними никакова не было, а ружье де у них луки и стрелы костяные и каменные, а железа у них нет и не родитца, а опричь железново ножей и палем и копий — иного они ничего у них не берут. А аманатов де своих они не держатца ж”.*

Здесь отряд атласовцев разделился на две группы: “30 человек служилых людей да 30 юкагирей” пошли “подле Люторское море для проведывания тое земли и островов и для призыву под царскую высокосамодержавную руку вновь неясачных людей с ясачным платежом”. Во главе этого отряда был поставлен бывалый казак Лука Семенов Мороско».

Вероятнее всего, события на Олюторке носили мирный характер по одной простой причине — Атласова догнал (или опередил) Лука Старицын Мороско и не дал проявиться очередной «дурости» пятидесятника.

Но она обязательно проявится позже.

* * *

Это случится на реке Палане. Восстанут юкагиры… которых Владимир Атласов взял с собой в поход.

Николай Николаевич Оглоблин — один из первых документалистов, изучавших поход Владимира Атласова не по легендам, а по архивным материалам, не мог поверить в то, что на Палане взбунтовались юкагиры именно из отряда Атласова:

«Вскоре после этого столкновения с коряками, отряду Атласова пришлось значительно пострадать от неожиданной измены “ясачных юкагиров”, живших по р. Полане. Очевидно эти юкагиры были еще прежде открыты русскими партиями из Анадырска — быть может и самим Атласовым — и обложены ясаком. Вступая в их землю и считая их мирным населением (из среды его, но из другой местности, были взяты и те 60 юкагиров, которые сопровождали отряд Атласова из Анадырска), Атласов не принял необходимых мер предосторожности и подвергся изменническому их нападению, они неожиданно “обошли”

отряд "со всех сторон" и принялись стрелять из луков, причем убили 3 казаков, ранили 15 казаков и промышленных людей, а самого Атласова ранили "во шти местех". Однако Атласов "справился" с ними — "изменников от себя отбил".

Какую роль играли при этом те Анадырские юкагиры, которые принадлежали к партии Атласова — в точности неизвестно. Но из других мест разсматриваемых документов видно, что они продолжали служить Атласову. Так, вторая "выпись" Сибирскаго приказа говорит, что с Потапом Серюковым, на р. Камчатке были оставлены Атласовым в первый раз (при движении остальнаго отряда на юг полуострова) 12 служилых людей и 30 "ясачных юкагирей", а первая "выпись" свидетельствует, что при вторичном посещении реки Камчатки (по возвращении с юга и пред обратным движением в Анадырск) Атласов оставил с П. Серюковым — 15 казаков и 13 юкагиров. Кроме того, в Анадырск вернулись с Атласовым 4 юкагира. Несомненно, отсюда, что бывшие у Атласова юкагиры не изменили ему на р. Полане, а продолжали и после этого боя служить ему по прежнему.

Между тем Крашенинников, а за ним Спасский и др. утверждают будто изменническое нападение на Атласовский отряд на р. Полане произведено сопровождавшими отряд Анадырскими юкагирами. Но еслибы дело было именно так, то Атласов после этого не держал бы у себя таких опасных людей (если даже предположить, что изменили не все 60 Анадырских юкагиров) и не дал бы их впоследствии П. Серюкову, оставленному с ничтожной кучкой казаков среди немирных и необъясаченных инородцев».

А вот вывод, который делает Михаил Иванович Белов, также изучая старинные документы:

«Материалы Якутского архива вносят некоторую ясность в вопрос о восстании юкагир на реке Палане. В "скаске" Атласова паланские юкагиры представлены (так же, как пенжинские коряки) виновниками нападения на них. ***Между тем сведения, поступавшие на Анадырь к Григорию Постникову, показывают, что юкагиры восстали против Атласова из-за его "насильства" и "издевательства". Пообещав юкагирам свободный промысел, при помощи которого они могли уплатить ясак, Атласов затем нарушил свое обещание. Шедшие с ним юкагиры сообщали с дороги своим "родникам", чтобы они "в ясаке на них не надеялись, потому что-де от него, Володимера, изгоня к ним великая"****. Грубое поведение Атласова,*

трудность похода — все это привело к восстанию на реке Палане. Во главе восставших юкагир стояли "Конмамутеев брат да Лолин". Их родич князец Ома, о котором Атласов говорит, как о зачинщике восстания, бежал с Камчатки на Анадырь, где возглавил выступление ясачного населения против анадырского гарнизона. Ома хотел перерезать единственную сухопутную дорогу с Колымы на Анадырь, а затем при поддержке чукчей взять Анадырский острог. Этот план отчасти был выполнен. Люди Омы напали на отряд ***купца Балушкина****, проходившего с Колымы на Анадырь по Анюйскому хребту, и истребили его. Перехватив дорогу на Колыму, Ома вынужден был отложить нападение на Анадырский острог, так как пришла весть о подавлении Атласовым юкагирского восстания на реке Палане и об успехе похода Атласова. Таким образом, паланское восстание было тесно связано с выступлением анадырских юкагир против гарнизона крепости, возглавляемого Григорием Постниковым.*

Причиной выступления юкагир был произвол царской администрации на северо-востоке, одним из представителей которой был Атласов».

* * *

В дискуссию вступает камчатский краевед Валерий Егорович Быкасов, уточняющий многие детали этого похода: *«"Юкагир Ома объявил Атласову, что он будто бы заметил лыжный след в стороне. Атласов приказал четырём его казакам проверить это известие, и, когда они остались на ночёвку, Ома и другие заговорщики вероломно убили трёх казаков. Затем юкагиры неожиданно напали на основной отряд Атласова и убили еще несколько человек". И чуть ниже дополняет, что Ома, Тыкно и их сообщники "… убили пять человек,* ***Евдокима Старловского, Матюшку Прибылова, Архипа Микитина, Сеньку Галева, Ивашку Стадухина, да промышленных людей Кирилка Иванова, Лучку Фёдорова, Сидорка Дмитриева*** *и ево Володимера избранили и с ним больше тридцати человек переранили служивых людей".*

Итак, по мнению Б.П. Полевого, на реке Палана было убито восемь человек и ранено более 30. Но, например, та же Г.А. Леонтьева, определяя число служивых людей в отряде В. Атласова на момент выхода из Анадырска в 60 человек, утверждает, что во время осады в отряде В. Атласова было убито 6 и ранено 15 казаков. Этих же цифр придерживается и А.С. Зуев. И это же количество погибших и раненых называет сам В. Атласов».

«Встревоженный Атласов поспешил отправить на восточный берег одного верного юкагира к Луке Семенову с приказом срочно идти к ним на помощь. Отряд Атласова вновь воссоединился, но уже вскоре коряки в урочище Кохча убили Луку Семенова. Так трагически закончилась жизнь человека, который оставил немалый след в истории присоединения Камчатки к России» (Б.П. Полевой).

«И недошед Камчатки реки, — рассказывал далее в своих «скасках» Владимир Атласов, — *наехали неясашных оленых коряк 2 юрты и ласково их под царскую руку призывал, и они ясаку великому государю платить не стали и грозили их побить всех. И он де Володимер, поговоря с служилыми людьми, громил их и побил».*

* * *

Б.П. Полевой: *«Затем отряд Атласова по реке Тигиль отправился к среднему течению легендарной реки Камчатки. Атласов был обрадован, обнаружив на реке Камчатке "людей гораздо много и посады великие".*

Первоначально у Атласова особых трудностей не было. Первые четыре острога покорились русским быстро. Он сообщил: "...а около тех острогов юрт ста с четыре и более и подозвал их под царскую великодержавную руку и ясак с них вновь имал, а с кого имяны — подаст книги".

К сожалению, пока ясачные книги Атласова не обнаружены. Кое-кто склонен был думать, что Атласов так и не составил на реке Камчатке ясачных книг. Но это мнение ошибочно. В описи якутского архива 1703 г. упоминаются "две книги зборные ясачной соболиной и лисичной казны новопостроенного камчадальского острога и анадырского зимовья за рукою зборщика Володимера Отласова 206 и 207 годов", т. е. 1697–1698 гг. Атласов, чтобы оттенить свои воинские заслуги, уверял, что ительменские селения были неплохо укреплены, были малыми острожками или даже настоящими острогами. Атласов пояснял: "А остроги де они делают для того что меж собою у них бывают бои и драки род с родом почасту". Особенно воинственными были нижнекамчатские ительмены. Поэтому среднекамчатские объясаченные ительмены стали просить русских организовать против своих общих врагов особый воинский поход, и Атласов дал согласие на это. Он рассказывал: "А как плыли по Камчатке и по обе стороны реки иноземцов гораздо много — посады великие юрт ста по 3 и 4 и по 5 сот и больше есть".

*Теперь уже очевидно, что Владимир Атласов, подобно Ярофею Хабарову, в начале 1650-х гг. значительно преувеличивал численность покоренных им ительменов на реке Камчатке в расчете на будущие царские награды. Похвалялся он и своей воинской удалью: "**И он де, Володимер, с служилыми людьми их, камчадалов, громили и небольших людей побили и посады их выжгли для того, чтоб было им в страх*** (запомним эти слова пятидесятника Владимира Атласова. — *С.В.*) ***и великому государю поклонились.** А ныне иноземцы от них разбежались". Неудивительно, что Александр Пушкин назвал его "Камчатским Ермаком" — завоевателем Камчатки. Именно в ознаменование покорения Камчатки он и счел важным водрузить на левом берегу реки Канучь у ее устья крест с надписью: "205 (1697) году июля 13 дня, поставил сей крест пятидесятник Володимер Атласов с товарыши 55 человек".*

* * *

Б.П. Полевой: *«Между тем коряки* (обозленные действиями и поступками Атласова. — *С.В.*), *желая нанести наибольший урон Атласову, попытались лишить его оленей "для того, чтоб им, Володимеру с товарищи, великому государю служить было не на чем". Атласов устремился по их следам: "...у Пенжинского моря поставили они (коряки) с ними служилыми людьми бой, и бились день и ночь и божей милостию и государевым счастием их коряков человек ста с полтора убили и олени отбили, и тем питались, а иные коряки разбежались по лесам". С тех пор река, на которой происходили эти события, стала русскими называться Воровской».*

Б.П. Полевой: *«Осенью 1697 г. отряд Атласова впервые встретился с камчатскими айнами, которых именно он первым назвал "курилами", от айнского слова "кур" — "человек, народ". Эта встреча была отнюдь не мирной. Он так ее описывал: "...наехали они курильских мужиков 6 острогов, а людей в них многое число и их под царскую высокую руку призывали ж и ясаку просили и те де курила учинились не послушны: ясаку себя не дали и учинили с ними бой, и они де, Володимер с товарищи, из тех острожков один взяли и курилов человек с 50, которые были в остроге и противились — побили всех, **а к иным острожкам не приступали, потому что у них никакова живота нет и в ясак взять нечево**. А соболей и лисиц в их земле гораздо много, только они их не промышляют, потому что от них соболи и лисицы никуда нейдут"».*

Секрет войны оказался прост: нет соболей — нет смысла и воевать…

Но вновь навязывается: *«Во время пребывания в Курильской земле на реке Нынгучу был убит бывалый казак Иван Осипов Голыгин, почему с того момента эту реку стали называть Голыгиной».* И при этом — ни одного документального подтверждения.

Конечно, можно предположить, что погиб здесь Иван Васильевич Голыгин, который мог быть в отряде Старицына (но тогда какой из Иванов Голыгиных в 1704 году рассказывал Поротову о своем походе на остров Карагинский, и имя какого Ивана Голыгина в списках действующих якутских казаков в 1706 году?).

А может быть, все было гораздо проще — Атласов дошел до реки, которая была конечной географической точкой одного их походов Голыгина?

Как река Морошечная — до которой доходил Лука Мороска, переходя на реки Тигиль и Еловку, чтобы выйти в бассейн реки Камчатки, до которой ему не хватило одного дня пути?

* * *

Б.П. Полевой: *«Первоначально отношения Серюкова с местными ительменами были мирными. С. П. Крашенинников отмечал: “…оставленный на Камчатке служивой Потап Серюков жил в Верхнем Камчатском остроге три года без всякого утеснения от камчадалов, ибо он за малолюдством ясаку собирать не отважился, но под видом купца торговал с ними. Наконец, и тот в Анадырск поехал, однако ж коряки не допустя его до Анадырска со всеми товарищами убили”.*

Сам Атласов вынужден был тоже задержаться на полуострове. Он серьезно страдал от ран, а главное, ему стало известно, что коряки решили его перехватить на пути в Анадырский острог.

В зимних условиях опасность перехвата отряда многочисленными коряками была большей: на снегу оставались следы. В условиях лета скорее можно было пройти незамеченными.

Сам Атласов не хотел возвращаться на Анадырь. Во-первых, он понимал, что там он утратит свою власть, вынужден будет ее уступить новому приказному. Во-вторых, его отряд стал малолюдным, и потому была весьма велика опасность его гибели. Михаил Многогрешный, ходивший не раз на Камчатку, вполне обоснованно предупреждал: “…а у камчатских и улюторских (олюторских) ***у оленных и пеших коряк великий скоп на него Володимера: ис своей де Корятцкой земли выпустить не хотят”*** (выделено мной. — *С.В.*). *Поэтому вернуться можно было только скрытно. Тем не менее оставшиеся спутники Владимира Атласова все-таки настояли на возвращении на Анадырь на немногочисленных оленях. И им действительно удалось скрытно пройти на Анадырь».*

То есть отношения с камчадалами МИРНЫМИ были не у самого якутского пятидесятника Атласова, а у тобольского казака Потапа Серюкова, который ТРИ ГОДА спокойно жил со своими людьми, промышляя соболей (как до этого здесь русские промышляли соболей полвека назад в составе отряда Ивана Меркурьева Рубца) в Верхнекамчатском зимовье. Нужно добавить, что часть русских промышленников и, вероятно, служивых осталась также и в районе впадения реки Еловки в реку Камчатку, где была первоначальная база отряда Атласова, откуда он пошел «громить» нижнекамчатских камчадалов и где примерно и был поставлен тот памятный атласовский крест — где первоначально формировались группы нижнекамчатских зимовий, обживаемых новым служилым людом, пришедшим на Камчатку вслед за Атласовым, до строительства ими Нижнекамчатского острога на ключах.

Кстати, Н.Н. Оглоблин в отношении Потапа Серюкова был другого мнения, нежели Б.П. Полевой: *«Впоследствии Серюков писал Атласову, что “камчатцы живут с ним в совете, а в ясаке упрашиваются до осени”. Действительно, ясак был потом собран Серюковым, как свидетельствует сохранившийся в документах Сибирскаго приказа “сметной список” сбора ясака и поминков “с Якутскаго уезда, за 1702 г.”. Здесь в статье прихода “неокладной мяхкой рухляди”, записано между прочим: “из новопостроенного Камчадальского острога сын боярской Тимофей Кобелев прислал (из Анадырска) збору казака Потапка Серюкова с камчадальских народов прошлого 702 году ясаку — 3 сорока, 30 соболей с пупки, в том числе 37 соболей без хвостов, лисицу сиводущатую без хвоста, 18 лисиц красных, в том числе 9 лисиц без хвостов, 20 каланов морских, в том числе 2 калана без голов и без побочин, да 2 выдры”. Ясак — небогатый для прославленных Атласовым богатств Камчатки…*

Однако, как известно, “совет” Серюкова с “камчатцами” продолжался недолго: в 1699 г. Серюков и его партия были истреблены коряками при движении из Верхне-камчатскаго острога в Анадырск. В 1700 г. тот же Анадырский прикащик Т. Кобелев отомстил корякам разорением их городка Кохча и прислал затем в Якутск, как говорит вышеуказанный Якутский “смет-

ный список” — “статков (имущества) убьеннаго казака Потапка Серюкова: 40 соболей с пупки, в том числе 26 соболей без хвостов, (да) шубу соболью”».

Н.Н. Оглоблин: *«2 июля 207 г. — как писал в Якутск, в феврале 208 г., Анадырский прикащик Тимофей Кобелев — пришел в Анадырское зимовье из “новоприискной Камчадальской земли, с новые реки Камчатки, пятидесятник Владимир Отласов”. С ним вернулось только 15 служилых и промышленных людей и 4 юкагира. Открытие Камчатки обошлось недешево: так как и партия Серюкова (15 казаков и 13 юкагиров) была вся истреблена в 1600 г.* (1700. — *С.В.*) *коряками, то всю потерю нужно считать в 45 ч. русских (в 1697 г. вышло с Атласовым из Анадырска 60 чел.) и 56 ч. Анадырских ясачных юкагиров (так же из 60 чел.). Такою дорогою ценою был искуплен сравнительно незначительный ясак, собранный Атласовым “с камчатских мужиков и с оленных коряк”... С этим ясаком весною 208 г. Атласов отправился в Якутск».*

* * *

Полевой Б.П.: *«2 июля 1699 г. Владимир Атласов с **15 русскими и всего 4 юкагирами** ... дошли до Анадырского острога. С собой они привезли весьма большую (???) “казну”: 330 соболей* (то есть 8 сороков 10 соболей было собрано в казну, а 11 сороков соболей — в личную собственность Атласова, не считая добытого другими участниками похода, хотя промыслами практически не занимались, будучи в постоянном передвижении и столкновениях с аборигенами — С.В.)*, 191 красную лисицу, 10 лисиц сиводущатых, 10 каланов, одну соболью парку и различные “лоскуты” каланов. Многие соболи были без хвостов — “они, камчадалы, у соболей хвосты режут и мешают в глину, и делают горшки, чтоб глину с шерстью вязало, а из иных шьют наушки”. Ительмены в те времена еще не ценили соболей. Гораздо ценнее для них были железные вещи. Камчадалы даже смеялись над казаками, когда они меняли ножик за 8 соболей, а топор — за 18».*

Оглоблин Н.Н.: *«2 июля 207 г. — как писал в Якутск, в феврале 208 г., Анадырский прикащик Тимофей Кобелев — пришел в Анадырское зимовье из “новоприискной Камчадальской земли, с новые реки Камчатки, пятидесятник Владимир Отласов”».*

АТЛАСОВ. НА ПУТИ К ТРАГЕДИИ

Чтобы разобраться с «Делом по убийству Володимера Атласова», мы должны понять, кто и почему из якутских казаков был заинтересован в смерти Атласова.

Процесс формирования якутского казачьего сословия был не простой. Сначала на реку Лену пришли казаки из Енисейска (с юга) и Мангазеи (с севера). Это были 1630-е годы.

Затем, с образованием в 1639 году Якутского воеводства, сюда были направлены в длительные командировки так называемые «годовальщики» — периодически сменяемые тобольские и березовские казаки. Часть из енисейских, березовских и тобольских казаков по собственной воле или за какие-то провинности оставались в Якутии «на вечное житье».

Но служилых кадров в Якутском воеводстве хронически не хватало — и «недостача» покрывалась за счет многочисленных промышленных людей, которые, образуя промысловые ватаги, стремительно продвигались вслед за пушным зверем к берегам Северного Ледовитого и Тихого океанов. Причин такого верстания «в службу» было многожество — и добровольные, и подневольные.

В этот период в Сибири были достаточно широко представлены семейные (или родовые) корпорации, когда один из представителей этого рода добывал пушнину, другой обеспечивал его безопасность, а третий — успешно этой пушниной торговал на Руси.

Был еще один источник пополнения служилых кадров — ссыльные люди. От военнопленных — литвинов, поляков (ляхов), черкасов (запорожцев), немчинов — до воров, грабителей и убийц.

То есть эта кадровая смесь якутского служилого люда была «гремучей». И это не оборот речи.

В сборнике «Сибирские города. Материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск» представлен наиболее полный список Якутского казачьего полка за **1681** и **1706** годы, а в РГАДА обнаружены материалы за **1642** (РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 141), **1651** (РГАДА, ф. 214, оп. 4, д. 206), **1692** (РГАДА, ф. 214, оп.5, д. 330) и **1720 (**РГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 2361) **годы**, которые позволяют нам разобраться в кадровом состоянии камчатского казачества того периода и понять мотивы отстранения от должности Владимира Владимировича Атласова.

* * *

А теперь попробуем разобраться, кто из кадровых якутских казаков участвовал в первом походе Атласова на Камчатку?

Борису Петровичу Полевому удалось установить некоторые имена тех из служилых и промышленных людей, которые связали свою судьбу с Владимиром Атласовым. Он опубликован в книге «Новое о Камчатке» как **«Неполный список участников похода Владимира Атласова 1696–1699 гг. (необходимо еще дополнить по документам)» —** но, к сожалению, пока это список новыми именами никто не дополнил.

Атласов Василий (Иванович)

Казак четвертой пятидесятни Якутского казачьего полка (1706 г.), племянник руководителя похода, впоследствии вместе с Атласовым побывал в Москве. Сын Ивана Владимировича Отласова.

Атласов Володимер Володимерович, руководитель похода, около 35 лет

Бронник Василий Данилович (по одним данным — умер после возвращения с Камчатки, по другим — отправлен на Камчатку в отряде Т. Кобелева)

В 1706 году в восьмой пятидесятне Якутского казачьего полка служил Федор Васильевич Бронников, вероятно, сын Василия Даниловича (который упомянут в списке казаков 1691 года).

Сибирские Бронники (Бронниковы), скорее всего, вышли из Тобольска: уже в 1623 году они имели свои земельные наделы:

«В деревне Ефтезерской**.** Во дворе посацкой человек Андрюшко Бронников пашни паханые луговые середние земли 4 чети в поле а в дву потому ж. Да пашенова лесу дубровы пять десятин. Луговые земли низкова места 10 десятин. Сенных покосов на Ефтезерском острову 200 копен»; «Деревня на Иртыше. Во дворе пашенный крестьянин Онтонко Бронников с братью с Якушкою да с Титком. Пашни у них паханные середние земли 24 чети бес пол пол пол третника да перелогу 15 четей с осминою и с четвериком в поле а в дву потому ж. Сена косит 400 копен. Живущим выть бес получети и пол пол трети выти да впусте пол выти с получетью».

Поэтому не удивительно, что казаки с такой фамилией являются старожилами Енисейска, Якутска, Нерчинска, Иркутска.

Первым из якутских казаков Бронников отмечен в 1650 году Васька Варфоломеев сын: «…в прошлом де во 173-м (1665) году

пришли с Ковымы реки они Васька Бронник и Филька Рыбник, с иноземцами с ковымскими мужиками и их разорили до основанья, и что им великих государей жалованья подарков дал Ивашко Хворой, котлы и топоры и пальмы и полицы куяшные, и те подарки у них они Васька и Филька отняли; а что им давал тот Ивашко, взяв великих государей ясак, отписи и те отписи они Васька и Филька у них взяли и тем отписям не поверили и родников их розвезли на Ковыму реку…»

Василий Данилович вполне мог быть его внуком.

А в 1748 году на Камчатке в списках разночинцев, возможно, указаны внуки Василия Даниловича — Гаврила и Семен Федоровичи, дети разночинца Федора [Васильевича?] Бронника.

Но возможен и другой вариант: «Да в нынешнем во 158-м [1650] году апреля в 4 день по выписке и по приговору воеводы Дмитрея Андреевича Францбекова да диака Осипа Степанова приверстаны в государеву службу ссыльные люди которым по государевым царевым и Великого князя Алексея Михаиловича всеа Русии грамотам велено быть в государеве службе на выбылые места а иным в пашне и в Якутцком остроге пашенных мест и служилых…». Среди этих ссыльных был Якунька Бронник, который мог дать начало якутскому роду Бронников. Якунька был стрельцом. Возможно тобольским, возможно московским.

Есть и третья история, рассказанная Г. Леонтьевой в книге «Служилые люди Восточной Сибири»: «Но названными людьми число лиц, связанных с металлообработкой в Нерчинске в XVII в., не ограничивалось. В одном из документов упоминается, что “делал замки к воеводским хоромам из своего железа” казак И. Салдатов. Неоднократно использовались на казенных работах и нерчинские кузнецы казаки **Данила и Иван Бронниковы**.

Однако среди постоянных жителей Иркутска не хватало знатоков оружейного дела, и даже в начале 90-х гг. иркутские власти постоянно ратовали о присылке в Иркутск оружейника. В 1694 г., вняв, наконец, этим просьбам, Сибирский приказ распорядился послать в Иркутск оружейника из Енисейска посадского человека Андрея Иванова Бронникова. Вместе с ним “без отпуска” прибыл его родной брат Григорий, а немногим позже — брат Михаил. В 1696 г. из Енисейска “по выбору” на смену А. Бронникову был послан кузнец П. Леонтьев. Но, несмотря на замену, Бронников так и не вернулся в Енисейск. Весьма вероятно, что улучшение оружейного дела в Иркутске было обязано имен-

но Андрею Бронникову, а перечисленные в "росписном списке" 1701 г. "среди прочего иркутского наряда 2 пушечки медные маленькие иркутского литья и 65 мушкетов и санапалов в старых и новых ложах с замки иркутского литья" 35 являлись результатом работы братьев Андрея, Григория и Михаила Бронниковых.

В 1698 г. по ходатайству иркутских казаков оружейный мастер Андрей Бронников был поверстан в конную казачью службу. Несмотря на это, енисейская администрация вплоть до 1700 г. числила А. Бронникова в посадском тягле, потребовав от него в 1701 г. уплаты накопившегося за 6 лет оброка в размере 6 рублей. Однако, это требование было отклонено Сибирским приказом, который, учтя заслугу Бронникова, "перечинившего в Иркутске все старое оружие", оставил его служить "в казаках и бронных мастерах по-прежнему". В 1702 г. Андрей Бронников, ссылаясь на то, что в Иркутске "иных бронных мастеров, кроме него нет", предложил организовать силами енисейских и иркутских кузнецов добычу железной руды и изготовление оружия. В числе иркутских кузнецов он называл своего брата Григория Бронникова, поверстанного в 1699 г. в казачью службу по иркутскому гарнизону. Фактически Андрей Бронников предлагал создать кооперацию по добыче железной руды, ее обработке и изготовлению из местного сырья оружия, что предполагало один из моментов разделения труда в металлургии и привлечения дополнительной наемной силы».

Бурня Григорий

В именных списках якутских казаков этой фамилии не числится.

Она встретилась нам только в списках крестьян Братского острога (за 1702 год, деревня Красный Яр). Вероятно, Григорий был в числе промышленных людей, подрядившихся в поход Атласова.

Верхотуров Филат (возвратился с Атласовым в Якутск)

«Ондрюшка Куржагин в прошлом во 199 м [1691] году в Майском зимовье от иноземцов убит. И в нынешнем в 200 м [1692] году июня в 18 день приверстан в ево Ондрюшкино место казачей сын Филатко Верхотуров».

Чей же он сын? Вот кто в первые годы существования Якутского воеводства был на Лене.

Тобольский казак «**Васка Назарьев сын Верхотурец** в прошлом во 147-м [1639] году на Обе реке утонул и того ж 147-го [1639] году в его Васкино место гулящей человек Тренька Петров сын Устюжанин в прошлом во 157-м [1649] году отпущен з государевою с соболиною казною к Москве в провожатых».

«Ортюшка Федоров сын Латышев в прошлом во 148-м [1640] году за воровство за зернь отставлен а в его место гулящей человек Жданко Семенов и в прошлом во 150-м [1642] году убит и в прошлом во 154-м [1646] году на смотре у розбору воеводы Василей Пушкин с товарыщи велели быть в его Жданково место **Ярофейку Иванову сыну Верхотурцу** которой взят у стольника и воеводы у Петра Головина с товарыщи в енисейские казаки…».

«Якунька Ушнитцкой в прошлом во 150-м [1642] году убит и того ж 150-го [1642] году в его место взят **Ярофейко Иванов сын Верхотурец** и в прошлом во 154-м [1646] году на смотре по розбору велено ему Ярофейку быть в березовских…».

В 1681 году в списке якутских казаков два имени — Верхотур Ярофейко и Верхотуров Алешка. Вероятно, отец и сын. Возможно, что Филат уже сын Алексея, но подтверждений мы пока не нашли.

Вероятно, Верхотуровы (Верхотурцы) были из числа тобольских годовальщиков — в 1689 году по в «Переписной книге дворов Тобольского уезда» мы находим деревню Верхотурова и несколько крестьянских семей с этой фамилией, а также семью тобольского драгуна Федора Верхотурова.

Сама по себе фамилия имеет конкретную географическую привязку. Через город Верхотуров в Сибирь прошли тысячи бесфамильных людей — так называемых гулящих людей, которые расселились по разным городам и весям. Весьма многочисленной была эта фамилия и в Якутске, и на всем пути на Камчатку. Об этом мы поговорим в своем месте.

Н.Н. Оглоблин отмечал: «…"выпись" говорит, что Атласов "подал заручную челобитную" Якутских казаков, своих сотрудников по Камчатскому походу — Данилы Пирогова, Василия Бронникова, Филата Верхотурова и Никиты Голыгина, — о выдаче Атласову их денежнаго, хлебнаго и солянаго жалованья на 207–8 гг. (1699–1700 гг. — *С.В.*). "Оклад" Бронникова, Верхотурова и Голыгина, по якутским "окладным денежным и хлебным книгам" 206 г., определен в следующих размерах: каждому "денег по 5 рублей с четвертью, хлеба по 3 чети с полуосминою и с четве-

риком и с пол-пол-четвериком ржи, по 1 чети овса, по 1½ пуда соли"».

Волокита Яков

С Яковом была связана особая история, на которую мы хотим обратить внимание. И связана эта история с бунтом юкагиров на реке Палане, в результате которого погибли и были ранены многие казаки: «И после того ясачные юкагири Почина с родниками послали от себя к родникам своим к Оме с родниками юкагиря Позделя, и велел им их, Володимера с товарищи, побить, и отнюдь бы де их, Володимера с товарищи, не спущали, а он де, Почина, с родниками своими русским людем не спустит — побьет их всех. И после того пришед они к Анандырскому острогу, хотели взять и служилых людей побить. А пронеслась де та речь от них же юкагирей и по тому их согласию идучи подле Пенжинское море ясачные юкагири Ома с родниками трое человек отходили от него, Володимера, в сторону и пришед сказали: подсмотрели де они на дороге коряцкой лыжный след. И он, Володимер, для подлинного проведыванья послал с ними служилых людей 4 человек, и он, Ома сродниками, отведя их казаков от него обманом, следу им не оказал и заночевались. И ночною порою 3 человек казаков убил до смерти, **а родник де их Еремка Тугуланов на четвертого человека на Яшку Волокиту пал и убить не дал, и они, юкагири, ево, Яшку, в 4-х местех изранили.** И послал, он, Еремка, к ним, Володимеру с товарищи, родника своего, со знаменем с наушками и велел ему про убийство сказать. И родник ево им про убийство не известил, и совестясь с родниками своими, с Омою с товарищи, послал их, что они их побили».

Вероятно, это был промышленный человек — в списках казаков его имени мы не нашли.

Фамилия Волокитиных была довольно распространенной — ее мы находим и в Тобольске, и в Томске, и в Нерчинске.

Ворыпаев. Имя неизвестно

О Ворыпаевых в предыдущей главе у нас уже был разговор. Но вот кто именно из Ворыпаевых участвовал в походе Атласова, неизвестно. Это мог быть и торговый, и промышленный человек из многочисленного клана сибирских Ворыпаевых. По данным за 1681 год, в казаках были двое из этого семейства: числившиеся в холостых окладах Микитка и Мишка Ворыпаевы. Один

из них был участником похода Мороски-Голыгина и оставался на реке Апуке. А второй мог быть участником похода Атласова. Есть еще и третий казак Ворыпаев, отмеченный в списках за 1692 год — Гришка Михайлов Ворыпаев. Сын Михаила и внук Никиты Ворыпаевых.

Галев Семен (убит на р. Палане восставшими юкагирами)

И эта фамилия не проходит по именным казачьим спискам Якутска.

Позже мы встречаем ее только у нерчинских крестьян.

Возможно, это отсечение от фамилии Рогалев, которая была довольно распространенной. В 1623 году в Тобольске: «Деревня на Кугаевском озере. Во дворе посацкой человек Иван Рогалев. Пашни у нево паханные середние земли 10 четей да перелогу 12 четей в поле а в дву потому ж. Пашенново лесу дубровы 30 десятин. Сена косит 400 копен».

В 1710 году мы вновь встречаемся с этой тобольской фамилией: «Двор купленой городничего Федора Козьмина сына **Кочергина** сказал себе 37 лет у него жена Фекла Дмитриева дочь 30 лет брат родной конной казак Леонтей 30 лет у него жена Федосья Софонова дочь 25 лет дочь Парасковья 3 лет а ныне он Леонтей на службе в Катайском остроге у него Федора две сестры родные девки Овдотья 25 Марфа 20 лет дядя родной Иван Васильев сын **Рогалев** 75 лет увечен…».

И кстати, она отмечается и в Якутске: «Во дворе сын боярской Тихон Иванов сын Рогалев…»; в 1748 году — казак Гаврило Рогалев. В Аргунском остроге в 1700 году служил казак Василей Яковлев Рогалев. В 1708 году там же — пеший казак Никита Рогалев. В 1721 году: «Пешей казак Никита Рогалев 52 Иван 15 Яков 13 Тимофей 11 Корнило 6».

Голыгин Никита

Голыгин Никита Иванов сын, по данным Якутской приказной избы, в 1688 году сын «казачьего десятника, поверстан в пешую казачью службу», то есть это родной сын Ивана Осиповича Голыгина, его имя есть в списках за 1692 год, но почему-то нет в списках 1706 года.

Впоследствии служил на Камчатке, активно участвовал в событиях, связанных с убийством казачьего головы Владимира Атласова и приказчиков Осипа Липина и Петра Чирикова, но во-

время ушел с Камчатки в отряде Василия Севастьянова Щепеткого до начала розыска по этому делу, который вел приказчик Василий Колесов.

Голыгин Иван Осипов, убит на реке Нынгачу. Переименована в реку Голыгину в связи с гибелью на этой реке Ивана Голыгина (с чем мы категорически не согласны)

Иван Осипов Голыгин, как отмечено в списке Якутского острога 1701 г., «в прошлом 206 (1697/98) году за Носом убит, а оклад ево в выбылых» (ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, кн. 1344, 1382/об.).

Носом в те времена назвали полуостров — Чукотский либо (но уже гораздо позже) Камчадальский (Камчатский).

Григорьев Сафрон

«Материалы Якутского архива называют имена остальных людей, выбывших из отряда: это казак Алексей Осипов и промышленный человек Сафрон Григорьев, отосланные с Пенжины в Якутск с соболиной казной…».

Дмитриев Сидор

Промышленный человек, убит на р. Палане восставшими юкагирами.

Евсеев Афанасий

В Якутске служил сын боярский Трифон Евсеев. Тот самый, который в 7168–7169 (1660–1661) гг. был послан с сыном боярским Кузьмой Лошаковым «с соболиной и другой казной в Москву». В числе сопровождающих эту казну был и Владимир Тимофеевич Отлас. Афанасий Евсеев был участником поездки Владимира Владимировича Атласова в Москву.

В 1694 году в Аргунском остроге служил казак Ярко Евсеев.

Енисейский Иван, толмач (впоследствии служил на Камчатке)

Обычный толмач с Енисея, человек с удивительной судьбой, участник нескольких доатласовских походов на Камчатку, возведенный в ранг сибирского дворянина, один из будущих камчатских приказчиков. Его нет в казачьих списках по одной простой причине — он служил первоначально толмачом и был записан в службу гораздо позже описываемых событий.

Более подробно о нем мы коснемся ниже. Но, что интересно и на что необходимо обратить особое внимание — Иван Енисейский во время своего руководства Камчаткой особо примечал участников бунтов 1711 и 1712 гг.

Иванов Кирилл

Промышленный человек, убит на р. Палане восставшими юкагирами

Китун Андрей

Эта фамилия нигде более не встречается. Может быть, Катун(ь) — по реке, как и Енисейский?

Куклин Иван

С первым якутским воеводой прибыл в Ленский острог в 1639 году Куклин Якушко Михайлов, тобольский казак станицы Якова Елизарьева. В 1646 году тобольский казак Якунка (Якушка) Куклин участвовал в строительстве верхоленского Братского острога — вполне возможно, отсюда начало ветви нерчинских, а затем и читинских казаков Куклиных.

Интересующий нас Иван Куклин в списках якутских казаков за 1692 год отмечен полным именем — Ивашко Яковлев Куклин.

Таким образом, Куклины в Якутском уезде — это представители единой сибирской торгово-служило-промышленной корпорации: так в числе первооткрывателей Колымы в 1643 году наряду с именами Дмитрия Зыряна Ярило, Ивана Стадухина, Семена Дежнева мы видим и имя промышленого человека Ивашки Гаврилова сына Куклина (кстати, он был грамотным). Он же участвовал в строительстве Верхоянска: «Архивные источники позволяют выяснить имена тех, кто вместе с Посником Ивановым основал Верхоянское зимовье, будущий город Верхоянск. Среди них были енисейские казаки Аничка Никитин, Тренка Трифонов, Кирилл Нифантьев, Нестор Барабанский, Дмитрий Михайлов, Федор Афанасьев, Степан Иванов, Афанасий Степанов, Харка Афанасьев, Степан Осипов, Пронка Калуга, Тренка Алексеев, Матвей Кишкец, Федор Чюкичев, Поспелко Кузмин; красноярские казаки — Михаил Семенов, Иван Родионович Ерастов, Селиван Харитонов; промышленники — **Иван Куклин,** Иван Артемьев, Иван Павлов, Иван Захаров, Ульян Карпов, Юшко Иванов, Сидор Фомин, Сисой Васи-

льев» (П. Казарян «Присоединение бассейнов рек Яны и Индигирки к Русскому государству»).

В 1696 году в Тобольске служит в пеших казаках Ивашко Куклин. Вероятно, это о нем запись в переписной книге Тобольска за 1710 год: «Двор купленой втораго пешего полку пятидесятника Ивана Яковлева прозвание **Куклина** а он послан на Тюмень для государевых запасов жена ево Настасья Иванова дочь сказала ему 53 года ей 40 лет у них дети сын Никита полутора году дочери девки Дарья 13 лет Наталья 6 недель у негож живут брат ево родной тогож полку отставной казак Петр **Куклин** 67 у него жена Ографена Степанова дочь 60 лет».

Судя по этой записи, Иван Яковлевич возвратился на службу в Тобольск.

Лобанов Иван

Промышленный человек.

Параллельно с промышленниками Лобановыми в Якутске служили и казаки Лобановы (вполне возможно — из одной родовой служило-промышленной-торговой корпорации): так казак Мишка Иванов Лобанов вместе с детьми боярскими Козьмой Лошаковым и Андреем Булыгиными защищали Зашиверский острог от восставших местных племен: «В феврале 1667 г. последовало новое нападение ламутов на Зашиверский острог: “приступили ночью к острожку, и учали острожные стены и ясачное зимовье и острожные ворота рубить топорами, а иные люди приставили лестницы к стенам через амбары”. В схватке русским удалось убить трех ламутских “лучших людей” и нападение было отбито.

Летом того же года приказчик Зашиверского острога направил против ламутов отряд во главе с казаком Михаилом Лобановым (4 служилых и 50 юкагиров). Ламуты были погромлены и выдали аманатов» (Андрей Зуев).

Отец Михаила, енисейский казак Ивашко Лобан пришел на Лену вместе с Иваном Галкиным в 1634 году. Другой служилый Лобан — Микитка — был убит якутами во время восстания в 1642 году. В 1650 году в целовальниках служит Лобанов Пятой Иванов. Пятой — значит пятый по счету сын. Отмечен также в материалах Якутской приказной избы торговый человек Иван Лобанов. В 1706 году произошло несчастье с братом Михаила — Лабановым Дмитрием (Митькой): «Десятая пятидесятня, в

1706 году на Ковыме ослеп и поверстан на его место якутский житель Иван Немиров».

По итогам расследования причин Харчинского бунта в 1735 году в Большерецком остроге бит кнутом толмач Федор Лобанов.

Ломаев (Ламаев) Семен Леонтьевич

«Пронька Денисов в прошлом во 199 м [1691] году в Якутцком умер воспою. И в нынешнем в 200 м [1692] году июня в 8 день приверстан в ево Пронькино место казачей племянник Сенька Леонтьев Ломаев». В 1706 году он записан в тринадцатой пятидесятне, впоследствии один из самых авторитетных администраторов Камчатки и один из первых ее старожилов, руководитель казачьего бунта 1707 года по смещению В.В. Атласова с должности приказчика Камчатки и занявшего этот пост как «выборный» приказчик.

Ломаевы (Ламаевы) — старинная сибирская (тобольская) фамилия: в 1623 году в «Дозорной книге» отмечено: «Деревня на речке Боровой. Во дворе пашенный крестьянин Пятунка Ломаев. Детей у нево Демидка да Тимошка. Пашни паханные середние земли 12 четей с осминою и с четвериком в поле а в дву потому ж. Да пашенново лесу дубровы 6 десятин. Сена косит 400 копен. Живущим пол выти да впусте пол выти с получетью выти». А в переписи 1710 года мы обнаруживаем уже деревню Ломаева. И вот что интересно — в ней живут не только Ломаевы, но и Бронниковы: «Во дворе оброчной крестьянин Михайло Иванов сын Ломаев темен сказал 88 лет жена ево Дарья темна ж 70 лет сын Иван 40 лет жена ево Марфа 35 лет внучата ево Ивановы дети Степан 7 лет дочь Овдотья 3 лет...»; «Во дворе оброчной крестьянин Иван Алексеев Бронников сказал 40 лет жена ево Домна 35 лет дети ево Алексей 13 лет Яков 12 лет Меланья 10 лет Офимья 3 лет Парасковья году...»

В 1704 году казак Иван Ломаев служит в Тобольском втором пешем казачьем полку.

Семен Леонтьевич Ломаев был отправлен на Камчатку в составе отряда первого камчатского приказчика Тимофея Кобелева и стал родоначальником камчатских казаков Ломаевых. В 1854 году его потомки — Ломаевы Иван и Петр Степановичи, матросы 47-го Камчатского флотского экипажа, участвовали в обороне Петропавловского порта.

Лудило Никита

Отправлен в Анадырск с сообщением об удачном походе В.В. Атласова.

В именных казачьих списках Якутска не значится.

Микитин Архип

Убит на р. Палане восставшими юкагирами.

Имя Архипки Микитина есть в списках якутских казаков за 1692 год. Но установить, является ли он представителем казачьего рода Микитиных из числа старожилов Якутска пока не представляется возможным — служилых Микитиных в Якутске было в этот период несколько человек.

Мокринский Иван, сын боярский

Тобольский сын боярский. Из известной семьи, об истории которой мы будем рассказывать отдельно. Как мы вяснили, он был послан в Якутск в 1693 году. Но служебная карьера его здесь не сложилась: «…при стольнике и воеводе князе Иване Гагарине послан на службу в Ковымское зимовье вместо рядового казака…»

Он был рядовым участником похода Атласова.

Впоследствии отправлен на Камчатку в составе отряда Т. Кобелева, но тоже в качестве рядового казака. Был в составе гарнизона Большерецкого острога, уничтоженного камчадалами в 1707 году. Но о нем в документах сообщается, что он не был убит, а умер в 1707 году (возможно, от ран, возможно — естественной смертью).

Мунгал Яков

Фамилия очень характерная — по национальности: это был новокрещенный казак из монголов, что практиковалось очень часто: местные жители, принятые на службу, были и проводниками, и толмачами. Например, известен Артемий Мунгал — участник обороны Албазинского острога, толмач.

Вероятно и другое — его полное имя Мунгалетин Яков Васильевич, служивший в 1706 году в пятнадцатой пятидесятне Якутского казачьего полка (в 1692 году он записан как «Новокрещен Якунька Васильев Мунгалетин»).

Он был из числа новоприборных казаков, прибывших, по всей видимости, из Нерчинского воеводства (Албазин, Нерчинск, Аргунский и Селенгинский остроги).

Впоследствии служил на Камчатке — в последний раз казак Яков Мунгал отмечен в Нижнекамчатске в 1748 г.

Петров Степан

При всех многочисленных Петровых, отмеченных в именных казачьих списках Якутска, Степана Петрова отыскать нам не удалось.

Вполне вероятно, что и он из числа годовальщиков.

Алексей Осипов Александровых Пещера

В одной из «сказок» Атласова сообщалось: «И шли де они из Анандырского чрез великие горы на оленях полтретьи недели и наехали подле моря к губе на Пенжине реке в Акланском и в Каменном и в Усть-Пенжинском острожках неясачных седячих пеших коряк человек ста с три и больши, и призвал их под государеву самодержавную высокую руку ласково и приветом, и собрав с них ясак лисицами красными, выслал в Якуцкой с служивыми людьми с Олешкою Пещерою с товарищи. А бою де у них с ними не было, потому что по государской участе учинились они неясашные коряки покорны».

В других случаях его называют просто Алексеем Осиповым.

Это был участник похода Владимира Атласова, который отмечен в именных казачьих списках Якутска за 1692 и 1706 гг. (двенадцатая пятидесятня). Но на Камчатку Атласов его не взял — отправил в Якутск доставлять пушнину, отнятую у коряков.

Приказчик Осип Липин назначил в 1711 году Алексея Пещеру заказчиком Верхнекамчатского острога, но в тот же год Алексей Осипович и умер. К казачьему бунту верхнекамчатских казаков он не пристал. «Сибирский губернатор князь Гагарин, получив донесения о преступлениях, совершенных в Камчатке, дал в 1712 г. указ якутскому воеводе стольнику Ельчину: «Двух казаков, Пещеру и Норманского, за верную службу произвести в дети боярские…» Но ни Пещеры, ни Марманского в живых уже не было.

Казаки Александровы были в Тобольске: в 1689 году отмечены Савка и Микифорко Александровы.

Были Александровы и в Енисейске: «Дениско Александров в его место племянник ево Баженко Измайлов в прошлом во 155-м [1647] году в Енисейском остроге тот Баженко занемог и в свое место нанял…»

В 1692 г. в Якутске в женатом окладе отмечены Микитка и Ганка Александровы.

Пирогов Даниил

Н.Н. Оглоблин: «…“выпись” говорит, что Атласов “подал заручную челобитную” Якутских казаков, своих сотрудников по Камчатскому походу — Данилы Пирогова, Василия Бронникова, Филата Верхотурова и Никиты Голыгина, — о выдаче Атласову их денежнаго, хлебнаго и солянаго жалованья на 207–8 гг. (1699–1700 гг. — *С.В.*). “Оклад” Бронникова, Верхотурова и Голыгина, по якутским “окладным денежным и хлебным книгам” 206 г., определен в следующих размерах: каждому “денег по 5 рублей с четвертью, хлеба по 3 чети с полуосминою и с четвериком и с пол-пол-четвериком ржи, по 1 чети овса, по 1½ пуда соли”. Оклад Д. Пирогова в этих книгах не написан. Атласов заявил в приказе, что Пирогов служил с ним в Камчатке и был жив при отъезде Атласова в Москву, а почему пропущен в Якутских “окладных книгах” — того он не знает.»

В списках якутских казаков он не значится.

Возможно, из енисейских казаков: в 1669 году здесь служил казак Васка Кирилов Пирогов.

Прибылов Матвей

Убит на р. Палана восставшими юкагирами.

В 1654 году в документах встречается имя якутского казака Семена Прибылова: «К сей челобитной вместо пятидесятников Микифорка Аргамакова, Ивашка Бурлака, Треньки Смирнягина, десятников Кондрашки Моисеева, Семенки Чюфариста, Друганка Прокофьева, Матюшки Ярыгина, Фетьки Офонасьева, Богдашки Олексеева по их веленью и в свое место **Сенька Прибылов** руку приложил».

Служил он в Якутске и позже: «Да во 175-м (1667) году принял я, Фома, илимской присылки у якутских служивых людей у Сеньки Прибылова с товарищи коч новой, да 6 дощеников новых, 2 барки, 6 лоток, 4 лотки набойние, а 2 лотки однодеревые».

В списках якутских казаков за 1681 год встречается имя Матюшки Прибылова. Возможно, это старший сын Семена Прибылова, так как другой его сын — Василий Семенович (1678 г. р.) был верстан в казаки в 1691 году, когда были подписаны якутскими

казаками «Поручные записи о приборе к пешей казачьей службе Василия Прибылова», «казачьего брата».

«Великим государем и царем и великим князем Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцем бьет челом холоп Ваш казачей братишко Васка Семенов.

Милосердые государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич всеа Великия и Малыя Росии самодержцы. Пожалуйте меня, холопа своего, велите, государи, меня приверстать в Якуцком в пешию казачью службу против своей братьи.

Цари государи, смилутейся.

Да Якутцкого города сын боярской Федор Краснояров, да пятидесятники Иван Дорофеев, Иван Тобольской, городничей Ерофей Шелковник, рядовые казаки Степан Замятнин, Степан Заплетаев, Лука Мороско, Григорей Булдаков, Иван Дураков, Тимофей Григорьев, Алексей Григорьев, Ерофей Максимов, Иван Калгин, Федот Онтропов, Фторой Питухин, Любим Ерофеев, Василей Фторой, Степан Аргунов, Семен Годнев, Ларион Шайкин, Иев Переломов, Илья Говоров, Федор Плотников, Илья Микулин, Михайло Лыткин, Галахтион Корелин, Данило Батов, Офонка Колковской, Семен Жерноков поручились есьми в Якутцком городе в приказную избу по казачье[м] брате по Василье Семенове Прибылове в том, что быти ему, Василью, за нынешнею порукою в Якутцком городе в пешей казачьей службе. И будучи ему не пить и не бражничать, зернью и карты не играть и не красть и никаким воровством не воровать и великим государем не изменить, з города и со службы без указу великих государей не сойти и не збежать и великих государей денежного и хлебного и соляного жалованья и ружья и свинцу и пороху не снести. И будучи у всяких великих государей дел порухи никакой не учинить. А буде он, Василей, будучи за нашею порукою учнет пить и бражничать и зернью и карты играть или каким воровством воровать или великим изменит и на нас, порутчиках, великих государей пеня. А пени, что великие государи укажут и наши порутчиковы головы ево, Васильевой головы, место» (РГАДА, ф.1209, оп.3, д. 2592).

Серюков Потап

Серюков Потап Первый, еще неофициальный, приказчик на Камчатке, оставленный здесь В.В. Атласовым и мирно проживший

на полуострове три года, был убит коряками при возвращении в Анадырский острог в районе острожка Кохча на реке Тигиль.

«А до Бобровой реки, которая на Пенжинской стороне, не доходил он, Володимер, за 3 дни. А от той реки — сказывают иноземцы — по рекам людей есть гораздо много. И оттого воротился он, Володимер, с служилыми людьми назад и пришел на Ичу реку. Божием изволением олени у них выпали, и итти им было вскоре в Анандырской острог не на чем, и он де на той Иче реке поставил зимовье. А на Камчатку послал от себя служилых людей Потапа Сюрюкова, всего 15 человек, да ясачных юкагирей 13 человек. И он, Потап, писал к нему, Володимеру: камчадалы де все живут в совете, а в ясаке упрашиваютца до осени».

Б.П. Полевой: «…уточнена история гибели Потапа Серюкова. Крашенинников писал о нем: "…коряки не допустя его до Анадырска со всеми товарищами убили. А выезд его, по-видимому, учинился, как сын боярский Тимофей Кобелев на Камчатку приехал…" В РГАДА же найден документ, в котором все это освещается иначе. Идя весной 1701 г. из Анадырского острога на Камчатку, Кобелев встретился с подчиненными Потапа Серюкова, которые и сообщили, что Потап Серюков был убит неясачными коряками. Вместе с ним погибли два русских промышленных человека и юкагиры. Уходя с Камчатки, товарищи Серюкова на Камчатке реке ясачное зимовье "…оставили пусто". Серюков вынужден был уйти с Камчатки потому, что "от неясачных немирных коряк нам на Камчатке жить малолюдством стало не в мочь". К тому же кончилась бумага, не стало ясачных книг. Но все-таки с Камчатки они вывезли 159 соболей».

Вероятно, Потап Серюков — тобольский казак: фамилия Серюков — Сюрюков — Сюряков — Сюриков — Суриков в 17 веке встретилась нам только в Тобольске, но в большом количестве. Возможно, это вариант фамилии (тобольской семейной ветви) красноярских казаков Суриковых, из рода которых знаменитый художник Василий Иванович Суриков.

В переписи Тобольска за 1710 год есть любопытные данные: «Двор купленой приказные полаты подьячего Василья **Потапова сына Сюрюкова** сказал себе 43 годы, у него жена Орина Леонтьева дочь [урожденная Выродова], 37 лет, дети сыновья Михайло — 14, Лев — 12 лет, у него живет — по свойству пятидесятника Леонтьевская жена Выродова вдова Парасковья Максимова дочь сказала себе 70 лет…» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1317).

В 1689 году в числе тобольских казаков указываются Федка и Онисимко Семенов Сюрюковы (Серюковы).

Стадухин Иван

Убит на р. Палане восставшими юкагирами.

В 1706 году в Якутском полку записан только Иван Стадухин, присланный из Енисейска. То есть он не мог быть участником похода Атласова, так как прибыл в Якутск в 1706 году. Но тем не менее, енисейская версия имеет право на существование, так как в семьях казаков могло быть два (иногда и три) сына Ивана.

И знаменитый землепроходец Михаил Васильевич Стадухин был, как известно, енисейским стрельцом (1632 г.), который был направлен на службу на великую реку Лену, откуда и совершил все то, что сделало его имя всемирно известным. В 1643–1646 гг. он был приказчиком на Колыме, затем совершил огромный переход с Колымы через Анадырь на реку Пенжину, а закончил свою жизнь приказчиком на Алазее, будучи в чине казачьего атамана за свои географические открытия. О нем мы будем еще говорить. Финал его жизни был трагичным: «В апреле 1666 г. зашиверские ламуты Дельянского рода совместно с юкагирами ("Чанжа с родом своим") напали на Зашиверский острог. Атака была отбита, но нападавшие убили двух (или шестерых) промышленников и ранили несколько казаков. В сентябре того же года ламуты и юкагиры вновь пытались овладеть острогом, но безуспешно. После этого они на Янском хребте полностью уничтожили отряд М. Стадухина, шедший из Якутска на Индигирку. Затем ламуты напали на своих союзников юкагиров и перебили их» (А. Зуев).

Известно об одном (если их было несколько) из сыновей Михаила Васильевича: «Дежнев выехал из Якутска 20-го июля 1670 года. Кроме соболиной казны, воевода поручил ему доставить в Сибирский приказ разные документы Якутской приказной избы за прошлый 1669 год — "Денежные и хлебные сметные и пометные списки", "ясачные книги", «именные окладные книги»и проч. Соболиную казну сопровождали два целовальника, Иван Самойлов и Гаврило Карпов, и несколько Якутских казаков. В числе последних был Нефед Михайлов Стадухин, сын известного соперника Дежнева по Анадырской службе — Михайлы Стадухина. Очевидно, все старые недоразумения между ним

и Дежневым были совершенно забыты и отношения их сделались настолько хороши, что Стадухин отпустил с Дежневым в Москву своего сына». Но затем — в 1680 году — Нефед Стадухин оказался на службе в другом месте:

188 іюля въ 5 день Неѳедъ Михайловъ сынъ Стадухиннъ сказалъ, служитъ де оыъ по Верхотурью въ дѣтехъ боярскихъ со 180 году по грамотѣ великого государя, а верстанъ онъ на Москвѣ вновь: окладъ ему денегъ шесть рублевъ, хлѣба шесть четьи ржи, овса тожъ, а до того верстанья служилъ онъ въ Якуцкомъ острогѣ въ казакахъ, а отецъ де его служилъ въ Якуцкомъ же въ атаманехъ, а верстанъ де отецъ его въ атаманы па Москвѣ при бояринѣ при князь Алексѣѣ Петровичѣ Трубетцкомъ; а отъ роду де ему сорокъ восмь лѣтъ, а отецъ де его и онъ за Невянскимъ монастыремъ во крестьянехъ не бывали; а будетъ онъ Неѳедъ сказалъ ложно или утаилъ верстанье свое и чинъ отца своего, а сыщетца про то до пряма, и за тое его ложную сказку указахъ бы великій государь взять у него свое государево денежное и хлѣбное жалованье и учинить наказанье и взять пеню что великій государь укажетъ.

Подлинникъ писанъ столбцемъ, на одномъ листкѣ. Па оборотѣ подпись: Къ сей сказкѣ вмѣсто отца своего Нефеда Стадухина, по его велѣнью, сынъ его Степка руку прило*, и въ концѣ сказки, на лицевой сторонѣ:* жилъ.

Но на этом история Стадухиных не заканчивается: в 1687 году в Якутской приказной избе открыто «Дело о приверстании казачьего сына Петра Стадухина в казаки». А вот и другое сообщение: «Петрушка Стадухин в нынешнем в 200 м [1692] году в Алазейском зимовье умер».

То есть, помимо енисейской, сохранялась и собственно якутская линия казаков Стадухиных, из которой мог быть наш спутник Атласова в первом его походе на Камчатку. Но это вопрос пока остается открытым.

Старицын Лука Семенов сын Мороско

По поводу его биографии не будем повторяться. Но указание на то, что он уроженец Великого Устюга, подсказывает, что Лука Семенович, скорее всего, пришел в Сибирь промышленным человеком, и промысловые экспедиции были для него главенствующими на протяжении всей его жизни. Он побывал дважды на Зее, трижды на Камчатке.

Каким образом Лука Мороско оказался в отряде Атласова?

Б.П. Полевой: «…пришедший на Анадырь новый приказной Постников попытался силой вернуть Атласова из похода. Тогда-то и был послан Мороско, который и остался служить вместе с Атласовым. По его поручению Лука ходил на Опуку, а потом на Тигиль и там в урочище Кохча был вероломно убит коряками».

С.П. Крашенинников дает любопытные подробности гибели Мороски: *«…урочище, называемое Кохча, где бывал прежде сего знатный корякский острожек того имени, который погромлен и разорен до основания камчатским приказчиком Кобелевым, за то, что жители оного убили казака Луку Морозку во время первого Атласова похода на Камчатку.*

В 3 верстах от реченного урочища есть на Камчатке щеки, которые версты на две продолжаются. При начале их текут в Тигиль речки Алихон и Бужугутуган, первая с северной, а другая с южной стороны.

От щек, следуя к устью Тигиля-реки, есть еще четыре корякских острожка. 1) Шипин, старый острожек, до которого от щек верст с 10; 2) Мыллаган, от первого в 3 верстах; 3) Кенгела-Утинкем, от Мыллагана в 40 верстах; а 4) Калауч, от Кенгела-Утинкем в 3 верстах».

На месте Шипина острожка была построена в 1747 году Шипинская (Тигильская) крепость.

О том, что Лука Мороска погиб именно в этом районе и погиб совершенно не случайно, есть и некоторые подробности у С.П. Крашенинникова:

«*Той зимы* (то есть в период последней зимовки отряда Атласова на реке Ича. — *С.В.*) *Морозко Старицын отпросился с двумя иными служивыми на Тигил для свидания с друзьями, от которых друзей они и убиты».*

То есть повторим вывод, который сделал в свое время Михаил Зиновьевич Многогрешный — поход Владимира Атласова коренным образом изменил отношение коряков к русским людям. И Лука Старицын стал заложником новых отношений.

Старловский Евдоким

Убит на р. Палане восставшими юкагирами.

Такая фамилия была в 1626 году в Томске, где в конной литве служил Петрушка Старловский. Но у нас есть и другие данные — Старловский Карпунка был ссыльным военнопленным, оставшимся служить в Якутске (1681 г.). Фамилия редкая, поэтому мы вряд ли ошибемся, если будем полагать, что Евдоким и Левка Старловские, имена которых мы находим в списках якутских казаков за 1692 год, сыновья Карпа Старловского.

В 1706 году в Якутске служат в двенадцатой пятидесятне еще двое Старловских: Леонтий (возможно, это все тот же Левка) и Федор (правда, последний записан как Федор Старловский сын Дурнова).

Тюленский Дмитрий Андреевич

В некоторых случаях его фамилию пишут, как Тюменский, полагая, видимо, что он прибыл из Тюмени.

Но это не так. Дмитрий Тюленский — тобольский казак: мы видим Митьку Тюленского в списках тобольских казаков за 1696 год, а в переписи Тобольска за 1710 год находим такую вот запись: «Двор купленой умершаго казака Андреевские жены Тюленского вдовы Анны Федоровы дочери сказала себе 79 лет с неюж живет умершаго сына ее Дмитреевская жена Тюленского вдова Федора Иванова дочь 30 у нее дочери девки Катерина 17 Анна 12 лет».

Дмитрий Тюленский сопровождал В.В. Атласова в Москву: «Найден текст распоряжения главы Сибирского приказа знаменитого сподвижника Петра I — Андрея Виниуса от 23 февраля 1701 года о спешном отправлении Владимира Атласова из Москвы в Сибирь. По этому наказу Владимиру Атласову и его спутникам Афанасию Евсееву. Ивану Шмонину, Дмитрию Тюленскому и другим было выделено “по подводе человеку, да для поспешения по подводе в припряж”».

Федоров Лука

Промышленный человек, убит на р. Палане восставшими юкагирами.

Фомин Сергей

В материалах за 1706 году мы находим это имя в списках четвертой пятидесятни Якутского казачьего полка.

Но у нас нет доказательств, что он был уроженцем или старослужащим Якутска. Хотя казаков Фоминых служило в Якутии много.

Но и первоначально фамилия якутских Фоминых могла иметь тобольские корни: «Стенька Фомин в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву на годовую службу на Вилюй реку в верхнее зимовье».

Чепчиков Афанасий

Этого имени нет в списках якутских казаков. То есть и он тоже был из числа новоприборных казаков.

Шмонин Иван

Судя по многочисленности представителей этой фамилии в Тобольске, Шмонины пришли в Якутск отсюда. И конный казак Ивашко Завьялов Шмонин (в именном списке тобольских казаков за 1696 год) — это, скорее всего, наш герой, который не только прошел с Атласовым весь путь с севера на юг по Камчатке, но и побывал со своим командиром в Москве. И поэтому его имени, как и других тобольских или енисейских годовальщиков, нет в списках якутских казаков за 1681, 1692, 1706 гг.

В таком случае (если версия верна) его родной сын — Дмитрий Иванович Шмонин — это тот самый «новоприборный казак», который «за грабеж с В. Атласовым на Тунгуске бит кнутом и послан с Атласовым на Камчатку». В 1706 году Дмитрий числился в десятой пятидесятне Якутского казачьего полка.

На Камчатку он шел уже не с Атласовым, а в отряде сына боярского Петра Чирикова, и был убит на подходе к полуострову в 1708 году в стычке с коряками.

* * *

Что же следует из этого разборного списка?

Вывод весьма категоричный – в отряде Владимира Владимировича Атласова было мало старослужащих якутских казаков — в основном новоприборные тобольские казаки, не знакомые с местными условиями и предстоящими на этом пути трудностями.

По всей видимости, Атласов опасался, что якутские старослужащие казаки не позволят ему осуществить задуманное…

И, может быть, именно по этой причине у якутских старослужащих казаков была впоследствии своя особая «любовь» к камчатским казакам, прибывшим сюда на службу из Тобольска?

Но не будем спешить с выводами…

* * *

М.И. Белов: *«Вернувшись в Анадырский острог, Атласов тотчас направил в Якутск отписку о своем походе, еще не разысканную в архивах. Содержание ее было сообщено воеводой Траурнихтом Петру I. В этой отписке, полученной Траурнихтом 8 февраля 1700 г., Атласов писал, что "проведал-де он, Володимер, за Носом по обоим берегам до бобровых рек (?) 22 реки, на которых реках люди живут, а на Камчатке-де реке людей гораздо много и посады великие — в одном месте юрт сто, по два по три, а соболей и лисиц есть, а бобров много и ясачные казны собрать мочно". В подтверждение своих слов он сообщил о количестве собранного ясака. За все предшествовавшие 10–15 лет якутский воевода не собирал с одной области столь значительных количеств пушнины: одних соболей было 999 шт. Уже одного этого было достаточно, чтобы убедить якутского воеводу Траурнихта в необычайном успехе предприятия Атласова. Вот почему он принял меры к быстрейшему прибытию Атласова на Лену и скорейшей его отправке в Москву.*

В Якутск Атласов прибыл 2 июня 1700 г. А через месяц он уже был в дороге. 20 июня Якутская приказная изба выдала Атласову для "московской посылки на дроги и на ноги и на возжи и на скуты и на петли и на обживку паруса бечевых обрывков 35 сажень, парус 11 полотнищ, вышины 9 аршин, бечевы новая мерою 67 сажень, весом 20 гривенок, каюк крыт берестом, который куплен у Тараса Кондратьева Летка". Очевидно, 20 июня Атласов отправился в дорогу. 9 февраля 1701 г. он прибыл в Сибирский приказ. По данным приказа, Атласов доставил в Москву казенной пушнины на сумму 559 рублей 13 алтын 2 деньги и своей — на 320 рублей 2 алтына 3 деньги».

* * *

В Анадырском остроге, когда Владимир Владимирович возвратился из камчатского похода, его, по всей видимости, задержали, если вообще не арестовали, иначе с чего бы вдруг так всполошилась в далеком Якутске его жена: *«В Якутске уже осенью 1700 г. было получено сообщение о бедственном положении Владимира Атласова и его многочисленных ранах. Жена Атласова Степанида Федоровна серьезно встревожилась и обратилась к якутскому воеводе Дорофею Афанасьевичу Траурнихту с челобитной на имя Петра Великого с просьбой срочно вернуть в Якутск ее мужа. Она писала, что ее муж находится в крайне тяжелом положении:*

"…изрезан и лежит ныне от тех иноземческих ран в Анадырском остроге при смерти и пить и есть ему нечево". Она просила царя: "Вели, великий государь, из Якутцка послать в Анадырский острог к приказчику память, чтоб мужа моего, Володимера, с твоею, великого государя, зборною казною отпустили в Якутцк". Воевода Траурнихт вынужден был послать из Якутска специальный "наказ" об отправке Владимира Атласова на Лену» (Б.П. Полевой).

А далее еще смешнее: *«Учитывая исключительно большое значение присоединения Камчатки к России, анадырский приказной решил послать Владимира Атласова налегке, "наскоре", тем более, что существовала опасность, что юкагиры могут учинить расправу над Атласовым, по вине которого в Камчатке погибло так много их "родников". Это позволило Атласову добраться до Якутска удивительно быстро».*

Анадырский приказчик — будь то Михаил Многогрешный, который прошел Корякскую землю вдоль и поперек, будь то Тимофей Кобелев, отец которого — Родион Кобелев — был приказчиком Анадырского острога с 1668 по 1682 годы — не мог этого «учитывать» по той простой причине, что учитывал совершенно другое — «по дурости» Владимира Атласова был погублен основной состав гарнизона Анадырского острога — 45 из 60 казаков и промышленных людей и почти все союзные русским юкагиры. В условиях Анадырска это было КАТАСТРОФОЙ.

Б.П. Полевой: *«Восхищенный воевода Дорофей Траурнихт сразу же поспешил отправить Владимира Атласова в Москву с тем, чтобы он в Сибирском приказе смог бы лично рассказать об успешном присоединении богатейшей Камчатки к России. Вместе с ним в Москву были направлены Василий Атласов (сын старшего брата Ивана, умершего в 1698 г. на Вилюе) и казак Афанасий Евсеев. 14 июля 1700 г. Владимир Атласов и его спутники получили в Якутске хлебное и соляное жалование "для московской посылки". Удалось найти подлинную расписку о получении этого жалования. На обороте этого документа имеется подлинный автограф "Камчатского Ермака": "Вместо казаков Афоньки Евсеева, Васьки Отласова и за себя Волотька Атласов руку приложил"».*

И потом опять какие-то непонятки: *«По приезде в Москву Атласов попал в Сибирский приказ далеко не сразу. В это время глава приказа Андрей Виниус был занят усиленной отливкой новых пушек взамен артиллерии, оставленной шведам после поражения в сражении под Нарвой.*

Лишь 10 февраля Владимир Атласов был приглашен в Сибирский приказ для записи его новой "скаски" о камчатском походе 1697–1699 гг.».

Правда, у Белова дата прибытия Атласова в Москву — 9 февраля.

Так что сразу все вдруг завертелось.

19 февраля 1701 г. в Якутск из Москвы была отправлена «грамота о верстании в казачьи головы Владимира Отласова и о посылки его с новоприборными казаками в Камчадальскую землю».

И далее: *«Найден текст распоряжения главы Сибирского приказа Андрея Виниуса от 23 февраля 1701 года* ***о спешном отправлении Владимира Атласова из Москвы в Сибирь:*** *Владимиру Атласову и его спутникам Афанасию Евсееву, Ивану Шмонину, Дмитрию Тюленскому и другим* (под другими — Василий Иванович Атласов, племянник Владимира Владимировича, участник, как и все вышеперечиленные, первого камчатского похода Атласова. — *С.В.*) *было выделено "по подводе человеку,* ***да для поспешения по подводе в припряж****". 24 февраля последовало распоряжение снабдить Владимира Атласова оружием, ядрами и порохом. Для их перевозки были даны дополнительные подводы "под пушечки медные, и под ядра, и под порох, и под фитиль, и под бисер". И 9 подвод — "да для поспешанья на девять подвод в припряж всего по осьмнадцать подвод". В конце февраля этот большой обоз Атласова покинул столицу».*

И куда они спешили? И зачем?

* * *

Н.Н. Оглоблин: *«Правительство, заинтересованное рассказами Атласова о богатствах и многолюдстве новаго края, охотно согласилось на все предположения Атласова относительно организации 2-го похода в Камчатку. В разсматриваемых делах Сибирскаго приказа находим любопытныя подробности этой организации. Они заключаются в царской грамоте Тобольским воеводам князьям боярину Михаилу Яковлевичу и стольнику Петру Михайловичу Черкасским и дьякам Афанасию Парфенову и Ивану Обрютину, от 26 февраля 1701 г.*

Грамота прямо говорит, что организация 2-го Камчатскаго похода задумана именно Атласовым и что правительство вполне согласилось с его доводами. Именно, в грамоте читаем, что на допросе в Сибирском приказе Атласов находил необходимым для призыва в Камчатке "неясачных иноземцов в ясачной платеж" послать туда "служилых людей 100 человек", ***преимущественно из казачьих детей и братьи и племянников, которые б к тому делу были искусны из полных (т. е. семьянистых) домов, и которые ныне не в приверстке в службу*** (выделено здесь и далее мной. — *С.В.*). *Он советовал 50 человек взять из Тобольска, а 50 человек из Енисейска и Якутска. Если не хватит казачьих детей, то брать и "промышленных людей — охотников и вневолю". Каждому человеку дать по "гладкой" или "винтованной пищали". Отряд должен получить 4 "малыя пушки", в 2–3 пуда, "пороху мелкого винтовошного" 10 пудов, свинцу на пули столько же. Денежное, хлебное и соляное жалованье давать этим служилым "Против Якуцких казаков". Это жалованье "окупитца с большою прибылью новоприискным ясашным збором".*

Согласившись с этими предположениями Атласова, правительство — как говорит грамота — решило послать его вновь из Якутска в Камчатскую землю, "для прииску вновь в ясак иноземцов и для ясашного збору". Атласову предписывается — "призывать иноземцов в ясашной платеж ласково и приветом". Если же инородцы станут сопротивляться — не будут платить ясака и учнут с Атласовым "биться" — с такими он должен "поступать воинским поведением, сколько милостивый Господь Бог помощи подаст". ***Но в тоже время грамота замечает, чтобы он "напрасно тамочных стран иноземцов и русских людей, которые наперед сего посланы и ныне с ним в посылке будут — ничем не жесточил"…***

Для снаряжения экспедиции велено Атласову выбрать в Тобольске и Енисейске 100 человек "из казачьих детей и гуляющих людей в казаки". ***Именно в Тобольске набрать их около 50 чел., притом "людей добрых — не воров и не пьяниц и не зернщиков", собрать по них "поручныя записи", чтобы они взявши жалованье со службы не сбежали****. В Якутск они должны отправиться вместе с Атласовым. В Тобольске выдать этим "новоприборным казакам" жалованье "против якутских казаков" — по 5 р. человеку. Хлебное жалованье выдать им — сколько потребуется на прокорм в дороге — часть в Тобольске, именно на дорогу до Енисейска, в Енисейске выдать другую часть хлеба — до Илимска, отсюда — еще часть до Якутска. А при той даче жалованья сказать им государев указ: буде они "с дороги из*

службы куды нибудь збегут — и им быть повешенным"... К этому объявленному "указу" велено им "прикладывать руки".

В числе 100 человек послать "барабанщика да сиповщика" выдать Атласову "знамя полковое", барабан, 100 "добрых" пищалей, 4 медныя "пушечки" (в 3–4 пуда), 500 железных ядер, 10 пудов пороху, 5 пудов "фитилю" и 10 пудов свинцу.

О выдаче Атласову всех этих воинских запасов в том же феврале послана из Сибирскаго приказа "память" в Пушкарский приказ, к "генерал-фелцех-мейстеру царевичу Александру Арчиловичу" (Имеретинскому).

Тогда же сделаны необходимыя сношения с Енисейским и Илимским воеводами. 25 февраля послана грамота Енисейскому воеводе стольнику Богдану Даниловичу Глебову и подъячему Алексею Пустобородову о выдаче хлеба "новоприборным казакам" Атласова, когда они прибудут в Енисейск — на дорогу до Илимска, и о выборе Атласову из Енисейских казачьих детей 50 человек или сколько нужно будет добрать ему "в дополнок" до 100 чел., о выдаче им денежнаго жалованья за "поручными записями" и проч. Такая же грамота о выдаче хлеба Атласовским казакам, от 26 февраля, послана и Илимскому воеводе Федору Родионовичу Качанову, с замечанием что если в Енисейске не будет собрано Атласовым всех 100 чел. охотников, то ему разрешается дополнить недобор потребным числом людей в Илимске.

Дело оканчивается грамотою Якутскому воеводе Д. Траурнихту, от 24 февраля 1701 г., о пожалованных в Москве наградах Атласову и о снаряжении для 2-го Камчатскаго похода 100 чел. новоприборных казаков. Все это известно из предъидущих документов. Новое здесь только замечание о том, что с Атласовым было отпущено из Москвы "на подарки" Камчатским инородцам пуд бисеру лазореваго», да на тот же предмет велено ему в Соликамске купить 100 ножей, на что выдано ему из Сибирскаго приказа 6 рублей».

Собственно, все, что хотел Атласов — он получил.

Н.Н. Оглоблин: *«Выписываю целиком подлинную "скаску" Владимира Атласова, излагающую проект мер, какия он считал необходимыми для удачнаго осуществления втораго камчатскаго похода:*

"1701 г., февраля в 15 день, в Сибирском приказе Якутцкой пятидесятник казачей Володимер Отласов, которой ходил на Камчацкую землю для призыву в ясак вновь неясашных

людей (сказал:) будет великой государь укажет послать на р. Камчатку ево Володимера для призыву вновь под государеву высокодержавную руку неясашных иноземцов в ясашной платеж, и с ним — де надобно для того послать служилых людей 100 человек, и в то число взять казачьих детей и братью и племянников, которые б к тому делу были искусны, из полных домов, которые ныне не в приверстке в государеву службу: из Тобольска 50 человек, а другую (половину) 50 человек набрать в Енисейску и в Якуцку, из казачьих же детей и из промышленных людей — охотников и в неволю, **а выбирать бы ему Володимеру тех людей самому, чтоб они к тамошной службе были годны** (выделено мной. — *С.В.*). А тем сту человеком надобно по пищали человеку, гладкой или винтовальной, да им же 4 пушечки малые, весом пуда по 2 или по 3, да пороху мелкого винтовошного 10 пуд, да на пули свинцу тож число. Да им же — де бы давать великого государя денежное и хлебное жалованье против Якуцких казаков, а то-де великого государя жалованье окупитца с большою прибылью тем новоприискным ясачным сбором, которой станет сбиратца с той новоприискной землицы. Да тем новоприискным иноземцом надобно на подарки пуд бисеру лазоревого, да 100 ножей усольских, с медными припаи, остроконечных.

А тех людей, которые на Камчатку реку посланы будут, за их ослушание, и которые зернью учнут играть и всяким воровством воровать — прикащикам, которые с ними посланы будут начальниками, смирять бы самим и наказания им чинить, смотря по их винам—бить батоги и кнутом, не отписываясь в Якуцкой, потому что — де та Камчатка река от Якуцкого в дальном разстоянии.

А ево бы Володимера отпустить с Москвы на заводных подводах, чтоб ему поспеть зимним путем до Тобольска, а летом бы поспеть до Якуцкого"».

* * *

А вот теперь будем особенно внимательны, потому что все, о чем мы писали выше, было только фоном, на котором происходили события, напрямую не связанные с будущим убийством казачьего головы (а не атамана, как очень часто пишут) Владимира Владимировича Атласова.

Борис Петрович Полевой с первых же строк о последующих в Сибири событиях берет на себя защиту Владимира Владимировича: *«Казалось, счастье улыбнулось В.В. Атласову: он стал казачьим атаманом, был назначен руководителем новой весьма важной экспедиции на Камчатку. В главных сибирских городах — Тюмене, Тобольске и Енисейске ему в помощь были выделены особые команды казаков. Сам Атласов должен был следить, "чтобы ему были бы дав молодые казаки, чтобы были бы не пьяницы, не воры и не зернщики", т. е. не любители азартных игр.* ***Но именно из-за этих сибирских казаков и начались у Атласова его первые неприятности*** (выделено мной. — *С.В.*). *На Камчатку их посылали по принуждению, по приказу, а они не хотели туда ехать. И Атласов решил: зачем ему брать с собой явно ненадежных людей. В Сибири давно уже существовал порядок добровольного обмена службами по договоренности. Как справедливо отмечал Крашенинников, Владимир Атласов был человеком "лакомым", т. е. человеком, способным брать взятки. И за такой обмен он брал мзду немалую.* ***На место опытных казаков он чаще всего брал весьма сомнительных гулящих людей, способных на любое преступление*** (выделено мной. — *С.В.*)**.** *В конце концов все это и привело к целой цепи событий, из-за которых Атласов попал на Камчатку лишь… шесть лет спустя!»*

И чего тогда, спрашивается, спешили? Поспешишь, как известно, — людей насмешишь…

Но давайте сначала рассмотрим версию Бориса Петровича о событиях, которые привели к этой вынужденной задержке второго камчатского похода В.В. Атласова на долгих шесть лет.

*«…****Несколько неожиданно выяснилось, что в произошедшем во многом были виноваты сами российские власти — как центральные, так и местные — енисейские*** (выделено здесь и далее мной. — *С.В.*).

В самом деле, глава Сибирского приказа А.А. Виниус, руководствуясь самыми добрыми намерениями, неосторожно предоставил возможность В.В. Атласову, в награду за его камчатские успехи, бесплатно получить в Сибири различных товаров на СТО рублей — сумму по тем временам весьма большую — во много раз превышающую годовое жалованье самого казачьего атамана. До своего прибытия на Ангару Атласов этой возможностью не смог воспользоваться, но он хорошо знал, что на

Лене все товары ему обойдутся гораздо дороже. Поэтому ему и захотелось приобрести необходимые товары на Ангаре.

В Енисейске отряд Атласова был задержан на два месяца: не оказалось ни необходимого продовольствия, ни дощаников для дальнейшего плавания. В конце концов в Енисейске Атласову были выданы суда — "самые худые и утлые", а также пушки — тоже "самые плохие". В результате на его дощаниках замок порох, пострадало продовольствие, погнила одежда и попортились прочие вещи. Как отмечал сам Атласов, "пить и есть стало нечего". ***И именно к этому времени личный состав отряда Атласова весьма существенно изменился.***

*Еще в середине XVII в. в Сибири существовал обычай — в чрезвычайных обстоятельствах силой отбирать у купцов все необходимое для успешного выполнения "государевой воли". Так не раз поступал и Михаил Стадухин, и Ярофей Хабаров. Так-де решил действовать и Владимир Атласов……Своим спутникам он открыто говорил: "****Если тех товаров не возьмете и вам де государеву службу служить будет не на чем****".*

Атласову явно вскружил голову прекрасный прием, оказанный ему в Москве в Сибирском приказе и особенно его назначение казачьим головой. Он вообразил, что ему, "начальному человеку", с рук сойдет любой его проступок. Он хорошо знал, как в прошлом злоупотребляли властью многие ленские начальники, допуская порой дикий произвол, поэтому искренне считал, что в возникших чрезвычайных обстоятельствах он вправе самовольно произвести конфискацию личного имущества купца во имя высших государственных интересов. Если в прошлом Михаил Стадухин и Ярофей Хабаров неоднократно безнаказано конфисковывали имущество торговых людей ради успеха их походов, то разве он, Атласов, не имел права поступать также ради успеха своего похода в "новую землицу" — на Камчатку. В этом вопросе у Атласова не было никаких сомнений. И он действительно приказал своим "полчанам" захватить все китайские товары, которые оказались на Ангаре, на дощаниках московского купца Логина Добрынина.

Мигом все было "подуванено", а охрана добрынинского добра мгновенно разбежалась. Сам приказчик добрынинского судна Михаил Белозеров впоследствии признавался, что он и его помощники с "судна ушли в лес для того, что его де Михайло хотели… посадить в воду…"!

Атласов распорядился всю добычу поделить поровну: одну “половину” он отдал казакам, вторую — забрал будто бы на “государевы нужды” — себе лично».

То есть слово «поровну» нужно было писать в кавычках.

* * *

Личный состав атласовской сотни отбирал сам казачий голова. И нам еще предстоит убедиться в том, что царский наказ о верстании в камчатскую команду неверстанных детей, братьев и племянников казачьих из добрых (то есть крепких, старожильческих) семейств был, по крайней мере, в Тобольске исполнен.

Как показывают дальнейшие события, о которых пишет и сам Борис Петрович, не все казаки из атласовской сотни были солидарны с казачьим головой: *«Между тем, некоторые из спутников В.В. Атласова, опасаясь наказания за участие в погроме, послали в Якутск челобитные, в которых подробно описали инцидент, произошедший на Ангаре и заявили, что де они и сами уже осудили разбойную акцию Атласова.* ***Среди писавших эти покаянные письма были тобольские, томские и енисейские казаки, а именно: Афанасий Поповцев, Сергей Ружников, Ларион Бельский, Константин Соловьев, Дмитрий Журавлев, Василий Шишкин, Савва Ярофеев и другие. Атласов был в гневе на “предателей” и грозил расправой…»*** (выделено мной. — *С.В.*).

* * *

Составим разборный список имен этих казаков.

Ларион Бельский

По всей видимости, происходит из гулящих (бесфамильных) людей, верстанных на службу в Бельском остроге на Ангаре, который был подчинен Енисейску.

Дмитрий Журавлев

В составе отряда Владимира Атласова было двое Журавлевых — Дмитрий и Павел (убит в 1708 году на Камчатке в отряде П. Чирикова). Хотя, возможно, это один и тот же человек, записанный с разными именами. Кстати, во время пытки в Якутске Павел Журавлев свидетельствовал против Поповцева: «…*“грабили”* Белозерова *“по повеленью Володимера Отласова: поневолил-де* их всех казачьих детей грабить он Володимер, *по наученью* Афоньки *Поповцова* (и) Сергушки Михайлова, и буде бы-де они не послушали — и Володимер-де хотел их рубить сабляю*”*».

По всей видимости, Журавлевы были тобольскими детьми казачьими — в 1696 году в списках пеших казаков Тобольска значатся десятник Обрамко и рядовой казак Ганька Журавлевы. А если вспомнить, что эта фамилия писалась еще и как Жаравлев, то список тобольских казаков значительно расширится.

Афанасий Поповцев

Тобольчанин. По материалам 1696 года он числится в тобольских стрельцах и был там десятником. Впоследствии служил на Камчатке: «Одновременно против русских выступили и другие ительменские роды. На Аваче они убили ясачных сборщиков Афанасия Поповцова “с товарищи”, на Бобровом море — 5 ясачных сборщиков во главе с Иваном Поливановым». Иван Поливанов тоже был из тобольских казачьих детей, набранных Атласовым.

Сергей Ружников

К слову «ружье» эта фамилия никакого отношения не имеет. Она происходит от слова «ружник» — священно- и церковнослужители. На реке Абалак в верх по Иртышу в 1623 году были деревни ружников. Из такой деревни, по всей видимости, и был верстан на службу кто-то из будущих Ружниковых. В переписной книге Тобольска и Тобольского уезда за 1689 год в числе «оброчных неводчиков» записан Олешка Иванов сын Ружников. В 1707 году Сергей Ружников будет убит на Камчатке в Большерецком остроге.

Константин Соловьев

Епишка Соловьев служил в Енисейске в 1632 г. с окладом 5 рублей. В 1669 году здесь же служит казак Митка Епифанов сын Соловьев. В 1706 году в Якутск прибыл на пополнение Якутского казачьего полка еще один енисейский казак Соловьев — Григорий Федоров сын. И вот что любопытно — в 1710 году на реке Большой был убит казак Конон Соловьев, полное имя которого Конон Федоров сын Соловьев (числившийся в 1706 году в одиннадцатой пятидесятне), родной брат Григория Федоровича и, вполне вероятно, он же и есть Константин Соловьев.

Василий Шишкин

Начнем с того, что в 1696 году в Тобольске в детях боярских служили Алексей и Семен Ивановы дети Шишкины. И сыну подья-

чего приказной избы Ивану Федорову Шишкину «в 204 г. велено ему быть в детех боярских». То есть выбор для Атласова был большой — все Шишкины были «семейственны» и «домовиты», а их дети пригодны к казачьей службе.

Савва Ярофеев

Тобольские казаки Ярофеевы в 1696 году: Сенко, Ивашко и пятидесятник Васка, а также стрелец Ондрюшко. Что любопытно — Сенка (Семен) Ярофеев тоже в 1706 году числится в казаках двенадцатой пятидесятни Якутского полка.

Подведем очень важные для нашего расследования итоги: в числе тех казачьих детей, кто был против грабежа на реке Ангаре и кого называет Б.П. Полевой, **в основном были выходцы из Тобольска**.

* * *

Но немало тех же уроженцев Тобольска было и в числе близких к Атласову людей, которые пошли вслед за ним в тюрьму.

А ведь Атласов лично отобрал в Тобольске для службы на Камчатке 50 «лучших» казачьих детей.

Есаулами в этой пятидесятне при казачьем голове А. Атласове был уже известный нам **Афанасий Поповцев**, бывший до этого в Тобольске стрелецким десятником (позже он будет отправлен служить в Анадырский острог), и **Василий Шипицын** (который будет на Камчатке состоять в отряде Осипа Липина, когда верхнекамчатские казаки взбунтовались и убили Осипа Мироновича).

Василий Шипицын

Шипицына не первый раз отправляются из Тобольск на восточные рубежи России: В 1639 году в отряд первого якутского воеводы Петра Головина были включены тобольские стрельцы Васка Петров Шипицын и Ивашко Юрьев Шипицын. «Ивашко Карпов сын Саранчин в его место казачей брат Ондрюшка Шипицын в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву службу в новую в Даурскую землю».

Был и третий среди ближних к Атласову людей из новоприборных казаков — **Григорий Быков**, которому также «велено учинить наказание бить их кнутом нещадно чтоб впредь им …на

то смотря неповадно было таких грабежей чинить. И чиня им то наказание …послать ево Володимера с вышеписанными новоприборными казаками з Григорием Быковым товарищи в Камчадалскую землицу для приводу вновь в его великого государя ясак иноземцов».

Среди служилых людей Тобольска в 1696 году мы находим казака второго пешего полка Никиту Федорова сына Быкова, стрельца Илюшку Быкова, стрельца Мишку Данилова сына Быкова. То есть здесь реально существовал тобольский клан служивых Быковых.

В списке тюремных «сидельцев» называются следующие имена: «Владимиру Отласову и новоприборным казакам Григорию Быкову, Тимофею Маркову, Дмитрию Шмонину, Козме Хушину (?), Тимофею Горбунову, Тимофею Воробью за грабеж живота гостя Логина Добрынина…»

Тимофей Горбунов

Фамилия Горбуновых была весьма известна в Тобольске и вообще в Сибири: *«Из атаманов особенно известен Семен Горбунов. Его брат, сургутский атаман Кузьма Васильев Горбунов, переведенный из Тары, в своей челобитной сообщал, что их отец, Василий, пришел в Сибирь с Ермаком. Описание заслуг своих предков в походе Ермака и последующее время в челобитных неоднократно служило решающим аргументом для повышения жалованья и получения должности атамана. Семен Горбунов, так же, как и брат, служил первоначально в конных казаках, затем стал атаманом, а с 164 (1655/56) года встречаем его в списке детей боярских. Должность атамана служила переходной ступенью от “служилых по прибору” к “служилым по отечеству”. Начав службу в конных казаках и получив должность атамана, затем, за особые заслуги, служилый человек мог получить чин сына боярского».*

«В 1626 году Тугарин Федоров просил отставить его от службы, ссылаясь на многочисленные раны и старость, и поверстать в казаки (но не на свое атаманское место) сына Петра. Умер Тугарин в 1639 году, что известно из челобитной другого сургутского атамана — Кузьмы Горбунова. В Сургут Горбунов был переведен в 1634 году из Тары, где до этого 18 лет прослужил в кон-

ных казаках. Осенью 1640-го Кузьма находился в Москве, где подал челобитную, добиваясь высокого денежного и хлебного оклада умершего Федорова. Челобитные, как и люди, бывают разные. О челобитной Кузьмы Горбунова создается впечатление, что писалась она под влиянием винных паров: текст очень мелкий, местами неразборчивый, логика изложения, особенно в конце документа, нарушена. Горбунов зачем-то пытался очернить Федорова, заявив, что тот "лежал в разслабленье" 25 лет, в то время как он, Кузьма, нес за Тугарина всякие службы. Между тем интересна она своим началом: Кузьма утверждал, что его отец Василий служил вместе с Ермаком. Если Горбунов по понятным причинам не прихвастнул, то перед нами еще один, ранее не известный, участник сокрушения "царства" Кучума. Тара — город порубежный, и в многочисленных стычках с калмыками, участником которых был Кузьма, сомневаться не приходится».

В 1696 году мы также находим казаков Горбуновых в Тобольске. В 1710 году в переписной книге есть такая запись: «Во дворе тобольской житель Василей Федоров сын Горбунов сказал себе от роду 50 лет у него жена Оксинья 45 лет у него сын пешей казак а записной салдат Иван 22 лет да сын же Нефед 16 лет Петр 9 лет Иван 7 лет дочери Агафья 19 лет Марья 8 лет».

Тимофей Марков

Фамилия тоже очень распространенная. Но в Тобольске в 1661 году служил сын боярский Дмитрий Марков, так что возможная связь также прослеживается.

Этот новоприборный казак за грабеж был бит кнутом, зачислен в десятую петидесятню и послан с Атласовым на Камчатку, где он в 1712 году также присоединился к «воровскому атаману» Кыргызову. Последние сведения о нем мы находим у А. Зуева: «*В 1715 г. "осенним временем" ясачные иноземцы рек Колы, Воровской, Большой и Верхнекамчатского острога хотели "побить на Воровской реке ясашных зборщиков Тимофея Маркова с товарыщи"*».

В феврале 1725 г. ясачный сборщик Артемий Попов донес с р. Авачи, что изменили ясачные иноземцы на р. Бобровой, Островной и Жупановой и побили служилых Тимофея Маркова, Ивана Парилова и Федора Пакулева. После этого они напали на иноземцев р. Налачевой и увели у них жен и детей, а бывших там ясачных

сборщиков Ивана Ирчита с товарищами держат в осаде. Одновременно изменили «шипунские» иноземцы, которые в "Шипунцах" убили Григория Переломова».

Тимофей Воробей (Воробьев)

Фамилия тоже нередкая. Многочисленные тобольские Воробьевы вышли из так называемого «литовского списка» казаков — куда первоначально записывали только иноземцев, обученных военному строю. Это были, по сути, гвардейские казачьи подразделения, куда впоследствии зачисляли и действительно лучших казаков-сибиряков.

Битый кнутом за участие в ангарском грабеже Тимофей Воробьев был послан на Камчатку вместе с В. Атласовым, но в 1712 году был в Якутске, когда потребовалось срочно сообщить приказчику Василию Колесову о том, что на Камчатке произошли события чрезвычайные — убиты камчатские приказчики и необходимо во всем тщательно разобраться и наказать виновных: «...их воров велели казнить смертию, чтоб в такой дальней стране впредь иные также воровать не помышляли и к такому злу не приставали и прикащиков побивать до смерти не дерзали; а достальным всем, которые в том злом совете и умысле были, велели учинить жестокое наказанье, бить кнутьем, и сказать им твой, великого государя, указ с подкреплением, что им за такое их злое дело учинена легкая казнь, чтоб они вины свои тебе, великому государю заслужили и впредь бы так не делали. И о том к камчадальскому прикащику к дворянину Василью Колесову послана в путь в нагонь, наскоро, указная память с нарочными посылщики, с якуцкими казаками с **Тимофеем Воробьевым,** с Григорьем Кожевиным...»

По материалам уголовного дела о разграблении тобольскими и енисейскими новоприборными казаками из отряда В. Атласова купеческих дощаников на Ангаре становятся известными некоторые другие тобольские фамилии:

Павел Журавлев

Павел Журавлев за участие в грабеже на Ангаре был приговорен (а с ним еще девять человек) к тюремному заключению. После освобождения он был отправлен на Камчатку в составе отряда сына боярского Петра Чирикова и был убит на Камчатке в 1708

году. В отряде Петра Чирикова на Камчатку шел вместе с ним и **Юрий Воробьев**, возможно, родственник Тимофея. Он тоже, как и Павел, был убит на севере Камчатки в 1708 году.

Сергушка Михайлов

Фамилия очень распространенная, своих Михайловых предостаточно было и в самом Якутске. Но грабеж случился на Ангаре, и до Якутска было еще далеко. Для Тобольска эта фамилия тоже нередкая — в 1661 году тобольский служилый Максимко Михайлов «годовал» уже на Лене. Один из Михайловых — Алексей — был в команде организатора убийства Атласова Даниила Анциферова и был впоследствии сожжен вместе с ним авачинскими камчадалами.

* * *

И снова Борис Петрович ищет оправдание нашему герою: *«Придя в Илимский острог, Атласов использовал часть захваченного для закупки продовольствия. И это спасло участников похода от голода, так как илимский воевода оказался не в состоянии обеспечить их ни продовольствием, ни новыми судами. Во время трехнедельного пребывания в Илимске атласовцы жили сытно: “Хлеба купили на полполтины пуд, а рыбы по двадцать алтын пуд”».*

И даже в этом случае снова были виноваты власти: *«Когда же Атласов осознал, что ему действительно придется понести ответственность за налет на дощаники купца Добрынина, его охватила тревога, и с середины декабря 1701 г. он стал со своими “полчанами” часто предаваться пьянству, тем более что к этому времени отношение на Лене к пьянству серьезно изменилось.*

Вспомним: еще в середине XVII в. спиртное можно было получить только по особому челобитью за большие деньги, да и то лишь небольшими чарками, а в конце XVII в. былые ограничения были отменены. Петр Великий остро нуждался в деньгах, а потому и ввел свободную широкую продажу “вина горячего” — были бы у покупателя деньги. Именно поэтому в самом конце XVII в. на богатой Лене началось повальное губительное пьянство.

10 декабря 1701 г. атласовцы, поселившиеся на постоялых дворах Киренска, стали регулярно предаваться хмельным утехам. При этом лихие “полчане” Атласова часто не платили денег за обеды, за стирку их белья, не раз обворовывали хозяев и постоянно крушили мебель — лавки, столы и стулья своими тесаками. В конце концов владельцы постоялых дворов вынуждены были послать якутскому воеводе Д.А. Траурнихту изветы-жалобы на своих обидчиков. Это не могло не осложнить еще более обстановку в Киренске.

15 декабря 1701 г. атласовские “полчане” даже напали на целовальника местной таможенной и судной избы. Сам Атласов, находясь в сильном подпитии, вступил в перебранку с целовальниками, и дело дошло до рукоприкладства. Целовальники вынуждены были укрыться в Киренском монастыре и оттуда послали в Якутск новые жалобы на бесчинства атласовцев. ***Целовальник Никифор Мошинцев*** (тот самый, который был хорошо знаком с отцом казачьего головы. — *С.В.*) *утверждал, что “полчане” Атласова будто бы “порубили” ему “левую грудь”, а его голова была “бердышем разбита”. На побои пожаловался и целовальник Ларион Хвостов.*

Но наиболее жаркая схватка произошла 25 декабря 1701 г. на Рождество.

Первоначально Рождество отмечалось вполне благообразно. Но поздно вечером, когда “полчане” Атласова охмелели, они вновь попытались ворваться на склад с “вином горячим”. Произошла стычка. Атласовцы стали “ломать сени”. Тогда из дверей выскочили ***Андрей Амосов*** (под началом которого когда-то служил молодой подьячий Володька Отласов. — *С.В.*) *и Денис Федоров, которые схватили одного из “полчан” и решили его посадить “в железо”. Весть об этом дошла до остальных атласовцев, и они бросились освобождать своего товарища. Завязалась новая потасовка. В конце концов Амосов бежал в Киренский монастырь. Там же укрылся и другой служащий склада Никифор Мошинцев. 30 декабря они написали новую жалобу на Атласова.*

Мошинцев утверждал, что атласовцы разбили его амбар и пограбили одежду, ***а сам Атласов будто бы “похвалялся убить до смерти и многие домы разорить”*** (выделено здесь и далее мной. — *С.В.*).

Один из потомков Ярофея Хабарова — ***Василий Петриловский*** (тот самый, который пытался судиться с молодым Атласовым, разоблачавшим его винокурение. — *С.В.*) ***тогда же послал в Якутск еще одну жалобу на Атласова, в которой***

утверждал, что этот казачий голова "бранился матерно" и зло ему "кричал", что "де жена твоя будет подо мною лежать". Петриловский также утверждал, что получил "рану ножевую" и что у него сломаны амбары: "пиво и брага и квас из бочек вынуты".

Тогда же 30 декабря 1701 г. из Киренска отправили жалобу на Атласова сын боярский ***Козьма Мочехин*** *и его "товарыщи" —* ***казаки Афанасий Петров, Стефан Бобров, Евгений Аргунов, Лука Литвинец, Елфей Бреха*** *и другие.*

Владимир Атласов, осознав ясно, что поведение в Киренске еще более осложнило его положение, решил срочно мириться с местными служилыми людьми. И он постарался ублажить пострадавших крупными подарками, а заодно... связать их с добрынинским делом. Об этом свидетельствует никогда еще не публиковавшийся ранее весьма своеобразный документ: "Роспись Володимера Отласова, что куда издержано жихо граблен-ных животы, которые взяты на Тунгуске реке Логина Добрынина приказчика ево Степана Белозерова с товарищи: киренскому священику Михаилу Данилину четыре тюни китайки, ***сыну боярскому Амосову за икону 10 подставов и 5 тюней камок****,* ***атаману Петриловскому 5 подставов****, сыну боярскому Козьме Мочехину — 4 подстава, 2 тюни камки, 7 тюней китайки, торговому человеку Тарасу Кондратьеву — 10 подставов".*

И это не единственный документ такого рода. Таким способом Атласов смог некоторых своих противников превратить в своих сторонников и тем самым оттянуть на некоторое время свой арест».

* * *

Кстати, так оно и случилось... «*...Траурнихт решил срочно навести порядок и в Киренске. Отобрав трех "добрых и надежных" служилых, он приказал им срочно ехать вверх по Лене "днем и ночью, не мешкая нигде ни часу и приехав к Чючюйскому приказному Козьме Мочехину, взять с собой людей добрых, не воров и не бражников" и прибыв в Киренск, с* ***сыном боярским Иваном Понютиным*** (присланным в Якутск из Тобольска. — *С.В.*) *идти "на постоялые дворы к Володимеру Отласову и дворам разбойным, которые розбивали и грабили... гостя Логина Добрынина прикащика Семена Белозерова с товарищи и осмотреть у них камок и китаек и всяких грабленных животов, золота, денег и серебра и каменья и всяких китайских товаров...".*

Траурнихт приказал: "...Володимера Отласова и воров, которых грабленные животы обыщутся, держать в великой крепи и за крепкими караулами, чтоб привести их з грабленным животом в Якуцкой, а которые от тех воров отстали и грабленные животы объявят добровольно, и тех людей и грабленные животы потому ж написать на росписи заручную и из той переписать все для подлинного свидетельства быть без отходно гостя Логина Добрынина прикащика ево Семену Корнилову с товарищи и к переписи росписи велеть их руку приложить без всякой отговорности, а которые скажут, что грабленные животы продавали, потому грабленное взяв, прислать в Якуцк, а которые купцы учнут запираться и их прислать к подлинному розыску в Якуцкий за караулы, а тех людей Афоньку Поповцева с товарищи, которые извещат на Володимера Отласова и на пущих воров свою братью, дать на поруки, а будет на них сторонних порук не будет и их дать на круговые поруки".

В апреле посланные Траурнихтом люди пришли к В. Атласову в надежде его арестовать. И тут произошло неожиданное... Козьма Мочехин, встретив Атласова, "вычитал ему" новый наказ Траурнихта и распоряжение, полученное из Москвы от А.А. Виниуса. В документе читаем: "И он, Володимер Отласов, выслушав указ великого государя, пошел к анбару на гостинный двор и анбар не отпер, прошел на постоялый двор и запер с казаками своими новоприборными и на постоялый двор к себе не пустил".

<...> *Это было прямое неповиновение власти.* ***Тем самым Атласов продемонстрировал, что он взял на себя охрану оставшихся вещей, забранных с дощаника Добрынина, во-первых, потому, что по разрешению Сибирского приказа он имел право из них получить часть на сто рублей, и, во-вторых, он рассчитывал от продажи этих вещей получить необходимые средства для того, чтобы отправиться по заданию правительства вновь на Камчатку*** (то есть, снова Борис Петрович пробует "отмазать" Атласова. — *С.В.*). *Тогда же Атласов смог в Киренске собрать различные "поручные записи", которые и отправил в Якутск со своим племянником Василием.*

Якутский воевода своим людям приказал: "...в судной избе ево, Володимера Отласова, крепить, а к нему, Володимеру, и с полковыми казаками на подворье итти, грабленные животы

переписать". Однако посланцы воеводы жаловались: "Козьма Мачехин Володимера Отласова крепит ево нам, холопям твоим, не дал, взял ево, Володимера, он, Козьма, себе на поруки и из судной избы ево он, Козьма, отпустил".

Позднее Мачехина также обвиняли в том, что "грабленных животов у него, Володимера, и у казаков не переписывал" и уехал с ним в Чечюйский острог 21 апреля 1702 г. и дал возможность Атласову повести с собой 14 подвод!»

* * *

«Первые аресты "полчан" Атласова начались в Якутске, в самом начале марта 1702 г. По приказу воеводы были посажены в тюрьму прибывшие в Якутск от Атласова ***Павел Иванов из Усолья и томич Иван Мирсанов****. Сразу же они были "пытаны накрепко". От них потребовали, чтобы они сообщили: "...было ли золото и серебро, китайское каменье и жемчуг на дощанике Добрынина". Они отвечали, что это им не известно. Но власти решили, что Иванов и Мирсанов скрыли от них правду. Поэтому 11 марта Павлу Иванову дали 11 ударов батогами. Однако это не помогло. Удовлетворительного ответа Траурнихт так и не получил».*

Мирсанов Иван

В 1707 году в списках томских казаков мы встречаем двух Мирсановых (вероятно, братьев Ивана) — Нестора и Василия Мироновичей Мирсановых. В 1693 году в списках нерчинских казаков мы находим имя Митки (Дмитрия Мирсанова) — он записан в отдельной группе «Пешие ж казаки, которые били челом Великих Государей, чтоб их служить по Албазинску из полковых стрелцов», а затем (1694 г.) он в списке «Пешые ж, которые били челом Великим Государем чтоб их служит по Нерчинску», впоследствии десятник, приказчик Городищенской слободы. По переписи Нерчинска за 1744 г. Дмитрий Мирсанов умер в деревне Мирсановой. А на службу определен Тимофей Мирсанов.

* * *

«23 мая 1702 г. Атласов добровольно прибыл в Якутск. И тут к нему применили силу при аресте. По приказу воеводы его подвергли в якутской приказной избе пыткам. В документе сказано: "И Володимер Отласов распрашиван с великим пристрастием: и в ремень ставлен и подымай и на виске был на долгое время, а в распросе сказал: грабить Белозерова он не велел, а

грабили ево казаки своим самовольством". Атласов утверждал, что "им казачьим детям животов имать не веливал и не посыливал и память им не давал". ***Но его "полчане" Василий Шипицын, Петр Кудрин, Павел Журавлев, Иван Томский утверждали, что набег на дощаник Добрынина был совершен по повелению Атласова.*** *И якутские власти в соответствии с указанием руководителя Сибирского приказа Андрея Виниуса* (который был уже в курсе событий на Ангаре и приказал провести следствие «с пристрастием». — *С.В.*) *взяли Атласова "под караул", а "десять пущих заводчиков" —* ***Шипицына, Кудрю, Кормилицына*** *и других — отправили в тюрьму.*

25 мая Траурнихт приказал провести обыск в якутском доме Атласова. Там были найдены многие вещи, захваченные на дощанике Добрынина. Тогда же в руки сыщиков попало любопытное письмо сына Атласова Ивана, которое он отправил из Олекминского острога в Киренск своему отцу. Оно начиналось так: "Государю моему батьку Володимеру Володимеровичу. Сынишко твой Ивашко. Благословения к себе прошу и пав предо твои стопы до лица земли и з женишкою своею премного челом бью". А далее он сообщал, что отправленная к нему с Афанасием Евсеевым "сума переметная" дошла до него, Ивана, по сравнению с росписью не полностью: "...одного атласа нет — черного" и добавлял: "...и ту посылку я послал к матюшке (т. е. матери) в горот с тем же с Офонькою Евсеевым". А сверху была надпись: "Отдать сю грамоту на усть Киренге государю моему батюшке Володимеру Володимеровичу". И дата: "22 марта 1702 года".

...После обнаружения этого письма якутские власти решили на якутском дворе Атласова произвести новый, еще более тщательный обыск. Воевода распорядился: "...ис приказной избы послать в другой ряд (т. е. вторично. — Б.П.) для обыска на двор Володьки Отласова грабленных животов гостя Логина Добрынина, приказчиков ево Мишку Белозерова, Алексея Дехтярева ***сына боярского Родиона Кашинца, подьячего Василия Басилова, пятидесятника казачьего Василия Колесова*** (обратим на это особое внимание — именно Василий Михайлович Колесов впоследствии будет проводить розыск по убийству камчатских приказчиков. — *С.В.*), ***служилых людей Гришку Югова, Якуньку Сабанина, Андрюшку Семенова, Фильку Мокрошубова и Ваську Турбина****". В результате повторного обыска в атласовском амбаре "под сеном" обнаружили "заве-*

су камчатцкого красного, шито золотом и разными шелками, три постава байберека репечатого, байберек гладкий, портище камки белое". Да в "анбаре против избы" были найдены: "...шапка польская соболья, варежки бархотные, да нити жемчуга китайского, две стопы серебряные, да лоскуты хлаврена китайского", в сенях: "...чагун китайский оловяный", в горнице: "...серебро, китайские чашки"».

* * *

И вот окончательный вывод, который делает ученый: *«Итак, благодаря новым архивным находкам значительно расширились наши представления о пятилетней трагедии Владимира Атласова (1702–1706 гг). Очевидно, что он переоценил свои возможности и вообразил, что многое ему сойдет с рук за его большие заслуги в истории присоединения богатейшей Камчатки к России. Он не учел, что во времена правления Петра Великого произошли существенные изменения в отношении властей к правам купцов. Поэтому-то он и был привлечен к ответственности за их грубое нарушение и оказался в очень сложном положении — навлек на себя немалые беды.* ***Конечно, в этом во многом было повинно само русское правительство, которое еще в конце XVII в., ради своих доходов, отменило ранее существовавшие разумные ограничения на продажу "горячего вина"»*** (выделено мной. — *С.В.*)».

* * *

Разборный список имен:

Дмитрий Кормилицын

Информации нет. Возможно из гулящих, набранных в Енисейске.

Петр Кудрин

Енисейский казак (вполне возможно, что выходец из томских казаков Кудриных). Проходит в записях как Кудря, а в казачьем списке за 1706 год записан в тринадцатой пятидесятне как Кудриных Петр Алексеев.

Иван Томский

Фамилия говорит сама за себя — из уроженцев Томска, многие из которых служили в Енисейске. Иван Корнилов сын Томский в 1706 году проходил по спискам одиннадцатой пятидесятни Якутского полка. И связан с весьма важной для нас информацией: «Алексей Поротов в допросе сказал: в прошлом 704 году, послал его Алексея с Иваном Томским из Анандырского острогу прикащик Евфим Петров в Камчадальские остроги с присланными из Якутцка указными памятьми к прикащику Василью Колесову. И он де Алексей с товарищем шли с Анандыря до Пенжины и с Пенжины до Камчатки горою на оленях и на собакак 4 месяца, и отдал те указные памяти Василью Колесову в целости. И идучи де они на Камчатку, не дошед до Камчатки, против Караги, от Брусеной, видели значится остров, и сказывал де ему Иван Голыгин, что он на том острову в байдарах был, и иноземцы де на том острову есть, и много ль иноземцов, того де он Иван ему Алексею не сказал. А грести де в байдарах до того острова от устья Караги реки с утра до вечера. А с Камчатки де он Алексей вышел в Анандырской с камчатскою казною с Василъем Колесовым с товарищи».

В 1730 году в составе экипажа бота «Восточный Гавриил» также значится служивый Иван Томский.

* * *

«В то же время воевода Траурнихт стал тревожиться, что правительство Петра I может его наказать за задержку посылки новой экспедиции на Камчатку в связи с начавшимся следствием. Поэтому он решил прежде всего выяснить, кого-же из "полчан" Атласова можно будет отправить на Камчатку уже в ближайшем будущем. Было объявлено: "А которые от тех воров отстали и грабленные животы объявят добровольно и тех людей и грабленные животы потому ж написать в роспись...".

Действительно, были составлены такие росписи, и часть участников нового камчатского похода Атласова смогли быть отправлены отдельными группами на Анадырь в 1702–1704 гг.»

* * *

Но задолго до открытия Б.П. Полевым новых архивных материалов существовали «старые», с которыми работал Н.Н. Оглоблин, пытаясь выяснить истинное положение дел, а не обелять замаранное в истории имя Владимира Владимировича Атласова, просто изложив суть документов, хранившихся в архиве, из «Дела об ограблении Владимиром Атласовым торговаго человека Михаила Белозерова 1701–1702 гг.» (очерк «К биографии Владимира Атласова»).

«Дело начинается "отпискою" Енисейскаго воеводы стольника Богдана Глебова и дьяка Алексея Пустобородова, в сентябре

1701 г., кои писали, что 1 сентября явился в приказную избу гостя Логина Добрынина прикащик Михайло Федоров сын Белозеров и "извещал словесно": "плыл" он из Иркутска "с китайскими товарами" в Енисейск, и 29-го августа "недоплыв дощаником своим по Тунгуске реке Енисейского уезду до Рыбенского острогу за 3 версты, набежали де на ево Михайлов дощаник на трех дощаниках, (под) парусами, Якуцкой казачей голова Володимер Отласов с новоприборными казаки с ***Афонькою Поповцевым*** *с товарищи, и его Михайла пограбили, а грабежем взяли он Володимер с товарищи у него Михайла все ево Михайловы китайские товары и дощаник ево Михайлов взяли ж, а ему-де Михайлу для сплавки дали они дощаник же, которой им дан в Енисейску. Да они ж-де Володимер с товарищи похваляютца грабить и иных торговых людей, которые им попадутца (на) встречю". "Грабеж" этот "видели многие сторонние люди, которые с ним Михайлом на том дощанике плыли".*

2 сентября воеводы допросили бывших на дощанике Белозерова — Енисейскаго казака Прокофья Ловцова, устюжанина торговаго человека Василия Кабакова и 10 "гулящих людей" Ивана Кашина с товарищи. Все они подтвердили показание М. Белозерова, причем добавили, что пограбленные товары и "животы" Белозерова "Володимер с товарищи по себе делили", а в это время Белозеров и его спутники "От них Володимера с товарищи с судна ушли в лес, для того что-де ево Михайла хотели они посадить в воду"…После грабежа Атласов с отрядом пошел вверх по р. Тунгуске.

О допросе Атласова с товарищи и розыске пограбленных товаров и животов Енисейские воеводы писали Якутскому и Илимскому воеводам, а на р. Тунгуску послали боярскаго сына Семена Юкечева с отрядом в 30 человек, "для береженья" государевой "Товарной казны", идущей с "купчиною" гостиной сотни Григорьем Боковым с товарищи и для охраны других "купецких людей", коих от Братскаго острога до Енисейска провожает отряд в 40 человек.

О ходе этого дела воеводы отпишут в Москву, куда отпущен 15 сентября Михайло Белозеров.

К отписке Енисейских воевод приложена "роспись китайским товаром гостя Л. Добрынина прикащика ево М. Белозерова", кои ограбил Вл. Атласов: "17 подставов отласов большой руки, 63 подстава камок репейчатыхь большой руки, 533 подстава

камок малой руки, 20 отласов, 3 байберека малой же руки, 12 отласов большой руки, в ширину по аршину по 3 вершка" и т. д. Цены этих материй не выставлены и общей оценки пограбленнаго не сделано.

Приговор Сибирскаго приказа от 18 декабря 1701 г.: послать грамоты Илимскому и Якутскому воеводам — "Велеть воеводам со всяким радением промысл о сыску тех грабленых товаров учинить и Отласова и протчих с ним лутчих товарищев порознь роспросить, и те животы (пограбленные) скоро сыщут — отдать с росписко истцам, а пущих заводчиков (т. е. самого Атласова и других) держать до указу в тюрьме" и проч.

Далее следует "допрос" в Сибирском приказе вернувшагося в Москву Михайла Белозерова. Он разсказывает некоторыя подробности о своей поездке в Китай, куда был послан Добрыниным в 207 году. Собственно о грабеже Атласовым Белозеров не прибавляет почти ничего новаго против отписки Енисейских воевод. Впрочем, следует отметить следующее: р. Тунгуска в том месте, где напал на Белозерова отряд Атласова — покрыта "частыми островами". Впереди дощаника Белозерова шли рекою 6 дощаников разных торговых людей, но Атласов вынужден был их пропустить, потому что во время их прохода он "суды свои поднимал на Стрелочной порог, а торговые люди в то время их вскорости проплыли"… На дощанике Белозерова было 23 человека, из них 20 "работных людей".

Далее следует ряд документов ("отписки" Тобольских и Енисейских воевод и проч.), имеющих отношение и к делу Белозерова, и к организации 2-го Камчатскаго похода Атласова. ***Любопытны "челобитныя" Енисейских казачьих детей, взятых Атласовым на Камчатскую службу, но затем отпущенных им (см. данныя им "отпускныя письма") после того, как они поставили на свои места "наемщиков"*** (выделено мной. — *С.В.*). *В своих челобитных эти казачьи дети выгораживают себя от сообщества с Атласовым в деле ограбления Белозерова.*

Извлекаю некоторыя сведения из "допросов" в Сибирском приказе торговых людей. 19 декабря 1701 года Андрей Касимов, прикащик московскаго торговаго человека Анисима Федотова, показал: вернувшись из Китая, отправился он из Иркутска "на особом дощанике, с хозяйскими товары", раньше Белозерова и, когда "плыл в Енисейском уезде, не доезжая Рыбенского острожку верст за две, пониже Частых островов, набежали на 3 доща-

никах, парусами, Якутцкой казачей голова Володимер Отласов, с новоприборными казаками с ***Афонькою Поповцевым*** *с товарищи и прошали у него Андрюшки дощаника". Но дощаника Касимов не дал им, а "дал он Андрюшка ему Володимеру денег 10 рублев да камок 4 постава средней руки", после чего Атласов "ево Андрюшку отпустил". Дощаники, на которых Атласов плыл из Енисейска, "были хороши и в ход годные"...*

7 генваря 1702 г. еренчанин Григорий Осколков, "товарищь" купчины Григорья Бокова, показал: шел он по р. Тунгуски "после" Михайла Белозерова, и когда плыл "под Оладьиною шиверою", встретил суда Вл. Атласова, среди которых "узнал" дощаник Белозерова. Однако его, Осколкова, Атласов не тронул и уже после он узнал об ограблении Белозерова от торговых людей, встреченных ниже на р. Тунгуске. В Енисейске Осколков слышал, что Атласов "хотел грабить" на р. Тунгуске дощаники с вином воевод Юрья Бибикова и Михаила Шишкина: за дощаником Шишкина Атласов гнался, "только постичь не мог", а Бибиков встретивши отряд Атласова "напоил их вином допьяна и подняв парусы, от них утайкою" ушел...

"Выписка" Сибирскаго приказа по делу Белозерова основана на разных документах об организации 2-го Камчатскаго похода, о грабеже и проч. Выписка между прочим приводит то место из "наказной памяти" Атласову где ему предписывалось, чтобы он "унимал от всякого воровства" своих новоприборных казаков...

Приговор: "1702 г., генваря в 23 день, по указу великого государя царя... думной дьяк А.А. Виниюс с товарищи, слушав сей выписки и Енисейских отписок, приказали: про Володимера Отласова о всем против Енисейских отписок розыскать в Якуцком воеводе Дорофею Траурнихту и дьяку Максиму Туманову теми людьми, которые с ним Володимером в дороге были, а розыскав, великого государя указ учинить по сложенью, и по Новоуказным статьям, и по наказу, и но статьям же, каковы им Дорофею и дьяку даны из Сибирского приказу, без всякой посяжки и поноровки, и чтоб иным таким же впредь неповадно было так делать, а что в Якуцком учинено будет — о том к великому государю к Москве из Якуцкого писать, и о том к ним Дорофею и Максиму послать великого государя грамоту".

"Грамота" Якутским воеводам об исполнении этого приговора послана 31 генваря 1702 г.

Сведения о розыске находим в двух "отписках" Якутских воевод в мае и октябре 1702 г. В первой отписке воеводы сообщают о приезде в Якутск Вл. Отласова с отрядом собранным им в попутных городах "новоприборных казаков", назначенных на Камчадальскую службу. Но отряд не был отпущен с Атласовым в Камчатку, так как 27 мая подал на него челобитную торговый человек Семен Бородулин, племянник гостя Логина Добрынина, обвиняя Атласова в ограблении прикащика дяди Михаила Белозерова. Воеводы "роспрашивали" Атласова и его казаков "в грабленных животах" Добрынина, "а в роспросе Володимер в иных грабленых животах запирался, и мы, холопи твои, велели ево Володимера и пущих заводчиков — ***красноярцов и ссыльных людей (т. е. новоприборных казаков Атласова) — 10 человек до твоего великого государя указу держать в Якуцком за караулом и в тюрьме. 45 казаков Атласова из казачьих детей отправлены в Камчатку с новым 'прикащиком' Камчадальских острогов Михаилом Зиновьевым. Остальные 31 человек из 'наемщиков' разосланы по разным острогам Якутскаго уезда. Афанасий Поповцев, тоболец, послан в Анадырский острог*** (выделено здесь и далее мной. — *С.В.)".*

Вторая Якутская отписка, от 29 октября 1702 г., обстоятельно разсказывает дальнейший ход дела, начиная изложение его с марта, когда Вл. Атласов писал воеводам из Киренскаго острога, что получивши в Тобольске 50 "лутчих" казачьих детей, отправился в Енисейск, где воевода стольник Богдан Глебов держал его 2 месяца без дела, ***не давая 50 новоприборных казаков, наконец дал их, но "самых нужных*** *(т. е. — «нуждных», нуждающихся, бедных)* ***и скудных****", да и "дощаники — де дал самые худые и утлые", так что когда их "нагрузили", они "под берегом потонули" и все казачьи "борошнишко" (имущество)— порох и проч. — "подмочило".*

Идучи вверх по р. Тунгуске, — писал далее Атласов воеводам, — «повыше Рыбнаго погоста» встретили они прикащиков Добрынина Михаила Белозерова и Алексея Дехтярева, у которых "взяли дощаник для того что" в Енисейских дощаниках "итти было никакими делы невозможно" ***...О грабеже воеводы так говорят со слов Вл. Атласова: "и животы у них Мишки и Алешки, китайские товары, казачьи дети взяли, а он-де Володимер им казачьим детям животов имать не веливал и не посылывал, и памяти им не давывал...".***

Далее Атласов жалуется на Илимскаго воеводу Федора Качанова, что тот вопреки государевой грамоты не дал его казакам хлебнаго жалованья, не отпустил подвод и проч., так что Атласов не мог двинуться в Якутск и должен был зимовать в Илимском остроге, а часть отряда — в уезде, и весь отряд кормился на свой счет.

*С этою отпискою Вл. Атласов прислал в Якутск своих казаков — **Павла Журавлева и Ивана Томскаго, которых воеводы "роспрашивали" и "пытали" про грабеж Белозерова, и "с пытки" они сказали, что "грабили" Белозерова "по повеленью Володимера Отласова: поневолил-де их всех казачьих детей грабить он Володимер, по наученью Афоньки Поповцова (и) Сергушки Михайлова, и буде бы-де они не послушали — и Володимер-де хотел их рубить сабляю. А зделу-де им доставалось — сту человекам — по 8 подставов камок (и) по 7 тюней китаек на человека, а Володимер-де взял себе грабленого живота против всех их ста человек другую половину".***

*Воеводы немедленно отправили трех якутских казаков **Ивана Сорокоумова** с товарищи с "указною памятью" к "прикащику" Чичюйскаго острога Кузьме Мачахнину, с приказом — отправиться ему с Сорокоумовым в Киренской острог, осмотреть там у Атласова и его казаков и переписать "грабленые животы" Белозерова и отобрать их, а Атласова и "воров" — казаков "держать в великой крепи" и весною доставить их в Якутск.*

22 мая Сорокоумов вернулся в Якутск и подал "доезд", в котором пишет, что с Мачахниным ездил в Усть-Киренский острог, где Мачахнин не позволил Сорокоумову "крепить" Атласова и "взял ево себе на поруки", "стакався" с Атласовым. По той же причине Сорокоумов не мог переписать у Атласова и его казаков "грабленых животов" Белозерова. Мачахнин скоро уехал в Чичюйский острог, куда 21 апреля отправился и Атласов, везя "14 возов" награбленных товаров.

23 мая 1702 г. "приплыл" наконец в Якутск и Вл. Атласов с своим отрядом и в приказной избе показал воеводам: "в прошлом — де 1701 г., идучи из Енисейского по Тунгуске реке, гостя Логина Добрынина у прикащиков ево Мишки Белозерова (да) у Алешки Дехтярева китайские товары разбоем, с новоприборными казачьими детьми, и дощаник у них взяли", а сколько именно товаров взяли — "не упомнит". Ему, Атласову, "на ево

пай досталось 2 тюка с камками семиланными, да 6 ширей с китайками" и проч. Идя Илимским уездом, Атласов расплачивался этими товарами за "харчь" и подводы, кроме того платил для свободнаго пропуска "прикащикам" попутных острогов — Илимскому Ивану Качину, Чичюйскому Кузьме Мачехнину и др. лицам. Все эти дачи из "грабленых животов" Атласов записывал в свою "тетрать", которая ныне отобрана у него и находится в Якутской приказной избе. Воеводы приводит из нея перечень подарков, полученных Мачехниным. Не мало попользовался Мачехнин и от Атласовских казаков, которые дарили его преимущественно за его корчемное вино.

*Для розыска товаров Белозерова, перешедших к Мачехнину и для сыска про "Винную продажу" и "винный курень" его, воеводы послали в Чичюйский острог боярскаго сына **Бориса Кулаковскаго** с товарищи.*

20 августа Мачехнина привезли в Якутск, вместе с Чичюйским "Старостою пашенных крестьян" Ив. Сукневым. Старосту "роспрашивали в застенке" про "Винное куренье" Мачехнина. Сукнев сознался, что прикащик вино курил и торговал им, но староста не писал о том в Якутск потому, что "грамоте не умеет", а другие молчали "боясь" Мачехнина, "что-де он человек грозной"...

"Грабленые животы", найденные у Мачехнина, доставлены в Якутск (воеводы приводят их перечень). Мачехнин "в роспросе во всем запирался", хотя "очная ставка" с Атласовым подтвердила вину Мачехнина и он "никакова оправдания себе не сказал". Даже "с пытки" он "ничего не сказал".

Семен Бородулин, племянник Добрынина, подал вторую челобитную, где оценил все "грабленые животы" в 16622 рубля 10 алтын 4 деньги.

*До получения государевой грамоты Якутские воеводы не решались "пытать" Атласова, так как он "за службы свои и за прииск новые Камчатцкие земли... будучи на Москве взыскан и пожалован в головы казачьи". Но получивши вышеупомянутую грамоту от 31 генваря 1702 г., с приговором Сибирскаго приказа, предписывавшим судить Атласова с товарищи "без всякой посяжки и поноровки", но по прямому смыслу и требованию Уложенья и других законов, воеводы велели "в застенке у пытки роспросить" Владимира Атласова и "**пущих воров — завотчиков" "ясаула" Атласовскаго отряда Василия Шипицына и енисейскаго казака Петра Кудрина.***

“И Володимер Отласов роспрашиван с великим пристрастием, и в ремень ставлен, и подыман, и на виске был долгое время, а в роспросе сказал”: “грабить” Белозерова он “не велел”, а грабили его казаки своим “самовольством”, но “на делу” (при дележе) добычи он взял свой пай “грабленых животов”.

Но Шипицын и Кудрин “с пытки” утверждали, что грабили они Белозерова “по повелению Вол. Атласова”. ***Первый добавил, что раньше Белозерова встретили они на реке Тунгуске суда Андрея Афанасьева Москвитина (он же Андрей Касимов: см. выше его показание), который разсказал Атласову о богатстве товаров идущих сзади его прикащиков Добрынина. О самом госте Добрынине Касимов говорил, будто он “на Москве умре” и “за животом — де стоять истцом будет некому”… Атласов поверил этому отводу Касимова и “отпустил” его не тронувши (только взял с него несколько подарков, см. выше). Кудрин подтвердил это показание Шипицина.***

Другие казаки Атласова также “с пытки” подтвердили все речи своего есаула и во всем винили Атласова… Были даны “очныя ставки” Атласову с казаками, но он стоял на своем — говорил “прежние ж свои речи”… Остальные казаки Атласова из менее виновных распрашиваны без пытки и все подтвердили показания Шипицина и Кудрина.

“И после роспросу и очных ставок Володимер Отласов посажен в Якутцком за караул, а пущие воры” — Шипицин, Кудрин, Дмитрий Кормилицын, Тимофей Марков, Тимофей Воробей и др., всего 9 человек — заключены “в тюрьму”.

Дощаники Атласова осмотрены подьячим Алексеем Халдеевым и Семеном Бородулиным с несколькими “градцкими людьми”, причем найдено немного китайских и русских товаров. Китайские товары, отданные Бородулину, были оценены торговыми людьми всего на сумму 1301 рубль 22 алтына 1 деньга. Остальное, очевидно, было растрачено, или припрятано Атласовым и его казаками. Кроме того, найдено в Атласовских дощаниках несколько заповедных товаров — 5 фунтов “китайскаго шару” (табаку), “10 дюжин 6 игор карт” и проч. Все это было конфисковано в государеву казну».

* * *

Как пишет Н. Оглоблин, «45 казаков Атласова из казачьих детей отправлены *в Камчатку* с новым “прикащиком” Камчадальских острогов Михаилом *Зиновьевым*. Остальные 31 человек из **“наемщиков”** разосланы по разным острогам Якутскаго уезда».

«Наемщики» — это люди, которых наняли вместо своих сыновей отцы енисейских казачьих детей, чтобы те служили на Камчатке, поняв, кто такой на самом деле Владимир Атласов и какая судьба может быть уготована для их детей. Наемщики — это, может быть, и всякий гулящий сброд, а могут быть и казачьи дети, у которых не было никакой перспективы быть поверстанными в казачью службу по месту жительства (особенно много таких неверстанных казачьих детей было к тому времени в Томске).

А 45 казачьих детей — это, по всей видимости, и есть уроженцы Тобольска, отправленные в отряде Михаила Многогрешного на Камчатку…

* * *

После того как Владимир Атласов тайно, с большими опасениями за свою жизнь, покидает Камчатку, эта «вновь открытая земля» переходит под юрисдикцию приказчика Анадырского острога — на тот момент Михаила Зиновьевича Многогрешного Черкашенина, — который и принял на себя правление огромным Анадырским присудом.

Но уже в 1700 году Камчатку выводят из подчинения анадырских приказчиков и назначают на должность камчатского приказчика Тимофея Родионовича Кобелева, который, собственно, и начал заниматься вопросами управления Камчаткой, расселением здесь служилых людей и созданием местной администрации из числа казаков, прибывших вместе с ним из Якутска.

Именно тогда появляются здесь отец и сыновья Козыревские — потомки ссыльного военнопленного Федора Козыревского, якутского сына боярского.

Вместе с Тимофеем Родионовичем Кобелевым пришли на Камчатку и те из первопроходцев, которых мы называли выше – вожем и толмачом снова был Иван Енисейский, побывавший на Камчатке еще до Луки Семеновича Старицына Мороски в отряде Ивана Васильевича Голыгина, а рядовыми служилыми — Семен Леонтьевич Ломаев, Иван Яковлевич Куклин, Василий Данилович Бронник, а также сын боярский Иван Григорьевич Мокринский.

Предположительно, как мы уже выясняли, все четверо — тобольские казаки: Иван Григорьевич Мокринский — из детей боярских, начинавших службу в Березове; Иван Яковлевич Куклин (если мы точно определили его отчество) в 1710 году служит по

Тобольску во втором пешем полку пятидесятником; Семен Леонтьевич Ломаев, вероятно, родом из тобольских крестьян Ломаевых, которые имели свой двор под Тобольском еще в 1623 году, а казак Иван Ломаев служил в том же втором пешем полку, что и Куклин, позже мы и это имя также встречаем на Камчатке; а Бронниковы и Бронники – одна из самых распространенных фамилий среди тобольских (а впоследствии и сибирских, в том числе и камчатских) казаков — выходцы из тобольских посадских либо крестьян, фамилии которых встречаются в именных списках владельцев деревень за 1623 год.

Вероятно, в целом отряд Тимофея Кобелева был сборным — из старослужащих и новоприборных казаков, которые к тому времени пребывали в Якутске и «по выбору» были отправлены на Камчатку в качестве казаков-годовальщиков.

* * *

Михаил Многогрешный и Тимофей Кобелев последовательно, один за другим (ученые до сих пор спорят о точной очередности) начали процесс закрепления Камчатки за Россией.

Но, чтобы попасть на Камчатку, нужно было пройти через земли разгневанных Атласовым юкагиров и коряков.

Но не нужно забывать и о другом (о чем стыдливо умалчивают ученые) — о том, что главные свои силы (и русских, и юкагиров) Атласов потерял на Камчатке, где он применил традиционную стратегию колонизационного сибирского процесса — УСТРАШЕНИЕ, целью которого, как правило, было личное обогащение.

И в итоге он получил тот результат, который сегодня известен: из 60 русских служилых и промышленных людей, а также 60 юкагиров, отправившихся в первый камчатский поход Владимира Атласова, в живых осталась лишь четверть служилых людей, а юкагиры погибли практически все — лишь четверо их вернулось с Атласовым назад.

Но это была всего лишь прелюдия к тем событиям, которые развернулись на землях чукчей, коряков, юкагиров, камчадалов, курилов после похода Владимира Атласова. По сути, произошло то, что несколькими десятилетиями ранее случилось на Амуре во время похода Ерофея Хабарова, когда во имя личной выгоды Хабаров со своей ватагой убивал и грабил местных жителей, вселяя в них ужас и порождая ненависть, вылившуюся в конечном итоге в трагедию Албазинского сидения и потерю бассейна реки Амур вплоть до событий середины 19-го столетия…

* * *

История формирования казачьих гарнизонов камчатских острогов незатейлива — она полностью, как капля морской воды химический состав океанов, отражает историю русской военной колонизации Сибири.

Если в общих чертах, то эту закономерность определил Ф.Г. Сафронов («История Северо-Восточной Азии. XVII – начало XX в.»):

> *«В дальнейшем, когда к Якутску была прописана обширная территория Камчатки, вошедшая в состав России в конце XVII – начале XVIII в., началось интенсивное направление казачьих отрядов в этот район. В 1701 г. туда из Якутска были направлены "по выбору якутцких всяких чинов служилых людей": приказчик, пятидесятник, 4 десятника и 50 казаков; в 1708 г. — 50 служилых людей, из которых 35 были присланы из Тобольска и Енисейска; в 1709 г. — приказчик, 67 служилых, набранных в Якутске из промышленных и гулящих людей; в 1710 г. — приказчик, 33 якутских казака и новоприборных из промышленных и гулящих людей; в 1711 г. — приказчик, 58 служилых Якутска, московских рекрутов и илимских солдат и новокрещеных».*

Ф.Г. Сафронов сообщает только об отрядах Тимофея Кобелева, Ивана Панютина и Василия Колесова (второй его приход).

Выпадают отряды Михаила Многогрешного, Василия Колесова (первый приход), Василия Шелковникова, Федора Верхотурова Протопопова, Владимира Атласова, Петра Чирикова, Осипа Липина.

Они в количественном отношении были разными.

В основном сборными. Отряд Многогрешного в основном состоял из тобольских детей казачьих.

Сообщений о боевых потерях казаков из отряда Тимофея Кобелева у нас нет — отряд дислоцировался в верховьях реки Камчатки, специальный отряд новоприборного якутского (из тобольских уроженцев) казака Родиона Преснецова обследовал значительную часть южной Камчатки, в том числе земли авачинских и курильских камчадалов. Возможно, только при возвращении с Камчатки они столкнулись на реке Пустой с воинственными аборигенами. Хотя это мог быть уже и отряд Многогрешного по пути на Камчатку.

Попробуем разобраться (информация на основе данных Санкт-Петеребургского филиала архива РАН — ф. 21, оп. 4, д. 34)

в тех потерях, которые понесли камчатские казаки до второго похода Владимира Атласова на Камчатку.

РАЗБОРНЫЙ СПИСОК КАЗАКОВ 1700–1707 гг.

1703 год

Убиты на реке Пустой:

Иван Каменой

В списках казаков такой фамилии нет. Он был из новоприборных казаков — такая фамилия нам встретилась только в Томске, и то в числе не служилых людей: «Июня в 30 день (1631 г.) жилецкому человеку [Ивашку] Каменному за осетрик за чалбыш шесть алтын четыре денги».

Иван Карпов

Служил в четырнадцатой пятидесятне. На его убылое место поверстан Иван Смольенинов.

В 1647 году в Якутск был сослан стрелец Богдашко Карпов, который тут же прославился новыми своими «подвигами»: в 1650 году было начато расследование по делу «о краже двух голов скота служилым человеком Богданом Карповым у ссыльного человека Афанасия Анисимова сына Булыги». А в 1651 году Богдан Карпов ложно объявил о себе «государево слово и дело». В Якутске было много Карповых.

Вполне вероятна их связь с тобольской казачьей корпорацией Карповых, которая является одной из старейших, наравне с ермаковскими, казачьих династий Сибири: *«Вместе с тем, ничуть не менее вероятна принадлежность этих (и многих других) тобольских служилых не к прямым сподвижникам Ермака, а к тем людям, которые прибывали в Сибирь в 1586–1594 гг. в составе отрядов правительственных войск, завершивших вместе с остатками Ермаковой дружины "Сибирское взятье". Нам известно немало ветеранов этой переселенческой "волны", заслуги которых в деле "покорения Сибири" не уступают заслугам ермаковых казаков. Характерно, однако, что участники второго "взятья" (как и их потомки) в дошедших до нас челобитных всячески стремились связать свои "службы" с деяниями дружины Ермака, тем самым вольно или невольно показывая понимание значимости того дела, продолжателями которого они явля-*

лись. Так, ***тобольский рейтар Степан Карпов*** *счел необходимым напомнить властям в 1668 г., что его дед Сергей Зиновьев пришел "с первым воеводою з Дмитрием Чюлковым в Сибирь, после того как Ермак Сибирь взял..."».*

Тем более что у нас имеются и прямые доказательства: в 1642 году на Лену в составе отряда якутского воеводы прибыл Карпов Федотко, тобольский пеший казак станицы Мурзы Выходцова.

В 1681 году на Лене служили трое Карповых – Петрушка, Евдокимко и Левка. Все они были холостыми казаками. Петрушка умер в 1691 году в период эпидемии оспы в Якутском воеводстве.

В истории Камчатки остался также служилый Филипп Карпов, который появился на полуострове после Харчинского бунта: «*...когда в 1737 г. Шестаков был привлечен к следствию по камчатскому бунту, Писарев (командир Охотско-Камчатского края) послал в Камчатку подпоручика Максима Латышева с сборщиком Аргуновым, служилыми Кришотовым и Карповым и 27 человеками казаков. Все они разъезжали по Камчатке, и не смотря на недавнее наказание их предшественников за злоупотребления, брали взятки с камчадалов, чем могли, и собирали ясак за умерших и убитых в бунте, пока не узнал об этом Мерлин, который распорядился сменить с должности Латышева и отдать его вместе с сообщниками под суд, а в 1738 г. всех их по приговору розыскной канцелярии наказал нещадно кнутом*». Филипп Карпов сослан в Охотск в каторжные работы.

Козьма Копылов

Одиннадцатая пятидесятня. На его убылое место поверстан казачий сын Степан Григорьев Томской.

Более эта фамилия в якутских именных казачьих списках не встречается.

Из дозорной книги Тобольска за 1623 год: «Да вверх по Тоболу на левой стороне по конец Турбинсково яру. Во дворе конной казак Якуш Копылов. Пашни паханные середние земли 2 чети. Перелогу в дуброве 12 чети в поле а в дву потому ж. Сенных покосов у нево Якуша нет нисколько. Косит он сена за рекой Тоболом на другой стороне в татарские займищах по упросу Турбинских татар».

Томский атаман Дмитрий Епифанович Копылов тоже был выходцем из Тобольска, как сообщал его сын: «Григорий Дмитриев

сын Копылов сказал: дед его родиною … (сгнило) служил по Томскому. А отец из Тобольска в Томской пришел в молодых летах и был в пешей службе у казаков атаманом и за ясачный сбор пожалован был на Москве в дети боярские». Его отец Епифаний Копылов также был атаманом пеших казаков.

Конечно, Копыловы на якутской службе могли быть и из Томска. И не только потомки Дмитрия Епифановича. Вот пример томского казака из переписи 1680 года: «Андрюшка Иванов Копылов, родом иноземец Якутския земли, поверстан в Томске в пешую службу. Оклад пеший, рядовой».

Но тобольские Копыловы — это более крупная казачья корпорация, из которой, безусловно, Атласов мог взять казачьих детей в свой поход.

Выбор здесь был гораздо большим, чем где-то. Судите сами по этим вот данным переписи на начало 18-го столетия: «Во дворе конной казак Иван Копылов а по скаске жены ево Агафьи ему Ивану 40 лет а ей столько же лет у них дети Михайло 10 лет Артамон 6 лет да сноха сыновья салдацкая жена Овдотья 20 лет…»; «Во дворе отставной конной казак Миней Миней Богданов (Копылов) сказал себе 60 лет у него жена Анна 45 лет дети сын Дементей конной казак 25 лет у него дочь Марья 5 лет да покормленица Окулина 10 лет…»; «Во дворе конной казак Дмитрей Иванов сын Копылов по скаске жены ево Анны 37 лет на береговой службе а ей Анне 38 лет у него дети дочери Овдотья 13 лет да Дарья 11 лет Устинья 7 лет…»; «Во дворе казачей сын Дмитрей Омельянов сын Копылов 30 лет у него жена Агафья 20 лет дочери Соломанида 11 лет Матрена 7 лет Соломанида ж 3 лет…», «Во дворе конной казак Михайло Омельянов сын Копылов 45 лет у него жена Устинья 30 лет у него дети Филип 13 лет Андрей 8 лет Тимофей 3 лет да мать вдова Агафья 50 лет…»; «Во дворе отставной конной казак Максим Афонасьев сын (Копылов) сказал себе 80 лет у него внучата Осиповы дети Савелей 14 лет Алексей 13 лет Козма 4 лет да сноха сыновья жена Орина 40 лет внучка Варвара 15 лет да сестра вдова Анна 90 лет…»; «Во дворе казачей сын Федор Тимофеев сын сын Копылов сказал себе 50 лет у него жена Орина 40 лет сыновья Борис 13 лет дочери Федора 10 лет Овдотья 2 лет Орина полгоду да зять на подворье Иван Павлов 50 лет у него жена Наталья 20 лет у него сын Григорей 2 лет…»

Василий Пестряков

Об истории этой фамилии нам пока ничего не известно — скорее всего, Пестряковы были из новоприборных казаков, которых якутские воеводы набирали, в том числе, из промышленных и гулящих людей, из посадского люда и из крестьян.

В переписи Тобольского уезда 1689 года в слободе Емуртлинской отмечено: «Во дворе Яков Пестряков 30 жена Татьяна 30 сын Матвей полугод. Брат Михайло 30 жена Акилина 25. Братья ж Алексей 20, Самойло 15 лет». И там же: «Во дворе беломестный [драгун Суерской роты] Василий Пестряков 23 жена Марфа 20 мать Марья 60 лет».

В Томске Пестряковы тоже отмечены в конце 17-го столетия: «Тишка Захаров с. Пестряков, род. с Кинешмы посадского отца сын; в Сибирь пришел тому 10 л. И жив. В Т. в посаде св. дв.; у него бр. Герасимко 19 л; кормитца работою» и «Ивашко Васильев с. Пестряков, род. с Решмы посацкого отца сын; в Сибирь пришел тому 20 л., а в Т. посаде 15 л.; жив. Св. дв.; у него бр. Ивашко; у Ивашки с. Мишка 3 л; кормитца работою, а бр. Ивашко торгун земским товаром».

В 1712 году на Камчатке погиб Федор Пестреков, возможно тоже служивый, а может, промышленный человек: «…часть казаков, “которые шли с нами в прошлом 712 году, июня в 18 числе, подсмотрели воровских прежних изменников и убойцов, немирных иноземцев Каменного острогу” и пошли “призывать их под высокую государственную руку” во главе с Кондратием Львовым, который сообщал позже Колесову, что “и на том бою служилых и промышленных и новокрещеных людей” побили 9 человек: “…Федора Пестрекова”…»

Якутск, 1720 г.: «Двор вдовы Евдокии Кузьминой дочери живет на подворье служивой Афонасей Кирилов сын Пестряков и он Афонасей послан Великого государя на службу на Камчатку в 717-м году а по скаске жены ево ему Афанасью дватцеть шесть лет».

* * *

В 1703 году анадырский казак Андрей Кутьин (отряд которого дислоцировался на северо-востоке Камчатки, создав еще по приказу анадырского приказчика Михаила Многорешного сеть из шести зимовий для выхода к реке Камчатке по восточному побережью полуострова из Апукского зимовья) вместе с новоприборными казаками из отряда Многогрешного пытается за-

крепиться в нижнем течении реки Камчатки и построить здесь Нижнекамчатский острог, но в результате боевых действий с местными камчадалами, которые в 1697 году уже приняли здесь первый «огненный» бой с отрядом казаков Владимира Атласова, вынужден был отступить от задуманного, потеряв несколько человек убитыми.

Причины этой трагедии напрямую связываются с походом В. Атласова: «И он де Володимер с служилыми людьми и с ясачными юкагири и с камчадальскими людьми сели в *струги* и поплыли *по Камчатке реке* на низ. И плыли три дни и на которые они остроги звали — доплыли, и их де камчадалов в том месте наехали *юрт ста с четыре* и боле, и под царскую высокосамодержавную руку их в ясачной платеж призывали. И они камчадалы великому государю не покорились и ясаку платить не стали. И он де Володимер с служилыми людьми их камчадалов громили и небольших людей побили, и посады их выжгли, для того чтоб было им встрах и великому государю поклонились. А иные иноземцы от них разбежались».

В 1703 году где-то здесь был убит тобольчанин из рода атамана Ивана Савельева Дурыни – Дурынин (Дурыниных, Дурындин — так в разных документах) Яков Корнилов сын (девятая пятидесятня). К истории этого рода мы обратимся чуть позже.

В тот же год на месте будущего Нижнекамчатского острога сложили вместе с Дурыниным свои голов казаки:

Амос Баташнов (Баташков)

Этого имени нет в списках Якутского казачьего полка.

Но из именного списка томских служилых людей за 1707 год мы обнаруживаем несколько казаков Баташковых, из рода которых мог быть Амос: пятидесятник Афанасий Микифоров с. Баташков, казаки Кирилл Григорьев сын Баташков, Иван Андреев сын Баташков, Тимофей Андреев сын Баташков, Яков Кирилов сын Баташков.

Томские исследователи сообщают, что патриархом их рода был Григорий Яковлев сын Щербаков, родом из Великого Устюга, который был первоначально верстан в тобольские казаки, а уже из Тобольска прислан в Томск ставить город. У него уже в томских казаках было три сына – десятник Андрюша Григорьев сын, конные казаки Кирюшка и Филка Григорьевы же дети Баташковы.

Дети Кирилла Баташкова в 1703 г.: сын Дементей женат, Яков 20, Василей 15. Но это не все его дети: «Томскаго уезду Окологородного стану казачьи дети живут в разных деревнях на пашенных своих заимках… Андрей Кирилов сын Баташков».

Баташковы, как выясняется, проживали и в Тобольске: «От лугу подле речки Манастырской вниз той речкою до Аврамова мосту по праву Михайла Дементьев сын Баташков» (Тобольск, 1710 г.)

Григорий Ворыпаев

В списках якутских казаков он записан полным именем – Григорий Михайлов Ворыпаев.

Возможно, это и был участник первого похода Владимира Атласова, выходец из известной тобольской торгово-служилой династии Ворыпаевых, имя которого Б.П. Полевым не было установлено.

В 1706 году в Якутском казачьем полку записан Петр Ворыпаев. Семейный камчатский казак Евдоким (Петров сын?) Ворыпаев убит камчадалами в 1731 г. на р. Ука вместе с женой и сыном во время восстания.

По данным за 1681 год, в казаках были двое из этого семейства — Микитка и Мишка Ворыпаевы. Что интересно, отец Михаила был записан, как и его сын, в холостых окладах.

В числе первых торговых людей Якутска отмечен Матюшка Ворыпаев (1645 г.). Вторым был Никита Ворыпаев: «Торговый человек Никита Ворыпаев — один из крупных колымских промышленников XVII в., выдающийся полярный мореход и землепроходец. Нам известны его походы: в 1650 г. от Жиганска на Индигирку, в 1654 г. от Колымы до Жиганска, в 1660 г. от Колымы до Жиганска, в 1664 г. от Колымы до Бузина острова (Яна), в 1685 г. от Колымы на Лену. Он принимал участие в открытии Камчатского полуострова и побывал там с торгами раньше Морозки и Атласова, как косвенно подтверждает сам Морозко» (М.И. Белов).

По материалам Якутской приказной избы мы имеем следующую информацию:

«Книга сбора оброка и явчей пошлины в Якутской таможне таможенного головы Андрея Курдюкова и таможенных целовальников Ивана Федорова Ворыпаева и Потапа Титова Хозова, 1 сентября 1657 – 31 августа 1658 (166) г.»; «Книга сбора ясака за 1663–1664 (172) г. с юкагиров по Индигирским Верхнему (Верх-

нему Среднему Подшиверскому) и Нижнему зимовьям служилых людей Архипа Аршина и Андрея Булыгина и целовальника Ивана Ворыпаева»; «Книга сбора записной пошлины с продажи мягкой рухляди на р. Колыме таможенного целовальника Никиты Федорова Ворыпаева, 15 декабря 1668 – 25 июля 1669 (177) г. *Скрепил за Никиту Ворыпаева — сын его Михаил»; «*Книга сбора записной пошлины с продажи мягкой рухляди на р. Колыме таможенного целовальника Никиты Федорова Ворыпаева, 15 декабря 1668 – 25 июля 1669 (177) г. *Скрепил за Никиту Ворыпаева — сын его Михаил»; «*Книга сбора оброка, явчей и отъезжей пошлин на р. Колыме таможенного целовальника Никиты Федорова Ворыпаева, 2 мая — 11 августа 1669 (177) г.»; «Книга сбора десятой соболиной пошлины на р. Колыме таможенного целовальника Никиты Федорова Ворыпаева, 14 декабря 1668 – 19 августа 1669 (177) г. *Скрепил за Никиту Ворыпаева — сын его Михаил»; «*Книга сбора десятой соболиной пошлины на Чечуйском волоке таможенного целовальника Семена Петрова Ворыпаева, 3 ноября 1668 – 20 августа 1669 (177) г.»; «Книга сбора оброка, явчей и отъезжей пошлин с промышленных людей в Жиганском и Оленском зимовьях целовальника Василия Курочкина, 2 февраля 1671 (179) г. *Скрепил за Курочкина — торговой человек Андрей Ворыпаев»; «*Книга сбора ясака за 1684–1685 (193) г. с юкагиров по Анадырскому острожку приказчика казака Михаила Никитина Ворыпаева».

Помимо этого, в именном указателе Якутской приказной избы содержатся следующие сведения: Ворыпаев Андрей Матвеев, торговый человек, и Ворыпаев Емельян (Омелька) Яковлев, таможенный целовальник.

Судя по этим данным, в якутских казаках в 1681 году были Никита Федорович и Михаил Никитич Ворыпаевы.

Михаил Никитич являлся основателем Апукского зимовья во время похода Луки Старицына Мороски — Ивана Голыгина.

Осип Долгополов

В 1706 году в пятой пятидесятне Якутского казачьего полка служили братья Иван и Василий Ивановичи Долгополовы.

Ивашко Иванов сын Долгополов служил в Якутске в 1691 году. Вполне вероятно, что Осип Долгополов, который не значится в полковых казачьих списках, был казачьим сыном — вероятно, Осипом Ивановым.

Скорее всего, Долгополовы были выходцами из Тобольска. В переписной книге за 1683 год находим следующие сведения: «В Ялуторовской же слободе бобыли живут своими дворами промышляют всякими промыслы Ивашко Федоров сын Долгополов, в Литве в Шклове городе».

Бобыль — это вовсе не холостой одинокий человек: «Двор бобыля Василья Артемиева **Долгополова**. Василей штидесяти лет. Дети: Анъдрей дватцати лет, Тимофей пятнатцати лет, скорбен и болен. У Андрея жена Настасия Гарасимова осмнатцати лет, сын Игнатей дву лет. У Тимофея жена Василиса Михайлова пятнатцати ж лет» (деревня Калашникова Тобольского уезда, 1710 г.).

Бобыль — это безземельный крестьянин.

В 1724 году Федор Иванович Шелковников, камчатский приказчик, покидая полуостров, оставил в Нижнекамчатском остроге на приказе за старшего Елисея Долгополова, который будет убит восставшими камчадалами в 1731 году.

Афанасий Заплетаев

Родоначальник этой казачьей династии якутский казачий десятник Заплетай Федор Афанасьев. «На казака Ѳедора Заплетая было взведено обвиненіе въ томъ, что, бывши на приказѣ, онъ называлъ Олекминскій уѣздъ своей землицей, а во время пребыванія на устьѣ р. Муки ограбилъ Спасскую часовню».

Сведения из материалов Якутской приказной избы: «Книга сбора ясака и поминков на 1649–1650 (158) г. с эвенков и якутов “которые живут около Олекминского острожка” служилого человека Федора Афанасьева Заплетая с товарищи»; «Книга прихода и расхода судовых припасов в Якутском остроге приемщика десятника Федора Афанасьева Заплетая 1664–1665 и 1667–1668 (173–176) гг.»; «Расходная тетрадь муки ржаной и соленой рыбы на содержание аманатов в Якутском остроге хлебного раздатчика десятника Федора Афанасьева Заплетая, 12 сентября 1667 – 31 марта 1668 (176) г.». В документах за 1666 год мы встречаем в Якутске имя Ивана Федорова сына Заплетаева.

В 1681 году в женатом окладе был записан якутский казак Степан Заплетаев, в 1706 году он служил во второй пятидесятне. В шестнадцатой пятидесятне служил его сын Тимофей Степанович Заплетаев, вероятно, брат Афанасия.

Якутск, 1720 г.: «Служивой Стефан Федоров сын Заплетаев сказал семидесяти лет вдов».

А вот любопытные сведения о его отце из материалов Якутской приказной избы: «Дело о ложном “извете” (доносе) на торговых людей в вывозе ими из Якутского острога в Москву “животов” (имущества) воевод Михаила Лодыженского и Ивана Голенищева-Кутузова (“вывоз де Матюшка Ворыпаева с сыном своим Андрюшкою в два выезда у Михаила Лодыженского сто сороков соболей, а в тех де соболях взял на них кабалу”, “он же Андрюшка Ворыпаев вывез Ивана Голенищева животов денег пятьсот рублев серебряных, да тридцать сороков соболей”), и о торговле их на Собачьей реке воеводскими: вином, картами и хмелем. Ложный “извет” был подан во 176 году казачьим десятником Федькой Заплетаевым по наущению жильца Федора Охлопкова присланного из Москвы со специальной целью, “что будто велено ему Федору про Михайлову животины Лодыженского и про Ивановы животы Голенищева сыскивать”».

Вполне возможно, что Афанасий Заплетаев шел на Камчатку в ранге сына казачьего вместе со своим отцом.

Федор Туман

И этого имени нет в казачьих списках Якутска.

Вполне возможно, что фамилия связана с конкретным географическим объектом: рекой Туманкой, притоком Иртыша. В 1710 году в Тобольске существовал «двор купленой Соли Камской пришлого посадцкого человека Федора Васильева сына прозвище Тумана сказал себе 50 у него жена Ульяна Тарасова дочь 40 лет дети сын Андрей бронник 20 дочь девка Варвара 10 да пасынок Дмитрей Емельянов 8 лет». Как правило, дети, находящиеся на службе и ведущие самостоятельный образ жизни, в переписи уже не указывались. На Камчатке кроме Федора служили в эти же годы Осип (в 1748 году разночинец в Большерецком остроге) и Лазарь Туман. Лазарь жил в Верхнекамчатском остроге и не участвовал в грабежах, совершаемых его земляками — напарниками Кыргызова в 1712 году. Казачий сын Иван Туманов в 1731 году был сожжен живым в юрте восставшими колпаковскими камчадалами.

* * *

1703 г., умерли от ран: служилые

Иван Антропов

В списке якутских казаков этого имени нет.

Фамилия Антропова (Петра) встречается в одном списке с именем Данилы Анциферова Томского в списке томских фамилий конца 17-го столетия.

Василий Беляев

Василиев Беляевых на Камчатке в эти годы было по меньшей мере двое. Один убит в 1703 году, а другой в 1711 году входит в команду Данилы Анциферова.

Но вот что интересно — ни одного из них нет в списках якутских казаков в 1706 году.

В 1650 году в Якутске отмечен тюремный сторож Беляйка Харитон Клементьев, бывший ссыльный, который был верстан в служивые якутским воеводой Михаилом Семеновичем Лодыженским «мимо указу».

В 1673 году он выступает под именем Харитона Беляева: «По приказу воеводы от 27 ноября, через бирюча Даниила Коростеля и казака Харитона Беляева, объявлено жителям острога по всем улицам, чтоб служилые и торговые и посадские и промышленные и всяких чинов люди во дворы к себе преж великого государя ясачного сбору, ясачных людей отнюдь не пускали, и с ними не торговали, и ничего у них без указу не покупали; а будет всяких чинов люди, преж великого государя ясачного сбору учнут что у ясачных людей покупать или на дворы к себе пускать, покамест великого государя ясак сберется, а сыщется про то допряма, и тем людям по указу великого государя быть в жестоком наказанье, да на них же возмут на великого государя пени безо всякие пощады».

В 1681 году он же — как Беляй Харько — палач и бирич.

В том же 1681 году в списках якутских казаков записано еще четверо Беляевых: Ивашко Беляев Варакин, Петр Большой и Петр Меньшой Беляевы — все трое в женатых окладах и холостой казак Федька Беляев.

В 1690 году Петр Меньшой утонул в реке Вилюй. В 1691 году Петр Большой умер от оспы. У него остались двое сыновей — Данилко (1674 г. р.) и Мишка (1678 г. р.). Данило Петров Беляев был верстан в казаки в 1688 году. На Камчатку он пришел вместе с Кобелевым в 1700 году. Это тот самый Данило Беляев сын Мыкыс, который был записан в шестнадцатой пятидесятне и на Камчатке имел собственное зимовье на реке Большой. Это тот самый Данило Беляев, который обвинил Владимира Атласова в

присвоении казенной чернобурой лисицы и которого Атласов чуть не зарубил до смерти своим палашом. Вполне возможно, что Данило Беляев Мыкыс пришел на Камчатку в отряде Тимофея Кобелева, как и Петр Федорович Козыревский, со своими сыновьями (иметь в семье двух сыновей Василиев, как и Петров или Иванов, в те времена было вполне возможно — почему и Петр Беляев один был Большей, а Другой — Меньший).

В десятой пятидесятне служил Леонтий Беляев, но, скоре всего, он был из числа тобольских уроженцев, которые сгруппировались вокруг верхнекамчатского заказчика Константина Кыргызова и подняли бунт в 1712 году, по итогам которого Леонтий Беляев был вместе с Константином Кыргызовым повешен.

В тринадцатой пятидесятне служил Сидор Остафьев Беляев, который, вполне вероятно, также был из новоприборных тобольских казаков. Это подтверждается еще и таким фактом — его пасынком был Никита Федоров сын Лосев. В именных списках Тобольска практически в одно и то же время можно найти троих Федоров Лосевых — сына боярского, казака «литовского списка» и пешего казака. И ни одного Федора Лосева мы не нашли в именных казачьих списках Якутска. Верстан Сидор был в 1692 году: «Сенька Иванов Игелтин в прошлом во 199-м [1691] году в Якутцком умер воспою. И в нынешнем в 200-м [1692] году июня в 8 день приверстан в ево Сенькино место казачей племянник Сидорко Остафьев Беляевых».

В 1689 году в пеших казаках Тобольска числится Ярофейка Никонов сын Беляев.

Сава Бронников

И этого имени нет в списках Якутского казачьего полка. Вероятно, и он был из новоприборных тобольских казаков, так как эта фамилия была весьма распространенной в столице Сибири, начиная с 1623 года, когда в «Дозорной книге» отмечены посадские (вероятно, бронные мастера) и крестьяне (вероятно, выходцы из посадского сословия) Бронниковы, из среды которых также верстали при острой необходимости кадры служивых людей (см. выше).

В 1689 г. в рядовых казаках Тобольска числится Мишка Васильев Бронник, а в переписи Тобольска за этот год отмечено вместе с ним еще четверо представителей этой фамилии: Микитка Микифоров сын Бронников, Якушко Титов сын Бронников, Куска

Мартынов сын Бронник, Онисим Бронников. В этот же период существовало две деревни Бронниковых – на Иртыше и на речке Салаирке.

Отсюда эта фамилия разлетелась по всей Сибири. В 1669 году в служилых людях Илимска записан Агафонко Яковлев Бронников. В начале 18-го столетия четверо казаков Бронниковых служат в Нерчинске.

Сава Нецветаев

Савва Родионов Нецветаев.

Что любопытно — о нем имеются самые противоречивые сведения: по одним данным, он погиб в 1703 году. По другим — в 1706 году числится в якутских казаках шестой пятидесятни. По третьим — в 1711 году был в команде того самого Данилы Анциферова, с которым шел на Камчатку.

Он также был из числа новоприборных казаков — верстан на убылое место погибшего в 1705 году на Камчатке Ивана Григорьева Власова. Эта фамилия встретилась нам только дважды, но в более поздние времена. В Нерчинске: «Конной казак Иван Котельников 40. У него два сына Данило 13, Федор 4. Да в том же дворе зять ево конной казак Родион Саков 38. Да волной работной человек важенин Андрей Нецветаев 50». И в Иркутске: «взятая [замуж] Идинского острогу у посацкого Василья Нецветаева дочь».

Если здесь имеется какая-то связь, то вполне возможно, что Нецветаев был из числа енисейских «наемщиков» — нанятых вместо казачьих детей Енисейска для службы на Камчатке.

Иван Никифоров

В списках якутских казаков за 1706 год имеется только одна запись — новокрещенный (вероятно, из якутов) Илья Никифоров, двенадцатая пятидесятня.

Ивана в этих списках нет. Но если вспомнить, что Никифоров и Микифоров — это два варианта одной и той же фамилии, то ситуация несколько проясняется.

В 1681 году в якутских служивых людях отмечены в женатых окладах трое казаков Микифоровых — Васка, Ивашко и Левка (в 1691 г. сторож приказной избы). В 1691 г. отмечен умерший от оспы Гришка Микифоров — возможно, старший сын кого-то одного из троих, не отмеченный в списках детей. А также:

«Алешка Иванов сын Микифорова в прошлом во 199-м [1691] году в Якутцком умер воспою».

Позднее мы находим данные об их детях. У Ивашки — сыновья Алешка (1672) и Васка (1679). У Левки — Ивашко (1672) — вероятно, это и есть Иван Никифоров, погибший на Камчатке.

Его родственник или однофамилец Архип Никифоров (которого также нет в списках) убит в 1711 г. в Ильпейском остроге, когда он шел в отряде Василия Севастьянова Щепеткого на Камчатку.

Фамилия весьма распространенная. Но факт отсутствия этих имен в списках якутских казаков говорит о том, что они оба из разряда «новоприборных казаков» или казачьих детей.

Мартын Спар(?)

Федор Ушаров

Записан в третьей пятидесятне Якутского казачьего полка (1706 г.)

Ушаровы – одна из крупных тобольских казачьих династий, происходящих из казаков «литовского списка». В 1623 году существовала деревня служилых Ушаровых, то есть они начинали свою службу еще в «старой сотне» Тобольска.

«При Иштаманской протоке находится деревня Ушарова в один двор, во дворе конные казаки Ивашко да Петрушко Ушаровы. Пашни паханные середние земли 6 четей да перелогу 10 четей в поле а в дву потому ж. Пашенново лесу дубровы 12 десятин. Сена косят 400 копен» (выписка из Дозорной книги за 1623 год).

В 1642 году с воеводой Головиным пришел на Лену тобольский казак Яким Герасимов Ушаров. Затем появляется еще один Ушаров: «Обрамко Иванов в его место казачей брат Рудачко Тимофеев в прошлом во 155-м [1647] году в Енисейском остроге тот Рудачко занемог и в свое место нанял казачья брата Демку Иванова Ушарова в верхоленском в Братцком острожке».

В 1672 году из Якутска в составе конвоя, сопровождавшего пушную казну вместе с сыном боярским Иваном Ерастовым и казаком Владимиром Отласом, прибыл казак Тимофей Ушаров. В материалах Якутской приказной избы за 1658 год мы находим такую запись: «Дело об уплате денег казачьему сыну Тим. Сав. Ушарову за переплет делопроизводственных книг в приказной избе и Дм. Черняю за чернила».

Но общей линии якутских казаков Ушаровых мы не прослеживаем. Поэтому Федор Ушаров, погибший на Камчатке, скорее всего, из тобольских детей казачьих, верстанных в казаки для второго похода Атласова на Камчатку.

Выписка из «Переписной книги» Тобольска за 1710 год /по переписи Семена Ремезова/

Деревня Ушарова

— Двор конного казака Якова Максимова сына Ушарова.
— Двор 2-го полку пешего казака Микифора Степанова сына Ушарова.
— Двор 1-го полку пешего казака Стефана Ушарова.
— Двор казачьего сына Ивана Стефанова сына Ушарова.
— Двор 1-го полку казака Афонасия Федорова сына Ушарова.
— Двор казачьего сына и записного солдата Никиты Ушарова.
— Двор тобольского жителя Лариона Никитина сына Полкова.
— Двор конного казака Ивана Петрова сына Ушарова.

Иван Лобанов (промышленник)

Он также, как и Василий Бронник, был участником первого похода Атласова на Камчатку. См. выше.

* * *

В Верхнем Камчатском остроге в тот — 1703 — год «умре»:

Григорий Власов

В списках 1681 и 1692 гг. этой фамилии мы почему-то не обнаружили. Но в списках Якутского казачьего полка за 1706 г. мы находим сразу троих: Власов Иван Иванов сын (6 пятидесятня), Власов Иван Григорьев сын (6 пятидесятня) и Власьевых Андрей Иванов сын (8 пятидесятня). Якутск, 1720 г.: «Во дворе Иван Иванов сын Власов».

Ивашко Власов назван и в числе казаков, подписавших в 1663 году «*Челобитную служилых людей Якутского острога, в том числе атамана Михаила Стадухина и пятидесятника Ивана Реброва, о снижении цен на хлеб, ввиду дороговизны снаряжения, покупаемого при походах в "дальние землицы"*. Вероятно, он умер или погиб до 1681 года, почему его фамилии и нет в казачьих списках.

Вполне вероятно, что это якутская династическая казачья линия (хотя у нас нет доказательств), так как вслед за смертью Григория (возможно, тоже сына Ивана или внука Ивашки) последует

гибель на Камчатке в 1705 году Ивана Григорьева сына Власова, служившего в шестой пятидесятне, на убылое место которого будет верстан Сава Родионов Нецветаев (это еще одно из доказательств того, что Нецветаев не мог погибнуть в 1703 году).

Хотя сам Григорий, возможно, происходит из енисейских казаков (судя по данным 1669 года). Возможно, что из тобольских: «Жданко Власов на государеве дальней службе на новой на Охоте реке послан в прошлом во 154-м [1646] году». Или из березовских: «Микитка Власов на государеве дальней службе… на Охоте реке…»

На Камчатке у служилого Степана Власова восставшими камчадалами в 1731 году был сожжен дом в Нижнекамчатске, а сам он, как бывший целовальник, по результатам следствия «за промен вина на соболей бит кнутом на площади» 10 марта 1735 года.

Иван Вологдин

Этого имени нет в списках Якутского казачьего полка. Но, скорее всего, он из семьи якутских старожилов: в списках за 1692 год в казаках Якутского полка служит Ивашко Петров Вологда (возможно, он исключен из списков как раз в связи с его гибелью на Камчатке).

В 1706 году встречаются фамилии и Вологда (Федос Сергеев сын Вологда — одиннадцатая пятидесятня), и Вологдин (Степан Вологдин — третья пятидесятня).

Федос Сергеевич, по всей видимости, тоже был из уроженцев Якутска: «Алешка Матвеев в прошлом во 199-м [1691] году в Якутцком умер воспою. И в нынешнем в 200-м [1692] году июня в 18 день приверстан в ево Алешкино место казачей племянник Федоско Сергеев Вологда». А его дядей, наверное, был «Екимко Вологда в прошлом во 199-м [1691] году для старости и увечья от службы отставлен», который в 1681 году числился в холостом окладе. Он дослужился до должности приказчика, о чем повествует: «Книга сбора ясака за 1684–1685 (193) г. по Вилюйскому Нижнему зимовью казака Якима Вологды».

Как выясняется, впоследствии Еким был человеком женатым, и у него был сын: «Служивой Стефан Екимов сын Вологдин».

Степан Вологдин тоже впоследствии был на Камчатке и оставил очень важные для нашего повествования сведения: *«В условиях частых вооруженных столкновений и активного противодействия ительменов организовать их стабильное ясачное обложение на протяжении первой четверти XVIII в. не удалось, хотя ясак собирался и в достаточно большом количестве вывозился с Камчатки. По данным ведомости Якутской воеводской канцелярии, составленной на запрос Г. Ф. Миллера в 1736 г., с полуострова с 1702 по 1729 г. было вывезено 47 177 соболей, 17 640 собольих хвостов, 21 659 лисиц, 1 360 бобров. Согласно "росписному списку" 1731 г, составленному ясачным комиссаром С. Вологдиным, за предшествующий год с ясачных, подведомственных камчатским острогам, было взято 1 448 соболя, 1 129 лисиц, 32 бобра, 12 кошлоков.*

По известию канцелярии Охотского порта, в 1728 г. на Камчатке с ближайшими Курильскими островами значилось 2983 ясачноплательщика, по "росписному списку" С. Вологдина, к 1731 г. — 2642.

Восстание и его подавление сопровождалось проявлением обоюдной жестокости, что привело к значительным потерям с обеих сторон. Охотский командир Г. Г. Скорняков-Писарев, отвечая 30 января 1738 г. на запрос Г. Ф. Миллера о численности ясачных на Камчатке и Курильских островах, подсчитал, что с 1728 по 1732 гг. она сократилась с 2 983 до 2055 чел. мужского пола. Исходя из этих цифр, он сделал вывод: «И по сему явно, что на Камчатке побито ясачных людей, кроме их жен и детей, девятсот дватцать восемь человек».

Тимофей Молотинин

В казачьем реестре десятой пятидесятни Якутского полка в 1706 году он записан как Молоткиных Тимофей Филатов.

Возможно, это вариант фамилии якутских казаков Молотковых: «Федька Молотков в нынешнем в 200 м [1692] году идучи в Охотцкой от иноземцов убит». Это имя есть и в списках якутских казаков за 1681 год.

Возможно и другой вариант — в Тюмени была «деревня Молоткина над рекою Турою по край бору».

Афанасий Перебякин

Сведений о его родовых корнях не обнаружили. В именных списках якутских казаков этой фамилии нет.

Но на Камчатке долгие годы жил и был толмачем Спиридон Перебякин, вероятно, его сын, без которого, как писали, «всеконечно пробыть не можно»:

«Сего 731 году июля 9 дня посланная партия на боту "Гавриле" прибыла в камчацкое устье, а по ея и.в. указу и по определе-

нию посланной партии велено нам итти на море к анадырскому устью к г-ну капитану Дмитрию Ивановичю Павлуцкому для проведывания морских островов. А в указе е.и.в. блаженные и вечнодостойной памяти написано, велено посланную партию с надлежащим довольствием, без чего по самой нужде пробыть неможно, отправлять без задержания, а ежели кто задержит и учинит остановку, и то взыскано будет на том, а за противность указу судим будет по военному артикулу.

Того ради посланная партия требует от вас рыбных кормовых припасов, а имянно: 2000 юколы, 1000 свежей рыбы красной или кеты, да в вышепоказанной путь для толмачества и иноземческих разговоров, а имянно: Андрея Орлика, Евдокима Ворыпаева, **Спиридона Перебякина,** Федора Зырянова, новокрещена Михаила Жировикова, бес чего посланной партии всеконечно пробыть неможно».

Он был признан за что-то виновным по следствию о Харчинском бунте и бит кнутом 10 марта 1735 года. Затем был переводчиком у студента Степана Петровича Крашенинникова.

Вероятно, его сын — казак Камчатской команды А. Перебякин — был участником плавания на судне «Захарий и Елизавета» в 1759–1762 гг. на Алеутские острова и подал рапорт о плавании.

Афанасий Попов

Его имени нет в списках Якутского казачьего полка за 1706 год. Возможно, это казачий сын кого-то из многочисленных якутских казаков Поповых, с которым он отправился в поход на Камчатку.

Семен Хлызяев

В казачьем реестре Якутского казачьего полка за 1706 год он обозначен как Хлызов Семен Ефтифев (семнадцатая пятидесятня).

В Переписи Илимского уезда за 1673 год отмечены «Иркуцкого острогу на Куде реке в Красной слободе пашенные крестьяне ...Федка Микифоров сын Хлызов с сыном с Агафонком». А в числе первых иркутян — «Хлызов Федор, плотник из Енисейска, строитель Иркутского острога в 1670 г.». Вполне возможно, что это одно и то же лицо.

Большая вероятность и прихода этой фамилии из Тобольска — в 1696 году в Тобольском драгунском полку в роте Шадринской

слободы служит Ефремко Хлызов, а в самой Шадринской слободе — крестьяне Хлызовы.

* * *

Умерли в 1703 году:

Константин Ермолин

В реестре Якутского казачьего полка за 1706 год записано двое: Ермолин Филипп (седьмая пятидесятня) и Ермолиных Кузьма Иванов сын (семнадцатая пятидесятня). Константина в этом списке нет.

Козьма Иванович Ермолиных, судя по следующим данным был уроженцем Якутска: «Новокрещен Игнашка Артемьев Чюхча в прошлом во 199-м [1691] году в Якутцком умер воспою. И в нынешнем в 200-м [1692] году августа в 11 день приверстан в ево Игнашково место казачей брат Коземка Иванов Ермолиных в холостой оклад».

Из материалов Якутской приказной избы мы получаем сведения о следующих Ермолиных: «Книга сбора десятой пошлины (соболиная) на рр. Ламе и Уде служилого человека Алексея Ермолина, 11 апреля – 10 июля 1648 (156) г.»; «Книга сбора десятой и записной пошлины на рр. Ламе и Уде служилого человека Алексея Ермолина, 11 марта — 30 апреля 1649 (157) г.»; «Книга сбора ясака за 1653–1654 (162) г. в Якутском остроге с якутов разных волостей. Черновая. Скрепил подьячий [Сенка] Ермолин»; «Отметка о подаче книги 20 июля 1657 г. служилым человеком Иваном Ермолиным»; «Ермолин Игнатий, житничный целовальник».

Якутск, 1720 г.: «Отставной служивой Софрон Давыдов сын ...у него ж живет отставной служивой Афонасей Иванов сын Ермолин семидесяти дву лет». Вероятно, это родной брат Кузьмы Ивановича.

Первое появление Ермолиных на Лене связано с Томском и Енисейском: в 1626 году в Томске служит толмачом Дружина Ермолин, а палачем — Степка Ермолин, в конных казаках — Шумилка Ермолин. В 1632 году в составе старослужащих казаков значится десятник Васька Ермолин с окладом «по 5 рублев 16 алтын 4 деньги».

Примерно в это же время енисейский атаман Иван Галкин посылает на Лену с Ленского (Илимского) волока первый свой разведывательный отряд из шести человек во главе с десятником Илейкой Ермолиным.

Позже Илья Ермолин будет отправлен с письменным головой Василием Поярковым на Амур. «Первое свое сообщение о том, как прошел его поход на Амур, он послал из Усть-Ульинского зимовья в начале сентября 1645 г. с тобольским казаком Микулой Тимофеевым, вместе с которым в Якутск отправились 5 других участников похода — казаки Исай Алексеев, Клим Андреев, Лев Ермолин, Елизар Семенов, Федор Ярафиев и личный слуга Пояркова Денис Карпов. Таким образом, первые сведения об Амурском походе были получены в Якутске за 7 месяцев до возвращения туда самого Пояркова и вызвали там огромный интерес».

Но, собственно, сам трагический амурский поход тогда только еще начинался. Еще не было похода Юшки Петрова, еще не пробовали мертвечины, и еще не бежали казаки от местных народов вниз по Амуру, боясь пристать к берегу…

Намереваясь построить в устье Зеи острог, Поярков решил проверить, как далеко от этой местности до моря. Вниз по течению Амура он отправил отряд из 25 человек во главе с «казачьим десятником» Ильей Ермолиным. Трое суток разведчики плыли на восток, а великая река все не кончалась. Сообразив, что до моря слишком далеко, Ермолин повернул назад. Против течения лодки пришлось тянуть канатами, идя вдоль берега. Здесь-то уставших разведчиков и подстерегли дауры.

Засада оказалась успешной — почти все казаки вместе с Ермолиным погибли в бою. При схожих обстоятельствах, только гораздо севернее, спустя четверть века в одном из первых походов на Камчатку погибнет сын Ильи Ермолина Иван Ермолин, тоже ставший первопроходцем…

Следующий из Ермолиных отмечается в якутской истории во времена правления воеводы Пушкина: «Стенька Гаврилов в прошлом во 153-м [1645] году отпущен з государевою казною к Москве и в прошлом во 154-м [1646] году на смотре у розбору воеводы Василей Пушкин с товарыщи велели быть в его Стенькино место со 155-го [1647] году из новоприборных Ларке Ермолину и в том же во 155-м [1647] году послан на государеву дальную службу на Ковыму реку».

Ларка, по всей видимости, был из числа тобольских годовальщиков. В Дозорной книге Тобольска за 1623 год сообщается: «Во дворе служилые люди Трошка Ермолин да Матюшко Ермилов. Пашни паханые середние земли 4 чети в поле а в дву потому ж.

Поскотинные земли 2 десятины. Сено косят в Саусканском лугу 100 копен. Да у них же за плоским буераком отъезжая пашня. В дуброве паханой середней земли 7 четей без третника да перелогу 4 чети в поле а в дву потому ж. Пашеного лесу дубравы 10 десятин. Сенных покосов 100 копен». То есть Ермолины — старинный тобольский казачий род.

«Не позднее 21 июля 1665 г. колымский приказчик сын боярский В. Катаев сообщил в Якутск, что “проведал новых неясачных ламуцких людей и посылал на тех неясачных ламуцких людей в поход служилых и промышленых людей Ивашка Ермолина с товарыщи, и тех ламуцких людей нашли вверх Ковыми реки. И Божиею милостию и твоим, великого государя, счастием оне, служилые люди Ивашко Ермолин с товарыщи, нашед тех ламуцких людей, и аманатов у них взяли за боем дву человек имяны Ниркания да Ниричю. И теперь, великий государь, под тех аманатов тебе, великому государю, взято ясаку вновь на 171-й год 11 соболей, на 172-й год 22 соболя, а на нынешней на 173-й год (1664/65) 36 соболей”. Участник похода И. Ермолин с верховьев Омолона вышел на Пенжину и через Парень на Гижигу, где зимой 1665/66 г. собирал ясак с коряков.

В 1669 г. на Пенжину “для приводу под царскую высокую руку новых землиц и для прииску жемчюгу и узорочного каменю” был отправлен И. Ермолин с 50 служилыми и промышленными людьми. Но осенью того же года в низовьях Колымы сопровождавшие отряд Ермолина “новокрещен толмач Офонька Чюхча, да с ним ковымский юкагир того Нижнего ясачного зимовья Керето, да Черноус, да Наган… да Туюк с племянниками и с родниками и со всеми улусными мужиками великому государю изменили, служилых людей побили и великого государя оружейную и всякую казну, и хлебные запасы, и всякие борошни отбили, и наказную память и письменные крепости взяли…”. Остатки отряда вышли все же в корякскую землю, но там все погибли от голода или от рук коряков летом 1670 г.».

Но это еще не все. Слово Б.П. Полевому о забытом походе Ивана Ермолина: «В августе 1961 г. в последний день окончания моей работы в ЦГАДА перед возвращением в Ленинград в мои руки попал сильно поврежденный, только что реставрированный документ, текст которого я впервые опубликовал в “Камчатской правде” 22 мая 1962 г. Он гласил:

"…человек десятник каз… лин подал мне, Петрушке, челобитную, а челобитн… сано: послан де он, Иван, из Якутцкого острогу на дальнюю заморскую службу морем на коче на Пе…, Кончатку и на Омолон реки. И как де он, Иван, пришел на Ковыму реку под нижнее ясачное Ковымское зимовье и того коча великого государя оружейную и всякую казну, что с ним, Иваном, послано было и хлебные запасы и всякие свои борошни выклали на берег и в тех же числах новокрещен толмач Офонька Чюхча, да с ним ковымский юкагир того Нижнего ясачного зимовья Керето, да Черноус, да Наган… да Туюк с племянниками и с родниками и со всеми улусными мужиками великому государю изменили, служилых людей побили и великого государя оружейную и всякую казну, и хлебные запасы, и всякие борошни отбили, и наказную память и письменные крепости взяли, а он, Иван, убежал душею да телом, и на ту де, великого государя, службу ему, Ивану, без наказной памяти идти не с чем и чтоб великий государь пожаловал ево, Ивана, веле… ть наказную память против ево, Иванова, челобитья. И по указу великого государя Алексея Михайловича всея великие и малые и белые России самодержца, не хотя тое, великого государя, службу поставить, дал я, Петрушка, ему, Ивану, наказную память итти на великого государя службу на … и… на Кончатку и на Омолон реки, а ту ево Иван… челобитную подклея под сею отпискою… острог в съезжую избу к т ольи… Петровичю, да дьяку Сте… Петрушка Аксен…".

На обороте ветхого листка сохранилась отметка, что этот документ был подан якутскому воеводе князю И.П. Борятинскому казаками К. Алкидиновым и А. Ципандиным, приехавшими с Колымы "178 года июня 13", т. е., 13 июня 1670 г.

…Тайну "десятника Ивана" раскрывает другой архивный документ. В XVII в. было принято, что каждый поступающий в казаки обязан был представить так называемую "поручную запись" от других служилых людей, которые клялись, что "новоприбранный" (новобранец) будет служить честно. В случае измены такого казака всех поручителей призывали к ответу — на суд («на провеж»). Так и произошло в 1673 г., когда на суд вызвали казаков, которые в свое время дали "поручную запись" по "изменнику Офоньке Чюхче". Группа вызванных поручителей — казаки Василий Кожева, Михаил Даурец, Иван Куржега и Семен Иванов — подали челобитную, в которой писали: "… стоим мы, холопи твои, на правеже в твоей государеве казне по поруке за изменника казака за Офоньку Чюхчу, бутто он, Офонька, изменил тебе, государь, убег к родникам своим, к неясашным чюхчам, и твою государеву казну ограбил, которая была в отпуску в прошлых годех с казаком, с Иваном Ермолиным…"

Итак, очевидно, что таинственный "десятник Иван …лин", это несомненно, Иван Ермолин — видный русский землепроходец, который еще в середине XVII века провел несколько лет на реке "Чендон" (Гижиге).

Найденный в 1987 г. документ был написан на имя Григория Яковлева Росторгуева и содержал некоторые биографические сведения относительно самого Ивана Ермолина. Оказалось, что Иван был выходцем с Северной Двины из Колмогор, где продолжала жить его мать Овдотья Федоровна Ермолина. Именно на ее имя Иван Ермолин просил переслать все имеющиеся у него кабалы, с тем чтобы в случае гибели его мать смогла бы получить деньги по нескольким кабальным записям.

Впервые Иван Ермолин на реку Пенжину пришел в отряде, в котором участвовало 50 человек. Такое число участников было только у Михаила Стадухина в 1651 г. Но в документах М.В. Стадухина имя Ивана Ермолина не фигурирует. Но тот факт, что Ермолин в свой поход 1669 г. пригласил бывалого Архипа Аршина и Федора Носко, бывших участников похода Михаила Стадухина, создает впечатление, что и Иван Ермолин тоже побывал на устье Пенжины еще в 1651 г. Спустя десять лет Иван Ермолин вновь оказался в этом же районе уже после трагической гибели Ивана Камчатого и Федора Чюкичева на Омолоне в 1661 г. Тогда колымский приказной Второй Федоров Катаев в 1662 г. послал в верховья Колымы, а позже на Омолон отряд Михаила Колесова для борьбы с появившимися ламутами-эвенами, а затем для поиска юкагиров, убивших Федора Чюкичева, Ивана Камчатого и их спутников. После этого Иван Ермолин и попал вновь в район Пенжины—Чендона. Впоследствии Иван Ермолин сообщал: "за каменем на Чондоне реке" прожил "восемь годов без перемен". В другом случае он отмечал: "…жил восемь годов без перемены на дальних реках". Жил он преимущественно на Пенжине и Гижиге. Вероятно, он бывал на северных реках западного берега полуострова Камчатка. Своей главной заслугой тех лет он считал обнаружение речного жемчуга. Ермолин писал: "…был де он на Чондоне реке у моря для прииску новых землиц и неясашных юкагирей и на море у Тайна каме-

ни (полуостров Тайгонос) на острову жемчюг родитца и того де жемчюгу набрали в раковинах коряки и дали ему Ивашку 18 золотников с полузолотником, а сказывали де ему, Ивашку, те иноземцы коряки, что в том месте раковин з жемчюгом много". Первые образчики речного жемчуга Иван Ермолин отправил еще "в 175-м году", т. е. в 1666–1667 гг. Об этом же свидетельствует и краткая запись на Колыме: "...с Чендона реки от служилого человека, от Ивашки Ермолина привезли на Колыму реку служивые люди Акинфейка Сырцов да Григорий Постников опыт жемчугу золотника с 4 или 5".

Вскоре после возвращения в Якутск в 1668 г. Иван Ермолин был вновь "наряжен... на службу на новую на Пенжину реку приводу под царскую высокую руку новых землиц и для прииску жемчюгу и узорочного каменю" с заданием побывать и на реке Камчатке. Однако в путь он отправился из Якутска лишь летом 1669 г. 14 июня 1669 г. Ермолин вновь давал в якутской приказной избе показания о найденном на Тайгоносе в речках жемчуге. Уже тогда он предупредил, что эти места весьма голодные, и в прошлом многие его товарищи скончались от голода. Вот почему он и счел нужным на Омолоне составить завещание. Новый поход окончился трагически — все его участники погибли от голода. Об этом свидетельствуют скорбные записи в окладных книгах Якутского острога. Видимо, он так и не смог добраться до Камчатки.

В ЦГАДА все же удалось выявить ряд забытых документов об организации этого похода. В одной личной челобитной Ивана Ермолина было написано: "Сказана мне... служба дальная в новое место на Пенжу..." Для этой службы было получено "оружья мушкетов, и куяков (панцирей), и пороху, и свинцу, и иноземцам на подарки, котлов и сетей неводных..." Группа участников этого же похода — казаки Григорий Семенов, Архип Аршин, Федор Носко, Иван Кубалов и Ждан Иванов просили якутские власти выдать им жалованье на два года вперед — "на 178–179 (1669–1671) годы".

Утрата отрядом Ивана Ермолина продовольствия и товаров в низовьях Колымы привела их к трагическому концу. Видимо, Ермолин понадеялся на пополнение своих продовольственных запасов вблизи Охотского моря и на Камчатке. Но зиму 1669–1670 гг. они не пережили. Видимо, Ермолин и его спутники надеялись на встречу с бывалыми промышленными людьми, кото-

рые жили в тех местах в течение нескольких лет. 17 июня 1668 г. на Омолоне при приказном Иване Хвостове был отменен сбор пошлин "С промышленных людей, которые в нынешнем во 176 году вышли с Пенжины реки": Григорий Лазарев, Андрей Самойлов, Гуляка (?) Федоров, с 1664 г. — Иван Ефремов, Игнатий Савин, Прокопий Тимофеев, Онисим Максимов, Григорий Алексеев, с 1665 г. — Первуха Максимов и др. Несомненно, некоторые из них смогли побывать и на Камчатке. Поэтому и возникла догадка: не остались ли там, после ухода с верховьев реки Камчатки отряда Ивана Рубца в 1663 г, какие-нибудь промышленные люди, например, Прокопий Федоров Травин, который не вернулся на Анадырь, но позже прибыл в Анадырский острог с Лены уже в качестве казака в составе отряда Родиона Кобелева. Уж не был ли он, пришедший с рек Камчатка и Пенжина, загадочный "гуляка" Федоров? Все это еще необходимо изучить по архивным документам. Остается также точно неустановленным: действительно ли отряд Ивана Ермолина погиб от голода? Быть может, они, выйдя из Пенжинского зимовья, были перебиты воинственными коряками. Несомненно, усиление интереса к полуострову Камчатка привело к тому, что именно в конце 1660-х годов перестало существовать Чендонское зимовье в верховьях Гижиги, и Пенжинское зимовье осталось единственным русским зимовьем на подступах к полуострову Камчатка».

В 1654 году в Якутске появится представитель тюменской династии Ермолиных: дело «Об отсылке в Якутский острог тюменского конного стрельца Ивана Ермолина, которому велено быть в Якутске в таможенных подьячих».

В 1656 году будет верстан в казачью службу ссыльный Алешка Ермолин.

Так что поиск фамильных корней Константина Ермолина может быть весьма затруднен обилием этой фамилии в Сибири.

* * *

В 1704 году на обратном пути в Якутск на реке Пустой «идучи с Камчатки» убиты:

Иван Шадр

Шадра — это отметина от оспы.

Шадра Иван Сафоновых, якутский казак, служил в 1706 году в пятнадцатой пятидесятне. В десятой пятидесятне служил Ша-

дрин Фома Иванов, который также погиб на Камчатке в 1706 году, возможно, это был сын Ивана Сафоновича. В тринадцатой пятидесятне служил в казачьих десятниках устьянец Петр Шадра, о котором в 1720 году сообщается: «Служивой Лука Садников …стоит на подворье у сын боярского Петра Шадрина», а также: «Во дворе Петра Иванова сына Шадрина и он Петр послан Великого государя на службу на Ильчу в 718 м году… у него шурин Федор Баженов и он послан Великого государя на службу Верховилюйское зимовье в 719 году». Так что и Петр Иванович, возможно, также является сыном Ивана Сафоновича.

Самым первым из Шадр на Лене, как выясняется, был тобольский казак «Гришка Федоров сын Шадра в прошлом во 154-м [1646] году отпущен з государевою с соболиною казною к Москве в провожатых и в прошлом во155-м [1647] году воеводы Василей Пушкин с товарыщи велели быть в его Гришкино место из новоприборных которой был на государеве дальней службе на Яне реке в нижнем зимовье Олешке Михаилову и в нынешнем во 158-м [1650] году отпущен з государевою с соболиною казною к Москве в провожатых».

А затем уже прибыл в Якутск красноярский казак Шадра Михаил Клементьев сын, который остался служить на Лене, а в 1668–1670 гг. даже был приказчиком на р. Яне: **«**Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю всеа великия и малыя и белыя Росии самодержцу бьет челом холоп твой служилой человек Васька Еуфимов сын Козицин… В прошлом, великий государь, во 176 году послан я, холоп твой, с ним, **Михаилом (Шадрой)** из Якутцкого острогу на твою великого государя на службу за море на Яну реку для твоего великого государя ясашного збору. И судом божьим море нас задержало судном, в Яну реку не попали, на море замерзли. Из за морозу шли в Омолоеву реку и в той реке Омолоеве осеновали. И из Омолоевы реки пошли на Яну через Камень на нартах. И с того волоку с ним, Михаилом, я, холоп твой, шли пол третьи недели до янского Нижного зимовья и пришли в ясашное зимовье… А живет в том зимовье ясашном, пришел с моря с розбою морского, сын боярской Родион Кобелев с служилыми людьми…»

Шадры, Шадрины — очень распространенная фамилия, которая также была и в Тобольске, и в Томске, и в Енисейске, и в Якутске.

В 1721 году отправлены служить на Камчатку двое Шадриных из Нерчинска: Гаврило и Иван.

Гаврило Сопин

Из тобольских новоприборных казаков. В казачьих списках Якутска такого имени мы не нашли.

В 1683 году на реке Исете отмечена деревня Сопина, приписанная в Мехонской слободе (позже она называется Сопинина) Тобольского уезда.

Василий Аргунов

История этой семьи будет рассказана позже.

Как мы выянили, погиб *Аргунов Василий Степанов сын (1676 г. р.), записанный в седьмую пятидесятню Якутского казачьего полка. Верстан в казаки в 1686 году, то есть в возрасте 10 лет. Информация об отце: «*Стенька Аргунов в прошлом во 199-м [1691] году в Якутцком умер воспою. И в нынешнем в 200-м [1692] году июля в 8 день приверстан в ево Стенькино место Ондрюшка Ларионов в холостой оклад».

Степан был сыном Истомы (Лазаря) Аргунова: «Лазарь Аргунов начал службу в Березове. В 1637 г. его перевели на Лену (Сибирский приказ, ст. 762, л. 24 и др.) Наиболее выдающимися службами Аргунова на Лене были: поход вместе с сыном боярским Василием Власьевым на бурятов, служба на Индигирке, где он поставил зимовье, и на реке Алазее».

«Лазарь Аргунов — потомственный казак. Его отец Савва Аргунов служил на Дону, Волге, в Москве, сражался против шведов под Ругодивом, был на Тереке и на Яике в атаманах 50 лет. В 1595 г. Савва Аргунов с князем Петром Горчаковым отбивал нападение остяков на Березов, а в 1600 г. с князем Мироном Шаховским и Данилом Хрипуновым пошел зимним путем в Мангазею. На реке Таз Шаховской *“*срубил*”* новый город. Из Мангазеи Савва Аргунов первым по Енисею добрался до Подкаменной Тунгуски и объясачил живших здесь эвенков. Во время поездки в Москву с государевой ясачной казной Савва был взят в плен поляками и отправлен к Тушинскому вору, но бежал оттуда в Москву. Из Москвы он снова попал в Березов, где и служил атаманом».

Он из казачьего рода якутских старожилов, прибывших частью из Березова, частью из Томска (но тоже березовских по происхождению).

Скажем только, что все Аргуновы — это разные ветви старинной березовской казачьей фамилии, родоначальником которых был один из ермаковских атаманов Савва (Истома) Аргунов, родом из донских казаков (по другой версии «из немчин»). Сын Истомы Лазарь Савович был отправлен в числе 50 березовских казаков вместе с воеводой Петром Головиным на Лену и навсегда остался на этой земле, пустив обширные корни.

* * *

В 1704 году новоприборные казаки Михаила Зиновьева Многогрешного Черкашенина и анадырские казаки Андрея Кутьина перенесли часть зимовий с устья реки Еловки ниже по течению и поставили Нижнекамчатский острог в районе современного поселка Ключи, назначив, отправляясь с ясаком в Якутск, приказчиками Нижнекамчатского и Верхнекамчатского острогов тобольских уроженцев **Ивана Поливанова** и **Семена Ламаева.**

О Семене Ламаеве мы уже рассказывали.

А кто же такой этот **Андрей Кутьин**?

В списке якутских казаков отмечен только один Кутьин — Яков Ефтивеев сын, десятник одиннадцатой пятидесятни. Андрея почему-то в этом списке нет. По-видимому, Кутьины из числа тобольских годовальщиков, «задержавшихся» на Камчатке — Андрей ушел отсюда уже в отряде Василия Севастьянова Щепеткого в 1712 году и больше сведений о нем нет. Но есть и другая версия

Андрей Зуев, на мой взгляд, не совсем верно объединяет все ранние камчатские события, связанные с именем Андрея Кутьина, 1703 годом: «Отряд казаков из Анадырска под командой Андрея Кутьина построил 6 зимовий на р. Уке, впадающей в Карагинский залив на севере Камчатки, и начал собирать ясак с окрестных коряков. Как писал С.П. Крашенинников, «Андрей Кутьин с товарыщи из Анадырского острогу проведали про про живущих на Уке реке, которая впала в Восточное море, иноземцов, и, пришед на оную реку близ устья впадающей в помянутую реку с левой стороны Кальны речки, построили шесть зимовей, и стали брать с оных иноземцов ясак».

Шедший на Камчатку приказчик М.З. Многогрешный забрал с р. Уки Кутьина и часть его людей. Прибыв в Нижнекамчатское зимовье, Многогрешный отправил Кутьина с 40 чел. «вниз по Камчатке реке для завоевания неплатежных камчадалов». Отряд Кутьина в верстах 50-ти от устья р. Еловки был внезапно

атакован ительменами, которые убили пять казаков. Нападение удалось отбить. Ительмены укрылись в своем острожке Тушашеры, «к которому казаки с неделю приступали, но взять не могли. И многие на тех приступах переранены, между ими и командир их Кутьин».

На самом деле Андрей Кутьин начал строительство зимовий еще в тот период, когда Камчатка входила в Анадырский присуд и приказчиком здесь был Михаил Зиновьев Многогрешный — это по его наказу началось строительство этих зимовий, чтобы осуществить путь на Камчатку по самой короткой дороге — с реки Апуки или реки Олюторки (Вывенки) через Карагинский залив и Ильпырь (Ильпейский корякский острожек) — Тымлат — Уку. И кстати, многие отряды якутских казаков, направляемых на Камчатку, пользовались этой дорогой. Здесь погиб отряд Протопопова (Верхотурова), в котором возвращался на Камчатку Петр Федорович Козыревский, здесь погибла часть отряда тобольского сына боярского Ивана Панютина и Петра Чирикова.

В 1703 году Андрей Кутьин пытался собрать ясак с нижнекамчатских камчадалов и поставить здесь Нижнекамчатский острог. Но эта попытка, как мы уже знаем, не удалась. Острог был построен только в 1704 году, и сюда (по их просьбе) были переведены анадырские казаки из восточнокамчатских зимовий.

И еще — Андрей Сергеевич Зуев выбросил из сообщения С.П. Крашенинникова очень важную информацию: «Между тем **анадырские тумаки** Андрей Кутьин с товарыщи из Анадырского острогу проведали про живущих на Уке реке, которая впала в Восточное море, иноземцов, и, пришед на оную реку близ устья впадающей в помянутую реку с левой стороны Кальны речки, построили шесть зимовей, и стали брать с оных иноземцов ясак».

Тумаки — это метисы, рожденные в смешанных браках русских казаков и промышленников с аборигенами: «Ребенок, родившийся от блуда. Давалось незаконнорожденным детям (мальчикам)». Видимо, именно поэтому Андрея Кутьина и нет в списках якутских казаков.

В 1683 году имя одного из Кутьиных было связано с тем самым Тугирским зимовьем, куда попал служить Владимир Атласов: «…в прошлом де во 191 году Тугирского острожку низовые ясачные Тунгусы Ударского, да Адатыгирского, да Нашатагирского родов пришли к нему Петру (сыну боярскому Петру Аксентьеву, при-

казчику. — *С.В.*) в Тугирской острожек и к аманатом своим с рыбным с кормом, и били челом вам великим Государем словесно, а ему Петру говорили, чтоб новое зимовье, поставить на Амгуне реке поблизку к ясачным иноземцам к рыбному месту на усть Немиляка речки; а Тугир де река голодная, рыбнаго корму добыть немочно, и служилые люди и аманаты будут помирать голодною смертью. И он де Петр оставил в том Тугирском острожке из служилых людей прикащиком Матюшку Кутьина с товарыщи, а сам де он Петр с служилыми и с промышленными людми пошел от того места, где острожек поставлен, в поход на Немиляк и на Амгунь реки на немирных неясачных Тунгусов Орилского роду и на изменников на прежних ясачных Тунгусов же, которые вам великим Государем изменили в прошлых годех в Майском зимовье. И пришед он Петр на Немиляк речку, поделав струги, хотел плыть вниз по Немиляку; и из Тугирского де острожку казак Матюшка Кутьин писал к нему Петру, что де в Тугирском аманаты три человека убили до смерти на карауле казака Тимошку Данилова, а сами из острожку ушли».

Томские краеведы попытались восстановить именной список первостроителей Томска. И вот что у них, в частности, получилось: «Поименный список части первостроителей (105 чел.) восстановлен по “Разборному списку” 1681 г., в котором не только переписано все томское служилое население, но и приведены сведения о том, “каких отцов дети, и которых городов уроженцы, и сколько лет служат, и при каких воеводах, в которых годах в службу написаны и верстаны”, какие получают оклады, есть ли сыновья и какого они возраста. На основе этого документа был составлен список служилых людей 1680 года, которые утверждали, что их отцы и деды “присланы были ставить Томской город” и поэтапно были установлены родословия некоторых из них.

Отметим лишь отдельных из них. Бурнаш Никонов в 1608 году вместе с Иваном Беляевым, **Матвеем Кутьиным**, Иваном Кокшаром и Баженом Карташевым “били челом государю царю и великому князю Василию Ивановичу всея Русии” на томских воевод Матвея Ржевского и Семена Бартенева, известных своими бесчинствами. Благодаря этому челобитью по царскому указу злодеев и мздоимцев убрали и прислали новых воевод».

В 1707 году в Томске продолжали нести казачью службу четверо Кутьиных: пятидесятник Яков Петров сын Кутьин, десятник

Иван Яковлев сын Кутьин, казаки Василий Петров сын Кутьин и Степан Микитин сын Кутьин.

Кроме как в Томске эта фамилия более не проявлялась. Как Андрей Кутьин оказался в Анадырске и кто был его отец, пока нам неизвестно.

Иван Поливанов

И этого имени мы тоже не обнаруживаем в списках Якутского казачьего полка за 1706 год.

История же появления этой фамилии в Сибири требует особого внимания.

В 1622 году правительством Михаила Федоровича были проведены меры по наделению поместьями потомков тех лиц, кто во время Смуты выступал против Лжедмитриев и Ивана Болотникова. Вероятно, Богдан и Евсевий Поливановы не вошли в число избранных и вынуждены были искать возможности для карьерного роста в Сибири. Не случаен и год написания ими челобитных — 1629 год — когда Сибирь была разделена на два разряда — Тобольский и Томский и, соответственно, в последнем происходило весьма серьезное расширения управленческого штата. И в итоге Евсевий и Богдан обрели себе новое служебное место в Сибири.

«Богдан Романович претендовал на место тарского сына боярского Еремея Пружинина, убитого калмыками и татарами в Барабинском острожке. Однако возникла спорная ситуация с другими претендентами на это место, и он был верстан в сыны боярские по Тобольску на место О. Харламова с окладом 9 руб., 6 четей ржи, 2 чети круп и толокна (1630 г.). Там и прошла вся его жизнь. В 1655 г. его оклад составлял 9 руб., 9 четей ржи, 5 четей овса и 3 пуда соли. Известно, что в 1639 г. он был посажен в тюрьму за “оплошку”: без его разрешения, но, видимо, с попустительства (как “дворового” человека, который отвечал за тюремных “сидельцов”), ссыльный И. Ядловский ушел из тюрьмы. В 1644 г. командирован на Верхотурье для межевания пашни между крестьянами Киргинской, Чубаровской и Ирбитской слобод».

Поливанов Евсевий (Евсевей) Никифорович тоже был рязанским «безпоместным неверстанным» сыном боярским и в 1629 году бил челом о поверстании «на выморочное место» тарскаго казачего атамана боярскаго сына Василия Тюменцова, «све-

денного в Тунгусы на житье». И в 1641 году Евсевей Поливанов состоял на службе у тарскаго воеводы Внукова. В окладной книге 139 (1630/31) года указаны литовский ротмистр Андрей Кропотов, стрелецкий сотник Малах Макшеев, голова конных казаков Назар Жадовский, Богдан Байгач указан просто сыном боярским, кроме него в детях боярских служат; Воин Шахов, **Евсевий Поливанов**, Воин Дементьев, **Богдан Поливанов**, Дмитрий Харламов, Павел Костелецкий и Ерофей Заблоцкий.

Затем их переводят в Тобольск.

Имя Евсевия встречается в одном замечательном документе — о наборе служилых людей для организации новых станиц в Тобольске и отправке в Сибирь русских женщин для создания русских семей в сибирской глуши: «…в нынешнем во 139-м году сентября в 9 день писал к нам с Тотьмы Григорей Шестаков: прибрал де он на Вологде из вольных гулящих людей в Сибирь в Тоболеск в казаки 150 человек да 5 жонок и тем по нашему указу роздал наше жалованье и с Тотьмы отпустил в Сибирь в Тоболеск с сыном боярским с **Евсевьем Поливановым**; и под тех новоприборных казаков подводы и подорожные велено имати до Тобольска, и на Вологде воевода князь Борис Хилков да дьяк Потап Внуков подорожную о подводах под новоприборных казаков и под жонок дали до Верхотурья, а сказали, что в наших грамотах писано к ним подводы и подорожные велено дати до Верхотурья, а до Тобольска де не указано, и для того многие охочие люди и жонки не пишутца, потому что де до Тобольска им бес подвод итти не мочно; и о том бы ему Григорею велети нам указ свой учинити. И мы указали тем новоприборным казакам, которых Григорей Шестаков на Тотьме, на Устюге Великом, у Соли Вычегодской приберет и на Верхотурье наперед себя пришлет и с достальными сам на Верхотурье приедет, под тех новоприборных казаков и под жонок подводы и подорожные давати вам с Верхотурья до Тобольска тотчас, не задержав ни часу. И как к вам ся наша грамота придет, а Григорей Шестаков сколько человек из которого города новоприборных казаков и жонок и девок в Сибирь на Верхотурье пришлет и с достальными сам на Верхотурье приедет, и вы б тотчас под тех новоприборных казаков и под жонок и под девок велели дати по подводе человеку, и подорожные им велели давати до Тоболеска и отпускали их тотчас, не задерживая. Писан на Москве лета 7139-го сентября — в 21 день».

Один из камчатских Поливановых — Алексей участвовал в 1731 году в подавлении Харчинского бунта: «И видя себе в конечной осаде, изменник Фетька Харчин пришел к нам с братом своим Степаном да Тенивина острогу тоен Нефед, а другие изменники ушли на высокую гору и аманатов не дали, и оружья огненного не вынесли, а просили у нас служило[го] человека к себе в аманаты. А вышеписанных разговоров речи толмачили служилые люди Алексей Поливанов да Иван Шигин да казачей сын Василей Курдюмской, новокрещеной Федор Мешков. И видя их такое непостоянство, велел служилым людем, вооружась из двух пушек, по них выпалить с кортечами, и они, изменники, все разбежались в лес».

О судьбе самого Ивана Поливанова чуть ниже.

* * *

В 1705 году погиб на северо-востоке Камчатки при обследовании острова, который с тех пор носит имя первопроходца, отряд сына боярского Федора Васильевича Протопопова Верхотурова.

Вполне вероятно, что сын боярский Федор Васильев сын Протопопов был родом из Томска. Именно в Томске мы прослеживаем начальную линию детей боярских Протопоповых: «Андрей Яковлев сын Протопопов сказал: отец его родом из Березова города и сослан по указу в Томской в протопопы, служил в соборной церкви у Троицы Живоначальной, а он по челобитью верстан на Москве в дети боярские»; «Василий Яковлев сын Протопопов: отец родом с Березова, а в Томску служил в соборной церкви у Троицы Живоначальной протопопом, а он Василий по грамоте государевой поверстан в дети боярские»; «Осип Володимеров сын Протопопов сказал: родом де он свияженин, сродники де его служат по Казани и по Свияжску в детях боярских, а он из Свияжска служил по Казани в сотниках стрелецких и заслышал он за Камою рекою в татарах шатость и измену, извещал в палате боярам воеводам и за тот извест из Казани послан был в Тобольск и по грамоте великого государя из Тобольска послан в Томской и в Томску верстан в дети боярские при воеводе Микифоре Нащокине из выбылых окладов десять рублев, хлеба десять четей ржи, овса тож, два пуда соли, и в 165 году за Мунгальскую посылку учинена ему на Москве придача: денег два рубля, хлеба четь ржи, четь овса, пуд соли. Пашни за ним нет. Служит тридцать лет, а детей у него один сын Оська, 28 лет».

Вместе с приказчиком Федором Васильевым сыном Протопоповым Верхотуровым погибли казаки:

Петр Козыревский — отец бунтарского семейства Козыревских, который пришел вместе с Тимофеем Кобелевым и вместе с ним сопровождал государев ясак в Якутск, а теперь возвращался с отрядом Верхотурова. Об этой семье у нас отдельный разговор.

Сидор Иванов сын Аргунов

Из рода якутских старожилов Аргунов. Но его имени тоже нет в списках Якутского казачьего полка за 1706 год.

Что касается Иванов Аргуновых, то их было несколько: в 1681 году в списках есть казак Ивашко Максимов сын Аргунов и его отец десятник Максимко Прохоров сын Аргунов, в 1691 г. Максим был уже пятидесятником. Максим Прохорович в 1653 году: «Сослан в службу в Якутск за участие в томском бунте 1649–1650 с женой Дарьицей». И его отец Прохор (Пронька): «Сослан в службу в Якутск за участие в томском бунте 1649–1650 с детьми Ивашком, Евсевейком, Омельком, Паранкой, Палашкой, Матренькой, Татьянкой и Каптелинкой». То есть и у Прохора Аргунова был сын Иван.

У Максима Прохоровича был еще один сын: «Васка Максимов Аргунов в прошлом во 197-м [1689] году на Анандыре реке от иноземцов убит».

Ивашко Аргунов (1681), Ивашко Иванов Аргунов (1691). Его отец Иван Аргунов в 1653 году: «Сослан в службу в Якутск за участие в томском бунте 1649–1650 с женой Галашкой и с детьми Ивашком и Агафьицей». У Ивана Ивановича были сыновья — Тимошка (1683) и Васка (1685).

Иван Власов

Иван Григорьев Власов, шестая пятидесятня, см. выше Григорий Власов.

Е. Кабанов

Весьма известная тобольская фамилия: Кабанов Петр Петров (отец) и Кабанов Иван Петров (сын) были подьячими, а еще один Кабанов Петр Петров (сын) — тобольским казаком.

Павел Кабан в 1712 году был в команде тобольских «воровских» казаков Кыргызова.

Якутск, 1720 г.: «Во дворе посадного Осипа Иванова сына Чирка сказал сын ево Данила отец ево Осип послан Великого государя на службу в Жиганское зимовье в 719 м году …в том же дворе живут постояльцы служивые люди Тобольского города Пумин Томилов сорока лет да набору Афонасья Шестакова Тобольского города Осип Герасимов сын Медведев тритцати лет да набору его ж Афанасья Григорей Кабанов пятидесяти лет…»

Андрей Кабанов в 1748 году был казаком Нижнекамчатского острога.

Леонтий Нарицын

В реестре якутских казаков эта фамилия не обозначена.

Происхождение ее связано с диалектным глаголом норить — «ловить рыбу неводом подо льдом», зафиксированном на реке Пинеге, откуда в Сибирь прибыло немало Пинегиных, Пинежаниновых и Пинезиных.

«Вслед за служилыми людьми, а иногда и впереди их, на восток шли торговые люди. Русский Север в XVI–XVII вв. становится одной из самых оживленных областей России — благодаря расположению на пересечении основных торговых путей: Москва-Архангельск и Москва — В. Устюг — Соликамск — Верхотурье — Сибирь. На всем протяжении пути из Сибири на «Русь» велась оживленная торговля пушниной, что, безусловно, содействовало экономическому развитию края».

«Через Лальск проходил зимний путь из Устюга на Урал, в Сибирь. Здесь создавались промысловые и торговые артели, караваны для сибирских экспедиций с грузом заморских товаров и русских изделий». Именно эти исторические обстоятельства способствовали обогащению лальских купцов **Норицыных,** Горяиновых, Юрьевых, Басановых, Бобровских. Путь в Сибирь через Центральное Поморье был основным вплоть до открытия в 1763 г. Сибирско-Московского тракта на Екатеринбург.

Торговые люди способствовали вовлечению масс свободного поморского населения в промысловую деятельность за Уралом. Большая часть добываемой в Сибири пушнины скупалась крупными торговыми людьми Великого Устюга и Соли Вычегодской, которыми организовывались промышленные экспедиции за Урал» (Добрыднев В.А. «Вычегжане на Урале и в Западной Сибири (кон. XVI – нач. XVIII вв.)».

В именном указателе книги «Русские мореходы. Сборник документов о великих русских географических открытиях на Се-

веро-Востоке Азии в XVII веке», составителем которой был М.И. Белов, мы встречаемся с именами промышленников Норицыных, которые навечно остались в истории, — Василий и Леонтий.

В 1655 году ушел на Амур «воровской полк Сорокина», но по пути взбунтовавшиеся казаки пытались ограбить Усть-Кут: «Следующим довольно продолжительным пунктом остановки Сорокина было Усть-Кутское зимовье, где происходила в то время «ярманга» (ярмарка) и куда он прибыл 15-го мая. Здесь Сорокин встретил первое и последнее сопротивление со стороны оставшихся верными государю илимцев. На устье р. Куты находился острожек, куда, при приближении Сорокина, засели немногие служилые люди и часть собравшихся на ярмарку торговых и промышленных людей, под предводительством приказнаго человека Семена Безпалова и таможенных **целовальников Семена Норицына** и Луки Захарьева. Им удалось отсидеться от Сорокина, который "приступал" к острожку, убил 2 промышленных людей и 2 ранил, но острожка взять не мог».

Впоследствии мы неоднократно встречаем имя Якова Нарицына. Первый раз в Договоре, заключенном «между служилыми людьми Селенгинска, Удинска, Кабанского и Ильинского острогов о взаимной поддержке и организации органов самоуправления» за апрель 1696 года — после известного восстания «заморских», то есть забайкальских казаков.

В 1709 году это имя мы видим в списке людей в наказе Василия Севастьянова Щепетного, которых он должен забрать из Зашиверского и Уяндинского зимовий на Камчатку: «…в прошлом 709 году писал в Якуцкой из заморских рек камчадалской прикащик Болшей реки сын боярской Иван Панютин: осталось де от него в Зашиверском и Уяндинском зимовьях, за скорбью служилых людей, 16 человек: …**Яков Нарицын** …и велено их забрать в Камчатку Осипу Миронову».

А в 1710 году Яков Нарицын был оставлен Осипом Липиным в Анадыре вместе с теми казаками, которые «обезножили» во время перехода из Якутска в Анадырь.

Казак Сенка Нарицын, являвшийся родственником купцов Нарицыных, служил в Албазине в 1682 году.

Степан Норицын — был торговым человеком в Якутске при воеводе Кутузове-Голенищеве, а затем занимался пушной торговлей, вероятно, его сын — Матвей Степанович Норицын.

Позже мы и встречаем представителей этого торгово-промышленно-служилого рода в южной части Сибири, ближе к Нерчинску, где в Кяхте и происходил знаменитый пушной торг с китайцами – в Селенгинске, Иркутске, Албазине.

В книге Г. Леонтьевой «Служилые люди Восточной Сибири» читаем: «Участие в торговой деятельности за рубежом перечисленных служилых людей протекало в двух направлениях. Одни из них вели собственный торг. К таким можно отнести Максима и Алексея Бурдуковских, Андрея Штинникова, отчасти Михаила Савватеева. В 1693 г. селенгинский пятидесятник А. Штинников, участвуя в караване детей боярских С. Молодого и А. Уварова, вывез за рубеж 4000 беличьих шкурок, 2 пуда кости моржового зуба, 20 юфтей кож красных. Привезенные им в 1694 г. китайские товары оценивались в 450 руб. С этим товаром Штинников проследовал в Иркутск. Отсюда часть товаров была отправлена им с **приказчиком И. Норицыным** к "Русе".

В 1697 г., побывав в Китае, А. Штинников снова вывез китайский товар, обменял его в Якутске на "мягкую рухлядь", с которой снова отправился в Китай».

В 1707 году в составе томских служилых отмечен Петр Леонтьев сын Нарицын (Норицын). Так что возможно, что и Леонтий Нарицын из томских служилых людей.

Григорий Кузнец

В 1681 году в списках якутских казаков в холостом окладе мы находим Григория Кузнеца. Затем: «Гришка Тимофеев Кузнец в нынешнем в 200-м [1692] году августа в 9 день хлебной оклад учинен ему женатой».

Но в списках Якутского казачьего полка за 1706 г. Григория Кузнеца мы не находим, хотя по другим источникам известно, что в Якутске в 1690-х годах служило два Григория — Кузнецов и Кузнец. Григорий Кузнецов в 1690–1697 годах был приказчиком на Колыме вместе с целовальником Афанасием Балушкиным, который впоследствии служил в Анадырском остроге, поэтому этот Григорий не мог выступать в роли простого казака на Камчатке. Возможно, это был Гришка Кузнец — опытный казак, служивший в Якутске, по крайней мере, с 1681 года. Мы говорим возможно, потому что фамилия эта очень распространенная, и Григорий Кузнец, в принципе, мог быть из разных мест и из разных социальных сословий — посадских, промышленных,

торговых людей или из крестьян, в числе тех новоприборных казаков, что направлялись для службы на Камчатку.

Григорий Куимов

1706 год, одиннадцатая пятидесятня. Из новоприборных казаков.

И снова мы имеем дело с потомками казаков «старой сотни» Тобольска, судя по информации Дозорной книги за 1623 год: «Деревня на речке Сузгунке в Вершинах. Во дворе конной казак Семен Куим. Пашни у нево паханные середние земли 2 чети да перелогу 10 четей в поле а в дву потому ж. Пашенново лесу дубровы 10 десятин. Сено косит 200 копен».

Куимовы и Куймовы — многочисленные представители тобольского казачества. А фамилия пришла из языка народа коми: «Куимов (Куймов) — от "куим" (три)».

Вот только данные за 1710 год по одной лишь деревне конного казака Микитки Куимова:

«Деревня Куимова.

Во дворе отставной конной казак Костянтин Микитин сын Куимов сказал себе от роду 73 лет вдов у него сын конной казак Алексей 45 лет у него жена Орина 40 лет у него дети сыновья Егор 15 лет Микита 12 лет да сноха сыновья салдацкая жена Федора Сидорова 30 лет да дочери ево Костянтиновы девицы Орина 15 лет Анна 10 лет да внучка Алексеева дочь Устинья 16 лет…

Во дворе отставной конной казак Илья Никитин сын Куимой сказал себе от роду 60 лет у него жена Овдотья 60 лет у него дети сын Александр 25 лет у него жена Варвара 25 лет у него дети дочери Онисья 2 лет Ненила году…

Во дворе конной казак Микифор Никитин сын Куимов сказал себе от роду 55 лет у него жена Наталья Иванова 50 лет у него сын Иван 19 лет дочерь Василиса 8 лет да приемыш Иван Яковлев 20 лет у него жена Федосья 20 лет…

Во дворе казачей сын Афонасей Никитин сын Куимов сказал себе от роду 65 лет у него жена Парасковья 40 лет у него дети Иван 18 лет Никифор 13 лет дочери Онисья 14 лет Марина 8 лет Овдотья 6 лет Олена 3 лет…»

Петр Саватеев

Саватеев Петр Федоров, десятая пятидесятня.

Фамилия, вероятно, пришла из Нерчинска: в 1685 году здесь служит рядовой казак Ермолай Саватеев за семь «рублев» в год. В 1693 году: «Десятник Яков Телицын в 201 году сентября в 1 день умре, а в оклад ево приверстан казачей племянник Михайло [Афанасьев сын] Саватеев октября в 13 день».

По данным переписи Нерчинска за 1721 год: «Конной казачей десятник Михайло Саватеев — 58 у него два сына Лев — 12 Иван — 11». Записаны только несовершеннолетние дети — тот, кто в службе, вносился уже в другие списки, а судя по возрасту, у Михаила Афанасьевича могли быть еще и взрослые дети. Как, например, у другого нерчинского казака: «Конной казак Василей Саватеев — 49 у него сын Иван — 29 да два внука Данило — 11 Иван — 7». В Городищенской слободе Нерчинского уезда была деревня Саватеева, в которой проживали многочисленные Саватеевы.

Иван Павлов

В списках Якутского казачьего полка за 1706 год такой не числится. Но казак Иван Павлов проходит по спискам 1681 и 1692 гг.

В числе старослужащих женатых якутских казаков был в 1692 г. также Павлов Бориска, у которого было два сына — Ивашко (1672), Гришка (1678).

Иван Павлов Худорошков

Иван Павлович, записанный в одиннадцатую пятидесятню, по всей видимости, был из довольно крупной семьи тобольских крестьян: «Двор крестьянина Саввы Худорошкова сказался 60 лет, у него жена Лукерья — 50 лет, сын Кирило — 25, Митрофан — 20, жена Татьяна — 20, у Кирила жена Дарья — 20 лет, сын Дементей — 2 лет, у Митрофана сын Семен полугода, у Савы дочь Матрена — 20, Овдотья — 16 лет. Брат Михайло — 50, жена Ирина — 30 лет. Дети Иван — 5. Семен полугоду, дочь Опросинья — 9, Анна — 8, Марья — 3 лет» (Тобольск, 1689 г., деревня Вяткина)».

То, что крестьян призывали на службу, можно продемонстрировать на примере этой же фамилии: в 1700 году в роте Шадринской слободы Тобольского полка служил в драгунах Федка Худорошков.

* * *

В 1706 году разбит отряд казака **Василия Шелковникова**.

Василий Иванов сын Шелковников служил казаком в 1691 году, в 1706 году – в одиннадцатой пятидесятне Якутского казачьего полка. Был назначен приказчиком на Камчатку, но «…коряки (Левка Танхагирев с родичами) убили служилого Василия Шелковникова, отправленного в 1705 г. из Якутска в Камчатку с 15-ю казаками для доставления туда пороху и свинцу. Вместе с Шелковниковым коряки убили 10 казаков, а остальные успели убежать в акланский острог, который коряки держали в осаде, пока в 1706 г. не подошел к ним на помощь Колесов, возвращавшийся с ясаками в Якутск. Колесов всех бывших в акланском остроге 15 казаков вместе со своими казаками послал сопровождать в Камчатку пороховую казну, «ибо, — писал он в Якутск, — в Акланском, за малолюдством, собрать ясак некому, а в Камчатке без пороху и свинцу надо опасаться бунту».

В первой пятидесятне Якутского казачьего полка служил в 1706 г. Иван Иванов сын Шелковников, во второй — Федор Иванов сын Шелковников (1688 г. р.).

Якутск, 1720 г.: «Во дворе Федор Иванов сын Шелковников»; «Во дворе Иван Иванов сын Шелковников».

Федор Иванович Шелковников, младший брат Василия Савастьянова Щепеткого и послан приказчиком на р. Большую в 1712 г. для принятия острога после гибели Д. Анциферова, но И. Козыревский ему острог не сдал.

«В Курильской земле на р. Озерной немирные неясачные иноземцы напали на отряд Федора Шелковникова, который был послан для призыву в ясачный платеж, и «служилых людей испереранили» (С.П. Крашенинников).

Повторно он появляется на Камчатке в 1723 году: «…послан в Камчатские остроги прикащиком сын боярский Федор Шелковников. Мореходом к нему определен Иван Бутин, с которым из Якутска отправлены к снаряжению и починке судна смола, пенька, железо и холст. Шелковникову по его прошению назначен на Камчатку от якутского Спасского монастыря священник Ермолай Иванов; кроме того, 19 человек казаков из команды головы Афанасия Шестакова и с ним пятидесятник Андрей Штинников». Он же оставил для нас важные исторические сведения: «В сборной ясачной книге Шелковникова на 1724 год в 3 острогах написано ясачных 5138 человек; окладу с них: 68 сороков 34 соболя, 13 сиводушек, 2262 лисицы красных, 95 бобров, 14 колонков; но ясаку не

донято 35 сороков 10 соболей, 5 сиводушек, 599 лисиц красных, 42 бобра, 4 колонки. Доимка не взята, потому что из написанных в данной из Якутска книге, по сказке лучших камчатских людей, 1 556 человек в разных годах померло; 25 не дали за скудостью, 6 за скорбию, 19 за старостию, одни в аманатах, 334 сошли в разные остроги, 80 к сыску не явилось» (А.С. Сгибнев).

Вместе с ним «побиты»:

Никита Киташ(?)
Сведений нет.

Семен Колобов

В 1706 году в десятой пятидесятне Якутского казачьего полка записан Андрей Колобов. История его появления в этих списках такова: «Бориско Арсентьев в нынешнем в 200 м [1692] году идучи в Охотцкой от иноземцов убит. И августа в 23 день приверстан в ево Борисково место ссыльной человек Ондрюшка Колобов». Он, хотя и охарактеризован как «церковная тать», но в связи с «малолюдством» приверстан в казаки. Возможно, Семен Колобов — его неверстанный казачий сын.

До Андрея Колобова в Якутске побывал в 1646 году томский казак Нехорошко Иванов Колобов, который докладывал якутскому воеводе Петру Головину о походе Ивана Москвитина на Ламское море: «154-го генваря в 8 день. На Ленском волоку в съезжей избе перед воеводы перед Васильем Никитичем Пушкиным да перед Кирилом Осиповичем Супоневым, да перед диаком перед Петром Стеншиным Ленского Якутцково острогу служилой человек, которой ныне с-ыными казаки прислан за государевою соболиною казною до волоку в провожатых, Нехорошко Иванов сын Колобов в роспросе сказал:

В прошлом де во 147-м году с Алдана реки из Бутальского острожку посылал на государеву службу томской атаман Дмитрей Копылов томских служилых людей Ивашка Юрьева сына Москвитина да их, казаков, с ним 30 человек на большое мере окиян, по тынгускому языку на Ламу. А шли они Алданом вниз до Маи реки восмеры сутки. А Маею рекою вверх шли до волоку 7 недель, а из Маи реки малою речкою до прямого волоку в стружках шли 6 ден. А волоком шли день ходу и вышли на реку на

Улью, на вершину. Да тою Ульем рекою шли вниз стругом, плыли восмеры сутки. И на той же Улье реки, зделав лодью, плыли до моря до устья той Ульи реки, где она пала в море, пятеры сутки. И тут де они на усть реки, поставя зимовье с острожком…»

Артемий Матвеев

Его также нет в списках Якутского казачьего полка 1706 года.

Но фамилия не редкая. В числе старослужащих якутских казаков был в 1681 году Матвеев Ганка — судя по всему это был прибывший в 1642 году вместе с воеводой Петром Головиным тобольский стрелец Матвеев Ганца Немчин, вероятно, из военнопленных.

По материалам «мирской челобитной» 1645 года проходит «ушник» Головина — якутский служивый Матвеев Давыдко, а также Матвеев Федька, которого за что-то воевода «посадил в тюрьму под амантцкой отход, и якуты и жонки якутцкие сверху на голову нам холопем твоим и на ядь нашу мочилися и калилися». В 1646 году уже сам Федор выступал в роли обвинителя — в архивных материалах есть документе о «Явке тобольского служилого человека Федора Матвеева на служилых людей Максима Васильева Шамдура, Травину Федорова и Алексея Григорьева Рохмиста, угрожавших зарезать его ножом».

В 1661 году отмечен якутский служилый Наумка Матвеев, в 1681 — Олешка, в 1688 — Иван Ефимов Матвеевых…

На Камчатке позже тоже был свой Матвеев: «По приговору же Мерлина и Павлуцкого апреля 17-го 1735 года… Служилый Матвеев за подмену хороших соболей в ясаке худыми наказан плетьми».

А имя его нам подсказал Степан Крашенинников: «Служивых людей при мне пять человек, а имянно: Осип Аргунов, данной мне в Якуцке для письма, Иван Пройдошин, определен от здешней приказной избы для чинения метеорологических обсерваций, а для россылок Иван Попов, Иван Черной, **Петр Матвеев** да толмач Алексей Горлов».

Яков Пивнев

Яков Федорович Пивнев служил во второй пятидесятне Якутского полка в 1706 г.

Вероятно, это его отец, казак Федор Пивнев, отмечен в Якутске в 1681 году в женатом окладе: «Книга сбора десятой соболиной

пошлины на р. Колыме таможенного целовальника Федора Анфимова Кочурова, 29 февраля — 20 июня 1678 (186) г. Скрепили Бибиков, за Кочурова — казак Федор Пивнев».

Якутск, 1720 г.: «Во дворе Михайло Васильев сын Котковской …у него ж на подворье живет отставной служивой Федор Ефимов сын Пивнев».

Во второй же пятидесятне служил в 1706 году Петр Пивнев, вероятно, брат Якова. В 1748 году в Верхнекамчатске в разночинцах отмечен Андрей [Петров сын?] Пивнев.

Иван Попов

Был убит Иван Степанов сын Попов, который служил в шестой пятидесятне вместе со своим братом Федором Степановым Поповым, а в восьмой пятидесятне служили, по всей видимости, их отец и дядя — Степан и Михайло Петровы дети Поповы. Возможно, что отец Степана и Михаила: «Петрушка Степанов Попов и Сунилин он же в прошлом во 196-м [1688] году послан за соболиною казною к Москве в провожатых и в Якутцком не бывал». А это, вероятно, брат Петра Степановича: «Алешка Степанов Попов в прошлом во 198-м [1690] году послан из Якутцкого за ссыльными людьми в провожатых до Иркутцкого и в Якутцкой не бывал».

Хотя возможен и другой вариант — все Степановичи родные братья.

В 1681 году, судя по именам-отчествам, в списках казаков значатся другие Поповы: Попов Ивашко Алексеев (х/о — холостой оклад), Попов Митка Спиридонов (ж/о — женатый оклад).

Иван Степанов

Новокрещенный казак, вероятно, из якутов, служивший в пятой пятидесятне.

Осип Чертополохов

Чертополохов Осип Васильев, пятая пятидесятня Якутского казачьего полка. Из новоприборных казаков. В переписи 1719 года такая фамилия была у крестьян Каменской слободы Тобольского уезда.

Алексей Чудинов

Чудинко, Чудин — было такое довольно распространенное мирское имя, ставшее основой для создания фамилии.

Чудинов (Чюдинов) Алексей Семенов — восьмая пятидесятня Якутского казачьего полка. Возможно, это известный анадырский казак Алексей Чудинов: «В ответ на обращение в 1701 г. ясачных юкагиров Ходынского роду “Некраско с родниками” о защите их от чукотских набегов анадырский приказчик сын боярский Григорий Чернышевский отправил в апреле 1702 г. из Анадырска в поход на чукчей **Алексея Чудинова** во главе отряда из 24 служилых, анадырских жителей и промышленных, 110 ясачных юкагиров и коряков. Поход продолжался 8 недель с апреля по июнь 1702 г. Дойдя до Анадырского “моря” (Анадырского залива?), отряд разорил 13 юрт пеших чукчей, которые отказались дать ясак, “и на том приступе в тех юртах мужеска полу человек с 10 убили и жен их и детей в полон взяли, и многие полоненные у них сами давились и друг друга кололи до смерти”. Спасшиеся из этих юрт чукчи известили остальные стойбища. Вскоре отряд имел бой с 300 чукчами, разбил их, побив человек с 200. На другой день (со слов казаков — участников похода Тимофея Даурцова, Федора Портного, Петра Мунгала) отряд был окружен 3 тыс. оленных и пеших чукчей. Произошла жаркая битва, длившаяся целый день. Отряд, хотя и дрался отчаянно и убил много чукчей, но, понеся большие потери (по одним данным — 70 раненых, по другим — всего 10 раненых русских и юкагиров), вынужден был сесть в осаду. Просидев пять дней и видя, что чаша весов склоняется не в их пользу, русские вместе со своими союзниками бежали в Анадырск. Вполне возможно, что казаки в своей сказке о походе сильно преувеличили численность чукотских воинов. Но вряд ли стоит сомневаться, что их было много. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что у чукчей была хорошо налажена связь между стойбищами, и они были в состоянии оперативно выставить достаточно большое количество воинов» (А.С. Зуев).

Кроме Алексея Семенова сына Чюдинова в 1706 году служили в полку: Чюдинов Иван большей (16); Чюдинов Иван Меньший (4); Чюдинов Илья, д-к (1); Иван и Илья служат и в 1692 г.

У Чудинова Илюшки были братья Феонька (1673) и Ивашко (1678).

Многочисленные Чудиновы служили в Тобольске. А вот и более интересный факт: тобольский казак станицы Ивана Омельнова «Чюдинко Семенов во 164 м году послан в Ылимской острог на

вечное житье». А вот его дети могли писаться уже и как Чудиновыми, и как сыновьями Семеновыми.

Были свои Чудиновы и в Томске — например, Чудинов Федька Нестеров сын: «Отец березовец, казачий сын, и за отцом пришел в Томск, а он, Федька, верстан в пешие казаки в выбылое место. Оклад пеший рядовой».

Фома Шадрин

Фома Иванов сын. Возможно, сын Ивана Сафонова Шадры, о котором мы говорили выше. Служил в десятой пятидесятне.

Вполне вероятно, что этот список жертв служилых и промышленных людей в первые годы колонизации Камчатки не полный, но он позволяет видеть все нарастающие и нарастающие масштабы этих жертв…

И не только это: в числе основной массы жертв — новоприборные казаки из Тобольска и других мест, а также неверстанные казачьи дети (возможно, казачьи братья и племянники) из разных городов Сибири, которые в силу своей неопытности погибали в числе самых первых…

* * *

Б.П. Полевой: «До 1706 г. Владимир Атласов оставался под следствием. И вдруг из Москвы последовало неожиданное распоряжение срочно его направить на Камчатку в том же звании атамана (казачьего головы. — *С.В.*) и с той же наказной памятью, какая ему была дана еще в 1701 г. В 1707 г. Атласов вступил в должность камчатского приказного. Как отмечал С.П. Крашенинников, ему дали **“полную власть над служивыми и винных смотря по делу батогами и кнутом наказывать** (выделено мной. — *С.В.*), а велено ему прежнюю свою вину, что учинил разбой, заслужить и в приискивании вновь земель и неясашных людей оказать крайнюю ревность, **обид и налогов никому не чинить и против иноземцов не употреблять строгости, когда можно будет обойтись ласкою, в противном случае и смертная казнь ему приписана”** (!!! — *С.В.*)».

Но, подчеркивает Борис Петрович: *«Пострадав от пыток и побоев, Атласов стал непомерно жестоким. Крашенинников справедливо отмечал: “…не доехав еще до Анадырска, безвинными побоями и другими поступками привел служивых в такое огорчение, что все почти послали на него в Якутск челобитные”».*

В числе челобитчиков Алексей Бурой, десятник Иван Харитонов…

«И Данила Анцыферова резал…». «Владимир угрожал …убийством». «Володимер ухватя лопату учал бить казака Михаила Федотова». «Данило Томского и Михаила Федотова бити кнутом…» Свидетели Алексей Бурой, Кирил Анабара, Василий Булдаков, Василий Тимофеев, Василий Иванов, Василий Федоров, Сава Родионов (Санкт-Петербургский филиал архива РАН, ф. 21, оп. 4, д. 34).

С Атласовым было отправлено на Камчатку 19 казаков, в числе которых был и Петр Неворотов.

Отметим для себя — Атласов зверствовал, но его казаки не убили, списав убийство на нападение воинственных коряков или чукчей… Хотя центральной фигурой в том конфликте четко обозначен Данила Яковлев сын Анциферов, или Данило Томский — будущий выборный воровской атаман, по приказу которого был убит 1 февраля 1711 года камчатский Ермак — казачий голова Владимир Владимиров сын Атласов.

Кирилл Анабара

Анабар — это река, которая впадает в Анабарский залив моря Лаптевых чуть восточнее Хатангского залива. Вполне возможно, что такую фамилию получил новокрещенный абориген, записанный в службу, вероятно, в качестве толмача.

Позже мы встречаемся и с другим представителем этой фамилии: «**Показанія казаковъ о провѣданныхъ ими морскихъ островахъ.** 714 году, октября въ 20 день, въ Якуцкомъ, въ приказной полатѣ передъ полковникомъ и воеводою Яковомъ Агѣевичемъ Елчинымъ да передъ дьякомъ Иваномъ Татариновымъ, казаки Иванъ Быковъ да Алексѣй Крестьяниновъ, Семенъ Анабара, допрашиваны порознь. А въ допросѣ Иванъ Быковъ сказалъ: по указу де великаго государя и по наказной памяти изъ приказные полаты, велѣно сыну боярскому Василью Игнатьеву противъ Уцкого острогу провѣдывать за морскими переливы жилыхъ островововъ».

Но в списках казаков 1681, 1692, 1706 гг. мы этой фамилии не встречаем.

Василий Булдаков

Первым на Лене из Булдаковых был тобольский казак и знаменитый мореход Тимофей Михайлов сын Булдаков, убитый Семеном Епишевым: «Тимошка Михаилов сын Булдаков Кузнец на государеве дальней службе на Ковыме реке послан в прошлом во 157-м [1649] году».

«Наиболее прославился смелыми походами казак Иван Ребров. Его товарищ Тимофей Булдаков, один из первых водил караваны судов от устья Лены на Колыму. В 1650 году он предпринял полное героизма плавание по морю Лаптева.

Чтобы иметь представление, что такое за люди были казаки Ермака и их последователи, приведем пример из жизни Булдакова. В 1649 году он повез жалованье казакам из Якутска на Колыму. Лето он плыл вниз по Лене и зимовал в Жиганске, на другой год к июню дошел до моря; к концу августа просекаясь сквозь льды, доплыл до Святого Носа, так назывался мыс между Яной и Индигиркой. В море стояли большие льды. Начались “ноче-мержы” (смерзание воды). Против устья р. Хромой пять кочей вмерзли в лед. Вместе со льдом их понесло в море и земля скрылась. Когда лед стал держать человека, казаки разошлись искать Землю. Шторм сломал лед и пять дней снова носил по морю. Люди болели цингой. Из помятых льдом кочей вынесли запасы. Решили льдами идти на Землю, но Булдаков не хотел кинуть казну, порох, свинец и медное казачье жалованье. Их тоже понесли на себе. Шли девять дней, через раздолье сделали нарты и лыжи. Так добрались до зимовья возле Индигирки, но купец Стенька Воропаев попрятал свой запас пудов 50 хлеба и выкупил весь корм у туземцев, чтобы никто не мог накормить казаков (узнаем “христолюбивую” русскую душу, — тут русский дух, тут Русью пахнет»).

Люди Булдакова просили хлеба, давая на себя кабалы, скидали с себя одежды, и Воропаев… «смилостивился: “продал немного муки по пять рублей за пуд. За эту баснословную, по тем временам, цену можно было построить пять городских башень.

Булдаков прожил на Индигирке до великого поста, кормясь корой и выпрошенной у туземцев юколкой — мерзлой рыбой, но все-таки пошел и добрался до Колымы и выдал служилым казакам жалованье за два года”».

В материалах Якутской приказной избы за 1688 год мы встречаем такую запись: Булдаков Григорий Тимофеев, новокрещенный, уроженец Якутска, поверстан в пешую казачью службу 08.09. 1688. Вероятно, это был сын Тимофея Григорьевича, прижитый им вне законного брака.

В списках казаков Якутска за 1681 году записано двое Булдаковых — Васка (ж/о) и Гришка (х/о).

В 1687 году Василий Булдаков уже в списке казачьих десятников Якутска, но следующая информация подводит жизненную черту: «Васка Булдаков в прошлом во 199-м [1691] году в Якутцком умер воспою».

А вот информация о Григории: «Гришка Васильев Булдаковых в нынешнем в 200-м [1692] году августа в 8 день хлебной оклад учинен ему женатой» и примерно в это же время идет сообщение о его тезке: «Гришка Булдаков в прошлом во 199-м [1691] году в Якутцком умер воспою. И в нынешнем в 200-м [1692] году июня в 25 день приверстан в ево Гришкино место казачей брат Кирилко Степанов Шапошниковых».

В 1706 году Григорий Васильев сын Булдаков служит в седьмой пятидесятне Якутского казачьего полка.

Но параллельно якутско-тобольской линии существует и непосредственно тобольская — в 1706 году в Якутске служит сын боярский Иван Андреев Булдаков, сын атамана пеших казаков Тобольска (1661 г.), который был прислан сюда на службу еще в 1693 году.

Алексей Бурой

Бурой Алексей Иванов сын, казак третьей пятидесятни Якутского казачьего полка в 1706 г. Из новоприборных казаков.

Василий Иванов

Вероятно, это только часть полного имени — имя и отчество казака. Василия Иванова в списках казаков Якутского казачьего полка за 1706 г. мы не обнаружили.

Сава Родионов

Вероятно, это Сава Родионов Нецветаев из шестой пятидесятни Якутского казачьего полка за 1706 г.

Василий Тимофеев

Тимофеевичей в казачьих списках много, а Василия Тимофеева мы не обнаружили. Вероятно, и он был из новоприборных, но еще неверстанных казачьих детей.

Василий Федоров

Та же история.

Михаил Федотов

В Якутском казачьем полку в 1706 году было двое Михаилов Федотовых— один служил в первой пятидесятне, а другой — в последней, в семнадцатой. Оба из числа новоприборных. Возможно, тоже из томских казачьих детей, как и Данило Томский, так как эта фамилия было довольно широко распространена в Сибири.

* * *

И далее: *«В июле 1707 г. Владимир Атласов с другими казаками и промышленными людьми дошел до Камчатки и здесь сходу решил организовать поход для подчинения авачинских ительменов. Военную операцию он решил проводить без предварительной подготовки, которая обычно осуществлялась на Камчатке, и это привело к большим потерям. Авачинские ительмены умышленно пропустили русский отряд в 70 казаков во главе с Иваном Таратиным к берегу Авачинской губы. Как отмечал С.П. Крашенинников, к тому самому месту, где “ныне гавань Петр и Павла”. А сами ударили по отряду с тыла. Численный перевес у ительменов был полный: на 70 человек ринулись 800 человек. Как отмечал С.П. Крашенинников, они уговорились, “чтоб служилых не бить, но по рукам разбирать и вязать, чего ради и каждый изменнник по ремню при себе имели: такая была у них надежда на великое свое множество”. Шесть казаков было убито, многие были изранены, а остальные спаслись бегством. Правда, трех ительменов русские все-таки смогли захватить в плен. 27 ноября уцелевшие таратинцы вернулись в Верхне-Камчатский острог. **И тут обычно послушные казаки обратили свой гнев против виновника их военной неудачи*** (выделено мной. — *С.В.*). *В декабре они сместили Атласова и посадили его в тюрьму, откуда он сбежал в низовья реки Камчатки.*

Восставшие казаки отобрали в казну все пожитки Владимира Атласова и собранную им пушную «казну», притом немалую: 30 сороков и 34 соболя, т. е. 1234 соболя, 400 красных лисиц, 13 сиводущатых и 75 каланов. Своим новым приказным они избрали опытного казака Семена Ломаева.

Восставшие казаки сразу же сочинили подробную отписку в Якутск, в которой попытались объяснить свои действия против Атласова.

Как писал С.П. Крашенинников, казаки утверждали, что “будто Атласов не давал им съестных припасов, которые с камча-

далов збираются, будто сам пользовался оными, а они, прогуляв рыбную пору, претерпевали голод, будто бы из корысти своей выпустил аманатов, и от того во всех ясачных иноземцах учинилась такая шатость, что ясачные зборщики, посыланные на Пенжинское море, едва спаслися бегством, будто бы колол он на смерть служилого Данила Беляева, и когда ему от служилых представлено было, чтоб он безвинно палашем не колол, но наказывал бы их за вины батогами или кнутом как государевы указы повелевают, а он на то в ответ сказал, что государь ему в вину не поставит, хотя он их и всех прирубит; будто он, желая мстить казакам за мнимые и грубые их речи, призвал к себе лучшего камчадала, и говорил ему, аки бы колол помянутого служивого за то, что служивые хотят всех камчадалов прибить, а жен их, детей и кормы по себе разделить; будто по той ведомости камчадалы жилища свои оставили, и, соединились в тесном месте, убили трех человек служивых, и многих переранили, будто он посланную из Якутска подарочную казну почти всю употребил в собственную пользу, так что на Камчатке в привозе явилось у него бисеру, а по тамошнему одекую, и олова не больше полпуда, а медь всю переделал он в винокуренную посуду; и будто у новокрещенного камчадала (Ивана (возможно, Григорьеича) Ворыпаева. — *С.В.*) *вымучил он нападками лисицу чернобурую, которая в казну была приготовлена"».*

Но даже молодой и неопытный студент Степан Крашенинников засомневался в объективности этих обвинений: *«…Атласов мог не давать им съестных припасов казенных, мог аманатов из корысти выпустить, мог с палашом метаться пьяной и корыстоваться ясачною казною, как человек лакомый, которое лакомство видимо будет из собранных его пожитков, в краткое время приобретенных. Но кто поверит, чтоб он желал возбудить иноземцов к бунту, ведая, что по убийству казаков и самому от смерти не избавиться. Что ж камчадалы на Пенжинском море ясачных зборщиков едва живота не лишили, что в другом месте трех человек убили, а иных переранили, оное могло учиниться и без Атласова возмущения, тем наипаче, что казаки, может быть, чем огорчили ясачных людей, ибо и на Пенжинском море ясачного зборщика хотели убить камчадалы за то, что он вместо одного соболя требовал ясаку по два и по три с человека. Что до чернобуркой лисицы касается, то при обыске не явилось ее у Атласова».*

Кто-то из верхнекамчатских казаков помог Владимиру Владимировичу выбраться из тюрьмы и добраться до Нижнекамчатска. Но и там ему было отказано во власти — нижнекамчатский приказчик Дмитрий Ярыгин не сдал ему своих полномочий. И главное, никто из нижнекамчатских казаков этому не воспротивился и не встал на сторону казачьего головы.

Но обращает на себя внимание другое — ни верхнекамчатские, ни нижнекамчатские казаки не расправились тогда — даже не по «горячим», а по «очень горячим» следам — с Владимиром Атласовым.

* * *

Экспедицию против авачинских камчадалов возглавил Таратин Иван (или Исак в некоторых источниках).

Мы не нашли фамилии Таратин в списках не только якутских, но и других сибирских казаков. Не было такого имени и в списках Якутского казачьего полка 1706 года.

Мы зато обнаружили другую фамилию — Тарутин. Это фамилия тобольских детей боярских, так, например, в 1705 году по указу царя Петра Алексеевича были «забриты» в солдаты многие из детей боярских Тобольска, в том числе и Федор Иванов сын Тарутин. В 1689 году нес службу Тарутин Ларка Федоров сын. Пятидесятник Иван Тарутин — вполне возможно тот самый тобольский казак Ивашка Тарутин, который в 1671 году побывал в Китае и привез сообщение о джунгарских и монгольских тайджи.

Он, а может быть, его отец или дед, были выходцами из тобольского посада: «По окладной книге 1655 года, самыми богатыми людьми тобольского посада были торговцы бухарским товаром Михаил Андреев, Малафейка Юдин, Гаврила Слободин, **Ивашка Тарутин**, крещеный бухаретин Яков Буйгаланов. Состояние каждого из них оценивалось от 100 до 300 рублей, в то время, как движимое и недвижимое имущество большинства посадских людей не составляло и двух рублей».

У П.Л. Буцинского мы нахоим сведения о том, что посадский Тарутин прежде проживал в деревне при Туре и имел… собственных крепостных людей.

В 1661 году Ивашка Тарутин служит в конных казаках станицы Гаврилы Грозина (сына ермаковского сотоварища Грозы), с ним же служит и Силка Тарутин. В переписных списках казачьих детей за 1689 год мы находим Одвокимку Иванова сына Тарутина.

В 1704 году появляются новые любопытные материалы: «Василей Савин сын Тулской и генваря в 30 день отдано из окладу неверстанному сыну боярскому Павлу Выходцову 2 рубли потому что отдано было дяди ево Алексея Выходцова и отняв 2 прибавлено ему Василю вместо тех взятых денег Ивана Тарутина окладу в 2 рубли; Степан Михеев сын Салманов прибавлено ему к прежнему ево окладу из окладу Гаврила Будкеева 4 рубли Ивана Тарутина рубль и учинен ему оклад 7 рублев».

Это значит, что Иван Тарутин переведен на новое место службы, а его должностной оклад разделен между новоприборными детьми боярскими и сибирскими дворянами.

Это не противоречит нашей версии о том, что Иван Таратин и Иван Тарутин — одно историческое лицо.

* * *

Но вернемся к экспедиции Ивана Таратина и ее последствиям.

Принцип отношения к местным жителям у Владимира Атласова сформировался еще в период первого камчатского похода, и мы обращали уже на это внимание: **«Камчадалов громили и набольших людей побили, и посады их выжгли для того, чтобы было им в страх»** («Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII веке». Л., 1935. 260 с.).

Он не понимал, что сейчас время военной экспансии, когда на Камчатку совершали быстрый набег, убивая и грабя, чтобы столь же быстро уйти от возможного наказания, как это ему удалось в первый его приход на Камчатку, уже ушло.

Бывшие его новоприборные казаки из Тобольска и Енисейска, которые пришли на Камчатку с Михаилом Зиновьевым, начинали обживать эту дальнюю восточную землю, завязывая родственные отношения с камчадалами, обзаводясь семьями.

Камчатские приказчики — и черкашенин Михаил Зиновьевич Многогрешный, и коренные якутяне Тимофей Родионович Кобелев, и прибывший позже Василий Михайлович Колесов обустраивали и укрепляли остроги, прекрасно понимая, что при том малолюдстве камчатских служилых, которые пришли на Камчатку вместе с ними собирать ясак с местного населения, предпринимать карательные экспедиции очень опасно — чревато большими и, главное, трагическими последствиями.

Если в центральной части полуострова в бассейне реки Камчатки, где и были размещены Верхнекамчатский и Нижнекам-

чатский остроги, установились более или менее мирные отношения с аборигенами, то этого нельзя было сказать ни о юге, ни о востоке, западе и севере. Камчатские казаки жили во враждебном кольце, с боем пробиваясь в любую из этих сторон.

Мирное равновесие с ежегодной выплатой ясака удерживалось за счет аманатов — заложников, являвшихся близкими родственниками «лучших мужиков» — вождей (тойнов). Институт аманатов существовал тогда по всей Сибири и считался методом наиболее эффективного удержания коренной Сибири во власти казаков.

Что сделал Атласов?

Все наоборот.

Не успев прибыть на полуостров, он тут же отправил в военный поход казаков на юг полуострова на авачинских камчадалов.

Александр Сергеевич Пушкин, конспектируя книгу С.П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки», понял, что из того похода казаки вернулись с победой: «*Немедленно (в августе того же году) Атласов отправил на Бобровое море 70 человек казаков под начальством Ивана* (в другом случае у Крашенинникова — Исака. — *С.В.*) *Таратина, для наказания убийц ясачных сборщиков. Поход их продолжался до 27 ноября. От Верхнего острогу до Авачи они шли без сопротивления. Но близ Авачинской губы, на ночлеге, впервые встретили их камчадалы. Врагов было до 800. Произошло сражение. Камчадалы были рассеяны, у казаков убито 6 человек. Камчадалов в плен взято 3 человека; чрез них собран ясак. После того Таратин возвратился в Верхний острог с ясаком и с заложниками».*

Но у самого Крашенинникова ситуация выглядит не столь оптимистично: *«В августе месяце того ж года отправил он в поход на Бобровое море для усмирения изменников, которые ясашных сборщиков побили, служивого Ивана Таратина человеках в 70, которые были на службе ноября по 27 число того же году. Помянутые походчики от самого Верхнего острогу до Авачи не имели никакого сопротивления; но как они близ Авачинской губы, что ныне гавань Петра и Павла, ночевать стали, то служивые камчадалов и камчадалы служивых усмотрели. А понеже изменников было в собрании сот с восемь, то уговорились они, чтоб служивых не бить, но по рукам разбирать и вязать, чего ради и каждой изменник по ремню при себе имели; такая была у них надежда на великое свое множество.*

Следующего дня Таратин пошел к Авачинской губе, где изменничьи лодки и байдары стояли. Изменники между тем скрывшись в лесу по обе стороны дороги ожидали его прибытия, и пропустя несколько передних, на самую средину напали, и бились с служивыми так долго, пока большая их часть легла на месте, а прочие принуждены были спасаться бегством. Служивых притом убито 6 человек, да несколько ранено. Камчадалов взято в полон токмо три человека из лучших людей, из за которых собрано с оставших изменников ясаку не более как 10 соболей, 4 лисицы красных, да 19 бобров морских. Однако тем оная страна совершенно не покорена, ибо до самого главного камчатского бунта, которой учинился в 1731 году, тамошние жители почти всегда в измене были. Оттуда походники возвратились в Верхней острог с ясачною казною и с помянутыми аманатами ноября 27 дня 1707 году, как выше показано. ***До сего времени правление, в камчатских острогах несколько было порядочно для того, что подчиненные командиров своих так, как надлежало, почитали, и повиновались им без всякого сопротивления, а потом начали у них отъимать команды, обирать пожитки, сажать в тюрьмы и убивать до смерти, как в следующей главе пространнее будет объявлено*** (выделено мной. — *С.В.*)*».*

* * *

1707 — атласовский — год правления Камчаткой стал самым трагичным для русских людей на полуострове и началом для новых трагедий: «*…иноземцы, видя что служивых вновь не приежжает, но все те же, и думая, что оные заплутовавшись в своей земле к ним збежали, к тому ж слыша, что посланных на смену Колесову из Якуцка Федора Верхотура да Василья Шелковникова на Тумлатах олюторы убили, и думали всех русских перевесть, надеяся на олюторов и коряк, в том что хотя некоторые из русских на Камчатку и поедут, на дороге их побьют*» (С.П. Крашенинников).

На Аваче во время похода Таратина (Тарутина) погибло, как нам сообщают, немного людей: промышленный человек **Дорофей Портнягин**, служивый **Семен Ерлов (Юрлов)**, служивый **Василий Дураков.**

* * *

Действительно, погибло в боях на берегу Авачинской гавани всего несколько человек.

А вот в Большерецком остроге в 1707 году был уничтожен камчадалами весь гарнизон, а острог сожжен.

В августе 1703 года группа верхнекамчатских казаков во главе с Дмитрием Ярыгиным отправились на реку Большую: «прикащик Черкашенин **августа 6 дня** отправил служивых 15 человек на Большую реку к служивому Данилу Беляеву, он же Имикыз, которой на Большой реке от ясашных зборщиков остался и живет там своевольно, и велел оным служивым на Большой реке острог построить… которые, пришед на Большую реку, той же осени ясашную и казенный анбар и зимовья построили».

Любопытно, что Имикыз спокойно жил все это время на реке, которую русские назвали Большой, а камчадалы называли Кыкша. Этот феномен некоторые историки и пытаются объяснить тем, что Беляев якобы на самом деле был одним из самых первых крещеных русскими казаками камчадалов, которого в прошлом звали Имикыз.

Ничего подобного. На самом деле Данила Петров Беляев был сыном якутского казака Петра Большого Беляева, у которого было два сына: Данила (1674 г. р.) и Мишка (1678 г. р.). Казачий сын Данила Петров Беляев был «поверстан в пешую казачью службу 3 сентября 1688 г.». Один из двух Петров Беляевых — Большой или Меньшой — был ссыльным, и якутский воевода Иван Федорович Голенищев-Кутузов «мимо указа великого государя» поверстал его в 1660–1666 гг. в казаки.

Данила Петров сын Беляев, Имикыз, пришел на Камчатку с Тимофеем Кобелевым, а затем был здесь с Михаилом Многогрешным и Василием Колесовым. То есть он прекрасно знал эти места и сумел жить мирно с камчадалами, построив собственное зимовье на реке, куда казачьи отряды приходить опасались. Секрет его связей с местными камчадалами не раскрыт и по сей день.

Но Данила Петров Беляев интересен для нас не только своей отшельнической жизнью на реке Большой. Да и отшельником, судя по дальнейшим событиям, он и не был. Объясняя причины убийства Владимира Атласова, казаки в 1711 году писали: «В прошлом 707 году, у казачьего головы Володимера Отласова, по извету служивого человека Данила Петрова Беляева, в доброй чернобурой лисице, животы его Володимеровы в Верхнем Камчадальском остроге служилые люди обрали, а обрав, в твою великого государя казну положили, а в животах его Володимеровых, по вышеписанному извету, доброго зверя лисицы чернобурой не нашли. И в нынешнем 711 году, нам рабом твоим про того до-

брого зверя чернобурую лисицу учинилось ведомо, что он Володимер держит у себя дома в тайных скрытных местах. И мы раби твои, приехав в Нижней Камчатской острог, и к нему Володимеру в дом пришли небольшими людми, хотя его Володимера связать и про такова зверя спрашать. И он Володимер в дому своем стал со служилыми людми дратися, и ухватил со спицу палаш, и с тем палашем на служилых людей метался; и служилые люди, бороняся от себя, его Володимера в дому его, с нашего совету казачья, убили, для того: опасаяся от него Володимера к себе убийства. И прежде сего он Володимер нашу братью служилых людей многих ножем резывал, а в Камчадалских острогах служилого человека Данила Беляева тем вышеписанным палашем калывал на смерть».

К этому мы еще вернемся.

В этом роковом для Владимира Атласова — 1707 — году Большерецкий острог был разгромлен и уничтожен полностью его гарнизон (кроме, как вы поняли, Данилы Петровича Беляева). Убиты:

приказчик **Дмитрий Ярыгин,** служивые Василий Барабанщиков, Василий Барашнаев, Павел Воробьев, Афанасий Воронин, Андрей Зырянов, Петр Истомин, **Никифор Карнаухов**, **Кондратий Кожемяка**, **Алексей Колесов**, **Никифор Кочкуров**, **Сава Крохин**, **Володимир Крылов**, **Андрей Лунянов**, **Андрей Панаевский (?)**, **Алексей Пантелеев**, **Петр Протасов**, новокрещенный казак **Алексей Петров**, **Петр Прянишников**, **Петр Птицын**, **Сергей Ружников**, **Иван Сергивеев**, **Андрей Скуриха (Скураха)**, **Артемий Травин**, **Петр Травинин**, **Петр Тупицын**, Иван Харчевников, Никифор Юрлов.

Умер (от старости или от ран?) сын боярский Иван Мокринский, участник первого похода в Камчатку Владимира Атласова: «Да преставились **Иван Мокренский** (об этой тобольской казачьей династии отдельный разговор), **Григорий Власов**…»

* * *

Но это еще не весь список.

За Большой рекой в 1707 году «побиты»:

Евдоким Малой, Архип Панфилов. На реке Колпаковой убили **Петра Калинина**, **Федора Умвосова**.

Владимир Атласов посылал «для ясашного недобору на Пенжинское море Кирила Бекирева…» В его отряде убили **Вавилу Коробьцына** (ясачного сборщика) и **Петра Саламатова**.

А также убили Петра Фомина.

Когда Кирилл Бекирев сидел в осаде, к нему послали на помощь **Федора Зыкова**, но его «вроде как» убили (потом он объявляется в команде Данилы Анциферова).

На реке Аваче и Бобровом море «побиты» ясачные сборщики — **Иван Поливанов (Ливанов)**, **Василий Питухин**, **Афанасий Попов**, **казачий сын Никита Перебякин**, **Семен Шрывач (?)**, **Промышленный Никита Санчилов**.

Посланы Владимиром Атласовым и «…на той службе побиты»: **Андрей Бобров**, **Иван Потанин**, **Григорий Белов**, Василий Лапин (Ляпин), **Иван Зверев.**

«Послал он Володимер на Пенжинское море для ясачного збору Марка Москвина и с товарищи …и его Марка с товарищи хотели побить [камчадалы]» …**Марк (Марчко) Москвин**.

* * *

То есть неудача похода Ивана (Исака) Тара(у)тина (поспешного, неорганизованного, слабоукомплектованного) обернулась гибелью многих камчатских казаков, оказавшихся вдали от Ниакиной (впоследствии святых апостолов Петра и Павла) гавани, где разворачивались главные события военной кампании 1707 года, которая была усугублена еще и тем фактом, что Атласов **приказал выпустить аманатов**, развязав, таким образом, аборигенам руки для мести.

Скорее всего, он смог получить за каждого из аманатов хороший выкуп, иначе как бы в такой тревожной взрывоопасной обстановке он успел неслыханно обогатиться за столь короткий срок с июля по декабрь 1707 года. Читаем у С.П. Крашенинникова в рукописях: «Атласова посадили в тюрьму, по их в казенку, а пожитки его в казну обрали, которые кроме множества мехов собольих и лисьих, состояли в 30 сороках в 34 соболях, в 400 лисицах красных, в 14 сиводущетых, в 75 бобрах морских…»

Но это еще далеко не все, в комментариях к «Описанию земли Камчатки» (переизданному в 1949 году), есть и другие подробности: «{В рукописи зачеркнуто: да сверх оной мяхкой рухляди взято у него шуба соболья пластинная под чешуйчатым лазоревым байбереком, пушена хвосты собольи, две шубы собольи пластинные под лимонною камкою, пушены морским бобром, три шапки женские пластинные собольи под красною камкою, пушены бобром, в том числе одна с золотым кружевом, одеяло пластинное соболье под атласом, пушено бобром, 3 меха пля-

стинные собольи, полы шубные собольих хвостов, два меха собольи черепчи, парка соболья, оплечье и кличье бобровое, куклянка соболья, парка соболья детская, две постели бобровые, шуба бобровая, опушена бобром, санаяк бобровой с оплечьем лисиц сиводущатых, санаяк выдряной с таким же оплечьем, пушен бобром, шапка женская бобровая, два меха бобровые, санаяк бобровой, детской, с оплечьем собольим, мех хребтовой сиводущатых лисиц, мех хребтовой красных лнсиц, пушен бобром, мех хребтовой красных же лисиц, мех черевей сиводущатых лисиц, мех черевей красных лисиц и куклянка красных лисиц; такое богатство нажил он, быв на приказе менее полугода (л. 285–285 об.). — *Ред.*}».

* * *

Семен Леонтьевич Ломаев (Ламаев) был рядовым якутским казаком. Но казачий круг в Верхнекамчатске в декабре 1707 года не случайно остановил свой выбор именно на нем. Приказчик Василий Колесов, на смену которого и пришел Атласов, писал о Ломаеве: «…в 705 году в марте месяце посылал я, раб твой, за Камчатку вдоль немирных курил и по курильской их острожек казака Семена Ламаева, да с ним служилых и промышленных людей сорок человек и тот острожек божьей милостью и твоим, великого государя, счастьем взяли и тех немирных иноземцов курил побили человек со сто, а достальных привели под твою великого государеву высокую самодержавную руку в вечное холопство в ясачный платеж».

«Однако, по сведениям С.П. Крашенинникова, события разворачивались не столь драматично. Казаки, увидев сильно укрепленный острожек, не решились идти на приступ, а взяли его в осаду, доведя защитников после четырех недель до голода: “У оных мужиков построен был на отпрядыше крепкой острожек, а в нем сидело их немалое число, под которых походчи 4 недели стояли и взять не могли, но как потом от голоду большая часть мужиков из острожка ушла, то остальные служивых в острожек пустили. В то время их человек с 20 в ясак приведено”» (А. Зуев).

Семен Ломаев вместе с Колесовым возвращается обратно в Якутск, сопровождая государев ясак.

Но, как сообщает Крашенинников, Ломаев вскоре с полпути отправлен обратно на Камчатку: «В Акланском жил он 15 недель, ожидая пути зимнего, в которое время коряки Косухина острожка, и некоторые другие покушались паки убить его со служивыми, токмо не допущены от акланских жителей. Колесов в помянутом остроге застал семь человек служивых вставших после Шелковникова с подарочною и пороховою казною посланною в камчатские остроги которых он, ведая на Камчатке скудость в свинце и порохе, отправил с дватцатью одним человеком своей команды, а команду поручил над ними выборному служивому Семену Ломаеву, которому и ясак приказал сбирать во всех трех камчатских острогах.

И вот очень важное замечание С.П. Крашенинникова: «Казаки за малолюдством своим принуждены тогда были жить с крайнею осторожностью, оставя до времени изменников в покое».

А Атласов это хрупкий мир решил разрушить…

То есть выбор нового приказчика верхнекамчатскими казаками в 1707 году не был случайным.

Семен Ломаев, в отличие от многих, прекрасно знал характер Владимира Атласова и осознавал все возможные последствия его необузданной натуры. Поэтому он и принял решение держать Атласова в тюрьме до прихода на Камчатку из Якутска уполномоченного для проведения сыска приказного лица.

При этом подчеркнем важное отличие от бунта 1711 года, — все «пожитки» Атласова были зачислены в казну…

* * *

РАЗБОРНЫЙ СПИСОК ЖЕРТВ 1707 ГОДА

Итак, 1707 — атласовский — год был самым трагичным для русских людей на Камчатке.

На Аваче же во время похода Таратина (Тарутина) погибли:

Семен Ерлов (Юрлов)

Этой фамилии не было в списках якутских служилых людей. Юрловы были из Тобольска.

Третьяк Юрлов был товарищем Ермака Тимофеевича. В 1623 году он владел деревней «за Ефтезерьем над Сосновым озером». И служил он тогда уже атаманом пеших тобольских казаков.

«В конце первой четверти XVII в. Третьяк Юрлов был одним из самых состоятельных людей Сибири. Помимо двора в Тобольске, дозорные книги 1623–1624 гг. отметили в его владении “деревню”. Она располагалось по Иртышу выше Тобольска, “за Ефтизерем над Сосновым озером”, включало в себя “пашни паханной середней земли 24 чети в поле, а в дву потому ж”, луг

подле Иртыша (“в длину с версту, поперег сажень с двести”») с сенными покосами. «Под бугром озеро. На озере остров поперег с версту, на нем сенные покосы… А по скаске Третьякова человека Фетьки Иванова, владеет Третьяк паханою и непаханою доброю землею от Соснового озера вниз по реке Иртышу… верст с пять, а в другую сторону от реки Иртыша в дуброву версты с полторы. Пашню пашет… своими людьми, да у него ж три половника — Исайко Кирьяков, Ивашко Онисимов, Гришка Лукьянов. Живут у Третьяка Гришка да Исайко со 128 году. У Гришки сын з женою, скота — корова. У Исайки — корова ж, три быка, два теляти. А жить им у Третьяка в половниках от сроку до сроку восемь лет. У Ивашка Онисимова… корова ж, живет у Третьяка со 131 году, а до сроку в половниках жить шесть лет…»

В 1596 г. Максим Юрлов сын тобольского атамана Третьяка Юрлова по приказу отца сделал вклад в Знаменский монастырь «деревню свою вверх по Иртышу, с хоромы и с пашенною землею и со всеми угодьи, чем владел отец его, и закладную роспашную землю, что заложил отцу его захребетной Татарин Усмаметко Усенков, на усть речки Шилеи».

В 1630 году по челобитью служилых людей были отпущены на реку Лену из Мангазеи казак Петр Юрлов с товарищами для «проведывания новых землиц». В сентябре 1632 года они вернулись назад с ясаком, оцененным в 1045 рублей (в Москве — в 1760 рублей 20 алтын) — 18 сороков 13 соболей «с новых людей якутов и иных иноземцев».

В «Краткой летописи Кытманова» есть такая запись по этому поводу: «За удачныя дѣла казаки награждались иногда особыми подарками: такъ мангазейскіе казаки Юрловъ и Переяславцевъ, за приведеніе въ ясакъ инородцевъ на Ленѣ, съ которыхъ они взяли 18 сороковъ 13 соболей, награждены портищем лазоревaго настрофиля, да 4 арш. веницейки двоеличной по 1 руб. за аршинъ».

В 1661 году в тобольских конных казаках служил Микифорко Юрлов.

На Камчатке было несколько Юрловых: Юрлов Никифор, о котором мы скажем чуть ниже, и Юрлов Гаврило, живший на Камчатке, как минимум, с 1716 года: в 1848 г. в Археографическую комиссию прислали из Иркутска две челобитные на бересте (в списках) служилых людей Гаврилы Юрлова и Афанасия Новгородова, датированные 1716 г., «об обидах и злоупотреблениях по сбору ясака» на казачьего пятидесятника А. Петриловского».

Любопытна и ситуация, возникшая в Верхнекамчатске в 1731 году, где проживали двое из потомков тобольских атаманов — Никита Дурынин и Гаврило Юрлов:

«3 октября 1731 г. Змиев прибыл в Верхнекамчатский острог, где потребовал от местного закащика Василия Пашкова выдать ему В. Новограбленного, А. Рюмина и Н. Дурынина. Но Пашков отказался “сдать” своих людей и “учинился указу противен”. 7 октября Змиев повторил свои требования. На этот раз его поддержала часть местных казаков. Один из них, Гаврила Юрлов, явился к Пашкову и стал уговаривать его выдать Новограбленного, а о последнем говорил: “Не подлежит де ему у дел быть подъячим, многие де за ним плутовства”. В ответ на это Пашков заковал Юрлова в кандалы и посадил в казенку. Змиев, поняв, что ничего не добьется, и получив известие о движении “изменников” на рр. Козыревка и Чажма, 8 октября выехал из Верхнекамчатска, оставив, однако, там трех своих людей — казаков Ефима Пермякова, Степана Карандашева и Макара Новосельцева, приказав им не допустить расправы над Юрловым».

Служивый Василий Дураков

В 1654 году в списках якутских казаков отмечен Василий Игнатьев сын Дураков. В 1670 году он уже десятник.

Интересную информацию нам сообщают документы за 1668 год:

«Наказная память якутского воеводы Ивана Борятинского казачьему десятнику Василию Дуракову, едущему на реку Оленек, с приказанием взять с собой Кантеминку Архипову.

Лета 7176 году, августа в 7 день, по указу великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа великия и малыя и белыя Росии самодержца память десятнику казачью Ваське Дуракову. В нынешнем во 176 году, августа в 3 день, била челом великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичи) всеа великия и малыя и белыя Росии самодержцу, а в Якуцком остроге, в съезжей избе окольничему и воеводе князю Ивану Петровичи) Борятинскому атамана казачья Семена Дежнева жена ево Кантеминка Архипова дочь подала челобитную, а в челобитной ее написано, чтоб великий государь ее пожаловал велел отпустить на Оленек

реку к мужю ее. И по указу великого государя, она, Кантеминка, из Якутцкого острогу на Оленек реку к мужу своему отпущена».

В 1671 году у самого Василия Игнатьевича родился сын Иван, который в 1691 году был уже казаком, а в 1706 году записан в первую пятидесятню. В шестнадцатой пятидесятне в этом году отмечен Осип Дураков.

В 1681 году в Якутске служит холостой казак Петрушка Иванов Дураков и женатый — Дураков Мишка. У десятника Михаила Дуракова был сын Ивашко (1671 г. р.). «Ивашко Дураков в прошлом во 199 м [1691] году в Якутцком умер воспою».

В 1706 году в Якутском казачьем полку служили Дураков Иван (первая пятидесятня) и Дураков Осип (шестнадцатая пятидесятня). По всей видимости, погибший Василий Дураков тоже был из якутских, но еще не верстанных в службу, казаков.

* * *

Уничтоженный гарнизон Большерецкого острога:

Приказчик Дмитрий Ярыгин

Якутский казак, служил в шестой пятидесятне.

Впервые имя Ярыгина — Матвея (Матюшки Иванова сына) — встретилось нам в списках енисейский казаков за 1638 год: он был в числе челобитчиков, вместе с Семеном Дежневым и другими казаками, отпрашивавшихся в поход в Яульскую волость.

Возможно, что его отцом был Иван Ярыга, донской казак, служивший в Томске в 1626 году.

В 1654 году Матвей Иванович служит в десятниках.

В 1665 году сотник Матвей Ярыгин (жалованье 9 рублей 7 четей ржи, 4 чети овса и «полтретья» (2½) пуда соли) произведен в дети боярские, а в его место верстан бывший пятидесятник Терентий Смирнягин (эти данные нам стали известны потому, что в Сибирском приказе искали чин для Семена Дежнева, а все сотничьи должности были заняты). Интересно при этом, что сотничий оклад Смирнягина за его личные заслуги был поболее, чем у Ярыгина: 10 рублей «с четью», 9 четей ржи, 6 четей с осминою овса, 4 пуда соли.

В **«Отписке якутского воеводы И.П. Барятинского в Сибирский приказ об осаде маньчжурскими войсками Албазинского острога»** также упоминается имя сына боярского Матвея Ярыгина:

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичу, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу, холопи твои Ивашко Борятинский, Степка Елчюков челом бьют.

В нынешнем, великий государь, во 179 году февраля в 13 день приехал в Якутский острог из Олекминского острожку сын боярский Матвей Ярыгин и привез с собою твоей, великого государя, ясачной казны, что он, Матвей, собрал в Олекминском острожке с твоих, великого государя, ясачных людей — с тунгусов и с якутов — на нынешней на 179 год.

Да подал он, Матвей, в съезжей избе нам, холопам твоим, записку за иноземскими знамены, и в записке, государь, написано:

179 года января в 17 день Нанагирского роду ясачной тунгуз Юпчанейко Дачигин сказал у ясачного платежу: был де он на соболином промыслу и видел беглого тунгуса Онкоулка Сегленкина вверху на Олекме, и слышал у него, Онкоулка, что де был во 178 [1670] году летом в Даурах; и сказывал де он, Онкоулко, ему, Юпчанейку, что де Никифорко Черниговский с товарищи, которые убили илимского воеводу Лаврентия Обухова и сбежав жили на Амуре в Лазкаевском [ошибочно, жили они в Албазинском] острожке, и тот де Черниговский Никифорко в острожке обсажен накрепко от богдойских людей, а на реке де на Амуре под тем острожком стоят многие бусы с людьми, а после де пришли конные многие ж люди, и около де того острожку сделали вал земляной. А сказывал де он, Онкоулко: чает де, что Черниговский с товарищи побиты. Да богдойские же, государь, люди под Тугирским волоком поставили городок, и в тот де городок многие хлебные запасы привели. А от того де, государь, городка по Тугире-реке плыть вниз до Олекмы-реки двои сутки, а от Тугиря-реки Олекмою-рекою вниз же плыть до Лены-реки трои сутки, где стоит Олекминский острожек, а от Олекминского, государь, острожку до Якутского острожку Леною рекою вниз же плыть 5-ры сутки. И говорят де, государь, они ж, богдойские люди, чтобы им перейти на Олекму-реку и тою рекою итти под твои великого государя городы, и которые [люди] тебе, великому государю, ясак платят, и они де с них хотят ясак сбирать на богдойского…» (*«Дополнения к Актам историческим», т. VI. — СПб., 1857, № 22, стр. 153–154)*.

В 1661 году среди якутских казаков появляется имя Ярко (Ярофея, Ерофея) Ярыгина, вероятно, брата Матвея Ивановича, так как известно, что Матвей Иванович Ярыгин имел племянни-

ков — Дмитрия (Митьку, который родился в 1672 году) и Давыдку (1652 г. р.), по всей видимости, детей Ерофея Ивановича. В 1692 году Митька Ярыгин служит в женатом окладе.

В 1706 году нижнекамчатским приказчиком был назначен Федор Иванов сын Ярыгин (впоследствии инок Феофил): «Новокрещен Ивашко Аввакумов Ищерек в нынешнем в 200-м [1692] году идучи в Охотцкой от иноземцов убит. И августа в 18 день приверстан в ево Ивашково место казачей брат Федька Иванов Ярыгин в холостой оклад».

Вместе с Иваном Козыревским примет в 1715 году монашесий постриг казак Яков Ярыгин.

В 1731 году в числе казаков, понесших наказание за Харчинский бунт, был Алексей Ярыгин — бит батогами в Нижнекамчатском остроге.

Василий Барабанщиков

Енисейский казак «Климко Барабанщик в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву дальную службу на Алдан реку в Бутальское зимовье».

В 1661 году по именным спискам якутских казаков проходит сотник Ларька Барабанщиков. В 1693 году у якутского казака Барабанщикова Мишки сыновья Максимко (1683) и Митко (1685).

Якутск, 1720 г.: «Во дворе отставного служивого человека Никиты Иванова сына Мухоплева живет служивой Никифор Горбунов Барабанщик …»

Василия Барабанщикова в списках казаков за 1706 год мы не обнаружили.

Василий Барашнаев

Сведений о нем нет никаких. Возможно, это Барашков Василий Андреевич, но тот был участником бунта 1711 года и убит в Большерецком остроге казаком Харитоном Березиным уже после того, как новый состав Большерецкого гарнизона справился с камчадалами и утвердился на новом месте.

Павел Воробьев

Мог ли Павел быть тобольским казаком? Вполне возможно, ведь одним из атласовских заводил был тобольчанин Тимофей Воробей, угодивший вместе с Владимиром Владимировичем в тюрьму. Но был в Якутске и его тезка.

Якутск, 1720 г.: «Двор служилово Тимофея Данилова сына Воробьева и он Тимофей послан Великого государя на службу в Онадырской острог в 716 м году а по скаске жены ево ему Тимофею трицеть пять лет…»

У якутского Тимофея Воробьева был брат: «Во дворе Алексей Иванов сын Голбоцкой …у него ж живет служивой Влас Данилов Воробьев».

В 1706 году в Якутске служили одновременно два Павла Васильевича Воробьева (один в четвертой, другой в двенадцатой пятидесятне), которые, скорее всего, были уроженцами Тобольска, так как мы не находим до 1706 года якутских казаков Воробьевых в казачьих именных списках.

«Михалко Воробьев в прошлом во 157-м [1649] году на государеве службе в верхоленском в Братцком острожке убит и в том же во 157-м [1649] году велено быть в его Михалково место Ивашку Иванову сыну Вогжанину в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву дальную службу на новую на Охоту реку».

По итогам расследования причин Харчинского бунта «вместо смерти бит кнутом в Нижнекамчатском остроге 10 марта 1735 г.» Алексей Воробьев, участник карательных походов на камчадалов.

Позже, вероятно, он же, нижнекамчатский казак Алексей Воробьев, оставил еще один след в истории, будучи мореходом: «Сначала судно “Св. Симеон и Анна”, которое в августе 1750 г. отправилось в море под командой казака Алексея Воробьева (на судне было 14 русских и 30 камчадалов), достигло о. Атту и здесь должно было остановиться, так как пришло в состояние негодности. Вместо него было построено новое судно, названное “Св. Иеремия”, на котором осенью 1752 г. А. Воробьев и его команда вернулись на Камчатку.

Вторым плаванием этого года было плавание судна “Св. Иоанн, устюжский чудотворец” компании лальского купца Василия Попова “с товарищи”. Мореходом был казак Нижнекамчатского острога Алексей Воробьев. “Св. Иоанн, устюжский чудотворец” вышел из Камчатки 3 сентября 1760 г. и пристал к о. Атту 27 сентября.

По их возвращении на Камчатке стало известно о насилиях, чинившихся над алеутами промышленниками “Св. Владимира” (1758–1763 гг.) и “Св. Гавриила” (1760–1762 гг.). Под суд с обоих судов было отдано 40 чел. Следствие и суд тянулись до

1774 г. Во время следствия подсудимые продолжали совершать плавания. По суду все они были приговорены к поселению на Камчатке, т. е. фактически оправданы. По всему ходу этого дела, тянувшегося около 10 лет, можно заключить, что местные власти, по-видимому, не очень возражали против насилий, применявшихся промышленниками при освоении новых земель».

В 1768 году среди казаков-мореходов бвло названо еще одно имя из династии камчатских казаков Воробьевых. Об этом сообщал П. Креницын: «А между тем, в бытность мою в Нижно-Камчацком остроге 9-го того ж сентября 767-го года бывшия напред сего во открытом море для сыскания незнаемых островов и на них живущих народов и промыслу зверей промышленныя разных городов люди, а имянно: …нижнокамчацкия отставныя казаки: Павел Коробейников, Кирило Козлов, служащия: Игнатей Студенцов, Григорей Росторгуев, Лука Соловаров, Федор Спирин, Прокопей Воробьев, Андрей Басин».

Еще один Воробьев — Юрий — был убит позже, в 1708 году, в отряде сына боярского Петра Чирикова.

Афанасий Воронин

Этого имени нет в списках якутских казаков. Но в 1681 году отмечен умерший казак Ворона Васька, у которого был сын Стенька (1687 г. р.).

Казаки Воронины были и в Тобольске, и в Томске, и в Илимске.

В 1696 году отмечены в Тобольске пеший казак Воронин Стенка Степанов, казак литовского списка Воронин Петрушка.

В Томске эту фамилию называют в числе одиннадцати первых фамилий служилых людей Томской крепости.

Томский казак Артюшка Константинов Воронин сообщал о себе: «Отец служил на Устюге в стрельцах, а он, Артюшка, пришел в Томск своею охотою к родичам своим и бил челом в службу при воеводе Ростовском. Оклад учинен пеший, рядовой, а при воеводе Бутурлине написан в десятники и оклад учинен из десятничьего прибавкою денег пять рублев без чети. Пашни за ним нет».

Воронин Левка Семенов сын: «…отец с Устюга Великого и по грамоте и по выбору прислан в Томск в конную службу, а Левка верстан в Томске в конную службу в отца место. Оклад 7 рублев с четью, два пуда соли, служит с пашни».

В деревне Ворониной в Чулымском стане в 1720 году было два двора. Один из них принадлежал конному казаку Дмитрию Кирилову сыну Воронину, обрабатывавшему одну десятину в поле, и один – его матери – вдове Арине Ермалаевой дочери Кирилловской жене Ворониной, обрабатывавшей четверть десятины в поле и проживавшей совместно с детьми Семеном (16 лет), Авдотьей (20 лет) и вскормленницей девкой Аксиньей (6 лет).

В Илимске служил в 1666 году десятником Васька Воронин

В 1735 году в числе наказанных по делу о Харчинском бунте проходил нижнекамчатский казак Андрей Воронин.

Андрей Зырянов

Служил в четвертой пятидесятне Якутского казачьего полка.

Якутск, 1650 год: «Ивашко Иванов сын Зырян в его место казачей брат Офонька Ортемьев».

В 1691 году в Якутске служил казак Мишка Савин Зырянов. Но исторически они могли быть выходцами из любого места Сибири.

Сначала справка: В 1623 году в Тобольском уезде существовала деревня служилого человека Зыряна. В 1672 году в Тобольске были записаны «казачий брат» Пашко Зырянов, служилые люди Иван Зырянов, Мишка и Марчко Зыряны. Годом ранее в Красноярском уезде зарегистрированы конные, пешие казаки и «черкасы» Зыряновы. В начале XVIII века Зыряновы служили и в Чаусском остроге. Данные топонимики свидетельствуют о проживании Зыряновых в Томске и Кузнецке уже в XVII столетии. Казачий сын Алексей Зырянов в 1719 году проживал с семьей в Бердском остроге. Антропонимы «Зырян» и «Зырянов» являются производными от этнонима «зыряне», старинного названия народа коми, и удостоверяют национальную принадлежность носителей или свидетельствуют об их выходе из «Зырянской земли».

Семейка Яковлев Зырян служил в тобольской «старой сотне» вместе с ермаковцами. В Дозорной книге за 1623 год сообщается: «Деревня в Вершине на речке Медянке. Во дворе пеший казак Семейка Яковлев Зырян. Пашни паханные середние земли 6 чети с полуосминою. Перелогу 12 четей в поле а в дву потому ж. Лесу пашенново дубровы 8 десятин поскотинные луговые земли чистово места 4 десятины. Сена косит около пашни 150 копен».

Дмитрий Михайлович Зырян Ярило был одним из первых из коми-зырян на Лене.

В 1706 году, кроме Андрея Зырянова в Якутске служили: Зырян Ефтифей Абрамов (семнадцатая пятидесятня), Зырян Афанасий Иванов (пятая пятидесятня), Зырянов Иван Иванов (шестая пятидесятня).

В 1711 году верхнекамчатский казак Федор Зырян отказался участвовать в грабежах Кыргызова, а в 1731 году он был назван в числе предполагаемых переводчиков (толмачей) для экспедиции на боте «Святой Гавриил».

Петр Истомин

Двенадцатая пятидесятня. «На Камчатке от иноземцов убит, а на его убылое место верстан новокрещен Илья Никифоров». Возможно, это Истомин Петр Якимов сын, проходящий по томскому списку казаков за 1707 год.

По этому же списку проходит томский казак Истомин Яким Павлов, а в списках якутских казаков за 1681 год — Истоминых Офонька Павлов и Демка Осипов Истоминых.

В отряде березовских и тобольских казаков, прибывших на Лену в начале 1640-х годов, были Лазарко Истомин; «Савка Истомин в прошлом во 155-м [1647] году послан на государеву дальную службу на Оленек реку».

А вообще это коренная тобольская фамилия и ее появление в Томске, по всей видимости, связано со строительством города, который создавали и тобольские, и тюменские, и березовские казаки.

А под Тобольском в 1710 году существовала и, вероятно, издавна деревня Истомина: «Во дворе отставной пешей казак Осип Фомин сын Истомин сказал себе от роду 90 лет вдов у него сыновья Василей — 30 лет писан в салдаты, Стефан — 27 лет у него жена Марья — 26 лет, дочь Овдотья — 5 лет»; «Во дворе казачей сын Федор Фомин Истомин сказал себе от роду 60 лет у него жена Анна — 30 лет дети у него сыновья Михайло — 12 лет, Савелей полтора году да брат родной Кондратей 70 лет».

В 1696 году казачью службу несли в Тобольске Олешка, Митка и Васька (заступивший на место своего отца Осипа) Истомины, а также, возможно, еще один их брат — якутский казак Демка Осипов Истоминых.

Никифор Карнаухов

Карнаухов — это человек с отрезанным ухом, возможно, ссыльный, возможно, гулящий.

В 1696 году в Братском остроге в числе участников бунта отмечен пашенный крестьянин Петрушка Карнаухов. В списках якутских казаков этой фамилии мы не обнаруживаем.

Кондратий Кожемяка

Сведений о нем так же нет. Сообщается только о Софронке Кожемяке, албазинском казаке, оставшемся в живых.

Алексей Колесов

Вероятно, из рода якутских казаков Колесовых, служивших, в том числе, и на Камчатке в приказчиках. О них отдельный разговор.

Никифор Кочкуров

Сведений нет.

Сава Крохин

В 1691 году в якутских казачьях списках есть Крохин Сава Филипов. Возможно, это енисейский казак: имя его тезки мы находим в енисейском поименном списке казаков: Крохин Савка Максимов («Переписная книга служилых людей Енисейского уезда 1669 (177) г.» РГАДА ф. 214. оп. 1. д. 527).

Володимир Крылов

В 1706 году в Якутске служит Терентий Крылов (восьмая пятидесятня). В 1691 году он записан как Терешка Крылов.

Первый из Крыловых — Никита — отмечен в 1649 году, вероятно, из числа тобольских казаков, возвратившихся на родину, так как якутская линия Крыловых на этом обрывается до 1691 года. Якутск, 1720 г.: «Во дворе посадной Еким Иванов сын Калашников… у него ж живет на подворье служивой Алексей Терентиев сын Крылов». Возможно, что и Володимир сын Терентия.

Возможен и тобольский вариант: здесь в 1696 году служат Крылов Леонтей Меркульев (сын боярский), Крылов Ивашко (казак литовского списка), Крылов Федька (казак новокрещеного списка), Крылов Якушко (пеший казак). То есть почти

полная служилая иерархия (не хватает только конного казака Крылова, который, возможно, и отправлен на службу в Якутск).

Андрей Лунянов

Фамилия отмечена в именном списке служилых людей г. Березова за 1623 год. В списках якутских казаков мы этой фамилии не находим.

Андрей Панаевский(?)

Сведений нет.

Алексей Пантелеев

Пятая пятидесятня Якутского казачьего полка.

Скорее всего, он был уроженцем Тобольска. В Якутске был отмечен в 1642 году Пантелев, но это был Пантелеев Парфенко, казак станицы Якова Елизарьева из Тобольска. Дальнейшая судьба этого человека была трагической: «Парфенко Пантелеев в прошлом во 154-м [1646] году убит на государеве службе в верхоленском в Братцком острожке в походе и в прошлом во 155-м [1647] году велено быть в его Парфенково место отставленому казаку Сидорку Филимонову и в том же во 155-м [1647] году послан на государеву дальную службу на Ковыму реку».

В 1696 году в Тобольске служил в стрельцах Пантелеев Савка Федоров.

В 1626 году в Томске служил в десятниках Пантелеев Ивашка, но, по всей видимости, это был тоже «годовальщик» из Тобольска, который не оставил своих корней в Томске.

Петр Протасов

Холостой казак Протасов Мишка Семенов отмечен в Якутске в 1681 году. Но в 1696 году мы видим в именных казачьих списках Мишку (тезку?) Протасова в Тобольске в стрельцах. В 1691 году в Якутске служит Якунька Иванов Протасов.

В 1706 году мы обнаруживаем в именных списках Якутского казачьего полка троих Протасовых — Протасов Алексей Родионов (четверая пятидесятня), Протасов Спиридон (двенадцатая пятидесятня) и десятник Протасов Яков Иванович (шестая пятидесятня).

Разнобой в отчествах не случаен — скорее всего, это новоприборные казаки, исключая старослужащего десятника. Якова Ивановича Протасова.

Алексей Петров новокрещенный казак

Это может быть представитель любой коренной местной национальности, так как толмачей часто верстали в казаки.

Петр Прянишников

Прянишников Петр Иванов, пятая пятидесятня.

Это коренная тобольская фамилия. Прянишников Игнашка Иванов — пеший казак в 1696 году. Возможно, брат.

Прянишников Ивашко Алексеев — хозяин двора (1700 г.). Возможно, отец.

А также тобольские казаки Прянишниковы — Олешка Микитин, Микишка, Игнатей, Микифор, Петрушка Кононов…

Якутск, 1720 год: «Во дворе Иван Степанов сын …у него ж стоят стояльцы Приказные полаты приставу набору Афонасья Шестакова Тобольского города Иван Данилов Прянишников».

Петр Птицын

Этого имени мы не находим в списках якутских казаков.

В 1662 году Птицын Петрушка Сидоров, десятник черкасов и московских стрельцов проходил службу в Красноярске. В 1719 году в Нерчинске служит сын боярской Егор Васильев сын Птицын 23 года, у него сын Илья 3 лет.

В Тобольске мы обнаруживаем крестьян Птицыных — Ивана (1649 г. р.) и Зиновия Ивановича (1680 г. р.). Видимо, отца и сына. Зная о том, что крестьянские семьи были многодетными, можно предположить, что и Петр Птицын из-под Тобольска.

Сергей Ружников

В списке якутских казаков этого имени мы не обнаруживаем.

Известно, что он из отряда казаков, собранных Владимиром Атласовым, для своего второго похода: «Между тем некоторые из спутников В.В. Атласова, опасаясь наказания за участие в погроме, послали в Якутск челобитные, в которых подробно описали инцидент, произошедший на Ангаре и заявили, что де они и сами уже осудили разбойную акцию Атласова. Среди писавших эти покаянные письма были тобольские, томские и енисей-

ские казаки, а именно: Афанасий Поповцев, Сергей Ружников, Ларион Бельский, Константин Соловьев, Дмитрий Журавлев, Василий Шишкин, Савва Ярофеев и другие. Атласов был в гневе на “предателей” и грозил расправой…»

Подобную фамилию мы находим только в Переписной книге Тобольского уезда за 1689 год: Ружников Олешка Иванов.

Ружники — это свита священнослужителей.

То есть казаки Ружниковы были выходцами из детей священно- или церковнослужителей. Как многочисленные Поповы или Протопоповы.

Иван Сергивеев

Что-то похожее — Сергиев Ивашко, якутский казак (1681 год). Но в списках казаков за 1706 год этого имени нет.

Ивашко Сергеев, тобольский стрелец, прибыл в Якутию в составе отряда воеводы Петра Головина. «Замятенка Сергеев на государеве дальней службе на Яне реке в нижнем зимовье послан в прошлом во 158-м [1650] году».

А вот и другой вариант: «…в его Осипково место велено быть промышленому человеку Шестачку Сергееву и в том же во 155-м [1647] году послан на государеву дальную службу на Индигирку реку».

В 1681 году в Якутске в женатых окладах служили Сергеевы Мишка и Ивашко. По другим спискам проходит в этот же период казак Матюшка Сергеев, у которого был пасынок Васька (1667 г. р.). В 1706 году Михаил Сергеев служил в Якутске в чине казачьего пятидесятника.

Андрей Скуриха (Скураха)

Этой фамилии в списках якутских казаков мы не нашли.

В Енисейске в 1639 году служил Ганка Скурихин. Вполне вероятно, что корни погибшего Андрея Скурихина и Скурихина Ильи, который также служил на Камчатке, оттуда.

Илья Скурихин в 1731 году участвовал в подавлении восстания камчадалов, будучи членом экипажа галиота «Святой Гавриил», открывшего в следующем — 1732 — году Большую Землю — Аляску.

Артемий Травин

В 1646 году сообщалось о «Явке тобольского служилого человека Федора Матвеева на служилых людей Максима Васильева

Шамдура, **Травину Федорова** и Алексея Григорьева Рохмиста, угрожавших зарезать его ножом».

В 1653 году в числе людей, служивших на Колыме, был **Травин Пронька**: «служилые ж люди, которые живут на Колыме без денежново и без хлебново жалованья своими заводишки, должачись из великих ростов, а государевы всякие службы служили до сына боярского до Василья Власьева и при Василье Власьеве и при Тимофее Булдакове, тобольские и енисейские и красноярские: Онтонко Тимофеев, Мишка Коневал, Елеска Петров, Дружинка Чистяков, Пронька Травина, Дорофейко Трофимов, Тимошка Офонасьев».

Зуев сообщает: «1658 г. …С Колымы на Пенжину отправлен отряд **красноярского казака Проньки Федорова (Травина)** и торгового человека Алексея Яковлева (Усольца) (всего 20 чел.): «для твоего государева ясашного збору и для ради прииску и приводу вновь, чтоб подвести под твою государеву высокую руку немирных и неясашных иноземцев юкагиры и коряков». Отряд действовал в районе р. Пенжины в 1659–1661 гг.».

Пронька интерсен для нас еще и тем, что, по некоторым данным, он стал одним из первых жителей Камчатки: «В составе отряда Ф.А. Чюкичева были казак Иван Иванов Камчатой и беглый красноярский казак “Пронька” Федоров Травин (или Травник). Свое главное зимовье они поставили на Омолоне (“Блудной”). Вскоре сюда же прибыла группа торгового человека Алексея Яковлева Усольца. Эта группа переманила к себе Проньку Федорова и Фому Яковлева и послала на Колыму челобитную с просьбой отпустить их “вверх по Омолону реке, а с Омолону реки на новую, на Пенжен для… ясашного збору и для ради прииску и приводу вновь… немирных, неясашных иноземцев юкагирей и коряков”».

…Весьма любопытно, что название «Камчатка» впервые появилось лишь после похода Ивана Камчатого в сторону этой реки.

Еще в 1660–1661 гг. до далекого Якутска дошли какие–то сведения о дальних походах Ивана Камчатого и возникавших там тогда каких–то конфликтах. Поэтому в наказную память казаку Ивану Хворому, вновь посланному в июле 1661 г. из Якутска на дальнюю службу на Омолон, Пенжину и Гижигу («Чендон»), и было включено особое задание «выслать в Якутцкой острог с приставы служилых людей Ивашка Камчатова, да Макейка Игнатьева, да промышленных людей Проньку Федорова Травина да Алешку Яковлева Усольца».

Все эти лица, безусловно, бывали на полуострове Камчатка еще в 50-х гг. XVII в. со стороны реки Пенжины, Макей Игнатьев дважды ходил на юг с Иваном Камчатым в 1657–1658 гг. и в 1660–1661 гг. Мы уже знаем, что «Пронька» Федоров Травин (или Травник) и Алексей Яковлев Усолец впервые появились за Пенжиной в конце 50-х гг. Несомненно, всех их потребовали в Якутск для разбора различных конфликтных дел, а заодно для «распроса» о «новых землицах».

Однако Иван Хворой никого из этих лиц выслать в Якутск не смог. Иван Камчатой и Макей Игнатьев в 1661 г. были убиты на Омолоне вместе с Федором Чюкичевым (Полевой, 1967, с. 107). Алексей Яковлев Усолец ушел куда-то на юг за реку Пенжину на промысел. А «Пронька» Федоров Травин с Пенжины перешел по Омолону и Колыме на Анюй и оттуда на Анадырь. Так Иван Хворой и не смог исполнить эту часть данного ему наказа.

Теперь также появилась возможность определить, от кого именно Иван Рубец смог узнать о существовании на юге реки «Камчатки». Очевидно, что им мог стать лишь тот человек, до которого дошли сведения об открытиях казака Камчатого. Первым таким информатором у Рубца мог быть все тот же «Пронька» Федоров Травин. С ним Рубец встретился еще на Анадырской корге в 1662 г. и поплыл па юг.

Другим информатором Рубца о южных землях и реке Камчатке мог быть и уже упоминавшийся промышленный человек С.А. Шароглаз. До нас дошел документ о возникшем между Рубцом и Шароглазом каком-то конфликте, во время которого «Савка Шароглаз, ведомой вор» будто бы «Ивана Рубца хотел копьем проколоть в ясашном зимовье» (III з, л. 12).

Существуют также глухие сведения о том, что еще зимой 1660–1661 гг. анадырские казаки в течение нескольких месяцев (с «Михайлова дни» до «мясное заговенно» (ОРЗ, с. 324–325) ходили с Анадыря на юг «на сильных людей, на неясашных на коряк». Вероятно, это тоже был поход в сторону Пенжины. Поэтому и другие анадырские казаки также вполне могли поведать Рубцу о южной реке Камчатке.

Любопытно, что на Анадырь Иван Рубец из своего южного похода на Камчатку вернулся без Федорова. По документам видно, что отношения между ними обострились еще на Анадырской корге летом 1662 г. Анадырцы утверждали, что Рубец еще «на корге сажал для бабы красноярского служилого человека

Проньку Федорова в колоду» (III ж, л. 18). Впрочем, возможно, Рубец арестовал Федорова потому, что знал, что в наказной памяти Ивана Хворого, с которым он вместе плыл на коче до Колымы, имелось указание о принудительной высылке Федорова в Якутск. Но тогда Рубец не имел возможности исполнить этот наказ. Вполне вероятно, что «Пронька» Федоров, опасаясь наказания в Якутске за его различные проступки, самовольно остался на реке Камчатке.

Удалось также документально установить, что и в середине 60-х гг. XVII в. в южных районах находились какие-то беглые казаки и промышленные люди. Так, в 1668 г. в Омолонском зимовье с Пенжины появились какие-то 15 русских (III г, л. 12). В течение нескольких лет они не уплачивали налоги, потому что были в «дальних землицах». Среди них был и некий «гуляка» Федоров, который не платил налоги с 171 (1663) года. Уж не был ли это исчезнувший «Пронька» Федоров? Эти документы также подтверждают рассказы ительменов о том, что русские с реки Камчатки посуху обычно возвращались по западному берегу полуострова. С реки Камчатки путь на западный берег шел обычно через Тигиль. И именно о Тигиле сообщали С.П. Крашенинников (1949, с. 740) и Г.В. Стеллер (Steller, 1774, с. 223). В других случаях С.П. Крашенинников (с. 152, 740, 749) упоминал реку Парень. Из документов XVII в. видно, что именно по Парени тогда шел путь в Чендонское зимовье на верхней Гижиге, где было зимовье Ф.А. Чюкичева и И.И. Камчатого.

В 1668 г. Иван Ермолин был официально «наряжен... на службу на новую на Пенжину реку для приводу под государеву царскую высокую руку новых землиц и для прииску жемчюгу и узорочного камени» (III д, л. 340) с заданием побывать на реке Камчатке.

После гибели в 1670 г. Ивана Ермолина (Полевой, 1976) уже вскоре были возобновлены русские походы па Пенжину. В 70-х гг. на Пенжине приказными были последовательно: Андрей Шипунов, Василий Бурлак, Василий Пермяк (Долгих, 1960, с. 413), в 80-х гг. — Михаил Ворыпаев, Иван Исаков Тобольский, Иван Осипов Голыгин, «Силка» Дехтярев (III к, лл. 84, 89, 153 и др.). Наиболее видными пенжинскими приказными в 90-х гг. были Дмитрий Потапов и племянник бывшего украинского гетмана — Михаил Зиновьев Многогрешный. Некоторые из этих

приказных организовывали походы на полуостров Камчатка. Подробности этих походов, возможно, еще удастся выявить в архивных документах.

Таким образом, теперь не только документально установлено, что первое открытие Камчатки было сделано со стороны Пенжины, но и выяснено, что еще до похода В.В. Атласова русские неоднократно появлялись на полуострове, главным образом с реки Пенжины. (Б.П. Полевой «Открытие Камчатки со стороны Пенжины», Норд-Ост, П-К., 1984 г.)

Владимир Бахмутов Красноярский добавляет подробностей: «Рубец знал, что еще в июле 1661 г. якутские власти объявили розыск Ивашка Камчатова, Макейка Игнатьева, да промышленных людей Проньку Федорова Травина и Алешку Яковлева Усольца и дали наказ при поимке "выслать в Якутцкий острог с приставы служилых людей".

Рубец арестовал на корге Проньку Травина, даже "сажал его в колоду", но затем освободил и использовал в качестве вожа-проводника при плавании на юг. В плавании Рубца на Камчатку принял участие Савва Шароглаз и Фома Семенов Пермяк, — участник дежневского похода, тоже оказавшийся в это время на корге. От них Рубец услышал о пушных богатствах южных районов».

1668 год: «Всего с Родионом Кобелевым поехало на Анадырь в 1668 году 13 казаков: десятник Григорий Горбун, Алексей Самсыгин, **Прокофий Травин**, Кузьма Тихвинец, Кирила Тюрин, Иван Сабинин, Константин Васильев, Василий Сухарев, Давыд Павлов, Дмитрий Ларионов Плотник, Артемий Сизой, Иван Кобелев и для письма Василий Епишев».

И вот еще один интересный документ, который сообщает о том, что бывший беглый красноярский казак Пронька Травин продолжает оставаться на якутской службе в 1673 году:

1673 (181) г. марта 3. — Память хлебного стола в денежный стол подьячему Михаилу Ушнитцкому о выдаче женам якутских служилых людей, в том числе жене атамана казачьего Семена Дежнева — Пелагее, денежного жалованья взамен хлебного.

Выдать великого государя за хлебное жалованье атамана казачья жене ево, Семена Дежнева, Палагее да казачьим женам десятника казачья Самышки Мелненка жене ево Офимице Васильево, да рядовых казаков Кондрашки Берсенева жене ево Матренке, да Ортюшки Сизово жене ево Маньке,

да Ивашка Ядловского жене ево Офимице, да Оксенка Скребыкина жене ево Марфутке, да Проньки Травинки жене ево Маньке, да Васьки Кычкина жене ево Анютке, да Ивашка Аргунова жене ево Анютке по 2 пуда за рожь деньгами по осми алтын по 2 деньги за пуд, и те дачи в книги записать и к дачам велеть руки приложить. А та им дача дать на нынешней, на 181-й год.

Якутск, 1681 год: Травина Пронка Заиков, казак (ж/о).

Петр Травинин

И одновременно с Травиным встречается имя Травинина Петра Иванова из девятой пятидесятни, который был в 1711 году в составе команды Данилы Анциферова.

Так что это разные люди.

Имя якутского казака Льва Травинина впервые встретилось мне при чтении документов за 1676–1679 годы: «Акты, относящиеся до ясачного Якута Балтуги Тимиреева и его действий против царских служилых людей» в документе, в котором «сынчишко боярской Васка Котковской да десятничишко казачей Максимко Аргунов челом биют. В нынешнем во 184 году, февраля в 4 день, по милости Божии, пришли мы на Вилюй, в верхное зимовье, все здоровы…»

И окончание: «…а тое челобитную мы послали в Якутцкой острог с казаком с Левкою Травининым, февраля в 8 день…»

И есть сведения за 1716 год: «*Служилый Григорий Камкин*. Прислан из Анадырска Татариновым. Принял дела от К. Вежливцова и сел "на приказ" в Нижнекамчатске. Как долго управлял камчатскими острогами, неизвестно. Зато по документам прослеживается, что в это время в других острогах при ясачных избах были собственные приказчики (заказчики), которые то ли назначались из Нижнекамчатска, то ли выбирались самими казаками: в Верхнекамчатске — Степан Козлов (январь 1716 г.), Кирилл Бекирев (январь 1717 г.), затем Козьма Леспивцов и Григорий Кошкин; в Большерецке — **Иван Травинин** (июль, сентябрь 1716 г.)». (А. Зуев).

1738 г. Сообщение С.П. Крашенинникова: «Июня 12 дня получил я из Большерецкой приказной избы ведение, в котором написано: сего де 1738 году июня… дня в присланном ордере в Большерецкую приказную избу с Авачи от зборщика Андрея Шергина написано: против требования де моего по-

слано чрез посланного от него Шергина целовальника **Василья Травинина** одна бабья еврашечья куклянка, кубехочь, повязка да хоньбы старые женские, а взяты де от тойонов Петра Карымчи да Алексея Тареи, а цена де поставлена куклянке четыре рубли, а хоньбам рубль, да от них же тойонов взяты три утки, одна ипатка да две мачагатки, и требовано, чтоб я оные хоньбы, и куклинку и птиц принял и по цене плату дал».

Петр Тупицын

Тупицын Петр Яковлев, двенадцатая пятидесятня в 1706 году. Ранее эта фамилия не встречается.

Возможно, он был из семьи нерчинских казаков: в 1699 году в Аргунском остроге служит в конных казаках Тупицын Яков. Мы нашли и его возможного отца — Тупицын Яков.

Возможны и другие варианты. В 1677 году на Ленском волоке в Илимском остроге служил Савка Семенов сын Тупицын. В начале 17-го столетия в Тобольском уезде мы обнаруживаем крестьян Тупицыных.

Иван Харчевников

Одиннадцатая пятидесятня.

Убит на Камчатке, а на его убылое место в 1706 г. приверстан Таршневской Никифор.

Это «чисто» тобольская фамилия.

В 1642 году в Якутск прибыл в отряде воеводы Петра Головина стрелец Харчевников Мартынко Иванов.

В документах за 1696 год мы находим в тобольских списках служилых людей Харчевникова Коземку (литовский список), Харчевникова Ондрюшку Сергеева (конный казак) и пешего казака Харчевникова Сергушку.

Якутск, 1720 год: «Служивой Афонасья Шестакова набору Кузьма Григорьев сын Харчевников сказал семидесяти лет» — это, по всей видимости, тот самый тобольский казак Коземко Харчевников...

Никифор Юрлов

О тобольских казаках Юрловых, ведущих свой род от ермаковского казака Третьяка Юрлова, мы говорили выше.

* * *

Умер (от старости или от ран?) сын боярский Иван Мокринский, участник первого похода в Камчатку Владимира Атласова: «Да преставились **Иван Мокренский**, **Григорий Власов**...»

За Большой рекой в 1707 году «побиты»

Евдоким Малой

Сведений нет.

Архип Панфилов

Вероятно, якутский казак, но его имени в списках Якутского казачьего полка за 1706 год мы не обнаруживаем.

1654 год. Сослан в службу в Якутск Илейка Панфилов.

В 1661 году в Якутске служит в пятидесятниках Устин Панфилов.

«**1677 год**

На служилых людей (60 чел.) во главе с пятидесятником Панфиловым, шедших из Якутска в Охотск, в ноябре 1677 г. на р. Урак (Юдомском волоке?) напали ясачные оленные тунгусы Годниканского рода во главе с Некрунком и “иные многие роды тунгусы же” (Уяганского рода). Они перебили русских, захватив государеву казну, товары, провиант, казачьи пожитки, пушку и ружья» (А. Зуев).

У пятидесятника Устина Панфилова был сын Федька (1669 г. р.)

Якутск, 1692 г.: «Алешка Панфилов в прошлых годех на Ковыме реке умер»; казак Мартышка Панфилов.

В 1706 году в списках якутских казаков числятся Панфилов Трифон (четырнадцатая пятидесятня), Панфилов Мартын (пятнадцатая пятидесятня).

Якутск, 1720 г.: «Служивой Афонасья Шестакова набору Иван Панфилов сын сказал сороки пяти лет жена и дети ево в Енисейску».

Фамилию Панфиловых мы встречаем в 1696 году и среди служивых людей Тобольска.

* * *

На реке Колпаковой в 1707 году убили

Петра Калинина

В списках якутских казаков за 1706 год записан Калинин Алексей Андреев, четвертая пятидесятня, который начинал службу в Якутске до 1681 года, и Петр Гаврилов сын Калинка, имя которого впервые встречается в списках за 1692 год.

«Матюшка Олексеев в его место казачей брат Завьялко Калинин в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву дальную службу на новую на Охоту реку» — его имя упоминается также в документах за 1664 год.

В 1681 в холостых казаках служат Калинин Алешка Андреев и Калинин Матюшка. «Матюшка Калинин в прошлых (до 1692. — *С.В.*) годех в Албазинском зимовье умер».

Федора Умвосова

Сведений нет.

Владимир Атласов посылал «для ясашного недобору на Пенжинское море Кирила Бекирева…»

На Пенжинском море убиты.

Коробицын Вавила, восьмая пятидесятня

Это фамилия тобольских крестьян, откуда, по всей видимости, и был родом будущий ясачный сборщик.

Убили **Петра Саламатова**

Петр Осипов Соломатов служил в десятой пятидесятне Якутского казачьего полка в 1706 году.

Якутск, 1720 г.: «Во дворе таможенной надзиратель Иван Федоров сын Лялин …у него ж живет служивой Афонасей Осипов сын Саламатов и он Афонасей послан Великого государя на службу в Оходской острог».

Саламатовы — коренные томские казаки.

Саламатов Алешка Емельянов сын: «…дед уроженец Соли-Камской, прислан из Сургута в Томск для городового поставленья и служил в конной службе, отец его тоже служил в конной службе, и он, Алешка, написан в службу в 150 году. Оклад 7 рублев 25 алтын, 2 пуда соли. Пашня».

Саламатов Андрюшка: «Дед из Соли-Камской, переведен в Томск строить город. Отец привезен в Томск 15 лет 2 п. соли. Пашня».

Саламатов Матюшка: «Дед родиною Соли-Камской, отец тоже оттуда, сам родился в Томске. Соли 2 пуда. Пашня».

Саламатов Сергушка: «Дед родом из Соли Камской, в Томский пришел своею охотою, отец его пришел вместе с дедом, а он поверстан в Томске на выбылое место брата своего. 2 пуда соли. Пашня».

Саламатов Степка Омельянов: «…дед прислан с Москвы для городового ставления, отец его привезен в Томск в молодых летах и был в конной службе, а он, Степка, поверстан в конную службу при при воеводе князе Семене Клубкове-Масальском тому 43 года. Оклад 7 рублев с четью, 2 пуда соли. Пашня».

Саламатов Федька: «Дед родиною Соли Камской. Отец родился в Томске. Соли 2 пуда. Пашня».

Красноярский род Саламатовых имеет явное томское происхождение — отсюда, как правило, «годовальщики» направлялись служить в Красный Яр.

В 1707 году в списке служивых Томского гарнизона числятся два Петра Саламатовых: Саламатов Петр Сергеев сын и Саламатов Петр Матвеев сын.

Двое Петров Саламатовых было и на Камчатке. Один погиб, а второй в 1711 году входил в состав команды Данилы Анциферова Томского.

А также убили **Петра Фомина**

Скорее всего, это коренная якутская казачья фамилия. Хотя она и появляется впервые в отряде тобольских, березовских и енисейских казаков, которые пришли на Лену с воеводой Головиным: «Стенька Фомин в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву на годовую службу на Вилюй реку в верхнее зимовье». Стенька (Степанко) Фомин был казаком из сотни тобольского атаманра Савы Измайлова.

Н. Оглоблин сообщает о Савве Фомине, который был товарищем Владимира Отласа: «Боярский сын Ив. Ерастов приехал в Москву с своими товарищами — якутскими казаками, везя соболиную казну и воеводския отписки», в декабре 1672 г. 18 декабря он подал *«челобитную»* от своего имени и за казаков Тимофея *Ушарова,* Владимира *Отласа* и Саввы *Фомина* с товарищи — о выдаче им «выхода» (государева жалованья за приезд), «поденнаго корма» и «сукон».

Имя Саввы Фомина впервые встречается нам в документах за 1661 год.

Казак Сергей Фомин был участником первого похода Владимира Атласова на Камчатку. Вполне возможно, что это его имя значится в списках четвертой пятидесятни якутских казаков за 1706 год.

В 1650 году в Якутске служит Фомин Богдан.

А в 1656 году в Якутск ссылают Пурку Фомина, который был верстан в казаки.

В 1681 году в Якутске в женатых окладах Фомин Марчко, Фомин Савка, Фомин Микитка. У Марка Фомина были сыновья Ивашко (1685), Ефимко (1689).

1706 год. Якутские казаки: Фомин Андрей, одиннадцатая пятидесятня; Фомин Василий, двенадцатая пятидесятня; Фомин Марко (Марчко), вторая пятидесятня; Фомин Петр — десятник двенадцатой пятидесятни. Вполне возможно, что именно о нем и идет речь.

Что, впрочем, совсем не исключает появление на Камчатке тобольских казаков Фоминых, которых, судя по данным 1696 года, тоже было немало, и часть из которых служила в привилегированных казачьих частях — в казаках литовского списка.

Когда Кирилл Бекирев сидел в осаде, к нему послали на помощь **Федора Зыкова**, но его «вроде как» убили.

Вот почему «вроде как»: Зыков Федор Петров, семнадцатая пятидесятня. В 1711 году Федор Зыков был в составе команды Данилы Анциферова. Или был второй Федор Зыков, или Федор Зыков, посланный на помощь Кириллу Бекереву, не был убит. Вполне возможно, что был и второй Федор Зыков, так как это имя мы находим в Поименном списке якутских казаков за 1748 год.

В 1706 году в списках якутских казаков девятой пятидесятни есть еще один Зыков — Зыков Герасим Гаврилов. А в 1681 году отмечен в женатом окладе казак Афонка Зыков.

Якутск, 1720 г.: «Двор служилого Павла Барабанского и он послан на службу на Вилюй… в том же доме живет служивой Сергей Иванов сын Зыков».

Откуда могла прийти в Якутск эта фамилия?

Есть два варианта.

Первый: «Нам известны также имена нескольких Ермаковых соратников, хотя и избежавших “сумы”, но так и не поднявшихся по социальной лестнице за долгие годы “государевой службы” до уровня сибирской “служилой аристократии”. Так, в г. Пелыме остался в стрельцах Олфер Заворохин**,** который, согласно челобитной его внука, Ивана Зыкова, “служил с Ермаком и после Ермака”, передав затем свое место в гарнизоне и оклад сыну(?) Осипу, дяде челобитчика».

Второй: в 1662 году в Красноярском остроге (а красноярцы принимали активное участие в событиях на Лене) служил пеший казак Зыков Пашко Дементьев.

* * *

На реке Аваче и Бобровом море «побиты» в 1707 году ясачные сборщики

Иван Поливанов (Ливанов)

О тобольском происхождении Поливанова мы писали выше. А вот комментарии историков по поводу его гибели: *«Иван Поливанов, как и Афанасий Поповцев, …будучи ясачными сборщиками, пострадали в результате неудачной военной операции, проведенной в 1707 году казачьим головой Владимиром Атласовым, когда основной отряд Ивана Таратина, состоящий из 70 казаков и 70 союзных казаков камчадалов из долины реки Камчатки, был разгромлен авачинскими камчадалами. “Одновременно, как пишет А. Зуев, — против русских выступили и другие ительменские роды. На Аваче они убили ясачных сборщиков Афанасия Поповцова «с товарищи», на Бобровом море — 5 ясачных сборщиков во главе с Иваном Поливановым”».*

У С.П. Крашенинникова есть даже пояснение, почему камчадалы так поступили: «В то же время на Бобровом море тутошные иноземцы ясашного зборщика Ивана Поливанова в 5 человеках убили, ибо, по сказыванию служивых, иноземцы, видя что служивых вновь не приежжает, но все те же, и думая, что оные заплутовавшись в своей земле к ним збежали, к тому ж слыша, что посланных на смену Колесову из Якуцка Федора Верхотура да Василья Шелковникова на Тумлатах олюторы убили, и думали всех русских перевесть, надеяся на олюторов и коряк, в том что хотя некоторые из русских на Камчатку и поедут, на дороге их побьют».

Василий Питухин

М.И. Белов сообщает интересную информацию об одном из Питухиных, который рассказывал о ситуации в Удском остроге, где начинал свою службу Владимир Атласов: приказчик Удского острожка Яков Питухин сообщал: «…служилые люди в Удском острожке живут вельми голодают — питаются кореньем и травою… А со служилых людей собрать в казне нечего и у мужиков також взять нечего. Помереть всем голодною смертью. А которые хлебные запасы привозят из города казаки, и тех запасов на треть зимы не будет. А залишних запасов не возют, потому что дальнее расстояние».

В якутских документах мы встречаем имя казака Вторко (Фторого) Питухина в 1661 году. Но вот и другие сведения из Якутской при-

казной книги: «Книга сбора ясака за 1667–1668 (176) г. по Вилюйскому Верхнему зимовью с эвенков Верхнего зимовья и якутов “Якутского уезда”, Олекминского острожка и Вилюйского Среднего зимовья десятника Другана [Кузьмина] Габышева с товарищами. Скрепили Габышев и служилый человек Второй Ларионов Питухин»; «Книги прихода и расхода судов и судовых припасов приемщиков Василия Миропольщины и Второго Питухина, 20 мая – 22 августа 1673 (181) г.»; «Книга сбора ясака за 1671–1672 (180) г. по Вилюйскому Среднему зимовью десятника Василия Дуракова. Скрепил за Дуракова — казак Второй Питухин»; «Книга сбора ясака за 1672–1673 (181) г. с эвенков и якут по Вилюйскому Среднему зимовью десятника Василия Дуракова.Скрепил за Дуракова — казак Второй Питухин».

Василий Питухин служил в шестнадцатой пятидесятне Якутского казачьего полка в 1706 году, в пятнадцатой – Яков Яковлев сын Питухин.

Васка Питухин есть в казачьих списках Якутска за 1691 год. У Вторки Питухина в 1681 году было два сына: Петрушка (1671), Васка (1675). Яков Питухин, скорее всего, был его старшим сыном, который в 1682 году уже был не просто служивым человеком, а приказчиком Удского острога.

Афанасий Попов

Имени Афанасия Попова в казачьих списках Якутска не значится. Хотя казаков Поповых было в Якутске много. Вероятно, из новоприборных казаков.

Никита Перебякин, казачий сын

Выше мы говорили о Перебякиных. Вполне возможно, что с Афанасием Перебякиным прибыли его сыновья Никита и Спиридон.

Семен Шрывач(?)

Сведений нет.

* * *

Посланы Владимиром Атласовым и «…на той службе побиты»

Андрей Бобров

В 1706 году записан в пятнадцатой пятидесятне Андрей Федоров сын Бобровых. Вероятно, эта запись о нем: «Ортюшка Рязанов

в прошлом во 198-м [1690] годув верху на заимках умер. И в нынешнем в 200-м [1692] году июля в 8 день приверстан в ево Ортюшкино место казачей брат Ондрюшка Бобровской в холостой оклад».

В 1681 году в женатом окладе нес службу якутский казак Ивашко Леонтьев Бобров. Возможно, из этого же рода Стефан Бобров, который в 1701 году писал жалобу на казачьего голову Владимира Атласова.

На Камчатке служил еще один Бобров: «1725–1727 годы. *Дворянин Степан Трифанов*. Назначен в 1725 г. комиссаром. В “товарищи” (помощники) к нему был приставлен сын боярский Петр Осипович Корякин. Оба прибыли поздней осенью 1725 г. Известно, что после их отъезда в Нижнекамчатском остроге управлял **Петр Бобров**, а в Верхнекамчатском — П. Чупров».

Якутск, 1720 г.: «Служивой Петр Григорьев сын Бобров сказал тритцети семи лет холост стоит на подворье у священного протопопа Михайла Данилова».

Но вполне вероятен и тобольский вариант появления этой фамилии в Якутске: в 1661 году в тобольских стрельцах служат Бобров Васка Федоров и Бобров Якунка Федоров, в 1696 году — десятником у стрельцов Бобров Ивашка Федоров и рядовым стрельцом Бобров Якушка Федоров. То есть большая семья тобольских служивых Бобровых с одним и тем же характерным отчеством — Федоровичи.

В 1720 году в Якутске история повторяется: «Во дворе Тихона Иванова сына Рогалева живут присланные Тобольскаго города Василей Клементьев сын Бобровых…»

Иван Потанин

Записан в одиннадцатой пятидесятне Якутского казачьего полка. Ранее это имя не упоминается в якутских казачьих списках.

К числу сибирских купеческих династий, родоначальники которых еще в начале 18-го столетия были служилыми людьми, относились тарские Потанины.

Царь московский, Федор Иоаннович, стремясь обезопасить Тобольск с юга, повелел на границе со степью основать новый город. В царском наказе князю Елецкому говорилось: «Итти город ставить вверх Иртыша на Тару реку, где бы государю было впредь прибыльняе, чтобы пашню завести и Кучума царя истеснить и соль завести…»

Город с начала своего основания в 1594 году и в течение всего XVII в. считался пограничным городом с Джунгарией и киргизскими кочевьями. В том же году по завершении строительства в городе-крепости оставлено 320 служилых для прохождения службы и защиты от нападений кочующих племен. В 1598 году хан Кучум был разбит тарскими служилыми людьми, и Тара освободилась от угрозы его вторжения.

А.А. Крих в книге «Русское население Тарского Прииртышья: историко-генеалогические очерки (XVII – начало XX века)» приводит следующие сведения о Потаниных:

«Ивашко Потанин в стрельцы верстан на Таре при князе Михайле Шеховском во 167-м году. А оклад ему 4 рубли с четью хлеба 3 чети с четвериком и полпол четверика ржи 2 чети с полу осминою и полпол четверика и полполпол четверик овса 2 пуда соли. А служеб ево в те годы посылан был 25 путей к соле 8 служеб годовых 8 служеб верхотурских трижды посылан в острожки по городу и по острогу караулы караулит. Отроду ему 55 лет. Сын у него Якушка 20 лет Ивашко пятнатцать лет.

Якушка Потанин в пешие казаки [верстан] при стольнике и воеводе при Карпе Павлове во 193-м году. Оклад ему денег 4 рубли с четью хлеба полной рядовой оклад 2 пуда соли. С того году служит своею братею вряд. Отроду ему 25 лет. Детей нет.

Десятник Петрушка Потанин Большой верстан в пешие казаки на Таре в прошлом годе а в котором году он верстан и при котором воеводе того он не упомнит. Оклад ему 4 рубли с четью денег за хлебное жалованья служит с пашни два пуда соли. А служеб у него в те годы посылан был на годовую службу десятью для оберегания ясашных тотар от калмыцких людей. Да он же псылан на Верхотурья восемью по хлебные запасы. Да он же по соль посылан пятнатцатью по городу и по острогу караулы караулит своею братею вряд. А отроду ему 65 лет. Сын у него Ивашка дватцати пяти лет.

Петрушка Потанин Меньшой верстан он в пешие казаки в прошлых годех. Оклад ему Великих государей денежного жалованья 4 рубли с четью денег хлеба 3 чети с четвериком и полпол четверик ржи 2 чети с полу осминой и полпол четверика и малой четверик овса два пуда соли. И всякия службы годовыя и соляныя и верхотурския и по городу и по острогу днем и ночью караулы караулит переменясь дней в пять и в десять. А отроду ему 30 лет. А детей у него нет».

Вполне возможна и тобольская версия прихода Ивана Потанина на Камчатку — крестьяне Потанины жили в Краснослободцком остроге на реке Нице: «Потапко Иванов сын Потанин сказал родился он в Устюжском уезде в Костянтиновском селе жил за Великим Государем во крестьянех в Сибирь пришол и живет в Красной слободе со 108 году у него дети Микишка Ганка у Микишки сын Онашка 8 лет у Ганки сын Стафейко 6 лет. Панфилко Аникиев сын Потанин сказал родился де он в Красной слободе».

Григорий Белов

Сведений нет.

Василий Лапин (Ляпин)

Записан в одиннадцатой пятидесятне Якутского казачьего полка. На его убылое место поверстан в 1706 г. Максим Зельев.

В 1681–1692 годах в Якутске отмечен казак Лапин Митка.

Возможно, он был прислан в Якутск из Томска, где в 1680 году служил десятник Лапин Корнилко Иванов сын («Дед его и отец присланы из Сургута в Томск город ставить, а он родился в Томске и верстан в пешую службу. Оклад пеший, рядовой».) и его сын Максимко Корнилов сын («Отец родился в Томске, а он родился в Томске и верстан в пешую службу. Оклад пеший рядовой»).

В 1656 году Офонька Лапин, тобольский казак, участник Даурского похода, поставил свою подпись под челобитной о наказании протопопа Аввакума. А в 1683 году в переписной книге Тобольского уезда записано: «Верхняя Ницынская слобода Яланская тож на реке Нице …Федка Афонасьев сын Лапин сказал родился де он Тоболску у него дети **Васка 3 лет** Трифанко 2 лет». В 1689 г. и в Тобольске служил казак Федор Иванов Лапин. А в 1700 году в посадских людях Тобольска числится еще один **Васка Лапин**.

И на Камчатке служил в Большерецком остроге некий Лапин (имя его пока неизвестно), у которого в 1748 году записаны сыновья — Григорий и Иван. Возможно, этот Лапин из списка: «…в прошлом 709 году писал в Якуцкой из заморских рек камчадалской прикащик Болшей реки сын боярской Иван Панютин: осталось де от него в Зашиверском и Уяндинском зимовьях, за скорбью служилых людей, 16 человек: …**Степан Ла-**

пин... и велено их забрать». Как известно, этих новоприборных казаков Панютин доставлял из Тобольска и Енисейска.

Иван Зверев

В списках якутских казаков такой фамилии не числилось.

В 1649 году в Якутске оставил свою подпись подьячий Гришка Зверев, но в 1652 г. появляется челобитная «подьячего Григория Зверева об отпуске его в Москву и выдаче жалованья». И в 1656 году он служит в Сибирском приказе у дьяка Григория Протопопова.

В 1689 году сослан в Якутск рязанец Зверев Мишка.

В Дозорной книге Томского уезда за 1703 г.: «Томские посацкие люди живут в Сосновском стану в разных деревнях на пашенных своих заимках...Иван Зверев».

В 1656 году В «Челобитной даурских служилых людей о наказании протопопа Аввакума...» есть такая запись: «К сей челобитной даурской службы Тобольсково города служилой человек Герасимко Зверев руку приложил».

В 1696 году в Тобольске в стрельцах, а в 1704 году в пеших казаках отмечен в Тобольске Тимошка Зверев, а также посадский Зверев Стефан Иванов. Иван Зверев есть в списке тобольских служилых людей, которые в 1705 году были взяты в солдаты.

В 1689 году в деревне Зырянской в списках оброчных крестьян упоминается: «Во дворе Васка Семенов сын Зверев Сказал родом он Тобольского уезду мурзинской слободы жил ...во крестьянах а в Усть Суерскую слободу пришел ...у него дети Васка 8 лет, **Ивашко 6 лет** Ондрюшка 3 лет Вел.гос денеж оброку платит в год 23 алтына 2 денги».

На реке Нице в эти году существовала деревня Зверева.

Марчко Москвин

Фамилия в именных казачьих списках Якутска показана только в 1706 году: Марк (Марчко) Москвин, первая пятидесятня.

«Послал он Володимер на Пенжинское море для ясачного збору Марка Москвина и с товарищи ...и его Марка с товарищи хотели побить [камчадалы]». Вероятно, все-таки только хотели, так как в 1720 году в Якутске отмечен: «Пятидесятник Марко Иванов сын Москвин сказал шестьдесят с годом (то есть 1659 г. р. — *С.В.*) а стоит на подворье у сын боярского Ивана Яковлева Паранчина».

В 1668 году в Якутск был сослан тобольский казак **Ивашко Москва**, правда, осталось неизвестным, прибыл ли он на место

ссылки: «В августе в Якутск на службу прибыл сын боярский Федор Рукин. Остальные его товарищи – сын боярский Иван Ушаков, прапорщик Якушко Иванов, конные казаки Федотко Тарский, Федька Брюзга, **Ивашко Москва**, пешие казаки Олерка Ошурок, Лучка Ошурчихин, Васька Попов, сургутские солдаты Елеско Сургуцкой и Томилка Половинкин, сосланные с ним из Тобольска в 1667 г., в Якутске по август 1667 г. не объявлялись».

А вот еще одна история, которую рассказал Д.Я. Резун в книге «Родословная сибирских фамилий»: «...тобольский служилый Иван Гаврилов Москва, посланный на службу к Е. Хабарову, “заворовал” и вместе с другими казаками ушел из Тугирского острога с “государевой службы” “казаковать в поле”».

В 1608 году в Томске служил в казаках еще один Иван Москва. Известен также енисейский казак Дружинка Москвин — один из первых исследователей устья реки Киренги в 1632 году.

В Тобольске известен род Москвиных, породнившихся с Венгерскими. В 1689 г. в казачьих списках мы находим имя пешего казака Якушки Иванова Москвина и конного казака Петрушку Иванова Москвина. А в списке тобольских посадских людей — Марчко Иванова сына Москвина.

* * *

Подводим итоги.

Основной состав камчатских казаков — это старослужащие якутские и новоприборные тобольские, енисейские и томские казаки. В этот период старослужащие казаки являются непререкаемым авторитетом для молодых казаков, что и обеспечивает необходимую дисциплину и порядок, позволяющие жить в мире и согласии с камчадалами долины реки Камчатки и постепенно расширять географию сбора ясака в бассейнах рек западной, юго-западной и юго-восточной Камчатки.

Атласов нарушил, но не обрушил это равновесие.

Поэтому на казачьем круге было решено, что Атласова нужно СУДИТЬ.

Что все его «пожитки» нужно записать в казну на государя-царя.

По этой же причине ему не стали препятствовать в его бегстве из тюрьмы в Нижнекамчатский острог — без власти он не представлял для камчатских казаков НИКАКОЙ угрозы.

ЧАСТЬ 2.

Убийство Володимера Атласова

Казачьего голову, приказчика камчатских острогов Владимира Владимировича Атласова убили 1 февраля 1711 года сразу после убийства приказчика Осипа Мироновича Липина.

Этому, как мы помним, предшествовало смещение его с должности приказчика, заключение в тюрьму, бегство из Верхнекамчатска (где и произошли вышеуказанные события 1707 года) в Нижнекамчатск, в котором камчатский Ермак благополучно проводит четыре последних года своей жизни…

Зададимся еще раз двумя важными вопросами

Первый: почему его не убили сразу, в 1707 году?

И второй: а за что, собственно, убили его в 1711 году?

Ниже мы коснемся материалов первичного расследования этого дела, проведенного камчатским приказчиком Василием Колесовым (который прежде уже бывал на Камчатке в этой же должности и поэтому был в «теме» расследования) по «свежим» следам, если считать свежими деяния, совершенные два года назад — Колесов проводил расследование в 1713 году. Но такова уже специфика Камчатки — добирались сюда годами, а за это время и много воды утекало, и события могли интерпретироваться по-новому, исходя из обстоятельств не только совершенного когда-то деяния, но и общей обстановки, творящейся на момент расследования, на Камчатке, в Сибири, в Российской империи…

Неутомимый исследователь истории Камчатки Степан Петрович Крашенинников тоже пытался спустя многие годы докопаться до сути происшедшей на Камчатке трагедии. Поэтому мы обратимся сначала к тем выводам, которые сделал он на основе рассказов камчатских казаков-старожилов и тех документов, которые были в его распоряжении.

И вот что он пишет в своем бессмертном трактате «Описание земли Камчатки» по этому поводу: *«Казаки за малолюдством своим принуждены тогда были жить с крайнею осторожностью, оставя до времени изменников в покое. Между тем в помянутом же 1706 году Атласов свобожден из под караулу {В рукописи зачеркнуто: с наказанием. — Ред.} и отправлен из Якутска на Камчатку прикащиком с теми же преимуществами, которые даны ему были в 1701 году, чтоб иметь ему полную*

власть над служивыми, и винных смотря по делу батогами и кнутом наказывать; а велено ему прежнюю свою вину, что учинил разбой, заслужить, и в приискивании вновь земель и неясашных людей оказать крайнюю ревность, обид и налогов никому не чинить, и против иноземцов не употреблять строгости, когда можно будет обойтися ласкою, в противном случае и смертная казнь ему предписана. Но Атласов отправившись из Якутска с немалым числом служивых людей, и с военными припасами, между которыми были и две небольшие медные пушки, вскоре возвратился на прежнее, ибо не доехав еще до Анадырска ***безвинными побоями и другими предосудительными поступками привел служивых в такое огорчение, что все почти послали на него в Якутск челобитные*** (выделено мной. — *С.В.*). *За всем однакож тем приехал он на Камчатку щастливо в 1707 году в июле месяце, и принял в команду Верхней и Нижней Камчатские остроги у прежних закащиков, купно с собранною на тот год ясачною казною».*

То есть до прибытия Владимира Атласова на Камчатке было относительно спокойно — и до смертоубийства своих командиров дело еще не доходило.

А вот что происходит далее, по мнению будущего академика: *«Коим образом служивые люди огорчены были на дороге от Атласова, в прежней главе упомянуто. Оное огорчение, также нападки его, и собственное служивых людей своевольство побудили их к умышлению, чтоб Атласова лишить команды, что они в декабре месяце того же 1707 года и учинили.*

А в оправдание свое писали в Якутск, будто Атласов не давал им съестных припасов, которые с камчадалов собираются; будто сам пользовался оными, а они, прогуляв рыбную пору, претерпевали голод; ***будто из корысти своей выпустил аманатов, и от того во всех ясачных иноземцах учинилась такая шатость, что ясачные сборщики, посланные на Пенжинское море, едва спаслись бегством*** (выделено мной. — *С.В.*); *будто колол он насмерть служивого Данила Беляева, и когда ему от служивых представлено было, чтоб он безвинно палашом не колол, но наказывал бы их за вины батогами или кнутом, как государевы указы повелевают, а он на то в ответ сказал, что государь ему в вину не поставит, хотя он их и всех прирубит; будто он, желая мстить казакам за мнимые грубые их речи, призвал к себе лучшего камчадала и говорил ему, аки бы*

колол помянутого служивого за то, что служивые хотят всех камчадалов прибить, а жен их, детей и корма по себе разделить; будто по той ведомости камчадалы жилища свои оставили и, соединясь в тесном месте, убили трех человек служивых и многих переранили; будто он посланную из Якутска подарочную казну почти всю употребил в собственную пользу, так что на Камчатке в привозе явилось у него бисера, а по-тамошнему одекуя, и олова не больше полупуда, а медь всю переделал он в винокуренную посуду; и будто у новокрещенного камчадала вымучил он нападками лисицу черно-бурую, которая в казну была приготовлена.

Сие оправдание ясно показывает прежнюю злобу служивых людей на Атласова, хотя не можно сказать, чтоб не больше правды писано на него было: ибо Атласов мог не давать им съестных припасов казенных, мог аманатов из корысти выпустить, мог с палашом метаться пьяный и ***пользоватьс ясачною казною, как человек лакомый, которое лакомство видимо будет из обранных его пожитков, в краткое время приобретенных*** (выделено мной. — *С.В.*).

Но кто тому поверит, чтоб он желал возбудить иноземцев к бунту, ведая, что по убийстве казаков и самому от смерти не избавиться. Что ж камчадалы на Пенжинском море ясачных сборщиков едва живота не лишили, что в другом месте трех человек убили, а иных переранили, оное могло учиниться и без Атласова возмущения, тем наипаче что казаки, может быть, чем огорчили ясачных людей, ибо и на Пенжинском море ясачного сборщика хотели убить камчадалы за то, что он, вместо одного соболя, требовал ясака по два и по три с человека.

Что до черно-бурой лисицы касается, то при обыске не явилось ее у Атласова. По свержении Атласова с приказа выбрали служивые командиром Верхнего острога приказчика Семена Ломаева, которому по памяти бывшего приказчика Колесова велено было быть при сборе ясака во всех острогах.

Атласова посадили в тюрьму, по их названию — в казенку, а пожитки его в казну забрали, которые, кроме множества мехов собольих и лисьих, состояли в 30 сороках в 34 соболях, в 400 лисицах красных, в 14 сиводущатых, в 75 бобрах морских [да сверх оного мягкой рухляди взято у него: шуба соболья пластинная под чешуйчатым лазоревым байбереком, пушена хвостами собольими, две шубы собольи пластинные под лимонною камкою, пушены морским бобром, три шапки женские пластинные собольи под красною камкою, пушены бобром, в том числе одна с золотым кружевом, одеяло пластинное соболье под атласом, пушено бобром, 3 меха пластинных собольих, полы шубные собольих хвостов, два меха собольих черевей, парка соболья, оплечье и кличье бобровое, куклянка соболья, парка соболья детская, две постели бобровые, шуба бобровая, пушена бобром, санаяк бобровый с оплечьем из лисиц сиводущатых, санаяк выдряный с таким же оплечьем, пушен бобром, шапка женская бобровая, два меха бобровых, санаяк бобровый детский с оплечьем собольим, мех хребтовый сиводущатых лисиц, мех хребтовый красных лисиц, пушен бобром, мех хребтовый красных же лисиц, мех черевей сиводущатых лисиц, мех черевей красных лисиц и куклянка красных лисиц — такое богатство нажил он, быв на приказе менее полугода]».

Имеются в деле и собственные показания казаков, которые мы взяли из челобитной, датированной 23 марта 1711 года (то есть по горячим следам): *«В прошлом 707 году, у казачьего головы Володимера Отласова, по извету служивого человека Данила Петрова Беляева, в доброй чернобуроой лисице, животы его Володимеровы в Верхнем Камчадальском остроге служилые люди обрали, а обрав, в твою великого государя казну положили, а в животах его Володимеровых, по вышеписанному извету, доброго зверя лисицы чернобурой не нашли…»*

Не нашли. Может быть, и в действительности Атласов сжег ее в печи — «чтобы быть от греха подальше», как позже «поведала» бунтовщикам вдова казачьего головы Степанида Атласова, не собираясь навлечь новой беды на себя и свою семью, которая проживала вместе с ним на Камчатке. Ведь известно даже имя человека, от которого он эту злополучную шкуру получил — новокрещенный камчадал с недобрым именем Ворыпаев.

Но эта — может быть, даже и несуществующая в природе — шкура чернобурой лисицы оказалась замечательным поводом, чтобы и через четыре года повторить события 1707 года:

«И в нынешнем 711 году, нам рабом твоим про того доброго зверя чернобурую лисицу учинилось ведомо, что он Володимер держит у себя в дому в тайных в скрытных местах. И мы раби твои, приехав в Нижний Камчатской острог, и к нему Володимеру в дом пришли неболшими людми, хотя его Во-

лодимера связать и про такого зверя спрашать. И он Володимер в дому своем стал со служилыми людми дратися, и ухватил со спицы палаш, и с тем палашем на служилых людей метался; и служилые люди, бороняся от себя, его Володимера в дому его, с нашего совета казачья убили, для того: опасаяся от него Володимера к себе убийства. И преж сего он Володимер нашу братью служилых людей многих ножем резывал, и в Камчадалских острогах служилого человека Данила Беляева тем вышеписанным палашем калывал на смерть....»

Казалось бы, лишили власти, обобрали «до нитки», забрав все пожитки, заставили спасаться бегством, чтобы сохранить свободу... нет, через четыре года все за ту же несуществующую чернобурку выносят ему еще и смертный приговор.

За что ж теперь-то?

Н.Н. Оглоблин, читая старинные рукописи, разводил в недоумении руками: *«Из отписки Якутских воевод Якова Елчина и Ивана Татаринова, в марте 1712 г., оказывается, что Атласов убит 1 февраля 1711 г. и, что для этого приезжали из Верхнекамчатскаго острога в Нижнекамчатский верховоды бунта — Дан. Анцифоров и Ив. Козыр[ев]ский. Они приехали вечером, во главе 31 человека, остановились в ½ версте от острога, а к Атласову послали "с ложною составною грамотою" трех служилых людей — Алексея Посникова, Григория Шибанова и Андрея Петровых. Эти-то три лица и были убийцами Атласова... Ограбивши затем животы Атласова, они стали их "делить по себе". Вышеупомянутыя две бурыя лисицы, отданныя в государеву казну, оказались — по описанию Якутских воевод — совсем не такими "добрыми", как говорили убийцы в своей челобитной: эти лисицы были "без хвостов, драные и прелые"... Ясно, что в причине убийства Атласова они вовсе не играли той роли, которую приписали им сами служилые. Отдача именно их в государев ясак, тогда как... у Атласова нашли громадное количество разной дорогой мягкой рухляди — **скорее походила на иронию по адресу государевой ясачной казны** (выделено мной. — С.В.)...»*

* * *

Приказчик Василий Михайлов сын Колесов был человеком не менее пытливым и дотошным, чем Степан Крашенинников. Тем более что он был еще и человеком бывалым (к тому же уро-

женцем Якутска, сыном якутского казачьего сотника), который впервые принял бразды правления над Камчаткой еще в 1704 году от племянника ссыльного гетмана Многогрешного — Михаила Зиновьевича Многогрешного (Черкашенина), сменившего на этом посту первого официального приказчика Камчатки Тимофея Родионовича Кобелева.

Собственно, история заселения Камчатки русскими служилыми казаками начинается именно с этих приказчиков, ибо оставленный Владимиром Атласовым на Камчатке в 1697 году гарнизон Верхнекамчатского острога, приказчиком которого был назначен тобольский казак Потап Серюков, после трех лет напрасного ожидания подкрепления попытался самостоятельно возвратиться в Анадырский острог, откуда и пришел Атласов на Камчатку, но погиб (полностью по одной из версий и частично — по другой) в пути...

Камчатка с этого времени поступила под юрисдикцию Анадырского острога, приказчиком в котором в это время был Михаил Зиновьев сын Многогрешный, он же Черкашенин.

У Степана Петровича Крашенинникова почему-то это два разных человека — Многогрешный и Зиновьев: *«Михайло Черкашенин, он же и Многогрешной, и вышеобъявленной служивой Михайло Зиновьев, которой по возвращении своем, а кто сколько времени сидел на приказе, и кто такую учинил прибыль, того заподлинно объявить нельзя, ибо все, особливо же Кобелев и Зиновьев приписывают себе в челобитных своих за службу, что они Нижней Камчатской и Большерецкой остроги построили, но по словесным известиям дается оная честь Тимофею Кобелеву, а о Зиновьеве ничего не упоминается, может быть для того, что он как рядовой служивой был у Кобелева под командою.*

В бытность свою перенес он жилье Верхнего Камчатского острога на реку Кали-кыг, которая от прежнего острожного места в полуверсте, да вновь построил зимовье на реке Еловке; а ясак, как по реке Камчатке, так по Пенжинскому и Бобровому морю, сбирал он довольной, и с ясашною казною выехал в Якутск в 1704 году благополучно. В то ж время партия анадырских служивых людей под командою служивого Андрея Кутьина построила шесть зимовей на впадающей в Восточное море Уке реке, и начала сбирать ясак с тамошних коряк».

И далее: *«Кобелева сменил {В рукописи зачеркнуто: анадырской прикащик казачей пятидесятник Василей Колесов. — Ред.}*

вышеписанной Михайло Зиновьев, которой отправлен из Якутска вместо Володимира Атласова, а правил он камчатскими острогами до прибытия казачья пятидесятника Василья Колесова, с 1703 по 1704 год. Во время бытности своей первой он завел ясачные книги, в которые камчадалов поимянно начал вписывать. Нижние камчатские зимовья за неспособностию места перенес на ключи, и на Большей реке острог построил. Он же перевел из укинских зимовей на Камчатку анадырских служивых людей по прозьбе их; таким образом приведши камчатские дела в некоторой порядок, щастливо в Якутск возвратился с ясачною казною. (В другом варианте… "на место его в 1702 году отправлен на Камчатку по выбору служивой Михайло Зиновьев, который бывал на Камчатке, как в отписке из Якутска объявлено, еще прежде Атласова, может быть с Морозкою…").

В 1704 году под осень приехал из Якутска на место Михаила Зиновьева казачей пятидесятник Василий Колесов, которой сидел на приказе по апрель месяц 1706 году, для того что отправленные на смену ему якутской сын боярской Василей Протопопов в 1704, да служивой Василей Шелковников в 1705 году убиты на дороге от олюторов, а с ними по десяти человек служивых. Во время его правления был первой поход в Курильскую землицу, и человек с 20 курильцов объясачено, а прочие курильцы, которых было немалое число, врознь разбежались».

И вот что очень важное отмечает Степан Петрович: *«По отъезде Василья Колесова с Камчатки не бывало у ясашных иноземцов знатной измены, а после его в бытность закащиками в Верхнем остроге Федора Анкудинова, в Нижнем Федора Ярыгина, а в Большерецке Дмитрея Ярыгина взбунтовали большерецкие камчадалы, Большерецкой российской острог сожгли, и бывших в нем служивых без остатку побили. В то ж время и на Бобровом море убит ясашной зборщик в 5 человеках. Причина бунту их была может быть та, что им ясашной збор, которой уже был и с принуждением, показался тягостен, тем наипаче, что у них тогда прежняя вольность из памяти еще не вышла, которую они надеялись возвратить убивством российских людей; ибо по объявлению тамошних старожилов камчадалы думали, что российские казаки какие нибудь беглецы для того что всегда почти одни к ним приходили, а вновь не прибывало; чего ради не сумневались они всех их перевесть без остатку, а в непропуске вновь из Анадырска надеялись на коряк и олюторов, будучи известны, что они двух прикащиков Протопопова и Шелковникова с командами на дороге побили. Однако они в том весьма обманулись: ибо вместо приобретения прежней вольности {В рукописи зачеркнуто: принуждены они были терпеть крайнее разорение и гибель. — Ред.} многие потеряли живот свой, отчего и число их умалилось против прежнего, как ниже сего пространнее будет объявлено.*

Казаки за малолюдством своим принуждены тогда были жить с крайнею осторожностью, оставя до времени изменников в покое».

* * *

Что же изменилось на Камчатке с приходом Атласова?

Читаем у Степана Петровича: «***До сего времени правление, в камчатских острогах несколько было порядочно для того, что подчиненные командиров своих так, как надлежало, почитали, и повиновались им без всякого сопротивления, а потом начали у них отъимать команды, обирать пожитки, сажать в тюрьмы и убивать до смерти, как в следующей главе пространнее будет объявлено».***

Но, сместив Атласова и выбрав в приказчики Семена Ломаева, камчатские казаки бунтовать ПРЕКРАТИЛИ. И даже Атласова, несмотря на его побег, трогать не стали…

Следовательно, причина для будущего трагического исхода заключалась в другом.

* * *

А вот что происходит по сообщению С.П. Крашенинникова в период с декабря 1707 года, когда был «низложен» Атласов, до февраля 1711 года, когда он был убит: *«Между тем дошли в Якутск посланные на него от служивых людей с дороги челобитные, из которых* ***якутская канцелярия тогда еще предвидела, что на Камчатке между служивыми и Атласовым последует вящшее несогласие*** (выделено мной. — *С.В.*)*; чего ради опасаясь вреда в рассуждении государственной пользы, писала о всем в Москву с обстоятельством {В рукописи зачеркнуто: и представила выбранного на место Атласова. — Ред.}, и* ***в 1707 году отравила на его место прикащиком сына боярского Петра Чирикова с 1 пятидесятником, с четырьмя десятниками, с пятьюдесят человеками рядовых.*** *(У А.С. Сгибнева несколько иные данные: "По получении в Якутске известия о поступках Атласова, назначили в 1707 г. прикащиком в Кам-*

чатку сына боярского Панютина и донесли обо всем в Москву. ***С Панютиным отправлено было 55 челов. служилых, две медных пушки с 100 ядрами, порох и свинец. Около Пенжинского*** (??? — *С.В.*) ***залива напали на него 10 июля 1709 г. при переправе чрез р. Карагу олюторцы убили Панютина с 10 человеками, а казну с аммуницией разграбили; остальные же служилые отбились и под управлением сына боярского Петра Чирикова пришли на Камчатку****".) А военного снаряду дано ему две пушки медные, 100 ядер, пять пуд свинцу, восемь пуд пушечного пороху.* ***Но как в 1709 году в генваре месяце получены с Камчатки ведомости о худых поступках Атласовых, и об отнятии у него команды, то Якутская канцелярия отправила вслед за Чириковым указную память, чтоб ему по делу Атласова учинить следствие, и оное дело прислать на разсмотрение в Якутскую воеводскую канцелярию с выборным прикащиком Семеном Ломаевым также зборную ясачную казну на 1707, 1708 и 1709 годы*** (выделено мной. — *С.В.*)***.*** *Однако оная указная память Чирикова не застала в Анадырске, и на Камчатку не отправлена за малолюдством служивых людей в Анадырском остроге, ибо малых людей посылать в тот путь было опасно, для того что по Олюторскому и по Пенжинскому морю дорога от многих изменников занята была, так что они в 1709 году июля 20 числа не взирая на знатную Чирикову команду, днем напасть на него отважились,* ***бывшего при казне сына боярского Ивана Панютина с товарищи в 10 человеках убили, казну и военную аммуницию разграбили, а остальных служивых принудили сидеть в осаде на пустом месте, от которой они 24 числа того ж месяца учиня вылазку и олюторов щастливо отбив освободились, потерявши двух человек*** *на сражении,* ***чего ради Чириков прибыв на Камчатку не производил следствия, довольствуяся одною командою*** (выделено мной. — *С.В.*).

В бытность его учинились два обстоятельства, достойные примечания: 1) нещастливой поход на Большую реку казачья пятидесятника Ивана Харитонова, которой посылан был для усмирения тамошних изменников в 40 человеках, ибо изменники собравшись во многолюдстве 8 человек убили, а большую часть переранили, чего ради оставшие принуждены были сидеть в осаде недели с 4, и едва спаслися бегством; 2) разбитие на Бобровом море японской бусы, к которой Чириков в 50 человеках

сам ходил. И понеже японцы полонены были немирными камчадалами, которые близ оной бусы жили, то Чириков имел случай четырех бывших у них японцов выручить, ибо изменники увидев служивых в бой с ними вступить не отважились, но оставя японцов разбежались по лесу {По свидетельству современника — Ивана Козыревского этот случай имел место в апреле 1710 г. у Шипунского мыса. В том же своем походе усмирил он изменников от Жупановой до самой Островной реки, и привел в ясашной платеж по прежнему. — Ред.}».

Итак, подчеркнем — Чириков не имел наказа о проведении следственных действий в отношении смещения казачьего головы Владимира Атласова с поста камчатского приказчика.

Но, естественно, этот наказ дождался в Анадырском остроге следующего камчатского официального лица, которым и был Осип Миронов сын Липин — да-да, тот самый бывший анадырский приказчик, которому в 1707 году подали свои жалобы на Атласова казаки из его команды, в том числе и Данила Анцыферов Томский.

«Между тем как Чириков из походу своего в Верхней Камчатской острог возвратился, приехал в августе месяце того ж году на смену к нему казачей пятидесятник ***Осип Миронов, которой отправлен из Якутска по выбору 1709 году в 40 человеках.*** *Таким образом собрались на Камчатке три прикащика, Атласов, Чириков и помянутой Миронов, он же и Липин».*

* * *

И теперь становится понятно, что именно Осип Миронович Липин проводил следствие по делу об отстранении Атласова от должности, а под видом следствия «вымучивал» у местных казаков их «пожитки», проводил допросы с пристрастием, издевался: «*После того также и многих иных служивых из взятков сажал он в казенки, некоторых и кнутом бил, понеже прежде сего прикащикам указом велено было и кнутом бить…»*

* * *

А Чириков стал случайной жертвой, хотя «пожитков» собрал не меньше, чем Липин. Следовательно, причиной последующей трагедии была не столько жадность, сколько жестокость Липина по отношению к камчатским казакам.

«Чириков здав Миронову острог, и все, что надлежало, в октябре месяце поплыл в Нижней Камчатской острог батами со служивыми и с казною своего збору, чтоб там перезимовав сле-

дующего году итти с казною Пенжинским морем. А Осип Миронов пробыв в Верхнем до зимы, декабря 6 числа в Нижней же острог отправился, для разряду служивых людей к судовому строению, и к препровождению ясачной казны, оставя закащиком в том остроге Алексея Александровых. Но как он исправя дела свои в Нижнем, ехал обратно в Верхней острог с прежним прикащиком Чириковым, ***то 20 человек служивых, которые давно уже были в злоумышлении на прикащиков, не допустя до острогу, зарезали его на дороге. А происходило оное убийство 1711 году генваря 23 числа.*** *После того удумали они и Чирикова живота лишить; однакож по прозьбе его дали ему время к покаянию.* ***Между тем сами в 31 человеке поехали в Нижней Камчатской острог, чтоб убить Атласова*** *и не доехав за полверсты до оного острогу стали они в прикрыте,* ***а в острог послали трех человек, и дали им составное письмо к Атласову с таким приказанием, чтоб убить его в ту пору, когда он письмо читать имеет; но посланные вечером застали его спящего и зарезали.*** *Тогда вся партия их в острог вступила, и стали десятками своими на три двора с ружьем и с копьями, а главные из них были Данило Анцыфоров, да Иван Козыревской.* ***Живучи в остроге делили они пожитки убитых прикащиков {В рукописи зачеркнуто: после того пристали к ним в сообщество Нижнего Камчатского острога из служивых тритцать же один человек, а живучи они в помянутом остроге.*** *— Ред.}, заводили казачьи круги, выносили знамя, призывали к себе в сообщение других людей, и таким образом умножили до 75 человек свою партию, Данила Анцыфорова назвали атаманом, Козыревского ясаулом, иных верстали в ясаулы ж и десятники, и многие другие наглости делали; перевезли с Тигиля пожитки Атласовы, которые отправил было он с тем намерением, чтоб весть ему Пенжинским морем, пограбили съестные припасы служивых людей, которые на морской путь были заготовлены, расхитили парусы и снасти, которые оставлены были от прикащика Осипа Миронова для отправления Чирикова с казною тем же Пенжинским морем, а потом в Верхней острог уехали,* ***и марта 20 числа Чирикова оковав в воду бросили.***

Того же ***1711 году апреля 17 дня*** *подали они в Верхнем остроге для отсылки в Якутск повинную челобитную, в которой объявляют причины, за что они побили двух прикащиков, Петра Чирикова и Миронова, а об Атласове не упоминают.* ***Вся важность челобитья их состоит в лакомстве прикащиков, коим образом корыстовались они государевою казною покупая на оную товары, и тем получая себе непомерную прибыль, как утесняли служивых и ясачных людей и вымучивали из-за побоев и пристрастия пожитки их, как жалованье денежное за себя переводили, а им неволею давали товары по тамошней камчатской цене: за полной пешей казачей оклад за 9 рублей за 25 копеек по 12 аршин холстины, или табаку китайского по 6 золотников; да сверх того с каждого окладу брали себе скупу по два рубли; а они служивые в росходных книгах росписывались не в товарах, но в деньгах, и прочее тому подобное. А такое дерзновение учинили они для того, что жалоба их на прикащиков не дойдет за дальним расстоянием, особливо же что прикащики челобитчиков до Якутска не допустили б. Притом сообщили они и опись пограбленным пожиткам Чирикова и Миронова, а по описи их досталось им на артель: пожитков Петра Чирикова 15 сороков соболей, 500 лисиц красных, 20 бобров морских; Осипа Миронова 20 сороков соболей, 400 лисиц красных да 30 бобров морских».***

Все это в определенной мере соответствовало действительности. Как и тот факт, что первоначально казаки сына боярского Петра Чирикова убивать не собирались, хотя, еще раз обратим на это внимание, — «добра» и «пожитков» у Чирикова было не меньше, чем у Липина.

И только после убийства Атласова было решено Чирикова, «оковав», бросить в реку и утопить: «уже убивши Атласова, удумали и его убить, рассуждая, ежели де его им живого оставить, то де он будет доступать животы побитых прикащиков и голов де их».

То есть речь шла даже не о том, оставлять ли в живых свидетеля (в живых, кстати, остался брат Чирикова, который пришел вместе с Петром на Камчатку — еще какой свидетель!).

Причина — он будет ДОСТУПАТЬ ЖИВОТЫ…

* * *

1711 г. марта 23. — **Челобитная царю служилых и промышленных людей, убивших в Камчадальском остроге казачьего голову Владимира Атласова, с**

объяснением причин этого убийства.

Державнейший царь, государь милостивейший! В прошлом 707 году, у казачьего головы Володимера Отласова, по извету служивого человека Данила Петрова Беляева, в доброй, чернобурой лисице, животы его Володимеровы в Верхнем Камчадалском остроге служилыя люди обрали, а обрав, в твою великого государя казну положили, а в животах его Володимеровых, по вышеписанному извету, доброго зверя лисицы чернобурой не нашли. И в нынешнем 711 году, нам рабом твоим про того доброго зверя чернобурую лисицу учинилось ведомо, что он Володимер держит у себя в доме в тайных в скрытных местех. И мы раби твои, приехав в Нижней Камчатской острог, в к нему Володимеру в дом пришли неболшими людми, хотя его Володимера связать и про такова зверя спрашать. И он Володимер в дому своем стал со служилыми людми дратися, и ухватил со спицы палаш, и с тем палашем на служилых людей метался; и служилые люди, бороняся от себя, его Володимера в дому его, с нашего совету казачья, убили, для того: опасался от него Володимера к себе убойства. И прежде сего он Володимер нашу братью служилых людей многих ножем резывал, и в Камчадалских острогах служилого человека Данила Беляева тем вышеписанным палашем калывал на смерть. И после его Володимеровой смерти, нашли в дому его у жены его Володимеровы Стефаниды Федоровы в треухе зашиту лисицу бурую, а другую бурую лисицу нашли около ея Стефаниды в пазухе, а про третью добрую лисицу она Стефанида в Нижнем Камчадалском остроге в ясашной избе в сказке своей сказала, что де муж ея Володимер в вышеписанном 707 году, на оборе, взяв у племянницы своей Федоры доброва зверя, чернобурую лисицу, бросил в печь в огонь; и говорил де он Володимер: не дай, Боже, с такими заповедными добрыми зверми водитца впредъ. А как мы раби твои такия две бурыя лисицы у него Володимера в доме нашли, и те лисицы в Нижнем Камчадалском остроге в ясачной избе прикащику Козме Марианскому явили и записали, а в Верхнем Камчадалском остроге те вншеписанные две бурые найденые лисицы отдал в ясачной избе в твою великого государя казну прикащику Алексею Александровых. А на него Володимера были подаваны от нас рабов твоих изветы, как он Володимер в Камчадалских острогах служилых людей многих на смерть бивал и с палашем и с ножем ганивался и метывался напрасно; и на прежде бывшаго прикащика Осипа Липина в налогах и обидах и в великом разорении подан был от нас рабов твоих извет отцу его духовному, архимандриту Мартиниану, в прошлом 710 году; а против извету посылал он отец архимандрита в духовенстве в наказание писма ему Осипу. А как он Осип в Камчадалских острогах жил, и тебе великому государю службою своею с другом своим Петром Чириковым не радели и к нам рабом твоим всячески, для своих корыстей, приметывались, и в том во всем на них Осипа и Петра подана будет челобитная. А ввышеписанном своем убойстве тебе великому государю вину свою страдничью приносим. Всемилостивейший государь, просим вашего величества, вели, великий государь, сию нашу челобитную в Верхнем Камчадалском остроге прикащику Служилому человеку Алексею Александровых принять, а приняв в Якуцке под отпискою с нынешними посылщики послать. Вашего величества нижайшия раби, служилыя и промшпленныя люди: Данило Яковлев Анцифоровых, Иван Петров сын Козыревской с товарищи, всех 75 человек.

Нынешняго 711 году, марта в 23 день.

Якутск, кн. 5, акт* № *34.

* * *

Николай Николаевич Оглоблин, как и С.П. Крашенинников, тоже скептически отнесся к мотивировкам убийства, изложенных в челобитных казаков: *«…убийцы Атласова голословно говорят о жестокости его к ним — будто он “служилых людей многих на смерть бивал и с палашом и с ножом ганивался и метывался напрасно”.., причем приводят только одно имя из раненых будто бы Атласовым людей — Д. Беляева, подавшаго на Атласова извет о чернобурой лисице… Никаких других служебных и личных грехов Атласова казаки не указывают, тогда как они говорят очень обстоятельно о проступках других убитых ими же, почти в одно время с Атласовым, Камчатских прикащиках — Осипе Липине и Петре Чичикове.*

<…> О причинах убийства Атласова с точки зрения самих убийц разсматриваемый акт делает любопытное сопоставление с мотивами убийства П. Чирикова и О. Липина. Именно, воеводы замечают, что “в повинных своих челобитных” Д. Ан-

цифоров с товарищи говорили: “убили-де они прикащиков — Володимера Атласова за то, будто он с казаками стал драться, а П. Чирикова и Ос. Липина бутто за изгони и налоги их и за отерь у них денежнаго жалованья”… Разница — большая и, нет сомнения, говорящая в пользу Атласова.

<…> В “распросных речах” одного из Камчатских мятежников описываемой эпохи Григория Переломова очень обстоятельно объясняются подлинные мотивы возмущения служилых людей и убийства трех прикащиков. Переломов прямо показывает, что Д. Анцифоров с товарищи убили Атласова, Чирикова и Липина “из живота, для соболей их и для шуб собольих и лисиц красных”, кои после убийства “по себе делили”. Имущество убитых прикащиков, действительно, было очень велико и, конечно, собрано ими нечистыми путями. Оно было разбито на 75 “паев” (по числу участников бунта) и на каждый пай пришлось по “полутора сорока” соболей, по 20 красных лисиц и по 2 морских бобра. Кроме того, осталось немало не разделенных в паи животов прикащиков, из которых предводители бунта взяли себе львиную часть. Не погнушался взять себе долю из “убойнаго живота” и находившийся в то время в Камчатке миссионер почтенный архимандрит Мартиан (Мартиниан), вообще игравший какую то двусмысленную роль во все время камчатскаго бунта… На свою долю он получил, как говорит Переломов — “шубу соболью лапчатую”, двух “дворовых людей” П. Чирикова — “камчадальской породы некрещеных робят, иноземческим названием Щочка да Чистяк”, да “Володимера Отласова дворовую ж девку крещеную Настасью”…

Затем, Переломов показывает, что у бунтовщиков была мысль ограбить в Камчатских острогах “государеву ясачную соболину и лисичную казну и пороховую и свинцовую” и, вооружившись таким образом всеми необходимыми запасами, хотели они “с атаманом своим Д. Анцифоровым, да с ясаулом своим Иваном Козыревским со всеми своими убойцами (бунтовщиками) со служилыми людьми итти на острова за переливы на море, и жить (там), чем они хотели, многие лета и времена”… Таким образом, камчатскими бунтовщиками задумывалось полное отделение от своего государства и вольная жизнь в новых краях (как следует заключить из этого акта, замысел у них был пробраться, повидимому на Курильские острова). У них была правильная организация: были “атаман”, “ясаул”, был товарищеский “круг” для решения общих дел, имелись свои “знамена” и проч.».

* * *

«Из Верхнего острога пошли они весною того году в помянутом числе в 75 человеках на Большую реку, чтоб тамошних изменников усмирить, Большерецкой острог построить, и тем заслужить вины свои. В первых числах апреля разбили они камчатской острожек между впадающими в Большую реку с правой стороны Быстрою и Гольцовкою реками, где ныне российской Большерецкой острог, в котором они засели, и жили по май месяц без всякого нападения от камчадалов. А мая 22 числа приплыло к их острожку с верху и с низу Большей реки великое множество камчадалов и курильцов для взятья оного острожка, и истребления служивых людей, и обступя оной всяким образом осажденных страшили, и похвалялись шапками их заметать без оружия».

* * *

Сколько же служилых людей находилось в то время на Камчатке и почему они оказались неспособными защитить своих приказчиков?

Из документов расследования известно, что верхнекамчатских бунтовщиков, изначально было всего двадцать человек (убийство Осипа Мироновича Липина в Верхнекамчатском остроге 23 января), а потом 31 человек (убийство Владимира Владимировича Атласова в Нижнекамчатске 1 февраля 1711 года).

В Нижнекамчатске, уже после убийства Атласова, численность бунтовщиков увеличилась, как утверждал Колесов, еще на 30 человек.

А делили «пожитки» убитых приказчиков уже 75 человек, которые и уйдут на реку Большую «замаливать» свои грехи военными походами и открытиями новых земель.

Но и эта цифра, как покажут дальнейшие события, была не полной.

* * *

А теперь давайте попробуем посчитать, сколько же казаков в общей сложности было тогда на Камчатке.

Ф.Г. Сафронов («История Северо-Восточной Азии. XVII – начало XX в.») сообщает нам следующий цифры: «…когда к Якутску была прописана обширная территория Камчатки, вошедшая в состав России в конце XVII – начале XVIII в., началось интенсивное направление казачьих отрядов в этот район. **В 1701 г.** туда

из Якутска были направлены “по выбору якутцких всяких чинов служилых людей”: **приказчик, пятидесятник, 4 десятника и 50 казаков** (это отряд Т. Кобелева. — *С.В.*); **в 1708 г. — 50 служилых людей, из которых 35 были** присланы из Тобольска и Енисейска (это отряд Ивана Панютина. — *С.В.*); в **1709 г. — приказчик, 67 служилых, набранных в Якутске из промышленных и гулящих людей** (отряд Осипа Липина. — *С.В.*); в **1710 г. — приказчик, 33 якутских казака и новоприборных из промышленных и гулящих людей** (отряд Василия Савастьянова Щепеткого. — *С.В.*); в **1711 г. — приказчик, 58 служилых Якутска, московских рекрутов и илимских солдат и новокрещеных»** (это отряд Василия Колесова. — *С.В.*).

«По сведению о числе служилых людей в Камчатке доставленному в Сибирский приказ в 1711 году якутским воеводою Трауэрнихтом видно, что в 1707 году приказано отправить в Камчадальский острого 100 человек, набранных в Якутске, да 70 человек из Тобольска, Енисейска и острогов: Ишимского и Братского. Приказано отправлять охотников и за недостатком — нарядом, при чем допущен наем за себя; с людьми отправить 4 пушки и соответственное число артиллерийских припасов.

В исполнение наказа (выделено мной. — *С.В.*) *отправлен* ***прикащиком сын боярский Петр Чириков и с ним: 1 пятидесятник, 4 десятника и 50 казаков, набранных из промышленников, казачьих детей и казаков, 2 пушки, 48 пищалей. В следующем году*** *с боярским сыном* ***Иваном Панютиным отправлено присланных из Тобольска и Енисейска 35 человек в Камчадальский острог, 15 в Большерецкий и 20 человек присланных из Илимска направлены в Анадырский и Пенжинский остроги.***

Чтобы выручить остроги Индигирские, Алазейские, Колымские, Анадырский и Камчатские в 1715 году отправлено из поверстанных, бездомовных гулящих людей: 63 человека с дворянином Степаном Трифоновым; к этим людям присоеденены также и те казаки, которые посылались для разведки острогов в море: от Усть-Яны — с казаком Алексеем Марковым и от устья Колыми — с казаком Григорьем Кулаковым. Люди эти в феврале 1716 года прошли через Алазейское и Колымское зимовья. Между тем капитан Анадырского острога Петр Татаринов, от 1 июня 1716 года, просил о высылке к нему 200 человек “добрых и к воинскому делу искусных”, а так же просил дослать

к нему артиллерийских припасов пороху и свинцу в достаточном количестве, “чтоб за непресылкою Анадырский и Камчадальские остроги не опустели” и чтобы иметь возможность смирить юкагиров и коряков.

В Якутск людей было мало и исполнить требование Татаринова воевода Якутский Петр Немтинов не мог, а потому об изложенных обстоятельствах донес на благоустроение Сибирского Губернатора.

В 1720 году управитель Камчатки сын боярский Иван Харитонов, приведи служилых людей из Охотска в Нижне-Камчатский острого, в феврале 1720 года пошел против Пенжинских иноземцев, взяв с собою 60 человек; затем когда он и 9 человек из его отряда были убиты, да 14 ранены, — к нему отправлена из Большерецкаго острога помощь в 30 человек, стало быть, в Южной Камчатке было во всяком случае около 100 человек казаков.

В 1709 году отправлено из Якутска с Осипом Мироновым (Липиным) 40 человек, да с Юрием Михайловым 27:

В 1710 году десятник Василий Севастьянов повел якутских казаков и новоприборных из промышленных и гулящих людей 33 чел.; по дороге с Индигирки, Алазеи и Колымы взято 15 человек.

В 1711 году упомянутый Севастьянов выступил в Камчатку, из Анадырскаго острога с командою в 80 человек “Опричь вожей и проводников”.

В том же 1711 году из Якутска отправлено в Камчатку под начальством дворянина Василия Колесова 58 человек: новоприборных, солдат и новокрещенов.

Всего же с 1707 по 1711 год отправлено из Якутска в Камчадальские остроги 289 человек (выделено мной. — *С.В.*)**.**

В 1711 году Якутскому воеводе Трауэрнихту приказану “как ни есть а умножить бы людей на Камчатке” и если там мало казаков, то приверстать 100 человек. (Памятн. Сибир. Истор., кн. II, № 126).

Несмотря на столь значительныя силы, высылавшиеся в Камчатские остроги, их оказывалось недостаточно, потому что убыль убитыми бывала ежегодно очень велика. Так, например, в 1714 году юкагиры, коряки, олютуры — возмущенные несправедливостями и поборами прикащика Олютурского острога Афанасия Петрова — убили его и вслед за сим возстали. Бунт

охватил весь Крайний северо-восток Камчатки, подсылались поджигатели даже к чукчам. В это время были убиты также прикащики Иван Енисейский и Василий Колесов, а казна бывшая при них, разграблена; вслед засим в присудах острогов: Олюторского, Акланского, Покачского и Анадырского убито и взято в плен 79 человек».

Но при этом мы должны прекрасно понимать, что только часть из пришедших на Камчатку людей здесь и оставалась в качестве сборщиков и хранителей ясака — другая же часть казаков возвращалась с собранным на Камчатке ясаком обратно в Якутск, охраняя драгоценный груз.

Попытаемся более детально разобраться с численным составом камчатских гарнизонов.

Отряд анадырского приказчика Михаила Зиновьева Многогрешного, прибывшего на Камчатку сразу после Атласова, в числе самых первых, из Анадыря, был, безусловно, немногочисленным, и он оставил, как и Атласов, здесь совсем небольшой временный гарнизон для сбора ясака, главной задачей которого было закрепиться в бассейне реки Камчатка, в той ее части, где проживало население, относящееся к русским довольно миролюбиво — скорее всего, избрано было все то же Верхнекамчатское зимовье, в котором жили казаки из отряда Потапа Серюкова.

«Уже в 1700 г. в Якутске стали понимать, что местным властям необходимо как можно скорее закрепить русский успех на полуострове Камчатка и направить туда новую экспедицию. Исполнить эту новую миссию поручили бывалому землепроходцу Тимофею Кобелеву. Ему в помощь был выделен небольшой отряд казаков, в который были включены такие опытные служилые люди, как **сын боярский Иван Мокринский, Семен Ломаев, Иван Куклин, Василий Бронник** и другие. За них документы уже в 1701 г. подписывал Петр Козыревский».

В отряде Тимофея Кобелева, в который помимо вышеперечисленных участников первого похода Владимира Атласова был включен проводник и толмач **Иван Енисейский**, побывавший на Камчатке вместе с Атласовым и раньше его — с Многогрешным и Голыгиным-Мороской, шли также не только отец — **Петр Федорович Козыревский**, но и его сыновья — **Иван**, **Михаил** и **Петр** — и будущие первооткрыватели Авачинской бухты — казаки **Родион Преснецов**, **Иван Могилев**, **Терентий Смердов**. Известен еще один из членов команды Тимофея Кобелева — **Иван Шамаев. А**

также Микыз или Имикыз — Данила Петров Беляев («В челобитной пишет, что он пришел на Камчатку с Тимофеем Кобелевым, был здесь с Михаилом Многогрешным и Василием Колесовым»), который спровоцировал казаков на поиск якобы украденной казачьим головой Владимиром Атласовым чернобурой лисицы в 1707 году, за что Атласов хотел зарубить Беляева палашом.

Общая численность отряда — 56 человек, из которых не менее половины должны были остаться — «годовать» — на Камчатке до новой смены, собирая ясак с местного населения.

Отряд Михаила Зиновьева Многогрешного Черкашенина, пришедший на смену Кобелева, насчитывал, как известно, 45 «новоприборных» казаков, собранных Атласовым в Тобольске, Томске, Енисейске для службы на Камчатке. Основная часть этого отряда, по всей видимости, и должна была дислоцироваться на полуострове, а с Многогрешным и собранным ясаком должны были возвратиться в Якутск «годовальщики» из отряда Кобелева.

Отряд Василия Колесова. Тоже человек 50. Только сорок человек он послал в Курильскую землю в 1705 году во главе с **Семеном Ламаевым**, но этот поход оказался неудачным, и в 1706 году он повторил его, поставив во главе **Михаила Наседкина**, разведчики из отряда которого сообщили, что «за переливами видна в море земля, а проведать де той земли не на чем, судов морских и судовых припасов нет, и взять негде». Не дождавшись смены, Колесов назначил приказчиков — в Верхнекамчатском остроге **Федора Анкудинова**, в Нижнекамчатском — **Федора Ярыгина**, в Большерецком — **Дмитрия Ярыгина**. Возвращаясь в Якутск, Колесов встретился на реке Пенжине с оставшимися в живых казаками из разгромленного коряками отряда Василия Шелковникова, шедшего на Камчатку, которые сохранили пороховую и подарочную казну. Отдавая себе отчет в том, насколько остра нужда в этой казне на Камчатке, Колесов отправляет обратно людей из своего отряда — **21 человека**. Возглавил эту группу **Семен Ломаев,** которому поручалось при этом взять на себя команду над всеми камчатскими острогами – Верхнекамчатским, Нижнекамчатским и Большерецким.

Сам отряд Василия Шелковникова был полностью уничтожен коряками вместе с приказчиком (**спаслись только пять человек**).

Следующий за ним отряд Федора Васильева сына Протопопова Верхотурова также был уничтожен в пути коряками полностью вместе с приказчиком (**спаслись только три казака**).

Третий — отряд самого Владимира Атласова — по сообщению Г.А. Леонтьевой, автора книги «Якутский казак Владимир Атласов – первопроходец земли Камчатки» (М., 1997) был очень крупный: «…ему разрешалось набрать отряд на Камчатку из 170 человек: в Тобольске — 30, в Енисейске — 20, в Илимске — 20 (из них 10 человек бурят), в Якутске — 100 человек».

При этом, как сообщает Г.А. Леонтьева, Атласов «взял с собой семью: жену Степаниду Григорьевну, сыновей, племянницу, других родственников».

Сколько было в его отряде людей в действительности, мы пока не знаем, так как названная Г. Леонтьевой цифра согласно отписке якутского воеводы от 6 октября 1711 не имела к Атласову никакого отношения: царская грамота о формировании отряда из 170 человек была датирована **28 мая 1707 года**, когда Атласов уже был на пути к Камчатке, и в которой **«велено послать из Якуцка в Камчадалской острог охотников, и в неволю и холостых казаков, и казачьих детей, и из промышленных людей добрых и ко всякому делу искусных 100 человек, да к тем в прибавку из Енисейска, из Тоболска, и из Братцкого и из Илимска, из казачьих детей 70 человек; а которые казаки или казачьи дети похотят вместо себя нанимать из охочих и из гулящих, и им нанимать вместо себя в ту службу велено, и дать им твое великого государя денежное и хлебное жалованье против пеших казаков на два годы, да по пищале…»**

В Санкт-Петербургском филиале архива РАН я обнаружил совершенно противоположные сведения — с Атласовым на Камчатку было отправлено всего… двадцать человек. Среди них — **Петр Неворотов, Алексей Буров, десятник Иван Харитонов, Михаил Федотов, Данила Анциферов…**

Атласов в пути вел себя буйно. Угрожал убийством. «И Данила Анциферова резал…»

Почти все атласовские казаки подали в Анадырском остроге челобитные приказчику… Осипу Миронову (то есть тому самому Липину, с которым они потом пересекаются на Камчатке).

По делу проходят «анадырские свидетели» бесчинств Атласова: **Алексей Буров, Кирила Анабара, Василий Булдаков, Василий Тимофеев, Василий Иванов, Василий Федоров, Сава Родионов…**

«Володимер ухватя лопату учал бить казака Михаила Федотова».

«Данило Томского и Михаила Федотова бити кнутом…»

* * *

Подводя кратковременный итог, можно сделать следующий вывод — в период, включая и «бунтарский» 1707 год, основной костяк камчатских гарнизонов представляли старослужащие казаки Якутска и новоприборные казаки из Тобольска.

Инициатором отстранения В. Атласова от должности Г. Леонтьева называет Семена Ломаева: «Всех недовольных объединил прежний приказной Верхнекамчатского острога Семен Ломаев, которого Атласов сместил (??? — *С.В.*) с этой должности по приезде своем на Камчатку. В декабре 1707 года казаки Верхнекамчатского острога собрали круг. Пользуясь тем, что казаки, верные Атласову, отправились для сбора ясака, Ломаев и его товарищи отстранили Атласова от должности приказчика, посадили под арест и конфисковали его пожитки. …Тогда же власть в Нижнекамчатском остроге захватил (??? — *С.В.*) Федор Ярыгин, тоже смещенный в свое время Атласовым».

Кто же такой Семен Ломаев?

Семен Леонтьев сын Ломаев, был, по всей видимости, тобольским «годовальщиком» на службе в Якутии.

В 1696–1698 гг. он был участником первого похода Владимира Атласова.

В 1700 году послан вновь на Камчатку в составе отряда Тимофея Кобелева.

В 1704 году вновь на Камчатке в отряде Василия Колесова.

Отзыв приказчика Колесова: «…в 705 году в марте месяце посылал я, раб твой, за Камчатку вдоль немирных курил и по курильской их острожек казака Семена Ламаева, да с ним служилых и промышленных людей сорок человек и тот острожек божьей милостью и твоим, великого государя, счастьем взяли и тех немирных иноземцов курил побили человек со сто, а достальных привели под твою великого государеву высокую самодержавную руку в вечное холопство в ясачный платеж».

В 1706 году в связи с уничтожением отрядов Василия Шелковникова и необходимостью доставки на Камчатку пороховой казны Василий Колесов с реки Пенжины возвращает обратно на полуостров 21 казака во главе с Семеном Ломаевым, которого наделяет полномочиями приказчика всех камчатских острогов.

Семен Ломаев в соответствии со своими полномочиями сдает в 1707 году камчатские остроги новому приказчику — казачьему голове Владимиру Владимирову сыну Атласову.

О каком «смещении» в этом случае может идти речь…

А вот в декабре 1707 года действительно именно Семен Ломаев был одним из главных инициаторов смещения Владимира Атласова, который явно не справлялся со своими должностными полномочиями и ставил камчатских казаков перед угрозой уничтожения их восставшими камчадалами.

И только он один, в соответствии с предоставленными ему правами, мог вновь возглавить администрацию полуострова и утвердить на должности приказчиков острогов.

И Федор Ярыгин, приказчик Нижнекамчатского острога, куда бежал из «казенки» Владимир Атласов, даже если бы очень захотел, не смог бы вручить Атласову «бразды правления» — у него не было таких полномочий. Такими полномочия в тот момент обладал только Семен Ломаев — и эти его полномочиями были подтверждены казачьим кругом, на котором определялась и дальнейшая судьба Атласова.

Атласова за все его преступления и прегрешения на Камчатке должны были судить якутские власти.

Именно поэтому его и не убили тогда, хотя повод для убийства был уже тогда… — и в 1711 году этот повод снова использовали.

* * *

Но продолжим наш подсчет.

Ситуация по составу казачьего населения Камчатки начинает резко меняться в 1710 году.

Да, собственно, и сама ситуация на Северо-Востоке России именно в период возвращения казачьего головы Владимира Атласова на Чукотку и Камчатку начинает особенно активно обостряться.

Мы уже говорили о полном разгроме отрядов Василия Шелковникова и Федора Васильева Протопопова-Верхотурова (вместе с которым погиб и Петр Федорович Козыревский, возвращавшийся из якутской «командировки»).

> *«По сведению о числе служилых людей в Камчатке доставленному в Сибирский приказ в 1711 году якутским воеводою Трауэрнихтом видно, что в 1707 году приказано отправить в Камчадальский острого 100 человек, набранных в Якутске, да 70 человек из Тобольска, Енисейска и острогов: Ишимского и Братского.* ***Приказано отправлять охотников и за недостатком — нарядом, при чем допущен наем за себя*** (то есть разрешено было брать кого ни попадя — лишь бы выполнить

> план по “верстанию”. — *С.В.*)*; с людьми отправить 4 пушки и соответственное число артиллерийских припасов.*
>
> ***В исполнение наказа*** (выделено мной. — *С.В.*) *отправлен* ***прикащиком сын боярский Петр Чириков и с ним: 1 пятидесятник, 4 десятника и 50 казаков, набранных из промышленников, казачьих детей и казаков, 2 пушки, 48 пищалей. В следующем году*** *с боярским сыном* ***Иваном Панютиным отправлено присланных из Тобольска и Енисейска 35 человек в Камчадальский острог, 15 в Большерецкий и 20 человек присланных из Илимска направлены в Анадырский и Пенжинский остроги****».*

Не будем сейчас говорить об исторических разночтениях: кто был отправлен из них первым — Панютин или Чириков.

На Камчатку они шли вместе, одним сводным отрядом.

«19 апреля 1709 г. из Анадырска на Камчатку выступил отряд (55 казаков с двумя пушками) под командованием детей боярских Ивана Панютина и Петра Чирикова. По дороге, 20 июля, при переправе через р. Карагу (по Крашенинникову — на р. Панкаре) отряд подвергся нападению олюторских коряков. Алюторы убили 10 казаков (в том числе Панютина), многих ранили, захватили денежную казну (200 руб.) и частично боеприпасы (порох и свинец), а также оленей, кормовые запасы и личное имущество казаков. По свидетельству очевидцев, причиной разгрома стали плохой порох (“тот порох на боях из гладких пищалей и из винтовок стрелять не годитца”) и наличие в отряде большого числа нововерстанных якутских казаков, непривычных к военному делу, которые уже в начале нападения разбежались. Отбить первый натиск удалось благодаря старослужащим анадырским и камчатским казакам.

Оставшиеся в живых казаки под командой Чирикова укрылись в “тесном месте” на берегу Караги и наспех поставили укрепленный “табар”. 22 (или 24) июля алюторы “во многолюдстве” атаковали табор, но на этот раз были не только отбиты, но и прогнаны “вспять”, причем казакам удалось захватить у них 5 байдар. На этих байдарах морем добрались до устья р. Камчатки и до Верхнекамчатского острога, куда прибыли в октябре 1709 г.».

Странно — но людей по нашим подсчетам должно было быть в два раза больше.

Но и у С.П. Крашенинникова по этому поводу очень кратко: «Между тем дошли в Якутск посланные на него от служивых лю-

дей с дороги челобитные, из которых якутская канцелярия тогда еще предвидела, что на Камчатке между служивыми и Атласовым последует вящее несогласие; чего ради, опасаясь вреда для государственной пользы, писала обо всем в Москву обстоятельно и в 1707 году отравила на его место приказчиком сына боярского Петра Чирикова с 1 пятидесятником, с четырьмя десятниками, с пятьюдесятью человеками рядовых.

А военного снаряда дано ему: две пушки медные, 100 ядер, пять пудов свинца, восемь пудов пушечного пороха. Но как в 1709 году в генваре месяце получены с Камчатки ведомости о худых поступках Атласовых и об отнятии у него команды, то Якутская канцелярия отправила вслед за Чириковым указную память, чтоб ему по делу Атласова учинить следствие, и оное дело прислать на рассмотрение в Якутскую воеводскую канцелярию с выборным приказчиком Семеном Ломаевым, также сборную ясачную казну на 1707, 1708 и 1709 годы.

Однако оная указная память Чирикова не застала в Анадырске и на Камчатку не отправлена, за малолюдством служивых людей в Анадырском остроге, ибо малых людей посылать в тот путь было опасно, для того что по Олюторскому и по Пенжинскому морю дорога от многих изменников занята была, так что они в 1709 году июля 20 числа, невзирая на знатную Чирикову команду, днем напасть на него отважились; бывшего при казне сына боярского Ивана Панютина со товарищи в 10 человеках убили, казну и военную амуницию разграбили, а остальных служивых принудили сидеть в осаде на пустом месте, от которой они 24 числа того ж месяца, учиня вылазку и олюторов счастливо отбив, освободились, потеряв двух человек в сражении, чего ради Чириков, прибыв на Камчатку, не производил следствия, довольствуясь одной командой».

Но вместе с ним, за исключением погибших десяти человек из команды Ивана Панютина, прибыло на полуостров около сотни казаков, большинство из которых, как выясняется, «пороха не нюхали», а воевать им пришлось практически постоянно:

«Камчатский приказчик П. Чириков послал в поход на Пенжинское море на р. Колпакову (Конпакову) против “изменников” пятидесятника Ивана Харитонова с 40 чел. Выйдя в начале января 1710 г. из Верхнекамчатского острога, Харитонов двинулся к Конпаковскому острожку. Недельная осада острожка закончилась безрезультатно. Потеряв на приступе одного человека и много раненных, Харитонов возвратился в Верхнекамчатск.

В начале апреле 1710 г. Чириков вновь послал отряд (50 чел.) на конпаковских “изменников”, но уже во главе с Андреем Кутьиным. На этот раз русские взяли Конпаковский острожек, перекололи главных “изменников”, с остальных взяли ясак. Правда, позднее, в 1726 г., современник этих событий, казак И. Козыревский утверждал, что на реках Иче, Облуковина, Крутогорова, Колпакова “оных иноземцов, изменников и убойцов, в прошлом 710 году умирить не могли воинскими походами”.

Сам Чириков летом 1710 г. приводил в покорность ительменов на Бобровом море, вновь наложив на них ясак. “В том же походе усмирил он изменников от Жупановой до самой Островной реки, и привел в ясашной платеж по прежнему”, “неясачных иноземцов под твою высокосамодержавную царскую руку ласкою и приветом призывали, а непокорных неприятельских иноземцов ратным боем смиряли”. В Калагирской губе казаки “боем” отбили у “неприятельских иноземцов” четырех японцев, спасшихся от кораблекрушения.

С р. Островной Чириков отправился в Верхнекамчатск, а на р. Большую послал 40 казаков во главе с И. Харитоновым “усмирять изменников староплатежных ясачных иноземцов, и вновь неясачных иноземцов под твою царскую высокосамодержавную руку призывать”. Но Харитонову опять не повезло, его отряд был разбит. Причем описание этих событий дается в двух версиях. Согласно одной, изложенной в челобитной камчатских казаков и повторенной затем С. П. Крашенинниковым, отряд Харитонова внезапно днем, “на ходу” (на марше), был атакован иноземцами с р. Большой и с других рек, которые “скопився в многолюдстве”. Внезапность нападения дала ительменам некоторое преимущество и они сразу убили 8 казаков и многих (в том числе Харитонова) “испереранили”. Однако казаки, вероятно, достаточно быстро оправились и “боем отбились”, укрывшись в ближайшем пустующем ительменском острожке. Целый месяц они просидели там в осаде, но не дождавшись помощи из Верхнекамчатска, с трудом спаслись бегством.

Другая версия, зафиксированная опять-таки Крашенинниковым (несомненно, со слов казаков), представляет ход событий иначе. Харитонов, придя на р. Большую, осадил там какой-то острожек. Через некоторое время иноземцы сдались и впустили

русских, обещая заплатить ясак. Отряд расположился в острожке. После этого к Харитонову стали приезжать тойоны из “нижних острожков” и уговаривать его поехать вниз реки, поскольку туда якобы им всем будет удобнее свозить ясак. Часть казаков категорически возражала против этого, подозревая со стороны ительменов обман. Однако пятидесятник не послушал их и отправился на батах вниз по реке. Далее случилось следующее: “Бывшие на батах в каюрах иноземцы завезли их в протоку очень быструю и тесную и, выскоча из батов, стали служивых побивать, а на берегах той протоки были другие иноземцы, которые там под скрытом сидели и дожидались их, которые в то же время из луков по них стреляли и убили из них 12 человек, сверх того многих переранили, а остальные едва отбиться могли и оттуда ночным временем побежали на Камчатку, а в дороге у них от голоду человека с три умерло”» (А. Зуев).

* * *

Наказ о проведении следствия на Камчатке дождался в Анадырском остроге нового камчатского приказчика Осипа Миронова сына Липина.

Вот у него была уже совсем «веселая» компания: «Да в прошлом 709 году послали мы холопи твои из Якуцка в Камчадалские остроги, по выбору, прикащиком пятидесятника казачья Осипа Миронова, да с ним новоприборных из промышленных из гулящих людей 40 человек, да с Юрьем Михайловым 27 человек…»

Но по дороге произошли изменения: «В нынешнем 710 году, марта в 28 день, дошел я в Анадырской острог с великою нуждою, потому что нововерстанные служилые люди в дороге неискусны и непоспешны, и рыбный корм им не за обыкность, многие в дороге за скорбию и обезножили, и впредь им далее за тою скорбию итить невозможно: **Гаврило Колцов, Иван Подшивалов, Яков Нарицын, Григорей Ивановских, Иван Лебедев; в Анадырску остались Гаврило Колцов с пищалью, Иван Лебедев с пищалью, у Ивана Подшивалова, у Якова Нарицына и Григорья Ивановских пищали взяты и отданы старых присылок служилым людем до камчадалских острогов… А не дошед Анадырска, на Каменю, в пургу казак Андрей верхотурец от товарыщев остался и заблудился с пищалью** … найтить его не могли…» «А в прошлом 709 году, из Якуцка в Анадырской послана указная память с **Юрьем Дьячковым** к Ефиму Петрову, велено ему Ефиму отрядить из Анадырска на Камчатку 20 человек служилых людей добрых и к воинскому делу искусных к тем служилым людем на поддачю, которые посланы будут на Камчатку в 710 году. И он Ефим против тех указанных памятей не учинил, служилых людей не нарядил… в Анадырском подал челобитную об людях на поддачю о 20 человеках прикащику Федору Котовскому; и он Федор челобитную мою принял, а служилых людей не дал ни единого человека без указу великого государя, **толко в вожи дал казака Кузму Карманского** (Марманского — выделено мной. — *С.В.*), в толмачи **Спиридона Сидорова**… А сию отписку послал я из Анадырска в Якуцкогой город с **Захаром Понятовским да Петром Атамановым**».

* * *

Итак, как утверждают историки, с 1707 по 1711 год на Камчатку было отправлено 289 человек.

То есть прежний казачий состав, который был в 1707 году при смещении Владимира Атласова, теперь полностью изменился.

Пришли совсем новые люди. И вовсе даже не казачьего сословия — промышленные, гулящие, набранные по доброй воле, продавшие себя в казачью неволю или верстанные силой — «в наряд»…

Пришли вовсе даже не для того, чтобы служить государству — их интересовало только личное обогащение.

* * *

В наказной памяти Василию Савастьянову описаны интересные подробности, связанные с казаками «нового призыва»: «…в прошлом 709 году писал в Якуцкой из заморских рек камчадалской прикащик Болшей реки сын боярской Иван Панютин: осталось де от него в Зашиверском и Уяндинском зимовьях, за скорбью служилых людей, 16 человек: **Иван Нехорошков, Федор Хиценков, Ондрей Залесов, Гаврило Трубачев, Никита Чегус, Яков Нарицын, Василей Толстоухов, Федор Ерофеев, Степан Лапин, Михайло Минозим, Василей Гроцкой, Кирило Черных, Гаврило Истомин, Иван Волков, Михайло Вараксин, Иван Хайлов, и велено их забрать в Камчатку Осипу Миронову;** и буде кого он из них не звал и кто у него Осипа из его служилых людей где на заморских реках остался, и тебе Василью вышеписанных служилых людей, Ивана Нехорошкова с товарыщи и **Осипа Миронова казаков, будто они не хотят великому государю служить, взяв полное жалованье, самоволством оставлялись, по пря-**

мому свидетельству учиннить им за то наказанье, бить батоги, чтоб на то смотря и иным неповадно было так делать. И из Зашиверского и из Уяндинского зимовей и из иных мест такие ж служилые люди, где кто от прикащиков оставался, сыскав, взять с собою же в Камчадалские остроги без всякого отлагательства, и велеть им служить с своею братьею врад».

* * *

«А будет тех служилых людей с собою на Камчатку не возмешь, — далее “строжали” Савастьянова в наказе, — а о том в Якуцком будет ведомо, и за то, по указу великого государя, быть тебе Василью самому в наказанье и незаслуженное жалованье доправлено будет на тебе без попоровки. …Да тебе ж Василью взять с собою из Зашиверского острогу в Камчадалской острог **казака Петра Нюгута** и отца его и братей выслать в кочевье в Верхоянское зимовье. А буде он Петр от той службы укроетца или с дороги сбежит, и его для казни индигирскому прикащику велеть прислать за крепким караулом в Якуцкой».

Согласно сообщениям уже самого Василия Севастьяновича Щепеткого: «…в Нижном Ковымском зимовье оставил я служилых людей 5 человек того ради, что те служилые люди заскорбели очною скорбью». Но анадырский приказчик Федор Котковской, выполняя указ государев, «отредил и послал вслед за прежде бывшим камчадалским прикащиком Осипом Липиным 40 человек; а прикащика с теми служилыми людьми отредил Григория Худякова… а со мною Василием служилых людей пошло из Анадырска 38 человек, а с ним Григорием служилых людей из Анадырска пошло 40 человек…»

«Из Анадырского де острогу в Камчадалские остроги прикащик Василий Савастьянов пошел с новоприборными и анадырскими служилыми и промышленными людми в восьмидесят человеках, опрочь вожей и проводников…»

«Но в бою под Илпейским острогом коряки у меня у Василья побили оне 2 человек, **Архипа Никифорова, Григорья Малинина, да у Григорья Худякова убили ж двух человек, Ивана Глазина, Козму Тютина…»**

«И дошел я на Камчатку реку в Нижней Камчадалской острог, июля в 29 числе 711 году… а прежних прикащиков, Володимера Отласова, Петра Чирикова и Осипа Липина в Камчадалских острогах живых не заехал, все прибиты от служилых людей, от Данила Томского, от Ивана Козыревского с товарыщи…»

* * *

Данила Томской в данном случае — Данила Яковлев сын Анциферов, родом из города Томска.

23 августа 1711 года Василий Щепеткой был в Верхнем остроге и принял дела (ясак и служилых людей) у Алексея Пещеры «и по приезде свой он Алексей преставился…»

На реку Большую Щепеткой отправил было анадырского десятника Григория Худякова, участника похода Мороски-Голыгина, чтобы принять дела у Анциферова. Но тот острог не сдал.

«И он Данило Анциферов, декабря в 20 день, с Болшие реки в Нижной Камчадалской острого приехал в самое оплошное время, а с ним Данилом приехало его Данилова полку, которые были с ним Данилом в убойстве, служилых людей 40 человек; да с ними же приехало казачьих их холопей 30 человек с лучным боем, и на казачьи зимовья становился он Данила силно…

И прислал он Данило ко мне Василью на постоялой государев двор служилого человека Дмитрея Томского со злым и лукавым вымыслом, хотя оне меня злым своим вымыслом меня вызвать в ясачное зимовье, а вызвав в ясачное, убить. И пришед он Дмитрей Томской ко мне Василью на постоялой двор, почал меня вызывать в ясачное зимовье для приему сборной великого государя ясачной казны, которую казну привезли оне на 711 год».

Но Василий Севастьянович Щепеткой, страшась измены, послал вместо себя принимать ясачную казну служилого человека Федора Ярыгина, который и принял два сорока один соболь и 30 лисиц красных от большерецких «воровских» казаков.

«А марта в 5 день учинилось мне Василью ведомо из Верхнего Камчадалского острожку от прикащика Семена Ломаева, писано в отписке, что де его Данила Онциферова со служилыми людми на Давачике реке прежние изменники побили, а служилых людей с ним побито 17 человек».

Получив известие, кардинально меняющее расстановку сил, Щепеткой направляет в Большерецкий острог приказчиком служилого **человека Федора Шелковникова**, но и ему «воровской» есаул Иван Козыревский также не сдает власть над острогом. И лично сам, в окружении «воровских» большерецких казаков, привозит Щепеткому в Верхнекамчатский острог ясак за 1712 год, собранный с большерецких камчадалов, в размере 6 сороков 11 соболей, 17 лисиц красных, 3 пластины красных лисиц без хвостов.

9 апреля 1712 года умирает нижнекамчатский приказчик Козьма Марманской, на место которого назначается Федор Ярыгин, родственник Дмитрия Ярыгина, первого приказчика Большерецкого острога, погибшего в 1707 году вместе со всем гарнизоном.

9 мая 1712 года служилые **Михаил Сюсин и Спиридон Сидоров** доставляют в Нижнекамчатский острог арестованного **Григория Переломова** из числа большерецких бунтовщиков. «…Он приведен к пытке и подъиман на виску; а на пытке дано ему 10 ударов». Вот что сообщил Переломов следствию:

«…Осипа Липина, Володимера Отласова, Петра Чирикова ***убили из живота, для соболей их и для шуб собольих и лисиц красных; а те де животы они Григорей грабежом брали и по себе делили и на Болшую реку увезли*** (выделено мной. — *С.В.*)**.** *Да в то же бунтовое время, он де Григорей с ним Данилом Анциферовым да с служилыми людми в Верхнем де и в Нижнем острогах знамена выносили, и по улицам круги и бунты чинили, а его де Данила атаманом называли, а Ивана де Козыревского ясаулом называли ж; и их де Данила и Ивана он де Григорей и служилые люди их полку почитали и за винность де служилых людей, которые де в чем приличались, своего полку каршами смиряли, и тем де свое войско утверждали, и заповеди де меж себя великие клали и приговоры де писали, что де друг друга ни в чем не выдавать и заедино бунтовать. Да он же де Григорей Переломов в Верхнем остроге Петра Чирикова перед убийством вязал, и со всем своего полку с убойцами со служилыми людми его де Петра Чирикова в воду бросили и на воде до смерти убили…»*

Переломов донес также о том, что, после того как в 1711 году большерецкие казаки побывали на острове Шумшу (а про посещение Парамушира, они якобы сообщили «ложно», что оспаривается современными историками. — *С.В.*) и **задумали захватить всю государеву казну,** чтобы потом ***«итти на те вышеупомянутые острова за переливы на море, и жить, чем они хотели многие лета и времена»*** (выделено мной. — *С.В.*)**.**

И еще об одном очень важном сообщил Переломов — о фактической доле каждого из участников этого бунта — **«досталось де им Григорью на пай на всякого человека по полутора сорока соболей, да по 20 лисиц красных, да по 2 бобра морских** (выделено мной. — *С.В.*)**.** А брали де они тот живот и делили де меж собою на 75 паев. …Да у них же неделного живота убитых

прикащиков на Болшей реке осталось 12 шуб собольиных пластинных, да 10 шуб собольих пупчатых, да 20 бобров морских, да соболей и недособолей 19 сороков, 80 лисиц красных, 30 лисиц сиводущатых. Да он же де Григорей слышал прежде смерти у **Алексея Посникова**, что де в Верхнем оставлено на поклаже де его де Алексеевых пожитков у **Якова Олферова** 2 сорока соболей».

То есть на паи ушло 2250 соболей (56 сороков 10 соболей), 1500 красных лисиц и 150 морских бобров (каланов).

В казну, как вы помните, были отданы только две рваные прелые бурые лисьи шкуры, обнаруженные в доме убитого Атласова…

* * *

А невывезенного в Якутск из Камчатки ясака, на который «положили глаз» люди Анциферова-Козыревского, скопилось с 1707 по 1711 год: «199 сороков 25 соболей соболиного сбору, да лисиц красных 2523 лисицы, в том числе 38 лисиц сиводущатых, два ста с четырми бобрами бобров, 2 лисицы бурые, одна без хвоста, да лоскут лисицы буры без хвоста».

И дополнительно за время пребывания Щепеткого было собрано в казну еще «59 сороков 28 соболей соболиного сбору, да лисиц красных 520 лисиц, 3 лисицы сиводущатых, 55 бобров морских…»

Кроме этого отписаны были в казну и личные «пожитки» самого Атласова, которые казаки изъяли у него в 1707 году: *«соболей 30 сороков 33 соболя, 400 лисиц красных, 14 лисиц сиводущатых, 74 бобра морских болших и малых, 3 шубы пластинные собольи под кровлями, одеяло соболье пластинное под кровлею, 3 меха собольи пластинные, 2 меха собольи пупчатые, 2 парки собольи оплечье бобровые, санаяк выдреной, шуба бабровая под кровлею, да 3 меха бобровые ж, 2 санаяка бобровые, в том числе один робячей малой, 2 меха красных лисиц хребтовые, да мех, да сиводущатых лисиц хребтовой, куклянка лисья красных лисиц, парка соболья робячья малая, да куклянка соболья мех сиводущатых лисиц черевей, да мех лисей черевей красных лисиц, 2 полы шубные собольих хвостов, да лоскут собран собольих хвостов. А те вышеписанные пожитки собраны в Верхнем Камчадалском остроге у головы казачья Володимера Отласова и положены в казну великого государя за печатью прежнего камчадалского выборного прикащика Семена Ломаева;* ***да при-***

носу Данила Анциферова с казаками его 2 лисицы буренкие без хвостов, которые лисицы принес он Данило в Верхнем в ясачную избу, оддал в прием к Алексею Александровых».

Как видно из этого сообщения, события 1707 и 1711 годов и в этом имели между собой принципиальную разницу — в 1707 году в казну внесено все, что было «собрано» у казачьего головы, в 1711 году — две «лисицы буренкие без хвостов» — «драные и прелые», как отметят позже в Якутске, словно в насмешку, как заметил Н.Н. Оглоблин, отданные бунтовщиками в казну.

* * *

Обратим особое внимание на эти цифры — «делили меж собою на 75 паев» — то есть ровно на столько паев, сколько человек ушло вместе с Анцыферовым и Козыревским на реку Большую в Большерецкий острог, который они восстановили заново после его уничтожения камчадалами в 1707 году.

Почему мы должны обратить на это особое внимание?

По одной простой причине — эта добыча, если исходить из принципа арифметики, не досталась той части казаков, которая участвовала в бунте, но не попала в число этих 75.

Мы имеем в виду ту часть верхнекамчатских казаков, которые участвовали в бунте и убийствах, но не ушли (по неизвестным нам причинам) на реку Большую.

И мы попытаемся выяснить, кто же не попал в это число?

* * *

Дело в том, что, забегая вперед, а без этого нам не обойтись, скажем, что верхнекамчатские казаки бунтовали не только в 1707 и в 1711 годах. В 1712 году, когда «воровские» большерецкие казаки присоединяли к России Курильскую землицу и Курильские острова, уведя во вновь отстроенный ими острог на реку Большую 75 своих единомышленников — бывших нижнекамчатских и верхнекамчатских казаков, чтобы этим своим землепроходческим подвигом снять с себя вину за убийство камчатских приказчиков, в Верхнекамчатске вспыхнул новый бунт и обозначились новые действующие лица, позволяющие нам более детально конкретизировать события, происходившие на Камчатке более чем три столетия назад.

С.П. Крашенинников: *«Между тем в 1711 году приехал на смену Осипу Миронову казачей десятник Василий Савастьянов, он же и Щепеткой, не ведая о убивстве трех прикащиков, ибо отписки не дошли еще до Якутска при его отправлении, и собирал*

ясак в Верхнем и в Нижнем острогах, а в Большерецком главной бунтовщик Анцыфоров {В рукописи зачеркнуто: хотя оказать ему свою покорность. — Ред.}, которой под видом должности своей сам приежжал в Нижней острог с большерецкою ясашною казною, однако в таком числе своей партии, что мог быть безопасен от тюрьмы и от следствия, чего ради и отпущен от Щепеткого на Большую реку паки зборщиком. На обратном пути по Пенжинскому морю привел он в ясашной платеж Конпаковой и Воровской реки изменников, которые отложились было за несколько времени; но в 1712 году в феврале месяце и сам убит от авачинских изменников обманом, ибо как он в 25 человеках на Авачу поехал, а иноземцы о том сведали, то зделали они крепкой и пространной балаган с потайными подъемными дверьми для его принятия. С приезду приняли его честно, отвели в помянутой балаган, дарили щедрою рукою, довольствовали, богатой ясак платить обещались без прекословия, и дали несколько человек в аманаты из людей лучших, но следующей ночи сожгли их в помянутом балагане купно с своими аманатами. Злобу, какову имели камчадалы на служивых людей, можно видеть по речам помянутых аманатов их, ибо сказывают, что при зажжении балагана камчадалы кричали им поднимая двери, чтоб они, как можно, вон выбросились, но аманаты ответствовали, что они скованы {В рукописи зачеркнуто: и служивые их не пускают. — Ред.} и приказывали жечь балаган не щадя себя, токмо бы служивые сгорели. Таким образом бунтовщичей атаман Анцыфоров с некоторыми смертоубийцами предупредил казнь свою, доказав смертию своею истинну пословицы, которую бунтовщики обыкновенно употребляли, что на Камчатке можно прожить семь лет, что ни зделаешь, а семь де лет прожить, кому бог велит. И правда что до проведания пути Пенжинским морем, за дальним расстоянием, и трудным проездом чрез землю немирных коряк, в пересылке репортов в Якутск, и в получении указов проходило много времени, что бездельникам оным подавало немалой повод к наглостям.

По смерти Данилы Анцыфорова, не такая уже, как видно, опасность была прикащикам от бунтовщиков, ибо Щепеткой нарочных посылал в Верхней острог, чтоб ловить убийцов, где попадутся, при котором случае один и пойман, и в Нижнем остроге розъискиван, и во многих злоумышлениях кроме убивства трех прикащиков винился, а именно, что намерены они

были разбить Верхней и Нижней Камчатские остроги, прикащика Щепеткова убить, ясашную казну и многих прожиточных служивых людей пограбить, а потом уйтить на острова и поселиться; чего ради и Анцыфоров приежжал к Щепеткому не столько для отдачи ясашной казны, как для похищения собранной, и для его убивства, однако за многолюдством служивых противной стороны предприятия своего в действо произвесть не отважилися.

Щепеткой оставя в Верхнем прикащика Константина Козырева (ошибка — Кыргызова), а в Нижнем Федора Ярыгина отправился с Камчатки в 1712 году июня в 8 день, и шел с камчатскою казною по Олюторскому морю до Олюторской реки, и вверх оной реки 4 дни, и не доходя за 2 днища до Глотова жилья остановился, для того что выше того за мелью реки и за быстротою судами итти не можно было. Для защищения казны от олюторов, огородился он за оскудением лесу вместо острогу земляными юртами, ибо олюторы на дороге с ними бой имели, а тогда по всякой день приступ чинили. ***В остроге сидел он с 84 человеками команды*** *своей генваря до 9 числа 1713 году. Между тем послал он нарочных в Анадырск с требованием помощи и подвод для перевозу ясашной казны, которая помощь в 60 человеках состоящая, и довольное число оленей под казну ему и прислано. Таким образом ясачная казна едва спаслася от немирных коряков; в Якутск дошла она в генваре месяце 1714 году, а в вывозе не было ее за объявленными бунтами и замешательствами, и за трудным от коряков проездом с 1707 году по самое объявленное время; было же ее всяких зборов {В рукописи зачеркнуто: 109 сороков и 25 соболей, 2523 лисицы красных, в том числе 38 лисиц сиводущатых, 204 бобра, 2 лисицы бурые, лоскут лисицы бурой же, да его Щепеткова збору на 1711 год и на 1712 год 59 сороков 28 соболей, лисиц красных 520, сиводущатых 3, бобров морских 55, откупных 3 сорока соболей, 213 лисиц, обраные пожитки Володимера Атласова 2 лисицы бурых приносу бунтовщика Данила Анциферова, 2 сорока 2 соболя, 20 лисиц красных да 2 бобра Чирикова збору, 6 сороков 20 соболей приему Осипа Липина, которые взяты за издержанные казенные деньги, поклонных от Семена Ламаева 15 сороков соболей, от прикащика Чирикова поклонных же 20 сороков, от Ивана Ламаева 8 сороков, от Чирикова лисица бурая поклонная ж, да его Щепеткова поклонных 20 сороков соболей да 2 лисицы бурень-*

кие. — Ред.} прежних прикащиков 332 сорока соболей, 3289 лисиц красных, в том числе семь бурых, сорок одна сиводущетых, да морских бобров 259».

* * *

С Камчатки государеву меховую казну вместе с Щепетким сопровождало 84 человека – столько же, сколько с ним и пришло. Только вот тех же самых ли?

«Да в прошлом 710 году послали мы холопи твои из Якуцка в те жь Камчадалские остроги, по выбору, прикащиком десятника казачья Василья Савастьянова, да с ним якуцких казаков и новоприборных из промышленных из гулящих людей 33 человека… да на служилых людей, которых велено взять на Камчатку с Индигирки и с Алазеи и с Ковыми на 15 человек послано жалованье…»

Этих, скорее всего, он оставил на Камчатке, а с собой взял наиболее опытных — слишком дорогой груз нужно было доставить в Якутск.

По крайней мере, известно, что с Савастьяновым ушли Андрей Кутьин (вероятно, со своими людьми, которые находились в Нижнекамчатском остроге) и Никита Голыгин (из семьи потомственных землепроходцев). А также участники бунта 1711 года — Федор Шелковников и Филипп Серебренников, которые были назначены провожатыми.

А приказчиками в камчадальских острогах он оставил вместо покойных Пещеры и Марманского — с одной стороны, опытного якутского казака Федора Ярыгина в Нижнекамчатске, которому это было «не впервой», а с другой стороны, — молодого (только в 1706 году верстанного на убылое место) казака, уроженца Тобольска, Константина Кыргызова — в Верхнекамчатске.

Причина выбора им последнего до сего дня остается для нас загадкой.

Хотя…

* * *

А в Якутске в это время формировалась новая команда на Камчатку: *«…в нынешнем, государь, в 711 году, по твоему великого государя указу, послали мы холопи твои из Якуцка в Камчадалские же остроги, за выбором якуцких дворян и детей боярских, прикащиком московского списку дворянина Василья, да с ним в товарыщах сына его сотника Степана Колесовых, да якуцких служилых и новоприборных и присланных с Москвы рекрутов, и из Илимска солдат и новокрещеных 58 человек…»*

Позже часть казаков из отряда Василия Колесова, «которые шли с нами в прошлом 712 году, июня в 18 числе, подсмотрели воровских прежних изменников и убойцов, немирных иноземцев Каменного острогу» и пошли «призывать их под высокую государственную руку» во главе с Кондратием Львовым, который сообщал позже Колесову, что **«и на том бою служилых и промышленных и новокрещеных людей побили 9 человек: "Таврила Колцова, Василья Штинникова, Афанасья Кулунтая, Ивана Панамарева, Федора Пестрекова, Василья Бодорева, Ивана Сыкыя, Осипа Ушницкого, Семена Лядова"».**

Василий Михайлович Колесов был направлен для проведения официального следствия по делу об убийстве камчатских приказчиков и выяснению причин казачьего бунта. Но, прибыв на Камчатку, он оказался в самом эпицентре нового бунта.

А вот что в это же самое время происходит на Камчатке:

*«По выезде с Камчатки Василья Щепеткова взбунтовал Верхнего Камчатского острогу закащик Кыргызов, и собравшись со служивыми людьми того острога, приплыл батами в Нижней Камчатской острог, мучил тамошнего закащика Ярыгина свинцовыми кистенями, и клячем вертел ему голову, пожитки его разграбил, и разделил с своими служивыми; такое ж нещастие претерпел тамошней священник и несколько казаков нижношантальских, которых они били, и подъимали на дыбу; чего ради Ярыгин принужден был команду оставить, и в монахи постричься, а острог здал служивому **Богдану Канашеву**, которой правил оным до вторичного прибытия Василья Колесова, что прежде был казачьим пятидесятником, но тогда уже был пожалован дворянином по московскому списку. А Кыргызов подговоря к себе в злоумышление 18 человек нижношантальцов возвратился в Верхней Камчатской острог, и был страшен Нижнему острогу долгое время, не токмо до приезду прикащика Колесова, но и в бытность оного».*

То есть, как мы видим, число бунтовщиков, несмотря на гибель Данилы Анциферова и 25 (или 17, по другим сообщениям) казаков его команды, продолжает расти — к пятнадцати новым верхнекамчатским разбойникам прибавляется восемнадцать «нижношантальцов» (правда, непонятно, почему С.П. Крашенинников употребляет это слово: Нижнешантальский острог появляется после 1731 года, когда восставшие камчадалы уничтожают Нижнекамчатский острог, расположенный в районе современного поселка Ключи, и новый строится уже в районе Шантальского (Азабачьего) озера).

* * *

Поэтому Василий Колесов, продолжая следствие, которое начал Василий Щепеткой по убийству трех приказчиков — по делу о 75 «воровских» большерецких казаках, одновременно начинает следствие и по верхнекамчатским воровским казакам.

А так как до большерецких казаков ему не добраться, то и следствие свое он начинает с последних — с верхнекамчатцев.

По горячим следам были выявлены имена тех из верхнекамчатских казаков, которые захватили Нижнекамчатск, пытали приказчика Федора Ярыгина, постригшегося в результате этого в монахи под именем Феофил, били кистенями тех из нижнекамчатцев, кто попытался было заступиться за Ярыгина. Правда, таких смельчаков почти не нашлось — но имя троих из них — **казаков Дмитрия Шивыри, Алексея Чурина и промышленного Якова Басилы** — остались в истории. Как и имена тех, кто видел, как избивают Ярыгина, и попытался привлечь на подмогу им людей — **Тита Аввакумова и Якова Тугобезненова.**

Отряд «лихих» верхнекамчатских людей состоял из 15 человек.

Константин Кыргызов — атаман, Иван Бадлин, Леонтей Беляев, Козма Баландин, Кирила Бекирев, Никита Дурынин, Павел Кабан, Прокопей Месяхин, Федор Онкудинов, Андрей Орлик, Лазарь Ощепков, Иван Панютин, Иван Сиряня, Иван Терентьев, Иван Торг(д)уя сын Григорьев (Иван Тордуя бил Федора Ярыгина кистенем, а в 1713 году сам «удавился», по сообщению К. Кыргызова).

Но это еще не все.

В Верхнекамчатске, как выяснилось, оставалось еще 20 человек из числа соратников Кыргызова, которые принимали участие в дележе награбленного. Их имена также стали известны следствию.

Григорей Баландин, Семен Белой, Тимофей Грущевский, Тимофей Заварзин (Заворзин), Федор Зырян, Андрей Климов, Моисей Кирилов, Михайло Козыревской, Володимер Конищев, Иван Лосев, Петр Неворотов, Никита Носов, Иван Петров, Василей Петух, Анисим Сидоров, Иван Суздалов, Михайла Тимофеев, Василей Толстоухов, Лазарь Туман, Семен Щеголев.

Сразу уточним, что несколько человек из этой — оставшейся в Верхнекамчатске — команды, все-таки отказались участвовать в дележе награбленного, хотя почему-то и попали в список:

Володимер Конищев, Моисей Кирилов, Тимофей Заворзин, Федор Зырян, Лазарь Туман.

А в Нижнекамчатске к бунтовщикам присоединились еще восемнадцать человек (правда, как выясняется, не все по своей воле):

Агапит Аврамов; Алексей Бурой; Алексей Еремеевых; Степан Зорно; Петр Иконников (интересно, что по другим документах, Петру Иконникову было выражено милостивое государево слово за то, что он не пристал к бунту Анциферова — наверстывал упущенное или принудили?); Филип Кисиных; Михайло Кобычев (впоследствии, во времена уже С.П. Крашенинникова, «главный» и единственный свидетель тех событий); Степан Колоколников; Иван Лебедев — «из-за угроз и мучений»; Тимофей Марков; Дмитрей Попов; Петр Попов; Андрей Рассадников; Матвей Серебренин; Сава Тимофеев; Степан Токуяк; Григорей Тюшев.

Теперь можно посчитать, что помимо 75 бунтарей, которые ушли восстанавливать Большерецкий острог с атаманом Данилой Анциферовым и есаулом Иваном Козыревским, взбунтовалось еще 53 человека.

То есть общий итог — 128 человек.

Добрая половина от всех казаков, которые пришли на Камчатку в этот период.

* * *

Новые бунтари действовали по той же схеме, что и команда Анциферова, — они потребовали от пришедшего на Камчатку приказчика Василия Колесова дать им наказ на открытие новых земель, имея в виду Карагинский остров, ибо Курильские острова были «заняты» уже большерецкими воровскими казаками.

Но единства среди этих казаков не было — вскоре после прихода на Камчатку Василия Михайловича Колесова с московскими рекрутами и илимскими солдатами наметился раскол: верхнекамчатские казаки **Андрей Маюр с Данилой Абалаковым** и примкнувший к бунтовщикам «из-за угроз и мучений» **нижнекамчатский казак Иван Лебедев** арестовали Константина Кыргызова и сдали его новому камчатскому приказчику.

А вслед за ним вскоре будут посажены в тюрьму и главные «заводчики». Вот их имена:

Иван Бадлин, Кирила Бекирев, Леонтий Беляев, Микита Дурынин, Лазарь Ощепков, Иван Панютин, Иван Терентьев.

С этими «ворами» Василий Колесов, как сам он писал, расправился просто: *«…мы его Константина и Леонтия Беляева положа на плаху смертью показнили; а тех его Константиновых товарищей тут же на плахи клали и сняв с плах на козле кнутом били, и щеки бунтовым орлом орлили, а у иных уши резали, иному ноздри пороли, а иных бив на козле кнутьем и по улицам в проводки водили; а достальных всех, которые приличны были в том деле, вместо кнутья, на площади били нагих батожьем, того ради, чтоб на то смотря, иным так бунтовать, и свои и заговоры и круги заводить, и от казны великого государя бегать и в такой злой склон приставать было б неповадно».*

Судя по фамилиям некоторых из наказанных, им присуждено было еще и «вечное житье в Камчатке» — то есть они обрекались на вечную ссылку, становясь родоначальниками камчатских служилых династий и передавая свои фамилии при крещении своим крестникам — камчадалам.

* * *

Забегая вперед, скажем, что в архивах нам удалось разыскать список челобитчиков из 44 имен, которые каялись в убийстве камчатских приказчиков.

Так вот в числе этих сорока четырех мы встречаем… знакомые нам имена Константина Кыргызова, Кирилла и Лазаря Бекеревых, Никиты Дурынина, Андрея Орлика.

Получается, они участвовали в бунте, но НЕ УЧАСТВОВАЛИ в разделе награбленного.

И видимо, это и стало лейтмотивом для нового бунта и грабежа.

Кроме того — восстановление Большерецкого острога, как административного центра на юге и западе Камчатки воровскими казаками резко сокращало прежнюю территорию Верхнекамчатского присуда, где традиционно собирали ясак верхнекамчатские казаки.

А «бодаться» с большерецкими казаками в то время не осмеливался на Камчатке никто.

А вот с нижнекамчатцами, где в это время была наиболее сырая и податливая масса бывших гулящих людей, оставленных Липиным и Савастьяновым, справиться не представляло большого труда…

* * *

Мы, как я и предупреждал заранее, несколько забежали вперед по ходу событий, чтобы, сопоставив именные списки бунтовщиков, сделать кое-какие выводы.

Василий Севастьянович Щепеткой (или Василий Савастьянов), обычный служилый десятник, прибыв на Камчатку, не был готов к тому, что здесь царила полная анархия, и, конечно же, растерялся. Особенно когда в его «ставку» нагрянул вооруженный отряд большерецких казаков и их холопов, так же вооруженных «до зубов», как и сами казаки.

И он вздохнул с огромным облегчением, когда пришла трагическая весть о том, что авачинские камчадалы сожгли в балагане Данилу Анциферова с казаками и со своими родниками-аманатами.

Погибли:

Данила Анцыферов, Ермола Баршувов, Иван Башмаков, Степан Болшаков (один из убийц Осипа Липина), Обросим Двойкин, Матвей Дюков, Павел Катасонов, Тимофей Коромыслов, Федор Микин, Алексей Михайлов, Лука Мунгал, Иван Мылников, Михайла Обрезков, Осип Орлов, Алексей Посников (один из убийц Владимира Атласова), Иван Протопопов, Иван Пешков, Лука Савинский, Иван Смольянинов, Дмитрей Томской, Сергей Томской, Григорей Холкин, Иван Шабалин, Иван Ярков.

Кроме того, на реке Большой погиб еще один человек из их команды — Василий Андреевич Барашков — его зарезал Харитон Березин.

Этот Березин также был одним из убийц камчатских приказчиков.

Всего убийц было пятеро. Как выяснило следствие, Осипа Мироновича Липина убивали Харитон Березин, Степан Большаков и Григорий Шибанов (Шибан).

Владимира Атласова убивали трое — все тот же Григорий Шибанов, Алексей Посников и Андрей Петровых.

Боярского сына Петра Чирикова утопили в проруби. Поэтому имен конкретных убийц названо не было. «А за Чирикова, — пишет Г. Леонтьева, — пяти человекам, которыя тащили топить в воду — пальцы рубили да уши резали». Кто конкретно — пока неизвестно. Кроме одного — Григория Перевалова.

И вот как поступил Колесов с этими убийцами.

Григорий Шибан (Шибанов) — отрублены два пальца на левой руке и бит на козле кнутом, а затем казнен на плахе.

Харитон Березин — отрублены два пальца на левой руке и бит на козле кнутом, затем — уже за убийство Барашкова — повешен.

Андрей Петровых (в другой версии Петров, а еще по одной — Андрей Петров сын Наянков) — отрублены два пальца на левой руке и бит на козле кнутом.

Что касается Степана Большакова и Алексея Посникова (Постникова), то, как мы выяснили, их казнили авачинские камчадалы вместе с атаманом Анцыферовым.

С Константином Кыргызовым по приказу Василия Колесова был казнен еще один «заводчик» — Леонтий Беляев (хотя у А. Сгибнева почему-то вновь упоминается Шибанов, точнее, Шабанов).

А вот теперь самое интересное: по окончании следствия о камчатских бунтах и бунтовщиках Василий Колесов сделал свой вывод о причинах случившегося:

> *«…**в Камчадальских острогах первоначалные бунты и нынешней чинятца от тобольских уроженцов служилых людей*** (выделено мной. — *С.В.*)*; а вершенной вышеписанной разбойник Константин Кыргызов урожением тоболской; да с ним же пущие воры были единомысленники его, первоначальные на Камчатке бунтовщики, и на злое всякое дело заводчики и потаковщики, и на всякое злое дело вымышленники, товарыщи его,* ***тоболские же уроженцы: Кирило Бекирев, Иван Панютин, Иван Балин, Иван Лосев, Никита Дурынин, Иван Терентьев, Лазарь Ощепков. А и впредь тоболские уроженцы буде по государеву указу будут присылатца на Камчатку, и в Камчадальских острогах от тех тоболских уроженцов его великого государя вотчина прочна и состоятельна не будет и будут от них всегда шатости. А без… домовых якуцких и с Руси жителей в здешней Камчадалской земле быть нельзя и вотчина великого государя в Камчадалских острогах будет прочна и состоятельна*** (выделено мной. — *С.В.*)*».*

* * *

Но судя по именам авторов покаянных челобитных, ставивших свои подписи под документом, имена настоящих бунтарей совсем другие, а «товарыщи» Кыргызова (молодого казака, который только еще в 1706 году был поверстан в службу) — верхнекамчатские казаки — недавние казачьи дети тобольских служилых людей — были, скорее всего, лишь их неумелыми подражателями (и именно поэтому они требовали, подражая Анциферову с Козыревским, наказную память от приказчика Колесова, что-

бы идти и присоединять за свои грехи к России остров Карагинский), в чем мы и попытаемся разобраться.

В челобитной «воровских» казаков, датированной 17 апреля 1711 года, кроме имен Данилы Яковлева Анциферова и Ивана Козыревского, поставили свои подписи **Матвей Леонтьев сын Дюков, Дмитрий Иванов сын Томской, Андрей Кутьин, Алексей Меледин, Гаврило Келтяка, Лука Савинской, Алексей Михайлов, Василий Барашков.**

В челобитной, датированной 26 сентября 1711 года, этот список пополняется именами **Алексея Посникова и Алексея Михалева.**

* * *

Появляются и новые данные о тех из служилых и промышленных людей, которые не примкнули к бунту.

30 апреля 1711 года была написана «Изветная челобитная царю 30-ти человек служилых людей верхнего Камчадальского острожка о том, что они не участвовали в убиении двух прикащиков Камчадальских острожков, Петра Чирикова и Осипа Липина».

К сожалению, имен практически нет:

«А бы вон Осип в нижнем остроге, и поехал в верхней Камчадалской острог, а с ним Осипом ехали прежде бывшей прикащик Петр Чириков, да пятидесятник казачей Иван Харитонов, да и служилые люди, Филипп Серебреников, Василей Шипицын. И не допустя до острогу, стакавшися в потай от нас, служилые и промышленные люди в пути на дороге Осипа зарезали, а мы раби твои про ту их злую думу не ведали. ...а нас рабов твоих в то число было в верхнем Камчадалском остроге малое число, из того числа было половина немоглых, а иные служилые и промышленные люди были в посылках для ясачного сбору, и того ради малолюдства тех убойцов смирить не могли. А после этого Осипова убийства, мы раби твои от тех убойцов прослышали, что было их в той злой думе в верхнем Камчадалском остроге числом 20 человек. И как они убойцы доехали в нижней в Камчадалской острог, и их собралось к тому злому делу всех 75 человек».

То есть согласно этим данным основное пополнение отряда бунтовщиков Анциферова произошло за счет нижнекамчатского гарнизона.

21 марта 1713 года в Якутске была написана бумага «О награждении наказных прикащиков и служилых людей в Камчадальских острогах, не участвовавших в бунте Данила Анцифорова и в убиении прежде бывших прикащиков означенных острогов».

Вот что в ней сообщается: *«...велено ...наказным прикащиком **Алексею Пещере, Козме Марманскому** ...быть им за ту их службу в детях боярских, а оклады им учинить по 12 рублев денег и хлеба, да **70 человеком и всем казаком, которые к бунту тому не пристали, велено им быть и писатца конными казаками**; а оклады им всем учинить за службы их, что они к тому воровству не пристали, денег по 7 рублев, хлеба по 6 четвертей ржи, овса тож, по 3 пуда соли на человека...»*

Кроме того, в более ранних документах сообщается следующее: ***«А служилым людем, Алексею Пещере, Семену Ламаеву, Тимофею Путимцову, Козьме Марманскому, Ивану Харитонову, Петру Иконникову** с товарищи, которые к тому злому умыслу и убийству не пристали, велено сказать при всем народе твое, великого государя, милостивое слово».*

Добавим, что челобитную Козьмы Марманского вместе с ним подписали, кроме Тимофея Потимцова (Путимцова), Ивана Харитонова, **Василий Львов** и «16 товарищей, которые в том злом умысле и убийстве не пристали».

Следовательно, сорок человек (по сообщению Колесова, 33 служилых и промышленных людей) из состава нижнекамчатского гарнизона не примкнули к бунту.

Некоторые имена из них нам известны

Это служилые:

Тит Аввакумов; Алексей Бурой (странно, но его имя мы находим и в противоположном списке — вероятно, он так же, как Лебедев, был силой включен в отряд бунтовщиков); Козма Везливцов (Вежливцев); Иван Глазырин; Михаил Заев; Федор Захаров; Богдан Канашев; Алексей Колычев; Григорий Кыштынов; Федор Панов; Борис Соловаров, десятник; Яков Тугобезненов; Алексей Чурин; Дмитрий Шивыря.

И промышленные люди: Яков Басила; Никита Крохалев; Филипп Юдомский.

* * *

14 марта 1712 года якутский воевода отчитывался перед Москвой за происходящее на Камчатке.

Версия причин убийства звучит так:

«…будто они Осип и Петр твоею великого государя казною воровали, и в Камчадальских острогах своею упрямкою тое казну остановили, и ясачных иноземцов своими обиды и налоги в шатость привели, и денежное де жалованье у них казаков отъимали, и непомерные к ним великие обиды и налоги чинили; а челобитчиков де их до Якуцка они прикащики, ведая на себе многие улики и воровство, не допустили б, и в том де их прикащичьем убийстве тебе великому государю они Данило с товарищи вину свою приносят».

А дальнейшие события излагаются в очень интересной интерпретации (полностью, правда, не совпадающей с той правдой, которая была «вымучена» у Григория Переломова):

«И они де Данило с товарищи после побитых приказчиков **пожитки свои у них взяли, которые нападками своими они прикащики с них казаков брали,** в том числе и Петра Чирикова 15 сороков соболей, 500 лисиц красных, 30 бобров морских, и на те де взятые соболи и лисицы купили пороху, нарты с собаками, куклянки и парки, и пошли де они Данило служить тебе великому государю на Болшую реку».

На самом деле было не так (как сообщается в этой же отписке) – не успокоившись, что не нашли настоящих «пожитков» Атласова (помимо двух прелых лисиц), «*…в тех же числах он Данило товарищей своих, 8 человек, на Пенжинском море на Кигиль реку посылал по пожитки Володимера Отласова. И те его Даниловы посыльщики, ездя на Кигиле реке, пожитки Володимера Отласова взяли и кормовые запасы служилых людей, у которых были перевезены в отпуск в Якуцкой за волок, все побрали, и твои великого государя судовые припасы, парусы и шеймы, которые оставлены были от прикащика Осипа Липина, и те де паруса драли и судовые припасы резали и по себе делили*».

Но государеву казну — факт! — они не тронули.

* * *

В Санкт-Петербургском архиве РАН удалось отыскать дополнение к списку имен челобитчиков, покаявшихся в убийстве трех приказчиков. В этом списке не 75, а всего 44 имени (вероятно, он составлен после гибели Анциферова с товарищами, но во времена Савастьянова-Щепеткого, так как в этом списке и имена верхнекамчатких бунтовщиков 1712 года.

Федор Анкудинов, Лазарь Онкудинов, Андрей Арменеев, Василий Беляев, Федор Бабарыкин, Иван Башмаков, **Кирило Бекирев**, **Лазарь Бекирев**, Харитон Березин, Яков Брацкой (Братцкой), Федор Бронников, Обросим Двойкин, Алексей Дехтерев, **Никита Дурынин**, Федор Зыков, Иван Елаков, Гаврило Калтяка (Келтяка), Федор Куковеров, Василий Куракало, Тимофей Куромыслов (Коромыслов), **Костянтин Кыргызов**, Семен Лепихин, Григорий Малафеев, Лазарь Назаров, Яков Насеткин, Петр Неворотов, Сава Нецветаев, Андрей Никитин, Леонтей Носов, Иван Обуховский, **Андрей Орлик**, Григорий Переломов, Петр Плотников, Петр Саламатов, Иван Таратин, Михайло Тимофеев, Дмитрей Томилов, Данила Томилов, Александр Тонда, Петр Травин, Петр Федотов, Петр Фомин, Григорей Холкин, Иван Шагин.

* * *

И весь этот «воровской» список, честно говоря, меня настораживает — уж больно много в нем имен людей, которые служили не по Тобольску, а по Якутску, откуда прибыл с миссией проведения тщательного сыска и жестокого наказания виновных приказчик Василий Колесов, а также и по другим сибирским городам и весям.

А начнем мы, пожалуй, именно с тех, кто прежде всего и понес (или должен был понести) жестокое наказание, исключая явных тобольчан, о которых у нас разговор впереди.

Итак, по эпизодам 1707 и 1711 года у нас проходят следующие лица.

Данила Петров Беляев, который и поднял смуту в 1707 году, заявив, что казачий голова Володимер Атласов утаил от казны шкуру чернобурой лисицы, взятую им у новокрещеного Ивана Ворыпаева, которая являлась по закону исключительной собственностью государства.

Тогда его от расправы спасли («оттащили» — следовательно, Атласов его не «колол до смерти») трое — **Иван Башмаков, Григорий Переломов и Харитон Березин**, которые через четыре года (все трое!!!), повторив версию о присвоении Атласовым «чернобурки», прямо или косвенно участвуют в убийстве казачьего головы Владимира Атласова.

В 1711 году Осипа Мировича Липина убивали Харитон Березин, Степан Большаков и Григорий Шибанов (Шибан).

Атласова зарезали Григорий Шибанов, Алексей Посников и Андрей Петров.

«…он же де Григорей Переломов в Верхнем остроге Петра Чирикова перед убийством вязал, и со всем своего полку с убойцами со служилыми людми его де Петра Чирикова в воду бросили и на воде до смерти убили…»

Что мы знаем об этих людях?

Почти ничего.

* * *

Харитон Березин

Он, оказывается, был вовсе даже не служилым, а промышленным человеком. С какой-то патологической склонностью к убийству. Ведь его и казнили за двойное убийство — кроме Осипа Липина он уже на реке Большой убил казака Василия Андреева сына Барашкова.

Степан Петрович Крашенинников отводит Березину одну из первенствующих ролей в бунте:

«По отбытии его служивых человек с 20, между которыми главные были Данило Анцыферов, Харитон Березин, Иван Козыревской, Григорей Шибанко, Алексей Постников удумали его Миронова убить, и как он, Миронов, в 1711 году генваря в последних числах в Верхней Камчатской острог из Нижнего воротился, то его за полверсты, не допустя до острогу, служивые бунтовщики встретили и из них Харитон Березин его, Миронова, ножем зарезал…

<…> А чтоб за вышеописанное их убийство от смертной казни свободиться, то вышеобъявленные убийцы Данило Анцыферов, Харитон Березин с товарыщи, собравшись до 75 человек, пошли в марте месяце 1710 году на Большую реку для построения вновь там острога и для приведения попрежнему в ясашной платеж большерецких изменников».

* * *

Григорий Шибанов

Убийца двух камчатских приказчиков – сначала зарезал вместе с Березиным и Большаковым Липина, а затем — вместе с Посниковым и Петровых (Наянковым) — Владимира Атласова: «Пришедши под Нижней острог тайно, и ставши за протокою Камчатки реки, составили они ложную грамоту к Володимеру Атласову и послали оную с тремя служивыми с Григорьем Шибанкою, да с Алексеем Посниковым, да с Наянковым, которые, при-

шедши к Володимеру Атласову, подали ему помянутую составную грамоту, и как он стал читать помянутую грамотку, то ево Григорей Шибанко нечаянно ножем в бок заколол, а в то время при Володимере Атласове никово не случилось, и так оным убийцам к прочим бунтовщикам без вреда уйтить удалося».

Но для его «подвигов» и этого оказалось мало и читаем у А.С. Сгибнева: «Верхнекамчатские казаки Константин Киргизов и главный его сообщник Шабанов, явившись с партиею своею в Нижний, не пошли на следствие и, укрепившись в домах, с угрозами требовали от Колесова позволения идти для исследования Карагинского острова, чтобы заслужить прощение. Видя твердость Колесова, они стали подговаривать к измене его казаков; но как и эта попытка не удалась, то воротились в Верхний, где партия разделилась и сильнейшая лишила Киргизова команды и выдала обоих возмутителей Колесову, по приказу которого они были повешены» (здесь какое-то несоответствие — по другим многочисленным материалам напарником Кыргызова был не Шабанов, а Леонтий Беляев, казненный вместе с Кыргызовым «на плахе»).

И главное, сам следователь Василий Михайлович Колесов ни словом не говорит о таком «сообщнике» Кыргызова.

Попробуем выяснить, откуда родом этот убийца.

В 1656 году в Якутск был сослан Васька Шибан Яковлев.

Возможна и тобольская версия происхождения Григория Шибанова: «***Деревня на рекою Иртышем до Иштаманской кривой протоки на усть речки Тайменке.*** Во дворе пашенный крестьянин Якунко Шибанов. У нево сын Пронка. Пашни паханные середние земли 4 чети с полутретником. Да перелогу 9 четей с полуосминою и с четвериком в поле а в дву потому ж Пашенново лесу дубровы 2 десятины. Сена косит 300 копен. Живущим пол трети выти да впусте пол выти бес получетверти выти» (данные 1623 года).

В 1689 году в Тобольске записаны: «Двор крестьянина Клементья Шибанова сказался 33 лет, жена Матрена 30 лет, дети Дмитрей 8, Федор 5, Дарья году. Брат Тихон 30 жена Офимья 30, у него ж отец Борис 60, мать Парасковья 60 лет, брат Данило 13, Семен 10, Егор 5 лет». А также: «Двор крестьянина Артемья Шибанова сказался 30 лет, жена Овдотья 25 лет, брат Федор 15, Яков 9, сестра Марья 16, мать Марина 70 лет».

Именно из таких, как мы помним, «домовитых» семей и набирал Атласов первоначально, согласно наказу, в Тобольске состав для своего отряда.

* * *

Леонтий Беляев

Казнен с Кыргызовым был именно он.

Казак десятой пятидесятни Якутского казачьего полка в 1706 году.

В 1656 году в Якутск сослан был Беляй Харько (Харитон Клементьев сын), который впоследствии служил в Якутске палачом и биричем (глашатаем).

А также был сослан в Якутск один из двух Петрушек Беляевых, которые потом — и Беляй и Беляевы — были верстаны в казаки «мимо указа великого государя», первый в 1654–1660 годах якутским воеводой Михаилом Семеновичем Лодыженским, второй — якутским воеводой Иваном Федоровичем Голенищевым-Кутузовым в 1660–1666 годах. У Петрушки Большого были сыновья Данила (1674 г. р.) и Мишка (1678 г. р.).

Данила Петров Беляев – это тот самый Имикыз (точнее, как записано в именном списке якутских казаков шестнадцатой пятидесятни за 1706 год, Мыкыс Данило Беляев), который подал извет на Атласова о том, что тот скрывает у себя чернобурую лисицу, подлежащую в обязательном порядке сдаче в казну. Именно его спасали от «убойства» в 1707 году **Иван Башмаков, Григорий Переломов и Харитон Березин**, являющие центровыми фигурами нового бунта 1711 года. «В челобитной пишет, что он пришел на Камчатку с Тимофеем Кобелевым, был здесь с Михаилм Многогрешным и Василием Колесовым».

Беляевы служили и по Томску. Например, за 1680 год мы находим следующие сведения о Беляевых Ивашке и Фильке Юдиных детях: «*…отец …чебоксарец служил стрелецкую службу, по указу государя прислан в Томск в конную службу, а он родился в Томске и верстан в конную службу в отцово место при воеводе Даниле Афанасьевиче Барятинском. Оклад 7 рублев с четью, 6 четей с осьминою ржи, 4 чети овса, 2 пуда соли*». Беляев Афонка Федоров сын: «*Отец с Тюмени, в Томск пришел своею охотою, а он, Афонка, верстан в Томске в пешую службу. Оклад пеший, рядовой*».

Но в Якутске их тоже было немало. Беляев Нил (в 1687 г.). В 1706 году в тринадцатой пятидесятне служил Сидор Остафьев сын Беляев, пасынок Никиты Федорова Лосева, сосланного в Якутск. В девятой пятидесятне — Данила Беляев сын Васильев, во второй пятидесятне — Дмитрий Беляев.

В этот же период в составе камчатских казаков, кроме Данилы с Леонтием, были еще два Василия Беляева. Один погиб в 1703 году возле Нижнекамчатска вместе с тобольчанином Яковом Дурыниным. А второй тоже был в команде Данилы Анциферова.

* * *

Иван Башмаков

Был сожжен камчадалами вместе с Данилой Томским в 1712 году.

Вполне возможно, что Башмаков так же, как и Данила, был выходцем из Томска: «*Башмак Василий (Васка) Олферов, томский десятник конных казаков (1630 г.), до этого — конный казак. Занимался коммерцией: в 1625 г. продал на базаре соболей и лисицу на 5 руб., в 1627 г. продал четь ржи. В 1632 г. на его дворе, который располагался в нижнем остроге, останавливались на постой послы Алтын-хана. В 1648 г. выступил в числе самых первых зачинателей томского бунта, но затем его имя в документах больше не упоминается*».

Но, как известно, многих участников Томского бунта сослали в Якутский острог.

Крестьяне (подворники) Башмаковы были отмечены в Тобольской губернии.

* * *

Степан Большаков

Вероятно, енисейский казачий сын.

В 1669 году в Енисейске служил атаманом «Емельян Миронов сын Болшаков, детей у него Максимко 10», который впоследствии служил в Иркутском остроге: «**Большаков (Болшаков) Максим (Максимка),** рядовой пеший казак, 1697 г.; пятидесятник пеших казаков с окладом 5 руб. с полтиною, 5 четей с осьминою ржи, 4 чети овса, 2 пуда без чети соли в год, 1699–1700 гг.; пятидесятник пеших казаков с окладом 7 руб. в год, 1704 г.».

В шестой пятидесятне Якутского казачьего полка записан казак Семен Яковлев сын Большаков (вполне возможно, что это и есть Степан – случаев, когда писари «перевирали» имена сколько угодно, тем более если это были казаки, вновь приверстанные на службу). А в 1690 году в Якутске был отмечен казак Федот Большаков.

Но якутских корней мы не обнаруживаем – скорее всего, это были «годовальщики» из Енисейска.

* * *

Алексей Посников

«Из числа “воров и бунтовщиков, пущих в злому умыслу заводчиков и смертных убийцов” (В. Колесов)».

Сгорел живьем вместе с Данилой Анциферовым Томским.

И кстати, в Томске в именных списках казаков мы находим за 1707 год его тезку — Алексей Матвеев сын Посников, десятник.

В Томске Посниковых (Постниковых) было немало. Фамилия образована от личного, когда-то распространенного имени Постник, и у каждой фамилии есть своя история.

Казак Андрюшка Посников (1680): «Отец тюменец. Сам поверстан в отцово место. 2 пуда соли. Пашня». Данила Посников Андреев, десятник (1707).

Ивашко Посников (1680): «Отец родом с Тюмени. Сам поверстан в Томске в конную службу. Соляной и хлебный наряд рядовой».

Микитка Посников сын Мелентьев (1680): «Отец тюменец, прислан был в Томск на годовую службу, а он, Микитка, верстан в пешую службу. Оклад пеший рядовой».

Казак Афонка Постников сын Иванов (1680): «Отец родом от Соли Вычегодской, пришел в Томск своею охотою гулящим человеком, а он родился в Томске и верстан в пешую службу. Оклад 4 рубли с четью, 5 четей с осьминою ржи, 2 чети овса, 1½ п. соли».

Матюшка Посников (1680): «Отец служил в Томске в десятниках, а когда приходили калмыцкие люди, то его убили на бою, а его, Матюшку, в конную службу в десятники на отцово место поставили. Хлеба 6 четей с четью ржи, 4 чети овса. Соли 2 пуда».

Но были еще (и не меньшим числом) тобольские Посниковы (Постниковы). И если вспомнить о том, что Атласов прибирал в свою команду в Тобольске детей из «домовитых» семей (то есть из семей казаков-старожилов Тобольска), то выбор среди Посниковых (Постниковых) у него был преизрядный, начиная с детей боярских Посниковых: в 1661 году отмечены дети боярские Посниковы Иван Нифантьев Большой и Иван Меньшой, в 1696 году сын боярский Иван Посников сын Вонифантьев.

В 1663 году «Столника князя Юрья княж Петрова сына Трубецкого люди Ивашко Михайлов да Матюшка Посников з женою Варькою с сыном Демкою да с работницею з девкою Манькою и им Ивашку и Матюшке велено быть в Тоболску в конных казаках в выбылых казачьих окладах».

В 1704 году в пеших казачьих полках Тобольска служат казаки: Дмитрий Семенов сын Посников и Прокопей Посников.

При многочисленных тобольских и томских Посниковых и Постниковых, были Посниковы и якутские: в 1639–1940 годах приказчиком основанного им Подшиверского зимовья на р. Индигирке был Посник Иванов, известный землепроходец: «В 147 году он, Посничко с товарищи, з дватцатью с семью человеки пошол коньми с Янги реки вверх по Толстаку реке в Юкагирскую землицу на Индигерскую реку. И шол де, государь, по Толстаку и через хребты до Индигирские вершины многими неясачными тунгусами ламутками до Индигерской реке и по Индигерской реке вниз до Юкагирской землицы четыре недели»).

В августе 1640 года он докладывает в Якутске об открытии новой земли: ««А Юкагирская де, государь, землица людна и Индигерская река рыбна, будет де, государь, вперед на Индигерской реке в Юкагирской землице и 100 человек служивых людей, и тем де людем мошно сытым быть рыбою и зверем без хлеба. А в Юкагирской де, государь, землице соболей много. И в Индигерь[скую] де, государь, реку многие реки впали. А по всем де по тем рекам жывут многие пешые и оленные люди, а соболя и зверя всяково много по всем по тем рекам и землям. Да у юкагирских же де, государь, людей, серебро есть, а где де они серебро емлют, того он, Посничко, не ведает. И про иные де ему многие землицы юкагири росказывали. А подлинно де, государь, он, Посничко, про те землицы росказать не умеет, потому мало их юкагирского языку знал».

В 1670–1671 годах приказчиком Нижнего Индигирского зимовья назначен Григорий Посников

Михаил Белов отыскал документы и о более раннем упоминании этого имени: «В деле остался черновик наказной памяти, помеченный 29 июля 1662 г., пятидесятнику Григорию Татаринову о посылке его на Колыму для приведения в русское подданство юкагиров, онаулов и коряков, живших на «камне», и для сбора с них ясака, с приложением росписи сопровождающим. Среди них упоминаются казаки: Семен Сорокоумов, Григорий Посник, Андрей Пермяков и др.».

Казак Григорий Посников был прислан в Анадырский острог на смену приказчику пятидесятнику Владимиру Атласову, но не застал того на месте: «Как видно из отписки казака Григория Постникова, уходя в поход, В. Т. Атласов оставил за себя в Анадырском остроге казака Ивана Голыгина (ААН, ф. 21, оп. 4, № 32, л. 328), от

которого Григорий Постников и принял дела 23 февраля 1697 г.». Посников послал в погоню за Атласовым казаков, чтобы вернуть его назад, но эта миссия, как мы знаем, была безуспешной.

В 1706 году Григорий Посников записан рядовым казаком во второй пятидесятне Якутского казачьего полка, а Иван Посников сын Григорьев — в шестой пятидесятне.

Но это были не единственные Посниковы (Постниковы) в Якутске.

Документы за 1645 год доносят нам имя Федора Посникова: «Отписка воеводы Василия Пушкина о том, что на Лену прибыли ссыльные люди Федор Посников с товарищами, которых приказано на Лене устроить в пашню, дав им хлебную ссуду и весь пашенный завод; однако сделать это невозможно из-за большой скудости в хлебе на Лене».

Три явочные челобитные подьячего Юрия Юрьева и ссыльного Федора Посникова о том, что ссыльные люди Василий Скоробогатов с женой и Матвей Сосновский «похваляются» их убить.

В 1650 году Федор Посников (возможно, тезка) числится в детях боярских Енисейска. Но если учесть, что и ссыльный Матвей Сосновский стал тоже сыном боярским в Якутске, то все возможно…

В 1735 году по итогам следствия по Харчинскому бунту бит кнутом служилый Большерецкого острога Василий Посников, а в 1748 году в Большерецком остроге записаны казачьи дети Василий и Дмитрий Посниковы.

Но мы не знаем, есть ли здесь какая-то родовая связь с убийцей Владимира Атласова.

* * *

Наянков

С.П. Крашенинников единственный раз упоминает эту фамилию: «Пришедши под Нижней острог тайно, и ставши за протокою Камчатки реки, составили они ложную грамоту к Володимеру Атласову и послали оную с тремя служивыми с Григорьем Шибанкою, да с Алексеем Посниковым, да с Наянковым, которые, пришедши к Володимеру Атласову, подали ему помянутую составную грамоту, и как он стал читать помянутую грамотку, то ево Григорей Шибанко нечаянно ножем в бок заколол, а в то время при Володимере Атласове никово не случилось, и так оным убийцам к прочим бунтовщикам без вреда уйтить удалося».

Во всех других случаях речь идет об Андрее Петрове или Петровых.

Вполне вероятно, что полное имя третьего участника убийства Владимира Атласова, казненного приказчиком В.М. Колесовым — Андрей Петров сын Наянов (Наянков).

В именных списках это имя — Наянов — встретилось мне только один раз — в переписи населения Тобольского уезда за 1719 год: Краснослободцкой острог при реке Нице, деревня Кадошникова.

Второе упоминание относится к 1792 году в рапорте Р.Р. Галла в Адмиралтейств-коллегию о зимовке на о-ве Уналашка и о подготовке судна «Черный орел» к обследованию Курильских островов, в котором сообщается:

«Получа о всем том известие, поспешая соединитьса с тем г-ном Сарычевым, того ж самаго дня из той губы Св. Лаврентия к острову Уналашке и отправилса. А прибыл на оной 2-го сентября и судно "Слава России" нашел, где, в разсуждении наступившей осени, сверх сего и дальнее отстояние помянутаго острова от гавани Св. Петра и Павла, паче всего по недостатку дров, так как оных весьма недостаточно, и на изыскание потребно будет время, по учинении общаго консилиума, остались на оном прозимовать. Во время коей от случившейся тяшкой цинготной болезни померло: из Иркутска взятых: геодезии сержант Елистратов, ис казаков: матроз Яков Сизых, Семен Оглоблин, Григорей Донских, Иван Корелин, Дмитрей Тюменцов; утопших: Артамон Мельников, наименованных егарями Илья Тюменцов, Петр Мираманов, армейской егарь Артемей Герасимов, из Охотска боцманмат Григорей Гладкой, на судне "Черна-го орла" из Иркутска взятых — ис казаков: матроз Петр Ознобихин, **Никита Наянов**, Никифор Бутаков, Николай Скуратов: всего на обоих судах 15 человек».

Но эта фамилия присутствовала позже и на Камчатке: в 1815 году в Петропавловском порту служили казак Елизар Стефанович Наянов, а в Петропавловской экипажной роте служил его брат Кузьма Стефанович Наянов, в обороне Петропавловского порта в 1854 году принимали участие матросы 47-го Камчатского флотского экипажа Илья и Матвей Елизаровичи Наяновы.

Могли ли они быть потомками иркутских казаков, которые, в свою очередь, ведут свое происхождение от казаков енисейских?

Вполне — в 1799 году на основе Иркутского гарнизонного батальона был создан Сомовский полк (Камчатский гарнизонный батальон), основу которого составляли казачьи дети из Нерчинска, Селенгинска и Иркутска.

Но первичным местом пребывания Наяновых пока остается Тобольск.

* * *

Но, так как Василий Михайлович Колесов гораздо лучше нас владел ситуацией тех лет и знал лично многих из казаков, служивших на Камчатке, попробуем разобраться в представленной им «тобольской теории камчатских заговоров».

Тем более что тобольскими казаками на Камчатке были не только те казачьи дети, которые пришли в Якутию вместе с Владимиром Атласовым…

* * *

Что мы имеем?

А имеем мы разборный именной список, составленный из различных источников, который позволит нам хотя бы ориентировочно определить, из каких краев России прибыл на Камчатку тот или иной служилый, торговый, промышленный или гулящий человек.

РАЗБОРНЫЙ СПИСОК 1708–1711 годов

В 1708 году «побиты» люди из отряда Петра Чирикова:

Юрий Воробьев

Выше мы говорили о гибели Павла Воробьева.

Ефим Чудаков

Сведений нет.

Алексей Шило

Сведений нет.

Дмитрий Шмотин

Дмитрий Шмотин сын Иванов, десятая пятидесятня: «Новоприборный казак, за грабеж с В. Атласовым на Тунгуске бит кнутом и послан на Камчатку».

Павел Журавлев

У Н.Н. Оглоблина среди казаков-разбойников из окружения Атласова называется Павел Журавлев: «С этою отпискою Вл. Атласов прислал в Якутск своих казаков — **Павла Журавлева** и Ивана *Томскаго,* которых воеводы “роспрашивали” и *“пытали”* про грабеж Белозерова, и “с пытки” они сказали, что *“грабили”* Белозерова “*по повеленью Володимера Отласова: поневолил-де* их всех казачьих детей грабить он Володимер, *по наученью* Афоньки *Поповцова* (и) Сергушки Михайлова, и буде бы-де они не послушали — и Володимер-де хотел их рубить сабляю. А *зделу-де* им доставалось — сту человекам — по 8 подставов камок (и) по 7 *тюней* китаек на человека, а *Володимер — де взял себе* грабленого живота против всех их ста человек другую *половину*…”»

У Б.П. Полевого имя другое: «Между тем некоторые из спутников В.В. Атласова, опасаясь наказания за участие в погроме, послали в Якутск челобитные, в которых подробно описали инцидент, произошедший на Ангаре, и заявили, что де они и сами уже осудили разбойную акцию Атласова. Среди писавших эти покаянные письма были тобольские, томские и енисейские казаки, а именно: Афанасий Поповцев, Сергей Ружников, Ларион Бельский, Константин Соловьев, **Дмитрий Журавлев**, Василий Шишкин, Савва Ярофеев и другие. Атласов был в гневе на “предателей” и грозил расправой…»

Скорее всего, у Бориса Петровича ошибка, так как Дмитрий Петров Журавлев был с 1681 года якутским казаком и потому не мог участвовать в этом разбое.

Да и в другом месте у него же исправлено: «Атласов утверждал, что “им казачьим детям животов имать не веливал и не посыливал и память им не давал”. Но его “полчане” Василий Шипицын, Петр Кудрин, **Павел Журавлев,** Иван Томский утверждали, что набег на дощаник Добрынина был совершен по повелению Атласова. И якутские власти в соответствии с указанием руководителя Сибирского приказа Андрея Виниуса взяли Атласова “под караул”, а “десять пущих заводчиков” — Шипицына, Кудрю, Кормилицына и других — отправили в тюрьму».

Павел Журавлев, возможно, был из енисейский казаков: в 1669 году в Енисейске здесь значился Митка Данилов Жаравлев.

Но мог быть и тобольским: в 1696 году в тобольских пеших казаках служили Обрамко Журавлев, Данилко Жаравлев, Якушко

Жаравлев сын Ларионов, десятник Ганька Журавлев и стрелец Микулка Жаравлев.

Филипп Чалпанов

Любопытная фамилия — в середине 19-го столетия она вернется на Камчатку — в форме Челпанов — вместе с переселившимися на полуостров по зову губернатора В.С. Завойко иркутскими крестьянами (возможно, выходцами из сибирских казаков в период активного расказачивания сибиряков во времена Петра Первого).

Впервые мы находим эту фамилию среди первопоселенцев коми-зырян на реке Вымь, притоке реки Вычегда, откуда прибывало в Сибирь впоследствии немало зырян — промышленных и служивых людей.

Значение фамилии тоже известно: «челпан» на языке коми — «буханка» (белого хлеба) = Челпанов. Но есть и другой (старорусский вариант по В. Далю, который говорит о русском происхождении фамилии) — Челпанов от «челпан» — «кожаный мех или требуха».

В 1689 году в деревне Смолиной Тобольского уезда проживали крестьяне Челпановы: «крестьянин Миней Челпанов сказался 52 лет, жена Степанида 50 лет, сын Родион 16 лет, Василий 10 лет, Кирило 6 лет, у Родиона жена Улита 17 лет».

Впоследствии мы обнаруживаем крестьян Челпановых и в «селенгинских весях» — в Кударинской слободе и Оймурской деревне.

Василий Кривошапкин

Василий Кривошапкин сын Иванов, тринадцатая пятидесятня.

С ним же в 1706 году проходили казачью службу Петр (пятнадцатая пятидесятня) и Афанасий (четвертая пятидесятня) Кривошапкины.

В 1761 году Афанасий будет пятидесятником, а Иван Петрович Кривошапкин — сыном боярским 1 статьи. Сыном боярским 2 статьи в эти же годы будет Гаврила Иванович Кривошапкин, возможно, брат Василия Ивановича.

1673 год, «Илимского присуду по Лене реке Киренские волости пашенные крестьяне: Деревня Кривошапкинская. Первушка Григорьев сын Кривошапкин з братьями с Микулкою с Хисанком с Ывашком с Никифорком…»

Но есть еще одна интересная версия: «…настоящая фамилия известного племянника Ерофея Хабарова Артемия Филипова Петриловского была Кривошапкин, а его родиной деревня Петрилово Сольвычегодского уезда».

Не могу удержаться, чтобы не привести еще одну цитату, касающуюся знаменитого Бородинского боя, хотя сомневаюсь, что речь идет о коренных якутянах: «В первой Отечественной войне принимал участие Якутский казачий полк в составе 2-й Западной армии под командованием П.И. Багратиона. Командиром 2-й армии был генерал-лейтенант Коновницын. Полк оборонял на Бородинском поле укрепления, получившие название Багратионских флешей. Лучшие корпуса Наполеона были разгромлены на подступах к этим флешам. Имеется наградной список воинов Якутского пехотного полка, в котором указано: “Штабс-капитан Абраменко, поручики Широбоков, Андриевский, прапорщик Черников по повелению его сиятельства главнокомандующего 2-й Западной армией князя Багратиона были прикомандированы к полку князя Кострioти, с которым бросаясь с отменным мужеством и храбростью на неприятеля, который окружил переднюю флешь на левом фланге, отразив оного, привели в бегство пехоту и заняли флешь. После сей атаки были оставлены по повелению генерал-майора Дорохова на подкрепление кирасирской дивизии и вторично ходили в атаку на кавалерию неприятеля и опрокинули оную, где и ранены были Широбоков картечью в правую руку, Андриевский от пролетевшего мимо ядра контузию получил, а Черников ранен в левый локоть пулею. Но поле боя сии воины из Якутского пехотного полка до самой ночи не покинули, продолжали поражать неприятеля, кто картечью, а кто и штыком, и много неприятелей поразили, и многих ретироваться заставили. Наградить оных офицеров Якутского пехотного полка золотыми шпагами с надписью: ‘За храбрость’. Генерал-лейтенант Коновницын”». К личной благодарности царя Александра I, которая объявляется рядовым перед строем, были представлены: рядовые Николай Слепцов, **Влас Кривошапкин,** Иван Сивцев, Василий Березкин, Семен Резниченко, Николай Курочкин, Петр Бабкин, Петр Вензель, Иван Врока. Они «добровольно вызвались охотниками в стрелки и много неприятельских солдат картечным огнем поразили, подавали пример своим товарищам, всегда устремлялись вперед на неприятеля». Имя Якут-

ского казачьего полка навечно выбито золотыми буквами в Георгиевском зале Московского Кремля.

Василий Телень, возможно, **Тельной**, **Тельнов**

Этого имени нет в списках казаков за 1706 год.

Ларька Тельной, стрелец, сослан в Якутск «за воровство» в 1646 году, верстан в казаки, и последняя найденная нами запись о нем датируется 1691 годом. Поэтому вполне вероятно, что у него в Якутске могла быть семья и могли быть дети.

Григорий Моханов

«На Пенжине реке утоп». Других сведений пока нет.

На реке Пенжине «утоп» в 1709 году и **Иван Анцифоров**

В 1654 году в Якутске служил стрелецкий сотник Яков Онцыфоров, сохранилась в архиве «Сказка сотника стрелецкого Якова Онцыферова пятидесятников Ивана Павлова и Семена Белого и детей боярских Федора Пущина и Курбата Иванова о бегстве в Даурскую землю пятидесятника Ивана Павлова с товарищами».

Яков был из Енисейска. Сохранилась его челобитная царю со всем послужным списком: «Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии бьет челом твой Енисейского острогу служивой человек Якунка Онцыфоров. Служил я, холоп твой, блаженные памяти отцу твоему государеву государю царю и великому князю Михайлу Федоровичю всеа Русии и тебе праведному государю солдацкую службу в Фелентинове полку. И был я, холоп твой, на твоей государеве службе под Смоленским с твоим государевым боярином с Михаилом Борисовичем Шеиным и всякую осадную нужу и голод терпел. Да я ж, холоп твой, служу тебе государю в Енисейском остроге двенатцать лет всякия твои государевы службы и был я, холоп твой, на твоей государеве службе на великой на Лене реке с атаманом козачьим с Максимом Перфирьевым. А послан был я, холоп твой, по сторонновой реке по Витиму и посыланы были со мною, холопом твоим, десеть человек казаков и взял я, холоп твой аманата именем Колбайка и на той имке меня холопа твоего ранили в дву местех и взял я, холоп твой, под того аманата два сорока соболей. Да я ж, холоп твой, был на твоей государеве службе в Братцкой земле с козачьим пятидесятником с Олексеем Овдокимовым (Оленем. — *С.В.*) и посылан был я, холоп твой, в верх по Ангаре реке в братцкие улусы не в мирные

и не в послушные и призвал я, холоп твой, на твое царьское имя Быкиев улус под твою государеву царьскую высокую руку и взял я, холоп твой, вновь с того Быкиева улуса тритцать соболей. Милосердый государь, царь и великий князь Алексей Михайловичь всеа Русии пожалуй меня, холопа своево, за мое службишко и за кровь в новой Илимской острог к служилым людем в сотничишки. Царь государь, смилуйся».

Царь смилостивился. И за былые заслуги сотник Яков Анцыфоров был отправлен служить в Илимский острог.

Якутск: «Ярофейко Максимов Дьячков в прошлом во 199-м [1691] году в Якутцком умер воспою. И в нынешнем в 200-м [1692] году июля в 8 день приверстан в ево Ярофейково место Петрушка Анцыфоров в холостой оклад.

Еще один Якушка Анцыфоров служил в Томске: «Отец родился в Томске. Он, Якушка, поверстан в отцово место. Соли 2 пуда. Пашня». По всей видимости, отец Якова Анцыфорова Томского и строил город-крепость. Сын Якова — Данила Яковлев Анцыфоров Томский — пришел на Камчатку в отряде Владимира Атласова.

Возможно, они были родственниками с Иваном или с Анцыфоровым Петром, который в 1706 году служил в Якутске в двенадцатой пятидесятне.

Якутск, 1720 год: «Во дворе Сава Осипов сын Корякин… брат ево Иван Осипов сын тритцати восми лет служит в детях боярских… а ныне он Иван послан Великого государя на службу на Киренгу в 719-м году… у него ж в доме живет отставной служивой Петр Анцыфоров».

* * *

«Побиты» в этом же 1708 году и другие люди Петра Чирикова:

Константин Архов (?)

Возможно, Тархов: «Олешка Гнутой в прошлом во 150-м [1642] году убит и того ж 150-го [1642] году в его место взят енисейской же казак Ивашко Михаилов сын Тархов в прошлом во 157-м [1649] году велено быть в десятниках и в том же во 157-м [1649] году послан на государеву дальную службу на Индигирку реку».

«Около 1650 года казачий десятник Тархов пытался пройти морем из устья Лены в Индигирку, но ранние морозы и льды не пропустили его. Все суда Тархова погибли в море, а служилые люди

"поволочилися" по берегу к устью Индигирки, причем почти все умерли с голоду. В 1650 году Тархов находился на Индигирке».

В 1661 году отмечен якутский рядовой казак Мишка Тархов.

В 1748 году в Якутске служит казак Алексей Терентьев сын Тархов.

Ерофей Кулаков, целовальник

Послан на Камчатку в 1708 году с Иваном Панютиным, но после его смерти следовал далее на Камчатку с Чириковым. В именных списках якутских казаков этой фамилии мы не нашли. Впрочем, он мог быть и не служилым, а торговым человеком.

Имя другого Кулакова высвечивают трагические для русских события на Севере: «Чтобы выручить остроги Индигирские, Алазейские, Колымские, Анадырский и Камчатские, в 1715 году отправлено из поверстанных, бездомовных гулящих людей: 63 человека с дворянином *Степаном Трифоновым*; к этим людям присоединены также и те казаки, которые посылались для разведки острогов в море: от Усть-Яны — с казаком *Алексеем Марковым* и от устья Колыми — с казаком *Григорьем Кулаковым*. Люди эти в феврале 1716 года прошли через Алазейское и Колымское зимовья. Между тем капитан Анадырского острога *Петр Татаринов*, от 1 июня 1716 года, просил о высылке к нему 200 человек "добрых и к воинскому делу искусных", а также просил дослать к нему артиллерийских припасов пороху и свинцу в достаточном количестве, "чтоб за непресылкою Анадырский и Камчадальские остроги не опустели" и чтобы иметь возможность смирить юкагиров и коряков».

Кулаковы — это тюменская казачья диаспора.

Даже томские Кулаковы — тюменцы по своему происхождению: томский конный казак Афонка Трохимов сын Кулаков сообщал о себе: «...отец с Тюмени, а он, Афонка, прислан на государеву службу, как ходил на киргиз и остался в Томском и в прошлых годах поверстан в конную службу при воеводе Дмитрии Щербатом. Оклад 7 рублев с четью, 2 пуда соли. Пашня».

По всей видимости, Ерофей Кулаков прибыл на службу из Томска.

Василий Глаткой

Тобольский казак Михалько Гладкой из станицы атамана Гаврилы Ильина прибыл на Лену вместе с воеводой Головиным.

В 1706 году в Якутском казачьем полку записаны Гладков Михайла Никитин (первая пятидесятня) и десятник Гладкой Никита (третья пятидесятня). Отец и сын.

Якутск, 1720 году: «Во дворе служивой Михайло Гладков»; «...на подворье у служивого Михайла Никитина сына Гладкова».

Глаткие служили в конных казаках в Томске. Возможно, и Василий Глаткой оттуда, так как в томских волнениях 1705 года, судя по «материалам дела Томской приказной избы об отказе Томских жителей подчиняться указу царя Петра Алексеевича о бритье бород и ношении иноземного платья» принимал участие и конной козак Сергей Глаткой. Но и в Тобольске в 1693 году тоже служит в казаках Пашко Глаткой.

Григорий Топарь

Сведений нет.

Погиб вместе с Иваном Панютиным казак **Иван Брызгалов.**

Брызгало — прозвище человека, который, не выслушав, что ему говорят, готов спорить, ссориться, «брызгать слюней». В указанных казачьих списках Якутска это имя отсутствует.

Одна из историй появления этой фамилии в Сибири: «Предком крестьян Брызгаловых в деревне Верхнеярской был Тихон Иванов Брызгалов с женой Овдотьей Федоровой, с детьми Семеном и Никитой (монастырская перепись 1711 г.). Во время переписи 1719 года крестьянин Тихон Брызгалов сказал себе 49 лет, сыну Семену 21, Никите 15 лет. У Семена сын Семен. При опросе 1743 года Семен Тихонов Брызгалов с братом Никитой сказали, что родиной они города Тотьмы, с варницы соляной. Оттоль сошли по причине хлебной скудости с отцом своим и приняты в Далматов монастырь в 1702 году».

Другая версия: «Тобольский уезд, Верхняя Ницынская слобода Яланская тож на реке Нице: Сенка Михеев сын Брызгалов сказал родился де он Тотемского уезду в Толшменской волости жил за Великим Государем во крестьянех в Сибирь пришол во 175м году у него дети Максимко Елфимко Сенка 15 лет».

* * *

«Идучи на Камчатку» с Осипом Липиным, побиты люди:

Дементий Зубов

Березовский казак, пришедший на Лену с воеводой Петром Головиным, «Федька Яковлев сын Зубов в прошлом во 152-м [1644] году убит».

Больше эта фамилия в Якутске не встречалась.

Мы нашли одного служивого однофамильца, ко всему еще и бездетного, но информация о нем проясняет нам вопрос о возможности появления казаков из Тары в других сибирских городах: «Новокрещеного списку пятидесятник Михайло Зубов в новокрещеной список в пятидесятники поверстан при писменном голове при Иване Ушакове во 183-м году. А оклад ему Великих государей денежного жалованья 9 рублев с четью два пуда соли. За хлебное жалованья служит с пашни. А служеб ево. Посылан был в Барабинскую волость на бережение. Да во 190-м году с воеводою с Иваном Суворовым посылан был с тары в Томской а ис Томского на киргыз войною посылан. А отроду ему 50 лет. А детей у него нет».

В 1663 году некий якутский служивый Васька Зубов прикладывает руку, то есть расписывается в челобитной за казаков: «К сей челобитной вместо пятидесятников Ивана Бурлака, Микифора Аргамакова, Евдокима Козицына, Устина Панфилова, Потапа Рогова и в свое место по их веленью служилой человек Васька Зубов руку приложил».

В 1696 году подьячий Илимской приказной избы Борис Зубов сообщал о восстании в Илимске. А вот сведения об этом из другого источника: «И в то, государь, время подьячей Борис Зубов да десятник казачей Левка Кирнаев с товарыщи от такова бунту отговаривали и рук прикладывать к тому письму не хотели, и те бунтовщики Бориса Зубова под знаменем карчами бить хотели, а Левку Кирнаева к воде приводили».

Степан Сухой (Сухов)

Сухих в Якутске было несколько.

Прокопий (Пронька) Сухой сын Иванов (1661 год), якутский казак в женатом окладе. «Пронька Сухой в прошлом во 198-м [1690] году в Якутцком умер. И в нынешнем в 200-м [1692] году августа в 11 день приверстан в ево Пронькино место казачей брат Ивашко Лаврентьев Шабалин в холостой оклад».

Иван Сухой сын Иванов в 1706 году служил в шестой пятидесятне.

Микитка Сухуй (Сухой) сын Прокофьев (1681 год, в женатом окладе) якутский казак. Умер на Индигирке в 1706 году и на его место поверстан казачий брат Василий Микулиных. У Микитки Сухого был сын Федька (1681 г. р.), который в 1706 году служил в якутских казаках в одиннадцатой пятидесятне, а в 1728 году писарь (подъячий) Федор Сухов послан на смену камчатскому

приказчику Тарабукину вместе с сыном боярским Михайлом Петровым и со служилым Петром Петровым.

Илья Сухов сын Никитин, по всей видимости, старший брат Федора, уроженец Якутска, был верстан в казачью службу в 1688 году, что говорит о том, что его отец Микитка Сухой служил здесь гораздо раньше того срока, который мы установили по документам. 10 марта 1735 года бит батожьем в Нижнекамчатском остроге в результате следствия по Харчинскому бунту.

Егор Сухово сын Никитин в 1706 году служил в одиннадцатой пятидесятне: «Пашко Халетцкой в прошлом во 198-м [1690] году приверстан в пятидесятники. И в нынешнем в 200-м [1692] году августа в 11 день приверстан в ево Пашково место казачей сын Егорко Микитин Сухово в холостой оклад».

Якутск, 1720 год: «Во дворе отставной служивой Иван Иванов сын Сухов… дети ево Яков дватцати дву лет Великого государя на службу послан в 719-м году».

Но при этом нужно отметить, что Сухой Иванов сын Томилка служил в 1626 году в Томске, а Ивашка Иванов Сухой, Литвинов он же, в Енисейске в 1669 году.

Так что родовые корни Суховых ведут в разные места.

Умерли в пути

Петр Семенов

Первым в Якутии отметился Оська Семенов, но Семенов в данном случае — это отчество, так как по документам проходит другое прозвище-фамилия этого знаменитого енисейского первопроходца — Боярщина.

Тогда право первенства переходит к тобольскому стрельцу Ондрюшке Семенову, который прибыл на Лену в 1642 году в составе отряда якутского воеводы Петра Головина.

В 1646 году сослан сюда «за воровство» гулящий человек Макушка Семенов.

В 1651–1658 годах выборным приказчиком в Анадырском остроге был вовсе не Семен Дежнев, как принято считать, а Никита Семенов, беглый казак: «Весной 1649 г. служилые и промышленные люди из отряда Семена Ивановича Моторы под командованием Никиты Семенова по приказу колымского приказчика сына боярского Василия Власьева ходили в верховья Анюя и “вверху Анюя реки на Каменю погромили” неясачных юкагиров-ходынцев, за-

хватив у них аманатов, в том числе "лутчево мужика" Ангару. От этих аманатов в Нижнеколымске узнали о р. Анадырь. Приказчик В. Власьев по просьбе "охочих промышленных людей" приказал снарядить для похода туда отряд во главе с С.И. Моторой (9 служилых и 30 промышленников)». После гибели Семена Моторы казаки избрали своим приказчиком Никиту Семенова.

«И пришел яз, Юшко, с охочими людьми к руским людем в зимовья и в зимовьях живут служилые и промышленые люди у них выбраны два приказных — Семен Иванов Дежнев да Микита Семенов. …И оне, Семен Дежнев да Никита, в Моторино место выбраны и по Семенову Моторину наказу служат. И яз, Юшко, перед ними, Семеном да Никитою, наказ государев прочитал, что мне, Юшку, велено на Анадыре реке ведать и десятая велено государева имать. И оне, Семен Дежнев да Микита Семенов, да Онисим Костромин, живут на тех реках самовольны и самовласны…» — из доноса Юрия Селиверстова, очередного официального (но не признанного) анадырского приказчика.

В 1656 году в Якутск был сослан Ефимко Семенов прозвищем Иван.

В 1661 году отмечен якутский казак Курбатко Семенов, Лазарко Семенов и Ивашко Семенов.

В 1681 г. — Бориска Семенов, Максимка Семенов, Меркушко Семенов (Меркурий, служивший в 1706 году в седьмой пятидесятне), Нестерко Семенов, Лучка Семенов.

В 1685 году сослан в Якутск московский стрелец Ларка Семенов.

В 1693 году сослан Самошка Семенов.

Впору запутаться…

Но в нашей картотеке обнаружен только один Петр Семенов, который в 1706 году был прислан из Енисейска.

В таком случае свое исследование мы должны начинать с березовского казака Трофима Семенова (который был пожалован на Казенном дворе в 1614 году), жившего в Березове в 1636 году, когда в этом городе-крепости оставалось всего 9 казаков, живших там «исстари» — основная часть березовцев была переведена на постоянное жительство в Томск. Именно Трофим Семенов, будучи в Тобольске, сообщил местным властям о времени и обстоятельствах возникновения Березова, по версии некоторых историков, Трофим Семенов сам принадлежал изначально к тобольским казакам.

Казаков Семеновых в Тобольске было немало. Например, М. Белов сообщает: «…из Тобольска на реки Оленек и Лену был послан отряд

стрельцов и казаков, к которому в Мангазее присоединились ватаги торговцев и промышленников. Во главе отряда стал пятидесятник Григорий Семенов. Отряд отправился осенью по направлению к Нижней Тунгуске с намерением выйти на Лену. "Вожем" в отряде пошел бывший ранее на Нижней Тунгуске крещеный ненец Ханептек Пустоозерец. Летом 1625 года Семенов достиг истоков Нижней Тунгуски, но, отказавшись идти дальше, вернулся в Туруханск.

А другой тобольский пеший казак Семенов Чудинка в 1661 году "послан в Ылимский острог на вечное житье".

Немало Семеновых было и в Томске.

И в Енисейске. Начиная, опять же, с Оськи (Сивки) Семенова, строившего с сотником Петром Бекетовым Ленский острог, дети которого могли писаться отцовым отчеством, как это и было чаще всего в 17-м столетии.

В 1632 году в енисейских стрельцах служили Семенов Поспелко и Семенов Пятунька. По переписи 1669 года обозначены дворы енисейских служилых Петрушки Семенова, "детей у него малы", Елизарки Семенова, "детей у него нет" и Мишки Семенова, "дети у него малы"».

Андреян Борисов

В этом случае ситуация схожая — Борисовы были везде.

Первый Борисов появляется в Якутске в 1645 году — вместе с грамотой из Сибирского приказа в Сибирь на великую реку Лену воеводе Василию Никитичу Пушкину с товарищами об устройстве в казаки ссыльного стрельца Онисима Борисова.

В 1649 году прибыл в ссылку «на службу за воровство» Петрушка Борисов, которого мы видим в казаках, а в 1681 году вместе с ним служит Тимошка Борисов.

В 1661 году «Генваря в 5 день по государеве грамоте присланы с Москвы в Сибирь в Тоболеск ссыльные литовские люди: выходец поляк Якушко Микулаев сын Стамеровъской, а во крещении имя ему Ивашко; литовские ж люди белорусцы: Тимошка Ондреев, Осташка Иванов, Корнилко Корнильев, Янка Васильев, Ларка Игнатьев, Демка Борисов, Омелка Наумов, Дениско Степанов, Тимошка Иванов, Мишка Онтонов Попко, Ивашко Борисов. А по государеве грамоте ис Тоболска те ссыльные литовские люди посланы на Лену в Якуцкой острог в службу».

В 1674 году в Москве Владимир Тимофеевич Отлас вместе с казаком Борисом Борисовым подали челобитную, в которой «жа-

луются, что ехали «в провожатых» за собольною казною из Якутска в Москву *«полтора года,* обнищали и обдолжали великими долги, а съехать нам с Москвы в Сибирь на Лену нечем», а потому просят — выдать им денежное жалованье на 182 год».

Якутский казак Иван Борисов в 1706 году служил в четвертой пятидесятне.

23 декабря 1724 года «получен указ сибирского губернатора князя Черкасского, чтобы определенные при князе Гагарине прикащики были высланы из острогов в города и впредь не посылались, "ибо они, не ища в ясаке государственной выгоды, больше похищали для себя ясачную рухлядь, отчего в ясаке всегда был недобор. Посылать же за ясаком выборных, за присягою, добрых и правдивых". К этому указу был приложен и указ 1723 г., чтобы к сборам ясаков не выбирать, а назначать к большим в помощь офицеров и детей боярских; а к меньшим унтер-офицеров и солдат, а к ним в целовальники из раскольщиков и бородачей из магистрата. Вследствие этого указа назначен в Камчатку прежде бывший уже там дворянин Степан Трифанов; а в подчиненные к нему коммисары служилый Петр Корякин; мореходы Мошков и Треска, подьячий Михайло Борисов и 30 челов. казаков якутского полка, а за сбором подушных денег Никита Жданов.

1732 год. Оставшийся у судна на р. Облукоминой служилый Шарапов с товарищами писал Эверстову о полученном им известии, что харюзовские и тигильские камчадалы убили посланных для проведывания до р. Сопочной 3-х челов. казаков и обещались идти по западному берегу на Большерецкий острог и на ясачных инородцев, живущих по край Пенжинского моря, а судно сжечь. Но из Верхнекамчатского острога, за рассылкою людей и совершенным голодом, некого было послать Эверстову на р. Тигиль. После таких неблагоприятных известий Эверстов не пошел за ясаками в Нижнекамчатск, а отправил туда служилого Борисова с 12 челов. казаков. Борисов 8 января 1732 г. вышел из Верхнего острога и по прибытии к Нижнекамчатску 30 января узнал от Киркова, что Генс до прибытия его собирал ясаки без книг против сказок. За сбором посылал на Тигиль матроса Петрова, а на Уку Александра Змиева и давал им в толмачи брата изменника Федьки Харчина Аяхаруча, который сам убил карагинского сборщика и ясаки разделил с товарищами, которые отпущены Генсом в свои селения и живут

свободно. В это же время Эверстов получил известие, что харюзовские камчадалы снова восстали и под предводительством Максимки и Щербака, убив сборщика Золотовина с 2-мя казаками, отправились в числе 100 человек к пенжинскому берегу к судну "Фортуна", которое хотели сжечь».

10 марта 1735 года Михайло Борисов за какие-то серьезные провинности в карательных экспедициях против камчадалов «вместо смерти» бит кнутом в Нижнекамчатском остроге.

В июне 1742 года прибыл в Камчатку на смену приказчику Колесову сын боярский Петр Борисов. Но напуганный камчатским землетрясением Борисов послал начальнику Охотского порта Девиеру просьбу об увольнении его от должности под тем предлогом, что в Камчатке, при постоянных смутах, следует иметь командира из военных офицеров. Девиер донес об этом в Иркутск, а до присылки оттуда нового командира послал в Камчатку берегом на смену Борисову писаря Михайла Попова, который и управлял Камчаткою с июня 1743 года по день своей смерти, 5-го февраля 1744 года. В 1761 году Петр Алексеевич Борисов был сыном боярским 1 класса, правда, уже «не у дел».

В Сибири Борисовы в связи с широким распространением этого имени появляются в числе первых и оставляют следы в истории: «1610 год. **Борисов Фомка.**

Промышленник, пинежанин Фомка Борисов принимал в 1610 году участие в плавании из устья реки Кулоя в Мангазею. Отряд, в который входил Борисов, насчитывал 16 кочей и 160 человек. Плавание из Кулоя в Мангазею было совершено в одно лето. Борисов сообщил о нем некоторые интересные сведения» (Визе).

Много Борисовых было в Тобольске и в Томске. Но имя Андреян нам пока не встречалось. Известно, что в 1748 году в Большерецке служил Андрей Борисов. Но в период с 1706 по 1748 год на Камчатке служили и другие Борисовы, о которых у нас речь впереди.

* * *

В Олюторском остроге в 1708 году умерли:

Семен Младой, сведений нет

В Якутске мы встретили эту фамилию-прозвище в такой форме: «Ивашко Епишев Молодой в прошлом во 199-м [1691] году в

Якутцком умер воспою. И в нынешнем в 200-м [1692] году июня в 18 день приверстан в ево Ивашково место казачей племянник Сенька Иванов».

Но мы знаем очень известную нерчинскую фамилию Молодой.

Например, 1685 год: десятник Степан **Портняга**, рядовые: …Семен **Молодой…**

1694 год: «Дети боярские: оклад хлеба девять четей с полуосминою ржи, семь четей без полу осмины овса, три пуда соли Семен Гаврилов сын Молодой а за хлебной оклад он Семен служит с пашни. Рядовые …Прокопей Андреев Молодой».

1700 г.од: «Дети боярские оклады по девяти рублев Семен Гаврилов Молодой. Рядовые Прокопей Молодой».

1708 год: «Второй статьи дети боярские. Оклады денег по десяти рублев хлеба по десяти чети ржи овса потому ж по три пуда соли Семен Молодой, а за хлебное жалованье служит с пашни».

По другой версии: в 1706 году Семен Молодой становится дворянином «московского списка».

1721 год: Нерчинской отставной конной казак Прокопей **Молодой** 80 лет (1641 г. р.)

Степан Белетвенов (?)

Сведений нет.

На реке Карага – **Иван Наумов**

В якутских казачьих списках мы не обнаруживаем этой фамилии.

В 1696 году Ивашку Наумова мы находим в списках илимских казаков, вместе с Наумовыми же Васькой и Стенькой, в списке казаков, отказавших *«илимскому воеводе стольнику Б.А. Челищеву во власти». И вполне возможно, что в этом и могла заключаться причина появления Ивашки Наумова на Камчатке.*

Первым же на Лене появился в 1634 году енисейский казак Давыдко Наумов.

В 1661 году здесь служит Корнилко Наумов.

В Тобольске в 1704 году служит в детях боярских Аника Наумов сын Степанов. А также Федка (литовского списка) и Гришка (пеший казак) Наумовы.

В 1732 году казак Алексей Наумов будет участвовать в карательной экспедиции против камчадалов.

А Савва Наумов в 1748 году будет служить в Нижнекамчатске.

В Камчадальском Носе побиты:

Василий Каргопол

Каргопол(ь) — это первоначально не фамилия, а название города на Русском Севере, откуда прибыл в Сибирь «новоприборный» служивый человек. Второй вариант, какой рождался из этого названия, — Каргополец или Каргополов, что, собственно, одно и то же. Например: «Во дворе Алешка Степанов сын Каргаполец. Сказал: родился де он в Каргапольском уезде Ряговской волости в деревне Люцкой, жил за великим государем во крестьянех. В Сибирь пришол и живет в Шадринской слободе со 188-го году. У него дети: Якунка 17 лет, Филка 11 лет, Петрушка 8 лет, Якунка 4 лет».

В 1642 году в составе отряда якутского воеводы Петра Головина был якутский казак Богдашко Олексеев Каргополец, казак станицы Якова Елизарьева.

А вот еще одно весьма любопытное явление истории Сибири: казаки, не желая служить в отдаленных местах, могли нанять «в свое место» служивого, промышленного, торгового либо гулящего человка, например, в 1659 году якутский казак Прохор Иванов *«нанял в свое место на государеву службу промышленного человека Ивана Маркова Каргопольца».*

Такой наем, кстати, осуществляли и енисейские казаки, когда увидели казачьего голову Владимира Атласова во всей его «красе».

По данным 1669 года, в Енисейске служили: Савка Иванов Каргополец, Захарко Селиванов Каргополец, Ивашко Карпов Каргополец.

В Якутске в 1706 году в тринадцатой пятидесятне служил Иван Каргополь сын Аврамов — возможно, тот, которого упоминает С.П. Крашенинников в своей книге «Описание земли Камчатки».

Андрей Орлов

О нем нам ничего неизвестно — его нет в списках.

Еще один Орлов — Осип — был в составе команды Данилы Анциферова Томского и сожжен заживо вместе с атаманом камчадалами.

Нам известно происхождение только третьего якутского казака Орлова — Ивана — в 1706 году он был прислан из Енисейска.

В 1685 году Мишка Орлов, московский стрелец, сослан вместе с женой Манькой в Якутск и верстан в службу, так что и здесь могли быть свои Орловы.

В Тобольске в 1696 году служил в казаках литовского списка Костька Орлов сын Гаврилов.

Якутск, 1720 году: «Во дворе служилово Михайла Осипова сына Портнягина живет служивой Василей Андреев сын Орлов».

* * *

В 1710 году Петром Чириковым была предпринята попытка вновь овладеть рекой Большой и восстановить острог. Эта попытка бесславно провалилась. Погибли казаки:

Петр Салдатов

В 1706 году Петр Салдатов — якутский казак, девятая пятидесятня.

В 1710 году под Тобольском находим (обратим на возраст казачьих детей, которые так и не были поверстаны в казаки за неимением свободных мест):

«Деревня Салдатова

Во дворе казачей сын Иван Борисов сын Салдатов сказал себе 60 лет у него жена Орина 60 лет у него сын Василей 20 лет у него жена Катерина 20 лет сын же Александр 17 лет.

Во дворе отставной конной казак Гаврило Борисов сын Салдатов сказал себе 60 лет вдов у него сын Григорей 17 лет дочери девица Опросинья 17 лет дочь же замужняя салдацкая жена Олена 20 лет у нее сын Андрей году.

Во дворе конной казак Микита Гаврилов сын Салдатов по скаске жены ево Федосьи 30 лет и он Микита на береговой службе у него дети сын Андрей 12 лет Иван 10 лет Микита 4 лет дочери Овдотья 3 лет Полинария 2 лет да новорожденной младенец Фекла 2 ден.

Деревня Смородинова

Во дворе тобольской конной казак Яков Козмин сын Салдатов сказал себе от роду 45 лет у него жена Овдотья 35 лет у него дети сын Иван 13 лет дочь Улита году да братья родныя казачьи дети Илья Козмин 50 лет у него жена Окулина 40 лет у него сыновья Андрей 4 лет Иван 10 недель брат же Стефан 40 лет жена у него Софья 45 лет сын Иван 13 недель.

Во дворе отставной пешей казак Федор Иванов сын Салдатов сказал себе 40 лет у него жена Дарья 23 лет у него сын Алексей 5 лет Петр 3 лет Устин 3 недель у него ж дочери Оксинья 15 лет Матрена 14 лет Офимья 12 лет Татьяна 10 лет Фекла году».

Кто-то из «специалистов» по антропонимике написал, что слово «солдат» появляется в русском лексиконе только во времена Петра с появлением первых солдат регулярных войск вместо стрельцов.

Но уже в 1647 году якутские воеводы жалуются царю: «И после, государь, того, Якуцкого острогу служилые люди приходили к нам, холопем твоим, в съезжую избу все своими головами, которые в нынешнем во 155-м году в Якуцком остроге зимовали, и которые с твоих, государевых, служеб с твоею, государевою, соболиною казною съехались. И сверх, государь, того своего челобитья говорили нам, холопем твоим, большим шумом, а иные, государь, из них, служилых ж людей, пятидесятник Шаламко Иванов да десятники: Васька Бугор, Симанко Головачев, Евсевейка Павлов да рядовые казаки: Ерофейко Киселев, Филька Мартынов, Пашко Кокоулин, Ивашко Пуляев, **Федотко Салдат**, Ивашко Микитин говорили и невежливо с отказом, а сказали что де, государь, они ныне бедны и раззорены от Петра Головина».

Как мы понимаем, Федотко — это отец Артемия Федотова сына Салдата, который был товарищем Семена Дежнева в Анадырском остроге.

А в 1667 году появляется эта вот запись: «Се аз, Якутцкого острогу атаман казачей Михайло Васильев сын Стадухин, да яз, Семен Иванов сын Дежнев, да яз, служилой человек Артемей Федотов сын Салдат — все мы заимщики заняли есми в Якутцком же остроге у служилого человека у Анисима Юрьева сына 16 рублев денег московских ходячих прямых без приписи, до сроку до Петрова и Павлова дни верховных апостол впредь 175-го году».

У Артюшки Федотова Солдата был сын Данилко (1673 г. р.).

В 1678 году Семен Сорокоумов послан служить на Колыму. «С Сорокоумовым поехали дети прославленных якутских мореходов: **Абрам Салдатков, сын Артемия Салдата**, товарища Дежнева, Василий Аргунов сын Лазаря Аргунова, и др. Сорокоумов благополучно прибыл на Колыму».

Аврамку Салдатова мы находим в списке якутских казаков за 1681 год.

Но это еще не полный список.

В списках якутских казаков за 1661 год мы находим Омельку Салдата.

В 1663 — Ивана Салдата, который в 1684–1686 годах был приказчиком на р. Яне: «Ивашко Салдат в прошлом во 192-м

[1684] году послан из Якутцкого Великих государей за соболиною казною к Москве в провожатых и с Москвы отпущен по обещанью постритчись». В 1681 году в списках якутских казаков женатый казак Салдатов Микитка Иванов, который в 1706 году числится десятником первой пятидесятни, и холостой казак Аврамко Салдатов. У Микитки Салдатова был сын Ефимко (1673 г. р.)

Якутск, 1681 год: в женатых окладах Солдат Ортюшка и Солдат Нестерко, в холостом окладе Солдат Ивашко.

Свои Салдатовы были в Томске, Енисейске и в Красноярске.

Панфила Сметанин

В Тобольске в 1696 году служил Иван Сметанин сын Никитин, подьячий приказной палаты. В 1661 году в Тобольске в стрельцах служил Якимко Федоров Сметанин. Эта фамилия встречается и у тобольских крестьян.

И более, в рамках нашего сибирского поиска, нигде.

промышленный **Григорий Малафеев**

По Григорию Малафееву мы также имеем противоречивую информацию: по одним источникам он убит в 1710 году на реке Большой, по другим — входит в команду Д.Я. Анцыфорова в 1711 году.

Фамилия встречается в Якутске — в 1651 году здесь служил Павел Малафеев.

О Морозко Малафееве, промышленном человеке, и казаке Павле Малафееве упоминает М. Белов в своей книге о знаменитых северных мореходах.

А также эта фамилия встречается в среде тобольских крестьян (1689 год).

Умер от ран **Петр Федотов**

О Петре Федотове у нас тоже противоречивые данные — его имя также указано и в списке людей команды Д. Анцыфорова.

Возможно, их и было двое.

По нашим сведениям, в 1696 году в Тобольске служил пеший казак Петрушка Федотов, а в 1706 году в Якутске, в одиннадцатой пятидесятне — Петр Федотов. И в таком совпадении нет ничего удивительного, служили же в Якутске в 1706 году два Михаила Федотова — один в первой, а другой в семнадцатой пятидесятне.

Первым на Лене из Федотовых был енисейский казак Игнашка Федотов.

Следующие сведения о появлении Федотовых на Лене мы черпаем из доноса: «Явочная челобитная якутского служилого человека Леонтия Федотова, посланного на Индигирку реку о том, что Пантелеймон Мокрошубов не идет на Алазейку реку, распустил служилых людей, заменив их промышленными и торговыми людьми, "отторговывает" иноземцев прежде сбора ясака».

В 1681 году в Якутске в женатых окладах служат казаки Гаранька Федотов и Евдокимко Федотов. «Пронька Федотов в нынешнем в 200-м [1692] году на Ковыме реке умер воспою».

Свои Федотовы были в Тобольске, в Томске и в Енисейске.

На Пенжинском море в тот год убит **Афанасий Салдатов**

Якутский казак Солдатов (Салдатов) Афанасий Гаврилов в 1706 году записан в десятую пятидесятню. Выше мы пытались разобраться в родословных связях Салдатовых. И пока у нас только общее представление о них.

* * *

Всего в команде Атласова на Ангаре, как мы помним, было 50 человек тобольчан из 100 новоприборных казаков.

Как пишет Н. Оглоблин: «45 казаков Атласова из казачьих детей отправлены *в Камчатку* с новым "прикащиком" Камчадальских острогов Михаилом *Зиновьевым*. Остальные 31 человек из "наемщиков" разосланы по разным острогам Якутскаго уезда».

Вероятно, о последних и шла речь, когда нужно было Осипу Липину собрать по этим острогам «Зашиверском и Уяндинском зимовьях, за скорбью служилых людей, 16 человек»:

Михайло Вараксин

Аналог (а может быть, родовую ветвь) этой фамилии мы отыскали в Таре в казачьих списках за 1689 год: «Митка Вараксин оклад ему Великих государей денежного жалованья 7 рублев с четь хлеба 3 четь с осминою и пол 2 четверика и полпол четверика и полполполпол четверика ржи 2 четь с полу осминою и полпол четверик и пол-полпол четверик овса 2 пуда соли. В литовской список верстан при стольнике и воеводе при Матвее Лодыгине во 189-м году. А он Митка гуляшего отца сын. А отроду ему 31 год. Братья у него Мишка 20 лет Ивашко 10 лет».

Иван Волков

Начнем с того, что казаки Волковы служили в Тобольске в «старой сотне» и имели в 1623 году свою деревню в 47 километрах от Тобольска: «***Починок Шамша над озером Шучьим.*** Двор конной казак Ивашка Волков. Пашни паханые середние земли 4 чети да перелогу две чети в поле а в дву потому ж да дубровные лесново места 7 десятин за речкою /Усом/ чистого места дубровы ж две десятины сенных покосов на лугу меж Щучьим и Карасовым озерами сто копен».

Г.Ю. Колева («Отголоски эпохи “сибирского взятья”: Волковы из деревни Волкова у озера Волково») выдвигает версию о литовском происхождении тобольских Волковых: «Волковы выехали из Польши, в их родовом гербе имелась надпись “Господа славные и храбрые”, имели родословную под № 166. Шляхтича, выехавшего из Литвы на службу к Василию III, звали Григорий Волк. Его дети Федор и Андрей писались уже Волковыми. Служили Волковы в Конюшенном приказе Опричного двора. Среди служилых людей этого приказа — Васюк Иванов Волков, Олеша Волков, Кондрашко Матвеев Волков, Воинско Волков.

Потомки Волковых служили воеводами, головами, дьяками. С отрядом С. Болховского или Д. Чулкова, скорее всего, оказался в Сибири Ивашка Волков. Волковы наиболее часто встречались в последующем среди дворян Волынской и Литовско-Виленской губерний».

В 1696 году Федор Иванович Волков – тобольский сын боярский, а Ивашко и Стенка Волковы — казаки литовского списка, не считая многочисленных пеших тобольских казаков Волковых.

Любопытно, что подобную — иноземную — версию выдвигают и другие Волковы.

Например, драгун Волков, проживавший в Шадринской слободе: «Во дворе Ивашко Мартынов сын Волков. Сказал: родился де он в Вильне, иноземской сын польские породы, служил во дворе у полуполковника у Ивана Волкова. И после смерти иво из двора отпущен и живет в Шадринской слободе со 186-го году. У него дети: Микитка 5 лет, Матюшка 2 лет».

Или томский казак Ивашко Никонов сын Волков: «Отец родом латин и по указу государя служил в Томске пешую службу, а он, Ивашко, верстан в пешую службу. Оклад 4 рубли с четью, 1½ п. соли. Служит с пашни».

Но его старший брат Антип Никонов сын Волков уточняет: «Отец родом с Лальского (то есть лалетин. — *С.В.*), прислан по указу государя в Томск с Москвы и был в пеших казаках, а он верстан в пешую слежбу после отца своего 5 рублев без чети, хлеба пять четей с осьминою ржи, 4 чети овса, 1½ п. соли».

Это же подтверждают и томские историки: «В 1680 году несли службу в Томском гарнизоне дети Никона Волкова, лалетина, который “по челобитью и по грамоте прислан с Москвы в Томск и служил в пятидесятниках”: десятник пеших казаков Антип Волков, пешие казаки Ивашко и Максимко Волковы, а также внук Никона, пеший казак Агафонка Иванов сын Волков».

Но были и другие истории: новгородец, сын боярский Волков Ивашка появляется в Якутске в 1646 году, будучи сослан «за воровство», то есть за крупные нарушения утвержденных законов и правил. Он оказался неисправим: 12 июля 1651 года енисейский воевода Афанасий Пашков в отписке якутскому воеводе Ивану Акинфову сообщил об отсылке назад, в Якутский острог, ссыльного служилого человека Ивана Волкова, посланного из Якутска в Москву с соболиной казной из-за «его воровства».

Но первым из Волковых побывал в Якутске тобольский казак Фторышка Волков сын Наумов, казак станицы Тугарина Панютина, который в 1642 году прибыл в столицу Якутского воеводства с воеводой Петром Головиным.

В 1681 году в Якутске отмечены казаки Кузка и Федька Волковы, которые в 1706 году служили в третьей пятидесятне. А Волков Яков Дементьев, впервые отмеченный в 1692 году, в 1706 году служил в двенадцатой пятидесятне.

Василей Гроцкой

Возможно, Грыцкой: «*…в конце 1684 г. из Анадыря в Якутск была отправлена с Иваном Грыцким и Никитой Ворыпаевым большая “костяная казна”».* «Семейка Игелтин роспрашиван, а в роспросе сказал: в прошлом во 193 году на Ковыме в Нижнем зимовье приезжали весною о Благовещеньеве дни [начало апреля 1685]… заноские служилые люди, которые вышли великих государей з десятинною костяною казною через Камень, казаки **Ивашко Грыцкой**, Микитка Ворыпаев, Антипко Сидоров, Якунька Пермяков, а сколько пуд костяной казны, того он, Сенька, не упомнит. И те де казаки Ивашко Грыцкой, поделав суды, пошли с тою костяною казною морем».

Федор Ерофеев

В 1626 году казак Андрей Ерофеев служил в Томске. В 1663 году в списках якутских казаков есть Баженко Ерофеев. В 1691 году — Ерофей Любим.

Ондрей Залесов

Залесовы — одна из крупнейших казачьих корпораций Тобольска, которая ведет свое сибирское летоисчисление со «старой сотни», согласно Дозорной книги 1623 года: «Деревня Гласкова на речке Чегитке. Во дворе литвин Ивашко Залесской. Пашни паханные середние земли 4 чети и перелогу 12 четей в поле а в дву потому ж. Поскотинные полевые земли чистово места 4 десятины. Сена косит позади своей пашни по низким местам 50 копен».

Только в 1696 году на различной казачьей службе (пешей, конной, литовского списка) в Тобольске отмечено 9 служивых людей по фамилии Залесов.

Были ли свои Залесовы в Якутске и других городах? Конечно. В 1650 году в Якутске служил Ефим (Елфимко) Залесов сын Степанов. В 1661 году — Олешка Залесов, в 1681 году — Мишка Залесов, в 1706 году в четырнадцатой пятидесятне — Федор Залесов (вероятно, сын Олешки) Алексеев.

Служили Залесовы и в Енисейске: **«**Ивашко Залесов 2 пуда без чети соли верстан он в пешие казаки из салдат во 195 (1687) году по приговору столника и воеводы Петра Годунова с товарыщи в выбылой оклад а службы ево посылан в Енисейск трижды к соле одиннатцатью в слободы по запас восмью а от роду ему 60 лет у него сын Яшка 25 лет не в службе племянники Сенка 20 лет Бориско 17 лет Петрушка 20 лет Стенка 20 лет Савка 17 лет Петрушка 30 лет Васка 20 лет Оска 20 лет Яшка 19 лет не в службе посланы в Дауры братей у него нет а по осмотру стар и городовую службу ево будет».

Вероятно, Залесовы, как и Аргуновы, как и Дурынины — одна родовая ветвь сибирских казаков.

Гаврило Истомин

Тобольская родовая казачья фамилия (см. выше).

Степан Лапин

См. выше.

Михайло Минозим

Сведений нет.

Яков Нарицын

См. выше.

Иван Нехорошков

Нехорошевы — такая фамилия встречается в Тобольске, в Томске и в Кузнецке.

Начнем с Томска. Кстати, возникает и интересная версия происхождения этого фамильного прозвища. Десятник Якушка Иванов сын Нехорошев: «Отец устюжанин, посадский человек, а прислан был в Томск и сидел в таможне в подъячих, а он, Якушко, поверстан в Томске в пешую службу. Оклад 4 рубли 25 алтын, 1½ п. соли. Служит с пашни».

И его брат — Ларко Иванов сын Нехорошего: «Отец устюжанин, в Томск приехал торговым человеком и был в таможне в подъячих, а он, Ларко, верстан в пешую службу. Оклад пеший, рядовой».

Видимо, для многих Иван по прозвищу Нехороший был нехорошим торговцем либо таможенным подъячим, оценивающим качество пушнины и определяющим ее стоимость.

Хотя может быть и другая история: кузнецкие Нехорошевы (родоначальник — Нехорошко (Захарий) Матвеев (Мусорин), приехал тоже из Устюга, в (7)164 г. взят из детей боярских в съезжую избу в подьячие. То есть в основе фамилии лежит неканоническое имя Нехорошко.

Тобольские Нехорошевы служили в 1696 году в стрельцах и пеших казаках.

Василей Толстоухов

Он не только в конечном итоге добрался до Камчатки, но и служил в Верхнекамчатском остроге, где не принимал участия в воровстве и грабеже команды Кыргызова.

В 1706 году Василий Георгиевич Толстоухов — сын боярский в Якутске, а Иван Георгиевич Толстоухов — иркутский сын боярский. Не из одного ли они роду-племени?

Якутск, 1720 году: «Во дворе Василей Егорьев сын Толстоухов».

В 1642 году Иван Михайлов Толстоухов Бардак был десятником в Томске.

В биографическом словаре В.Ю. Визе о полярных мореходах есть статья: «Н. Витзен называет Ивана Толстоухова “сыном видного русского дворянина”. В 1686 году Толстоухов спустился вниз по Енисею на трех кочах, имея целью обогнуть с запада на восток северные берега Сибири. Экспедиция эта пропала бесследно. В другом месте Витзен упоминает о снаряженной тобольским наместником Ф.А. Головиным экспедиции, в состав которой входило 60 человек, имевшей задачей пройти от устья Енисея на восток, до реки Лены, и далее обогнуть Ледяной мыс (современный мыс Дежнева). Никто из этой экспедиции не вернулся. Витзен предполагает, что эта экспедиция идентична с упомянутой выше экспедицией И. Толстоухова».

«В письменных источниках сохранилось упоминание об одном морском походе, относящемся к 80-м годам XVII века, из Енисея вокруг Таймыра с целью достижения устья реки Лены. Голландец Н.Витсен со слов Тобольского воеводы Головина сообщает, что в 1686 году посадский человек из Туруханска Иван Толстоухов на трех кочах отправился в морскую экспедицию, но пропал без вести.

Кем же был Иван Толстоухов? Толстоуховы — хорошо известные торговые люди из Поморья, которые одними из первых проникли за Урал. Имеются сведения, что родоначальник этого торгового дома Леонтий Толстоухов еще в конце XVI века побывал на Енисее. Толстоуховы в течение многих лет были связаны с мангазейским мореплаванием и торговыми делами на Енисее и в Якутске. И поэтому не случайно, что один из представителей этой торгово-промышленной династии, Иван Толстоухов, предпринял попытку проложить новый морской путь из Енисея на Лену. [М.И. Белов «Мангазея...». С. 116–118.]

По свидетельству начальника Енисейского отряда Великой северной экспедиции Ф.А. Минина, его отряд в 1738 году обнаружил сооруженный Толстоуховым крест в память о своем пребывании в 7195 (1686–1687) году в бухте Омулевой, близ зимовья Крестовое, на правом берегу Енисейского залива. В 1700 году Ф.А. Минин нашел зимовье промышленника Толстоухова севернее реки Пясины. [М.И. Белов «Семен Дежнев». — М., 1955. С. 139.] Таким образом, следы похода Ивана Толстоухова прослеживаются на большом расстоянии от Енисейского залива до района севернее реки Пясины и обрываются в безлесной тундре Таймыра. Возникает предположение, не был ли местом гибели одной

из групп большой экспедиции Ивана Толстоухова район залива Симса и остров Фаддея» (В. Булатов «Русский Север».).

В одном из рассказов о Семене Дежневе есть такая фраза: «12 ноября 1663 года прибыл в Верхотурье, — последний крупный город Сибири, где таможенный голова Иван Толстоухов в последний раз осмотрел ясачную казну».

Не о нем ли речь?

В 1703 году в Илимске служил в десятниках Андрей Толстоухов.

Гаврило Трубачев

Это имя также находится в списке томских фамилий за 1703 год: Афанасий Трубачев сын Алексеев; **Гаврила Трубачев**; Дмитрей Трубачев сын Алексеев; Иван Трубачев сын Ларионов; Иван Трубачев сын Якимов; Ларион Трубачев сын Алексеев; Михайла Трубачев сын Якимов; Петр Трубачев; Яким Трубачев сын Алексеев.

История появления этой фамилии в Сибири весьма интересна и изложена во всех подробностях потомками главы рода. Митька Алексеев сын Трубачев: «отец родом с Украины, лебедянинец, взят был в полон в малых летах и продан в Бухару, откуда бежал в Черные Калмыки, а оттуда убежал к Ямышеву озеру к Соли, а от Соли привезен в Тобольск, а из Тобольска в Томск приехал волею с сыном боярским Матвеем Трубачевым и жил у него в деле лет 40, а в никакой чин не верстан был за убыльем, потому что изранен был во многих местах, а он Митка, родился в Томске и верстан был при воеводе Иване Бутурлине в новоприборные конные казаки и служил лет с 15, а при воеводе Даниле Афанасьевиче Барятинском по государевой грамоте велено было новоприборных от конной службы отставить и он, Митька был отставлен и в 189 году при воеводе князе Петре Львове поверстан в конную службу на выбылое место. Оклад 7 рублев с четью, 2 пуда соли. Пашня».

Якимка Алексеев сын Трубачев: «...отец украинец, Лебяина города, взят в полон в малых летах в Нагаи и продан был в Бухары, а оттуда ушел в русские города, а на дороге поймали его черные калмыки и в полоне был в Бухарах и в Ногаях лет 20 и был изранен и не был в службе, а жил в Томске во дворе сына боярского Матвея Трубачева, а он, Якимка, родился в Томске и верстан был в конную службу при воеводе Никифоре Нащокине. Оклад 7 рублев с четью, 2 пуда соли».

Ларка Алексеев сын Трубачев: «…родился в Томске и верстан в конную службу при воеводе Даниле Афанасьевиче Барятинском. Оклад 7 рублев с четью, 2 пуда соли. Пашня».

Сын боярский Матвей Трубачев, от которого и получили свою фамилию томские Трубачевы, вероятно, ведет свое происхождение от тюменских казаков Василия Трубачева (из списка «Литва, тюменские уроженцы») и конного казака Безсона Трубачева, имена которых мы нашли в документе, датированном 1633 годом: «Лета 7140 августа в 8 де по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу по наказной памяти столника и воеводы князя Федора Ондреевича Телятевского Федора Ивановича Погожево дьяков Дмитрея Прокофьева Наума Петрова посыланы ис Тоболска татарской голова Иван Внуков да тоболской сын боярское Богдан Аршинской а с ними тоболские дети боярские и служилые тотарове в поход на Кучюмовых внучат и на государевых изменников на тарских татар и на колмацких людей по их задору которые приходили блиско государевых ясачных волостей Тарханских острошков и на зверовьях государевых ясачных людей грабили и побивали и наругаючись груду у них выпорывали а глаза выимали и на Белом озере от Тоболска во шти днищах на станишников на тоблсково сына боярсково на Филипа Обольянинов с товарыщи приходили. Да в том же походе по тоболской отписке были с Тюмени татарской голова Илья Бакшеев да сын боярской Семен Поскочин а с ними тюменские служилые люди и юртовские тотаровя. И тоболские и тюменские головы Иван Внуков да Богдан Аршинской с товарыщи с тоболскими и с тюменскими служилыми людми и с татары по сакме воровских колмацких людей сошли за рекою за Ишимом на урочище на Камышлове во 141 году сентября в 1 де и был у них с теми колмацкими людми бой и Божиею милостью а государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии счастью колмацких людей побивали…»

Иван Хайлов

Сведений нет.

Федор Хиценков

В 1669 году в Енисейске служит казак Левка Иванов Хиценок.

Никита Чегус

Возможно, Чеус и Чеусов. По крайней мере, с этими фамилиями у нас имеются прямые аналогии.

В Енисейске в 1630-х годах служит в казаках Федор Чеус. В тот период Енисейск входит в сферу управления Томского воеводы и поэтому неудивительно, что продолжение служебной биографии енисейского казака Федора Чеуса мы видим в послужных списках томских казаков, его детей — Сергушки, Дениски и Ивашки Чеусовых. Любопытно, что в списках томских фамилий за 1703 год фамилии Чеусовых нет.

Десятник Сергушко Федоров сын Чеусов: «Отец прислан по указу и грамоте государя в Томск, в пешую службу, а он, Сергушка, по указу государя, поверстан в пешую службу в десятники. Оклад пять рублев без чети, хлеба пять четей с осьминою ржи, 4 чети овса, 1½ п. соли».

Дениско Федоров сын Чеусов: «Отец с Тотьмы, а в Томске служил пешую службу, а он родился и верстан в Томске. Оклад рядовой 4 рубля с четью, хлеба 5 четей с осьминою ржи, 4 чети овса, 1½ п. соли».

Ивашко Федоров сын Чеусов: «Отец тотменин и прислан был в Томск по указу государя город ставить, а он родился в Томске и верстан в пешую службу. Оклад пеший, рядовой».

Кирило Черных

Первое упоминание этой фамилии в Сибири: «Почти в то же время, осенью 1628 г., в Москву поступила челобитная из Тобольска от служилого подразделения «тобольской литвы и литовского списка казаков». После смерти выбранного и много лет командовавшего ими ротмистра Бартоша Станиславова служилые люди, “излюбя из свое братьи из иноземцев”, выбрали в ротмистры “рядового литвина” Григория Иванова Черного и просили утвердить его в этой должности. Рассмотрев это дело, служилую челобитную, приказные справки и отписку тобольского воеводы кн. А.Н. Трубецкого, начальник Сибирского приказа кн. Д.М. Черкасский в начале лета 1629 г. утвердил Г. Черного ротмистром, а на его “выбылое” место поверстал в дети боярские… беспоместного малоярославского новика Ф. Воропаева».

Дозорная книга 1623 года: «Деревня Шанталыке межах с монастырскими пашнями. Во дворе служилый человек литвин Григорий Черный. Пашни пашенные середние земли три чети без

третника да перелогу четверть в поле а в дву потому ж а поскотинные земли в логу три десятины».

1689 год: «Стенка Черной сын Григорьев сказал родом он города Тоболска у него дети Офонка 20 лет Ивашко болшой осми лет Ивашко меншой пяти лет».

1707 год: Иван Чорного сын Степанов («Литва из рейтар»), Офонасей Чорного сын Степанов (конный казак).

Эта фамилия была очень распространенной в сибирских городах и на Камчатке. С ней мы не раз еще будем встречаться.

…и велено их забрать в Камчатку Осипу Миронову».

Судя по появлению некоторых из этих фамилий на Камчатке, Осип Миронович Липин выполнил поставленную перед ним задачу.

РАЗБОРНЫЙ СПИСОК УЧАСТНИКОВ БУНТА 1711–1712 годов

В первой челобитной «воровских» казаков, датированной 17 апреля 1711 года, кроме Данилы Яковлева Анциферова Томского и Ивана Козыревского, поставили свои подписи:

Василий Барашков

В списках Якутского казачьего полка за 1706 год этого имени нет. Вероятно, из новоприборных казаков, поступивших на службу после 1706 года.

Василий Барашков сын Андреев, возможно, уроженец Енисейска.

В Енисейске (точнее, на Байкале) в 1699 году служил Ивашко Семенов сын Барашков. В 1688 году Дмитрий Барашков, рядовой казак, отправлен из Иркутска на службу «за морем», т. е. тоже за Байкал.

Убит (зарезан промышленником Харитоном Березиным, одним из главарей «воровской» команды Д. Анциферова) на реке Большой в 1712 году.

Матвей Леонтьев сын **Дюков**

Фамилия тобольского происхождения. Об этой фамилии мы поговорим в отдельной главе.

Гаврило Келтяка

Вероятно, новокрещенный якутский казак, так как келтяки — это род «собачьих» тунгусов, то есть тех тунгусов, кто вместо оленей передвигается по тундре на нартовых собаках. Гаврила Келтяка был в составе команды Данилы Анциферова. У него, вероятно, была на Камчатке семья, так как в 1735 году отмечен на Камчатке казак Григорий Келтяка и при крещении эту фамилию получили камчадалы Келтякины.

Андрей Кутьин

О нем мы писали выше.

Вероятно, из томских казаков: конный казак Гришка Кутьин сын Семенов отметился в списках еще в 1626 году. Пятидесятник Яков Петров сын Кутьин сообщал о себе в 1680 году: «…отец служил по Томску в конных казаках, по указу государя поверстан в пятидесятники, при воеводе Петре Львове он, Якушко, из конной службы написан в отцово место в пятидесятники. Оклад 9 рублев, хлеба 6 четей с осьминою ржи, полтретья пуда соли, родился в Томске».

В 1707 году в Томске служили казаки Кутьины — Иван сын Яковлев, Василий сын Петров, Степан сын Микитин.

В 1706 году в Якутске записан в одиннадцатой пятидесятне казачьего полка только десятник Яков Кутьин сын Ефтивеев, по всей видимости, томский «годовальщик».

Алексей Меледин

По казачьим спискам мы этой фамилии не обнаруживаем. Возможно, из Енисейска: в 1669 году отмечен в списках енисейских казаков Трофимко Меледин сын Устинов.

Алексей Михайлов

Сгорел заживо вместе с Данилой Анциферовым. В 1681 году в именных списках якутских казаков есть Олешка Михайлов. И вообще Михайловых в Якутске было много.

Как много их было и в Тобольске, и в Томске, и в Енисейске.

Дмитрий Иванов сын **Томской** (есть другой вариант написания фамилии — **Торской**)

Если Торской, то вполне вероятна якутская ветвь: «1710 году, июня в 4 день, в Уцком острожке в ясачном зимовье прикащик сын боярской Иван Сорокоумов допрашивал служилых людей, по указу великого государя и против памяти Якуцкого города от столника и воевода Дорофея Афонасьевича Траур-

нихта, о допросе на море островов и людей и соболей и всякого зверья.

Тогож числа, выслушав служилые люди великого государя указ и память, сказали: Семен Анабара, Иван Каргапол, Григорей Харин, Иван Юрьевских, Василей Костромин, Григорей Дренин, Семен Типушин, Матвей Чюхарь, Никита Струихин, Василей Лазарев, Никифор Курков, Карп Глушкой, Григорей Волга, Евтифей Зырян, **Матвей Торской**, Козма Енисейской: те де острова на море от Уди реки от устья видеть, а сами де мы на тех островах не бывали, а от мужиков слышим, что де на тех островах соболей есть много и всякого зверя и оленей; а людей де сказывают не видали, потому что де мы вдаль не хаживали и землю де мы не знаем, велика ли или мала, а реки из него текут велики, и хребты видеть велики, и рыба в реки идет всякая».

Вероятно, сначала было написание Тарской — из Тарского острога.

Если же все-таки Томской или Томский — то в таком случае это значит «из города Томска».

С Анциферовым заживо сгорели двое Томских — Дмитрий и Сергей.

Лука Савинской

По казачьим спискам эта фамилия нами не найдена.

Сгорел заживо вместе с Данилой Анциферовым Томским. Возможно, из тобольских казаков: в 1689 году в списках тобольских казаков значится Оска Иванов Савинских.

Второе «пришествие» Савинских на Камчатку связано с двумя батальонами Иркутского гарнизонного полка, реорганизованных в полк Сомова или Камчатский гарнизонный батальон в 1799 году, в составе которого было несколько братьев Савинских.

* * *

В челобитной, датированной 26 сентября 1711 года, этот список пополняют следующие имена:

Алексей Посников

Один из убийц Владимира Атласова. О нем мы писали выше.

«Васка Евфимов сын Курсин в прошлом во 148-м [1640] году умре а в его Васкино место велено быть гулящему человеку Онтипке Киприянову и в прошлом во 157-м [1649] году в Якутцком остроге умре и в том ж во 157-м [1649] году в его Онтипкино место велено быть ссыльному Федьке Посникову».

В 1681 году в женатом окладе в Якутске служит казак Посников Гришка. В 1706 году Григорий служит во второй пятидесятне Якутского казачьего полка, а его сын — Иван Григорьевич — в шестой.

Алексей Михалев

«Исачко Вахромеев в прошлом во 199-м [1691] году на Чичюйском волоке умер. И в нынешнем в 200-м [1692] году августа в 11 день приверстан в ево Исачково место казачей брат Ивашко Лукьянов Михалевых в холостой оклад». В 1706 году Иван Лукьянов Михалев служил в шестнадцатой пятидесятне, а Алексей в первой. Возможно, он был сыном Ивана Лукьяновича.

Михалевы — енисейские казаки.

В 1686 году «вверх по Ангаре реке деревня, а в ней пятидесятник казачей Анисим Филипов с. Михалев, по сказке ево, служил он вел. государем в Енисейску изстари пятидесятничью службу, а ныне де он служит вел. государем по Ирк[утскому] острогу пятидесятничью ж службу с пашни без хлебного жалованья, а на тое де пашенную землю и на сенные покосы даной нет, только де есть на тое ево пашенную землю и на сенные покосы в Иркуцком в приказной избе из Енисейска отводная указная память; рыбных де ловель и птичьих угодей нет; а служит де он вел. государем в Енисейску и в Иркуцком 40 л.».

В 1669 году в Енисейске служил в десятниках Юшка Михалев и был поверстан в рядовые казаки его сын Семен Юрьев Михалев.

Погибли:

Данила Анциферов Томский

О нем разговор особый.

Ермола Баршуков

В казачьих списках этого имени нет.

Мы встречаем аналогичное имя только в названии одной из деревень на реке Томь, которые приводит Г. Миллер в своем сочинении о Сибири. Но названия этих деревень, как мы увидим, напрямую связаны с именами первых здешних землевладельцев.

«Вверх по реке Ускат, которая в 30 верстах ниже Кузнецка и в полутора верстах ниже деревни Терехиной с западной сторо-

ны впадает в Томь: **Баршукова,** на северном берегу речки, в 1 версте от устья. Галашаппова, на южном берегу, в 1 версте от предыдущей. Игадина, на том же берегу, в 3 верстах от предыдущей. Логина, на том же берегу, в 2 верстах от предыдущей. Беляева, на том же берегу, в ½ версты от предыдущей. Недорезова, или Павлова, на том же берегу, в 2 верстах от предыдущей.
Мельникова, на северном берегу, напротив предыдущей деревни.
Красулина, на южном берегу, в полутора верстах от Недорезовой.
Анисимова, на северном берегу, в 2 верстах от предыдущей.
Терентьева, на том же берегу, в 9 верстах от предыдущей. Недалеко отсюда в степи на Томской дороге берет начало р. Ускат».

Иван Башмаков

И этого имени в казачьих списках нет.
В 1707 году вместе с Харитоном Березиным и Григорием Переломовым «отнял» Данилу Беляева у разъяренного Владимира Атласова, грозившего заколоть Беляева за «навет».
В 1630 году десятник Васка Башмак сын Олферев служил в Томске. В 1694 году в документах упоминает кузнецкий казак Ларион Башмаков.

Степан Болшаков

Один из убийц Осипа Липина.

Обросим Двойкин

В казачьих списках эта фамилия не числилась. Историю этой фамилии также проследить не удалось.

Матвей Дюков

Павел Катасонов

В 1706 году десятник Павел Катасонов записан в двенадцатую пятидесятню Якутского казачьего полка.
Якутская казачья родовая фамилия. Якутск, 1720 год: «Во дворе Иван Дмитреев сын Катасонов… племянники ево Андрей Алексеев сын трицати лет а ныне он Андрей послан Великого государя на службу на Камчатку в 710 м году…»
В 1663 году отмечен в именных списках сын боярский Митька Катасонов. В 1682 году у него были дети: «сын Федотка 12 лет, сын Пашко 9 лет».

Вероятно, полное имя нашего героя — Павел Катасонов сын Дмитриев.
«Федотко [Дмитриев сын] Катасонов в прошлом во 199-м [1691] году в Якутцком умер воспою. И в нынешнем в 200-м [1692] году октября в 3 день приверстан в ево Федотково место казачей сын Офонька Володимеров и августа в 31 день хлебной оклад учинен ему женатой».
Другой Катасонов — Никита — тоже сын боярский, в 1666–1668 годах был приказчиком Анадырского острога и пытал Ивана Рубца, осмелившегося без «наказной памяти» совершить морской вояж на Камчатку: «Рубец предпочитал лишний раз не напоминать о своем походе к реке Камчатке. Дело в том, что выданная ему в Якутске наказная память запрещала ему ходить на “дальние реки”. Он имел право собирать ясак лишь “поблиску” от Анадыря. Но, как говорится, шила в мешке не утаишь, об этом знали все люди Анадырского острога и уже в 1664 году сведения о самовольном походе Рубца дошли до Якутска. Посланному в 1665 г. на Анадырь новому приказному человеку Катасанову якутский воевода И.Ф. Кутузов-Голенищев повелел “сыскать про приказного человека Ивана Рубца” и его походе».
Организовать новый поход на коргу в 1666 году. Рубец не успел — в начале июня в острог прибыл новый приказной человек — сын боярский Никита Катасанов. Для Рубца наступили черные дни. Официально он объявил, что за годы своей службы в Прианадырье и южных землях он собрал различного добра на 1050 рублей. По тем временам это была немалая сумма, но Катасанов считал, что истинный доход Ивана Рубца, особенно во время его похода на Камчатку, был значительно выше.
Отношения анадырцев с Иваном Рубцом в 1663–1664 годах были крайне напряженными. Конфликт произошел и с теми, кто ходил с ним на Камчатку, — видимо, что-то не поделили. Катасонов писал в Якутск: «Савка Шароглаз, ведомый вор, Ивашку Рубца хотел копьем проколоть в ясашном зимовье, люди ево, Савку, схватали и не дали Ивашка сколоть». Зная, что анадырцы недовольны поведением Рубца, Катасанов привлек Юрия Селиверстова, Савву Шароглаза, Платона Иванова к выяснению всех обстоятельств его похода на Камчатку. За попытку скрыть свои истинные доходы он был арестован и подвергся избиениям.
…В 1671 году, когда вернулся в Якутск Катасанов, Рубец возбудил против него судебное дело, которое продолжалось больше

года. В подробной архивной описи Якутского острога упомянут «Столп, в нем дело 180 (1671–1672) года казака Ивашка Рубца в грабеже животов ево в Онадырском острожке прикащиком сыном боярским Никитой Катасановым …В нем двести сорок ставов», т. е. листов. Сохранилась челобитная, в которой Рубец подробно описал, какую расправу над ним учинил Катасанов.

«Объявил я, — писал он, — живота своего пятьдесят кости рыбья моржового зуба, да две шубы собольи, да одна лисья новое, да опольник доброй. …Катасанов принял, "ничего не сказал. …И после день другой спустя, удумал своими советниками и стал меня, холопа, в муку и в колоде лупить и батоги бить, и палкою своею рукой, и тот живот у меня вымучил"». После чего Катасанов Рубца «выпустил из смык, из колоды и я, холоп, вышел из смыку, из колоды и являл во всем миру, таможенному целовальнику Федору Иванову сыну Лаптеву, что тот живот мой был написан».

От таможенного целовальника Рубец взял расписку о сдаче им «восемь пуд кости по 7 костей в пуд», которые были использованы на оплату промышленным людям за постройки: «яз, Иван строил ево государево ясачное зимовье и острог новой».

Многие документы, составленные в тот период на Анадыре, погибли. Рубец говорил, что его «росписи, идучи в Якутцкой острог, на море с ясачными книгами потонули». В самом Якутске также отмечали: «…против ево, Ивашки, челобитья выписать неисчева и ведать не почему, потому что с Анадыря реки о тое ево, Ивашковой, косте в Якутцком остроге в съезжей избе отписок и книг и ведома никакова нет».

Неизвестно, чем закончилась эта тяжба, удалось ли Рубцу отсудить «свой живот» у Катасанова. Известно лишь, что в 1677 году якутский воевода А.А. Бернешлев отправил Ивана Рубца в столицу в составе отряда, сопровождавшего очередную партию государевой казны. В Якутск Ивашка не вернулся, остался в Тобольске — своей родине. (Владимир Бахмутов Красноярский, «Если не Семен Дежнев, то кто?»).

Катасоновы появляются в Якутске как-то сразу: вполне вероятно, что это были сосланные с Дона представители казачьей дворянской фамилии Катасоновых — возможно, братья Дмитрий (Митька) и Никита.

В 1681 году в якутских казаках в холостых окладах Ивашко Катасонов (Котосонов) и Олешка Катасонов (в 1685 году у него родился сын Ондрюшка).

В 1706 году в Якутском казачьем полку служат четверо Катасоновых: Алексей (четвертая пятидесятня), Иван (шестая пятидесятня), Павел, десятник двенадцатой пятидесятни, и Федор сын Алексеев (тринадцатая пятидесятня).

Тимофей Коромыслов

Тимофей Коромыслов сын Михайлов был записан в 1706 году в седьмой пятидесятне Якутского казачьего полка и в этом же году он указан в качестве служилого в Чаринском зимовье. (В «Якутцкого уезда росписи дальним и ближним острожкам и зимовьям» есть запись о Чаринском зимовье, которая подтверждается надписью на чертеже Ремезова: *«…от Якуцкого ходу до усть-Олекмы ж две недели, да вверх по Олекме реке ходу зимовья десять дней, а в то зимовье посылаеца служилых людей 11 человек, а аманатов 6 человек»)*.

В 1662 году в списках красноярских пеших казаков значится Федка Якимов Коромыслов. В 1671 году: «Мишка Екимов с. Темкин, а у него ж-т пасынок ево казачей с. Микитка Павлов с. Коромыслов 6 л.».

Федор Микин

Возможно, Микитин.

В первом походе Владимира Атласова участвовал якутский служилый Архип Микитин, погибший на р. Палане во время восстания юкагиров.

В 1634 году на службе в Ленском остроге в отряде атамана Ивана Галкина были енисейские казаки Гаврилко и Устинко Микитины.

В 1649 году в Якутск был сослан Олешка Микитин «за воровство», и мы встречаем это имя в казачьих списках в 1681 году, как и имена других Микитиных — Гришки, Герасимки, Илюшки, Ромашки.

В 1661 году отмечен якутский пятидесятник Нехорошко Микитин и казаки Тимошка и Ураско, Федько, Фомка, Якунько.

Вполне возможно, что часть из якутских казаков Микитиных ведет свою родословную не от енисейских, а от тобольских казаков:

В 1639 году на Лену вместе с первым якутским воеводой П. Головиным был отправлен большой отряд тобольских казаков, среди которых были: Якушко Микитин, казак станицы Саввы Измайлова; Омелька Микитин, казак станицы Саввы Измайло-

ва; Лазарько Микитин, стрелец; Исачко Микитин, казак станицы Саввы Измайлова; Обросимко Микитин, казак станицы Якова Елизарьева

Алексей Михайлов

Лука Мунгал

Фамилия по тем временам нередкая — так как в казаки верстали и коренных жителей Сибири, а фамилией этих новокрещенных казаков нередко становилась их собственная национальность: мунгал — значит монгол, братской — бурят, келтяка…

В первом походе Владимира Атласова в его отряде был Яков Мунгал (в 1748 году он будет в списке «убылых» камчатских казаков, то есть умерших или погибших на Камчатке — вполне вероятно, что он вернулся на Камчатку в отряде Тимофея Кобелева, как и многие другие участники первого похода Атласова.

В Анадыре служил также и Петр Мунгал: «…анадырский приказчик… отправил в апреле 1702 г. из Анадырска в поход на чукчей Алексея Чудинова во главе отряда из 24 служилых, анадырских жителей и промышленных, 110 ясачных юкагиров и коряков. Поход продолжался 8 недель с апреля по июнь 1702 г. Дойдя до Анадырского “моря” (Анадырского залива?), отряд разорил 13 юрт пеших чукчей, которые отказались дать ясак, “и на том приступе в тех юртах мужеска полу человек с 10 убили и жен их и детей в полон взяли, и многие полоненные у них сами давились и друг друга кололи до смерти”. Спасшиеся из этих юрт чукчи известили остальные стойбища. Вскоре отряд имел бой с 300 чукчами, разбил их, побив человек с 200. На другой день (со слов казаков — участников похода Тимофея Даурцова, Федора Портного, **Петра Мунгала**) отряд был окружен 3 тыс. оленных и пеших чукчей» (А.С. Зуев).

В 1706 году во второй пятидесятне Якутского казачьего полка записан Никифор Степанов сын Мунгал.

Но Луки Мунгала в этих списках нет.

Иван Мылников

«Епишка Иванов сын Мыльников в его место казачей брат Куземка Иванов в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву дальную службу на Оленек реку».

В 1681 году в списках якутских казаков находим Ивашку Мыльникова сына Дорофеева.

«Петрушка Бочкарев в прошлом во 199-м [1691] году в Якутцком умер воспою. И в нынешнем в 200-м [1692] году июля в 8 день приверстан в ево Петрушкино место Стенька Мыльников в холостой оклад». В 1706 году Степан Мыльников записан в семнадцатой пятидесятне, а Максим Мылников сын Иевлев — в третьей.

Якутск, 1720 год: «Во дворе служивой Иван Савинов сын Клевцов… да в том же доме живет служивой Иван Мыльников и он послан на службу на Камчатку в 719 году». Либо это тезка, либо Иван Мыльников не погиб вместе с Анциферовым.

Скорее всего, Мыльниковы — «годовальщики».

Много Мыльниковых было в Томске.

Вот, например, возможный отец Максима Иевлева сына — Иовка Мыльник сын Левонтьев (запись 1680 года) — «Родиною от Еренского городка, дед и отец его были в солдатской службе и побиты на государевой службе в низовских походах, а брат его родной служит в Якутском остроге, а он один поверстан на убылое место. Оклад денег 4 рубля с четью, хлеба 5 четей с осьминою ржи, 4 чети овса, 1½ пуда соли».

В 1707 году в Томске служили десятник Исай Денисов сын Мыльников и казак Алексей Мыльников сын Андреев.

Были свои Мыльниковы и в Тобольске — братья Гаврило (сын боярский) и Илья (пеший казак) Федоровичи — 39 и 35 лет в 1710 году.

Михайла Обрезков

Возможно, из промышленных людей, фамилия характерная для коми-зырян.

Осип Орлов

В якутских именных казачьих списках этой фамилии мы не обнаружили.

В 1706 году в Якутск был прислан из Енисейска казак Иван Орлов. Возможно, из Енисейска прибыл и Осип.

В 1685 году в Якутск сослан московский стрелец Мишка Орлов с женой Манькой и верстан в службу. Возможно, что у них были в Якутске дети, но такой информации у нас нет.

На Камчатке был еще и Андрей Орлов, убитый в «Камчадальском Носе».

В 1696 году в Тобольске служил в казаках литовского списка Костька Орлов сын Гаврилов.

Алексей Посников (один из убийц Владимира Атласова)
О нем выше.

Иван Протопопов

Эта фамилия в казачьих именных списках Якутска встретилась нам один раз:

«Васька Гаврилов Протопопов в прошлом во 198-м [1690] году на Индигирке реке за шиверами умер. И в нынешнем в 200-м [1692] году июля в 9 день приверстан в ево Васькино место казачей племянник Гаранька Возьмищев в холостой оклад».

Затем в списках 1706 года появляется имя сына боярского Федора Васильевича Протопопова Верхотурова, который, вероятно, был прислан в Якутск из Томска.

Если говорить о томских Протопоповых, то их корни (или корни кое-кого из них) из Березова:

«Андрей Яковлев сын Протопопов сказал: отец его родом из Березова города и сослан по указу в Томской в протопопы, служил в соборной церкви у Троицы Живоначальной, а он по челобитью верстан на Москве в дети боярские».

«Василий Яковлев сын Протопопов: отец родом с Березова, а в Томску служил в соборной церкви у Троицы Живоначальной протопопом, а он Василий по грамоте государевой поверстан в дети боярские».

«В 1704 году под осень приехал из Якутска на место Михаила Зиновьева казачей пятидесятник Василий Колесов, которой сидел на приказе по апрель месяц 1706 году, для того что отправленные на смену ему якутской сын боярской Василей Протопопов в 1704, да служивой Василей Шелковников в 1705 году убиты на дороге от олюторов, а с ними по десяти человек служивых».

В исторической литературе некая путаница имен Протопопова — то ли он Василий, то ли Федор Васильевич. В списках Якутского казачьего полка за 1706 год записано однозначно — Федор Васильевич Протопопов — убит в 1705 году на Камчатке.

Но в Томске были Протопоповы не только из числа выходцев из Березова: например, Кирюша Протопопов: «Отец родом мезенец Колмогорского уезда, в Томске отец служил в соборной церкве в протопопах, а он, Кирюшка, поверстан в Томске в конную службу. 6 четей с четью ржи, 4 чети овса, 2 пуда соли».

Или: «Осип Володимеров сын Протопопов сказал: родом де он свияженин, сродники де его служат по Казани и по Свияжску в детях боярских, а он из Свияжска служил по Казани в сотниках стрелецких и заслышал он за Камою рекою в татарах шатость и измену, извещал в палате боярам воеводам и за тот извест из Казани послан был в Тобольск и по грамоте великого государя из Тобольска послан в Томской и в Томску верстан в дети боярские при воеводе Микифоре Нащокине из выбылых окладов десять рублев, хлеба десять четей ржи, овса тож, два пуда соли, и в 165 году за Мунгальскую посылку учинена ему на Москве придача: денег два рубля, хлеба четь ржи, четь овса, пуд соли. Пашни за ним нет. Служит тридцать лет, а детей у него один сын Оська, 28 лет».

А у Оськи тоже сын — Федор: «Осип Осипов сын Протопопов в 1705 от службы отставлен, на его место верстан сын Федор Осипов сын Протопопов».

В 1703 году и у сына Андрея Яковлевича Протопопова тоже уже было большое семейство: «Сын боярской Микита **Протопопов**, у него сын Петр 13 лет, Иван 10 лет, Лука 8 лет, Михайло 5 лет; братья родные Борис женат, у него сын Иван 6, Степан 2; Федор женат, у него сын Василей 17 лет».

В числе служилых людей Томска в списках за 1707 год мы находим и возможных кандидатов в камчатские казаки Ивана Васильева сына Протопопова, и Ивана Осипова сына Протопопова.

Но не забываем и о том, что большая группа детей боярских Протопоповых служила и в Тобольске, поэтому тобольский вариант появления на Камчатке Протопоповых вовсе не исключается.

Иван Пешков

Этого имени нет в казачьих списках.

В 1700 году в именном списке драгун Тобольского полка Мехонской роты указан Левка Пешков.

Встречаются в переписях Тобольского уезда крестьяне Пешковы (вполне вероятно, бывшие казаки, переведенные в крестьяне в период реформ Петра I).

Лука Савинский

Это имя также не встречается в казачьих списках Якутска. О нем выше.

Иван Смольянинов

Смольяниновы — по всей видимости, выходцы из Смоленска, литвины.

В 1639 году на реку Лену прибыл в составе отряда якутского воеводы П. Головина тобольский казак Смольянинов Ивашко Федоров, казак станицы Якова Елизарьева.

А также: «Сергушка Михаилов сын Смольянинов отпущен з государевою казною к Москве в прошлом во 149-м [1641] году а в его место в Якутцком остроге взят у розбору Офонька Алексеев сын Немчин и в нынешнем во 158-м [1650] году отпущен к государю к Москве с отписки». Сергушка Смольянинов служил в сотне атамана Безсона Жданова.

Иван Смольенинов (так в документе) — записан в четырнадцатую пятидесятню Якутского казачьего полка, поверстан в казачью службу в 1706 году на убылое место.

В 1696 году в Тобольске, где издавна существовала семейная корпорация казаков Смольяниновых, служили два Ивана — стрелец Ивашка сын Григорьев и стрелец же Ивашко сын Осипов Смольяниновы.

Другая семейная корпорация казаков Смольяниновых (одного, вероятно, происхождения с тобольскими) служила в Красноярске.

Дмитрей Томской

Сергей Томской

Григорей Холкин

Григорий Холкин сын Петров записан в 1706 году в одиннадцатую пятидесятню Якутского казачьего полка.

Аналоговую фамилию мы отыскали только в именных списках тобольских казаков за 1655 год: «Ивашко Павлов Холкин в прошлом во 163-м году послан на службу в новую Даурскую землю».

А в переписи за 1719 год Тобольского уезда в период массового расказачивания сибирских казаков мы встречаем фамилии крестьян Холкиных.

Иван Шабалин

В казачьих списках шестнадцатой пятидесятни Якутского полка за 1706 год записано Иван Шабалиных сын Лаврентьев:

«Пронька Сухой в прошлом во 198-м [1690] году в Якутцком умер. И в нынешнем в 200-м [1692] году августа в 11 день приверстан в ево Пронькино место казачей брат Ивашко Лаврентьев Шабалин в холостой оклад».

Одновременно с ним в тринадцатой пятидесятне записан Дмитрий Иванович (сын?) Шабалин.

Якутск, 1720 год: «Во дворе посадной Семен Кузьмин сын Шабалиных».

В переписи Тобольского уезда за 1710 год мы найдем много крестьян Шабалиных, из семьи одного из которых мог быть Иван сын Лаврентьев.

Казаки Шабалины были и в Таре.

Иван Ярков

В 1706 году казак двенадцатой пятидесятни Якутского казачьего полка.

Тобольская фамилия, пришедшая, вероятно, с Русского Севера. В Тобольске в 1623 году проживали многочисленные крестьяне Ярковы: «На Абалаке ж деревня Яркова.

Во дворе вдова Федулика Ярковская. Пашни паханые середние земли у двора и в дуброве 6 четей с полуос/мино/ю в поле а в дву потому ж. Пашеннова лесу дубровы 9 десятин. Сена косит меж паханых полянок в логу 50 копен, живущим четь выти.

Деревня на Абалаке Яркова. Во дворе оброчный крестьянин Васька Ярков. У нево братья Михалка да Афонка. Пашни у двора на горе паханные середние земли 12 четей да перелогу 2 чети с осминою в поле а в дву потому ж. Сена косит в Абалацком лугу 300 копен. У Васки ж отъезжая пашня в дубровы позади стрельца Михалка Смольянинова. Паханные середние земли 14 четей в поле а в дву потому ж. Пашенново лесу дубровы 28 десятин».

Афонка Ярков (сын Михайлов) в 1689 году стрелецкий десятник, а «в 204 г. велено в его месте быть сыну его Ивашку». (7)204 — это 1696 год.

В 1696 году служит в Тобольске в стрельцах Ивашка Ярков сын Данилов (его отец Данило Ярков сын Иванов в 1661 году служит в казаках литовского списка).

Подведем черту. Из коренных «домовитых» тобольских уроженцев в отряде Данилы Анциферова Томского было всего несколько человек, о которых мы можем судить с определенной

степенью вероятности. Это: Дюков, Пешков, Смольянинов, Холкин, Шабалин, Ярков.

* * *

Теперь попробуем разобраться с остальным составом этой «воровской» команды.

Челобитчики:

Федор Анкудинов

Лазарь Онкудинов

Фамилии одного порядка. Есть еще варианты Анкидинов и Акидинов.

Федор Анкидинов сын Григорьев в 1706 году числился в седьмой пятидесятне Якутского казачьего полка. В 1712 году Федор Онкудинов — еще и напарник Кыргызова.

История фамилии:

1681 год: Иван Анкидинов, подьячий и Офонька Анкудинов, казак (х/о — холостой оклад).

1691 год: «Левка Григорьев Анкидинов в прошлом во 199-м [1691] году в Якутцком умер воспою»; «Федька Иванов Анкидинов в прошлом во 199-м [1691] году в Якутцком умер воспою».

1692 год: «Федька Григорьев Анкидинов в нынешнем в 200-м [1692] году августа в 10 день хлебной оклад учинен ему женатой».

Первым в истории Северо-Востока России стал известен Герасим Анкудинов, который… «“Заворовал” — нарушил существующие законы. Семен Дежнев употребляет слово “воровски” в этом последнем значении, так как Анкудинов, с точки зрения казаков, поступил незаконно: еще в 1642 г. без разрешения якутского воеводы он “бежал” с реки Яны на северо-восток и, будучи на Колыме, занимался грабежами торговых людей; больше того, Анкудинов собирался повторить это и на новой реке Анадырь, куда должен был ехать Семен Дежнев. Таким образом, по мнению Семена Дежнева, Анкудинов нарушил правопорядок, за что должен был быть привлечен к суду». Но в результате шторма коч с людьми Анкудинова исчез в неизвестном направлении и судьба членов его команды долгое время была неизвестна: «Часть экспедиции (группа Герасима Анкудинова) после кораблекрушения и высадки на побережье где-то южнее Анадыря была уничтожена коряками (кереками или алюторами). Об этом мы узнаем из отписки Стадухина, полученной в Якутске 31 ок-

тября 1650 г. Стадухин писал с Колымы якутскому воеводе Д. Францбекову: “В прошлом де во 157-м [1649] году ходил он, Мишка, с Ковыми реки на новую на Погычю реку в кочах морем, и от Ковыми реки бежал парусом семеры сутки, а до Погычи де реки не дошел и поимал языков иноземцов корятцких людей, и живут де они подле море на берегу. И он де, Мишка, их пытал, и они де с пытки в роспросе сказали… А которые де служилые и торговые, и промышленные люди Герасимко Онкудинов с товарыщи 90 человек на дву кочах на море розбило преж ево, Мишкина, походу, и тех де служилых людей родники их побили…” Большинство исследователей на основании этих показаний делают вывод, что Стадухин ошибочно принял за коряков чукчей — шелагов, которые и перебили группу Анкудинова (соответственно, она даже не дошла до пролива, потерпев крушение в районе Шелагского мыса). Однако я разделяю ту точку зрения, что это были все же коряки, забредшие с побережья Берингова моря к Ледовитому океану, а значит, кочи Анкудинова разбило к югу от Анадыря. Там же, на южном побережье Анадырского лимана, погиб и Ф. Попов со своими товарищами» (А. Зуев).

«Герасим Анкудинов или Анкидинов, ленский казак, спутник Семена Дежнева, в 1640 г. с отрядом сына боярского Василия Власьева пришел на Яну, откуда ушел на Колыму.

По приказу воеводы Власьев был доставлен в Якутск и посажен в тюрьму, а Анкудинов, вместе с казаком Иваном Барановым, пограбив торговых и служилых людей и собрав значительный отряд, в 1645 г. явился в Нижнеколымск, где бил челом о приеме его на службу. Из челобитной Ивана Баранова следует, что эта просьба не была удовлетворена, и якутские власти продолжали считать их в бегах.

До второго похода С.И. Дежнева Анкудинов стоял в стороне от организации похода на Анадырь и лишь после того, как Дежнев вторично просил отпустить его на поиски новой реки, Анкудинов сделал то же самое, пытаясь вырвать инициативу из рук Дежнева, хвастливо пообещал привезти царю с “новой землицы” 280 соболей (док. 45), якобы на 80 штук больше, чем обещал Дежнев. Надо заметить, что в своей челобитной Анкудинов сообщает неверные сведения: согласно отписке приказчика Гаврилова и челобитной Дежнева, последний обязался доставить в казну с Анадыря 290 соболей, а не 200, как писал об этом Ан-

кудинов. В результате спора между Дежневым и Анкудиновым наказная память на Анадырь была выдана Дежневу и Федоту Алексееву (док. 29), но Анкудинов не оставил мысли пройти на реку Анадырь и со своим кочем пристал к остальному каравану. У Большого Чукотского носа его судно разбилось. С.И. Дежнев принял "розбойных людей" на свои суда. О дальнейшей судьбе Анкудинова известно, что вместе с Алексеевым его выбросило на берег Камчатки. В якутских послужных списках против фамилии Анкудинова написано: "Герасимко Онкудинов на Анадыре реке умер"» (ЯА, карт. 17, ст. б, ест. 62) (М.И. Белов).

Следующая история:

«**1687 год.** "Поход подьячего Ивана Анкидинова из Анадырска к восточным чукчам. Позднее в своей челобитной он сообщил: 'В 195 году мая 27 послан был я, холоп ваш, из Анадырского острожку при приказчике пятидесятнике Василии Пермяке на вашу великого государя службу вниз по Анадырю реке к неясашным иноземцам в Чюхоцкую землю к чюхчам призывать их под ваши великого государя царские высокие руки в вечное холопство с ясачным платежом и я, холоп ваш, тех чюхоч под ваши великие высокие руки разговорил и к шерти привел'. В ясак была взята моржовая кость с 'лутчево их князька Копейчка (?) да с брата ево... и с родников', по одной кости с человека". Одновременно, но независимо от Анкидинова, ясак собирал казак Василий Борисов. В ясачных книгах Анадырского острога за 1687–1688 г. оказалась запись: "Чюхочья роду морских каменных чюхоч, что взято великих государей с трех чюхоч вместо соболей и лисиц костью рыбью моржового зуба привоза подьячего Ивана Анкидинова, да казака Васьки Борисова нынешним 196 году. Князец Копенко да брат ево Тасира с родниками их десять человек, ясаку с них взято вновь десять костей рыбьего моржового зуба, шесть костей весом пуд да четыре кости весом подпуда. Князец чюхочей Чюхоча, да он же Елмо, ясаку на нем взято вновь две кости весом девятнадцать гривенок. Тинтега, да он же Могол чюхча, ясаку на нем взято вновь кость рыбей моржовый зуб весом шесть гривенок"» (А. Зуев).

И еще одна: «Согласно отписке анадырского приказчика Е. Петрова, в 1709 г. чукчи "во многолюдстве" шли "с боем" на Анадырский острог. Однако столкновения удалось избежать. Посланный еще ранее к чукчам для "призыву в ясачной платеж" новокрещенный юкагир Иван Терешкин сумел не только отговорить их от похода, но даже привел с собой в Анадырск "для веры" одного чукчу, с которого взяли в ясак красную лисицу. С Терешкиным же чукчи отпустили взятого в "давные годы" в плен казачьего сына. Однако, прибыв в Якутск, Петров в своей сказке несколько иначе изложил ход событий. Оказывается, он послал к немирным чукчам для призыва и взятия аманатов отряд во главе со служилым Иваном Локосовым. Последнему удалось привести в Анадырский острог одного чукчу, который обещался платить ясак. Привели также **казачьего сына Ивана Анкудинова**, который "в давних годах" попал к чукчам в плен и прожил у них 12,5 лет» (А. Зуев).

В 1675 году в Якутске служит десятник (впоследствии пятидесятник) Корнила Анкудинов, казаки Василий (новокрещенный) и Никита Анкудиновы.

В 1681 году в Якутске служит Феонька Анкудинов.

В 1687 году в казачью службу верстан в Якутске новокрещенный Епифан Анкидинов.

В 1688 году поверстан в пешую казачью службу в Якутске казачий сын Степан Анкидинов.

Возможно, родоначальником якутской ветви Анкудиновых-Онкудиновых-Анкидиновых был тобольский казак Гарасимко Онкудинов, казак станицы Тугарина Панютина, который был послан на «великую реку» Лену в 1639 году с первым якутским воеводой П. Головиным.

Охотск, 1688 год: «Служилый Григорий Онкудинов, которого тот же Козинский посылал на жемчужный промысел, рассказывал, что "за Тоуем де рекою есть река Ола и по той де реке живут многие роды неясачные иноземцы Коряки". Путь от Охотска до Олы и даже до Ямы казаками был уже разведан. От Охотска, сообщалось, до Тауйска морем на коче дней девять-десять, а берегом "пешему человеку недели две", а от реки Тауй до реки Ола "итти берегом 5 дней, а с Олы реки до Ямы реки берегом же 8 дней". В это время начинают поступать и первые после Стадухина и Чукичева сведения о коряках. Онкудинов рассказывал, что "живут де на реке Яма иноземцы Коряки пешие", многочисленный народ, "а ясаку... не платят". Они приходили в Тауйск для торговли с ясачными эвенами. За рекой Яма, продолжал Онкудинов, в четырех днях "берегом пешему человеку" находится река Орера, вероятно, современная река Иреть. По ней жили "неясачые" коряки оленные».

Григорий, по всей вероятности, отец Федора Григорьевича, с которого мы и начали свой рассказ.

Андрей Арменеев
Нет информации.

Василий Беляев
См. Беляевы в предыдущей главе.

Федор Бабарыкин
И этого имени нет в списках казаков Якутска.
Бабарыкины — березовские казаки, которые впоследствии строили и обосновывали город-крепость Томск. Их фамилия также писалась самым разным способом от Боборыкиных до Баборыкиных и Бобарыкиных.
В 1623 году Бабарыкин был атаманом Березова.
Томский казак Андрюшка Степанов сын Бабарыкин в 1680 году уже не помнил о своем родовом березовском происхождении: «…отец родом Томского города, где и служил в конных казаках, а он, Андрюшка, родился в Томске и верстан в конную службу при воеводе князе Петре Львове на выбылое место родного своего брата. Оклад 7 рублев с четью, 2 пуда соли. Пашня». Вот его семья в 1703 году: «Андрей Степанов сын Бабарыкин, сын Василей женат, у него сын Стефан 6 Алексей 5; сын Прокофей женат, у него сын Герасим 1; сын Иван 20, Алексей 10». А это, вероятно, информация о его старшем брате: «Деревня Бабарыкина на р. Томи.
Конных казаков пятидесятник Данила Степанов сын Бабарыкин, детей у него верстанные в службу конные казаки Петр женат у него сын Афонасей полугоду да у него ж Данила сын Осип женат у него сын Петр 5 Андрей 3; да у него ж Данила дети неверстанные в службу Стефан женат, у него сын Дмитрей 4; **Федор 20;** брат родной Иван 45».
Возможно, Федор Данилович Бабарыкин, и есть искомый камчатский казак.

Иван Башмаков
Информация выше.

Кирило Бекирев

Лазарь Бекирев
О них в следующей главе.

Харитон Березин
Информация выше.

Яков Брацкой (Братцкой)
Возможно, новокрещенный казак из бурятов (братов, как говорили в старину). В 1706 году записан в семнадцатой пятидесятне Якутского казачьего полка.

Федор Бронников
Федор Бронников сын Васильев в 1706 году числился в восьмой пятидесятне Якутского казачьего полка.
Василий Данилович Бронник участвовал в первом походе Владимира Атласова, а затем снова был направлен в отряде Тимофея Кобелева на Камчатку (правда, есть сообщение, что он умер после возвращения из атласовского похода, и на его место мог быть верстан сын, если Федор Васильевич являлся его сыном).
В 1647 году в Якутск был сослан стрелец Яков Бронник.
В 1669 году в Енисейске служит Агафонко Яковлев Бронников.
В 1650 году в Якутске служит Васька Бронник сын Варфоломеев.
Бронниковы могли быть и из Тобольска. В 1623 году они имели уже свои земли рядом с сибирской столицей: «В деревне Ефтезерской. Во дворе посацкой человек Андрюшко Бронников пашни паханые луговые середние земли 4 чети в поле, а в дву потому ж. Да пашенова лесу дубровы пять десятин. Луговые земли низкова места 10 десятин. Сенных покосов на Ефтезерском острову 200 копен».
«Деревня на Иртыше. Во дворе пашенный крестьянин Онтонко Бронников с братью с Якушкою да с Титком. Пашни у них паханные середние земли 24 чети бес пол пол пол третника да перелогу 15 четей с осминою и с четвериком в поле а в дву потому ж. Сена косит 400 копен. Живущим выть бес получети и пол пол трети выти да впусте пол выти с получетью».
А к концу 17-го столетия в Тобольске сложилась крупная корпорация казаков Бронниковых.
В 1748 году в Верхнекамчатске проживали Гаврила Федорович и Семен Федорович Бронниковы.

Обросим Двойкин

Странно: он был показан в числе сгоревших с Анциферовым.

Алексей Дехтерев

Алексей Дехтерев сын Михайлов записан в четырнадцатой пятидесятне Якутского казачьего полка.

Эта фамилия имела не только несколько вариаций (Дехтярев, Дегтярев, Дегтерев), но и огромное число носителей этой фамилии, так как дегтярный промысел на Руси был одним из самых массовых — ни одна телега не могла пройти большой путь, если оси ее колес не были смазаны дегтем.

Служилый человек Мишка Дехтярь отмечен в Якутске в 1654 году в коллективной челобитной о выплате жалованья. Но теперь он занимался не дегтем, а «перекруткой пороха». Полное его имя Михаил Дмитриев сын Дехтерев. В 1661 году он служил приказчиком в Олекминском острожке и на него поступила жалоба об избиении крестьянина Богдана Астрахана и вымогательстве соболей.

В Якутске мы прослеживаем еще одну интересную линию казаков Дехтяревых — старшего брата Алексея Михайловича. Силка (Сила) Дехтярев сын Михайлов в 1658 году вместе с сотником Матвеем Ярыгиным доставлял пушную казну в Москву. Впоследствии он ясачный сборщик (то есть тоже не рядовое должностное лицо), десятник, судовой и хлебный приемщик, приказчик.

В период воеводства Андрея Афанасьевича Барнешлева (англичанина по происхождению по имени William Barnsley) в 1675–1678 годах, прославившегося своей жестокостью, то исследователи отмечают следующий факт, связанный с Дехтяревым: *«Когда якутский казак Силка Дехтерев сказал на воеводу Барнешлева “государево палатное дело”, то Барнешлев пытал его тайно: острог в это время был заперт, и служилых людей в острог не пустили»*.

Но не нужно полагать, что Сила Михайлович был из числа правдоискателей, вот, например, свидетельство о том, что и сам Сила не брезговал никаким «бизнесом», в том числе и торговлей людьми: «о закладе казаку Силе Дехтяреву якутом Тебней Сабуновым дочери своей» (Якутская приказная изба, 1675 год).

Дело это, судя по тому, что в 1680 году Сила был ясачным сборщиком в Алазейском зимовье, закончилось для него благополучно.

Якутск, 1681 год: братья Ивашко Дехтярев, казак (ж/о — женатый оклад) и Силька Дехтярев, казак (ж/о).

У умершего казака Мишки Дехтярева был в 1681 году еще и несовершеннолетний сын Алешка (1672 г. р.), который в 1692 году отмечен в казачьих списках, а в 1706 году служит в четырнадцатой пятидесятне Якутского казачьего полка.

Силка Дехтярев сын Михайлов имел в это время троих сыновей — Алешку (1667), Микифорку (1670), Ваську (1672). Этот список не полный, так как в 1692 году отмечен Ивашко Силин Дехтярев.

«Алешка Силин Дехтярев в нынешнем в 200-м [1692] году идучи в Охотцкой от иноземцов убит. И августа в 18 день приверстан в ево Алешкино место казачей брат Ефимко Андреев Юмшанов в холостой оклад». «Микишка Дехтярев в нынешнем в 200-м [1692] году июля в 30 день хлебной оклад учинен ему женатой».

В 1706 году Дехтеревы занимают высокие посты в Якутске:

Василий Силин Дехтерев — сын боярский.

Никита Силин Дехтерев — казачий сотник, то есть обер-офицер.

Иван Силин Дехтерев — хотя он в 1706 году всего лишь рядовой казак первой пятидесятни, но в 1690 году был таможенным подьячим и за какие-то провинности «отставлен» в рядовые казаки.

Якутск, 1720 год: «Во дворе служивой Иван Силин сын Дехтерев… дети ево Илья двацати шести лет и он послан на службу в Верховилюйское зимовье в 719 году».

Никита Дурынин

Тобольский казак. О нем в следующей главе.

Федор Зыков

Федор Зыков сын Петров в 1706 году числился в семнадцатой пятидесятне Якутского казачьего полка. По архивным материалам впоследствии погиб на Камчатке. Вместе с ним в девятой пятидесятне служил Герасим Зыков сын Гаврилов. В 1720 году в Якутске: «Двор служилого Павла Барабанского и он послан на службу на Вилюй… в том же доме живет служивой Сергей Иванов сын Зыков». Судя по разнообразию отчеств, все они из новоприборных казаков.

В 1681 году в Якутске служил Афонка (Афанасий) Зыков сын Максимов. В Албазинском остроге отметился его тезка: «**Зы-**

ков Афонка Прокопьев, албазинский промышленник, послан А. Толбузиным с отпиской в Енисейск (1685). Прим.: фам. от прозв. Зык или Зыка».

В 1705 году был взят в солдаты тобольский казак Федор Зыков.

Н. Никитин сообщает о пелымском казаке Иване Зыкове: «Нам известны также имена нескольких Ермаковых соратников, хотя и избежавших "сумы", но так и не поднявшихся по социальной лестнице за долгие годы "государевой службы" до уровня сибирской "служилой аристократии". Так, в г. Пелыме остался в стрельцах Олфер Заворохин, который, согласно челобитной его внука, **Ивана Зыкова,** "служил с Ермаком и после Ермака", передав затем свое место в гарнизоне и оклад сыну Осипу, дяде челобитчика».

Зыковы были и в Томске: «Зыков Пятко (Пятунка) Никифоров (Микифоров), томский пеший казак десятка И.П. Коваля, позже — уже десятник пеших казаков (1665 г.). Денежный оклад: 4 руб. 25 алт. Хлебное жалованье: 5 четей с осьминою ржи, 2 чети овса, пол два пуда соли. Служит без пашни (1665 г.). Женат (1665 г.). После 18 марта 1631 г. послан в Мелеский острог на годовую службу. Последний раз упоминается под 1672 г.».

Иван Елаков

Нет информации.

Гаврило Калтяка (Келтяка)

См. выше.

Федор Куковеров

В 1706 году числится в тринадцатой пятидесятне Якутского казачьего полка. В 1700 году в переписях Тобольска есть упоминание о посадском Куковерове.

Василий Куракало

Нет информации.

Тимофей Куромыслов (Коромыслов)

Сгорел вместе с Д. Анциферовым.

Костянтин Кыргызов

О нем выше.

Семен Лепихин

В десятой пятидесятне Якутского казачьего полка в 1706 году числился Алексей Лепихин сын Иванов. Семена мы не нашли в этих списках — то есть он верстан в более позднее время.

В 1710 году в Тобольске служит драгун Федор Лепихин сын Михайлов.

О фамилии. Лепа — уменьшительная форма имени Боголеп. Яков Борисов Лепихин — атаман верхотурских беломестных казаков, основатель Красноярской слободы, ярый проповедник раскола, в 1681 году принял постриг в Далматовом монастыре и получил ионическое имя Боголеп (священники Боголеповы служили в Белоярской церкви — 1774 году, в Тамакульской и Мартыновской церквях — 1858, 1869). Крестьяне Лепихины, поселившиеся в конце XVII века в Пышминской слободе, были выходцами из Каргапольского уезда, с р. Ваги. Деревня Лепихина в Красноярской слободе (А.Г. Мосин).

Григорий Малафеев

Он не проходит по спискам Якутского казачьего полка за 1706 год.

Убит на реке Большой (вероятно, при восстановлении Большерецкого острога в 1711 году).

Тобольский казак «Пашка Малафеев на государеве дальней службе на Индигирке реке за Шиверы послан в прошлом во 158-м [1650] году» и «… убился Микитка Гаврилов сын Гамов в его место казачей брат Ивашко Малафеев». Вероятно, это он — Ивашко Прокопьев Малафеев служит в Якутске в 1692 году.

В 1669 году в Енисейске служит Мишка Малафеев.

В 1689 году в Тобольске в переписных книгах записаны: «Двор крестьянина Анисима Малафеева сказался 36 лет, жена Парасковья 30 лет, дети Маланья 4 лет, Дарья 2, сын Семен полугоду… Двор крестьянина Емельяна Малафеева сказался 40 лет, жена Настасья 37 лет, дети Тимофей 10, Овдотья 8, Ефтефей 3, Марья 2, Марья ж году».

Лазарь Назаров

Этого имени тоже нет в списках Якутского казачьего полка за 1706 год.

Якутск, 1720 год: «Служивой Василей Онкудинов сын Назаровых сказал сороки пяти лет холост». Вероятно, из числа новоприборных казаков.

Но вот любопытная запись: «*[1699 г. август] Расспросные речи удинского стрелецкого пятидесятника С. Сенотрусова о восстании в Удинском остроге и о других событиях, связанных с восстанием забайкальских острогов. "И в 204 же году марта в 17 день слышал де он, Семен, от удинских стрельцов — приезжал де из Селенгинска в Удинской селенгинской казак Васька Творогов з грамоткою, а об чем и что в той грамотке писано и кому он, Васька, в Удинску в полку грамотку подал, и хто у него принял и из Удинского писали ли от себя ис полку в Селенгинской к казакам грамотку или не писал из тех человек удинских стрельцов Алешку Уварова да П... ошку Назарова посылали или нет, а про т[о о]н, Семен, не знает, потому что ево, Семена, по недружбе ни к каким советам не призыв[али]"».*

Первые Назаровы отмечены в Тобольске в 1623 году: «Деревня за плоским баяраком. Во дворе служилые люди литвин Первушка Сергеев да стрелец Степан Назаров у Первушки паханые середние земли у двора меж лугов и дубров четыре чети да перелогу три чети без третника в поле а в дву потому ж. Степановы паханые середние земли две чети да перелогу три чети без третника да в дву потому ж да у обех у них вопче поскотинные земли в логах пятьдесят сенных покосов около пашни и по логам и по отвержкам в дуброве сто копен да позади их паханых и переложных земель дуброва пашенова лесу десять десятин».

В числе тобольских казаков, прибывших с воеводой Головиным на Лену, был Васька Назаров Верхотурец.

Тобольск, 1710 год: «Двор старинной перваго полку пешего казака Потапа **Назарова** сказал себе 55 лет у него жена Агафья Савинова дочь 48 лет сын Максим 24 лет тогож полку в пеших казаках у него жена Анна Семенова дочь 25 лет у негож Потапа сын Иван 8 дочь девка Парасковья 16 лет племянник Максим Иванов 14 лет да брат родной отставной салдат Прокопей 70 лет

Государева жалованья ему Потапу и сыну ево Максиму денег по 4 рубли с четвертью хлеба ржи по 3 четверти с полуосминою овса по 2 четверти с полуосминою и с четвериком соли по 2 пуда с четвертью человеку

В государеву казну платит он Потап в канцелярию подымных по 4 деньги на год. ...Двор старинной вдовы Анны Ивановой дочери перваго полку пешего казака Осиповской жены **Назарова** сказала себе 55 лет».

Назаровы были и в Илимске, откуда также набирали казаков на Камчатку (1696 год): «Лета 204 году июня в 21 день Илимского острогу ...Ивашко Назаров... да и все илимские служилые и посадские люди и пашенные крестьяне по советав меж собою, что в нынешнем в 204-м году июня в 7 день в-Ылимску остроге извещал в войско илимской служилой человек Абакумко Облизанов на стольника и воеводу на Богдана Анфиногеновича Челищева и сказывал на него, Богдана, великих государей дело...»

Яков Насеткин

Яков Насеткин сын Прокопьев — в 1706 году числится в четырнадцатой пятидесятне Якутского казачьего полка. Его брат — Петр Прокопьевич, который тоже служил в четырнадцатой пятидесятне, «на Камчатке умре», и на его убылое место поверстан казачий сын Трифон Панфилов. В четырнадцатой же пятидесятне был записан одновременно с братьями Прокопьевичами и Михайло Насеткин сын Гаврилов. Явно, что все они были из нового набора.

Первоначально, вероятно, фамилия писалась Насекины — а это известная тобольская казачья фамилия, представленная в конце 17-го столетия крупной казачьей корпорацией.

Михаил Наседкин остался в истории Камчатки как человек, который первым увидел Курильские острова.

Петр Неворотов

Неворотов Петр в 1706 году числится в четырнадцатой пятидесятне Якутского казачьего полка. Из новоприборных казаков. Пришел на Камчатку вместе с казачьим головой Владимиром Атласовым в 1707 году. Служил в Верхнекамчатске. Не был взят Данилой Анциферовым в Большерецкий острог. Был в команде Константина Кыргызова, но не участвовал в разграблении Нижнекамчатска. В 1713 году направлен Василием Колесовым приказчиком в Большерецкий острог: «А в прошлом 712 году на Большей реке построен новой земляной острог, а на ту Большую реку в нынешнем 713 году апреля в 20 день отпустил я от себя прикащиком служилого человека Петра Неворотова».

История этой фамилии начинается в Таре.

«В 144 (1635/36) году в Таре числилось 19 "служилых по отечеству": 8 начальных людей и 11 детей боярских. Головой юртовских татар указан Воин Дементьев, в этой должности он упоми-

нается уже в 1631 году. Затем он был переведен в Тобольск. На должности казачьего головы по прежнему Назар Жадовский, литовского ротмистра — Андрей Кропотов. Среди детей боярских встречаем сына сотника Малаха Макшеева — Ивана Макшеева, Павла Костелецкого и его сына Герасима Костелецкого, сына Богдана Байгача — Григория Байгачева, а также Ерофея Заболоцкого, Дмитрия Харламова, Дмитрия Меркулова, Кузьму Заливина, Алексея Камынина и **Василия Неворотова.**

В списке 205 (1696/97) года перечислено 7 начальных людей и 45 детей боярских. В основном это те же самые фамилии, что указаны в предыдущих списках. Заливины, Чередовы, Байгачевы, Камынины, Костелецкие, Макшеевы (Мокшиевы), Кропотовы, Горбуновы, Харламовы, **Неворотовы**, Перфильевы, Свидерские, Грибановские, Вишневские, Пученковы, Шараповы».

Тара (1689 году): «Алексей Неворотов в прошлом во 187-м году по указу блаженной памяти Великого государя царя и великого князя Феодора Алексеевича всея Великия и Малые и Белые России самодержца и по грамоте велено ему быть в детях боярских из рейтар. А оклад ему учинен государева жалованья 7 рублев хлеба 3 чети без полуосмины и получетверика и полпол четверик и полполпол четверик и полполполпол четверик ржи 3 четь без полуосмины и пол четверика и полпол четверик и малой четверик пол малого четверика овса 3 пуда соли. Служит своею братею в ряд в посылки и в проезжие станицы и на отъезжие караулы в досмотры посылан. А лет ему отроду 50 лет. Детей у него 2 сына сын Пашка 15 лет сын Васка осми лет».

Тара (1689 год): Сергушка Неворотов «верстан во 172-м году при воеводе при Степане Измайлове. А оклад ему денег 4 рубли с четью хлебной полной рядовой оклад 2 пуда соли. Служил своею братею вряд. Отроду ему 45 лет. Детей у него Ондрюшка 20 лет **Петрушка 15 лет** Куска 10 лет».

Сава Нецветаев

Сава Нецветаев сын Родионов. В 1706 году числится в шестой пятидесятне. Возможно, пришел на Камчатку в отряде Многогрешного в 1702 году, так как по некоторым (как видим, неподтвержденным) сведениям в 1703 году убит в Нижнекамчатске. По другим данным — пришел на Камчатку в 1707 году вместе с В. Атласовым.

Андрей Никитин

В 1706 году во второй пятидесятне в пятидесятниках служит Александр Никитин.

В Якутске было много казаков Никитиных, историю которых начинает в начале 1630-х годов енисейский казак Устин Никитин: *«В Ленский острог вести о юкагирах — одном из наиболее многочисленных тогда народов Сибири, кочевавшем по всей прибрежной полосе Ледовитого океана, от Яны до Чукотского хребта и Берингова моря, — пришли еще в 1634 году. Слухи о богатствах "новой Юкагирской землицы" привели к тому, что сразу же стала образовываться "компания" казаков и промышленников "для приводу их под государеву высокую руку".*

Во главе отряда стали Устин Никитин и Семен Тимофеев Чюфарист. Приказчик Ленского острога Иван Галкин послал в "новые землицы" для торговли большое количество хлеба и других товаров. Казакам выдали государев коч и судовые снасти: парус, якорь и веревки. Однако в день отъезда сын боярский Парфен Ходырев по злобе на Галкина арестовал Чюфариста и Никитина, вернул их с дороги и отослал в Енисейск для допроса» (М.И. Белов).

В 1642 году здесь служит красноярский казак Оничка Никитин.

В 1646 году убит юкагирами якутский служилый Аника Никитин.

В 1650 году служит в казаках Лазарь Никитин.

В 1689 году в Якутске живет отставной казак Ерофейка Никитин.

В 1693 году в Якутск сослан Алексашка Никитин, отставной подьячий Земского приказа.

В 1693 году у якутского казака Олешки Никитина были сыновья Федька (1682) и Ивашко (1692).

Своих Никитиных было много и в других сибирских городах.

Леонтей Носов

Этой фамилии нет в списках казаков Якутска.

Носовых на Камчатке одновременно было двое: Леонтий — в команде Анциферова и верхнекамчатский казак Никита Носов — в команде Кыргызова. Но ни один из них не отмечен в списках якутских казаков за 1706 год.

Казаки Носовы были и в Тобольске, и в Томске.

Вполне возможно, что томский Носов был в команде Анциферова, а тобольский — со своими земляками из команды Кыргызова.

Хотя эти два казачьих рода могут быть и родственными:

«Пятидесятник Федор Иванов сын Носов. Отец родиною Соликамской, по грамоте государя взят был в Тобольск, а из Тобольска в Томск и был у пеших казаков в пятидесятниках, а он после отца своего по государевой грамоте был верстан в отцово место. Оклад 5 рублев с четью, 5 четей с осьминою ржи, 4 чети овса, 1½ пуда соли».

Были и другие томские Носовы:

«Петрушка Юрьев сын Носов. Отец поляк из Москвы, велено было ему быть в Томске в десятниках, а он верстан в пешие казаки. Оклад пеший, рядовой».

«Федька Алексеев сын Носов. Отец родился в Томске и был в толмачах, а он родился в Томске и верстан в пешую службу. Оклад пеший, рядовой».

Иван Обуховский

В 1706 году числится в тринадцатой пятидесятне. О нем мы еще будем говорить не раз, описывая трагические события Харчинского бунта 1731 года.

Это тобольская казачья фамилия.

В 1661 году «февраля в 23 де по государеве грамоте присланы с Москвы в Тоболеск ссыльные литовские люди шляхта Степан Обуховичь, Федор Есенской, Ян Адамов; а по государеве грамоте велено им государеву службу служить в Тоболску в литовском списке».

Тобольские казаки Обуховские, по всей видимости, его потомки.

В 1696–1704 годах в списках тобольских пеших казаков мы находим Дементия, Микишку и Михаила Обуховских.

Обуховские были также и среди крестьян Аргунского острога.

Андрей Орлик

Тобольский казак. О нем в следующей главе.

Григорий Переломов

Возможно, Переломовы — енисейские, а затем иркутские казаки (сюда первоначально отправлялись «годовальщики» из Енисейска). Лучка и Тимошка Переломовы — енисейские казаки (данные за 1669 год), а Порфирий (данные на 1688 год) и Козьма (1700) Переломовы — иркутские служилые люди.

В 1681 году в Якутске отмечены Левка и Иевко Переломовы.

Петр Плотников

Его имени нет в списках Якутского казачьего полка за 1706 год.

Записаны Михайло Плотников сын Васильев (первая пятидесятня), десятник Василий Савин (первая пятидесятня — он указан и в списках якутских казаков за 1661 год) — вероятно, отец и сын. Записан был Алексей Плотник сын Григорьев (шестая пятидесятня), но он умер в 1706 году в Якутске, и на его убылое место верстан казачий племянник Иван Клевцов.

В 1692 году отмечены в Якутске: Алешка Григорьев Плотник; Петрушка Борисов Плотник; Ондрюшка Борисов Плотник; «Стенька Кирилов Плотник в прошлом во 199-м [1691] году по Указу Великих государей и по грамоте приверстан в пятидесятники».

«Федька Иванов Плотников в прошлом во 199-м [1691] году в Якутцком умер воспою. И в нынешнем в 200-м [1692] году июля в 8 день приверстан в ево Федькино место казачей брат Федька Афонасьев Бобылевых в женатой оклад».

Якутск, 1720 году: «Во дворе Михайло Стефанов сын Оксенов …у него ж на подворье живет служивой Андрей Плотник»; «Во дворе служивой Сидор Елисеев сын Беляев… дети ево Никита шеснацати лет в службе… у него ж в доме живут служивые Иван Федоров сын Рыбьяков Михайло Алексеев сын Плотников».

Но Плотниковы, помимо Якутска, были везде — и в Тобольске, и в Томске, и в Енисейске.

Возможны и перекрестные переходы, как например: «Гришка Корнилов сын Плотников. Отец служил по Тобольску пешую службу, а он, Гришка, родился и верстан в пешую службу в Томске вместо отца своего. Оклад денег 4 рубля с четью, 1½ пуда соли. Служит с пашни».

Да и в тот же Томск Плотниковы прибыли со всей Руси:

«Аско Корнилов сын Плотников. Отец с Выми реки, Еренского присуду, в Томск переведен в пешую службу, а он родился в Томске и верстан в пешую службу. Оклад пеший, рядовой».

«Андрюшка Яковлев сын Плотников. Отец с Вычегды Еренского присуда, в Томск пришел своею охотою, а он родился и верстан в пешую службу в Томске. Оклад рядовой пеший».

«Алешка Терентьев сын Плотник. Отец казанец, а он родился в Казани же, в Томск пришел собою и за государеву городовую работу поверстан в пешую службу. Оклад 4 рубля с четью, 1½ п. соли. Служит с пашни».

«Исачко Степанов сын Плотника. Отец белозерец, а он, Исачко, в Томск пришел собою и верстан в пешую службу. Оклад пеший, рядовой».

«Нифонтко Иванов сын Плотников. Отец с Устюга Великого в Томск пришел собою и был в пешей службе, а он, Нифонтко, верстан в отцово место. Оклад пеший рядовой».

Саламатов Петр

В списках казаков Якутска этого имени нет. В 1720 году отмечен: «Во дворе таможенной надзиратель Иван Федоров сын Лялин… у него ж живет служивой Афонасей Осипов сын Саламатов и он Афонасей послан Великого государя на службу в Оходской острог».

Вероятно, это был новоприборный казак из Томска — в 1707 году здесь служат сразу двое казаков Петров Саламатовых — сын Сергеев и сын Матвеев.

Саламатовы — одна из крупнейших родовых корпораций томских казаков. В 1707 году: «Сергей Саламатов, сын Петр 19, Павел 12; Андрей Саламатов, сын Иван 19, Максим 18; Петр Саламатов, сын Алексей женат, у него сын Павел 8 Яков 2; да у него ж Петра дети сын Дмитрей женат Михайла 20 Иван 17 Василей 12».

А Матвей — это, вероятно, Матюшка Саламатов: «Дед родиною Соли-Камской, отец тоже оттуда, сам родился в Томске. Соли 2 пуда. Пашня».

Скорее всего, Матюшка и Сергушка Саламатовы были из одной семьи, ибо и у Сергушки: «Дед родом из Соли Камской, в Томский пришел своею охотою, отец его пришел вместе с дедом, а он поверстан в Томске на выбылое место брата своего. 2 пуда соли. Пашня».

Итак, это томская казачья фамилия. Вот список первых томичей-старожилов.

Алексей (Олешка) Саламатов сын Сидоров, конный казак десятка Ф.А. Рычкова. Денежный оклад: 7 руб. с четью. Служит с пашни, но ему додают из казны 4 чети ржи, 2 чети овса (1653 год). Женат (1653 год). В 1659 году основал д. Чулково.

Григорий (Гришка) Саламатов сын Алексеев, пеший казак десятка Ю. Дементьева. После 5 сентября 1631 года ему велено быть на месте умершего И.С. Сысолова.

Емельян (Омелка) Саламатов сын Сидоров, конный казак десятка В.М. Свияженина. Его отец, родом из Москвы, привез его в

Томск «в малых годах». Денежный оклад: 7 руб. с четью. Служит с пашни. Женат.

Федор (Фетка) Саламатов сын Федоров, пеший казак десятка И.Г. Згибнева. Денежный оклад: 4 руб. с четью. Хлебное жалованье: 6 четей муки, по 2 чети круп и толокна. Женат (1630 год).

Иван Таратин

Мы уже предположили, что правильное написание фамилии не Таратин, а Тарутин.

В Тобольске служил сын боярский Иван Тарутин (который в 1671 году совершил поездку в Цинскую империю — в Китай). И имеется такая запись: «Выбылой оклад 10 руб. “и в 181 (1673) г., по грамоте велю госуд. оприч сына его давать не велено”». То есть сын еще не подрос, и велено ожидать его в чине сына боярского и в окладе до вступления в должность и должность эту никому («оприч») сына не отдавать. Сын — Федор Тарутин.

В 1689 году вместе с сыном боярским Федором Ивановичем Тарутиным служит в рядовых казаках Ларка (Ларион) Федоров сын Тарутин («в 204 г. велено в его месте быть сыну его Ондрюшке»).

В 1705 году сын боярский Федор Иванович Тарутин «взят в солдаты», как и многие другие тобольские дети боярские и казаки.

Вполне вероятно, что Иван был в команде тобольских детей казачьих, набранных Атласовым, и то, что ему Атласов поручает на Камчатке вести военные действия, говорит о многом. Только не о его военном умении.

В 1707 году «в августе месяце того ж года отправил он (Атласов. — *С.В.*) в поход на Бобровое море для усмирения изменников, которые ясашных сборщиков побили, служивого Ивана Таратина человеках в 70, которые были на службе ноября по 27 число того же году. Помянутые походчики от самого Верхнего острогу до Авачи не имели никакого сопротивления; но как они близ Авачинской губы, что ныне гавань Петра и Павла, ночевать стали, то служивые камчадалов и камчадалы служивых усмотрели. А понеже изменников было в собрании сот с восемь, то уговорились они, чтоб служивых не бить, но по рукам разбирать и вязать, чего ради и каждой изменник по ремню при себе имели; такая была у них надежда на великое свое множество.

Следующего дня Таратин пошел к Авачинской губе, где изменничьи лодки и байдары стояли. Изменники между тем скрывшись

в лесу по обе стороны дороги ожидали его прибытия, и пропустя несколько передних, на самую средину напали, и бились с служивыми так долго, пока большая их часть легла на месте, а прочие принуждены были спасаться бегством. Служивых притом убито 6 человек, да несколько ранено. Камчадалов взято в полон токмо три человека из лучших людей, из за которых собрано с оставших изменников ясаку не более как 10 соболей, 4 лисицы красных, да 19 бобров морских. Однако тем оная страна совершенно не покорена, ибо до самого главного камчатского бунта, которой учинился в 1731 году, тамошние жители почти всегда в измене были. Оттуда походники возвратились в Верхней острог с ясачною казною и с помянутыми аманатами ноября 27 дня 1707 году, как выше показано».

«В августе Атласов из Верхнекамчатска отправил на Бобровое море отряд из 70 казаков во главе с казаком Иваном Таратиным. Отряд сопровождали примерно столько же ясачных ительменов. Дойдя до Авачинской губы, Таратин был атакован 800 “изменниками”. По Крашенинникову бой протекал таким образом: “Следующего дня Таратин пошел к Авачинской губе, где изменичьи лодки и байдары стояли. Изменники между тем скрывшись в лесу по обе стороны дороги, ожидали его прибытия, и пропустя несколько передних, на самую средину напали, и бились с служивыми так долго, пока большая их [ительменов. — *А.З.*] часть легла на месте, а прочие принуждены были спасаться бегством. Служивых притом убито 6 человек, да несколько ранено. Камчадалов взято в полон токмо три человека из лучших людей, из за которых собрано с оставших изменников ясаку не более как 10 соболей, 4 лисицы красных, да 19 бобров морских”. По его же данным, авачинцы, видя собственное численное превосходство, были настолько уверены в победе, что намеревались не убивать русских, а взять их в плен. Для этого у каждого камчадала был ремень, которым думали связывать пленных. Но они просчитались. Таратин, разбив противника, с тремя аманатами и ясаком 27 ноября 1707 г. возвратился в Верхнекамчатский острог.

Наводит на размышление малая численность пленных и ясака. Можно предположить, что русские просто предпочитали не брать ительменов в плен, убивая их на месте. В свою очередь, и ительмены категорически отказывались покориться, предпочитая погибнуть» (А. Зуев). А может быть, все было гораздо проще — русские убегали столь быстро, что авачинские камчадалы не успевали их догнать, и русским казакам, естественно, было не до пленных — самим бы остаться в живых…

Но и фамилия Таратин упоминается в Якутске в 1720 году: «Во дворе вдовы Анны Матвеевой живет на подворье служивой Егор Петров сын Таратин набору Афонасья Шестакова сказал дватцети дву лет». История ее нам пока не известна.

Михайло Тимофеев

Этого имени нет в списках Якутского казачьего полка за 1706 год.

Но в Якутии оно появилось вместе с первым якутским воеводой Головиным, с которым пришел на Лену отряд тобольских казаков: «Первое свое сообщение о том, как прошел его поход на Амур, он (Поярков. — *С.В.*) послал из Усть-Ульинского зимовья в начале сентября 1645 г. с тобольским казаком Микулой Тимофеевым, вместе с которым в Якутск отправились 5 других участников похода — казаки Исай Алексеев, Клим Андреев, Лев Ермолин, Елизар Семенов, Федор Ярафиев и личный слуга Пояркова Денис Карпов. Таким образом, первые сведения об Амурском походе были получены в Якутске за 7 месяцев до возвращения туда самого Пояркова и вызвали там огромный интерес».

Были и другие тобольские казаки Тимофеевы на Лене, прибывшие сюда в отряде первого якутского воеводы П. Головина: Сергушка Тимофеев и Степанко Тимофеев — казаки станицы Якова Елизарьева

В 1661 году в списках якутских казаков есть Юшко и Ферапонко Тимофеевы. В 1681 году — Федька Тимофеев.

В 1688 году поверстан в пешую казачью службу казачий племянник Иван Тимофеев.

А теперь главное. В 1683 году в Якутск сослан «за воровство и за смертное убивство» Спирка Тимофеев «с женой Дарьицей, с сыном **Мишкой**».

Дмитрей Томилов

Данила Томилов

Их имен нет в списках Якутского казачьего полка за 1706 год. Значит, и они поверстаны позже.

В 1720 году в Якутске отмечено: «Во дворе посадного Осипа Иванова сына Чирка сказал сын ево Данила отец ево Осип послан Великого государя на службу в Жиганское зимовье в 719-м году …в том же дворе живут постояльцы служивые люди Тобольского города Пумин Томилов сорока лет».

В 1692 году здесь служит Сенька Томилов, а «Иван Томилов в нынешнем в 200-м [1692] году идучи в Охотцкой острожек от иноземцов убит». Иван служил в Якутии в холостом окладе и в 1681 году.

Первый из сибирских Томиловых — тюменский казак Нестерка — появляется в именных списках в 1624 году. В 1633 году — тюменский же казак литовского списку Шестой Спиридонов сын Томилов.

В 1696 году «по указу вел. госуд. и по грамоте велено быть в Тобольску в детех боярских Верхотурским детем боярским Федору, да Ивану Томиловым».

И в 1703 году мы находим Томиловых в Томске: «Игнатей Ульянов сын Томилов, сын Петр женат, у него сын Матвей 3; сын Василей женат, у него сын Василей 1; сын Алексей 15, Стефан 7».

Александр Тонда

Информации нет. И в списках якутских казаков этого имени тоже нет.

Петр Травин

Петр Травин сын Иванов в 1706 году был записан в девятой пятидесятне Якутского казачьего полка. Он тоже, как и некоторые другие, показан убитым в 1707 году на реке Большой, но, видимо, эта трагедия произошла позже — в 1711 году. А на реке Большой в 1707 году погиб Артемий Травин.

Фамилия пишется в документах то Травин, то Травинин. Об истории этой фамилии мы уже рассказывали выше.

В Большерецке служил и Иван Травинин:

«**1716– ? годы.** Служилый Григорий Камкин. Прислан из Анадырска Татариновым. Принял дела от К. Вежливцова и сел “на приказ” в Нижнекамчатске. Как долго управлял камчатскими острогами, неизвестно. Зато по документам прослеживается, что в это время в других острогах при ясачных избах были собственные приказчики (заказчики), которые то ли назначались из Нижнекамчатска, то ли выбирались самими казаками:

в Верхнекамчатске — Степан Козлов (январь 1716 г.), Кирилл Бекирев (январь 1717 г.), затем Козьма Леспивцов и Григорий Кошкин; в Большерецке — **Иван Травинин** (июль, сентябрь 1716 г.)» А. Зуев.

Петр Федотов

Петр Федотов был записан в 1706 году в одиннадцатой пятидесятне. Погиб на реке Большой в 1711 году.

Казаки Федотовы были практически во всех сибирских городах.

Но Петрушку Федотова мы нашли только в списках тобольских казаков за 1696 год.

Возможно, это просто совпадение.

В 1706 году вместе с Петром в Якутске служили Михайло Федотов (семнадцатая пятидесятня) и еще один Михайло Федотов (первая пятидесятня).

В 1647 году отмечен в Якутске Леонтий Федотов: «Явочная челобитная якутского служилого человека Леонтия Федотова, посланного на Индигирку реку о том, что Пантелеймон Мокрошубов не идет на Алазейку реку, распустил служилых людей, заменив их промышленными и торговыми людьми, “отторговывает” иноземцев прежде сбора ясака».

В 1681 году здесь служили Евдокимко и Гаранько Федотовы, оба в женатых окладах.

«Пронька Федотов в нынешнем в 200-м [1692] году на Ковыме реке умер воспою».

А первым пришел на Лену енисейский казак Игнашка Федотов в отряде енисейского атамана Ивана Галкина в 1634 году.

Петр Фомин

Петр Фомин — десятник двенадцатой пятидесятни. О Фоминых см. выше.

Григорей Холкин

Сожжен авачинскими камчадалами вместе с Данилой Анциферовым.

Григорий Холкин сын Петров — одиннадцатая пятидесятня Якутского казачьего полка.

В документах Якутской приказной избы находим следующую запись за 1654 год: «о взыскании приказчиком торгового человека Карпа Ярославцева Осипом Ивановым денег с торговых

людей Василия Курочкина и Михаила Холкина за кочевые снасти и якорь».

Переход торговых людей в служилые — был обычным явлением для 17-го столетия.

И примерно в это же время (1655 год) тобольский казак «Ивашко Павлов Холкин во 163-м году послан в Дауры».

Холка — это «часть шеи, смежная с хребтом». Вероятно, кто-то из родоначальников казачьей династии получил рану в этом месте.

В начале 18-го столетия мы обнаруживаем эту фамилию у тобольских крестьян.

Иван Шагин

Этой фамилии нет в казачьих списках Якутска.

Она встретилась нам только в Тобольске (казаки, крестьяне, драгуны Шагины — но это, скорее, однофамильцы, чем представители одной родовой корпорации).

«Тобольский уезд

1689 г. Село Введенское, при речке Черной.

Во дворе беломестный драгун Ефим Яковлев сын Шагин 33, сын Андрей 2 лет.

1710 г. Ялуторовская слобода:

Двор а в нем драгун Василий Иванов Шагин сказал себе от роду 70 лет».

* * *

А теперь попробуем разобраться с теми из казаков, которые участвовали в бунте, поднятом верхнекамчатским приказчиком Константином Кыргызовым в 1712 году.

Отряд «лихих» верхнекамчатских людей состоял из 15 человек. В основном, как заявлял приказчик Василий Колесов, чинивший розыск, из уроженцев Тобольска. Что мы сейчас и проверим.

Константин Кыргызов — атаман

Двенадцатая пятидесятня.

На Камчатке убит Михайло Моисеев сын Софронов и на его убылое место поверстан Константин Кыргызов в 1706 году.

Фамилия тобольская — несколько Киргизовых находилось здесь на казачьей службе.

Иван Бадлин

В списках Якутского казачьего полка за 1706 год этого имени нет.

В Тобольске мы находим аналог этой фамилии — Балин. Сама фамилия по происхождению относится к языку народа коми: баля — это ягненок, овца. В 1623 году в Тобольске владели землей посадские люди Балины: «Деревня за рекою Кундускою в дуброве. ...Во дворе посадкой человек Бориско Балин. Пашни паханые середние земли 12 четей в поле а в дву потому ж да пашенново лесу в дуброве 10 десятин. Сенных покосов в Япанчинском лугу 400 копен»; «Деревня на старице вверх по реке Иляку на лугу.

Во дворе посацкой человек Семейка Балин. Пашни паханые луговые середние земли три чети без третника да на березняке и по край березника подле Иляк на лугу двенадцать четей в поле а в дву потому ж. Да луговые ж земли низкова места двадцать десятин. Поскотинные луговые 50 десятин сенных покосов в Старицком лугу 500 копен»; «Деревня за Иртышем за остовицей.

Во дворе посацкой человек Еремка Балин. Пашни у нево паханные середние земли 8 четей да перелогу 8 четей в поле а в дву потому ж. Пашеннова лесу дубровы 5 десятин. Сена косит 300 копен».

Мы легко смогли найти несколько Иванов Балиных среди казаков Тобольска: «Во дворе пешей казак Иван Иванов Балин сказал 59 лет жена ево Федора 50 лет дети ево Иван 30 лет Евдоким 3 лет Петр пол году дочери Агафья 12 лет Овдотья 7 лет Катерина 5 лет», казаки Иван Балин сын Игнатьев, Иван Балин сын Клементьев, Ивашко Балин сын Михайлов...

И не только в Тобольске, но и в Иркутске: «Балин Иван, рядовой пеший казак с окладом 5 руб., 5 четей с осьминою ржи, 4 чети овса, 2 пуда без чети соли в год, 1699–1700 гг.».

Беляев Леонтей

Десятая пятидесятня Якутского казачьего полка за 1706 год.

Возможно, тоже из уроженцев Тобольска: Беляевы отмечены в переписных книгах.

Например: «Деревня Первухина при реке Тоболе. Во дворе беломестный драгун Тихон Иванов сын Беляев 18 лет, у него отец Иван Павлов 15 лет, братья: Иван 3, Яков 2 лет».

Но, возможно, и якутские казаки: в 1720 году отмечены: «Во дворе служивой Сидор Елисеев сын Беляев... дети ево Никита шеснацати лет в службе», а в 1706 году: «Беляев Данило Мыкыс

(16-я пятидесятня); Беляев Дмитрий (2-я); Беляев Леонтий (10-я); Беляев Сидор Остафьев (13-я)».

«Сенька Иванов Игелтин в прошлом во 199-м [1691] году в Якутцком умер воспою. И в нынешнем в 200-м [1692] году июня в 8 день приверстан в ево Сенькино место казачей племянник Сидорко Остафьев Беляевых».

Якутск, 1692 год: Данилко Беляев Мыкыс; Федька Беляев; Данилко Васильев Беляй.

1681 го: Петрушка Беляев сын Большей, казак — сыновья Данилко (1674 г. р.), Мишка (1678).

Козма Баландин

В списках Якутского казачьего полка за 1706 год этого имени нет, хотя Куземка Баландин отмечен в списках якутских казаков за 1681 год.

Тобольская казачья фамилия, пеший казак станицы Гаврилы Ильина: «Потапко Баландин в прошлом во 150-м [1642] году убит и того ж 154-го [1646] году в его Потапково место томской казак Овдокимко Сименов».Также на Лене служил тобольский стрелец Якунка Федоров Баландин.

В 1692 году отмечен в списках якутский казак Ивашко Баландин.

Якутск, 1720 год: «Во дворе вдовы Марфы Михайловой живут служивые Андрей Никифоров сын Марамыгин двацети семи лет Иван Терентьев сын Панов двацети шести лет Иван Петров сын Удалов двацети семи лет Агафон Михайлов сын Баландин сорока лет».

По всей видимости, все перечисленные Баландины — тобольские «годовальщики».

Кирила Бекирев

Шестая пятидесятня Якутского казачьего полка. Тобольская казачья фамилия.

Никита Дурынин

Тринадцатая пятидесятня Якутского казачьего полка. Потомок тобольского атамана Ивана Савельева Дурыни. Его родственники были в Якутии при первом якутском воеводе: «Ондрюшка Иванов сын Шестаков Дурынин умре при стольниках и воеводах при Петре Головине». Здесь же служил и брат Андрея: «Ивашко Иванов сын Шестаков в нынешнем во 158-м [1650]

году послан на государеву дальную службу на новую на Охоту реку».

Павел Кабан

В списках Якутского казачьего полка за 1706 год этого имени нет.

Кабанов — тобольская казачья фамилия. Якутск, 1720 год: «Во дворе посадного Осипа Иванова сына Чирка сказал сын ево Данила отец ево Осип послан Великого государя на службу в Жиганское зимовье в 719-м году… в том же дворе живут постояльцы **служивые люди Тобольского города** Пумин Томилов сорока лет да набору Афонасья Шестакова Тобольского города Осип Герасимов сын Медведев тритцати лет да набору его ж **Афанасья Григорей Кабанов** пятидесяти лет набору его Афанасья Иван Лазарев сорока лет».

Прокопей Месяхин (Месихин, Машихин)

В списках Якутского казачьего полка за 1706 год этого имени нет.

Машихин — тобольская фамилия служилых людей.

1689 год: «Деревня Силкина при речке Черной. На подворье драгунский сын Егор Леонтьев Машихин 21 год, у него сын Федор 3 лет».

1710 год: «Исецкой острог. Двор а в нем драгун Алексей Иванов Машихин 56 лет у него жена Анисья 60 лет у него отец Иван Михайлов 80 лет у него жена Марфа 80 ж лет».

Федор Онкудинов

В списках Якутского казачьего полка за 1706 год этого имени нет. См. Анкидиновы.

Лазарь Ощепков

Вторая пятидесятня Якутского казачьего полка.

Уроженец Тобольска.

1654 год: «Уже в то время в Верхотурье очень хорошо знали реку Исеть и, несмотря на дальность расстояния, намеревались расширить до нее пределы Верхотурского уезда. Постепенно захватили большую часть тамошних мест. Сперва построили на реке Пышме слободу, названную “Новопышминской”. Начало ее было положено в 7162 г. Я не могу указать точно положение этой слободы относительно других, ранее построенных слобод. От Беляковской слободы до нее считали вверх

по реке Пышме 122 версты; таково же примерно было и ее расстояние от Ирбитской слободы, если плыть вверх по реке Ирбиту до озера, из которого она вытекает, ибо от этого озера до Новопышминской слободы не более 20 верст. Новопышминская слобода лежит на северном берегу реки Пышмы, она основана слободчиком Пятым Ощепковым» (Г. Миллер, «История Сибири»).

1689 год: «Деревня Барабинская при реке Тоболе. Во дворе отставной драгун Микифор Васильев сын Ощепков 60 лет, у него дети: Иван 12, Максим 9 лет».

1699 год: пеший казак Митка Ощепков.

Иван Панютин

В списках Якутского казачьего полка за 1706 год этого имени нет.

Тобольская казачья фамилия. Сын камчатского приказчика, тобольского сына боярского Ивана Григорьевича Панютина. О нем отдельный разговор.

Иван Сиряня

В списках Якутского казачьего полка за 1706 год этого имени нет. Но есть многочисленные якутские казаки Сирянины.

Якутск, 1681 год: Ивашко Сирянин, новокрещеный казак (ж/о); Сирянин Мишка, новокрещенный казак (ж/о).

Якутск, 1681 год: Ивашка Сирянин, казак — сыновья Якунька (1668), Мишка (1672), Федька (1677), внук Петрушка (1672); Мишка Сирянин, казак — сын Якунька (1675).

Якутск, 1692 год: казак Мишка Сирянин.

Якутск, 1706 год: Григорий Сириных (Сирянин) сын Тимофеев (3-я пятидесятня); Тимофей Сирянин (1-я); Федор Сирянин (6-я); Яков Сирянин (5-я).

Якутск, 1720 год: «Во дворе Федор Иванов сын Сирянин»; «Служивой Тимофей Михайлов сын Сирянин сказал тритцети семи лет холост»; «Новокрещен Михайло Федоров сын Сирянин дватцати шести лет».

Терентьев Иван

В списках Якутского казачьего полка за 1706 год этого имени нет.

В 1692 г. в Якутске служит казак Онтошка Терентьев. В 1706 году — Онтон Терентьев (14-я пятидесятня) и Василий Терентьевых сын Степанов (3-я).

В Якутске в 1720 году: «Двор служивого Василья Иванова сына Отласова… братья ево Алексей трицати лет послан на службу на Алазею в 718 году Обросим двацати семи лет послан на службу же в Анадырской острог в 716 году а Василей послан вверх на заимки в 719 году да у нея живет служивой **Федор Терентьев**».

Тобольская казачья фамилия: казак станицы Ивана Александрова «Осипко Терентьев в прошлом во 150-м [1642] году убит и того же 150-го [1642] году в его Осипково место поверстан Онтонко Ондреев сын Сысолетин»; «Ондрюшка Терентьев на государеве дальней службе на новой на Охоте реке послан в прошлом во 158-м [1650] году»; «Федотко Карпов убит при стольниках и воеводах при Петре Головине с товарыщи и в прошлом во 154-м [1646] году на смотре у розбору воеводы Василей Пушкин с товарыщи велели быть в его Федотково место из новоприборных Микитке Терентьеву и в прошлом во 157-м [1649] году убит на государеве службе на Мае реке в верхнем зимовье а в его место нихто не поверстан».

Иван Торг(д)уя сын Григорьев (Иван Тордуя бил Федора Ярыгина кистенем, а в 1713 году сам «удавился» по сообщению К. Кыргызова)

В списках Якутского казачьего полка за 1706 год — Иван Тордуя сын Григорьев (3-я пятидесятня). «Ивашко Григорьев Тордуя в нынешнем в 200-м [1692] году августа в 12 день приверстан в подьячие».

Иван Григорьев сын Тордуя — вероятно, новокрещенный казак или толмач с реки Тогуя: «в 1657 г., летом, Стадухин с оставшимися казаками, как сказано в отписке одного из казаков Архипа Аршина, "…с Тогуя реки перешли водным путем по морю на Охоту реку с государевою соболиною казною и с аманатами"».

Из этих пятнадцати «заводчиков» только пятеро принимали участие в бунте 1711 года. При этом участие не для всех было активным: во дворе верхнекамчатских казаков Кирилла и Лазаря Бекиревых содержался под караулом сын боярский Петр Чириков.

* * *

Но это еще не все.

В Верхнекамчатске, как выяснилось, оставалось еще 20 человек из числа соратников Кыргызова, большая часть из которых

принимала участие в дележе награбленного. Вот полный список этих людей.

Григорей Баландин

Возможно, брат Кузьмы Баландина. В списках Якутского казачьего полка за 1706 год этого имени тоже нет. Вероятно, из тобольских казаков.

Семен Белой

Белой, Белов. В списках Якутского казачьего полка за 1706 год этого имени нет.

На Камчатке примерно в одно и то же время служили Семен Белой и Григорий Белов (погиб в 1707 году).

Пока мы нашли аналогичные фамилии в Томске 1707 года: здесь служил Дмитрий Григорьев сын Белов.

Тимофей Грущевский

В списках Якутского казачьего полка за 1706 год этого имени нет.

В 1680 году Василий Грушевский — тюменский сын боярский. Других сведений у нас нет.

Тимофей Заварзин (Заворзин)

В списках Якутского казачьего полка за 1706 год этого имени нет.

Аналогичную фамилию мы встречаем только в списках бунтовавших в 1699 году иркутских казаков, подписавших «мирскую» челобитную.

Федор Зырян(ов)

В списках Якутского казачьего полка за 1706 г. этого имени нет. В 1731 году его фамилию пишут уже как Зырянов.

Но при этом в 1706 году записан в полк целый ряд его однофамильцев (или родственников): Зырянов Иван Иванов (шестая пятидесятня), Зырян Афанасий Иванов (пятая пятидесятня), Зырян Ефтифей Абрамов (семнадцатая пятидесятня), Зырянов Андрей (четвертая пятидесятня, убит на Камчатке на реке Большой в 1707 году).

В 1651 году в Якутске: «Ивашко Иванов сын Зырян в его место казачей брат Офонька Ортемьев».

В 1692 году записан Мишка Савин Зырянов. Исходная тобольская казачья фамилия.

Андрей Климов

В списках Якутского казачьего полка за 1706 год этого имени нет.

В 1692 году в Якутске служит Филька Степанов Климовых. В 1706 году — Филипп Климов сын Степанов (11-я пятидесятня).

Тобольская казачья фамилия.

1661 год: «Генваря в 15 день по государеве грамоте присланы с Москвы в Тоболеск ссылные литовские люди, которые взяты в языцех в розных местех, а в Тоболску до указу великих государей велено их посадить в тюрьму, шляхта: **Сенка Климов, Васка Климов,** Ивашко Ермошкеев, Гришка Троцкии, литаврщик Налим Григорьев; татаровя: Уразай мурза Шегунеев, Асен Моншевскии, Бахтемир Команаев. И ныне те ссылные люди в Тоболску в тюрме».

Позже Климовых мы встречаем в Тобольске в стрельцах, в воротниках, в казаках.

Моисей Кирилов

В списках Якутского казачьего полка за 1706 год этого имени нет. В седьмой пятидесятне записан Степан Кирилов. Он же известен нам по спискам 1692 года.

Изначально на Лене были тобольские, енисейские и березовские казаки Кириловы:

Тобольский казак Якушко Кирилов Важенин из сотни атамана Ивана Александрова.

«Максимко Кирилов в прошлом во 150-м [1642] году убит и того ж 150-го [1642] году в его место енисеиской ж казак Федька Ианов сын Кайгородец и в прошлом во 154-м [1646] году на смотре по розбору велено ему Федьке быть в березовских и в прошлом во 155-м [1647] году велено быть енисейскому казаку Онцыфорку Юрьеву которой взят из Енисейского острога».

«Степанко Кирилов в прошлом во 152-м [1644] году по его челобитью для болезни отставлен а в его место велено быть брату ево двоюродному Ивашку Семенову и в прошлом во 155-м [1647] году тот Ивашко на государеве службе в верхоленском в Братцком острожке умре и в прошлом во 156-м [1648] году велено быть в его Ивашково место промышленому человеку Фомке Епифанову и в прошлом во 157-м [1649] году на государеве службе на Май реке в верхнем зимовье убит а в его место нихто не поверстан».

«Давыдко Матвеев сын Устюжанин в прошлом во 154-м [1646] году умре и в том же во 154-м [1646] году воеводы Василей

Пушкин с товарыщи велели быть со 155-м [1647] году енисейскому казаку Гришке Кирилову».
«Ивашко Кирилов в прошлом во 157-м [1649] году отпущен з государевою с соболиною казною к Москве в провожатых».
«Гришка Кирилов в его место Кондрашка Родионов в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву дальную службу на Яну реку в… зимовье».
«Тренька Кирилов в его место казачей брат Онтонко Офонасьев в прошлом во… году послан на государеву дальную службу на Оленек реку».
«Стенька Кирилов в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву дальную службу на новую на Охоту реку».
«Семейка Серькин в его место наемщик Васка Кирилов в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву дальную службу на Яну реку в нижнее зимовье».
Якутск, 1681 год: Васка Кирилов, казак — сын Степка (1670); Титка Кирилов, казак — сыновья Васка (1668), Алешка (1676).
«Титко Кирилов в прошлом во 199-м [1691] году на Чичюйском волоку умер. И в нынешнем в 200-м [1692] году августа в 3 день приверстан в ево Титково место казачей брат Ивашко Полуехтов Шкулевых в холостой оклад».

Михайло Козыревской

Внук ссыльного поляка, сына боярского Федора Козыревского. О Козыревских отдельная тема.

Володимер Конищев

В списках Якутского казачьего полка за 1706 г. этого имени нет.
Тобольская казачья фамилия. 1683 г.: Конищев Володька Михайлов, пеший казак. А также его родственники: Конищев Михайло Ермолин сын, Конищев Степан Ермолин сын, Конищев Мишка Михайлов сын, Конищев Петр Михайлов сын.

Лосев Иван

Лосев Иван — четвертая пятидесятня Якутского казачьего полка.
Записан и в 1693 году: Ивашка Лосев, казак — сын Лучка (1692). В 1692 году: «Микишка Борисов Лосев в прошлом во 196-м [1688] году послан из Якутцкого за соболиною казною к Москве в провожатых и в Якутцкой не бывал»; Федька Яковлев Лосев.
Якутск, 1720 год: «Во дворе Никита Алексеев сын Лосев».

Тобольская казачья фамилия. В 1675 году в составе конвоя посла России в Китай Спафария были конные казаки Мишка и Алешка Лосевы.
О степени распространения этой фамилии говорит перепись Тобольска 1710 года: «Деревня Лосева. Во дворе тоболской отставной пешей казак Василей Омельянов Лосев сказал себе 53 лет жена у него Василиса 50 лет у него дети Егор 20 лет записан в салдаты Афонасей 7 лет дочери Оксинья 16 лет Огрофена 13 лет.
Во дворе казачей сын Михайло Иванов сын Лосев сказал себе 45 лет жена ево Агафья 28 лет дети у него сын Иван 19 лет Иван 15 лет Леонтей 5 лет Иван 2 недель.
Во дворе казачей сын Филип Омельянов сын Лосев сказал 35 лет жена ево Окулина 30 лет дети у него Омельян 8 лет Трифан 5 лет дочери Анна 13 лет Зиновья 10 лет Марина 3 лет Федосья году да на подворье у него живет отставной пешей казак Елисей Федоров Лосев 60 лет вдов дочь Федора 20 лет».

Петр Неворотов

О нем выше.

Никита Носов

В списках Якутского казачьего полка за 1706 год этого имени нет.
Фамилия была распространена в Тобольске и в Томске. См. Носов Леонтей.

Иван Петров

В списках Якутского казачьего полка за 1706 год этого имени нет.
Фамилия была распространена повсеместно. В том числе и в Якутске.
1681 год: Федька Петров, казак — сыновья **Ивашко (1672**), Гришка (1677).
1693 год: Васька Петров, казак — брат Васька (1685). «Тимошка Григорьев в прошлом во 199-м [1691] году в Якутцком умер воспою. И в нынешнем в 200-м [1692] году сентября в 9 день приверстан в ево Тимошкино место казачей сын Офонька Петров».
В списках казаков 1706 года: Афанасий Петров (8-я пятидесятня), Григорий Петров, атаман; Григорий Петров, новокрещенный (13-я); Ефим Петров, д-к (7-я); Лука Петров (2-я); Лука Петров (16-я).

Василей Петух

В списках Якутского казачьего полка за 1706 год этого имени нет.

Якутск, 1720 год: «Служивой Андрей Стефанов сын Петухов сказал сороки лет а стоит на подворье у Ильи Фролова».

Казаки Петуховы служили в Красноярске.

Анисим Сидоров

В списках Якутского казачьего полка за 1706 год этого имени нет. В четвертой пятидесятне был записан Антип Сидоров. Антипко Сидоров проходит по спискам 1681 года.

«Трофимко Сидоров в прошлом во 154-м [1646] году отпущен з государевою с соболиною казною к Москве в провожатых и в том же во 154-м [1646] году на смотре у розбору воеводы Василей Пушкин с товарыщи велели быть в его Трофимково место со 155-го [1647] году из новоприборных Треньке Олененву».

Якутск, 1720 год: «Во дворе Степан Петров сын Сидоров»; «Во дворе Михайло Петров сын Сидоров».

Фамилия распространенная, в том числе и в Тобольске.

Иван Суздалов

В 1706 году числится во второй пятидесятне Якутского казачьего полка.

Якутская казачья фамилия, которая имеет березовские корни:

Березовский казак «Куземка Суздалец в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву дальную службу на Оленек реку».

1681 год: Куземка Суздалец, десятник (ж/о), Ивашко Суздальцов, казак (ж/о).

1681 год: Куземка Суздальцов, десятник — внук Олешка (1675).

1692 год: Ивашко Суздалов.

1706 год: Иван Суздалов (2-я) и Михайло Суздалов сын Иванов (12-я пятидесятня).

Якутск, 1720 год: «Во дворе пушкарь Иван Кузьмин сын Синицын… подворник отстовной служивой Иван Козьмин сын Суздалов».

Михайла Тимофеев

Василей Толстоухов

В списках Якутского казачьего полка за 1706 год этого имени нет.

Пришел на Камчатку в отряде Осипа Липина: «…в прошлом 709 году писал в Якуцкой из заморских рек камчадалской прикащик Болшей реки сын боярской Иван Панютин: осталось де от него в Зашиверском и Уяндинском зимовьях, за скорбью служилых людей, 16 человек: Иван Нехорошков, Федор Хиценков, Ондрей Залесов, Гаврило Трубачев, Никита Чегус, Яков Нарицын, **Василей Толстоухов**, Федор Ерофеев, Степан Лапин, Михайло Минозим, Василей Гроцкой, Кирило Черных, Гаврило Истомин, Иван Волков, Михайло Вараксин, Иван Хайлов, и велено их забрать в Камчатку Осипу Миронову».

В 1706 году в Якутске был сын боярский Василий Георгиев Толстоухов, а в 1710 году в Тобольской переписной книге мы находим такую запись: «В том же Николаевском приходе данные дворовые 4 места под строение Николаевской каменной церкви.

Место князь Николая Иванова сына Лихудьева.

Место иркуцкого сына боярского Ивана Георгиева сына Толстоухова».

То есть и эта фамилия в основе своей — тобольская, казачья.

Лазарь Туман

В списках Якутского казачьего полка за 1706 год этого имени нет.

Фамилия тобольская. См. выше.

Семен Щеголев

В списках Якутского казачьего полка за 1706 год этого имени нет.

Казаки Щеголевы служили в Томске. 1707 год: казак Остафей Козмин сын Щеголев.

Отказались принимать участие в дележе награбленного: Володимер Конищев, Моисей Кирилов, Тимофей Заворзин, Федор Зырян, Лазарь Туман.

* * *

В Нижнекамчатске к бунтовщикам присоединились еще восемнадцать человек (правда, как выясняется, не все по своей воле):

Агапит Аврамов

В списках Якутского казачьего полка за 1706 год этого имени нет.

Но зато много других Аврамовых: Григорий Аврамов (тринадцатая пятидесятня, на Камчатке убит, а на его убылое место по-

верстан Иван Балахонов), Никифор Аврамов (десятая пятидесятня, его имя есть в списках якутских казаков за 1681 год).

«Новокрещен Микитка Иванов Чюкуров прошлом во 198-м [1690] году для старости и увечья от службы отставлен. И в нынешнем в 200-м [1692] году июля в 9 день приверстан в ево Микиткино место казачей племянник Евтюшка Аврамовых в холостой оклад».

В составе отряда П. Головина на реку Лену пришел Нехорошко Аврамов — тобольский казак станицы атамана Клима Бобошина.

Алексей Бурой

Алексей Бурой сын Иванов, третья пятидесятня Якутского казачьего полка.

Явно какая-то ошибка: почему же тогда он был послан в 1712 году приказчиком Василием Михайловичем Колесовым с казаками Иваном Байкаловским, Алексеем Колмогоровым, Алексеем Еремеевых в Верхнекамчатский острог для замены Кыргызова?

Мы говорили о нем, рассказывая о втором походе Атласова. Кончил он свою жизнь печально — на вилах: «...камчатской прикащик Петриловской, будучи в Нижнем остроге, великие обиды жителям делал, знатные же сии: уморил он в вилах служивого Алексея Бурова...»

Алексей Еремеевых

Тот же случай, что и с Алексеем Бурым — тоже послан в Верхнекамчатск. В списках Якутского казачьего полка за 1706 год этого имени нет.

Якутск, 1681 год: у умершего казака Еремеева Ивашки сын Елеска (1672 г. р.)

Степан Зорно

В списках Якутского казачьего полка за 1706 год этого имени нет.

Единственный близкий обнаруженный нами аналог в документах за 1692 год: Сенька Леонтьев сын Позорной.

Петр Иконников

Интересно, что по другим документам Петру Иконникову было выражено милостивое государево слово за то, что он не пристал к бунту Анциферова: «А служилым людем, Алексею Пещере, Семену Ламаеву, Тимофею Путимцову, Козьме Марманско-

му, Ивану Харитонову, **Петру Иконникову** с товарищи, которые к тому злому умыслу и убийству не пристали, велено сказать при всем народе твое, великого государя, милостивое слово».

Еще одна ошибка?

В списках Якутского казачьего полка за 1706 год этого имени нет.

В четырнадцатой пятидесятне служил Семен Иконников сын Григорьев.

Якутск, 1720 год: «Во дворе служивой Михайло Гладков... да в том же доме живет посадной Семен Борисов сын Иконник».

Но фамилия была весьма распространенной — Иконниковы могли прийти на Камчатку из Тобольска, Енисейска, Томска, Якутска...

Филип Кисиных

В списках Якутского казачьего полка за 1706 год этого имени нет. Возможно это фамилия якутских казаков Кисинеевых, имена которых мы обнаруживаем в документах за 1748 год.

Михайло Кобычев

В списках Якутского казачьего полка за 1706 год этого имени нет. Но в списках казаков за 1692 год указан Моска Демидов Кобычев.

Тобольская казачья фамилия: «Двор купленой перваго полку пешего казака Лаврентья Павлова сына Кобычева сказал себе 20 лет у него жена Дарья Семенова дочь 29 лет пасынок Степан Алексеев 2 лет патчерицы Катерина 13 Наталья 10 Василиса 6 лет» (Тобольск, 1710 год).

Впоследствии, во времена уже С.П. Крашенинникова, «главный» и единственный свидетель — точнее, большой путаник — тех событий:

«*Того же 1737 году ноября 17 дня требовал я от Большерецкой приказной избы, чтоб для сочинения истории о Камчатке присланы были ко мне старожилы, как из русских, так и из иноземцов, и притом объявил, что по сказыванию здешних жителей из русских старее нет здесь служивиго Михаила Кобычева, а из иноземцов живущего на Аваче реке Тырылка, а на Островной Игуры, и чтоб оной Кобычев ко мне немедленно прислан был, а за иноземцами бы повелено было послать нарочного посыльщика, понеже по силе данного из канцелярии Охоцкого порта ее императорского Величества послушного указу велено мне давать для посылок в ясашные иноземцы за нужными ее императорского величества делами по два и по три человека служивых.*

...Чрез служивого Михаила Кобычева с другими старожилами, которых на то призывал, собрал я известия, кто с самого начала бывал на Камчатке, и кем она и в котором месте сперва завоевана и отчего она Камчаткою называется, о том уведомился чрез иноземцов, по его же сказыванию, о всех прикащиках, которой после которого на Камчатке был, и откуда прислан, и благополучно ли он выехал или на дороге убит и от кого, о бунтах служивых людей, о изменах иноземческих и о походах, историю написал по 1724 год.

...Декабря 31 дня отослал я в Большерецкую приказную избу служивого Кобычева, также отпустил на Авачу иноземца Тырылку, и требовал от Большерецкой приказной избы, чтоб бывалые в походах на авачинских изменников 1724, 725 и 726 годех присланы были, понеже служивой Кобычев о тех походах ничего не знает, и за слепотою от тех годов никуда в походы посылан не был.

...В Верхней Камчатской острог приехал я декабря 8 дня, и пробыл во оном генваря по 2 число сего 1739 году. А живучи в означенном остроге, пересматривал я старинные дела, которых хотя и много было, однакож из них к выписанию годного мало нашлося, ибо все почти книги ясачного збору и челобитные были. Выспрашивал у старожилов Ивана Лосева с товарищи о завоевании Камчатки, о построении острогов и о бытности прикащиков, в чем великое несходство нашлося между сим описанием и описанием, сочиненным по сказыванию большерецкого жителя Михаилы Кобычева, о чем явствует в приложенном при сем описании о завоевании Камчатки».

Степан Колоколников

В списках Якутского казачьего полка за 1706 год этого имени нет.

Якутск, 1720 год: «В юрте служивой Петр Колокольников... у него живет сын боярской Захар Панятовской».

Ранее эта фамилия в казачьих списках Якутска не упоминается.

Первоначально Колокольниковы — должны были быть посадскими людьми, мастерами по литью колоколов, меднолитейщиками.

Аналогичные фамилии мы нашли в Томске и в Иркутске. Поэтому, вполне вероятно, что это томская ветвь (так как нерчинско-иркутское направление в освоении Камчатки начинается позже).

Иркутск: Иван Тимофеевич Колокольник, меднолитейщик, отливал пищали, упомянут в 1698 году В 1707 году в Томске отмечен служилый Иван Григорьев сын Колокольников.

«В мае 1716 г. в Курильскую землю был послан отряд Степана Колокольникова. Он призвал в ясак четыре человека. "А непокорные идти не похотели и на бой со служилыми людьми становились и их смирял он разным боем. И был он на р. Авачике и там неясашные иноземцы в ясашный платеж не идут"» (А. Зуев).

Алексей Колмогоров

Судя по фамилии, его предок — выходец из Холмогор.

Фамилия очень распространенная. Несколько Колмогорцев из Тобольска пришли в Якутию в отряде первого якутского воеводы.

1640 год: Микулька Тимофеев Колмогорец и Ортюшка Иванов Колмогорец Ильин он же (станица Савы Измайлова), Степанко Гаврилов Колмогорец (станица Степана Выходцова), Степанко Борисов Колмогорец (станица Клима Бобошина), Фомка Омельянов Колмогорец (станица Якова Елизарьева).

Но задержался здесь только один. 1651 год: тобольский казак Федор Колмогор.

1692 год: Ивашко Федоров Колмогор в холостом окладе и двое — Гришка Колмогор и Ивашко Колмогор в женатых окладах.

1706 год, в списках Якутского казачьего полка: Иван Колмогор сын Федоров (9-я пятидесятня) и Григорий Колмогоров (5-я).

А вот информация о дальнейшей службе Алексея Колмогорова на Камчатке: «служивого Алексея Колмогорова, которой показал на него Петриловского дело государево, а он было и хотел его батожьем убить до смерти...» (С.П. Крашенинников).

Казаки Колмогоровы впоследствии служили на Камчатке и в Охотске.

Иван Лебедев

Иван Лебедев сын Васильев, десятая пятидесятня Якутского казачьего полка. Он шел в отряде Осипа Липина и был временно оставлен в Анадырском остроге по болезни.

Известно, что он примкнул к бунту казаков Кыргызова «из-за угроз и мучений». А в 1713 году участвовал в аресте Кыргызова с единомышленниками вместе с верхнекамчатскими казаками.

В одиннадцатой пятидесятне служил Гарасим Лебедев сын Тимофеев. В седьмой пятидесятне — Григорий Лебедев сын Петров. В шестнадцатой пятидесятне — Петр Лебедев.

Якутск, 1681 год: служилый «Дорошка Лебедев в нынешнем в 200-м [1692] году в Якутцком умер».

В 1688 году сосланный в Якутск Василий Лебедев был назначен подьячим на р. Амгу, затем: «Ивашко Осипов в нынешнем в 200-м [1692] году идучи в Охотцкой от иноземцов убит. И августа в 17 день приверстан в ево Ивашково место ссыльной Васка Лебедев в женатой оклад для малолютства служилых людей».

Якутск, 1692 год: Гришка Петров Лебедев

Возможен и томский вариант: в 1680 году в Томске служил Ивашко Лебедев: «Отец его пришел в Томск с князем Иваном Ромодановским, служил по Томске конную службу и умер, а в его место поверстан он Ивашка. Оклад 7 рублев с четью, два пуда соли, служит с пашни».

Тимофей Марков

С ним мы уже знакомы — он был есаулом в отряде Владимира Атласова и участвовал в грабеже на р. Ангаре, затем сидел в тюрьме. В 1706 году был записан в десятую пятидесятню Якутского казачьего полка и отправлен в отряде Атласова на Камчатку. По всей видимости, за участие в бунте приговорен к «вечному житью» на Камчатке: «В 1715 г. “осенним временем” ясачные иноземцы рек Колы, Воровской, Большой и Верхнекамчатского острога хотели “побить на Воровской реке ясашных зборщиков Тимофея Маркова с товарыщи”.

В феврале 1725 г. ясачный сборщик Артемий Попов донес с р. Авачи, что изменили ясачные иноземцы на р. Бобровой, Островной и Жупановой и побили служилых Тимофея Маркова, Ивана Парилова и Федора Пакулева» (А. Зуев).

Дмитрей Попов

Петр Попов

Дмитрий Попов сын Филипов был записан в шестнадцатой пятидесятне Якутского казачьего полка (1706 год). Он был оставлен на Камчатке на «вечное житье», и в 1748 году у него были здесь сыновья Степан и Семен. Сам он погибнет в 1731 году.

Возможно, он был родом из Якутска (в 1690 году здесь отмечен казак Дмитрий Попов, а в 1664 году казак Дмитрий Спиридонович Попов — возможно дед. Якутск, 1681 год: Ивашко Попов сын Алексеев, казак (х/о) и Митка Попов сын Спиридонов, казак (ж/о)

«Ивашко Алексеев Попов в прошлом во 199-м [1691] году приверстан в подьячие».

Якутск, 1692 год: «Алешка Степанов Попов в прошлом во 198-м [1690] году послан из Якутцкого за ссыльными людьми в провожатых до Иркутцкого и в Якутцкой не бывал».

Гришка Семенов Попов; «**Петрушка Степанов Попов** и Сунилин он же в прошлом во 196-м [1688] году послан за соболиною казною к Москве в провожатых и в Якутцком не бывал».

Якутск, 1706 год: Дмитрий Попов сын Филипов (16-я), убит на Камчатке в 1731 г. Иван Попов сын Степанов (6-я), убит на Камчатке в 1706 г. Михайло Попов сын Петров (8-я). Петр Попов сын Дементьев (10-я). Степан Попов сын Петров (8-я). Федор Попов сын Степанов (6-я пятидесятня).

Якутск, 1720 год: «Двор служивого Федора Попова и он Федор послан Великого государя на службу в Индигирской острог в 718 году»; «Во дворе служивой Василей Иванов сын Попов»; «Важенин отставной служивой Кондратей Васильев сын Попов шестидесяти лет в манастыре в вкладчиках десятой год»; «Служивой Дмитрей Иванов сын Попов сказал тритцети лет холост».

Фамилия Поповых одна из самых распространенных — в казаки верстали детей дьячков, попов, протопопов и соответственно, повсеместно возникали фамилии Дьяковых, Дьячковых, Поповых, Протопоповых.

Андрей Рассадников

В списках Якутского казачьего полка за 1706 год этого имени нет. Информации об истории фамилии тоже не найдено.

Серебренин Матвей

В списках Якутского казачьего полка за 1706 г. этого имени нет.

Фамилия, возможно, Серебреник или Серебренников — очень распространенная в Сибири, в том числе и в Якутске:

Василий Григорьев Серебренников (четырнадцатая пятидесятня), десятник Григорий Борисов Серебренников (восьмая пятидесятня), Григорий Борисов Серебренников меньший (тринадцатая пятидесятня), Петр Серебренников (четырнадцатая пятидесятня),

Федор Иванов Серебренников (семнадцатая пятидесятня, якутский житель, поверстан в 1662 году в казаки на убылое место), целовальник десятник Филипп Серебренников (четвертая пятидесятня, был в отряде О. Липина, когда приказчика убили, вернулся с Камчатки в отряде Севастьянова в 1712 году).

Якутск, 1720 год: «Во дворе служивой **Иван Матвеев сын Серебреников**». Вероятно, сын.

«Во дворе служивой Григорей Григорьев сын Серебреников». «Юрта служилово Андрея Саранчина сына Серебренина а он послан Великого государя на службу верх по запас в 719-м году а по скаске жены ево ему Андрею сорок лет».

Особенно много Серебренниковых было в Тобольске. В числе первых из тобольских казаков в Якутии появился: «Васка Третьяков сын Серебреник в прошлом во 150-м [1642] году убит и того же 150-го [1642] году в его Васкино место Ондрюшка Иванов сын Брагин».

Сава Тимофеев

В списках Якутского казачьего полка за 1706 год этого имени нет.

В 1748 году отмечен в списках большерецких разночинцев.

Происхождение может быть самое разное — фамилия известна во всех городах Сибири.

Вот один из возможных первоначальных вариантов: «Ортюшка Яковлев сын Новокрещен в прошлом во 154-м [1646] году отпущен з государевою с соболиною казною к Москве в провожатых и в прошлом во 155-м [1647] году воеводы Василей Пушкин с товарыщи велели быть в его Ортюшкино место из новоприборных Перфирейку Тимофееву и в том ж 155-м [1647] году послан на государеву дальную службу на новую Потычю реку».

Степан Токуяк

В списках восьмой пятидесятни Якутского казачьего полка в 1706 году записан как новокрещенный казак Степан Иванович Токое, в 1748 году в списках казаков Нижнекамчатского острога записан Иван Токуив (Токуяк), вероятно, сын Степана.

Возможно, из числа новокрещенных аборигенов Сибири, поступивших на казачью службу.

Григорей Тюшев

В списках Якутского казачьего полка за 1706 год этого имени нет.

Аналог этой фамилии мы нашли только в Красноярском остроге и среди тобольских крестьян (кунгурцев и устюжан по происхождению). В 1719 году Григорий Тюшев снова стал участником казачьего бунта и, вероятно, вместе с другими «заводчиками» был отправлен в ссылку.

В 1720 году в Якутске его тезка, а может быть, и он сам оказался в новом списке: «Служивой ево ж Афонасья [Шестакова] набору Григорей Васильев сын Тюшевых холост сказал сороки дву лет».

Тюшев позже снова отметился в камчатской истории: «*Большерецкого острогу прикащик Василей Качанов, будучи на приказе, чинил, как русским, так и иноземцам, великие обиды, с иноземцов брал в ясак одного соболя, а себе трех, о чем по смене его Качанова с приказу иноземцы лутчие тойон в Большерецком в приказной избе и били челом.*

Как некогда случилось ему ехать из Большерецкого острогу в Верхней Камчатской острог, то в небытность его казаки удумали с приказу его сменить, что они и зделали, ибо как помянутой Качанов назад в Большерецкой острог поехал, то он по дороге получил известие, что большерецкие служивые Василей Княжей, Григорей Тюшев с товарищи учинили без него разбой, и на постоялом его дворе весь его багаж обрали, и приезду его караулят и хотят его убить.

Апреля 13 дня 1719 году, приехавши в Большерецкой острог, прикащик Василей Качанов посылал 15 числа служивого человека Данила Абалакова просить караульного списка, которому служивые Василей Княжей помянутого списка не дали.

Апреля 18 дня послал он, Качанов, в ясашную избу сына боярского Назара Колесова со служивыми людьми, дав ему указную память по силе которой велено ему было, Колесову, большерецких служивых на караул наряжать, и обретающуюся в Большерецком остроге всякую казну и аманатов по прежнему хранить и о бунтовщиках, ежели которые будут ослушны указу, репортовать, сколько их числом и кто имяны.

Сын боярской Назар Колосов, пришед в ясашную избу, прочел данную ему указную память, а служивые Василей Княжей с товарыщи ему, Колесову, от вышеозначенного дела отказали, и из посланных с ним служивых Андрея Петрова били и в казенку посадили, а прежде того многих служивых, которые не с ними в совете, смертно били, а иных в казенку сажали.

Прикащик Василей Качанов, видя помянутых бунтовщиков непокорство и великие обиды, извещал о том детям боярским Петру Мухоплеву, Назару Колесову и казакам, которые к бунту казаков Василья Княжева с товарыщи не приобщились, что послан он Качанов по указу на Большую реку прикащиком и велено ему как русских, так и иноземцов ведать судом и расправою. Да ему

же, Качанову, велено в удобном месте построить город и казенные анбары, потому что ясашная казна будет привозиться со всех острогов на Большую реку, и аманаты всех острогов будут держаны на Большой реке, и назначено де по указу быть столичному месту на Большой реке и морской пристани.

И по силе оного указу в феврале месяце посылал де он, Качанов, для рубления лесу на вышеписанное строение казаков, Григорья Тюшева с товарыщи, которые несколько лесу и срубили, а ныне де оные служивые забунтовали и чинят де остановку в приказанном ему деле» (С.П. Крашенинников).

* * *

Для «чистоты» нашего исторического исследования мы не должны пройти мимо и тех камчатских казаков, которые не участвовали в бунте, хотя и находились в это время на Камчатке. Как сообщал якутский воевода: «Да Верхнего ж и Нижняго Камчадальских острогов осталых служилых и промышленных людей Алексея Александровых, Федора Ярыгина, Семена Ламаева, с товарищи, 91 человека, которые в злую мысль и в совет к Данилу Анцифорову с товарищи не пристали…» Конечно, имена всех этих казаков нам не известны, но попробуем проанализировать историю появления на Камчатке тех из них, кто остался в исторической памяти.

Начнем с самых главных: «А служилым людем, Алексею Пещере, Семену Ламаеву, Тимофею Путимцову, Козьме Марманскому, Ивану Харитонову, Петру Иконникову с товарищи, которые к тому злому умыслу и убийству не пристали, велено сказать при всем народе твое, великого государя, милостивое слово».

В некоторых списках упоминается еще и фамилия Лвов (Львов).

(Кондратий) Львов

Вероятно, это был кто-то из детей якутского сына боярского Леонтия Львова — либо Иван (1679 г. р.), либо Кондратий (1684 г. р.), который в 1706 году служил в первой пятидесятне Якутского казачьего полка.

Леонтий Львов был из новокрещенных детей боярских — то есть из иностранцев, принявших православие и поступивших на русскую службу: «верстан в дети боярские в 7186 г. на убылое место Второва Катаева». То есть занял весьма почетное место. Умер Леонтий в 1706 году. И скорее всего, на его убылое место

был верстан старший сын — Иван Леонтьевич. Известно, что в июне 1712 года руководил боем под Каменным острогом другой сын Леонтия — Кондратий Львов.

Есть еще одна версия: в 1654 году было повелено «…служилого человека Федора Семенова Львова выслать в Якутский острог за крепкой порукой…», но в этом случае мы не наблюдаем каких-либо родовых корней.

Козьма Марманский (Норманский)

Алексей Пещера (Алексей Александровых, Алексей Осипов)

Тимофей Путимцов

Путимцовых нет ни в одном из изученных нами списков Якутского казачьего полка.

Основное ядро казаков Путимцевых-Путинцевых было сосредоточено в Томске. Их предки были выходцами из города Путивля. Например, десятник Никита Иванов (сын Ивана Петрова, служившего в Томске в 1626 году) Путимцев: «…отец уроженец из Путивля, в Томск пришел собой и был в Томске в конной службе, а он Микитка, верстан в конную службу при воеводе Иване Бутургине. Оклад денег 7 рублев с четью, хлеба 6 четей с осьмикою ржи, 4 чети овса, 2 пуда соли». Или Микишка Путимцов сын Зиновьев: «…отец родом путимец и служил конную службу, из Путим(в)ля взят был к Москве и с Москвы прислан в Томск в конную службу, а он родился в Томске и верстан в службу при воеводе Петре Львове. Оклад 7 рублев с четью, хлеба 6 четей с осминю ржи, 4 чети овса, 2 пуда соли».

Иван Харитонов

В 1706 году десятник четырнадцатой пятидесятни Якутского казачьего полка.

Выходец из Тобольска, о нем у нас уже был разговор.

* * *

Различные исторические источники сообщают разные данные о количестве казаков и промышленных людей Верхнекамчатского и Нижнекамчатского острога, которые не пристали к бунту 1711 года.

К сожалению, такого же списочного состава этих гарнизонов, которым мы обладаем благодаря материалам следствия о бун-

товщиках, у нас нет. Поэтому приходится собирать сведения о людях, которые не попали в следственные материалы, буквально по крохам.

По данным Василия Колесова, 33 человека из числа служилых и промышленных людей Нижнекамчатска не пристали к бунту Кыргызова.

Вот что удалось «выудить» о них из материалов следствия.

Жители Нижнекамчатска:

Алексей Бурой

Григорий Кыштынов

Его имени нет в списках казаков Якутского казачьего полка за 1706 год.

В статье О.Е. Бураевой «Новое о присоединении Бурятии» есть любопытное сообщение: «29 сентября 1647 г. в отписке енисейского воеводы Федора Полибина говорится: “И по твоему государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии счастию, в Мунгальской земле де князец Турукой табун тебе государю поклонился, и впредь тебе государю хотел де послушен бытии из твоей царской милости неотступно, а сказал де под собою мунгал с двадцать тысяч человек, опроче **кыштимов**...”».

То есть, как и Мунгал, как и Келтяка, скорее всего, Григорий Кыштынов (Кыштимов) из числа новокрещенных казаков коренного сибирского происхождения.

Во время нападения на нижнекамчатского приказчика Федора Ярыгина людей Кыргызова в доме у Ярыгина были жители Нижнекамчатска, которые обратились за помощью к остальным:

Тит Аввакумов

Его имени нет в списках казаков Якутского казачьего полка за 1706 год.

Первые якутские Авакумовы были из Тобольска: Трофим Авакумов в 1640 году, пеший казак станицы Выходцева (в 1661 году мы видим это имя списках казаков Тобольска).

В Якутске в 1650 году служил Федулка Аввакумов — денщик Якутской приказной избы.

В 1666 году Дмитрий Аввакумов, енисейский сын боярский, приказчик Иркутского острога.

В 1681 году в якутских казаках служит Ивашко Аввакумов: «Новокрещен Ивашко Аввакумов Ищерек в нынешнем в 200-м [1692] году идучи в Охотцкой от иноземцов убит. И августа в 18 день приверстан в ево Ивашково место казачей брат Федька Иванов Ярыгин в холостой оклад».

Яков Тугобезненов

В списках якутских казаков эта фамилия не найдена.

Но ее невозможно спутать ни с какой другой. Правда, писалась она изначально несколько по-иному: **Яшка Петров Тугобезменов**, пятидесятник, и его брат — рядовой казак Игнашка Петров, Тобольск, 1689 год.

В 1710 году есть информация об Игнате: «Двор купленой вторago полку пешего казака Игнатья Тугобезменова дочери ево девки Федосьи сказала себе 17 лет у ней живет дядя ее родной отставной пешей казак Семен Тугобезменов». А также: «Двор купленой вторago полку пеших казаков пятидесятника Федоровские жены Тугобезменова вдовы Анны Андреевой дочери сказала себе 50 лет у ней сын вторago набору салдат Алексей 20 жена ево Катерина Яковлева дочь 20-ж лет да сын же Калина 10 лет...»

В 1748 году в Нижнекамчатске служит в казаках Еввод Тугобезменов (вероятно, Яковлев сын).

В 1710 году в Тобольске служили в пеших казаках Тугобезменовы.

Алексей Чурин

Алексей Чюрин сын Михайлов, одиннадцатая пятидесятня Якутского казачьего полка (1706 год). Погиб вместе с сыном Алексеем в 1731 году на Камчатке.

Более в списках якутских казаков эта фамилия не встречается.

В 1624 году из «литвы новокрещен» и верстан в конные казаки по г. Томску Иван Чюра. В 1703 году в Томске отмечен Клим Чурин.

Встречаем мы эту фамилию и в Тобольске: казачий сын Мишка Леонтьев сын Чюрин (1689).

В ответ на сообщение этих казаков о нападении на Ярыгина служилый Дмитрий Шивыря попытался заступиться, но его избили кистенями и выбросили из дома.

Дмитрий Шивыря

Вариантов написания фамилии несколько: Шевырин, Шавырин…

Но вот первый: Дмитрий Шевыря сын Григорьев, двенадцатая пятидесятня Якутского казачьего полка (1706 год). Ранее этого периода она в списках якутских казаков не встречается.

Впоследствии известны на Камчатке казаки Никита и Сила Шевырины.

Яков Басила, промышленный человек, тоже бросился на помощь, но и его также избили.

Избили и служилого Алексея Чурина.

* * *

Жили в Нижнекамчатске.

Служивые:

Козма Везливцов

В исторической литературе этот — один из самых авторитетных — жителей Нижнекамчатского острога почему-то обозначен как якутский посадский, хотя есть достоверные данные другого порядка:

Кузма Вежливцев сын Михайлов — якутский казак девятой пятидесятни казачьего полка (1706 год). Возможно, он и был выходцем из якутских посадских (в списках якутских казаков за более ранний период этого имени мы не обнаружили), но на Камчатке находился на службе. И не только: «1715–1716 годы. Пятидесятник Алексей Петриловский. Его в качестве приказчика послал из Анадырска на Камчатку в 1714 г. П. Татаринов. Прибыв в Нижнекамчатский острог 9 июля 1715 г., принял дела от И. Козыревского. Превзошел своих предшественников-приказчиков в лихоимствах и злоупотреблениях (одного казака даже замучил вилами до смерти). В результате в конце лета 1716 г. был смещен казаками и посажен под арест. В 1720 г., оставаясь под арестом, был вывезен с Камчатки и отдан под суд в Якутске. Вместо Петриловского казаки выбрали приказчиком Нижнекамчатского острога якутского посадского человека Козьму Вежливцова. …В марте 1718 г. в Нижнекамчатском остроге “на приказе” вновь сидели “выборные судейки” К. Вежливцов и Алексей Колычев». «Служилый человек Федор Балдаков, обиженный тем, что его отстранили от сбора ясака, подал “выборным судейкам”

Нижнекамчатского острога Кузьме Вежливцову и Алексею Колычеву челобитную с изложением “лихоимств” ясачного сборщика Степана Саблина. “Судейки”, зависимые от казаков, выбравших их на “приказ”, собрали «круг» и зачитали челобитную Балдакова вслух “всенародно”. При этом по поводу обвинений в “лихоимствах” они заявили: “*Мы де и все так делаем сами*”, – и отказались начать следствие» (А. Зуев).

Он же вместе с А. Колычевым были устроителями первой на Камчатке Николаевской церкви, построенной в 1712 году, но долгое время не освященной. «В 1721 г. Феофан (управляющий Якутским Спасским монастырем. — *С.В.*) уехал по делам в Тобольск, предварительно послав к архимандриту Иосифу на Камчатку “указ о бытии ему в тамошних острогах у духовных дел”. Однако назначенный на время отлучки Феофана управляющим якутским Спасским монастырем Игнатий Козыревский послал туда своего представителя — якутского служилого человека Козьму Вежливцова, указав ему “в тех острогах быть заказщиком духовных дел и ведать иеромонахов и причетников судом и росправою”».

Откуда родом был Козьма Вежливцев, установить не удалось.

Иван Глазырин

Его имени нет в списках казаков Якутского казачьего полка за 1706 год.

В 1719 году мы находим эту фамилию в деревне Ключевской Тобольского уезда (Переписная книга Тобольского уезда 1719 г. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1587).

Михаил Заве (возможно, просто Заев)

Информации нет.

Но если Заев, то в 1624 году в Тобольске служил в конных казаках Клишка Заев, вероятно, от которого пошел род казаков Заевых.

Михаил Заев сын Мартынов был в 1706 году записан в тринадцатой пятидесятне Якутского казачьего полка. Но ранее эта фамилия в Якутии не встречалась.

Томский казак Кирюшка Заев сын Назаров в 1680 году сообщал о себе: «Дед был прислан с Москвы в Сургут уставщиком над плотниками и оттуда переведен в Томск, а отец его Назар родился в Сургуте, с отцом пришел в Томск и поверстан в пешую

службу, а он, Кирюшка, верстан после отца в его место. Оклад пеший, рядовой».

Федор Захаров

Его имени нет в списках казаков Якутского казачьего полка за 1706 год.

Но Федька Захаров сын Васильев — служил в 1696 году в пеших казаках в Тобольске.

В 1706 году в списках казаков Якутского казачьего полка показан пятидесятник двенадцатой пятидесятни Иван Захаров (его имя есть в списках якутских казаков за 1681 год). В девятой пятидесятне служил Василий Захаров (он же отмечен в списках за 1692 год).

Якутск, 1720 год: «Во дворе отставного казака Дмитрея Левонтьева сына Скоробогатова живет служивой Михайло Васильев сын Захаров»; «Во дворе Стефан Иванов сын Шангин… у него ж живет тобольской казачей сын Стефан Захаров».

Свои Захаровы были в Томске: родоначальник — конный казак Немирко (Захар) Якимов сын Попов, родом из Тюмени.

Богдан Канашев

Богдан Канашев сын Иванов. Его имени нет в списках Якутского казачьего полка за 1706 год. И ранее фамилия тоже не встречается в списках якутских казаков.

«**1711–1712 годы.** *Десятник Василий Савостьянович Щепетной (Щепеткой)*. Назначен в 1710 г. Прибыл летом 1711 г., приняв остроги у “выборных” приказчиков. Затем назначил заказчиками: в Верхнекамчатский острог — С. Ламаева, в Нижнекамчатский — К. Марманского (последний умер 9 апреля 1712 г.), в Большерецкий — Федора Шелковникова. При отъезде в Якутск 8 июля 1712 г. оставил заказчиками в Верхнекамчатске Константина Кыргызова, в Нижнекамчатске — Ф. Ярыгина.

Вскоре после этого К. Кыргызов “скопом и заговором” захватил Нижнекамчатский острог, посадил под арест Ф. Ярыгина, принудив его сдать дела казаку Богдану Ивановичу Канашеву» (А. Зуев).

Есть интересная аналогия: «…поборы и жестокость охотских приказчиков Юрия Крыжановского и Петра Ярыжкина в 1676–1678 гг. положили начало цепи трагических для служилых людей на Охотском побережье событий.

Объединившись, 8 тунгусских родов Охотского края под предводительством тунгусов Годниканского рода Некрунко и **Канашанко** в отместку начали повсеместно убивать русских промышленных и служилых людей, как одиночек, так и целые отряды, а 7 января 1678 г., собрав более 1000 чел., взяли Охотский острог в осаду. Приказчику острога Ярыжкину с гарнизоном едва удалось спасти от расправы Крыжановского и отстоять острог.

Отправленный осенью 1678 г. отцом-воеводой в Охотский острог стольник Данил Фомич Бибиков по прибытии в Охотск чинил жестокую расправу над тунгусами, за что на обратном пути в Якутск 6 марта 1680 г. на Юдомском Кресте был убит вместе с 39 спутниками, тунгусами во главе с **Канашанко** (как будто судьбой было предназначено погибнуть в тот же день, когда в Якутске скончался отец), а охотская казна (1130 соболей, лисица черно-бурая) и вооружение разграблены. Так стольник Д.Ф. Бибиков стал самой высокопоставленной жертвой от рук местного населения Северо-Востока Сибири XVII–XVIII вв».

При крещении сын Канашанко (возможно, взятый в аманаты-заложники) мог стать Канашевым (как, например, сын тойона Тареи стал Тареиным).

Но более вероятна другая версия: он был выходцем из деревни Канашевской Шадринской слободы Тобольского уезда. Или с притока реки Исеть Канаши.

Алексей Колычев

Алексей Колычев сын Петров, казак шестнадцатой пятидесятни Якутского казачьего полка (1706 год): «Ивашка Епишев в прошлом во 199-м [1691] году в Якутцком умер. И в нынешнем в 200-м [1692] году июля в 8 день приверстан в ево Ивашково место **казачей брат Алешка Петров Колычев** в холостой оклад в рядовые казаки».

Второе по значимости лицо среди нижнекамчатцев, устроитель вместе с Козьмой Вежливцевым Николаевской церкви.

Ивашко Степ. Колычев Костромитин отмечен в списках яицких казаков в 1632 году. Вполне вероятно, что это потомки ссыльных бояр Колычевых во времена Бориса Годунова. Есть версия, что и Иван Кольцов действительно был представителем рода бояр Колычевых, который бежал от смертной казни во времена Ивана Грозного на Волгу и стал разбойником, а затем примкнул к отряду Ермака.

В восьмой пятидесятне в Якутске служил в это же время Иван Колычев (вероятно, сын Харитонов). Он был на Камчатке вместе с Василием Колесовым в 1712 году и участвовал в проведении следствия по двум бунтам 1711 и 1712 годов.

У якутского казака Харитона Яковлевича Колычева было два сына — Афанасий и Иван.

Но откуда Колычевы прибыли на службу в Якутск, установить не удалось.

В 1854 году представители этого рода участвовали в обороне Петропавловского порта.

Федор Панов

Его имени нет в списках Якутского казачьего полка за 1706 год.

В 1682–1693 годах в списках казаков Якутска значится Матюшка (Матвей) Панов, у которого было два сына — Сенька (1683 г. р.) и **Федька** (1689 г. р.).

В третьей пятидесятне служил Кузьма Панов сын Яковлев (который тоже впервые появляется в списках 1689 года, и в этом же году у него рождается сын Афонька).

Первый Панов в Якутске был из числа тобольских казаков, направленных сюда в 1639 году вместе с первым якутским воеводой П. Головиным: Петрушка Панов сын Гаврилов, казак станицы Ивана Александрова: «Петрушка Гаврилов сын Панов Вергунов он же жена у него в Тобольску в прошлом во 154-м [1646] году послан на государеву дальную службу на Оленек реку»; «Петрушка Гаврилов сын Панов Вергунов он же в нынешнем во 159-м [1651] году отпущен з государевою соболиною казною к Москве в провожатых».

Якутск, 1692 год: Коземка Яковлев Панов, Ивашко Панов.

Якутск, 1693 год: Панов Кузка, казак — сын Афонка (1689); Матюшка Панов, казак — сыновья Сенька (1683), **Федька (1689).**

В восьмой пятидесятне служил Иван Панов (в 1693 году собирал ясак на р. Алдан), убитый в 1725 году на Камчатке на р. Аваче.

Якутск, 1720 год: «Во дворе вдовы Марфы Михайловой живут служивые… Иван Терентьев сын Панов двацети шести лет».

Казаки Пановы были, кроме Якутска и Тобольска, также и в Енисейске.

Иван Прибылов

Первое упоминание в Якутске этой фамилии относится к 1654 году — речь шла о Сеньке Прибылове.

В 1681 году в списках якутских казаков значится Максимко и Матюшка (Матвей) Прибылов — последний был участником первого похода Владимира Атласова, убит на реке Палане во время восстания юкагиров. В 1706 году Максим служит во второй пятидесятне.

В материалах Якутской приказной избы за 1691 год мы находим «Поручные записи о приборе к пешей казачьей службе Василия Прибылова» — это Василий сын Семенов, вероятно, брат Матвея и Максима. И этому есть подтверждение: «Во дворе служивой Максим Семенов сын Прибылой» (Якутск, 1720 год).

Сенька Прибылов, казак — сын Васка (1678); Максимка Прибылой, казак — сын (имя?) (1691). Но это не может быть Иван — слишком юн.

Борис Соловаров

Борис Соловаров сын Степанов.

В 1706 году казак первой пятидесятни Якутского казачьего полка, в 1711 году десятник нижнекамчатских казаков. В 1768 году в числе отставных нижнекамчатских казаков был Лука Соловаров, возможно, сын Бориса.

Якутск, 1720 год: «Во дворе умершаго посадного Елисея Игнатьева сына Новогородова живет на подворье служивой Петр Соловаров сказал восемнатцати лет а отцу ево Борису по скаске сына ево пятьдесят лет и он Борис послан Великого государя на службу на Камчатку в [1]711-м году».

В документах Якутской приказной избы имеются следующие документы: «Книга сбора ясака за 1701 г. по Колымским Верхнему, Среднему и Нижнему зимовьям приказчика казака Бориса Соловарова»; «Книга сбора новой десятой деньги за 1702 г. на рр. Алазее, Индигирке, Колыме и в Анадырском остроге казака Бориса Степанова Соловарова, 12 октября 1702 — 12 декабря 1704 г.».

В 1689 год в Тобольском уезде были отмечены отставной драгун Михайло Леонтьев сын Соловаров 60 лет; крестьянин Михайло Соловаров сказался 50; «крестьянин Ермил Соловаров сказался 14 лет, у него брат Фалилей, 13, Леонтий 11».

Аналогичную фамилию мы нашли и в Иркутске: «**Соловаров Петр Иванович**, иркутский сын боярский, и земский комиссар. Приехал в Илимск по назначению из Иркутска в июле 1723 года и в декабре умер в Илимске. С ним, в качестве его

товарища, управлял Добрынский Иван Васильевич, в наказе которому было написано: “быть тебе у всяких дел в споможении”».

Промышленные:

Филипп Юдомский

Очень часто в Сибири выступали родственные кланы, представляющие торгово-служило-промышленные корпорации, когда один добывал пушнину, другой обеспечивал его защиту, а третий этой пушниной успешно торговал. Вполне возможно, что и Филипп был представителем такой корпорации, по крайней мере в документах Якутской приказной избы мы обнаружили такую запись: «...о передаче двора десятника казачьего Григория Горбуна по невыкупленной закладной кабале приказчику гостя Филатьева Алексею Юдомскому».

«Михаил Стадухин летом 1650 года послал Селиверстова из Нижнеколымска с «костяной казной» в Якутск. Дорогу в три тысячи километров он проделал по морю на коче торгового человека Алексея Васильевича Едомского. 11 октября, оставив своих спутников в Жиганске, Селиверстов явился в Съезжую избу и донес на них. Он показал, что торговцы, нарушая существующие правила, до сбора дани выменивали соболей у колымских юкагир, кроме того, по дороге украли у него четыре пуда моржовых клыков и заемных кабал на 3½ тысячи рублей. В Жиганск поскакал воеводский пристав, было произведено следствие, и пушнину, принадлежавшую Едомскому с товарищами, отобрали в казну» (М.И. Белов).

Интересна этимология: «*Едемский* ...Фамилия из наименования местности: в Архангельской губ. было несколько населенных пунктов с названиями Едома, Едема из местного нарицательного со значением “отдаленная местность”. Под властью Новгорода среди “двинских бояр” были влиятельные Едемские, после присоединения к Москве они остались жить на р. Ваге, позже “большинство Едемских окончательно окрестьянивается, некоторые даже нищенствуют”. Удивительно наблюдение Подвысоцкого: *едомский* — обедневший, безоленный самоед, переносно — *нищий*, с одной стороны, связывающее его еще с ненцами, а с другой — словно напоминающее о судьбе рода Едемских».

А теперь что касается служилой части корпорации Едомских-Юдомских: в 1648 году тобольский пятидесятник Ларька (Ларион сын Харитонов) Едомский привел на реку Лену смену тобольских «годовальщиков»: «Тобольские служилые люди которые присланы ис Тобольска с пятидесятником с Ларкою Едомским прежним на перемену.

Оклад денег пятидесятнику 5 рублев с четью десятником по 5 рублев без чети а рядовым по 4 рубли с четью да хлеба пятидесятнику и десятником и рядовым по 5 чети с осминою ржи весом иметьца 25 пуда...»

А в 1651 году последовал наказ уже томскому пятидесятнику «...в Илимском остроге быть томским служилым людям пятидесятнику Лариону Едомскому с товарищами».

Вот так менялись географические полюсы — представители тобольских казачьих родов оставляли свой след по всей Сибири.

Никита Крохалев

Промышленные люди были достаточно свободны в своем перемещении, но Никита Крохалев отмечен в 1748 году уже в списке нижнекамчатских казаков, а в начале 19-го столетия мы обнаруживаем на Камчатке династию Крохалевых: Григорий Данилович Крохалев (1817 год, отставной казак), Ермил Григорьевич Крохалев (1807 г. р.), казачий сын, казак, впоследствии матрос Петропавловской экипажной роты, и уже его сын — Иван Ермилович Крохалев (1844 г. р.) — один из юных защитников Петропавловского порта в 1854 году.

* * *

По Верхнекамчатскому острогу разобраться с теми, кто не участвовал в бунте, сложно.

Нам известны пока только два имени – это Андрей Маюр и Данила Абалаков, которые вместе с нижнекамчатским казаком Иваном Лебедевым, насильно захваченным бунтовщиками, арестовали Константина Кыргызова.

Андрей Маюр

Фамилия редкая. В списках якутских казаков ее нет.

Аналоги находим в Енисейске (1661 год): «Того ж числа по государеве грамоте присланы с Москвы в Тоболеск с Микиткою ж Карагановым с товарыщи поляк Онисимко Иванов да **немь-**

чин Януско Маеров; и по указу великих государей посланы ис Тоболска те ссылные люди в Енисейской острог, а в Енисейском велено немчину быть в службе, а поляку Онисимку в пашне быть».

Янус (Якунька) Майеров (Маеров) — «немчин Цесарской земли». В 1661 году прислан в Енисейск в конные казаки с окладом 6 руб., 6 четей ржи, 4 чети овса и 2 пуда соли.

Данила Абалаков

В якутских казачьих списках такой фамилии мы не нашли.

Абалаков, Абаланов, Абаломов – во всех этих вариантах эта фамилия встречается в разных документах.

Начнем вот с этой цитаты: «Значительная часть потомков казаков “литовского списка” отмечается в таких крупных поселениях, как село Абалак, Преображенское, в самом городе Тобольске».

И понятное дело, что кто-то из старшего поколения Абалаковых отправился в свое дальнейшее странствие по Сибири из тобольского села Абалак.

Действительно, мы находим впоследствии Абалаковых в Енисейске («Въ д. Марковѣ-Городищѣ прикащикомъ былъ пятидесятнікъ Михаилъ Абалаковъ, а нынѣ боярскій сынъ Самойло Кашмовскій, у него въ присудѣ было 64 двора»).

Служилый **Байкаловский**

Иван Байколовских сын Яковлев, шестнадцатая пятидесятня Якутского казачьего полка (1706 год). Возможно, прибыл на Камчатку в отряде Василия Михайловича Колесова, служил в Нижнекамчатском остроге, послан в 1712 году с казаками Бурым и Еремеевым в Верхнекамчатский острог для замены Кыргызова, но он ответил им отказом.

Почему избран был именно этот состав казаков?

В 1696 году в списках конных казаков Тобольска записан Ивашко Байкаловский. Возможно, это и есть Иван Яковлевич, который мог хорошо знать всех тобольских «заводчиков» бунта.

В Якутске служил также Петр Байкаловский: «На р. Хатангу, находящуюся западнее Оленека и Анабары, якутское население проникло в конце XVII в. В одном из документов того времени говорилось о переходе на Хатангу 20 чел. староплатежных жиганских якутов. В 1701 г. ясачный сборщик Петр Байкаловский

уже собирал ясак с хатангских якутов. В списке ясакоплательщиков за 1702 г. поименовано 18 чел.».

А вот и уточнение: казак первой пятидесятни Петр Байкаловский прислан «из Тобольска вместо сродича сына боярского Хмелинина Микулы Иванова». В 1720 году: «Юрта Леонтья Гаврилова сына Шанешкина и он Леонтей послан в прошлых годех на Камчатку …на подворье у ней живет служивой Петр Байкаловской».

В документах Якутской приказной избы упоминается и сын боярский, приказчик Петр Байкаловский.

Конный тобольский казак Якунка Байкаловский упоминается в 1661 году (вероятно, из польских военнопленных, каких было немало в те годы расселено по городам и весям Сибири). А его сыну Ивану Яковлеву Байкаловскому было в 1689 году 66 лет, т. е. он был 1623 г. р., и получается, что если он родился в Тобольске (не привезен же из Польши), то Якунка Байкаловский служил еще в «старой сотне».

В 1693 году Байкаловские служат в казаках «литовского списка».

«Рядовой Литовского списку по 8 рублев с четью Федка Байкаловской. По 9 рублев с четью Ивашко Байкаловской. По 7 рублев Давыдко Байкаловской».

В 1696 году в этом же списке числится и Пашка Байкаловский.

Вероятно, в роду Якунки Байкаловского было два Ивашки Яковлева (сын и внук или правнук) и тогда понятно появление в Якутском казачьем полку Ивана Яковлева Байкаловского в 1706 году.

Служивый **Яков Ярославцов**

Яков Ярославцев сын Максимов в списках якутских казаков отмечен в 1687 году. В 1706 году он записан в пятой пятидесятне. У него сын Иван (1687 г. р.). В пятнадцатой пятидесятне служил Емельян Ярославцев. Артемий Матвеевич Ярославец — во второй пятидесятне.

Один их Ярославцевых сделал большую карьеру: «…в январе 1714 г. (ясачная казна была послана в Москву с сыном боярским Ярославцовым, бывшим впоследствии с Шестаковым в деле с чукчами и пожалованным вместо Шестакова якутским казачьим головою)».

Одним из первых в Якутске побывал тобольский казак Тимошка Ярославец сын Онисимов, казак станицы Тугарина Панюти-

на — он прибыл в отряде якутского воеводы П. Головина. Он был «бит батоги» по приказу воеводы и мог быть оставлен в Якутске «на вечное житье».

Были и другие варианты: «Кирилко Яковлев сын Ярославец за слепоту отставлен и в прошлом во 149-м [1641] году в Якутцком остроге на смотре у розбору взят в его Кирилково место Ивашко Михаилов сын Новокрещен якутцкой толмач».

1650 год: «Гришка Кузьмин сын Ярославцов в его место гулящей человек Фомка Офонасьев сын Нижегородец и в нынешнем во 158-м [1650] году ноября в 30 день на государеве службе в верхоленском в Братцком острожке умре а в его место нихто не поверстан».

1681 год: Максимко Ярославец сын Григорьев, казак (х/о) и Мартынко Ярославцов, казак (х/о)

1692 год: «Мишка Ярославцов в прошлом во 199-м [1691] году в Якутцком умер воспою. И в нынешнем в 200-м [1692] году октября в 3 день приверстан в ево Мишкино место казачей сын Сенька Пермяков»; «Ондрюшка Максимов Ярославцов в нынешнем в 200-м [1692] году идучи в Охотцкой от иноземцов убит»; «Гаранька Осипов Ярославцов в прошлом во 199-м [1691] году в Якутцком умер воспою»; Якунька Ярославцов.

Якутск, 1720 год: «Во дворе служивой Дмитрей Володимеров… в том же доме живет служивой Федор Ярославцов».

Впрочем, фамилия эта была довольно распространенной — ее носили многие и томские, и тобольские, и енисейские казаки, чьи предки были из Ярославля.

* * *

Теперь, когда у нас есть, пусть не очень точное, но, вероятно, вполне достаточное для некоторых самостоятельных выводов, представление о составе казачьего, в том числе и «воровского», сообщества, попробуем более детально изучить ту «теорию заговора», которую озвучил следователь — потомственный якутский служилый человек Василий Михайлович Колесов.

ЧАСТЬ 3.

Тобольские уроженцы

Первыми, кто пришел из Европы в Сибирь осваивать ее пушные богатства, были представители коренного народа Русского Севера — коми (пермяки и зыряне).

Именно они создавали в непроходимой тайге первые поселения — «зырянские городки».

Этот северный край — легендарная Биармия со своей столицей Пермью Великой — привлекал внимание жителей северных русских городов, которые в поисках драгоценной пушнины поднимались в Заполярье и создавали здесь первые свободные ватаги, занимающиеся охотой и разбоем (вошли в истории Российской империи под именем ушкуйников).

Слову «ушкуйники» дается следующее определение: «**Ушкуйники** — русские пираты. Летописи дают ушкуйникам имя поморов или волжан. Вольные люди, входившие в вооруженную дружину, снаряжавшуюся новгородскими купцами и боярами, разъезжавшую на ушкуях (речных судах. — *С.В.*) и занимавшуюся торговым промыслом и набегами на Волге и Каме; повольники (на Руси XIV–XV вв.) — охраной приграничных территорий Великого Новгорода. Также новгородские ушкуйники промышляли на северных реках — в Новгородской и Вятской землях XIV–XV веков. Члены вооруженных дружин посадского войска новгородского посадника, формировавшиеся для защиты северо-западных границ Руси. В свободное время от службы ушкуйники осуществляли торговые и промысловые экспедиции на Волгу и Каму».

Именно ушкуйники, спустившись по Волге-матушке в ее низовья, стали родоначальниками волжских (вольских, в некоторых записях даже польских), а затем и донских казаков.

А северный путь в Югру, за Урал, проходил именно по территории, населенной зырянами и пермяками: «Путь этот на Югру (через Урал, который назывался «Камень»), начиная от Устюга, шел вверх и по притоку Вычегды Выми поднимался до волока, соединявшего верховья Выми с рекой Ухтой, притоком Ижмы, впадающей в Печору. Далее, правым притоком Печоры — Усой и ее притоком Собью, можно было подойти к верховьям другой Соби, впадающей в Обь. Этот путь долгое время был основной артерией, по которой происходили все сношения с Северным Зауральем.

На юго-западе Коми край исторически и географически был тесно связан с Устюгом, а оттуда с Сухоной и районом Белоозера, из которого по реке Вытегре открывался путь к Онежскому озеру и далее к Ладожскому озеру и к Балтийскому морю, а по реке Шексне — путь на Волгу.

Историки говорят о том, что освоение Югры началось примерно за 500 лет (а скорее всего, еще раньше) до похода Ермака Тимофеевича:

1032 — Поход новгородского воеводы Углеба *«на Железные врата» «...и вспять мало их возвратишася, но много там погибша»*.

1187 — Отряд новгородцев, отправившийся за данью на Печору, Пермь и **Югру**, был истреблен в Печоре и Заволочье *«пали головы у ста доброименитых»*.

1193 — Поход новгородского воеводы Ядрея в Югру, почти полностью истреблен за Уралом.

1329 — Погибла новгородская торговая экспедиция, шедшая в Югру.

1332 — *«Князь великий Иван Данилович (Калита) взверже гнев свой на устюжцов и на ноугородцев, почто устюжци и ноугородцы от Вычегды и от Печоры не дают черный выход Ордынскому царю, и дали князю Ивану на черный бор Вычегду и Печору и с тех времен князь московский почал взимати дани с пермские люди»* (Вычегодско-Вымская летопись).

1499 — *«Повелев князь великий Иван воеводам своим Петру Ушатому да князю Семену Курбскому с большим войском идти покорять Печору и усмирять вогулов»*. Воины П. Ушатого по Пинеге, Коле, Мезени добрались до Цильмы и Печоры и *«идучи самоядцов за великого князя привели»*. Затем в низовья Печоры прибыли другие русские дружины. Здесь был основан первый заполярный город ПУСТОЗЕРСК.

С падением Великого Новгорода (1478) печорский путь в Зауралье тоже оказался в руках Москвы, которая торопилась воспользоваться им, чтобы подчинить зауральскую Югру. Исходным пунктом военных экспедиций, снаряжаемых Москвой за Урал, был Великий Устюг и тесно связанный с ним Коми край.

В 1483 году произведен был большой поход на пелымского князя Асыку «да и в Югру на Обь великую реку». Под начальством великокняжеских воевод шли, кроме устюжан и вологжан, вычегжане, вымичи, сысоличи, пермяки. Разбив Асыку на реке Пелым, ратные люди по реке Тавде добрались до Сибирской земли и дальше спустились «воюючи» вниз по Иртышу в Обь и «воевали» князей югорских. Военное поражение заставило князей югорских пойти на заключение мира с Москвою. В 1484 году вымские князья Петр и Федор заключили с ними мир «под владычним городом Усть-Вымским»».

Сергей Туров, доцент кафедры отечественной истории Тюменского государственного университета:

«По старинному списку русских служилых людей в Тюмени, Тобольске и Сургуте можно видеть, что почти половина носит поморские фамилии: Лопаревы, Черемисовы, Вепсовы, Перегородовы. А другая половина ходит с коми-зырянскими фамилиями: Печорины, Вычегжанины, Выметины, Зыряновы, Медведевы, Галкины, Коноваловы.

К примеру, известный русский старожильческий род Шаховых встречается во многих югорских поселениях. Откуда эти Шаховы? Можно подумать — из Турции. Однако по строгановским летописям вместе с Ермаком в Березово пришли и обосновались там три казака — Шах, Лях и Оболта. По фамилиям сразу ясно, откуда они родом, с поморских земель. Потому что в северорусском говоре "шах" — это распорка для сушки сетей. Род Ляха быстро пресекся, а Шаховы и Оболтовы набрали силу и сделали грандиозную карьеру: из казаков они превратились в служилых чиновников, а затем и в детей боярских. У русских старожилов Коноваловых тоже очень интересное происхождение. Конь на языке коми — "вал", в первом поколении зырянские выходцы из рода "коня" были Валовы, потом эту фамилию писали на русский лад — Коноваловы. Затем во втором-третьем поколении зыряне Коноваловы становились уже русскими».

Интересен и другой факт: «У коми фамилии появились начиная с 15-го столетия. Дело в том, что Пермь Вычегодская и Пермь Великая первоначально подчинялись Новгородской республике, где фамилии присваивались представителям всех слоев населения. Таким образом все ныне существующие фамилии народов коми образованы по «русскому» типу — с помощью суффиксов -ов- (-ев-), -ин-, -ский-. Однако корни, лежащие в основе фамилий, можно разделить на три разновидности. К первой относятся корни, позаимствованные из языка коми. Ко второй — корни, взятые из русского языка. К третьей — корни, имеющие интернациональное происхождение от собственных имен.

Так, фамилия Бурматов происходит от «бур» (добрый) и «морт» (человек), Ичеткин — от «ичет» (маленький), Кудымов — от мифологического коми-пермяцкого героя Кудым-Оша, Колегов — от «кальог» (болтливый), Кычанов — от «кычи» (щенок), Пупышев — от «пупыш» (прыщ), Ческидов — от «ческыд» (сладкий, приятный), Юров — от «юр» (голова).

В знаменитый поход Ермака Тимофеевича «за Камень» вели сорок проводников — все они были зыряне из числа промышленных людей, издавна занимавшихся охотой на пушного зверя в здешних местах.

Значительную долю в казачьем отряде Ермака и последующей колонизации Сибири занимали и русские промышленные люди — выходцы с Русского Севера, сохранившие в своих фамилиях память об исторической родине: Вычегжанины, Вагины, Сысолетины, Устюжанины…

Безусловно, охочие промышленные люди сыграли огромную роль в продвижении русского государства на сибирские и дальневосточные окраины, будучи свободны, подвижны и весьма заинтересованы в освоении все новых и новых районов Сибири, богатых пушным зверем.

Но основой основ колонизационного процесса были все-таки служилые люди, которые закрепляли эти новые территории за Россией, строили военные укрепления (зимовья, остроги, города), собирали государственную дань — ясак — с народов, присягнувших на верность русскому царю.

И поэтому летоисчисление Сибири в составе России ведется не со времен Великого Новгорода, когда начались первые походы в Югру, не с промышленного освоения сибирских просторов зырянами и пермяками, а с тех первых сибирских служилых людей, которые начали строить и обживать зимовья, остроги, города…

Вот тогда же появляются и закрепляются в истории Сибири первые фамилии будущих коренных сибиряков

Историк А.С. Зуев обобщил имеющиеся в разных источниках сведения о тех ермаковских казаках, которые и стали первыми жителями Сибири:

*«**Ермаковы казаки**, соратники Ермака, казачьей дружины, совершившие в 1581/82 поход в Сибирь и разгромившие Сибирское ханство. В дружину (по разным сведениям, от 500 до 1500 чел., включая т. н. молодых товарищей) входили вольные казаки с Волги, Яика, Дона и Терека, возможно, ратные люди из строга-*

нов. владений. В Сибири в боях с татарами сибирскими, хантами и манси, от голода и холода погибла большая часть казаков. Остатки дружины (ок. 90 чел.) осенью 1585 вернулись на Русь, затем их большая часть в 1586 уже в качестве служилых людей вновь прибыла в Сибирь в отряде воевод В. Сукина и И. Мясного. Е. к. участвовали в стр-ве 1-х рус. городов, покорении и объясачивании сиб. народов, несли разнообраз. казач. службы. Нек-рые заняли высокие должности в сиб. гарнизонах. В 1621/22 по заказу тобол. митрополита Киприана сподвижники Ермака по памяти составили краткое “Написание како приидоша в Сибирь” и сообщили имена нек-рых погибших во время похода казаков. На основании “Написания…” Киприаном в том же году составлен Синодик для поминовения Ермака и казаков, “пострадавших за православие”. В 1624 оставшиеся в живых участники “сибирского взятья” обратились к властям с просьбой построить для них в Тобольске богадельню, в к-рой за казен. счет стали содержаться престарелые и увечные казаки. Часть Е. к. на старости нашла приют в монастырях, в т. ч. в Тобольском Знаменском. Мн. из Е. к. стали основателями сиб. служилых династий.

Сведения о Е. к. весьма ограничены. На сегод. день установлено лишь неск. имен казаков и крайне скупые биогр. данные о них. Поскольку в XVI–XVII вв. система фамилий не устоялась, отчества у простолюдинов не признавались (напр., Иван Александров сын вместо Иван Александрович) и часто существовали прозвища, нижеслед. перечень Е. к. дан в алфавит. порядке по именам.

***Алексей Галкин** (прим. 1540-е гг. – после 1610) служил ок. 30 лет атаманом в Березове, погиб во время мангазейской службы в столкновении с “иноземцами”; основатель изв. династии енисейских служилых людей Галкиных, известны сын Алексей и внук сын боярский Василий.*

***Богдан Брязга (Брюзга**), есаул, погиб в 1582 в бою то ли в окт. под Чувашевым мысом, то ли в дек. у оз. Абалак.*

***Гаврила Иванов(ич?)** до похода в Сибирь казаковал ок. 20 лет в станице Ермака и др. атаманов. В Сибири прослужил 42 года: участвовал в разгроме Кучума и пленении царевича Али, в стр-ве Тюмени, Тобольска, Тары, Пелыма, Томска, в походах в Кузнецкую землю и на калмыков, в 1623 назначен атаманом тюмен. конных казаков и “литвы”.*

***Григорий Ясырев (Ясырь),** по утверждению его внука, тобол. рейтара Ивана Ясырева, служил с Ермаком “конную службу”; в*

1595 командовал отрядом, отправленным на поиски Кучума; в 1599 — тобол. конный казак. Вместе с сыном Федором владел двором, пахотной землей, поскотиной и сенокосами в р-не оз. Абалак (1623). Прозвище Ясырь указывает, что Григорий до Сибири побывал в татар. плену. Умер после 1627/28.

Иван Александров(ич) Черкас (Черкас Александров) *впервые упоминается как один из рук. казач. посольства 1583 к Ивану Грозному. В 1586 он среди основателей Тюмени, Тары, позднее служил в Тобольске; в 1593–94 — атаман, в 1598 — голова тобол. служилых татар, участник окончат. разгрома Кучума. Возможно, является автором т. н. казачьего "Написания…" о походе Ермака (1600–01). Прозвище Черкас указывает на принадлежность А. к запорож. казакам, а второе прозвище — Корсак (распростр. фамилия среди полоцкой шляхты) — на происхождение с Запад. Руси — Украины или Белоруссии. Умер, вероятно, до 1623. Его потомки – сыновья Афанасий, Борис, Дмитрий и внуки – упоминаются в 1620–1660-х гг. среди тобол. детей боярских.* (О том, что он служил при Ермаке, есть и документальное свидетельство: "‚Прибыльная' книга 175–177 [1667–1669] годов тобольского воеводы стольника П.И.Годунова".

Л. 1. …Черкас Александров Корсак служил в Сибири в Тобольску в головах татарских с Ермакова взятья всякие государевы службы во всех сибирских городех. И что ему было государева денежного и хлебного и соляного жалованья оклад, того выписать не из чего, потому что старые дела згорели в 137-м [1629] году, как горела в Тобольску приказная изба… (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 367). — *С.В.*).

Л. 220. Царю государю и Великому князю Алексею Михайловичю всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу, и государю благоверному царевичю и Великому князю Алексею Алексеевичю всеа Великия и Малыя и Белыя Росии, и государю благоверному царевичю и Великому князю Феодору Алексаеевичю всеа Великия и Малыя и Белыя Росии, и государю благоверному царевичю и Великому князю Симеону Алексеевичю всеа Великия и Малыя и Белыя Росии, и государю благоверному царевичю и Великому князю Иоанну Алексеевичю всеа Великия и Малыя и Белыя Росии.

Иван Иванов(ич) Гроза *— атаман, по нек-рым данным он, а не И. Александров руководил посольством к Ивану Грозному. Участвовал в разгроме Кучума, стр-ве Тобольска, Тары, Томска, неоднократно бывал с разными поручениями в Москве. Во время Смуты, в 1609, участвовал в походе М.В. Скопина-Шуйского к Москве, затем возглавлял казач. станицу в составе правительств. войск; сражался под Торжком, Переславлем-Залесским, Александровской слободой, за взятие Стромынского острога (на старой Владимирской дороге) получил "похвальную грамоту" от царя В. Шуйского. В 1610 вернулся в Сибирь, назначен головой тобол. конных казаков. В 1620-х гг. владел двором в Тобольске, пахотными землями, сенокосами и рыболов. уч-ком по р. Башнаше (недалеко от Тобольска). Умер в 1634/35. Сын, Гаврила Грозин, в 1630–50-х гг. тобол. сын боярский, голова конных казаков, внук Иван с 1650-х гг. – тобол. сын боярский.*

Иван Кольцо *— атаман, гл. помощник Ермака; до похода в Сибирь — атаман у волж. казаков, актив. участник борьбы с ногайцами, в 1581 руководил нападением на ногай. послов, направлявшихся в Москву, за что приговорен к смерти. Присоединился к Ермаку вместе с Н. Паном, С. Болдырем и волж. казаками. Погиб в зиму 1584/85 во время переговоров с Карачой.*

Иван Захаров *в кон. XVI – нач. XVII в. служил казаком в Тюмени.*

Иов (Иев) Вышата *в нач. 1586 постригся в монахи моск. Чудова монастыря.*

Матвей Мещеряк *— атаман, один из рук. похода; после гибели Ермака возглавил остатки дружины. Участвовал в стр-ве Тюмени и Тобольска. В 1587 погиб в бою под Тобольском с татарами Сеид-хана. Интересно полное совпадение имени, прозвища и звания ермаковца Мещеряка с атаманом Матюшей Мещеряком, к-рый летом 1585 совершил с отрядом в 500 казаков набег на ногайцев, кочевавших на Яике, за что осенью 1586 казнен в Самаре.*

Никита Пан *— атаман, один из рук. похода; до Сибири казаковал на Волге вместе с И. Кольцом, воевал с ногайцами; погиб в 1583 или 1584 при осаде одного из хантыйск. Назымских городков.*

Олфер Заворихин (Заворохин) *служил стрельцом в Пелыме.*

Савва Сазонов(ич) Болдырь (Болдыря) *вместе с Ч. Александровым возглавлял посольство к Ивану Грозному; до Сибири упоминается как волж. казак — участник борьбы с ногайцами; в 1586 сделал вклад в Чудов монастырь.*

Семен Федоров(ич) Шемелин *в 1607 в чине атамана погиб в бою ("на приступе") под Тулой при В. Шуйском. В 1634 упомина-*

ется тобол. пеший казак Иван Шемелин. В 1647 внук Ш. Ульян Казьмин (Кузьмин) подал челобитную о поверстании в конные казаки по "литовскому списку".

***Яков Михайлов(ич)** в нек-рых летописях назван атаманом; возможно, погиб в 1585.*

*Известны имена еще неск. казаков, сделавших в 1586 вклад в Чудов монастырь: **Юрий Леонтьев(ич)**, **Федор Антропов(ич)**, **Михаил Григорьев(ич)**, **Григорий Мартемьянов(ич) Пережогин**, **Афанасий Абросимов(ич) Темниковец**, **Тарх Козарин**, **Иван Михайлов(ич) Шуянин**.*

*Во вкладных книгах упомянут также казак **Феофилакт**, погибший в Сибири. Синодик перечисляет по именам следующих погибших казаков (помимо Брязги, Пана и Кольца): в дек. 1582 во время боев с татарами у оз. Абалак — Окол (Окул), **Иван, Карчига (Иван Карчига?), Сергей, Иван, Андрей, Тимофей**; в 1583/84 во время походов по Оби, Иртышу и на остяц. Назымские городки — **Тимофей, Иван, Ананий, Анцыфор, Иван, Григорий, Андрей, Алексей, Никон, Михаил, Тит, Феодор, Иван, Артемий, Логин; в зиму 1584/85 в засаде, устроенной Карачой, — Владимир, Василий, Лукиян; в авг. 1585 на Вагае — Яков, Роман, Петр, Михаил, Иван, Иван.***

Возможно, к числу Е. к. или тех, кто прибыл в Сибирь в 1584–94 в составе правительств. отрядов принадлежали:

***Афанасий Котин** — тобол. казак, имел двор, пахотные земли, поскотину, сенокосы на р. Сибирке;*

***Иван Дурыня** — в 1612 служил в Тобольске, казач. атаман, вкладчик тобол. Знаменского монастыря, умер до 1624;*

***Никита Брянцев** — служил в Сибири "лет с 80 и больши", в 1629/30 упоминается как "литвин", умер в 1666/67;*

***Пинай Степанов** — казач. атаман в Тобольске, в 1598 переведен в Верхотурье, где возглавил стрельцов, ок. 1604–07 вышел в отставку, выехал из Сибири. В 1-й трети XVII в. в составе т. н. старой сотни в Тобольске были казаки, утверждавшие, что служат с "Сибирского взятья": Гаврила Ильин(ич?) (в 1630-х гг. атаман "старой сотни"), **Дружина Васильев(ич)**, **Иван Лукьянов(ич)**, **Ларион (Ларка) Сысоев(ич)**, **Третьяк Юрлов** (в 1626–30 — атаман "старой сотни"), **Остафий (Осташка) Антонов(ич)** (в 1620–30-х гг. — пятидесятник, в нач. 1640-х гг. — атаман "старой сотни"), **Павел Ерофеев(ич)**, **Фома (Фомка) Бородин**».*

Сибиряки хранили память о своей былой истории: *«Известно, что в Березове служилые люди Мещеряковы, Михайловы, Пановы считали себя прямыми потомками казаков Ермака. Видимо, речь должна идти об атаманах, "очищавших" кровью "за саблею" "Сибирское царство"».*

И вот еще: «В Пинежском летописце середины XVII в. числятся завоевателями Сибирского ханства атаманы казачьего войска Ермак и Аргун Андриев (Яргак), вначале действовавшие на Волге. Как допускает Е.В. Вершинин, последний из них — это **Савва (Истома) Аргунов**, затем являвшийся атаманом "Березова города"».

Новые сообщения о сподвижниках Ермака появляются и в наше время: *«В 1681 г. в Кузнецке была составлена разборная книга кузнецких служилых людей. Она основывалась на рассказах самих кузнечан, и один из них вспоминал очень далекие времена, связанные с его фамилией. Приведем полностью данный текст.*

*"Того ж числа конных казаков десятник Алешка Кирилов подал скаску за рукою, а в скаске ево написано. По указу великого государя царя и великого князя Феодора Алексеевича всея великий и малыя и белыя Росии самодержца и по грамоте с Москвы из Сибирского приказу за приписю дьяка Семена Румянцева кузнецких конных казаков десятник Алешка Кирилов в Кузнецком в приказной избе перед столником и воеводою перед Иваном Ильичом Давыдовым сказал: **прадед мой был новгородец посадник, а из Новагорода от гнева божия сошел на Великий Устюг, а с Устюга в Пермь Великую и как шел с Волги атаман Ермак Тимофеевич и деда моего взял с собою в Сибирь вожем и за помощию божию Ермак Тимофеевич Сибирь с ратными людьми Сибирь взял и служил дед мой на Верхотурье и в Туринском и на Тюмени и в Тоболском двенатцат лет в конной казачей службе, а в Томском служил дватцат лет и по челобитью томских служилых и всяких чинов людей за малодюство взят во священичество; а отец мой Алешкин Кирило Меркурьев работает ему великому государю со 149-м году в таможне и в приказе в Томском и в Нарыме и Кузнецком,** а я Алешка верстан во 188-м году на выбылое место Андрея Вертелецкого и верстал меня столник и воевода Иван Ильичев Давыдов..."»* (Д.Я. Резун).

Известный сибиревед П.Н. Буцинский даже выстроил своеобразную теорию: *«Относительно служилых людей здесь считаем нужным сообщить, что между ними в это время были еще*

сподвижники славного Ермака: они служили в пеших казаках и составляли "старую сотню" под начальством атамана. Несмотря на свою давнюю службу и прежние заслуги, эти казаки не пользовались никакими особыми привилегиями… Но когда, именно в 1632 г., Михаил Федорович указал быть над ними начальником тобольскому боярскому сыну Богдану Аршинскому в качестве головы, а не атаману, то они были слишком этим недовольны и отправили царю челобитную… Казаки старой сотни просили Михаила Федоровича, чтобы он их пожаловал, "за прежние их службы и за кровь велел ведать их по-прежнему атаману Гаврилу Ильину, а не Богдану Аршинскому…" Может быть, казаки старой сотни потому еще не хотели служить под началом Аршинского, что последний был по происхождению литвин, сосланный за разбой в Тобольск в 1617 г. Во всяком случае, им было почетнее служить под началом своего собрата Гаврилы Ильина, который, как видно из одной его челобитной Михаилу Федоровичу, был одним из старейших казаков старой сотни, который служил еще с Ермаком "в поле 20 лет и 50 лет в Сибири". Челобитная казаков была уважена».

Эта теория давно уже раскритикована. Никакой отдельной ермаковской сотни не существовало. Да и оставшиеся в живых товарищи Ермака, кто вернулся с царскими войсками (со стрельцами) в Сибирь, служили в самых разных городах и весях Сибири — и в рядовых казаках, и в стрельцах.

Просто в самом начале истории Тобольска сотня (точнее, станица) пеших казаков была единственным казачьим подразделением в Тобольске. Потом появилась станица новокрещенных (из местных народов) казаков, командование которыми поручили атаману Ивану Савельеву сыну Дурыне. Затем — сотня казаков «литовского списка» из военнопленных, сосланных в Сибирь и верстанных в службу. Позже, уже после 1630 года, «Григорием Шестаковым в Вологде, Тотьме, Устюге Великом и Сольвычегодске были "прибраны" для службы в Тобольске в пеших казаках **"из гулящих из вольных людей"** 500 человек, которые и составили в сибирской столице к 1631/32 г. еще пять станиц».

Атаманом старой сотни (станицы) был Гаврила Ильин — вероятно, Ильин сын, фамильное прозвище которого пока неизвестно.

Атаманами других станиц в 1631 году были: Гаврила Грозин (потомок ермаковского атамана Ивана Иванова Грозы), Иван Александров (потомок ермаковского атамана Ивана Александрова Черкаса); Яков Елизарьев, Степан Выходцов, Мурзин Выходцов, Клим Бобошин, Ждан Архипов — по всей видимости, первоначально это были дети боярские из тех городов, где и набирались новые казачьи станицы Тобольска.

А «старая сотня» чтила свои традиции — и потому даже возник у казаков серьезный конфликт с администрацией Тобольска по поводу назначения сына боярского Богдана Аршинского казачьим головой.

В своей челобитной старые (в том числе и товарищи Ермака) казаки в 1637 году писали:

«Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии бьют челом холопи твои, дальние твоеи государевы отчины из Сибири Тобольскова города пешие казаки старые станицы атамана Гаврила Ильина пятидесятничишка Осташка Онтонов, да Ивашко Лукьянов, да десятничишка Ларка Сысоев, Дружинка Васильев, Фомка Баибородин, Пашко Ерохин и во всех товарищев своих место ста человек.

Служим мы, холопи твои, тебе государю в Сибири в Тобольском городе от Ермакова взятья лет по сороку и по пятидесят с атаманы, а не з головами, а нынеча, государь, бил челом тебе государю на Москве Богдан Аршинскои в головы в Тобольском городе на Григорьев прибор Шестакова, а нас, холопеи твоих, старую станицу, ему ж, Богдану, велено ведать, а не по нашему челобитью. А которые, государь, старые холопи твои тебе, государю, в Тобольском от Ермакова взятья с нами ж вместе служат, литва, и конные казаки, и стрельцы, и нынеча, государь, по-прежнему у литвы рохмистр, а у конных казаков голова, а у стрельцов сотник, и у тех, государь, старых статеи холопеи твоих то не отнято.

Милосердыи государь, царь и великии князь Михаило Федорович всеа Русии, пожалуи нас, холопеи своих, за прежние наши службишка и за кровь, вели, государь, нас ведать, холопеи своих, по-прежнему нашему атаману Гаврилу Ильину, а не Богдану Аршинскому, чтоб мы, холопи твои, от Богданова гоне[н]ия и впредь не погибли, и врознь не розбрелись, и твоеи царскои службы не отстали. Царь государь смилуися, пожалуи».

РГАДА. Ф. 214. Стб. 68. Л. 88.

А вот и ответ царской администрации:

«…О чем государю (титул) сибирские Тобольского города пешие казаки старые станицы атамана Гаврила Ильина пятидесятники и десятники Осташко Онтонов, Ивашко Лукьянов и в товарищеи своих ста человек место бьют челом.

И в Сибирском приказе выписано.

В прошлом во 141-м году по государеву (титул) указу и по челобитью Тобольского города сына боярского Богдана Аршинского велено ему, Богдану, быти в Тобольску у пеших у старых казаков у 305 человек да у новоприборных пеших же казаков у 500 человек в головах, а государева жалованья велено давать оклад тот же, что был в детях боярских, по 22 рубли, а велено ему, Богдану, у старых и у новоприборных казаков быти в головах вновь, а до него у тех казаков были у всякого у ста человек по атаману, да и ныне у тех сотен атаманы есть же».

РГАДА. Ф. 214. Стб. 68. Л. 89.

«[От ца]ря (титул) в Сибирь в Тоболеск стольнику нашему [и воеводе кня]зю Михаилу Михаиловичю Темкину [Ростов]скому, да Ондрею Васильевичю Волынскому, [да дь]яком нашим Дорофею Пустынникову [да Г]ригорью Протопопову. Били нам челом [си]бирские Тобольского города пешие старые казаки Гавриловы станицы Ильина пятидесятники и десятники Осташко Онтонов, Ивашко Лукьянов и в товарищеи своих ста человек место, а сказали:

Служат де они нам в Сибири в Тобольску от Ермакова взятья лет по сороку и по пятидесяти с атаманы, а не з головами, а ныне бил нам челом Богдан Аршин[скои] в головы казаком на Григорьев прибор Шестакова, а их старую станицу велено ведать ему ж Богдану, а их де о том, что их ведать Богдану Аршинскому, челобитья не бывало. А которые де конные литва, и казаки, и стрельцы служат с ними в Тобольску вместе, и у тех де служилых людей у литвы ротмистр, а у конных каза[ков] голова, а у стрельцов сотник. И нам бы их пожаловати, за прежние их службы и за [кровь] велети ведать их по-прежнему атаману Гаврилу Ильину, а не Богдану Аршинскому, чтоб им вперед нашеи службы не отбыть и врознь не роз// брестися.

И будет так, как нам сибирские Тобольского города пешие казаки пятидесятники и десятники Осташко Онтонов, Ивашка Лукьянов [и] в товарыщеи своих место били челом, и как [к в]ам ся наша грамота придет, а наперед [сего] тех сибирских пеших старых казаков пятидесятников [и десятников Осташка Онтонова, Ивашка Лукьянова [с тов]арыщи сто человек будет ведал один [атама]н Гаврило Ильин, а головы их не ве[дали, и вы] б тое станицу потому ж [веле]ли ныне ведать одному атаману Гаврилу Ильину, а голове Богдану Аршинскому тое Гавриловы станицы вперед ничем ведать не велели.

Писан(а) на Москве, лета 7145-го, августа в 24 де(нь)».

РГАДА. Ф. 214. Стб. 68. Л. 74, 224.

Чем же так славен был этот атаман Гаврила Ильин, за которого грудью стояла сотня ветеранов, если согласно утверждениям историков он прежде, до 1630 года, служил всего лишь рядовым конным казаком?

Историки пока разводят руками. И мы вместе с ними…

Но есть в истории Тобольска и другой случай, когда рядовой стрелец стал казачьим атаманом, и об этой истории мало что известно, а потомку тобольского атамана Ивана Дурыни потомственному казаку Сергею Дурынину удалось отыскать в архивных рукописях весьма любопытные документы, которые очень четко обосновывают **принципы и преемственность** получения и передачи атаманской должности в Сибири (что, кстати, мы и видим на примерах атаманов Грозина и Александрова, которые получают свои назначения за заслуги своих отцов):

«В своей челобитной 1668 года на имя государей царя и благоверных царевичей правнук тобольского казачьего атамана Ивана Савельева Дурыни тобольский рейтар Михаил Корнилов Дурынин рассказывает о своем прадеде: “…В прошлых, государи, годех по вашему, Великих государей, Указу служил на Москве дед мой Иван Савельев Дурыня [здесь он ошибочно называет своего прадеда Ивана Савельева Дурыню дедом] вам, Великим государем, десять лет. И в полку Мирона Вельяминова служил четыре годы. И на той вашей, Великих государей, службе дед мой Иван Дурыня с литвою и с поляки, и с немецкими, дед мой, бился многожды. И на том бою дед мой был ранен многими раноми. И за тою службу дед мой Дурыня вашим государевым жалованьем пожалован, с Москвы сведен в Сибирь в Тоболск к новокрещеным казаком в отаманы.

А оклад, государи, деду моему Ивану Дурыне вашего государева жалованья было денег четырнатцать рублев, хлеба двацать восмь чети.

И служил вам, Великим государем, дед мой в Сибири в атаманех дватцать восмь лет всякия ваши государевы службы. И

многие городы и острошки дед мой ставил, и с ыноземцов на вас, Великих государей, ясак збирал, и в калмыцкие земли многожды посылан бывал ко многим тайшам в посланниках, и в калмыцкой земли всякую нужю и бедность и голод терпел. И дедушко мой Иван Дурыня в Тобольску судом Божиим умер…" (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 367. Л. 380–380об.)

Своему младшему брату в своей челобитной 1668 года на имя государей царя и благоверных царевичей, рассказывая о своем прадеде, вторит другой правнук тобольского казачьего атамана Ивана Савельева Дурыни — тобольский рейтар Василий Корнилов Дурынин: "…А в прошлых, государи, годех дед мой Иван Савельев сын Дурыня служил вам, Великим государем, при бывшем государе царе и Великом князе Иване Васильевиче блаженные памяти по Москве. И с Москвы по вашему, Великих государей, Указу дед мой Иван Дурыня послан на вашу государеву службу в сведенцах в Сибирь в Тоболеск…" (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 367. Л. 153об.)

Таким образом, из рассказов правнуков мы узнаем, что тобольский казачий атаман Иван Савельев Дурыня до направления его на службу в Сибирь во времена царя Ивана Грозного служил в Москве и участвовал в Ливонской войне. Кроме того, в Смутное время он служил в полку Мирона Вельяминова в Первом ополчении под руководством князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого.

На сегодняшний день о тобольском казачьем атамане Иване Дурыне, жившем во второй половине XVI – начале XVII века, кроме вышесказанного, известно немного. В архивных документах сохранилось лишь несколько упоминаний об этом человеке.

В царской грамоте от 17 марта 1610 года царя Василия Шуйского воеводам Годунову С.С. и Плещееву И.М. говорится: "…Да от Соли Вычегодцкие велено послати на Верхотурье с служивыми людьми с Ываном Пошехонцом, да с Ыванком з Дурынею с товарищи 7500 рублев…" ("Верхотурские грамоты конца XVI – начала XVII" / Сост. Е.Н. Ошанина. Москва, 1982. Т. 2. С. 242.)

Чин служилого человека Ивана Дурыни в этой грамоте точно не указан, но то, что Иван Дурыня указан "с товарищи" в делопроизводстве того времени означало, что под началом Ивана Дурыни находятся другие служилые люди. Поэтому можно с полной уверенностью утверждать, что в этой грамоте речь идет о тобольском казачьем атамане Иване Савельеве Дурыне.

В царской грамоте царя Бориса Годунова от 21 ноября 1601 года на Верхотурье князю Львову М.Д. и голове Новосильцеву У.В. говорится, что с Москвы на Верхотурье отпущен тобольский стрелец Ивашко Дурыня. ("Верхотурские грамоты конца XVI – начала XVII" / Сост. Е.Н. Ошанина. Москва, 1982. Т. 1. С. 117.)

А на обороте царской грамоты царя Бориса Годунова от 3 марта 1604 года Верхотурскому воеводе Неудаче Плещееву и голове Хлопову помечено, что эту грамоту привез 6 апреля 1604 года тобольский стрелец Иванко Дурыня. ("Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею". СПб., 1841. Т. 2. С. 59.)

Многие историки предполагают, что в этих двух вышеуказанных документах упомянут тобольский казачий атаман Иван Савельев Дурыня на тот момент, когда он еще не был казачьим атаманом. Я же уверен, что в этих документах упомянут не тобольский казачий атаман Иван Савельев Дурыня, а его младший сын Иван, будущий отец казака станицы новокрещеных татар Якова Иванова Дурынина. Это предположение я делаю на основании того факта, что станица новокрещеных татар в 90-е годы XVI века в Тобольске уже существовала. А так как в выписке тобольской приказной избы указано, что сын тобольского казачьего атамана Ивана Савельева Дурыни Петр и внук Корнила Петров Дурынин служили "у новокрещеных татар в атаманех изстари, как в Тобольску почали служить новокрещеные татаровя", следовательно, в 1601 и 1604 году Иван Савельев Дурыня был уже в чине атамана и не мог быть указан в чине стрельца. (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 367. Л. 156об.)

Новосибирский профессор Резун Д.Я. в своей книге "Родословная сибирских фамилий: история Сибири в биографиях и родословных" утверждает, что в 1612 году ермаковский казак Иван Дурыня, будучи уже тобольским атаманом, постригся в Знаменский монастырь и отписал в заклад свою землю по Иртышу. И якобы в то время Иван Дурыня утверждал, что было ему около 100 лет. Однако ссылок на источники, откуда взята эта информация, профессор Резун Д.Я. не указывает.

Я позволю себе оспорить вышеуказанное утверждение профессора Резуна Д.Я. — и вот по каким причинам.

Во-первых, в переписной книге вотчин Тобольского Знаменского монастыря 1642 года указано, что в "122 г., отдал за вклад в Успенской монастырь (от него земля перешла в Зна-

менский монастырь) литвин Иван Павлов Любимской деревню свою со всеми угодьи вверх по Шанталыку речке, над речкой Шанталыком, в межах с Иваном с Дурынею…" То есть в 1614 году тобольский казачий атаман Иван Савельев Дурыня являлся владельцем деревни на речке Шанталык и, следовательно, не постригался в Знаменский монастырь в 1612 году. (Н.Н. Оглоблин "Обозрение столбцов и книг Сибирскаго приказа (1592–1768 гг.)". Ч. 1. Документы воеводскаго управления. Москва, 1895. С. 87.)

Во-вторых, из дозорной книги 1624 года известно, что жена тобольского казачьего атамана Ивана Савельева Дурыни — Марьица — после его смерти проживала в Тобольске в своем доме, который находился позади новой улицы, напротив острога, то есть в 1612 году она была жива, и постричься в монастырь при живой жене тобольский казачий атаман Иван Савельев Дурыня никак не мог. ("Тобольск. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий". Москва, 1885. С. 8.)

Главными же доказательствами того, что тобольский казачий атаман Иван Савельев Дурыня в 1612 году не постригался в Знаменский монастырь, являются факты, указанные в деле 1618 года из фонда "Калмыцкие дела". (РГАДА. Ф. 119. Оп. 2. 1618 г. Д. 2.)

В челобитной 1618 года тобольских воевод Ивана Куракина и Ивана Булыгина государю царю и Великому князю Михаилу Федоровичу описана инструкция о подготовке к проведению переговоров с Калмыцкою ордою о вхождении ее в подданство Московского государства, которую эти воеводы получили из Москвы в 1617 году: "…в прошлом во 125-м [1617] году в твоей, государь, грамоте за приписью диака Савы Раманчукова писано к нам, холопем твоим, велено с колмыцкими тайшы ссылатись и приводити их велено под твою государеву высокую руку. А как они послов своих в Тоболеск пришлют, и их велено приймать чесно, а того велено беречи накрепко, чтоб они вестей никаких про Московское государство не розведывали. А про то их велено розпрашивать подлинно с чем они в Тоболеск придут к тебе, Великому государю, в посланниках, и о каких делех, или придут только в Тоболеск с нами о каких делех поговорить, или с товары с какими, и прямо ль колмацкие тайшы со всею своею колмацкою землею хотят быть под твоею царскою высокою рукою, и шерть на том тебе, Великому государю, учинили ль, или не учинили, и за что шерть не

учинили? Да буде они скажут, что они посланы от тайшей своих прямо к тебе, Великому государю, в посланниках о добрых делех и тайшы их со всею колмацкою землею учинили под твоею царскою высокою рукою и шерть на том учинили, и хотя и шерти не учинили, а скажут что они идут с тем, что колмацкие тайши со всею своею землею быти под твоею царскою высокою рукою хотят и шерть чинят, увидев к себе твою царскую милость, и нам бы тех послов или посланников, роспрося про всякие вести о том о всем, отписати к тебе, к государю, к Москве с резвыми гонцы наперед их, чтоб про то было ведомо. А их самих велено отпустить к тебе, к государю, к Москве не издержав же з добрыми приставы. А приставом велено приказывать накрепко, чтоб они колмацким послом розговаривать в дороге и на станех ни о чем с ыноземцы и с рускими людьми не давали. А буде колмацкие послы скажют, что они приехали в Тоболеск только с нами о твоих государевых делех поговорить, или с товары, а не к тебе, Великому государю, и нам бы их потому ж роспрося про всякие вести, велено отписати к тебе, к государю, а их велено отпускати назад в их землю не издержав же…"

Далее в этой же челобитной тобольские воеводы рассказывают: "…и в те, государь, поры, как к нам твоя государева грамота прислана, были в Тобольску колмацкие посланики от большово колмацково тайши от Баатыря и от иных тайш Буга с товарыщи. А пришли в Тоболеск от Баатыря тайшы по нашей, холопей твоих, ссылке. И мы, холопи твои, тех колмацких посланников отпустили в колмаки к тайшам их. А с ними послали в колмаки по твоеи государеве грамоте для подлинново договору и укрепленья тобольских служилых людеи атамана Иванка Савельева с товарыщи. А велели им колмацким тайшам говорити против твоеи государевы грамоты и тово, государь, мы тобольским служилым людем велели проведывати накрепко — прямо ль колмацкие тайшы со всеми своими колмацкими людьми хотят быть под твоею царскою высокою рукою? Да де колмацкие тайшы послов с ними к тебе, Великому государю, или в Тоболеск пришлют, и мы им велели с ними ехати в Тоболеск. А едучи, велели к ним держать честь и береженье. И ноября, государь, в 23 день тобольские служилые люди атаман Иванко Савельев с товарыщи в Тоболеск пришли…"

Указанный в данной челобитной тобольский атаман Иванко Савельев — не кто иной, как уже упомянутый ранее тобольский

казачий атаман станицы новокрещеных татар Иван Савельев Дурыня. Подтверждением того является то, что в это время в Тобольске в атаманах другого Ивана Савельева не было, а в делопроизводственной практике того времени было обычным делом, когда служилые люди записывались лишь по имени и отчеству, а прозвище опускалось. А о том, что тобольский казачий атаман Иван Савельев Дурыня "в калмыцкие земли многожды посылан бывал ко многим тайшам в посланниках" указано в приведенном выше фрагменте челобитной 1668 года его правнука Михаила Корнилова Дурынина. К тому же далее в своей челобитной тобольские воеводы Иван Куракин и Иван Булыгин указывают: "…а распрося, государь, мы, холопи твои, колмацких Баатырь тайши посланников Бугу с товарыщи, и по твоеи государеве грамоте послали к тебе государю с отпискою наскоро наперед колмацких посланников тобольского стрельца Михалка Неелова. И декабря, государь, в 19 день тех Баатыря тайши посланников Бугу да Кодана и подарки елбарс и малово тотарченка мы, холопи твои, к тебе, государю, отпустили с приставы с тобольским атаманом с Ываном Дурынею да литвином с Первушкою Петровым…" Но по прибытии же калмыцких послов в Москву в Посольском приказе было записано: "…126-го [1618] февраля в 12 день приехали к государю царю и Великому князю Михайлу Федоровичю всеа Русии к Москве ис Тобольска Тоболского города атаман Иван Савельев да служилой литвин Первушка Петров. А с ними приехали к государю колматцкие послы Буга да Ковадан. А с ними у обеих кошевар, да малой тоторченок…"

Тобольский казачий атаман Иван Савельев Дурыня вернулся из Москвы в Тобольск лишь в конце июля 1618 года, о чем свидетельствует приписка на грамоте от 16 февраля 1618 года царя Михаила Федоровича Романова тобольскому воеводе князю Ивану Семеновичу Куракину да дьякону Ивану Булыгину о северном морском пути из Архангельска в Мангазею — "…А подлинная государева грамота, за приписью диака Богдана Губина, прислана в Тоболеск во 126 году, июля в 30 день, с Иваном Дурынею".

В XVII веке казаки служили до тех пор, пока у них были силы нести службу, и обычно служба их заканчивалась в возрасте 65–70 лет. То, что, по утверждению профессора Резуна Д.Я., тобольскому казачьему атаману Ивану Дурыне в 1612 году было около 100 лет, мне кажется маловероятным. Ведь тогда в 1617–1618 годах ему было бы уже более 100 лет, а в таком

возрасте тобольский казачий атаман Иван Савельев Дурыня просто не в силах был бы осуществить почти годовое путешествие из Тобольска в Калмыцкую землю, далее через Тобольск в Москву, а из Москвы — обратно в Тобольск.

Несмотря на то, что тобольский казачий атаман Иван Савельев Дурыня не постригался в Тобольский Знаменский монастырь, его имя все же оказалось навечно связано с историей именно этого монастыря.

В грамоте от 25 июня 1624 года царя Михаила Федоровича Романова тобольскому воеводе князю Юрию Яншеевичу Сулешеву и Федору Кирилловичу Плещееву, да дьякам Герасиму Мартьянову и Миките Леонтьеву, написанной уже после смерти тобольского казачьего атамана Ивана Савельева Дурыни, он указан вкладчиком Тобольского Знаменского монастыря. Указанной грамотой царь Михаил Федорович Романов подтвердил право владения Тобольского Знаменского монастыря на земли по оба берега реки Вагай со всеми угодьями, с Бегишевыми горами, с озером Бегишевым, с сенными покосами и с островом, которое монастырь получил в 1612 году по боярской грамоте, выданной руководителями Первого ополчения за то, что тобольский казачий атаман Иван Савельев Дурыня со своими товарищами в 1611–1612 годах "служили под Москвою и всякую нужу терпели с боляры и со князем Дмитрием Тимофиевичем Трубецким с товарищи".

Никитин Н.И. в своей статье "Соратники Ермака после 'Сибирского взятья'" упоминает событие, которое произошло в Тобольске в 1665–1666 годах и которое непосредственно связано с потомками тобольского казачьего атамана Ивана Савельева Дурыни. В это время, после смерти тобольского казачьего атамана Афанасия Черкасова Корсакова, место атамана станицы казаков новокрещеного списка получил казак станицы литовского списка Никита Ильин. Получил в обход детей Афанасия Черкасова Корсакова, на челобитную которых воевода Голицын А.А. ответил: "Вы молоды, и приказать вам государевых людей невозможно…" (Н.И. Никитин "Соратники Ермака после 'Сибирского взятья'" // Проблемы истории России. Вып. 4. Евразийское пограничье. Сб. научных трудов. Екатеринбург, 2001. С. 66–67.)

Описывая последующие за этим события, Никитин Н.И. подчеркивает, что на просьбу Якова Афанасьевича Черкасова о месте атамана новокрещенов, поддержанную тремя его старшими братьями, новый воевода Годунов П.И. в 1668 году отозвался

тем, что по сути дела устроил "аукционную продажу" спорной должности, обещая ее тому, кто согласится служить с меньшим жалованием, в итоге чего атаманом новокрещенов остался Никита Ильин, согласившийся служить, в отличие от Якова Черкасова, практически за "рядовой" оклад — 8 рублей.

Далее Никитин Н.И. делает вывод: "Таким образом, заслуги перед Отечеством деда челобитчиков Черкаса Александрова были в глазах воеводы Годунова П.И. менее весомы, чем небольшая (в 2 рубля в год) экономия 'государевой казны'".

Однако ни глубокоуважаемый мною Никитин Н.И., ни другие исследователи, до сегодняшнего дня, почему-то не попытались выяснить — а кто такой был Никита Ильин, которому досталась должность атамана станицы казаков новокрещенного списка?

В тобольских имянных окладных книгах XVII века служилые люди часто записывались только по имени и отчеству, а фамилия не указывалась. Так и казак литовского списка Никита Ильин в этих книгах записан по имени и отчеству, а фамилия его не указана. Однако в переписной книге населения города Тобольска приблизительно 1683 года на улице Воскресенской указан двор отставного атамана Микитки Ильина сына Маремьянина. (РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 231. Л. 23.)

В своей челобитной от 3 января 1667 года на имя государей царя и благоверных царевичей новый атаман станицы казаков новокрещеного списка Никита Ильин Маремьянин рассказывает о себе следующее: "…В прошлых, государи, годех служил я, холоп ваш, вам, Великим государем, в Тобольску всякие ваши государевы городовые и отъезжие, конные и пешие, зимние и летние, и лыжные, степные службы лет сорок и больши.

И в те годы я, холоп ваш, посылан был на вашу государеву службу на Зеленую з березовским сыном боярским с Ываном Бабарыкиным. Да я же посылан был ис Тобольска на Тару и с Тары в степь за изменники за барабинскими татары с татарским головою с Федором Елагиным. Да я ж был посылан в степь за калмыцкими людьми с тобольским сыном боярским с Борисом Толбузиным. Да я же был посылан в зимней поход в степь за калмыцкими людьми з Богданом Аршинским. Да я же посылан был на Тару на вашу государеву годовую службу с сыном боярским з Богданом Поливановым. Да я же посылан был на Тару же з Данилом Аршинским. Да я же посылан был в посланниках в калмыки… Да я же посылан был в степь за изменники башкирцы с полуполковником с Васильем Планком. Да я же посылан был за изменники же башкирцы в степь с полковником з Дмитреем с Полуехтовым.

И в те годы никакова ваша государева служба меня, холопа вашего, не минула, и будучи я, холоп ваш, в те годы на многих ваших государевых службах всякую нужу и бедность и голод терпел…" (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 367. Л. 2 об. – 3 об.)

На сегодняшний день фамилия Маремьянин никак не может объяснить тот факт, что на атаманскую должность был назначен рядовой казак станицы казаков Литовского списка с обычным для тех времен послужным списком, если не предположить, что Никита Ильин Маремьянин каким-то образом является родственником бывшему атаману станицы новокрещеных татар Корниле Петрову Дурынину.

Верстаный же в 1680 году на должность атамана станицы казаков новокрещеного списка внук тобольского казачьего атамана Корнилы Петрова Дурынина — Дорофей Васильев Корнилов — в 1682 году сумел вернуть себе оклад деда, который составлял "…денег 14 рублев хлеба 9 четей ржи 6 четей овса 3 пуда соли". (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 730. Л. 232.)

На сегодняшний день известно, что тобольский казачий атаман Иван Савельев Дурыня явился основателем рода тобольских казаков Дурыниных, часть представителей которого стали именоваться Корниловыми (ветвь от тобольского казачьего атамана Корнилы Петрова Дурынина) и Шестаковыми (ветвь от казака станицы конных казаков Шестака Мануйлова Дурынина), которым суждено было оставить свой след во всей последующей истории России — в рядах первопроходцев присоединять к России новые неизведанные земли, основывать новые города, охранять рубежи России от набегов иноземцев.

Проанализировав в имянных книгах XVII века персональный состав тобольских станиц казаков литовского списка, конных казаков и казаков новокрещенного списка, я пришел к следующему выводу. В начальный период освоения Сибири в Тобольске были организованы три отдельные станицы конных казаков. В станицу казаков литовского списка, были объединены литвины, в станицу казаков новокрещенного списка были объединены новокрещенные иноверцы, а в станицу конных казаков были объединены русские казаки. Это было сделано, скорее всего, для

слаженности действий казаков каждой отдельной станицы, возможно, для того, чтобы избежать языкового барьера между казаками каждой отдельной станицы в бою. К началу второй четверти XVII века в первых двух станицах служили уже обрусевшие сыновья тех, первых станичников, все прекрасно говорящие на русском языке. И поэтому при последующем верстании казаков в конные станицы на "выбылые оклады" национальный принцип ушел на второй план. Названия станиц остались лишь для того, чтобы можно было их отличать друг от друга.

В результате действующей в XVII веке в Московском государстве системы местничества на место отца на службу заступал старший сын, а если он уже был поверстан в службу, — то следующий за ним. Остальные же сыновья верстались на "выбылой оклад", то есть на освободившиеся места, на которые никто не претендовал. Род, основанный тобольским казачьим атаманом Иваном Савельевым Дурыней, был очень многочисленный, и поэтому его представители служили и в станице казаков литовского списка, и в станице конных казаков, и в станице казаков новокрещенного списка, и в стрельцах, и в пеших казаках, и даже в детях боярских».

А самым первым условием выбора и признания казачьего атамана (когда еще принцип наследования не мог вступить в силу в связи с тем, что самих этих наследников пока не существовало в природе у занятых ратными делами землепроходцев) были, безусловно, боевые заслуги по покорению сибирской земли.

И этот — изначальный — принцип действовал повсеместно. В чем нам еще придется убедиться. Боевые заслуги, пролитая кровь при покорении инородцев и присоединение к России новых «ясашных волостей» на чаше весов «добра и зла» перевешивали многое из тех жестоких деяний, что были творимы нашими предками при покорении восточных окраин будущей Российской империи.

Но таковы были времена — татары и калмыки жгли наши города и села, уводили в «полон» русских людей, донские казаки, совершая набеги на турецкие земли, увозили на воронежский рынок, где продавали живой товар — рабов, мусульмане-турки и татары, католики-поляки, православные литвины и черкасы (белорусы и украинцы) с помощью огня и меча решали спорные земельные вопросы, а польские и литовские военнопленные — по-

ляки, литвины, черкасы (корсаки) осваивали вместе с русскими служилыми, промышленными и торговыми людьми для России сибирские земли, расширяя границы будущей супердержавы — империи.

И кто здесь был прав, кто виноват, могло рассудить только время…

И нам, потомкам, живущим в Сибири и на Дальнем Востоке, прежде чем осуждать своих предков за то «зло», которое они принесли коренным народам этой земли, нужно быть еще и благодарными своим предкам за то, что они подарили каждому из нас эту замечательную малую родину — от Уральских гор до берегов Тихого океана.

Не судите, **да не судимы будете**, **ибо каким судом судите**, **таким будете судимы; и какою мерою мерите, такою и вам будут мерить** (Евангелие от Матфея).

* * *

Но вернемся к истории. Казачья карьера не только сына, но даже и казачьего внука, и казачьего правнука находилась в прямой зависимости от боевых заслуг пращура, и об этом прекрасно помнили в 17-м столетии, будучи уже на казачьей службе в Камчатке. При этом собственные заслуги были также вкладом в общую родовую копилку.

А вот национальная принадлежность — литвин ли ты, черкас, калмык или киргиз-казах — никакой роли при этом не играла. Казачьи ватаги всегда были сборными из людей самой разной национальности. Не были исключением из этого правила и казаки Ермака.

Тот же атаман Александров был черкасом, или корсаком (запорожским казаком), что и легло в основу его династического имени.

Павел Аршинский (первоначально Оршинский, так как он был родом из-под Орши, в Белоруссии, точнее, Великом княжестве Литовском) — тобольский литвин — в 1598 году участвовал в Ирменском сражении с Кучумом. Тогда воевода Андрей Воейков с отрядом воинов напал на ставку Кучума на реке Ирмень, перебил его воинов и захватил в плен пять сыновей хана. Погибли брат и двое внуков Кучума, большая часть гвардии хана была убита. Сам же хан сумел бежать за Обь. Этот год считается годом окончательного падения Сибирского ханства и утверждения русских в Сибири. Павел Аршинский в числе литвинов же — Ники-

ты Барзобогатого и Якова Шелковского — были удостоены чести сопровождать в Москву плененное семейство Сибирского царя. Поэтому нет ничего удивительного в том, что его сын стал казачьим головою в Тобольске. А звание атамана Богдан Павлович Аршинский заслужил по ходатайству самих казаков еще в 1625 году по результатам посольства к царевичу Ишиму. С ним были тобольские служилые литвины: Томилко Петров, Дружинка Кулигин, Кирюшка Крупленский, Гришка Урбанов, Матюшка Коломыльцов, Петрушка Матусов и другие.

В «Летописи Сибирской тобольского ямщика Ивана Черепанова», датированной по содержанию 1646 годом, в разделе об организации обороны города Тобольска от калмыков читаем: *«В Пермских воротах и от них до Базарных ворот велено знать сын боярскому Борису Аршинскому и атаману Степану Выходцеву*». Из текста документа следует, что «литовцев», относящихся к коннице, на 1646 год в Тобольске больше, чем конных русских казаков, и подчиняются «литовцы» ротмистру, сыну боярскому литвину Борису Аршинскому.

Детьми боярскими были многие из Аршинских (внуки Павла, дети Богдана Павловича — Борис и Данила, дети Данилы — Данила, Иван и Тихон, а Иван Иванович Аршинский в 1692 году был возведен в сибирское дворянство за заслуги перед Отечеством своих предков).

Данила Данилович Аршинский службу начал сыном боярским по городу Таре. В 1641 году сын боярский Д. Аршинский, при возмущении Сибирских царевичей, уже в должности стрелецкого головы был послан усмирять их во главе отряда из служилых татар.

С 1668 до 1674 год он числился в разряде тобольских детей боярских, «по Литовскому списку ротмистром». Здесь, выделяясь умом, храбростью и распорядительностью, он обратил на себя внимание правительства, которое в 1669 году назначило его приказным человеком Нерчинских острогов — по сути, воеводой.

Находясь в должности приказного человека Нерчинских острогов способствовал возвращению тунгусского князя Гантимура и его подданных из Маньчжурии в Забайкалье (и таким образом в Забайкалье на русской службе появляется фамилия казаков — детей боярских — Гантимуров). В связи с военной угрозой со стороны монгольских тайшей активизировал деятельность по укреплению забайкальских острогов. Это был тот самый тобольский сын боярский, воевода Нерчинска, который послал в 1670

году нерчинского сына боярского Игнатия Милованова с посольством в Китай, в Пекин, с предложением богдыхану стать подданным русского царя, который *«учнет богдокана жаловать и держать в своем царьском милостивом призрение и от недругов ево в оборони и в защищении...»* Китайский император же в ответ предложил жить мирно на границах двух империй, чтобы казаки *«впредь бы наших украинных земель людей не воевали и худа б никакого не чинили. А что на этом слове положено, станем жить в миру и в радосте...»*

В мае 1672 года Данила Аршинский подал челобитную в Сибирский приказ о его перемене с должности приказного человека Нерчинских острогов «за раны, и за старость, и за увечья». 3 октября 1673 года он был вызван в Москву, где «за усердную его даурскую службу» был награжден царем серебряным ковшом с надписью весом 11/2 фунта и сорока соболями. В 1673 году его сменил на посту нерчинского приказчика сын боярский Павел Шульгин.

Умер Данила Аршинский 19 октября 1676 года в городе Тобольске.

Его сын, Аршинский Иван Данилович, в 1674 году служил стрелецким головою в Тобольске и в этом году был послан в степь своим отцом, годовавшим в то время воеводою в Тобольске, для переговоров с калмыцким тайшей Дундуком. Не обладая дипломатическими способностями и опытностью отца, он был обманут и ограблен калмыками и, не успев исполнить возложенного на него поручения, едва вернулся живым в Тобольск. Впоследствии был назначен воеводою в город Тюмень, где и умер.

По переписи города Тобольска в 1710 году Иван Иванович Аршинский был записан дворянином, а Семен Иванович – казачьим головою первого пешего полка.

Согласно переписи Нерчинска за 1744 год на Камчатку были отправлены на службу нерчинские казаки Ермолай и Иван Петров сын Аршинские.

* * *

О роли иноземцев в истории освоения Сибири написано много научных книг, а еще более статей.

Это были, прежде всего, военнопленные, начиная с Ливонской войны (1558–1583), почему они оказались даже в составе отряда Ермака Тимофеевича. Литвином, к примеру, считается и Никита Брянцев.

А в период военной колонизации Сибири процент военнопленных в составе воинских подразделений был очень высоким — это были и литвины, и черкасы, и поляки, и немцы, и шведы, и даже французы и англичане.

Считается, что и атаман Выходцев, с которым Борис Аршинский оборонял от калмыков Тобольск, также был «выходцем» из каких-то других стран. Вот, что сообщал его внук: «Прибыльная» книга 175–177 [1667–1669] годов тобольского воеводы стольника П.И. Годунова (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 367. Лл. 220 об. – 221 об.):

«…бьет челом холоп ваш Тобольского города рейтар Федька Выходцов.

Дед мой Григорей Выходец блаженные памяти при Великом государе царе и Великом князе Иване Васильевиче всеа Росии вышел из литовские земли. И велено быть деду моему Григорью в Тобольску у пащенных крестьян прикащиком.

А отец мой Павел Выходцов служил вам, Великим государем, в Литовском списке шестьдесят лет.

Был на вашей, государеве, службе с ротмистром з Борташем Станиславом в степи за калмыцкими людми и улус Захана тайши побили. А ево тайшу з братом и з женою и з детьми взяли живых. И на том бою отец мой Павел убил мужика.

Итого ж году посылан был отец мой з головою с Черкасом Александровым и царя Кучюмова сына Ниамя и город и трех жен с ним взяли. А отец мой на том бою ранен.

А после, государи, того посылан был отец з головою з Богданом Аршинским на остяков, которые изменя вам. Великим государем, Сургуцкой острожек осадили. И остяков побили, а Сургуцкой острожек выручили.

И после, государи, того во 132-м [1624] году под Томским изменили вам, Великим государем, киргизы, Томской уезд розвоевали.

И отец мой Павел посылан ис Тобольска с сыном боярским с Петром Сабанским. Тех киргизцов уговорили, и аманатов в Томской и ясак они привезли.

А после, государи, того калмыцкие люди приходили под Тюмень с войною. И отец мой посылан был с сыном боярским з Борисом Толбозиным. И тех калмыцких людей, изменников тюменских тотар Корабанаку с товарыщи побили. И жен, и детей их взяли и привели в Тобольск.

А на тех ваших государевых службах отец мой Павел служил

не щадя головы своей, во всем радея вам, Великим государем.

А я, холоп ваш, служил вам, Великим государем, в рейтарех и был на ваших государевы службах в слободах по вся годы беспрестанно, и с воровскими воинскими людми з башкирцы и с калмыки на боях бился не щадя головы своей. И будучи на ваших государевых службах одолжал и обнищал.

Милосердный государь царь и Великий князь Алексей Михайлович всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец, и государь благоверный царевич и Великий князь Алексей Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белыя Росии, и государь благоверный царевич и Великий князь Феодор Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белыя Росии, и государь благоверный царевич и Великий князь Симеон Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белыя Росии, и государь благоверный царевич и Великий князь Иоанн Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белыя Росии пожалуйте меня, холопа своего, за многие службы деда и отца моего и за мои службишко велите. Государи. Меня поверстать в Тобольске в свою государеву службу в детишки боярские, чтоб мне, холопу вашему, и до остатку в рейтарех в конец не погинуть. Царь государь и государи благоверные царевичи, смилуйтеся!»

Царь смилостивился. И мы можем посмотреть послужной список этой казачьей династии в Сибири. В 1646 году Степан Выходцев был атаманом. В 1661 — в чине атамана Мурза Выходцев, а в детях боярских — Семен и Иван Выходцевы. В 1682 году Алексей Михайлович Выходцев — казачий голова; Лука Выходцев — атаман второго полка пеших казаков; Иван Лукич Выходцев — сын боярский. По переписи 1704 года детей боярских Выходцевых в Тобольске набиралось уже с добрый десяток.

С первым якутским воеводой Петром Головиным на Лену прибыли тобольские казаки, в том числе и из станиц Мурзы и Степана Выходцевых.

К военнопленным немецкого происхождения относятся Бекеревы (Бекиревы). Что мы знаем о них?

Юрий — «немчин», пеший казак (1626 год); конный казак литовского списка, оклад 6 руб. (1648 год). У него было три сына — Вакула, Данила, Иван.

Вакула Юрьев — «литва», оклад 6 четей ржи, 4 чети овса, 2 пуда соли (1654 год).

Данила Юрьев — конный казак литовского списка. Имел оклад 6 руб. с полтиною, 6 четей ржи, 4 чети овса, 2 пуда соли (1652–1672 годы).

Иван Юрьев — конный казак литовского списка. Имел оклад 9 четей ржи, 5 четей овса, 2 пуда соли (1650–1681 годы).

Конные казаки литовского списка — самые высокооплачиваемые из всех казачьих подразделений (пеших, конных, новокрещенных).

По переписи 1710 года мы можем проследить развитие этой немецкой династии, пустившей свои корни в Сибири: «Двор купленой конного казака Василья Иванова сына прозвище Бекирева сказал себе 36 у него жена Орина Софронова дочь 35 дети сыновья Прокофей 5 лет Михайло полугоду дочери девки Марфа 17 Катерина 12 Наталья 3 лет с ним ж живет мать ево вдова Василиса Савина дочь умершаго казака Ивановская жена Бекирева сказала себе 60 лет у нее сын Иван Иванов сын Бекирев 24 лет и ныне он на службе великого государя в салдатех».

Там же мы находим первые сведения о наших камчатских Бекиревых: «79. Качаловой улицой по праву ж от Федосеева переулка …жена конного казака Кирила Бекерева».

И вспоминаем камчатские события 1711 года в изложении С.П. Крашенинникова: «В то время, как помянутые бунтовщики служивые Данило Анцыфоров с товарищи Осипа Миронова убили, был в Верхнем остроге бывшей прикащик Петр Чириков, которого они также убить хотели, но он несколько времени у них упросил, чтоб богу помолиться, на что оные бунтовщики и склонились **и отдали его на поруки жителям Верхнего острогу служивым людям Лазарю и Кирилу Бекеревым, и приказали им, чтоб его хранили**, а сами, прибрав к себе многое число служивых, с которыми обещалися они прикащичьи животы разделить, пошли в Нижней Камчатской острог, где был в то время бывшей прикащик Володимер Атласов».

О Лазаре Бекиреве информации очень мало. По всей видимости, он был молодым казаком. А вот сведения о Кирилле (Кирюшке) появляются уже в 1689 году, когда он был пешим тобольским казаком с окладом шесть рублей в год. В 1706 году он числится в якутских казаках в шестой пятидесятне. Любопытен и тот факт, что в 1714 году, когда приказчиком Камчатки был Иван Козыревский (бывший «воровской есаул»), он назначил именно Кирилла Бекирева приказчиком Верхнекамчатского острога.

То есть Кирилл и Лазарь Бекиревы были в полном доверии у бунтовщиков, убивших камчатских приказчиков, но не ходили вместе с ними грабить Нижнекамчатск в 1711 году и, вероятно, по этой причине не ушли с отрядом Анциферова-Козыревского на реку Большую и Курильские острова, заглаживая свою вину за убийство камчатских приказчиков.

Интересно, а какую роль они играли в последующих событиях в связи с бунтом Константина Кыргызова в 1712 году?

По крайней мере, старшего из них, Кирилла, судили как одного из «заводчиков» этого бунта.

Кыргызов, кстати, судя по фамилии, был из рода новокрещенных казаков (сначала, вероятно, толмачей из казахов, которых в то время именовали киргизами). «Илюшка Киргизов и в 201-м году по указу великих государей и по приказу боярина и воеводы Степана Степана Ивановича Салтыкова с товарыщи велено в ево месте быть племяннику ево Пашку Киргизову», — находим мы запись в «Книге имянные тоболским всяких чинов служилым людям и ружникам и оброчникам и юртовским служилым татаром з денежными оклады 7201 году», то есть за 1693 год.

Константин Кыргызов попал в Якутск будучи казачьим сыном и только в 1706 году был верстан в казаки в двенадцатую пятидесятню «на убылое место» убитого казака Михайлы Софронова сына Моисеева.

Чем руководствовался Василий Щепеткой, назначая его заказчиком Верхнекамчатского острога, говорить сложно — по всей видимости, он «руководствовался» крупной взяткой.

Что касается остальных «заводчиков» из команды Константина Кыргызова, выделенных Василием Колесовым, то практически все они (может быть, за исключением Ощепкова) были из рода старослужилых тобольских казаков, выходцев из «старой сотни», начиная с Никиты Дурынина, об истории рода которого у нас особый разговор.

* * *

Иван Иванов Панютин, сын погибшего несостоявшегося приказчика Камчатки сына боярского Ивана Григорьевича Панютина, был представителем старинного рода. Фамилия казачьего атамана Максима Панютина становится нам известной в связи с его участием в конвоировании ссыльных военнопленных в Сибирь: его имя упоминается в грамоте 1601 года, где ему указан путь через Верхотурье.

По данным 1639 года, пешие «казаки Тугариновы станицы Панютина» (то есть казачьей сотни тобольского атамана Тугарина Панютина), отправлявшиеся «годовать» (т. е. в длительные командировки) на «великую реку Лену», получали «государева жалованья… по окладу пятидесятником по 5 рублев с четью, десятником по 4 рубли по 25 алтын, рядовым по 4 рубли с четью человеку».

Раздача жалованья тогда вызвала возмущение — обещали выплатить жалованье за два года вперед, а дали на руки только за год.

«И тоболские, государь, и березовские служилые люди пришли к нам, холопем твоим, в съезжею избу, собрався многими людми, болшим шумом и озорничеством сказали нам, что им твоих государевых хлебных и судовых всяких запасов не приймать, и судов не грузить, и твоего государева денежного, и хлебного, и соляного жалованья на один на 148-й год не имать, и на твою государеву службу не йти. И, выступя из них пешей казак Безсоновы станицы Жукова Сенка Павлов, Мишка Ортемьев ***да Тугариновы станицы Панютина десятник Стенка Колмогорец,*** *учели кричать болшим озорничеством и невежеством и отказывать, что им твоей государевы [казн]ы и хлебных запасов не приймывать и на твою государеву службу не итить.*

И мы, холопи твои, велели детем боярским Сенку Павлова, Мишку да Стенку изымать и под[ержать] в съезжей избе, и Стенка из избы ушол, а Мишку велели бить батоги. И на [Мишку] Ортемьева товарыщи ево Сенка Скороходов да Олешка Чюкмасов поволялися на него и бить не дали. А товарыщи их перед избою и на дворе около съезжей избы кричали болшим шумом. И мы, холопи твои, Сенку Скороходова, да Сенку Павлова, и Мишку Ортемьева, и Олешку Чюкмасова велели в съезжей избе подержать, а тех людей, которые озорничеством кричали, послали писменого голову Василья Пояркова, а с ним детей боярских, а велели их на дворе изымать. И ис тех служилых тоболских людей Якунка Куклин да березовской казак Васка Серебреник писменого голову Василья Пояркова лаели и в шею толкали и изымать тех воров, которые у съезжие избы кричали, не дали. И мы, холопи твои, тех служилых людей Сенку Павлова, Мишку Ортемьева, да Сенку Скороходова, да Олешку Чюкмасова велели бить перед собою батоги, вместо кнутья, нещадно. А как их били, и в те поры ссылной человек тоболской стрелец Ивашко Болховитин, собрався со многими служилыми людми, пришед к съезжей избе под окошко, кричал на нас, холопей твоих, болшим шумом, что бьем товарищев их запосмешно, не по твоему государеву указу.

И мы, холопи твои, послали писменого голову Иналея Бахтеярова з детми боярскими, а велели ево, Ивашка, изымать. И служилые люди ево, Ивашка, изымать не дали, а он, Ивашка, на писменова голову и на детей боярских нож вынел и хотел резать. И мы, холопи твои, Сенку Павлова, да Мишку Ортемьева, да Олешку Чюкмасова, да Сенку Скороходова, бив батоги нещадно, послали з детми боярскими и с подьячим в тюрму. И как их, Сенку Скороходова с товарыщи, повели в тюрму, и служилые люди, собрався, хотели у детей боярских и у подьячево Сенку Скороходова с товарыщи отнять. И Сенка Скороходов и Олешка Чюкмасов служилых людей от себя отбили и в тюрму пошли. И того ж, государь, дни березовские казаки Васка Юрьев, Максимко Архипов с товарыщи того березовского казака Васку Серебреника, которой писменого голову лаел и толкал, и тоболские служилые люди Якунку Куклина привели ж к нам, холопем твоим, в съез[жею] избу. И мы, холопи твои, того В[аску], бив батоги нещадно, послали в тюрму. [И по И]вашке Болховитине прислал к нам, хо[лопем] твоим, твой государев богомолец архиепи[скоп] Нехтарей, чтоб тому Ивашку Болховитину для ево наказанья не учинить, потому что он озорничел в те поры пьянством. И назавтре, государь, того дни те служилые лутч[ие] люди, пришед к нам, холопем твоим, в съезжею избу, били челом тебе, государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии, и в том своем озорничестве и невежестве винились. И мы, холопи тв[ои], велели им твои государевы хлебные и судовые всякие запасы приймать и грузить в суды и им твое государево денежное, и хлебное, и соляное жалованье по их челобитью для их бедности дали на 148-й год сполна. А Сенку Скороходова и Ивашка Болховитина с товарыщи, держав в тюрме неделю, велел[и] дать на поруки з записми, что им впредь бунтов и заводов не делать и скопом, и заговором, и озорничеством не приходить».

Позже отец одного из «заводчиков» камчатского бунта 1712 года — тобольский сын боярский Иван Григорьевич Панютин, в недавнем (1693 году) прикомандированный к Якутску приказчик Анадырского острога, — должен был доставить в Якутск новоприборных 50 казаков из Тобольска и Енисейска. Этим, по

всей видимости, и объясняется появление на Камчатке группы тобольских уроженцев, которые не числились в 1706 году в списках Якутского казачьего полка.

Как пишет А.С. Сгибнев: *«По получении в Якутске известия о поступках Атласова, назначили в 1707 г. прикащиком в Камчатку сына боярского Панютина и донесли обо всем в Москву. С Панютиным отправлено было 55 челов. служилых, две медных пушки с 100 ядрами, порох и свинец».*

А далее случилась беда (правда, не совсем понятны причины): *«19 апреля 1709 г. из Анадырска на Камчатку выступил отряд (55 казаков с двумя пушками) под командованием детей боярских Ивана Панютина* (только отряд Панютина — 55 человек. — *С.В.*) *и Петра Чирикова* (и у него тоже 55 человек. — *С.В.*). *По дороге, 20 июля, при переправе через р. Карагу (по Крашенинникову — на р. Панкаре) отряд подвергся нападению олюторских коряков. Алюторы убили 10 казаков (в том числе Панютина), многих ранили, захватили денежную казну (200 руб.) и частично боеприпасы (порох и свинец), а также оленей, кормовые запасы и личное имущество казаков. По свидетельству очевидцев, причиной разгрома стали плохой порох ("тот порох на боях из гладких пищалей и из винтовок стрелять не годитца") и* ***наличие в отряде большого числа нововерстанных якутских казаков*** (!!! — *С.В.*), *непривычных к военному делу, которые уже в начале нападения разбежались. Отбить первый натиск удалось благодаря* ***старослужащим анадырским и камчатским казакам*** (выделено мной. — *С.В.*).

Оставшиеся в живых казаки под командой Чирикова укрылись в "тесном месте" на берегу Караги и наспех поставили укрепленный "табар". 22 (или 24) июля алюторы "во многолюдстве" атаковали табор, но на этот раз были не только отбиты, но и прогнаны "вспять", причем казакам удалось захватить у них 5 байдар. На этих байдарах морем добрались до устья р. Камчатки и до Верхнекамчатского острога, куда прибыли в октябре 1709 г.» (А. Зуев).

25 августа 1709 года прибыл в Анадырский острог казак Иван Панютин с «указной памятью», чтобы присоединиться к отряду отца — сына боярского Ивана Григорьевича Панютина и доставить «указную память» Чирикову. Но Чириков с Иваном Григорьевичем Панютиным 19 апреля вместе отправились на Камчатку из Анадырского острога, и послать уже к ним с казаком Панютиным было некого «из-за малолюдства».

«Указная память», таким образом, досталась следующему приказчику — Осипу Миронову Липину, в составе отряда которого Иван Иванович Панютин пришел на Камчатку.

И позже, уже в Верхнекамчатске, примкнул он, на свою беду, к группе сверстников-тобольчан, которых знал с детства.

* * *

Итак, сначала имена из списка «заводчиков» бунта 1712 года.

Иван Бадлин (Балин)

Бадлиных в документах о служилых мы не нашли. Балины — это первоначально тобольские посадские люди.

В 1623 году многие из них имели свои земли:

«Деревня за рекою Кундускою в дуброве. ...Во дворе посадкой человек Бориско Балин. Пашни паханые середние земли 12 четей в поле а в дву потому ж да пашенново лесу в дуброве 10 десятин. Сенных покосов в Япанчинском лугу 400 копен. У Бориска ж вобче с Игнашкою поскотинные земли лесново места 8 десятин. Да у Бориска ж Балина другая пашня на Чувашех паханые середние земли две чети с осминою да перелогу 12 четей в поле а в дву потому ж. У Бориска ж половник гулящий человек Ивашка Иванов с женою у него скота 5 коров 3 быка больших 2 жеребчика да два теляти а у Бориска ему со 123-го году жить в половниках до сроку 6 лет.

Деревня на старице вверх по реке Иляку на лугу.

Во дворе посацкой человек Семейка Балин. Пашни паханые луговые середние земли три чети без третника да на березняке и по край березника подле Иляк на лугу двенадцать четей в поле а в дву потому ж. Да луговые ж земли низкова места двадцать десятин. Поскотинные луговые 50 десятин сенных покосов в Старицком лугу 500 копен. У нево ж половник гулящий человек Савка Михайлов с женою. Скота у Савки две коровы да свинья. А у Семейки ему со 130-го году в половниках до сроку жить.

Деревня за Иртышем за остовицей.

Во дворе посацкой человек Еремка Балин. Пашни у нево паханные середние земли 8 четей да перелогу 8 четей в поле а в дву потому ж. Пашеннова лесу дубровы 5 десятин. Сена косит 300 копен».

Впоследствии многие из Балиных числились не только в пеших, но и в конных казаках — а это тоже были, как известно, самые привилегированные и высокооплачиваемые казачьи войска.

Балины из деревни Слинкина в 1710 году:

«Во дворе пешей казак Иван Иванов Балин сказал 59 лет жена ево Федора 50 лет дети ево Иван 30 лет Евдоким 3 лет Петр пол году дочери Агафья 12 лет Овдотья 7 лет Катерина 5 лет».

Пешим казаком Первого Тобольского казачьего полка в 1704 году был Иван Клементьев Балин, второго полка — Иван Игнатьев Балин, пеший казак станицы Остафьева — Ивашка Михайлов Балин, в конных казаках Иван Киселев Балин…

* * *

Иван Терентьев

Первые сведения об этой тобольской фамилии мы также находим в материалах за 1623 год: *«**Деревня на Усть Сузгунке.** Во дворе пеший казак Тарас Терентьев. Пашни у нево паханные середние земли 6 четей да перелогу у него 4 чети в поле а в дву потому ж. Сена косит 100 копен».*

В это же время в Тобольске нес службу конный казак Паршук Терентьев.

То есть и Иван Терентьев был, как и остальные «заводчики», потомственным тобольским казаком — родом из «старой сотни».

Этот подбор «кадров» в списке главных «заводчиков» бунта, наказанных по всей строгости законов того времени, и удивляет. О причинах своего удивления я расскажу позже.

Остается «в стороне» лишь Лазарь Ощепков. Самые ранние сведения об этой тобольской служилой фамилии мы находим в документах, датированных 1689 годом: «Деревня Барабинская при реке Тоболе. Во дворе отставной драгун Микифор Васильев сын Ощепков 60 лет, у него дети: Иван 12, Максим 9 лет». Но если учесть возраст Микифора Васильевича и вспомнить, что в драгуны верстали и из казаков, то служилый стаж Ощепковых тоже будет значительным…

* * *

Выше речь шла только о «заводчиках» — вожаках — бунта 1712 года — уроженцах Тобольска.

Но сегодня нам известен полный список имен верхнекамчатских казаков, которые в числе 15 человек отправились в Нижнекамчатский острог «вымучивать» добро местного приказчика Федора Ярыгина, заставив его, не вынесшего пыток, принять монашество под именем Феофил.

И мы действительно видим, что утверждение камчатского приказчика Василия Колесова, проводившего следствие по бунту

1712 года, было обоснованным, и пополняем список тобольчан, участвовавших в этих событиях.

* * *

Григорий и Козьма Баландины

Эта фамилия в Тобольске так же, как и Дурынины, представляла цвет сибирского казачества: по данным 1696 года, Петр Михайлович Баландин был отставным атаманом пеших казаков, а Петр (Петрович?) — действующим атаманом; Михаил Баландин — служил в чине сына боярского, еще один Михаил и Сидорко служили в конной казачьей сотне. Их предок — Степанка Баландин — в 1624 году числился в тобольских стрельцах, Мишка Баландин в 1661 году был в конных казаках, а Лучка (в 1682 году) — в составе литовской сотни. Камчатские казаки Баландины были в числе напарников Кыргызова, только Козьма участвовал в налете на Нижнекамчатск, а Григорий оставался в Верхнекамчатске.

* * *

Павел Кабанов

Кабановых на Камчатке было тоже двое. Один, пока известный нам только как Кабанов Е., погиб в 1705 году. В 1696 году Петр Петрович Кабанов, а затем и его сын Иван Петрович, были подьячими (чиновниками) Тобольской приказной избы, но вышли из казаков — еще три года назад Петр Петрович был рядовым казаком с окладом 5 «рублев». В «Переписной книге города Тобольска переписи князя Василия Мещерского» о семье младшего из Кабановых-подьячих содержатся следующие сведения:

«Двор купленой приказной полаты подьячего Ивана Петрова сына Кабанова сказал себе 20 у него мать вдова Февронья Ананиева дочь 39 брат родной третьяго набору салдат Никита Кабанов 25 сестра девка Татьяна 16 лет у негож живет дядя ево родной посацкой человек Тимофей Петров прозвание Кабанов сказал себе 60 у него жена Оксинья Осипова дочь 60 сын третьяго набору салдат Тихон Кабанов 19 лет».

* * *

Прокопий Машихин (Месяхин, Месихин)

В 1710 году в Исецком остроге проживали драгун Алексей Иванов сын Машихин (56 лет) и его отец Иван Михайлов 80 лет. Исецкий острог располагался в 70 км от Тюмени, но с 1650 года входил в состав Тобольского уезда, поэтому мы и относим Машихиных не к тюменским, а к тобольским служилым людям, ко-

торых по служебной надобности и царским капризам переводили из казаков то в рейтары, то в драгуны, пытаясь создать на их основе регулярные сибирские войска. В 1689 году в Тобольском уезде в деревне Силкиной на Черной речке проживал на чужом подворье драгунский сын Егор Леонтьев Машихин, двадцати одного года от рождения, который, числясь в «сынах», так как не был еще записан в служилые, имел уже собственного сына Федора трех лет. Иногда казачьих сынов было столько много, что они и умирали в этом сословном звании по старости, не став казаками, стрельцами, драгунами… Но этим военным резервом как раз весьма охотно пользовались власти для освоения и заселения новых земель — тобольские казачьи дети с малолетства были подготовлены в своих семьях и к военным действиям, и к выживанию в суровых условиях Сибири.

* * *

Еще восемнадцать человек — теперь уже нижнекамчатских казаков — по доброй воле или «из-за угроз и мучений» примкнули к Кыргызову.

Среди них был **Алексей Иванович Бурой** (Буров) из третьей пятидесятни. Фамилия Буров часто встречается и в Тобольске, и в Тюмени. Но не это для нас сейчас главное — мы знаем, что Алексей Бурой шел в отряде Атласова в 1707 году, подавал челобитную и назван в числе свидетелей по «розыску», который, вероятно, все-таки пытался начать Осип Липин на основе многочисленных жалоб спутников Атласова, но не решился… То есть у Бурого, как и у Петра Неворотова и Данилы Анциферова (также участников этого похода), мог быть личный мотив выступить против Атласова, но в бунте 1711 года Бурой участия не принимал.

Скорее всего, Кыргызов «с товарыщи» заставили его присоединиться к их отряду на какое-то короткое время, потому что в том же 1712 году следователь и приказчик Василий Колесов отправляет Алексея Бурого (Бурова) вместе с казаком Байкаловским и Алексеем Еремеевым в Верхнекамчатск для… замены Кыргызова, который отказывается им подчиниться.

* * *

Алексей Еремеевых (Еремеев). История, как мы видим, повторяется — именно он является спутником Бурого и Байкаловского (Байкаловский, как мы говорили выше, тоже выходец из Тобольска).

Фамилия Еремеевых разошлась по всей Сибири-матушке, как и многие из тех, о которых мы уже рассказывали. Но, опять же, определенные исторические векторы указывают нам на Тобольск, как отправную точку для продвижения этой фамилии по городам и весям Сибири.

Судите сами. Иван Еремеев, из Литвы, в 1598 году сопровождает в Москву семью сибирского царя Кучума, попавшую в плен к русским.

По сведениям Дозорной книги 1623 года: «***Деревня на Иштаманской кривой протоке.*** Во дворе конной казак Исак Еремеев. Пашни у нево середние паханные земли 8 четей да перелогу 10 четей в поле а в дву потому ж. Пашенного лесу дубровы 10 десятин. Сена косит 300 копен».

По данным 1636 года: «И тоболской конной казак Исачко Еремеев, стрелецкой десятник Васка Незнаха, сургуцкой казак Якушко Юрьев Вергун в роспросе сказали. Поставлен-де Березов-город блаженные памяти при государе царе и великом князе Федоре Ивановиче всеа Русии, а ставили ево воеводы Микифор Траханиотов да князь Михайло Волконской даточными людми, а даточные люди были с земель: с Вятки, с Перми, с Выми, от Сол и Вычегоцкие — да ратными людми, которые присланы были на Березов на житье. А в котором-де году Березов-город ставлен и сколко даточных людей з земель у тово городового дела было, тово они не ведают, потому что у того городового дела не были, Исачко да Васка в ту пору служили в Тоболску, а Якушко Вергун на Таре».

Фамилия оказалась нередкой не только для обширной Сибири, но и для маленькой Камчатки — и в конечном итоге здесь оказываются почти одновременно два Алексея Еремеева. Но один был колодником — убийцей казака Степана Чебукина (1722 год). А другой — якутским сыном боярским: «*В том же 1725 г. летом на р. Авече ясачные убили трех сборщиков: служилых Илью Садилова, Ивана Панова и Петра Балаконова. На авачинских изменников и за сбором с них ясака Трифанов отправил сына боярского Алексея Еремеева, который 19-го марта 1726 г. доносил о недоборе ясаков, ибо некоторые отказались платить их».*

Алексей Еремеев, о котором мы начали свой рассказ, — мог стать впоследствии сыном боярским, так как по царскому указу

всех камчатских казаков, не участвовавших в бунтах и убийствах камчатских приказчиков, повысили в чинах — перевели в разряд конных казаков. А это была ступенька к последующему карьерному росту…

Но чуть позже мы узнаем о его действительной судьбе.

* * *

Петр Иконников

Его имя мы находим в списке тех, кто не пристал к бунту и убийству трех камчатских приказчиков и кому по этому поводу сказано «милостивое государево слово». А также это же имя указано в списке нижнекамчатских казаков, которые присоединились к Кыргызову.

Здесь возможны два объяснения — первое: случай, похожий на тот, что был с Бурым и Еремеевым. Второе: это два разных человека. Фамилия Иконниковых (первоначально потомков многочисленных сибирских иконописцев) была очень распространенной в Сибири — мы нашли Иконниковых и в Тобольске, и в Томске, и в Красноярске, и в Братске, и в Якутске.

Но первым в истории Сибири обозначен в 1624 году конный тобольский казак Федотка Иконник, поэтому мы и связываем эту фамилию с Тобольском.

По поводу возможных «метаний» Петра Иконникова из одного враждебного лагеря в другой существует та же версия, что и в отношении двух предыдущих наших героев — Бурого и Еремеева — о том, что не все восемнадцать нижнекамчатцев добровольно присоединились к отряду Кыргызова — например, как мы помним, Иван Лебедев согласно документам пристал к ним «из-за угроз и мучений».

* * *

Михаил Кобычев

Это имя сохранилось в истории благодаря С.П. Крашенинникову. Правда, сам Степан Петрович по этому поводу не радовался: Кобычев, хотя и был самым старым из местных казаков, но ровным счетом ничего не помнил (а может, и не хотел помнить). Говорил, что был слеп (полуслеп) с молодости и поэтому не участвовал ни в каких военных разборках с местным населением: *«понеже служивой Кобычев о тех походах ничего не знает, и за слепотою от тех годов никуда в походы посылан не был».* Умолчал он и о том, что был в товарищах с Кыргызовым и его людьми:

«В Верхней Камчатской острог приехал я декабря 8 дня, и пробыл во оном генваря по 2 число сего 1739 году. А живучи в означенном остроге, пересматривал я старинные дела, которых хотя и много было, однакож из них к выписанию годного мало нашлося, ибо все почти книги ясачного збору и челобитные были. Выспрашивал у старожилов Ивана Лосева с товарищи о завоевании Камчатки, о построении острогов и о бытности прикащиков, в чем великое несходство нашлося между сим описанием и описанием, сочиненным по сказыванию большерецкого жителя Михаилы Кобычева, о чем явствует в приложенном при сем описании о завоевании Камчатки».

А поведал Кобычев о многом, чего и знать-то не мог: «Старожил Большерецка М. Кобычев рассказал С.П. Крашенинникову о смерти казака И. Голыгина, зимовке отряда В.В. Атласова на р. Иче, о кресте, который был поставлен на р. Канучь, о строительстве В.В. Атласовым двух зимовий на р. Еловке и жизни там казаков и юкагиров после того, как экспедиция покинула полуостров».

Что касается его тобольского происхождения, то эта казачья фамилия и была отмечена нами только в Тобольске.

Был среди этих нижнекамчатцев еще один их земляк-тобольчанин — **Тимофей Марков,** примкнувший к Кыргызову, — тот самый есаул, что участвовал в ангарском погроме, учиненом казачьим головой В.В. Атласовым…

В Тобольске в 1661 году служил сын боярский Дмитрий Марков, из рода которого, возможно, и был Тимофей. В 1706 году его вместе с Атласовым выпустили из тюрьмы и отправили на Камчатку. В 1725 году он был убит восставшими камчадалами в районе Боброва моря (Кроноцкого залива).

* * *

Но это еще не все.

Двадцать человек из числа единомышленников Кыргызова оставались, как выяснило следствие, в резерве в Верхнекамчатске, обеспечивая безопасность внутри острога, где, как показали дальнейшие события, была и своя казачья оппозиция.

Одного из тобольчан мы уже вычислили — это **Григорий Баландин**.

Следующим должен быть назван **Иван Лосев,** с которым встречался на Камчатке С.П. Крашенинников.

В числе тех казаков, кто входил в «старую сотню», был и некто Лосев, имевший свою деревню под Тобольском, возможно,

это был березовский (или «годовавший» в Березове) казак Меншик Лосев.

А вот любопытная цитата: *«Подробные списки служилых людей столичного города Тобольска, в том числе и казаков, как и казаков "литовского списка", находим в "Книге 1696 года". Список казаков г. Тобольска открывался "литовским списком казаков" в 146 человек, наделенных и более высокими окладами, что отражало их особое место и роль в составе казачества. В этом списке можно видеть и тех, кто относился к служилым людям, восходящим к первопоселенцам этой территории: **Лосевы**, Волковы, Волоховы, Измайловы, Сергеевы, Выходцевы.*

*В 1696 году в составе "литовского списка" могли быть и местные уроженцы (и не только потомки иноземцев — Выходцевых, Волковых, Волоховых), но и коренные "русаки" Дурынины, **Лосевы**, Ярковы».*

То, что и Лосевы были из числа казаков привилегированных, достойных «литовского списка», говорит и тот факт, что в 1675 году двое из конных казаков Лосевых — Алешка и Мишка — были *«посланы в Китайское государство с посланником с Николаем Спафарии».*

На подворье Сидорка Иванова сына Лосева располагался стрелецкий сын Ивашко Петров сын Серюков, и не отсюда ли родовые корни Потапа Серюкова — участника похода Владимира Атласова на Камчатку? И кстати, эту фамилию — Серюковы (Сюрюковы) — по материалам 17-го столетия мы находим пока только в Тобольске.

В 1706 году тобольчанин Иван Лосев числился якутским казаком четвертой пятидесятни. И тобольский подьячий, тезка казака — Иван Лосев также в это время служит в Якутске, и возможно, это его сын — якутский дворянин Никита Лосев — одно время даже правил Якутским воеводством:

«В 1708 году Шишкиных сменил снова Траурнихт и управлял до 1710 г. После него начальствовали: воевода Яков Ельчин с 1710 г. по 15-е июня 1715 года и дворянин Петр Наитинов с 1715 г. по 24-е сентября 1716 года. Он сдал должность воеводе Ландрату Ивану Ракитину, уроженцу города Зарайска. С самого почти вступления на него начались доносы от дворян и детей боярских. Он, преимущественно, нападал на богатых и теснил их... Вероятно, были же какие-нибудь факты, потому что дело доходило уже до бунта?! В 1720 году, Ландрат был отрешен и едва ли не выслан в Тобольск... В управление вступили якутские дворяне: Никита Лосев и Василий Вытин, и управляли с марта 1720 по 29-е мая того же года...» (И.С. Москвин. «Воеводы и начальники г. Якутска и их действия» — Койданаво: Кальвіна, 2018.)

А в 1722 году Никита Лосев правил всеми острогами Камчатки. Читаем у А.С. Сгибнева:

«В 1722 г. определен в Камчатку прикащиком дворянин Никита Лосев. Он отправился из Якутска с 30-ю казаками, двумя мореходами и плотником морских судов Каргопольцевым, вытребованным из Архангельска. Плотник назначен к Лосеву для достройки на Ламе двух судов, заложенных в 1718 и 1719 г. Лосев требовал с собою к полковой службе священника Ермолая Иванова, ибо отправленный из Тобольска иеромонах Иосиф пришел в 1721 г. на Ламу и в 1722 г. хотел возвратиться в Якутск; а другой черный священник (Варлаам) в Камчатских острогах едва жив; а поселившимся на Камчатке служилым без священника быть нельзя. Но ему не дали Иванова, а разрешили взять в Камчатку Иосифа (Лазарева. — *С.В.*).

Лосев с командою пришел в Охотск августа 6-го, где взял порох, свинец, оружие, знамя и на переправленном Мошковым и Трескою старом судне вышел из Охотска 24 августа 1722 г., а от земли 1 сентября чрез святое Ламское море. Заложенное же в 1719 г. судно поручил достроить Каргопольцеву.

*1722 г. октября 14-го Бобровский сдал Лосеву Верхнекамчатский острог, бревенчатый, на иглах. В остроге: ясачная изба и амбар; да амбар над воротами, в котором летом содержали аманатов; казенка с аманатами, **да колодники по убийствам и между ними Алексей Еремеев (соратник Константина Кыргызова), убивший Степана Чебукина.** В остроге медная пушка; казаков 41; промышленных 2.*

Лосев в трех камчатских острогах переменил закащиков, стал брать зверями за винный откуп, с карточной продажи, с площадного откупу, табачной продажи и с судебных дел за гербовую бумагу, чем увеличил доходы в Камчатских острогах.

В 1723 г., по изготовлению судна к походу, Лосев сдал по росписным спискам назначенным от него летним управителям Камчатские остроги: марта 18-го Матвею Нифонтьеву Нижний острог, стоячий тын и в нем на полдень изба ясачная, на запад аманатская с 11 аманатами, из них двое олюторцев;

башни над воротами; амбары, дела, судовые припасы. Гарнизону в остроге: сын боярский Петр Чижевский, казаков 80, промышленных 9 челов., 2 пушки.

В июне принял у Лосева Большерецкий острог служилый Артемий Попов — острог деревянный, стоячий тын, на западном углу казенный амбар, в середине приказная изба, на севере аманатская казенка, в которой Воровской реки аманатов 5; две медные пушки; казаков 40 человек.

С Камчатки Лосев вместе с Бобровским отправился 1 июля и прибыл в Охотск 7-го. Ясак отправил в Якутск с подъячим Афонасием Лузиным; а сам по болезни остался в Охотске, где и умер в июле же 1723 г. Бобровский также не доехал до Якутска и умер на р. Ураке. Казну от Охотска везли на лошадях до р. Юдомы, откуда на плотах, из коих один, с писками, опрокинулся, и таким образом уничтожились все донесения Лосева. При казенных вещах шли воротившиеся с Камчатки 34 казака; 16 колодников русских, да 3 инородца, убившие прежнего архимандрита камчатского Мартемиана; всего 70 подвод».

Любопытна одна историческая параллель: в 1699 году, незадолго до камчатских событий в Удинске был допрошен пятидесятник Семен Сенотрусов, и в допросе тот «сказал божию правду»:

«А хотел[и] было они нас в особой выбор писать на одного Моську Борисова и стар[ые] де [ка]заки особого выбору на Моську Борисо[ва н]е дали и в выбор писатца не стали. И он де, Моська Борисов, после Максима Посельского сидел на приказе самовольством, и Алешка де Уваров да Ивашко Лосев угрожали им, старым казаком, смертным убийством и хотели садить в воду за то, что на Моську Борисова на одного выбор [не] дали».

Не правда ли, очень сходная ситуация с камчатской?

Что же касается камчатского казака Ивана Лосева, то он прожил на Камчатке до глубокой старости.

* * *

Никита и Леонтий Носовы

В 1633 году мы впервые встречаем имя — Первой Тимофеев сын Носов — в литовском списке тюменских казаков. В 1696 году в Тобольске служит стрелец Андрюшка Петров Носов. А по переписи 1710 года мы находим в деревне Ченцова его сына: «Во

дворе конной казак Лев Ондреев сын Носов 50 лет жена у него Федосья 55 лет у него сын Семен 27 лет записан в салдаты».

Любопытно, что рядом с этой деревней находится деревня Лосева: *«Во дворе тоболской отставной пешей казак Василей Омельянов Лосев сказал себе 53 лет жена у него Василиса 50 лет у него дети Егор 20 лет записан в салдаты Афонасей 7 лет дочери Оксинья 16 лет Огрофена 13 лет.*

Во дворе казачей сын Михайло Иванов сын Лосев сказал себе 45 лет жена ево Агафья 28 лет дети у него сын Иван 19 лет Иван 15 лет Леонтей 5 лет Иван 2 недель.

Во дворе казачей сын Филип Омельянов сын Лосев сказал 35 лет жена ево Окулина 30 лет дети у него Омельян 8 лет Трифан 5 лет дочери Анна 13 лет Зиновья 10 лет Марина 3 лет Федосья году да на подворье у него живет отставной пешей казак Елисей Федоров Лосев 60 лет вдов дочь Федора 20».

* * *

Андрей Климов

15 января 1661 года *«по государеве грамоте присланы с Москвы в Тоболеск ссылные литовские люди, которые взяты в языцех в розных местех, а в Тоболску до указу великих государей велено их посадить в тюрьму, шляхта: Сенка Климов, Васка Климов… И ныне те ссылные люди в Тоболску в тюрме».*

Как правило, эти ссыльные недолго находились в тюрьме, а записывались в государеву службу. Это были военные люди, и практически все сибирские гарнизоны 17-го столетия активно пополнялись за счет ссылки в Сибирь военнопленных – черкас (запорожцев), литвы (белорусов и украинцев), поляков (ляхов), немцев (немчин)… Существовали как отдельные казачьи подразделения «литовского или иноземного списка», так и высокие чины детей боярских для высококлассных служилых иностранцев.

В 1661 году мы встречаем Лучку Климова, который служил острожным воротником, в 1683 году — тобольского казака Микитку Климова, в 1689 году — стрельца Ваську Климова (может быть, того самого шляхтича, оставшегося на службе).

* * *

Моисей Кириллов

Кирилловых, конечно, среди сибирских казаков очень много. При желании их можно найти и в Томске, и в Енисейске, и в Якутске.

Но факты говорят о том, что первые Кирилловы появились в Тобольске, и казак Мокей Кириллов в 1623 году, по данным Дозорной книги, состоял в «старой сотне»: *«Деревня на калмыцкой дороге на дуброве. Во дворе конной казак Мокей Кириллов. Пашни у нево паханные середние земли 4 чети да перелогу 10 четей в поле дубровы 3 десятины. Сена косит 200 копен».*

А в 1696 году мы встречаем «разноцветье» имен пеших казаков Кирилловых в Тобольске — Васка, Ганка, Гришка, Ивашко, Олешка, Тимошка плюс стрелец Абакумко.

* * *

Владимир Конищев

Он также соответствует требованию Владимира Атласова набрать в свой отряд тобольских детей казачьих из больших казачьих семей, скрепленных казачьими традициями, способными переносить тяготы нелегкой казачьей службы и дальних походов в суровых условиях Севера. В материалах, датированных 1683 годом, мы находим пешего казака Володьку Михайлова Конищева, 1689 года — Михаила и Степана Ермолиных сыновей Конищевых, пеших казаков первого полка, чуть позже — Мишку Михайлова сына и Петра Михайлова сына Конищевых, тоже пеших казаков. А также Степана Иванова сына Конищева — пешего казака второго полка.

Напомним, что Владимир Конищев, будучи в команде Кыргызова, отказался участвовать в дележе награбленного.

* * *

Анисим Сидоров

Фамилия не простая — Ивановых, Петровых, Сидоровых в России тьма-тьмущая. Но анализ документов той далекой эпохи, о которой мы пытаемся рассказать и которую пытаемся понять, подсказывает нам, что тобольские Сидоровы были не простыми людьми.

Семен Сидоров — сын боярский (1661 год). Олешка, Васка, Власко, Петрушка Сидоровы — пешие казаки (1696 год).

Возможен еще один очень интересный, на мой взгляд, поворот событий, но он, к сожалению, тупиковый: Енисейским атаманом пеших казаков в 1669 году был Петр Андреев сын Сидоров. Почему этот путь тупиковый? Судите сами: *«Петр Андреев сын Сидоров, детей у него и братей и племянников нет, а поверстан он Петр в атаманы за многие службы и за раны отца ево Андрея и дяди ево Ивана Галкина и за смерть дяди ж ево Осипа Галкина во 174-м году…»*

А Галкины — плеяда замечательных наших землепроходцев, родоначальник династии которых был из команды атамана Ермака Тимофеевича.

Но вернемся к Сидоровым — в 1712 году служилый Спиридон Сидоров вместе с казаком Михаилом Сюсниным доставили для допроса к приказчику Василию Савастьянову Щепеткому арестованного по делу об убийстве сына боярского Петра Чирикова Григория Переломова.

* * *

Лазарь Туман

Если мы правильно прочитали эту фамилию, то Туманов было трое — Лазарь, который не только остался в Верхнекамчатске, но и отказался участвовать в дележе награбленного; Федор, который был убит в 1703 году в Нижнекамчатске еще с одним своим земляком из рода казаков-ермаковцев — Яковом Корниловым сыном Дурыниным, и Осип, который впоследствии завел на Камчатке семью, и его сын Иван погибнет в 1731 году во время Харчинского бунта. В начале XVIII века эта фамилия дважды упоминается среди жителей Тобольска, поэтому мы относим Туманов к числу тобольчан.

* * *

Федор Зырян

Эту главу мы начинали с рассказа о коми-зырянах, которые пришли в Сибирь задолго до русских и были участниками всех, без исключения, великих географических открытий на территории Западной и Восточной Сибири Российского государства. Как видим, потомки коми-зырян добрались и до Камчатки и также приняли участие во всех важнейших событиях полуострова. Даже и в бунтах…

*«В 1587 г. был основан Тобольск, ставший на долгое время столицей Сибирского края. Летопись рассказывает: “***Лета 7095 (1587) князь великий Феодор повелел взяти в новый городок Тоболск из вычегоцкие и вымские пермяки в служилые казаки пятьдесят и с жоны и с детми…** ”. В начале XVII в. одна из улиц Тобольска носила название Зырянская. На ней располагались дворы казаков Ивашки Вычегжанина, Томилки Вычегжанина и др. Во второй половине XVII в. в Тобольске находились стрелецкий пятидесятник Васька Зырян и десятки служилых и посадских людей из Коми края: Якушко Вычегжанин, Марк Зырян, Савка Зырян, Васька Пуртов (“пурт” по коми —*

нож), Тимошка Лузенин, Федька Сысолетин, Василий Выметин, Федор Чупров и др.» (И.Л. Жеребцов «Коми — сподвижники Ермака и Семена Дежнева»).

В старой казачьей тобольской сотне, в которой собрались самые отчаянные (даже по меркам той эпохи, когда шло покорение Сибирского царства) вояки, нашлось место и для Зыряна. Вот данные из Дозорной книги за 1623 год: «Деревня в Вершине на речке Медянке. Во дворе пеший казак Семейка Яковлев Зырян». На Иртыше была деревня Зырянова.

В 1696 году в конных казаках служил Ивашко сын Андреев, в пеших — Ивашко сын Михайлов и Гришка Зыряновы.

Родственников и однофамильцев Зыряновых в Тобольском уезде превеликое множество. Вот только один из примеров за 1710 год: *«Деревня Лугавая. Во дворе казачей сын Федор Васильев сын Зырянов сказал себе от роду 30 лет у него жена Матрена 30 лет дети у него дочери Анна 2 лет Орина пол году да мать Дарья Еремеева 55 лет да дядя у него отставной пешей казак Иван Михайлов сын Зырянов 50 лет у него жена Овдотья 50.*

Во дворе второго полку отставной пешей казак Филип Андреев сын Зырянов сказал себе от роду 40 лет у него жена Варвара 35 лет дети сыновья Иван 12 лет Леонтей 10 лет дочерь Орина 15 лет.

Во дворе отставной пешей казак Иван Андреев сын Зырянов сказал себе от роду 70 лет у него жена Орина 50 лет у него дети Семен 25 лет записан в салдаты у него жена Фекла 26 лет дочери ево Ивановы Фекла 20 лет Федора 19 лет внуки Онисья 4 годов Михайло 3 недель.

Иванов сын Зырянов сказал себе 30 лет у него жена Анна 30 лет дети сын Прокопей 5 лет дочери Онисья 3 лет Марья 2 лет».

Конечно, было бы интересно связать род камчатских Зыряновых со знаменитым Ярило — Дмитрием Михайловичем Зыряном, который вместе с Михаилом Стадухиным пришел на Алазею и Колыму, основал Алазейское и Нижнеколымское зимовья. В том походе 1641–1643 годов участвовал и Семен Дежнев. Но, во-первых, Ярило был енисейским казаком. А во-вторых, по нашим данным, якутские казаки Зыряновы зафиксированы в документах Якутского острога примерно в те же годы, что и тобольские новоприборные казаки, которых привел Владимир Атласов: Иван Иванов Зырянов, Афанасий Иванов Зырянов, Евтифей Абрамов Зырян, Андрей Зырянов (убит на реке Большой в 1707

году во время неудачной попытки Атласова восстановить Большерецкий острог), Федор Зырян.

Федор Зырян, будучи в команде Кыргызова, отказался участвовать в дележе награбленного в Нижнекамчатске.

Забегая вперед, скажем о том, что и на долю Федора Зырянова выпадала великая географическая миссия: в 1731 году он готовился к походу на боте «Святой Гавриил» к берегам Америки. Его собственная роль заключалась в следующем:

«Того ради посланная партия требует от вас рыбных кормовых припасов, а имянно: 2000 юколы, 1000 свежей рыбы красной или кеты, да в вышепоказанной путь для толмачества и иноземческих разговоров, а имянно: Андрея, Евдокима Ворыпаева, Спиридона Перебякина, Федора Зырянова, новокрещена Михаила Жировикова, ***бес чево посланной партии всеконечно пробыть неможно*** (выделено мной. — *С.В.*)».

Но грянул Харчинский бунт…

* * *

Петр Неворотов

Четырнадцатая пятидесятня Якутского казачьего полка (1706 год).

Василий Неворотов был сыном боярским в Таре в 1635 году. В 1689 году в детях боярских служили Алексей и Сергушка Неворотовы. У сына боярского Сергушки Неворотова был сын Петрушка 15 лет. Вполне возможно, что это и есть наш герой.

Интересное дело: его имя мы находим в списке челобитчиков, поднявших бунт и убивших приказчиков, а чинивший следствие и суд приказчик Камчатки якутский дворянин Василий Михайлович Колесов назначает его приказчиком Большерецкого острога в 1713 году. Оправдательный мотив: будучи прежде в команде Данилы Анциферова, он, проживая в Верхнекамчатске и будучи в команде Кыргызова, не грабил нижнекамчатского приказчика Ярыгина…

Он шел на Камчатку в 1707 году в отряде Владимира Атласова вместе с Данилой Анциферовым — и, как мы знаем сегодня, все из этой команды подали челобитные, жалуясь на жестокое обращение с ними казачьего головы. Осип Липин, приказчик Анадырского острога, не привлек Атласова к ответственности, не начал розыск по этим жалобам, пустил все на самотек… И вполне вероятно, что личным мотивом Петра Неворотова (и, возможно, не только его) по участию в бунте была личная месть.

* * *

Какая-то часть тобольчан (из числа бунтовщиков) ушла вместе с атаманом Данилой Анциферовым и есаулом Иваном Козыревским на реку Большую, чтобы восстановить русское владычество в этом районе, а потом отправилась на юг открывать новые земли, чтобы загладить перед царем свою вину за убийство…

Судя по тому количеству тобольчан, какое Анциферов оставил в Верхнекамчатском остроге, они не входили в его ближайшее окружение, и с ним на реку Большую пошли наиболее опытные для воинских дел и дальних походов, а в Верхнекамчатске он оставил, по всей видимости, самых молодых под присмотром Кирила Бекерева, чтобы обеспечить себе тыл, отдавая отчет в том, что Якутск обязательно пришлет на Камчатку людей для суда, следствия и расправы, а эти следователи, в свою очередь, могут оказаться в двойной западне, как и случилось с Щепетким — ведь реальная смертельная угроза для него была как со стороны людей Анциферова, находящихся в Большерецком остроге, так и со стороны казаков Верхнекамчатска — и Василий Севастьянович поспешил свернуть все свои следственные действия ради спасительного поиска разумного компромисса, чтобы таким образом сохранить себе жизнь. Сколько бы людей тогда не прислали на Камчатку для следствия и расправы, реальная сила была на стороне бунтарей — два из трех существующих казачьих гарнизонов жили по своим законам — законам вольного казачьего круга, не признавая над собой никакой власти…

Итак, самый ближний к атаману Анциферову круг людей, — это, вероятно, те, кто сгорел вместе с ним, когда лукавые авачинские камчадалы, радушно встретив зимой 1712 года непрошеных гостей (ясачных сборщиков во главе с атаманом) и передав в их руки самых родных тойону (вождю) людей в качестве заложников (аманатов) — гарантов будущей выплаты ясака и чащин (подарков), — усыпили потерявших бдительность служилых и сожгли их вместе с заложниками — настолько велика была ненависть к авачхам — рыжебородым.

И уже на следующий 1713 год, в бытность приказчика Камчатки Ивана Енисейского, одного из сподвижников камчатских землепроходцев Ивана Васильевича Голыгина, Луки Старицына Мороски, Михаила Зиновьевича Многогрешного, Владимира Владимировича Атласова — первооткрывателей нашего полуострова, по его приказу верхнекамчатский казак Никита Дурынин, лоб и щеки которого совсем недавно «орлил» за «воровство» приказ-

чик Василий Колесов, стал главнокомандующим объединенной армии казаков и камчадалов долины реки Камчатки, ненавидевших авачинцев, которые неустанно совершали дерзкие набеги на их территорию и с которыми они постоянно враждовали.

Вот что сообщал Степан Крашенинников:

«…был поход из Нижнего Камчатского острогу на Авачю реку, где убили Данила Анцыфорова с товарыщи, а было в оном походе служивых 120, да камчадалов 150 человек под командою служивого Никиты Дурынина, которые, пришед под острожек авачинских иноземцов, стояли под ним недели с 2, а между тем приступали они под острожек два раза, а взять его не могли, напоследок его огнем сожгли, и бывших в нем иноземцов, которые во время пожара из острожку выходили, побили, оставя малых людей, которые до пожару своею волею из острожку к ним приходили и ясак платить обещались.

Оттуда походчики пошли на реку Паратунку, где был иноземческой острожек, которой такожде боем взят, а по взятии острожка оставших иноземцов ясак платить принудили.

От того времени на Аваче ясак платить стали иноземцы, а прежде того мало плачивали, но все почти в измене были».

Сожженный казаками острог был возрожден только в 1834 году под символическим именем Старый Острог. А первопоселенцами стала семья Машихиных — потомков тобольского казака — одного из участников тех далеких событий…

* * *

А мы вернемся к тому кругу лиц, с которыми Данила Анциферов встретил свою смерть.

Конечно, первая фамилия, которая вызвала ассоциацию с тобольскими казачьими фамилиями, была Дюков.

Матвей Леонтьев сын Дюков

В книге под названием «Родословная сибирских фамилий», которое, на мой взгляд, совершенно не соответствует ее содержанию, автор, доктор исторических наук Д.Я. Резун, пишет о Дюковых: *«Среди казаков “литовского списка” Тобольска были Дюковы, фамилия которых происходит от старинного редкого латинского имени “Дюк”, “Дюкс” (“вождь”, “герцог”). Один из этих Дюковых, Федор, был среди казаков, сопровождавших посольство Н.М. Спафария в Китай в 1675 г.».*

Эта история с латинским происхождением фамилии хороша была бы для «аранжировки» рассказа о самозванце из Воронежа Филиппе Дюкове, который возомнил себя богоизбранным царем (читай журнал «Родина», 2008 г., выпуск 5), но только не для истории о родовых фамилиях сибиряков.

Первые сведения о тобольском казаке Степане Дюкове мы нашли в документах за 1640 год, когда Степан под командой атамана Ивана Александрова с казаками Богданом Булгаковым и Харлампием Насоновым доставлял ясак в Москву.

Мы уже писали о том, что появление казачьей фамилии в «литовском списке» вовсе даже не говорит о том, что владелец этой фамилии обязательно иноземец. Историки даже провели специальное исследование по этому поводу и были очень удивлены, когда среди «литвы» обнаружили коренных русаков — Дурыниных и Корниловых, ведущих свой род от атамана Ивана Дурыни.

Но к этому мы еще вернемся. А пока проведем свое маленькое генеалогическое расследование. Вряд ли это можно считать простым совпадением:

«Двор старинной умершаго пешего казака Ивановские дочери Неводчикова девки Овдотьи сказала себе 30 лет слепа у нее в доме живет зять ее конной казак Иван Леонтьев сын прозвище Дюков сказал себе 39 лет у него жена Палагея Иванова дочь 39-ж лет дети сын Максим 13 Степан 9 дочери девки Степанида 6 лет Окулина полутора году да с ним-ж живет мать ево вдова Ирина Петрова дочь сказала себе 64 года» (данные из «Переписной книги города Тобольска переписи князя Василия Мещерского» за 1710 год).

А отец Матвея и Ивана Леонтиевичей Дюковых, вероятно, тот самый Левка Дюков — оставшийся в живых албазинский казак, который вместе со своими земляками, казаками Дурыниными-Корниловыми и еще двумя сотнями тоболяков, обороняли Албазинский острог, стоя насмерть. Двое Дурыниных-Корниловых сложили тогда свои казачьи головы. А Оська и Ивашка Корниловы вместе с Левкой Дюковым продолжили службу в Нерчинском остроге, став таким образом нерчинскими казаками. Кто-то из них, «отгодовав», вернулся домой, кто-то остался на новой родине.

Теперь что касается этимологии. Согласно Толковому словарю живого великорусского языка Владимира Даля ДЮКА — это то же, что и бука, то есть угрюмый, молчаливый, неразговорчивый или несговорчивый и упрямый человек. Это русское слово. И русская фамилия, зафиксированная еще в Великом Новгороде в 1465 году: Федот Дюка, обыкновенный крестьянин.

А фантастических сюжетов появления такой фамилии придумать можно сколько угодно — предлагаю для обсуждения хотя бы такой: *«Атаман Иван Галкин на драке и на приступех дрался явственно, убил якуцково куяжново мужика Дюкова брата князца Еттюя»*. А ведь был еще герой русских былин Дюка Степанович…

* * *

Иван Мыльников

Представители этого тобольского казачьего рода (хотя, возможно, и однофамильцы) служили в разных гарнизонах Сибири, посланные либо на «годовалую» службу, которая затягивалась на десятилетия, либо — на «вечное житье». Ведь не Тобольск, Тюмень, Березов, Томск были их исторической родиной. Вот и томский казак Иовка Мыльник сын Леонтьев сообщал о себе следующее: *«Родиною он Еренского городка, дед и отец его были в солдатской службе и побиты на государевой службе в низовских походах, а брат его родной служит в Якутском остроге, а он один поверстан на убылое место. Оклад денег 4 рубля с четью, хлеба 5 четей с осьминою ржи, 4 чети овса, 1½ пуда соли»*.

Но и в Тобольске, по данным 1710 года, служили сын боярский Гаврила сын Федоров, пеший казак Илья сын Федоров, а в доме безместного попа Михаила *«живет первого набору салдат Федор Афонасьев прозвание* ***Мыльников*** *50 у него жена Домна Андреева дочь 40 дети Никифор 4 дочь девка Катерина 12 Марфа 10 лет»*.

Томская версия для нас тоже представляет очень серьезный интерес: ведь в одной из челобитных, сообщающих о бунте, атаман «воровских» казаков Данила Анциферов назван Данилой Томским…

* * *

Алексей Посников (Постников)

Эта фамилия в Сибири также пустила огромные корни и встречается во время, которое нас интересует, повсеместно как в Тобольске, так и в Томске, и в Якутске.

В 1620 годы казак Посник начал службу на Верхотурье. В 1639 году енисейский казак Посник Иванов (дети которого уже могли именоваться Посниками или Посниковыми) вышел на берег Индигирки и ниже ее порогов (шиверов, как говорили в Сибири) основал зимовье, позднее так и названное — Зашиверское.

География появления Посников в Сибири могла быть самая разная. Многочисленные томичи Посниковы рассказывали о себе в 1680 году следующее.

Афонка Постников сын Иванов: *«Отец родом от Соли Вычегодской, пришел в Томск своею охотою гулящим человеком, а он родился в Томске и верстан в пешую службу. Оклад 4 рубли с четью, 5 четей с осьминою ржи, 2 чети овса, 1½ п. соли».*

Андрюшка Посников: *«Отец тюменец. Сам поверстан в отцово место. 2 пуда соли. Пашня».* А это, вероятно, рассказ его брата Ивашки: *«Отец родом с Тюмени. Сам поверстан в Томске в конную службу. Соляной и хлебный наряд рядовой».*

Матюшка Посников: *«Отец служил в Томске в десятниках, а когда приходили калмыцкие люди, то его убили на бою, а его, Матюшку, в конную службу в десятники на отцово место поставили. Хлеба 6 четей с четью ржи, 4 чети овса. Соли 2 пуда».*

Микитка Постников сын Мелентьев: *«Отец тюменец, прислан был в Томск на годовую службу, а он, Микитка, верстан в пешую службу. Оклад пеший рядовой».*

Некоторые из якутских Посниковых начинают свою историю с 1645 года. Вот какие сведения о них сообщаются в документах тех лет: отписка воеводы Василия Пушкина о том, что на Лену прибыли ссыльные люди Федор Посников с товарищами, которых приказано на Лене устроить в пашню, дав им хлебную ссуду и весь пашенный завод; однако сделать это невозможно из-за большой скудости в хлебе на Лене; а также в трех явочных челобитных подьячего Юрия Юрьева и ссыльного Федора Посникова о том, что ссыльные люди Василий Скоробогатов с женой и Матвей Сосновский «похваляются» их убить.

С пашней не вышло. А в 1650 году в Енисейске мы видим сына боярского Федора Посникова. Возможно, это однофамильцы. А может — кадровая рокировка, каких было немало в истории Сибири, когда при удобном случае «из грязи попадали сразу в князи».

Другой якутский Посников — Григорий — в 1670 году был приказчиком на Индигирке, а в 1696 году в ранге анадырского приказчика пытался остановить Владимира Атласова и предотвратить начавшееся кровопролитие с коряками и камчадалами, которое потом продолжалось долгие десятилетия и стоило жизни самому казачьему голове.

Тобольские Посниковы (точнее, некоторые из тобольских Посниковых) в 1663 году также начинают обычную для Сибири

биографию: *«Столника князя Юрья княж Петрова сына Трубецкого люди Ивашко Михайлов да Матюшка Посников з женою Варькою с сыном Демкою да с работницею з девкою Манькою и им Ивашку и Матюшке велено быть в Тоболску в конных казаках в выбылых казачьих окладах».*

Другие Посниковы — Иван Нифантьев Большой и Иван Меньшой — в 1661 году уже служили в чинах детей боярских. В 1696 году в чине тобольского сына боярского продолжал службу Иван Посников сын Вонифантьев, Дмитрий Семенов Посников служил в пеших казаках, в казаках новокрещенного списка — Прокопий Посников.

* * *

Алексей Протопопов

И снова мы стоим перед выбором, какому сибирскому городу отдать предпочтение, чтобы отыскать ту географическую точку, откуда появился на Камчатке Алексей Протопопов, чтобы встретить здесь страшную и мучительную смерть.

Томский сын боярский Андрей Яковлев Протопопов сообщает: *«отец его родом из Березова города и сослан по указу в Томской в протопопы, служил в соборной церкви у Троицы Живоначальной, а он по челобитью верстан на Москве в дети боярские».* Его брат Василий Яковлев подтверждает это сообщение.

В тот же год сообщает о себе и томский же сын боярский Осип Протопопов сын Володимеров:*«родом де он свияженин, сродники де его служат по Казани и по Свияжску в детях боярских, а он из Свияжска служил по Казани в сотниках стрелецких и заслышал он за Камою рекою в татарах шатость и измену, извещал в палате боярам воеводам и за тот извест из Казани послан был в Тобольск и по грамоте великого государя из Тобольска послан в Томской и в Томску верстан в дети боярские при воеводе Микифоре Нащокине из выбылых окладов десять рублев, хлеба десять четей ржи, овса тож, два пуда соли, и в 165 году за Мунгальскую посылку учинена ему на Москве придача: денег два рубля, хлеба четь ржи, четь овса, пуд соли. Пашни за ним нет. Служит тридцать лет, а детей у него один сын Оська, 28 лет».*

7165 год от сотворения мира — это 1657 год по европейскому календарю.

Томский казак Кирюшка Протопопов в 1680 году рассказал свою историю: *«Отец родом мезенец Колмогорского уезда, в Том-*

ске отец служил в соборной церкве в протопопах, а он, Кирюшка, поверстан в Томске в конную службу. 6 четей с четью ржи, 4 чети овса, 2 пуда соли».

Примерно с 1636 года в Сибирской приказной избе служит многие годы дьяк Григорий Протопопов. Его подпись стоит под многими историческими документами той эпохи. А сын был участником Амурского похода Ерофея Хабарова.

В 1675 году тобольский сын боярский Иван Протопопов сопровождал посольскую миссию Н.Г. Спафария в Китай.

В 1696 году в Тобольске служит сын боярский Федор Протопопов сын Иванов, в 1704 году — дети боярские Петр Нефедьев и Семен Васильев Протопоповы.

Примерно в это же время в Якутске объявляется сын боярский Федор Протопопов (Верхотуров), который в 1705 году отправлен на Камчатку. Дальнейшая судьба его была незавидной. Вот что пишет по этому поводу историк Андрей Зуев: *«Олюторские коряки разбили направлявшийся на Камчатку отряд из 10 казаков во главе с сыном боярским Федором Протопоповым (Верхотуровым). По сведениям Г.Ф. Миллера, отряд Протопопова весной 1705 г. отправился с устья р. Олюторы морем к р. Камчатке. Достигнув устья р. Тымлат, казаки решили атаковать корякский острожек, расположенный на острове Каменном. Но нападение было неудачным: отряд был уничтожен коряками, спаслись только три человека, уплыв на лодке на Камчатку; погиб и Протопопов (С.П. Крашенинников датировал это событие 1704 г.)».*

Остров Каменный с той поры именуется островом Верхотурова.

* * *

Лазарь Назаров

И Назаровых в Сибири тоже было не счесть. Но есть отправная точка, датированная 1623 годом в Тобольске: *«Деревня за плоским баяраком. Во дворе служилые люди литвин Первушка Сергеев да стрелец Степан Назаров у Первушки паханые середние земли у двора меж лугов и дубров четыре чети да перелогу три чети без третника в поле а в дву потому ж. Степановы паханые середние земли две чети да перелогу три чети без третника да в дву потому ж да у обех у них вопче поскотинные земли в логах пятьдесят сенных покосов около пашни и по логам и по отвержкам в дуброве сто копен да позади их паханых и переложных земель дуброва пашенова лесу десять десятин».*

В 1710 году в результате переписи отмечены: *«Двор старинной перваго полку пешего казака Потапа Назарова сказал себе 55 лет у него жена Агафья Савинова дочь 48 лет сын Максим 24 лет тогож полку в пеших казаках у него жена Анна Семенова дочь 25 лет у негож Потапа сын Иван 8 дочь девка Парасковья 16 лет племянник Максим Иванов 14 лет да брат родной отставной салдат Прокопей 70 лет.*

Государева жалованья ему Потапу и сыну ево Максиму денег по 4 рубли с четвертью хлеба ржи по 3 четверти с полуосминою овса по 2 четверти с полуосминою и с четвериком соли по 2 пуда с четвертью человеку.

В государеву казну платит он Потап в канцелярию подымных по 4 деньги на год.

Двор старинной вдовы Анны Ивановой дочери перваго полку пешего казака Осиповской жены Назарова сказала себе 55 лет».

В Енисейске мы находим под 1632 годом рядового стрельца Ваську Назарова с окладом 5 «рублев», который был послан в Якутск в 1639 году, но эта нить трагически обрывается — 4 июня 1639 года стрелец утонул в реке Лене.

Дмитрий Назаров по прозвищу Тютя числился в охочих людях второго прихода Ерофея Хабарова на Амур. Но судьба этих людей тоже была трагична — очень немногие вернулись из того похода, да и сам Ерофей Павлович вернулся оттуда арестантом с последующим запретом снова побывать на Амуре…

* * *

Григорий Холкин

В 1706 году числится в одиннадцатой пятидесятне. Фамилия редкая, и эти данные мы почерпнули из «Книги имянные тоболским ружником и детем боярским и съезжей избы подьячим и служилым всяких чинов людем и оброчником и юртовским служилым татаром что кому оклад великих государей хлебного жалованья и соли ко 169 году»: *пеший казак «Ивашко Павлов Холкин в прошлом во 163-м году послан на службу в новую Даурскую землю».*

7163 год — это 1655 год, когда история Даурии только начиналась. И Ивашко Павлов Холкин шел в Даурию, по всей видимости, в отряде воеводы Афанасия Пашкова, погубившего большую часть своего отряда.

* * *

Иван Шабалин

В 1706 году он записан в шестнадцатой пятидесятне как Иван Лаврентьев Шабалиных. В Тобольске в это время служил драгун Клементий Козьмин Шабалин и многие из тобольских крестьян носили эту фамилию (крестьянских детей тоже охотно верстали в казаки). В Кузнецке служили Шебалины (родоначальник — Дмитрий родом из Сольвычегодска, служил в Томске, затем направлен в Кузнецк). В Якутске одновременно с Иваном нес службу казачий десятник Дмитрий Иванович Шабалин (тринадцатая пятидесятня). Поэтому с Иваном определиться пока трудно.

* * *

Иван Ярков

Записан в двенадцатой пятидесятне.

Ярковы по своему происхождению, вероятно, коми-пермяки. В одной научной статье мы нашли такую информацию о заселении Печорского края: *«В Пустозерске, судя по переписям XVI в., жили беспашенные крещенные пермяки (коми) по тем временам в довольно большом количестве (89 человек), носившие фамилии Сумароков, Завьялов, Хабаров, Юдин, Власов, Захаров, Казаков, Козлов, Кухнов, Панков, Юшманов, Глебов, **Ярков,** Ечев и т.д. Все они типичные для коми с Удоры, Выми и даже Сысолы. А в последующие века в Пустозерске числились уже только русские. Правда, некоторые семьи хранили предания о своих нерусских “чудских” предках вплоть до XX в.».*

В Тобольске в 1623 году Ярковы представляли довольно мощную корпорацию пашенных крестьян, имеющих собственные деревни:

*«**На Абалаке ж деревня Яркова.** Во дворе вдова Федулика Ярковская. Пашни паханые середние земли у двора и в дуброве 6 четей с полуос/мино/ю в поле а в дву потому ж. Пашеннова лесу дубровы 9 десятин. Сена косит меж паханых полянок в логу 50 копен, живущим четь выти.*

***Деревня на Абалаке Яркова.** Во дворе оброчный крестьянин Васька Ярков. У нево братья Михалка да Афонка. Пашни у двора на горе паханные середние земли 12 четей да перелогу 2 чети с осминою в поле а в дву потому ж. Сена косит в Абалацком лугу 300 копен. У Васки ж отъезжая пашня в дубровы позади стрельца **Михалка Смольянинова.** Паханные середние земли 14 четей в поле а в дву потому ж. Пашенново лесу дубровы 28 десятин.*

Во дворе новоприбылой крестьянин Павлик Жерноков у нево сын Жданко. Пашни паханные середние земли 7 четей с осминою в поле а в дву потому ж. Пашенново лесу дубровы 6 десятин. Сена косит в дуброве в лугу 30 копен. А по скаске ево он Павлик во крестьяне взяв подмогу у вдовы у Ярковской у жены Федулейки во 130-м году а государева оброку Федулейкина тягла снял с себя пол десятины бес получети и платит оброк в государеву казну посопным хлебом за Федулейку Ярковскую с полу десятины бес полу чети в той же Яркове деревни у Васки и у Павлика ево вопче поскотинной земли восьмь десятин».

К 1696 году Ярковы — это уже мощная казачья корпорация. В 1661 году Офонка Микифоров был рядовым стрельцом (в 1689 году — десятником), а Данилко был казаком «литовского списка». В 1689 году добавляется служилый Митрошка Ярков. В 1696 году стрельцами числились Офонка Михайлов, Васка Микифоров, Ивашка Афанасьев, Ивашко Данилов, Гришка, Стенька и Федька Степанов Ярковы. В пеших казаках служили Игнатий Иванов и Игнатий Степанов Ярковы.

Из этой деревни родом и казак Емельян Софронович Басов с братом Василием, первыми начавшими промысловое освоение будущей Русской Америки.

Обратим внимание (мы это выше выделили жирным кеглем), что в 1623 году пашни и дубравы Ярковых находились позади земель стрельца Михалка Смольянинова. И на Камчатке они оказались спустя почти столетие рядом и смерть приняли вместе.

* * *

Иван Смольянинов

Поверстан в казачью службу в 1706 году в четырнадцатую пятидесятню.

Казаков и стрельцов Смольяниновых тоже было немало в городах и весях Сибири. По всей видимости, исторической родиной их всех были смоленские земли. Казак Смольянин Ивашка служил в Томске в 1626 году.

Но Тобольск для нас предпочтителен в данном случае совсем по другой причине — именно здесь существовала, по данным 1696 года, корпорация тобольских казаков и стрельцов Смольяниновых. Судите сами: стрельцы Александрик, Мишка сын Федоров, Гришка, Ивашко сын Григорьев, Оска (Осип), Ивашко сын Осипов и пешие казаки: Ермолка сын Иванов,

Гришка сын Ондреев, Тараско и Петрушка сын Тарасов Смольяниновы…

* * *

И остается еще один, найденный нами в архивах список, в котором обозначено 44 имени челобитчиков, покаявшихся в убийстве трех камчатских приказчиков. Часть тобольчан из этого списка мы уже назвали (их имена повторяются).

Но не все.

Федор Куковеров

Тринадцатая пятидесятня.

Фамилия редкая. Только в Тобольске проживал в 1700 году посадский Гришка Куковеров.

* * *

Семен Лепихин

Был еще один Лепихин — Алексей Иванов, записанный в десятую пятидесятню.

Фамилия в Сибири знаменитая. О происхождении фамилии Лепихин мы писали во второй части книги, цитируя историка А.Г. Мосина (см. с. 463).

В 1710 году в Тобольске служил в драгунах Федор Михайлов Лепихин.

А по данным 1719 года, в Тобольском уезде существовала деревня Лепихина, в которой проживали крестьяне Лепихины.

Лепихины остались и в истории Камчатки. Об этом мы еще будем говорить. Приведем только один маленький пример — помощником Георга Стеллера в его путешествии к берегам Америки был казачий сын Фома Лепихин. Вероятно, сын Семенов.

* * *

Иван Обуховский

Тринадцатая пятидесятня.

История этой фамилии в Сибири, по всей видимости, начинается с 1661 года: *«Февраля в 23 де по государеве грамоте присланы с Москвы в Тоболеск ссылные литовские люди шляхта Степан Обуховичь, Федор Есенской, Ян Адамов; а по государеве грамоте велено им государеву службу служить в Тоболску в литовском списке».*

В 1696 году мы видим (но уже только в пеших) тобольских казаках Демку, Микишку и Мишку Обуховских.

* * *

Петр Плотников

Фамилия весьма нередкая. Ее в Сибири можно найти повсеместно.

В Тобольске в 1696 году она также представлена казаками Олешкой, Максимкой и стрельцом Оской Григорьевым Плотниковыми. Огромное количество самых разных (то есть прибывших из самых разных мест) Плотниковых было в Томске. Были свои Плотниковы и в Якутске.

* * *

Данила и Дмитрий Томиловы

Здесь тоже «не соскучишься» — Томиловы есть везде. Например: *«по указу вел. госуд. и по грамоте велено быть в Тобольску в детех боярских Верхотурским детем боярским Федору, да Ивану Томиловым».* Это данные 1696 года.

Далее — на реке Томь есть деревня Томилова.

В 1624 году казак Нестерка Томилов служил в Тюмени, а в 1633 году — Шестой Томилов сын Спиридонов был в «литовском списке» тюменских казаков.

В 1680 году в Шадринской слободе: *«Во дворе Ивашко Миронов сын Томилов. Сказал: родился де он Уфинского уезду на Каме реке Каракулина села в деревне Колесникове, жил за великим государем во крестьянех. В Сибирь пришол и живет в Шадринской слободе со 187-го году. У него сын Родка полугоду. У него ж брат Офонка 10 лет».*

В 1681 году в Якутске служит казак Ивашка Томилов.

* * *

Иван Шагин

А вот в этом случае сомнений у нас нет: всех Шагиных мы отыскали только в Тобольске: драгун Василий Иванов Шагин, пеший казак Якушко Сергеев Шагин, крестьянин Ефим Шагин.

* * *

Федор Васильев сын Бронников

Восьмая пятидесятня. Участник бунта и убийства приказчиков.

Бронниковы — из числа первопоселенцев Тобольска. По данным 1623 года: *«В деревне Ефтезерской. Во дворе посацкой человек Андрюшко Бронников пашни паханые луговые середние земли 4 чети в поле а в дву потому ж. Да пашенова лесу дубровы пять десятин. Луговые земли низкова места 10 десятин. Сенных покосов на Ефтезерском острову 200 копен.*

Деревня на Иртыше. Во дворе пашенный крестьянин Онтонко Бронников с братью с Якушкою да с Титком. Пашни у них паханные середние земли 24 чети бес пол пол пол третника да перелогу 15 четей с осминою и с четвериком в поле а в дву потому ж. Сена косит 400 копен. Живущим выть бес получети и пол пол трети выти да впусте пол выти с получетью».

В 1689 году в тобольских казаках числятся Куска Мартынов Бронник, Митка Никифоров Бронников и стрелец Мишка Васильев Бронник.

В разные годы Бронниковы появляются в Томске, Енисейске, Якутске, Нерчинске.

И причины были разные. Вот одна из них: «В августе 1647 года, — извещают сохранившиеся в архивах документы, — енисейский сотник Максим Перфильев и тобольский пятидесятник Ларька Едомский на Ленский волок привезли около 30 ссыльных семей. В том числе присланы на службу: дети боярские, тверичи Сенька Епищев с женой и Ивашко Епищев, человек стрелецкого головы Ивана Бечечева Ондрюшка Федоров, стрельцы Богдашко Карпов, Гришка Черноус, Мишка Чаколка, Мишка Чернычёнок с женой, **Яков Бронник**, Васька Скоробогатый, казанские "тюремные стрельцы" — Друин Трофимов, Семейка Скоморох и Овдюшка Бочкар; на пашню: калужанин Демка Дуров, подъячего приказа Большого дворца Юрия Блудова человек Лазарько Григорьев с женой и с детьми, поп Иван Федоров. Из прибывших около десятка семей устроены на чечуйской пашне, остальные записаны на службу».

Вот другая любопытная информация: «Уже в 1700 г. в Якутске стали понимать, что местным властям необходимо как можно скорее закрепить русский успех на полуострове Камчатка и направить туда новую экспедицию. Исполнить эту новую миссию поручили бывалому землепроходцу Тимофею Кобелеву. Ему в помощь был выделен небольшой отряд казаков, в который были включены такие опытные служилые люди как сын боярский Иван Мокринский, Семен Ломаев, Иван Куклин, Василий Бронник и другие».

Василий Варфоломеевич Бронник известен на Лене с 1650-х годов, и, конечно же, он был одним из самых опытных землепроходцев.

* * *

Завершая работу над списком имен челобитчиков, мы столкнулись с еще одной проблемой — ведь тобольчане были не только на «воровской» стороне, но и на стороне… противоположной. Не исследовав эту «сторону», мы не можем судить о справедливости оценки приказчика Василия Колесова о роли коренных тобольчан в камчатских событиях того времени.

Сын боярский **Иван Григорьев сын Мокринский**, уроженец Тобольска, в 7203 (1693) году был послан из Тобольска на службу в Якутский острог, участник первого похода Владимира Атласова на Камчатку, а затем и ее первожитель, умер в 1707 году, вероятно, от ран, полученных во время неудачного казачьего похода по приказу Владимира Атласова, чтобы заставить камчадалов бассейна реки Кыкша (Большая) платить ясак. В тот год, как мы знаем, камчатские казаки понесли особенно большие потери.

Иван Григорьевич Мокринский, будучи в самом высоком чине тех лет — сына боярского, почему-то был очень незаметной фигурой на фоне пятидесятника Атласова и позже (вероятно, он был за что-то сослан в Якутск). На самом деле Мокринские из знатного рода рязанских служилых дворян. Сибирский родоначальник династии Мокринских Иван Мокринский был атаманом березовских казаков, а многочисленная плеяда детей боярских Мокринских служила по Тобольску.

Самым знаменитым из этого рода стал сын березовского атамана тобольский сын боярский Дмитрий Иванович Мокринский, который после смерти жены принял постриг под именем Долмат, а впоследствии основал монастырь, известный сегодня как Долматовский Исетский монастырь. Первым настоятелем этого монастыря был сын Дмитрия Ивановича, который также принял постриг под именем Исаака. В 2004 году патриарх Московский и всея Руси Алексий II благословил причислить основателя Свято-Успенского мужского монастыря Далмата Исетского к лику местночтимых святых Курганской епархии и включить имя преподобного Далмата Исетского в Собор Сибирских святых с установлением дня памяти 25 июня/8 июля.

4 февраля 2013 года Архиерейский собор Русской православной церкви утвердил общецерковное прославление преподобного Далмата Исетского.

Иван Григорьевич Мокринский был внуком одного из двух братьев Далмата — Савватия (был еще Федор), который был сыном боярским в Рудной слободе. Там же потом служил и Григорий Савватеевич — «от Руды приказчик», сын боярский, и брат Ивана — Тимофей Григорьевич. А Ивану Григорьевичу выпала трудная доля — он многие годы провел на северо-востоке России, в Якутске, Анадыре, на Камчатке…

* * *

Иван Куклин

Первым в истории «якутских тобольчан» обозначился Якунко Куклин, когда якутский воевода Петр Головин набирал в Якутск на «годовалую» службу березовских и тобольских казаков, не выдавая им денег авансом (рассказывая о тобольчанине Панютине, мы приводили уже этот отрывок полностью, а вот что касается Куклина):

«И мы, холопи твои, Сенку Павлова, да Мишку Ортемьева, да Олешку Чюкмасова, да Сенку Скороходова, бив батоги нещадно, послали з детми боярскими и с подьячим в тюрму. И как их, Сенку Скороходова с товарыщи, повели в тюрму, и служилые люди, собрався, хотели у детей боярских и у подьячево Сенку Скороходова с товарыщи отнять. И Сенка Скороходов и Олешка Чюкмасов служилых людей от себя отбили и в тюрму пошли. И того ж, государь, дни березовские казаки Васка Юрьев, Максимко Архипов с товарыщи того березовского казака Васку Серебреника, которой писменого голову лаел и толкал, и тоболские служилые люди Якунку Куклина привели ж к нам, холопем твоим, в съез[жею] избу. И мы, холопи твои, того В[аску], бив батоги нещадно, послали в тюрму».

Вероятно, по этой причине «Якунька Михаилов сын и Перфирьев он же Куклин в прошлом во 154-м [1646] году отпущен з государевою с соболиною казною к Москве в провожатых».

Следующим в якутской истории был **Иван Гаврилов сын Куклин**, промышленный человек.

Этот документ открыли совсем недавно. В нем — информация о том, кто из землепроходцев первым пришел на Колыму:

«Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всея Руси биют челом холопи твои государевы ленские служилые люди Мишка Стадухин, Митька Михайлов Ярило, Фторко Гаврилов, Онисимко Иванов, Гришка Фофанов, Завьялко Сидоров, Семейка Дежнев, Макарко Тверяков, Мишка Савин Коновал, Мокейко Игнатьев, Сергейко Ортемьев, да томской служивой человек Ромашка Иванов Немчин, Ивашко Беляна, Семейка Мотора, енисейской служивой человек Поспелко Козьмин, красноярской служивой человек Бориско Прокофьев, да сироты твои государевы, промышленые люди **Ивашко Гаврилов Куклин**, Сысойко Васильев, Ульянко Карпов, Ивашко Павлов, Офонько Якимов, Ивашко Собуров, Федька Федоров».

Вряд ли Иван Гаврилович сопровождал и Владимира Атласова в первом его походе на Камчатку — ведь после колымских событий миновало уже почти шестьдесят лет. Но то, что в этом походе был казак Иван Куклин — исторический факт. Как и то, что в отряде Тимофея Кобелева он был вновь послан на Камчатку, где в ожидании каких-либо вестей из Якутска томился в устроенном им Камчадальском зимовье первый приказчик Камчатки, оставленный Владимиром Атласовым, тобольчанин **Потап Серюков.**

По материалам 1696 года в пеших тобольских казаках мы находим двух Куклиных — Ивана и Петра.

По материалам 1696 года в пеших тобольских казаках мы находим двух Куклиных — Ивана и Петра. В переписи 1710 года, отрывок из которого мы уже приводили, читаем: «…Двор купленой вториаго пешего полку пятидесятника Ивана Яковлева прозвание Куклина… жена ево Настасья Иванова дочь сказала ему 53 года… у негож живут брат ево родной тогож полку отставной казак Петр Куклин 67».

Совпадение вряд ли возможно — в начале этого же столетия их тезки — Иван и Петр Куклины (а скорее всего, они сами) — служили на Камчатке.

О том, что Куклины были не только старожилами, но и известными в Тобольске людьми, говорит еще и такой факт: от **«…Спаской улицы Куклин переулок и им переулком к Воскресенской улице…»** Согласитесь, что не каждый переулок в Тобольске был именным.

* * *

Иван Харитонов, пятидесятник

В 1706 году десятник четырнадцатой пятидесятни. В 1711 — пятидесятник. В 1719 — дворянин.

Исконные тобольские корни фамилии очевидны — в 1696 году здесь существовала корпорация казаков Харитоновых: Пашка, Кирилка, Гришка, казачий сын Федор.

Хотя возможны и варианты: в якутских делах, датированных 1687 годом, мы обнаружили такую запись: «Дело о приверстании ссыльного Бориса Харитонова в казачью службу».

Но имя казаков Харитоновых в сибирской истории появляется гораздо раньше — в связи с открытием реки Яны. Вот как описывает эти события М.И. Белов:

«Точное время прихода Посника Иванова в Индигирскую землю неизвестно. Во всяком случае, это произошло не позже ноября 1637 года, так как в его ясачной книге первые записи датированы указанным годом и месяцем. Возможно, что эти записи были сделаны много позднее прибытия в Юкагирскую землю. Во всяком случае, Иванов проник туда раньше Ивана Реброва, который в то время еще находился на Яне.

В литературе об этом выдающемся походе Посника Иванова, в котором, как увидим ниже, участвовал и Семен Дежнев, до сих пор не было сведений. Косвенные известия о проторении казаками дороги на Яну в 1636–1637 годах нашел в делах Сибирского приказа С.В. Бахрушин. Однако он не связал их с походом Посника Иванова, а, приняв во внимание лишь челобитную казака Селивана Харитонова, одного из участников этого похода, приписал честь открытия сухопутного пути на реку Яну челобитчику.

Утверждение С.В. Бахрушина оказалось неточным. Селиван Харитонов — рядовой казак отряда Посника Иванова. Он сам свидетельствует, что, дойдя до Яны, был оставлен там для сбора ясака, тогда как Посник Иванов, отправившись дальше, проложил путь на реку Индигирку.

…В момент первого похода русских на Колыму Селиван Харитонов находился в отряде Дмитрия Зыряна и с ним в 1642–1643 годах прошел, очевидно, на реку Колыму. Во всяком случае, в 1644–1645 годах он все еще был у Зыряна, а затем в отряде Второго Гаврилова. Летом 1646 года последний послал Харитонова и казака Фофанова из Нижнеколымска “морем на коче” в Якутск, куда они благополучно прибыли».

Иван Харитонов в чине пятидесятника, по всей видимости, прибыл на Камчатку вместе с сыном боярским Петром Чириковым и находился под его командованием.

«Камчатский приказчик П. Чириков послал в поход на Пенжинское море на р. Колпакову (Конпакову) против «изменников» пятидесятника Ивана Харитонова с 40 чел. Выйдя в начале января 1710 г. из Верхнекамчатского острога, Харитонов двинулся к Конпаковскому острожку. Недельная осада острожка закончилась безрезультатно. Потеряв на приступе одного человека и много раненых, Харитонов возвратился в Верхнекамчатск» (А. Зуев).

Но на этом его военные неудачи не закончились.

Именно он командовал вторым (после Атласова) неудачным походом на реку Большую. Как пишет А.С. Сгибнев: «В походе этом было убито 8 ч. русских, много ранено, а остальные спаслись бегством».

Вот и подробности: «С р. Островной Чириков отправился в Верхнекамчатск, а на р. Большую послал 40 казаков во главе с И. Харитоновым “усмирять изменников староплатежных ясачных иноземцов, и вновь неясачных иноземцов под твою царскую высокосамодержавную руку призывать”. Но Харитонову опять не повезло, его отряд был разбит. Причем описание этих событий дается в двух версиях. Согласно одной, изложенной в челобитной камчатских казаков и повторенной затем С.П. Крашенинниковым, отряд Харитонова внезапно днем, «на ходу» (на марше), был атакован иноземцами с реки Большой и с других рек, которые «скопився в многолюдстве». Внезапность нападения дала ительменам некоторое преимущество, и они сразу убили 8 казаков и многих (в том числе Харитонова) «испереранили». Однако казаки, вероятно, достаточно быстро оправились и «боем отбились», укрывшись в ближайшем пустующем ительменском острожке. Целый месяц они просидели там в осаде, но, не дождавшись помощи из Верхнекамчатска, с трудом спаслись бегством.

Другая версия, зафиксированная опять-таки Крашенинниковым (несомненно, со слов казаков), представляет ход событий иначе. Харитонов, придя на реку Большую, осадил там какой-то острожек. Через некоторое время иноземцы сдались и впустили русских, обещая заплатить ясак. Отряд расположился в острожке. После этого к Харитонову стали приезжать тойоны из «нижних острожков» и уговаривать его поехать в низ реки, поскольку туда якобы им всем будет удобнее свозить ясак. Часть казаков категорически возражала против этого, подозревая со стороны ительменов обман. Однако пятидесятник не послушал их и отправился на батах вниз по реке. Далее случилось следующее: «Бывшие на батах в каюрах иноземцы

завезли их в протоку очень быструю и тесную и, выскоча из батов, стали служивых побивать, а на берегах той протоки были другие иноземцы, которые там под скрытом сидели и дожидались их, которые в то же время из луков по них стреляли и убили из них 12 человек, сверх того многих переранили, а остальные едва отбиться могли и оттуда ночным временем побежали на Камчатку, а в дороге у них от голоду человека с три умерло» (А. Зуев).

Весьма любопытен и тот факт, что пятидесятник Харитонов сопровождал приказчика Осипа Липина и сына боярского Петра Чирикова из Нижнего острога в Верхний, когда случилась смута и начался бунт. На глазах Харитонова был убит Липин, оказавший казакам самое яростное сопротивление. В его же присутствии Петр Чириков, ползая на коленях, умолял казаков сохранить ему жизнь и был настолько жалок (по одной версии, по другой – у казаков не было веских причин его убивать), что убийцы Липина решили не убивать его, а предать казачьему суду.

Видимо, Харитонов оказался в меньшинстве, и любое его сопротивление, любой протест могли закончиться для него трагически, тем более что за свои военные «успехи», он вряд ли пользовался большим авторитетом у тех, кто решился на убийство должностного лица, наделенного полномочиями карать без суда и следствия.

И нужно признать, что после этого его карьера (как человека, «не приставшего к бунту») стремительно пошла… вверх. Он стал сыном боярским, а впоследствии и якутским дворянином.

Забегая вперед, скажем, что в 1719 году якутский дворянин Иван Харитонов был назначен приказчиком Камчатки.

Как сообщает С.П. Крашенинников:

«1720 году в марте месяце вышепомянутой Иван Харитонов пошел в поход на впадающую в Пенжинское море Паллан реку в 50 человеках, чтоб живущих на оной реке иноземцов без бою к ясашному платежу привесть. И пришед на оную реку иноземцов без бою к ясашному платежу привел, а иноземцы не бились с ними для того, что они не войною их, но лукавством убить зговорились. И как помянутой Харитонов со служивыми вошел в иноземческую юрту, то они его, Харитонова, во время ужина с несколькими служивыми нечаянно побили, иные раненые служивые вон выбежали; которые были на отводном карауле, услыша о убивстве своего прикащика, всех их иноземцов в юрте сожгли».

Историк А. Зуев добавляет некоторые подробности:

«В феврале 1720 г. к приказчику Нижнекамчатского острога И. Харитонову пришли ясачные с р. Тигиль Тунбал и Канач и сообщили, что “паманские” (паланские) иноземцы затевают измену. Для ее пресечения Харитонов в марте пошел в поход с 60 служилыми. Паланские коряки встретили русских с покорностью и дали ясак. Но в ночь на 27 марта они внезапно напали на спящих казаков, убив 10 (в том числе Харитонова) и ранив 14 чел. Однако остальные служилые сумели не только отбить нападение, но, “справяся”, перебить всех нападавших и сжечь корякский острожек. Согласно С.П. Крашенинникову, убийство Харитонова случилось в корякском острожке Енметаинг (Утесный), который стоял на южном берегу р. Качеит-ваема ближе к ее устью, в 2,5 верстах от Нижнепаланского корякского острожка. По его же данным, большая часть людей Харитонова (всего в отряде было не 60, а 50 чел.) в момент нападения находилась вне острожка на “отводном корабле”. Они, “услыша о убивстве своего прикащика, всех их иноземцов в юрте сожгли”».

* * *

Семен Леонтьев сын Ламаев (Ломаев)

Якутский казак, тринадцатая пятидесятня.

«А служилым людем, Алексею Пещере, Семену Ламаеву, Тимофею Путимцову, Козьме Марманскому, Ивану Харитонову, Петру Иконникову с товарищи, которые к тому злому умыслу и убийству не пристали, велено сказать при всем народе твое, великого государя, милостивое слово» — это об убийствах камчатских приказчиков.

А ведь он тоже, вполне возможно, был уроженцем Тобольска.

Дозорная книга, 1623 год:

«Деревня на речке Боровой. Во дворе пашенный крестьянин Пятунка Ломаев. Детей у нево Демидка да Тимошка. Пашни паханные середние земли 12 четей с осминою и с четвериком в поле а в дву потому ж. Да пашенново лесу дубровы 6 десятин. Сена косит 400 копен. Живущим пол выти да впусте пол выти с получетью выти».

В 1704 году казаком второго пешего полка в Тобольске служил Иван Ломаев. Кстати, в этом списке мы найдем и казаков Ивана и Петра Куклиных, казаков Григория, Алексея, Павла и казачьего сына Федора Харитонова, казаков Офанасея, Михайло,

Андрея, Леонтия Михайлова сына и десятника Ивана Дмитриева сына Иконниковых.

Семен Ломаев для нас интересен прежде всего тем, что именно он был избран приказчиком на время отстранения от должности Владимира Владимировича Атласова.

Итак, Семен Леонтьевич приходит на Камчатку в отряде сына боярского Тимофея Кобелева и остается после его ухода с Камчатки «годовать» в Верхнем Камчатском остроге до прихода следующего приказчика.

Вот как все это выглядело: *«**1702–1703 годы**. Сын боярский Тимофей Родионович Кобелев. Назначен в Якутске в 1700 г. На Камчатке появился не ранее 1702 г., поскольку именно с этого времени отмечен первый сбор им ясака с ительменов. Убыл в конце 1703 или в начале 1704 г., оставив в Верхнекамчатском остроге заказчиком Семена Ломаева»* (А. Зуев).

То есть Семен Ломаев на период до прихода нового официального лица из Якутска совершенно официально исполнял должность камчатского приказчика.

Далее: *«**1703–1704 годы.** Десятник Михаил Зиновьевич Многогрешный (Черкашенин) (в источниках и литературе иногда фигурирует под фамилией Зиновьев). Назначен в Якутске в 1702 г. По утверждению С. П. Крашенинникова, "бывал на Камчатке, как в отписке из Якутска объявлено, еще прежде Атласова, может быть с Морозкою". Прибыл на Камчатку в 1703 г., выехал в августе 1704 г., оставив в Верхнекамчатском остроге заказчиком С. Ломаева, в Нижнекамчатском — Ивана Поливанова»* (А. Зуев).

То есть, и при следующем приказчике Семен Ломаев остается в своей прежней должности по отбытию Многогрешного с «государевым ясаком». Г. Леонтьева в своей работе об Атласове не поняла очень важного: по прибытию официального лица из Якутска временно назначенные приказчики острогов в обязательном порядке сдавали свои полномочия и передавали все имущество прибывшему на Камчатку из Якутска этому официальному лицу — главному приказчику всех камчатских острогов. И Владимир Атласов, возвратившись на Камчатку в должности приказчика, никого насильственно не смещал — была обычная рядовая процедура принятия дел от Семена Ломаева.

*«**1704–1706 годы.** Пятидесятник Василий Михайлович Колесов. Послан в 1703 г. из Якутска. Прибыл 25 сентября 1704 г., сдел «на приказе» до апреля 1706 г. Отбыл в мае 1706 г., оставив заказчиком в Верхнекамчатске Федора Анкудинова, в Нижнекамчатске — Федора Ярыгина, в Большерецке — Дмитрия Ярыгина. Позднее, уже с дороги, из Акланского острожка, отправил казака С. Ломаева, "которому и ясак приказал сбирать во всех трех камчатских острогах". Ломаев исполнял обязанности камчатского приказчика до прибытия В. Атласова в 1707 г.»* (А. Зуев).

Кроме того, приказчик Колесов отписывался в Якутск: *«…в 705 году в марте месяце посылал я, раб твой, за Камчатку вдоль немирных курил и по курильской их острожек казака Семена Ламаева, да с ним служилых и промышленных людей сорок человек и тот острожек божьей милостью и твоим, великого государя, счастьем взяли и тех немирных иноземцов курил побили человек со сто, а достальных привели под твою великого государеву высокую самодержавную руку в вечное холопство в ясачный платеж».*

На обратном пути в Якутск Семен Ломаев сопровождал Колесова, но тот возвратил его на Камчатку: *«Колесов в помянутом остроге застал семь человек служивых вставших после Шелковникова с подарочною и пороховою казною посланною в камчатские остроги которых он, ведая на Камчатке скудость в свинце и порохе, отправил с дватцатью одним человеком своей команды, а команду поручил над ними выборному служивому Семену Ломаеву, которому и ясак приказал сбирать во всех трех камчатских острогах»* (С.П. Крашенинников).

Подведем черту: все годы до прихода Владимира Атласова на Камчатку Семен Ломаев в период отсутствия приказчиков, назначаемых Якутском, совершенно официально исполнял обязанности выборного приказчика, собирал ясак и вершил суд.

Никаких крупных инцидентов ни в казачьей среде, ни с камчадалами в этот период времени не происходило. Казаки, как отмечали историки, были в малолюдстве и предпочитали жить мирно — как между собой, так и с окружающими их камчадалами.

Г. Леонтьева в своей, во многом восторженной, книге об Атласове пишет следующее: *«Постарался Владимир Владимирович наладить дисциплину среди казаков, на что прежние приказчики не обращали внимания. Поступки Атласова встретили противодействие. Всех недовольных объединил*

прежний приказной Верхнекамчатского острога Семен Ломаев, которого Атласов сместил с этой должности по приезде своем на Камчатку. В декабре 1707 г. казаки Верхнекамчатского острога собрали круг. Пользуясь тем, что казаки, верные Атласову, отправились для сбора ясака, Ломаев и его товарищи отстранили Атласова от должности приказчика, посадили под арест и конфисковали его пожитки, в том числе "1235 соболей, 400 красных лисиц, 14 сиводушных лисиц, 75 бобров, шубу соболью пластинную под чашуйчатым лазоревым байбереком, пушена хвосты собольи, две шубы пластинные под лимоною камкою, пушены морским бобром, три шапки женские пластинные собольи под красною камкою, пушены бобром, в том числе одна с золотым кружевом, одеяло пластинное соболье под атласом, пушено бобром, 3 меха пластинные собольи, полы шубные собольих хвостов, два меха собольи черевьи, парку соболью, оплечье бобровое, куклянку соболью, парку соболью детскую, две постели бобровые, шубу бобровую, пущена бобром, санаяк бобровый с оплечьем лисиц сиводущатых, санаяк выдраной с таким же оплечьем, пушен бобром, шапку женскую бобровую, два меха бобровых, санаяк бобровый детский с оплечьем собольим, мех хребтовой сиводущатых лисиц, мех хребтовый красных лисиц пушен бобром, мех хребтовый красных же лисиц, мех черевей сиводущатых лисиц, мех черевей красных лисиц и куклянку красных лисиц".

Приказчиком Верхнекамчатского острога вновь стал Семен Ломаев, поощрявший казачьи вольности. Тогда же власть в Нижнекамчатском остроге захватил Федор Ярыгин, тоже смещенный в свое время Атласовым».

Г. Леонтьева не обратила внимание еще на очень и очень важное — все вышеперечисленные «пожитки» Владимира Владимировича Атласова не были «раздуванены», как это случилось в 1711 году, — а были записаны… в казну.

* * *

Василий Михайлович Колесов был прав только в одном — «заводчиками» казачьего бунта 1712 года действительно были уроженцы Тобольска, которые и понесли (единственные среди всех бунтарей) самое жестокое наказание, хотя они не убили НИ ОДНОГО человека. И этих уроженцев Тобольска в общей массе взбунтовавшихся казаков было не так и много.

* * *

Но действительная роль тобольских казаков в освоении Сибири и Камчатки еще никем толком не определена.

И у нас представилась реальная возможность проследить эту роль на примере одного только казачьего рода — потомков тобольского атамана, бывшего стрельца, уроженца одного из уездов Центральной России, и служившего в Москве Ивана Савельева Дурыни, который, по одной из версий (Сергея Дурынина), получил такое прозвище из-за своего упрямого, решительного, бесстрашного характера, а по другой (Елена Петрова-Дурынинина) потому что он в бой шел, надев на голову железный шлем с выступающим вперед мощным рогом, чтобы не только мечом или саблей, но и головой сокрушать врага. Этот рог и назывался в народе «дурыней».

А теперь мы несколько отойдем в сторону от камчатских событий, чтобы продемонстрировать вам другую картину. Сергей Евгеньевич Дурынин, потомственный тобольский казак, в своих исследованиях приводит любопытные архивные документы, рассказывающие о том, что тобольские казаки во все исследуемые нами времена служили на самых важных направлениях, определяющих будущие границы Российской империи

Интереснейший материал об истории рода можно почерпнуть из челобитных, написанных самими Дурыниными.

«Прибыльная» книга 175–177 (1667–1669) годов тобольского воеводы стольника П.И. Годунова (РГАДА, ф. 214, оп. 1, д. 367).

«**Тобольский рейтар Мишко Корнилов**

…В прошлых государи годех по вашему Великих государей Указу **служил на Москве дед мой Иван Савельев Дурыня вам Великим государем десять лет и в полку Мирона Вельяминова служил четыре годы и на той вашей Великих государей службе дед мой Иван Дурыня с литвою и с поляки и с немецкими дед мой бился многожды и на том бою дед мой был ранен многими раноми и за тою службу дед мой Дурыня вашим государевым жалованьем пожалован с Москвы сведен в Сибирь в Тоболск к новокрещеным казаком в отаманы.**

А оклад государи деду моему Ивану Дурыне вашего государева жалованья было денег четырнатцать рублев хлеба двацать восмьчети.

И служил вам Великим государем дед мой в Сибири в атаманех дватцать восмь

лет всякия ваши государевы службы и многие городы и острошки дед мой ставил и с иноземцов на вас Великих государей ясак збирал и в калмыцкие земли многожды посылан бывал ко многим тайшам в посланниках и в калмыцкой земли всякую нужю и бедность и голод терпел и дедушко мой Иван Дурыня в Тобольску судом Божиим умер.

А после государи смерти деда моего поверстан был в Тобольску в вашу государеву службу в атаманы **вместо деда моего Ивана Дурынина по вашей государеве грамоте отец мой Корнило Дурынин.** И служил вам Великим государем отец мой в Сибири в Тобольску **в атаманех лет с пятьдесят и больши** всякия ваши Великих государей службы и многия городы и острошки ставил и иноземцов остяков в ясак прибрал многих которые жили в ызбыли и вашего государева ясаку не платили и к Ямышеву озеру по соль бывал.

Да отец же государи мой Корнило посылан был ис Тобольска на вашу государеву службу в атаманы з головою з Богданом Аршинским в Сургут за изменники за остяки за Кипемою с товарищи и тех изменников остяков Кинемы с товарищи переимали и служил вам Великим государем отеци мой Корнило не щадя головы своея.

И в прошлом государи во 168-м (1660) году по вашему Великих государей Указу поверстан я холоп ваш в Тобольску в вашу государеву службу в рейтары. И служил я холоп ваш в рейтарех и по нынешней по 176-й год всякия ваши государи службы летния и зимные а в степь на изменников на башкир и на тотар посылан бывал многожды и на той вашей государеве службе многую нужу и бедность терпел и многими коньми опал. А как под Киргинскую слободу приходили воинские люди и в то государи время коня подо мною убили.

…пожалуйте меня холопа своего за службы и за кровь и за раны деда и отца моего и за мои многия службишка велите государи меня в Тобольску поверстать в вашу государеву службу **в конные казаки в Тимофеево место Рындина** в ваше государево в денежное и в соляное жалованье без хлебнаго окладу а за хлебной оклад велите государи мне пахать пашню а он Тимофей Рындин поверстан в Тобольску в дети боярския а в ево место нихто не поверстан.

…А челобитчиков **Мишкин отец Корнило Дурынин служил в Тобольску у новокрещеных татар в атаманех** а он Мишка в прошлом во 168-м году по разбору боярина и воеводы князя Ивана Андреевича Хилкова с товарыщи взят в рейтары из неверстаных атаманских детей.

И Великим государем бьет челом Мишка Корнилов чтоб Великие государи пожаловали велели ево поверстать в конные казаки в Тимофеево место Рындина в денежном и соляном окладе а за хлеб пахать ему пашню».

* * *

В связи с идеей введения в России войск «нового строя» многих казачьих детей призвали в рейтары, но этот опыт оказался весьма неудачным. Рейтары — это конные всадники, которые должны были расстреливать пешего врага из тяжелых крупнокалиберных пистолетов, не спешиваясь при этом, а на ходу, превращаясь, таким образом, сами в удобную мишень для врага.

Но и образ жизни солдата (рейтара), не связанного никаким личным домашним хозяйством и находящегося на казенном довольствии, коренным образом отличался от традиционного образа жизни казака, который практически сам себя и кормил — пахотоюй, рыбалкой и охотой. И поэтому многие из казаков, послужив в рейтарах, начали писать челобитные…

При царе Петре многих казаков, начиная с детей боярских и завершая казачьими детьми, «забреют» в солдаты и рассеют по всей России от западных границ, где шли бои со шведами, на восток, до Камчатки, где восставали то коряки, то чукчи, то камчадалы, и до южных границ — где веками уже продолжалась кровавая битва с татарами и турками.

* * *

«**Тобольский рейтар Васька Корнилов Дурынин**

…А в прошлых государи годех дед мой Иван Савельев сын Дурыня служил вам Великим государем при бывшем государе царе и Великом князе Иване Васильевиче блаженные памяти по Москве. И с Москвы по вашему Великих государей Указу дед мой Иван Дурыня послан на вашу государеву службу в сведенцах в Сибирь в Тоболеск.

И по Тобольску дед мой Иван Дурыня служил вам Великим государем в атаманех лет с пятьдесят. И после деда моего Ивана Дурынина отец мой Корнило Дурынин служил вам Ве-

ликим государем по Тобольску в атаманех же.

А поверстан был отец мой Корнило в атаманы в Тобольском по вашему Великих государей Указу и по вашей Великих государей московской грамоте.

И при воеводе Матвее Михайловиче Годунове посылан был отец мой ис Тобольска на вашу государеву службу к Ямышу озеру по соль в товарыщех Литовского списку конных казаков с ротмистром з Батошем Станиславовым.

А с ними посыланы были ис Тобольска по соль иноземцы литва и немцы. И не дошед Ямыша озера те иноземцы литва и немцы вам Великим государем изменили. Анца Немчин с товарыщи и у Железянки речки по ту сторону Тары з дощаников в калмыцкую землю к калмыкам побежали. И отец мой Корнило за ними изменника за Анцом Немчином с товарыщи в погоню Гонялся. И в третей день отец мой Корнило тех изменников Анца с товарыщи сугнал и их изменников всех переимали и в Тобольской к воеводе к Матвею Михайловичю Годунову с товарыщи тех изменников отослали. И иные многие ваши государевы службы по Тобольску отец мой с своею братьею всякие безровытно служил.

И после отца своего я холоп ваш поверстан был в конную службу в Литовской список.

И служил я холоп ваш конную службу тритцать лет.

И с Тобольска был посылан я холоп ваш на вашу государеву службу в киргизы с Яковом Тухачевским и на другой год ходили на них же изменников киргиз ис томсково с воеводою с Ываном Семеновичем Кобыльским. И в те поры многих изменников киргиз побили и аманатов взяли и их киргиз в те поры помирили.

И после того я холоп ваш ис конной службы поверстан в Тобольском в вашу государеву службу в рейтарской строй с тремя сыновьями.

И в рейтарех служил я холоп ваш и з детьми своими девятой год и всякие ваши государевы службы с своею братьею служил безрозвытно и в слободах жил с своею братьею на съезжая. А нынеча я холоп ваш стал при старости рейтарской службы служить невозможно потому что стал при старости.

…пожалуйте меня холопа своего велите государи мне быть за службу деда моего и отца моего и за мое службишко в своей государеве службе по Тобольску в детех боярских для моей старости из денежного жалованья кому я холоп ваш в версту.

Царь государь и государи благоверные царевичи смилуйтеся.

А позади челобитной написано к сей челобитной вместо Василья Корнильева Иван Дюков руку приложил.

А на челобитной помета дьяка Михайла Посникова 176-го февраля в 27 день выписать

Челобитчик Васька Корнилов сказал только де Великие государи пожалуют велят ему быть в Тобольску в детех боярских з денежным окладом а за хлебное жалованье с пашни служить будет.

А позади скаски написано к сей скаске вместо Василья Корнилова по ево веленью конной казак Ивашко Кобыляков руку приложил.

В тобольской окладной имянной книге нынешнего 176-го году написано оклад Великих государей жалованья тобольскому Литовского списку казаку Васке Корнилову денег 7 рублев хлеба 6 чети с осминою ржи 4 чети овса 2 пуда с четью соли.

И во 167-м году по разбору боярина и воеводы князя Ивана Андреевича Хилкова с товарыщи поверстан он Васка из Литовского списку в рейтары.

А в тобольских окладных книгах написано **дед ево Васкин Петр Дурынин и отец ево Корнило Дурынин служил в Тобольску у новокрещеных татар в атаманех истари как в Тобольску почали служить новокрещеные татаровя и во 138-м году отец ево Корнило Дурынин умер и во 139-м году в ево Корнилово место Дурынина велено быть в атаманех Офонасью Черкасову за отца ево службу**.

И Великим государем бьет челом тобольской рейтар Васка Корнилов чтоб Великие государи пожаловали велели ево поверстать в свою государеву службу в дети боярские з денежным ево окладом.

А наперед сего в Тобольску атаманские дети в дети боярские верстаны по государевым грамотам и по воеводцким приговором.

А на выписке помета дьяка Михайла Посникова 176-го апреля в 14 день стольник и воевода Петр Иванович Годунов.

Слушав сеи выписки и челобитья рейтара Васки Корнилова приказал ему быть за службы деда и отца ево в детех боярских для того что и преж сего атаманские дети по Тобольску в дети боярские верстаны.

А Великих государей жалованья денег ему прежней оклад семь рублев два пуда с четью соли а за хлеб служить с пашни где землю приищет».

* * *

«**Тобольский рейтар Левка Шестаков**

...В прошлых государи годех по вашему государи Указу служил вам Великим государем в Тобольску отец мой Павел Шестаков в конных казаках лет дватцать и больше.

Судом Божиим отец мой в Тобольску умер а в его место отца моего поверстан в Тобольску сын ево а мой родной брат Сенка Шестаков.

И служил он брат мой Сенка вашу государеву службу в конных казаках с прошлых лет по нынешней по 176-й год лет с полтретцать.

А в нынешнем государи во 176-м году по вашему государеву Указу **брат мой Сенька исконных казаков написан на Красной Яр на вечное житье** а в его место нихто не поверстан.

...Пожалуйте меня холопа своего за службы отца моего и за мое службишко что я вам великим государем служил с прошлого со 168-го году и по нынешней по 176-й год велите государи меня в Тобольску поверстать в свою государеву службу в конные казаки в место брата моего Сеньки Шестакова служить вам Великим государем из денежного и соляного жалованья с пашни без хлебного жалованья за полный оклад.

Царь государь и государи благоверные смилуйтеся пожалуйте.

...Поручная запись по тобольском казачьем сыне по Левке Павлове Шестакове.

А порутчики по нем тобольские литовского списка и конные казаки Семен Степанов сын Полутов, Данило Гудков, Иван Мисайлов, Дмитрей Скибин, Тимофей Шорохов, Василей Волков, Юрье Поспелов, Иван Коновалов, Ларион Серебреников, Яков Фролов в том что ему Левке быть в Тобольску в государеве службе в конных казаках с конными казаки вместе и никаким воровством не воровать из города никуды не съехать и не збежать».

* * *

«**Тобольский рейтар Илюшка Корнилов**

...В прошлых государи годех служил вам Великим государем здесь в Тобольску прадет мой и дет мой в атаманах у новокрещеных казаков многие лета и всякие ваши Великих государей службы служил.

И отец мой Василей Корнилов служит здесь в Тобольску вам Великим государем конную службу лет тритцать з больши и всякие ваши Великих государей службы служит и по нынешней по 176-й год.

А в прошлом государи во 168-м году взят я холоп ваш в вашу Великих государей службу в рейтары и служу я холоп ваш вашу Великих государей службу рейтарскую и по нынешней по 176-й год.

И всякие ваши Великих государей службы служил я холоп ваш в рейтарех и на боях против изменников многожды дрался.

...пожалуйте меня холопа своего за службы прадеда и деда моего и отца моего и за мои службишка велите государи мне служить здесь в Тобольску в конных казаках **вместо брата моего бывшаго конного казака Семена Шестакова** в ево оклад денежного жалованье в семи рублех с четью ево соляном а без хлебного жалованья велите государи пашню пахать мне.

Царь государь и государи благоверные царевичи смилуйтеся пожалуйте.

Челобитчик Илюшка Корнилов сказал только де Великие государи пожалуют велят ему быть в конных казаках и он де за хлебное жалованье служить с пашни будет.

А позади скаски написано к сей скаске вместо Илюшки Корнилова по его веленью Василей Брянцов руку приложил.

А по тобольским окладным имянным книгам оклад Великих государей жалованья тобольскому **конному казаку Сенке Павлову Шестакову** меньшому денег 7 рублев с четью хлеба 6 чети с осминою ржи 4 чети овса 2 пуда с четью соли.

И в прошлом во 169-м году в Тобольску умер а в ево место нихто не верстан.

А к пашне ево додают хлебного жалованья 3 чети без третника ржи четь без третника овса 2 пуда с четью соли и Сенька меньшей служил и хлебной оклад даван сполна.

И Великим государем бьет челом рейтар Илья Корнилов чтоб Великие государи пожаловали велели ево поверстать в Тобольску в конные казаки Сенькино место Павлова Шестакова в ево денежном окладе в семи рублех с четью да в соляном без хлебного Жалованья.

А на выписке помета дьяка Михайла Посникова 176-го апреля в 14 день стольник и воевода Петр Иванович Годунов слушав сеи выписки приказал

Илюшке Кирилову быть в конных казаках в выбылом в Сенкине месте Шестакова а оклад ему учинить из ево ж Сенкина окладу денег семи рублев два пуда с четью соли а за хлеб служить с пашни где землю приищет а хлеб что даван Сенке написать в прибыль.

Василей Корнилов да яз Иван Корнилов да яз Иван Мазуров да яз Матвей Мартьяшев да яз Иван Копылов да яз Яков Обрядов да яз Герасим Обродов да яз Микита Мамыков да яз Иван Сауров да яз Иван Ясырев тобольские литва и конные и новокрещеного списку казаки все порутчики поручились они в Тобольску по тобольском казаче сыне по рейтаре по Илье Васильеве сыне Корнилове в том что в нынешнем во 176-м году быть ему Илье записею порукою в государеве службе из рейтар в конных казаках в выбылом в братне месте Семена Шестакова всякая государева городовая и отъезжая конная служба служить с пашни и в отъезжие станицы ездить и караулы караулить с тобольскими Литовского списку и конными казаками вместе и никаким воровством не воровать зернью и карты не играть и взяв Великих государей денежное и соляное жалованье и порох и свинец ис Тобольска из государевы службы никуды не ехать и не збежать и будет он илья за нашею порукою всякие государевы городовые и отъезжие конные службы с пашни служить и в отъезжие станицы ездить и караулов караулить с своею братиею не станет или учнет каким воровством воровать зернью и карты играть или взяв Великих государей денежное и соляное жалованье порох и свинец из Тобольска или з государевы службы збежит и на нас на порутчиках … пеня.

А пеню что Великие государи укажут и наши порутчиковы головы в его головы место а которой нас порутчиков будет в лицах и на том Великих государей пеня и денежное и соляное жалованье и порох и свинец сполна а на то послух площадной подьячей Бориско Уразов.

А поручную писал в Тобольску площадной подьячей Максимко Степанов лета 176-го апреля в 16 день.

А позади поручной написано к сей поручной записи вместо порутчиков Василья Корнилова Ивана Корнилова Ивана Мазурова Матвея Мартьяшева Ивана Копылова Якова Обрядова Герасима Обрядова Микиты Мамыкова Ивана Саурова Ивана Ясырева по их веленью войсковой подьячей конных казаков Сидорко Караблев руку приложил. Послух Бориско руку приложил».

* * *

«**Тобольский рейтар Якунька Яковлев Дурынин**

…пожалуйте меня холопа своего велите государи мне быть по прежнему в конных казаках в своем окладе в денежном и в соляном с полухлебным окладом а за другую половину велите государи пахать пашнишко.

Царь государь и государи благоверные царевичи смилуйтеся.

А на челобитной помечено выписать.

А позади поданное челобитное написано к сей челобитной вместо рейтара Якунки Яковлева по ево веленью Ивашко Свашевской руку приложил.

И против сей челобитной выписано.

В тобольской окладной имянной книге прошлого 168-го года написано оклад Великих государей жалованья **тобольскому новокрещеных списку казаку Якуньке Дурынину** оклад государева жалованья денег 6 рублев с четью хлеба 5 чети ржи 4 чети овса два пуда с четью соли к ево пахоте додают 3 чети с осминою и с четвериком и полполполчетверик ржи 3 чети бес полуосмины овса.

И в прошлом же во 168-м году по разбору боярина и воеводы князя Ивана Ондреевича Хилкова с товарыщи велено ему Якунке быть в Тобольску в рейтарех.

И Великим государем бьет челом Якунка Дурынин чтоб Великие государи пожаловали велели ево поверстать в свою государеву службу в новокрещеных список в казаки по прежнему с тоя же ево денежным и соляным окладом а за хлебное жалованье велели б ему за половину окладу пашню пахать.

…А на выписке помета дьяка Михайла Посникова 176го маия в 20 день стольник и воевода Петр Иванович Годунов велел ему по ево челобитью быть в прежнем ево месте в новокрещеных списку в казаках а за хлебное жалованье служить с пашни за половину окладу а соль давать по прежнему…»

* * *

А теперь мы коснемся небольшого исторического фрагмента 1650–1660-х годов и увидим ряд географических пунктов, где приходилось служить тобольским казакам. Как правило, все нижеперечисленные казаки были «годовальщиками», то есть командированными на год-два-три казаками, но которые в дей-

ствительности служили по пять-семь-десять и более лет или вообще уже соглашались оставаться по месту службы на «вечное житье», обзаведясь на новом месте и семьей, и хозяйством, а то и по неволе, как тобольские «закащики» камчатского бунта 1712 года.

«Книги имянные тобольским служилым людем и ружником и оброчником и юртовским служилым татаром к нынешнем ко 172 [1664] году з денежными оклады (*РГАДА,. Ф. 214. Оп. 1. Д. 450*).

Дети боярские

Яков Григорьев сын Шульгин во 167-м году по государеве грамоте сослан из Тобольска на великую реку Лену в Якутцкой острог на вечное житье.

Ларион Борисов сын Толбузин по государеве грамоте послан в Дауры на Офонасьево место Пашкова.

Федор Максимов сын Егонской в Куларове слободе на приказе.

Литва

Митька Офонасьев в калмыках.

Пешие казаки

Михайловы станицы Остафьева.

Тимошка Степанов во 160-м году послан в Дауры.

Илюшка Гарасимов Плясун во 163-м году послан в Дауры.

Васка Матвеев Колмогорец во 163-м году послан в Дауры.

Ивашко Иванов Круглой во 160-м году послан в Дауры.

Олександрик Лавринов во 160-м году послан в Дауры.

Ивашко Григорьев во 160-м году послан в Дауры.

Нестерко Васильев во 160-м году послан в Дауры.

Васка Иванов во 160-м году послан в Дауры.

Мишка Сидоров Рогозинников во 160-м году послан в Дауры.

Васка Фадеев Вострой во 154-м году послан на Лену.

Ивановы станицы Федорова.

Тихонко Савельев Колупаев во 160-м году послан в Дауры.

Демка Микитин Грибанов во 163-м году послан в Дауры.

Ивашко Федосеев Новосильцов во 163-м году послан в Дауры.

Савка Иванов Сосновской во 163-м году послан в Дауры.

Ивашко Кузьмин во 152-м году послан на Лену.

Гарасимко Федоров во 163-м году послан в Дауры.

Десятник Обросимко Богданов во 163-м году послан в Дауры.

Десятник Власко Савельев Колупаев во 163-м году послан в Дауры.

Костка Иванов Пенежанин во 163-м году послан в Дауры.

Ивашко Павлов Холкин во 163-м году послан в Дауры.

Прохорко Ондреев во 152-м году послан на Лену.

Митька Иванов Самоядин во 155-м году послан на Лену.

Сенька Ондреев во 155-м году послан на Лену.

Казымерко Крыженевской за воровство сослан в Енисейской острог.

Ивановы станицы Булдакова.

Кондрашка Ондреев Редозубов во 163-м году послан в Дауры.

Бориско Епифанов во 160-м году послан в Дауры.

Гаврилко Исаков Вымитин во 164-м году послан в Ылимской острог на вечное житье.

Томилко Оникеев Рокша во 163-м году послан в Дауры.

Агафонко Меркурьев во 163-м году послан в Дауры.

Васка Левонтьев послан в Дауры.

Мишка Вахромеев послан в Дауры.

Митька Иванов Важанин во 152-м году послан на Лену.

Баженко Федоров Лузянин во 152-м году послан на Лену.

Томилко Федоров во 154-м году послан на Лену.

Ивашко Прокофьев во 163-м году послан в Дауры.

Петровы станицы Вайгачева.

Власко Петров Щолованов во 163-м году послан в Дауры.

Мишка Мокеев во 163-м году послан в Дауры.

Гришка Окинеев во 163-м году послан в Дауры.

Ромка Синявской во 163-м году послан в Дауры.

Ивашко Олексеев Зайко во 160-м году послан в Дауры.

Мартынко Яковлев во 163-м году послан в Дауры.

Исачко Малафеев Плотник во 163-м году послан в Дауры.

Вторышка Шипицын во 160-м году послан в Ылимской острог на вечное житье.

Бориско Макарьев во 163-м году послан в Дауры.

Олешка Лазарев во 160-м году послан в Дауры.

Ивашко Миронов Серебряник во 160-м году послан в Дауры.

Ивашко Федоров во 152-м году послан на Лену.

Ерофейко Максимов Сенов во 152-м году послан на Лену.

Сенька Иванов во 154-м году послан на Лену.

Васка Мартынов во 154-м году послан на Лену.

Ондрюшка Терентьев во 155-м году послан на Лену.

Меньшово станицы Выходцова.

Ондрюшка Ондреев Неупокоев во 160-м году послан в Дауры.

Ортюшка Исаков во 163-м году послан в Дауры.
Петрушка Михайлов Арканов во 163-м году послан в Дауры.
Десятник Мишка Яковлев Саранчин во 163-м году послан в Дауры.
Васка Парфентьев во 163-м году послан в Дауры.
Гришка Иванов во 152-м году послан на Лену.
Евтихейко Костянтинов во 154-м году послан на Лену.
Митька Иванов Важанин во 154-м году послан на Лену.
Сенька Дмитреев во 154-м году послан на Лену.
Максимко Михайлов во 155-м году послан на Лену.
Петрушка Офонасьев Вычагжанин во 155-м году послан на Лену.

Мурзины станицы Выходцова.

Гаврилко Васильев Чесноков во 163-м году послан в Дауры.
Микитка Логинов во 163-м году послан в Дауры.
Бориско Савельев во 164-м году послан в Ылимской острог на вечное житье.
Сенька Сысоев Васильев во 163-м году послан в Дауры.
Митька Евсеев во 163-м году послан в Дауры.
Сенка Васильев Придаников во 152-м году послан на Лену.
Мамонко Мартынов Сторожев во 152-м году послан на Лену.
Федотко Иванов Боран во 152-м году послан на Лену.
Оксенко Лукьянов Скребычкин во155-м году послан на Лену.
Яшко Павлов послан в Ярославль.

Ивановы станицы Омельянова.

Федосейко Ильин во 163-м году послан в Дауры.
Чюдинко Семенов во 164-м году послан в Ылимской острог на вечное житье.
Куземка Иванов во 163-м году послан в Дауры.
Федька Савельев во 163-м году послан в Дауры.
Васка Михайлов Винокуров во 164-м году послан в Ылимской острог на вечное житье.
Федька Прокопьев во 163-м году послан в Дауры.
Оверка Васильев во 163-м году послан в Дауры.
Гаврилко Елисеев во 163-м году послан в Дауры.
десятник Ивашко Тимофеев Смердов во 163-м году послан в Дауры.
Гришка Олексеев Репин во 160-м году послан в Дауры.
Петрушка Вахромеев во 163-м году послан в Дауры.
Оска Иванов Панкратьевых во 160-м году послан в Дауры.

Онтонко Микифоров Котельников во 160-м году послан в Дауры.
Микулайко Ярев во 152-м году послан на Лену.
Петрушка Михайлов Черкашенин во 152-м году послан на Лену.
Ларька Никонов во 152-м году послан на Лену.
Онисимко Кузьмин во 152-м году послан (Л. 141.) на Лену.
Ермачко Федоров Устюжанин во 154-м году послан на Лену.
Захарко Левонтьев во 154-м году послан на Лену.
Митька Мокеев во 154-м году послан на Лену.
Офонька Матвеев Курбатов во 155-м году послан на Лену.
Ондрюшка Каплеев послан в Ярославль.

Кириловы станицы Сыркова.

десятник Варламко Дмитреев Захваткин во 163-м году послан в Дауры.
Федька Русанов во 163-м году послан в Дауры.
Федька Костянтинов во 164-м году послан (Л. 143.) в Ылимской острог на вечное житье.
Ларка Григорьев Сорокин во 160-м году послан в Дауры.
Сенька Байков во 163-м году послан в Дауры.
Ивашко Терентьев Барабанщик во 163-м году послан в Дауры.
Дениско Берендеев во 160-м году послан в Дауры.
Ондрюшка Сауров во 163-м году послан в Дауры.
десятник Данилко Григорьев Толмачов во 152-м году послан на Лену.
Ондрюшка Некрасов во 154-м году послан на Лену.
Карпунка Симанов во 154-м году послан на Лену.
Ивашко Захаров Соловьянин во 155-м году послан на Лену.

РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 509. …ко 176-му [1668] году.

Пешие казаки

Михайловы станицы Остафьева.

Демка Яковлев во 172-м году послан в Дауры.

Петровы станицы Вайгачева.

Мартынко Яковлев во 173-м году послан в Дауры.

Ивановы станицы Омельянова.

Васка Михайлов Винокуров во 164-м году послан в Илимской острог на вечное житье.
Петрушка Михайлов Черкашенин во 152-м году послан на Лену.

РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 522. …ко 177-му [1669] году.
Сотник стрелецкой Володимер Кляпиков.
Васка Федоров Бобров во 176-м году послан в Дауры.
Атаман пеших казаков Иван Ярославцов.
Тихонка Колупаев во 160-м году послан в Дауры.
Атаман пеших казаков Иван Булдаков.
Гришка Куртук во 172-м году послан [(Л. 78 об.) в Дауры.
Атаман пеших казаков Ондрей Вайгачов.
Фадейко Черницын во 172-м году послан в Дауры.
Атаман Иван Выходцов.
Микитка Логинов во 163-м году послан в Дауры.
Пронка Третьяков Усов во 172-м году послан в Дауры.
Атаман Осип Микифоров.
Гришка Тимофеев во 172-м году послан в Дауры.

РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 657. …ко 187-му [1679] году.
Рядовые стрельцы [Степановы сотни Кляпикова]
Васка Бобров в Даурах и в нынешнем во 187-м (Л. 133 об.) году по приговору боярина и воевод Петра Васильевича Шереметева с товарыщи велено в ево месте быть стрелецкому сыну Микитке Шумилову в том же во окладе а Васка в Даурах поверстан в службу.
Ивашко Мартынов в прошлом во 183-м году послан в Дауры.
Оска Рогозинников в Даурах.
Микитины сотни Караганова.
Стенка Колобов в Даурах.
Офонка Иванов Попов в Даурах.
Ондреевы сотни Вологжанина.
Володька Иванов в Даурах.
Лавриновы сотни Почекунина.
Офонка Васильев в Даурах.
Пешие казаки
Михайловы станицы Остафьева.
Самсонко Евсеев Ложников в Даурах.
Ивашко Коробовской во 172-м году послан в Дауры.
Пашко Игнатьев в Даурах.
Ивановы станицы Ярославцова.
Гришка Котельников в Даурах.
Мишка Васильев Трутнев во 172-м году послан в Дауры.
Максимко Михайлов в Даурах.

Десятник Ивашко Яковлев Куклин в Даурах.
Меншово станицы Вы[хо]дцева.
Мишка Саранчин в прошлом во 184-м году послан в Томской и в нынешнем во 187-м году по приговору боярина и воевод Петра Васильевича Шереметева с товарыщи велено в ево Мишкине месте быть ссыльному Онисиму Микитину в том же в окладе.
Ивановы станицы Выходцова.
Пронка Третьяков Усов во 172-м году послан в Дауры.
Ондрюшка Шкодинской послан в Томской в сылку.
Оска Юрьев Сорокин в Даурах.
Кирилко Иванов Котелник во 181-м году послан в Дауры.
Ивашко Потапов во 185-м году за церковной раскол послан в Енисейск.
Осиповы станицы Никифорова.
Федька Русанов во 163-м году послан в Дауры.
Гришка Тимофеев Чюдинов во 172-м году послан в Дауры.

РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 701. …ко 189-му (1681) году.
В прошлом во 187-м году по указу Великого государя (Л. 130 об.) велено быть в пеших казаках в Меньшове станице Выходцова в Федкине месте Иванова казачью сыну Федьке Сергееву Сысолетину в том же ево хлебном и соляном окладе …а Федька Иванов во 147-м году послан на Лену и на Лене умер.

РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 751. …ко 192 [1684] году.
Дети боярские
Василей Павлов сын Шульгин в Даурах.
Конные казаки
Тимошка Микулаев во 176 м году сослан в Томской
[Стрельцы] **Степановы сотни Кляпикова.**
Оска Рогозинников во 181 м году послан в Дауры…
Микитины сотни Караганова.
Офонка Попов Панов в Даурех.
Андреевы сотни Вологжанина.
Тишка Яковлев во 188 м году послан в Енисейск…
Володька Иванов Куроптев в Даурех.
[Пешие казаки] **Ивановы станицы Ярославцова.**
Федька Пестерев ушел в Дауры.

В нынешнем во 191-м году марта в 14 по приговору боярина и воеводы князя Алексея Андреевича Голицына с товарыщи велено быть в пеших казаках в Микиткине месте Пенежанина казачью брату Обросимку Федорову Шайдурову а Микитка в прошлом во 147-м году послан на Лену и на Лене умре.

Ивановы станицы Булдакова.

В нынешнем во 191-м году по приговору боярина и воеводы князя Алексея Андреевича Голицына с товарыщи велено быть в Пятункине месте Иванова реитарскому сыну Ивашку Клеенову в Костькине месте Яковлева казачью сыну Пашку Яковлеву Котельникову а Пятунка Иванов Костька Яковлев в прошлом во 147-м году посланы на Лену.

Лукьяновы станицы Выходцова.

В нынешнем во 191-м году по приговору боярина и воеводы князя Алексея Андреевича Голицына с товарыщи велено быть в Ивашкове месте Макарова казачью брату Петрушке Лукьянову а Ивашко во 147-м году послан на Лену и на Лене умре.

Ивановы станицы Выходцова.

В нынешнем во 191-м году по приговору боярина и воеводы князя Алексея Андреевича Голицына с товарыщи велено быть казачью сыну Карпушке Петрову в Мишкине месте Сорокина а Мишка во 147-м году послан на Лену и на Лене умре.

РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 751. …к 208-му [1700] году.

Литовского списку казаки

Микитка Волков во 194-м году послан в Дауры».

* * *

Командировки тобольских казаков продолжались и в следующем столетии. Правда, они были уже не столь масштабными, как прежде и касались в основном крупных должностных лиц (*РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1473*).

«…оклады ныняшнего 1707 году генваря с 1-го числа до генваря по 1 число 1708 году.

Дети боярские

Афонасей Петров сын Попов и в прошлом 201-м году послан на службу в Якуцкой.

Степан Никитин сын Бобровской послан в Якуцкой на службу Иван Григорьев сын Панютин и по грамоте Великого государя велено ему быть в Киренском остроге.

Петр Шерстов и в 201-м году послан в Якуцкой.

Григорей Семенов сын Лысаковской и в 201-м году послан в Якуцкой.

Иван Мокринской и в 201-м году послан в Якуцкой.

Петр Мишковской в 201м году послан в Якуцкой.

Сергей Кубасов в 201-м году послан в Якуцкой.

Иван Андреев сын Булдаков в 201-м году послан в Якуцкой.

Тимофей Иванов сын Суздалцов в 201-м году послан в Якуцкой.

Степан Петров сын Сидоров ушел в Якуцкой».

* * *

Впечатляет?

Но я хочу привести еще один материал из исследований С.Е. Дурынина — антропонимическую историю семьи, патриархом которой был тобольский казачий атаман Иван Савельев Дурыня. Историю, рассказывающую нашим современникам, как сложно бывает на основе документов, датированных 17-м столетием, провести четкие династические линии и восстановить поколенные росписи своего собственного рода, основываясь на именных записях представителей династии в документах того времени, когда очень часто вместо полного имени с фамилией-прозвищем в записи присутствовалио только имя и отчество.

Напомним, что только «Петр I указал 30 декабря 1701 года, что русские с 1 января 1702 года должны “писатца целыми именами с прозваниями своими, а полуимянами никому не писатца” (грамота из Сибирского приказа в Илимск от 21 января 1702 года. Россыпь, № 14, св. 2).

Курсивом мы даем те фамилии, связь которых с основной линией Дурыниных еще окончательно не доказана. **Жирным** — документально подтвежденные данные.

Еще раз обращаю особое внимание на то, что в данном случае речь идет только о прямых потомках тобольского казачьего атамана Ивана Савельева Дурыни — так стремительно и могуче разрастается этот род, патриархом которого был стрелец Иван Дурыня, пришедший в Сибирь, возможно, вместе с Ермаком Тимофеевичем, возможно, чуть позже, но остававшийся на сибирской службе вплоть до самой смерти.

И этот казачий род не был исключением — в нашей книге мы встретим десятки родовых казачьих фамилий из Тобольска, которые прошли всю Сибирь и пришли на Камчатку и в Русскую Америку, а потом в Приамурье и Приморье…

РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 14.

«Государева царева и великого князя Михаила Федоровича всеа Росии жалованье дать тобольским служилым людем и ружником и оброчником и юртовским служилым тотаром на нынешней на 135-й [1627] год по окладу.

Конные казаки

По 8 рублев с четью.

Шестак Манойлов.

14 рублев с четью.

Атаман новокрещеных Корнило Петров.

6 рублев с четью.

Якунка Иванов.

Книги имянные тобольским служилым людем и ружником и оброчником с хлебными оклады 135-го [1627]-го году.

Служилые люди.

Казаки конные

Оклад 7 чети ржи 4 чети овса.

Шестачко Мануйлов служит с пашни без хлебного жалованья.

Оклад по 6 чети с осминою ржи по 4 чети овса.

Панка Шестаков хлебного ему жалованья к его пашне дати 3 чети бес четверика ржи четверть бес третника овса.

Оклад 9 чети с осминою ржи 6 чети овса.

Атаман новокрещеных Корнило Дурынин хлебного ему жалованья к его пашне дати 4 чети и полчетверика ржи, четь овса.

Новокрещены

Оклад по 5 чети ржи, по 4 чети овса.

Якунка Иванов.

РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 62.

Книги окладные тобольским служилым людям 7142-го [1634] году.

Конные казаки

По 8 рублев по 20 (?) алтын по 2 денги.

Шестачко Мануйлов.

По 7 рублев по 8 (?) алтын по 2 денги.

Пашко Шестаков Дурынин.

Стрельцы

Микитка Яковлев Дурынинской.

Пешие казаки

Безсонова станицы Жукова.

Ондрюшка Шестаков Дурынинской.

Офонка (?) Корнилов Дурынин.

Юрьевы станицы Воеводцкого.

Максимко Яковлев.

Кирилко Яковлев.

РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 111.

Книги имянные тоболским служилым людем и ружником и оброчником с хлебными оклады нынешнего 147-го [1639] году.

Конные казаки

7 чети ржи 4 чети овса.

Шестачко Мануилов служит с пашни бес хлебного жалованья.

По 7 чети ржи по 4 чети овса.

Панка Шестаков Дурынин хлебного ему жалованья к его пахоте дати 3 чети с четвериком ржи четь с третником овса.

Новокрещены Атаман новокрещеных Офонасей Черкасов.

Новокрещены

По 5 чети ржи по 4 чети овса.

Якунка Иванов.

Рядовые стрелцы

Микитка Яковлев Дурынинской.

Онтропко Шестаков.

Ивашко Шестаков.

Казаки пешие Гавриловы станицы Ильина

По 5 чети с осминою ржи по 2 чети овса.

Ивашко Шестаков.

Терешка Яковлев хлебного ему жалованья к ево пахоте дати четь с полуосминою и с четвериком и как полчетверика ржи полосмины овса.

Тот же оклад по 5 чети с осминою ржи по 4 чети овса а служат они государеву службу с пашен своих бес хлебного жалованья.

Михалко Яковлев.

Марчко Яковлев.

Семейка Яковлев.

Казаки пешие Безсоновы станицы Жукова

По 5 чети с осминою ржи (Л. 368) по 4 чети овса.

Ондрюшка Шестаков Дурынин.
Якушко Иванов.
Казаки пешие Ивановы станицы Олександрова
По 5 чети с осминою ржи по 2 чети овса.
Костька Яковлев.
Казаки пешие Тугариновы станицы Панютина
Федка Яковлев.
Казаки пешие Степановы станицы Выходцовы
По 5 чети с осминою ржи по 4 чети овса.
Максимко Яковлев.
Филка Яковлев и в прошлом в 145-м году послан был ис Тоболска с ясашною казною и с Москвы едучи бежал.
Казаки пешие Мурзины станицы Выходцова
По 5 чети с осминою ржи по 4 чети овса.
Гришка Шестаков.
Степанко Яковлев.
Ивашко Иванов Шестаков.
Казаки пешие Ждановы станицы Архипова
По 5 чети с осминою ржи по 4 чети овса.
Кирилко Корнильев.

РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 130.

Книги имянные тобольским ружником и оброчником и служилым людем и юртовским служилым татаром з денежными оклады на 149-й [1641] год.

Конные казаки

Гавриловы станицы Грозина.
По 8 рублев с четью.
Шестачко Мануйлов.
Костя Яковлев.
Пашко Шестаков Дурынинской.

Новокрещены

6 рублев с четью.
Якушко Иванов Дурынской.
Микитка Яковлев.

Стрельцы, а государева жалованья им по окладу пятидесятником по 5 рублев с четью, десятником по 5 рублев без чети, рядовим по 4 рубли с четью человеку.

Омелка Яковлев.
Олферка Яковлев.

Пешие казаки Гавриловы станицы Ильина, а государева жалованья им по окладу пятидесятником по 5 рублев с четью, десятником по 4 рубли по 25 алтын, рядовым по 4 рубли с четью человеку.

Терешка Яковлев.

Пешие ж казаки Мурзины станицы Выходцова, а государева жалованья им по окладу пятидесятником по 5 рублев с четью, десятником по 4 рубли по 25 алтын, рядовым по 4 рубли с четью человеку.

Гришка Иванов Шестаков.
Степанко Яковлев.
Ивашко Иванов Шестаков.

Казаки ж, которые в прошлых годех выбыли, а в их место нихто не верстан.

Десятник Кирилко Корнилов посажен в тюрьму во 147-м году в Прокофьеве деле Соковнина.

Да в прошлом во 147-м [1639] году послано ис Тобольска на государеву службу на великую реку Лену с столники воеводы с Петром Головиным с товарыщи тоболских служилых людей.

Стрелцы

Микитка Яковлев Дурынинской.

Пешие казаки

Гавриловы станицы Ильина.
Ивашко Шестаков.
Володка Яковлев.
Михалко Яковлев.
Яковлевы станицы Елизарева.

Рядовые

Ондрюшка Шестаков Дурынин

(позже Сергей Евгеньевич напишет мне: «*Кстати, вчера, расшифровывая якутскую имянную книгу 1651 года, заметил: сначала идет описание как нынешнего 1651 года. Затем идет описание как нынешнего 1650 года. В этом 1650 году прочитал: “Безсоновы станицы Жукова. Ондрюшка Иванов сын Шестаков Дурынин умре при стольниках и воеводах при Петре Головине с товарыщи и в прошлом во 154-м [1646] году на смотре у розбору воеводы Василей Пушкин с товарыщи велели быть в его Ондрюшкино место из новоприборных Гришке Иванову сыну Вьюхину в верхоленском в Братцком острожке”. Я считал, что Андрей — сын Шестака. А оказалось — внук!*»).

Офонка Корнилов Дурынин.
Ивановы станицы Александрова.
Костка Яковлев.
Тугариновы станицы Панютина.

Рядовые

Федка Яковлев.
Степановы станицы Выходцова.
Максимко Яковлев.
Кирилко Яковлев.

РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 131.

Книги имянные тобольским служилым людем и ружником и оброчником и юртовским служилым татаром с хлебными оклады нынешнего 149-го [1641] году.

Конные казаки

7 чети ржи 4 чети овса.
Шестачко Мануилов служит с пашни без хлебного жалованья.
По 6 чети с осминою ржи, по 4 чети овса.
Костка Яковлев.
Панка Шестаков Дурынин хлебново ему жалованья к ево пахоте дати 3 четверти бес четверика ржи, четверть бес третника овса.

Новокрещены

По 5 чети с осминою ржи, по 4 чети овса.
Микитка Яковлев.
Якунка Иванов.

Стрельцы

По 5 чети с осминою ржи, по 4 чети овса.
Онтроко Шестаков.
Стрельцы тот же оклад по 5 чети с осминою ржи, по 4 чети овса, а служат они государеву службу с пашен своих бес хлебного жалованья.
По 5 чети с осминою ржи, по 2 чети овса.
Омелка Яковлев.

Казаки пешие Гавриловы станицы Ильина

По 5 чети с осминою ржи, по 4 чети овса.
Терешка Яковлев хлебного ему жалованья к ево пахоте дати четь с полуосминою и с четвериком и пол-пол четверика ржи, полосмины овса.

Тот же оклад по 5 чети с осминою ржи, по 4 чети овса, а служат они государеву службу с пашен своих без хлебного жалованья.
Семейко Яковлев умер.

Казаки пешие Степановы станицы Выходцова

По 5 чети с осминою ржи, по 4 чети овса.
Гришка Шестаков.
Степанко Яковлев.
Ивашко Иванов Шестаков.

Казаки пешие Ждановы станицы Архипова

По 5 чети с осминою ржи, по 4 чети овса.
Кирилко Корнильев во 147-м [1639] году за воровство посажен в тюрьму.

РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 141.

Книги имянные окладные тобольским служилым людям, ружником и оброчнием и юртовским служилым тотаром с хлебными и соляными оклады ко 150-му [1642] году.

Литва

По 6 чети с осминою ржи по 4 чети овса по 2 пуда с четью соли.
Гришка Павлов.
Микитка Ильин.
Васка Корнилов.
Гришка Ильин.
По 6 чети с осминою ржи по 4 чети овса по 2 пуда бес чети соли.
Бориско Павлов.

Конные казаки

7 чети ржи 4 чети овса 2 пуда с четью соли.
Шестачко Мануйлов за хлебное жалованье служит с пашни.
По 6 чети с осминою ржи по 4 чети овса по 2 пуда с четью соли.
Костька Яковлев.
Панка Шестаков Дурынин хлебново ему жалованья к его пахоте дать 3 чети бес четверика ржи четь бес третника овса.

Новокрещены

По 5 чети ржи по 4 чети овса по 2 пуда с четью соли.
Микитка Яковлев.
Якунка Иванов.

Рядовые стрелцы

Онтропко Шестаков.

Омелка Яковлев.

Путилко Ильин.

Пешие казаки Гавриловы станицы Ильина.

Терешка Яковлев хлебново ему жалованье к ево пахоте дати четь с полуосминою и с четвериком и пол пол четверика ржи пол осмины овса.

Пешие ж казаки Гавриловы станицы Ильина которые в прошлых годе померли, а в их место нихто не приверстан.

Семейка Яковлев умер, а служил с пашни бес хлебново жалованья.

Пешие казаки Мурзины станицы Выходцова.

Гришка Иванов Шестаков.

Стенка Яковлев.

Ивашко Иванов Шестаков.

Пешие казаки Савины станицы Измайлова.

Кирилко Корнильев во 147-м [1639] году в Прокофьеве деле Соковнина посажен в тюрьму.

Оброчники

Смолник Данилко Яковлев во 149-м году умер.

Нищие в багаделне тоболские и иных Сибирских городов оставленные служилые люди.

Ивашко Яковлев.

Да в прошлом во 147-м [1639] году посланы ис Тоболска на государеву службу на великую реку Лену с столинки и воеводы с Петром Головиным с товарыщи тоболских служилых людей

Стрелцы

Микитка Яковлев Дурынинской.

Ивашко Шестаков.

Пешие казаки

Гавриловы станицы Ильина.

Ивашко Шестаков.

Володка Яковлев.

Михалко Яковлев.

Яковлевы станицы Елизарьева.

Ондрюшка Шестаков Дурынин.

Офонка Корнилов.

Ивановы станицы Александрова.

Костка Яковлев.

Тугариновы станицы Панютина.

Федка Яковлев.

Терешка Яковлев.

Степановы станицы Выходцова.

Максимко Яковлев.

РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 160.

Книги имянные тобольским ружником и детем боярским и служилым людем и оброчником с хлебными и соляными оклады ко 158-му [1650] году.

Литва

По 5 чети с осминою ржи, по 4 чети овса, по 2 пуда с четью соли.

Микитка Ильин.

Гришка Ильин.

Конные казаки

7 чети ржи, 4 чети овса, 2 пуда с четью соли.

Шестачко Манойлов за хлебное жалованье служит с пашни.

По 6 чети с осминою ржи, 4 чети овса, по 2 пуда с четью соли.

Костка Яковлев.

Васка Корнилов Дурынин.

Панка Шестаков Дурынин хлебново ему жалованья к ево пахоте дати 7 чети бес четверика ржи, четь бес четверика овса.

Новокрещены

По 5 чети ржи, по 4 чети овса, по 2 пуда с четью соли.

Микитка Яковлев.

Якунка Иванов.

Тот же оклад по 5 чети ржи, по 4 чети овса, по 2 пуда с четью соли, а служат они государеву службу с пашен своих бес хлебново жалованья.

Гришка Яковлев.

Стрелцы.

Онтропко Шестаков.

Омелка Яковлев.

Путилко Ильин.

Чюгако Яковлев.

Пешие казаки Остафьевы станицы Онтонова

Терешка Яковлев хлебново ему жалованья к ево пахоте дати четь с полуосминою и с четвериком и пол пол четверика ржи, пол осмины овса.

Пешие казаки Яковлевы станицы Елизарьева

Якушко Иванов.

Пешие казаки Степановы станицы Выходцова

По 5 чети с осминою ржи, по 4 чети овса, по 2 пуда без чети соли.

Ивашко Яковлев.

Пешие казаки Мурзины станицы Выходцова

По 5 чети с осминою ржи, по 4 чети овса, по 2 пуда бес чети соли.

Гришка Шестаков.

Елеска Яковлев.

Степанко Яковлев.

Ивашко Иванов Шестаков.

Пешие казаки Климовы станицы Бобошина

По 5 чети с осминою ржи, по 4 чети овса, по 2 пуда бес чети соли.

Кирилко Яковлев.

Тюремные сторожи

Богдашко Яковлев.

Смолник Данилко Яковлев в прошлом во 149-м [1641] году умер.

Нищие багаделны тобольские и иных сибирских городов отставленые служилые люди.

Ивашко Яковлев (Л. 204 об.).

РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 193.

Книги имянные тобольским служилым людям и ружником и оброчником и юртовским служилым татаром с хлебными с соляными оклады ко 156-му [1648] году.

Литва

Микитка Ильин.

Гришка Ильин.

Конные казаки.

Костка Яковлев.

Васка Корнилов Дурынин.

Семейка Павлов Шестаков меншой хлебново ему жалованья к ево пахоте дати 3 чети без четверика ржи четь без третника овса.

Конные ж казаки за государево хлебное жалованье служат с пашен.

7 чети ржи 4 чети овса 2 недель с четью соли.

Семейка Павлов Шестаков болшой.

По 6 чети с осминою ржи по 4 чети овса по 2 пуда с четью соли.

Офонка Корнилов Дурынин.

Новокрещены

По 5 чети ржи по 4 чети овса по 2 пуда с четью соли.

Микитка Яковлев.

Новокрещены ж служат государеву службу с пашни за хлебное жалованье.

По 5 чети ржи по 4 чети овса по 2 пуда с четью соли.

Гришка Яковлев.

Стрелцы

По 5 чети с осминою ржи по 4 чети овса по 2 пуда с четью соли.

Омелка Яковлев.

По 5 чети с осминою ржи по 2 чети овса по 2 пуда бес чети соли.

Чюгайка Яковлев (Л. 194 об.).

Стрелцы ж за государево хлебное жалованье служат с пашен 5 чети с осмною ржи 2 чети овса 2 пуда с четью соли.

Нехорошко Микитин.

Пешие казаки

Пешие казаки Остафьевы станицы Онтонова.

По 5 чети с осминою ржи по 4 чети овса по 2 пуда с четью соли.

Пешие ж казаки служат государеву службу с пашен за хлебное жалованье.

Гаврилко Микитин.

Пешие казаки Ивановы станицы Ярославцова

Оска Микитин.

Фролко Яковлев.

Мокейко Микитин.

Обросимко Микитин.

Пешие казаки Степановы станицы Выходцова

Ивашко Яковлев.

Пешие казаки Мурзины станицы Выходцова

Степанко Яковлев.

Елеска Яковлев.

Федка Микитин.

Ивашко Иванов Шестаков.

Пешие казаки Климовы станицы Бобошина (Л. 213).

Кирилко Яковлев.

Пешие казаки Ивановы станицы Ковырзина

Омелка Микитин.

Нехорошко Яковлев.

Ортюшка Ильин.

РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 450.

Книги имянные тобольским служилым людем и ружником и оброчником и юртовским служилым татаром к нынешнем ко 172-му [1664] году з денежными оклады.

Литва

По 8 рублев.

Гришка Яковлев умер.

Сенка Офонасьев.

По 7 рублев с четью.

Микитка Ильин.

Гришка Павлов во 168-м [1660] году от службы отставлен.

Левка Семенов.

Пашко Микитин.

По 7 рублев.

Васка Корнилов велено быть в рейтарех.

Гришка Ильин во 170-м [1662] году умер.

Ондрюшка Васильев.

По 6 рублев.

Ивашко Офонасьев велено быть в рейтарех.

Конные казаки

По 8 рублев с четью.

Сенька Павлов Шестаков.

По 7 рублев с четью.

Костка Яковлев.

Сенька Павлов Шестаков во 170-м [1662] году умер.

Новокрещены

По 7 рублев с четью.

Володька Данилов.

По 6 рублев с полтиною.

Данилко Яковлев велено быть в рейтарех.

6 рублев с четью.

Якунка Яковлев Дурынинской велено быть в рейтарех.

По 6 рублев.

Микитка Яковлев.

Стрельцы ж а государева жалованья им по окладу пятидесятником по 5 рублев с четью десятником по 4 рубли по 25 алтын рядовым по 4 рубли с четью человеку.

Фирко Яковлев.

Новоприборные стрельцы

Федька Микитин.

Рядовые

Кирилко Павлов.

Тимошка Семенов.

Данилко Микитин.

Мишка Яковлев.

Пешие казаки Великих Государей жалованья им по окладу пятидесятником по 5 рублев с четью десятником по 4 рубли по 25 алтин рядовым по 4 рубли с четью человеку.

Михайловы станицы Остафьева.

Куземка Павлов.

Терешка Яковлев.

Демка Яковлев.

Гаврилко Микитин.

Гришко Микитин.

Тою ж станицы казаки велено им быть в салдатех.

Фролко Микитин.

Гришка Иванов Шестаков.

Ивановы станицы Федорова.

Десятник *Савка Яковлев.*

Бориско Семенов.

Спирка Семенов.

Ивашко Микитин.

…ска Микитин умер.

Обросимко Микитин.

Петровы станицы Вайгачова.

Мартынко Яковлев во 163-м году послан в Дауры.

Меньшово станицы Выходцова.

Тою ж станицы пешие казаки велено им быть в салдатех.

Максимко Микитин.

Мурзины станицы Выходцова.

Десятник *Петунка Офонасьев.*

Десятник *Пашко Яковлев.*

Степанко Яковлев.
Яшко Павлов послан в Ярославль.
Тоя ж станицы пешие казаки велено им быть в салдатех.
Лучка Яковлев.
Ивановы станицы Омельянова.
Чюдинко Семенов во 164-м году послан в Ылимской острог на вечное житье.
Кирилко Яковлев.
Кириловы станицы Сыркова.
Омелька Микитин.
Шумилко Павлов.
Десятник *Елизарко Ильин.*

РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 509.
[Часть текста стерта] тобольским всяких чинов служилым людям и ружником и оброчником з денежными оклады ко 176-му [1668] году.

Литва

По 9 рублев с четью.
Пашко Микитин.
По 8 рублев.
Сенька Офонасьев.
Левка Семенов.
По 7 рублев.
Васка Корнилов в рейтарех.
По 6 рублев.
Ивашко Офонасьев в рейтарех.

Конные казаки

По 8 рублев с четью.
Сенька Павлов Шестаков.
По 7 рублев с четью.
Сенька Павлов Шестаков во 170-м [1662] году умер.
Васка Корнилов.
Ивашко Офонасьев Корнилов.
14 рублев с четью.
Атаман новокрещеных Микита Ильин.

Новокрещены

По 8 рублев.
Офонка Микитин.
По 7 рублев с четью.

Володька Данилов.
По 7 рублев.
Кондрашка Микитин.
6 рублев с полтиною.
Данилко Яковлев в рейтарех.
По 6 рублев с четью.
Якунка Яковлев Дурынин в рейтарех.
Стрельцы Владимеровы сотни Кляпикова а Великих Государей жалованья им по окладу пятидесятником по 5 рублев с четью десятником по 4 рубли по 25 алтын рядовым по 4 рубли с четь человеку.
Фирско Яковлев.
Сенька Павлов.

Стрельцы Гавриловы сотни Угрюмова

Петрушка Ильин.
Кирилко Павлов.
Мишка Яковлев.

Стрельцы Офонасьевы сотни Федорова

Данилко Микитин.
Матюшка Яковлев.
Гришка Михайлов.
Пешие казаки Великих Государей жалованья им по окладу пятидесятником по 5 рублев с четью десятником по 4 рубли по 25 алтын рядовым по 4 рубли с четью человеку.
Михайловы станицы Остафьева.
Куземка Павлов.
Демка Яковлев во 172-м году послан в Дауры.
Гришка Микитин.
Фролко Микитин.
Тои ж станицы казаки которые взяты в салдаты.
Гришка Иванов Шестаков.
Ивановы станицы Федорова.
десятник *Савка Яковлев.*
Офонка Ильин.
Олешка Микитин.
Левка Яковлев.
Обросимко Микитин умер.
Ивановы станицы Булдакова.
Митька Иванов Шестаков.
Петровы станицы Вайгачева.

Никонко Семенов.
Мартынко Яковлев во 173-м году послан в Дауры.
Мурзины станицы Выходцова.
десятник *Пашко Яковлев.*
Стенка Яковлев.
Лучка Яковлев в салдатех.
Осиповы станицы Микифорова.
Омелька Микитин.
Ивашка Ильин.
Олешка Яковлев.

РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 522.

Книги имянные тобольским служилым людям и ружником и оброчником и юртовским служилым татаром с хлебными с соляными оклады ко 177-му [1669] году без начала.

[Дети боярские]

По 6 чети с осминою ржи по 4 чети овса по 2 пуда соли.

Василей Корнилов Дурынин служит с пашни без хлебного жалованья.

Приказные полаты подьячие

По 8 чети ржи по 8 чети овса по пуду соли.

Василей Ильин.

Литва и литовского списку казаки

По 7 чети с осминою ржи по 4 чети овса по 2 пуда с четью соли.

Левка Семенов.

Конные казаки

По 6 чети с осминою ржи по 4 чети овса по 2 пуда с четью соли.

Васка Корнилов Дурынин к ево пахоте дати 2 чети без полполчетверика ржи.

Илюшка Васильев Корнилов к ево пахоте дати 3 чети без четверика ржи четь без третника овса.

Конные ж казаки которые служат Великих Государей службу без хлебного жалованья за полные оклады.

Против 7 чети ржи против 4 чети овса 2 пуда с четью соли.

Левка Шестаков.

Против 6 чети с осминою [ржи] против 4 чети овса по 2 пуда с четью соли.

Ивашко Офонасьев Дурынин.

Против 5 чети ржи против 5 чети овса.

Мишка Корнилов Дурынин.

14 чети с осминою ржи 9 чети овса 3 пуда соли.

Атаман новокрещеных списку *Микита Ильин.*

По 6 чети с осминою ржи по 5 чети овса по 2 пуда с четью соли.

Офонька Микитин.

По 6 чети с осминою ржи по 4 чети овса по 2 пуда с четью соли.

2 пуда без чети соли.

Володька Данилов.

Якунка Яковлев к ево пахоте дати три чети с осминою и с четвериком и полполполчетверику ржи четь с полуосминою и с четвериком овса.

Данилко Яковлев к ево пахоте дати три чети с осминою и с четвериком и полполполчетверику ржи три чети без полуосмины овса.

Еремка Яковлев к ево пахоте дати две чети с полуосминою ржи две чети овса.

Новокрещены ж служат Великих Государей службу с пашни за полные оклады 6 чети ржи овса тож 2 пуда соли.

Савостка Яковлев.
сотник стрелецкой Володимер Кляпиков.
Фирско Яковлев служит с пашни без хлебного жалованья.
Ивашко Офонасьев.
Дениско Микитин служит с пашни.
Сотник стрелецкой Микита Караганов.
Сотник стрелецкой Михайло Рындин.
Митька Данилов.
Филко Павлов.
Сотник стрелецкой Ондрей Вологжанинов.
Сотник стрелецкой Лаврин Почекунин.
Данилко Микитин.
Ивашко Андреев.
Сергушка Микитин.
Атаман пеших казаков Михайло Остафьев.
Пешие казаки.
По 5 чети с осминою ржи по 4 чети овса по 2 пуда с четью соли.
Ивашко Дурынин к ево пахоте додают 4 чети ржи 2 чети с осминою и четвериком овса.

Гришка Шестаков.
Гришка Микитин.
Фролко Микитин.

Пешие ж казаки тою ж станицы служат с пашни без хлебного жалованья.

По 5 чети с осминою ржи по 4 чети овса по 2 пуда с четью соли.

Сидорко Микитин.

Атаман пеших казаков Иван Ярославцов.

Пешие казаки

По 5 чети с осминою ржи по 4 чети овса по 2 пуда с четью соли.

Рядовые

Федька Павлов.

Атаман пеших казаков Иван Булдаков.

Пешие казаки

Митка Шестаков.
Федька Семенов.
Петрушка Семенов.

Атаман Иван Выходцов.

Ермолка Микитин.
Пашко Яковлев.

Атаман Иван Омельянов.

Кирилко Микитин.
Якунка Леонтьев.

Атаман Осип Микифоров.

Олешка Яковлев.
Шумилко Павлов.
Ганка Иванов.

РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 657.

Книги имянные тоболским всяких чинов служилым людем и ружником и оброчником и юртовским служилым татаром з денежными оклады 187-го [1679] году.

Тобольские дети боярские

По 7 рублев.

Василей Корнилов.
Илья Корнилов.

Литовского списку казаки

По 8 рублев с четью.

Сенка Офонасьев.

7 рублев с четью.

Микитка Ильин.
Ивашко Микитин.

По 7 рублев.

Васка Корнилов в рейтарех.

6 рублев с четью.

Пашко Микитин.

Конные казаки

По 8 рублев.

Левка Шестаков.

По 7 рублев с четью.

Мишка Яковлев.

Васка Корнилов.
Ивашко Корнилов.
Мишка Корнилов в прошлом во 180 -м году умре и в нынешнем во 187-м году по приговору боярина и воевод Петра Васильевича Шереметева с товарыщи велено в его месте быть сыну ево родному **Петрушке** с тем же ево окладом.

По 7 рублев.

Ондрюшка Семенов.

Новокрещеные

6 рублев с полтиною.

Данилко Яковлев.

По 6 рублев с четью.

Якушко Яковлев Дурынин.

Стрельцы

Пятидесятником по 5 рублев с четью десятником по 5 рублев без чети рядовым стрельцом по 4 рубли с четью человеку.

Фирско Яковлев.

Пешие казаки

Михайловы станицы Остафьева.

Гришка Яковлев.

Ивановы станицы Ярославцова.

Гришке Иванову.

Ивановы станицы Булдакова.

Мишка Иванов Шестаков.

Меншово станицы Вы[хо]дцова.

Гришка Иванов.

Ивановы станицы Выходцова.

Десятник *Пашко Яковлев*.

РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 701.

Книги имянные тобольским ружником и детем боярским и приказные полаты подьячим и литве и конным казаком и новокрещеном и сотником и атаманом и стрельцом и пешим казаком и оброчником и юртовским служилым тотаром с хлебными и соляными оклады ко 189-му [1681] году.

Тобольские дети боярские

Илья Корнилов.

Литовского списку казаки

Васка Шестаков.

Левка Семенов к ево пахоте дати полосмины ржи.

Семейка Офонасьев.

Ивашко Дурынин.

Конные казаки

Васка Корнилов Дурынин к ево пахоте дать две чети без полполчетверика ржи.

Ондрюшка Семенов.

Конные казаки за полные оклады служат с пашен.

7 чети ржи 4 чети овса 2 пуда с четью соли.

Левка Шестаков.

По 6 чети с осминою ржи по 4 чети овса по 2 пуда с четью соли.

Ивашко Дурынин.

По 5 чети ржи по 5 чети овса.

Петрушка Корнилов.

12 чети с осминою ржи 7 чети овса 3 пуда соли.

Новокрещеных списку атаман *Микита Ильин*.

Якунка Яковлев к ево пахоте дать три чети с осминою и с четвериком и с полполполчетверик ржи четь с полуосминою и с четвериком овса.

Данилко Яковлев к ево пахоте дать три чети с осминою и с четвериком и с полполполчетверик ржи три чети без полуосмины овса.

Еремка Яковлев умер к ево пахоте дать две чети с полуосминою ржи две чети овса.

Стрельцы женатые

Фирско Яковлев служит с пашни.

Дениско Микитин.

Стрельцы Микитины сотника Рагаманова.

Омелька Данилов.

Михайловы сотни Рындина.

Мишка Яковлев.

Пешие казаки

Гришка Яковлев.

Атаман Иван Ярославцов.

Омелька Яковлев.

Атаман Иван Булдаков.

Ивашко Яковлев.

Митька Шестаков.

РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 751.

Книги имянные тобольским всяких чинов служилым людем и ружником и оброчником и юртовским служилым татаром з денежними оклады ко 192-му [1684] году.

Дети боярския

По 7 рублев.

Илья Васильев сын Корнилов умре в прошлом во 191-м году по приговору боярина и воеводы князя Алексея Ондреевича Голицына с товарыщи велено быть в ево месте в детех боярских сыну ево **Ивану** с тем же ево окладом.

Рядовые литовского списку казаки с оклады

По 8 рублев с четью (Л. 163).

Ивашко Микитин (Л. 163 об.).

По 8 рублев.

Матюшка Залесов в киргизах убит в прошлом во 191-м году по указу Великих Государей в ево месте велено быть новокрещену *Ондрюшке Данилову* а оклад ему учинен из ево Матюшкина окладу 6 рублев с полтиною.

Сенька Офонасьев.

Павел Микитин.

Кондрашка Микитин.

Федька Корнилов.

Ондрюшка Дурынин в прошлом во 191-м году по приговору боярина и воеводы князя Алексея Андреевича Голицына с товарыщи в ево месте велено быть сыну ево **Петрушке.**

Литва ж которым велено быть из рейтар а оклад им велено давать в приказ до выбылых окладов по 7 рублев.

Ивашко Корнилов.

Федька Яковлев.
Ивашко Офонасьев.

Конные казаки

Левка Шестаков.
Ивашко Васильев.
Васка Дурынин Корнилов.
Петрушка Корнилов.
Ивашко Корнилов.
Ондрюшка Семенов.

Конные ж казаки которые из рейтар а оклад давать в прок им до выбылых окладов по 7 рублев.

Олешка Яковлев.
14 рублев.
Новокрещеного списку Атаман **Дорофей Корнилов.**

Новокрещеного списку казаки

6 рублев с полтиною.
Данилко Яковлев Дурынин.
6 рублев с четью.
Якушко Яковлев Дурынин.

Новокрещеного списку казаки которые из рейтар а оклады давать велено в приказ до выбылых окладов по 7 рублев.

Трошка Ильин.
Степановы сотни Кляпикова.
Десятник *Офонка Яковлев.*
Фирско Яковлев.
Якунка Яковлев.
Микитины сотни Караганова.
Десятник *Бориско Яковлев.*
Михайловы сотни Рындина.
Петрушка Ильин.
Мишка Яковлев умре и в нынешнем во 191-м году по приговору боярина и воевод князя Алексея Андреевича Голицына с товарыщи велено быть в Мишкине месте Яковлева стрелецкому племяннику *Сергушке Иванову.*
Андреевы сотни Вологжанина.
Тишка Яковлев во 182-м году послан в Енисейск.
Васильевы станицы Михайлова.
Васка Яковлев.
Гришка Яковлев.
Ивановы станицы Ярославцова.

Десятник *Савка Яковлев.*
Офонка Ильин.
Ивановы станицы Булдакова.
Митька Иванов Шестаков.

В нынешнем во 191-м [1683] году по приговору боярина и воеводы князя Алексея Андреевича Голицына с товарыщи велено быть в Пятункине месте Иванова реитарскому сыну Ивашку Клеенову в *Костькине* месте *Яковлева* казачью сыну *Пашку Яковлеву Котельникову* а Пятунка Иванов *Костька Яковлев* в прошлом во 147-м году посланы на Лену.

Ивановы станицы Выходцова.
Десятник *Пашко Яковлев.*
Федотка Яковлев.
Осиповы станицы Микифорова.
Олешка Яковлев.

РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1048.

Книги имянные тоболским всяких чинов служилым людям и ружникам и оброчникам и юртовским служилым татаром з денежными оклады 7201-го [1693] году.

Приказные полаты подьячие

15 рублев.
Василей Ильин.
Михайло Иванов сын Шестаков и в 201-м году по указу великих государей и по приказу ближнего столника и воеводы Андрея Федоровича Нарышкина с товарыщи прибавлено ему Михайлу к прежнему ево окладу из убылого подьяческого окладу Офонасья Безсонова 2 рубли с полтиною.
РядовыеЛитовского списку казаки.
Ивашко Микитин.
Сенка Афонасьев.
По 7 рублев с четью.
Ивашко Офонасьев.
По 7 рублев.
Федка Корнилов.
По 6 рублев с полтиною.
Данилко Селиверстов.
Ивашко Корнилов.
14 рублев.
Новокрещеного списку атаман **Дорофей Корнилов.**

Новокрещеного списку казаки

6 рублев с полтиною.

Ивашко Данилов Дурынин.

6 рублев с четью.

Якушко Яковлев Дурынин.

Новокрещеного ж списку казаком которые из рейтар а оклад велено давать в приказ до убылых окладов по 7 рублев.

Трошка Ильин.

Конные казаки.

По 8 рублев с четью.

Сенка Иванов.

По 8 рублев.

Левка Шестаков.

По 7 рублев с четью.

Ивашко Васильев.

Обрамко Дурынин.

Петрушка Корнилов.

Ивашко Корнилов.

По 7 рублев.

Андрюшка Данилов и в 201-м году на службе в слободах у Семискулья озера от воинских людей убит.

Прохорко Балин Киселев и в 201-м году по указу великих государей и по приказу боярина и воеводы Степана Ивановича Салтыкова с товарыщи отдано из ево Прохоркова окладу в оклад в прибавку конному казаку Тимошке Иванову новокрещеного списку казаку *Назарку Леонтьеву* рубль.

Конные казаки которые из рейтар оклад давать в приказ до убылых окладов по 7 рублев.

Ганка Иванов.

Алешка Яковлев.

Пятидесятником же по 5 рублев с четью десятником по 4 рубли по 25 алтын рядовым стрелцом по 4 рубли с четью человеку.

Петрушка Офонасьев.

Ивашко Васильев.

Максимко Иванов.

Матюшка Иванов.

Дениско Леонтьев.

Архипко Микитин.

Ивашко Михайлов (в) Даурех.

Ивашко Иванов.

Михайловы сотни Рындина.

Якимко Леонтьев.

Петрушка Ильин.

Тимошка Яковлев.

Ивашко Яковлев.

Матюшка Афонасьев.

Якушко Иванов и в 201-м году по указу великих государей и по приказу боярина и воеводы Степана Ивановича Салтыкова с товарыщи велено в ево месте быть литовского списку рейтару Ивашку Глаткого а ему Якушку велено быть в ево Ивашкове месте в литовском списке в казаках.

Илюшка Микитин.

Гришка Михайлов.

Десятник *Першка Афонасьев.*

Трошка Яковлев.

Васка Яковлев.

Митка Яковлев.

Афонка Андреев.

Сергушка Микитин.

Рядовым пешим казаком по 4 рубли с четью.

Офонка Андреев.

Селиверско Яковлев.

Ганко Яковлев и в 201-м году по указу великих государей и по приказу боярина и воеводы Степана Ивановича Салтыкова с товарыщи в ево месте велено быть брату ево сродному Лучке Постину.

Гришка Яковлев.

Ивановы станицы Ярославцовы.

Стенка Леонтьев.

Десятник *Федка Иванов.*

Десятник *Савка Яковлев.*

Яковлевы станицы Чекеева.

Микитка Микифоров.

Филатко Микитин.

Барабанщик *Анимко Микитин.*

Десятник *Сенка Яковлев.*

Петровы станицы Баландина.

Десятник *Пашка Яковлев* отставлен.

Тимошка Яковлев в Даурех.

Петрушка Яковлев.
Якушко Иванов во 192-м году послан в Дауры.
Федотко Яковлев во 192-м году послан в Дауры.
Гришка Корнилов.
Десятник *Андрюшка Андреев.*
Ермолка Микитин.
Кирилко Микитин.
Андрюшка Микитин.
Оска Офонасьев в Даурех.
Васка Микитин.
Алешка Микитин.
Петровы станицы Сыркова.
Барабанщик *Якушко Иванов* во 194-м году послан в Дауры.
Оска Андреев.
Моска Леонтьев во 192-м году послан в Дауры.
Сенка Иванов во 192-м году послан в Дауры.

РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1295.

Книги имянные тобольским всяких чинов служилым людем и ружником и оброчником и юртовским служилым тотаром с хлебными и соляными оклады к 208-му [1700] году.

Дети боярские

Иван Корнилов к пахоте дать 3 чети без полуосмины и полполчетверика и полмалого четверика ржи четь с осминою и мал четверик овса 2 пуда с четью соли.

Литовского списку казаки

Гришка Леонтьев.
Ивашко Афонасьев.
Сенька Афонасьев.
Олешка Павлов.
Гришка Петров.
Савка Михайлов.
Ондрюшка Дурынин служит с пашни.
Литва ж которые служат с пашни.
Ивашко Андреев.

Конные казаки

Васка Яковлев.
Сенька Иванов.
Якушко Григорьев.
Обрамко Дурынин.

Холостые

Ондрюшка Дурынин 3 чети и полчетверика и мал четверику ржи 2 чети с четвериком и пол малого четверика овса 2 пуда соли.

Конные казаки служат за полные оклады с пашни 4 чети и мал четверик ржи 2 чети с полуосминою и полполчетверика и мал четверик овса.

Левка Шестаков.
Ивашко Дурынин и в нынешнем в 207-м году мая в 10 день по указу Великого Государя и по приказу ближних боярина и воеводы князя Михайла Яковлевича стольника князя Петра Михайловича Черкасских и по выписке за пометою дьяка Ивана Обрютина **Ивашко Корнилов** за старость от службы отставлен а в ево месте велено быть сыну ево **Федьке** а за хлебное жалованье пахать пашню а соль ему давать отцов оклад.
Петрушка Корнилов.

Новокрещеного списку казаки

5 чети с четвериком и полполчетверика ржи 4 чети с осминою без получетверика овса 3 пуда соли.

Атаман **Дорофей Корнилов.**
Петрушка Григорьев.
Ивашко Дурынин к пахоте дать 2 чети и полчетверика и мал четверик ржи четь с осминою и полчетверика овса.
Ивашко Данилов Дурынин к пахоте дати четь с осминою и с четвериком и пол малого четверика ржи полосмины с четвериком овса.»

* * *

А ведь этот многостраничный перечень – только один казачий род за неполное столетие — с 1627 по 1700 годы.

И он только намечен — найдены лишь семейные «колоски», которые разбросали свои зерна по всей необъятной матушке-России…

* * *

Но это было только начало.

Благодаря, опять же, изысканиям Сергея Евгеньевича Дурынина мы можем проследить маршруты продвижения первых русских жителей Якутии по ее необъятным просторам. Кто-то вернулся на родину — в Тобольск, Енисейск или в Березов, кто-то навечно остался в якутской земле, найдя себе последнее зем-

ное пристанище, а кто-то посеял родовое семя… Этот документ впервые вводится в научный оборот.

РГАДА. Ф. 214. Оп. 4. Д. 206.

[Нижняя часть каждого листа книги испорчена, а местами утрачена и не читается. Поэтому местами появляется несвязанный текст. Чтобы избежать непонятного текста, я делаю лишь выписку по служилым людям, по которым текст читается, и дополняю ее именами из нечитаемого текста. — *Сергей Дурынин*.]

«(Л. 2.) Книги имянные государя царя и Великого князя Алексея Михайловича всеа Русии с его государевыми з денежными и с хлебными и соляными оклады великие реки Лены Якутцково острогу нынешнего 159-го [1651] году ружником и детем боярским и оброчником подъячим и служилым людем которые присланы с стольники и воеводы с Петром Головиным с товарыщи и с воеводы с Васильем Пушкиным…

(Л. 6 об.) Тобольские служилые люди прежнего наряду которые присланы с стольники и воеводы с Петром Головиным с товарыщи.

Оклад денег десятником по 5 рублев без чети а рядовым по 4 рубли с четью да хлеба десятником и рядовым по 5 чети с осминою ржи весом иметьца по 25 пуд по 9 гривенок с четью гривенок… (Л. 7.) Ивашко Прокопьев сын Мунай на государеве дальней службе на новой на Охоте реке послан в прошлом во 154-м [1646] году.

Ивашко Олексеев на государеве службе в новой в Даурской земле послан в прошлом во 158-м [1650] году.

Якунька Микитин на государеве дальней службе на Индигирке реке…

(Л. 7 об.) Тобольские пешие казаки.

Меншичко Степанов сын Плотник на государеве дальней службе на Индигирке реке за Шиверы послан во 158-м [1650] году

Омелька Иванов сын Тюменец на государеве дальней службе на Индигирке реке за Шиверы послан в прошлом во 156-м [1648] году.

Якунька Степанов сын кузнец в нынешнем во 159-м [1651] году… к Москве в провожатых.

Ивашко Боранов на государеве дальней службе на Ковыме реке послан от прежних стольников и воевод от Петра Головина с товарыщи.

Савка Денисов сын Тюменец на государеве дальней службе на [Индиг]ирке реке послан в прошлом во 157-м [1649] году. (Л. 8.) Михалко Иванов сын Важенин в нынешнем во 159-м [1651] году послан з государевою соболиною казною к Москве в провожатых.

Тимошка Михайлов сын Булдаков Кузнец на государеве дальней службе на Ковыме реке послан в прошлом во 157-м [1649] году.

Тобольские ж… которые присланы на великую реку Лену с воеводы… с товарыщи прежним на перемену. (Л. 8 об.)

Куземка Сидоров сын Туркин в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву дальную службу на Олению реку.

Титко Спиридонов сын Коновалов.

Ивашко Иванов на государеве дальней службе на Ковыме реке послан в прошлом во 155-м [1647] году.

Онисимко Иванов в прошлом во 155-м [1647] году послан на государеву дальную службу на новую на Потычю реку… (Л. 9.)

Федька Яковлев на государеве дальней службе на новой на Охоте реке послан в прошлом во 154-м [1646] году.

Панфилко Федоров на государеве дальней службе на Индигирке реке…

Тобольские пешие казаки прежнего наряду с столь… с Петром Головиным с товарыщи… (Л. 9 об.) Левка Нестеров сын Шангай в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву на годовую службу на Яну реку в верхнее зимовье.

Тренка Семенов сын Горшечник на государеве службе в Олекминском острожке послан в прошлом во 158-м [1650] году.

Ондрюшка Иванов на государеве службе в новой Даурской земле послан в прошлом во… (Л. 10.) Левка Федотов на государеве службе на дальней на Алазейке реке послан в прошлом во 157-м [1649] году.

Федька родионов сын Кедровка Пеняжанин на государеве дальней службе на Яне реке в нижнем зимовье послан в прошлом во 158-м [1650] году.

Семейка Кырнаев в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву на годовую службу на Маю реку в … зимовье (Л. 10 об.)

Ивашко Сысоев в нынешнем во 159-м [1651] году послан на годовую службу на Алдан реку в Бутальское зимовье.

Ондрюшка Парфенов сын Важенин на государеве дальней службе на новой на Охоте реке послан в прошлом во 154-м [1646] году.

Федька Харламов сын Жеребец.

Васка Федоров сын Гнусин в нынешнем во 159-м [1651] году послан… службу на Вилюй реку в середнее зимовье.

Архипко Иванов в нынешнем во 159-м [1651] году послан з государевою соболиною казною к Москве в провожатых и велено ему быть назад в Якутцкой острог.

Томской казак Нехорошко Иванов сын Кривой на государеве… на новой на Охоте реке послан… во 154-м [1646] году. (Л. 11.) Семейка Лукьянов сын Медведчиков в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву дальную службу на Яну реку в нижнее зимовье.

Гришка Иванов сын Тотменин на государеве дальней службе на Оленке реке послан в прошлом во 157-м [1649] году.

Ондрюшка Елфимов сын Воженин в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву на годовую службу на Вилюй реку… (Л. 11 об.) Федька Исаев на государеве дальней службе на Яне реке в нижнем зимовье послан в прошлом во 155-м [1647] году.

Данилко Лукьянов сын Скребычкин на государеве дальней службе на Ковыме реке послан в прошлом во 157-м [1649] году.

Замятенка Сергеев на государеве дальней службе на Яне реке в нижнем зимовье послан в прошлом во 158-м [1650] году (Л. 12.) Нехорошко Аврамов сын Пеняжанин на государеве дальней службе на Оленке реке послан в прошлом во 157-м [1649] году.

Русинко Никонов в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву на годовую службу на устье Вилюя реки.

Офонка Леонтьев сын Мезенец в нынешнем во 159-м [1651] году отпущен…

Олешка Степанов сын Орлошленин на государеве дальней службе на новой на Охоте реке… (Л. 12 об.) Савинко Фомин на государеве службе в новой Даурской земле послан в прошлом во 158-м [1650] году.

Елфимко Степанов сын Залесов Устюжанин на государеве службе на дальней на Яне реке в нижнем зимовье послан в прошлом во 155-м [1647] году.

Кондрашка Елизарьев сын тунгуской толмач на государеве службе на Май реке в верхнем зимовье послан в прошлом во 158-м [1650] году.

Левка Григорьев сын Белоус в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву службу под Ленской волок в Ылимской острог по государевы по хлебные запасы. (Л. 13.) Стенька Фомин

в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву на годовую службу на Вилюй реку в верхнее зимовье.

Тобольские же пешие казаки которые присланы с воеводы с Васильем Пушкиным с товарыщи прежним на перемену. (Л. 13 об.) Самышка Емельянов в прошлом во 158-м [1650] году послан с отписки к государю к Москве и велено быть назад в Якутцкой острог.

Семейка Васильев в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву службу под Ленской волок в Ылимской острог по государевы по хлебные запасы.

Мамонко Мартынов.

Онисимко Кузьмин на государеве дальней службе на Оленке реке послан в прошлом во 156-м [1648] году. (Л. 14.) Микулайко Юрьев на государеве службе в новой Даурской земле послан в прошлом во 158-м [1650] году.

Микифорка Сурма в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву на годовую службу на усть Вилюя реки.

Савка Комлев на государеве дальней службе на новой на Охоте реке послан в прошлом во 154-м [1646] году. (Л. 14 об.) Васка Прокопьев сын Казанец в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву службу под Ленской волок в Ылимской острог по государевы по хлебные запасы.

Карпунка Степанов в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву на годовую службу на Вилюй реку в се… зимовье.

Тобольские стрельцы которые присланы с воеводы с Васильем Пушкиным с товарыщи прежним на перемену. (Л. 15.) Суханко Прокопьев на государеве дальней службе на Ковыме реке послан в прошлом во 155-м [1647] году.

Левка Ермолин сын Плотник в прошлом во 155-м [1647] году послан на государеву дальную службу на новую на Потычю реку и в прошлом во 158-м [1650] году по отписке служилого человека Михалка Стадухина что де того Левку в прошлом во 156-м [1648] году идучи на Потычю на море занесло без вести а в его место нихто не поверстан. (Л. 15 об.) Десятник Федька Офонасьев сын Устюжанин.

Пашка Малафеев на государеве дальней службе на Индигирке реке за Шиверы послан в прошлом во 158-м [1650] году.

Васка Панфилов сын Плотник на государеве службе в новой Даурской земле послан в прошлом во 158-м [1650] году.

Томской казак Климко Олексеев в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву на годовую службу в Столбовское зимовье.

Гришка Ортемьев на государеве дальней службе на Яне реке в нижнем зимовье послан в прошлом во 155-м [1647] году.

Ларка Иванов сын Двинянин на государеве дальней службе на новой на Охоте реке послан в прошлом во 154-м [1646] году.

[Тобольские] же пешие казаки которые присланы с воеводы [с Васильем Пушки]ным с товарыщи прежним на перемену. (Л. 16.) Нестерко Петров сын прозвищем Первушка Казанец на государеве дальней службе на Индигирке реке послан в прошлом во 156-м [1648] году.

Баженко Федоров в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву на годовую службу на Яну реку в верхнее зимовье.

Федька Иванов в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву на годовую службу на Вилюй реку в верхнее зимовье. (Л. 16 об.) Тобольские ж служилые люди прежнего наряду оклад десятником денег по 5 рублев без чети а рядовым по 4 рубли с четью да хлеба десятником и рядовым по две трети их окладов по 4 чети бес третника ржи весом иметьца по 16 пуд по 33 гривенки безо 16 золотников против Указу в тобольскую в государеву казенную четь по 4 пуда по 23 гривенки с полугривенком в четверть да по 3 чети бес трет…

Стрельцы

(Л.17.) Сергушка Васильев сын Плотник в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву на годовую службу на Вилюй реку в верхнее зимовье.

Степан Григорьев сын Баранов Вятчанин в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву на годовую службу вниз по Лене в Жиганы. (Л. 17 об.) Ондрюшка Васильев сын Пеняжанин в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву службу под Ленской волок в Ылимской острог по государевы по хлебные запасы.

Бориско Михайлов сын Плотник.

Стенька Григорьев сын Реткин…

Семейка Савин сын Попов… (Л.18.) Конанко Ларионов на государеве дальней службе на новой на Охоте реке послан в прошлом во 154-м [1646] году.

Пешие казаки

Ивашко Харитов сын Широкой тунгуской толмач в нынешнем во 159-м [1651] году послан на годовую службу на Маю реку в верхнее зимовье.

Климко Софонов сын Соболев на государеве дальней службе на Индигирке реке за Шиверы послан в прошлом во 158-м [1650] году. (Л. 18 об.) Трофимко Зиновьев на государеве дальней службе на новой на Охоте реке послан в прошлом во 154-м [1646] году.

Федотко Емельянов сын Веточка на государеве дальней службе на Ковыме реке послан в прошлом во 155-м [1647] году.

Нехорошко Шабанов в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву на годовую службу на Вилюй реку в середнее зимовье.

Ивашка Сура…

Микитка Орефьев…

(Л. 19.) Томской казак Ондрюшка Иванов сын Горелой на государеве дальней службе на Индигирке реке за Шиверы послан в прошлом во 158-м [1650] году.

Петрушка Гаврилов сын Панов Вергунов он же в нынешнем во 159-м [1651] году отпущен з государевою соболиною казною к Москве в провожатых.

Васка Куржумов сын Новокрещен… (Л. 19 об.) Федька Григорьев сын Плотник на государеве дальней службе на Индигирке реке за Шиверы послан в прошлом во 158-м [1650] году.

Олешка Семенов на государеве дальней службе на Оленке реке послан в прошлом во 155-м [1647] году.

Пронка Иванов сын Устюжанин в нынешнем во 159-м [1651] году отпущен з государевою соболиною казною к Москве в провожатых.

Фочка Микитин сын Устюжанин… (Л. 20.) Демка Тимофеев в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву на годовую службу на Усть Вилюя реки.

Оксенко Михайлов на государеве дальней службе на новой на Охоте реке послан в прошлом во 154-м [1646] году.

Лучка Касьянов на государеве дальней службе на Ковыме реке послан в прошлом во 155-м [1647] году.

Олешка Самсонов сын Устюжанин… (Л. 20 об.) Терешка Иванов на государеве дальней службе на Ковыме реке послан в прошлом во 155-м [1647] году.

Красноярской казак Дунайко Трофимов на государеве службе в новой Даурской земле послан в прошлом во 158-м [1650] году.

Тобольские… которые присланы с воеводы с Васильем Пушкиным с товарыщи прежним на перемену. (Л. 21.) Олешка Они-

симов в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву на годовую службу на Вилюй реку в середнее зимовье.

Ивашко Федоров на государеве дальней службе на новой на Потыче реке послан в прошлом во 155-м [1647] году.

(Л. 21 об.) Красноярской казак Ивашко Родионов сын Ярастов на государеве дальней службе на Алазейке реке послан в прошлом во 156-м [1648] году.

Евфимко Третьяков мать у него в Тобольску в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву дальную службу на Оленек реку (Л. 22.) Ивашко Шестаков жена у него в Тобольску а он на государеве дальней службе на Индигирке реке послан в прошлом во 154-м [1646] году.

Якимко Гарасимов жена у него в Тобольску в нынешнем во 159-м [1651] году отпущен з государевою соболиною казною к Москве в провожатых.

Некраско Федоров… (Л. 22 об.) Дорошка Елфимов.

Евплеко Волынкин.

Онтонко Ондреев сын Сысолетин в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву на годовую службу на Вилюй реку в середнее зимовье.

Митрофанко Олексеев в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву на годовую службу на Усть Вилюя реки. (Л. 23.) Томской казак Ивашко Онисимов на государеве дальней службе на новой на Охоте реке послан в прошлом во 154-м [1646] году.

Якунка Иванов сын Колпак в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву на годовую службу на Маю реку в середнее зимовье.

Васка Евфимов сын Устюжанин… (Л. 23 об.)

…с воеводы с Васильем Пушкиным с товарыщи прежнем на перемену.

Перфирейко Фофанов в нынешнем во 159-м [1651] году отпущен з государевою соболиною казною к Москве в провожатых (Л. 24.) Пятунка Гарасимов на государеве дальней службе на новой на Охоте реке послан в прошлом во 154-м [1646] году.

Березовские казаки

(Л. 24 об.) Оклад денег по 5 рублев с четью да хлеба по 6 чети ржи весом иметьца по 27 пуд по 21 гривенки против Указу в тобольскую в государеву казенную четь по 4 пуда по 23 гривенки с полугривенкою в четверть да по 2 чети овса да по полу 2 пуда соли.

[Карпунка] Мартемьянов…

Петрушка Олексеев… (Л. 25.) Бориско Павлов сын Слоев в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву на годовую службу на Маю реку в середнее зимовье.

Ивашко Дубов на государеве дальней службе на новой на Охоте реке послан в прошлом во 154-м [1646] году.

Красноярской казак Олешка Филипов на государеве дальней службе на новой на Охоте реке послан в прошлом во 154-м [1646] году.

Офонка Брусенкин… (Л. 25 об.) Десятник Ивашко Михайлов сын Тархов на государеве дальней службе на Индигирке реке послан в прошлом во 157-м [1649] году.

Пятидесятник Костянтинко Степанов сын Дунай на государеве дальней службе на Индигирке реке послан в прошлом во 156-м [1648] году.

Михалко Савин сын Коновал на государеве дальней службе на Ковыме реке послан от прежних…

Ивашко Семенов сын Жирной в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву на годовую службу вниз по Лене реке в Жиганы.

Фомка Федоров на государеве дальней службе на новой на Охоте реке послан в прошлом во… году. (Л. 26.) Ивашко Степанов сын Рябов на государеве дальней службе на Оленке реке послан в прошлом во 157-м [1649] году.

Пашко Леонтьев на государеве дальней службе на Индигирке реке за Шиверы послан в прошлом во 158-м [1650] году.

Куземка Суздалец в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву дальную службу на Оленек реку. (Л. 26 об.) Семейка Петров сын тунгуской толмач на государеве дальней службе на новой на Охоте реке послан в прошлом во 154-м [1646] году.

Пятидесятник Микифорко Аргамаков томской казак в нынешнем во 159-м [1651] году послан з государевою соболиною казною к Москве в провожатых.

Жданко Власов на государеве дальней службе на новой на Охоте реке послан в прошлом во 154-м [1646] году.

Васка Бусыгин в прошлом во 158-м [1650] году послан з государевою соболиною казною к Москве в провожатых и велено ему Васке быть назад в Якутцкой острог.

Матюшка Иванов сын Ярыгин.

Мокейко Игнатьев на государеве дальней службе на Ковыме реке послан в прошлом во 155-м [1647] году. (Л. 27 об.) Исачко Онфимов в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву на годовую службу на Маю реку в середнее зимовье.

Микитка Семенов на государеве дальней службе на Ковыме реке послан в прошлом во 155-м [1647] году.

(Л. 29 об.) Тобольские служилые люди которые присланы ис Тобольска с пятидесятником с Ларкою Едомским прежним на перемену.

Оклад денег пятидесятнику 5 рублев с четью десятником по 5 рублев без чети а рядовым по 4 рубли с четью да хлеба пятидесятнику и десятником и рядовым по 5 чети с осминою ржи весом иметьца 25 пуда… (Л. 30.)

Десятники

Семейка Иванов в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву на годовую службу на Маю реку в середнее зимовье.

Микитка Прокопьев в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву на годовую службу вниз по Лене реке в Жиганы.

Рядовые

Нестерко Павлов на государеве дальней службе… (Л. 30 об.) Тимошка Микитин на государеве дальней службе на Индигирке реке за Шиверы послан в прошлом во 158-м [1650] году.

Савка Ондреев на государеве дальней службе на новой на Охоте реке послан в прошлом во 158-м [1650] году. (Л. 31.) Пронка Иванов сын Белоус в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву дальную службу на Яну реку в нижнее зимовье.

Семейка Дмитреев на государеве дальней службе на Индигирке реке послан… (Л. 31 об.) Митька Мокеев в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву на годовую службу вниз по Лене реке в Жиганы.

Шестачко Перфирьев в нынешнем во 159-м [1651] году отпущен з государевою соболиною казною к Москве в провожатых (Л. 31 об.) Карпунка Симонов на государеве дальней службе на Ковыме реке послан в прошлом во 157-м [1649] году. (Л. 32.) Ивашко Иванов сын Горохов на государеве дальней службе на новой на Охоте реке послан в прошлом во 158-м [1650] году.

Ивашко Иванов сын Вологжанин на государеве службе в новой в Даурской земле послан в прошлом во 158-м [1650] году.

Пронка Ортемьев в прошлом во 158-м [1650] году отпущен з государевою соболиною казною к Москве в провожатых…

(Л. 32 об.) **Тобольские служилые люди которые присланы ис Тобольска с пятидесятником з Бориском Оноховским** прежним на перемену

Л. 33.

Рядовые

Якунка Михайлов сын Балда на государеве дальней службе на новой на Охоте реке послан в прошлом во 158-м [1650] году.

Васка Григорьев в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву на годовую службу…

Онцыфорко Дмитреев на государеве дальней службе на новой на Охоте реке послан в прошлом во 158-м [1650] году.

Пронка Григорьев на государеве службе в новой в Даурской земле послан в прошлом во 158-м [1650] году.

Офонка Кочин на государеве дальней службе на… (Л. 33 об.) реке послан в прошлом во 158-м [1650] году.

Ондрюшка Шипицын на государеве службе в новой в Даурской земле послан в прошлом во 15…м году.

Куземка Иванов на государеве дальней службе на Оленке реке послан в прошлом во 158-м [1650] году.

Ондрюшка Терентьев на государеве дальней службе на новой на Охоте реке послан в прошлом во 158-м [1650] году.

Филька Емельянов сын Табаков на государеве службе в новой в Даурской земле послан в прошлом во 158-м [1650] году. (Л. 34.) Федька Томилов сын Оконничников в нынешнем во 159-м [1651] году отпущен з государевою соболиною казною к Москве в провожатых.

Офонька Ортемьев в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву дальную службу на Яну реку в нижнее зимовье.

Фролко Павлов в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву на годовую службу на Маю реку в верхнее зимовье (Л. 34 об.)

Микифорко Ярофеев в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву на годовую службу на Маю реку в верхнее зимовье.

Максимко Михайлов на государеве службе в новой в Даурской земле послан в прошлом во 158-м [1650] году.

Климко Сергеев.

Оксенко Лукьянов сын Скребычкин на государеве дальней службе на Ковыме реке послан в прошлом…

Ивашко Иванов Шестаков на государеве дальней службе на новой на Охоте реке послан в прошлом во 158-м [1650] году. (Л. 35).

Офонька Матвеев сын Курбатов на государеве дальней службе на новой на Охоте реке послан в прошлом во 158-м [1650] году.

Ивашко Захаров сын Соловьянин на государеве дальней службе на новой на Охоте реке послан в прошлом во 158-м [1650] году.

Семейка Леонтьев в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву на годовую службу на Вилюй реку в верхнее зимовье.

Нехорошко Микитин в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву службу под Ленской волок в Ылимской острог по государевы по хлебные запасы (Л. 35 об.) Микитка Кондратьев на государеве службе в Олекминском острожке послан в прошлом во 158-м [1650] году.

Тренька Костянтинов в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву службу под Ленской волок в Ылимской острог по государевы по хлебные запасы.

Митька Иванов сын Самандин во 159-м [1651] году послан на государеву дальную службу на Яну реку в нижнее зимовье.

Березовские казаки

(Л. 36.) Микитка Власов на государеве дальней службе… на Охоте реке…

Олешка Лукин в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву на годовую службу на Вилюй реку в верхнее зимовье.

Сергушка Иванов в нынешнем во 159-м [1651] году послан (Л. 36 об.) на государеву службу в новую в Даурскую землю.

Васка Усков на государеве службе в новой Даурской земле послан в прошлом во 157-м [1649] году.

Ивашко Гурьев на государеве дальней службе на новой на Охоте реке послан в прошлом во 158-м [1650] году.

Харитонко Офонасьев сын Леготин на государеве дальней службе Оленке реке послан… во 157-м [1649] году.

…Сын Куланов в прошлом во 158-м [1650] (Л. 37.) году послан на государеву дальную службу на новую на Охоту реку и по скаске служилых людей Гришки Иванова с товарыщи что де тот Савка в нынешнем во 159-м [1651] году на дороге на Май реке умре а в его место нихто не поверстан.

Ивашко Перфирьев на государеве дальней службе на Алазейке реке послан в… году.

(Л. 37 об.) **Енисейские служилые люди** которые присланы из Енисейсково острогу з десятником с Марчком Котковым прежним на перемену.

Оклад денег по 5 рублев рядовым а десятнику 5 рублев с полтиною да хлеба десятнику и рядовым по 5 чети с осминою ржи весом…

Десятник Марчко Котков в нынешнем во 159-м [1651] году выслан в Енисейской острог.

Рядовые

Полуянко Яковлев сын Котков в нынешнем во 159-м [1651] году (Л. 38.) выслан в Енисейской острог.

Матюшка Перфирьев сын прозвищем Нехорошко на государеве дальней службе на Яне реке в нижнем зимовье послан в прошлом во 158-м [1650] году.

Федотко Прокопьев на государеве дальней службе на Яне реке в нижнем зимовье послан в прошлом во 158-м [1650] году.

Юдька Офонасьев в нынешнем во 159-м [1651] году выслан в Енисейской острог.

Михалко Ортемьев на государеве службе в новой в Даурской земле послан в прошлом во 158-м [1650] году.

Семейка Ортемьев сын Сажин в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву службу в новую в Даурскую землю.

Кондрашка Родионов на государеве дальней службе… (Л. 38 об.) в нижнем зимовье послан в прошлом во 158-м [1650] году.

Офонка Дорофеев на государеве дальней службе на Яне реке в нижнем зимовье послан в прошлом во 158-м [1650] году.

Гарасимко Гаврилов в нынешнем во 159-м [1651] году выслан в Енисейской острог.

Сенька Григорьев сын Голой в нынешнем во 159-м [1651] году выслан в Енисейской острог.

Стенька Иванов на государеве дальней службе в новой в Даурской земле послан в прошлом во 158-м [1650] году.

(Л. 39.) Служилые люди которые поверстаны в государеву службу в прошлом во 158-м [1650] году **в тобольской оклад** денег по 4 рубли с четью да хлеба по 5 чети с осминою ржи весом иметьца по 25 пуд по 9 гривенок с четью гривенкою против Указу в тобольскую в государеву казенную четь по 4 пуда по 23 игривенки с полугривенкою… (Л. 39 об.) Ивашко Молоков в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву службу в новую в Даурскую землю.

Васка Скоробогатой в нынешнем во 159-м [1651] году того Васки в Якутцком остроге не стало безвестно.

Ивашко Кондратьев.

Демка Дуров в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву на годовую службу на Алдан реку в Бутальское зимовье.

Жиганы

(Л. 40.)

Богдашка Карпов, Гришка Черноус, Сенька Дорогин, Марчко Васильев сын Подпая.

Васка Мартынов в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву дальную службу на Оленек реку.

Овдюшка Бочкарь в нынешнем…

Якунька Бронник.

Корнилко Сидорков в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву дальную службу на Яну реку в нижнее зимовье.

(Л. 40 об.) Митька Кушаков.

Ивашко Максимов сын Деревня в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву службу в новую в Даурскую землю.

Ганка Кузьмин сын Молоток.

Исачко Офонасьев в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву на годовую службу на Вилюй реку в верхнее зимовье.

Ивашко Онтонов сын Нагиба в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву службу в новую в Даурскую землю. (Л. 41.) Васка Ондреев сын Бетин в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву службу в новую в Даурскую землю.

Олешка Иванов сын Сулоч в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву на годовую службу на Вилюй реку в верхнее зимовье. (Л. 41 об.) Ондрюшка Семенов в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву службу в новую в Даурскую землю.

Микитка Павлов сын в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву службу в новую в Даурскую землю.

Федька Спиридонов в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву службу в новую в Даурскую землю. (Л. 42.) Якушка Парфеньев в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву службу в новую в Даурскую землю.

Савка Яковлев в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву на годовую службу на Маю реку в верхнее зимовье.

Куземка Мартемьянов в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву службу в новую в Даурскую землю.

Федька Григорьев Орел.

Петрушка Борисов в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву дальную службу на Оленек реку. (Л. 42 об.) Першка

Ондреев в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву службу в новую в Даурскую землю.

Онтошка Максимов в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву на годовую службу на Маю реку в верхнее зимовье.

Сенка Леонтьев сын Позоркой в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву дальную службу на Оленек реку.

(Л. 43.) Да служилые люди которые в прошлом во 158-м [1650] году **для государеву новой Даурской земли ис промышленых людей** поверстаны.

Оклад денег по 5 рублев с четью да хлеба по 7 чети ржи иметьца по 32 пуда по 4 гривенки с полугривенкою против Указу в тобольскую государеву казенную четь по 4 пуда по…

Федька Иванов на государеве службе в новой в Даурской земле послан в прошлом во 1570-м [1649] году.

Ивашко Терентьев на государеве службе в новой в Даурской земле послан в прошлом во 1570-м [1649] году. (Л. 43 об.) Михалко Данило сын Кузьминых на государеве службе в новой в Даурской земле послан в прошлом во 157-м [1649] году.

Лучка Осипов Пугвичников на государеве службе в новой в Даурской земле послан в прошлом во 157-м [1649] году.

Ивашко Игнатьев на государеве службе в новой в Даурской земле послан в прошлом во 157-м [1649] году. (Л. 44.) Максимко Иванов на государеве службе в новой в Даурской земле послан в прошлом во 157-м [1649] году.

Сергушка Федоров на государеве службе в новой в Даурской земле послан в прошлом во 157-м [1649] году.

Тренка Вахромеев на государеве службе в новой в Даурской земле послан в прошлом…

Якунка Васильев Бурлаков на государеве службе в новой в Даурской земле послан в прошлом во 158-м [1650] году.

Савка Иванов юкагирской толмач (Л. 44 об.) на дальней службе на Яне реке в нижнем зимовье послан в прошлом во 158-м [1650] году.

(Л. 45.) Да в нынешнем во 159-м [1651] году **присланы из Енисейсково острогу енисейские служилые люди** з десятником с Федкою Елизарьевым сыном Казанцом 20 человек на перемену прежним енисейским же служилым людем десятнику Марчку Коткову с товарыщи.

Оклад десятником по 5 рублев с полтиною а рядовым по 5 рублев да хлеба десятником и рядовым по 5 чети с осминою ржи…

Федька Елизарьев Казанец в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву на годовую службу на Яну реку в верхнее зимовье. (Л. 45 об.) Михалко Вопилов а в его место Нехорошко Гаврилов в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву дальную службу на Индигирку реку.

Рядовые

Семейка Серькин в его место наемщик Васка Кирилов в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву дальную службу на Яну реку в нижнее зимовье.

Богдашко Васильев Вижевец в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву службу под Ленской волок в Ылимской острог по государевы по хлебные запасы.

Федька… Колмогор (Л. 46.) Семейка Костянтинов.

Петрушка Семенов Семейкин в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву дальную службу на Индигирку реку.

Игнашка Федотов а в ево место наемщик Ивашко Ортемьев в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву службу в новую в Даурскую землю.

Гришка Васильев Горбун в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву дальную службу…

Климко Барабанщик в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву дальную службу на Алдан реку в Бутальское зимовье.

Максимко Семенов в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву (Л. 46 об.) дальную службу на Индигирку реку.

Ондрюшка Комаров в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву дальную службу на Оленек реку.

Илейка Котунев в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву на годовую службу на Маю реку в середнее зимовье.

Филька Бухаров в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву на годовую службу на Чару реку.

Юрка Иванов в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву на годовую службу на Алдан реку в Бутальское зимовье.

(Л. 47.) Порошка Иевлев.

(Л. 47 об.) Да в нынешнем во 159-м [1651] году… по выписке и по приговору воеводы Дмитрея Андреевича Францбекова да диака Осипа Степанова **приверстаны в службу ссыльные люди** которым по государевым царевым и Великого князя Алексея Михайловича всеа Русии грамотам велено быть в его государеве службы на выбылые места и служилых людей выбылых мест нет к тем людем…

(Л. 48.) Олешка Янов.

Михалко Мазала Сыромятник в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву годовую службу вниз по Лене реке в Жиганы.

Конанко Кичкин в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву на годовую службу…

Митька Ондреев Мельник в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву на годовую службу на Чару реку. (Л. 48 об.)

Михалко Молоков в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву на годовую службу на Вилюй реку в середнее зимовье.

Ивашко Переменин в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву службу под Ленской волок в Ылимской острог по государевы по хлебные запасы.

Моисейко Ворчинской в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву на годовую службу на Чару реку (Л. 49.)… в выбылое место Фомки Федулова а в его Кирилково место велено быть Федьке Софонову сыну Попинке.

Оска Сапожник в прошлом во 153-м [1645] году отпущен з государевою казною к Москве.

Куземка Олексеев в прошлом во 156-м [1648] году отпущен з государевою соболиною казною к Москве в провожатых.

Пятидесятник Курбанко Иванов в рядовом окладе в верхоленском в Братцком острожке.

Якунька Исаев… (Л. 49 об.) Семейка Данилов в прошлом во 154-м [1646] году отпущен з государевою соболиною казною к Москве в провожатых.

Микитка Дмитреев в прошлом во 156-м [1648] году отпущен з государевою соболиною казною к Москве в провожатых.

Шестачко Иванов сын Плотник в прошлом во 154-м [1646] году на смотре у розбору воеводы Василей Пушкин с товарыщи по его челобитью за старость… отставлен.

Родька Григорьев в прошлом… отпущен з государевою соболиною казною к Москве в провожатых (Л. 50.)… отставлен а в его место гулящей человек Митька Степанов сын Огрызков убит и в прошлом во 154-м [1646] году на смотре у розбору воеводы Василий Пушкин с товарыщи велели быть в его Митькино место из новоприборных Трофимку Зиновьеву и в прошлом во 154-м [1646] году послан на государеву дальную службу на новую на Охоту реку.

Потапко Баландин в прошлом во 150-м [1642] году убит и того ж 154-го [1646] году в его Потапково место томской казак

Овдокимко Сименов и в прошлом во 154-м [1646] году… Овдокимко убит… в его Овдокимковом месте отставленому служилому человеку Федотку Емельянову сыну Веточке и в том же во 155-м [1647] году послан на государеву дальную службу на… (Л. 50 об.)

Тимошка Федоров в прошлом во 149-м [1641] году отпущен з государевою казною к Москве и в прошлом во 154-м [1646] году на смотре у розбору воеводы Василей Пушкин с товарыщи велели быть в его Тимошкино место из новоприборных Нехорошку Шабакову.

Савка Арапов в прошлом во 153-м [1645] году отпущен з государевою казною к Москве.

Панкратко Костянтинов в прошлом во 157-м [1649] году отпущен з государевою соболиною казною к Москве.

Безсоновы станицы Жукова.

(Л. 50 об.) Оклад денег без вычету а хлеба и соли тоже число что писано выше сего.

Ондрюшка Иванов сын Шестаков Дурынин умре при стольниках и воеводах при Петре Головине (Л. 51.) с товарыщи и в прошлом во 154-м [1646] году на смотре у розбору воеводы Василей Пушкин с товарыщи велели быть в его Ондрюшкино место из новоприборных Гришке Иванову сыну Вьюхину в верхоленском в Братцком острожке.

Якунька Михайлов сын и Перфирьев он же Куклин в прошлом во 154-м [1646] году отпущен з государевою с соболиною казною к Москве в провожатых.

Десятник Ивашко Иванов сын Володимерцов убит при стольниках и воеводах при Петре Головине с товарыщи …Василей Пушкин с товарыщи велено быть в его Ивашково место из новоприборных Омельке Архипову в верхоленском в Братцком острожке. (Л. 51 об.)

Михалко Ортемьев в прошлом во 153-м [1645] году отпущен з государевою казною к Москве. (Л. 52.)

Семейка Шелковник в прошлом во 154-м [1646] году отпущен з государевою с соболиною казною к Москве в провожатых.

Ивашко Кузьмин сын Неводчик Решетник в прошлом во 148-м [1640] году по его челобитью за увечье отставлен а в его место гулящей человек Онкудин Титов сын Пеняжанин в прошлом во 157-м [1649] году велено ему Онкудину быть в подьячих а в его место нихто не поверстан. (Л. 52 об.).

Сергушка Михайлов сын Смольянинов отпущен з государевою казною к Москве в прошлом во 149-м [1641] году а в его место в Якутцком остроге взят у розбору Офонька Алексеев сын Немчин и в нынешнем во 158-м [1650] году отпущен к государю к Москве с отписки.

Ивашко [Козьмин] сын Белянка в нынешнем во 158-м [1650] году отпущен з государевою с соболиною казною к Москве в провожатых.

Ивановы станицы Александрова.

(Л. 53.) Оклад денег и хлеба и соли тож число что писан выше сего… которой прислан в Тобольску.

…Вместо стрельца Завьялка Онисимова сына Кузнеца в прошлом во 154-м [1646] году пошел к Москве в челобитчиках и в прошлом во 156-м [1648] году велено быть в его Олешкино место промышленому человеку Гаврилку Савельеву.

Десятник Омелька Костянтинов сын Вычегжанин Плотник в прошлом во 154-м [1646] году на смотре у розбору воеводы Василий Пушкин с товарыщи по его челобитью за старостью и за увечьем отставлен а в его место нихто не поверстан.

Гулящей человек Ондрюшка Кирилов сын Кайгородец на Усть Куть реки в государеве в наемной пашне.

Онтипка Кузьмин в прошлом во… (Л. 53 об.) з государевою казною к Москве.

Десятник Ондрюшка Денисов сын Тюменец в прошлом во 149-м [1641] году отпущен з государевою казною к Москве.

Родька Булдаков в прошлом во 147-м [1639] году послан з государевою с соболиною казною к Москве в провожатых.

Данилко Иванов сын Медведев в прошлом во 149-м [1641] году отпущен з государевою казною к Москве а в его место… взят в Якутцком остроге томской казак Ондрюшка Иванов сын Горелой в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву дальную службу на Индигирку реку за Шиверу.

Гаврилко Яковлев сын Сурнин умре при стольниках и воеводах при Петре Головине с товарыщи а в его место нихто не поверстан (Л. 54.)

Нехорошко Михайлов в прошлом во 153-м [1645] году отпущен з государевою казною к Москве.

Петрушка Гаврилов сын Панов Вергунов он же жена у него в Тобольску в прошлом во 154-м [1646] году послан на государеву дальную службу на Оленек реку.

Гришка Онофреев в прошлом во 153-м [1645] году отпущен з государевою казною к Москве.

Шумилко Иванов в прошлом во 153-м [1645] году отпущен з государевою казною к Москве.

Якимко Иванов сын Плотник…

Тугариновы станицы Панютина.

(Л. 54 об.) Оклад денег и хлеба и соли тож число что писан выше сего.

Пахомко Леонтьев сын Бычок в прошлом во 154-м [1646] году тот Пахомко убит в верхоленском в Братцком походе и в том же во 154-м [1646] году велено быть в его Пахомково место новукрещену братцкому толмачю Васке Куржумову в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву службу в новую Даурскую землю.

Десятник Баженко Олексеев в прошлом во… году отпущен к государю к Москве с отписки.

Марчко Ларионов сын Вычегжанин в прошлом во… по его челобитью за болезнью и за увечьем отставлен.

…гулящей человек Панфилко.

(Л. 55.) Павлов сын Вычегжанин убит в прошлом во 150-м [1642] году и того ж 150-го [1642] году в его место Офонька Михаилов сын Пеняжанин с Юсела в прошлом во 155-м [1647] году для болезни и увечья отставлен а в его место велено быть промышленому человеке Оничке Иванову и в прошлом во 157-м [1649] году на государеве службе на Май реке в верхнем зимовье убит и в нынешнем во 158-м [1650] году по помете на выписке диака Осипа Степанова велено быть в его Оничкино место промышленному человеку Ивашку Микитину сыну Угрюмову и в том же во 158-м [1650] году послан на государеву службу на новую на Охоту реку.

…Прокопьев сын Вологжанин убит в прошлом во 150-м [1642] году и того ж 150-го [1642] году в его место Гаврилко Фролов сын Важенин в прошлом… из Якутцкого острогу збежал… (Л. 55 об.) Во 155-м [1647] году велено быть в его Гаврилково место отставленому казаку Ларке Яковлеву.

Федька Матвеев сын Угренинов в прошлом во 157-м [1649] году отпущен к государю к Москве с отписки.

Родька Дмитреев в прошлом во 148-м [1640] году по челобитью за увечье отставлен а в его место гулящей человек Федька Григорьев сын Плотник в нынешнем во 158-м [1650] году послан

(Л. 55 об.) на государеву дальную службу на Индигирку реку за Шиверу.

Якунька Дмитреев сын Устюжанин в прошлом во 150-м [1642] году отпущен з государевою казною к Москве и в прошлом во 154-м [1646] году на смотре у розбору воеводы Василей Пушкин с товарыщи велели быть в его Якунькино место из новоприборных Олешке Семенову в прошлом… году послан на государеву дальную службу на… (Л. 56.)

Олешка Ермолин сын Тотменин в нынешнем во 158-м [1650] году отпущен з государевою соболиною казною к Москве в провожатых.

Пронка Иванов сын Устюжанин у него жена в Тобольску в прошлом во 154-м [1646] году послан на государеву дальную службу на Индигирку реку.

Степановы станицы Выходцова.

Оклад денег и хлеба и соли тож число что писан выше сего.

Ивашко Иванов сын Верещага в прошлом во 150-м [1642] году…

Федька Панфилов сын Казанец Плотник в прошлом во 156-м [1648] году отпущен з государевою соболиною казною к Москве в провожатых.

Десятник Завьялко Леонтьев… (Л. 56 об.) в прошлом во 150-м [1642] году и того ж 150-го [1642] году в его место Фочка Микитин сын Пеняжанин.

Кирилко Яковлев сын Ярославец за слепоту отставлен и в прошлом во 149-м [1641] году в Якутцком остроге на смотре у розбору взят в его Кирилково место Ивашко Михайлов сын Новокрещен якутцкой толмач.

Мурзины станицы Выходцова.

Оклад денег и хлеба и соли тож число что писан выше сего.

Гришка Тимофеев сын Тоуркин в прошлом во 153-м [1645] году отпущен з государевою казною к Москве.

Ивашко Михайлов сын Устюжанин в прошлом во… году отпущен з государевою казною к Москве.

Федотко Карпов убит при стольниках и воеводах при Петре Головине с товарыщи и в прошлом во (Л. 57.) 154-м [1646] году на смотре у розбору воеводы Василей Пушкин с товарыщи велели быть в его Федотково место из новоприборных Микитке Терентьеву и в прошлом во 157-м [1649] году убит на государеве службе на Мае реке в верхнем зимовье а в его место нихто не поверстан.

Федоско Иванов сын Пеняжанин в прошлом во 156-м [1648] году отпущен к государю к Москве с отписки.

Максимко Васильев сын Тотменин в прошлом во 155-м [1647] году из Якутцкого острогу збежал на море и в том же во 155-м [1647] году…

Потапко Якимов в прошлом во 149-м [1641] году отпущен к государю к Москве и в прошлом во 154-м [1646] году на смотре у розбору воеводы Василей Пушкин с товарыщи велели (Л. 57 об.) быть из новоприборных Демке Тимофееву.

Михалко Иванов сын Устюжанин умре при стольниках и воеводах при Петре Головине с товарыщи и в прошлом во 154-м [1646] году на смотре у розбору воеводы Василей Пушкин с товарыщи велели быть в его Михалково место из новоприборных Оксенку Михайлову и в прошлом во 154-м [1646] году послан на государеву дальную службу на новую на Охоту реку.

Суханко Ермолин сын Устюжанин в прошлом во 149-м [1641] году отпущен к государю к Москве с отписки и в прошлом во 154-м [1646] году на смотре у розбору воеводы Василей Пушкин с товарыщи велели… место из новоприборных Дорошке Борисову и в том же в прошлом во 154-м [1646] году тот Дорошка на Вилюй реке збежал и в прошлом во 155-м [1647] году велено быть в его… отставленому казаку Лучке Касьянову (Л. 58.) и в прошлом же во 155-м [1647] году послан на государеву дальную службу на Ковыму реку.

Климовы станицы Бобошина.

Оклад денег и хлеба и соли тож число что писан выше сего.

Якунька Костянтинов сын Плотник в прошлом во 153-м [1645] году отпущен з государевою казною к Москве.

Десятник Ивашко Завьялов сын Тюменец в прошлом во 154-м [1646] году отпущен з государевою соболиною казною к Москве в провожатых.

Офонка Михайлов сын Винокуров в прошлом во 154-м [1646] году отпущен з государевою соболиною казною к Москве в провожатых.

(Л. 58 об.) Савка Клементьев сын Устюжанин в прошлом во 153-м [1645] году отпущен з государевою казною к Москве.

Гарасимко Онтонов сын Лузенин в прошлом во 152-м [1644] году умре и в прошлом во 154-м [1646] году на смотре у розбору воеводы Василей Пушкин с товарыщи велели быть в его Гарасимково место из новоприборных Васке Иванову сыну Новикову

и в прошлом во 155-м [1647] году послан на государеву дальную службу на новую на Потичю реку.

Ждановы станицы Архипова.

Оклад денег и хлеба и соли тож число что писан выше сего.

Левка Кузьмин Савуров в прошлом во 149-м [1641] году… а в его… (Л. 59.) человек Офонька Степанов в прошлом во 155-м [1647] году отпущен к государю к Москве с отписки.

Потапко Леонтьев сын Кузнецов в прошлом во 149-м [1641] году по его челобитью для бедности отставлен а в его место гулящей человек Шестачко Степанов сын Коршунов Устюжанин в верхоленском в Братцком острожке.

Семейка Алексеев сын Кобяков в прошлом во 151-м [1643] году умре а в его Семейкино место поверстан Ондрюшка Федоров и в прошлом во 154-м [1646] году тот Ондрюшка с Ленсково Илимсково волоку збежал…

Якунька Микитин сын Зарубин в прошлом во 148-м [1640] году… 148-го [1640] году велено (Л. 59 об.) место промышленому человеку Гришке Власьевскому Важенину и в прошлом во 149-м [1641] году тот Гришка збежал и в прошлом во 150-м [1642] году в его Гришкино место велено быть Пятунке Ульянову сыну Двинянину в верхоленском в Братцком острожке.

Омелька Микитин в прошлом во 149-м [1641] году по его челобитью для бедности отставлен а в его место промышленой человек Сенька Макаров сын Упругой в прошлом во 150-м [1642] году убит и того ж 150-го [1642] году в его место Ивашко Борисов сын… в прошлом во 155-м [1647] году тот Ивашко из Якутцково острогу збежал… велено быть в его Ивашково место красноярскому казаку Дунайку Трофимову и в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву службу в новую Даурскую землю.

(Л. 60.) Казаки которые… **с воеводы с Васильем Пушкиным с товарыщи прежним на перемену**.

По две трети их окладов десятником по 3 рубли по 5 алтын по 3 деньги а рядовым по 2 рубли по 27 алтын по 4 деньги а полной оклад десятником по 5 рублев без чети а рядовым по 4 рубли с четью а хлеба и соли тож число что писан выше сего.

Ивановы станицы Александрова.

Девятко Белкин в прошлом во 153-м [1645] году по его челобитью для бедности отставлен…

Тугариновы станицы Панютина.

Оклад денег и хлеба и соли тож число что писан выше сего.

Десятник… Золотухин… (Л. 60 об.) з государевою соболиною казною к Москве в провожатых.

Ивашко Федоров в прошлом во 155-м [1647] году послан на государеву дальную службу на новую на Потычю реку.

Степановы станицы Выходцова.

Оклад денег и хлеба и соли тож число что писан выше сего.

Савка Данилов в прошлом во 156-м [1648] году отпущен з государевою соболиною казною к Москве в провожатых.

…Промышленой (Л. 61.) человек Ромашка Васильев сын Москвитин в прошлом во 155-м [1647] году послан на государеву дальную службу на Ковыму реку.

Оклад денег и хлеба и соли тоже число да по чети с третником овса а полной оклад по 2 чети овса.

Матюшка Матурин в прошлом во 150-м [1642] году отпущен к Москве и в прошлом во 154-м [1646] году на смотре у розбору воеводы Василей Пушкин с товарыщи велено быть в его Матюшкино… (Л. 61 об.) Евфимко Третьяков мать у него в Тобольску.

Да тобольскои ж стрелец которой прислан с воеводы с Васильем Пушкиным с товарыщи.

Оклад денег и хлеба и соли тож число что писан выше сего.

Онтонко Марков в прошлом во 154-м [1646] году послан на государеву дальную службу на новую на Охоту реку.

Тобольские ж пешие казаки прежнего наряду.

Оклад денег и хлеба ржи тож число что писан выше сего.

Гавриловы станицы Ильина.

Ивашко Шестаков жена у него в Тобольску в прошлом во… году отпущен на государеву дальную службу…

(Л. 62.) Якимко Гарасимов жена у него в Тобольску.

Олешка Поспелов в прошлом во 157-м [1649] году отпущен к государю к Москве с отписки.

Дорофейко Лаврентьев в прошлом во 154-м [1646] году отпущен з государевою соболиною казною к Москве в провожатых.

Безсоновы станицы Жукова.

Оклад денег и хлеба ржи тож число что писан выше сего.

Обросимко Микитин в прошлом… воеводы Василей Пушкин с товарыщи велели быть в его Обросимково место из новоприборных Некраску Федорову на государеве дальней службе на Яне реке в нижнем зимовье. (Л. 62 об.)

Степанко Тимофеев в прошлом во 153-м [1645] году отпущен з государевою казною к Москве.

Парфенко Пантелеев в прошлом во 154-м [1646] году убит на государеве службе в верхоленском в Братцком острожке в походе и в прошлом во 155-м [1647] году велено быть в его Парфенково место отставленому казаку Сидорку Филимонову и в том же во 155-м [1647] году послан на государеву дальную службу на Ковыму реку.

Ивашко Михайлов сын Кайгород в прошлом во 150-м [1642] году отпущен з государевою казною к Москве и в прошлом во 154-м [1646] году на смотре у розбору воеводы Василей Пушкин с товарыщи велели быть в его Ивашково место из новоприборных Дорошке Елфимову.

Ивановы станицы Александрова.

Оклад денег и хлеба ржи тож число что писан выше сего.

(Л. 63.) Пятунька Иванов в прошлом во 150-м [1642] году убит и в прошлом во 154-м [1646] году на смотре у розбору воеводы Василей Пушкин с товарыщи велели быть в его Пятунькино место из новоприборных… Волынкину и в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву дальную службу на Оленек реку.

Осипко Терентьев в прошлом во 150-м [1642] году убит и того же 150-го [1642] году в его Осипково место поверстан Онтонко Ондреев сын Сысолетин.

Тугариновы станицы Панютина.

Тихонко Дементьев сын Ростовец в прошлом во 154-м [1646] году на смотре у розбору воеводы Василей Пушкин с товарыщи по его Тихонкову челобитью отставлен за увечье.

(Л. 63 об.) Офонька Ильин сын Боранов в прошлом во 148-м [1640] году по его челобитью и служилых людей для болезни отставлен а в его место верстан гулящей человек Гришка Онтонов сын Усолец в прошлом во 155-м [1647] году из Якутцкого острогу збежал на море и в том же во 155-м [1647] году велено быть в его Гришкино место промышленому человеку Митрофанку Алексееву.

Мурзины станицы Выходцова.

Томилко Сысоев сын Таскаев в прошлом во 153-м [1645] году отпущен з государевою казною к Москве.

Фролко Сидоров сын Волынкин в прошлом… году отпущен з государевою казною к Москве и в прошлом во 154-м [1646] году на смотре у розбору воеводы Василей Пушкин с товарыщи велели быть в его место из новоприборных…

(Л. 64.) Кирилко Никонов сын Мезенец жена у него в Тобольску в прошлом во 155-м [1647] году послан на государеву дальную службу на Яну реку в нижнее зимовье.

Михалко Григорьев сын Сорокин в верхоленском в Братцком остроге.

Десятник Фомка Иванов сын Визгунов Плотник в прошлом во 153-м [1645] году умре в тюрме и в прошлом во 154-м [1646] году на смотре у розбору воеводы Василей Пушкин с товарыщи велели быть в его Фомкино место…

Корепка Сысоев сын Хрипунов в прошлом во 150-м [1642] году збежал и того ж 150-го [1642] году в его Корепкино место поверстан Якунька…

Климовы станицы Бобошина.

(Л. 64 об.) Оклад денег и хлеба ржи тож число что писан выше сего.

Ивашко Яковлев сын Усолец в прошлом во 150-м [1642] году убит и того же 150-го [1642] году в его Ивашково место поверстан Архипко Максимов сын Аршин Тотменин в прошлом во 155-м [1647] году из Якутцково острогу збежал на море и в том же во 155-м [1647] году велено быть в его Архипково месте промышленому человеку Левке Кирилову сыну прозвищем Щетку и в прошлом во 156-м [1648] году отпущен з государевою…

Обрамко Богданов и Обросимко он же Плотник в прошлом во 154-м [1646] году на смотре у розбору воеводы Василей Пушкин с товарыщи по его челобитью… отставлен. (Л. 65.)

Дружинка Офонасьев сын Пермогорец и в нынешнем во 158-м [1650] году по скаске служилого человека Вторка Гаврилова которой пришел с Ковыми реки что де тот Дружинка на государеве дальней службе на Ковыме реке в прошлом во 156-м [1648] году умре а в его место нихто не поверстан.

Гришка Ондреев сын Прокшин в прошлом во 148-м [1640] году по челобитью для болезни отставлен а в его место гулящей человек Васка Евфимов сын Устюжанин в прошлом во 154-м [1646] году послан на государеву дальную службу… (Л. 65 об.)

Ивашко Табаков мать у него в Тобольску в прошлом во 157-м [1649] году отпущен з государевою с соболиною казною к Москве в провожатых.

Тобольские же пешие казаки которые присланы с воеводы с Васильем Пушкиным с товарыщи прежним на перемену.

Оклад с вычетом денег и хлеба и соли тож число что писан выше сего и полной оклад тож. (Л. 66.)

Степанко Кирилов в прошлом во 152-м [1644] году по его челобитью для болезни отставлен а в его место велено быть

брату ево двоюродному Ивашку Семенову и в прошлом во 155-м [1647] году тот Ивашко на государеве службе в верхоленском в Братцком острожке умре и в прошлом во 156-м [1648] году велено быть в его Ивашково место промышленому человеку Фомке Епифанову и в прошлом во 157-м [1649] году на государеве службе на Май реке в верхнем зимовье убит а в его место нихто не поверстан.

Гришка Леонтьев в прошлом во 152-м [1644] году по его челобитью для болезни отставлен а в его место велено быть тобольскому казаку Якуньке… 154-м [1646] году (Л. 66 об.) послан на государеву дальную службу на новую на Охоту реку.

Якунька Иванов в прошлом во 152-м [1644] году по его челобитью для болезни и увечья отставлен а в его место велено быть гулящему человеку Федьке Осипову.

Якимко Емельянов в прошлом во 156-м [1648] году отпущен з государевою соболиною казною к Москве в провожатых.

Десятник Данилко Толмачев мать у него в Тобольску.

Тобольские ж пешие казаки… и воеводы с Петром Головиным с товарыщи.

Оклад денег и хлеба и соли тож число что писан выше сего.

А полной оклад по 2 чети овса.

Ивановы станицы Александрова.

(Л. 67.) Оклад денег и хлеба и соли тож число что писан выше сего.

Васка Назарьев сын Верхотурец в прошлом во 147-м [1639] году на Обе реке утонул и того ж 147-го [1639] году в его Васкино место гулящей человек Тренька Петров сын Устюжанин в прошлом во 157-м [1649] году отпущен з государевою с соболиною казною к Москве в провожатых.

…Казаки которые присланы с воеводы с Васильем Пушкиным с товарыщи прежним на перемену.

Оклад денег и хлеба и соли тож число что писан выше сего.

Остафьевы станицы Онтонова.

Васка Шубин в прошлом во 154-м [1646] году в Якутцком остроге умре а в его место велено быть отставлену казаку Ивашку Федосееву сыну Кузакову в прошлом во 155-м [1647] году и в том ж во 155-м [1647] году послан на государеву дальную службу на Ковыму реку.

Ивашко Павлов в прошлом во 153-м [1645] году по его челобитью для немочи и увечья отставлен.

Березовские казаки.

(Л. 68.) Оклад денег пятидесятником по 6 рублев с четью рядовым по 5 рублев с четью да хлеба по 7 чети весом иметьца по 32 пуда по 4 гривенки с полугривенкою против Указу в тобольскую в государеву казенную четь по 4 пуда по 23 гривенки с полугривенкою в четверть да 4 чети овса да пол 2 пуда соли.

Павлик Падерин в его место Патрачко Ондреев сын Кайгородец в верхоленском в Братцком острожке.

Пятидесятник Васка Юрьев … году отпущен з государевою с соболиною казною к Москве в провожатых.

Семейка Иванов в его место прислан Демка Ярофеев и в прошлом во 148-м [1640] году тот Демка в Енисейском остроге зарезал казака до смерти и посажен в тюрму и в том ж во 148-м [1640] году велено быть в его Демкино место промышленому человеку Карпуньке Мартемьянову.

Ивашко Яковлев сын Кривогорницын в прошлом во… (Л. 69.)

Ивашко Ондреев сын Мещеряков в прошлом во 150-м [1642] году убит и того ж 150-го [1642] году в его место Осипко Иванов сын Голыга Устюжанин на государеве дальней службе на Яне реке в нижнем зимовье послан от стольников и воевод от Петра Головина с товарыщи.

Ивашко Степанов сын Кошкин во 150-м [1642] году убит…

Федька Богданов сын Мещеряков в верхоленском в Братцком острожке. (Л. 69 об.)

…Казаков для молодости что его з государеву службу не будет отставлен а в его место наемщик Костька Игнатьев сын Быковых и в прошлом во 157-м [1649] году отпущен з государевою с соболиною казною к Москве в провожатых.

Исачко Семенов сын Мещеряков в прошлом во 150-м [1642] году убит и того ж 150-го [1642] году в его Исачково место Парфенко Григорьев сын Тотменин и в прошлом во 155-м [1647] году из Якутцково острогу збежал.

Федька Яковлев сын Зубов в прошлом во 152-м [1644] году убит и в прошлом во 154-м [1646] году на смотре у розбору воеводы Василей Пушкин с товарыщи велено быть в его Федькино место… (Л. 70.) окладу мангазейскому стрельцу Васке Михайлову сыну Горемыкину в пятидесятниках в Березовском в рядовом окладе и в прошлом во 155-м [1647] году по их пятидесятничью челобитью велено тому Васке к рядовому окладу к 5 рублем с четью прибавить 25 алтын потому что он не Березовской и в прошлом во 156-м [1648] году отпущен з государевою с соболиною казною к Москве в провожатых.

Лазарко Истомин…

Литвин Копотко Григорьев в прошлом во 151-м [1643] году того Копотка стольник и воевода Петр Головин отставил а в его Копотково место (Л. 70 об.) верстан Ивашко Гаврилов сын Попов и в прошлом во 156-м [1648] году послан на государеву дальную службу на Индигирку реку.

(Л. 71.) Пятидесятник Мартынко Васильев в прошлом во 157-м [1649] году отпущен з государевою с соболиною казною к Москве в провожатых.

Максимко Анфиногенов сын Телицын… и в прошлом во 154-м [1646] году на смотре у розбору воеводы Василей Пушкин с товарыщи веле[ли] быть в его Максимково место со 155-го [1647] году служилому человеку Якуньке Пальянову сыну Двинянину… стольника и воевод Петра (Л. 71 об.) Головина с товарыщи сверх государева указного числа в Ывашково место Новикова и в нынешнем во 158-м [1650] году отпущен з государевою с соболиною казною к Москве в провожатых.

Онтипка Григорьев сын Сорокин в верхоленском в Братцком острожке.

Бориско Леонтьев сын Канкаров в прошлом во 154-м [1646] году отпущен з государевою с соболиною казною к Москве в провожатых.

(Л. 72.) Ортюшка Яковлев сын Новокрещен в прошлом во 154-м [1646] году отпущен з государевою с соболиною казною к Москве в провожатых и в прошлом во 155-м [1647] году воеводы Василей Пушкин с товарыщи велели быть в его Ортюшкино место из новоприборных Перфирейку Тимофееву и в том ж 155-м [1647] году послан на государеву дальную службу на новую Потычю реку.

Ивашко Юрьев сын Чиралов в верхоленском в Братцком острожке.

…Казаку Федьке Иванову сыну Кайгороду в том ж… году отпущен з государевою с соболиною казною (Л. 72 об.) к Москве в провожатых и в прошлом во 155-м [1647] году воеводы Василей Пушкин с товарыщи велели быть в его Федькино место из новоприборных Васке Иванову сыну Жаворонкову и в прошлом во 157-м [1649] году по государеве грамоте велено быть прежнему служилому человеку Федьке ж Иванову сыну Кайгороду и воевода Дми-

трей Андреевич Францбеков да диак Осип Степанов служилому человеку Васке Жаворонкову велели быть в березовских же…

Ивашко Семенов сын Ту…

(Л. 73.) Ортюшка Федоров сын Латышев в прошлом во 148-м [1640] году за воровство за зернь отставлен а в его место гулящей человек Жданко Семенов и в прошлом во 150-м [1642] году убит и в прошлом во 154-м [1646] году на смотре у розбору воеводы Василей Пушкин с товарыщи велели быть в его Жданково место Ярофейку Иванову сыну Верхотурцу которой взят у стольника и воеводы у Петра Головина с товарыщи в енисейские казаки…

(Л. 73 об.) Ондрюшка Микифоров сын Лопухин в прошлом во 150-м [1642] году убит и в прошлом во 154-м [1646] году на смотре у розбору воеводы Василей Пушкин с товарыщи велели быть в его Ондрюшкино место енисейскому казаку Данилку Михаилову которой взят в прошлом во 150-м [1642] году в Тимошкино место Блохина и в том же во 154-м [1646] году отпущен з государевою с соболиною казною к Москве в провожатых…

(Л. 74.) Васка Евфимов сын Курсин в прошлом во 148-м [1640] году умре а в его Васкино место велено быть гулящему человеку Онтипке Киприянову и в прошлом во 157-м [1649] году в Якутцком остроге умре и в том ж во 157-м [1649] году в его Онтипкино место велено быть ссыльному Федьке Посникову.

Олешка Борисов в прошлом во 153-м [1645] году отпущен з государевою казною к Москве и в прошлом во 154-м [1646] году на смотре у розбору воеводы Василей Пушкин с товарыщи велели быть в его Олешкино место из новоприборных… (Л. 74 об.) и в прошлом во 154-м [1646] году на смотре у розбору воеводы Василей Пушкин с товарыщи велели быть из енисейских казаков Федьке Кузьмину сыну Важенину.

Олешка Яковлев сын Фролов в прошлом во 155-м [1647] году отпущен з государевою с соболиною казною к Москве в провожатых (Л. 74 об.) и в прошлом во 157-м [1649] году в его Олешкино место велено быть из березовских же Васке Иванову сыну Жаворонкову которой послан на государеву дальную службу на Индигирку реку.

Стенька Гаврилов в прошлом во 153-м [1645] году отпущен з государевою казною к Москве и в прошлом во (Л. 75.) 154-м [1646] году на смотре у розбору воеводы Василей Пушкин с товарыщи велели быть в его Стенькино место со 155-го [1647] году из новоприборных Ларке Ермолину и в том же во 155-м [1647] году послан на государеву дальную службу на Ковыму реку.

Петрушка Соболев в прошлом во 148-м [1640] году зарезан а в его Петрушкино место велено быть промышленому человеку Васке Пархачеву сыну Дмитянину и в прошлом во 150-м [1642] году для старости отставлен.

(Л. 75 об.) Офонька Обросимов сын Оболтин в прошлом во 148-м [1640] году по его челобитью за молодость что его з государеву службу не будет отставлен а в его место наемщик Китайко Ортемьев сын Оболтин же и в прошлом во 153-м [1645] году отпущен з государевою казною к Москве и в прошлом во 154-м [1646] году на смотре у розбору воеводы Василей Пушкин с товарыщи велели быть в его Китайково место…

Максимко Архипов в прошлом во 150-м [1642] году убит.

(Л. 76.) Силка Дмитреев сын Кузнецов в прошлом во 153-м [1645] году отпущен з государевою казною к Москве и в прошлом во 154-м [1646] году на смотре у розбору воеводы Василей Пушкин с товарыщи велели быть в его Силкино место со 155-го [1647] году из новоприборных Матюшке Михайлову.

(Л. 76 об.) Васка Григорьев сын Елистратов в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву дальную службу на новую на Охоту реку.

Пронка Офонасьев сын Ангрышев от службы за увечье отставлен а в котором году того не написано и в прошлом во 154-м [1646] году на смотре у розбору воеводы Василей Пушкин с товарыщи велели быть в его Пронкино место из новоприборных Власку Дмитрееву и в прошлом… волоку збежал и в прошлом… велено быть в его Власково место отставленому казаку Петрушке Седому и в том ж во 156-м [1648] году послан на государеву дальную службу на Оленек реку.

(Л. 77.) Максимко Иванов а в его место прислан Кондрашка Иванов сын Кобелев в прошлом во 155-м [1647] году отпущен з государевою с соболиною казною к Москве в провожатых.

Хлеба и соли по две трети их окладов по 4 чети ржи весом иметца по 18 пуд по 14 гривенок против Указу в тобольскую в государеву казенную четь по 4 пуда по 23 гривенки.

Ефремко Середин в прошлом во 150-м [1642] году убит и того же 150-го [1642] году в его Ефремково место Филка.

(Л. 77 об.) Мартынов сын Банщик в прошлом во 155-м [1647] году из Якутцково острогу збежал на море и в том же во 155-м [1647] году велено быть в его Филкино место Богдашке Габышеву в съезжей избе для писма.

Васка Третьяков сын Серебреник в прошлом во 150-м [1642] году убит и того же 150-го [1642] году в его Васкино место Ондрюшка Иванов сын Брагин.

Микитка Семенов сын Нарымцов…

Трифанко Осипов… в нынешнем во 158-м [1650] году отпущен з государевою с соболиною казною к Москве в провожатых.

(Л. 78.) Якунька Михаqлов сын Яковлев жена у него на Березове.

Гришка Борисов сын Ангрышев в верхоленском в Братцком острожке жена у него на Березове.

Михалко Иванов сын Козлов жена у него на Березове в верхоленском в Братцком острожке.

Якунька Оксенов сын Кулебакин жена у него на Березове.

Енисейские казаки

(Л. 78 об.) Оклад денег пятидесятником и десятником по 5 рублев с полтиною а рядовым по 5 рублев а хлеба пятидесятником и десятником и рядовым по 5 чети с осминою ржи весом иметца по 25 пуд по 9 гривенок с четью гривенкою против Указу в тобольскую в государеву казенную четь по 4 пуда по 23 гривенки с полугривенкою в четьверть да по 4 чети овса по 2 пуда без чети соли.

Десятники

(Л. 79.) Нехорошко Павлов в прошлом во 156-м [1648] году отпущен з государевою с соболиною казною к Москве в провожатых.

Симанко Головачев в прошлом во 155-м [1647] году из Якутцково острогу збежал и в том же во 155-м [1647] году велено быть в его Симанково место со 156-го [1648] году енисейскому казаку Селиванку Харитонову в рядовом окладе (Л. 79 об.) во 154-м [1646] году на смотре у розбору воеводы Василей Пушкин с товарыщи велели быть со 155-го [1647] году Енисейсково острогу казачью десятнику Вахрушке Максимову сыну Попову которой взят из Енисейсково острогу для сыскного дела и Ленской службы.

Михалко Кузьмин сын Кожевников в прошлом во 154-м [1646] году отпущен з государевою с соболиною казною к Москве в провожатых.

(Л. 80.) Ондрюшка Иванов сын Пермяк.

Семейка Чюфарист.

Панфилко Федоров сын Мокрошубов в прошлом во 157-м [1649] году послан на государеву дальную службу на Алазеику реку.

Рядовые казаки

Олешка Яковлев сын Олень и в нынешнем во 158-м [1650] году отпущен з государевою с соболиною казною к Москве в провожатых.

(Л. 80 об.) Митька Кондратьев сын Вятка в прошлом во 153-м [1645] году отпущен з государевою казною к Москве и в прошлом во 155-м [1647] году воеводы Василей Пушкин с товарыщи велели быть в его Митькино место из новоприборных Ивашку Кузьмину сыну Пуляеву и в том же во 155-м [1647] году тот Ивашко из Якутцково острогу збежал на море.

(Л. 81.) Ондрюшка Сидоров сын прозвище Безсонко в прошлом во 155-м [1647] году послан на государеву дальную службу на Оленек реку.

Максимко Кирилов в прошлом во 150-м [1642] году убит и того ж 150-го [1642] году в его место енисейской ж казак Федька Иванов сын Кайгородец и в прошлом во 154-м [1646] году на смотре по розбору велено ему Федьке быть в березовских и в прошлом во 155-м [1647] году велено быть енисейскому казаку Онцыфорку Юрьеву которой взят из Енисейсково острога…

Давыдко Матвеев сын Устюжанин в прошлом во 154-м [1646] году умре и в том же во 154-м [1646] году воеводы Василей Пушкин с товарыщи велели быть со 155-м [1647] году енисейскому казаку Гришке Кирилову… (Л. 81 об.) …И в прошлом во 154-м [1646] году отпущен к государю к Москве с отписки и в прошлом во 156-м [1648] году велено быть в его Гришкино место отставленому служилому человеку Михалку Леонтьеву и в том же во 156-м [1648] году отпущен з государевою с соболиною казною к Москве в провожатых.

Вторко Федоров сын Катаев в прошлом во 154-м [1646] году послан на государеву дальную службу на Индигирку реку.

(Л. 82.) Дружинка Иванов сын Пурышев в прошлом во 155-м [1647] году по его Дружинкину челобитью за увечье что он рослаблен отставлен а велено быть в его Дружинкино место по государеве грамоте ссыльному новгородцу сыну боярскому Ивашку Волкову и в нынешнем во 158-м [1650] году отпущен з государевою с соболиною казною к Москве в провожатых.

Федька Микифоров сын Балагур в прошлом во 150-м [1642] году убит… енисейскому казаку Фомке Кондратьеву которой взят из Енисейсково острогу для сыскного дела и Ленской службы в прошлом во 157-м [1649] году послан на государеву дальную службу на Индигирку реку.

(Л. 82 об.) Харка Ваенгин в прошлом во 148-м [1640] году по его Харкину челобитью велено быть в перемену брату ево Юдке Ваенгину.

Куземка Григорьев сын Усок.

Ивашко Осипов сын Щербак в прошлом во 152-м [1644] году воеводы Василей Пушкин с товарыщи велели быть со 155-го [1647] году енисейскому казаку Федьке Мартемьянову которой взят из Енисейсково острогу для сыскного дела и Ленской службы и в прошлом во 156-м [1648] году на государеве службе на Оленке реке умре.

Ивашко Остафьев сын Тверянов в прошлом во 155-м [1647] году послан на государеву дальную службу на Яну реку в нижнее зимовье.

(Л. 83.) Макарко Микитин сын Рыбка в верхоленском в Братцком острожке.

Ивашко Кирилов в прошлом во 157-м [1649] году отпущен з государевою с соболиною казною к Москве в провожатых.

Томской казак Фомка Федулов в прошлом во 157-м [1649] году велено быть в его Фомкино место ис тобольских казаков Кирилку Иванову для ево работы потому что в съезжей избе в сторожах.

Томской казак Вторко Гаврилов в нынешнем во 158-м [1650] году отпущен з государевою с соболиною казною к Москве в провожатых.

Савка Ондреев сын Ростегаев убит при прежних… с (Л. 83 об.) товарыщи и в прошлом во 154-м [1646] году воеводы Василей Пушкин с товарыщи велели быть со 155-го [1647] году енисейскому казаку Кондрашке Микитину сыну Спицыну которой взят из Енисейсково острогу для сыскного дела и Ленской службы и в нынешнем во 158-м [1650] году выслан в Енисейской острог.

Кондрашка Мясин в прошлом во 150-м [1642] году убит и того ж году в его место енисейской же казак Девятко Ермолин.

(Л. 84.) Панфилко Петров сын Тунгуской толмач в прошлом во 156-м [1648] году на государеве службе на Вилюе в середнем зимовье умре и в том же во 156-м [1648] году велено быть в его Панфилково место ссыльному Ондрюшке Федорову в прошлом во 157-м [1649] году послан на государеву дальную службу на Оленек реку.

Устинко Панфилов сын Тунгуской толмач…

(Л. 84 об.) Ивашко Иванов сын Зворыкин в прошлом во 150-м [1642] году убит и того ж 150-го [1642] году в его место Омоско

Михайлов сын Важенин в прошлом во 157-м [1649] году послан на государеву дальную службу на Ковыму реку.

Михалко Офонасьев сын Черепан Устюжанин в прошлом во 155-м [1647] году послан на государеву дальную службу на Оленек реку.

Семейка Иванов сын Новгород в прошлом во 155-м [1647] году на государеве службе на Улье реке утонул.

(Л. 85.) Ондрюшка Омосов.

Грязка Иванов в нынешнем во 158-м [1650] году отпущен з государевою с соболиною казною к Москве в провожатых.

Ивашко Логинов сын Москвитин в прошлом во 154-м [1646] году послан на государеву дальную службу на новую на Охоту реку.

(Л. 85 об.) Якунька Иванов сын Нужа в нынешнем во 158-м [1650] году отпущен з государевою с соболиною казною к Москве в провожатых.

Трофимко Сидоров в прошлом во 154-м [1646] году отпущен з государевою с соболиною казною к Москве в провожатых и в том же во 154-м [1646] году на смотре у розбору воеводы Василей Пушкин с товарыщи велели быть в его Трофимково место со 155-го [1647] году из новоприборных Треньке Оленееву.

(Л. 86.) Семейка Чертов сын Пермяк в верхоленском в Братцком острожке.

Савка Истомин в прошлом во 155-м [1647] году послан на государеву дальную службу на Оленек реку.

Ондрюшка Иванов сын Вологжанин в прошлом во 154-м [1646] году послан на государеву дальную службу на новую на Охоту реку.

(Л. 86 об.) Кирилко Ваняков.

Семейка Архипов сын Толмач в прошлом во 152-м [1644] году убит в Пегой и в прошлом во 154-м [1646] году воеводы Василей Пушкин с товарыщи велели быть со 155-го [1647] году енисейскому казаку Федотку Макарову которой взят из Енисейсково острогу для сыскного дела и Ленской службы и в нынешнем во 158-м [1650] году выслан в Енисейский острог.

(Л. 87.) Михалко Стадухин в прошлом во 155-м [1647] году послан на государеву дальную службу на новую на Потычю реку.

Ярофейко Киселев в прошлом во 155-м [1647] году из Якутцкого острогу збежал на море.

(Л. 87 об.) Федька Трапеза убит при прежних при стольниках и воеводах при Петре Головине с товарыщи и в прошлом во

154-м [1646] году воеводы Василей Пушкин с товарыщи велели быть в его Федькино место со 155-го [1647] году енисейскому казаку Оверке Савельеву которой взят из Енисейсково острогу для сыскного дела и Ленской службы и в прошлом во 156-м [1648] году тот Оверка с Ленсково волоку збежал…

Микулька Юрьев.

Стенька Осипов убит при прежних при стольниках и воеводах при Петре Головине с товарыщи и в прошлом во 154-м [1646] году воеводы Василей Пушкин с товарыщи велели быть в его Стенькино место со 155-го [1647] году енисейскому казаку Федосейку Григорьеву которого (Л. 88.) в прошлом во 153-м [1645] году в Енисейском остроге подьячей Василей Шпилькин прислал по государеве грамоте.

Посничко Иванов в прошлом во 150-м [1642] году убит и того ж 150-го [1642] году в его место Евсейко Павлов сын Устюжанин.

Красноярской казак Оничка Микитин в прошлом во 154-м [1646] году на государеве дальней службе на Индигирке реке убит и того ж 154-го [1646] году велено быть в его Оничкино место… (Л. 88 об.) Исачку Степанову и в прошлом во 157-м [1649] году на государеве службе на Май реке в верхнем зимовье убит и в том же во 157-м [1649] году велено быть в его Исачково место Потапку Кондратьеву которой был написан в Ывашково место Ретькина и в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву дальную службу на Индигирку реку за Шиверы.

Васка Переславец в прошлом во 149-м [1641] году по его… челобитью в его место енисейской же…

Ивашко Дубов в прошлом во 154-м [1646] году послан на государеву дальную службу на новую на Охоту реку.

(Л. 89.) Тренька Карпов сын Хомяк в прошлом во 150-м [1642] году убит а в его место красноярской казак Олешка Филипов в прошлом во 154-м [1646] году послан на государеву дальную службу на новую на Охоту реку.

Гаврилко Микитин сын Пашенной в прошлом во 150-м [1642] году убит и того ж 150-го [1642] году в его место Федька Кузьмин сын Важенин в прошлом во 154-м [1646] году на смотре по розбору велено ему Федьке быть в березовских.

Офонька Брусенин.

(Л. 89 об.) Ивашко Овдеев сын Плотник.

Олешка Гнутой в прошлом во 150-м [1642] году убит и того ж 150-го [1642] году в его место взят енисейской же казак Ивашко Михайлов сын Тархов в прошлом во 157-м [1649] году велено быть в десятниках и в том же во 157-м [1649] году послан на государеву дальную службу на Индигирку реку.

Михалко Савин сын Коновал на государеве дальней службе на Оленке реке…

(Л. 90.) Ивашко Семенов сын Жирко.

Федька Михайлов сын Поздыв Тунгуской толмач убит прежних стольниках и воеводах при Петре Головине с товарыщи и в прошлом во 154-м [1646] году воеводы Василей Пушкин с товарыщи велели быть в его Федькино место со 155-го [1647] году енисейскому казаку Первушке Кнутову которой взят из Енисейсково острогу для сыскного дела и Ленской службы…

(Л. 90 об.) Ивашко Степанов сын Рябов в прошлом во 157-м [1649] году послан на государеву дальную службу на Оленек реку.

Якунька Ушнитцкой в прошлом во 150-м [1642] году убит и того ж 150-го [1642] году в его место взят Ярофейко Иванов сын Верхотурец и в прошлом во 154-м [1646] году на смотре по розбору велено ему Ярофейку быть в березовских…

(Л. 91.) Томилко Ильин в прошлом во 156-м [1648] году отпущен з государевою с соболиною казною к Москве в провожатых.

Куземка Суздалец.

Тимошка Павлов сын Блохин в прошлом во 150-м [1642] году убит и того ж 150-го [1642] году в его место Данилко Михайлов…

(Л. 91 об.) Потапку Кондратьеву со 155-го [1647] году в рядовом окладе и в прошлом во 157-м [1649] году по государеве грамоте велено быть в его Потапково место пятидесятнику Ивашку Кожину в прежнем в пятидесятничье окладе Ивашка Ретькина а ему Потапку воевода Дмитрей Андреевич Францбеков да диак Осип Степанов велели быть в енисейских же в выбылые в Ысачково место Степанова и писан выше… (Л. 92.) со 155-го [1647] году енисейскому служилому человеку Ондрюшке Овдееву которому велено быть вместо брата его родново Офоньки Овдеева что в прошлом во 153-м [1645] году в Енисейском остроге подьячей Василей Шпилькин прислал по государеве грамоте и в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву дальную службу на новую на Охоту реку.

Фочка Самсонов в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву дальную службу на Яну реку в верхнее зимовье.

…ка Петров сын Тунгуской толмач в прошлом во 154-м [1646] году послан на государеву дальную службу на новую на Охоту реку.

Томской казак Микифорко Иванов в прошлом во 156-м [1648] году отпущен к государю к Москве…

(Л. 92 об.) По государеве цареве и Великого князя Алексея Михайловича всеа Русии грамоте за приписью диака Григорья Протопопова велено ево Микифорка Аргамакова поверстать в пятидесятники против ево брату пятидесятников и воевода Дмитрей Андреевич Францбеков да диак Осип Степанов велели ему Микифорку быть в пятидесятниках а оклад учинили против ево брату пятидесятников 6 рублев…

(Л. 93.) По государеве грамоте отпущен в Енисейской острог с служилыми людьми с Микифорком Рудаковым с товарыщи а в его Осипково место велено быть промышленому человеку Шестачку Сергееву и в том же во 155-м [1647] году послан на государеву дальную службу на Индигирку реку.

Васка Иванов сын Новгород в прошлом во 154-м [1646] году на смотре по розбору велено ему Васке быть в тобольских…

(Л. 93 об.) В 28 день по государеве цареве и Великого князя Алексея Михайловича всеа Русии грамоте за приписью диака Григорья Протопопова велено быть в пятидесятниках на Ивашко место Пермяка в его окладе тобольскому казаку Ивашку Иванову сыну Реброву которой отпущен был в прошлом во 155-м [1647] году в заменное число и воевода Дмитрей Андреевич Францбеков да диак Осип Степанов по государеве грамоте ему Ивашку быть велели в пятидесятниках…

(Л. 94.) Березовской казак Пашко Кокоулин в прошлом во 155-м [1647] году из Якутцково острогу збежал на море а в его Пашково место велено быть в том же во 155-м [1647] году ссыльного Офонки Булыги сыну ево Васке Булыгину.

Матюшка Иванов сын Ярыгин.

Митка Михайлов.

Ярилко Юрьев.

…казаку Мокеику Игнатьеву и в прошлом во 155-м [1647] году отпущен на государеву дальную службу на Ковыму реку.

Енисейские служилые люди.

(Л. 94 об.) Оклад денег тож число что и прежним да по две трети окладов их хлеба по 4 чети без третника ржи весом иметьца по 16 пуд по 33 гривенки без 16 золотников против Указу в тобольскую в государеву казенную четь по 4 пуда по 23 гривенки с полугривенкою в четверть да по 3 чети без третника овса да по полу по 7 гривенок без трети гривенки соли.

А полной оклад хлеба по 5 чети с осминою ржи весом по 25 пуд по 9 гривенок с четью гривенкою да по 4 чети овса да по 2 пуда без чети соли.

Пятидесятник Семейка Родяков в прошлом во 154-м [1646] году на смотре у розбору воеводы Василей Пушкин с товарыщи по его Семейкину челобитью за старостью и за увечья отставили.

…енисейскому казаку Ивашку Яковлеву которой взят Енисейского острогу для сыскного дела и Ленской службы и в прошлом во 155-м [1647] году из Якутсково острогу Ивашко збежал на море а в его Ивашково место велено быть со 155-го [1647] году отставленому казаку Митьке Овдееву сыну Бакову.

(Л. 95 об.) Гришка Федоров сын Шадра в прошлом во 154-м [1646] году отпущен з государевою с соболиною казною к Москве в провожатых и в прошлом во 155-м [1647] году воеводы Василей Пушкин с товарыщи велели быть в его Гришкино место из новоприборных которой был на государеве дальней службе на Яне реке в нижнем зимовье Олешке Михайлову и в нынешнем во 158-м [1650] году отпущен з государевою с соболиною казною к Москве в провожатых.

…и в прошлом во 155-м [1647] году воеводы Василей Пушкин с товарыщи велели быть в его Ивашково место енисейскому казаку Исачку Онфимову которой взят из Енисейсково острогу для сыскного дела и Ленской службы.

Якунька Софронов в прошлом во 154-м [1646] году с Усть Куть (Л. 96.) реки збежал и в прошлом во 155-м [1647] году велено быть в его Якунькино место отставленому казаку Микитке Семенову и в том же во 155-м [1647] году послан на государеву дальную службу на Ковыму реку.

Лучка Дружинин в прошлом во 155-м [1647] году послан на государеву дальную службу на Яну реку в нижнее зимовье.

Онтонко Спиридонов сын Сорока а по скаске служилых людей Кондрашки Мокеева… что де тот Онтонко в нынешнем во 158-м [1650] году…

…по помете на выписке диака Осипа Степанова велено быть в его Онтонково место промышленому человеку Васке Потапову Бурлаку.

Кузнецы

(Л. 96 об.) Оклад денег по 5 рублев да хлеба по 5 чети ржи весом иметьца по 22 пуда по 37 гривенок с полугривенкою против Указу в тобольскую в государеву казенную четь по 4 пуда по 23 гри-

венки с полугривенкою в четверть да по 4 чети овса да по 2 пуда с четью соли.

Дружинка Семенов в прошлом во 154-м [1646] году на смотре у розбору воеводы Василей Пушкин с товарыщи с того Дружинку по его… отставили а в его Дружинкино место велено быть из… томскому казаку Ивашку Васильеву сыну Бурлаку и в нынешнем во 158-м [1650] году послан к государю к Москве наскоро с отписки.

Онтипка Фролов в нынешнем во 158-м [1650] году по его Онтипкину челобитью отпущен в Тоболеск.

Толмачи

(Л. 97.) Оклад денег по 5 рублев да хлеба по 5 чети с осминою ржи весом по 25 пуд по 9 гривенок с четью гривенкою против Указу в тобольскую в государеву казенную четь по 4 пуда по 23 гривенки с полугривенкою в четверть да по 4 чети овса да по 2 пуда без чети соли.

Куземка Габышев.

Соборной церкви пономарь

Оклад денег 3 рубли с полтиною да хлеба 4 чети ржи весом иметьца 18 пуд 14 гривенок против Указу в тобольскую в государеву казенную в четверть по 4 чети овса… (Л. 97 об.) с полугривенкою в четверть да 2 чети овса да пол 2 пуда соли.

Федотко Андреев и в нынешнем во 158-м [1650] году сентября в 1 день по помете на выписке диака Осипа Степанова велено быть в его Федотково место в пономарях промышленому человеку Терешке Григорьеву.

(Л. 98.) **Тобольские служилые люди которые присланы с Тобольска с пятидесятником с Ларкою Едомским** прежним на перемену.

Оклад денег 5 рублев с четью да хлеба по 5 чети с осминою ржи весом иметьца по 25 пуд по 9 гривенок с четью гривенкою против Указу в государеву казенную четь по 4 пуда по 23 гривенки с полугривенкою в четверть да по 4 чети овса да по 2 пуда с четью соли.

Пятидесятник Ларка Харитонов сын Едомской.

Оклад денег по 5 рублев без чети.

Десятники

Олешка Марков в его место казачей брат Семейка Иванов.

Истомка Иванов в его место… (Л. 98 об.) Степанов и в прошлом во 155-м [1647] году в Енисейском остроге тот Ярофейко

занемог и в свое место нанял тобольсково города казачья брата Микитку Прокопьева.

Рядовые

Денег оклад по 4 рубли с четью.

Федька Федоров сын Нашивочник в его место казачей брат…

Лучка Михайлов в его место казачей брат Ивашко Иванов в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву дальную службу на новую на Охоту реку.

Исачко Демидов в нынешнем во 158-м [1650] году отпущен з государевою с соболиною казною к Москве в провожатых.

(Л. 99.) Ивашко Мартемьянов в его место казачей брат Минщичко Иванов в верхоленском в Братцком острожке.

Васка Мартемьянов в его место казачей брат Ивашко Симанов в прошлом во 157-м [1649] году послан на государеву дальную службу на Ковыму реку.

Ларка Федоров сын Черепан в его место племянник ево Дорофейко Корнилов и в прошлом во 155-м [1647] году в Енисейском остроге тот Дорофейко занемог и в свое место нанял…

Ивашко Павлов в его место казачей сын Якунька Иванов в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву дальную службу на новую на Охоту реку.

Васка Фотеев сын Вострой в верхоленском в Братцком острожке.

(Л. 99 об.) Кирилко Онтонов сын Кособоров в прошлом во 154-м [1646] году под Самаровыми горами занемог а в свое место нанял казачья брата Тимошку Микитина в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву дальную службу на Индигирку реку за Шиверы.

Дениско Александров в его место племянник ево Баженко Измайлов в прошлом во 155-м [1647] году в Енисейском остроге тот Баженко занемог и в свое место нанял…

А по скаске служилых людей пятидесятника Бориска Оноховсково с товарыщи что де тот Сысойко в нынешнем во 158-м [1650] году декабря в 1 день на Май реке на дороге умре а в его место нихто не поверстан. (Л. 100.)

Ондреев в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву дальную службу на новую на Охоту реку.

Прохорко Ондреев в его место брат ево Семейка Петров в верхоленском в Братцком острожке.

Оска Семенов сын Глотов в его место казачей брат Оверка Микифоров в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву службу в новую в Даурскую землю.

Морозко Семенов в его место брат ево Петрушка Дмитреев…

Гришка Иванов сын Пелымской в нынешнем во 158-м [1650] году отпущен з государевою с соболиною казною к Москве в провожатых.

(Л. 100 об.) Викулька Прокопьев в его место казачей брат Тимошка Федотов в верхоленском в Братцком острожке.

Обрамко Иванов в его место казачей брат Рудачко Тимофеев в прошлом во 155-м [1647] году в Енисейском остроге тот Рудачко занемог и в свое место нанял казачья брата Демку Иванова Ушарова в верхоленском в Братцком острожке.

(Л. 101.) Оклад денег по 4 рубли с четью да хлеба ржи овса тож число что писано выше сего да по 2 пуда без чети соли.

Пронка Иванов сын Белоус.

Томилко Федоров в верхоленском в Братцком острожке.

Евсефейко Костянтинов в верхоленском в Братцком острожке.

Семейка Дмитреев.

Петрушка Офонасьев в прошлом во 155-м [1647] году послан на государеву дальную службу на Ковыму реку.

Федька Федоров в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву дальную службу на новую на Охоту реку.

(Л. 101 об.) Микифорко Савельев сын Латкин в прошлом во154-м [1646] году под Самаровыми горами тот Микифорко занемог и в свое место нанял казачья брата Ивашка Васильева в верхоленском в Братцком острожке.

Ефтифейко Назарьев в прошлом во 154-м [1646] году поплыл ис Тобольска… тот Ефтифейко в свое место нанял Максимка Григорьева в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву дальную службу на новую на Охоту реку.

Шестачко Перфирьев.

Ермолка Федоров в верхоленском в Братцком острожке.

Захарка Леонтьев в верхоленском в Братцком острожке.

(Л. 102.) Корепка Сысоев в прошлом во 154-м [1646] году идучи дорогою занемог и в Нарыме в свое место тот Корепка нанял казачья брата Гришку Обросимова в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву дальную службу на Индигирку реку за Шиверы.

Ивашко Мартынов в прошлом во 157-м [1649] году в верхоленском в Братцком походе зарезан и в том же во 157-м [1649]

году велено быть в его Ивашково место промышленому человеку…

…Некрасов в верхоленском в Братцком острожке.

Карпунка Симанов в прошлом во 157-м [1649] году послан на государеву дальную службу на Ковыму реку.

Денег по 4 рубли с четью да хлеба ржи по число что писано выше сего да по 2 чети (Л. 102 об.) овса да по 2 пуда без чети соли.

Лучка Иванов сын Бородулин в прошлом во 155-м [1647] году в Енисейском остроге тот Лучка занемог и в свое место нанял казачья брата Семейку Алексеева в прошлом во 157-м [1649] году послан на государеву дальную службу на Оленек реку.

Оничка Иванов сын Светоносов в верхоленском в Братцком острожке.

…В его место казачей брат Михалко Максимов… году в Енисейском остроге то Михалко занемог в свое место нанял казачья брата Ивашка Иванова сына Горохова в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву дальную службу на новую на Охоту реку.

Михалко Воробьев в прошлом во 157-м [1649] году на государеве (Л. 103.) службе в верхоленском в Братцком острожке убит и в том же во 157-м [1649] году велено быть в его Михалково место Ивашку Иванову сыну Вогжанину в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву дальную службу на новую на Охоту реку.

Завьялко Онтипин в нынешнем во 158-м [1650] году отпущен з государевою с соболиною казною к Москве в провожатых.

Куземка… в его место казачей брат… сын Комаров и в прошлом во 155-м [1647] году в Енисейском остроге тот Гришка занемог и в свое место нанял казачья брата Гарасимка Кондратьева сына Комарова в верхоленском в Братцком острожке.

Пронка Ортемьев в нынешнем во 158-м [1650] году отпущен з государевою с соболиною казною к Москве (Л. 103 об.) в провожатых.

Трошко Онтонов в его место Онтонко Тимофеев.

Тобольские служилые люди которые присланы ис Тобольска с пятидесятником з Бориском Оноховским прежним на перемену.

Оклад денег 5 рублев с четью да хлеба 5 чети с осминою ржи весом иметьца по 25 пуд по 9 гривенок с четью гривенкою против Указу в тобольскую в государеву казенную четь по 4 пуд по 23

гривенки с полугривенкою в четверть да по 4 чети овса да по 2 пуда с четью соли.

(Л. 103А.) Пятидесятник Бориско Ортемьев сын Оноховской в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву дальную службу на Яну реку в нижнее зимовье.

Оклад денег 5 рублев без чети.

Десятник Федька Моисеев в его место сын его Ивашко Федоров в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву дальную службу на новую на Охоту реку.

…сын Огрысков в его место Якунка Кондратьев и в Енисейском остроге тот Якунька занемог и в свое место нанял Якуньку ж Михайлова сына Байду и в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву дальную службу на новую на Охоту реку.

(Л. 103А об.) Федоско Перфирьев.

Матюшка Олексеев в его место казачей брат Завьялко Калинин в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву дальную службу на новую на Охоту реку.

Онтонко Нестеров в его место казачей брат Онцыфорко Дмитреев в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву дальную службу на новую на Охоту реку.

Игнашко Офонасьев в его место казачей брат Пронка Григорьев в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву службу в новую в Даурскую землю.

Сенька Ондреев в его место казачей брат Демка Федоров на дороге идучи умре в прошлом во 156-м [1648] году а в его место нихто не поверстан.

Мокейко Микитин в его место казачей брат Офонька Кучин в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву дальную службу…

Ивашко Карпов сын Сарачин в его место казачей брат Ондрюшка Шипицын в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву службу в новую в Даурскую землю.

Епишка Иванов сын Мыльников в его место казачей брат Куземка Иванов в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву дальную службу на Оленек реку.

Савка Сысоев в нынешнем во 158-м [1650] году июля в 31 день в Якутцком остроге на карауле… убился.

(Л. 104 об.) Микитка Гаврилов сын Гамов в его место казачей брат Ивашко Малафеев.

Фомка Емельянов сын Табаков в его место казачей брат Замятенка Костянтинов.

Гаранка Петров в его место казачей брат Михалко Иванов сын Лифанов в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву дальную службу на новую на Охоту реку.

Ивашко Васильев в его место казачей брат Филька Емельянов в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву службу в новую в Даурскую землю.

Федька Томилов сын Оконничников.

Ивашко Иванов сын Зырян в его место казачей брат Офонька Ортемьев.

(Л. 105.) Стенька Кирилов в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву дальную службу на новую на Охоту реку.

Шумилко Дмитреев.

Оклад денег и хлеба тож число да по 2 пуда без чети соли.

Васка Ермаков в его место казачей брат Микифорко Ярофеев

Максимко Михайлов в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву службу в новую в Даурскую землю.

Оксенко Лукьянов сын Скребыкин в прошлом во 157-м [1649] году послан на государеву дальную службу на Ковыму реку.

Тренька Кирилов в его место казачей брат Онтонко Офонасьев в прошлом во… году послан на государеву дальную службу на Оленек реку.

(Л. 105 об.) Ивашко Иванов сын Шестаков в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву дальную службу на новую на Охоту реку.

Митька Григорьев сын Кобелев в его место казачей брат Васка Кузьмин в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву дальную службу на Яну реку в нижнее зимовье.

Офонька Матвеев сын Курзатов в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву дальную службу на новую на Охоту реку.

Ивашко Захаров сын Соловьянин в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву дальную службу на новую на Охоту реку.

Нехорошко Яковлев сын Баков в его место казачей брат Семейка Леонтьев в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву дальную службу на новую на Охоту реку.

(Л. 106.) Оклад денег и хлеба ржи и тож число да по 2 чети овса да 2 пуда с четью соли.

Нехорошко Микитин.

Оклад денег и хлеба ржи и овса тож число да по 2 пуда без чети соли.

Бориско Ортемьев в его место казачей брат Микитка Кондратьев.

Тренька Костянтинов.

Сенька Григорьев в его место казачей брат Васка Вахромеев в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву дальную службу на новую на Охоту реку.

Митька Иванов сын Самоядин.

Березовские казаки.

(Л. 106 об.) Оклад денег по 5 рублев с четью да хлеба по 7 чети ржи весом иметьца по 32 пуда по 4 гривенки с полугривенкою против Указу в тобольскую в государеву казенную четь по 4 пуда по 23 гривенки с полугривенкою в четверть да по 4 чети овса да по полу 2 пуда соли.

Юшко Тимофеев сын Скорняков в его место казачей брат…

Лучка Васильев сын Мозолецкой в его место отставленой казак Овдокимко Игнатьев.

Онтонко Семенов сын Ослопов в его место казачей брат Олешка Лукин в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву дальную службу… реку.

(Л. 107.) Сергушка Иванов.

Федька Васильев сын Свешников в его место казачей брат Васка Усков в прошлом во 157-м [1649] году послан на государеву службу в новую в Даурскую землю.

Гришка Федоров сын Недорез в его место томской казак Ивашко Гурьев в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву дальную службу на новую на Охоту реку.

Оклад денег тож число что писан выше сего…

Ивашко Иванов сын Смагин в его место гулящей человек Харитонко Офонасьев сын Леготин в прошлом во 157-м [1649] году послан на государеву дальную службу…

(Л. 107 об.) Савка Павлов сын Куланов в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву дальную службу на новую на Охоту реку.

Гришка Кузьмин сын Ярославцов в его место гулящей человек Фомка Офонасьев сын Нижегородец и в нынешнем во 158-м [1650] году ноября в 30 день на государеве службе в верхоленском в Братцком острожке умре а в его место нихто не поверстан.

(Л. 108.) **Енисейские служилые люди которые присланы из Енисейсково острогу з десятником с Марчко Котковым** прежним на перемену.

Оклад десятнику денег 5 рублев с полтиною а рядовым по 5 рублев да хлеба десятнику и рядовым по 5 чети с осминою ржи весом иметьца по 25 пуд по 9 гривенок с четью гривенкою против Указу в тобольскую в государеву казенную четь по 4 пуда по 23 гривенки с полугривенкою…

Десятник Марчко Котков.

Рядовые

Ивашко Федотов сын Кокин в нынешнем во 158-м [1650] году отпущен з государевою с соболиною казною к Москве в провожатых.

Полуянко Яковлев сын Котков.

Матюшка Елфимов… (Л. 108 об.) в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву дальную службу на Яну реку в нижнее зимовье.

Ивашко Ондреев сын Былинка в нынешнем во 158-м [1650] году отпущен з государевою с соболиною казною к Москве в провожатых.

Федотко Прокопьев в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву дальную службу на Яну реку в нижнее зимовье.

Юдка Офонасьев.

Ивашко Петров сын Синерог.

Федька Савин сын Нарымов в его место Семейка Ортемьев сын Сажин.

Гришка Кирилов в его место Кондрашка Родионов в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву дальную службу на Яну реку в… зимовье.

(Л. 109.) Фочка Фирсов в его место Офонька Дорофеев в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву дальную службу на Яну реку в нижнее зимовье.

Курбатко Офонасьев в его место Гарасимко Гаврилов.

Михалко Лыкасов в его место Сенька Григорьев сын Голой.

Петрушка Родионов.

Исачко Моисеев в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву дальную службу на Яну реку в нижнее зимовье.

Богдашка Степанов в прошлом во 156-м [1648] году выслан в Енисейской острог.

Трофимко Микитин в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву службу в новую в Даурскую землю.

(Л. 109 об.) Да в нынешнем во 158-м [1650] году апреля в 4 день по выписке и по приговору воеводы Дмитрея Андреевича Францбекова да диака Осипа Степанова **приверстаны в государеву службу ссыльные люди** которым по государевым царевым и Великого князя Алексея Михайловича всеа Русии грамотам велено быть в государеве службе на выбылые места а иным в пашне и в Якутцком остроге пашенных мест и служилых…

(Л. 110.) Савка Скобельцын, Ивашко Слепов, Кондрашка Качиев, Тимошка Елапомец, Ивашко Молоков, Якунька Тюря, Демка Дуров.

(Л. 110 об.) Сенька Дорогин, Марчко Васильев сын Попадья, Васка Мартынов, Овдюшка Бочкарь, Васка Васковской, Якунька Бронник.

Да в нынешнем во 158-м [1650] году апреля в 4 день по выписке и по приговору воеводы Дмитрея Андреевича Францбекова да диака Осипа Степанова **приверстаны в государеву службу ссыльные люди** которым по государевым царевым и Великого князя Алексея Михайловича всеа Русии грамотам велено быть в его государевой службе в выбылые места и в Якутцком остроге выбылых…

(Л. 111.) со 159-го [1651] году сверх государева указного числа 48 человек в тобольском окладе для того что из Якутцкого острогу посылки на многие государевы службы для ясачного и поминочного зборов посылать старых служилых людей мало и многие государевы службы за безлюдством служилых людей стали а оклад им учинили денег по 4 рубли с четью да хлеба по 5 чети с осминою ржи весом иметьца…

Корнилка Скворцов, Митька Пушников, Ивашка Михайлов сын Деревня, Ганка Кузьмин…

(Л. 111 об.) Исачко Офонасьев, Гаранка Максимов, Ивашко Игнатьев, Ивашко Онтонов сын Нагиба, Стенька Семенов, Васка Ондреев сын Бетин, Олешка Иванов сын Сулой, Гордюшка Кузьмин сын Балаш, Мартынко Ларионов, Золька Клементьев, Ондрюшка Семенов, Микитка Павлов сын Клюсов, Федька Спиридонов.

(Л. 112.) Федька Трифанов, Олешка Федоров сын Перезаров, Куземка Калинин сын Шингирей, Олешка Микитин, Якунька Парфеньев, Савка Яковлев, Куземка Мартемьянов, Ивашко Васильев сын Тотарин, Федька Григорьев сын Орел, Петрушка Борисов, Першка Ондреев.

(Л. 112 об.) Сенька Леонтьев сын Позорной, Панкрушка Иванов сын Ракулов, Ивашко Уваров.

Да в нынешнем во 158-м [1650] году из новой Даурской земли по челобитью промышленых людей которые посланы в прошлом во 157-м [1649] году с приказным человеком с Ярофеем Хабаровым и в нынешнем во 158-м [1650] году… и воевода Дмитрей Андреевич Францбеков да диак Осип Степанов **приговорили тех промышленых людей для их к государя службы в новой в Даурской земли и для безлюдства служилых людей поверстать в служилые люди**.

(Л. 113.) …казаки со 159-го [1651] году а оклад им учинили против березовских казаков денег по 5 рублев с четью да хлеба по 7 чети ржи весом иметьца по 32 пуда по 4 гривенки с полугривенкою против Указу в тобольскую в государеву казенную четь по 4 пуда по 23 гривенки с полугривенкою в четверть да по 4 чети овса да по полу 2 пуда соли.

Ивашко Мартемьянов.

(Л. 113 об.) Сергушка Федоров, Тренька Вахромеев, Оксенко Терентьев Гиляк, Якунка Васильев Берников.

Савка Иванов Юкагирской толмач в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву дальную службу на Яну реку в нижнее зимовье».

* * *

Итак, мы увидели, какую роль на самом деле играли тобольские (как и березовские и енисейские) казаки в освоении Сибири — и Западной и Восточной, и той ее части, которая сегодня называется Северо-Востоком и Дальним Востоком.

Как правило, это были хорошо организованные казачьи отряды, в которые входили служилые люди из традиционных казачьих семей, имеющие необходимые навыки походной службы и хранящие исконные казачьи традиции — служение Богу, Царю и Отечеству…

ЧАСТЬ 4.

Данила Анциферов Томский «со товарищи»

Сколько бы новых имен тобольских казачьих детей не приводили бы мы в качестве доказательства правоты камчатского приказчика Василия Колесова в том, что во всем, что случилось на Камчатке, виноваты именно уроженцы Тобольска, в это трудно поверить.

Хотя бы потому, что казачий бунтарский круг избрал своим атаманом Данилу Яковлевича Анциферова, который совершенно не случайно в одном из документов назван Данилой Томским.

И в его самом ближайшем окружении мы также видим томичей — Сергея и Дмитрия Иванова Томских, сгоревших живьем вместе с атаманом.

Тобольск был столицей Сибири, а его служилые люди, как правило, в чем нам еще неоднократно придется убедиться, — были опорой воеводской власти, как в столице, так и на местах. Тобольские казаки были привилегированной частью сибирского воинства, и поэтому о тобольских бунтах, о традициях тобольского казачьего мира, противопоставленного официальной власти, мы почти ничего не знаем, за редким исключением, как это случилось, например, с невыдачей жалованья тобольским и березовским казакам, направленным на создание нового Якутского уезда в 1639 году.

* * *

Томск же был совершенно другим городом.

Он был построен летом 1604 года по просьбе местного князя Тояна на его землях по мысу Воскресенской горы над рекой Томью объединенным отрядом служилых людей под командованием Г. Писемского из Сургута, В. Тыркова из Тобольска и Д. Юрьева из Тюмени.

Из исторической справки о Томске:

«Давным-давно, четыре столетия назад в глухое сибирское местечко на берегу Томи прибыл отряд русских людей. На горе у реки они заложили город, названный Томском. Командовали первостроителями сын боярский из Тобольска Василий Фомич Тырков и письменный голова из Сургута Гаврила Иванович Писемский. Именно им по велению царя Бориса Годунова суждено было стать первыми томскими воеводами.

К сожалению, известно о них не очень много. Главным воеводой был Гаврила Иванович. Именно он возглавил постройку Томской крепости, которая была закончена к 27 сентября 1604 года по старому или 7 октября по новому стилю. Тырков был заместителем Писемского. Василий Фомич, наверное, раньше всех из русских людей побывал на месте будущего центра Томской губернии. В 1600 году его послали с дипломатической миссией к вождям племен, обитавшим в районе реки Томи. Результатом этой поездки стало обращение эуштинского князя Тояна к русскому царю с просьбой принять своих соплеменников под защиту русского государства. В конце 1604 года Тырков возглавил экспедицию, во время которой удалось присоединить к России соседние районы — "Чаты" и "Тулуманы". В 1606 году был послан в поход против сына Кучума — Алея, закончившийся пленением Алея и разгромом его войска. В 1613 году Василия Фомича назначили на должность первого томского воеводы. В июле следующего года он успешно руководил отражением набега на Томск киргизских и татарских племен. Умер в Тобольске приблизительно в 1624–1625 годах.

Назначение воевод было исключительным правом царя-батюшки, причем, часто главным при выборе человека на эту должность были не его достоинства и способности к управлению, а близость к престолу. Стремление воевод заботиться прежде всего о своих личных интересах не только не осуждалось, но и считалось нормой. По замечанию русского историка В.Н. Татищева: "воеводства назывались жалованием и кормлением, ибо тогда оные жаловались из милости для нажитка и в челобитных о воеводствах писали: прошу отпустить покормиться… Тогда сколько на каком городе воевода средственно наживает, были книги в приказах". Воеводам разрешалось брать определенный процент с таможенных и судебных сборов, иногда достигавших значительных сумм. При этом осуждалось лишь явное казнокрадство и чрезмерные поборы с подчиненных.

Формально наместники царя не могли действовать самовольно и безотчетно. Царская администрация хотела, чтобы они прежде всего исполняли ее поручения. Вновь назначенные воеводы получали особую инструкцию-наказ, в которой четко расписывались их полномочия и приказывалось руководствоваться правилом: "как бы казне было прибыльнее и людям не в разорение, без всякого пристрастия, помятуя страх Божий и крестоцелование".

Но на практике большая часть томских воевод эти пожелания совершенно игнорировала. Если В.Ф. Тырков и Г.И. Писемский оставили о себе память основанием города, то сменившие их Михаил Никитич Ржевский и Семен Афанасьевич Бартенев запомнились лишь неумеренным воровством, притеснением инородцев и моральным разложением. Уже по дороге к месту службы они по воспоминаниям современников "...едучи по Оби реке, ясашных людей пытками пытали и поминки с них великие имали, и их грабили, лисицы и собаки и рыбу и жир, чем они сыты бывают, имали насильством". По этой причине "в ясашных людях стала измена великая" и они замыслили заговор против русских поселенцев. Служилым людям Ржевский и Бартенев не выплачивали жалование и не давали продуктов, а сами "казной владели и торговали". Не выдержав притеснений, томичи обратились к царю с челобитной о замене его зарвавшихся наместников. Просьбу их выполнили и в Томск были направлены Василий Васильевич Волынский и Михаил Игнатьевич Новосильцев, которые навели относительный порядок.

Однако в дальнейшем подобные безобразия повторялись неоднократно. Например, в 1622 году воеводы князь Иван Федорович Шаховский и Максим Иванович Радилов послали без всякого повода ратных людей "войною" на окрестные инородческие племена, результатом чего стало пленение многих людей князька Ишея, в том числе его племянника. Ишей предложил за своего родственника солидный выкуп. Шаховский пообещал отпустить несчастного племянника, да вот только слово свое княжеское не сдержал. Выкуп он взял, а ценного пленника увез с собой в Москву.

Из всех томских воевод, кроме Волынского и Новосильцева, пожалуй, только Иван Федорович Татев, управлявший в 1631–1633 годах, оставил о себе добрую память у местных жителей. Прибыв в Томск, Иван Федорович увидел, что "Томский город и острог весь худ и развалился". Стараниями нового воеводы на ремонт городских построек из Сибирского приказа была истребована крупная сумма. К сожалению, у деятельного воеводы в Томске нашлись недоброжелатели, которые настрочили на Татева злобный донос в столицу. В результате Ивана Федоровича от должности отстранили.

Для того чтобы воеводы не успевали взять для себя слишком много, срок деятельности обычно ограничивался двумя-тремя

годами. В конце они должны были отчитаться перед вновь назначенными царскими наместниками, которые выступали в роли ревизоров. Прежние воеводы не имели права уезжать из города, пока их преемники не приняли по описи все оружие, хлебные и казенные припасы. Вновь назначенные воеводы должны были проверить, как их предшественники выполняли царский наказ и присыльные грамоты. Если чего-либо недоставало, то по инструкции уезжавшие должны были компенсировать это из своего имущества. В случае выявления крупных злоупотреблений и хищений казенных средств воеводы могли быть подвергнуты "сильной опале и великому разорению". Но не зря есть пословица — "Ворон ворону глаз не выклюет". Отставники почти всегда договаривались со своими преемниками и уезжали в столицу с хорошими отзывами о своей работе. Многие из отслуживших воевод получали поместья.

Полномочия томских воевод распространялись далеко за пределы города. С момента основания Томск стал центром крупного уезда от Оби до реки Чулым. В 1629 году был образован обширнейший Томский разряд, в который вошли семь уездов, в том числе Енисейский, Красноярский и Сургутский».

* * *

Не могу пройти мимо этой весьма любопытной публикации.

Их имена не затерялись

Разбирая архив Сибирского приказа за вторую половину XVII века, новосибирский ученый Б.П. Полевой буквально споткнулся об «историческую фамилию» — Василий Тырков.

А далее цитируем:

«А что если податель этой челобитной — родственник одного из первых томских воевод? — обожгло его радостное предчувствие открытия. — Очень уж фамилия редкая. Такие совпадения нечасто встречаются».

Он не ошибся. В руки ему попал действительно интереснейший документ. Внук Василия Фомича Тыркова, тобольский «недоросль» (то есть молодой человек, не достигший 21 года), нижайше просил царя Алексея Михайловича зачислить его на военную службу, а поскольку своих заслуг у него пока не было, не преминул перечислить заслуги деда. Получилась краткая, но весьма насыщенная событиями биография, дополняющая новыми сведениями то, что было известно о Тыркове-старшем прежде.

Из нее мы узнаем, что Василий Тырков прослужил в Сибири

на всяких службах 38 лет, дослужился до чина сына боярского. В 1600 году тобольский воевода Семен Сабуров посылал его с посольством «в Томь через Тару ко князцам и к мурзам с государским жалованьем с милостивым словом и с ковши и с платьем и з грамотами за государскою печатью».

Затем Тырков Томской город ставил «и которые были немирные земли, под высокую государеву руку привел». Еще позже воевода князь Роман Троекуров посылал его «в степь на царя Алея, сына Кучумова, воевать, и дед мой с служилыми людьми тово царя Алея на степи погромил совсем, имал его сестры и племянников в полон взял…»

По какой-то причине Тырков-младший не упомянул два важных периода в жизни деда. В 1609 году Василий Фомич был послан в пермские земли, чтобы убыстрить сбор денег для войска князя Михаила Скопина-Шуйского, наголову разгромившего полчище второго Лжедмитрия (Тушинского вора). А в 1612 году собрал он сибирскую дружину в помощь нижегородскому ополчению Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского и вместе с ней участвовал в освобождении Москвы от польско-литовского нашествия. Зато в челобитии внука содержался факт, не известный прежде историкам: «Да в прошлом же, государь, в 121-м году посылан был дед мой на вашу государеву службу ис Тобольска в Томской город на воеводское Михайлово место Новосильцево, и в Томском городе служил дед мой на воеводстве два годы, и многих киргизских воинских людей, которые приходили под Томск, побил и город отстоял».

Другими словами, в 1613 году Василий Фомич Тырков вновь стал томским воеводой. На время его правления пришлось первое крупное нападение киргизов на Томской город. Это подтверждает и такая сводка приказа Казанского и Мещерского дворца: «Да в прошлом же во 122-м году писали к нам ис Томсково города Василей Тырков и Иван Пущин… июля в 10 ден приходили под Томской город киргиские и мелесские люди войною безвестно и под городом в огородах и у служилых людей, и у пашенных крестьян жон и детей их побили… на том бою убили наших служилых людей двенадцать человек, а иных изранили, и у пашенных крестьян ярыжных побили, их хлеб весь вытоптали и лошади и животину всякую отогнали… а схвачены кому казакам носы и уши резали».

Казалось бы, на такую жестокость казаки должны были ответить не меньшей жестокостью, но документы тех лет го-

ворят о другом. Русские служилые люди стойко оборонялись, а нападая, старались обезоружить и захватить в плен противника, прежде всего князей, их сородичей и «лутчих улусных мужиков», с которых можно было стребовать ясак или «окуп» за все племя сразу. Убивали они только тогда, когда это спасало их собственную жизнь и жизнь товарищей, а над пленными «не злобствовали».

Не затерялось имя Василия Тыркова в сибирской истории и после того, как он заново отстроил Томской город. В 1620 году он расследовал злоупотребления кетского воеводы Чеботая Челищева и отстранил его от должности. В 1624-м — сделал первую перепись населения Тарского уезда и составил подробнейшее описание самой Тары для «дозорной книги». Умер Василий Фомич Тырков в 1625 году в Тобольске. Его дом стоял на 2-й Устюжской улице, возле которой протекала речка с красноречивым названием Тырковка.

Исторической стала и фамилия Гаврилы Писемского. При царе Михаиле Романове он служил вторым воеводой в Невеле, затем размежевывал русские и польско-литовские земли. В Томске его именем названа одна из улиц.

Другой яркой фигурой «томского похода» был человек с самой распространенной на Руси фамилией — *Гаврила Иванов*. Прежде чем попасть на Томское ставление, он, по его словам, *«служил… на поле 20 лет у Ермака в станице и с ыными атаманы. И как с Ермаком Сибирь взяли, и Кучума царя с куреня збили, и царство сибирское… взяли» (а случилось это в 1582 году), ставил Тюмень (1586), Тобольск (1587), Пелым (1593), Тару (1594), участвовал в окончательном разгроме Кучум-хана на реке Ирмень (близ сегодняшнего Новосибирска; 1598), захватил в плен царевича Алея, а затем сопровождал плененное кучумово семейство в Москву. С таким вот послужным списком и прибыл на Тому — “городовую крепость” ставить, молодых казаков уму-разуму учить»*

Добавим к этому: *«Не думаю, что вернувшиеся в Сибирь соратники Ермака стали в большинстве своем “начальными людьми”, но должен отметить, что на данный момент в нашем распоряжении гораздо больше сведений о тех ермаковых казаках, которым пусть и к концу жизни, но удалось подняться над рядовой служилой массой, став детьми боярскими или получив чины атаманов, голов и т. п. Наиболее известный из них (благодаря публикациям в “Русской исторической библиотеке” и в “Приложениях” к “Истории*

*Сибири" Г.Ф. Миллера) — **Гаврила Иванов** — до похода в Сибирь казаковал "на поле 20 лет у Ермака в станице и с ыными атаманы", а в Сибири прослужил еще 42 года, прежде чем был после соответствующего челобитья произведен по царской грамоте от 27 февраля 1623 г. в атаманы на Тюмени».*

«Гаврила Иванов принимал самое деятельное участие практически во всех эпизодах "сибирского взятья" — вплоть до окончательного разгрома Кучума, пленения его сыновей и других родственников, "ставил" города Тюмень, Тобольск, Тару, Пелым, Томск, ходил в походы в "Кузнецкую землю" и на калмыков, но к 1623 г. выслужил лишь чин десятника конных казаков. И только на восьмом (как минимум) десятке лет, после того как его начальника — атамана Степана Онтропьева — перевели в дети боярские, Г. Иванову представилась возможность существенно продвинуться по службе, заняв освободившееся место, что и нашло отражение в следующей записи тюменской именной книги 1623/24 г.: "Десятник Гаврило Иванов. Женат. По государеве грамоте велено ему быть у литвы и у конных казаков в атаманех"» (Никитин. — *С.В.*).

А вот еще одна непростая судьба. Уроженец местечка Лебедянь (ныне город в Липецкой области) Алешка Трубачев еще мальчонкой был угнан ногайцами «в туретчину». Оттуда продан невольником в Бухару. Повзрослев, бежал из плена, но неудачно. В Барабинской степи его схватили черные калмыки (западные монголы-ойраты; другое название – «джунгары») и вновь продали бухарцам. Второй побег оказался более удачным. Алешка добрался до Ямыш-озера, где местные жители и служилые люди первых сибирских городов добывали соль. Здесь он попал к казакам разъезжей станицы-караула, а затем в царь-град Сибири Тоболеск (Тобольск). Там и заверстался в казаки. Из Тобольска его отправили «на городовое поставление в Томы». С тех пор и до конца жизни Трубачев сначала служил, а затем крестьянствовал в ставшем для него родным Притомье.

*«Самые сложные плотницкие работы уставщики над плотниками доверили конечно же казакам и стрельцам, которые уже ставили другие сибирские крепости, а потому имели необходимый опыт. Наилучшим образом показали себя в деле **уроженец Яренской волости Потаня Маслов, ярославец Ивашка Пеплинский, новгородец Михалка Куркин, крапивинец Ивашка Лаврентьев, вологодцы Семка Лурохонцев**

и Мишка Астраханцев, уроженец Великих Лук Сенька Аркатьев, выходцы из Москвы и Подмосковья Иевлейка Карбышев, Пашка Истомин, Демка Бурыха, Кирилка Медведчиков, Ивашка Кырнаев, Федька Бардаков, Савка Лудяк, Ивашка Коломин и другие умельцы, строившие Сургут.*

*Имена многих казаков, строивших Томск и другие сибирские крепости, сохранились в названиях поселений, основанных ими. Отслужив "долгие службы" на царя, они получали в награду "землицы для пашни", обзаводились хозяйством и пускали в сибирской земле крепкие корни. Вот лишь небольшой перечень таких поселений: **Карбышево, Вершинино, Губино, Кожевниково, Гутово, Сгибнево, Астраханцево, Костантиново, Баташково, Соломатово, Аркатьево, Поломошное, Коломино, Трубачево, Батурино, Дорохово, Попадейкино, Молчаново, Сеченово, Лучаново, Нелюбино, Десятово, Заварзино, Кривошеево, Лаврово, Зоркальцево.***

В одном ряду с ними стоят поселения, сохраняющие память о коренных насельниках Притомья, — Эушта, Тигильдево, Шулояково, Кормушаково… Мало кто догадывается ныне, что Нестояново озеро раньше звучало как КнезТояново (так оно записано в первых русских документах), а Нестоянка — это Кнез Тоянова речка. Кратчайший путь от Томска до села Киреевское на Оби старожилы и сегодня именуют Танаевой дорогой, а ведь это имя сына-наследника Тояна — Таная. В Томске же о "младенческих годах" города повествуют названия таких улиц, как Эуштинская, Тояновская, Татарская, Басандайская, Большая Каштачная, Томская, Селькупская, пять Усть-Киргизок, Юрточный переулок, Каштак, Конная площадь и другие.

Эхо истории объединяет время, людей разных судеб и национальностей, события, которых мы изменить не можем. Но нам дано понять их, осмыслить и продолжить, сохраняя лучшее».

Сергей Заплавный

* * *

Первоначально, по всей видимости, постоянный гарнизон Томской крепости формировался из березовских казаков в связи с тем, что значение Березовского острога как военного поста в это же самое время падало, и состав трех его сотен постепенно рассредоточивался по гарнизонам военных укреплений Томского разряда, остро нуждающегося в служилых людях.

В 1623 году мы видим следующий списочный состав березовского гарнизона (РГАДА. Ф. 214. Сибирский приказ. Оп. 5. Кн. 6. 1623–1625 годы):

«Книги именные Березова города служилым людем и ружникам, и оброчникам, что им даны Государя царя и Великого князя Михаила Федоровича Всеа Русии денежного жалованья по окладу на нынешний 1623 г.

Дети боярские

Мокринской, Тутолмин.

Атаманы

Аргунов, Бабарыкин.

Рядовые казаки

Аверкиев, Айдаров, Антрышев, Аргунов, Астроханец, Бакин, Бахтин, Безметин, Безносово, Бергоданов, Береза, Бирюк, Богданов, Болотов, Борисов, Борисов, Брагин, Варламов, Васильев, Васильев, Гаврилов, Галкин, Григорьев, Григорьев, Григорьев, Губка, Данилов, Деев, Делимов, Дмитриев, Дружинин, Дулов, Дыховцов, Дядя, Егупов, Елистратов, Елихарьев, Иванов, Игнатьев, Игнатьев, Иконник, Истомин, Канкаров, Кашмылов, Киприянов, Кобелев, Кобылкин, Козел, Козлов, Кокоулин, Кокушкин, Колуженин, Комаров, Комин, Косово, Котельник, Котелнин, Кошинец, Коширянин, Кошишкин?, Кошлок, Кривогорницын, Кузнец, Курсин, Лачинов, Летеев, Лихачев, Лопухин, Лопухин, Лосев, Лошкин, Лукьянов, Лунянов, Лыскосов, Маиков, Макарьев, Максимов, Малцов, Манков, Манчин, Марков, Мартемьянов, Мещеряк, Мещеряк, Мещеряков, Микитин, Микифоров, Микулин, Михайлов, Можаитин, Мосеев, Москвитин, Нарымец, Недорез, Немчинов, Нечаев, Новокрещен, Оболтин, Олексеев, Омельянов, Онаньин, Оникеев, Онтонов, Орефьев, Орлов, Ослопов, Паверин (Падерин), Панфилов, Парфеньев, Пермитин, Петров, Плехан, Подьев (Подеев?), Попов, Поспелов, Притчин, Пужин, Пужинов, Редозуб, Редюков, Родионов, Рокита, Романов, Рябов, Самойлов, Савин, Сапожник, Свешник, Секерин, Селижаровец, Семенов, Семенов, Серебряник, Скорняк, Смагин, Смирнов, Смирново, Старков, Татарин, Телицын, Тимофеев, Торлопов, Трофимов, Тучков, Усков, Усаков, Усков, Учюжников, Федоров, Федосеев, Филипов, Фофанов, Фролов, Чиралов, Шахов, Шелеховкин (Шаляходкин), Щетинин, Юрьев, Яковлев, Ярославец.

Иноземцы, литва и черкасы

Копоть, Михайлов, Кулаковский, Кулик, Лопаткин, Муравской, Палчиков, Редницкий, Силин, Стружинской, Тутумин (Тутолмин), Фаллеев, Федоров, Яковлев, Ясволодский.

Оброчники

Съезжей избы сторож Григорьев, городовой воротник Андреев, острожной воротник Васильев, тюремной сторож и палач Новгородец, гостинного двора сторож Петров.

И всего в Березове служилых людей и ружников, и оброчников 360 человек, а им денежного жалованья полного оклада 1799 рублев с четью».

* * *

Начнем с **Мокринских**.

Существует Далматовское общество краеведов, названное так в честь Далмата Мокринского, сына березовского служилого. М.З. Теляков, представитель этого общества, сообщил интереснейшую информацию о представителях этого рода рязанских дворян:

«На основании новых документов рязанских и уральских родоведов, а также работы известного историка И.Л. Маньковой о служилых людях Мокринских постараемся проследить родословную основателя города Далматово Курганской области старца Далмата (до пострижения тобольского сына боярского Дмитрия Ивановича Мокринского).

Начнем с происхождения имени Далмат и фамилии Далматов. Именем святого Далмата, выходца из Далмации, нередко крестили русских мальчиков или нарекали священнослужителей и монахов. Еще в 15 веке истории известен Далматов Василий по прозвищу Третьяк — великокняжеский дьяк, пользовавшийся особой милостью и доверием великих князей Ивана III и Василия Ивановича

…А вот именем Мокрий, а от него фамилия Мокринский, называли ребенка, родившегося в Макринин день (19 июня) или на Мокея Мокрого (11 мая). Фамилия широко распространена среди рязанских землевладельцев и служилых людей еще с 15 века. В писцовых книгах Рязанского края конца 16 века зафиксировано большое количество мелкопоместных дворян Мокринских. А деревню Лужки под Терехово-Воскресенским монастырем рязанские краеведы считают ро-

довым имением Мокринских, где, возможно, родился отец Далмата.

Сыновья дворян “новиками”, т. е. по достижении 15 лет, зачислялись на военную службу (до этого они числились недорослями). Так, в уездном городе Переяславль-Рязанском в 1596 году были поверстаны в дети боярские с окладом 150 четвертей земли (75 десятин) городовые новики Денис Данилов сын Мокринскаго и Василий Михайлов сын Мокринской.

У рязанских родоведов нет никакого сомнения в том, что тобольские служилые люди Мокринские — это их земляки, ушедшие в Сибирь вместе с воеводами Иваном Мясным, Василием Сукиным, письменным головой Данилом Чулковым, которые в 1586 году основали Тюмень, а в следующем – Тобольск. В один из таких отрядов был зачислен (“прибран”) казаком Иван Мокринский.

В 1593 году на реке Северная Сосьва при впадении ее в Обь отряд ратных людей из Москвы, Коломны и Переславль-Рязанского, “а с ними даточных людей с Вятки, с Перми, с Выми и от Соли Вычегодской полтараста человек для плотницких работ” спешно возвели Березовский острог, а в нем — Троицкую церковь. Охранял острог, а затем стал в нем казачьим атаманом Иван Мокринский.

В новой церкви приняла христианство, а затем обвенчалась с Иваном молодая сибирская татарка из рода Илигея (а может быть, она была из хантов или манси: раньше русские всех сибирских инородцев называли “татарами”). Вскоре они крестили здесь первенца Дмитрия и двух других сыновей — Савватия и Федора.

Березовский острог (ныне поселок Березово Ханты-Мансийской АО), стоявший на торговом пути, быстро развивался. В 1607 году он, как Тобольск и Верхотурье, получает городовую печать. Иван Мокринский из казаков переходит в сословие детей боярских. Историк И.Л. Манькова находит документальное подтверждение тому, чем он занимался в то время: защищал город от набегов, собирал ясак с местных жителей, обслуживал таможенную заставу. В 1610 году ездил в Устюг за железом для нужд города, в 1628 возил из Обдорска в Казань “соболиную казну”, а оттуда — жалование для служилых людей.

В 1627 году “сын боярский Березова города” Иван Мокринский был послан на годовую службу приказчиком к самому устью реки Оби, в Обдорский

острог (ныне город Салехард). После этого семья Мокринских переезжает в Тобольск.

В Тобольске сыновей Ивана Мокринского, как и остальных детей служилых по отечеству, ждала нелегкая военная и государственная служба. Подросшего и возмужавшего старшего Дмитрия Ивановича верстают в дети боярские и назначают городничим. А затем, как и отца, посылают годовалым приказчиком в отдаленный Вагайский острог. На место умершего отца в сыны боярские был поверстан средний сын Савватий. Служил он приказчиком в Рудной слободе, где и умер в 1643 году. Младший сын Федор служил довольно долго. Во время башкирского восстания 1662 года отрядом “охочих людей” командовал и отстоял деревню Шмаковку в Ирбитской слободе поручик Федор Мокринский. По ошибке, известным историком В.Н. Шишонко назван “сыном преподобного Далмата”.

Дмитрий Иванович действительно имел семью, детей. Истории более известен его сын Иоанн, при пострижении Исаак, инок Тобольского Знаменского монастыря, а затем сподвижник и преемник своего отца по управлению Далматовским монастырем. Но в своем “Описании Далматовского Успенского монастыря” Г.С. Плотников называет и других его детей: “В старинном монастырском Синодике на 53 листе полууставно вписан род старца и отца нашего Далмата. В ряду с прочими вписаны имена Калинника младш., Михаила младш., Ефросиньи млад., удав., Екатерины млад. Можно подумать, что младенцы сии были дети Дмитрия Мокринского”.

После смерти жены Дмитрий Иванович Мокринский решил уйти в Невьянский монастырь и там был наречен Далматом. Но вскоре покинул его с иконой Успения Божией Матери, ушел на берег Исети, где и основал монастырь в 1644 году. Царской грамотой от 1659 года Далматову монастырю отписаны обширные владения, на которых вскоре возникли села и деревни. Когда Далмат по старости и болезни отстранился от управления, его сменил Исаак, в 1667 году — игумен, в 1702 — архимандрит Далматовского монастыря. Скончался Далмат 25 июня 1697 года в возрасте 103 лет.

Неизвестна судьба остальных детей Дмитрия Ивановича. Можно только с натяжкой предположить, что отмеченный в Смотренной книге тобольских служилых людей 1689 года среди сынов бо-

ярских Алексей Михайлов сын Мокринской был его внуком. Переписью 1710 года в возрасте 50 лет он с женой Татьяной записан в Тебенякской слободе (ныне Белозерский район Курганской области), а в 1720 году проживал в Тобольске на подворье у известного картографа, архитектора и летописца Семена Ремезова.

Из потомков Мокринских наиболее ясно прослеживается линия Савватия Ивановича, одного из первых приказчиков Рудной слободы, основанной при Невьянском рудном железном деле (ныне село Рудное в Ирбитском районе Свердловской области). Уральский исследователь Е.В. Курлаев, подробно описывая историю первого на Урале железоделательного предприятия и спорные притязания к нему тобольских и верхотурских воевод, перечисляет имена служивших в то время в Рудной слободе приказчиков: 1642 год — тобольский дворянин Савватий Мокринский, 1670 — его сын Григорий Мокринский “от Руды приказчик”, 1680 — тобольский сын дворянский Тимофей Григорьев Мокринский.

Имя Тимофея Мокринского довольно часто упоминается в старинных документах. Так, в переписной книге Тобольского уезда 1695 года крестьянин Камышевской новой слободы подле реки Исеть Савко Иванов Брусницын пояснил, что поселил его в слободу приказчик Тимофей Мокринский. Ныне это село Камышево Белоярского района Свердловской области. А тюменские исследователи, изучая историю села Верхние Аремзяны — родину химика Д.И. Менделеева, обнаружили, что во время правления воеводы Петра Шереметьева большие сенокосные угодья в долине реки Аремзянки были переданы во владение сыну боярскому Тимофею Мокринскому. В 1709 году он подарил Далматовскому монастырю книги Псалтырь и Часослов.

И наконец в переписной книге города Тобольска 1710 года в Архангельском приходе на Жулистовой улице к речке Качаловке отмечен “двор купленый сына боярского Тимофея Григорьева Мокринского 50 лет”. В нем он проживал с женой Авдотьей Тимофеевой, сыном Дмитрием 18 лет, тоже сын боярский, дочерью Марьей, падчерицей Марьей Михайловой да приемной девкой Анной Васильевой.

В уже упомянутой Смотренной книге тобольских служилых людей 1689 года среди сынов боярских указан не только Алексей Михайлов Мокринский, а также братья Тимофей

Григорьев, Иван Григорьев (в 1692 году послан в Якутский острог) Мокринские, а среди недорослей — Яков и Федор Мокринские.

Сын боярский Иван Григорьев Мокринский вошел в историю тем, что в 1700–1706 годах был в отряде бывалого землепроходца Тимофея Кобелева, исследовал полуостров Камчатка. Тогда русские служилые люди окончательно обжили далекую землю, заложили там три острога и открыли лучшую гавань для судоходства — Авачинскую бухту.

Знакомую нам фамилию находим и в Разгонной книге Енисейского острога. 12 октября 1678 года сын боярский Василий Мокринский сопровождал ссыльных от Тобольска до Енисейска. Кстати, при переписи 1710 года Тобольска и подгородних сел переписчик Семен Ремезов в деревне Соколовка отметил крестьянина Василия Тимофеева Мокринского 60 лет с сыновьями Варламом и Иваном. Один и тот ли этот человек и кем он приходился нашим Мокринским, пока неизвестно.

Кстати, фамилия Мокринский среди крестьян при переписях слобод Тобольского уезда 1710 года встречается довольно часто. В уже упомянутой переписи С.У. Ремезова в погосте Гилевском был отмечен крестьянин Павел Андреев Мокринской 40 лет с сыновьями Иваном и Василием. А при переписи Туринской слободы Федором Протопоповым отмечены крестьяне Федор Тимофеев Мокренских 50 лет и Афанасий Тимофеев Мокринских 45 лет, у него пасынок Федор Дементьев сын Коновалова Мокринских. Родственную связь их с Далматом пока не удалось установить».

Автор, правда, не знал еще одной очень важной детали из истории этого рода: Иван Григорьевич Мокринский, сын боярский, был прислан из Тобольска в Якутск в 7201 (1693) году и был участником похода Владимира Атласова на Камчатку, завершившегося присоединением этой земли к Российской империи. Потом он вернулся на полуостров вместе с первым официальным камчатским приказчиком Тимофеем Кобелевым и стал одним из первых русских старожилов Камчатки. Умер Иван Григорьев сын Мокринский в 1707 году, вероятно, от ран, полученных во время разгрома камчадалами бассейна реки Кыкша (Большой) казачьего отряда, направленного казачьим головой Владимиром Атласовым на подавление местных аборигенов.

* * *

Аргуновы

Следующий в этом списке атаман Истома (Савва) Аргунов. Он был (по одной из версий) из отряда донских казаков, присланных в Сибирь воевать с сибирским царем Кучумом. Есть и другая версия — о том, что он по происхождению «немчин» и в станице Ермака он ыл известен еще и как Аргун Андриев (Яргак).

Для начала приведем историческую справку Я.Г. Солодкина:

«Самый известный среди первых атаманов Березова Истома (Савва) Аргунов в начале как минимум более чем 30-летней службы в этом городе участвовал в походе против властителя Пегой орды князя Вони, когда был выстроен Нарымский острог, в экспедиции на Подкаменную Тунгуску, где объясачил эвенков, а затем ввиду угрозы мятежа, который собирались поднять местные "иноземцы", сооружал или ремонтировал березовские укрепления, видимо, с соболиной "казной" ездил в Москву (во время одной из таких "посылок" атаман попал в плен к тушинцам, но при неясных обстоятельствах сумел бежать и вернулся в Сибирь). Мнение ряда историков о том, что И. Аргунов находился в числе березовцев, заложивших в 1600 г. вместе с тоболяками и сургутянами Мангазейский острог, следует отклонить, как и версию Е.В. Вершинина, будто под ближайшим соратником Ермака Аргуном Андриевым создатель Пинежского летописца середины XVII в. подразумевал Истому (тот очутился за "Камнем" через тринадцать лет после занятия вольными казаками столицы хана Кучума Кашлыка или Искера)».

Благодаря челобитной его сына — Лазаря Аргунова, служившего в Якутске и бывшего приказным человеком на Индигирке, стало известно, что его отец — донской казак, в 1590 году участвовал в «немецком» походе царя Федора Иоанновича к Нарве. Вместе с другим будущим березовским атаманом Яковом Чермным он служил «у Спаса на Неве» в 1592–1593 годах, а потом был направлен в 1596 году в отряде князя П.И. Горчакова на подавление антирусского восстания остяков и «самояди» в Обдорском княжестве, в следующем году казаками был разгромлен Верхний Нарым — резиденция правителя селькупской Пегой орды князя Вони и построен новый Нарымский острог.

Вполне возможно, что Истома Аргунов был и в числе первостроителей Томска.

«В 1601 году 70 березовских казаков во главе с атаманами Иваном Пешим и Истомой Аргуновым отправили в Москву челобитную. Думаю, мы имеем все основания для отождествления Саввы и Истомы Аргуновых. Для русских людей XVI–XVII столетий иметь два имени было делом обычным (одно имя христианское, другое — мирское, своего рода прозвище). В челобитной Лазаря Аргунова его отец назван христианским именем, а при жизни он наверняка был больше известен как Истома. Кажется маловероятным, чтобы в Березове на рубеже XVI–XVII веков одновременно служили два атамана Аргуновых. Из челобитной Саввы-Истомы Аргунова и его товарищей мы узнаем о том, что они участвовали в большом походе против селькупской Пегой орды (1597), во время которого захватили пленных и привезли их в Березов. Между походом на Пегую орду и подачей челобитной Савва Аргунов принял участие еще в одном исторически важном событии — экспедиции 1600/01 года, в результате которой была основана Мангазея. Рассказ Лазаря Аргунова (по семейным преданиям) об этом походе является важным источником, дополняющим другие немногочисленные свидетельства. По словам сына, его отец был послан "из Березова… в Мангазею с князем Мироном Шаховским да Данилом Хрипуновым зимним путем на нартах. И самоядь их, многих служилых людей, побили и запас их отгромили, и после того оне до Мангазеи шли, голод и всякую нужу терпели. И пришед в Мангазею, самоядь в аманаты поймали и к шерти их привели и город поставили"». (Е. Вершинин «Жил – был раньше такой атаман…»

1608 г. января 10. — **Грамота в Березов воеводе Петру Черкаскому о выдаче березовским служилым людям жалованья за городовую службу во время восстания березовских остяков, вогулов и самоедов.**

От царя и великого князя Василия Ивановича всеа Русии на Березов воеводе нашему князю Петру Ахамашуковичу Черкаскому да голове Ивану Игнатьевичу Зубову. Били нам челом **Березова города атаман казачей Истома Аргунов, да казак Васька Юрьев, да литвин Федька Волошенин** и во всех товарыщов своих Березова города служилых людей литвы и казаков место, а сказали: в прошлом во 115-м году, как де изменили Березовского уезда все ясашные лю-

ди, и они де в те поры на Березове сидели в осаде два месяца, и около города ров копали, и во рву острог ставили, и город крепили, и божьею милостью многих изменников переимали; и вам бы за их службы и за городовое дело пожаловать нашим великим жалованьем, сверх годового. И мы Березова города всех служилых людей пожаловали, велели им дати нашего жалованья за городовое дело, сверх годового, по полтине человеку. А которые Березова города служилые люди были на Москве в челобитчикех: **литвин Миколай Орехов, казаки Васька Роев, Андрюша Микифоров, Мещерин, Ивашко Лихачев, Ивашко Смолнянин, Меншилко Иванов, Левка Семенов, Макар Федоров, Богдашка Егупов**, всего 9 человек, и тем наше жалованье за городовое их дело по полтине человеку дано на Москве сверх годового. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б Березова города нашим служилым людем атаману и литве и казакам Истоме Аргунову с товарищи 314-ти человеком за городовое известье и за службу нашего жалованья по полтине человеку дали всем на лицо, опричь беглых и мертвых, которые будет из того числа выбыли, и опричь новиков, которые прибраны на выбылые места и городового дела не ведали; и в расходные книги те деньги велели записать имянно; а кому именем нашего жалованья за городовое известье дадите, и вы б о том отписали, и роспись прислали к нам к Москве, и велели отписку и роспись отдать в приказе Казанского и Мещерского дворца, чтобы нам было ведомо. Писан на Москве лета 7116-го генваря в 10 день.

На обороте: Дьяк Алексей Шипилов.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 16, л. 141 и 141 об., № 31. Напеч. в РИБ, II, стб. 170–172, № 78.

Последние известия о березовском атамане Истоме Аргунове приходятся на 1628 год.

«Как и в других сибирских городах, в Березове уже в XVII столетии сложилась служилая верхушка гарнизона, своего рода казачий “патрициат”, состоявший из представителей определенного круга фамилий. Потомки местных детей боярских и атаманов имели все шансы получить со временем эти же чины (при условии, конечно, активной собственной службы). В 1649 году мы встречаемся с атаманом Иваном Аргуновым, который был послан с 32 казаками в Обдорский острог, осажденный

самоедами. Скорее всего, Иван Аргунов был одним из сыновей Саввы. В 1641 году казак Васька Савельев Аргунов переписывал в Белогорской волости ясачное население, а в 1651-м по заданию воеводы он же выявлял уклоняющихся от ясачного обложения в Казымской волости. В документах в обоих случаях он назван просто казаком, но характер служебных поручений указывает на его заметное положение в березовском гарнизоне. Можно не сомневаться, что именно принадлежность к атаманской семье позволяла Василию Аргунову занимать ответственную и весьма выгодную должность ясачного сборщика. Очевидно, он был младшим братом Ивана Аргунова, уже занимавшего отцовское атаманское место. Известен и Никита Аргунов, который в 1663 году ловил остяков Березовского уезда, подозреваемых в заговоре против русской власти. В 1679-м казачий атаман Федор Аргунов назван первым в челобитной, поданной на имя царя от всего березовского гарнизона. Должность атамана он занимал и в 1701 году.

Однако генеалогическая ветвь березовских Аргуновых прервалась, по всей видимости, уже в XVIII веке. Зато потомки Саввы Аргунова заняли видное место среди русских старожилов Якутии. Еще один сын Саввы, уже упоминавшийся Лазарь, оказался в числе 50 березовских служилых людей, отправленных в 1638 году в новообразованное Якутское воеводство. Сам Лазарь оставил след в истории восточносибирского мореходства неоднократными плаваниями на кочах из Якутска на реки Яну и Индигирку. Службу в казаках продолжили сыновья Лазаря — Василий и Евсей. В XVIII столетии якутские Аргуновы достигли вершины в местной служилой иерархии, а один из них даже получил звание сибирского дворянина».

Лазарь Савельевич Аргунов был отправлен на годовалую службу в Ленский острог с воеводой П. Головиным. Но, как известно, для многих это «годование» обернулось вечной службой в Якутии. Наиболее выдающимися службами Аргунова на Лене были: поход вместе с сыном боярским Василием Власьевым на бурятов, служба на Индигирке (1658–1660), где он поставил зимовье, и на реке Алазее.

В статье «Родоначальники “династий” Березовских казаков XVII века» Я. Солодкин пишет:

«Самым известным среди основателей “династий” казаков русской крепости, “срубленной” отрядом воеводы Н.В. Трахани-

отова неподалеку от устья Северной Сосьвы, является Истома (Савва) Аргунов. Его сыновья Иван, Василий и Лазарь несли службу в Березове и на "великой реке" Лене вплоть до последней трети XVII в. Старший из сыновей атамана, участвовавшего в походе против селькупской Пегой орды (на землях которой был заложен Нарымский острог) и объясачивании Подкаменной (Средней) Тунгуски, Иван, упоминающийся в первых из сохранившихся окладных книг по Березову (за 1622/23 и 1627/28 гг.), служил там в атаманах (подобно многим березовцам, его отправляли и на Обдорскуто заставу), и в 1640–1650-х гг. В последней четверти XVII – начале XVIII вв. в составе гарнизона "Березова города" в том же чине упоминается Федор Аргунов, а за 1663 г. известен представитель той же семьи Никита. Из разборной книги Томска за 1680 г. мы узнаем о том, что дед Ивана Карпова сына Аргунова был переведен в этот город (в числе многих березовцев) при его "поставлении" (1604 г.). В 1637 г. среди томских служилых значился и "Пронька" Аргунов».

Но томский казак Ивашко Аргунов сын Карпов, сообщая сведения о своем происхождении, вносит и некоторые коррективы, которые мы не можем не учитывать (почему и говорим о второй версии): «…дед был немецкой породы, в Березове служил в десятниках, по указу государя переведен в Томск, отец привезен в Томск в малых летах, дед и отец служили по Томску в конных казаках, а он, Ивашко, верстан в конные казаки при воеводе Даниле Афанасьевиче Барятинском. Оклад 7 рублев с четью, 2 пуда соли. Пашня».

В попытках найти ответ на зародившиеся сомнения в родстве томских, березовских и якутских Аргуновых мы натолкнулись на статью «Немцы в России (17 век), антропонимика», в которой ее авторы пытаются объединить эти линии:

«Аргунов Карп — томский конный казак (1636–1675 гг.), одна из ярких личностей в служилой среде Томска. Согласно словам его сына Ивана, отец Карпа был "немцем" и служил в Березове. Когда Карп был еще малым ребенком, его отца перевели по службе в Томск. Самое раннее известие о службе Карпа в Томске в наших материалах датируется 1636-м г. (СП, кн. 70, л. 161). Следовательно, нужно искать тех березовских и томских казаков, которые служили по Березову в конце XVI – первой четверти XVII в., и тех томских казаков, чья служебная деятельность началась до 1636 г. В Березове такими личностями могли

быть атаман Истома — участник осады города от восставших остяков в 1608 г. (Миллер, т. 2, с. 205); казак Сава — участник похода М. Шаховского в Мангазею в 1600 г. (Белов, т. 1, с. 36). В Томске таким Аргуновым мог быть Прокопий Васильев, десятник пеших казаков, отмеченный еще в 1631 г. (Емельянов, 1981, с. 51)».

Как бы там ни было, но в 1653 году какой-то томский казак Ивашка Аргунов был «сослан в службу в Якутск за участие в томском бунте 1649–1650 с женой Галашкой и с детьми Ивашком и Агафьицей» — об этих событиях у нас более подробный рассказ впереди.

А что нам известно о томском казаке Проньке Аргунове:

«Аргунов Прокопий (Пронка) Власов, томский пеший казак десятка В.А. Капустина, десятник пеших казаков (после 1630 г.). Служит с пашни. Продал свою заимку на берегу р. Ушайки (посеяно 2 чети ржи, изба с подклетом, двор в заплоте, баня, овин, поскотина) однодворцу А. Протопопову (1631 г.). Хозяйство: своей пахоты 10 четей ржи, 4 чети овса, 3 чети ячменя, 2 чети ярицы и 1 четь пшеницы (1637 г.). 12 мая 1625 г. продал рыбу "своего лова". Женат. В 1629/30 г. отвозил отписку томского воеводы к Москве. Принял активное участие в событиях 1648/49 гг.: вместе с другими приходил во двор воеводы "с лаем", подписывал городскую челобитную, "грабил" двор сына боярского П. Сабанского. В 1650 г. был участником делегации томичей в Москву».

С ним случилась та же беда, что и с Ивашкой: *«Сослан в службу в Якутск за участие в томском бунте 1649–1650 с детьми Ивашком, Евсевейком, Омельком, Паранкой, Палашкой, Матренькой, Татьянкой и Каптелинкой».*

Но и Лазарь Истомин (в некоторых документах Савин) сын Аргунов, прямой наследник Истомы, в Якутском остроге тоже не давал покоя своему начальству:

1645 г. — **Отписка торгового человека в Якутскую приказную избу о восстании казаков Якутского острога.**

«153-го году июля в 3 день у казенных анбаров соболиных стояли служивые люди на карауле **Алешка Коркин, Данилко Скребычкин, Фетька Чюкичев, Лазарко Аргунов.** Тово ж числа с утра велено выдать к потписке соболи государевы и тово ж числа извещали торговые люди столь-

нику и воеводе Петру Петровичю Головину: у казенного де анбара лестницы нет, отнесена де под башню в ворота, а на карауле де стоит у казенных анбаров служивый человек Алешка Коркин один, и ево де посылали по лестницу и он де не идет. И тово ж числа распрашивал стольник и воевода Петр Петрович Головин того де служивого человека Алешку Коркина, а для чево он, Алешка, по лестницу не пошел под башню и Олешка Коркин сказал: для того де яз, Алешка, по лесницу не пошел один: десять на карауле, а товарищи де мои служивые люди Данилко Скребычкин, Фетька Чюкичев, Лазарко Аргунов на карауле в тоя поры не были, розошлись по домам. Июля ж в 4 день стольник и воевода Петр Петрович Головин тех служивых людей караульщиков 3-х человек Данилка Скребычкина, Фетьку Чюкичева, Лазарка Аргунова велел добыть их деньщиком Ивашку Дубову, да Офоньке Медветчику, хотел им дать поученье, бить батоги, потому что приказано им, велено у казенных анбаров стоять им безпрестанно двум человеком, а другим двум человеком велено быть под приказом в потклети безпрестанно для береженья и для сполошного времяни и для пожару. Тово ж числа деньщики, пришед, сказали: служивые де люди караульщики Данилко Скребычкин, Фетька Чюкичев, Лазарко Аргунов не слушают и в приказ не идут и после тово, помешкав, те служивые люди караульщики Данилко Скребычкин, Фетька Чюкичев, Лазарко Аргунов в приказ пришли и стольник и воевода Петр Петрович Головин велел тех караульщиков Данилка Скребычкина с товарищи деньщиком бить батоги и ис сеней служивые люди почали говорить тем караульщикам, велели выбежать из приказу вон и те служивые люди, караульщики, Данилко Скребычкин, Фетька Чюкичев из приказу вон выбежали и стольник и воевода Петр Петрович Головин вышел в сени почал говорить служивым людям: для чево приходят шумом и служивых людей от наказанья отымают: и из служивых людей выступался пятидесятник Мартынко Васильев, почал говорить: не бей де нас, не дадим де бить никово. И стольник и воевода Петр Петрович Головин хотел ево, Мартынка зашибить рукою и Мартынко ухватил стольника и воеводу Петра Петровича Головина за груди и отпехнул от себя прочь и тут же стоя закричал служивой человек тобольской Алешка Коркин — не бей де нас, не бей, не дадимся де бить и стольник и воевода Петр Петрович Головин велел взять ево, Алешку Коркина, служивым людям и служивые люди за нево, Алешку, не приметца нихто. И стольник и воевода Петр Петрович Головин принялся за нево, Алешку, и сам Олешка Коркин принял стольника и воеводу Петра Петровича Головина за груди и поволок из сеней на крыльцо и приволок к порогу к сенному, а кличет к себе служивых людей, а служивые люди стоят на крыльце многие и тюремщики и стоя крычат великим шумом.

И в те поры кинулся новоприборной служивой человек Ивашко Пуляев, которой седит в Приказе в подьячих и ухватил Олешку Коркина на пороге сенном за волосы, а другою рукою за руку, которую рукою он, Олешка, держал стольника и воеводу Петра Петровича Головина за груди и отнял у нево, Алешки, стольника и воеводу Петра Петровича Головина от Ивашкиных рук на сенном пороге.

А в те поры были в сенях сын боярский Иван Пильников да служивые люди Семейка Черкашенин, енисейской служивой человек Симанко Головачев, тобольской служивой человек десятник Данилко Иванов Козица, Ивашко Сергиев да деньщики служивые люди Ивашко Дубов, Афонька Медветчик, да торговые люди Матюшка Ворыпаев, Лучка Гундоров, гостиной сотни торгового человека Василья записи приказчик Якунька Кокорин, печатника и думного диака Федора Федоровича Лихачева крестьянин Ивашко Осколков.

В тоя же поры на крыльце на нижном и перет приказом на площаде служивые люди Богдашко Медведко, Алешка Коркин, Пашко Малафиев, пятидесятник Мартынко Васильев, тюремных поседельцев Панько Мокрошубов, Вторышка Катаев, Костька Дунай, Евлампейко Шаламко кричали великим шумом, чево де стоять, пойдет де на двор к воеводе и поемлем людей его и побьем и торговых де людей Афонасья Федотова и иных торговых людей, которые ходят к воеводе к Петру Головину на двор побьем же. Ходят к воеводе к Петру Головину на двор побьем же, а буде до смерти не убить ино де ноги да руки отломаем людям ево и торговым людям и за приставы пометать, а Нехорошка де Павлова из за приставы выпустим и по тюремщиков выпустим и за приставов отдадим. А как кричали на площади, и в те поры тут бы-

ли на площади, которые, приставлены у соболиного розбору в караульщиках служивые люди енисейской Митька Вятка, тобольские служивые люди Гришка Табуркин, Ивашко Пиминов, березовской Васька Юрьев, енисейской Агапитко Иванов. Записку писал торговой человек Лучка Гундоров».

ЦГАДА, ф. Якутская приказная изба, опись № 2, 31, лл. 10–12

Самым многодетным из якутских Аргуновых был ссыльный Прохор (Пронька), казачий десятник. У него было трое сыновей, когда его сослали в Якутск — Иван, Евсевий и Емельян (Омелька). И пять дочерей — Паранка, Палашка, Матренька, Татьянка и Каптелинка.

Сыновей у него было, по всей видимости, больше — просто старший, Максим Прохоров сын Аргунов, к тому времени был уже самостоятельным человеком (его и выслали отдельно с женой Дарьицей) и нес службу — в 1681 году был десятником, а в 1687 году — пятидесятником. У него самого уже в 1681 году в казаках был сын Ивашко Максимов Аргунов.

Емельян (Омелька) Прохоров сын Аргунов был в 1666–1668 годах приказчиком на Индигирке, а в 1677–1679 годах — в Подшиверском зимовье. У него был сын Андрюшка (1677 г. р.).

Евсевий (Евсютка) Прохоров сын Аргунов к 1706 году дослужился до чина сына боярского. У него были сыновья Григорий (1681 г. р.) и Дмитрий (1683 г. р.). Воспитывал он также племянника Мишку (1688 г. р., вероятно, сына одной из своих пяти сестер, хотя среди казаков в 1706 году упоминается Михаил Аргунов).

Но это еще не полный список Евсеевичей. В 1688 году на казачью службу верстан Петр Евсеев сын Аргунов, в 1706 году он служил уже в чине пятидесятника. В 1694–1695 годах был приказчиком Алазейского зимовья

Встречается среди казаков в 1706 году и Никита Евсеев сын Аргунов, по всей видимости, младший из сыновей Евсевия Прохоровича, который служил в четвертой пятидесятне Якутского казачьего полка.

Что касается детей Ивана Прохоровича, то с этим сложнее, так как из Томска был выслан в Якутск еще один Ивашко (но это был не Иван Карпов сын — тот в 1680 году продолжал свою службу в Томске) Аргунов, у которого, в свою очередь, тоже был сын Ивашка. И в таком случае вопрос о происхождении казака Аргунова Ивана Иванова сына, «пятидесятника за полками» в 1706 году, пока неясен.

У одного из многочисленных Иванов Аргуновых были, в свою очередь, сыновья Тимофей (1683 г. р.) и Василий (1685 г. р.).

В списках казаков за 1661 год мы находим Степана (к сожалению, без отчества) Аргунова. Возможно, это сын Лазаря. У Степана тоже было два сына-казака — Василий и Сергей.

Один из двух Василиев — Иванович или Степанович? — в 1704 году был убит камчадалами либо коряками на западном побережье Камчатки в районе реки Пустой.

Если это Василий Иванович, то он был старше своего тезки — так как служил уже в 1681 году, а Василий Степанович был верстан в казаки в 1686 году.

У Василия Степановича Аргунова было два младших брата — Алешка (1681 г. р.) и Петрушка (1685 г. р.).

Еще один Аргунов — Сидор Иванов сын — тоже погиб на Камчатке в 1705 году.

Степан Петрович Крашенинников также называет среди своих помощников имя Аргунова: «Служивых людей при мне пять человек, а имянно: Осип Аргунов, данной мне в Якуцке для письма, Иван Пройдошин, определен от здешней приказной избы для чинения метеорологических обсерваций, а для россылок Иван Попов, Иван Черной, Петр Матвеев да толмач Алексей Горлов».

А в противоположность Осипу Аргунову, который прибыл из Якутска на Камчатку, с Камчатки был выдворен в 1738 году его, вероятно, родственник: «…в 1738 г. подпоручик Латышев, служилые Карпов и Аргунов и толмач Агататов биты кнутом, и последние два сосланы в вечную работу в Охотск».

Причины?

В период когда завершалась работа по расследованию причин Харчинского бунта, связанных с грабежом местного населения, этот грабеж по-прежнему продолжался и происходил в не меньших масштабах: после смерти камчатского приказчика Добрынского *«должность его принял сын боярский Шестаков, который был не более как исполнитель приказаний походной розыскной канцелярии. Но, когда в 1737 г. Шестаков был привлечен к следствию по камчатскому бунту, Писарев послал в Камчатку подпоручика Максима Латышева с сборщиком Аргуновым, служилыми Кришотовым и Карповым и 27 человеками казаков. Все они разъезжали по Камчатке и несмотря на недавнее наказание их предшественников за злоупотребления брали взятки с камчадалов чем могли и собирали ясак за умерших и убитых в бунте, пока не узнал*

об этом Мерлин, который распорядился сменить с должности Латышева и отдать его вместе с сообщниками под суд, а в 1738 г. всех их по приговору розыскной канцелярии наказал нещадно кнутом».

Имя, к сожалению, не указано.

Но, по данным на 1706 год в составе Якутского казачьего полка мы находим следующих Аргуновых:

Борис Аргунов (двенадцатая пятидесятня), Алексей Аргунов сын Степанов (шестая пятидесятня), Василий Аргунов сын Иванов (третья пятидесятня), Василий Аргунов сын Степанов (седьмая пятидесятня), Григорий Аргунов сын Евсеев (шестнадцатая пятидесятня), Михайла Аргунов (четвертая пятидесятня), Никита Аргунов сын Евсеев (четвертая пятидесятня), Петр Евсеев Аргунов, пятидесятник (десятая пятидесятня), Сергей Аргунов сын Степанов (двенадцатая пятидесятня), Тимофей Аргунов (третья пятидесятня).

В 1815 году в Петропавловском порту в Камчатской казачьей команде служили Андрей и Прокопий Захаровичи, а также Яков Григорьевич Аргуновы.

* * *

Бабарыкины, Боборыкины. И целый ряд других написаний этой фамилии. Смысл один — «головастый», «башковитый» от «бабарыка» — «головастая рыба».

В свое время бояре из рода Кобылиных, которые произвели на свет будущих царей Романовых, окрестили этим именем одного своего родича.

В Березове Бабарыкин был одним из первых казачьих атаманов одной из трех сотен, расквартированных в крепости. Эта фамилия там долгое время и сохранялась в своем родовом первозданном виде.

Но на Камчатку, как мы предполагаем, ушел служить Бабарыкин уже из Томска.

«**Деревня Бабарыкина на р. Томи.** *Конных казаков пятидесятник Данила Степанов сын* ***Бабарыкин,*** *детей у него верстанные в службу конные казаки Петр женат у него сын Афонасей полугоду да у него ж Данила сын Осип женат у него сын Петр 5 Андрей 3; да у него ж Данила дети неверстанные в службу Стефан женат, у него сын Дмитрей 4; Федор 20; брат родной Иван 45…»*

Федор Данилович Бабарыкин (1683 г. р.), казачий сын, в 1703 году не был верстан в казаки, и, вполне возможно, это и был тот Федор Бабарыкин, который пошел добровольно с Владимиром Атласовым служить на Камчатку (а в Енисейске новоприборные

казаки за деньги обменивались своими местами с «добровольцами») и оказался в конечном итоге в «воровской» команде Данилы Томского — атамана Данилы Яковлевича Анциферова.

Позже, в период массового расказачивания сибирских казаков царем Петром и его последователями в долине реки Камчатки (возле Верхнекамчатского острога на реке Мильковушке) поселились крестьяне Бабарыкины, которые не только пахали скудную до хлебов камчатскую землю, но и продолжали свой казачий святой путь встречь солнцу – участвовали в промысловых экспедициях в Русскую Америку.

* * *

Галкины

Алексей Галкин — патриарх одного из самых знаменитых родов сибирских землепроходцев. Он пришел, как и, предположительно, Иван Дурыня, как Савва Аргунов, в Сибирь в отряде Ермака Тимофеевича или первых русских воевод.

«От великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца, в Сибирь, в Енисейск, столнику нашему и воеводе Богдану Даниловичю Глебову да подьячему Ивану Борисову. В нынешнем 1701 году, генваря в 5 день, бил челом нам великому государю енисейской неверстаной сын боярской Василей Галкин. В прошлых де годех, прадед его, Алексей Галкин, служил нам великому государю в Сибири с Ермаком Тимофеевым и взял Сибирское царство. И после де того, прадед его служил на Березове в атаманех 30 лет; и по нашему великого государя указу послан был с Березова на нашу великого государя службу в Мангазею, а из Мангазеи от иноземцов убит. И дед де его Иван Галкин служил в Енисейску в детях боярским многие годы, и из Енисейска посылан был по Тунгуске реке для проведыванья немирных иноземцов и для призыву их в наш великого государя ясачной платеж; и дед де его Иван в той службе проведал Илим реку и великую реку Лену и Байкал озеро, и на тех озерах Баргузинской и по посторонным рекам Ангарской и Баунтовской остроги поставил, и к тем острогам иноземцов в наш великого государя ясачной платеж призывал и аманатов с них побрал, и те иноземцы и доныне ясак в нашу великого государя казну платят по вся годы. А отец де его Алексей Галкин служит нам великому государю в Енисейску в детях боярских всякия наши великого государя службы многие годы, и в Киргизы был посылан на нашу великого

государя службу дважды; а после де киргиские службы посылан в Саянскую землицу, для призыву немирных иноземцов в ясачной платеж, и взял с них аманатов двух человек, и для тех аманатов те иноземцы ясак платят по сту соболей в Красноярской со 196 году. А он де Василей и по се время ни в какой чин не приверстан, а служит нам великому государю с енисейскими верстаными детми боярскими, и от приходов неприятелских воинских людей в Белской острог и в проезжие станицы из Енисейска посылан был. И в прошлом де 1702 году прислан он к Москве из Енисейска за нашею великого государя денежною казною. И нам великому государю пожаловать бы его, за многие службы прадеда и деда и отца и дядей его и за его службы, приверстать его в Енисейску в дети боярские в выбылой денежной оклад умершего енисейского сына боярского Ивана Перфильева; а за хлебное жалованье служить ему с пашни на заимке отца его Алексея Галкина. И по нашему великого государя указу, велено его Василья поверстать в Енисейску в дети боярские умершаго сына боярского в Иваново место Перфильева; а нашего великого государя жалованья оклад ему учинить последней статьи, против розметных нынешняго 1703 году тетратей: денег 7 рублев, соли 2 пуда; а за хлеб служить ему с пашни, и быть ему в числе енисейских детей боярских 30-ти человек; а за хлебное жалованье пашню пахать ему Василью на заимке отца его с ним вместе. — И как к вам ся наша великого государя грамота придет, и вы б в енисейских окладных имянных денежных и хлебных и соляных книгах имя его Васильево с тем вышеписанным денежным и соляным окладом велели написать, и наше великого государя денежное и соляное жалованье давать ему с енисейскими детми боярскими поряд; а за хлебное жалованье велели ему пахать пашню на заимке отца его с ним вместе. Писан на Москве, лета 1703 году, февраля в 26 день».

По этому поводу у историков немало разногласий:

«Согласно челобитной “енисейского недоросля” Н.А. Галкина о поверстании в дети боярские за службы предков (1699 г., до 20 сентября), его прадед А. Галкин, “взявший” с Ермаком “Сибирское царство”, 30 лет провел в атаманах “на Березове” и был “от иноземцев убит” в Мангазее (Александров 1964: 80, примеч. 5; Александров, Покровский 1991: 82; Катанаев 1998: 95; Покровский 2006: 192–193, ср. 181, 198; Скрынников 1986: 187, 267). Об этом же сказано в грамоте в Енисейск от 26 февраля 1703 г.

относительно зачисления в состав детей боярских В. Галкина (в ответ на его челобитную за 5 января 1701 г.) (Памятники 1882: 216). (Известно, что десятки березовцев несли “годовую службу” в Мангазейском остроге, затем в городе в первые годы после его возникновения).

Считать А. Галкина первым атаманом березовских казаков или полагать, что он служил в Березове в начале его существования (Внукова 2013b: 47; Резун, Васильевский 1987: 180), думается, не приходится. В 1594 г., как видно по наказу о возведении “Сургуцкого города”, атаманом в Березове являлся Д. Базаров. (Н.Н. Оглоблин принимал его за письменного голову (Обозрение 1901: 123), но эту должность тогда занимал А.И. Благой или Благово) (Вершинин, Шашков 2004: 12, 15). В самом конце XVI в. березовскими атаманами числились И. Аргунов, И. Пеший (Пешнев) и Я. Чермной. Первый из них упоминается и в именной книге гарнизона Березова за 1627/28 г., где указания на А. Галкина мы не находим; зато в казаках в этом документе значится И. Галкин, ставший в конце 1620-х гг. атаманом Енисейского острога (Березово 2008: 85, 88; Бродников 2009: 123; Миллер 2000: 66, 67, 422, 440–442; Миллер 2005: 51–53, 158, 159 и др.).

Самое раннее известие о А. Галкине как березовском атамане (тогда он сопровождал ссыльных из Москвы до Тобольска через Верхотурье) относится к 1610 г. (Верхотурские грамоты 1982: 246). В первых десятилетиях XVII в. в Березове, по наблюдению Е.В. Вершинина, несли службу три атамана, каждый из которых возглавлял, что было обычным, казачью сотню; в то время березовский гарнизон насчитывал приблизительно 300 (порой с небольшим) служилых (Внукова 2013a: 31; Пузанов 2011: 109, 114). В начале “бунташного века” атаманом в Березове являлся и И. Мокринский. Видимо, к тому времени И. Пешего (Пешнева) или не было в живых, или его перевели в другой гарнизон».

В 1610 году, по крайней мере, это уже точно, Алексей Галкин, родоначальник казачьей сибирской фамилии Галкиных, ходил в березовских атаманах, а погиб во время несения «годовалой» службы в Мангазее.

Удивительное дело (а впрочем, есть ли чему удивляться, когда территория Сибири разделялась на зоны влияния), что бывший березовский казак Иван Галкин, отправленный из Березова служить в Енисейский острог и будучи, как отец, атаманом, стал

главным врагом мангазейских (читай — тех же березовских казаков), когда их пути-дороги перекрестились на великой реке Лене. И ведь дело дошло до смертоубийства.

И все потому, что мангазейцы, выйдя с севера на реку Лену, считали эту территорию своей. А енисейцы, зайдя с юга, — своей.

И, конечно же, никто не хотел делиться добычей.

Атамана Ивана Галкина нельзя было обвинить в трусости. Вот только один из примеров:

«Атаман Иван Галкин на драке и на приступех дрался явственно, убил якутцково куячново мужика <…> да брата князца Еттюя да ранил тынина сына князца Откурая да под князцем Боизоном убил коня да к острогу на приступех убил якутцково мужика. Он, атаман Иван, ранен в брюхо в левой бок да в правую руку дважды, в локоть да в плече да в голову да под ним, под Ываном, убит конь до смерти» (1634 г.).

Василий Галкин, поверстанный в якутские казаки пятнадцатой пятидесятни на «убылое» место Петра Андреевича Цыпандина, и В. Галкин, поверстанный в енисейские дети боярские в 1701 году, о котором говорилось выше, это, по всей видимости, разные люди.

В. Галкин — это Василий Алексеевич, правнук Алексея, внук Ивана Алексеевича, сын Алексея Ивановича Галкиных.

«От великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца, в Сибирь, в Енисейск, столнику нашему и воеводе Богдану Даниловичю Глебову да подьячему Ивану Борисову. В нынешнем 1701 году, генваря в 5 день, бил челом нам великому государю енисейской неверстаной сын боярской Василей Галкин. В прошлых де годех, прадед его, Алексей Галкин, служил нам великому государю в Сибири с Ермаком Тимофеевым и взял Сибирское царство. И после де того, прадед его служил на Березове в атаманех 30 лет; и по нашему великого государя указу послан был с Березова на нашу великого государя службу в Мангазею, а из Мангазеи от иноземцов убит. И дед де его Иван Галкин служил в Енисейску в детях боярским многие годы, и из Енисейска посылан был по Тунгуске реке для проведыванья немирных иноземцов и для призыву их в наш великого государя ясачной платеж; и дед де его Иван в той службе проведал Илим реку и великую реку Лену и Байкал озеро, и на тех озерах Баргузинской и по посторонным рекам Ангарской и Баунтовской остроги поставил, и к тем острогам иноземцов в наш великого государя ясачной платеж призывал и аманатов с них побрал, и те иноземцы и доныне ясак в нашу великого государя казну платят по вся годы. А отец де его Алексей Галкин служит нам великому государю в Енисейску в детях боярских всякия наши великого государя службы многие годы, и в Киргизы был посылан на нашу великого государя службу дважды; а после де киргиские службы посылан в Саянскую землицу, для призыву немирных иноземцов в ясачной платеж, и взял с них аманатов двух человек, и для тех аманатов те иноземцы ясак платят по сту соболей в Красноярской со 196 году. А он де Василей и по се время ни в какой чин не приверстан, а служит нам великому государю с енисейскими верстаными детми боярскими, и от приходов неприятелских воинских людей в Белской острог и в проезжие станицы из Енисейска посылан был. И в прошлом де 1702 году прислан он к Москве из Енисейска за нашею великого государя денежною казною. И нам великому государю пожаловать бы его, за многие службы прадеда и деда и отца и дядей его и за его службы, приверстать его в Енисейску в дети боярские в выбылой денежной оклад умершего енисейского сына боярского Ивана Перфильева; а за хлебное жалованье служить ему с пашни на заимке отца его Алексея Галкина. И по нашему великого государя указу, велено его Василья поверстать в Енисейску в дети боярские умершаго сына боярского в Иваново место Перфильева; а нашего великого государя жалованья оклад ему учинить последней статьи, против розметных нынешняго 1703 году тетратей: денег 7 рублев, соли 2 пуда; а за хлеб служить ему с пашни, и быть ему в числе енисейских детей боярских 30-ти человек; а за хлебное жалованье пашню пахать ему Василью на заимке отца его с ним вместе. — И как к вам ся наша великого государя грамота придет, и вы б в енисейских окладных имянных денежных и хлебных и соляных книгах имя его Васильево с тем вышеписанным денежным и соляным окладом велели написать, и наше великого государя денежное и соляное жалованье давать ему с енисейскими детми боярскими поряд; а за хлебное жало-

ванье велели ему пахать пашню на заимке отца его с ним вместе. Писан на Москве, лета 1703 году, февраля в 26 день.

На подлинной грамоте в закрепе по листом написано: дьяк Иван Чепелин. Справил Петр Скурихин.

Но и якутский казак Василий Галкин — тоже может быть из тех казачьих детей Енисейска, которых по московской разнарядке «прибирал» Владимир Атласов.

Галкины служили и в Таре. Я не знаю, были ли они родственниками:

«Десятник Тимошка Галкин верстан на Таре в стрельцы при воеводе при Григоре Бутурлине в прошлом во 156-м году. Оклад ему Великих государей денежного жалованья пять рублев с четью хлеба четь с осминой и с четвериком и малой четверик ржи четь с полу осминою и полпол четверик овса 2 пуда соли. А служеб ево в те годы посылан на годовую и на береговую для оберегань ясашных тотар одинатцатью по государеву соляную казну посылан был дватцатью да он же посылан был дважды з государевою казною к солее с ***Федором Байковым*** *и по городу и по острогу днем и ночью караулы караулит перемянясь дней в пять и в десять своею братею вряд. А от рождения ему 61 год. А детей у него сын Фролка 18 лет сын Офонка 14 лет Ивашко 5 лет».*

Но эта информация для нас интересна еще и тем, что впервые мы находим сообщение о сибирской фамилии Байковых – один из представителей которой был участником обороны Петропавловского порта в 1854 году.

* * *

Москвитины

Понятно, что под этим прозвищем могли значиться самые разные москвичи — как уроженцы столицы, так и московские служилые люди.

Тем не менее, прямая связь Березов — Томск дает нам основание предполагать, что и Иван Юрьевич Москвитин мог первоначально служить в Березове, а уже оттуда попасть, как и другие березовские казаки, в Томск.

Историки о нем мало что рассказывают. Указывают даты его жизни — 1603–1671 годы — но подтверждения этим датам я нигде не обнаружил.

Первые сведения о нем самом датируются 1626 годом, когда он служил рядовым пешим казаком в Томске, в 1631 году Иван

Москвитин с небольшим отрядом томских казаков, вероятно, будучи уже десятником, побывал на Ангаре, а в свой знаменитый поход с Дмитрием Копыловым он пошел уже будучи пятидесятником.

Об этом походе он доложил царю сам:

«…посланы были ис Томского города томской сын боярской Дмитреи Копылов на Олдан реку на иво государеву службу, а с ним, Дмитреем, с Томского служилых людеи пятдесят пят[ь] человек. А я, холоп твои, послан с ним ж, Дмитреем, для того, чтоб ему, Дмитрею, с служилыми людми окол[о] Олдан реки непослушных земел[ь] привесть под высокую руку отца твоего, государя нашего, царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии, и ясак с них взят[ь].

И как Дмитреи Копылов пришел на Олдан реку с нами, холопи твоими, и мы с ним, Дмитреем, острог поставили и под высокую руку отца твоего, нашего государя, царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии, непослушных земел[ь] Накорские земли екутов князца Боргулака, да князца Тохтомуя, да князца Тубека и с их родники и с улусными людми; да тунгусов Буталские земли князцов Жигин шемана, да князца Новончя с их родники и с ясашными людми; да Лалогинские земли князца Томкони шемана с иво родники и с ясашными людми. И с тех князцов в заклад и ясак с них взяли тритцат[ь] сороков соболеи. Да те же князцы сказывали ему, Дмитрею, и нам, холопем твоим, что есть многие и непослушные земли блиска… моря и гора, а в неи серебряная руда.

И он, Дмитреи, послал меня, холопа твоего, а со мною тритцат[ь] человек для тое горы и для иных орд и непослушных землиц проведывати. И я, холоп твои, на море ходил, блаженные памяти отцу твоему, великому государю, царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии и тебе, государю, служил; и гору, где серебряная руда; и про сиделых людеи, которые сидят окол[о] тои горы по реке Онкуру, и по реке Чирколу, и по реке Омуту сиделые и кочевные люди, и на островах на море натцких людеи, и по реке Охоте щелганских людеи; и с ними бился. И убили у них шездесят человек. И Ковыра князца с иво родники и с ясашными людми тунгусов, да Изенские земли князца Дорогу с его родники и с ево ясашными людми под высокую руку отца твоего, государя

нашего, царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии, привел и ясаку с них взял двенатцат[ь] сороков соболеи самых добрых.

И я, холоп твои, пришел от моря с товарыщи своими в Якутцкой острог на великую реку на Лену. И у меня, холопа твоего, с товарыщи взял в Якутцком остроге твою государеву казну двенатцат[ь] сороков соболеи Петр Головин с товарыщи своими. Да у меня ж, холопа твоего, взял [с] горы, где серебряная руда, круг серебрянои. А я, холоп твои, тот круг понес было для ведома блаженные памяти к отцу твоему, государю, царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии. Да он же, Петр с товарыщи, взял круг меднои, а круг делан на реке на вершине Чирколе из горы же. И взял у меня роспис[ь] всему моему ходу и всем ордам; и землям, которые я, холоп твои, проведал а под высокую руку отца твоего, государя, царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии, привел; и рекам. А о тои, государь, твое и государеве казне, о двенатцети сороках соболеи, Петр Головин с товарыщи писал в Томскои город к воиводам князю Семену Клубкову Мосалскому глухотово в отписке своеи имянно не написал им, сколко сороков соболеи у меня, холопа твоего, взяли, и в какову цену. И Дмитреи Копылов, и сын иво Тимофеи, и наша братя служилые люди за олданскую службу пожалованы. А я, холоп твои, з Дмитреем Копыловым на Олдане реке тебе, государю, служил; и сверх тое олданские службы я, холоп твои, на море служил и под твою государеву высокую руку привел три земли и ясак с них взял; и сверх тово про серебряную руду проведал.

Милосердый государь, царь и великий князь Алексеи Михаилович всеа Русии, пожалуи меня, холопа своего, своим государевым жалованьем за мою службишко против моеи брати, кому я, холоп твои, службишком в версту; вели мне, холопу своему, прибавит[ь] своего государева денежного и хлебного жалованя. И вели, государь, мне быт[ь] в Томском городе атаманишком. Царь, государь, смилуися».

Летом 1647 года он вернулся из Москвы в Томск, будучи атаманом.

Историк Борис Петрович Полевой восстановил большинство из имен томских и красноярских казаков, которые вместе с Иваном Москвитиным обследовали тихоокеанское побережье:

*«Вот уже более 10 лет в устье Ульи стоит памятник, посвященный этому важному событию в истории нашей родины. На памятнике надпись: **“Казаку Ивану Москвитину и его товарищам: Дорофею Трофимову, Ивану Бурлак, Прокопию Иконнику, Степану Варламову, Алферу Немчину, Ивану Онисимову, Тимофею Овдокимову, Ивану Ремез, Еремею Епифанову, Денисову ’Пеньке’, Василию Иванову, Дружину Иванову, Семену Петрову** — первым русским, вышедшим в 1639 году к берегам Тихого океана благодарные потомки”. Данный список был заимствован из моей публикации 1959 г. 22 с необоснованным пропуском имен Афанасия Иванова и Нехорошего Иванова Колобова. Но с тех пор по документам удалось установить еще ряд имен участников похода. Это — **Иван Иванов, Павел Иванов, “Пятунька” Иванов, Никита Ермолаев, Сергей Корнилов, Кирилл Осипов, Даниил Федосов, Клим Олексеев, Потап Кондратьев и умерший Петр Саламатов.** Следовательно, теперь из 31 участника исторического похода нам известны 25 имен».*

Часть казаков из Томского отряда И. Москвитина будет задержана якутским воеводой П. Головиным и останется служить уже в здешних местах.

Москвитины и Москвитиновы служили также в Енисейске, Красноярске и Иркутске.

В 1654 в Якутск был сослан «в службу» Родька Москвитин сын Семенов.

На Камчатке у казачьего головы Владимира Атласова был ясачный сборщик на реке Колпаковой Марк Москвин.

* * *

Кокоулины

Кокоуля — это бородавка. Поэтому у прозвища может быть простое объяснение. Кокоулями также называли разновидность сохи и Кокоулиным мог называться мастер по их изготовлению.

Кокоулины появляются в Березове в 1610-х годах. Атаман Бажен Кокоулин и с ним еще трое родственников, которые и стали березовским родовым ядром на многие десятилетия:

«Как указывал В.Е. Вершинин, с начала XVII в. среди березовцев известны Кокоулины. Казак Бажен Кокоулин, ездивший в Москву в 1615 и 1619 гг., в 1641 г. являлся уже атаманом. За несколько десятилетий, начиная с 1620-х гг., сохранились свидетельства о службе в Березове многих представителей этой семьи — Михаила (сына Бажена), Семена (являвшегося в 1616/1617 г. город-

ничим) и Василия Гавриловых детей, сыновей последнего Смирного и Ивана, а также Константина».

А далее история повторяется, как и у Аргуновых: кто-то из Кокоулиных уходит в мангазейские казаки, кто-то в енисейские:

«Путь на Лену через Оленек был долог и труден. Проще было идти через Вилюйский хребет или от южных притоков Нижней Тунгуски к верховьям Лены. Последний путь избрал Матвей Парфеньев. Этой дорогой на Лену ходил летом 1626 года и мангазейский казак Важен Кокоулин».

В 1646 году пересекаются пути-дороги одного из Кокоулиных с промышленным человеком Иваном Камчатым — «Запись об извете промышленного человека Ивана Камчатого о посаженном в караульню служилыми людьми Заварзой Кокоулиным с товарищами». Это, кстати, и самое первое упоминание в истории о человеке, именем которого, как предполагают некоторые историки, и была названа сначала река, а потом и полуостров (земля) Камчатка.

Павел Васильев сын Кокоулин вошел в историю как сподвижник Семена Дежнева:

«Из ближайших к Дежневу лиц сохранилось имя одного лишь "целовальника" государевой казны в партии Дежнева: это был служилый человек Иван Пуляев, убитый впоследствии инородцами на р. Анадыре и завещавший свои не малочисленные "статки" (достатки, имущество) "в государеву казну". Сохранились имена еще двух служилых людей, отличившихся большою храбростью в боях с Анадырскими инородцами — Павла Васильева Кокоулина и Артемья Федотова Салдата (Салдатко). Они принадлежали к тем "охочим служилым людям", которые сами говорили о себе в одной из челобитных царю, что они «служат с травы и с воды без твоего государева жалованья» (М. Белов).

Павел был беглым казаком и «служил с травы и с воды» в Анадырском остроге, потому что сам избрал для себя такой резкий поворот в судьбе. Якутский воевода В.Н. Пушкин сообщал в Москву по поводу бунта казаков во главе с пятидесятником Иваном Реткиным и десятником Василием Ермолиным (Бугром), которые просились отпустить их на «новую землю» на реки Колыму и Анадырь:

«И после, государь, того, Якуцкого острогу служилые люди приходили к нам, холопем твоим, в съезжую избу все своими головами, которые в нынешнем во 155-м году в Якуцком остроге зимовали, и которые с твоих, государевых,

служеб с твоею, государевою, соболиною казною съехались. И сверх, государь, того своего челобитья говорили нам, холопем твоим, большим шумом, а иные, государь, из них, служилых ж людей, пятидесятник Шаламко Иванов да десятники: Васька Бугор, Симанко Головачев, Евсевейка Павлов да рядовые казаки: Ерофейко Киселев, Филька Мартынов, Пашко Кокоулин, Ивашко Пуляев, Федотко Салдат, Ивашко Микитин говорили и невежливо с отказом, а сказали что де, государь, они ныне бедны и раззорены от Петра Головина.

И после, государь, того их челобитья ленские служилые люди, которым было на твои, государевы, службы на дальние и на ближние реки наряжены, и твое, государево, денежное и хлебное жалованье дано, а иным и двугодовые полные оклады даны, июля в 1-м числе нынешняго 155-го году ночною порою, отняв у торгового человека у Васьки Щукина кочи, пограбя у промышленых людей хлебные запасы, а у иных лодки, собрався со многими с промышленными людьми воровски, пятидесятники: Ивашко Реткин, Шаламко Иванов, да десятники казачьи: Васька Бугор, Симанко Головачев, рядовые казаки: Ерофейка Киселев, Ивашко Пуляев, Павлик Кокоулин, Евсевейко Павлов, Гришка Онтонов, Филька Мартынов, Гаврилко Фролов, Митька Васильев, Ортюшка Федотов, Васька Щукин, Ивашко Микитин сын Пушкарев, Ивашко Павлов сын Южак, Ивашко Яковлев, Гришка Вахромеев, Ивашко Борисов сын Пенега, Архипко Максимов сын Аршин, Васька Иванов сын Вилюй, Парфенко Григорьев, Максимко Васильев сын Тотменин, всех 23 человека, да ссыльной человек, которово по твоему, государеву, указу велено было на Лене устроить в пашню, Макушка Семенов, побрав с собою ружье и зделав на том кочю бой, на низ Леною рекою побежали».

И прибежали на Колыму, присоединившись здесь к экспедиции Михаила Стадухина, которой не удалось пробиться на Анадырь морским путем. Здесь Семен Мотора, который тоже собирался на реку Анадырь, но только официально, получил приказ, который исполнили почему-то беглые же Кокоулин и Салдат:

«Да в нынешном же, во 158-м году декабря в 26 день пришел с Колымы реки сын боярской Василей Власьев в Нижное ясашное зимовье и, собрав всех служывых и торговых и про-

мышленых людей, и прочитал государево жалованье — наказную память вслух всяким людям, что велено от всякого насильства тех беглых людей Васьки Бугра с товарищы боронитца беспенно, а воров Ярафейка Киселева да Ивашка Пуляева с товарищы велено взять в Ленской острог в государевых делах. И как тот Ярафейко пришел к нашим зимовьям, и служывые люди Пашко Кокоулин, Артюшка Федотов Салдат [с] служивыми и с промышленымы людьми того вора Ярафейка Киселева взяли и, связав, отвели в ясашное зимовье, и отдали сыну боярскому Василью Власьеву. И ево, вора Ярафейка Киселева, крепине держать в ясашном зимовье укрепить не могли, свестяся по слову с Михаилом Стадухиным и с-ыными беглыми служивыми людьми, ночью неведомо как из ясашново зимовья убежал. А тот Михайло с теми беглыми служывыми людьми его, Ярка Киселева, ночью по слову, укарауля, свели к себе в зимовье. И учали те служывые люди Михайло Стадухин [с] служывыми и с промышленымы людьми, и те беглые служывые люди Васька Бугор с товарищы на нас, холопей и сирот твоих, учали приметыватца всякими мерами бездельно и подают торговым и промышленым людем на нас челобитные изветные, описываютца. А ставят оне затейной извет свой впредь себе в поправку и угрожают нам, а хотят, дорогою идучи и на месте, где бог велит быть, в ясашных и не в ясашных людех запасы и оружье, и собаки хотят сильно имать, чтоб нам, холопям и сиротам государевым, та государева служба за... жыт и между б нами рознь учинить. Да в нынешнем во 158 году ноября в 8 день он, Михайло, нашел полчанина промышленого человека Матюшку Кальина у себя на дому, бил неведомо за что напрасно. Да февраля в 10 день он же, Михайло, з беглыми служывыми людьми с Ярафейком Киселевым нашего ж полчанина промышленого ж человека Кирилка Проклова бил неведомо за что напрасно ж и ясыря у него сильно взял».

Была еще какая-то темная история, из которой мы узнаем прозвище Павла Кокоулина — Заварза (которое происходит либо от вятского и олонецкого «заварза» — неаккуратный, небрежный; либо от вологодского «заварзать» — задурить, проказничать или, возможно, охальничать): в 1649 году во время похода «*...на Ковыме реке ...Пашко Кокоулин Заварза своровал содомским блудом... которого мы взяли в Жиганех для толмачества ясачного*

якута, именем Арсютку... и убил бы его он, Пашко, после того... из пищали... бил его сковородником и бровь у него, Орсютка розсадил и изувечил навек, и за то ему, Заварзе, учинили наказание, били батоги». Этот Пашка затаил злобу за то, что его так «нетолерантно» за садизм и содомию наказали, и 9 июня «*он же, Пашко Кокоулин Заварза приходил украдом, летом к нашему летовью... и как с рыбной ловли ехали служилые люди в лодке возле берега, и он Пашко стрелял из пищали и из лука Ивашка Пуляева, Ваську Вилюя, у Юшка Трофимова руку прострелил, а сам он, Пашко, ушол в лес, и вперед, государь, он Пашко похваляетца смертным боем*».

А беглые его товарищи бежали дальше, уже при поддержке Михаила Стадухина, на Анадырь-реку... Но там беглецов ожидал не пушной Клондайк, как ходили легенды в Якутске об Анадырь-реке, а пустынная — на сотни верст — тундра. Счастьем для всех была обнаруженная моржовая «корга» в устье реки Анадырь, и анадырцы (или, как их чаще называют, дежневцы) занялись поиском мореной моржовой кости — «рыбьего зуба».

Конечно, обжиться в этой снежной пустыне было не просто. Каким-то образом нужно было находить себе и пропитание. Избран был традиционный путь — грабеж аборигенов. А те, разумеется, за это пытались отомстить. Вот несколько эпизодов из книги Е.А. Багрина «Защитное вооружение служилых людей в Сибири и на Дальнем Востоке в XVII – начале XVIII вв. (по письменным источникам)»:

«Несколько более подробное описание осады можно увидеть в отписке Семена Дежнева и Никиты Семенова в действиях против анаулов в 1655 г.: *"...и они, Анаулы, стали с нами дратца, и нам бог помог взять первую крайнюю юрту и на острожке ручным боем, друг за друга имаяся руками, и у них, Анаулей, на острожке норовлено готовый бой, колье и топоры сажены на долгие деревья да и ножи, потому что за убойство Русских людей ждали они на себя Русских людей, и убили они у нас служилого человека Суханка Прокофьева, да 3 человек промышленных... да служилых людей Пашка Кокоулина на том приступе топором и кольем изранили в голову и в руку, и он, Пашко немочен был всю зиму, да Артюшку салдатка ранили из лука в лоб, да промышленных людей Терешку Микитина ранили из лука в переносье, да Фомку Семенова, да Титка Семенова на съемном бою изранили кольем"* (ДАИ, 1851. Т. 4. — С. 18).

“…и он, Мещерка с родниками, учинился непослушен, и стали нас стрелять и убили служилого человека Семена Мотору, а служивого Пашка Кокоулина ранили в плечо и в стегно из лука, да Федотка Ветошку из лука ранили в колено, да промышленного человека Стенку Сидорова из лука ранили в руку” (ДАИ. 1851. Т. 4. — С. 19)».

Ситуация в самом Анадырском остроге была сложной, накаленной страстями, которые разжигали то Михаил Стадухин, которому не терпелось добыть военный трофей и расширить границы промысловых районов, то Юрий Селиверстов, которому хотелось поживиться «рыбьим зубом» за счет других, сокращая разными способами число претендентов на добычу.

Павел Кокоулин, как, впрочем, и Бугор, и еще несколько человек избрали сторону Юрия Селиверстова, отстранившись от Семена Дежнева.

Михаил Белов, распутывая этот анадырский «узел», сообщал: *«Как видно из показаний Юрия Селиверстова и его спутников, он послал летом 1655 г. в устье Анадыря на коргу для промысла “рыбьего зуба” служилого человека Павла Васильева Кокоулина с 15 промышленниками, выдав им свой коч и судовые снасти. По окончании промысла коч Кокоулина попал в бурю и был унесен в море. О судьбе этих людей нет никаких известий».*

Но наш, камчатский, «след» Кокоулиных, вероятно, идет с другой стороны:

«В 733 г. с верховьев Нижней Тунгуски, “из новой Шилягинской земли”, казаки — тобольский Ивашко Куимов и березовский Нечайко Яковлев — привели в Туруханское зимовье двух шилягинских людей в качестве аманатов; здесь они получили подводы и сторожей для следования далее в Мангазею, но на дороге аманатчики у тех казаков “ушли безвестно на лес”. Казаки, прибывшие без аманатов в Мангазею, были отправлены оттуда в Москву, где они на допросе сообщили, “как они привели под царскую руку новых шилягинских людей и ясак с тех людей взяли, а взяв ясак, взяли у тех людей в заклад дву человек закладчиков: Долножая да Докуная, и ехали они от тех шилягиров с собольми и с теми закладчики на низ Нижнею Тунгускою до Туруханского зимовья 4 недели”; здесь они получили от “приказных людей” — литвина Юрия Воеводского и казака Василия Кокоулина — судно, гребцов и сторожей, и поехали далее “рекою Туруханью вверх, и ехали тою рекою ден с семь, и как приехали на усть речки Волочанки, и учали на берегу, в зимовье, есть варить, и те закладчики остались на судне, туруханских сторожей за сторожею; и у тех сторожей с судна ушли в леса…”; грамотой 1626 г. приказано тобольским воеводам произвести строгое расследование этого дела и выяснить: “тех закладчиков отпустили казаки или сторожи, и хитростью ль тех закладчиков отпустили, взяв у тех закладчиков откуп”; в случае отпуска “хитростью” виноватых “бить кнутом нещадно”; если же закладчики ушли “не по отпуску”, казаков и сторожей все-таки “бить батоги”» (РГАДА. Сиб. прик., кн. 6. Лл. 579–583 об.).

В списке красноярских деревень, которые относились к Канскому острогу, историк Г. Миллер отметил три:

1. Саламатова, на юго-западном берегу р. Кана, приблизительно в 60 верстах выше острога.

2. Коновалова, на том же берегу, в 15 верстах ниже предыдущей.

3. Кокоулина, на северном берегу, в 2 верстах выше острога.

Красноярский острог, как известно, входил в Томский разряд и пополнялся за счет томских казаков, а те, как мы помним, первоначально — за счет березовских…

* * *

Кривогорницыны

Судя по «окрасу» фамилии, ее носили черкасы (черкашенины) — запорожские казаки, которые по разным причинам были на службе у русского царя — кто добровольно, кто — насильно.

Но первое упоминание этой фамилии мы находим в Березове.

Затем Григорий Яковлев сын Кривогорницын служит в Енисейске, после — в Якутске.

В Якутске служит и березовский казак Иван Яковлев сын Кривогорницын. Но в 1641/1642 году приходит печальная весть *«об убийстве братскими “булгудайскими” тунгусами служилых людей десятника Ив. Кривогорницына с тов., посланных из Братского острожка для сбор ясака с тунгусов по Киренге, Ламскому хребту, вверх Лены и Куленги и вниз по Лене до р. Турги, о намерении некоторых из изменников идти приступом на Братский острог о намерении других мириться и о распродаже статков убитых служилых людей».*

В 1648 году он обращается к царю с такой необычной просьбой: *«В прошлом, государь, во 147-м году в старом Якутцком остроге купил я холоп твой из войска погромную девку имя Лаглоя»* и просит ее крестить в православную веру.

Но просьба необычна в другом: *«…после того Гришкина жена Кривогорницына новокрещена Ульянка в тое якуцкой девки место, на которую девку о крещенье память послана, крестить попам привела, и крестили иную якуцкую девку Кысыкайку, крещеное ей имя дано Анютка. И за то Гришкина жена Кривогорницына Ульянка бита батоги…»*

В 1663 году десятник Григорий Кривогорницын был приказчиком на реке Оленке.

А его сын — пятидесятник Степан Григорьевич — в 1684–1685 годах был приказчиком Патомского зимовья; затем Оленекского, в 1690–1691 годах — Верхнего Вилюйского зимовья уже в чине сына боярского.

В 1693 году Степан Кривогорницын был приказчиком Жиганского зимовья.

В 1662 году отмечен среди красноярских казаков Савка Степанов сын Кривогорницын.

Пока мы еще не выяснили, кто из Кривогорницыных служил на Камчатке, но эта фамилия закрепилась на полуострове и живет по сей день в династии аборигенов западной Камчатки, родовым гнездом которых в XIX–XX веках была река Кихчик.

* * *

Кобелевы

И эту фамилию мы также находим в списке березовских казаков. Но пока не знаем, связана ли она с династией землепроходцев Кобелевых, для которых постоянным пристанищем станет Анадырский острог. Скорее всего — связана. По крайней мере, мы обнаружили в Якутском воеводстве двух Кобелевых:

«Максимко Иванов а в его место прислан Кондрашка Иванов сын Кобелев в прошлом во 155-м [1647] году отпущен з государевою с соболиною казною к Москве в провожатых.

Митька Григорьев сын Кобелев в его место казачей брат Васка Кузьмин в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву дальную службу на Яну реку в нижнее зимовье».

Первым отправился в Анадырский острог Родион Григорьев сын Кобелев в 1668 году на смену приказчику Никите Катасонову. С ним было тринадцать казаков: **десятник Григорий Горбун,**

Алексей Самсыгин, Прокофий Травин, Кузьма Тихвинец, Кирила Тюрин, Иван Сабинин, Константин Васильев, Василий Сухарев, Давыд Павлов, Дмитрий Ларионов Плотник, Артемий Сизой, Иван Кобелев и для письма Василий Епишев.

Второй Кобелев в списке — это, вероятно, Иван Григорьев Кобелев, брат Родиона, который в июне 1670 года давал поручную запись о верстании в якутские казаки сына казака Осипа Голыги — Ивана Осиповича Голыгина.

Путь до Анадыря был тяжелым. Сам Родион Григорьевич Кобелев докладывал об этом царю в своей челобитной:

«В нынешнем во 176 году, августа в 26 день, судом божиим коч на море против Бузина острова о лед розбило и отнесло со льдом в море со всем запасом и з заводом. А сами мы насилу вышли на лед все и со льду попали на землю душою и телом. И осеновали мы на Яне в ясачном зимовье… А которые торговые люди отпущены из Якутцкого острогу на Колыму с хлебными запасы, и пришли оне зимовать на усть Яны в ясачное зимовье. И служилые люди, которые посланы за Нос со мною, Родькою, били челом великому государю, а мне, Родьке, подали за руками челобитную, что у тех у торговых и у промышленых людей, у Ивашка Лукьянова сына Пьянова, да у Ивашка Елфимова, да у Фильки Иванова взять у них хлебных запасов по три пуда на человека, чем бы поднятца великого государя на службу за Нос. И я, Родька, против их челобитья и заручной челобитной у тех промышленых людей взял запасу по три пуда на человека. А оне, служилые люди, которые имали запас, давали на себя память по два рубли за пуд. И пошел я, Родька, с ними, служилыми людьми, с Яны реки за Нос через гору на нартах. А пороху и свинцу государева у нас нет, пошли безо всево. А в город мы итти не смели, потому что слышал я, Родька, за Носом стало малолюдство, а иноземцы стали немирные по всем рекам. А которой послан служилой человек Михайло Шадра на усть Яны в ясачное зимовье, и он, Михайло, октября по 8 число на Яну не бывал, а вести к нам на Яну от него никаких не бывало — неведомо он жив, неведомо мертв, а Янское ясачное зимовье стало пусто…»

В Анадырском остроге Родион Кобелев прослужил тринадцать лет. И его возвращение в Якутск также было своего рода событием историческим:

«Весной 1682 г. вместе с десятником Иваном Потаповым он приехал на Колыму с “костяной казной”, а 7 июня он бил челом приказчику, казачьему десятнику Сергею Брусенкину о выдаче ему кочевого якоря, так как, писал Брусенкин, Родион Кобелев с товарищами “идут морем в Якутцкий острог на ‘спаском’ коче, а тольке де на том коче один парус”. 10 июня 1682 г. путешественники вышли из Нижнеколымска, а 18 апреля 1683 г. прибыли в Якутск, по всей вероятности, на нартах из Жиганска (ЯОУ, ст. б/н. 1682–1689 гг., л. 19). Это плавание с Колымы на Лену — одно из последних морских походов на северо-востоке Сибири в XVII веке».

Его сын — Тимофей Родионович — был верстан в дети боярские на «убылое» место отца в 7204 (1696) году, когда Владимир Атласов отправился в свой первый камчатский поход.

В 1700 году сын боярский Тимофей Кобелев был назначен первым камчатским приказчиком, хотя в это же самое время в списке приказчиков Северо-Востока М.И. Белова он числится приказчиком Анадырского острога: с. б. Тимофей Родионов Кобелев, посадский человек Григорий Стрюков 1699–1701.

Именно он привел на Камчатку в 1702 году самых первых из будущих старожилов полуострова, в скором времени породнившихся с аборигенами и ставшими «камчадалами русской крови». И первым из них был Семен Ломаев, который принял командование над камчатскими казаками после возвращения Кобелева в Якутск.

Анадырскую «традицию» семьи продолжит сотник Иван Кобелев, который войдет в историю как исследователь Чукотки и Аляски:

«Из “Аттестата” впервые становится известным, что Иван Кобелев родился в Анадырске в 1739 г. (в момент получения “Аттестата” от роду себе имеет 54-й год) в семье казачьего офицера есаульского чина (“из казачьих есаульских детей”). Известно, что Иван Кобелев в совершенстве владел чукотским языком, и это дает основание предполагать, что рожден он был от смешанного брака, и мать его была коренной жительницей Чукотки (такие браки были весьма распространены среди сибирского казачества).

Тринадцатилетним подростком 1 ноября 1752 г. Иван Кобелев вступил в казачью службу. Спустя три года, в 1755 г., уже принимал участие в серьезном деле (“а того году вступил в по-

ход вниз по течению реки Анадыра водяною коммуникациею против немирных чукоч и был со оными на сражениях”). По-видимому, речь идет о походе 1755 г., во главе которого стоял незадолго до того прибывший в Анадырский острог главный командир Иван Степанович Шмалев.

…Возвратясь из похода, Иван Кобелев продолжал службу в Анадырской крепости до “порушения” ее в 1764 г. После этого он был переведен в Гижигинскую крепость и находился там “у письменных дел”. Он довольно успешно продвигался по служебной лестнице: 2 января 1771 г. был произведен в казачьи пятидесятники, а 29 июня 1775 г. 36-и лет от роду получил звание казачьего сотника. Но затем минуло 17 лет, прежде чем он удостоен был следующего повышения в чин поручика .

Первый самостоятельный поход Ивана Кобелева по Чукотке в район Берингова пролива, по официальной версии назначенный “для збору с чукотских народов в казну ясака, описания их людства”, начался из Гижигинска 1 марта 1779 г.» (С.Г. Федорова «Исследователь Чукотки и Аляски казачий сотник Иван Кобелев»).

У Сергея Маркова в его книгах немало страниц посвящено сотнику Ивану Кобелеву, его путешествию и безуспешному (и по сей день) поиску бородатых людей, живущих на Аляске — то ли новгородцев, то ли товарищей Семена Дежнева…

* * *

Томский острог в начале 17-го столетия был самым дальним восточным форпостом России, куда власть, как впоследствии в Енисейск и Якутск, сбрасывала для государевой службы все, что «было не гоже на Руси» — гулящих людей, ссыльных грабителей и военнопленных…

И уже в 1634 году в Томске раскрыт заговор «литвы» — военнопленных, которые сговорились захватить Томск, уничтожить его гарнизон, разграбить государеву денежную и хлебную казну и бежать на родину: «побить» воевод и других русских служилых и жилецких людей, «пограбить казну» денежную, соболиную и «зелейную» (пороховую и пр.), «а город и острог и посады жечь, и взяв лошадиное стадо, бежать степью мимо Тары на Волгу и проиматца в Литву».

Н.Н. Оглоблин:

«Томск с давних лет был одним из главных пунктов Сибири, куда ссылалась литва в службу и на пашню. В августе 1633 г. бы-

ла прислана туда большая партия “литовских людей” в 150 человек. Часть их была поверстана в “конные и пешие козаки”, а некоторые попали и в боярские дети, остальные же написаны в пашенные крестьяне. Большинство “новоприсыльных литовских людей” было из Белоруссии — уроженцы “поветов” Мстиславскаго, Кричевскаго, Оршанскаго, Могилевскаго, Пропойскаго и др. Но были между ними и черкасы главным образом из Нежинскаго повета, затем из Стародуба, Чернигова, Паволочи и др. Один был родом из Львова, один назвал себя “белорусцем” и проч.

Вся эта разношерстная “литва” с трудом сживалась с новою обстановкою и деятельностию и томилась тоскою по родине… Если попавшие в боярские дети отчасти примирялись с своим обезпеченным положением, то рядовые козаки и крестьяне не имели и этого утешения. Именно среди “новоприсыльных” козаков и крестьян началось вскоре брожение, незамедлившее перейти в открытый заговор, поставивший своею целью — добиться освобождения из Сибири и возвращения на родину… Мысль эта бродила и у “староверстанной” Томской литвы, но ея было мало и она не могла отважиться на решительныя действия. А тут сразу прибыло 150 человек новой литвы — сила значительная для глухой Сибири того времени!.. С такою силою можно было пуститься и в рискованныя предприятия… История побега Первушки Шершня была еще жива в памяти старожилов. Если тогда 30 человек рискнули на бегство из Сибири, то с такою силою литвы, какая теперь была в Томске (вместе с старою литвою число ея доходило до 200 человек), трудно было ей не попробовать счастья…

Мысль о побеге была всеобщею среди литвы, но непосредственное участие в заговоре приняли около 50 служилых людей (1 боярский сын, 1 “затинщик”, остальные конные и пешие козаки) и около 25 крестьян.

Во главе заговора стояли конные козаки Иван Петров Белиловец (нежинец), из “новоприсыльной литвы”, и Иван Краснопольской “староверстанный литвин” (а потому его родина неизвестна). Как старожил томский, Краснопольский имел в городе свой двор, в котором жил и Белиловец. Что именно последний был главою заговора, об этом единогласно утверждают все его товарищи, а томские воеводы в отписке царю так о нем выражаются: “а первый у них всему тому злому совету заводчик Иван Белиловец”…

Но роль Ивана Краснопольскаго не так ясна. Повидимому, он не был сознательным главарем заговора и если очутился на первых ролях, то совершенно случайно и только потому, что Белиловец жил в его доме и именно здесь, у Белиловца, собирались заговорщики — “думали” и “советовали” о своем деле. Правда, некоторые товарищи Краснопольскаго говорили о нем что он “в той их воровской думе с ними ж был и бежать с ними хотел же”… Но другие обвиняли Краснопольскаго только в том, что в его дворе заговорщики “совет воровской” держали. А воеводы в своей отписке хотя и ставят Краснопольскаго в числе главных зачинщиков, но говорят о нем с такою странною оговоркою: “а он с ними ж (заговорщиками) думал в начале”…, т. е. как будто впоследствии он отказался от “воровской думы” своих товарищей. Однако, как увидим ниже, Краснопольской был жестоко наказан наравне со всеми “пущими заводчиками”.

В числе последних документы выставляют еще нескольких лиц, именно: “затинщика” Василия Борисова, коннаго козака Мосяжку (Моисей?) Голящевскаго, пеших козаков Софрона Стасейскаго (нежинец), Кондрата Михайлова (“козак из Носовки”) и Тимофея Левонтьева, крестьянина Софрона Иванова и Зеновия Левонтьева — “холопа” томскаго воеводы кн. Егупова-Черкасскаго. Только затинщик и воеводский холоп были из “старой литвы”, а все остальные из “новоприсыльных”. Привлечение к заговору Зиновья Левонтьева было очень ловким шагом со стороны заговорщиков: через него они могли узнавать все новости с воеводскаго двора и сообразно с обстоятельствами вести свое дело…

Любопытно участие в заговоре представителя высшей служилой знати Томска — боярскаго сына Михаила Гробовецкаго, также из новоприсыльной в 1633 году литвы. Свидетели говорят о нем, что он был “в думе” с остальными заговорщиками. 14 июня 1634 г. (день открытия заговора) Гробовецкий посылал Кондрата Михайлова к Ивану Белиловцу с вопросом: что — де у вас приговорено — и вы — де готовитесь — ли?.. Да и сам Гробовецкий признавался впоследствии на допросе: “в вине — де ево волен Бог да государь!.. вся — де литва одномышлена — в одной думе с Ивашком Белиловцом”… Это было его первое показание, а на втором он сделал существенную оговорку, будто в заговоре замешана далеко не вся литва, а только “нововерстанные” в конные и пешие козаки и в крестьяне, но верстанные в боярские

дети из старой и новой литвы к заговору неприкосновенны… Но, кажется, первое показание Гробовецкаго более заслуживает доверия по своей искренности и естественности…

“Воровское лихое дело”, которое “умыслили” литовские люди, заключалось в том, чтобы “побить” воевод и других русских служилых и жилецких людей, “пограбить казну” денежную, соболиную и “зелейную” (порох и пр.), “а город и острог и посады жечь, и взяв лошадиное стадо, бежать степью мимо Тары на Волгу и проиматца в Литву” …Замысел хотели выполнить летом 1634 г. — “изплоша в деловую пору — в жнитво и в сенокос, а в тое пору служилые люди живут по заставам, и в проезжих и в отъезжих сторожах, а в городе в тое в деловую пору людей живет мало”… Овладевши городом и избивши воевод и русских служилых людей, литва собиралась отправиться в Томский уезд и на пашнях, сенокосах, заставах и проч. уничтожить остальных служилых людей, чтобы избежать всякой погони за собою, затем — бежать на родину…

Однако, этим широким планам не удалось сбыться… 14 июня явился в съезжую избу к воеводам пашенный крестьянин Тимофей Емельянов Смольянин и “извещал в изменном деле” на козаков Ив. Белиловца, Кондр. Михайлова, Тим. Левонтьева и вообще на всех 150 новоприсыльных литовских людей… Воеводы не причисляют Смольянина к литве но судя по прозвищу он был уроженцем Смоленскаго уезда и в качестве таковаго мог быть в числе старой или новой литвы. По крайней мере, между участниками заговора был один уроженец Смоленскаго уезда из новоприсыльной литвы. Очевидно, что и Тим. Смольянин был в числе заговорщиков: он был в близких сношениях с одним из главных “изменщиков” — с Кондратом Михайловым, и от него слышал все подробности заговора. Утром 14 июня Кондрат говорил Смольянину: “делать — де им то воровское дело вскоре”… Это-то сообщение и заставило Смольянина изменить своим товарищам и выдать всех их правительственной власти.

Воеводы немедленно схватили указанных Смольянином главных заговорщиков и др. литовских людей и “про тот воровской завод роспрашивали и пытали и огнем жгли”… Все главные деятели зоговора “винились” во всем, в чем оговорил их Смольянин — что они хотели овладеть городом и бежать в Литву… Мосяжка Голящевский между прочим назвал “пущими заводчиками воеводскаго холопа Зиновья Левонтьева и крестьянина

Софрона Иванова”, приписывая именно им мысль — убить воевод, сжечь город и ограбить государеву казну…

Второстепенные деятели заговора — козаки также частию “винились”, что “в воровской думе” были и “воровской завод ведали”, но большинство уверяло, что только “слышали” про “воровской завод у своей братьи”, иные даже указывали — от кого именно слышали. Только один литвин (Захар Сергеев) прямо сказал, что хотя обо всем “слышал”, но “сам бежать не хотел”… Но часть козаков и все крестьяне решительно заявляли, что о заговоре ничего “не ведали”, так как “были в те поры на лешем (лесном) промыслу” или просто говорили, что “про воровской завод не слыхали”…

Томские воеводы кн. Егупов-Черкасской и Шишкин и дьяк Строев поступили с заговорщиками очень решительно: не отписываясь в Москву и не дожидаясь государева указа, они — “за такую великую измену и за воровской лихой завод, которые в том воровском деле большие пущие заводчики — 12 человек велели повесить”…

Жестоко поступили воеводы с людьми не заслуживавшими такой страшной кары, но они оправдывались тем, что “во многих, государь, в Томском в ссыльных в литовских и в руских (sic!) людях, в донских и в волских казаках и в пашенных крестьянах о побеге шатость” существует… Для успокоения этой то “шатости” воеводы и принесли в жертву 12 несчастных литовских людей… Вообще, воеводы уверяют, что если в Томск и города его “Разряда” по прежнему будут присылаться “ссыльные литовские и русские воровские люди в служилые и в пашенные крестьяне — и от тех воровских ссыльных людей опроче дурна и воровского заводу никоторого добра не чаят же”…

Вот имена казненной литвы: конные козаки — Ив. Белиловец, Ив. Краснопольской и Мосяжка Голящевской, затинщик Вас. Борисов, пешие козаки — Софр. Стасейской, Кондр. Михайлов, Тим. Левонтьев, Гавр. Гришин (нежинец), Ив. Степанов Басань (“с Паволочья”), Петр Салтыковской (Мстиславскаго повета), крестьянин Софр. Иванов и воеводской холоп Зиновий Левоньев. Остальные заговорщики были посажены в тюрьму. “Распросныя и пыточныя речи” воеводы отправили в Сибирский приказ.

Из воеводской отписки и распросных речей Сибирский приказ составил “выпись” о количестве казненных литовских людей и посаженных в тюрьму и вообще об обстоятельствах за-

говора. Выпись назначалась для доклада государю, но доклада не последовало, как говорит следующая помета приказа: "по сей выписке не докладывано, потому что те литовские люди взяты к Москве"... Речь идет, очевидно, о тех литовских людях, которые в Томске были посажены в тюрьму, но затем освобождены и отправлены в Москву по случаю возвращения пленных вследствие заключения мира с Польшей (см. выше). Тем безцельнее представляется казнь 12 литовских людей, стоявших уже на пороге законнаго освобождения от сибирской неволи!..»

А была ли казнь на самом деле?

По крайней мере, в отношении одного из казненных есть иная информация:

«Борисов Василий (Васка), томский конный казак литовского списка, десятка И.Д. Володимерца. Денежный оклад: 7 руб. с четью. Хлебное жалованье: 6 четей с осьминою ржи, по чети круп и толокна (1626 г.). В июне 1625 г. продал на базаре партию рыбы "своего улова". Женат (1626 г.). По данным З.Я. Боярщиновой, принял участие в заговоре "литвы" 1634 г. и был казнен. Однако в списке служилых людей Томска 1643 г. снова упомянут Василий Борисов, пеший казак. Возможно, в последнюю минуту не был казнен, а просто переведен в рязряд пеших казаков».

* * *

В 1619 году посланный из Тобольска пелымский боярский сын Петр Албычев с сотником Черкасом Рукиным для объясачивания енисейских тунгусов положил основание Енисейскому (первоначально Тунгусскому) острогу в 12 верстах выше устья реки Кеми, впадающей в Енисей, на левом берегу последнего. А строили острог, опять же, березовские казаки и казаки из других сибирских городов... В 1622 году гарнизон Енисейского острога был пополнен 40 томскими казаками.

1618 г. не ранее сентября 1. — **Отписка в Москву пелымских воевод И.Я. Вельяминова и Г.Н. Орлова о посылке в Тобольск детей боярских и стрельцов «для государевой службы в Тунгусах» и о выдаче им жалованья.**

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии холопи твои Ивашко Вельяминов, Гришка Орлов челом бьют. В прошлом, государь, в 126-м году марта в 18 день писал к нам из Тобольска на Пелымь твой государев

боярин и воевода князь Иван Семенович Куракин, чтоб нам послать с Пелыми к нему в Тоболеск пелымских служивых людей 2 сынов боярских да 10 человек стрельцов для твоей государевы службы, а ему тех пелымских служивых людей послать на твою государеву службу в Тунгусы; и мы, государь, холопи твои **послали в Тоболеск князя Василья Кондинского да сына боярского Петра Албычева да стрельцов 10 человек: Терешку Михайлова, Алешку Юрьева, Семейку Ярославцева, Дружинку Усольца, Ваську Андреева, Ондрюшку Иванова, Савку Денисова, Треньку Овдокимова, и твое государево денежное жалованье князю Василью Кондинскому дали 17 Рублев оклад его сполна, да сыну боярскому Петру Албычеву** дали на 126-й год 11 рублев оклад ево сполна, а стрельцам, государь, твое государево денежное жалованье по окладу дано, и их дача писана в росходные книги 126-го году вместе с пелымскими служивыми людьми, с ружники и оброчники. И те расходные книги твоему государеву денежному жалованью посланы к тебе, государь, к Москве с сметным списком вместе. И из Тобольска, государь, твой государев боярин и воевода князь Иван Семенович Куракин князя Василия Кондинского из Тобольска отпустил на Пелым, а сына боярского Петра Албычева и пелымских стрельцов послал на твою государеву службу в Тунгусы.

ААН. Ф. 21. Оп. 4, № 16. Л. 384–384 об. № 83. Напеч. в: Г.Ф. Миллер История Сибири — Т. 2 — С. 246–247, № 137.

А ниже мы приводим поименный списочный состав гарнизона Енисейского острога, часть которого была переведена позже в Якутск и стала основой для формирования якутского казачества.

1632–1633 гг. — **Именные окладные книги денежого жалованья служилых людей, ружников и оброчников Енисейского острога.**

Книги имянные Енисейского острогу государевым служилым людем и ружником и оброчником з денежными их оклады на 141 год.

Оклад в 12 рублев 8 алтын 2 денги. Сотник стрелецкой Петр Бекетов.

Оклад по 18 рублев. Сын боярский Парфен Хондырев. Атаман Иван Галкин.

Оклад 10 рублев. Атаман Максим Перфирьев.

Оклад в 12 рублев. Подьячие Василей Борисов, Иван Ермолин.

Оклад старым енисейским служивым людем по 5 рублев 16 алтын 4 деньги.

Пятидесятник Терентий Савин. Пятидесятник Васька Черменин.

Десятники: Илейка Ермолин, Васька Ермолин, Фирска Микифоров, Сидорко Оникиев, Тараско Мелентьев, Ивашко Панкратов, Павлик Аврамов, Ондрюшка Иванов.

По 5 рублев рядовые стрельцы:

Васька Назаров Белокопыт, Онтонко Беляев, Елисейко Бердь, Офонька Иванов Брусенкин, Дружинка Васильев, Исачко Васильев, Оксенка Васильев, Пронька Васильев, Якунка Васильев, Харка Михайлов Васток, Васька Никитин Вихорев, Гулятко Гаврилов, Федька Патрекеев Гарман, Олешка Иванов Гнутов, Олешка Семенов Голой, Костька Данилов, Федорко Ефремов, Якунка Онтипин Жито, Вторко Захаров, Ефимко Михайлов Зипунец, Федька Семенов Зырянин, Сергушка Иванов, Вторушка Ильин, Семейка Ильин, Тренька Григорьев Каляга, Левка Кобылин, Богдашко Онцыферов Кола, Васька Иванов Колесник, Васька Клементьев Кокшар, Ивашко Тимофеев Колмогор, Фомка Кондратьев, Микитка Офонасьев Конный, Петрушка Клементьев Корова, Семейка Костентинов, Марко Котков, Васька Левонтьев Котовщик, Гришка Яковлев Кривогорницын, Тимошка Лукьянов Лом, Марко Худяков Любовской, Ивашко Яковлев Лютко, Савка Максимов, Степанко Марков, Гаврилко Микитин, Еремка Митрофанов, Данилко Михайлов, Федька Михайлов, Первушка Яковлев Моточников, Давыдко Наумов, Тренька Нифантов, Васька Степанов Окула, Богдашка Овдокимов, Олешка Овдокимов Олень, Завьялко Ондреев, Буторка Онтонов, Нехорошко Павлов, Петрушка Панкратов, Гришка Микишин Пермяк, Костька Петров, Панфилко Петров, Микляшка Полуехтов, Степанко Иванов Потылицын, Ивашко Романов, Исачко Савастьянов, Фомка Самсонов, Якунка Сафонов, Оська Семенов, Поспелко Семенов, Пятунка Семенов, Семка Серкин, Епишка Соловьев, Ерофейко Спиридонов, Мишка Васильев Стадухин, Калинка Федоров Студа, Васька Ондреев Суморокоов, Гришка Савостьянов Тарской, Мишка Микитин Тарской, Савка Тимофеев, Еремка Федоров Толстой, Семейка Тимофеев Толстой, Ивашко Кирилов Трескин, Пронька Трофимов, Омелька Васильев Тюменцов, Богдашко Фадеев, Пятунка Федоров, Савка Ильин Черной, Дружинка Петров Чистяков, Ивашко Архипов Чурочка, Федька Васильев Чурочка, Васька Савелов Шолковник, Мишка Шорин, Гришка Евсеев Ярославец

Ружники и оброчники. Оклад 6 рублев. Введенский поп Кузьма Артемьев.

4 рубли 8 алтын 2 денги. Церковной дьячек Федька Федосеев.

3 рубли 16 алтын 4 денги. Пономарь Митька Ефтропев.

3 рубли. Просвирница Агрипеница.

6 рублев 16 алтын 4 денги. Кузнец Оксенко Варламов.

5 рублев. Житничной подьячей Мишка Кузмин Кожевников. Съезжие избы сторож Онтонко Мартынов. Мельник Филька Ефимов. Тунгуской толмач Федька Петров.

Брацкой толмач Гришка Яковлев. Полач и теремной сторож Оська Семенов.

3 рубли. Острожной воротник Онтонко Тимофеев Табак.

3 рубли. Гостина двора таможенные избы сторож Ондрюшка Семенов.

РГАДА. Ф. 214. Оп. 1, Кн. 47. Л. 83–90.

* * *

28 августа 1628 года томскими казаками был основан острог Качинский, который затем получил название Красноярский.

Но вот состав гарнизона здесь был совершенно иной, нежели в Енисейске, в результате чего между красноярцами и енисейцами возник серьезный конфликт, о котором мы позже будем говорить подробнее, а пока ограничимся этой вот цитатой из очерка А.А. Бродникова «Енисейск против Красноярска»:

«По своему составу контингент будущего острога существенно отличался от контингента других городов и острогов, в частности, от енисейского. Последний был сформирован путем перевода стрельцов и казаков из нескольких западносибирских городов, уже состоявших на государевой службе и, вероятно, ранее бывавших в Енисейском остроге в качестве годовальщиков. А. Дубенский был вынужден набирать подряд всех “охочих” людей, но и такой принцип (вернее — его отсутствие) не позволил ему полностью укомплектовать свой отряд. Результат такого спешного набора всех желающих сказался очень скоро: отправившись в июне 1627 г. из Тобольска к Ма-

ковскому волоку, новоприборные казаки через несколько недель разграбили имущество повстречавшегося им на пути бывшего енисейского воеводы А. Ошанина, возвращавшегося "на Русь", и его друзей-торговцев».

* * *

А Томск, приобретая власть и силу, становясь столицей Томского разряда, которому подчинялись все земли на востоке Российской империи, продолжал бунтовать…

Новый бунт, охвативший весь Томск и разделивший здешний «мір» (общество) на две неравные части, вспыхнул в 1637 году.

Причиной его стала несправедливая, с точки зрения жителей Сибири мера правительства о сокращении хлебного жалованья для тех сибирских казаков, кто имел собственную пашню — большую или малую.

Хлеб в Сибирь завозили с Руси. Процедура была трудоемкой и очень дорогой. Собственное сельское хозяйство в Сибири было еще только в зачаточном состоянии. Но даже те из казаков, кто имел пашню, уже платил за это десятинный налог, как пашенные крестьяне. И сокращение хлебного жалования, безусловно, рассматривалось пашенными казаками как посягательство власти на их законное право использовать пашню, чтобы улучшить благосостояние семьи, — холостые казаки, как правило, пашен не имели и сидели на «голом» хлебном окладе.

«Служилые люди заявили единодушный и энергичный протест против новой меры: они восстали, как один человек — всем своим "міром", за исключением маленькой группы "воеводских шишиморов" (т. е. советников), куда входили преимущественно боярские дети» (Н. Оглоблин).

Ситуация усугублялась еще тем, что воевода — стольник князь Иван Ромодановский с товарищами — стольником Андреем Бунаковым и дьяком Анисимом Трофимовым — выдав сполна хлебное жалованье казакам за 1637 год, полностью прекратил его выдачу (хотя зерно было завезено) на 1638 год (даже для тех казаков, кто пашен не имел) и начал перевозить зерно на дворы людей, занимающихся хлебной торговлей, для последующей его перепродажи.

Это возмутило всех без исключения казаков Томска.

Нет, исключения, конечно, были — «воеводские шишиморы», а именно: боярские дети Гаврило Черницын, Петр Сабанский и

Остапий Харламов. К ним же примыкали в качестве тех же «шишиморов» (т. е. наушников) подьячий Андрей Глазунов и конный казак Макар Колмогорец.

Казачий бунт возглавили пятидесятники Андрей Губа, Иван Володимерец Новограбленой, Аггей Чижов.

Пятидесятники предложили воеводе раздать хлеб казакам в качестве их законного жалованья на 1638 год. Воевода дал категорический отказ.

Тогда было заявлено, что казаки сами станут «с судов хлебные запасы имать своим произволом, а не по государеву указу». Поднялся шум.

«Десятник Иван Матвеев, "выступя изо всех служилых людей, говорил многие невежливые слова" и "лаял" воевод. Князь Иван Ромодановский не выдержал и "ударил батогом" Матвеева, приказывая и своим "денщикам бить батоги" дерзкого казака. Но служилые люди "не дали" бить Матвеева и вырвали его из рук денщиков, "окружили князя Ивана с собою в круг", а, очутившись подле воеводы дьяка Анисима Трофимова, "хотели убить"…

Но сторонникам воевод удалось вырвать последних из казачьей толпы и разогнать часть ее: они "били ослопами без милости" бунтовщиков. Толпа дрогнула, часть ее побежала с площади, и "сам князь Иван гнался за ними с ослопом до городских ворот"».

Воспользовавшись этим замешательством, воеводы захватили 7 казачьих пятидесятников и отправили их в тюрьму. Тогда остававшиеся на площади десятники и рядовые казаки в количестве 150 человек *«пошли в тюрьму своим насильством и сели в тюрьму собою»*… Воевода приказал переписать их имена, но «*те де казаки в тюрьме учинились сильны и имен своих переписать не дали, и князя Ивана с товарищи лаяли и говорили, что де они приговорят войском, тому делу так и быть: государева хлеба им не важивать и с пашен своих без хлебного жалованья не служивать…»*

На следующий день стольник Андрей Бунаков доставил пятидесятников на допрос к воеводе. 150 казаков, сидевших добровольно в тюрьме, вышли вместе с ними, выпустив и других арестантов, «облаяли» воевод и отказались служить без хлебного жалованья.

«Волнение в городе росло: *«и почали (служилые люди) заводить круги и советы и умышлять неведомо какие заводы, и в государевых ни в каких делах воевод не стали слушать, а "воеводских*

шишиморов” — боярских детей и подъячих, которые “к их думе не пристали, — и тех хотели побить до смерти”…» (Н. Оглоблин).

Князь Иван тогда задумал «мелкую пакость», позволяющую ему рассорить пашенных казаков с БЕЗпашенными — он приказал выдать хлеб тем из казаков, которые не имели пашен. Но на этот его провокационный призыв никто из казаков не откликнулся — «мір» остался единым.

И «мір» же приговорил послать пятидесятников Андрея Губу и Ивана Володимерца Новограбленого в Москву «с челобитными царю об отмене нового закона “о службе с пашен” и с жалобами на воеводские злоупотребления». Сопровождать их до Тобольска было отправлено тридцать казаков.

28 января 1638 года челобитчики прибыли в Сибирский приказ и подали челобитную от лица семисот томских казаков.

Примерно в это же время вернулись в Томск те казаки из Тобольска, которые сопровождали «ходоков», и воевода, считая их беглыми, приговорил посадить в тюрьму.

«На помощь последним бросились пятидесятник Василий Седельников и десятники Кирилл Медведчиков и Василий Мухосран и “у него кн. Ивана тех беглых служилых людей отняли, а говорили, что их в тюрьму сажает не для государева дела”…».

Москва в срочном порядке предписала сменить томскую воеводскую команду на новую, а также разослать по сибирским городам воеводскую «шишимору»: «…с их женами и детьми, “за ссору и за всякую смуту — из Томского разослать в иные сибирские городы Томского разряду”, именно: боярского сына Петра Сабанского в Енисейск, боярского сына Остафья Харламова и конных казаков Макара Колмогорца и Петра Дуликина в Красноярск, а подъячего Андрея Глазунова, “дав на поруки с записью, выслать” в Тобольск. Все высылаемые должны жить в назначенных городах, “покамест про них в Томске обыщут”».

А далее Н. Оглоблин в своей работе «Томский бунт 1637–1638 годов» пишет о результатах этого сыска: *«Кн. Клубков-Масальский с товарищи, явившись в Томск, немедленно принялись за “сыск” о бунте. Из сохранившейся “перечневой записки из сыскных речей” ясно видно стремление сыщиков обелить прежних воевод и увеличить вину бунтовщиков».*

Но… — главное: *«сыск не дал в сущности никаких результатов и не мог понудить центральное правительство к каким-либо решительным действиям против массы бунтовщиков».*

То есть искры бунта погашены не были. А как нам известно из истории: из искр возгорается пламя…

* * *

Да и искр этих было уже не мало.

Это признавал и сам томский воевода князь Осип Иванович Щербатов:

«Как был в Томском воевода Федор Бабарыкин, а с ним был в товарищах Гаврило Хрипунов, и томский сын боярской Иван Пущин, да казаки Ивашко Володимерец с товарыщи, стакався с меншим воеводою з Гаврилом Хрипуновым, воеводе Федору Бабарыкину от государевых дел отказали и дощаник его, Федоров, з животами и запасом разграбили. И за то воровство в Тобольск при боярине при князе Иване Семеновиче Куракине ис Тоисково многие имаными и в Тобольском за то кнутьем биты. А Гаврило Хрипунов за то, что он потакал томским казакам ворам, отдан был головою по государеву указу на Москве Федору Бабарыкину. — И то их томских воров прежнее воровство.

Как был в Томском воевода князь Офонасей Гагарин, и при нем князь Офонасье, томские казаки Агайко Чижев с товарыщи пятьдесят человек ис Томскова к Русе бежали, поимав государево денежное и хлебное жалованье. А побежали было на Волгу воровать. И их воров, томских казаков, государевы люди под Лаишевым поимали и в тюрме два года в Казане сидели, и пытаны не одинажды. И с пытки говорили, что было им на Волге воровать. А бегучи к Русе на дороге многих торговых людей грабили. И по государеву указу за то воровство в Казане пытав их и бив кнутьем назад в Сибирь в Томской присланы. — И то их томских казаков, и воровство.

Да как был в Томском воевода князь Петр Козловский, и при нем в Томском томские воры гостиной двор зажгли и у торговых людей товары все разграбили. И от того их воровства торговые многие разоренныя стали и обнищали. — И то их томских казаков, воровство.

Да как был в Томском воевода князь Микита Иванович Егупов-Черкаской, и воры томские казаки и пашенные крестьяне Беляй Некрасов Тюменец с товарыщи тритцать человек заворовали, подговоря с собою ссыльных и воеводских людей, ис Томскова к

Русе побежали, и дьяка Якова Бутрюмова под Томским разграбили, и на дороге торговых многих пограбили. И торговые промышленные люди, скопяся с мунгазейским сотником с Олексеем Шафраном, тех всех воров на Березовском каменю без остатку побили. — И то их томских казаков воровство.

Да при нем же, князь Миките Егупове-Черкаском, томские воры Ивашко Гризов с товарыщи, сорок человеке, заворовали, в Маковском остроге Тобольскую Софейскую и архиепоскоплеву казну да тобольского атамана Гаврила Попова грабили, а взяли денег тысячю триста рублев, опричь мяхкой и платья и иной кое-какой рухляди. И за то воровство по государеву указу ис тех казаков пущих воров велено дву человек повесить, а иным ворам наказанье чинить жестокое и грабежные животы на них все доправить. — И то их, томских казаков, и воровство.

Да как был в Томском воевода князь Иван Иванович Ромодановской, и томские казаки Ивашко Володимирец, Кузка Мухопленв з братьею, Сенька Белоусов, Оничка Власов, Завьялко Федотов с товарыщи заворовали, перед приказом собрався скопом и з заговором князь Ивана Ромодановского безщестили всякою безщесною лаею лаяли, и лаяв из города вышли з болшим шумом, и тюремного сторожа от тюремных дверей отбили, и сами силно многие в тюрму входили. И заворовав самоволством семьдесят человек, поехав их к Москве бить челом государю затейными ложными челобитными, взяв под городом дощаник государев и розграбя государевы хлебные запасы на усть Томи реки, и тот государев дощаник покинули на пустом плесе, и тот дощаник пропал. И за то воровство, за грабеж по государеву указу велено их бить кнутом и государев запас на них доправить назад и за дощаник — То томских казаков и воровство.

Да при нем же, князь Иване Ромодановском, томские казаки Ивашко Чернояр с товарыщи пятьдесят человек заворовали ис Томскова побежать и многих людей побить и грабить хотели, и за то воровство по государеву указу два казака повешены — И то их, томских казаков, воровство.

Да как по государеву указу посылан был воевода Яков Тухачевской с ратными людьми на государевых непослушников на киргизских людей войною, и томские служилые люди Куска Мухоплев да Сенка Белоусов с товарыщи заворовали, воеводу Якова Тухачевсково середи степи покинули и, иногородних служилых людей с собою подговоря, назад в Томской воротились, государю служить не похотели. И за то их воровство в Томском по государеву указу тритцать человек кнутьем бито — И то их, томских казаков воровство»...

* * *

Через десять с небольшим лет мы вновь повстречаемся со многими из тех, чьи имена были озвучены в событиях 1637–1638 годов.

«Лета 7156-го году апреля в 12 день били челом государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии Томсково города служилые люди ***дети боярские Федка Пущин, Мишка Еротцкой да конные и пешие казаки пятидесятник Ивашко Володимерец и рядовые служилые люди Сенка Поломошной, Федька Батранин, Мишка Куркин, Васка Сапожник, Стенко Володимерцов, Пронька Аргунов****... Посажен в тюрьму Григорий Плещеев по воровской заводной челобитной... и по той челобитной он, Грегорей, сидит в тюрьме, а сказывает за собою государевао великое царьственное дело».*

Правда, на этот раз ситуация в корне отличалась от прежней — десятилетней давности, и выступать за некую «справедливость» людей в Томске заставляли уже силой. Да и Андрея Губы к тому времени уже не было в Томске, а брат (или сын) его, а может быть просто однофамилец Василий Губа *«и некоторые жилецкие люди заявили что челобитной [против князя Осипа Щербатова, томского воеводы]... они не писывали и писать никому не приказывали»*, так как им никаких «обид» от князя «не бывало», а пятидесятник Иван Володимерец Новограбленой, хотя и был по-прежнему в гуще событий, но выступал теперь не от «міра» (хотя и от служилого большинства), а от воровской верхушки, захватившей власть в городе под предлогом, как это очень часто водится, наведения порядка и восстановления социальной справедливости.

Также Иван Володимерец Новограбленой выступал уже и в новой коммерческой роли (почему и получил такое «оригинальное» прозвище) — он был в числе тех, кто распространял в Сибири (и наживался на этом) «зелье богомерзкое» (табак, запрещенный тогда в России) и попал в поле зрения якутского воеводы Петра Головина, который в это время был по пути в Якутию в Енисейске:

«Все началось с того, что табак был случайно обнаружен у ссыльного человека Тимошки Метелки, который привез его из Маковского острожка. Метелка во всем повинился и без утайки сообщил, что купил этот табак у енисейского казака Ивашки Володимерца — полфунта на шесть рублей с полтиною. Володимерец, вернувшийся к тому времени в Енисейск, на допросе у Головина тоже отрицать ничего не стал, сказал, что табак он отнял в Тобольске, где незадолго до этого находился, говоря современным языком, в служебной командировке, у казака Богдашки Выходцева.

Воевода не стал связываться с разбирательством в Тобольске, решив дело на месте по своему усмотрению, — "как Бог вразумил": полученные Володимерцем за табак деньги были изъяты в казну, а сам он и покупатель Метелка приговорены к физическому наказанию. Воевода "велел их бить кнутом по торгам до тюрьмы нещадно", т. е. протащить по самым людным местам Енисейска с публичным бичеванием. Табак велел сжечь».

Но на этом дело не закончилось:

«Приведенный к воеводам Кулик сознался в предъявленных ему обвинениях и, в свою очередь, указал источник поступления табака: дал ему тот табак — "пяди з две сырцу" (примерно 150–160 граммов) уже упоминавшийся Володимерец. Причем одну пядь Кулик купил у Володимерцева до наказания его кнутом, а другую — после.

В отличие от Володимерца, енисейский палач продавал табак уже не мелким оптом, а в розницу. Табак он тер и реализовывал разовыми порциями, — "бумашками", "по гривне за бумашку". Покупателей было двое — Котлов и Сулеш. Причем Сулеш сознался, что одну "бумашку" он взял у Кулика даром и "для бедности" своей продал ее Котлову.

Головин пришел к заключению, что главным виновником всего происшедшего был Володимерец, как доставивший табак в Енисейск. Поскольку он продолжил торговать табаком и после наказания кнутом, его вновь доставили к воеводе и теперь уже подвергли пытке, в ходе которой он сознался, что после наказания кнутом у него оставалось еще с полторы пяди табаку (примерно 120 граммов), который он и отдал палачу».

Но и это еще не все. По итогам следствия в Енисейске были найдены и другие курильщики и распространители табака:

«По решению Головина изъятый у Булдакова табак был сожжен на торговой площади Енисейска. Все виновные оштрафованы на два рубля четыре алтына и полторы деньги, при этом Володимерец и Кулик оштрафованы в двойном размере. Кроме того, с них взяли поручные записи, что им "впредь не воровать, — табаку самим не пить и никому не продавать".

Таким образом, в результате проведенного якутским воеводой расследования было выявлено двенадцать человек, занимавшихся потреблением и распространением табака, и путь его проникновения в Енисейский острог. В процессе расследования практически все обвиняемые претерпели физическое воздействие, — побывали на дыбе, причем трое — Кулик, Сулеш и Чухчерем — не менее трех раз. О пытке Котлова и Волка архивные источники напрямую не упоминают, но, принимая во внимание методы допроса в XVII веке, сомнительно, что они смогли ее избежать. Без пытки были допрошены первые упоминаемые в расследовании табатчики — Метелка и Володимерец, но их наказали кнутом. Казна же пополнилась на 32 рубля 12 копеек — штраф и конфискованная "выручка"».

Почему я столь подробно останавливаюсь на таком ничтожном в современном понимании эпизоде?

Да только потому, что смуту в Томском городе разожгли в этот раз люди, которые и занимались различного рода злоупотреблениями «корысти ради» — грабя местное население действительно новыми методами — через табак, винокурение, зернь, кости, карты, бордели…

«Мір» на этот раз был только фоном для большого спектакля, разыгранного людьми, попытавшимися захватить власть в Томске. И в большей степени этот «мір» выступал как фон не добровольно, а насильно, народ использовали «втемную» — не спросив на это разрешения, как было с Василием Губой.

Но начнем по порядку.

Как обычно, с привычной периодичностью воеводская власть в Томске поменялась. И вместе с князем Осипом Ивановичем Щербатовым, первым (то есть главным) воеводой, на смену старой власти прибыли в Томск Илья Никитич Бунаков — товарищ воеводы или второй воевода (его заместитель) и дьяк Исаак Борисович Патрекеев (в других случаях — Патрикеев).

Да-да, на исторической томской арене снова появляется Бунаков. Но того Бунакова, которого свергал в 1638 году Иван Володимерец Новограбленой, Андрея Андреевича, это не касалось — он был в это время воеводой в Нижнем Ломове, а затем, уже в 1652

году, станет воеводой в Красноярске. Примерно в это же время его сын, Петр Андреевич, станет воеводой в Илимском остроге:

*«В 1656–59 годах — воевода в Илимском остроге, куда послан для усмирения воровских атаманов Федьки Краснояра и Мишки Сорокина и для возобновления города. К месту службы П.А. Бунаков прибыл 1 октября 1656 года. В 1658 году в Илимский острог прибыли с ясачной казной оставшиеся в живых казаки отряда Онуфрия Степанова под командованием племянника Хабарова Артемия Петриловского. Стряпчий, Илимский воевода Петр Бунаков "тое государеву соболиную казну велел торговым людей разобрать и оценить, и оценя тое государеву казну, послал к великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичю, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу, к Москве" с Артемем Петриловским и пятью казаками **(Иваш-ко Герасимов сын Чебычаков, Сидорко Тимофеев, Сидорко Дементьев, Исачко Кирилов, Ивашко Григорьев)**. 24 апреля 1659 года на место воеводы в Илимском остроге был назначен Тихон Вындомский, который и сменил Петра Бунакова».*

Бунаковы были Рюриковичами, в отличие от князя Щербатова, который был Гедиминовичем, то есть происходил от великих князей Литовских. Но свой княжеский титул Бунаковы потеряли. Целый клан Бунаковых был в опричниках Ивана Грозного. Вероятно, именно это сблизило (и, отчасти, сроднило) Илью Никитича Бунакова, второго воеводу Томска, с некоторыми наиболее активными деятелями «томской смуты» 1649 года.

Первым лицом «смуты» был Григорий Осипович Плещеев Подрез, которого нет в родословной книге Плещеевых по одной простой причине — он был государственным преступником. Его отец — Осип Тимофеевич — был одним из пяти сыновей опричника Тимофея Федоровича Плещеева. Еще одним «героем» томских событий был князь Вяземский… То есть в Томске собралась команда опричных потомков — Плещеевы, Вяземские, Бунаковы…

Но начнем с Плещеева. Это был бывший патриарший стольник.

«В 152 г. (1644 году. — *С.В.*) *сослан из Москвы в Томск "за многое воровство" Григорий Плещеев-Подрез, которого велено "дать за пристава" и, если он "учнет каким воровством воровать", или кто из томских жителей "учнут приставати" к его воровству, то посадить его в тюрьму. Плещеев стал воровать в Томске — "людей побивал", у одного служилого человека "руку отсек", продавал табак, пиво, брагу и т. п.*

В 153 г. его перевели в Нарым, где он также "воровал" и о нем… производилось там "сыскное дело", после которого Плещеев сослан в Кузнецк. И здесь он "многим воровством воровал" — бил людей, грабил и пр., о чем подавали челобитные служилые и жилецкие люди. Мало того: "подговоря к себе Кузнецких ссыльных людей", Плещеев собирался с ними "через степь бежать на Яик", для чего готовил вино (завел собственную винокурню) и др. припасы. Но замысел его был раскрыт.

В Кузнецке "держать его стало не уметь" и его снова перевели в Томск, где за одну "затейную челобитную" о мнимом "государевом деле" велено его "бить батоги"…»

Вот и подробности:

«В 1644 г. Г. Подрез был сослан в Томск; по грамоте царя Михаила Федоровича его приказано держать за приставом и "смотреть накрепко… чтоб он никаким воровством не воровал", в противном случае немедленно посадить в тюрьму. В 1645 г. томским воеводам было передано следствие по "нарымскому делу", возникшему в связи с изветом в "государевом деле", который подал ссыльный Л.С. Плещеев, дядя Подреза, на нарымского воеводу И.Л. Скобельцына. На время следствия Г. Подрез-Плещеев был удален царским указом из Томска в Кузнецк, где сразу же своим поведением вызвал резкое недовольство воеводы Афанасия Зубова. Для разгрома созданной Подрезом под Кузнецком подпольной винокурни воевода посылал вооруженный отряд служилых под командованием… сына боярского Романа Грожевского, но Подрез энергично отстреливался от посланных и успел повредить их корабль, прежде чем уступил силе. Вскоре он дважды всенародно объявлял "государево дело" на воеводу, затем признался в ложном извете. В извете было, однако, немало весьма правдоподобных сведений об обычных воеводских махинациях с пушниной, притеснениях при сборе ясака… Кипучая криминальная деятельность Г. Подреза заставила жителей Кузнецка (как и до того — Томска) в заручной челобитной слезно просить государя избавить их от него. Пришел приказ о возвращении его в Томск. Наказание, которого Подрез избежал в Кузнецке, настигло его в Томске: 16 июля 1647 г. по государевой грамоте он был бит батогами "за затейные изветы" (и в этом заключалась первопричина ненависти Подреза к первому воеводе Томска, исполнившего царский указ. — *С.В.*).

По строгим царским указам Подрез должен был все время содержаться в сибирских городах "за приставом", под неусыпным надзором. Однако, перемещаемый с места на место, он сумел проявить недюжинные криминальные способности, обратив свой организаторский талант на те сферы, которые привлекали внимание "мафиози" всех времен: алкоголь, азартные игры, проституция. Бывший патриарший стольник (служивший ранее в Литве), сосланный за волшебство, решил показать сибирякам настоящий размах, но это вызвало немедленные и громкие протесты сибирских миров.

Еще до своей высылки в Кузнецк Подрез организовал в Томске заведение, где к услугам томичей было вино, пиво, брага (изготовленные вопреки государственной монополии), "колмацкой шар" (табак или наркотики), зернь, кости и несколько "воровских женок". Среди последних оказались две тоболянки, убежавшие от своих мужей, и томская государственная крестьянка Устинья Тельнова. Тельновы были в числе нескольких крестьянских, посадских и служилых людей, разными путями попавшими в тяжелую зависимость от Подреза. Устинья сначала надеялась на более прочный союз с опальным служилым, он обещал забрать ее с собою в Кузнецк, но после возвращения оттуда заставил служить своим интересам не только в Томске, но и в ее родной слободе Верхней, где Подрез создал филиал городского заведения, ублажая боявшихся огласки томичей. Деятельность этих двух притонов быстро привела к тому, что несколько человек вконец пропились и "заигрались", попав в кабалу к Подрезу: у него появились холопы. Иные безропотно помогали Подрезу в его многочисленных предприятиях; "заигранные казаки" по приказанию Подреза наводили страх на мирных граждан, били и увечили их. Но иные сопротивлялись.

Семен Тельнов, муж Устиньи, несколь раз убегал от Подреза из его городского дома, обращался к воеводам, которые приказывали вернуть его на пашню. Он стал мешать Подрезу, и тот перед отъездом в Кузнецк приказал Устинье отравить мужа, дав ей для этого сулемы. Однако Устинья колебалась, решила посоветоваться с подругой, пономарем и духовным отцом, которые отговорили ее от убийства. Но, вернувшись из Кузнецка летом 1647 г., Подрез вторично приказал ей отравить мужа, и она подсыпала Семену в уху сулемы: Семен умер. На следствии свидетелей оказалось предостаточно. Устинья созналась».

С «батогов» все и началось. Илья Бунаков (второй воевода), «дружа ему Подрезу», в съезжую избу, в которой и совершалась экзекуция, не поехал, выражая таким образом Подрезу свое сочувствие…

А далее пошла откровенная месть князю Щербатову с последующим отстранением первого воеводы от власти, заключением в тюрьму его — воеводской — команды и томской смутой, которая, превратившись в политическую мутную воду, должна была скрыть от верховной власти главное — все, что творила в Томском уезде во имя «золотого тельца» команда Плещеева-Бунакова-Вяземского.

Подреза, кстати, к тому времени, благодаря дружбе с Бунаковым и московскому влиянию родственников, несмотря на постоянные жалобы на него обывателей, не только освободили от наказания, но и поверстали в службу в чине сына боярского, выплатив ему в полном объеме жалованье.

Его главный московский покровитель – *«Леонтий Степанович Плещеев (? – 3 июня 1648) — русский воевода из рода Плещеевых, сын Степана Никитича Плещеева, судья Земского приказа. Казнен по требованию восставших москвичей во время Соляного бунта* (точнее растерзан восставшим народом 3 июня 1648 года. — *С.В.*).

В 1640 году боярин Борис Александрович Репнин расспрашивал и пытал его "в ведовстве и в воровстве", а также его сына Ивана и их товарищей. В чем была вина, неизвестно, но последовала ссылка их в Сибирь. В 1647 году царь Алексей Михайлович указал Плещееву быть на Земском дворе. В 1648 году он находился на царской свадьбе в числе дворян, шедших за санями.

Пользуясь своим родством с Милославскими, Леонтий Плещеев и его шурин Петр Тихонович Траханиотов стали притеснять народ. Поднялся сильный ропот, посадские и всякие черные люди толпились на перекрестках и у церквей, требовали подавать царю челобитные, но близкие к нему люди представляли дело в ином виде, и просители не получали удовлетворения. Полагают, что одной из причин этого народного возмущения был новый сбор, установленный с соли, меда и вина. Народ приписывал введение этого сбора Морозову, Плещееву и Траханиотову, из-за чего сильно их ненавидел.

25 мая 1648 года, когда царь возвращался из Троицы, толпа остановила его лошадь и просила царя назначить на место Пле-

щеева судьей Земского приказа "человека доброго". Царь пообещал это сделать, возможно, этим бы все и закончилось, но друзья Плещеева из придворных стали бранить народ, въехали в толпу на лошадях и ударили даже несколько человек нагайками. Рассвирепевший народ, в свою очередь, начал бросать в обидчиков камнями и кинулся вслед за царем к дворцу, требуя выдачи Плещеева. Чтобы прекратить мятеж, Плещеева повели на казнь, но народ вырвал его из рук палача и устроил над ним самосуд. Та же участь постигла думного дьяка Назария Чистого, а на другой день П.Т. Траханиотова, заведовавшего Пушкарским приказом. Несколько времени спустя царь после крестного хода обратился к народу:

"Очень я жалел, узнавши о бесчинствах Плещеева и Траханиотова, сделанных моим именем, но против моей воли; на их места теперь определены люди честные и приятные народу, которые будут чинить расправу без посулов и всем одинаково, за чем я сам буду строго смотреть"».

* * *

А томский сын боярский Подрез-Плещеев продолжал жить «воровством»…

Боярский сын Кузьма Черницын, сын «воеводского наушника» Гаврилы Астафьева Черницына, пострадавшего в период «томской смуты» 1638 года, доносил князю Щербатову, что Плещеев снова в заговоре с ссыльными пашенными крестьянами (с литвой) и подговаривает их к бегству.

Именно Подрез и стал идеологом будущей смуты. Для начала он запустил «государево слово и дело», ни слова не говоря о сути этого дела, используя сам механизм судебного иска, когда подозреваемый в «государевом слове и деле» — то есть в государственной измене — подлежит незамедлительному аресту. Как, впрочем, и тот, кто это «слово и дело» объявил.

Заговорщикам нужен был повод — и этот повод нашелся.

Они арестовали… князя Осипа Щербатого, первого воеводу Томска.

«Князь вызвал в избу Семена Паламошного и Федора Бадранина, спрашивая их: "только Григорья Плещеева-Подреза взять в съезжую избу — не будет ли какова дурна?.." Те вышли, посоветовались со сторонниками Плещеева Вас. Мухосраном и Степ. Володимерцом с товарищи, и от их имени ручались воеводе, что "от них крови не будет, а Гр. Плещеева роспросить, а роспрося, в тюрьму посадить"…

Князь послал за Плещеевым Сабанского. Явившись в съезжую избу, Плещеев закричал, что "ведает" на князя и на "советников" его "государево великое царственное дело", но какое именно — снова не объявил».

Более того: *«"И воевода князь Осип Щербатой с товарищи послал к нему, Подрезу, денщиков, и велел ему быть к съезжей избе. И он прискакал на лошади и, скоча с лошади, прибежал на крыльцо. А воеводы в то время стояли на крыльце. И он, Подрез, ухватился за нож, хотел воеводу князя Осипа Щербатого резать. И наша братья, мы, холопи твои, отнели — не дали резать".*

"Советники" Плещеева Ф. Пущин, В. Мухосран и др. стали "бить ослопьем" и разгонять сторонников кн. Щербатого, затем ворвались в съезжую избу и — "от съезжей избы и от государевых дел отказали" князю "и сидеть ему в съезжей избе не велели"… Князь пошел "к себе на двор", к которому бунтовщики, "по совету Бунакова" и Патрекеева, приставили 20 караульных и никому к князю "ходить не велели"…»

Вот и подробности: ***«Васка Мухосран, Фетка Пущин, Стенка Володимерцов, Богдашко Поломошной, Сенка Поломошной, Фетка Бадранин, Огишко Пономарев с товарищами почали нас, холопей твоих, бить ослопьем и усечками городовыми. И били перед съезжею избою нас, холопей твоих, Ваську Старкова, Ивашку Широкова, Гришку Копылова, атаманишка казачья Ивашка Москвитина, да конных казаков десятника Поспела Михайлова».***

«Особенно жестоко избили "в кругу" Юрия Тупальского (сына боярского. — *С.В.*)*, его сына Луку, Дмитрия Белкина* (конного казака. — *С.В.*) *и др. Бунаков посадил их потом в тюрьму, поручивши особенному надзору "дворскаго" М. Яроцкого, приставивши 20 караульных».*

Теперь нужна была команда единомышленников, которая позволила бы реализовать этот замысел и довести народ до кондиции «томской смуты».

«На другой день начались у Пущина с товарищи "воровские круги", на которых бунтовщики "приговорили, что им под свою руку всех привесть в Томском городе всякого чину людей, чтобы написать челобитную вновь" на кн. Щербатого…»

Во главе «воровской братии» — Ф. Пущин, И. и С. Володимерцы, В. Мухосран, С. Варвара, Б. Паламошный, В. Ергольский, М. Яроцкий, Дм. Онтипин, В. Попадейкин, И. Аргунов с сыном.

«Сообщаются некоторые подробности разгрома домов в первые дни восстания. В частности, рассказывается, кто именно громил дома П. Сабанского, Ю. Тупальского, В. Былина, В. Балахнина. “А у меня, Юшки Тупальского, женишка в одной рубашке били и по избе волочили по полу простоволосу по повеленью Фетьки Пущина с товарищи казаки Тишко Федоров сын Хромой да Тишко Мещеренин, да Филько Петлин, да ведомой вор Филько Едловской с товарищи, да воевоцкой денщик Митька Мешков”. Последний сообщил, что он был прислан на помощь казакам Ильей Бунаковым (вторым воеводой. — *С.В.*)*».*

«К В. Балахнину, в доме которого изъяли 300 руб. денег, “приходили… грабежом Васка Мухосран, Стенка Володимерцов, Пронка Аргунов, Филько Петлин, Ивашко Попадейкин, Митка Онтипин с товарищи”».

* * *

А вот и третий руководитель Томска.

С дьяком Борисом Патрекеевым *«приехал в Томск его шурин кн. Михаил Вяземский. Оба они занялись “винной продажей” и “торгом” в ясачных волостях, куда ездил князь. Винной продажей занимался и Бунаков через своего племянника Кирилла Савина Бунакова. Ни последний, ни кн. Вяземской не представили воеводе ни “государевых грамот” о службе в Томске, ни “проезжих грамот”, т. е. приехали “самовольством”… Вино, которым торговал кн. Вяземской, доставляли ему “с Руси” люди Патрекеева.*

Чтобы привлечь к себе основную массу обывателей Томска, дьяк Патрекеев “из-за ‘посулов’” (взятки в размере 10–20 рублей. — *С.В.*) *ставит многих “гулящих людей” в “пешие казаки”…»* То есть выдает им государево хлебное и денежное жалованье.

«Кн. Щербатой запрещает крестьянам выдавать их дочерей и родственниц за казаков и др. служилых людей, чтобы “холостых крестьян жеребей не запустел, а тех-де государевых крестьян половина холостых, а никто за них дочерей дать не хочет”. Но Бунаков и Патрекеев разрешали крестьянам выдавать дочерей и др. за казаков и казачьих детей, вследствие чего крестьянские “жеребья пусты будут”, так как многие крестьяне стары, а молодые остаются без жен». И тогда сельское хозяйство, без которого немыслимо было освоение и развитие Сибири, снова приходило в запустение…

«*Ссыльных людей, присланных на пашню, но незаконно поверстанных в службу, кн. Щербатой, по примеру Тобольска и на основании государева указа, снова вернул на пашню, вследствие чего*

“ссыльные люди взволновались и хотят кн. Осипа убить, и посадили его взаперти, стакався с ведомыми ворами” Подрезом-Плещеевым, Ф. Пущиным и др.».

* * *

Сын боярский Федор Иванович Пущин к тому времени стал одной из ведущих фигур заговора против воеводы. В «думе» с ним были дети боярские из ссыльной «литвы» Юрий Едловский, Михаил Яроцкий и Василий Ергольский.

Отец Федора, — Иван Пущин был прислан в Сибирь из Москвы, по крайней мере об этом сообщается в названии царской грамоты:

«1609 г. 9 Декабря. — **Государева грамота в Сургут об отпуске в Томск посланных из Москвы служилых людей.**

От царя и в. к. Василья Ивановича в. Р. в Сибирь в Сургуцкой город воеводам нашим Федору Васильевичу Волынскому да Ивану Володимеровичю Благово. По нашему указу отпущены с Москвы в Сибирь в Сургут сургуцково города сын боярской Иван Пущин да Василий литвин да казак Петрушка Павлов да стрелец Михалко Лукъянов, а наше им денежное жаловенье на прошлой на 117-й год и на нынешней на 118-й год оклады их сполна дано на Москве. А велено Ивану Пущину быть в Томском городе у томским стрельцов в сотниках, а литвину Ондрюшке Иванову велено в Томском городе наша служба служить в конных. И как к вам ся наша грамота придет, а Иван Пущин с товарищи в Сургут приедут, и вы б казаку Первушке Павлову и стрельцу Михалку Лукъянову велели быти и нашу службу служити в Сургуте по прежнему и наше им хлебное жалованье на прошлой на 117-й и на нынешней на 118-й год велели дати по оклады их сполна; а Ивана Пущина да литвина Ондрюшку Иванова отпустили со всеми их животы ис Сургута в Томской город тот час не издержав. А как они в Сургут приедут и в котором числе Ивана и Ондрюшку из Сургута в Томской город отпустите, и вы б о том отписали к нам к Москве с ыными нашими делы, а отписку велели отдати в приказе Казанскаго Дворца Писано на Москве лета 7118-го году декабря в 9 день».

Судя по этому сообщению, сибирские Пущины имеют самое непосредственое отношение к известному дворянскому роду Пущиных.

Федор Иванов сын Пущин начал служить не позднее 1626 года. В 1633 году он был направлен с отрядом из 60 казаков на реку Бию для строительства острога. В течение пяти дней отряду Пущина пришлось выдерживать натиск объединенных сил Телеутского князя Абаки и Девлет-Гирея (внука Кучума, царя Сибирского, с которым некогда вел борьбу Ермак). Опасаясь повторного нападения, служилые люди на кругу приняли решение возвратиться в Томск. Больше никаких «славных» побед за Пущиным до «томской смуты» не числилось. Многократно, но, по всей видимости, безрезультатно обращался с челобитными на сына боярского Федора Пущина к князю Щербатову сын боярский Левонтий Полтев, жалуясь на то, что Пущин насильственно удерживает у себя жену Полтева Татьяну и самому Полтеву грозит смертью. И действительно, «в 156 г. (1648 году) Леонтия “не стало скорою смертью…”, что, возможно, и стало побудительной силой для сближения Пущина с “воровской” командой Подреза».

«В 156 году, — писал князь Щербатов царю, — по заводу Григория Плещеева и по “совету… Ильи Бунакова да дьяка Бориса Патрекеева”, служилые люди боярский сын Федор Пущин и пятидесятник Иван Володимерец с товарищи учинили многую смуту и воровство — Томских служилых людей побили, а иных они, Илья и Борис, в тюрьму посадили — Петра Сабанского с товарищи 23 человек, без нашего указу, а иных подавали за приставы».

Более точный список арестантов таков:

«Большинство арестованных были детьми боярскими. В… челобитных постарадавших называются имена Петра Сабанского, Василия Былина, Василия Старкова, Ивана Широкого, Петра и Тимофея Копыловых, Кузьмы Черницына, Трифона Татаринова, Родиона Качалова, Василия Прокопьева (отставного), Дмитрия Белкина. Пострадали также дети боярские Юрий Тупальский и его сын Лука, они, как и все другие, были избиты, их имущество разграблено. Юрий арестован, но вскоре заменен Лукой… Документы единодушно называют среди арестованных также двух подъячих съезжей избы томской — Василия Чебучкова (Герасимова) и кузнецкой — Макара Колмогорца. …Во всех документах… упоминается атаман пеших казаков Иван Москвитин. …Все без исключения документы называют трех арестованных пятидесятников: Михаила Салкова, Филона Клементьева, Максима Борца (двое первых — конных казаков, последний — пеших). Четвертый пятидесятник (конных казаков), Дмитрий Вяткин, назван лишь в списке Подреза… В первой челобитной арестованных нет также имени десятника Постника Калинина… Из рядовых служилых все документы называют лишь конного казака Василия Водопьяна. Еще два имени конных казаков значатся в списке Г. Подреза… Это Яков и его брат Томило Кусковы Бедрины. …О конном казаке Василии Балахнине… прямо сказано, что он в кругах был бит, ограблен и затем отдан “за приставы”…»

Среди верных князю Осипу людей, кроме вышеперечисленных, исследователи называют также сына боярского Василия Башмака, десятников Постника и Ивана Москвитиных, Лучка Пичюгина.

Ф. Пущин и казак Василий Мухосран (из беглых вологодских крестьян, «прозванным столь “непригоже” за свой вздорный характер», что даже «воровские» томские казаки стеснялись писать его фамилию в ее оригинальной форме и придумывали различные варианты — Мухуплев, Сухоплев, Мухостран, Мухоклеван и, наконец, — Васька Сапожник) с товарищи (Степан Володимерец (пасынок Ивана Володимерца Новограбленого), Михаил Куркин, Богдан Паламошный, Ф. Батранин, И. Щитов, В. Попадейкин с детьми, И. Аргунов с детьми, С. Паламошный («Варюха»), Г. Проухин, выборный есаул Н. Барабанщик приходили к кн. Щербатому в съезжею избу «с большим шумом и с невежеством, по заводу ж» Бунакова и Патрекеева, «лаяли» князя и «в съезжей избе сидеть у наших дел не велели и на воеводском дворе тебя заперли и приставили караульщиков, и прихить к тебе никому не велели»… Засаженных бунтовщиками в тюрьму служилых людей «хотят поморить голодом напрасно»…

Затем число бунтарей-активистов значительно увеличивается — к казакам Б. и С. Паламошным примыкают И. Чернояр, Осташка Ляпа, Т. Серебреник, Федька Батранин, Тимошка Хромой, А. Чечуев, И. Коломна, И. и Ф. Петлины, Н. Барабанщик-Немчинов, Т. Донщина, С. Тарский, А. Пономарев, Л. Сургуцкий, И. Аргунов, Сенька, Ивашка и Бурундук Кожевниковы, Сенька Атаманихин.

А потом начался сбор подписей под челобитной о злокознях князя Осипа Щербатова, и последующий позже сыск показал «о Федоре Пущине с товарищи, которые в челобитной на кн. Щербатого “многих Томских всяких чинов писали за очи”», а других приневоливали подписывать, наказывая сопротивлявшихся «ос-

лопьем и смертным убойством»… «подписавшим же Бунаков выдавал за 2 года вперед “полные оклады” их годового жалованья».

«Всех сторонников князя не могли посадить в тюрьму и стали дома их грабить, причем людей били, “жен позорили” и пр., всякого в неволю к себе в воровскую мысль приводили и написали на кн. Щербатого и его сторонников “составную ложную челобитную”, для чего Пущин с товарищи и “их подъячие” Тимофей Мещеренин и Тимофей Хромой приходили “думать” к Бунакову и Патрекееву. У последних “безвыходно жили” Пущин, Володимерец и Мухосран. Они же постоянно “на доклад ходили” к Плещееву».

«Бунтовщики “с докладу” Бунакову и Патрекееву, посылали по 30–40 человек в дома сторонников Щербатого и насильно их “в свои воровские круги приводили, и ослопьем били, и за бороды драли, и на площадь вывезли — по грези и по лужам волочили, и пересажать в воду (т. е. утопить) хотели”, требуя, чтобы те приносили в круги “повинныя чедлобитныя, за руками”. Многие исполнили это требование “воровского” міра».

А вот и роль Володимерца Новограбленого: *«…томские “служилые и всяких чинов люди” пятидесятник Иван Володимерец с товарищи, “что-де от твоих* (князя Щербатова. — *С.В.*) *безмерных налог и убытков и от великой твоей жесточи под судом им у тебя до нашего указу быть невозможно”».*

То есть, судя по этой фразе, Новограбленый вновь угодил в какую-то подсудную историю и попытался выпутаться из нее, обвинив во всех смертных грехах князя Щербатова, что полностью совпадало с идеологией смуты, определяемой томским «мафиози» Подрезом и его единомышленниками.

Сын боярский Федор Пущин был отправлен в составе делегации от томского «міра» с ложной челобитной в Москву.

В состав этой делегации также вошли:

пятидесятник конных казаков Иван Володимерец Новограбленой;

десятники конных казаков: Семен Кожевник, Семен Варвара (Паламошный), Степан Володимерец;

рядовые конные казаки: Шумило Ермолин, Иван Кожевников, Федор Батранин, Басалай Терентьев, Василий Мухосран, Емельян Соломатов, Иван Вахня, Карп Аргунов, Постник Васильев, Павел Сидоров (Капканщик), Тихон Мещерин (войсковой подьячий), Михаил Куркин, Кузьма Макаров;

десятники пеших казаков: Прон Аргунов, Иван Поршенник, Петр Попов, Першут Микитин;

рядовые пешие казаки: Иван Жуков, Потап Маслов, Пятко Тарский, Анисим Кузьмин, Дмитрий Антипин, Иван Гаврилов, Вешняк Егупов, новокрещенный толмач Дмитрий Тихонов.

Вернулись они с половинной победой: вроде как царь был к ним милостив, но указал князю Щербатову быть у власти первым воеводой до конца срока, а Сабанского с товарищи приказано было выпустить из тюрьмы… За неисполнение указа — смертная казнь.

«“Илья Бунаков и многие томские казаки, выслушав тот твой государев указ, тому твоему государеву указу учинились ослушны: сказали, что де им у нас, холопей твоих, у Оски, под судом никакими мерами не быть, а быть у них начальным человеком Илье Бунакову; а Петра де Сабанъскова с товарыщи ис тюрмы им не выпускать, побьют де ево, Петра Собанскова с товарыщи, до смерти и в воду помечают; а Григорья де Подреза Плещеева в тюрму они посадить не дадут… и старую приказную избу не распечатают”.

Федор Пущин и другие челобитчики, ездившие с ним в Москву, вернулись в Томской город в апреле 1649 г., а уже в июне вновь отправились к государю. Следом, “по тому же делу”, поспешили семь казаков во главе с десятником Аггеем Чижовым. Они везли челобитную, которую нельзя не процитировать: “Как, государь, изначала после Ермакова взятья Сибирь стала и твои государевы многие сибирские городы и Томской город поставлен и прежде, государь, Томсково и в Томском городе отцы наши и братья и мы, холопи и сироты твои, и детишка наши служили бывшим государям царям… лет по тридцати и по сороку и по пятидесть и больше… И многие, государь, городы и остроги в Сибири после Ермакова взятья поставили своими головами и многия немирные орды под твою царьскую высокую руку приводили и твое государево царево крестное целованье исполняли… А ныне, государь, мы, холопи и сироты твои, не ведаем, за какую нашу вину и прослугу он, князь Осип… с своими с советники с Петром Сабанским с товарыщи, умышляючи своими заводными умыслы, завели и писали к тебе, государю, на нас, холопей и сирот твоих, многое воровство и измену и многие воровские затейные статьи… А прослуги, государь и измены и шатости никакие в нас преж сего не бывало. Да и впредь, государь, мы, холопи и сироты твои… рады служить и прямити

своими головами… Возри, государь, помазанник божий, своим праведным милосердием, вели, государь, нас, холопей и сирот твоих, от ево, князь Осиповы, изгони и насильства оборонить”.

Увы, до царя эта челобитная так и не дошла, хотя в его руках и побывала. О том, как это случилось, повествует рассказ одного из участников тех событий: “И назавтре был ход праведному государю к Михаилу архангелу, и подал челобитную государю на Красном крыльце Кузьма Мухостран (брат Васьки Мухосрана-Сапожника) и бил челом государю изустно. И тут боярин Алексей Никитич Трубецкой (глава Сибирского приказа) за то воскручинился, велел ево, Кузьму, взять стрельцам, да свесть в тюрму, да и всех нас за то велел в тюрму посадить. И мы ныне сидим в темнице, посажены в Дмитриевскую суботу (20 октября 1649 года), помираем голодной смертью, а житью своему конца не ведаем”.

Откуда им было знать, что уже восьмого августа в Томской город прибыли новые воеводы и, приняв по росписи город и острог у своих предшественников, отпустили Осипа Щербатого “к Москве”? (Шестнадцать месяцев провел он в домашнем заточении.) Не могли они знать и того, что на сей раз Илья Бунаков подчинился воле Сибирского приказа и этим противопоставил себя мирскому кругу, что в Москву уже ушло сообщение о том, что за прежнее неповиновение он бит на тюремном дворе кнутом. На самом деле заменивший его на посту второго воеводы Богдан Коковинский (его сестра была замужем за братом Бунакова) велел поднять свояка на козлы и “бить притворно”»… (из книги «Томские первопроходцы»).

* * *

Когда на смену Патрекееву приехал новый дьяк Михаил Ключарев, Бунаков отказался признавать его полномочия: *«Вместо того Бунаков послал к Мих. Ключареву своих “советников” Юрья Ядловского, Вс. Ергольского, Тимофея Хромого и др., которые “Михайле от государевых дел отказали”…*

Ключарев обратился к противной партии — к боярским детям Юрью Тупальскому, Матвею Хозингскому, Дм. Копылову и др. с вопросом, “что они ему Михайле отказывают?..” Те отвечали, “что они ему не отказывают, потому что он прислан от государя, а они государеву указу не противны”… За эти речи сторонники Бунакова — Андрей Щербак, Остап Ляпа, Тим. Хромой и др. “влежачь били” Тупальского, а остальных разогнали».

Подстерегли возвращающихся от князя Щербатова казаков Антона Паломошного, Василия Попова и казачьего сына Василия Шумилова, избили «ослопьем» и «посадили на съезжем дворе скованными».

«Также жестоко был избит приведенный из тюрьмы подъячий Вас. Чебычаков, подавший “извет” на Бунакова. Подъячий протестовал: так как-де он “сказывает” на Бунакова “государевы дела и измену и государево слово, и ему бить его нельзя”… Бунаков велел бить еще сильнее, крича палачу “чтоб кнут переменил и бил гораздо на смерть”… Несчастному подъячему дали 200 ударов».

Пытали конного казака Луку Пичугина, который писал челобитную на «советников» Бунакова…

Били батогами пятидесятника Филона Клементьева.

Но этим дело и для них самих не закончилось: чтобы спрятать «концы в воду» заговорщики не пожалели и своего подельника — Борис Патрикеев *«злою смертию от шурина своего от кн. Мих. Вяземского и от людей своих от Гришки Артемонова с товарищи умер в Томске».*

Подробности:

«28 мая при странных обстоятельствах внезапно умер дьяк Б. Патрикеев. Его значение определялось не только местом главы бюрократического аппарата подъячих, не только природным даром интриги, умением изо всего извлекать выгоду, но и семейными связями: он был женат на Алене Ивановне, сестре князя Михаила Ивановича Вяземского. Князь Михаил Иванович с размахом и умением занимался винокурением, торговлей и далеко не всегда легально сочетал одно с другим. Еще за несколько лет до восстания он приехал к своему деверю в Томск, где явно столкнулся с первым воеводой, и эта теплая компания долго эксплуатировала немалые возможности, возникшие от сочетания вотчинных частнофеодальных методов в Центральной России, административного насилия, коррупции в Сибири и выгодных торгово-экономических контактов с сибирскими степными и таежными племенами. Товары для торговли с сибирскими аборигенами (включая вино) доставлялись из русских вотчин, а из Сибири шли скот, пушнина. Применявшиеся методы позволяли путем незаконной монополизации торга и других противоправных средств обеспечивать изрядный доход. Возможно, необходимый для успешного функционирования все-

го этого механизма союз деверя, шурина и первого воеводы сложился еще в 1644 г., когда первым воеводой в Томск был назначен Дмитрий Иванович Щербатый, родной брат князя Осипа; вместе с ним тогда в воеводскую коллегию вошли А.А. Молвянинов и Б. Патрикеев. Последний сохранял свою должность и позднее, когда после смерти Дмитрия Ивановича первым воеводой стал Молвянинов, а затем его место занял князь Осип».

Как считают исследователи, князь Осип был в доли от незаконной продажи вина, пива, браги в Томске, Красноярке, Енисейске… И якобы мотивы бунта заключаются в том, что таким образом союз Щебатого-Патрикеева-Вяземского ущемлял интересы томского міра во главе которого стояли Подрез-Плещеев и Бунаков…

Но, судя по опубликованным материалам, мы можем более определенно говорить о союзе Патрикеева-Вяземского с Подрезом-Бунаковым, нежели наоборот.

А кому, собственно, была выгодна эта неожиданная смерть Патрикеева?

Князь Щербатый свою точку зрения выразил более чем откровенно: *«Дьяк Борис Патракеев в своем воровстве злою смертью скончался от шурина своево от князя Михаила Вяземскова и от людей своих от Гришки Артамонова вс товарыщи».*

Почему-то исследователей не заинтересовали причины неожиданной смерти брата Осипа Ивановича — и не нарушило ли чьих-то планов назначение на это воеводское место князя Осипа, который не мог не провести расследование о причинах его смерти?

Ответа на это вопрос я не нашел.

* * *

А список бунтарей продолжал увеличиваться:

Казачий голова З. Литосов, дети боярские И. Петров, И Лавров, С. Моклоков, пятидесятники И. Михайлов, Остафий Ляпа, А. Кизылов, И. Сергеев, М. Давыдов, Н. Расторгуй, А. Палтырев, О. Филимонов, И. Игнатьев, И. Голешихин, десятники З. Иванов, З. Федотов, Ф. Рычков, В. Бурнашев, А. Чижов, А. Иевлев, П. Григорьев, Н. Исаев, Ф. Соболко, И. Савельев, К. Суборов, Ф. Колмогорец, О. Быков, Ю. Дементьев, А. Чечуев, А. Титов, Л. Ус, Н. Тюменец, М. Гирицкий (Гиринский), И. Лаврентьев, С. Климушев, М. Осипов, В. Захарьев, В. Болдырь, С. Алекеев, А. Черный, пушкари и затинщики И. Федоров, И. Степанов, Г. Сергеев, оброчные и пашенные крестьяне…

Сам князь Осип, выделяя главных «советников» Бунакова, называет дополнительно к уже знакомым нам имена детей боярских Юрия Трапезундского и Степана Гречанина, казаков Ф. Засухина, И. Петлина, Кирнаенка, К. Толмачева и Д. Кокоулина, брата сына боярского Юрия Едловского казака Федора Едловского…

* * *

О том, что второй воевода Бунаков и дьяк Патрикеев находтся в одной связке, было известно и самим томичам. Вот только одно из свидетельств:

«К сыну боярскому Р. Качалову 13 апреля 1648 г. И. Бунаков, Б. Патрикеев, Ф. Пущин, В. Ергольский, И. Володимерец, И. Коломна, В. Мухосран прислали группу из 30 казаков во главе с Логином Сургуцким. Р. Качалов рассказывает: они пришли "на дворишко мое ввечеру поздно, и с пищалеми, и с ножами. И я… услышав их, вышел к ним на дворишко. И оне, Логин Сургуцкой с товарищи, учали меня бить ослопы насмерть. И я… скозал за собою им твое государево дело на их выборнаво воеводу на Илью Бунакова да на дьяка Бориса Патракеева. И оне… бить меня… перестали и отдали меня за пристава". Пристав, казак И. Тарский, приведя Родиона к себе в дом, связал и "кинул на пол". Р. Качалов продолжает: тем временем пришедшие "вломились в ызбу (к Качалову. — *С.В.*) *насильством, хотя меня … разорить и женишку, и детишка, и своячину мою, девицу, изувечить и опозорить". Их "били и увечили и грабили и лаели всякою неподобною лаею", ободрав как липку».*

* * *

Примерно в это же время начинает активизироваться роль еще одного активного участника «томской смуты» — сына боярского Греченинова (Гречанинова).

Точнее, Гречениновы (Греченины) — это клан томских ссыльных греков, которым Т.А. Опарина в своей книге «Иноземцы в России XVI–XVII вв.» посвящает отдельную главу «Ротмистр Юрий Трапезундский: заметки к биографии». И мы также посвятим им отдельную главу.

Юрий Трапезундский со своим племянником Мануилом успели совершить множество невероятных приключений до того, как оказались в сибирской ссылке.

Юрий сын Иванов, «родом греченин Трапизона города», имел весьма любопытную, но также и весьма противоречивую, биографию:

«…в 1627 г., впервые переступив границы России, он предстал невольником-гребцом турецкого корабля, бежавшим во Фландрию, а затем через Гамбург в Архангельск. В 1633 г., возвращаясь к этому же периоду своей жизни, он называл уже арабский разбойничий корабль, умолчав о рабском состоянии. Судно в этом варианте было захвачено англичанами, доставившими его в Великобританию. Далее путь лежал через Голландию в Архангельск».

По этой истории он мог быть как несчастным невольником, так и «корсаром морей» — пиратом.

В этот период в России шло формирование «полков нового строя» — иноземных войск, подчиняющихся Иноземскому приказу. Была сформирована отдельная греческая рота, в которой и начал службу рядовым Юрий Трапезундский.

Здесь он сблизился еще с одним греческим невольником и земляком — Мануилом Константиновым, ставшим жертвой набега на Трапезунд донских казаков, принявших его за турка.

«“Ясырь” был доставлен на территорию Войска Донского, а далее переправлен в Воронеж, ставший центром работорговли».

Его несколько раз перепродавали, пока он не очутился у иноземца и, будучи «исконно православным», смог обрести свободу благодаря поддержке патриарха Филарета: «Согласно указу 1627 г., обращение в православие иностранных холопов означало прекращение зависимости».

Мануил Константинов почти одновременно с Юрием Трапезундским был зачислен в Иноземский приказ и поверстан в службу.

А во время военных действий под Смоленском эти греки попали в плен.

В силу неясных нам причин отпущенные на волю «греки» устремились в Россию. Что послужило мотивом такого поступка: верность присяге, чувство родины (связанное уже с Россией) или, напротив, шпионаж, сказать невозможно. Юрием Трапезундским могло двигать опасение за судьбу родных: в России у него осталась семья. (Беспокойство было вполне обоснованным. Как только в Москве стало известно об исчезновении из русских полков греческого отряда, жена и дети Юрия Трапезундского были отправлены из Москвы под надзор в Устюг: *«какъ де он за рубежем заблудился и в полон его литовские люди с ыными гречаны взяли и после де его на Москвь жену его и детеи по государеву указу со-*

слали с Москвы на Устюгъ».) Мануил Константинов, не имевший в России семьи, тем не менее вместе с Юрием пожелал вернуться в Россию. Военные задумали и осуществили побег.

«По возвращении в Россию военная карьера Юрия Трапезундского складывалась крайне успешно. Он был награжден за предприимчивость и смекалку в польском плену. Бывший невольник получил повышение до ротмистра. Юрий Трапезундский возглавил “греческую роту”, сменив на этом посту не позднее 1635 г. Николая Шабанова.

Обязанности ротмистра Юрий Трапезундский исполнял до 1642 г. В 1638 г. он был назван среди других ротмистров иностранных подразделений в период подготовки Москвы к обороне».

Юрий Трапезундский стал настолько влиятельной фигурой греческой диаспоры, что попытался даже, будучи на стороне греческого авантюриста Михаила Милорадова, которого он назвал князем, оспорить княжеский титул князей Алибеевых-Македонских.

Но он заигрался — и его противники обнародовали сведения о смоленском дезертирстве Трапезундскиго и Константинова и возможном их шпионаже в пользу Польши.

В итоге оба были сосланы в 1642 году в Томск.

«Сослан за измену», как воспроизводил в 1648 году резолюцию по его делу воевода О.И. Щербатов.

«Ряд бывших подчиненных Юрия Трапезундского последовали за ним в Сибирь. Значительная часть “греческой роты” переместилась в Томск. Во многом по вине ротмистра в городе образовалась греческая колония. Власти предусмотрительно направили в Томск греческого толмача, способного обслуживать ход службы иноземцев и их контакты с властями. Как результат, в Сибири окружение Юрия Трапезундского продолжали составлять “греки”».

И он вновь получил возможность влиять на происходящие вокруг него события.

Семья Трапезундского, по всей видимости, осталась в Москве.

«Мануил Константинов, напротив, выделился в Сибири многочисленным семейством. В Томске он быстро оброс родственными связями. Мануил Константинов породнился с другим ссыльным, доставленным в Томск 22 сентября 1635 г., — Христофором Тонгайловым. Христофор Тонгайлов по неизвест-

ным обвинениям был направлен из Москвы в Томск закованным в колоды и в сопровождении семьи: сына, Мануила Христофорова Греченинова, и дочерей Марии и Анны.

Одна из них стала женой Мануила Константинова. Потомки Мануила Константинова и Христофора Тонгайлова образовали разветвленный клан Гречениновых, занимавших видные административные посты в Сибири. (Восемь сыновей Мануила Константинова входили в земский мир Томска, проявляя себя на должностях послов, военачальников, «рудознавцов». И, добавим, купцов, сфера влияния которых распространилась впоследствии на Иркутск и Камчатку. — *С.В.*). *"Известно о сыновьях Мануила Константинова: Дмитрии, Авраме, Проне, Калине (в свою очередь, у него были сыновья Алексей, Иван, Федор), Иване (сын Владимир), Савве (иногда — Савелий), Тимофее, Якове"».*

Но это будет позже.

А пока события развивались следующим образом: Юрий Трапезундский стал доверенным лицом князя Осипа Щербатова. Будучи в чине сына боярского (то есть высшего казачьего чина), Юрий Трапезундский руководил сбором ясака и часть собранной пушнины утаивал. Это была их общая с князем коммерческая тайна.

«По прибытии в Томск Юрий Трапезундский включился в контрабандную торговлю. (Возможно, сказались навыки, освоенные на кораблях Алжирского государства.) Под руководством О.И. Щербатова он выменивал у местного населения меха на алкоголь и предметы первой необходимости. По поручению воеводы на Чулыме и в Мелесском остроге Юрий Трапезундский занимался незаконной торговлей пушниной с "ясачными людьми". В 1648 г. в челобитных, поданных по время бунта (о чем ниже), отмечалось: "Да он же, князь Осип, посылал от собя с товары во многие земли и в твои в государевы в ясашные волости на Чулым, в Мелеской острог многие русские товары и вино с сыном боярским с Юрьем Тропизонским да служивыми людьми и велел на те свои товары покупать у твоих государевых служивых ясашных людей всякую мяхкую рухледь".

В ситуации когда вскрылись его нарушения, Юрий Трапезундский перешел к восставшим. Если ранее Юрий Трапезундский выступал доверенным лицом и исполнителем поручений О.И. Щербатова, то сейчас примкнул к И. Бунакову. Авантюрная натура брала верх над прагматизмом, и он, как и ранее,

принял сторону победителей (хотя и временных). Юрий Трапезундский проявил себя в стихии бунта, включившись в бурные события, преследуя всех сторонников своего бывшего патрона. Юрий Трапезундский становится активным участником казачьего "воровского" круга. К нему присоединился еще один член греческого землячества: Степан Греченинов. Подвергнутый изгнанию воевода О.И. Щербатов в своей отписке в Москву 4 августа 1648 г. внес имена Юрия Трапезундского и Степана Греченинова в число главных "советников" И. Бунакова, которые "почали свой воровской злой завод и свою воровскую мысль укреплять".

Власть в томском гарнизоне перешла к восставшим, среди которых деятельно проявлял себя Юрий Трапезундский. Так, 4 августа 1648 г. он оказался среди главных организаторов столкновения "воровских казаков" с оставшимися верными О.И. Щербатову служилыми людьми. Воевода попытался отправить на корабле из восставшего города семью и имущество. Казачий круг постановил предотвратить бегство и вывоз запасов. Юрий Трапезундский набросился на защитников бывшего главы города и, как писал О.И. Щербатов, "бил их нещадно". Разгромленное судно не покинуло города.

По словам воеводы, мятежники действовали крайне сплоченно: "укреплено у них меж собя, что друг за друга стоять, а которые будут не в их мысль и тех побивать". Юрий Трапезундский готов был на жестокие действия по отношению к сторонникам воеводы, в том числе — духовенства. Расправа над священником не показалась ему кощунственной. Судя по предшествующей биографии, Юрий Трапезундский не отличался пиететом к православным ценностям. В священнике Сидоре Лазареве (в котором сейчас он усматривал прежде всего духовного пастыря воеводы) Юрий Трапезундский видел лишь политического противника. 9 сентября 1648 г. Юрий Трапезундский стал одним из инициаторов нападения на собственного духовного отца, поддерживавшего О.И. Щербатова. В руки восставших попали письма священника к сибирскому архиепископу Герасиму с резкой критикой происходящего. На казачьем кругу они были оглашены и повлекли обвинения в "измене" интересам посадской общины. Узнавший о грозящем наказании духовный наставник воеводы попытался найти спасение в алтаре. Однако Юрий Трапезундский совместно с церковным старостой Серге-

ем Алексеевым отдал распоряжение закрыть церковь. Священник смирился с грозящей опасностью, полагаясь на Бога и благоразумие своих духовных чад: "видя, что ему от тех воров не обыть, приложась к образом да к ним вышел". Доставленный на судилище, он был вынужден первоначально публично выслушать свою корреспонденцию. Предъявив доказательства преступления, восставшие потребовали возмездия. Юрий Трапезундский с другими мятежниками приступил к расправе. Пострадали и жена и дочь священника, пытавшиеся спасти главу семьи от побоев. Восставшие оставили священника, лишь удовлетворившись наказанием: "покинули (его. — Т.О.) замертво".

Участие Юрия Трапезундского в противостоянии воеводе не ограничилось организацией карательных мер. Связи в Москве, знакомство с чиновничьим миром, правилами подачи челобитных определили повышенное внимание к нему мятежников при их обращении к высшей власти. Можно предположить, что Юрий Трапезундский рассказал своим новым сподвижникам о былом величии, высоком положении в обществе и многочисленных связях.

Юрию Трапезундскому доверили ответственное поручение — оправдание бунтовщиков перед чиновниками и государем. Казачий круг во главе с И. Бунаковым направил Юрия Трапезундского в Москву с петицией, в которой перечислялись "неправды" О.И. Щербатова. Дабы подчеркнуть полную лояльность верховной власти, мятежники отправили в столицу собранный предшествующей администрацией "ясак". По настоянию руководителей восстания Юрий Трапезундский привез конфискованные у воеводы О.И. Щербатова меха (которые сам помогал ему собирать) в качестве доказательств правоты восстания. Соболей и коллективную челобитную на воеводу Юрий Трапезундский доставил в Сибирский приказ 10 января 1649 г.

Князь О.И. Щербатов позже подчеркнул противоправность выбора И.Бунакова: "изменника к Москве отпускать не велено".

В Сибирском приказе Юрий Трапезундский подробно изложил точку зрения восставших. Но власти предпочли остаться на стороне воеводы и не оправдали действий казачьего круга. Попал ли в Москве Юрий Трапезундский под следствие, сказать сложно. Как неоднократно уже бывало в судьбе "каторжника", он перешел к сильнейшим. Очевидно, Юрий Трапезундский столь успешно начал давать показания на своих недавних соучастников, что быстро завоевал доверие властей. Безусловно, в своих челобитных 1649 г. Юрий Трапезундский выступает верноподданным дворянином московского государя. Он сообщал, что лишь выполнил поручения главы города, И. Бунакова, и привез "ясак" в столицу. Вероятно, он планировал уже в 1649 г. отправиться в Сибирь. Юрий Трапезундский попросил забрать в Томск из своего дома в Москве "старинных холопов": Кирилла Микулаева и его сына Ивана, Марию Фомину и Домну Фадееву.

Власти дали согласие, и 24 февраля 1649 г. холопам была выписана проезжая грамота.

Но Юрий Трапезундский задержался на год в Москве. На короткое время ротмистр даже восстановил свой прежний статус и в 1650 г. был вновь определен в Иноземский приказ, возглавив "греческую роту". Однако на следующий год Юрий Трапезундский оказался в Томске (а "греческой ротой" в Иноземском приказе руководил уже Кралев). В силу неясных причин удержать пост ему не удалось.

Но Юрий Трапезундский возвратился в Сибирь в качестве представителя властей. В 1651 г. он уже судил организаторов восстания. По поручению воевод Томска он вел предварительное расследование дела Лаврентия Хомякова. В результате бывший участник "воровского круга" вышел из восстания 1648 г. со значительным повышением социального статуса. С 1652 по 1661 г. Юрий Трапезундский в звании сына боярского получал один из самых высоких окладов — 14 четей ржи.Около 1650 г. он осуществлял приведение в русское подданство кочевников, ездил к киргизам с шертью. В мае–июне 1658 г. Юрий Трапезундский "дозирал" земли Басогорской волости, где отстроил новый Ачинский острог, перенеся укрепление в другое место — между Чулымом и Кангалом. После 1662 г. информация о нем обрывается».

Сплошные метаморфозы…

* * *

Итак, царь признал правоту действий томского воеводы Осипа Ивановича Щербатова.

Илья Бунаков за клевету на князя был публично бит батогами.

Григорий Подрез в прежнем чине сына боярского был отправлен служить в Якутский острог, но «за оскорбление памяти государя Ивана Грозного и похвальные высказывания в адрес

поляков» вскоре разжалован в рядовые казаки и переведен в Ангарский острожек. Оттуда сослан в Енисейск, где и окончил жизнь в тюремном «заклепе».

Что касается «мирских советников» Бунакова и самых деятельных участников томского бунта, то многие из них в ходе следствия и сыска на князя Щербатого были признаны виновными, «биты на козле и в провотку кнутом нещадно».

Едловского «*били насмерть обухами, и буловами, и кистенями, и ослопы, и переломали у него руки и ноги, и голову испроломили, и бороду всю выдрали и покинули замертво*». После этого он «одет был овчиною сырою недели з две, едва излечили».

Томские исследователи сообщают сведения и о многих других участниках бунта.

Аргунов Прокопий (Пронка) Власов, томский пеший казак десятка В.А. Капустина, десятник пеших казаков (после 1630 г.). Служит с пашни. Продал свою заимку на берегу р. Ушайки (посеяно 2 чети ржи, изба с подклетом, двор в заплоте, баня, овин, поскотина) однодворцу А. Протопопову (1631 г.). Хозяйство: своей пахоты 10 четей ржи, 4 чети овса, 3 чети ячменя, 2 чети ярицы и 1 четь пшеницы (1637 г.). 12 мая 1625 г. продал рыбу "своего лова". Женат. В 1629/30 г. отвозил отписку томского воеводы к Москве. Принял активное участие в событиях 1648/49 гг.: вместе с другими приходил во двор воеводы "с лаем", подписывал городскую челобитную, "грабил" двор сына боярского П. Сабанского. В 1650 г. был участником делегации томичей в Москву. **Впоследствии был наказан: бит кнутом; в 1653 г. вместе со своими детьми (Иван, Евсей, Омелька, Параня, Палаша, Матрена, Татьяна и Капитолина) сослан в Якутск.**

Батранин Федор (Фетка) Михайлов, томский конный казак десятка В.О. Башмака. Денежный оклад: 7 руб. с четью (1630 г.). Хлебное жалованье: 6 четей муки, по чети круп и толокна (1630 г.). Женат. Вместе с С. Паламошным ручался за Л. Плещеева-Подрезу перед О. Щербатовым (1647 г.). Один из активнейших участников восстания 1648/49 гг. "Подписывал" челобитную на подъячего В. Чебучакова (1658 г.). Сын Микита (Никита).

Белоусов Семен (Семейка) Лукьянов, томский конный казак десятка З. Иванова. Денежный оклад: 7 руб. с четью. Хлебное жалованье: 6 четей ржи, 4 чети овса (1643 г.). Служит с пашни. Его собственная пашня находилась на р. Ушайке, рядом с заимками Е. Еремеева и И. Володимерцова (1653 г.). Женат (1636 г.).

Участник Киргизского похода Я. Тухачевского, где проявил себя "пущим вором и заводчиком". Принял самое активное участие в томском бунте 1648/49 гг. Был в числе челобитчиков томичей в Москву, где **арестован головой Сибирского Приказа кн. А. Трубецким**.

Бурнашов Василий (Васка) Никонов, томский конный казак десятка Т.И. Галиченина, позже — десятник. Денежный оклад: 7 руб. с четью. Хлебное жалованье: 7 четей ржи, 5 четей овса (1652 г.). Служит без пашни (1652 г.). Женат (1626, 1652 гг.). Шурин сына боярского Л. Васильева. В мае 1634 г. в составе посольства Я.Тухачевского был послан к Алтын-хану. В конфликте между подьячим Огарковым и Тухачевским спас первого от битья ослопьями, но в Томске при разборе конфликта встал на сторону Тухачевского. В 1639 г. привез из Москвы ссыльных. В 1946 г. под началом П. Копылова послан в киргизы на разведку. Во время Томского бунта 1648/49 г. был направлен Бунаковым вместе с Я. Булгаковым и Н.Федоровым послом к телеутам, к князю Коке Абакову. По возвращении составил статейный список, в котором Кока "обличал" "воровские речи" первого воеводы О. Щербатова, который все это начисто отрицал. Василий был пытан огнем, но не признал подложным свой список. Под статейным списком за Василия подписывался поп Пантелеймон. Его сын, тоже конный казак, в 1684 г. основал д. Бурнашово в Семилужном стане.

Володимерец Иван (Ивашка, Ивашко) Давыдов, Новограбленой, томский десятник конных казаков. Денежный оклад: 7 руб. 25 алт. Хлебное жалованье: 6 четей с осьминою ржи, по чети круп и толокна (1626 г.). В 1653 г. имел пашню по берегам р. Ушайки, рядом с заимками С. Белоуса и Е. Еремеева. Женат (1626 г.). В 1622 г. в распросе в Казанском Дворце рассказывал о недавно построенном Кузнецком остроге; в 1630 г. отвозил отписку в Москву; в 1635 г., уже как десятник конных казаков, был в числе челобитчиков о выдаче служилым панцырей. Участник похода томских казков в составе отряда В. Власьева на бурят, был ранен в этом походе (1640 г.). Пользовался авторитетом среди томичей, был среди тех, кто в челобитчиках от имени всего города ездил в Москву в 1644 г. за церковной ругой. Один из активных участников томских смут и бунтов 1637 и 1648 гг.; во время последнего бунта на его дворе стояла "воровская" съезжая изба. В числе челобитчиков ездил в Москву и якобы был допушен к самому ца-

рю. **За участие в бунте был наказан кнутом и сослан в службу в Сургут, но вскоре вернулся в Томск. В 1653 г. вместе с женой Феодосией был сослан из Томска на службу в Якутск. Пасынок Степан.**

Едловский Юрий, боярский сын (его отец — Едловский (Ядловский) Иван Юрьев, сын боярский, "литвин", поляк, бывший польско-литовский "вязень", начинал свою карьеру в Томске рядовым конным казаком "литовского" списка. Денежный оклад: 7 руб. Хлебное жалованье: 6 четей с осьминою муки, по чети круп и толокна. В 1630 г. по "приговору" воеводы кн. П.И. Пронского велено ему служить в сынах боярских.

Едловские (впоследствии Игловские) ведут свое происхождение от Ивана Ядловского, о котором его внук, Андрей Юрьев сын Едловский, сообщает следующее: "породою он был шляхта королевская, а взят был в плен на войне, послан был к Москве, а оттуда в Тобольск, а из Тобольска был прислан в Томск". Иван Ядловский был не единственным, кого судьба таким образом привела в Томск. Почти весь семнадцатый век непрерывно шла война с Речью Посполитой, и значительное число плененных шляхтичей оказалось в сибирских городах. Их называли литвинами. Учитывая, что большинство из них были знатоками военного дела, да к тому же и грамотными, им удавалось занять здесь неплохое положение. То же самое мы видим на примере семьи Едловских. Сын Ивана, Юрий, служил в чине сына боярского, а это звание было самым высоким после воеводы и подьячего. Во время томского восстания 1648–49 гг. он вместе с братом Филиппом стал одним из инициаторов отстранения воеводы Осипа Щербатого от власти, его имя постоянно встречается в документах, относящихся к восстанию. В 1657 г. он и известный атаман Дмитрий Копылов основывают Сосновский Острог южнее Томска. Несмотря на участие в восстании ни сам Юрий, ни его потомки **не пострадали** (выделено мной, см. выше. — *С.В.*). им удалось сохранить свое положение вплоть до нач. XVIII в. Его сын Константин и внук Алексей служили в детях боярских и имели пашенные заимки в окрестностях села Иткаринского (совр. Иткара в Кемеровской обл.). В начале XVIII в. дети Константина: Федор, Андрей и Иван переселились в ведомство села Никольского (Кривошеинский район). Фамилия их в 1742 г. писалась как Егловсковы, а в XIX в. уже как Игловские. Остальные потомки Юрия остались на старых землях и живут там и в нынешнее время. Они также стали Игловскими.

Ергольский Василий, боярский сын. **Сослан в службу в Якутск за участие в томском бунте 1649–1650 с женой Парасковьицей. Умер в 1655 году.**

Засухин Федор (Фетка) Андреев, томский конный казак десятка В.И. Седелника. Родом из Соликамска, в Томск пришел "своей охотою" и верстался в конные казаки, позже — десятник конных казаков (1665 г.). Денежный оклад: 7 руб. 8 алт. 2 д. (1626 г.), 9 руб. 25 алт. (1665 г.). 6 четей с осьминою муки, по чети круп и толокна (1626 г.). Служит с пашни, но ему додают к окладу 3 чети ржи (1630 г.). Активно занимался коммерцией: в 1624 г. продал говядины своего убоя на 3 руб., в 1627 г. продал скотину на убой за 2 руб., в 1648 г. привез, вместе с другим служилым, с р. Чулым пушнины для торга на 10 руб. 26 алт. Женат (1626 г.). Активный участник посольств к Алтын-хану; сопровождал его послов в Москве, за что получал надбавки к жалованью и продвижение по службе. В событиях 1648 г. — один из главных "воров": вместе с казаками разграбил двор сына боярского И. Широкого и грозился убить Ю. Тупальского. В 1658 г. принял участие в подписании челобитной на В. Чебучакова.

Коломна Иван (Ивашка) Андреев Старый, томский конный казак десятка З. Амосова. Был прислан из Москвы ставить Сургут, а затем Томск. Денежный оклад: 7 руб. 8 алт. 2 д. Хлебное жалованье: 6 четей муки, по чети круп и толокна. Служит с пашни. Женат. Первые известия о нем относятся к 1609 г., когда он был послан в послах к белым калмыкам, к кн. Абаку. Затем ездил с посольством в "Мугальскую" землю в 1636 г., потом в 1642 г. в киргизы, а в 1646 г., вместе с П. Сабанским, опять к белым калмыкам. Посольскую службу активно сочетал с коммерческой деятельностью. Был близок к воеводе. С ним также связано, возможно, первое "государево слово и дело" в Сибири. В 1625 г. И. Коломна был на именинах у воеводы А. Гагарина. После обеда, когда воевода и его товарищи ушли в другую горницу, он "пьяна почал бить" томского жильца Б. Кожевникова и "учал ево лаять матерно всякими неподобными лаями" и в той брани сказал о патриархе Филарете "невежливое слово". Нарядили сыск по этому делу, но сразу же после упомянутых событий Иван срочно уехал в Мангазею, куда он был назначен еще раньше приказчиком у Софийских "доходных дел". По возвращении в 1626 г. обратно в Томск он весь инцидент объяснил тем, что был пьян и не "ведал что творил". Наказание поэтому было сравнительно мяхким; на

его карьере не отразилось. В событиях бунта 1648/49 гг. он принял самое энергичное участие.

Кутьин Петр, казак.

Михайлов Поспел (Поспелко), десятник конных казаков. Верстан в казаки в 1624/25 г., рядовой конный казак (1626 г.), десятник (1629/30 гг.). Денежный оклад: 7 руб. 8 алт. 2 д. Хлебное жалованье: 6 четей с осьминою муки, по чети круп и толокна (1626 г.). Служит “со своей пахоты”: 8 четей ржи, 7 четей ячменя, 3 чети пшеницы, 2 чети овса и перелога 3 десятины (1637 г.). В 1625 г. явил в таможне мяхкой рухляди на 1 руб., в 1627 г. продал скотину на убой за 3 руб. Женат (1626 г.). В 1631 г. ему было поручено встретить послов Алтын-хана на пашне В. Верхотурца. Один из “пущих воров и заводчиков” в Киргизском походе Я. Тухачевского в 1641 г., в наказание был бит кнутом и брошен в тюрьму. В событиях томского бунта 1648/49 гг. также был признан одним из руководителей восставших; **наказан кнутом и выслан в Якутск**.

Ненашев Матвей (Матюшка) Федоров, пеший казак десятка Н.Ф. Попадейкина. Был переведен из Березова “город ставить”. Денежный оклад: 4 руб. с четью. Хлебное жалованье: 5 четей ржи, 4 чети овса. Служит без пашни. Женат (1637 г.). В 1643 г. был послан в Нарым для сыска про нарымского воеводу Скобелцынова, где его ранили ножом в руку стороники воеводы. В событиях томского бунта принимал самое активное участие: ему приписывают слова, что, мол, восставшие могут уйти вверх по Оби и вверх по Бии и Катуни и “Дон завести”. **По розыску о восстании был включен в “роспись воров” и выслан в Якутск в том же чине пятидесятника, что и был. Затем вернулся в Томск**: его фамилиям встречается под челобитной 1658 г. на В. Чебучакова. Сын Иван.

Поламочной (Поламошный) Богдан (Богдашко) Васильев, конный казак десятка А.И. Губы. Денежный оклад: 7 руб. с четью. Служит с пашни, но ему додают из казны 1 четь ржи, 2 чети овса (1636 г.). Холост (1626 г.), женат (1636 г.). В 1635 г. послан сопровождать послов Алтын-хана к Москве. Один из активных участников бунта 1648/49 гг. **За участие в бунте был бит кнутом и сначала выслан в Сургут, затем его вернули в Томск, а потом окончательно в Якутск. Вместе с ним высланы его жена и двое сыновей: Василий и Иван.**

Поламочной (Поламошной) Семен (Сенка) Васильев, конный казак десятка В.И. Седелника. Денежный оклад: 7 руб. с четью. Служит с пашни, но ему додают из казны 3 чети ржи, 2 чети ов-

са (1630 г.). Активно занимался коммерцией: в 1625 г. продал пушнины более чем на 20 руб., в 1627 г. купил 3 лошадей. Женат (1630 г.). В 1635 г. сопровождал послов Алтын-хана к Москве. Грамотен. “Пущий вор и заводчик” в Киргизском походе Я. Тухачевского в 1641 г. Активный участник смуты в Томске в 1648/49 гг.

Попадейкин Иван (вероятно, его брат — Попадейкин Василий (Васка) Федоров, пеший казак десятка В. Екимова. Родом березовец, переведен в Томск по службе. Денежный оклад: 4 руб. Хлебное жалованье: 5 четей с осьминою муки, по чети круп и толокна (1626 г.). Основал дер. Попадейкину в Запорожском стане.

Пущин Федор Иванов, сын боярский. Денежный оклад: 8 руб. Хлебное жалованье: 8 четей муки, 2 чети круп и толокна, 2 пуда соли. Служит без пашни. Женат (1626–1637 гг.). Одна из самых незаурядных личностей томской служилой среды. Не раз выполнял ответственные административные поручения, ходил с посольствами и походами к калмыкам и киргизам, умен и отважен, активно занимался “теневой” экономикой (контрабанда, винокурение, укрывательство беглых, корчемство, взятки и «подарки» и т. д.), активный участник томского бунта 1648/49 гг. **За участие в бунте был сослан в Якутск, где вел прежнюю жизнь.** В 1653 г. дал вклад Успенскому Алексеевскому монастырю: свою д. Иштан на протоке р. Томи. Грамотен

Редров Федор, боярский сын.

Соболко Федор (Фетка) Гаврилов, пеший казак десятка П.К. Сапожника, позже — десятник (1642 г.). Денежный оклад: 4 руб. с четью. Хлебное жалованье: 5 четей муки, по 2 чети круп и толокна. Служит без пашни (1626–1630 гг.). Активно занимался пушным промыслом. Женат (1626–1630 гг.). Один из руководителей казачьего мира в Томске в 1648/49 гг. В 1658 г. подписывал челобитную на В. Чебучакова.

Титов Антон (Онтонко), пеший казак десятка Н.В. Росторгуя. Денежный оклад: 4 руб. Хлебное жалованье: 5 четей с осьминою муки, по осьмине круп и толокна (1626–1630 гг.). Холост (1626–1630, 1658 гг.). После 18 мая 1631 г. послан в Мелеский острог на годовую службу. В 1635 г. ручался за Л. Васильева. Во время томского бунта 1648/49 г. был одним из руководителей качьего мира, был признан в ходе следстви виновным и **наказан в Москве.** В 1658 г. подписывал челобитную на В. Чебучакова.

Чечюев Артемий (Ортюшка) Иванов, пеший казак десятка Ю. Петрова (Ф. Родюкова). Денежный оклад: 4 руб. с четью. Хлеб-

ное жалованье: 5 четей ржи, 4 чети овса. Служит без пашни. Женат (1637 г.). Грамотен. Один из руководителей казачьего мира во время томского бунта 1648/49 гг.

Чижов Агей (Агейко) Панкратьев, конный казак десятка П. Терентьева. По словам его сына, родом из Лальского погоста и прислан из Москвы. Денежный оклад: 7 руб. с четью. Служит с пашни, но ему додают к хлебному окладу 3 чети ржи, 2 чети овса. Женат (1637–1653 гг.). Один из руководителей и участников томских смуты 1637 и бунта 1648/49 гг.

Щербак Андрей (Ондрюшка), конный казак десятка Б.Е. Кайгородца. Денежный оклад: 7 руб. с четью. Хлебное жалованье: 6 четей ржи, 4 чети овса. Женат (1626–1653 гг.). Один из активных участников бунта 1648/49 гг.; **был сослан в Якутск.**

Яроцкий (Ероцкий) Михаил, боярский сын. **Сослан в 1653 году в службу в Якутск за участие в томском бунте 1649–1650 с женой Акулиной, с сыновьями Матюшкой, Трофимом и Якимком, дочерями Агафьицей и Овдотьицей**. В архивах сохранился документ с таким вот названием: «… *о выдаче замуж за илимского сына боярского Ивана Патрекеева дочери ссыльного Михаила Еротского и об оставлении в Илимском остроге сына Еротского «за немочью»* (20.06.1654).

* * *

И вот еще несколько томских фигур, которые встретятся позже в нашем исследовании.

Новатцкой (Наватцкий) Самсон (ум. 1643 г.), поляк, один из участников событий Смутного времени; переметнулся от самозванца на русскую службу в 1612 г., но за какую-то провинность его отправили в Тобольск вместе с женой. В Тобольске служил в детях боярских с окладом в 18 руб. и жил своим двором на Устюжской улице. Затем ок. 1629 г. был переведен в Томск, где служил с тем же денежным окладом и хлебным жалованьем в 14 четей ржи, 12 четей овса и 3 пуда соли. Выполнял различные государевы службы. В 1627 г. с отрядом из березовских и тобольских казаков был послан через Енисейск и Мангазею на Нижнюю Тунгуску, откуда послал в Якутию первых сборщиков ясака. Собранные им данные о новом крае легли в основу доклада А.Палицына о Якутии. В 1635 г. встречал послов Алтын-хана. 1 декабря 1638 г. привез в Москву переписной список служилых людей и укреплений Кетского острога, который он сам составил. В 1643 г. послан с отрядом для отражения набега киргизов на Томский уезд. По всей видимости, он и погиб в этом похлоде, т. к. в окладной книге 1643/44 г. в его место верстан М. Сосновский. Был в приятелях с известными сынами боярскими, такими как Л. Васильев, М. Яроцкий и другими; за первого он выступал порутчиком в суде.

Копылов Дмитрий (Митка) Епифанов, пятидесятник конных казаков. По словам его сына, в молодых годах пришел он в Томск, начинал свою службу рядовым пешим казаком, был поверстан в конные казаки (до 1621 г.), затем — в десятники конных казаков (1626 г.), пятидесятники (1630 г.) и атаманы конных казаков (1637 г.). Денежный оклад: 7 руб. 25 алт. (1626 г.), 10 рублей (1637 г.). Служил с пашни: пахоты 30 четей ржи, 17 четей овса, 12 четей ячменя, 4 чети пшеницы и перелога 27 десятин. Легендарная личность в истории Томска и всей Сибири. В 1621 г. отвозил отписку в Москву. Вся жизнь его прошла в походах, посольствах и сражениях. В общей сложности на его теле были следы от 13 ранений. В конце своей жизни был сделан сыном боярским и последний раз упоминается под 1659/1660 г. Основал Бутальское зимовье, Сосновский, Вилюйский и новый Братский остроги. До сих пор в Кемеровской области существует деревня Копылова, заведенная им. Был грамотен. Во время событий томского бунта 1648/49 г. пытался соблюсти нейтралитет, но в конечном счете был вместе со своими братьями бит кнутом бунаковцами.

Михалевский Остафей Яковлев (ум. 1642 г.), бывший военнопленный Речи Посполитой, поляк. Сослан вначале из Москвы в Тобольск, верстан в дети боярские (1624 г.). Денежный оклад: 17 руб. Хлебное жалованье: 14 четей ржи, 12 четей овса. Служит без пашни. В 1627 г. продал скотину на убой на базаре. Выполнял ответственные поручения: в 1625 г. послан на р. Вагай для встречи калмыцких послов. Человек отчаянной храбрости: в одном из сражений с киргизами служилые люди отказали своему начальнику и предложили ему командование. Он согласился и повел казаков в атаку; на нем все латы и шишак были пробиты, весь он был унизан стрелами, ранен в голову, киргизы были разгромлены. Позже был в прислан в Томск, где также служил в детях боярских. Участвовал в различных сражениях с калмыками, посылался в далекие “землицы”: в 1639 г. сменил в качестве приказчика Д.Копылова в Бутальском острожке. В 1641 г. был послан якутским воеводой на рр. Амгу и Тату для сбора ясака. В составе его отряда были также служилые якуты, которые изменили и убили его в бою.

Петров Юшка, пеший казак десятка И.П. Коваля. С 5 сентября 1631 г. ему велено быть в десятниках на место Ф. Родюкова, отставленного по старости. Денежный оклад: 4 руб. с четью. Хлебное жалованье: 5 четей муки, по чети круп и толокна (1630 г.), 5 четей ржи, 4 чети овса (1637 г.). Служит без пашни (1637 г.). Холост (1630 г.), женат (1637 г.). В 1641 г. был в якутской посылке. Когда его послали в якутские улусы на разведку, он, вернувшись, сообщил, что якуты “непослушны”. Однако воевода П. Головин не поверил, казаков «матерно лаял и кнутом бить хотел».

* * *

Государев указ определял три степени вины тех томичей, кто был наказан.

1. «…Служилые люди за то биты, что они, стакався с Ильею (Бунаковым. — *С.В.*), у князя Осипа Щербатого под судом и расправою быть не похотели, и от съезжей избы ему отказали, и на дворе его заперли, и поставили сторожю, и ходить к нему никому и с отписками пропускать не велели, и свою братью томских детей боярских и казаков, Петра Сабанского с товарыщи, били и ограбя посадили в тюрму без государевак указу…»
2. «…И государевых грамот, каковы присланы после того к князю Осипу Щербатому и к Илье Бунакову, что им у государева дела сидеть и государевы дела делать вместе, а им, служилым людем, князя Осипа слушать, и они государева указу не послушали жа, под суд к князю Осипу не пошли и против прежнего своево воровства во всем ему отказали…»
3. «…И выбрали себе и излюбили Илью одново и с ним воровали, делали бунты и казачьи круги…»

В приговоре определялось наказание кнутом для одиннадцати главных «заводчиков» бунта, исключая Илью Бунакова, который был наказан батогами в Москве: сын боярский Федор Пущин, пятидесятник Иван Володимерец Новограбленой, казаки Василий Мухоплев (Мухосран) и Богдан Паломошный. Кроме них — дети боярские В. Ергольский, М. Яроцкий, казаки П. Аргунов, Д. Мухоплев, К. Чурила, А. Щербак, Ф. Едловский.

Затем все одиннадцать с членами семьи в общем количестве 65 человек были высланы в Якутск, в службу, с сохранением прежних чинов и жалованья.

Признаны были также виновными казачий голова З. Литосов, сын боярский С. Моклоков, пятидесятник А. Власов, казаки

И. Васильев, З. Федотов, М. Корнилов, С. Белоусов, К. Мухосран, А. Титов, Ф. Титов, Я. Булгаков, Ф. Неудачка Федоров (Жарков), И. Лаврентьев, Ф. Батранин, И. Баранчуков, В. Паламошный, К. Аргунов, С. Володимерцов, Б. Семенов, Т. Хромой.

* * *

Кончина Григория Осипова Плещеева Подреза была закономерным итогом всей его распутной разбойничьей жизни.

Он был сослан в дальний Кузнецкий острог, где уже бывал когда-то и откуда его выпроводили, но и снова он «*там будучи, замутил и оттоль сослан в Енисейский острог. А во все ссылки ссылая в тюрму. И в Енисейске ево мужик от жены зарезал, ту и кончась*».

Но и перед смертью успел себя показать: «…плевал “на парсуну царя Ивана Васильевича”, говоря: “Что де то за чорт?”»

А Плещеевы, члены Ордена кромешников, верные опричники царя Ивана Васильевича, прекрасно знали, кем был для своего народа царь, именуемый в истории Грозным.

Но это совсем уже другая история (я описывю ее в книге «Орден кромешников»).

* * *

Вариаций на тему «Мухосранов», как мы видели выше, было немало. Но всех превзошел необычайно голландский картограф Николаас Витсен, который называет якутского сына боярского Максима Мухоплева князем Максимилианом Мухоплетиусом за его вклад в создание карты Сибири.

Анна Мухоплева, возможно, дальний потомок «Максимилиана» объясняет, используя материалы Б.П. Полевого, которые мы приведем ниже: Максим Мухоплев в течение многих лет служил: Максим Мухоплев в течение многих лет служил в самых различных зимовьях и острожках Ленского края, то в качестве толмача — переводчика с якутского и эвенкийского языков, то в качестве «приказного» (начальника). Он был блестящим знатоком всей Якутии от Лены до Колымы. В 1697 году он принял участие в составлении сводного географического чертежа «Якутского города с уезды» — чертежа всего обширного Ленского края, на котором нашли свое отражение и сведения о Камчатке, полученные от якутского казака Л.С. Мороско Старицына. Максим Мухоплев доставил этот важный чертеж в Москву и давал по нему разъяснения в Сибирском приказе. Он лично был знаком с выдающимся сибирским картографом Семеном Ремезовым. Максим Мухоплев был даже известен голландскому географу Николаасу

Витсену, который в своем капитальном труде «Северная и восточная Татария» даже ссылается на сведения «князя Максимилиана Мухоплетиуса». (Максим Мухоплев за свою успешную службу был произведен в высший казачий чин — «сына боярского». Витсен решил, что «сын боярский» и «князь» — это одно и то же!)

* * *

У якутских потомков томских бунтарей был, по-видимому, тоже, как и у Василия Сапожника — Мухосрана, скверный характер, и в 1690 году они снова оказались в числе участников бунта, который войдет в историю как «Камчатский»…

Из дела о восстании в Якутском остроге в 1690 (198) г. не позднее июля 14. — **Роспись участников Якутского восстания.**

А те воры и бунтовщики, которые объявились ныне в воровстве и в бунту:

Сын боярской Мишка Онтипин, родился в Якутцком, а отец ево был березовской казак, переведен в Якутцкой.

Пятидесятник Филька Щербаков, уроженец Томской, а сослан в сылку ис Томского в Якутцкой со отцом своим с Ондрюшкою Щербаком в прошлом во 162-м году за томской бунт .

Пятидесятник Ивашко Паломошной, уроженец томской, а сослан он в сылку ис Томского в Якутцкой со отцом своим з Богданом Паломошным в прошлом во 162-м году за тот же томской бунт.

…Атаман казачей Степан Полуехтов, уроженец томской, а сослан он в сылку ис Томского в Якутцкой с отцом своим с Ондрюшкою Щербаковым во прошлом во 162-м году за томской бунт.

Казак Сергушка Мухоплев, уроженец томской, а сослан он в ссылку ис Томского в Якутцкой с отцом своим з Данилком Мухоплевым в прошлом во 162-м году за томской же бунт.

* * *

К этой якутской истории мы еще вернемся…

А пока подведем черту — томских казаков камчатскому приказчику Василию Колесову стоило опасаться поболее, чем казачьих детей из Тобольска. Но он сделал другой выбор…

ЧАСТЬ 5.

Иван Козыревский

Самым необыкновенным «ссыльным» в Сибири считается вывезенный из Углича колокол, который возвестил о трагедии — убийстве царевича Дмитрия… И *«набатный колокол, звонивший по убиенному царевичу, сбросили со Спасской колокольни, вырвали ему язык, отрубили ухо, принародно на площади наказали 12 ударами плетей».* А затем сослали колокол в Сибирь вместе со многими угличанами: «*Целый год они на себе, под конвоем стражников, тянули набатный колокол до Тобольска. Немало настрадались в пути. И колокол, пока тащили его через холмы да овраги, переправляли через реки да болотные топи, тоже получил отметины, был поцарапан. В Тобольске тогдашний городской воевода князь Лобанов-Ростовский велел запереть корноухий колокол в приказной избе, сделав на нем надпись “первоссыльный неодушевленный с Углича”. Это подтверждают “Сибирские летописи” и “Статейный список сибирских воевод”.*

Затем колокол висел на колокольне церкви Всемилостивого Спаса. Оттуда был перемещен на Софийскую соборную колокольню. А в 1677 году, во время большого тобольского пожара “расплавился, раздался без остатка”. Об этом сообщает “Сибирский летописец” (1590–1715 гг.)».

Довольно подробно описывает этот пожар «Северный архив. Журнал древностей и новостей по части истории». (Часть 19-я, СПб., 1826 г., с. 131–133):

«Мая в 29 день, в 13 часу дня судом праведным Божиим от молнии, от первого ударения громного загорелся в Тобольске в Знаменском монастыре у церкви вверху престол Знамения пресвятые богородицы и в той же части от другого ударения громного, от молнии же, загорелся на горе у церкви Входа в Иерусалим, что на Торговой площади, шатер с восточной стороны, да у церкви же Живоначальные троицы, что у гостиного двора, шатер же. И от того молнийного запаления… разгорелся пламень велий Божиим попущением и гневом его праведным: град рубленый Тобольск и приказные палаты, старая и новая, что на горе недовершенная, и церковь Вознесения Христова и боярский двор со светлицы и казенные амбары, Соборная апостольская церковь Софии премудрости божий. И церковь Живоначальные

троицы, новосозданная, преукрашенная, что на Святительском дворе и Церковь Сорока мучеников…

Сенная и Софийская колокольня и митрополи кельи и приказы, и ограда, и дворец, и гостиный двор, и таможня, и лавка, и тюремный двор, и… около Никольские церкви к казенным вратам мирских жилых домов у всяких чинов людей 102 двора, и острог, что от Собора к Николе Чудотворцу, да дне башни острожные, что на базарном взвозе, выгорели без остатка. А на Соборной колокольне большой колокол, что государское жалованье, в 110 пудов и колокол литейный, что лит в Тобольске в 35 пудов, и колокол благовестный в 30 пудов, что государское жалованье, прислан Киприяну архиепископу, первопрестольнику, и колокол часобитный Углицкой, все раздалось и растопилось без остатка. А в Знаменском монастыре от того молнийного воспаления сгорели три церкви… загорелись и архимандрические старые и новые кельи и колокольня и больница и хлебная и братских шесть келий, а в Преображенской церкви 2 яруса десных икон сгорело же…»

То, что угличский колокол расплавился в 1677 году во время этого пожара, подтверждено и исследованием знатока сибирской истории Оксенова. Писал об этом и журнал «Москвитянин» (1849 г., № 9, с. 12) в статье «Замечательные по Сибири колокола», журнал «Нива» (1906 г., № 24, с. 384), а также «Восточное обозрение» и «Сибирские летописи».

Но колокол — не человек… Недолго отлить и новый…

* * *

Самыми первыми сибирскими ссыльными были военнопленные, которые в составе военных подразделений направлялись в Сибирь на «вечное житье», в отличие от «годовальщиков» — казаков и стрельцов, которые были командированы в Сибирь с последующим возвращением на родину (хотя это «возвращение» могло никогда и не произойти).

Количество ссыльных, отправленных в Сибирь в XVII столетии, трудно поддается счету. Трудно еще и потому, что какая-то часть военнопленных потом возвращалась по окончании боевых действий для размена пленными или согласно условиям нового мирного договора. Поэтому называются самые разные цифры, которые никогда не будут точными.

Военнопленных верстали в службу — в пешие и конные казачьи десятки и пятидесятни, а также выделяли их в особые привилегированные казачьи подразделения «литовского списка», часто — особенно пленных офицеров — верстали в дети боярские — высший по тем временам служилый казачий чин.

Военнопленных записывали и в пашенные крестьяне. Но при необходимости верстали в казаки и из крестьян. Впрочем, как и наоборот…

«По подсчетам Буцинского, — писал И. Соколовский в статье “Некоторые источники формирования и численность литвы в Сибири XVII в.”, — за период с 1593 по 1645 гг. было сослано в службу в Западную Сибирь около 650 иностранных подданных. Н.Н. Оглоблин считал, что цифру ссыльных, приведенную в книге П.Н. Буцинского “смело можно увеличивать едва ли не вдвое”. …По “приблизительным подсчетам” Ф.Г. Сафронова со второй половины 1630-х и до 1700 года в Якутский и Илимский уезды было сослано около 1150 чел. (с членами семей — около 1880 чел.)».

* * *

В числе казаков Ермака Тимофеевича литвином называют Гаврила Иванова.

1623 г. февраля 27. — **Грамота царя Михаила Федоровича в Тюмень воеводам князю Михаилу Долгорукову и Юрию Редрикову о назначении Гаврилы Иванова за его службу атаманом тюменских конных казаков.**

От царя и великого князя Михаила Феодоровича всеа Русии в Сибирь, в Тюменской город, воеводам нашим князю Михаил у Борисовичю Долгорукову да Юрью Анфиногеновичю Редрикову. Бил нам челом Тюменского города конной казак Гаврилко Иванов а сказал: служил де он блаженные памяти государю царю и великому князю Ивану Васильевичю всеа Русии, государю царю и великому князю Федору Ивановичю всеа Русии, и царю Борису Федоровичю всеа Русии, и царю Василью Ивановичю всеа Русии и нам великому государю в Сибири 42 года; а преже де того он служил нам на поле 20 лет у Ермака в станице и с ыными атаманы. И как с Ермаком Сибирь взяли, и Кучюма царя с куреня збили, а царство Сибирское нам взяли, и мурз и татар розорили, и он де был посылай с Ондреем с Воейковым на нашу службу на тово же Кучюма царя, и божиею де милостию и нашим счастием тово царя Кучюма на Обе реке погромили и его убили, и жены его и дети взяли. Да его же де посылал на Алея царя

боярин наши воевода Матвей Михайловичь Годунов с воеводою с Назарьем Изьединовым, и того де Алея царя взяли и жон и детей поймали. Да он же де в Сибири ставил Томской город при воеводе Гавриле Писемском; да он же де ставил (л. 80) город Тюмень при воеводе Василье Сукине; да он же де посылай был в Кузнецы для нашего ясаку, и первой де ясак взяли; да он же де Тобольской город ставил при воеводе Даниле Чюлкове; да он же де Тарской город ставил при воеводе при князе Ондрее Елецком; да он же де ставил Пелымской город при воеводе при князе Петре Горчакове; да ево же де посылал на нашу службу боярин наш и воевода Матвей Михайловичь Годунов головством на калмацких людей, и они де колмацких людей погромили, и жон и детей в полон взяли. А ныне де на Тюмени у них у конных казаков атамана нет. И нам бы его пожаловати, велети ему быти в Тюменском городе у конных казаков в атаманах на Степанове место Онтропьева, а Степан де ныне служит на Тюмени в детех боярских. И как к вам ся наша грамота придет, а то будет Степана Онтропьева место порожжо, атамана на его место у конных казаков нет, и вы б Гаврилку Иванову за те его многие службы велели в Тюменском городе быти у Тюменских у конных казаков в атаманах. Писан на Москве 7131-го февраля в 27 день.

Подлинная грамота за приписью дияка Ивана Болотникова.

ААНаук. Ф. 21. Оп. 4. № 8. Лл. 79 об. — 80, № 64. Напеч. в РИБ, т. II, стб. 400–402, № 130.

«Служилые сибирские люди, добиваясь повышения по службе и перечисляя свои заслуги, часто ссылались на службу “с Ермаком”. В их семьях поколениями сохранялась память о предках, сокрушавших Сибирское ханство. Челобитья о поверстании в службу подросших детей даже при их далеком родстве с участниками событий конца XVI в. не встречали возражений со стороны Сибирского приказа. Тем самым потомственная связь с участниками событий 1580–1590-х гг. получала официальное подтверждение.

Еще в первые десятилетия XVII в. сподвижники Ермака служили в войске. В начале XVII в. в Тобольске одно из казачьих подразделений упоминалось в документах как «старая сотня»; некоторые состоявшие в ней казаки утверждали, что служат в Сибири с “ермакова взятия”. Это позволяет считать, что в

данной воинской части концентрировались оставшиеся в живых соратники Ермака. В 1607 г. в Верхотурье атаман Пинай Степанов 24-летней службой в Сибири доказывал свое участие в разгроме Сибирского ханства. В 1623 г. тюменский конный казак Гаврила Иванов во время пребывания в Москве обратился в Приказ Казанского дворца с просьбой о назначении его атаманом тюменских казаков. Свое челобитье он аргументировал 42-летней службой с времен Ивана IV, участием “у Ермака в станице” во “взятии” Сибири, 20-летней полевой службой и походами против Кучума и иных “неприятелей”, участием в постройке первых русских городов — Тюмени (1586 г.) и Тобольска (1587 г.), а затем Пелыма (1593 г.), Тары (1594 г.), Томска (1604 г.). Челобитная Г. Иванова была удовлетворена.

Гаврила Иванов принимал самое деятельное участие практически во всех эпизодах “сибирского взятья” — вплоть до окончательного разгрома Кучума, пленения его сыновей и других родственников, “ставил” города Тюмень, Тобольск, Тару, Пелым, Томск, ходил в походы в “Кузнецкую землю” и на калмыков, но к 1623 г. выслужил лишь чин десятника конных казаков. И только на восьмом (как минимум) десятке лет, после того как его начальника — атамана Степана Онтропьева — перевели в дети боярские, Г. Иванову представилась возможность существенно продвинуться по службе, заняв освободившееся место, что и нашло отражение в следующей записи тюменской именной книги 1623/24 г.: “Десятник Гаврило Иванов. Женат. По государеве грамоте велено ему быть у литвы и у конных казаков в атаманех”».

* * *

Другой ермаковский казак — Никита Брянцев — служил в Сибири «лет с 80 и больши», в 1629/30 годах упоминается как «литвин», умер в 1666 или в 1667 году.

* * *

Черкас Александров.

Иван Александров(ич) Черкас (Черкас Александров Корсак) впервые упоминается как один из руководителей казачьего посольства 1583 года к Ивану Грозному. В 1586 г. он среди основателей Тюмени, Тары, позднее служил в Тобольске; в 1593–94 годах — атаман, в 1598 — голова тобольских служилых татар, участник окончательного разгрома Кучума. Возможно, является автором т. н. казачьего «Написания...» о походе Ермака

(1600–1601). Прозвище Черкас указывает на принадлежность Александрова к запорожским казакам, а второе прозвище — Корсак (распространенная фамилия среди полоцкой шляхты) — на происхождение с Западной Руси — Украины или Белоруссии. Умер, вероятно, до 1623 года. Его потомки — сыновья Афанасий, Борис, Дмитрий и внуки — упоминаются в 1620–1660-х гг. среди тобольских детей боярских.

А вот и подробности: *«Весьма авторитетным был в сибирской столице в XVII в. и род другого видного сподвижника Ермака — Черкаса Александрова. Основатель тобольской служилой фамилии Черкасовых по упоминаниям в сибирских летописях и делопроизводственной документации конца XVI — начала XVII в. был известен историкам давно. Но в последнее время круг сведений о нем значительно расширился благодаря введению в научный оборот новых материалов и новому прочтению уже имени этого соратника Ермака: в приходо-расходной книге Чудова монастыря 1585/ 86 г. он был записан как "Иван Александров сын, а прозвище Черкас". Было у него еще одно прозвище — Корсок, о чем мы узнаем из заявления его внука — служилого человека Якова Черкасова. Примечательно, что, хотя в летописях Черкас Александров, в отличие от Грозы Иванова и других ближайших сподвижников "покорителя Сибири", не назывался "атаманом", именно так — "сибирским атаманом" — называет его (вместе с Саввой Сазоновым Волдырей) чудовская приходо-расходная книга, тем самым отделяя от других вкладчиков-ермаковцев, обозначенных как "сибирские казаки". Как считает Р.Г. Скрынников, Иван Александров и Савва Болдыря возглавляли не сотни в войске Ермака, как полагалось бы настоящим атаманам, а всего лишь его посольство в Москву и являлись в данный момент атаманами только в глазах московских властей и чудовских монахов.*

По мнению Р.Г. Скрынникова, именно Черкас Александров, а не Иван Кольцо, как традиционно считалось в исторической литературе, был отправлен во главе казачьего "посольства" к Ивану Грозному "с сеунчем" — известием о победе над Кучумом, после чего был задержан в Москве до 1586 г., т. е. до конца экспедиции. Это мнение, однако, не разделяется многими исследователями. Как резонно заметил Д.И. Копылов, "о недолгом пребывании первого посольства в Москве пишут все без исключения летописи". И тот факт, что в феврале 1586 г. Черкас был в Москве, "может получить и… не противоречащее летописям объяснение. Черкас Александров вернулся в Сибирь с первым посольством в 1583 г. и оставался там до августа 1585 г. После гибели Ермака… возвратился на Русь. В феврале 1586 г. был в Москве, где перед новым походом в Сибирь и сделал вклад. Не исключен еще один вариант: Черкас Александров вернулся в Москву со вторым посольством из Сибири…" По мнению А.Т. Шашкова, "и во время участия в 'сеунче', и в момент бегства ермаковцев из Сибири Черкас Александров все еще был рядовым казаком; атаманскую должность он занял только в период своего второго пребывания в Москве, что и было зафиксировано в феврале 1586 г. во вкладной книге Чудова монастыря, а также в Погодинском летописце, отметившем, что вместе с В.Б. Сукиным и И. Мясным Тюмень строили 'Ермаковы казаки, Черкас Александров с товарыщи' (формула, указывающая на его начальствующее положение). Следовательно, возглавлять посольство он не мог, тем более что в Погодинском летописце в качестве главы 'сеунча' назван некий атаман"».

Как бы то ни было, Иван Александров по прозвищу Черкас в феврале-марте 1586 года вместе с другими ермаковыми казаками делал богатые вклады в московский Чудов монастырь. Небезынтересны размеры и цели казачьих вкладов, позволяющие составить представление и об имущественном положении ермаковых казаков, и о некоторых особенностях их менталитета, семейных отношений и т. д.

«Атаман Афанасий Черкасов сказал: отец его Иван Александрович, а по-тогдашнему Черкас Александров (о котором по означенным сказкам детей боярских в 7167 г. значится), служил с Ермаком в атаманах, и Сибирь взяли вместе, после служил в Тобольске в Татарских головах (начальник полка) и получал жалованья денег 25 рублей, хлеба 50 четвертей и соли 3 пуда в год». В 1594 году командирован был из Тобольска, вверх по Иртышу, для строения города Тары, и под начальством его было служилых Татар 100 человек. Это подтверждается и Сибирской Историей. В 1594 году, для построения города Тары, повелено было воеводе князю Андрею Елецкому взять к себе в Тобольске Литвы, Черкас и казаков 100 человек под командою головы Своитина Рупозова, также и Тобольских служилых Татар 100 человек, под начальством атамана Черкаса Александрова и+ двух Татарских голов Баязейта и Байбахты, Тобольских ясачных Та-

тар тех волостей, которыя от Тобольска вверх по Иртышу лежат, 300 человек, под командой их же Татарских начальников, да еще из тех же ясачных Татар 150 человек в работу на суда, которым из Тобольска до Тары идти определено.

У Черкаса Александрова были дети Борис и Афанасий, и этот Афанасий, по грамоте из Сибирскаго приказа, верстан в Тобольске в дети боярские, при воеводе князе Иване Петровиче Буйносове-Ростовском (1613–1616), а оклад ему был денег 10 рублей, хлеба ржи и овса 16 четвертей, соли 3 пуда. И как приехал в Тобольск (1623 г.) боярин воевода князь Юрий Яншеевнич Сулешев, то послал его с отписками к Москве, и он, Афанасий, с малодушия своего с Москвы сошел в Соловецкий монастырь, а из Соловков ходил в Русских городах лет с шесть, а в его место поверстан в Тобольские дети боярские Спиридон Шелехов; "и как он, Афанасий, из Русских городов прешел в Тобольск 7138 г., то за службу отца его, по приговору боярина и воеводы князя Алексея Никитича Трубецкаго, велено ему, Афанасью, быть в атаманах, вместо прежняго атамана Корнила Дурынина, и оклад ему учинен, что ему, Корнилу, был, денег 14 рублей с четвертью, хлеба ржи и овса 15 четвертей, соли 3 пуда. У него, Афанасья Черкасова, дети: Михайло 35, Игнатий 25, Марко 18, Евдоким 15, Яков 12, Максим 9 лет, а сенных покосов вверх по Тоболу в Черкасове ереку на 250 копен".

Другой сын Черкаса Александрова — Борис сказал об отце своем то же, что и брат его, Афанасий, и о себе, что "поверстан за службы отца своего в дети боярские 7138 г., при боярине ж воеводе князе Алексее Никитиче Трубецком, и оклад ему учинен 10 рубл. денег, хлеба ржи и овса 5 четвертей, соли 3 пуда. У него дети Василий, Герасим и Иван; деревня безсенная, покосов по речке Суклему от города 15 верст и, кроме того, сенные покосы повыше города на усть Черкасова ереку на 200 копен".

Василий Борисов Черкасов, сказав о деде своем Черкасе Александрове и отце Борисе Иванове, о себе дал сказку, что в 7155 году, по приговору боярина и воеводы Ивана Ивановича Салтыкова, велено ему, Василью, служить в Тобольске с детьми боярскими в недорослях, а оклад ему учинен: денег 5 рублей, корму хлеба ржи 3 четверти, соли два пуда без четверти. У него сенные покосы деда и отца его за рекою Иртышем выше Черкасова ереку.

Прочие же братья его, Герасим и Иван Борисовы, и дети дяди его Афанасья, Михайло и Евдоким служили в Тобольских детях

боярских; а Игнатий, Яков и Максим Афанасьевы также служили в Тобольске в детях боярских и были в сражении, под командою головы Алексея Шульгина, против Киргизов, в 1693 году, у озера Семис-Куля: первые два убиты, а последний взят в плен и претерпел там жестокия истязания и раны, и, бежав оттуда, служил в Тобольске в детях боярских, и прибавлено было ему жалованье.

Герасимовы дети внуки Васильевы и правнуки Черкаса Александрова: Иван, Алексей, Степан, Гаврило, Нефед и Никита Евдокимов, внук Афанасья, служили в Тобольских детях боярских. Осип Яковлев служил в Тобольске в детях боярских, получал жалованья денег 7 рублей, Осип Яковлев служил в Тобольске в детях боярских, получал жалованья денег 7 рублей, хлеба ржи и овса 7 четвертей, и потом определен Сибирским дворянином, с жалованьем по 20 рублей, хлеба по 20 четвертей. Был в Барневской слободе комисаром и потом в Тобольске обер-рекетмейстером, и по смене оттуда в Исетском дистрикте правителем и, наконец, в городе Пелыме воеводою до 1736 года».

* * *

«Необходимость в служилых людях заставляла правительство снисходительно относиться к прошлому многих участников "смутных лет", а отдаленность Сибири и сложность ратной службы с ее бесконечными "посылками" позволяли ему надеяться, что подобный элемент не вернется к своему "воровству". С.В. Бахрушину принадлежат великолепные характеристики отдельных представителей этой бурной эпохи, не по своей воле оказавшихся в Сибири. Особое внимание С.В. Бахрушина привлекли многочисленные авантюристы — польские и литовские шляхтичи с их челядью, которые ради наживы бросились на помощь Лжедмитриям и иным самозванцам, а затем поддержали короля Сигизмунда. Это заносчивое воинство начало задумываться, когда русский народ поднялся на свою защиту, в его среде оказалось немало "перелетов", пытавшихся так или иначе избежать заслуженной кары. На последнем этапе освободительной борьбы русского народа число таких перебежчиков возросло. После окончательного поражения польско-литовских интервентов перед правительством Михаила Романова встал вопрос, что делать дальше с незванными "помощниками", а также с пленными поляками и их союзниками. Выход напрашивался сам собой — оборона Сибири требовала пополнения гарнизонов, и

“литовских” людей начали туда ссылать (в 1619 г. — 75 чел., в 1620 г. — более 50 чел., в последующие годы туда же отправили новые партии). Среди них были и заметные фигуры. Так, в Сибири оказался ***атаман Андрей Просовецкий****, переметнувшийся на русскую сторону в 1611 г.,* ***запорожский атаман М. Скиба, Самсон Навацкий, Павел Хмелевский,*** *сумевший выскользнуть в 1612 г. из осажденного Вторым ополчением Д. Пожарского и К. Минина Кремля и затем участвовавший на стороне русских в решающем сражении с гетманом Ходкевичем.*

Значительное число военнопленных пополнило сибирские гарнизоны во время войны с Польшей в 1630-х и 1650–1660-х гг. Этнически и социально это был пестрый элемент: здесь были поляки и литовцы (шляхтичи и челядники), украинцы (черкасы), белорусы и даже “немчины”, т. е., по всей вероятности, наемники в польских войсках. Судьба забрасывала их в различные сибирские города, вплоть до Мангазеи и Якутска. Известно, что в 1632 г. в Томск, Енисейск и Красноярск было направлено 83 поляка. Большая часть пленных после заключения мирных договоров возвращалась на родину, но некоторые, принимая православие, оставались в “вечную службу”. По окончании Смоленской войны в 1634 г. приказано было литовских и немецких полонянников, пожелавших остаться навечно в сибирской службе, наградить повышением жалованья. В 1667 г., после заключения Андрусовского перемирия около сотни польских пленных изъявили желание остаться в России и были определены в “вечную службу” в различных городах Сибири (Тобольске, Енисейске, Мангазее и др.). Даже в 1680-х гг., судя по различным росписным спискам, в гарнизонах сибирских городов продолжали числиться бывшие шляхтичи или их потомки.

Будучи умелыми солдатами, к тому же имевшими опыт общения с разного рода “вольницей”, эти бывшие пленные приспособились в Сибири к сохранившимся казачьим распорядкам. Одни из них добивались привилегированного положения и верстались в дети боярские. Другие довольствовались более скромными чинами. Так, судьба ***семьи Ушницких*** *прослеживается на протяжении более 50 лет: плененный в 1633 г.* ***Яков служил казаком в Енисейске и в 1640-х гг. погиб в Якутии; его сын Михаил, будучи грамотным человеком, 35 лет служил подьячим приказной избы в Якутске; внук Кузьма в 1690 г. поступал в службу****»* (выделено мной. — *С.В.*).

В 1712 году на реке Пенжине под Каменным острогом погиб в бою с коряками якутский казак из отряда Кондратия Львова Осип Ушницкий.

* * *

Одним из первых военнопленных, который достиг в сибирской казачьей иерархии наивысших результатов, был Павел Аршинский, уроженец Орши.

«Аршинские — 1598 (литовская фамилия, представители которой были знатными служилыми людьми в Сибири XVI–XVIII столетия. Павел А. был в числе “тобольских людей Литвы”, сопровождавших в Москву (1598) пленное семейство сибирского царя Кучума; родоначальник фамилии тобольских служилых людей “литвин” Павел (Оршинский, Аршинский) был родом из-под Орши в Белоруссии (тогда — Великое княжество Литовское)» [Д.Я. Резун «Родословная сибирских фамилий: История Сибири в биографиях и родословных». — Новосибирск: ВО Наука, Сибирская издательская книга. — 1993 г. — 250 с.].

«Мы писали уже о нескольких десятках доносов начала 1640-х гг. тобольского подьячего Савина Кляпикова, бывшего в этой должности с 1609 г. и прекрасно знавшего поэтому все местные дела. Он сообщал, в частности, что тобольский воевода князь П.И. Пронский через своих “советников и прикормленных ушников, горланов и шишимор” (первым среди “советников” назван все тот же Б. Аршинский) умел влиять на решения всего войска, в том числе и по кадровым вопросам. Пылая ненавистью к воеводе и его сторонникам в войске, подьячий всячески старался доказать, что мнение приближенной к воеводе верхушки общины служилых далеко не всегда совпадало с мнением рядовых ее членов. Здесь перед нами вполне реальная проблема внутренних противоречий в служилом мире, опоры воеводской власти на часть верхушки войска. Есть немало других жалоб на воеводских “ушников и шишимор”. Но сейчас нам хотелось бы отметить другое: действительное значение мира было таково, что воеводская власть вынуждена была вырабатывать механизм сотрудничества с ним, добиваться одобрения миром угодных воеводе решений. Однако не всегда это удавалось сделать, и в самих доносах С. Кляпикова есть примеры тому, как мир успешно сопротивлялся воеводской воле.

Но вернемся к описанию Кляпиковым взаимодействия мира и воеводы при назначениях служилых на новые должности. По-

дьячий сообщает имена 20 служилых людей (не считая Б. Аршинского), на позицию которых в первую очередь стремился повлиять воевода, обеспечив их поддержку при обсуждении вопросов в казачьих кругах. Этот список наиболее авторитетных служилых открывается именами двух сыновей сподвижников Ермака — головы Гаврилы Грозина и сына боярского Дмитрия Черкасова. Всего в этом списке: казачий голова — 1, детей боярских — 7, казачьих атаманов — 3, служилый литовского списка — 1, рядовых конных казаков — 2, стрелецких пятидесятников — 2, пятидесятников пеших казаков — 2, десятник пеших казаков — 1, рядовой пеший казак.

Изветчик рисует реальную картину назначения на важные посты нужных воеводе и Б. Аршинскому людей. Вот, например, выборы войском кандидатов в атаманы для утверждения в Москве: "И которой де атаман выбудет, в те места по богданову наученью выбирают атаманов по ево руке, воеводцких ушников и шишиморов заведоме. И одобря, пишут об них государю челобитные без брацково (т. е. рядовых казаков.— Авт.) ведома, и руки прикладывают шишиморством во всех пеших казаков места заочи, а рядовые пешие казаки тово и не ведают. Да увязав де их тою челобитною, подают таковы челобитные в съезжей избе воеводам те же ушники и шишиморы, шишиморством заведчи наперед печальником голову своего Богдана Аршинсково. Да как челобитную подадут, а Богдан Аршинский учнет хвалити. И воеводы де князь Петр Пронской с товарыщи по тому их богданову и пятидесятников и иных ушников заводу, и по своей к тем людем доброте за их ушничество, приняв те челобитные, посылают и тех, окоторых бьют челом атаманы, к государю, отпускают будто с отписками и с каким государевым делом, а не для ради будто атаманства. А тот будто атаманству и не радеет. Да как де по тому ложному челобитью привезет тот, оком те заводчики били челом, государеву грамоту в атаманы, и воеводы князь Петр Пронской с товарыщи велят ему быть в атаманех".

Характерно, что С. Кляпиков при этом отнюдь не возражает против того, что воевода производит назначение на военную должность лишь по мирской инициативе, но пытается доказать, что при этом фальсифицируется само мнение войска, мира, а назначенные таким образом начальники не считаются с простыми казаками и притесняют их.

Независимо от того, прав ли С. Кляпиков в своих конкретных обвинениях или нет, нарисованная им картина взаимодействия воеводской власти и верхушки мира весьма убедительна. В качестве исторического сопоставления с этой мирной картиной можно вспомнить следующий пример. Во время Томского восстания в апреле 1648 г. был свергнут не только воевода, но и его "советники и ушники" в руководстве местных миров. К власти пришла "воровская" воеводская коллегия, действовавшая в тесном сотрудничестве с "воровскими кругами", в том числе и по вопросу о новых назначениях в войске».

АРШИНСКІЙ, Данило Даниловичъ. Въ 1668 показанъ ротмистромъ въ Тобольскѣ по Литовскому списку. До того времени служилъ онъ сыномъ боярскимъ въ г. Тарѣ, и въ 1641 посыланъ былъ головою съ служилыми Татарами на Сибирскихъ Царевичей. Въ 1669 онъ сдѣланъ былъ начальникомъ въ Дауріи (воеводою въ г. Нерчинскѣ), мѣсто, по тогдашнему времени весьма важное [Энциклопедическій Лексиконъ. Санктпетербургъ: тип. А. Плюшара, 1835—1841. Т. I—XVII. Томъ III])

Не ранее 1695 г., декабря 28. — **Отписка иркутского воеводы, стольника А. Т. Савелова в Сибирский приказ о начале восстания в Нерчинске.**

Великим государем царем и великим князем Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцем холоп ваш Афонька Савелов челом бьет.

В нынешнем, великие государи, в 204-м году декабря в 28 день писал в-Ыркутцкой ко мне, холопу вашему, из Удинска прикащик Андрей Бейтон, ведомо де ему учинилось от приезжих из Нерчинска всяких чинов людей, в Нерчинску де без вашего, великих государей, указу воеводе Антону Савелову нерчинские служилые люди и всяких чинов жители от воеводства отказали и держат ево, Антона, за караулом, и выбрали де меж себя для росправ дву человек, сына боярского Исака Аршинского да пятидесятника Филипа Свешникова, и в отпуск де ярлыки для проезду торговым и промышленным всяких чинов людем дают Исак Аршинской за своею печатью. И прислал ко мне, холопу вашему, за печатью Исака Аршинского проезжей ярлык, и тот ярлык под сею отпискою послан к вам, великим, государем к Москве. О том, что вы, великие государи укажете.

ЦГАДА. Ф. Иркутская приказная изба. Стб. № 377. Л. 11. Черновик

В 1744 году отправлены из Нерчинска на Камчатку: Ермалай Аршинской (так в тексте) и Иван Аршинской сын Петров.

* * *

В Дозорной книге 1624 года названы и служившие в категории «дети боярские», среди которых несомненно были те, кто мог быть отнесен к «литве» или «иноземцам»: Максим Егонский, Офонасий и Дмитрий Черкасовы, Богдан Аршинский, Павел Хмелевский.

Павел Хмелевский — польский шляхтич, в годы Смуты воевал на стороне «тушинского вора» Лжедмитрия II, затем сидел в осаде в Московском Кремле. Не выдержав «осадного сидения», перешел на сторону русских и в составе Второго ополчения участвовал в боях с польской армией гетмана Ходкевича и освобождении Москвы. За свою службу получил поместье в Вологодском уезде. Однако вскоре попытался бежать в Польшу, за что был сослан в 1614 году в Тобольск, где через некоторое время определен в дети боярские. В 1622 году был приказчиком Енисейского острога, в 1625 году вел следствие над мангазейским воеводой Дмитрием Погожим. Затем сам попал под следствие по обвинению в злоупотреблении служебным положением. Был бит кнутом, имущество его было конфисковано, но сам он остался на службе. Умер в **1638** году.

«И для роспросу и сыску про Березовской город и острог и городовой и острожной сметы посылан ис Тоболска на Березов тоболской сын боярской Павел Хмелевской. И в березовском сыску тоболсково сына боярсково Павла Хмелевсково написано. 9 человек березовских казаков, которые служат на Березове истари, 1 человек пушкарь, всего 10 человек, сказали. То-де они ведают, что Березов-город и прежней острог поставлены при воеводах при Микифоре Траханиотове да при князе Михайле Волконском да при голове при Иване Змееве во 101-м году, а лесде сечен на том месте на корени, а ставили-де ратные люди з земель: пермичи, соливычегоцкие вычегжаня, вымичи, сысоличи, а прислано-де было всех даточных и ратных людей 300 человек, а подмога им давана в тех городех: в Перми, у Соли Вычегоцкой, на Вычегде — с миру, а сколко им на подъем из миру денег дано, тово-де они не ведают. А служилые-де люди Березова-города не ставили и лесу на городовое дело не ронили, а были в те поры на отвотных караулех от остяков и в розсылке на государевых службах. А иных-де сибирских городов служилых людей у того городового дела не было.

А 2 человека детей боярских, 2 ж человека атаманов, 140 человек казаков, 1 человек пушкарь, 1 человек городовой воротник, 1 же человек острожных ворот воротник, 5 человек приезжих торговых людей, и всего всяких людей 152 человеки, сказали. Сколь-де давно, и в котором году, и какими людми на Березове город и острог ставлен, и колкими людми, про то они про все не ведают, потому что они приехали на Березов после того, как город и острог ставлен, а иные на Березове породилися после же городового ставленья. А то-де они ведают, что на Березове новой острог и башня Лесная поставлены в прошлом во 125-м году при воеводе при Беленице Зюзине да при Василье Нармацком, а ставили острог и башню они, березовские служилые люди и ружники, всем Березовским городом, а ставился-де им острожной жеребей, опричь башни, всякому человеку по двацати алтын и болши, потому что лес от Березова удалел. А в то-де время было на Березове служилых людей, и ружников, и оброчников 330 человек, и ис тово-де числа по государеву указу переведено в Томской город на житье восемьдесят семей».

До 1623 года Енисейск управлялся детьми боярскими, присылавшимися ежегодно друг другу на смену из Тобольска, из числа тамошних детей боярских. Из них Максим Трубчанинов прибыл осенью 1619 года. и отправлял свои обязанности до прибытия осенью 1620 г.ода его преемника. Михаил Ушаков и Михаил Байкашин управляли городом и уездом каждый в течение целого года, Павел же Хмелевский всего только несколько месяцев, потому что вскоре после того в Енисейск прибыл отправленный из Москвы воевода Яков Игнатьев сын Хрипунов.

В 1622/23 годах Енисейским острогом управлял ссыльный поляк П. Хмелевский, который, кстати, убедил тобольского воеводу в необходимости замены енисейских «годовальщиков» постоянным.

Казак Антон Хмелевский в 1735 году был бит кнутом в Большерецком остроге за свои деяния на Камчатке, выяснившиеся в результате следствия о Харчинском бунте.

С 1860 по 19 июня 1869 года Петропавловским окружным исправником был Фердинанд Хмелевский.

* * *

«Анализ списков дворов и служилых людей в сибирских городах позволил В.П. Грицкевичу дополнительно засвидетельствовать, что в 1624 г. в Тобольске из 245 дворов служилых людей

26 (свыше 10%) принадлежали "литвинам". Спустя девять лет из числа служилых там же 892 человек 140 (15,5 %) составляли "иноземцы Литва, и поляки, и черкасы, и немцы". В 1672–1682 гг. в Томске из числа 79 "детей боярских" 52 человека числились выехавшими из Литвы или взятыми в плен. В 1684–1685 гг. среди 1990 служилых людей Тобольска 415 человек были "литвой". В Тюмени на 903 служилых было "103 человека литвы", а в Таре из 730–300 были "литва", черкасы, немцы, "литовского списка и конные казаки". Всего из более чем 3600 служилых людей этих городов около четверти — 800 человек "были литвинами"».

Одной из распространенных в Тобольске фамилий была фамилия литвинов Венгерских, тобольских сынов боярских. Один из них по службе был знаком с отцом Семена Ульяновича Ремезова (1642 – после 1720), первого сибирского ученого. Эту же фамилию встречаем в «Указе Сибирской губернской канцелярии о назначении на должность провиантмейстера в Тюмень тобольского дворянина Венгерского. 1754 г. май 6». В 1758 году, 1 апреля, уже в должности тобольского провиантмейстера Петр Венгерский обращается в Тюменскую воеводскую канцелярию с рапортом о закупке у жителей Тюмени и уезда семян конопли для посева. Сохранился в ГАТО и «рапорт комиссара Устьницинской слободы Венгерского о поимке и доставке в Тюмень закованными в колодки 11 крестьян Устьницинской слободы, отказавшихся выступать против пугачевцев», датированный мартом 1774 года. Сводная ведомость о промышленных заведениях города Тобольска от 5 ноября 1888 года фиксирует и кустарный кирпичный заводик Агафьи Венгерской. От XVII до начала XX века продолжается история «литвинов» Венгерских в Сибири. Может быть, живут еще где-нибудь в сибирских городах и весях ее продолжатели, не зная о своих корнях (С.Г. Филь «Казаки литовского списка»).

Внесем две поправки.

Первая: в 1684–1685 годах действительно 415 человек тобольских служилых числились по «литовскому списку». Но к тому временем этот список был уже не списком «литвы», как разного рода иноземцев, как прежде, — а списком самой привилегированной части тобольского казачества, в котором служили как потомки иноземцев, так и потомки русских сибиряков — например, Дурынины, Корниловы, Шестаковы…

То же самое было и в Таре, и в Томске…

Вторая: сибиряки Венгерские прекрасно помнят о своем происхождении и истории рода.

Сергей Дурынин – Венгерский (по бабушке): 400 лет на службе отечеству

В августе 2018 года исполнится 400 лет тобольскому роду Венгерских. До недавнего времени существовало несколько версий появления Венгерских в г. Тобольске. Так, например, венгерский исследователь Шандо Сили считает, что тобольский род Венгерских — это выходцы из Венгрии, то есть этнические угры. «Кто такие Венгерские, и когда они попали в Сибирь?» — спросил я в детстве брата моей бабушки, Александра Николаевича Венгерского. Он сказал мне, что семья его деда, Льва Ивановича Венгерского, была сослана в Сибирь после подавления польского восстания 1863 года, что Венгерские боролись против самодержавия. Кстати, эта легенда до сих пор бытует среди представителей многочисленного рода Венгерских. Уже в зрелом возрасте мои попытки найти подтверждение рассказу Александра Николаевича оказались безуспешными. Впрочем, как в дальнейшем подтвердилось, его рассказ в действительности оказался вымыслом. Я считаю, что легенда об участии Венгерских в польском восстании была придумана либо во времена красного террора, либо во времена сталинских репрессий, так как в те времена в первую очередь подвергались репрессиям представители таких сословий, как дворяне, купцы и казаки. Ведь Александр Николаевич Венгерский не мог не знать, что его дед, Лев Иванович Венгерский, был тобольским городовым казаком.

В начале 2000-х годов мне случайно попалась статья профессора Уральского государственного университета Анатолия Тимофеевича Шашкова «Из истории библиотеки старца Авраамия Венгерского (конец XVII – начало XVIII века)». Эта статья стала для меня неким Божьим откровением, наставлением на путь истинный в моих поисках. Мне стало известно имя родоначальника тобольских Венгерских — Криштопа Венгерского, и сразу после этого — кирпичик за кирпичиком — стало складываться родословие тобольского рода Венгерских. В переписной книге Тобольского уезда 1683 года ука-

зана «деревня Венгерская Денисова таж на речке Подувалке». Дело в том, что с начала XVII века под г. Тобольском рядом с Венгерскими жили казаки Денисовы. С течением времени название Венгерская ушло, а обе деревни стали восприниматься как одна с названием Денисова. Деревня Денисова существует до сих пор. К сожалению, с 90-х годов XX века Венгерские в ней уже не проживают. История многочисленного тобольского рода Венгерских тесно переплетена с историей России. В ней, как и в истории нашей страны, есть и страницы подъема, процветания, и трагические страницы.

Родоначальник Иван Савельевич Венгерский из рядовых казаков дослужился до казачьего атамана, затем до сына боярского, наивысшего чина сибирских служилых людей, заслужил безусловное доверие тобольского воеводы и был назначен на должность приказчика Нижней Ницынской слободы, что по тем временам считалось в Сибири наивысшим успехом в карьерном росте. Его сыновья и внуки по сибирской традиции унаследовали чин сына боярского. Но последующие события в истории России направили их потомков разными дорогами.

Алексей Иванович Венгерский ушел в монастырь и стал иноком Авраамием. Был сторонником «старой веры», одним из руководителей старообрядчества в Сибири, оставил после себя духовное наследие. Он до сих пор один из особо почитаемых у старообрядцев старцев.

Внук Афанасия Ивановича от старшего сына Ивана Федор служил офицером в тобольских полках. Сын Федора Андрей служил уездным землемером в Тобольском уезде.

Другой внук Афанасия Ивановича от сына Якова Петр стал дворянином, служил провиантмейстером в г. Тюмени. Сын Петра Адриан служил в г. Тобольске копиистом верхнего надворного суда, а затем подканцеляристом наместнического правления.

Внук Афанасия Ивановича от сына Федора Дмитрий, как и его прадед в начале своей служебной карьеры, служил в городовых казаках.

Внук Афанасия Ивановича от сына Тихона Иван состоял в купеческом сословии, затем был переведен в разночинцы.

В XVIII веке часть ветвей тобольского рода Венгерских пресеклась, а часть представителей других ветвей судьба раскидала по просторам нашей необъятной Родины, и следы их затерялись.

На начало XIX века в г. Тобольске и Тобольском уезде остались лишь две ветви Венгерских. Одна — казачья ветвь, от Дмитрия Федоровича Венгерского. Представители этой ветви служили в тобольских городовых казаках и постоянно проживали в д. Денисова Тобольского уезда. Вторая — крестьянская ветвь, от Якова Даниловича Венгерского, пасынка разночинца Даниила Ивановича Венгерского. Представители этой ветви занимались земледелием и постоянно проживали в д. Маркова Тобольского уезда. Следует отметить, что представители второй ветви по крови никак не были связаны с тобольским родом Венгерских, так как Яков Данилович Венгерский был сыном новокрещеного татарина Александра Немова. Фамилия ему досталась от отчима — Даниила Ивановича Венгерского. Однако в начале XX века эти две ветви все же пересеклись. 14 мая 1906 года Анисия Андреевна Венгерская из д. Денисова была выдана замуж за Ивана Петровича Венгерского из д. Маркова. У потомков Ивана Петровича Венгерского уже прослеживается кровное родство с тобольскими казаками Венгерскими.

Чудовищным ударом судьбы, нарушившим все жизненные устои, для казаков Венгерских явились военные реформы императора Александра II, касающиеся казачества. В результате проведения этих реформ городовые казаки Венгерские после ровно двух с половиной столетий верной службы государю в 1868 году были обращены в гражданское мещанское сословие. Они были приписаны к мещанам г. Тобольска, но по-прежнему проживали в д. Денисова. В начале XX века молодое поколение казаков Венгерских, лишенное возможности несения казачьей службы, начинает переселяться из д. Денисова в г. Тобольск и искать себя на гражданских поприщах.

Проведенная в 1930-х годах сплошная коллективизация, с ее принципами «закрепощения» сельского населения, на какое-то время приостановила исход Венгерских из д. Денисовой. Природные городовые казаки Венгерские стали колхозниками колхоза имени Буденного. В начале 1950-х годов, в связи с новыми идеологическими веяниями, колхоз имени Буденного был переименован в колхоз имени Молотова. Вторым, ни с чем не сравнимым ударом судьбы для казаков Венгерских, как и для всех русских людей, явилась Великая Отечественная война. Бо-

лее двух десятков казаков Венгерских воевали на той войне. Одиннадцать из них остались лежать на ее полях. Груз ведения хозяйства, воспитания детей лег на плечи их жен. Проведенные Н.С. Хрущевым в 1958–1964 годах реформы сельского хозяйства еще больше подкосили сибирскую деревню. Заниматься сельским хозяйством стало менее выгодно, чем работать в городе. И поэтому все молодые Венгерские, которые получали среднее образование в г. Тобольске, перестали возвращаться в д. Денисову. В д. Денисовой остались лишь старики и инвалиды. С их уходом Венгерских в д. Денисовой не осталось.

Род тобольских Венгерских и сегодня очень многочислен. Большая часть его представителей до сих пор проживает в г. Тобольске. К сожалению, исторические потрясения, выпавшие на долю последних поколений рода Венгерских, такие как революция, ленинские и сталинские репрессии, Великая Отечественная война, частично разрушили связи между представителями этого тобольского рода. Многие из тобольских Венгерских не знают, кто, кому, каким родственником приходится. В связи с этим я поставил себе задачу составления родословия тобольских Венгерских. В настоящее время изученное мной родословие охватывает период с 1618 года до середины 1960-х годов. Допускаю, что еще много представителей тобольского рода Венгерских осталось за границами этого родословия. Поиск их и определение их положения в данном родословии — цель моей дальнейшей исследовательской работы.

* * *

Нельзя сказать, что все было ровно в отношении с ссыльными иностранными военнопленными.

Когда-то Томск был самым дальним восточным форпостом России, куда власть, как впоследствии в Енисейск и Якутск, а потом и на Камчатку, сбрасывала для государевой службы все, что «было не гоже на Руси» — гулящих людей, ссыльных грабителей и военнопленных…

И уже в 1634 году в Томске раскрыт заговор «литвы» — военнопленных, которые сговорились захватить Томск, уничтожить его гарнизон, «побить» воевод и других русских служилых и жилецких людей, «пограбить казну» — денежную, хлебную соболиную и «зелейную» (пороховую и пр.), «а город и острог и посады

жечь, и взяв лошадиное стадо, бежать степью мимо Тары на Волгу и проиматца в Литву»…

В предыдущей главе мы упоминали об этом бунте. Теперь же уточним некоторые подробности.

Н.Н. Оглоблин: *«Томск с давних лет был одним из главных пунктов Сибири, куда ссылалась литва в службу и на пашню. В августе 1633 г. была прислана туда большая партия “литовских людей” в 150 человек. Часть их была поверстана в “конные и пешие козаки”, а некоторые попали и в боярские дети, остальные же написаны в пашенные крестьяне. Большинство “новоприсыльных литовских людей” было из Белоруссии — уроженцы “поветов” Мстиславскаго, Кричевскаго, Оршанскаго, Могилевскаго, Пропойскаго и др. Но были между ними и черкасы главным образом из Нежинскаго повета, затем из Стародуба, Чернигова, Паволочи и др. Один был родом из Львова, один назвал себя “белорусцем” и проч.*

Вся эта разношерстная “литва” с трудом сживалась с новою обстановкою и деятельностию и томилась тоскою по родине… Если попавшие в боярские дети отчасти примирялись с своим обезпеченным положением, то рядовые козаки и крестьяне не имели и этого утешения. Именно среди “новоприсыльных” козаков и крестьян началось вскоре брожение, незамедлившее перейти в открытый заговор, поставивший своею целью — добиться освобождения из Сибири и возвращения на родину… Мысль эта бродила и у “староверстанной” Томской литвы, но ея было мало и она не могла отважиться на решительныя действия. А тут сразу прибыло 150 человек новой литвы — сила значительная для глухой Сибири того времени!.. С такою силою можно было пуститься и в рискованныя предприятия… История побега Первушки Шершня была еще жива в памяти старожилов. Если тогда 30 человек рискнули на бегство из Сибири (и следы их затерялись. — *С.В.*)*, то с такою силою литвы, какая теперь была в Томске (вместе с старою литвою число ея доходило до 200 человек), трудно было ей не попробовать счастья…*

Мысль о побеге была всеобщею среди литвы, но непосредственное участие в заговоре приняли около 50 служилых людей (1 боярский сын, 1 “затинщик”, остальные конные и пешие козаки) и около 25 крестьян.

Во главе заговора стояли конные козаки ***Иван Петров Белиловец*** *(нежинец), из “новоприсыльной литвы”, и* ***Иван Крас-***

нопольской *“староверстанный литвин” (а потому его родина неизвестна). Как старожил томский, Краснопольский имел в городе свой двор, в котором жил и Белиловец. Что именно последний был главою заговора, об этом единогласно утверждают все его товарищи, а томские воеводы в отписке царю так о нем выражаются: “а первый у них всему тому злому совету заводчик Иван Белиловец”…*

Но роль Ивана Краснопольскаго не так ясна. Повидимому, он не был сознательным главарем заговора и если очутился на первых ролях, то совершенно случайно и только потому, что Белиловец жил в его доме и именно здесь, у Белиловца, собирались заговорщики — “думали” и “советовали” о своем деле. Правда, некоторые товарищи Краснопольскаго говорили о нем что он “в той их воровской думе с ними ж был и бежать с ними хотел же”… Но другие обвиняли Краснопольскаго только в том, что в его дворе заговорщики “совет воровской” держали. А воеводы в своей отписке хотя и ставят Краснопольскаго в числе главных зачинщиков, но говорят о нем с такою странною оговоркою: “а он с ними ж (заговорщиками) думал в начале”,.. т. е. как будто впоследствии он отказался от “воровской думы” своих товарищей. Однако, как увидим ниже, Краснопольской был жестоко наказан наравне со всеми “пущими заводчиками”.

*В числе последних документы выставляют еще нескольких лиц, именно: “затинщика” **Василия Борисова**, коннаго козака **Мосяжку (Моисей?) Голящевскаго**, пеших козаков **Софрона Стасейскаго** (нежинец), **Кондрата Михайлова** (“козак из Носовки”) и **Тимофея Левонтьева**, крестьянина **Софрона Иванова** и **Зеновия Левонтьева** — “холопа” томскаго воеводы кн. Егупова-Черкасскаго. Только затинщик и воеводский холоп были из “старой литвы”, а все остальные из “новоприсыльных”. Привлечение к заговору Зиновья Левонтьева было очень ловким шагом со стороны заговорщиков: через него они могли узнавать все новости с воеводскаго двора и сообразно с обстоятельствами вести свое дело…*

*Любопытно участие в заговоре представителя высшей служилой знати Томска — **боярскаго сына Михаила Гробовецкаго**, также из новоприсыльной в 1633 году литвы. Свидетели говорят о нем, что он был “в думе” с остальными заговорщиками. 14 июня 1634 г. (день открытия заговора) Гробовецкий посылал Кондрата Михайлова к Ивану Белиловцу с вопросом: что де у*

вас приговорено — и вы де готовитесь ли?… Да и сам Гробовецкий признавался впоследствии на допросе: “в вине — де ево волен Бог да государь!… вся де литва одномышлена — в одной думе с Ивашком Белиловцом”… Это было его первое показание, а на втором он сделал существенную оговорку, будто в заговоре замешана далеко не вся литва, а только “нововерстанные” в конные и пешие козаки и в крестьяне, но верстанные в боярские дети из старой и новой литвы к заговору неприкосновенны… Но, кажется, первое показание Гробовецкаго более заслуживает доверия по своей искренности и естественности…

“Воровское лихое дело”, которое “умыслили” литовские люди, заключалось в том, чтобы “побить” воевод и других русских служилых и жилецких людей, “пограбить казну” денежную, соболиную и “зелейную” (порох и пр.), “а город и острог и посады жечь, и взяв лошадиное стадо, бежать степью мимо Тары на Волгу и проиматца в Литву”… Замысел хотели выполнить летом 1634 г. — “изплоша в деловую пору — в жнитво и в сенокос, а в тое пору служилые люди живут по заставам, и в проезжих и в отъезжих сторожах, а в городе в тое в деловую пору людей живет мало”… Овладевши городом и избивши воевод и русских служилых людей, литва собиралась отправиться в Томский уезд и на пашнях, сенокосах, заставах и проч. уничтожить остальных служилых людей, чтобы избежать всякой погони за собою, затем — бежать на родину…

*Однако, этим широким планам не удалось сбыться… 14 июня явился в съезжую избу к воеводам **пашенный крестьянин Тимофей Емельянов Смольянин** и “извещал в изменном деле” на козаков Ив. Белиловца, Кондр. Михайлова, Тим. Левонтьева и вообще на всех 150 новоприсыльных литовских людей… **Воеводы не причисляют Смольянина к литве но судя по прозвищу он был уроженцем Смоленскаго уезда и в качестве таковаго мог быть в числе старой или новой литвы.** По крайней мере, между участниками заговора был один уроженец Смоленскаго уезда из новоприсыльной литвы. Очевидно, что и Тим. Смольянин был в числе заговорщиков: он был в близких сношениях с одним из главных “изменщиков” — с Кондратом Михайловым, и от него слышал все подробности заговора. Утром 14 июня Кондрат говорил Смольянину: “делать де им то воровское дело вскоре”… Это-то сообщение и заставило Смольянина изменить своим товарищам и выдать всех их правительственной власти.*

Воеводы немедленно схватили указанных Смольянином главных заговорщиков и др. литовских людей и "про тот воровской завод роспрашивали и пытали и огнем жгли"… Все главные деятели зоговора "винились" во всем, в чем оговорил их Смольянин — что они хотели овладеть городом и бежать в Литву… Мосяжка Голящевский между прочим назвал "пущими заводчиками" воеводскаго холопа Зиновья Левонтьева и крестьянина Софрона Иванова, приписывая именно им мысль — убить воевод, сжечь город и ограбить государеву казну…

*Второстепенные деятели заговора — козаки также частию "винились", что "в воровской думе" были и "воровской завод ведали", но большинство уверяло, что только "слышали" про "воровской завод у своей братьи", иные даже указывали — от кого именно слышали. Только один литвин (**Захар Сергеев**) прямо сказал, что хотя обо всем "слышал", но "сам бежать не хотел"… Но часть козаков и все крестьяне решительно заявляли, что о заговоре ничего "не ведали", так как "были в те поры на лешем (лесном) промыслу" или просто говорили, что "про воровской завод не слыхали"…*

*Томские воеводы кн. Егупов-Черкасской и Шишкин и дьяк Строев поступили с заговорщиками очень решительно: не отписываясь в Москву и не дожидаясь государева указа, они — "за такую великую измену и за воровской лихой завод, которые в том воровском деле большие пущие заводчики — **12 человек велели повесить**"…*

*Жестоко поступили воеводы с людьми не заслуживавшими такой страшной кары, но они оправдывались тем, что "во многих, государь, в Томском в ссыльных в литовских и в руских (sic!) людях, в донских и в волских казаках и в пашенных крестьянах о побеге шатость" существует… Для успокоения этой то "шатости" воеводы и принесли в жертву 12 несчастных литовских людей… **Вообще, воеводы уверяют, что если в Томск и города его "Разряда" по прежнему будут присылаться "ссыльные литовские и русские воровские люди в служилые и в пашенные крестьяне — и от тех воровских ссыльных людей опроче дурна и воровского заводу никоторого добра не чаят же"…*** (как похоже на формулировку камчатского приказчика Василия Колесова в отношении тобольских "заводчиков". — *С.В.*).

*Вот имена казненной литвы: конные козаки — **Ив. Белиловец, Ив. Краснопольской** и **Мосяжка Голящевской**, затинщик **Вас. Борисов**, пешие козаки — **Софр. Стасейской, Кондр. Михайлов, Тим. Левонтьев, Гавр. Гришин** (нежинец), **Ив. Степанов Басань** ("с Паволочья"), **Петр Салтыковской** (Мстиславскаго повета), крестьянин **Софр. Иванов** и воеводской холоп **Зиновий Левонтьев**. Остальные заговорщики были посажены в тюрьму. "Распросныя и пыточныя речи" воеводы отправили в Сибирский приказ.*

Из воеводской отписки и распросных речей Сибирский приказ составил "выпись" о количестве казненных литовских людей и посаженных в тюрьму и вообще об обстоятельствах заговора. Выпись назначалась для доклада государю, но доклада не последовало, как говорит следующая помета приказа: "по сей выписке не докладывано, потому что те литовские люди взяты к Москве"… Речь идет, очевидно, о тех литовских людях, которые в Томске были посажены в тюрьму, но затем освобождены и отправлены в Москву по случаю возвращения пленных вследствие заключения мира с Польшей (см. выше). Тем безцельнее представляется казнь 12 литовских людей, стоявших уже на пороге законнаго освобождения от сибирской неволи!..»

P.S.: конечно же, нас интересует Тимофей Емельянов Смольянинов.

Фамилия нередкая: Н. Оглоблин не случайно говорит о том, что она свидетельствует о смоленском происхождении ее носителя.

Но вот что интересно. В 1626 году в том же Томске в пеших казаках служит Ивашка Смольянинов. А затем Смольяниновы образуют две самостоятельные родовые казачьи корпорации.

Одна в Тобольске. В 1638 году на Лену в составе отряда якутского воеводы Петра Головина был Ивашко Федоров Смольянинов, казак станицы Якова Елизарьева.

В 1696 году здесь служат Смольяниновы: в казаках — пятидесятник Гришка и десятник Александрик, рядовые Мишка Федоров, еще один пятидесятник Тараско и его сын Петрушка Тарасов; в стрельцах — Ивашка Григорьев, Оска и его сын Иван Осипов.

А в 1706 году в четырнадцатой пятидесятне Якутского казачьего полка — вероятно, тоже уроженец Тобольска Иван Смольянинов (Смольенинов) — участник бунта 1711 года и убийства камчатских приказчиков. В 1712 году он был сожжен заживо ава-

чинскими камчадалами вместе с атаманом Данилой Анциферовым Томским.

А вторая родовая ветвь — в Красноярске. Более подробно мы расскажем о ней в главе «Казачьи бунты».

* * *

В первом походе Владимира Атласова участвовал Евдоким Старловский, убитый на реке Палане во время восстания юкагиров.

Его отец Карпунка Старловский — ссыльный военнопленный, оставшийся служить в Сибири и записанный в рядовые казаки Якутского казачьего полка.

* * *

Собирая материал для этой книги из самых разных источников (особенно серьезное пополнение для этой «коллекции» ссыльных было сделано из книги Ф.Г. Софронова «История Северо-Восточной Азии XVII — начала XX века»), удалось отыскать фамилии ссыльных в Сибирь людей из самых разных регионов России и мира. О ком-то из этих ссыльных мы расскажем подробнее, а кого-то и вовсе не упомянем, понимая при этом, что теряем для их потомков драгоценную информацию об истории рода. Подчеркнем, что в поиске материала была определенная избирательность, поэтому данная работа не претендует на серьезное обобщение — скорее, информирует тех, кто интересуется вопросами, на которые мы и пытаемся найти ответы.

Поэтому считаем необходимым поделиться тем, что нам удалось найти.

«Да в нынешнем во 158-м [1650] году апреля в 4 день по выписке и по приговору воеводы Дмитрея Андреевича Францбекова да диака Осипа Степанова приверстаны в государеву службу ссыльные люди которым по государевым царевым и Великого князя Алексея Михайловича всеа Русии грамотам велено быть в государеве службе на выбылые места а иным в пашне и в Якутцком остроге пашенных мест и служилых …» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 4. Дд. 206).

Л. 110. Савка Скобельцын, Ивашко Слепов, Кондрашка Качиев, Тимошка Елапомец, Ивашко Молоков, Якунька Тюря, Демка Дуров.

Л. 110 об. Сенька Дорогин, Марчко Васильев сын Попадья, Васка Мартынов, Овдюшка Бочкарь, Васка Васковской, Якунька

Бронник, Абламский Андрей — «взят на бою под Глуховым и прислан в Томской по государевой грамоте».

Абрамов Иван (Ивашка), ссыльный из Тобольска в Иркутское воеводство, 1698 г.

Аверкиев Ивашко — ссыльный из стрельцов, верстан в службу в Якутске в 1693 г.

Александров Давыдко — 1661 г.: «Тое ж присылки ссыльные ж полские и литовские люди шляхта: Якуп Невицкий, Ян Клачковской, Алексей Федоров, Адам Тусаковской, Рафаило Грановской, Владислав Беровской, Хриштоп Салтан, татаровя: Мухарейко Мусанов, Ивашко Юзовской, Давыдко Александров; а по указу великих государей посланы ис Тоболска те ссыльные люди на Лену в Якуцкой острог, а государева служба велено им служить в пеших казаках».

Алексеев Корнюшко — московский стрелец, сослан на стрелецкую службу в Якутск в 1649 г. «за воровство и за побеги».

Алфов Анцы (Вульф Ганс) — «немчин», тобольский пеший казак.

Андреев Данилко — из стрельцов, сослан в Якутск в 1689 г.

Андреев Куземка, сослан в Якутск в 1695 г.

Андреев Лука — ссыльный черкас, Якутск, 1645 г.

Андреев Пронька — енисейский пушкарь, сослан в Якутск в 1695 г.

Ондреев Тимошка — 1661 г. «Генваря в 5 де по государеве грамоте присланы с Москвы в Сибирь в Тоболеск ссыльные литовские люди: выходец поляк Якушко Микулаев сын Стамеровъской, а во крещении имя ему Ивашко; литовские ж люди белорусцы: Тимошка Ондреев, Осташка Иванов, Корнилко Корнильев, Янка Васильев, Ларка Игнатьев, Демка Борисов, Омелка Наумов, Дениско Степанов, Тимошка Иванов, Мишка Онтонов Попко, Ивашко Борисов. А по государеве грамоте ис Тоболска те ссыльные литовские люди посланы на Лену в Якуцкой острог в службу».

Андреев Янка — сослан в Якутск в 1650 г., верстан в службу.

Антонов Иван — сослан в Якутск, верстан в службу в 1645 г.

Анцын Григорий — «немец московский кормовой Анцу, руское имя Гришка, Вентерберх». За измену и «воровство» (находились в русской армии при осаде Смоленска и бегали в «королевский» польский лагерь) велено в 1632 г. сослать в Сибирь вместе с другими «ворами» Т. Саксом и М. Бургаза.

Анцы (Янцы) Индриков — «немчин», хорунжий, взят в плен в бою. 23 февраля 1660 г. прислан в Тобольск, а затем в Тару на службу

Арсеньев Иван Александров, ссыльный, 1689–1690 гг.; иркутский сын боярский, 1697 г.

Артемов Стенка — 1658 г.: «Генваря в 28 де по государеве грамоте прислан с Москвы в Тоболеск сурожской сиделец заводчик мещанин Стенка Артемов з женою Федосьицею да з детми с сыном Олешкою да з женою Овдотьицею да с сыном Ермолком да з дочерью со вдовою Марьицею; а ис Тоболска по указу великих государей тот Стенка з женою и з детми послан на Лену в прошлом же во 164-м году».

Артемьев Ивашко — московский стрелец, сослан в Якутск с «С женой Улькой и сыновьями Гришкой и Васькой» в 1683 г., верстан в службу.

Астраханец Иван Федоров — 20 июня 1627 года из Тобольска («Тоболска» или «Тоболеска», как его тогда часто называли) служилые люди под руководством сына боярского воеводы Андрея Ануфриева Дубенского начали свой поход в Тюлькину землицу. Отряд насчитывал 303 человека, в том числе 270 рядовых казаков, 3-х атаманов, или сотников. Атаманами были: ссыльный «литвин» Иван Федоров Астраханец, Ермолай Остафьев и Иван Елфимов Кольцов из Великого Устюга. Каждая сотня состояла из двух полусотен, которые возглавляли шесть пятидесятников: Парфентий Петров, Афанасий Иванов Путимец, Василий Яковлев Москвитин, Иван Фадеев, Захар Игнатьев и Иван Сафронов Чечулин. Самым низшим звеном отряда были десятки, которыми командовали 24 десятника.

Афанасьев Исачка — «ссылка на службу за воровство», Якутск, 1649 г.

Афанасьев Офонька — «ссылка на службу за воровство», Якутск, 1649 г.

Афанасьев Тараска — ссыльный, Илимск, 1656 г., верстан в службу.

Баженов Ивашка Егунов — ссыльный московский стрелец, верстан в службу в Илимске в 1654 г.

Баишев Афонька — конюх, сослан в Якутск и верстан в службу в 1689 г.

Бакланов Микитка Афанасьев — сослан в Илимск в 1656 г., верстан в службу.

Балалайщик (Балалайщиков) Алексей (Алешка), ссыльный, поверстан на казачью службу в Иркутске в 1696 г.

Баличев Даниил — ссыльный немец, тобольский сын боярский. Во время Мангазейской смуты был послан в 1631 г. в Мангазею воеводою.

Барнашлев (Барнешлёв, Барнышлёв, Бернслей, Бурнашев) Андрей (Вилим, Вильгельм) Афанасьевич, ссыльный, Енисейск, 1645 г.; енисейский сын боярский, 1654 г.; приказный человек Байкальских острогов (Ангарского, Баргузинского, Баунтовского), 1666–1668 гг.; казенный приказчик и строитель Иркутского острога, 1668–1672 гг.; якутский воевода, 1675–1678 гг.

Басаргин Сенька — ссыльный из стрельцов, верстан в службу в Якутске в 1694 г.

Баскаков Сенька — сослан в Якутск в 1656 г., верстан в службу.

Бедаревы — родоначальник Ивашко Бидарь Черкашенин, «иноземской породы запорожский казак», «ссыльный опальный человек», 1641 г.

Беляй Харько — сослан в Якутск в 1656 г., верстан якутским воеводой Михаилом Семеновичем Лодыженским в службу «мимо указу».

Беляев Петрушка — сослан в Якутск, «воевода Иван Федорович Голенищев-Кутузов “мимо указа великого государя” поверстал в 1660–1666 гг.».

Березовские — «В жалованной грамоте от 11 мая 1624 г. со ссылкой на аналогичный документ начала царствования Василия Шуйского сообщается о том, что в 1586/87 г. отец Лаврентия Березовского “и он з братьею с Москвы в Сибирь” был сослан “не по вине”. В течение трех лет Березовские (которые при Михаиле Федоровиче являлись сольвычегодскими торговыми людьми) сидели в Сибири в тюрьме, после чего находились 17 лет “безотступно” “у всяких” государевых дел. Р.Г. Скрынников, а затем и сам В.И. Корецкий уточнили, что “дело” Шуйских относится к 1586 г. Это обстоятельство с большей уверенностью, чем прежде, позволяет говорить о высылке Березовских за Урал в связи с гонениями на Шуйских, тем более что вожди антигодуновской оппозиции старались найти поддержку в купеческой среде, к которой, вероятно, принадлежали опальные москвичи».

Березовский Степан Васильев сын — ссыльный военнопленный, оставшийся служить в Сибири, сын боярский в 1650–1660 гг.

Березовский Микулай — Енисейск, 1661 г.: «Тое ж присылки ссыльные ж полские и литовские люди Петр Кошенской, Казимер Диолтовской, Федор Коплеевич, Степан Янковской, Ероним Скоробогацкой, Матвей Корговской, Станислав Дубровской, Ян Елонской, Михаило Елец, Микулай Березовской; а по государеве грамоте посланы ис Тоболска те ссыльные люди в Енисейской острог, а государева служба велено им служить в литовском списке в казаках».

Березовский Станиславко — Енисейск, 1661 г.: «Тое ж присылки ссыльные ж люди присланы в Тоболеск боярина Семена Лукьяновича Стрешнева человек Станиславко Брезовской, околничево и оружейничево Богдана Матвеевича Хитрова человек Обрамъко Скварк; а по государеве грамоте посланы они Станиславъко и Обрамъко ис Тоболска в Енисейской острог в службу».

Березовский Самойло — Кузнецкий острог, 1661 г.: «Тое ж присылки ссыльные ж полские и литовские люди шляхта: Павел Орловской, Ян Красилской, Северин Быцкеевич, Матвей Скугир, Самойло Березовской; а по указу великих государей посланы ис Тоболска те ссыльные люди в Кузнецкой острог, а государева служба велено им служить в литовском списке в казаках».

Беровской Владислав — 1661 г.: «Тое ж присылки ссыльные ж полские и литовские люди шляхта: Якуп Невицкий, Ян Клачковской, Алексей Федоров, Адам Тусаковской, Рафаило Грановской, Владислав Беровской, Хриштоп Салтан, татаровя: Мухарейко Мусанов, Ивашко Юзовской, Давыдко Александров; а по указу великих государей посланы ис Тоболска те ссыльные люди на Лену в Якуцкой острог, а государева служба велено им служить в пеших казаках».

Бетин Васька — «Ссылка на службу за воровство», Якутск, 1649 г.

Бобровский Александр — Красноярский острог, 1661 г.: «Тое ж присылки ссыльные ж полские и литовские люди князь Ероним Дебровский, Адам Чаплин, Мартын Зубовской, Микулай Гержан, Александр Бобровской; и по государеве грамоте посланы ис Тоболска те ссыльные люди князь Ероним с товарыщи в Красноярской острогь, а государеву службу велено им служить в конных казаках».

Бобровский Микита — Тобольск, 1659 г.: «В прошлом же во 167-м году декабря в 24 де по государеве цареве и великого князя Алексея Михайловича, всеа в. и м. и б. Р. с., грамоте присланы с

Москвы в Тоболеск ссыльные иноземьцы новокрещены, которые взяты на боях в языцех, с тоболским сыном боярским з Давыдом Бурцовым: прапорщик Михайло Клосинов, Костянтин Ляпинской, Микита Бобровъского з женою Варварою, и жена [59] ево в Тоболеск не привезена, а по скаске Тоболского сына боярского Дывыда Бурцова, что та жена ево на Москве збежала безвестно; и ис тех ссыльных людей 2 человека Костянтин Ляпинской да Микита Бобровъского в Тоболску женились на руских казачьих дочерях. А по государеве грамоте велено им служить в Тоболску государеву службу в литовском списке».

Богданов Андрюшка — отставной подьячий Поместного приказа, сослан в Якутск в 1689 г.

Богданович Станислав Васильев — «Великий государь царь и великий князь Алексей Михайловичь, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец, указал полских и литовских взятых людей 41-го человека, которые ему, великому государю, били челом на вечную службу, послать в сибирские городы в свою, великого государя, службу, хто в какую пригодитца» — Тюмень, 1666 г.

Богомолов Тит — Белгородского полка поручик, козловец, сослан на вечное житье в Якутск в 1689 г., верстан в дети боярские.

Болотов Гришка — из потешного Семеновского полка, сослан в Якутск в 1693 г.

Болховитин Ивашко — Тобольск, 1638 г.: «А как их били, и в те поры ссыльной человек тоболской стрелец Ивашко Болховитин, собрався со многими служилыми людми, пришед к съезжей избе под окошко, кричал на нас, холопей твоих, болшим шумом, что бьем товарищев их запосмешно, не по твоему государеву указу».

Борисов Ивашко — Якутск, 1654 г. «В прошлом во 162-м году октября в 5 де по государеве Цареве и великого князя Алексея Михаиловича, в. в. и м. и б. Р. с., грамоте присланы с Москвы в Тоболеск литовские выходцы Панка Коченовской да Зиновко Клестов. И Панка Коченовской в Тобольску крестился и женился на руской казачьей жене и ныне в Тобольску и государеву службу служить в детех боярских; а Зиновко Клестов послан в Енисейской острог... [а также] присланы с Москвы в Сибирь в Тоболеск ссыльные литовские люди: выходец поляк Якушко Микулаев сын Стамеровъской, а во крещении имя ему Ивашко; литовские ж люди белорусцы: Тимошка Ондреев, Осташка Иванов, Корнилко Корнильев, Янка Васильев, Ларка Игнатьев, Демка Борисов, Омелка Наумов, Дениско

Степанов, Тимошка Иванов, Мишка Онтонов Попко, Ивашко Борисов. А по государеве грамоте ис Тоболска те ссылные литовские люди посланы на Лену в Якуцкой острог в службу».

Борисов Онисим — стрелец, сослан в Якутск в 1645 г., верстан в казаки.

Борисов Демка — 5 января 162 (1654) года «ссылные литовские люди посланы на Лену в Якуцкой острог в службу».

Борисов Петрушка — ссылка на службу за воровство, Якутск, 1649 г.

Борковский Иван Васильев сын — «Великий государь царь и великий князь Алексей Михайловичь, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец, указал полских и литовских взятых людей 41-го человека, которые ему, великому государю, били челом на вечную службу, послать в сибирские городы в свою, великого государя, службу, хто в какую пригодитца» — Томск, 1666 г.

Борковский Марк Борисов сын — «Великий государь царь и великий князь Алексей Михайловичь, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец, указал полских и литовских взятых людей 41-го человека, которые ему, великому государю, били челом на вечную службу, послать в сибирские городы в свою, великого государя, службу, хто в какую пригодитца» — Кузнецк, 1666 г.

Борковский Степан Петров сын — «Великий государь царь и великий князь Алексей Михайловичь, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец, указал полских и литовских взятых людей 41-го человека, которые ему, великому государю, били челом на вечную службу, послать в сибирские городы в свою, великого государя, службу, хто в какую пригодитца» — Томск, 1666 г.

Бородин Еремка — Енисейск, 1685 г.: «1685. Въ Енисейскѣ “объявились въ воровствѣ” енисейскій отставной подъячій Никитка Хохряковъ, посадскій Ивашка Чертковъ, казачій десятникъ Еремка Бородинъ и ссыльный крестьянинъ Гришка Бронскій. Никитка съ товарищами написали Черткову воровскую данную на его сѣнной покосъ, подклеили къ ней печать, отнятую отъ грамоты; Бородинъ и Бронскій въ пьяномъ виде по приказу Черткова подписали данную вмѣсто дьяка; подъячій Федька Даниловъ помѣтилъ на томъ дѣлѣ вмѣсто дьячей руки своею рукою. Федьку велѣно бить на козлѣ нещадно, прочимъ велѣно отсѣчь по лѣвой рукѣ по пястье и всѣхъ затѣмъ сослать съ женами и дѣтьми на вѣчное житье въ дальніе сибирскіе города».

Бочаров Сергушка — донской казак, сослан в Якутск в 1686 г.

Бочкар Овдюшка — ссыльный казанский «тюремный стрелец», Якутск, 1647 г., верстан в службу.

Брехов Пронька — донской казак, сослан в Якутск в 1686 г.

Бронник Яков — ссыльный стрелец, Якутск, 1647 г.

Брюзга Федька — Якутск, 1685 г.: «В августе в Якутск на службу прибыл сын боярский Федор Рукин. Остальные его товарищи — сын боярский Иван Ушаков, прапорщик Якушко Иванов, конные казаки Федотко Тарский, Федька Брюзга, Ивашко Москва, пешие казаки Олерка Ошурок, Лучка Ошурчихин, Васька Попов, сургутские солдаты Елеско Сургуцкой и Томилка Половинкин, сосланные с ним из Тобольска в 1667 г., в Якутске по август 1667 г. не объявлялись».

Брянской Янко — Томск, 1661 г.: «Тое ж присылки ссылные ж люди иноземьцы оршанцы, которые бежали из Астрахани, шляхта: Степан Крюковской, Янко Брянской, Парфен Ширяев, Офонасей Новогородец, Карп Кунчеев, Леонтей Павлов, Иван Городецкой, Осип Карась, Микулай Коловено; и по государеве грамоте посланы те ссылные люди ис Тоболска в Томской, а государеву службу велено им служить Степану Крюковскому с товарыщи в Томьском в литовском списке в казаках».

Бубен Гришка Никифоров — сослан в Якутск, «воевода Иван Федорович Голенищев-Кутузов “мимо указа великого государя” поверстал в 1660–1666 гг.».

Бука Федька — московский стрелец, сослан «с женой Фекольком, Якутск, 1685 г.».

Булыга Афанасий Анисимов сын — сослан в Якутск в 1650 г. «Березовской казак Пашко Кокоулин в прошлом во 155-м [1647] году из Якутцково острогу збежал на море а в его Пашково место велено быть в том же во155-м [1647] году ссыльного Офонки Булыги сыну ево Васке Булыгину».

Бургаза Мартин Мартынов — «немчин», нижегородец. За «воровство» под Смоленском в компании с Г. Анцын и Т. Саксом сослан в Сибирь в ссылку-службу.

Буткеев Петр — «Великий государь царь и великий князь Алексей Михайловичь, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец, указал полских и литовских взятых людей 41-го человека, которые ему, великому государю, били челом на вечную службу, послать в сибирские городы в свою, великого государя, службу, хто в какую пригодитца» — Кузнецк, 1666 г.

Бутримов Степан — «Великий государь царь и великий князь Алексей Михайловичь, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец, указал полских и литовских взятых людей 41-го человека, которые ему, великому государю, били челом на вечную службу, послать в сибирские городы в свою, великого государя, службу, хто в какую пригодитца» — Кузнецк, 1666 г.

Валекметла Александр — 1661 г.: «Тое ж присылки ссыльные ж полские и литовские люди шляхта: Юрка Хотимьской, Хриштопко Федоров, Александр Валекметла, черкашенин Юрка Павлов; а по государеве грамоте те ссыльные люди посланы ис Тоболска на Лену в Якуцкой острогь, а государеву службу велено им служить Юрке Хотимскому и Хриштопу и Александру в литовском списке в конных казаках, а черкашенину Юрке велено быть в пеших казаках».

Валишевский (Велишевский) Степан — пленен «под Смоленском, ссылается "в службу" в Нарымский острог, где проводит два года. Во время обмена военнопленными в Москве Степан высказывает пожелание остаться в России. Отслужив три года в Уржуме, он вторично отказывается вернуться на родину. Учитывая это, Степана Валишевского верстают в сыны боярские и в 1668 г. посылают служить в Кузнецкий острог с жалованьем 14 рублей, 12 частей хлеба, столько же овса и 3 пуда соли в год. Здесь же он отличается в боях, собирает 10-ю деньгу (налог с доходов у промышленных, торговых и ремесленных людей), женится на русской женщине, заводит деревню. Уже в 1732 г. он числится в списке лучших обывателей г. Кузнецка. Представители многочисленного потомства Валишевских (Велишевских) до сих пор проживают в деревне Сосновка Новокузнецкого района Кемеровской области».

Васильев Данилко — дворовый человек окольничьего Р.Ф. Бабарышина, сослан в Якутск в 1685 г.

Васильев Лазарко — московский стрелец, ссылка на стрелецкую службу за воровство и за побеги, Якутск, 1649 г.

Васильев Зинька — сослан в Якутск в 1656 г., верстан в службу «не по указу».

Васильев Янка — 5 января 162 (1654) года «ссыльные литовские люди посланы на Лену в Якуцкой острог в службу».

Васьковский Васька — сослан в Якутск в 1650 г., верстан в службу.

Васютинский Иван — «прислан в ссылку в 7203 (1695) году, поверстан в дети боярские на оклад Фролки Яковлева».

Варюхин Савка — московский стрелец, сослан «с женой Устюшкой, сыновьями Ивашкой и Ермолкой и с дочерью Огрофенкой» в Якутск в 1685 г.

Велчицкий Хриштопко — 1661 г.: «Тое ж присылки ссылные ж люди Стенка Маневский, Хриштопко Велчицкий, Ивашко Семенов, Павлик Лазовский; и по указу великих государей посланы ис Тоболска те ссылные люди на Лену в Якуцкой острог, а государева служба велено им служить в пеших казаках».

Венгрик Янка — Тобольск, 1661 г.: «Тое ж присылки ссылные ж люди казаки Ян Минак, Лукьян Цыбулда, Янка Венгрик, да бронные мастеры поляки: Мартынко Левонтьев з женою Аринкою да з детми з девкою Манкою да с Палашкою, Куска Мартынов з женою Анюткою да з дочерью Офимьицею да с шурином Онисимком; и по указу великих государей велено тем казаком и бронным мастером быть в Тоболску, а государева служба велено им служить в пеших казаках».

Венгерский Криштоп (при крещении Иван) — взят в плен во время похода польского королевича Владислава на Москву. В 1618 году Криштоп сослан в Тобольск, где женился на сибирячке и служил рядовым казаком, затем атаманом, а в 1630-х годах — тобольским сыном боярским.

Вербицкой Ондрей — «Великий государь царь и великий князь Алексей Михайловичь, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец, указал полских и литовских взятых людей 41-го человека, которые ему, великому государю, били челом на вечную службу, послать в сибирские городы в свою, великого государя, службу, хто в какую пригодитца» — Тобольск, 1666 г.

Верещагин Аким — сослан в Якутск в 1672 г.

Вершицкий Степан Данилов сын — «Великий государь царь и великий князь Алексей Михайловичь, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец, указал полских и литовских взятых людей 41-го человека, которые ему, великому государю, били челом на вечную службу, послать в сибирские городы в свою, великого государя, службу, хто в какую пригодитца» — Томск, 1666 г.

Вершков Мишка — Тобольск, 1696 г., пеший казак из ссыльных.

Воеводский Юрий — «…Он быстро сделал карьеру в Тобольске и в начале 1630-х годов был уже атаманом пеших казаков, а затем ротмистром казаков "литовского списка". Проявил себя Юрий и на военном, и на дипломатическом поприще, не остался

в стороне от социальных смут своего времени — при расследовании "смуты" в Киргизском походе Я. Тухачевского был признан "пущим вором и заводчиком" и бит кнутом. Но, по всей видимости, в Тобольске первых двух десятилетий XVII в. Воеводский был не один: под 1619 г. Н.Н. Оглоблин упоминает ссыльного поляка Корнилия, который затем в 1628/29 г. подал челобитную о поверстании его в дети боярские, под 1628 г. известен также и иноземец из роты ротмистра Б. Станиславова Юшка, который был грамотен и даже за других расписывался».

Волков Ивашка Борисов сын — сослан в Илимск в 1656 г., верстан в службу. «Дружинка Иванов сын Пурышев в прошлом во 155-м [1647] году по его Дружинкину челобитью за увечье что он рослаблен отставлен а велено быть в его Дружинкино место по государеве грамоте ссыльному новгородцу сыну боярскому Ивашку Волкову и в нынешнем во 158-м [1650] году отпущен з государевою с соболиною казною к Москве в провожатых».

Вольский Ганька Кондратьев — сослан в Илимск в 1655 г., верстан в службу.

Воробьевской М. — Красноярск, 1695 г.: «в воеводской партии было немало "черкас и литовских (белорусских и польских) ссыльных людей", например: Григорий Пахоруков, К. Круглой, Ф. Смоленской, Б. Лазицкой, П. Рачковской, С. Криской, Т. Метельской, И. Собачевской, М. Воробьевской, И. Кручинка, М. Чеснок, Н. Холай, А. Ханда».

Ворона Василий (Мелхел) — 1656 г.: «В прошлом во 164-м году октября в 16 де по государеве Цареве и великого князя Алексея Михаиловича, всеа в. и м. и б. Р. с., грамоте присланы с Москвы в Тоболеск с тоболским Софейским сыном боярским с Семеном Немъчиновымъ шкловских домниканов 6 человек да служка их да дубровенских бернадын 4 человека; а велено из них четырех человек домниканов и слушку их оставить в Тоболску, а досталных тех ссылных людей велено послать на Тару да в Сургут по 3 человека в город. И по государеве грамоте оставлены в Тоболску тех ссылных людей домниканов 4 человека: Фабиян Аральскии, Езострима Бицкии, Изояш Уркеев, Иван Сурскии, служка их Богдашко Хухар; и ныне те шкловъские домниканы и служка их в Тоболску, и из них один человек Иван Сурскии в денежном воровстве посажен в тюрму. — Да тое ж присылки ссылные люди посланы в Сургут шкловъской домникан Станислав Гренской да дубровинские бернодыны Фоустел Добролевскии, Мелхел Ворона; и ныне тот домникан и бернодыны в Сургуте, и из них бернодын Мелхел Ворона в Сургуте крестился, а во крещении имя ему Василей».

Воронецкий Василий Павлов — военнопленный, сослан в Якутск в 1656 г., сын боярский, умер в 1689 г.

Воронченок Мишка — «Великий государь царь и великий князь Алексей Михайловичь, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец, указал полских и литовских взятых людей 41-го человека, которые ему, великому государю, били челом на вечную службу, послать в сибирские городы в свою, великого государя, службу, хто в какую пригодитца» — Тобольск, 1666 г.

Выговские — 1660 г.: «Февраля в 27 де по государеве грамоте присланы с Москвы в Тоболеск ссылные люди изменника Ивашковы братья Выговского полковники Васка да Юшка да Илюшка Выговъские; а по государеве грамоте те ссылные люди изменника Ивашковы братья Выговъские Васка да Юшка да Илюшка посланы ис Тоболска на Лену в том же во 168-м году».

Вындомский Марк — ссыльный новгородский помещик.

Вятка Митрошка — сослан в Якутск в 1650 году, верстан в службу.

Гаврилов Кондрашка — холоп Безобразова, сослан в Якутск в 1694 г.

Гайдуковы — 1659 г.: «Тое ж присылки ссылные ж люди боярина князя Алексея Никитича Трубецково люди поляки Ивашко да Олешка Гайдуковы; а по государеве грамоте посланы они Ивашко и Олешка на Лену в Якуцкой острог в службу. — Тое ж присылки ссылные ж люди присланы в Тоболеск боярина Семена Лукьяновича Стрешнева человек Станиславко Брезовской, околничево и оружейничево Богдана Матвеевича Хитрова человек Обрамъко Скварк; а по государеве грамоте посланы они Станиславъко и Обрамъко ис Тоболска в Енисейской острог в службу».

Гатлевский Федор — «Великий государь царь и великий князь Алексей Михайловичь, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец, указал полских и литовских взятых людей 41-го человека, которые ему, великому государю, били челом на вечную службу, послать в сибирские городы в свою, великого государя, службу, хто в какую пригодитца» — Кузнецк, 1666 г.

Герасимов Иван Иванов сын — «Дело по челобитью посадского человека Якутского города Ивана Иванова Герасимова

о приверстании, вместо ссылки, в казачью службу на реку Анадырь, 1687 г.».

Гладков Никитка — сослан в Якутск в 1695 г.

Гладково Тимофей — Томск, 1665 г., сын боярский, «…присланы с Москвы в Томской литовские люди, шляхта, а велено им быть в Томском в детях боярских, а государева жалованья оклады учинены им на Москве по 12 рублев человеку».

Голик Ивашка — сослан в Якутск в 1656 г., верстан в службу «не по указу».

Голиков Алешка — сослан в Якутск в 1656 г., верстан в службу «не по указу».

Гороховской Матюшка — 1659 г.: «Декабря в 23 де по государеве грамоте присланы с Москвы в Тоболеск ссылные люди с тоболским литовского списку с казаком с Трофимком Карачевцом: смоленской шляхтич Матюшка Гороховской; а по государеве грамоте велено ему Матюшке быть в Тоболску, а государеву службу служит он в литовском списке».

Гославской Иван — «Великий государь царь и великий князь Алексей Михайловичь, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец, указал полских и литовских взятых людей 41-го человека, которые ему, великому государю, били челом на вечную службу, послать в сибирские городы в свою, великого государя, службу, хто в какую пригодитца» — Тобольск, 1666 г.

Грановской Рафаило — 1661 г.: «Тое ж присылки ссылные ж полские и литовские люди шляхта: Якуп Невицкий, Ян Клачковской, Алексей Федоров, Адам Тусаковской, Рафаило Грановской, Владислав Беровской, Хриштоп Салтан, татаровя: Мухарейко Мусанов, Ивашко Юзовской, Давыдко Александров; а по указу великих государей посланы ис Тоболска те ссылные люди на Лену в Якуцкой острог, а государева служба велено им служить в пеших казаках».

Гребеневский Елфим (Ефимка Петров сын) — «…не всем ссыльным нравилась сибирская казачья служба. В той же Таре в первой половине XVII века служил “черкашенин” (украинец) Елфим Гребеневский, который, заявившись 31 мая 1646 года в воеводскую избу, поведал занятную историю о кладе. В годы Смуты он был сначала на стороне поляков, но в конечном итоге оказался в полку князя Дмитрия Пожарского, во время сражения у Китай-города был ранен и захвачен в плен ротмистром Я. Рышневским. У последнего в плену же оказался чернец Кириллова

монастыря (видимо, Кирилло-Белозерского). Этот чернец якобы являлся последним живым свидетелем, знавшим, где закопан монастырский клад (два других старца, “прятавших казну”, к этому времени умерли). Каким образом поляки выпытали у чернеца его тайну, неизвестно, но монастырское золото, серебро и жемчуг их, естественно, привлекли. Свидетелем поисков клада оказался и находившийся в плену Гребеневский. По его словам, клад надо было искать так: ехать от Москвы по Можайской дороге к Дорогомиловой слободе, а “схоронено за деревяным городом к Новинскому монастырю, на загородном Кириловском монастырском дворе, закопана под хороминою в землю глубоко сажени в три”. На глубине сажени шел деревянный пластинник (настил), а под ним уже надо было искать сам клад. Алчные поляки докопались до пластинника, но в это время с двух сторон (с Тверской и Никитской дорог) на них напали русские. Зарубив чернеца, поляки ударились в бегство. Гребеневский умолчал, почему он сам остался в живых. Речи ссыльного тарского казака сводились к тому, что он единственный в России, кто знает про этот клад, и к тому же хранил сию тайну больше 30 лет. Правду говорил Гребеневский или нет, но он своего добился: из Тары его отправили в Тобольск, а затем в сопровождении пристава в Москву. Дальнейшая история кладоискателя нам неведома».

Грибановский Янц (Иван) Индриков сын — ссыльный литвин, служит в Таре в детях боярских.

Григорьев Ивашка — из стрельцов, сослан в Якутск в 1694 г., верстан в службу.

Григорьев Кондрашка — московский стрелец, «послуживец» стольника Хованского, сослан в Якутск в 1693 г., записан в казаки.

Григорьев Ганка — «Сказал: родился де он на Москве. И с Москвы сослан в ссылку в Сибирь в Тоболеск в пешие казаки. И ис Тобольска в Шадринскую слободу прислан в пашню. И тое пашню здал гулящему человеку Давыдку Кирилову. А в беломесные поверстан со 183-го (1675) году по памяти боярина и воивод Петра Михайловича Салтыкова с товарыщи».

Григорьев Ларка — ссыльный подьчий: «…был в Тобольске определен в казачью службу в пешие казаки. Возможно это пеший казак Ларька Григорьев, упомянутый в переписи 1696 г.».

Гриняев Максимко — «ссыльный вяземский поместный казак», Якутск, 1643 г., «определено поверстать в службу вместе с “вотчимом” Карпиком Степановым».

Грудцкой (Грыцкой) Войтех — ссыльный военнопленный: «В 1669 г. велено было шляхтичу Войтеху Грудцкому служить по Якутскому острогу. Но он “нехотя ехать (туда) жил в бегах, укрывался”. Был сыскан в Москве в 1670 г. и сразу сослан в Якутск».

Гуторов Михайло Станиславов сын — «Великий государь царь и великий князь Алексей Михайловичь, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец, указал полских и литовских взятых людей 41-го человека, которые ему, великому государю, били челом на вечную службу, послать в сибирские городы в свою, великого государя, службу, хто в какую пригодитца» — Томск, 1666 г.

Денисов Якушко — дворник Василия Алябьева, сослан в Якутск в 1694 году.

Дмитриев Тимошка — человек «подъячего Посольского приказа Семена Малого Микитина», сослан в Якутск в 1685 г.

Дмитриев Федька — пушкарский сын, сослан в Якутск в 1689 г.

Дроцкий Григорей Станиславов сын — «Великий государь царь и великий князь Алексей Михайловичь, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец, указал полских и литовских взятых людей 41-го человека, которые ему, великому государю, били челом на вечную службу, послать в сибирские городы в свою, великого государя, службу, хто в какую пригодитца» — Енисейск, 1666 г.

Добжицкий (Добритцкий) Антоний — сослан в 1620 г. в Сибирь, в Тобольск. «Часто выполнявший обязанности посланника “в колмаках”, Антоний первым даст сведения и о Якутии и великой реке Лене. Отправленный в 1629 г. на нижнюю Тунгуску, он собирает затем в Якутии первый ясак. Полученные им сведения были использованы мангазейским воеводой А. Палициным при составлении первого чертежа Якутской земли, отосланного в Москву».

Дойников Егорка Филиппов — сослан на службу в Якутск «за воровство» в 1649 г.

Дорогин Семен — московский ссыльный стрелец, определен в пашню, Якутск, 1656 г.

Дорогун Сенька — ссыльный стрелец, определен в службу в Якутске в 1650 г.

Дорожкиев Парфен Федоров — «Великий государь царь и великий князь Алексей Михайловичь, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец, указал полских и литовских взятых людей

41-го человека, которые ему, великому государю, били челом на вечную службу, послать в сибирские городы в свою, великого государя, службу, хто в какую пригодитца» — Красный Яр, 1666 г.

Доронин Ромашка — ссыльный, определен в службу в Якутске в 1656 г.

Дроздовской Марчко Степанов сын — «Великий государь царь и великий князь Алексей Михайловичь, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец, указал полских и литовских взятых людей 41-го человека, которые ему, великому государю, били челом на вечную службу, послать в сибирские городы в свою, великого государя, службу, хто в какую пригодитца» — Красный Яр, 1666 г.

Дубровин Ивашка Максимов — ссыльный «московский иноземец», опеределен в службу, Илимск, 1656 г.

Дубровский Дементей Ефремов сын — «Великий государь царь и великий князь Алексей Михайловичь, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец, указал полских и литовских взятых людей 41-го человека, которые ему, великому государю, били челом на вечную службу, послать в сибирские городы в свою, великого государя, службу, хто в какую пригодитца» — Кузнецк, 1666 г.

Дубровский Матвей — «Великий государь царь и великий князь Алексей Михайловичь, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец, указал полских и литовских взятых людей 41-го человека, которые ему, великому государю, били челом на вечную службу, послать в сибирские городы в свою, великого государя, службу, хто в какую пригодитца» — Тобольск, 1666 г.

Дуров Демка — ссыльный калужский сын боярский, определен в службу, Якутск, 1650 г.

Евдокимов Сенька — ссыльный, верстан в службу в 1656 г., Якутск.

Елисеев Мишка — ссыльный московский стрелец. Сослан в Якутск в 1683 г. «с женой Настасьицей, детьми Гришкой и Онискою (“за воровство и побеги”, “за побеги и что они ходили по кабакам и по корчмам и пили и бражничали”, “за непристойные слова и за озорничество”)».

Епишев Ивашка — ссыльный тверской сын боярский, Якутск, 1647 г., «сослан вместе с сыном боярским Семеном Епишевым».

Еремеев Васька — сослан на службу в Якутск в 1649 г. «за воровство».

Ермолин Алешка — ссыльный, верстан в службу, Якутск, 1656 г.

Еротский (Яроцкий) Михаил — ссыльный военнпленный в Томске: в 1653 г.: «сослан в службу в Якутск за участие в томском бунте 1649–1650 гг. с женой Акулиной, с сыновьями Матюшкой, Трофимом и Якимком, дочерями Агафьицей и Овдотьицей».

Ефремов Васька — сослан в Якутск в 1695 г., в 1706 г. записан в десятую пятидесятню Якутского казачьего полка.

Жадобский (Жадовский) Назар — сослан в Тару в первом десятилетии XVII в., произведен в дети боярские с денежным жалованьем до 20 рублей. «В 1634 г. он отличится при осаде Тары калмыками вылазкой в стан врагов. Знающий калмыцкий и татарский языки, не раз участвует он в переговорах с калмыцкими тайшами. С его именем связаны и первые несостоявшиеся попытки основать современный город Омск, а также походы за солью».

Ждановичи Мишко и Янко — 1661 г. «Марта в 26 де по государеве грамоте присланы с Москвы в Тоболеск с тоболским казачьим атаманом с Ондреем Булдаковым литовские люди оршанские шляхта: Гришка Каменской, Янко да Мишка Ждановичи; и по указу великих государей посланы те ссылные люди ис Тоболска на Лену в Якуцкой острог, а государева служба велено им служить в литовском списке в казаках».

Жеголов Степан — ссыльный, верстан в казачью службу в 1654 г.

Жеребцов Бориско — сослан в Якутск в 1689 г.

Жук Микитка Андреев — московский стрелец, сослан в Якутск в 1683 г.

Жуковский Казимер (во крещении Петр) Иванов сын — «Великий государь царь и великий князь Алексей Михайловичь, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец, указал полских и литовских взятых людей 41-го человека, которые ему, великому государю, били челом на вечную службу, послать в сибирские городы в свою, великого государя, службу, хто в какую пригодитца» — Томск, 1666 г.

Закревский Мартын Янов сын — Тобольск, 1661 г.: «Ноября в 12 де по государеве грамоте присланы с Москвы в Тоболеск ссылные литовские люди, которые взяты на боех в языцех в розных местех, с верхотурскими детми боярскими з Богданом Ушаковым да с Михаилом Богдановым шляхта: Григорей Федоров сын Цветницкий, Самойло Янов сын Каменский, **Мартын Янов**

сын Закревъской, Степан Петров сын Борковской, Томаш Янов сын Бачевский, а по государеве грамоте велено тем ссылным людем быть в Тоболску и государеву службу служить в литовском списку в казаках».

Закревский Иван Кузьмин — «Всего в 1681 г. иноземцами в Томске были 99 чел. Из них 36 чел. заявили, что были пленены они сами (в том числе “взяты в бою” — 29 чел.): Вершицкий Степан Данилов, Гуторов Михаил Степанов, Борковский Степан Петров, Козловский Андрей Якубов, Жуковский Петр Иванов, **Закревский Иван Кузьмин**, Кунцеев Карп Федоров, Раецкий Юрий Савельев, Авламский Андрей, Борчицкий Мартин, Козловский Иван, Отрошкеев, Рутковский Бартош, Головня Ефремов, Липский Андрей, Боринский Иван Матвеев, Кореневский Александр Матвеев, Терезеев Федоров, Матюшенок Андрей Васильев, Валентов Ян Леонтьев, Грибовский Алексеев, Горячкин Андрей Семенов, Левон Павлов, Ивановский Ян, Сахна Филон Иванов, Зах…вской Осип …данов, Веселовский Степан Христофоров» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 698).

Збицкий Данилко — 1661 г.: «Тое ж присылки ссылные ж люди челядники Данилко Збицкий, Пашко Козловской, Янка Котовской, Пашко Хмельницкой, Стенка Форошковской, Хриштопка Стабровъского челядники: Стенка Щмонин, Карпунка Рыкуненок, Стенка Устрата, Ондрюшка Михаилов; а по государеве грамоте посланы те ссылные люди ис Тоболска на Лену в Якуцкой острог в пешие казаки».

Зверев Мишка — рязанец, сослан в Якутск в 1689 г.

Зеленовской Ондрюшка — Тара, 1661 г.: «Тое ж присылки ссылные ж полские и литовские и немецкие люди Счасной Едеевич, Эрик Андерсон, Матьяш Журовской, Казимер Тумкеев, драгуны: Ондрюшка Зеленовской, Войте Ясоволской; и по указу великих государей посланы ис Тоболска те ссылные люди на Тару, а государева служба служить им велено Счасному в литовском списке, а Эрику Андерсону с товарищи в пеших казаках».

Зиновьев Михаил (**Многогрешный Михаил Зиновьев** сын Черкашенин) — «Сосланы украинские “изменники и клятвопреступники” …Михаила Зиновьева в Якутск привезли в сентябре 1674 г. якутские и красноярские служилые люди. Он, в отличие от Демьяна Многогрешного, в Якутске и в уезде жил постоянно, до смерти. Сначала его сколько-то лет держали в тюрьме “скована”, затем освободили и во второй половине

1670-х годов зачислили в служилые люди. В Якутской окладной книге 1681 г. он числится рядовым казаком с годовым окладом жалованья в 5 рублей денег, 7 четвертей ржи, 6 четвертей овса и 2 пуда соли. В окладной книге 1684 г. о нем пишется: “Мишка Зиновьев сын Многогрешного, в нынешнем во 192 году июля в 21 день хлебной оклад учинен ему женатой, потому что он женат”. Рядовым казаком, но с женатым окладом, он числится в окладных книгах 1686, 1691, 1696, 1701 и 1702 г. И только после столь долгой (более 20 лет) службы в самом низшем разряде служилой лестницы смог он выдвинуться. По данным Н. Оглоблина в 1702 г. его назначают приказчиком одного из камчатских острогов».

Злобин Дементий — донской казак, сослан в Сибирь, Красноярск, атаман: «В 1659 г. в челобитной о своих службах он сообщил, что его отец сын боярский Андрон Злобин был родом из Стародуба Северского, убит в сражении под Кромами (очевидно, в последней битве правительственных войск с воровским войском Лжедмитрия, состоявшейся в апреле–мае 1605 г. — *Ред.*).

После смерти отца Дементий, будучи молод, “остался в своей вотчине”, затем пошел на Дон, где пребывал 6 лет. В 1610 г. со станицей Е. Радлова пришел с Дона в Москву, откуда был послан в Коломну, где был там “в осаде от русских воров и литовцев”. Затем с донским казаком П. Астраханцевым воевал под началом Д.Т. Трубецкого и Д.М. Пожарского и несколько раз был ранен. После окончания смуты вновь “отъехал на Дон” и “гулял там полпять года”, после чего со станицей атамана Н. Шелудяка “отъехал к Москве” и якобы “за то был сослан в Сибирь”.

Ссылка Д. Злобина в Сибирь, как и других “опальных” казаков, очевидно, также не случайна, она была вызвана сложными отношениями, издавна существовавшими между Москвой и Доном. Частые нападения казаков на русские и персидские торговые суда, их активное участие и влияние на многие события Смуты, казачье своеволие и непокорство давно вызывали раздражение у многих правителей, стремившихся по достижении своих целей с использованием казачества избавиться от него.

В Сибири, согласно свидетельству Дементия, он сначала служил в Тобольске при воеводе-реформаторе Ю. Сулешеве (1623–1625) в литовском списке у ротмистра Бартоша Станиславова с окладом 8 руб. При воеводе А.Н. Трубецком был выбран в атаманы конных казаков с окладом 13 руб., 10 четей ржи и овса и

вскоре направлен в Красноярск, куда прибыл вместе с воеводой А.Ф. Акинфовым.

Служба в самом отдаленном восточном форпосте Сибири, постоянно подвергавшемся нападениям “немирных воинских людей”, была не менее опасной, чем на Дону. Его сотне приходилось отражать частые натиски многочисленных, этнически разнородных “неприятелей”, расширять районы ясачного сбора и укреплять в них русское влияние. В 1630 г. его отряд разгромил тубинских людей князца Кояна, в последующие годы он не раз ходил “в киргизы”, на “братских людей”, тубинцев и неоднократно отражал их набеги на русские владения. За оказанное “радение” в 1634 г. ему добавили к окладу 5 руб. и 2 чети ржи, круп и толокна; в 1637–1638 гг. его денежное и хлебное жалованье составляло уже 18 руб., 18 четей ржи, 5 четей круп и толокна. Несмотря на высокий оклад, который нередко задерживался и выплачивался не всегда в полном объеме, атаман, как и другие служилые люди, вынужден был заниматься земледелием. В 1637 г. он содержал заимку, получившую название Атаманская, на р. Березовке с 40 десятинами земли. В 1657 г. после отставки по старости атамана Дементия Злобина в его место был поверстан сын Михаил с окладом 18 руб., 5 четей ржи, 5 четей овса, 2 пуда соли, исполнявший эту должность до конца столетия».

Злобин Митька Семенов — зарайский стрелец, сослан в Якутск в 1683 г.

Злотников Ивашка Петров — «Великий государь царь и великий князь Алексей Михайловичь, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец, указал полских и литовских взятых людей 41-го человека, которые ему, великому государю, били челом на вечную службу, послать в сибирские городы в свою, великого государя, службу, хто в какую пригодитца» — Красный Яр, 1666 г.

Змеев Ивашка — из урядников, сослан в Якутск в 1693 г.

Иванов Давыд — «Из сохранившихся документов известно, что в 1645 году в Якутск из других острогов Сибири отправили осужденных преступников — Давыда Иванова и Олимпия Кепрякова. Подробности их биографий до ссылки навсегда останутся во тьме прошлого, зато кое-что известно об их новой судьбе в Якутии.

“Колодника Давыдку Иванова з женою и з детьми к вам на великую реку Лену пришлют, а вы бы ево приняли и велели устроить в пашню”, — гласил приказ далекой Москвы начальникам Якутского острога. Так бывший москвич Иванов с женой и

пятью детьми за неизвестное нам преступление оказался в якутской ссылке и остаток жизни проработал “в пашне”, то есть простым крестьянином, — став первым, кто пытался пахать землю и растить хлеб к востоку от реки Лены, в 170 верстах от Якутска, там, где сейчас располагается село Амга».

Иванов Евсютка — московский стрелец, сослан в Якутск в 1683 г.

Иванов Олешка — «ссылка на службу за воровство», Якутск, 1649 г.

Иванов Ивашка — стрелец, сослан в Якутск в 1685 г. «с женой Марфуткой и двумя сыновьями».

Иванов Ивашка — сослан в Якутск в 1695 г.

Иванов Митька — новокрещенный рейтар, сослан в Якутск в 1688 г.

Иванов Осташко — 5 января 162 (1654) года «ссылные литовские люди посланы на Лену в Якуцкой острог в службу».

Иванов Федька — гулящий человек, сослан в Якутск в 1694 г.

Иванов Якушко — тобольский прапорщик, сослан в Якутск в 1688 г.

Игнатьев Ларка — 5 января 162 (1654) года «ссылные литовские люди посланы на Лену в Якуцкой острог в службу».

Иконников Ивашка Семенов сын — Томск: «В 164 году прислан с Москвы в ссылку и поверстан в пешую службу. Оклад 5 рублей, хлеба 5 четей с осьминою, 1½ п. соли».

Ильин Малафейко — из стрельцов, сослан в Якутск в 1693 г.

Ильин Софонко — «Казак Софонко Ильин, ссыльной человек, прислан с Москвы в Якутцкой по енисейской отписки в прошлом во 194-м году».

Калмык Сенька — холоп боярина Д.Г. Черкасского, сослан в Якутск в 1689 г.

Каляли Федька — ссылка на службу за воровство, Якутск, 1649 г.

Каменский Максим — «Великий государь царь и великий князь Алексей Михайловичь, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец, указал полских и литовских взятых людей 41-го человека, которые ему, великому государю, били челом на вечную службу, послать в сибирские городы в свою, великого государя, службу, хто в какую пригодитца» — Енисейск, 1666 г.

Каменский Самойло Янов сын — 1658 г.: «Ноября в 12 де по государеве грамоте присланы с Москвы в Тоболеск ссылные литовские люди, которые взяты на боех в языцех в розных местех, с верхотурскими детми боярскими з Богданом Ушаковым да с Михаилом Богдановым шляхта: Григорей Федоров сын Цветницкий, Самойло Янов сын Каменский, Мартын Янов сын Закревъской, Степан Петров сын Борковской, Томаш Янов сын Бачевский, а по государеве грамоте велено тем ссылным людем быть в Тоболску и государеву службу служить в литовском списку в казаках».

Каменской Ян — ссыльный литвин, Тара, 1675 г.

Каменьщик Сенька Нефедьев — московский стрелец, сослан в Якутск в 1683 г.

Карасев Станислав Иванов сын — «Великий государь царь и великий князь Алексей Михайловичь, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец, указал полских и литовских взятых людей 41-го человека, которые ему, великому государю, били челом на вечную службу, послать в сибирские городы в свою, великого государя, службу, хто в какую пригодитца» — Томск, 1666 г.

Кармалины — «В середине XVII века прямиком из столицы в Якутию ссылали и “винокуров”-самогонщиков. Производство и продажа крепкого алкоголя тогда были строгой монополией государства, поэтому пойманных нарушителей ждали страшно далекие берега Лены. Так в 1651 году в Якутск из Москвы были сосланы Иван и Никита Кармалины», за «винную и за табашную продажу».

Карпов Богдашка — ссыльный стрелец, Якутск, 1647 г.

Кафтуновский Василей Петров сын — «Великий государь царь и великий князь Алексей Михайловичь, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец, указал полских и литовских взятых людей 41-го человека, которые ему, великому государю, били челом на вечную службу, послать в сибирские городы в свою, великого государя, службу, хто в какую пригодитца» — Енисейск, 1666 г.

Качеев Кондрашка — сослан в Якутск в 1650 г., верстан в службу.

Кепряков Олимпий — изначально был сослан в Енисейский острог (ныне город Енисейск в Красноярском крае). Но ссыльный обладал редчайшей для той эпохи профессией — был часовым мастером. И якутский воевода Василий Пушкин выпросил его себе на берега реки Лены.

Клачковской Ян — 1661 г.: «Тое ж присылки ссылные ж полские и литовские люди шляхта: Якуп Невицкий, Ян Клачковской, Алексей Федоров, Адам Тусаковской, Рафаило Грановской, Владислав

Беровской, Хриштоп Салтан, татаровя: Мухарейко Мусанов, Ивашко Юзовской, Давыдко Александров; а по указу великих государей посланы ис Тоболска те ссыльные люди на Лену в Якуцкой острог, а государева служба велено им служить в пеших казаках».

Клементьев Изотка — ссылка на службу за воровство, Якутск, 1649 г.

Клестов Зиновка — «В прошлом во 162-м году октября в 5 де по государеве Цареве и великого князя Алексея Михайловича, в. в. и м. и б. Р. с., грамоте присланы с Москвы в Тоболеск литовские выходцы Панка Кочеповской да Зиновко Клестов. Панка Кочеповской в Тобольску крестился и женился на руской казачьей жене и ныне в Тобольску и государеву службу служить в детех боярских; а Зиновко Клестов послан в Енисейской острог».

Климановский Богдан — Тара, 1661 г.: «Тое ж присылки ссыльные ж литовское люди полоцкая шляхта изменники Алешка Можейка з женою да с пасынком, Юрка Михновъской з женою, Олешка Дережинской з женою, Богдашка Климановской з женою, Киприянко Ласовской; а по государеве грамоте посланы они з женами все ис Тоболска на Тару, а государеву службу велено им доселе служить на Таре в литовском списке».

Климовы — Тобольск, 1661 г.: «Генваря в 15 де по государеве грамоте присланы с Москвы в Тоболеск ссыльные литовские люди, которые взяты в языцех в розных местех, а в Тоболску до указу великих государей велено их посадить в тюрьму, шляхта: Сенка Климов, Васка Климов, Ивашко Ермошкеев, Гришка Троцкии, литавръщик Налим Григорьев; татаровя: Уразай мурза Шегунеев, Асен Моншевскии, Бахтемир Команаев. И ныне те ссыльные люди в Тоболску в тюрме».

Климовский Самойло Павлов сын — «Да в нынешнем же во 177-м (1669) году прислана Великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всея Великия и Малыя и Белыя России самодержца грамота за приписью дьяка Льва Ермолаева. Велено быть в Енисейском остроге в детях боярских шляхте, которые били челом Великому государю в вечную службу **Самойло Павлов** сын **Климовской**, Григорей Станиславов Троцкой, Кузма Лукашев, Максим Каминской, Самойло Горопынской, Степан Гаврилов сын Сурвилов, Василей Кафтунов...»

Княжнин Микифорко — Кузнецк, 1661 г.: «Тое ж присылки ссыльные ж люди шляхта Микифорко Княжнин, Степан Христофоров, Юрка Вербиловской; и по государеве грамоте посланы

те ссыльные люди ис Тоболска в Кузнецкой острог, а государеву службу велено им служить в литовском списке в казаках».

Княжнин Микишка — сослан в Якутск в 1656 г., верстан в казаки «мимо указу».

Княжнин Тимошка — сослан в Якутск в 1656 г., верстан в казаки «мимо указу».

Козлов Фролка — московский стрелец, сослан в Якутск в 1649 г. на стрелецкую службу «за воровство и за побеги».

Козловский Ондрей Якубов сын — «Великий государь царь и великий князь Алексей Михайловичь, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец, указал полских и литовских взятых людей 41-го человека, которые ему, великому государю, били челом на вечную службу, послать в сибирские городы в свою, великого государя, службу, хто в какую пригодитца» — Томск, 1666 г.

Козловской Пашко — 1661 г.: «Тое ж присылки ссыльные ж люди челядники Данилко Збицкий, Пашко Козловской, Янка Котовской, Пашко Хмельницкой, Стенка Форошковской, Хриштопка Стабровъского челядники: Стенка Щмонин, Карпунка Рыкуненок, Стенка Устрата, Ондрюшка Михайлов; а по государеве грамоте посланы те ссыльные люди ис Тоболска на Лену в Якуцкой острог в пешие казаки».

Козочка Левка — из стрельцов, сослан «с женой Манькой и с сыном» в Якутск в 1693 г.

Козырев Акинфейка — ссыльный, верстан в казаки в 1650–1660 гг. «мимо указу».

Козыревский Федор — ссыльный литвин, верстан в дети боярские по Якутску.

Козьмин Лучка — московский стрелец, сослан в Якутск в 1685 г. «с женой Василиской».

Колобов Андрюшка — «церковный тать», сослан в Якутск в 1691 г., в 1706 г. записан в десятой пятидесятне Якутского казачьего полка.

Кондратьев Герасим — ссыльный военнопленный, оставшийся служить в Сибири, Якутск, 1656 г., сын боярский.

Копряков Алимпийко по прозвищу Рокинка — ссыльный человек боярина Бориса Михайловича Салтыкова, сослан «за воровство» вместе с женой, верстан в казаки.

Коркин Стенька — сослан в Якутск в 1656 г., верстан в казаки «мимо указу».

Корнилов Сенька — Тобольск, 1696 г.: «в 204 г. велено в его (Стенки Часова. — *С.В.*) месте быть ссыльному Сеньке Корнилову».

Корнильев Корнилко — Якутск, 1654 г.: «Генваря в 5 де по государеве грамоте присланы с Москвы в Сибирь в Тоболеск ссыльные литовские люди: выходец поляк Якушко Микулаев сын Стамеровъской, а во крещении имя ему Ивашко; литовские ж люди белорусцы: Тимошка Ондреев, Осташка Иванов, Корнилко Корнильев, Янка Васильев, Ларка Игнатьев, Демка Борисов, Омелка Наумов, Дениско Степанов, Тимошка Иванов, Мишка Онтонов Попко, Ивашко Борисов. А по государеве грамоте ис Тоболска те ссыльные литовские люди посланы на Лену в Якуцкой острог в службу».

Королихин Мишка Стефанов — сослан в 1656 г. в Илимск, верстан в службу.

Коростеленок Данилко — «из Енисейска в Якутск был сослан (“скован”) тобольский посадский человек Данилко Коростеленок. Вначале, то есть в 1650 г., он был сослан в Енисейский острог, но здесь был пойман “в убийственном деле” и потому сослан в Якутск. В Якутске он был поверстан в палачи и биричи».

Костромитин Ивашка Федоров — сослан в Якутск в 1656 г., верстан в казаки «мимо указу».

Котковский Гордей — «…в Якутск был сослан поляк Гордей Котковский — “на вечное житье з женою и з детьми”. Велено его поверстать в дети боярские. Вначале он отбывал верхотурскую ссылку (с 1668 г.), но он там был уличен в “воровстве” и потому сослан в Якутск, куда прибыл летом 1673 г.».

Котов Сергей — «Осенью 1628 г. Борису Толбузину была поручена доставка ссыльного купца из гостинной сотни Москвы Сергея Котова из Тобольска в Енисейск».

Котовской Янка — 1661 г.: «Тое ж присылки ссылные ж люди челядники Данилко Збицкий, Пашко Козловской, Янка Котовской, Пашко Хмельницкой, Стенка Форошковской, Хриштопка Стабровъского челядники: Стенка Щмонин, Карпунка Рыкуненок, Стенка Устрата, Ондрюшка Михайлов; а по государеве грамоте посланы те ссылные люди ис Тоболска на Лену в Якуцкой острог в пешие казаки».

Коченовской Панка — «В прошлом во 162-м году октября в 5 де по государеве Цареве и великого князя Алексея Михайловича, в. в. и м. и б. Р. с., грамоте присланы о Москвы в Тоболеск ли-

товские выходцы Панка Коченовской да Зиновко Клестов. Панка Коченовской в Тобольску крестился и женился на руской казачьей жене и ныне в Тобольску и государеву службу служить в детех боярских; а Зиновко Клестов послан в Енисейской острог».

Кочетаев Онтошка — зарайский стрелец, сослан в Якутск в 1683 г. с «женой Дарьицей, сыновьями Гришкой, Бориском и с Иевком, с дочерью Матренькой».

Кошелев Данилко — ссыльный из стрельцов, Якутск, 1692 г.

Крештоновский Михайло — «Великий государь царь и великий князь Алексей Михайловичь, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец, указал полских и литовских взятых людей 41-го человека, которые ему, великому государю, били челом на вечную службу, послать в сибирские городы в свою, великого государя, службу, хто в какую пригодитца» — Томск, 1666 г.

Криской С. — ссыльный литвин, Красноярск, 1695 г.

Круглой К. — ссыльный литвин, Красноярск, 1695 г.

Кручинка И. — ссыльный литвин, Красноярск, 1695 г.

Крыжановский Иван — «В 1666 г. прибыл Иван Крыжановский. Он в 1655 г. был “взят на бою в Борисове” и в 1662 г. сослан в Якутск “с своею братьею с польскими людьми” служить в детях боярских. Но остался в Енисейске по своей воле, женился на дочери посадского человека и только потом приехал в Якутск вместе с тестем Савкой Казанцом».

Крыженовский Казимирко — «Тое ж присылки ссылные ж полские и литовские люди Сенка Лебецкой з женою Анюткою, Казимерко Крыженевский; и по указу великих государей посланы они ис Тоболска на Лену в Якуцкой острог, а государева служба велено им служить в пеших казаках».

Крыжановский Франтишек — 1558 г.: «Да тое ж присылки ссылные люди шляхта Самойло Старинский, Хриштоп Тетранский, Ян Москеевич, Григорей Мохнач, Тимофей Чернышев, Ян Цынбеев, Михаило Санацкий, Гарасим Кондратьев, Франтышек Крыженевской, Александр Хлевинский; а ис Тоболска по государеве грамоте посланы они на Лену в Якуцкой острог во 164-м ж году, а государеву им службу велено служить в детех боярских».

Крыжановский Юрий — ссыльный военнопленный, оставшийся служить в Сибири, Якутск, 1668 г., сын боярский. Впоследствии «за… воровство, доказанное следствием, Ярыжкин и Крыжановский в августе “биты на козле кнутом, и в проводку, и животы их все взяты на великих государей” и сосланы с женами

и детьми в ссылку в Даурские остроги, в пешую казачью службу “и ни к каким Великих государей делам посылать их не велено”, впоследствии иркутский сын боярский».

Крыжановский Ян — «В те же годы в ссылке оказались и многочисленные “литвины”, то есть подданные Польского государства, с которым Россия тогда вела долгую войну за Украину. Так в 1666 году в Якутск как ссыльный прибыл некий Ян Крыжановский — за долгий путь через сибирские остроги к берегам Лены, занявший несколько лет, он умудрился жениться на русской девушке. В Якутске пленный записался в казаки и дослужился до “сына боярского”, как тогда именовали казачьих командиров из дворян.

Когда Польша и Россия заключили мир и десятки польских пленников с берегов Лены вернулись на родину, Крыжановский предпочел остаться на службе в Якутске. Тогда в Якутии добровольно осталось немало “литвинов”, за долгие годы ссылки превратившихся в “якутских казаков”».

Крупецкий Сарзин — ссыльный военнопленный, оставшийся служить в Сибири, Якутск, 1660-е гг.

Кудрявцев Ивашко Микитин — ссыльный московский стрелец, Илимск, 1654 г., верстан в службу.

Кузьмин Ганька — ссыльный стрелец «за воровство за винную продажу», Якутск, 1648 г.

Кузнец Карпушка Федоров — из стрельцов, сослан в Якутск в 1693 г. вместе с женой, записан в казаки, в 1706 г. служил в шестой пятидесятне.

Кулаковской Сенка — «Великий государь царь и великий князь Алексей Михайловичь, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец, указал полских и литовских взятых людей 41-го человека, которые ему, великому государю, били челом на вечную службу, послать в сибирские городы в свою, великого государя, службу, хто в какую пригодитца» — Тобольск, 1666 г.

Кушелев Григорей — «Великий государь царь и великий князь Алексей Михайловичь, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец, указал полских и литовских взятых людей 41-го человека, которые ему, великому государю, били челом на вечную службу, послать в сибирские городы в свою, великого государя, службу, хто в какую пригодитца» — Кузнецк, 1666 г.

Лабазный Евдокимка — сослан в Якутск в 1656 г., верстан в казаки «мимо указу».

Лазицкой Б. — ссыльный литвин, Красноярск, 1695 г.

Лазовский Павлик — 1661 г.: «Тое ж присылки ссылные ж люди Стенка Маневский, Хриштопко Велчицкий Ивашко Семенов, Павлик Лазовский; и по указу великих государей посланы ис Тоболска те ссылные люди на Лену в Якуцкой острог, а государева служба велено им служить в пеших казаках».

Лапшин Ивашка Семенов — сослан в Якутск, верстан в 1660–1666 гг. «мимо указу».

Ларионов Елизарко — московский стрелец, сослан в Якутск в 1683 г. «с женой Офимьицей».

Лебедев Василий — сослан в Якутск в 1688 г.

Лебецкой Сенка — 1661 г.: «Тое ж присылки ссылные ж полские и литовские люди Сенка Лебецкой з женою Анюткою, Казимерко Крыженевский; и по указу великих государей посланы они ис Тоболска на Лену в Якуцкой острог, а государева служба велено им служить в пеших казаках».

Лимончик Якушко — из стрельцов, сослан в 1693 г. в Якутск, верстан в казаки, до 1706 г. служил в девятой пятидесятне, а в 1706 г. приверстан в сторожа, а на его место поверстан Петр Иванов Травин.

Литвинцев Тимошка — сослан в Якутск в 1656 г., верстан в казаки «мимо указу».

Лозицкий Иван — «17 мая 1598 г. через Верхотурье в Сургут отправили колодников Ларку Мануйлова и Юшку Михайлова, а на Тару угличанина Парфенку Тимофеева (он был “скован”), вероятно, из Перми, и черкас Андрея Михайлова, Анисима Нестерова. В феврале следующего года на Верхотурье из Москвы двинулись “опальные люди литва и черкасы и немцы и сибирские беглые казаки” — всего 40 человек, в том числе “черкашенин” Федор Григорьев, “человек” Дмитрия Кикина Якушко, “волошанин” (т. е. происходивший из Валахии) Федор Семенов, “немчин” Иван Григорьев, атаман Иван Лозицкий, беглый новоприборный казак Василий Кондратьев. Иван Васюгов (он умер, не добравшись до Сибири), Андрей Белоцерковец, Ян Рыбинский, Войтех Муравский, Томос Витковский, Яска Желницкий. На Верхотурье их следовало держать до весны, а затем отправить в Березов “на житье”. Вместе с ними из Вологды отправили посадского человека из Кадуева городка Костромского уезда Урешку Захарова с женой; его предписывалось везти скованным и отослать в Тюмень в “пашенные люди”».

Лосев Ивашко — человек стольника П. Черкасского, сослан в Якутск в 1685 г., в 1686 г. возникло «дело по челобитью ссыльного человека Ивана Лосева о приверстании его в пушкарскую службу».

Лукашевич Кузма Иванов сын — «Великий государь царь и великий князь Алексей Михайловичь, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец, указал полских и литовских взятых людей 41-го человека, которые ему, великому государю, били челом на вечную службу, послать в сибирские городы в свою, великого государя, службу, хто в какую пригодитца» — Енисейск, 1666 г.

Лукашевич Станислав Самойлов — «Великий государь царь и великий князь Алексей Михайловичь, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец, указал полских и литовских взятых людей 41-го человека, которые ему, великому государю, били челом на вечную службу, послать в сибирские городы в свою, великого государя, службу, хто в какую пригодитца» — Красный Яр, 1666 г.

Лукашевский Куземка — Красноярск, 1661 г.: «Тое ж присылки ссыльные ж люди Мишка Темецкий, Куземка Лукашевский; и по указу великих государей посланы ис Тоболска те ссыльные люди в Красноярской острог, а государева служба велено им служить в пеших казаках».

Маковеев Ян — ссыльный военнопленный, оставшийся служить в Сибири, Якутск, 1656 г., сын боярский.

Максимов Герасимка — ссылка на службу за воровство, Якутск, 1649 г.

Максимовы Климко и **Назарко** — сосланы в Якутск в 1656 г.

Максимов Микитка — отставной конюх, сослан в Якутск в 1688 г.

Максимов Онашко — человек боярина И.В. Троекурова, сослан в Якутск в 1685 г.

Максимов Федулка — московский стрелец, сослан в Якутск в 1649 г. на стрелецкую службу за воровство и за побеги.

Маневский Стенка — 1661 г.: «Тое ж присылки ссыльные ж люди Стенка Маневский, Хриштопко Велчицкий, Ивашко Семенов, Павлик Лазовский; и по указу великих государей посланы ис Тоболска те ссыльные люди на Лену в Якуцкой острог, а государева служба велено им служить в пеших казаках».

Мартемьянов Ивашко — московский стрелец, сослан в Якутск в 1685 г. «с женой Маметфицей и с дочерью Матренькой».

Мартынов Васька — сослан в Якутск в 1650 г., верстан в службу.

Мартьянов Иван — сослан в Якутск в 1687 г., верстан в службу.

Масленик Панкратий Степанов сын — московский торговый человек, сослан в Якутск в 1652 г.

Матус Васька — ссыльный иноземец, сослан в Якутск в 1651 г. с «женой Домницей и сыновьями Ивашком и Мишкой», верстан в службу.

Махметев Ортюшка Филиппов сын — «Солдат рейтарского строя, сосланный "за винную продажу" в 1635 г. в Илимск».

Мачахнин Козьма — сослан в Якутск в 1687 г., верстан в службу.

Маеров Януско — Енисейск, 1661 г.: «Того ж числа по государеве грамоте присланы с Москвы в Тоболеск с Микиткою ж Карагановым с товарыщи поляк Онисимко Иванов да немьчин Януско Маеров; и по указу великих государей посланы ис Тоболска те ссыльные люди в Енисейской острог, а в Енисейском велено немчину быть в службе, а поляку Онисимку в пашне быть».

Медведица Сенька — московский стрелец, сослан в Якутск в 1685 г. «с женой Дунькой».

Метельской Тимофей — ссыльный литвин, Красноярск, 1695 г.

Микитин Олешка — ссылка на службу за воровство, Якутск, 1649 г.

Михайлов Ондрюшка — 1661 г.: «Тое ж присылки ссыльные ж люди челядники Данилко Збицкий, Пашко Козловской, Янка Котовской, Пашко Хмельницкой, Стенка Форошковской, Хриштопка Стабровъского челядники: Стенка Щмонин, Карпунка Рыкуненок, Стенка Устрата, Ондрюшка Михаилов; а по государеве грамоте посланы те ссыльные люди ис Тоболска на Лену в Якуцкой острог в пешие казаки».

Михайлов Василий — ссыльный служилый, Якутск, 1650 г.

Михайлов Ивашко — ссылка на службу за воровство, Якутск, 1649 г.

Михайлов Ивашко — ссыльный, Якутск, 1695 г.

Михайлов Мартынка — ссыльный черкас, сослан в Якутск в 1642 г. Жена Акулина, сын Игнашка (10 лет), дочь Оленька (3 г.).

Михайлов Марчок — ссылка на службу за воровство, Якутск, 1649 г.

Михайлов Мишка — московский стрелец, сослан в Якутск в 1683 г.

Михалевский Остафий — «В историю первых десятилетий русской Сибири вписано имя томского сына боярского Остафия Михалевского, одного из основателей Кузнецка и посла к калмыкам и киргизам, продемонстрировавшего беспримерную храбрость и полководческий талант в бою с киргизами в 1635 г. недалеко от современного Ачинска, в результате чего киргизы были разбиты, Остафий избран атаманом, а московский дворянин воевода Просовецкий, тоже поляк, "смещен с занимаемой должности". Остафий Михалевский погиб в Якутии в 1642 г. во время одного из походов, но в фондах ГАТО хранится, к сожалению, в разрозненных фрагментах переписная книга, составленная другим представителем этой фамилии Афонасием Михалевским: "Окладная книга по сбору оброчных денег со вновь приисканных и внесенных в 1687 г. в писцовую книгу Афанасием михалевским рыбных ловель, сенных покосов, а также с бобылей и захребетников, приисканных и внесенных в писцовую книгу Львом Поскочиным", датированная 1693 годом».

Многогрешные Демьян и **Василий** — это отдельная история.

Моисеев Ивашко — московский стрелец, ссылка в Якутск в 1649 г. на стрелецкую службу за воровство и за побеги.

Молоков Ивашка — стрелец, сослан в Якутск на службу в 1650 г.

Москва Ивашко — Якутск, 1688 г.: «В августе в Якутск на службу прибыл сын боярский Федор Рукин. Остальные его товарищи — сын боярский Иван Ушаков, прапорщик Якушко Иванов, конные казаки Федотко Тарский, Федька Брюзга, Ивашко Москва, пешие казаки Олерка Ошурок, Лучка Ошурчихин, Васька Попов, сургутские солдаты Елеско Сургуцкой и Томилка Половинкин, сосланные с ним из Тобольска в 1667 г., в Якутске по август 1667 г. не объявлялись».

Мохнач Григорий — ссыльный военнопленный, Якутск, 1656 г. Сын боярский. После заключения Андрусовского перемирия в 1668 г. возвратился с женой и детьми на родину.

Мохначевский Григорий — ссыльный военнопленный, оставшийся служить в Сибири, Якутск, сын боярский, «верстан в дети боярские в 7189 (1681) г. на убылое место Лошакова Кузьмы»,

а в 1693 г. «по грамоте великих государей от службы отставлен и велено его ссылать в ссылку в Красный Яр в казачью службу».

Мусанов Мухарейко — 1661 г.: «Тое ж присылки ссылные ж полские и литовские люди шляхта: Якуп Невицкий, Ян Клачковской, Алексей Федоров, Адам Тусаковской, Рафаило Грановской, Владислав Беровской, Хриштоп Салтан, татаровя: Мухарейко Мусанов, Ивашко Юзовской, Давыдко Александров; а по указу великих государей посланы ис Тоболска те ссылные люди на Лену в Якуцкой острог, а государева служба велено им служить в пеших казаках».

Мухоплевы — «Казак Сергушка Мухоплев, уроженец томской, а сослан он в ссылку ис Томского в Якутцкой с отцом своим з Данилком Мухоплевым в прошлом во 162-м году за томской же бунт».

Мельник Ивашка Тюринок (он же Мельник Яка Тюря) — гулящий человек, сослан в Якутск в 1645 г. «за воровство», верстан в стрельцы.

Надеин Стенька — сослан в Якутск в 1656 г., верстан в службу.

Нагиба Ивашко — сослан в Якутск в 1649 г. в службу «за воровство» «с женой Фекелькою и с сыном Гришкою».

Наеренок Савка — московский стрелец, сослан в Якутск в 1683 г. с «женой Анюткой».

Наседкин А. — «За 80-е гг. из окладных нерчинских книг и других документов этого времени также известно лишь несколько случаев поверстки ссыльных в служилые по Нерчинску. Из них обращают на себя внимание ссыльные московские пушкари А. Наседкин и К. Данилов, которых оставили в службе по причине нехватки на границе пушкарей».

Наумов Омелка — 5 января 162 (1654) года «ссылные литовские люди посланы на Лену в Якуцкой острог в службу».

Невицкий Якуп — 1661 г.: «Тое ж присылки ссылные ж полские и литовские люди шляхта: Якуп Невицкий, Ян Клачковской, Алексей Федоров, Адам Тусаковской, Рафаило Грановской, Владислав Беровской, Хриштоп Салтан, татаровя: Мухарейко Мусанов, Ивашко Юзовской, Давыдко Александров; а по указу великих государей посланы ис Тоболска те ссылные люди на Лену в Якуцкой острог, а государева служба велено им служить в пеших казаках».

Немчинов Сидорка — сослан в Якутск в 1683 г.

Никитин Алексашка — отставной подьячий Земского приказа, сослан в Якутск в 1693 г., а в 1706 г. он – пятидесятник второй пятидесятни Якутского казачьего полка.

Новацкий Самсон — «Среди представителей “литвы” следует назвать и Самсона Новацкого, перешедшего на русскую службу еще в 1612 г. и служившего в Тобольске в 1620-х гг. Именно он встанет во главе экспедиции на Нижнюю Тунгуску, в которую входил Антоний Добжицкий (Добритцкий)».

Новгородец Афанасий — Томск, 1661 г.: «Тое ж присылки ссылные ж люди иноземьцы оршанцы, которые бежали из Астрахани, шляхта: Степан Крюковской, Янко Брянской, Парфен Ширяев, Офонасей Новогородец, Карп Кунчеев, Леонтей Павлов, Иван Городецкой, Осип Карась, Микулай Коловено; и по государеве грамоте посланы те ссылные люди ис Тоболска в Томской, а государеву службу велено им служить Степану Крюковскому с товарыщи в Томьском в литовском списке в казаках».

Новограбленный — «Володимерец Иван (Ивашка, Ивашко) Давыдов, томский десятник конных казаков. Денежный оклад: 7 руб. 25 алт. Хлебное жалованье: 6 четей с осьминою ржи, по чети круп и толокна (1626 г.). В 1653 г. имел пашню по берегам р. Ушайки, рядом с заимками С. Белоуса и Е. Еремеева. Женат (1626 г.). В 1622 г. в распросе в Казанском Дворце рассказывал о недавно построенном Кузнецком остроге; в 1630 г. отвозил отписку в Москву; в 1635 г., уже как десятник конных казаков, был в числе челобитчиков о выдаче служилым панцырей. Участник похода томских казков в составе отряда В. Власьева на бурят, был ранен в этом походе (1640 г.). Пользовался авторитетом среди томичей, был среди тех, кто в челобитчиках от имени всего города ездил в Москву в 1644 г. за церковной ругой. Один из активных участников томских смут и бунтов 1637 и 1648 гг.; во время последнего бунта на его дворе стояла “воровская” съезжая изба. В числе челобитчиков ездил в Москву и якобы был допущен к самому царю. За участие в бунте был наказан кнутом и сослан в службу в Сургут, но вскоре вернулся в Томск. В 1653 г. вместе с женой Феодосией был сослан из Томска на службу в Якутск. Пасынок Степан».

Нос Сенька Микитин сын — посадский человек, касимовец, сослан в Якутск в 1685 г.

Обухович Степан — Тобольск, 1661 г.: «Февраля в 23 де по государеве грамоте присланы с Москвы в Тоболеск ссылные литовские люди шляхта Степан Обуховичь, Федор Есенской, Ян Адамов; а по государеве грамоте велено им государеву службу служить в Тоболску в литовском списке».

Орлов Мишка — московский стрелец, сослан в Якутск в 1685 г. «с женой Манькой», верстан в службу.

Ошурков Олферка — Якутск, 1688 г.: «В августе в Якутск на службу прибыл сын боярский Федор Рукин. Остальные его товарищи – сын боярский Иван Ушаков, прапорщик Якушко Иванов, конные казаки Федотко Тарский, Федька Брюзга, Ивашко Москва, пешие казаки Олферка Ошурок, Лучка Ошурчихин, Васька Попов, сургутские солдаты Елеско Сургуцкой и Томилка Половинкин, сосланные с ним из Тобольска в 1667 г., в Якутске по август 1667 г. не объявлялись».

Ошурчихин Лучка — в том же списке.

Павлов Васька — ссылка на службу за воровство, Якутск, 1649 г.

Павлов Гришка — 1654 г.: «Маия в 8 де по государеве грамоте послан был с Москвы в Тоболеск с тоболским сыном боярским сь Яковом Пескишевым вор литовской лазутчик смоленской мещанин Гришка Павлов, а ис Тоболска велено ево Гришку послать на Байкал озеро в службу; и тот лазутчик Гришка по скаске Тоболского сына боярсково Якова Пескишева, едучи с Верхотурья в Тоболеск, збежал».

Павлов Данилко — казачий сын, сослан в Якутск в 1689 г.

Павлов Леонтей — Томск, 1661 г.: «Тое ж присылки ссылные ж люди иноземьцы оршанцы, которые бежали из Астрахани, шляхта: Степан Крюковской, Янко Брянской, Парфен Ширяев, Офонасей Новогородец, Карп Кунчеев, Леонтей Павлов, Иван Городецкой, Осип Карась, Микулай Коловено; и по государеве грамоте посланы те ссылные люди ис Тоболска в Томской, а государеву службу велено им служить Степану Крюковскому с товарыщи в Томьском в литовском списке в казаках».

Павлов Юрка — черкашенин, Тобольск, 1661 г.: «Тое ж присылки ссылные ж полские и литовские люди шляхта: Юрка Хотимьской, Хриштопко Федоров, Александр Валекметла, черкашенин Юрка Павлов; а по государеве грамоте те ссылные люди посланы ис Тоболска на Лену в Якуцкой острогь, а государеву службу велено им служить Юрке Хотимскому и Хриштопу и Александру в литовском списке в конных казаках, а черкашенину Юрке велено быть в пеших казаках».

Павлуцкий Ян — «В XVII-XVIII вв. в Тобольске была широко известна фамилия Павлуцких, родоначальник которой “литвин” и шляхтич, а потом тобольский сын боярский Ян Павлуцкий, первым произвел перепись населения Тобольского уезда в 1622–1624 годах. Его прямой потомок драгунский майор Дмитрий Павлуцкий составил одну из первых карт Чукотки, погибнув в 1747 г. в стычке с чукчами».

Панкратов Петрушка — сослан в Якутск в 1683 г. с «женой Улькой».

Панов Куземка Матвеив сын — «Сказал: родился де он на Москве, рейтарской сын. В Сибирь сослан в ссылку в Тоболеск. А в Шадринской слободе со 184-го году по тобольской памяти боярина и воивод Петра Михайловича Салтыкова с товарыщи».

Панщин Стенка — Тюмень, 1661 г.: «Да в той же верхотурской росписи воеводы Льва Измаилова написано: присланы ис Казани на Верхотурье ссылные ж литовские люди мещане Стенка Панщин, Ромашка Лазоревской; пахолки: Панко Янков, Янка Кудеев, Степанко Тамошкеев, пахолской мужик Павлик Іванов, шиш Илюшка Омельянов. І те ссылные литовские люди посланы с Верхотурья на Тюмень, а велено их на Тюмени посадить в тюрму до указу великих государей».

Парфенов Федька — Тобольск, 1696 г., пеший казак из ссыльных.

Пахоруков Григорий — ссыльный литвин, Красноярск, 1695 г.

Паюсов Данилко — из детей боярских, сослан в Якутск в 1693 г.

Перезаров Олешка — ссылка в Якутск на службу в 1649 г. «за воровство».

Петров Васька — из стрельцов, сослан в Якутск в 1689 г.

Петрожитцкий Иван — «Великий государь царь и великий князь Алексей Михайловичь, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец, указал полских и литовских взятых людей 41-го человека, которые ему, великому государю, били челом на вечную службу, послать в сибирские городы в свою, великого государя, службу, хто в какую пригодитца» — Тобольск, 1666 г.

Печник Гришка — московский стрелец, сослан в Якутск в 1685 г. с женой и детьми, в 1706 г. Печник Григорий Васильев сын — казак пятой пятидесятни Якутского казачьего полка.

Печюдихин Ивашка — сослан в Якутск в 1649 г. «за воровство» в службу вместе с женой.

Пиминов Митька — стрелец, сослан в Якутск, а в 1654 г. возвращен из ссылки.

Пирожник Анисимко — стрелец, сослан в Якутск в 1685 г.

Позорной Сенька — ссылка на службу за воровство, Якутск, 1649 г.

Поликарпов Вавилка — ссыльный, верстан в службу в Илимске в 1656 г.

Половинкин Томилка — сургутский солдат, сослан в Якутск в 1668 г.

Полянский Кондрашка — ссыльный военнопленный, оставшийся служить в Сибири, Якутск.

Попадейка Марчка Васильев — ссыльный, верстан в службу в 1650 г. в Якутске.

Попко Мишка Онтонов — 5 января 162 (1654) года «ссылные литовские люди посланы на Лену в Якуцкой острог в службу».

Попов Васька — тобольский казак, сослан в Якутск в 1668 г.

Попов Васька Герасимов — московский ссыльный, верстан в службу в Илимске в 1655 г.

Попов Ивашка — донской казак, сослан в Якутск в 1686 г.

Посников Федор — сослан в Якутск в 1645 г.: «Отписка воеводы Василия Пушкина о том, что на Лену прибыли ссыльные люди Федор Посников с товарищами, которых приказано на Лене устроить в пашню, дав им хлебную ссуду и весь пашенный завод; однако сделать это невозможно из-за большой скудости в хлебе на Лене». «Васка Евфимов сын Курсин в прошлом во 148-м [1640] году умре а в его Васкино место велено быть гулящему человеку Онтипке Киприянову и в прошлом во 157-м [1649] году в Якутцком остроге умре и в том ж во 157-м [1649] году в его Онтипкино место велено быть ссыльному Федьке Посникову».

Потапов Максимка — ссыльный, верстан в Якутске в 1660–1666 гг. в казаки «мимо указу».

Превлоцкой Иван — 1655 г.: «Июля в 2 де по государеве грамоте прислан с Москвы в Тоболеск дорогобужской иноземец шляхтичь Иван Превлоцкой з женою Акулиною да з детми с сыном Ивашком да з дочерью з девкою Анницею да с роботницею з девкою с Аленкою; и ныне он Иван з женою и з детми и с работницею в Тоболску служит государеву службу в детех боярских».

Прокопьев Евсютка — человек боярина М.Я. Черкасского, сослан в Якутск в 1685 г.

Прокопьев Федька Орел — сослан в Якутск на службу в 1649 г. «за воровство».

Просовецкий — «Андрей Захарьевич Просовецкий — один из видных казачьих атаманов Смутного времени. Служил царю Василию Шуйскому, затем переметнулся на сторону Лжедмитрия II. В рядах Первого ополчения дрался с поляками. В 1623 г. отправлен в Томск на службу. В 1635 г. возглавлял поход на киргизов томских служилых людей. Поход оказался неудачным: отряд едва не погиб от киргизских сабель». «По-иному, чем у Заруцкого, сложилась судьба другого предводителя казаков в лагере Лжедмитрия II и в Первом ополчении — А.З. Просовецкого, хотя и его деятельность в "Смуту" не была прощена. В боярской книге 1615 г. имя Просовецкого отсутствует. Возможно, какое-то время он жил в Устюге Великом, где, как известно, в 1620 г. получали "кормовые" деньги его жена и брат, затем — в Сольвычегодске. В 1623 г. Андрей Захарьевич (с семьей) был сослан в Томск. В 1635 г. он возглавлял неудачную экспедицию против киргизов, во время которой едва не погиб вместе со своим отрядом. Его старые поместный и денежный оклады при Михаиле Федоровиче не были подтверждены, а новые (700 четвертей и 40 руб.) установили ему только в 1638 г.».

Прудецкий (Пруденский) Офонька (Афанасий) — Якутск, 1685 г.: «В Якутск прибыл капитан Офонька Пруденский. Сослан "по оговору думного генерала Агеева полку Шепелева солдата, бутто у ево Афанасьева дворового человека у Ивашки купил тот солдат вина, и тот дворовой ево Афанасьев человек с пытки сказал, что продавал вина с ведома ево Афанасия". В 1706 г. пятидесятник третьей пятидесятни Якутского казачьего полка».

Путята Василей Юрьев сын — «Великий государь царь и великий князь Алексей Михайловичь, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец, указал полских и литовских взятых людей 41-го человека, которые ему, великому государю, били челом на вечную службу, послать в сибирские городы в свою, великого государя, службу, хто в какую пригодитца» — Тобольск, 1666 г.

Пыховский Степан Михайлов сын — «Великий государь царь и великий князь Алексей Михайловичь, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец, указал полских и литовских взятых людей 41-го человека, которые ему, великому государю, били челом на вечную службу, послать в сибирские городы в свою, великого государя, службу, хто в какую пригодитца» — Красный Яр, 1666 г.

Ракулов Панкратка — ссылка за воровство в Якутск на службу в 1649 г.

Рачковской Петр Андреев сын — «Великий государь царь и великий князь Алексей Михайловичь, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец, указал полских и литовских взятых людей 41-го человека, которые ему, великому государю, били челом на вечную службу, послать в сибирские городы в свою, великого государя, службу, хто в какую пригодитца» — Красный Яр, 1666 г.

Ремез Ивашка Кондратьев — из ссыльных стрельцов, верстан в службу в 1694 г., в 1706 г. служит в шестой пятидесятне.

Ремез Сенька — сослан в Якутск в 1689 г.

Решелец Климко Иванов сын — московский стрелец, сослан в Якутск в 1683 г.

Решемец Стенька — «вор и разбойник», сослан в Якутск в 1694 г., верстан в службу.

Рогачев Сенка — ссыльный подячий патриархова двора, верстан в казаки в 1650 г.

Рубановский Левонтей Иванов — «Великий государь царь и великий князь Алексей Михайловичь, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец, указал полских и литовских взятых людей 41-го человека, которые ему, великому государю, били челом на вечную службу, послать в сибирские городы в свою, великого государя, службу, хто в какую пригодитца» — Красный Яр, 1666 г.

Рукин Федор — тобольский сын боярский, 1668 г.: «В августе в Якутск на службу прибыл сын боярский Федор Рукин. Остальные его товарищи — сын боярский Иван Ушаков, прапорщик Якушко Иванов, конные казаки Федотко Тарский, Федька Брюзга, Ивашко Москва, пешие казаки Олерка Ошурок, Лучка Ошурчихин, Васька Попов, сургутские солдаты Елеско Сургуцкой и Томилка Половинкин, сосланные с ним из Тобольска в 1667 г., в Якутске по август 1667 г. не объявлялись».

Рыкуненок Карпунка — 1661 г.: «Тое ж присылки ссылные ж люди челядники Данилко Збицкий, Пашко Козловской, Янка Котовской, Пашко Хмельницкой, Стенка Форошковской, Христопка Стабровъского челядники: Стенка Щмонин, Карпунка Рыкуненок, Стенка Устрата, Ондрюшка Михайлов; а по государеве грамоте посланы те ссылные люди ис Тоболска на Лену в Якуцкой острог в пешие казаки».

Рыхлевский Павел Александров сын — «В Томске и Кузнецке был известен клан Рыхлевских, основанный "литвином"

Павлом-Александром Рыхлевским, родом из Каменца-Подольского. Добровольно перешедший на “службу государеву”, он был послан в Тобольск и поверстан в сыны боярские. В 1624 г. вместе с Павлом Хмелевским Рыхлевского посылают в Томск “на подмогу против киргиз”. Прослужив верой и правдой русскому царю 50 лет, побывав и в послах, и в сраженьях, он оставил после себя трех сыновей, запечатленных уже в истории Кузнецка»

Сабанский Петр — «Пожалуй, одним из самых известных сибирских послов XVII в. следует считать “литвина” Петра Сабанского (Собаньского), проживавшего в 1624 г. в Тобольске на второй улице от Казачьих ворот, а позднее служившего в Томске. Он был участником почти всех переговоров с калмыцкими и киргизскими князьками. Только его просил прислать для переговоров Алтын-хан. Выполнял Петр и другие поручения: был приказчиком, проводил сыски. А, кроме того, имел свою пахоту и занимался торговлей».

Савельев Ондрюшка — московский стрелец, сослан в Якутск в 1685 г. «с жено Анюткой, с сыном Ондрюшкой и с дочерью Лукашкой, верстан в службу».

Савельев Ивашко — сослан из чувашского города Алатырь в Илимск, верстан в служу в 1656 г.

Садовников Дмитрий Дементьев сын — сослан в Якутск в 1657 г.

Садовский Михайло Якимов сын — «Великий государь царь и великий князь Алексей Михайловичь, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец, указал полских и литовских взятых людей 41-го человека, которые ему, великому государю, били челом на вечную службу, послать в сибирские городы в свою, великого государя, службу, хто в какую пригодитца» — Красный Яр, 1666 г.

Салтан Хриштоп — 1661 г.: «Тое ж присылки ссыльные ж полские и литовские люди шляхта: Якуп Невицкий, Ян Клачковской, Алексей Федоров, Адам Тусаковской, Рафаило Грановской, Владислав Беровской, Хриштоп Салтан, татаровя: Мухарейко Мусанов, Ивашко Юзовской, Давыдко Александров; а по указу великих государей посланы ис Тоболска те ссыльные люди на Лену в Якуцкой острог, а государева служба велено им служить в пеших казаках».

Сапожник Василий Тимофеев — московский стрелец, сослан в Якутск в 1652 г.

Свепов Ивашко — ссыльный, верстан в Якутске в службу в 1650 г.

Семенов Ефимко прозвищем Иван — сослан в Якутск в 1656 г.

Семенов Ивашко — 1661 г.: «Тое ж присылки ссыльные ж люди Стенка Маневский, Хриштопко Велчицкий Ивашко Семенов, Павлик Лазовский; и по указу великих государей посланы ис Тоболска те ссыльные люди на Лену в Якуцкой острог, а государева служба велено им служить в пеших казаках».

Семенов Ларка — московский стрелец, сослан в Якутск в 1685 г.

Семенов Самошка — сослан в Якутск в 1693 г., в 1706 г. Семен Семенов служит в десятой пятидесятне.

Сидоров Ивашка — «Бобыль Ероповской волости Ивашко Сидоров с женой Аленькой, сыном Ивашком дочерьми Улькой, Наташкой и Огрофенкой» сослан в Якутск в 1683 г.

Сидоров Федька — «…родом москвитин, стрелец, в 1649 г. “за воровство” сосланный в Якутск, но, прожив два года в Енисейске, попал оттуда в Маковский острог, затем в Тобольск, а из Тобольска — в Томск, где “в деревне к Федору Пущину нанялся жить урошные годы”, но потом отказался и добровольно явился с повинной в съезжую избу, что он “человек ссыльный”. По приезде в Якутск зачислен на службу».

Скворцов Корнила — ссыльный, в 1660–1666 гг. верстан в казаки Якутска «мимо указу».

Скиба Михайло — украинский войсковой дьяк, кошевой атаман Запорожской Сечи в 1618–1619 гг., сослан в Тобольск. Его потомки — тобольские казаки Скибины.

Складовский Мишка — из рейтар. Ссыльный. 1685 г.: «Бежал с реки Илима, в Якутск не доставлен».

Скобельцын Савка — ссыльный сын боярский, Якутск, 1645 г., верстан в службу.

Скоморох Семейка — ссыльный казанский «тюремный стрелец», Якутск, 1647 г.

Скоробогатов Василий — ссыльный стрелец, Якутск, 1645 г.

Слижевский Куземка Иванов — «Великий государь царь и великий князь Алексей Михайловичь, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец, указал полских и литовских взятых людей 41-го человека, которые ему, великому государю, били челом на вечную службу, послать в сибирские городы в свою, великого государя, службу, хто в какую пригодитца» — Красный Яр, 1666 г.

Смирной Ларка Иванов — ссыльный московский стрелец, верстан в 1654 г. в службу в Илимске.

Смоленской Ф. — ссыльный литвин, Красноярск, 1695 г.

Собакин Якушко — ссыльный, Якутск, 1695 г.

Собачевской И. — ссыльный литвин, Красноярск, 1695 г.

Соболев Ганька — ссыльный, верстан в службу в Якутске в 1656 г.

Соболевский Юрий Семенов сын — «Великий государь царь и великий князь Алексей Михайловичь, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец, указал полских и литовских взятых людей 41-го человека, которые ему, великому государю, били челом на вечную службу, послать в сибирские городы в свою, великого государя, службу, хто в какую пригодитца» — Томск, 1666 г.

Сонатский Михайла — ссыльный военнопленный, оставшийся служить в Сибири, Якутск, сын боярский, 1656 г.

Сосновский Матвей — «В 1642 г. по политическим мотивам был сослан в Кетский острог и сидел в темнице "иноземец" (поляк) Матвей Сосновский. В июле 1644 г. он писал челобитную царю о своем бедственном положении, прося выпустить его из тюрьмы и сослать в любой дальний город на службу. В челобитной он писал: "Я, холоп твой, в Кетцком остроге в темнице живот свой мучю другой год. А с темничнова, государь, заключенья и от всякой нужи и бедности вконец живота пребываю и немочью смертною страдаю. А указано мне, холопу твоему, твоево государева жалованья на корм по алтыну в день и мне, холопу твоему, в темнице в Кетцком остроге живот свой муча прокормитьца и одетьца нечем в таком нужном месте". Царь смилостивился: в декабре 1644 г. была написана грамота о ссылке М. Сосновского на Лену, в стрелецкую службу. Ехать туда он должен был "с приставом и с служилыми людьми". Якутским воеводам предписывалось его из Якутска никуда не выпускать. По приезде в Якутск Сосновский был включен в штат и в качестве служилого человека часто выполнял ответственные поручения. Ходили слухи, что он был даже воеводским "ушником", то есть тайным агентом. В 1651 г. его послали в Москву с отписками, но "на Устюге Великом едучи убил до смерти служилова человека — Енисейского острогу казака". Однако это не испортило его карьеры: он дослужился до чина сына боярского и в этом чине служил до своей смерти где-то в конце 1670-х годов».

Сотников Алешка — московский стрелец, сослан в Якутск в 1685 г. «с женой Парашкой, с сыном Вахрушком и с дочерями Парашкой и Насткой», верстан в службу.

Спиридонов Федька — ссылка на службу в Якутск в 1649 г. «за воровство».

Стабровской Яков — 1655 г.: «Маия в 17 де по государеве грамоте прислан с Москвы в Тоболеск шляхтичь новокрещен Яков Стабровской да с ним человек ево Бартошко Микулаев; и в Тоболску тот Яков женился на ссылной руской девке на Анютке Дмитреиве дочери Второво и ныне в Тоболску в детех боярских».

Стамеровской Якушка (в крещении Иван) **Микулаев** сын — 5 января 162 (1654) года «ссылные литовские люди посланы на Лену в Якуцкой острог в службу».

Станиславов Бартош — «Среди вошедших в Сибирскую историю "литвинов" следует назвать и "ротмистра" Станислава Бартоша (Бартоша Станиславова), проживавшего в Тобольске в 1624 г. в тупике 1-й Гостиной улицы, первым (в 1613) дошедшего до соленого Ямыш-озера, из которого русские в основном и черпали всю соль, и **Леонтия Ставского,** в 1680 г. привезшего в Томск царскую грамоту о принятии калмыцкого народа в подданство России».

Стариков Иван — ссыльный московский стрелец, верстан в службу в Илимске в 1654 г.

Старинкин Самойла — ссыльный военнопленный, оставшийся служить в Сибири, сын боярский, Якутск, 1656 г.

Старловский Карпунка — ссыльный военнопленный, оставшийся служить в Сибири, Якутск, рядовой казак в 1681 г.

Сташкиев Иван — ссыльный военнопленный, оставшийся служить в Сибири, Якутск, сын боярский, умер в 1680-х гг.

Степанов Дениско — 5 января 162 (1654) года «ссылные литовские люди посланы на Лену в Якуцкой острог в службу».

Степанов Карпик — «Сослан и определен в службу вместе с пасынком Максимкой Гриняевым», Якутск, 1643 г.

Степанов Якушко — сослан в Якутск в 1689 г.

Степанов Пашка — ссыльный, верстан в службу в Якутске в 1650 г.

Степанов Володька — московский стрелец, сослан в Якутск в 1683 г.

Степанов Оська — ссылка в Якутск на службу в 1649 г. «за воровство».

Суморов Василей — «Великий государь царь и великий князь Алексей Михайловичь, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец, указал полских и литовских взятых людей 41-го че-

ловека, которые ему, великому государю, били челом на вечную службу, послать в сибирские городы в свою, великого государя, службу, хто в какую пригодитца» — Тобольск, 1666 г.

Сурвилов Степан Гаврилов сын — «Великий государь царь и великий князь Алексей Михайловичь, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец, указал полских и литовских взятых людей 41-го человека, которые ему, великому государю, били челом на вечную службу, послать в сибирские городы в свою, великого государя, службу, хто в какую пригодитца» — Енисейск, 1666 г.

Сургуцкой Елеско — сургутский солдат, сослан в Якутск в 1668 году.

Сыров Данилка Игнатьев — сослан в Якутск на службу в 1649 г. «за воровство».

Татарин Ивашка Васильев — ссылка на службу в Якутск в 1649 г. «за воровство».

Татарин Левка Васильев — сослан в Якутск в 1656 г.

Татаринов Васька — человек стольника Осипа Михайлова сына Квашнина, сослан в Якутск в 1683 г. В 1706 г. служит в четвертой пятидесятне Якутского казачьего полка.

Тарков Васька — «вор и гулящий человек», сослан в Якутск в 1692 г.

Тарский Федотко — тобольский конный казак, сосланный в Якутск в 1668 г.

Терпято Охтовинко — 1661 г.: «Тое ж присылки ссылные ж полские и литовские люди шляхта: Охтовинко Терпято, Степан Бугушевич, Хриштоп Гритевской, Казимер Обрамов, Александръ Ятъковской, челядникъ Янка Осташков; и по государеве грамоте посланы те ссылные люди ис Тобольска на Лену в-Ылимской острог, а государеву службу велено им Охтовинку с товарыщи служить в литовском списке в конных казаках, а челяднику Янке велено быть в пеших казаках».

Тетранский Хриштоп — ссыльный военнопленный, оставшийся служить в Сибири, сын боярский, Якутск, 1656 г.

Тимофеев Спирка — сослан в 1683 г. в Якутск «с женой Дарьицей, с сыном Мишкой “за воровство и за смертное убивство”».

Титов Петр — ссыльный из стрельцов, верстан в службу в Якутске в 1694 г.

Тихонов Гришка — московский стрелец, сослан в Якутск в 1683 г. «с женой Манькой». Оставлен в Илимске по болезни («обезумел», «с ума рехнулся»).

Торговня — ссыльный военнопленный, оставшийся служить в Сибири, Якутск, 1656 г., умер в 1680-х.

Торопчанин Петрушка Васильев — человек боярина князь Бориса Александровича Репнина, сослан в Якутск в 1656 г.

Торопынский Самойло — «Великий государь царь и великий князь Алексей Михайловичь, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец, указал полских и литовских взятых людей 41-го человека, которые ему, великому государю, били челом на вечную службу, послать в сибирские городы в свою, великого государя, службу, хто в какую пригодитца» — Енисейск, 1666 г.

Трифонов Федька — ссылка на службу в Якутск в 1649 г. «за воровство».

Терентьев Ганька — московский ссыльный, верстан в службу в Илимске в 1656 г.

Трофимов Друин — ссыльный казанский «тюремный стрелец», Якутск, 1647 г.

Трофимов Климка — ссылка на службу в Якутск в 1649 г. «за воровство».

Тула Микитка — сослан в Якутск в 1656 г., верстан в казаки «мимо указу».

Тусаковской Адам — 1661 г.: «Тое ж присылки ссылные ж полские и литовские люди шляхта: Якуп Невицкий, Ян Клачковской, Алексей Федоров, Адам Тусаковской, Рафаило Грановской, Владислав Беровской, Хриштоп Салтан, татаровя: Мухарейко Мусанов, Ивашко Юзовской, Давыдко Александров; а по указу великих государей посланы ис Тоболска те ссылные люди на Лену в Якуцкой острог, а государева служба велено им служить в пеших казаках».

Углеченин Якунька Юрьев — сослан в Якутск в 1656 г.

Устрата Стенка — 1661 г.: «Тое ж присылки ссылные ж люди челядники Данилко Збицкий, Пашко Козловской, Янка Котовской, Пашко Хмельницкой, Стенка Форошковской, Хриштопка Стабровъского челядники: Стенка Щмонин, Карпунка Рыкунёнок, Стенка Устрата, Ондрюшка Михайлов; а по государеве грамоте посланы те ссылные люди ис Тоболска на Лену в Якуцкой острог в пешие казаки».

Ушаков Иван — тобольский сын боярский, сослан в Якутск в 1668 г.

Федоров Алексей — 1661 г.: «Тое ж присылки ссылные ж полские и литовские люди шляхта: Якуп Невицкий, Ян Клачков-

ской, Алексей Федоров, Адам Тусаковской, Рафаило Грановской, Владислав Беровской, Хриштоп Салтан, татаровя: Мухарейко Мусанов, Ивашко Юзовской, Давыдко Александров; а по указу великих государей посланы ис Тоболска те ссыльные люди на Лену в Якуцкой острог, а государева служба велено им служить в пеших казаках».

Федоров Андрюшка — ссыльный человек стрелецкого головы Ивана Бегичева, Якутск, 1647 г. «Панфилко Петров сын Тунгуской толмач в прошлом во 156-м [1648] году на государеве службе на Вилюе в середнем зимовье умре и в том же во 156-м [1648] году велено быть в его Панфилково место ссыльному Ондрюшке Федорову в прошлом во 157-м [1649] году послан на государеву дальную службу на Оленек реку».

Федоров Микитка — сослан в Якутск в 1656 г.

Федоров Никишка — донской казак, сослан в Якутск в 1686 г.

Федоров Стенка — «В прошлом во 163-м (1655) году октября в 17 де по государеве Цареве и великого князя Алексея Михайловича, всеа в. и м. и б. Р. с., грамоте присланы с Москвы в Тоболеск смоленские мещане Ивашко Фомин да Стенка Федоров; а ис Тоболска посланы они на Байкал озеро в казаки».

Федоров Фомка — московский ссыльный, верстан в Илимске в службу в 1655 г.

Федоров Хриштопка — 1661 г.: «Тое ж присылки ссыльные ж полские и литовские люди шляхта: Юрка Хотимьской, Хриштопко Федоров, Александр Валекметла, черкашенин Юрка Павлов; а по государеве грамоте те ссыльные люди посланы ис Тоболска на Лену в Якуцкой острогь, а государеву службу велено им служить Юрке Хотимскому и Хриштопу и Александру в литовском списке в конных казаках, а черкашенину Юрке велено быть в пеших казаках».

Филиппов Ивашка — сослан в Якутск в 1650 г. «в вечное житье», верстан в службу.

Филипов Петрушка — ссылка на службу в Якутск в 1649 г. «за воровство».

Фомин Ивашка — «В прошлом во 163-м (1655) году октября в 17 де по государеве Цареве и великого князя Алексея Михайловича, всеа в. и м. и б. Р. с., грамоте присланы с Москвы в Тоболеск смоленские мещане Ивашко Фомин да Стенка Федоров; а ис Тоболска посланы они на Байкал озеро в казаки».

Фомин Пурка — ссыльный, верстан в службу в Якутске в 1656 г.

Форошковской Стенка — 1661 г.: «Тое ж присылки ссыльные ж люди челядники Данилко Збицкий, Пашко Козловской, Янка Котовской, Пашко Хмельницкой, Стенка Форошковской, Хриштопка Стабровъского челядники: Стенка Щмонин, Карпунка Рыкуненок, Стенка Устрата, Ондрюшка Михаилов; а по государеве грамоте посланы те ссыльные люди ис Тоболска на Лену в Якуцкой острог в пешие казаки».

Халдеев Алексей — Якутск, 1673 г.: «В апреле в Якутск на пашню сослан астраханский подъячий Алексей Халдеев. В царской грамоте якутскому воеводе князю Волконскому писалось: “Послан с Москвы в Сибирь, в ссылку, за воровство, астраханский подъячий Халдеев, до Тобольска с сибирскими служилыми людьми, а из Тобольска боярину нашему и воеводе Петру Михайловичу Салтыкову с товарищи велено его послать на Лену, в Якуцкой, с приставы и с провожатыми с тобольскими служилыми людьми. А как к тебе ся грамота придет, а Алешка Халдеев из Тобольска на Лену в Якуцкой прислан будет, и ты б велел ему, Алешке, быть в пашне, и его беречь, чтоб он куда не ушел. А будет он, Алешка, будучи в Сибири, объявится в воровстве, и его казнить смертью, не описываясь к нам великому государю”. А. Халдеев был участником “бунта” С. Разина. Когда разинцы пришли к Астрахани, он сидел в приказной избе в подъячих. Когда они оттуда пошли к Симбирску, он примкнул к ним и стал делопроизводителем: “письма писал”. Правда, при допросе под пыткой воеводе Астрахани боярину и князю Якову Никитичу Одоевскому он говорил, что его Федька Шелудяк “имал с собою под Синбирск для письма по неволе”. Признался также в том, что он “писал на Терек к терским жителям, чтоб стольника и воеводу Петра Прозоровского с товарищи побили, и были бы с ними в воровстве”, правда, с оговоркой, что “велел то письмо писать атаман Федька Шелудя. …А. Халдеев в Якутск прибыл в сентябре 1674 г. и здесь жил и работал долго. Вначале пахал пашню на Амге как пашенный, затем был зачислен в штат подъячих приказной избы, то есть попал в один из высокооплачиваемых разрядов служилых людей. В этом чине он работал и в 1702 г. В ходе службы увеличивалось и годовое жалованье. По окладной книге 1686 г. он получал 6 рублей денег, 7 четвертей с осминой ржи, овса тож и 2 пуда соли. А в окладной книге 1691 г. денег значится уже 15 рублей, хлеба 8 четвертей с осминой и с полтретником и с полполчетвериком ржи, 7 четвертей с осминой овса, 4 пуда соли”».

Халецкой Пашко — ссыльный иноземец, Якутск, в 1687 году Халецкий Павел Александров верстан в казачью службу в Якутске.

Харитонов Бориско — московский стрелец, сослан в Якутск в 1685 г. «с женой Феклой, с сыном и дочерью Агашкой», в 1687 г. верстан в казачью службу.

Хвостов Иван — самаретин, сослан в Якутск в 1656 г. Сын боярский, в 1665–1669 гг. — приказчик на Алазее, его сын Иван Хвостов в 1731 г. приказчик на Камчатке, а другой сын — Ларион Иванов Хвостов в 1706 г. служит в пятой пятидесятне.

Хлевинский Александр — ссыльный военнопленный, оставшийся служить в Сибири, в 1673 г. поверстан в Якутске в дети боярские.

Хмелевский Павел — «В 1622/23 г. Енисейским острогом управлял ссыльный поляк П. Хмелевский, который, кстати, убедил тобольского воеводу в необходимости замены енисейских "годовальщиков" постоянным гарнизоном».

Хмельницкой Пашко — 1661 г.: «Тое ж присылки ссылные ж люди челядники Данилко Збицкий, Пашко Козловской, Янка Котовской, Пашко Хмельницкой, Стенка Форошковской, Хриштопка Стабровъского челядники: Стенка Щмонин, Карпунка Рыкуненок, Стенка Устрата, Ондрюшка Михайлов; а по государеве грамоте посланы те ссылные люди ис Тоболска на Лену в Якуцкой острог в пешие казаки».

Холай Н. — ссыльный литвин, Красноярск, 1695 г.

Хотимсской Юрка — 1661 г.: «Тое ж присылки ссылные ж полские и литовские люди шляхта: Юрка Хотимьской, Хриштопко Федоров, Александр Валекметла, черкашенин Юрка Павлов; а по государеве грамоте те ссылные люди посланы ис Тоболска на Лену в Якуцкой острогь, а государеву службу велено им служить Юрке Хотимскому и Хриштопу и Александру в литовском списке в конных казаках, а черкашеннну Юрке велено быть в пеших казаках».

Хохулин Устинка — смоленский рейтар, сослан в Якутск в 1689 г., верстан в службу.

Хренов Данилко Петров — Якутск, 1655 г.: «В том же году в Якутск на казачью службу сослан Данилко Петров сын Хренов. Его осудили за "великие государевы дела и измену": будучи участником смоленского похода в войне против Польши, будто подзывал товарищей "отъехать из государевых полков к черкаскому

гетману к Богдану Хмельницкому". Объяснения Хренова, что он был "безобразно пьян" и потому не помнит "говорил или не говорил" те слова, не помогли. По приезде в Якутск он долгое время служил рядовым казаком по списку холостых. В этом чине он служил и в 1696 г...»

Цветницкий Григорей Федоров сын — 1658 г.: «Ноября в 12 де по государеве грамоте присланы с Москвы в Тоболеск ссылные литовские люди, которые взяты на боех в языцех в розных местех, с верхотурскими детми боярскими з Богданом Ушаковым да с Михаилом Богдановым шляхта: Григорей Федоров сын Цветницкий, Самойло Янов сын Каменский, Мартын Янов сын Закревъской, Степан Петров сын Борковской, Томаш Янов сын Бачевский, а по государеве грамоте велено тем ссылным людем быть в Тоболску и государеву службу служить в литовском списку в казаках».

Цыбульский Федор — «Федор Цыбульский, очевидно, потомок ссыльного поляка боярского сына Филиппа Цыбульского».

Чаколка Мишка — московский стрелец, сослан в Якутск в 1647 г.

Чаплин Адам — Красноярск, 1661 г.: «...Ссылные ж полские и литовские люди князь Ероним Дебровский, Адам Чаплин, Мартын Зубовской, Микулай Гержан, Александр Бобровской; и по государеве грамоте посланы ис Тоболска те ссылные люди князь Ероним с товарыщи в Красноярской острогь, а государеву службу велено им служить в конных казаках».

Чермной Васька Петров — ссылка на службу в Якутск в 1649 г. «за воровство», с женой.

Черкашенин Ондрюшка Петров — ссыльный, в 1660–1666 гг. верстан в казаки «мимо указу».

Черкашенин Карп Якимов сын — ссыльный, Якутск, 1651 г.

Чернавский Ондрей Прокофьев сын — «Великий государь царь и великий князь Алексей Михайловичь, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец, указал полских и литовских взятых людей 41-го человека, которые ему, великому государю, били челом на вечную службу, послать в сибирские городы в свою, великого государя, службу, хто в какую пригодитца» — Кузнецк, 1666 г.

Черноус Гришка — ссыльный стрелец, Якутск, 1647 г.

Черниговский Микифор Романов — ссыльный военнопленный, оставшийся служить в Сибири, Якутск, пятидесятник.

«Среди илимских ссыльных этого периода встречались и люди знатные: например, Никифор Романов Черниговский, польский военнопленный, принятый на русскую службу в 1634 г. За попытку “бежать в Литву” он был выслан в Енисейск, затем отправлен на Лену и жил в Илимске, Киренске, Усть-Куте, служил здесь пятидесятником или приказчиком. Обличенный доверием местных властей, ездил в Москву, отвозил государев ясак. В 1666 г. Черниговский вместе с илимскими казаками, среди которых были и ссыльные, самовольно ушел на Амур, поставил на Албазинском городище острог и без поддержки правительства удерживал его в течение десяти лет, возобновив тем самым в регионе русское присутствие».

Черниговский Прекон — Илимский острог, 1661 г.: «Тое ж присылки ссылные ж полские и литовские люди Ян Селеховской, Прекон Черниговской, Василей Игнатов, Иван Степанов, Ондрей Манскеевич; а по указу великих государей посланы ис Тоболска те ссылные люди в Ылимской острог, а государева служба велено им служить в пеших казаках».

Черныченок Мишка — бывший стрелец, Якутск, 1647 г., сослан вместе с женой.

Чернышев Тимофей — ссыльный военнопленный, оставшийся служить в Сибири, сын боярский, Якутск, 1656 г.

Черняев Якунька Григорьев — московский ссыльный, верстан в службу в Илимске в 1655 г.

Чеснок М. — ссыльный литвин, Красноярск, 1695 г.

Чижевка Алешка — из стрельцов, сослан в Якутск в 1689 г.

Чижевский Михайло Юзов — из военнопленных, Енисейск, 1661 г.: «Тое ж присылки ссылные ж люди шляхта Мартын Семенов сын Шаплинской, Степан Данилов сын Вершицкой, Михаило Юзов сын Чижевский, Степан Ондреев сын Сколкулской; а по государеве грамоте посланы они ис Тоболска в Енисейской острог».

Чириков Андрей — Якутск: «Прислан в ссылку в 7202 году, поверстан в дети боярские на убылое место Левки Скоробогатова». «Прибыл с женой и детьми».

Чириков Петр — Якутск: «Прислан в ссылку в 7202 году, поверстан в дети боярские на убылое место Чудинки Мартынова».

Чоглоков — «Наум Николаевич Чоглоков (1743–1798), состоящий в довольно близком родстве с династией Романовых и так же попавший в тобольскую ссылку. Наум Николаевич приходился племянником императрице Елизавете Петровне и потому уже

в молодые годы состоял на службе в гвардии в качестве полковника.

Род Чоглоковых был довольно древний: один из их предков в свое время выехал на службу к князю Александру Невскому из “прусской земли”. Но постепенно этот род обнищал. Лишь по воле случая отцу Наума, Николаю Наумовичу Чоглокову, удалось поступить в Кадетский корпус, а благодаря незаурядным способностям танцора остаться при дворе. Там он обратил на себя внимание Марии Симоновны Гендриковой, двоюродной сестры императрицы Елизаветы Петровны. После брака с Гендриковой, в 1742 г., Николай Чоглоков получил должность камергера двора и орден Белого Орла. Вместе с женой они были приставлены в качестве гувернеров к великому князю, наследнику Петру Федоровичу и его супруге, будущей императрице Екатерине II. Но Николай Чоглоков, будучи человеком довольно ограниченным, нетактичным и с громадным самомнением, картежником и волокитой, очень быстро восстановил против себя Петра и Екатерину и был удален от них.

Чоглоковы имели 8 детей, старшим среди которых был Наум Чоглоков. Его мать, дочь Симона Леонтьевича Гендрикова, по матери своей Христине Самуиловне Скавронской приходилась родной племянницей Екатерине I, а значит, двоюродной сестрой императрице Елизавете Петровне.

Рожденный при дворе Наум Чоглоков, как оказалось в дальнейшем, по всей видимости, унаследовал далеко не лучшие черты характера своего отца. Начал он службу конногвардейцем, дошел до чина полковника и в 1770 г. отправился волонтером в Грузию служить под началом графа Тотлеба. Но ехал он, как показали его сослуживцы на допросах, с тайным намерением «стать царем или погибнуть на эшафоте». Ехал он с большой пышностью и хвастался перед случайными спутниками своим родством с императорской фамилией. Прибыв на Кавказ, он не захотел признавать над собой чьей либо власти, выказывал во всем неповиновение, а потом перебежал на сторону грузинского царя Ираклия и даже выступил в его войсках против русских. Но был схвачен в одной из стычек и отдан под суд, состоявшийся в г. Казани 22 апреля 1771 г. Его приговорили к высылке в Сибирь на вечное поселение.

В Тобольске Чоглоков не поладил с губернатором Чичериным, и тот отправил его в г. Березов. Однако в 1781 г. он вновь воз-

вратился в г. Тобольск и женился на некой Тарашкиной Агриппине Стефановне, дочери тобольского сержанта. После воцарения на трон императора Павла Чоглокову разрешили выехать из г. Тобольска и жить под надзором полиции в г. Новгороде, где он и умер 6 января 1798 г. Жена его осталась, судя по всему, в Сибири, поскольку 13 июля 1800 г. повенчалась в Богоявленской церкви с Яковом Васильевичем Корнильевым, младшим сыном известных тобольских купцов.

В Тобольском государственном архиве сохранились записи с некоторыми сведениями об этом семействе, хотя и содержащие, на наш взгляд, ряд неточностей, закравшихся при записи «на слух» церковнослужителями. Позволим себе привести их, поскольку их использование сможет помочь составить более подробное описание такой незаурядной личности, как Наум Чоглоков. Уже сам факт, что о нем сообщается в трудах российского историка С.М. Соловьева, говорит о многом.

Уже по возвращении из Березова в 1787 г. Чоглаковы проживали в нагорной части города в приходе Никольской (Введенской) церкви, о чем сохранилась запись о их явке на исповедь в указанный год: «Бывший полковник Наум Николаев Чеглоков — 40 лет, жена его Агрипина Стефановна — 25 лет и слуга их Гаврил Никифоров — 50 лет». Примерно такая же запись в том же приходе повторяется и за следующий 1788 г. Зато в 1790 г. вместе с ними проживают родственники жены (урожденной Агриппины Тарашкиной).

На исповеди в тот год присутствовали: «Наум Николаевич Чеглоков — 43 года, жена его Агриппина Стефанова — 28 лет, теща его прапорщицкая жена Мария Стефановна Тарашкина 56 лет, дети ее: сержант Андрей — 21 год, девица Анна — 18 лет, слуга их Гавриил Никифоров и Юлия Изотова». Но в 1792 г. Чоглоковы перебираются в подгорную часть и проживают в приходе Сретинской (Пятницкой) церкви, о чем и сообщается в исповедальных записях: «Российский дворянин Наум Николаев Чеглоков — 48, жена его Агрипина Стефанова — 30, дворовые их: Гаврил Никифоров — 54, Юлия Изотова — 30 лет».

Других записей по Науму Чоглокову нам выявить в Тобольском архиве не удалось. Возможно, они утеряны или наш фигурант перебрался из Тобольска в другой населенный пункт. Любопытен тот факт, что Агриппина Чоглокова, будучи вдовой в возраст 50 лет вышла замуж за дядю будущей матери Дми-

трия Ивановича Менделеева, урожденную Марию Дмитриевну Корнильеву. Таким образом, Д.И. Менделеев состоял пусть и в весьма отдаленном, но все же родстве с царственным домом Романовых, и знал ли он об этом, до сих пор остается загадкой. Хотя, по словам А.А. Макарени, в личных бумагах ученого, где излагалась его родословная, есть краткая запись напротив фамилии Романовы — «и эти родня…»

Чулок Емелька — московский стрелец, сослан в Якутск в 1685 г. с «дочерью Дашкой».

Шаблыкин Гришка — ссыльный, верстан в службу в Якутске в 1656 г.

Шапошник Алешка Акимов — «Сослан с Москвы за Коломенский бунт, а ныне де он Олешка послан из Якуцкого острогу за костяною великих государей казною».

Шарыгин Ф. — ссыльный литвин, Красноярск, 1695 г.

Шереметьев Андрей — в 1655 г. сослан на службу в Якутск. «Апреля в 2 де по государеве грамоте прислан с Москвы в Тоболеск полоцкой иноземец Ондрей Шереметев; а ис Тоболска по государеве грамоте послан он Андрей на Лену в Якуцкой острог».

Шибан Васька Алексеев — сослан в Якутск в 1656 г.

Шмонин Стенка — 1661 г.: «Тое ж присылки ссыльные ж люди челядники Данилко Збицкий, Пашко Козловской, Янка Котовской, Пашко Хмельницкой, Стенка Форошковской, Хриштопка Стабровъского челядники: Стенка Щмонин, Карпунка Рыкунонок, Стенка Устрата, Ондрюшка Михайлов; а по государеве грамоте посланы те ссыльные люди ис Тоболска на Лену в Якуцкой острог в пешие казаки».

Шульгины — «Голова стрелецкой и казачей Яков Шулгин в прошлом во 167-м году по указу великих государей и по грамоте сослан он Яков на Лену в Якуцкой острог на вечное житье». «В июле из Илимского острога препровождено в Якутск 6 ссыльных людей…: Яков Шульгин с женой Марьей, сыном Федором, дочерьми двумя Овдотьями и Оринкой, с невесткой Степанидой, у которой два сына; Кадашевец Федька Алышов, суздалец Федька Трегубов, Смольянин Ортошка Петров, Анцыфорко (прозвище Пищуля), Микитин человек Пушкина Офонька Алексеев».

Эверстов Иван — «Привезен сосланный на жительство некто Эверстов. В Москве он был на придворной службе у царевича Алексея Петровича. Вина, за которую он попал в страну изгнания, неизвестна. Через 10 лет ссылочной жизни он получил

амнистию с правом возвращения на родину, но он добровольно остался здесь на службе, так как имел хозяйство и семейство, а в 1731 году, получивши звание дворянина, уехал в Камчатку на должность комиссара». В 1723 г. «прибыл туда из Охотска новый камчатский коммисар дворянин Эверстов (служил прежде в придворной службе у Цесаревича Алексея Петровича и в 1718 г. был сослан в Якутск на жительство, а в 1728 г. освобожден из ссылки; но остался там на службе, потому что имел хозяйство и семейство)».

Юзовской Ивашко — 1661 г.: «Тое ж присылки ссылные ж полские и литовские люди шляхта: Якуп Невицкий, Ян Клачковской, Алексей Федоров, Адам Тусаковской, Рафаило Грановской, Владислав Беровской, Хриштоп Салтан, татаровя: Мухарейко Мусанов, Ивашко Юзовской, Давыдко Александров; а по указу великих государей посланы ис Тоболска те ссылные люди на Лену в Якуцкой острог, а государева служба велено им служить в пеших казаках».

Ябьев Ян — ссыльный военнопленный, оставшийся служить в Сибири, сын боярский, Якутск, 1656 г.

Якимов (Екимов) Олешка — ссыльный, в 1675 г. поверстан в казаки.

Якимов Филька — московский стрелец, сослан в Якутск в 1685 г. «с женой Феклой, с сыновьями Осташкой, Егорком и Ондрюшкой, с дочерьми Марфуткой и Палашкой».

Яковлев Савинко — ссыльный стрелец «за воровство, за винную продажу», Якутск, 1647 г.

Яковлев Стенька — Якутск, 1654 г.: «…родом ярославец, посадский человек, за винную продажу в Москве (“У Мишки Корелы за тверскими вороты продавал вино и с тем вином поймали его выимщики в 1644 г.”) в 1644 г. битый кнутом и сосланный на Лену, но надолго застрявший в Енисейске, а потом попавший в Томск…», в Якутске верстан в казаки.

Якунин Воин — сослан в Якутск в 1656 г., верстан в казаки «мимо указу».

Ярышник (Ярышкин) Петр — ссыльный, верстан в казаки «мимо указу» в 1660–1666 гг., якутский сын боярский.

Яцкий Станислав — «литва», похолок, сослан в 1634 г. в Енисейск.

Яцкой (Ятцкой, Ятцков) — Ларка Яковлев сын Ятцков в 1680 году сообщал: «Отец черкашенин, прислан по грамоте с Москвы

в Томск, а он, Ларка, верстан в Томске в пешую службу», а Веха Яковлев сын Яцкой в том же году сообщал другое: «Отец поляк выезжий, в Томск прислан в конную службу по грамоте, а он верстан в пешую службу». В это же время служил в Томске и казак «иностранного происхождения» Яцков Осип Яковлев, пеший казак.

* * *

Многогрешные

Фамильное прозвище, оставшееся в веках, точно отражает суть: Демьян Игнатьевич Многогрешный, выбившийся в полковники из самых низов рядового казачества (по другой версии, он был вовсе и не из низов — и его истинная фамилия Игнатович указывает на принадлежность к шляхте), в *«1663 году поддержал промосковского кандидата в гетманы Левобережной Украины Брюховецкого, но потом вместе с ним восстал против Москвы, позже переметнулся на сторону правобережного и протурецкого гетмана Дорошенко, а после убийства Брюховецкого стал наместником Дорошенко на левом берегу Днепра. В 1668-м Многогрешный предает Дорошенко и с помощью московского царя получает гетманскую булаву».*

Дорошенко «исхлопотал» у константинопольского патриарха проклятие Многогрешному, снятому только по ходатайству московского царя Алексея Михайловича

Его политическая, но отнюдь не историческая карьера закончилась, когда Москва после доноса, заподозрив гетмана в очередном союзе с Дорошенко и попытках снова стать вассалом Турции, сослала гетмана в Сибирь вместе со всем его семейством.

Но «грехи» гетмана Многогрешного — это отражение сложности самой эпохи, когда Левобережная Украина и запорожское казачество определяли свой исторический выбор, не желая, с одной стороны, потерять православную веру, будучи под поляками-католиками, а с другой, — не желая потерять свободу, попав в полную зависимость от московского самодержавия…

В ночь с 12 на 13 марта 1672 года Многогрешный был низложен казацкой старшиной в Батурине и выдан царским представителям. Под пытками гетман Многогрешный сознался в сношениях с Дорошенко. Вскоре в Москве приговорен к смертной казни, замененной пожизненной ссылкой, и вместе со своим соратником, полковником Матвеем Гвинтовкой, сослан в Сибирь. Ссыльных доставили первоначально в Тобольск, а оттуда разослали по разным острогам: Демьяна — в Иркутский (затем

Селенгинский), его брата, Черниговского полковника, Василия — в Красноярский, Гвинтовку с сыном — в Кузнецкий, Грибовача в Томский и племянника Гетмана Михаила Зиновьева в Якутский — «в пешую казачью службу». (К слову сказать, преемник Многогрешного на посту гетмана Левобережной Украины Иван Самойлович — активный участник заговора против Демьяна Игнатьевича, в скором времени тоже очутится в Сибири — в Якутске, до конца дней своих…)

Семейство Демьяна Многогрешного состояло из его жены Настасьи, двух сыновей — Ивана и Петра, дочери Елены и племянника Михаила Зиновьева Многогрешного.

Братья — Игнатий и Василий — содержались долгое время в тюрьмах. Только в 1687 году после смещения с должности гетмана Самойловича, заклятого врага Многогрешных, ситуация начала меняться. Демьян Игнатьевич был поверстан в селенгинские дети боярские.

Василий же еще находился в красноярской тюрьме. А потом случилось то, о чем в народе говорят так: не было бы счастья, да несчастье помогло: *«…в 1679 году войска Сенге Тайши “черных калмыков” настолько плотно обложили Красноярск, что воевода и атаманы растерялись и не знали, что делать. Положение крепости было критическое. Тогда казаки вспомнили о Василии Игнатьевиче Многогрешном, освободили его и просили возглавить оборону острога.*

Многогрешный умело организовал оборону, проявив при этом личное мужество. Нападение Сенге Тайши было отбито, опасность миновала. Красноярцы отправили челобитную в Москву, в которой излагали заслуги Многогрешного: как он ходил на “государевых изменников и бился явственно, не щадя головы своей”».

Более того *«…“он урежал полки”, лично сражался “с государевыми изменниками”, бился явственно, не щадя головы своей», «пушкаря заставливал и указывал и сам прицеливался». «И мы служилые люди, — писали они, — видели всем полком его, Васильеву, службу, что он Василий Многогрешный великому государю служил и добра во всем хотел».*

После этого Василий Игнатьевич был верстан в дети боярские.

А в 1695 году бывший Черниговский полковник запорожских казаков, нынешний сибирский сын боярский Василий Игнатьевич Многогрешный, во время знаменитого красноярского бунта

встал вместе с половиной «ссыльных литовских людей и черкасов» на сторону власти против тех самых казаков, благодаря которым и приобрел некогда свободу…

Корысть была простая — заслужить новые милости, а вероятно, получить и полное прощение: *«Возможно, что опальное состояние ссыльных людей заставляло их больше держаться воеводской партии, чтобы не ухудшить своего положения. Но и помимо того, здесь сказался* ***всегдашний антагонизм между коренным и пришлым населением*** (выделено мной. — *С.В.*) *и обычный сибирский протест против ссыльной колонизации, заметный еще с XVII века» (Н. Оглоблин).*

Сибирской истории братьев Многогрешных посвящены многие статьи и книги. Многогрешные породнились с героем Албазина Бейтоном: *«Бейтон продолжал после службы по Иркутскому воеводству в Верхоленском и Балаганском острогах. Сын его женат на дочери Селенгинского боярского сына Демьяна Многогрешного и от сего брака идут две линии, пользующиеся в Иркутске хорошим именем по учебной и гражданской службе» (П.А. Словцов).*

Н. Оглоблин: *«О дочери Елене мы знаем, что она вышла замуж за сибирского дворянина Ивана Бейтона. Это сын известного полковника Афанасия Ивановича Бейтона, знаменитого защитника (после смерти воеводы А.Л. Толбузина) Албазина против китайцев в 1686–1689 гг.».*

Что касается Василия Игнатьевича, то и он, как и его брат Демьян, сибирскую свою жизнь завершил с достоинством: *«Долгие годы М. оставался казачьим атаманом в Красноярском остроге, а почувствовав приближение смерти, купил за свои деньги дом в малом остроге и отдал его под приют для немощных инвалидов и стариков. При этом он попросил царя о поверстании в дети боярские и его сыновей Дмитрия и Петра».*

«Известно; что у него было двое сыновей, Прон и Дмитрий, о поверстании которых в “дети боярские” он просил в 1694 году, достигнув своей старости. Имеются сведения, что один из потомков Василия Многогрешного, Яков, в середине XVIII в. состоял священником в Красноярске, а сыновья его, Егор и Василий, пребывали в городских крестьянах. Егор потом станет дьяконом городской соборной церкви, а затем уже в Тобольске будет рукоположен в священники села Арейского».

В «Описании земли Камчатки» Степан Петрович сообщает, что в 1702 году на Камчатку вместо арестованного за злоупотре-

бления Атласова был отправлен «служивый Михайло Зиновьев, который, как сообщили в Москву из Якутска, бывал на Камчатке еще до Атласова (возможно, с Лукой Морозко). И, продолжая перечень первых камчатских правителей, ученый пишет: «Кобелева сменил вышеуказанный Михайло Зиновьев, который управлял камчатскими острогами с 1703 по 1704 год до прибытия казачьего пятидесятника Василия Колесова. Зиновьев впервые ввел на Камчатке ясашные книги, куда вписывались поименно подлежавшие обложению ясаком камчадалы. Нижние камчатские зимовья, вследствие неудобно выбранного для них места, он перенес к ключам, а на Большой реке построил новый острог. Он же перевел анадырских служивых людей по их собственной просьбе из Укинских зимовий на Камчатку. Приведя, таким образом, состояние дел на Камчатке в некоторый порядок, он благополучно вернулся в Якутск с ясашной казной».

Михаил Зиновьев — это и есть племянник гетмана Михаил Зиновьевич Многогрешный Черкашенин.

В истории осталась фамилия гижигинских казаков Зиновьевых — один из них сопровождал камчатского чиновника по особым поручения при губернаторе Карле фон Дитмаре в его путешествии на боте «Камчадал» в Гижигу и обратно — это было знаменитое переселение гижигинских казаков на Камчатку в новое село Сероглазка в 1853 году.

* * *

В свое время Борис Петрович Полевой очень подробно рассказал в газете «Камчатская правда» (4 июля 1962 год) историю семьи военнопленного Федора Козыревского.

«В 1667 году польский пленный Федор Иоаннович Козыревский, сосланный из Москвы на далекую Лену, женился на местной девушке Акилине. У молодоженов родилось три сына — Петр, Семен и Дмитрий. В 1674 году Федора вызвали в Москву и объявили, что он может вернуться в Польшу. Но Федор полюбил суровую Сибирь, вывезти свою семью в Польшу было нелегко, а потому он бил челом царю Алексею Михайловичу — просил оставить его “на вечную службу” в Сибири. За это “похвальное желание” приказано было его произвести (“поверстать”) в самый высший казачий чин — сделали его “сыном боярским”. С тех пор стали Федора Козыревского посылать в самые различные дальние зи-

мовья уже как “начального человека”. Семья Козыревского постоянно переезжала с одного места на другое — то жила на Вилюе, то на Алдане, то на Олекме, пока не осела на Верхней Лене на Чечуйском волоке. Жили Козыревские счастливо, но жалованья не хватало. И тут-то в семье Козыревских начались несчастья. Торговать Федор не умел. Очень скоро он стал “неокладным должником” — должен был он в казну “ценных денег” 50 рублей — сумму, равную его пятилетнему жалованью. Достать такие деньги он не мог, и долг продолжал расти. Но главная беда состояла в том, что его дети, живя при кабаке, стали сами “люто бражничать”. Особенно буйно вел себя старший, Петр. Желая обуздать неукротимый нрав сына, Федор женил его на некой Анне. Но жена оказалась под стать мужу — она сама стала участвовать в попойках. В 1690 году у Анны родился сын Иван… Год спустя появился второй сын. Дед Федор, видя, что “бездельная хмельная жизнь” может окончательно сгубить сына и его семью, бил якутскому воеводе челом, прося его по “старости” отпустить со службы в монастырь, а на его место взять его сына Петра. Эту просьбу уважили. Основатель “дома” сибирских Козыревских — дед Федор — стал “иноком Авраамием”, а его сын Петр — сыном боярским, приказчиком Чечуйского волока. Но коварная водка уже сделала свое губительное дело: Петр продолжал бражничать со своей женой. Пьяная Анна постоянно “на людях” нападала на своего супруга и, как гласят документы, его “бранила неподобною богомерскою бранью”, “говорила всякие неистовые слова”. В мае 1695 года Козыревские поехали на богомолье в Киренский Троицкий монастырь. И здесь на монастырской заимке произошла трагедия. После скандала разгоряченный Петр швырнул нож в свою жену. Удар оказался смертельным. Власти распорядились “схватить душегубца”. Но монастырские “служки” не выдали Петра. Позднее Петр вместе с малолетними сыновьями скрывался на верхней Лене. Из списка служилых людей Петра исключили. Жил он без жалованья, распродавая свой последний “живот” (имущество). И только в 1700 году он решился выйти в Якутск с повинной. Между тем из Москвы пришел грозный указ — судить Петра Козыревского за убийство жены: “Буде явится, что он без причины ее убил и в том повинитца и за то его казнить самово смертью, велеть

повесить в той же монастырской заимке, а буде по розыску явится, что он убил жену за какое воровство и его смертью не казнить, бить нещадно, что он, не бив челом, самовольно жену свою убил". Так якутский воевода Траурнихт и решил действовать. 2 июля 1700 года в якутской воеводской избе начался суд над Козыревским. Вызвали ряд свидетелй, в том числе "инока Авраамия", отца Петра. Все свидетели в один голос утверждали, что причиной всех бед было "неистовство" самой убитой. Это спасло Козыревского от виселицы. Но не спасло от страшных мучений. 3 июля его пытали — подтягивали на ремне за руки и жгли калеными клещами. День спустя состоялась "торговая казнь". При большом стечении народа на торговой площади Якутска Петра протащили за руки сквозь строй казаков, а затем били на козле кнутом. Еле живого, всего окровавленного, его бросили в "казенку" воеводского застенка. Но уже через несколько дней выпустили на свободу на поруки. Виднейшие казаки Якутска дали за него весьма своеобразную "поручную запись" — они торжественно поклялись, что Петр Козыревский свою будущую жену "не убьет без предварительного разрешения властей" …Козыревский, чтобы не нарушать этой клятвы, предпочел вообще вторично не жениться. Более того, он перестал пить. После всего пережитого Козыревский не хотел более оставаться в Якутске. В это время прибыл с Камчатки сын боярский Тимофей Кобелев. Из-за камчатского "малолюдства" приехал он в Якутск "набирать охочих людей". Петр Козыревский обратился к нему с просьбой взять его на далекую Камчатку. Петр славился как хороший грамотей, а поэтому Тимофей Кобелев охотно согласился. Вот тогда-то, 28 июля 1700 года, Петр и обратился к Петру Первому с челобитной… Козыревский писал: "Великому государю, царю и великому князю Петру Алексеевичу всея великия и малыя и белыя Руси, самодержцу бьет челом холоп твой, неверстанный казак Петрушка Козыревский. Милосердный, великий государь, царь и великий князь Петр Алексеевич всея великия и малыя и белыя России саможержец, пожалуй меня в Якуцком поверстать в казачью службу на убылое место и послать меня послужить тебе, великому государю, на новую Камчатку реку. Великий государь царь смилуйся". Челобитная была уважена. Но тут же встал вопрос: где Петру добыть необходимое снаряжение для похода… Тогда Петр попросил якутского воеводу списать с него старые долги и выдать ему двухлетнее жалованье. Петр писал: "Откупитца мне за бедностью нечем, а ныне наряжен на твою великого государя двоегодную службу за Нос". Воевода милостливо разрешил выписать Козыревскому двухлетнее казачье жалованье и тут же распорядился конфисковать его в счет старого долга семейства Козыревских. Более того, он распорядился "впредь в течение нескольких лет отбирать жалованье Козыревского в счет погашения его долга". Так и был в сентябре 1700 года отправлен Козыревский из Якутска на Камчатку вместе со своими сыновьями без всяких средств. Мог он в пути рассчитывать только на милосердие своих спутников. Интересно отметить, что воевода Траурнихт в своем официальном сообщении Петру I объявил, что он послал Козыревского на Камчатку в ссылку. Долгое путешествие на Камчатку оказалось тяжелым. Участники его страдали и от голода, и от холода. Лишь в середине декабря они добрались до сурового Верхоянска, откуда они прошли Индигирку к Зашиверскому зимовью. Проехав на собаках по Индигирке до Уяндинского зимовья, перебрались в верховья Алазеи и оттуда к Среднеколымскому зимовью, затем проехали до Нижнее-Колымска и… вышли в Анадырский острог, откуда в мае 1701 года отправились на Камчатку. В пути они встретили группу товарищей… погибшего Потапа Серюкова. Петру Козыревскому, как первому грамотею похода, пришлось за этих казаков написать челобитную, в которой впервые было рассказано о трагической судьбе сподвижника В.В. Атласова — Петра Серюкова. Так летом 1701 года началась камчатская служба Петра Козыревского».

Продолжалась эта служба недолго — Петр Федорович собирал ясак в среднем течении реки Камчатки, один из притоков которой — реку Коль — позже его сын, будучи приказчиком камчатских острогов, назовет в честь своего отца Козыревкой. В 1704 году Петр Федорович будет отправлен сопровождать ясак в Якутск и на обратном пути его убьют вместе с новым приказчиком Протопоповым (Верхотуровым). В итоге в поименном списке казаков Якутии появится запись: *«Погиб в 1705 году в схватке с туземцами, на его место 5 августа 1706 г. верстан сын Иван».* Если в 1731 году Ивану Петро-

вичу было чуть больше сорока лет, то казаком он стал лет в пятнадцать-шестнадцать, максимум в восемнадцать лет.

Примерно в это же время был верстан в казаки на «убылое» место одного из погибших казаков и средний брат — Петр Петрович Козыревский.

В 1707 году Иван Козыревский вызвал по неизвестной нам причине особую неприязнь казачьего головы Владимира Атласова: *«Козыревский сам не раз говорил: “…от вил и смыков и колод руки и ноги у него до костей стерты”» (Б. Полевой)*. Поэтому вполне возможно, что Иван Козыревский был одним из вероятных разработчиков вместе с Анциферовым «со товариищи» одного из планов покушения на Атласова: *«Камчатский казак Федор Ярыгин уже 3 марта 1711 г. сообщал, что Анциферов был главным организатором убийства: “…послал он, Данило, в дом казачьего головы Володимера Отласова трех человек с ложною составною грамотою, которую он принес к нему, Володимеру, в оплошное время и подал и как и он, Володимер, принял у их ту грамоту просматривать и в то де время ево, Володимера, зарезали”»*. Подложную грамоту мог составить как раз грамотей Козыревский.

Младший его брат — в 1711 году еще казачий сын — Михаил Козыревский не только не участвовал в бунтах, но и принимал непосредственное участие в допросах бунтовщиков, будучи в команде приказчика Василия Колесова. По всей видимости, братья Иван и Михаил Козыревские были грамотными людьми, и именно по этой причине они пользовались на Камчатке уважением не по годам, а по образованности: когда сменивший В. Колесова приказчик Иван Енисейский, «*собрав ясак на 1714 год, весною того же году на судах по Олюторскому морю отправился»* в Якутск, то в течение года (лето 1714 – лето 1715 годов) приказчиком трех острогов Камчатки был оставлен им Иван Козыревский, а заказчиком Большерецкого острога в 1714 году был его младший брат Михаил.

Несмотря на молодость, хватка у Ивана Петровича была крепкая. Если в есаулы его записали за грамотность, то он сумел остаться на главных ролях «воровской команды» и после смерти Данилы Анциферова, продолжая начатое совместное дело по «отысканию новых земель».

Правда, Курильские острова первоначально казаков разочаровали — пушных зверей здесь не водилось.

Но Козыревский успел взять свое, будучи приказчиком. Пришедший летом 1715 года на Камчатку новый приказчик Алексей

Петриловский, внучатый племянник Ерофея Хабарова, не только «вымучил» у Козыревского «собственного промыслу мягкой рухляди» на 6275 рублей по якутской цене, но и заставил его отказаться от мирской жизни.

Вынужденный, как и Федор Ярыгин в 1712 году во время грабежа и насилия отряда Константина Кыргызова, спасаясь от мучительной смерти, принять вместе с Яковым Ярыгиным (вот такая «закономерность» для этой семьи) монашеский постриг под именем Игнатия, он в 1717 году на собственные средства «*построил между Нижним острогом и речкою Ключевскую пустынь*», а при ней кельи для больных, раненых и отставных служилых людей. В 1720 году Игнатий перед отправкой в Якутск передал в казну «от своего промыслу» 1260 соболей, 12 морских бобров на общую сумму 2784 рубля.

В Якутске в 1720 году он получил за курильский поход в награду 10 рублей и назначен строителем Покровского монастыря в 80 верстах от Якутска.

Но…

> *«В 1724 г. за расхищение монастыря Козыревский был закован и заключен под стражу, из-под которой бежал и поступил секретарем к якутскому воеводе. Потом Козыревский бежал в… Тобольск; но был пойман и снова закован. Тогда он объявил на архимандрита Феофана, виновника своих бед, слово и дело! (то есть обвинил его в государственной измене. — Ред.). За что оба они были отправлены в Тобольск. Здесь Козыревский был назначен в экспедицию Шестакова и после неудачного плавания по Лене на судне “Эверст” в 1729 г. с отписками явился в Москву, где хлопотал о награде за утрату имущества в Камчатке и постройку судна “Эверст”. Сенат в 1730 г. определил выдать ему 500 руб. Но вскоре за какие-то новые преступления он был вытребован в тайную канцелярию и… расстрижен»* (А.С. Сгибнев).

Судя по последующим его поступкам, Иван Козыревский пытался быть полезным государству, совершая при этом в поисках справедливости все новые и новые деяния, которые оборачивались против него самого, — и в итоге он оказался в Санкт-Петербурге, где был сначала обласкан властью за открытие Курильских островов, а потом по челобитью сына Владимира Атласова, пятидесятника Ивана Владимировича, заключен в столичную тюрьму, где и умер 2 декабря 1731 года.

Козыревский был единственным среди первооткрывателей Курильских островов – своих товарищей по убийству камчатских приказчиков, — кто испил до конца чашу общей вины за смерть камчатского Ермака…

* * *

Но вернемся к теме ссыльных иноземцев и их роли в истории Сибири.

«Стоит согласиться с мнением историка Д.Я. Резуна, что 5–6 тысяч “литвинов”, оказавшихся в Сибири в период конца XVI – начала XVIII вв. польских шляхтичей с территорий Великого княжества Литовского: Бжицких, Подборских, Орловских, Путковских, Нарбутов, Бернацких, Вежбиловских, Ольховских, Великосельских, Закжевских, Згибневых (метатеза звуков в имени Збигнев), Вертинских, Врублевских, Вындомских, Соболевских, Мечковских, Зенбицких, Коловских, Раецких, Зельских, Сарбарских, Рутковских, Петранских, Скидарей, Ржицких, Скоржицких, Островских, Слонских, Староховских, Хлыновских, Стасейских, Шелжевских, Плешевских, Силезских, Ходзинских, Скугоров, Тупальских, Сваровских, Шпаковских, Чаусов, Халецких, Шадковских, Шинкеевых (Шинкевичей), Юдашевских, Яблонских, Юрагиных, Ядловских, Ядровских, Якубовских и многих других не могут считаться иноземцами. Для них, как и для русских, Сибирь стала новой Родиной, ради которой они служили и погибали» (С.Г. Филь «Казаки “литовского списка”»).

Несмотря на многочисленность «иноземного» присутствия в сибирском казачестве, период, который мы рассматриваем, — это время второго и третьего поколения сибирских «иноземцев», как у Козыревских, которые были уже коренными тобольскими, томскими, енисейскими или якутскими казаками и не имели собственной национальной, отличной от земляков и родичей, позиции — то есть были уже одними из многих…

Даже в собственной семье Козыревских эти позиции в конечном итоге разделились…

Камчатский приказчик Максим Лукашевский, ловко воспользовавшись этим раздором между братьями, сумел обвинить монаха Игнатия (Ивана Петровича Козыревского) в новых преступлениях, арестовав и выслав его с Камчатки в Якутск:

*«Да в нынешнем же 720 году, майя в день, будучи я Максим в Большерецку у отправления великого государя казны через Ламское море в Якуцк, приходил ко мне Максиму на постоялой государев двор монах Игнатий Козыревский, да в то же время был у меня Максима на постоялом государевом дворе служилой человек Петр Козыревской, и размолвился он монах Игнатий с оным служилым человеком Петром Козыревским, и в той размолвке укорил его монаха Игнатия он Петр Козыревской: от тебя де и прежние прикащики на Камчатке убиты. И он монах Игнатий говорил во оно время такие речи: которые де люди и цареубийцы, и те де живут приставлены у государевых дел, а не велие дело, что на Камчатке прикащиков убивать. А какого ради случая, или с кем он монах Игнатий по согласию такие возмутительные и похвалные речи говорил, пришедчи ко мне на постоялой государев двор, того я не знаю. А как он монах Игнатий оные похвалные речи говорил, были во оное время у меня Максима на постоялом государевом дворе служилые люди: **Иван Каташевцов**, **Федор Гурьев**, **Прокопей Третьяков**, **гулящей человек Василей Грозин**. И о таких его монаха Игнатия похвалных и возмутительных словах подал я Максим на него Игнатия великому государю челобитную и дал память камчатского наряду сотнику казачью **Ивану Уваровскому**, чтоб его монаха Игнатия во оных похвалных и возмутительных словах допросить и вышеписанных служилых людей во свидетельстве допросить же, и допроса их оную челобитную выслать в Якуцк, и его монаха Игнатия в Якуцк за караулом выслать же. И по оной данной от меня памяти, он Иван Уваровской его монаха Игнатия допрашивал и во свидетельстве служилых людей допрашивал же. И оные свидетели по святой непорочной евангельской заповеди сказали, что монах Игнатий такие похвалные речи говорил, будучи у меня Максима на постоялом государевом дворе. И он монах Игнатий с ним Иваном Уваровским выслан за караулом в Якуцк, а оная челобитная и с допросы послана с **сыном боярским Иваном Климовским**. **А от него монаха Игнатия на Камчатке в народе великое возмущение. Да и преж сего в убойстве прежних прикащиков Володимера Атласова, Петра Чирикова, Осипа Липина он монах Игнатий был первый, да и в отказе Алексея Петриловского и Василья Качанова от приказов возмутителем был он же монах Игнатий Козыревской** (выделено мной. — *С.В.*), скажут про то оне Алексей Петриловской и Василей Качанов сами».*

* * *

Он же, Максим Лукашевский, дал общую оценочную картину того, что происходило на Камчатке, по его мнению, с подачи бывшего воровского есаула Ивана Козыревского и нынешнего монаха Игнатия (Памятники сибирской старины, т. 2, СПб, 1885 г.)

* * *

Подчеркнем, что противостояние между Михаилом и Иваном было достаточно острым: младший брат, по всей видимости, совершенно сознательно спровоцировал старшего брата на эти слова, которые дали основание для его последующего нового ареста: «*Которые люди и цареубийцы — и те живут приставлены у государевых дел, а не велие [велико] дело, что на Камчатке приказчиков убивать*».

Эта фраза прозвучала в 1720 году и явно была связана с тайной смерти царевича Алексея Петровича, случившейся в 1718 году. Единственный человек, который мог в то время что-то знать по этому поводу, был камчатский ссыльный Василий Иванович Колычев, который именно по делу царевича Алексея был отправлен на Камчатку в 1719 году.

Может быть, по этой причине и потерялись где-то следы Василия Колычева, но это уже другая история, о которой мы рассказали в другой своей книге «Орден кромешников».

ЧАСТЬ 6.

Камчатские приказчики

Мы подошли к еще одной очень важной теме — роли самих камчатских приказчиков в том, что происходило на полуострове.

* * *

Главной мятежной фигурой после гибели атамана Данилы Томского и казни убийц камчатских приказчиков долгое время был, как мы выяснили, Иван Козыревский, которого обвиняли во всех смертных и не смертных грехах, совершавшихся в то время на Камчатке. Потому что при нем продолжали происходить события, о которых писал камчатский приказчик Максим Лукашевский: «*…казаки на Камчатке и прежде убивали прикащиков, мучили и арестовали Алексея Петриловского, мучили в 1719 году сына боярского Василия Качанова и едва не заморили его в аманатской казенке, и что если возмутителей не переселить из Камчатки, то и впредь они будут отказывать прикащикам в повиновении и будет в службе великого государя всякое непоспешание…*» (В.К. Андриевич «История Сибири». — Ч. 2. СПб, 1889. — с.113).

Адресат был ясен: «*А от него, монаха Игнатия, на Камчатке в народе великое возмущение. Да и преж сего в убойстве прежних прикащиков Володимера Атласова, Петра Чирикова, Осипа Липина он, монах Игнатий, был первым, да и в отказе Алексея Петриловского и Василия Качанова от приказов возмутителем был он же, монах Игнатий Козыревский*».

То, что мучил людей сам Петриловский (внучатый племянник Ерофея Хабарова), осталось «за кадром». А ведь и «вымучил» он неплохо:

«**1715–1716 годы.** *Пятидесятник Алексей Петриловский.* Его в качестве приказчика послал из Анадырска на Камчатку в 1714 г. П. Татаринов. Прибыв в Нижнекамчатский острог 9 июля 1715 г., принял дела от И. Козыревского. Превзошел своих предшественников-приказчиков в лихоимствах и злоупотреблениях (одного казака даже замучил вилами до смерти)» (А. Зуев).

Но его при этом НЕ УБИЛИ…

И на плаху его голову не клали. И не «орлили» позорными клеймами лоб и щеки. И не записывали в вечное житье в Камчатке…

А далее еще интереснее: *«Петриловский отправился из Камчатки в Якутск в 1720 г. и там **судился не столько за притеснения казаков и камчадалов**, сколько за найденные у него в 1719 г. следующие рукописи: 1) превратительное к людям; 2) как укрощать сердце недругов; 3) отвратное от тоски; 4) заговор зубной и т. д.».*

* * *

Как правило, камчатскими приказчиками назначались люди из числа опытных якутских (а впоследствии и иркутских) служилых.

В соответствии с официальным сообщением Атласова о присоединении Камчатки к России, эта «вновь» открытая земля вошла в состав Анадырского присуда, приказчиком которого был Михаил Зиновьев сын Многогрешный Черкашенин — сначала в 1693–1696, а затем в 1697–1699 годах. Поэтому некоторые историки и отдают ему пальму первенства в управлении новой российской землей.

Мы уже говорили, что Михаил Зиновьевич был племянником гетмана Демьяна Многогрешного, сосланного со всей его семьей в Сибирь.

Вот какую информацию о Михаиле Многогрешном сообщает Ф.Г. Сафронов:

«Сосланы украинские “изменники и клятвопреступники”.

…Михаила Зиновьева в Якутск привезли в сентябре 1674 г. якутские и красноярские служилые люди. Он, в отличие от Демьяна Многогрешного, в Якутске и в уезде жил постоянно, до смерти. Сначала его сколько-то лет держали в тюрьме “скована”, затем освободили и во второй половине 1670-х годов зачислили в служилые люди. В Якутской окладной книге 1681 г. он числится рядовым казаком с годовым окладом жалованья в 5 рублей денег, 7 четвертей ржи, 6 четвертей овса и 2 пуда соли. В окладной книге 1684 г. о нем пишется: “Мишка Зиновьев сын Многогрешного, в нынешнем во 192-м году июля в 21 день хлебной оклад учинен ему женатой, потому что он женат”. Рядовым казаком, но с женатым окладом, он числится в окладных книгах 1686, 1691, 1696, 1701 и 1702 гг. И только после столь долгой (более 20 лет) службы в самом низшем разряде служилой лестницы смог он выдвинуться. По данным Н. Оглоблина, в 1702 г. его назначают (уже официально якутскими властями. — *С.В.*) *приказчиком одного из камчатских острогов».*

В 1685–1687 годах он собирал ясак с юкагиров по Алазейскому зимовью. В 1689–1690 годах был приказчиком на Колыме. В начале 1690-х годов — приказчиком Пенжинского зимовья.

Новосибирский историк А.С. Зуев в «Хронике присоединения крайнего Северо-Востока Сибири к России в XVII – первой четверти XVIII вв.» представляет Михаила Многогрешного (почему-то полностью исключая возможность его прихода на Камчатку сразу после В. Атласова) в более ранний период его служения в Анадырском остроге:

*«**1693 год***

Анадырский приказчик Михаил Зиновьевич Многогрешный (Черкашенин) совершил поход из Анадырска до устья р. Пенжины.

Вероятно, в том же году из Анадырска в корякскую землю отправился отряд Луки Семеновича Старицына, известного более как Морозко. Сохранился пересказ в грамоте Сибирского приказа от 9 января 1711 г. челобитной участника похода Ивана Енисейского. Согласно ей отряд Морозко вышел из Анадырска в бытность там приказчиком М. Многогрешного. Последний был приказчиком с 1693 по 1696 г. Из похода сам Енисейский вернулся через три года, но до того момента как приказчиком в Анадырске стал В. Атласов, т. е. в 1695 или в начале 1696 г.

*…В 1693–1694 гг. из Анадырска к пенжинским корякам по р. Пенжине и далее к югу по Пенжинскому побережью Камчатки ходил отряд казака **Сидора Бычана.** Его попытка привести в подданство живших там оленных коряков лишь частично увенчалась успехом. Только немногие из них заплатили ясак, а остальные, видя малочисленность русского отряда, оказали сопротивление и наотрез отказали в ясаке.*

1696 год

Л. Морозко в конце 1695 или в начале 1696 г. отправился во второй поход на Камчатку (среди участников этого похода называют также И. Голыгина и И. Енисейского). Приказчик Анадырского острога М. Многогрешний дал Морозко задание объясачить коряков на р. Апуке. Численность отряда определяется в литературе по-разному: 16 казаков; 11 казаков, 7 промышленных людей и 40 чуванских и ходынских юкагиров; 13 русских и 40 иноземцов.

…Приказчик Анадырского острога М. Многогрешный обложил ясаком “Пенжины реки пеших коряк сто человек”, но каких именно поселений, не сообщил.

1697 год

…Известия о столкновениях атласовцев с коряками каким-то образом дошли до Анадырского острога. М. Многогрешный писал в Якутск: “а у камчатских и у олюторских у оленных и пеших коряк великий скоп на него Володимера: ис своей де Корятцкой земли выпустить не хотят”.

1703 год

Отряд казаков из Анадырска под командой Андрея Кутьина построил 6 зимовий на р. Уке, впадающей в Карагинский залив на севере Камчатки, и начал собирать ясак с окрестных коряков. Как писал С.П. Крашенинников, “Андрей Кутьин с товарыщи из Анадырского острогу проведали про живущих на Уке реке, которая впала в Восточное море, иноземцов, и, пришед на оную реку близ устья впадающей в помянутую реку с левой стороны Кальны речки, построили шесть зимовей, и стали брать с оных иноземцов ясак”.

Шедший на Камчатку приказчик М.З. Многогрешный забрал с р. Уки Кутьина и часть его людей. Прибыв в Нижнекамчатское зимовье, Многогрешный отправил Кутьина с 40 чел. “вниз по Камчатке реке для завоевания неплатежных камчадалов”. Отряд Кутьина в верстах 50-ти от устья р. Еловки был внезапно атакован ительменами, которые убили пять казаков. Нападение удалось отбить. Ительмены укрылись в своем острожке Тушашеры, “к которому казаки с неделю приступали, но взять не могли. И многие на тех приступах переранены, между ими и командир их Кутьин”.

1704 год

Т. Кобелев, возвращаясь с Камчатки, оставил на устье р. Еловки несколько человек “вольницы” (т. е. добровольцев) и “велел им зимовья построить и ясак збирать с шантальских иноземцов, которые в то время еще неплатежные были”.

Весной 1704 г. Многогрешный совершил поход из Верхнекамчатска по р. Камчатке и “всех немирных камчадалов в ясак привел, иных ласкою, а иных войною”. Возвращаясь, перенес Нижнекамчатское зимовье с Еловки на пять верст ниже по р. Камчатке к “Ключам”. Затем, в начале августа 1704 г. (1703. — *С.В.*)*, Многогрешный отправил 15 служилых на Большую реку и велел им поставить там острог и взять с местных ительменов аманатов. Был основан Большерецкий острог».*

* * *

Тимофей Родионович Кобелев, коренной уроженец Якутска, верстанный на убылое место отца, до Камчатки также был в 1699–1701 годах приказчиком Анадырского острога. Он и стал первым официальным камчатским приказчиком, пришедшим «в Камчатку» с Якутска, которого потом, уже тоже официально, сменил на этом посту Михаил Многогрешный Черкашенин сын Зиновьев.

Тимофей Кобелев был уроженцем Якутска, может быть, даже Анадырского острога, где более десяти лет приказчиком был его отец — Родион Григорьев сын Кобелев.

Первые Кобелевы появились на реке Лене в составе отряда якутского воеводы П.П. Головнина. Это были березовские казаки Кобелевы: «Максимко Иванов а в его место прислан Кондрашка Иванов сын Кобелев в прошлом во 155-м [1647] году отпущен з государевою с соболиною казною к Москве в провожатых»; «**Митька Кобелев сын Григорьев** в его место казачей брат Васка Кузьмин в нынешнем во 158-м [1650] году послан на государеву дальную службу на Яну реку в нижнее зимовье».

В 1681 году в женатом окладе числится в якутских казаках Ивашко Кобелев: «Ивашко Кобелев в прошлом во 199-м [1691] году в Якутцком умер». Иван Григорьевич — еще один из братьев Кобелевых, прибывших из Березова.

В 1668 году Родион Григорьевич был назначен приказчиком Анадырского острога: «Всего с Родионом Кобелевым поехало на Анадырь в 1668 году 13 казаков: десятник Григорий Горбун, Алексей Самсыгин, Прокофий Травин, Кузьма Тихвинец, Кирила Тюрин, Иван Сабинин, Константин Васильев, Василий Сухарев, Давыд Павлов, Дмитрий Ларионов Плотник, Артемий Сизой, Иван Кобелев и для письма Василий Епишев».

«Родион Кобелев благополучно прибыл на Анадырь, где пробыл 13 лет. Весной 1682 г. вместе с десятником Иваном Потаповым он приехал на Колыму с “костяной казной”, а 7 июня он бил челом приказчику, казачьему десятнику Сергею Брусенкину о выдаче ему кочевого якоря, так как, писал Брусенкин, Родион Кобелев с товарищами “идут морем в Якутцкий острог на ‘спаском’ коче, а тольке де на том коче один парус”. 10 июня 1682 г. путешественники вышли из Нижнеколымска, а 18 апреля 1683 г. прибыли в Якутск, по всей вероятности, на нартах из Жиганска (ЯОУ, ст. б/н. 1682–1689 гг., л. 19). Это плавание с Колымы на Лену — одно

из последних морских походов на северо-востоке Сибири в XVII веке» (М.И. Белов).

Официально Родион Григорьевич был анадырским приказчиком дважды: в 1668–1676 и в 1680–1682 годах, а неофициально этот срок его пребывания в Анадырске был беспрерывным.

Иван Григорьев сын Кобелев в 1674 году был в Якутске: «В конце ноября учреждены в Якутске заставы для якутов, приезжающих с ясаком. Заставщиками назначены: казаки Иван Кобелев, Прокопий Тимофеев и Сергей Григорьев. Они обязаны были “быть на карауле в день и в ночь для того: каки поедут из ясачных волостей якуцкие князцы и улусные их люди… с ясаком и с поминки и что для продажи привезут харчевого на продажу зайцов и всяких птиц и зверей, и… тех ясачных людей с ясаком и с поминки, с мягкою рухлядью, с соболями и с лисицами, и с харчевым, приводить в острог, к съезжей избе и объявлять воеводе”. Причем до явки к воеводе якутов строго воспрещалось жителям что-либо покупать от них и даже пускать их к себе во дворы. Главный заставщик Иван Кобелев должен был “стояти для бережения середи посаду и на крайных дворех, от которых бы дворов было караулить усторожливо и видеть бы мочно, откуды дорогами якуты к острогу приезжают”».

«Макарко Кармалин в прошлом во 199-м [1691] году в Жиганском зимовье умер. И в нынешнем в 200-м [1692] году июля в 30 день приверстан в ево Макарково место сына боярского Родиона Кобелева сын ево Тимошка в женатой оклад».

А «в 7206 (1698) году на убылое место отца Родиона Кобелева» верстан в дети боярские его сын Тимофей Родионович.

В 1706 году в Якутском казачьем полку служат двое Кобелевых — сын боярский Тимофей Родионович Кобелев и Алексей Кобелев (девятая пятидесятня).

В истории Северо-Востока России осталось также имя уроженца Анадырского острога, впоследствии казачьего сотника Гижигинской крепости Ивана (отечество до сих пор не установлено) Кобелева:

«Имя казачьего сотника Ивана Кобелева — одного из первых русских исследователей крайнего северо-востока Сибири хорошо известно в литературе. В 1779 и 1789–1791 гг. он продолжительное время жил среди чукчей, дважды побывал на островах Диомида и в 1791 г. вместе с казаком-чукчей Николаем Дауркиным в сопровождении отряда чукчей пересек на

байдарах Берингов пролив и первым из россиян высадился против Чукотского носа на американский берег, остававшийся в этом районе недоступным для европейцев на протяжении всего XVIII столетия. В дошедших до нас записях Ивана Кобелева собраны многообразные этнографические сведения о жизни чукчей и островных эскимосов. С его именем связаны также попытки разыскать на Северо-Американском материке поселение русских, обосновавшихся там, по его сведениям, еще в XVII столетии.

…Кобелевы — весьма распространенная фамилия в Сибири XVII–XIX веков. Из рода видных восточносибирских служилых людей Кобелевых обычно упоминаются сын боярский Родион Кобелев, а также сын боярский Тимофей Родионов Кобелев, деятельность которых была тесно связана с Анадырском. Родион Кобелев в 1668 году из Якутска был отправлен в Анадырск и прослужил там в течение 13 лет. Тимофей Родионов Кобелев в 1669–1701 годах сменил Владимира Атласова на посту приказчика Анадырского острога и был первым камчатским приказчиком. Сам сотник Иван Кобелев о себе писал: “Слыхал я, еще быв в Анадырске, от предков своих…”. Существует предположение, что Тимофей Родионов Кобелев был отцом Ивана Кобелева. Однако установленный благодаря “Аттестату” год рождения сотника Ивана Кобелева (1739 год. — *С.В.*) *дает основание причислить его скорее к поколению внуков Тимофея Родионова Кобелева» (С.Г. Федорова «Исследователь Чукотки и Аляски казачий сотник Иван Кобелев»).*

* * *

Михаила Зиновьева Многогрешного сменил Василий Михайлович Колесов.

Сын якутского казачьего сотника Михаила Федоровича Колесова, родившийся в Якутске в 1677 году. То есть он был коренным якутянином, внуком служилого человека Федора Колесова, который проходит по материалам Якутской приказной избы за 1654 год. Сопоставляя эти данные с челобитной Михаила Федоровича, которую мы приводим ниже, получается, что отец и сын Колесовы пришли на Лену вместе. Однако их имен мы не встречаем в списках ни енисейских, ни березовских, ни тобольских казаков. Здесь какая-то другая история…

Но сохранилась челобитная Михаила Колесова о его службах в Якутии:

1678 г. «Царю государю и великому князю Федору Алексеевичю бьет челом холоп твой десятничишко казачей Мишка Колесов. В прошлых, великий государь, годех служил я холоп твой блаженные памяти отцу твоему государеву великому государю царю и великому князю Алексею Махаловичю. В прошлом, великий государь, во 160-м (1652) году посылан я холоп твой из Якутцкого острогу на Индигирку реку в Уяндинское зимовье с приказным человеком с Васильем Бурлаком. И будучи в том зимовье я холоп твой ваш великого государя ясак с ним Васильем с ыноземцов збирал и караулы караулил и всякую службу со своей братьей служил. И в прошлом же, великий государь, во 162-м (1654) году Зашиверского острошку с приказным человеком с Ондреем Горелым на неясачных на немирных иноземцов на ламутов, на Ляузеня и на родников ево с ним Ондреем в поход я холоп твой ходил и с ним бился, и на том бою я холоп твой ранен в лоб. И божиею милостию и вашим великих государей счастием того Ляузеня и родников ево погромили и ево Ляузеня поимали и в аманаты вместо ево взяли сына ево Лабуту. И с тех ламутцких людей ваш великих государей ясак в Зашиверском острошке и по се число збираетца. Да в прошлом же, великий государь, во 167-м (1659) году из Якутцкого острогу стольник и воевода Михайло Лодыженский посылал меня холопа твоего в Якутцкую в Мегинскую волость для вашего великих государей недоборного ясаку, и недоборной ясак в той Мегинской волосте с якутов я холоп твой збирал. Да в той же в Мегинской и Сылянской волостях приискал я холоп твой вновь захребетников неясачных якутов 20 человек и с них взял на вас великих государей ясаку собольми и лисицами. Да в прошлом же, великий государь, во 168-м (1660) году стольник и воевода Иван Голенищев-Кутузов из Якутцкого острогу послал меня холопа твоего на вашу великих государей службу на Ковыму реку с приказным человеком с сыном боярским со Вторым Катаевым. И пришед на Ковыму в Середнее зимовье, он Второй послал меня холопа твоего в Ковымское в Нижнее зимовье для вашего великих государей ясачного збору. И будучи в Ковымском в Нижнем зимовье я холоп твой вам великих государем служил с ыноземцов с юкагирей ваш великих государей ясак на 170-й и на 171-й (1662–1663) годы да за иные за прошлые годы 34 соболи собрал. И в том же во 170-м (1662) году неясачные люди люди чухчи Ковымское Нижнее зимовье обсадили и ясачных

юкагирей и служилых людей на рыбных ловлях учали побивать. И приказной сын боярской Второй Катаев посылал меня холопа твоего с служилыми людьми на тех воровских неясачных чюхоч, и я холоп твой на тех чухоч ходил в поход и тех чухоч побили и ясачное зимовье о[т]стояли, а на том бою меня холопа твоего ранили в правую ногу и в колено. И в том же, государь, во 170-м (1662) году на Ковыму реку под Верхнее ясачное зимовье весною подошли немирные иноземцы неясачные ламутки и по промыслам промышленных людей побивали и ватащика Офонасья Бакшенцу убили со всею ватагою. И приказной человек Второй Катаев посылал меня холопа твоего на тех воровских на неясачных ламутов, а со мною холопом твоим посылал служилого человека Ивана Ермолина, да промышленных людей 20 человек. И я холоп твой на тех ламутов в поход ходил и вам великим государем служил и с ними бился, и на том бою меня холопа твоего ранили, прострелили у ноги берцо. И божиею милостию и ваших великих государей счастием тех ламутцких иноземцов побили, и на том бою взяли в аманаты лутчего ламутцкого тунгуса именем Иркынея, и ясак с тех ламутцких иноземцов в том Ковымском в Верхнем зимовье и по се число под аманатов збираетца по 40-у соболей. Да в прошлом же, великий государь, во 173-м (1665) году стольник и воевода Иван Голенищев-Кутузов послал меня холопа твоего из Якутцкого острогу через гору на Индигирку и на Алазейку и на Ковыму реки [с] сыном боярским с Ываном Хвостовым для вашей великих государей пятой деньги ратным служилым людем на ваше великого государя жалованье. И будучи на тех реках той пятой деньги собрали мы 200 руб. денег да за деньги 24 сорока соболей. Да в прошлом же, великий государь, во 178-м (1670) году с Ковымы реки приказной человек пятидесятник казачей Петр Оксентьев послал меня холопа твоего в Якутцкой острог збору Ковымского Верхнего и Среднего зимовей с вашею великих государей с соболиною казною, а той соболиной казны было 10 сороков и с прибылью. И божиею волею, морем идучи, взял замороз, и тое вашу великих государей казну до Янского зимовья на нартах я холоп твой довез и жил до великого посту, ел сосну и траву. И по тое вашу великих государей казну нанял я холоп твой иноземцов юкагирей с оленьми, а дал им 12 соболей своих за провоз. И ту вашу великих государей казну на оленях с Яны Нижнего зимовья я холоп твой через гору вывез в Жиганы.

А преж того русские люди через тот камень нихто не бывал. И в прошлом во 179-м (1671) году из Жиган ту ваших великих государей казну я холоп твой привез в Якутцкой острог в целости. Милосердный государь царь и великий князь Феодор Алексеевич, пожалуй меня холопа своего вели, великий государь, за те мои к вам великим государем службы и за кровь и за раны приверстать меня холопа твоего в пятидесятничишка на выбылое место. Царь государь, смилуйся».

Царь смилостивился. В 1689 году Михаил Федорович был уже сотником.

А в 1691 году был верстан в пятидесятники уже его сын Василий Михайлович.

Василий Колесов сменил камчатского приказчика Михаила Многогрешного.

*«**1704–1706 годы.** Пятидесятник Василий Михайлович Колесов. Послан в 1703 г. из Якутска. Прибыл 25 сентября 1704 г., сидел "на приказе" до апреля 1706 г. Отбыл в мае 1706 г., оставив заказчиком в Верхнекамчатске Федора Анкудинова, в Нижнекамчатске — Федора Ярыгина, в Большерецке — Дмитрия Ярыгина» (А. Зуев).*

С.П. Крашенинников:

*«Прикащик Василей Колесов, ясак собрав на 1705 и на 1706, того же 1706 году выехал с Камчатки, оставя в Верхнем Камчатском остроге закащиком Федора Анкудинова, в Нижнем Федора Ярыгина, а в Большерецком Дмитрия Ярыгина, поехал с Камчатки в майе в Анадырской острог байдарами по Пенжинскому морю, которых про него нарочно зделано было на Хариузовой и на Тигиле реках 17, а в провожатые взял с собою со всех трех острогов **30 человек служивых.** И осенью уже приехал на Пенжину реку, где он **охотников человек с 20 оставил**, которые, перезимовав на Пенжине, пошли на Камчатку возвратно».*

Речь идет об отряде казака Семена Ламаева, «которому и ясак приказал сбирать во всех трех камчатских острогах». Ламаев исполнял обязанности камчатского приказчика до прибытия В. Атласова в 1707 г.

Б.П. Полевой:

*«В РГАДА удалось обнаружить небольшую челобитную, в которой упоминались его службы на Лене и на Камчатке. Колесов отмечал, что он "в прошлых… годех… служил по Якутску в сотниках и в зимовьях бывал для ясачного збору и ясак збирал тебе, великому государю, со всякою верностью и прибылью". А в 1704 г. Колесов был послан в "Камчадальские остроги", где он терпел немалые беды: "…из-за бою и из-за драки и всякую нужду, глад и хлад принимал безмерно, а питался травою, кореньем и рыбою и **около верхнего зимовья и казенного анбару, что на Камчатке построил острог козельчатой мерою кругом семьдесят сажени, а вышиною полтретьи сажени печатных**, да **около нижнего зимовья, что на Камчатке ж на Ключах построил козельчатой же острог мерою кругом тридцать сажень, в вышину полтретьи ж сажени**, да на **Большой реке построил зимовья для ясачного збору**, в 705 году в марте месяце посылал я, раб твой, за Камчатку вдоль немирных курил и по курильской их острожек казака **Семена Ламаева**, да с ним служилых и промышленных людей сорок человек и тот острожек божьей милостью и твоим, великого государя, счастьем взяли и тех немирных иноземцов курил побили человек со сто, а достальных привели под твою великого государеву высокую самодержавную руку в вечное холопство в ясачный платеж"».*

Василий Колесов за 1705–1706 годы собрал в казну **8 сороков 14 соболей, т. е. 334 соболя, 5 чернобурых лисиц особо высокой стоимости (около 30 рублей каждая), около 900 бурых и сиводушчатых лисиц и 93 калана («морских бобров»**). Все это он вывозил с Камчатки с большими предосторожностями по Охотскому морю на кожаных нерпичьих байдарах, уже зная, что шедшие к нему на смену новые камчатские приказчики — сын боярский Федор Протопопов и его спутники были убиты в 1704 году, а в 1705 году — убиты коряками казак Василий Шелковников со своими соратниками.

Отсутствие смены и заставило Василия Колесова задержаться на Камчатке до весны 1706 года.

По прибытии в Якутск *«Колесов для сообщения сведений о Камчатке был вытребован в Москву, где в 1709 г. пожалован в дворяне по московскому списку, награжден серебряным ковшом в 2 фунта (русский фунт равен 409,5 г. — Ред.), зорбафом на золоте и 40 аршинами (аршин составляет 0,7112 м. — Ред.) коломянки (полосатая пестрая шерстяная домотканная ткань. — Ред.). Кроме того, по резолюции бригадира и вице-коменданта*

князя Матвея Гагарина (Матвей Петрович Гагарин, первый сибирский губернатор, судья Сибирского приказа. — Ред.) положено ему жалования 16 руб., сын его Назар пожалован в дети боярские с служилым окладом, а сын Степан в сотники» (А.С. Сгибнев).

В 1720 году в Якутске служат сыновья Василия Михайловича: «Во дворе Петр Васильев сын Колесов… у него братья родныя Назар Васильев двацати семи лет служит в детях боярских послан Великого государя на службу на Камчатку».

* * *

В исторической литературе из-за ошибки, допущенной С.П. Крашенинниковым, творится неясность с именем Верхотурова — по одной версии, он Василий (С.П. Крашенинников), по другой — Федор Васильевич (в том числе и у самого Крашенинникова).

В именных списках Якутского полка за 1706 год дается полное имя якутского сына боярского Протопопова, убитого в 1705 году на Камчатке — Федор сын Васильев.

***«1705 год.** Олюторские коряки разбили направлявшийся на Камчатку отряд из 10 казаков во главе с сыном боярским Федором Протопоповым (Верхотуровым). По сведениям Г.Ф. Миллера, отряд Протопопова весной 1705 г. отправился с устья р. Олюторы морем к р. Камчатке. Достигнув устья р. Тымлат, казаки решили атаковать корякский острожек, расположенный на острове Каменном. Но нападение было неудачным: отряд был уничтожен коряками, спаслись только три человека, уплыв на лодке на Камчатку; погиб и Протопопов. С.П. Крашенинников датировал это событие 1704 г.» (А. Зуев).* Вместе с ним погиб и Петр Федорович Козыревский.

Из многочисленных детей боярских Протопоповых, служивших в Тобольске, Томске и Якутске, мы нашли только одного Василия, возможного отца Федора Васильевича в чине сына боярского:

«Василий Яковлев сын Протопопов: отец родом с Березова, а в Томску служил в соборной церкви у Троицы Живоначальной протопопом, а он Василий по грамоте государевой поверстан в дети боярские».

Возможно, это его родственник, Протопопов Иван — служилый Большерецкого острога, участник бунта и убийства приказчиков, будет сожжен вместе с Анциферовым на реке Авача. И кстати, по спискам томских служилых людей за 1707 год мы находим казака **Ивана Васильева сына Протопопова**. Может

это совпадение и неслучайно — ведь несколько человек из отряда Протопопова остались живы и влились в камчатское казачество. А то, что командиры таких отрядов брали с собой в поход родственников, — дело для того времени обычное…

Что же касается второй фамилии (или прозвища) сына боярского, то в Якутске в этот период служило несколько Верхотуровых: Алексей Верхотуров, впоследствии подьячий, в 1670 году давал поручную запись о новоприборном казаке Иване Осиповиче Голыгине; Филат Верхотуров был участником первого похода Атласова на Камчатку; в шестой пятидесятне в 1706 году служил казак Иван Верхотуров; Гаврила Верхотуров в этом же году служил в сотниках; а его сын Осип Гаврилович Верхотуров, тоже якутский казачий сотник, впоследствии, в 1731 году, как заказчик Верхнекамчатского острога пройдет виновным по делу о Харчинском бунте.

Впрочем, вторая фамилия могла быть получена в память об исторической родине протопопа Якова, прибывшего в Березов из Верхотурья…

* * *

Казак Василий Иванов сын Шелковников по реестру якутских казаков 1706 года показан живым. Вполне вероятно, что данные о его гибели еще не дошли тогда до Якутска.

А возможно и другое — Василий Шелковников из одиннадцатой пятидесятни — это полный тезка Василия Шелковникова, якутского служилого из пятой пятидесятни, отправленного с отрядом казаков на Камчатку.

Еще одного Василия Шелковникова мы видим позже в камчатском окружении студента С.П. Крашенинникова: *«Марта 27 дня послал я в Большерецкую приказную избу требование, в котором написал, что бывшие при мне служивые Петр Евлантьев, Семен Бочкарь и толмач по отбытии моем отсюда отданы в приказную избу, а служивого Василья Шелковникова, которой оставлен был в Большерецке для посылки ко мне с репортами, и казачья сына Ивана Пашкова, которой определен был вместо Никифора Саламатова (которой в то время ослеп, а ныне уже умер) отнял от меня зборщик Андрей Шергин без всякого виду, и по сие число об них от приказной избы ничего не объявлено, только слышно, что Шелковников отнят того ради, 1) что де его по силе ее императорского величества указов к делам определять не велено, и на оное объявил я, что то до одних*

только ясашных зборов касается, а не до службы, ибо ежели бы он от службы откинут был, то б жалованья ее императорского величества не получал, 2) что де его, Шелковникова, велено выслать в Охоцк. И о том, понеже он, Шелковников, прислан ко мне из Большерецкой приказной избы при ведении, надлежало было меня уведомить и требовать его в приказную избу письменно, а на его место определить иного, а не так нагло отнимать.

Июня 7 дня написал я в канцелярию Охоцкого порта доношение, в котором объявил, что послал я к вашему благородию репорт и при нем четыре ящика да сыромятную суму с зверьми, птицами, рыбами и иноземческим платьем с отправленным в Охоцк с репортами на дуббельшлюпке "Надежде" служивым Васильем Шелковниковым».

Приказчик Василий Шелковников погиб в 1705 году: *«алюторы во главе с Левкой Танхамревым (Танхагиревым, Тахтай Гиревым) разгромили отряд Василия Шелковникова, посланного приказчиком на Камчатку. По одним сведениям, из 12 казаков были убиты 7, по другим, из 15–10. Погиб и сам Шелковников. Оставшиеся в живых бежали в Акланский острожек к дружественным корякам, где отсиделись до прибытия В. Колесова. Причем им удалось захватить с собой боеприпасы и "подарочную" казну» (А. Зуев).*

С.П. Крашенинников: *«…иноземцы, видя что служивых вновь не приежжает, но все те же, и думая, что оные заплутовавшись в своей земле к ним збежали, к тому ж слыша, что посланных на смену Колесову из Якуцка Федора Верхотура да Василья Шелковникова на Тумлатах олюторы убили, и думали всех русских перевесть, надеяся на олюторов и коряк, в том что хотя некоторые из русских на Камчатку и поедут, на дороге их побьют».*

«…коряки (Левка Танхагирев с родичами) убили служилого Василия Шелковникова, отправленного в 1705 г. из Якутска в Камчатку с 15-ю казаками для доставления туда пороху и свинцу. Вместе с Шелковниковым коряки убили 10 казаков, а остальные успели убежать в акланский острог, который коряки держали в осаде, пока в 1706 г. не подошел к ним на помощь Колесов, возвращавшийся с ясаками в Якутск. Колесов ***всех бывших в акланском остроге 15 казаков*** *вместе со своими казаками послал сопровождать в Камчатку пороховую казну, "ибо, — писал он в Якутск, — в Акланском, за малолюдством, собрать ясак некому, а в Камчатке без пороху и свинцу надо опасаться бунту"».*

В 1670 году в Якутске мы видим в казачьих списках имена двух братьев — Ерофея (в 1690 году пятидесятник) и Якова Стефановых детей Шелковниковых, которые давали поручную запись по Ивану Осиповичу Голыгину.

Вполне возможно, что все они были выходцами из Томска, где в это же время (данные на 1680 год) служил Григорий Степанов сын Шелковников: *«…отец родом устюжанин и в Томске служил в конной службе. Он бил человем великому государю на отцово место в конную службу при воеводе Иване Бутурлине. Оклад 7 рублев с четью, 2 пуда соли. Пашня».*

В числе первых из Шелковниковых на реку Лену пришли десятник Семен Андреев сын Шелковник, впоследствии первостроитель Охотского острога, и тобольский казак Семен Федоров сын Шелковник станицы Якова Елизарьева (в 1661 году мы встречаем это имя в списках тобольских казаков). Последний пришел в Якутск вместе с воеводой П. Головиным, а потом угодил в якутскую тюрьму. О первом же известно из собщения А.И. Алексеева, что он принял по приказу П. Головина отобранную в качестве штрафа за участие в контрабанде пушнины у Ерофея Хабарова соляную варницу на Усть-Куте, а к 1641 году перебрался в Ленский острог, откуда его отправили за ясаком на реку Охоту. Было в отряде сорок человек: **Алексей Филипов, Иван Афонасьев, Ждан Власов, Фома Федоров, Конан Ларионов, Федор Яковлев, Иван Савин, Андрей Иванов да Нил Володимеров с товарищами**. Возглавлял этот отряд десятник Семен Шелковник.

«Весной 1647 г. к устью Ульи вышел отряд под командованием якутского казачьего десятника Семена Андреевича Шелковника. Здесь он соединился с казаками, оставленными В. Поярковым. 23 мая объединенный отряд прибыл к устью р. Охоты. Разбив местных ламутов, русские в конце июня 1647 г. в трех верстах выше устья реки на берегу протоки Амунки поставили зимовье. Вероятно, оно имело типичный для зимовьев того времени вид: срубы с плоской крышей и, возможно, с нагороднями. К 1649 г. казаки под руководством Ивана Афанасьева "круг зимовья поставили косой острог", т. е. окружили его частоколом из заостренных бревен. С этого времени поселение стало официально именоваться Косой острожек.

К устью р. Ульи из Якутска вышел отряд под командованием десятника Семена Андреевича Шелковника. В мае 1647 г. он встретился с оставленными В. Поярковым 17 казаками. Объединенный отряд (около 60 казаков) 23 мая прибыл к устью р. Охоты, где имел сражение с местными тунгусами (1000 чел. и больше). Казаки одержали победу, "за болшим боем Охоту взяли", захватили аманатов. После этого, в июне 1647 г., построили зимовье в трех верстах от устья Охоты. По другой версии, зимовье поставили в 1648 г.

1648 год

С.А. Шелковник из Охотского острога послал на восток вдоль побережья для обследования новых земель казака Алексея Филипова (Глубокого) с 25 казаками» (А. Зуев).

Семен Андреевич Шелковник умер в 1647 году в построенном им Охотском остроге.

В 1706 году в первой пятидесятне Якутского казачьего полка служит казак Иван Шелковников.

Вероятно, Василий Иванович (одиннадцатая пятидесятня) и Федор Иванович Шелковниковы (вторая пятидесятня, 1676 г.р.), тоже рядовые казаки в 1706 году, – его дети.

Камчатский приказчик Василий Севастьянов Щепеткой в 1712 году на смену убитого большерецкого приказчика Данилы Анциферова посылает в Большерецкий острог служилого Федора Ивановича Шелковникова, но Иван Козыревский отказывается сдать острог, и Шелковников возвращается в Якутск вместе с Щепетким.

В 1723 году, будучи уже в чине сына боярского, Федор Иванович возвращается на Камчатку приказчиком.

* * *

Иван Панютин, как мы уже писали, был из тобольских детей боярских. А в Тобольск Панютины попали, по всей видимости из Нижнего Новгорода:

«Род Панютиных записан в родословной книге Нижегородской губернии… Панютины внесены по 6-й части родословной книги: "Древние благородные дворянские роды, доказательство дворянского достоинства которых восходят за 100 лет, то есть до времени правления императора Петра I"».

На щите дворянского родового герба Панютиных изображен бык, идущий по траве, символизирующий землю. Могущество и достоинство предков подчеркнуто пурпурным цветом щита.

Предки славного рода Панютиных служили российскому государству в разных званиях и чинах, и им были жалованы деревни и поместья.

Иван Григорьевич Панютин тоже не был случайным человеком на северо-востоке: в 1693 году он был приказчиком Анадырского острога.

«По получении в Якутске известия о поступках Атласова назначили в 1707 г. прикащиком в Камчатку сына боярского Панютина и донесли обо всем в Москву. С Панютиным отправлено было 55 челов. служилых, две медных пушки с 100 ядрами, порох и свинец. Около Пенжинского (??? — С.В.) залива напали на него 10 июля 1709 г. при переправе чрез р. Карагу олюторцы; убили Панютина с 10 человеками, а казну с аммуницию разграбили; остальные же служилые отбились и под управлением сына боярского Петра Чирикова пришли на Камчатку».

* * *

История сына боярского Петра Чирикова типична для многих сибиряков — он был из числа ссыльных.

Андрей Чириков (1649 г.р.) «прислан в ссылку в 7202 (1694) году, поверстан в дети боярские на убылое место Левки Скоробогатова. Его прислали с женой и детьми».

Петр Чириков «прислан в ссылку в 7202 (1694) году, поверстан в дети боярские на убылое место Чудинки Мартынова». В 1700 году послан на Усть-Витим и Пелея приказчиком вместо казака Афанасия Петрова. В 1709 году в отряде Петра Чирикова, направленного на Камчатку приказчиком, был и его брат Федот Чириков, судьба которого нам неизвестна, но, вероятно, именно он, или его брат Филат, тоже якутский казак, стали родоначальниками якутского казачьего рода Чириковых.

Впрочем, детей у Андрея Чирикова было больше.

Якутск, 1720 год: «Дети боярские. Василей Дементьянов сын Сытин …пасынки Конан Андреев сын Чириков дватцети лет служит в пятидесятниках Егор оснатцети лет служит в конных казаках».

* * *

Осип Миронов сын Липин, пятидесятник, служил в Анадырском остроге и даже был посылаем анадырским приказчиком Григорием Постниковым в 1697 году в погоню за Атласовым во время первого его похода. Более никаких сведений об Осипе, ко-

торый по одним данным — Миронов, а по другим — Осип Миронов сын Липин, найти не удалось.

Вполне возможно, что корни Осипа Мироновича из Верхотурья:

Из грамоты на Верхотурье таможенному и заставочному голове А. Липину о проверке запасов В. Пояркова и Е. Бахтеярова, увезенных ими из Москвы, и изъятии в казну всего взятого сверх указанной нормы 1638 г., августа 17:

«От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии в Сибирь на Верхотурье **таможенному и заставочному голове Ондрею Липину** По нашему указу посланы в Сибирь на нашу службу на великую реку Лену с столники и воеводы с Петром Головиным с товарыщи писмяные головы Василей Поярков да Еналей Бухтеяров А запасов у них везут У Еналея Бухтеярова двесте ведр вина, сорок пуд меду, сто полот мяса, сорок ведр уксусу, сто чети муки ржаные, пятдесят мехов сухарей, дватцать чети круп, пятдесят чети солоду»

В 1699 году Осип Миронович был рядовым казаком: «Покупочные книги мягкой рухляди таможенного головы Андрея Жданова, казака Осипа Миронова Липина и целовальников Петра Вострецова и Гаврилы Назарова, 15 июня – 24 августа 1699 (207) г.».

Первым из трех камчатских приказчиков погиб Липин — Осип Миронов был убит сразу — 23 января 1711 года, попытавшись оказать сопротивление взбунтовавшимся казакам.

* * *

«В 1711 г. приехал на смену Миронову казачий десятник Щепеткой (он же Севостьянов). Он, боясь Анциферова, предоставил ему начальствовать в Большерецке, а сам сбирал ясак с туземцев в окрестностях Верхнего и Нижнего острогов. Но в 1712 г. Анциферов был убит камчадалами на р. Аваче. По смерти Анциферова прекратились на время и возмущения. Щепеткой посылал нарочно казаков ловить изменников, и один из пойманных объявил, что у них был заговор и против Щепеткова, которого хотели убить и после уйти на острова, где и поселиться; но заговор не исполнился только потому, что многие служилые не пожелали быть соучастниками бунта.

Щепеткой, оставя в Верхнем остроге прикащика Козырева (Кыргызова. — *С.В.*), *а в Нижнем Ярыгина, отправился из Камчатки с казною в 1712 г. 8 июля на построенных своим коштом (то есть своими средствами. — Ред.) на устье р. Камчатки судах, пошел морем до Олюторской реки и, поднявшись по ней, построил зимовье, огородив его валом для защиты от нападения олюторцов. В этом зимовье сидел он с 84 человеками до 9 января 1713 г., пока по просьбе его не прибыло подкрепление из Анадырска в числе 60 челов. Казна эта дошла в Якутск чрез Анадырск на оленях в январе 1714 г. (ясачная казна была послана в Москву с* ***сыном боярским Ярославцовым****, бывшим впоследствии с Шестаковым в деле с чукчами и пожалованным вместо Шестакова якутским казачьим головою. — Авт.). С 1707 г. не было вывозимо казны по причине беспрестанных нападений коряк. Все поморье от Аклана до Тауйской губы, населенное коряками, не признавало над собою русской власти. С 1703 по 1715 г. в проезде с ясачною казною погибло от коряк и русских бунтовщиков до 200 челов. служилых» (А. Сгибнев).*

А теперь попытаемся разобраться с именем нашего героя.

В 1706 году в Якутске служил Василий Иванович Севастьянов. Вероятно, это и есть десятник Василий Севастьянов Щепеткой (Щепетной), который был направлен на смену Осипу Миронову Липину.

Но откуда тогда взялась вторая часть его имени — Щепеткой или Щепетной?

Возможно, от томских Щепеткиных: «Лета 7142-го (1634) майя в 31 день по государеве цареве и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии грамоте и по наказу стольника и воевод князь Микиты Ивановичя Егупова-Черкасково да Федора Григорьевичи Шишкина да дияка Андрия Строева посланы ис Томсково города к Алтыну-царю з государевым царевым и великаго князя Михаила Федоровича всеа Русии с жалованьем Яков Тухачовской да подьячей Дружина Агарков, да с ними Томсково города сын боярской Лука Васильев, да Томсково ж служивые люди десятник Семейка Иванов, **Семейка Щепеткин**, Васька Бурнашов, Ивашко Павлов, Митька Вяткин, Тимошка Серебреник, Ивашко Кудров, Гришка Тюменец, Стенька Мельников, Ортюшка Завьялов да толмач Федька Федоров».

Семейка Павлов Щепеткин в 1626 году был послан из Томска в Кузнецкий острог в таможню для письма.

В 1661 году в Якутске служит Трофим Щепеткин.

В 1670 году поручную по якутскому новоприборному казаку Ивану Осиповичу Голыгину давали два брата — Иван и Павел Селиверстовичи Щепеткины.

Павел Щепеткин был приказчиком на устье рек Витима и Пеледуя.

Первушка Щепеткин сын Федоров был уроженцем Томска, как и его отец, прослуживший здесь более сорока лет, вероятно, со времени основания города-крепости.

Щепеткины были и торговыми людьми. В 1649 году в Усть-Кute целовальником был избран Томила Щепеткин.

1662 года июля 18. — **Наказная память якутского воеводы Ивана Большого Голенищева-Кутузова сыну боярскому Ивану Ерастову с товарищами, в том числе енисейскому казаку Семену Дежневу, о доставке в Москву соболиной ясачной, десятинной и костяной казны.**

ЦГАДА. Якутская Приказная изба. Опись 1. Стб. 174. Лл. 91–97.

«Лета 7170 года, июля в 18 день, по указу великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа великия и малыя и белыя Росии самодержца и по приказу стольника и воеводы Ивана Федоровича Большово Голенищева-Кутузова память Якутцкого острогу сыну боярскому Ивану Ярастову да с ним служилым людем. В нынешнем во 170-м году отпущена с великой реки Лены из якутцкого острогу к великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа великия и малыя и белыя Росии самодержцу, к Москве ево великого государя ленская соболиная казна и всякая мяхкая рухлядь збору нынешнего 170 году и доимочная прошлых годов из съезжей избы ясачной и поминочной и десятиной соболиной мяхкой рухляди в семидесяти одной суме оленьи..., а в ящиках деревяных головные сороки и одинцы, а лисицы в сороке в одном, мехах холщевых да в восьми бочках, и в дватцати сумах кости рыбья зуба великого государя Ленского Якутцкого острогу печатью с ним, Иваном; для береженья в провожатых за тою великого государя соболиного казною и костью рыбья зуба посланы до Москвы из Якутцкого острогу ленских служилых людей шестнадцать человек да енисейской служилой человек Сенька Дежнев. Да у той же великого государя соболиной казны и у кости рыбья зуба ныне у приему и на Москве для отдачи посланы два человека целовальников торговых людей — Ивашко Павлов да **Юшко Щепеткин**, а у кости рыбья зуба Филька Данилов Лалетин да Томилко Елфимов Сысолетин...»

Подобное прозвище мы обнаруживаем в Иркутске: «**Шепеткой (Щепетной) Иван,** рядовой пеший казак с окладом 5 руб., 5 четей с осьминою ржи, 4 чети овса, 2 пуда без чети соли в год, 1699–1700 гг.».

* * *

Но мы не должны забывать и о второй версии – о том, что официально полное имя Щепеткого — Василий Иванович Савастьянов (Севастьянов).

Первый Савастьянов в Якутске — промышленный человек Данила, о котором мы узнаем из следственных материалов: *«допросные речи служилых людей Афанасия Булыги и Марка Васильева Попадьи о покушении Афанасия Булыги на промышленного человека Данила Савастьянова»*, датированные 1650 годом.

По документам за 1664 год Данила Савастьянов числится уже служилым человеком.

В 1687 году в казаки поверстан якутский казачий сын Венедикт Савастьянов, записанный в 1706 году в тринадцатой пятидесятне, а Василий Иванович был записан в четырнадцатую...

Поэтому у нас пока остается два варианта полного имени нашего героя: Василий Савастьянов сын Щепеткой (Щепеткин) или Василий Иванов сын Савастьянов (Севастьянов) Щепеткой.

* * *

В декабре 1712 года Василий Севастьянов составил донесение якутскому воеводе о происшествиях, случившихся в Камчадальских острогах...

«В прошлом 710 году ...послан я Василей со служилыми людми великого государя на службу в Камчадалские остроги... И дошел я Василей со служилыми людми до Ковымы реки, до Нижнего зимовья, генваря в 29 числе, в добром здоровье, а в Нижном Ковымском зимовье оставил я служилых людей 5 человек того ради, что те служилые люди заскорбели очною скорбью. А из Нижного Ковымского дошел до Анадырска марта в 18 числе в добром же здоровье. А по указу великого государя и по памяте, велено мне Василью, взять из Анадырско-

*го острожку у прикащика **Матвея Скребыкина**, для проходу Камчатские дороги, 20 человек служилых людей, анадырских уроженцов, с лучным боем; и тех служилых людей прежней анадырской прикащик **Федор Котковской,** по указу великого государя, отредил и послал вслед за прежде бывшим камчадальским прикащиком Осипом Липиным 40 человек; а прикащика с теми служилыми людьми отредил **Григорья Худякова** и казну великого государя пороховую и свинцовую в Камчадальские остроги послал с ним же Григорьем; и я его Григорья со служилыми людми заехал в Анадырском острожке. А оленной их Григорья с товарыщи аргиш стоял в тундре. И я Василей у него Григорья казну великого государя, пороховую и свинцовую, и служилых людей к себе в прием просил; и он Григорей казны великого государя и служилых людей в оддачю не отдал, и сказал, что де я послан с казною великого государя и со служилыми людми и велено де мне отдать в Камчадалских острогах прикащику Осипу Липину. И пошел я Василей из Анадырска со служилыми людми поднялся на оленях апреля в 10 числе, а он Григорей пошел со служилыми людми со мною же вместе; а со мною Васильем служилых людей пошло из Анадырска 38 человек, а с ним Григорьем служилых людей из Анадырска пошло 40 человек. И дошел я Василей со служилыми людми до Тунлацкие реки майя в 23 числе, а на той Тумлацкой реке живут неприятельские Олюторские иноземцы, для караулу и заставы служилых людей, чтоб не пропустить с казною великого государя в Камчадалские остроги, а из Камчадалских острогов в Якутцкой город. А в собранье тех неприятельских людей было 20 байдар.*

…и на том бою побито тех немирных иноземцов 20 человек на смерть, а иных много переранено. И видя те иноземцы от служилых людей к себе жестокой и усердной бой, пометалися в байдары и угребли на море, а у меня Василья гнатца за ними было не в чем и некому, потому что на том бою переранено было от иноземцов 12 человек смертными ранами. И от той вышеписанной реки пошел я Василей со служилыми людми, и дошед до Илпейского воровского острожку, под которым острожком побили камчадалского прежнего прикащика Василья Шелковникова со служилыми людми, и пришед к тому острогу майя в 28 числе, и почал тех Ильпейских иноземцов из острогу вызывать под царскую высокую руку в

*ясачный платеж ласкою и приветом. И те Ильпейские воровские иноземцы указу великого государя учинилися противны и ослушны, и острог свой почали накрепко укреплять, и из того своего острогу почали из огненного ружья по служилым людям стрелять. И я Василей со служилыми, прося у Господа милости, к тому Ильпейскому острожку поступи воинственным повелением, из завалов и из-за щитов огнем взял. И видя те неприятельские люди, что им в остроге от огня учинилось утеснение и не отсидетца, и оне из острогу вышли на вылозку 60 человек с лучным боем и с копьяным, и у меня у Василья побили оне 2 человек, **Архипа Никифорова, Григорья Малинина, да у Григорья Худякова убили ж 2 человек, Ивана Глазина, Козму Тютина**, а иных служилых людей многих переранили смертными ранами. А тех неприятельских людей в том бою побито человек 40 на смерть, а иных также переранено; а которые осталые засели еще в остроге, и тех в остроге с женами и с детми всех огнем выжгли и острог весь разорилили майя в 29 числе. А от того розбитого Ильпейского острожку пошел я Василей со служилыми людми и дошел до Панкарской реки, а на той Панкарской реке, ночною порою, воровские Карагинские иноземцы у меня Василья и у служилых людей оленей всех отогнали и меня Василья в путе с казною и со служилыми людми остановили. И я за теми иноземцами посылал в погоню 40 человек, и те служилые люди на дороге их постигли, а в собранье тех иноземцов было человек 60. … на том бою тех неприятельских людей побили человек 20 на смерть, а иных многих переранили. И те неприятельские люди пометалися в байдары и угребли на море. И от той Панкарской реки пошел я в Камчадалские остроги, и дошед я на Камчатку реку в Нижней Камчадалской острог в 29 числе 711 году, в добром здоровья; а прежних прикащиков, Володимера Отласова, Петра Чирикова и Осипа Липина в Камчадалских острогах живых не застал, все прибиты от служилых людей, от Данилы Томского, от Ивана Козыревского с товарыщи…»*

Приказчик Севастьянов отправил Григория Худякова принять у Данилы Анциферова Большерецкий острог, но тот ответил отказом.

А потом Данила Анциферов прибыл со своими людьми в Нижнекамчатск.

Вот как описывает это событие сам Севастьянов:

«И он Данило Анциферов, декабря в 20 день, с Болшие реки в Нижной Камчадалской острог приехал в самое оплошное время, а с ним Данилом приехало его Данилова полку, которые были с ним Данилом в убойстве, служилых людей 40 человек; да с ними ж приехало казачьих их холопей 30 человек с лучным боем, и на казачьи зимовья становился он Данило с товарищи силою; а про то он Данило ведая, что в то время в Нижном Камчадалском остроге служилых людей малолюдство того ради, что в то время разосланы были служилые люди в разные розсылки для ясачного сбору. И видя я Василей непокорной его Данилов приезд в многолюдстве, и поставя я крепкие караулы по 20 человек служилых людей к казне великого государя и к постоялому государеву двору, и жил от него Данилы с великим опасением, запершися. И прислал он Данило ко мне Василью на постоялой государев двор служилого человека Дмитрея Томского со злым и лукавым вымыслом, хотя оне меня злым своим вымыслом меня вызвать в ясачное зимовье, а вызвав в ясачное, убить».

Севастьянов отправил вместо себя принимать ясак Федора Ярыгина.

Затем Анциферов подал челобитную Севастьянову *«об отпуске, чтоб его Данила с товарыщи великий государь пожаловал, велел их Данила с товарыщи отпустить на Болшую реку за свои прежние вины великому государю послужить и ясак на 712 год на Болшей реке собрать и отсрочить против их посланных в Якутцк челобитен. И я Василей, приняв у него Данила с товарыщи челобитную и указ великого государя ему Данилу, да и отпуск ему на Болшую реку учинил того ради, чтоб великого государя держава и Болшая река не утерялась и впредь бы великому государю была прочна и состоятельна, и чтоб от него Данилы с товарыщи в Камчадалских острогах не учинилося мятежу и шатости и казне великого государя поруху остановки».*

13 января 1712 года Анцыферов с большерецкими казаками покинули Нижнекамчатский острог. А получив от Севастьянова вместе с согласием об «отпуске» пуд пороху и свинца, отправились в поход на авачинских камчадалов, где их ожидала огненная западня.

После гибели Данилы Анциферова Севастьянов попытался взять власть в свои руки и направил приказчиком в Большерецкий острог казака Федора Шелковникова, но теперь ему ответил отказом новый вольный приказчик — Иван Козыревский.

* * *

На смену Василию Савастьянову вновь прибывает на Камчатку Василий Михайлович Колесов, теперь уже дворянин по московскому списку, с младшим сыном, сотником.

*«**1712–1713 годы.** Дворянин московского списка Василий Михайлович Колесов. Назначен в 1711 г. Ему в "товарищи" определили его сына сотника Степана Васильевича Колесова. Прибыл в Нижнекамчатский острог 10 сентября 1712 г., где принял дела от Б.И. Канашева. Начал расследование убийства приказчиков и "воровства" К. Кыргызова. Выехал с Камчатки в июне 1714 г. вместе с И. Енисейским. Убит в феврале 1715 г. в Акланском острожке акланскими коряками. При нем приказчиком в Большерецком остроге в 1713 г. сидел служилый **Петр Неворотов»** (А. Зуев).*

А теперь выясним причины, согласно которым Василий Михайлович Колесов столь радикально обвинил во всех преступлениях, совершаемых на Камчатке, уроженцев Тобольска. Вот установки свыше:

*«Сибирский губернатор князь Гагарин, получив донесения о преступлениях, совершенных в Камчатке, дал в 1712 г. указ якутскому воеводе стольнику Ельчину: "Двух казаков, Пещеру и Норманского, за верную службу произвести в дети боярские, а прочим 70 казакам, не участвовавшим в бунте, быть и писаться конными, оклады их увеличить до семи руб., хлеба, ржи и овса давать по 6 четвертей, соли по 3 пуда, за службу похвалить и объявить, что будут еще пожалованы впредь великой милостию. Новому прикащику, посылаемому в Камчатку, наказать разобрать дело. **Данилку Анциферова — смертию не казнить и служилым наказания не чинить, если они будут стараться заслужить против указу приведением в подданство немирных иноземцев или открытием новых земель".***

Розыск казаков, убивших трех прикащиков, поручен был Колесову, которому велено было набрать с собою новокрещенных якутов, солдат и вольных всякого рода людей и взять одно духовное лицо для исполнения в пути треб. Колесов, прибывший в Нижний 10 сентября 1712 г., не застал в живых Анциферова; есаул Козыревский с товарищами, вызванные из

Большерецка, оштрафованы и отпущены заслужить свою вину на покорение Курильских островов. Но верхнекамчатские казаки Константин Киргизов и главный его сообщник Шабанов, явившись с партиею своею в Нижний, ***не пошли на следствие и, укрепившись в домах, с угрозами*** (выделено здесь и далее мной. — *С.В.*) *требовали от Колесова позволения идти для исследования Карагинского острова, чтобы заслужить прощение. Видя твердость Колесова,* ***они стали подговаривать к измене его казаков****; но как и эта попытка не удалась, то воротились в Верхний, где партия разделилась и сильнейшая лишила Киргизова команды и выдала обоих возмутителей Колесову,* ***по приказу которого они были повешены****» (А. Сгибнев).*

* * *

Иван Енисейский

На смену дворянину по московскому списку Василию Михайлову сыну Колесову прибыл бывший толмач, участник походов Луки Старицына, Ивана Голыгина, первого похода Владимира Атласова, Тимофея Кобелева, произведенный за свои многочисленные заслуги в якутские дворяне, камчатский приказчик Иван Енисейский.

Иван Енисейский — одна из самых легендарных личностей в истории освоения нашего полуострова, о котором, к сожалению, известно очень мало.

К счастью, сохранился документ, который кое-что для нас проясняет:

Грамота от 9 января 1711 года о поверстании казачьего десятника в дворяне за его заслуги.

Ни в пятидесятники, сотники, атаманы, ни в дети боярские, а сразу в дворяне! Случай весьма редкий, а потому еще более интересный.

«…служил де он Иван нам великому государю из Якуцкого на заморских реках до верстанья службы и в поверстанью служил многие годы. И в прошлых де годех, при бытности в Якуцком стольника и воеводы князь Ивана княж Михайлова сына Гагарина, посылан он из Якуцка на нашу великово государя службу в Анадырской острог к прикащику к Андрею Цыпандину, и из Анадырского острогу ходил он, по посылке того прикащика, с прикащиком же Семеном

Чернышевским на немирных Чукочь к морю, боевым походом, и разбили 16 юрт. А как в Анадырской острог пришел из Якуцка на перемену вышеписанному прикащику Андрею Цыпандину прикащик Михайло Черкашенин, и он де в то время из Анадырского ходил с прикащиком Лукою Морозком, для проведывния на Камчатке, в четырнадцати человеках, проведав на Камчатке немирных коряк, билися с ними не щадя голов своих и разбили 7 острогов, и из-за того бою троих аманатов взяли да лисицу чернобурую, а иных Коряк в наш великого государя ясак объясачили. Да он же Иван от того Луки Морозка посылан был в немирные ж Коряки для призыву под нашу великого государя высокую самодержавную руку в ясачный платеж, а тех Коряк оленных, князца Иктеня с родниками, он Иван в ясачный платеж призвал; а по призыву де его тот князец с родниками принял в нашу великого государя казну чернобурые лисицы пластину, да ясаку с них собрали 2 сорока соболей; а в том де походе был он 3 года. И после того, в бытность в Якуцком стольников и воевод Михайла и Андрея Арсеньевых, пришел прикащик в Анадырской острог Володимер Атласов, вышеписанную взятую в бою чернобурую лисицу и приносную чернобурую лисью пластину и сборные ясачные 2 сорока соболей, пришед в Анадырской, отдали в нашу великого государя казну в прием прикащику Володимеру Атласову, и ту же сборную нашу великого государя казну он Володимер выслал в Якуцкой, а его Ивана он Володимер взял с собою на Камчатку вожем и толмачем. И он де Иван служил нам великому государю с ним Володимером во всех походах, и на боях бился без нашего великого государя жалованья 3 года, и с ним Володимером с Камчатки за нашею великого государя казною в Якуцкой вышел. И по выходе, в прошлом 700 году, послан был из Якуцка на нашу великого государя службу в Камчадальской же острог с прикащиком Тимофеем Кобелевым вожем же и толмачем; и как дошли с ним Тимофеем до Паланы реки, из Камчатки шел за нашею великого государя казною служилой человек Потап Серюков, и его Потапа и с ним трех человек служилых людей коряцкой князец Ача с людми своими побили и нашу великого государя казну пограбили. И по посылке де от Тимофея Кобелева, ходил он к тому князцу для

разговору и призыву, тот князец в ясачной платеж не пошел, и с ним Тимофеем ходили они на того князца боем, и приступали к двум острогам, и того князца с людми его побили, а иных привели в наш великого государя ясачный платеж; и на том бою его, Ивана, изранили копьями и ножами. А как пришли на Камчатку, и в верху на Камчатке поставили острог и ясачное зимовье и аманатов с камчадалских мужиков взяли и в казенку посадили. Да от него ж де Тимофея ходил он, для призыву камчадалских неясачных мужиков в ясачной платеж призвал; а которые в ясачной платеж не пошли, и на тех людей с ним Тимофеем ходили они боем и розбили 7 острогов. Да он же Иван, в 3 человеках, ходил на Пенжинское море для призыву неясашных Коряк в ясачный платеж, и призвал под нашу великого государя высокую самодержавную руку и в вечное холопство в ясачный платеж, без аманатов, тех Коряк лутчих князцов дву человек, Цынпана да Аглупова, со многими людми, и ясаку ...с них собрал 7 сороков соболей, и тое нашу великого государя сборную казну привезчи отдал Тимофею Кобелеву. И те князцы со многими людми приезжали к прикащику Тимофею Кобелеву в Камчадалской острог, и ныне те князцы со своими людми с того числа платят в нашу великого государя казну ясак. А как де из Якуцкого шел на Камчатку на перемену Тимофею Кобелеву прикащиком Василей Колесов так великому государю бил челом, а Тимофею Кобелеву подал челобитную, чтоб его Ивана он Тимофей отпустил с ним Васильем на Камчатку вожем и толмачем против прежнего. И по тому его Васильеву челобитью, по посылке от Тимофея Кобелева, с ним Васильем он Иван на Камчатку ходил, и его Василья с служилыми людми до Камчацкого острогу довел; и он Василей посылал его на Пенжинское море к выписанным князцам для ясачного сбору. И собрал он Иван с тех Коряк к прежним семи сорокам в прибыль 2 сорока соболей, и с ним Васильем за нашею великого государя козною вышел он в Якуцкой. И в Якуцком в прошлом 707 году, по нашему великого государя указу, поверстан он Иван в казачью службу в десятники; и из Якуцка в прошлом 708 году посылан он был на нашу великого государя службу на Ковыму прикащиком для ясачного сбору и для походу на немиргых Чюкочь. И будучи на Ковыме, собрал ясак в нашу великого государя казну перед прежним сбором с прибылью; а прибыли с новоясачных людей 3 соболя да лисицу сиводущатую, 5 лисиц красных. И в поход на Чюкочь со служилыми людми ходил, и по призыву те Чюкочи в наш великого государя ясачной платеж не пошли; и он де Иван с служилыми людми тех Чюкочь 12 юрт побили ратным боем, чтоб от них ясачным людем обид и грабежу не было. И нам великому государю пожаловать бы его, велеть ту его челобитную в Якуцку в приказной полате принять и о службе его Ивановой в Москве писать. И по нашему великого государя указу, велено ему Ивану, за вышеписанные службы, быть во дворянех по Якуцкому; а оклад ему учинить новичной, денег 16 рублев, хлеба и соли против тогож; и то нашего великого государя денежное жалованье в Якуцкой даче к 5 рублем с четвертью с поверсти его 10 рублев 25 алтын на 711 год ему Ивану выдано на Москве из сибирского приказу. И как к вам ся наша великого государя грамота придет, и вы б о верстанье Ивана Енисейского по Якуцку в дворяне в новичный оклад учинили по вышеписанному нашему великого государя указу, а нашего великого государя жалованья на 711 год ему Ивану давать не велели, а на пребудущие годы давали без задержания. Писан на Москве, лета 1711, генваря в 9 день».

А затем он был отправлен на смену дворянину по московскому списку, получившему дворянство тоже за камчатские заслуги, Василию Колесову.

Но вот и другие его «заслуги»: *«...по произведенному обыску у вдовы убитого Енисейского найдено множество пушнины. Эти меха, как действительно принадлежавшие ее мужу, были возвращены ей. Вот перечень его пожитков, приобретенных в бытность только год прикащиком в Камчатке, обнаруживающий степень честности лиц, посылаемых туда для ясачного сбора: 150 сороков соболей, 200 бобров, 5 мехов собольих, 20 санаяхов бобровых и выдряных, 1070 лисиц красных, 300 сиводушек; ношебных 3 шубы собольих под добрым сукном, два одеяла бобровых, два из красных лисиц, кроме того два куяка (шлема. — Ред.) железных, две кольчуги железные, четыре пищали, четыре цепочки серебряные под золотом с крестами серебряными. А Енисейский был еще из лучших прикащиков» (А. Сгибнев).*

«1713 году в августе месяце на смену прикащику Колесову приехал дворянин Иван Енисейской; в бытность его заложена церковь на ключах пониже немного Нижнего острога, которой заведен был от Андрея Кутьина; от того времени стали помалу строиться Нижнего острога жители на ключах, оставя старой острог.

В бытность его прикащиком был поход из Нижнего Камчатского острогу на Авачю реку, где убили Данила Анцыфорова с товарыщи, а было в оном походе служивых 120, да камчадалов 150 человек под командою служивого ***Никиты Дурынина****, которые, пришед под острожек авачинских иноземцов, стояли под ним недели с 2, а между тем приступали они под острожек два раза, а взять его не могли, напоследок его огнем сожгли, и бывших в нем иноземцов, которые во время пожара из острожку выходили, побили, оставя малых людей, которые до пожару своею волею из острожку к ним приходили и ясак платить обещались.*

Оттуда походчики пошли на реку Паратунку, где был иноземческой острожек, которой такожде боем взят, а по взятии острожка оставших иноземцов ясак платить принудили.

От того времени на Аваче ясак платить стали иноземцы, а прежде того мало плачивали, но все почти в измене были» (С.П. Крашенинников).

* * *

А в это время на северо-востоке складывалась уже критическая для русских военная ситуация. Василий Колесов не стал рисковать и отправился в обратный путь с государственной ясачной казной, объединившись с Иваном Енисейским.

Что случилось с ними, а главное, о причинах случившегося сообщает нам Александр Степанович Сгибнев, который работал с иркутскими (более не существующими после пожара) архивными материалами.

«Сибирский губернатор князь Гагарин для прекращения всех этих беспорядков назначил в Камчатку из дьячих детей Петра Татаринова, написав его в капитаны Тобольского драгунского полка, а якутской воеводской канцелярии (указ сибирского губернатора 13 февраля 1713 г.) получено наблюсти за исполнением поручения, данного Татаринову, и снабдить его всеми потребными для того средствами.

Главнейшие пункты данной Татаринову инструкции заключались в следующем:

“Ехать из Тобольска в Камчатку, также ведать в Анадырский острог. Искать государственной прибыли, призывать в подданство инородцев, объясачивать их и брать аманатов (заложников. — Ред.), а которые не пойдут в подданство и не дадут аманатов, с теми поступать военным поведением. Виновных детей боярских и служилых бить батожьем и по вине кнутом; если ж кого нужно, казнить и смертию, за великия вины, то чинить не отписываясь. Построить на Камчатке церкви и крестить инородцев с положенным для сего вознаграждением. Домогаться открыть путь в Камчатку морем. На немирных идти с пушками. Проведывать, не найдутся ли какия руды. Делать все дела на Камчатке, как вразумит Христос, не отписываясь”.

Облеченный такою обширною властию, Татаринов по прибытии в Якутск усилил свою небольшую команду, состоящую из 58 драгун и казаков, 140 челов. служилых и казаков, и летом 1713 г. отправился по назначению; но, по недостатку продовольствия в пути, он едва мог попасть в Анадырск 26-го апреля 1714 г., и то только с несколькими служилыми, оставив остальных в разных зимовьях. Между тем бывший управитель Анадырского острога дворянин Афанасий Петров еще до прихода Татаринова отправился на р. Олютору для покорения здесь сидячих (оседлых. — Ред.) коряк и построения на ней острога, который бы обеспечивал приходящих туда морем камчатских прикащиков с ясаками. Взятие коряцкого острожка на Олюторе, по неприступной местности, было весьма затруднительно, тем более что у Петрова не было ни пушек, ни гранат, и потому, обложив острог, он решился засевших в нем заморить голодом.

Татаринов, получив об этом донесение Петрова, 1-го мая отписал ему: “Чинить над Олюторском военный поиск”, а для усиления отряда послал несколько служилых и с ними ручные гранаты. С прибытием подкрепления Петров, построив городки, крепко осадил острог, а 6-го августа пошел на приступ. Приблизившись к частоколу, начал бросать из-за щитов ручные гранаты. Наконец острог был взят, и защитники его побиты все без исключения. Призвав затем в подданство коряцкого тоена (вождя. — Ред.) соседнего Култушного острожка, Петров начал строить на р. Олюторе новый острог для упрочения камчатского пути. В это время, и именно 24 августа, в

Олюторск прибыли на судах из Камчатки прикащики В. Колесов и И. Енисейский с ясачною казною (соболей (141 сорок.) 5640, лисиц красных 762, сиводушек 10, бобров морских 137, выдр 2 и 22 золотника золота, взятого с разбитого японского судна, и 40 руб. денег. — Авт.). Узнав здесь о назначении нового начальника, прикащики отправили Татаринову донесение о прибытии своем с ясаками и просили прислать помощь для переезда в Анадырск. Сперва Татаринов располагал сам отправиться в Камчатку; но, опасаясь оставить Анадырск без защиты по малочисленности в нем команды, большая часть которой померла от оспы, свирепствовавшей в северо-восточной Сибири, отложил свое намерение, как бы предугадывая предстоящие события, и вместо себя отправил в Олюторск с командою пятидесятника Алексея Петриловского с поручением идти оттуда весною в Камчатку на судах, пришедших с Колесовым и Енисейским, и ведать там ясачный сбор.

Здесь нужно заметить, что Афанасий Петров, отправляясь в поход из Анадырска, увел с собою юкагир ходынского и чувачинского родов с их семействами и табунами. Юкагиры несли службу наравне с казаками, участвовали во взятии большого Олюторского острога, причем до 130 из них были ранены, а некоторые совершенно изувечены. По взятии же его занимались постройкой нового острога и содержали там караулы. По приказу Петрова, завидя олюторцев, они должны были догонять и убивать, а в доказательство, что олюторцы не были щадимы, обязаны были приносить пальцы убитых. Приказ этот исполнялся строго, и возвратившихся из погони без пальцев преследуемых тотчас вешали. Кроме того что юкагиры в продолжении всего похода кормили своими оленями служилых анадырской, а потом камчатской партий, у них убили несколько сот оленей для устройства вала вокруг острога, и вообще казаки распоряжались их табунами более чем бесцеремонно. Наконец запасы оленей стали истощаться, и дошло до того, что у многих семейств не осталось ни одного оленя. Юкагиры умоляли Петрова отпустить их из-под Олюторска на родные тундры, но тот не только не соглашался, но еще требовал с них ясак и уплаты за розданные им в долг при стоянке под Олюторском табак и проч. вещи.

Юкагиры, вынужденные крайним положением, обратились с тою же просьбою к капитану Татаринову и, кроме того, во

внимание к услугам, оказанным ими казакам во время всего похода, просили освободить их на время от платежа ясака, которого настойчиво требовал Петров, а выданный в долг табак засчитать им за службу и увечье под олюторским острогом. Татаринов оценил заслуги дикарей, послав им три фунта табаку, и велел Петрову отпустить их на соболиный промысел для ясака. Камчатские же ясаки из Олюторска предписал отправить до Анадырска с оленными коряками, которые должны были собраться в начале зимы 1714 г. под Олюторск. Но приказ этот не был исполнен. Петров, не дождавшись коряк с оленями, вышел из Олюторска с камчатскими ясаками и прикащиками Колесовым и Енисейским на оставшихся юкагирских оленях, не внимая страдальческому положению дикарей, которых предстоящий голод приводил в совершенное отчаяние. В остроге же осталось 52 человека казаков.

Перенесенные юкагирами бедствия и притеснения вывели наконец их из терпения, и они решили отмстить казакам, и 2-го декабря, во время пути к Акланску, на вершине р. Таловки, приступили к исполнению своего замысла.

День был ненастный, бушевала страшная пурга, так что в дальнейший путь к Акланску решились отправиться только камчатские прикащики В. Колесов и И. Енисейский с несколькими казаками, дворовым человеком и одним крещеным коряком; а остальные остались в Аргиша становье. Дикари вскоре после отбытия прикащиков бросились на оставшихся в становье русских, убили дворян А. Петрова, С. Колесова и бывших с ними казаков и захватили всю ясачную казну. Спаслись от смерти весьма немногие.

Между тем камчатские прикащики, недалеко отъехавшие от места побоища, принуждены были вернуться в становье по причине сильного ветра и метели. На обратном пути анадырский житель Павлов первый наехал на тела убитых и дал знать о том прикащикам. Тут же заметили, что несколько юкагиров, бывших с ними, оставив оленей, убежали. Енисейский, удостоверясь в смерти своих товарищей, бросился бежать с своими спутниками в Акланск. Юкагиры погнались за ними и успели захватить ***пятидесятника Матьянова*** (Мартьянова. — *С.В.*), *которого и закололи.*

Русские бежали на оленях днем и ночью и 5-го декабря достигли Акланска. На другое утро 20-ть человек вооруженных

дикарей подошли к острогу и объявили, что они убили Афанасия Петрова и служилых за обиды, налоги, разорения и взятки, что ясачную казну, доставшуюся им, сдадут акланским корякам для отвозу и сдачи в Анадырский острог, и что Колесова и Енисейского также убьют, а находящихся у них оленей отнимут и острог разорят. Угроза эта отчасти исполнена в тот же вечер: юкагиры отогнали 200 оленей Енисейского и осадили острог. 6-го декабря успел пробраться в Акланск прибежавший окольною дорогою спасшийся с побоища казак и подтвердил о смерти Петрова с товарищами.

В таком тяжком положении Енисейский обратился за помощью в Анадырск, отправив туда бывшего при нем крещеного коряка с письмом, в котором он, объяснив о случившемся, присовокуплял, "что при нем в Акланске только одиннадцать человек служилых; Акланск в осаде кругом от юкагирей, сбивающихся к измене, и акланских сидячих коряк; пороху и свинцу нет; жить весьма туго, не ведают, куда голову приклонить. Олени подводные и для пропитания отогнаны, и что нужна им помощь и подарки для акланцев и других коряк, чтобы и они не возмутились подобно юкагирам".

Татаринов на другой же день по получении письма отправил 16-го декабря порох, свинец и подарки. Но оба посланные воротились 17-го с объявлением, что ночью, подъехав к юртам пастухов анадырского казенного табуна, узнали от оставшейся здесь старухи о наезде сюда многих юкагиров, которые коряк перевязали, а табун отогнали; услыхав же сами в юртах голоса юкагир, принуждены были бросить посланные с ними в Акланск вещи и окольными дорогами бежать в Анадырск.

В это время оставалось в Анадырске только сорок человек казаков, и потому не было возможности отрядить команду для выручки Акланска и камчатской казны. Татаринов собрал совет, который решил послать 19-го декабря тридцать человек вверх по р. Анадыру для поимки жен и детей возмутившихся около Анадырска юкагирей.

Для усиления отряда велено было взять оставленных Татариновым в дороге людей, а также с р. Ангарки разные казенные вещи. Затем в Акланск к камчатским прикащикам отправлено (1-го января 1715 г.) письмо, а 1-го февраля указы в Акланск и в новый Олюторский острог о том, чтобы сами принимали

меры к усмирению дикарей, по недостатку в Анадырске служилых. Посланным с указами поручено уговаривать юкагирей придти в повиновение, а акланским корякам объявить милость, если останутся верными. Предоставив таким образом исход возмущения счастливому случаю, Татаринов донес в Якутск, что дела на Камчатке в дурном положении.

Долго потом Татаринов не имел никаких вестей об участи осажденных. Первое известие о дальнейшем ходе дел на полуострове получено им от сержанта ***Афанасия Сургутского****, ясачного сборщика на р. Пахачи. Сургутский доносил Татаринову, что, идучи с ясаками в Анадырск, на Таловке, на месте юкагирских юртовщиков нашел он резаные бобры и прочие вещи, видимо, принадлежавшие русским, а потому и решился проведать Олюторский острог. На пути к острогу встретил казачью жену с братом, которые объявили ему о смерти Петрова. Он тотчас же распорядился послать об этом в Анадырск донесение с бывшим при нем крещеным коряком, который, пришедши в Акланск, узнал, что накануне его туда прихода акланские коряки с юкагирами умертвили Енисейского и Колесова с шестью служилыми, трех увели в плен, одного оставили у акланских коряк и одного отдали оленным корякам, которые его убили.*

Кроме того, ему сообщили коряки, что захваченные ясаки целы, а находящиеся в плену у юкагир казаки живы; что юкагиры, вступив в заговор с коряками, хотели занять у Парполя камня камчатскую дорогу, чтобы не пропускать русских; а оленные коряки располагали двинуться на Олюторск, взять его обманом или силою, жителей побить, а острог разорить. Коряк, узнав об этом, убежал к Сургутскому в Олюторский острог и уже оттуда отправился в Анадырск, почему и известие это получено в Анадырске только 19 февраля.

Татаринов, опасаясь за Олюторск, в котором не было достаточного продовольствия, и, желая отнять взятые юкагирами камчатские ясаки, хотел сам идти вооруженную рукою на изменников, но, уступив просьбе жителей и казаков анадырских не оставлять их на явную смерть от чукоч, отложил поход до прибытия ратников из Якутска. После убийства прикащиков прекратилось сообщение Камчатских и Олюторского острогов с Анадырским. Хотя юкагиры и ушли в свои кочевья на верховья р. Анадыра, но оленные коряки подошли к Олютор-

ску, и, кочуя в окрестностях, держали его в осаде. Томимые голодом, осажденные в январе решились послать 29 казаков за рыбою к оленным и сидячим корякам по рекам Похаче и Апуке, бывшим до того верным русским. Начальство над отрядом принял на себя сам Сургутский.

При переходе чрез один хребет коряки убили из них семь человек и самого Сургутского, остальные спрятались, но, томимые голодом, выходили из завалов и были все перебиты поодиночке, кроме четверых, взятых в плен, да двух, пробравшихся обратно в Олюторск. Двое из находившихся в плену бежали потом в Анадырск, а третий был отпущен в Олюторский острог. В феврале 1715 г. оленные коряки, соединясь с каменскими и акланскими, стали весьма часто подъезжать к острогу и в один наезд (в марте) захватили детей коряк, оставшихся верным русским. Для выручки их олюторский прикащик выслал десять человек, из которых коряки восьмерых убили, один спасся бегством, а последний взят в плен каменцами и впоследствии убежал в острог.

Осажденные, перенося крайнее бедствие от голода и разных болезней, были в отчаянном положении и потеряли уже всякую надежду к спасению. Но в это критическое время у коряк появилась оспа. Старики приписали ее колдовству осажденных и принудили коряк отступить от Олюторска и ограничиться одним наблюдением и нападениями на казаков, выходивших из острога.

Татаринов, узнав чрез крещеных коряк все подробности камчатского бунта (убитых с Афанасием Петровым: он сам, попы Василий и Иван, казачьи сотники: ***Евдоким Сургутский****,* ***Степан Колесов****, пятидесятник* ***Мартьянов****, таможенный целовальник Василий Зыков,* ***казаков 35****,* ***анадырских жителей 6*** *человек. В Акланске от акланских коряк с дворянами Колесовым и Енисейским* ***казаков 6 челов.****;* ***анадырский житель 1****, да в плену 2. На Пахаче с Афанасием Сургутским* ***казаков 13****,* ***анадырских жителей 6****,* ***у апукских коряк в плену 3****. Под Олюторским острогом казаков 2, анадырских жителей 6, да померло казаков 3. В живых в Олюторске два прикащика:* ***Полуэктов*** *и* ***Фролов****, казаков 27, прибежавших после юкагирского побоища 4 чел., посланные из Анадырска на Камчатку пятидесятник Алексей Петриловский да* ***драгун И. Варганов****. — Авт.), снова послал донесение в Якутск о*

присылке к нему 200 человек казаков, 200 пуд. пороху и проч. ***Якутская канцелярия отправила рапорт Татаринова в Тобольск к губернатору князю Гагарину с нарочным дворянином Афанасием Шестаковым, который, как человек бывалый, мог дать нужные объяснения о стране, о положении там дел и об инородцах северо-восточной Сибири».***

* * *

А в это время в Архангельском Олюторском остроге сидел в осаде новый камчатский приказчик Алексей Петриловский:

«В январе 1715 г. коряки напали на отряд Аф. Сургуцкого (всего 29 чел., по другим данным — 18), который из Олюторского острога направлялся на р. Апуку и Пахачу для сбора с местных коряков рыбного, оленьего и другого “корма”. Апукские оленные и пешие коряки перебили большинство русских, в том числе Сургуцкого, и захватили в плен то ли двух, то ли четырех человек. Бежать назад, в Олюторский острог, удалось только двум анадырским жителям (по другим данным, одному). Из пленных позднее двое бежали в Анадырск, один был отпущен в Олюторский острог.

С 12 февраля олюторские и прибывшие к ним на помощь с Оклана (Аклана) и Пенжины оленные и пешие акланские и каменские коряки стали часто подъезжать к Архангельскому Олюторскому острогу, периодически его осаждая. В марте они захватили бывших на заготовке дров казачьих холопов-коряков и побили высланный им на помощь из острога отряд (из 10 казаков убили 8, один успел бежать в острог, другой был взят в плен, но позднее также бежал).

После этого в Олюторском остроге осталось примерно 35 чел., в том числе три приказчика — ***Василий Полуехтов*** (о нем подробнее будет рассказано далее)*,* ***Илья Фролов*** *и* ***Алексей Петриловский.*** *Последний, по позднейшему заявлению участника событий* ***В. Атаманова****, руководил обороной. Положение осажденных с каждым днем из-за нехватки продовольствия становилось все более критическим. Коряки хотели взять острог измором, поэтому даже не пытались штурмовать его. Более того, они завязали с русскими торговлю, сбывая им взамен табака пушнину из разграбленной камчатской ясачной казны. Казаки охотно шли на это, не смущаясь тем, что многие связки соболей были опечатаны государевой печа-*

тью. Выменивая пушнину, они делили ее между собой по паям. ***“Таким образом один петидесятник Алексей Петриловский, которой вскоре после поехал на Камчатку прикащиком, наменял, кроме другой мяхкой рухляди, соболей дватцать сороков”, т. е. 800 собольих шкурок. Прослышав о бойкой торговле под Олюторском, туда подъезжали даже юкагиры, у которых также было немало пограбленной пушнины.***

Не исключено, что именно в результате этих торговых контактов от русских к корякам была занесена оспа. Она вынудила их отойти от острога и ограничиться наблюдением за ним издалека. К тому же в мае начался большой разлив реки, в результате чего район острога был затоплен, что также вынудило коряков держаться подальше от него. 3 июля А. Петриловский со своими людьми отплыл из Олюторска на Камчатку. Остатки гарнизона, захватив ясачную казну, оружие и боеприпасы, сочли благоразумным отправиться вместе с ним. После этого коряки сожгли опустевший острог» (А. Зуев).

* * *

В июне 1714 года, убывая с Камчатки с казенным грузом, Иван Енисейский оставляет вместо себя камчатским приказчиком Ивана Петровича Козыревского.

Тот, в свою очередь, назначает заказчиков в остроги: «Известно, что при Козыревском в Большерецком остроге приказчиками (заказчиками) ясачной избы сидели сначала **Михаил Козыревский** (июль 1714 г.), затем **Василий Полуехтов** (декабрь 1715 г.), а в Верхнекамчатском — **Кирилл Бекирев**» (А. Зуев).

* * *

Алексей Артемьев сын Петриловский был сыном атамана Артемия (Артюшки Филипова сына) Петриловского, племянника Ерофея Тимофеевича Хабарова, с которым они совершали свой исторический поход на Амур.

Исторический, в смысле географическом и в смысле грабительском, о чем у нас будет отдельный разговор. Но это к тому, что яблоко от яблони недалеко падает…

«Петриловский Артемий Филиппович, сын сестры Ярофея Хабарова, пользовался у него особым доверием. Возил в 1651 г. отписку Хабарова из Албазина. После гибели Онуфрия Степанова Кузнеца в 1658 г. возглавил амурских казаков, бежавших в низовья Амура. Затем руководил новым походом вверх Амура в надежде на встречу с казаками Афанасия Пашкова. Неоднократно в Якутске, Енисейске и в Москве докладывал о трагической гибели Онуфрия Степанова Кузнеца и его спутников. Позже вместе с Ярофеем Хабаровым ведал верхоленскими пашнями».

У Артемия Филипповича было два сына. Один — Василий, старший, — служил в чине атамана, другой — Алексей — был еще пятидесятником (в 1706 году десятником).

«…По окончании работ по постройке Олюторского острога долго не мог отправиться в Камчатку, потому что в течение всей зимы острог был осажден коряками и юкагирами. Наконец, после разных бедствий от болезней и голоду, Петриловский 3 июля 1715 г. с казаками и аманатами вышел из острога и поплыл морем в Камчатку на тех же судах, на которых пришли камчатские прикащики в 1714 г., и прибыл туда благополучно 9 июля.

Петриловский, приняв в свое ведение остроги со служилыми и собранные на 1715 г. ясаки, вымучил имение Козыревского, вывезенное с островов, и стал заботиться только о том, чтобы скорее обогатиться. Он ограбил не только инородцев, но и казаков, имевших что-нибудь лишнее, употребляя к тому кнуты, батоги и даже пытки. Колодки и кандалы не считал он наказанием. Такими мерами заставил он Козыревского и Якова Ярыгина постричься в монахи, передав их на руки отчужденному от света архимандриту Мартемьяну, присланному сюда с дворянином Атласовым. Наконец казаки, выведенные из терпения, вооружились против Петриловского и, с согласия казака Соколова, пришедшего на судне в Камчатку, сменили его, а обязанность прикащика или ясачного сборщика поручили якутскому посадскому Козьме Вежливцову, который конфисковал имение Петриловского, а самого его посадил под караул (вот список пожитков, отобранных у Петриловского: ***141 сорок 29 соболей, 1542 лисиц красных, 161 сиводушных, 160 выдр, 207 бобров, 169 морских выдр, шуб собольих 4, мехов собольих 5, санаях соболий, парка*** *(зимняя верхняя одежда из шкур без разреза. — Ред.)* ***соболья с оплечьем бобровым, санаях из красных лисиц с оплечьем сиводушечьим, два санаяха бобровых с оплечьем сиводушечьим, санаях из выдры — оплечье бобровое, 3 шубы лисьих красных, 2 меха сиводушечьих, мех лисиц красных,***

одеяло лисиц красных, мех бобровый, 4 полы меха собольего загривчатого, несколько лоскутов разных мехов, несколько мехов из собольих и лисьих лап, шуба из лисьих лап, одеяло бобровое, парок собольих 2, мех лапчатый красных лисиц; 2 меха бобровых; парка бобровая; треух из собольих хвостов; 4 шапки собольи; 2 малахая *(шапка на меху, кафтан без пояса. — Ред.)* ***собольих; 475 хвостов собольих, несколько пар меховых рукавиц; серебряный пояс; сереб. чарка и ложка и много других вещей****. Из всего имущества Петриловского дано ему на подъем 200 лисиц, 27 бобров и несколько шуб. — Авт.). (А.С. Сгибнев).*

С.П. Крашенинников: *«При сем приказчике паки начались между казаками возмущения, ибо казаки, по согласию с Соколовым, сменили его с приказа, и посадили под караул, а пожитки его в казну обрали. Причиною тому был сам Петриловский, который, по ненасытному своему лакомству, не имел уже меры в граблении, хищении и мучительстве: редкий прожиточный человек мог избежать разорения по каким-нибудь его припадкам, а один служивый бедственным образом на вилах окончил жизнь свою.*

Таким образом, награбил он в краткое время такое богатство, которое превосходило похищенную двухгодовую ясачную казну со всей Камчатки, сбора убитых двух приказчиков: ибо взято у него, кроме многого числа собольих и лисьих шуб, одной мягкой рухляди более ***140 сороков соболей, около 2000 лисиц, 207 бобров да 169 выдр****».*

Но никто, еще раз повторяем, его за это НЕ УБИЛ.

* * *

«Наконец казаки, выведенные из терпения, вооружились против Петриловского и, с согласия казака Соколова, пришедшего на судне в Камчатку, сменили его, а обязанность прикащика или ясачного сборщика поручили якутскому посадскому Козьме Вежливцову, который конфисковал имение Петриловского, а самого его посадил под караул» (А. Сгибнев).

То есть повторилась ситуация 1707 года.

Только Козьма Вежливцев был не якутским посадским, — каким-то нейтральным человеком — а, как мы уже отмечали, казаком девятой пятидесятни Якутского казачьего полка, человеком очень авторитетным в казачьей среде, одним из организаторов строительства Николаевской церкви, будучи человеком семейным и желающим освятить свой брак и крестить своих детей (в 1748 году в Нижнекамчатске служит казак Егор Вежливцев).

Точнее, они были постоянно в паре с другим нижнекамчатским казаком Алексеем Петровичем Колычевым. А. Зуев даже приводит в целом ряде своих книг пример такого содружества: «Служилый человек **Федор Балдаков**, обиженный тем, что его отстранили от сбора ясака, подал “выборным судейкам” Нижнекамчатского острога **Кузьме Вежливцову и Алексею Колычеву** челобитную с изложением лихоимств ясачного сборщика **Степана Саблина**. Судейки, зависимые от казаков, выбравших их на “приказ”, собрали круг и зачитали челобитную Балдакова вслух “всенародно”. При этом по поводу обвинений в лихоимствах они заявили “мы де и все так делаем сами”, и отказались начать следствие».

Вежливцев и Колычев были свидетелями событий 1712 года в Нижнекамчатске, когда сюда нагрянули «воровские» верхнекамчатские казаки из команды Константина Кыргызова.

Возможно, они были и участниками событий 1707 года, когда казачий круг низложил приказчика Владимира Атласова и избрал приказчиками Семена Ламаева и Федора Ярыгина.

Обратим внимание, что «пожитки» Петриловского никто, как и в 1707 году, «дуванить» не собирался — все они были подсчитаны и записаны в казну. А сам Петриловский отправлен на судне в Охотск, а затем — в Якутск и отдан под суд.

* * *

Степан Трифонов

«В Якутске, получив первое известие Татаринова от 15 марта 1715 г. о потере казны, об убийстве прикащиков и проч., распорядились послать в Анадырск дворянина Степана Трифанова с приказанием собрать по зимовьям служилых людей, в добавок к данным ему из Якутска, а также взять мореходов с людьми, находящихся для открытия островов на устьях р. Яны, Колымы и Индиригки, потому что эти мореходы ничего, кроме льдов, не видели, и поспешить к Татаринову. Но как Трифанов пред отправлением своим 9 августа донес, что с малым числом людей порученное ему дело не может быть исполнено, то якутская канцелярия назначила к нему еще 63 человека.

В инструкции Трифанову сказано: идти от Анадырского острога со служилыми людьми на изменников юкагирей вме-

сте с капитаном Татариновым; юкагирей привести в подданство, отыскать ограбленную камчатскую казну, про убийство русских и грабеж казны розыскать; при неповиновении юкагир смирить военною рукою; заводчиков трех казнить публично, нескольких положить на плаху и потом объявить милость Государя, а всех камчадалов без исключения виновных наказать кнутом; найденную казну и прежних лет сбор взять от Татаринова и привезти в Якутск, чрез Ламское море новым морским путем.

Трифанов, поместив команду на двух досчаниках, велел ей дожидаться на р. Лене, а сам ***уехал домой к жене в Амгинскую слободу****. В деревне Трифанов и не вспоминал о походе до тех пор, пока не прислали к нему принуждения из Якутска; тогда он отправился с Алдана с женою и детьми 15-го ноября, шел весьма медленно, давая отпуски многим казакам, будто бы за болезнями, принимая на место их якутов. С Индигирки пошел быстрее, чрез Алазею и Колыму, и прибыл в Анадырск в феврале 1716 г.».*

* * *

Степан Иванов сын Трифонов

Он не спешил на опасную ратную службу, ибо по праву считал себя обеспеченным уже человеком. Из Охотского острога при воеводе М.О. Кровкове сын боярский Леонтий Трифонов (вероятно, его дед) «привез ясаку 19 сороков, а на себя 38 сороков соболей». То есть ровно в два раза больше. «Возвращаясь в Якутск, такие сборщики ясака продавали "своих" соболей приезжим торговым людям по 200–300 рублей за сорок» («Власть и Общество. Сибирь в XVII веке» — Новосибирск, 1991).

По другим данным, в 1685 году ясак был побольше (как, вероятно, и «навар»): «Того же числа возвратился из Охотского острожка приказчик, боярский сын Леонтий Трифонов с служилыми людьми и привез: государеву казну: 22 сорока 22 соболя, 6 лисиц чернобурых, 38 соболей, 23 соболя, 37 пластин собольих ***"в наполниках шито"***, шапку тунгусскую из собольих лоскутков, 24 пупка собольих, 39 соболей, лисицу чернобурую, 63 соболя и 2 выдры.

Якутск (1682 г.) В половине января, послан сборщиком ясака с заленских якутов боярский сын Леонтий Трифонов. Район его деятельности …**Амга,** Таттинцы, Батурусцы, Катылинцы, Сыланцы, Скороульцы, Батулинцы, Магасцы, Баягантайцы, Игидейцы и Одейцы».

Амгинская волость — это как раз местожительство семьи Степана Трифонова.

Впервые в документах сын боярский Леонтий Трифонов упоминается в 1666 году: «Книга сбора ясака за 1666–1667 (175) г. с юкагиров по Алазейскому зимовью сына боярского Ивана Хвостова (скрепил сын боярский Леонтий Трифонов)».

В 1670 году сын боярский Леонтий Трифонов был приказчиком на р. Индигирке в Зашиверском зимовье.

А затем можно проследить его послужной список по документам Якутской приказной избы: «Книга сбора ясака за 1678–1679 (187) г. с юкагиров и эвенов по Индигирскому Зашиверскому острожку, сына боярского Леонтия Трифонова»; «Книги сбора ясака за 1679–1680 (188) г. с юкагиров по Индигирскому Зашиверскому острожку, Подшиверскому и Уяндинскому зимовьям приказчика сына боярского Леонтия Трифонова»; «Книга сбора ясака за 1680–1681 (189) г. с оленных и пеших эвенков по Охотскому острожку сына боярского Леонтия Трифонова»; «Книга сбора ясака за 1682–1683 (191) г. с "оленных и пеших" эвенков Охотского острожка сына боярского Леонтия Трифонова»; «Бирюльской и Ильгинской волостям выдельщиков детей боярских Михаила Краснояра и Леонтия Трифонова и служилого человека Дементия Гуляева, 1683–1684 (192) г.»; «Книга сбора ясака за 1686–1687 (195) г. по Удскому острожку сына боярского Леонтия Трифонова»; «Книга сбора ясака за 1690–1691 (199) г. с эвенков по Охотскому острожку сына боярского Леонтия Трифонова».

Но это еще не все — в 1676 году сын боярский Леонтий Трифонов был послан вместе с Николаем Спафарием в Китай (об этом мы узнали из челобитной жены Леонтия Арины Архиповны).

В 1681 году служат в Якутске Леонтий Трифонов, сын боярский, и рядовой казак в холостом окладе Мишка Трифонов. У Леонтия — племянник Васька (1679 г. р.).

Следовательно, Иван Трифонов, отец Степана и Василия, был родным братом Леонтия Трифонова.

В 1706 году Степан Иванов сын Трифонов был в детях боярских, а Василий сын Иванов — городским толмачом.

Якутск, 1720 год: «Двор дворянина Стефана Иванова сына Трифонова а он Стефан послан на службу Великого государя в Анадырской в 716-м году жена ево Марья Михайлова дочь сказала муж ее пятидесяти лет (то есть он 1670 г. р. — *С.В.*)».

Первый же из якутских Трифоновых — Федька — появляется в Якутске в 1649 году – сослан на службу «за воровство».

Но продолжим чтение очерка А.С. Сгибнева: *«Под командой у него было 120 человек, и он, согласно инструкции, капитану Татаринову не подчинялся: “Татаринов, прочитав инструкцию Трифанова, крайне обиделся разделением власти, а также и тем, что не было выслано ни одного человека под непосредственное его начальство. Неудовольствие это было причиною упущения удобного зимнего времени к походу на р. Пенжину, где около Акланска было большое скопище изменников-коряк, откуда со вскрытием рек было удобно пробраться в Камчатку, или же, усмирив акланцев, двинуться к оставленному русскими Олюторскому острогу и оттуда Восточным морем пройти в Нижнекамчатский острог”».*

«Время проходило в спорах, а дело не подвигалось вперед. Наконец кое-как согласились отправиться вместе с 120 казаками на р. Пенжину. 13-го августа 1716 г. от анадырского хребта Татаринов с 16 казаками отделился от партии и пошел вперед и встретил коряков, которые, завидя русских, разбежались. Потом партия соединилась вместе, подошла к Акланску и вступила в переговоры с сидячими коряками о возвращении в подданство России. Но акланцы вместо повиновения взялись за оружие. Завязался бой, и дикари были рассеяны. Недостаток припасов и неулов рыбы в реке не дозволили Татаринову преследовать коряк, убежавших из под Акланска вниз по Пенжине, и потому, взяв пленных коряцких детей, он возвратился в Анадырск».

«В марте 1717 г. Трифанов ходил с 80 казаками на юкагир на р. Белую, впадающую в Анадыр; взял там в плен несколько человек и воротился назад в Анадырск, куда в это время пришел из Якутска посланный для усиления отряда Федор Трифанов с 23 служителями, назначенными в Камчатку, и одиннадцатью, отставшими на дороге от прежних посылок. С Трифановым получено оружие, порох и прочие вещи, необходимые для похода в Камчатку».

«В это время не были еще исследованы причины возмущения юкагирей и коряк; к тому же распри между Татариновым и Трифановым требовали посредника, и для такого поручения выбрали ***боярского сына Григория Жданова.*** *Но не успел Жданов доехать до Анадырска, как на него поступила уже в Якутск*

пропасть доносов в злоупотреблении властью и бесчинствах в пути. Поэтому послан был к Жданову приказ сдать начальство над Анадырском казаку ***Федоту Татаринову****, следствия не производить, а прежде самому отвечать на поданные на него обвинения.*

Между тем по рассмотрении всех действий князя Гагарина по управлению Сибирью (в результате которых он был казнен. — Ред.), производство Татаринова в капитаны признано неправильным, и в 1721 г. от сибирского губернатора князя Алексея Михайловича Черкасского последовал указ на имя якутского воеводы, чтобы Татаринова «из капитанского ранга выписать, для того, что он в солдатах нигде не служил, а написан был показанным князем Гагариным в капитаны из дьячих детей». Вследствие этих распоряжений Татаринов выехал в Якутск, а в 1726 г. последовал другой указ, чтобы хлебное, соляное и денежное жалование, выданное за все время Татаринову, доправить в казну возвратно, и велено быть ему в Якутске у дел капитан-поручика Измайлова.

Так кончилось правление капитана Татаринова, посланного для приведения камчатских дел в порядок. Порядок не только не был установлен, но, напротив того, жадность и жестокость прикащиков окончательно запутали дела и подали повод к восстанию туземцев, едва не уничтоживших плоды прежних трудов русских. Можно положительно сказать, если бы не взаимная вражда племен, то русские были бы совершенно истреблены, и снова пришлось бы завоевывать Камчатку».

* * *

В этот период на Камчатке установилось даже не двое- и трое-, а многовластие.

Козьма Вежливцев избран приказным человеком на казачьем круге.

Из Анадырского острога прибыл еще один человек Татаринова — служилый Григорий Камкин, который принял у Вежливцева Нижнекамчатск.

«…В это время в других острогах при ясачных избах были собственные приказчики (заказчики), которые то ли назначались из Нижнекамчатска, то ли выбирались самими казаками: в Верхнекамчатске — Степан Козлов (январь 1716 г.), ***Кирилл Бекирев*** *(январь 1717 г.), затем Козьма Леспивцов и Григорий Кошкин* (наверное, все-таки **Козьма Вежливцев и Григорий**

Камкин — *С.В.); в Большерецке — **Иван Травинин** (июль, сентябрь 1716 г.). В марте 1718 г. в Нижнекамчатском остроге "на приказе" вновь сидели "выборные судейки" К. Вежливцов и Алексей Колычев».*

Затем прибывает из Анадыря новый приказчик, назначенный Татариновым, — служилый Григорий Суровцов.

А из Якутска в это же время — свои: *«В 1718 г. в Якутске впервые были назначены на Камчатку три приказчика — И. Уваровский, И. Поротов и В. Качанов: первый в Нижнекамчатск, второй — в Верхнекамчатск, третий — в Большерецк. Из них Качанов был определен главным.*

1718–1719/20 годы. Сотник Иван Уваровский. Прибыл в Нижнекамчатск в октябре 1718 г., приняв острог от Г. Суровцова. По одним сведениям, отбыл с Камчатки в июне или июле 1719 г., по другим, находился на полуострове еще и в 1720 г.» (А. Зуев).

* * *

Григорий Камкин

Этого имени нет в списках Якутского казачьего полка за 1706 год. Есть в этих списках Кошкин, но… «Ивашко Кошкин сын Степанов во 150-м [1642] году убит…».

Фамилия в то время встречается только в Тобольске: казак Мишка Камкин (1661 г.), пеший казак Ивашко Камкин сын Оникеев (1689 г.), казачий десятник Ондрюшка Завьялов Камкин (1696), казак Олешка Ондреев Камкин (1696 г.).

* * *

Степан Козлов

Этого имени тоже нет в списках Якутского казачьего полка за 1706 год.

Самое раннее упоминание о сибирских казаках Козловых — Березов (1623 г.) и Енисейск (1623 г.): «1623 г. декабря 11. — **Наказная память енисейского воеводы Я.И. Хрипунова служилым людям Ж. Козлову с товарищами, отправленными в Братскую землю.**

Лета 7132-го декабря 11 дня, по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу, память Енисейского острогу служилым людем Ждану Козлову, Василью Лодыгину, Онаньке Иванову. Итить им из Енисейского острогу в Брацкую землю. И пришед им в Брацкую землю, и собрати их князцев и лутчих людей и, собрав, говорити им, чтоб оне князьцы и лутчие люди со всеми своими людьми великому государю

царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии служили…»

В 1650 году березовский казак Козлов служил на Лене: «Михалко Иванов сын Козлов жена у него на Березове в верхоленском в Братцком острожке».

Из Березова Козловы перебрались в Томск:

Козлов Карпунка сын Корнилов: ««Дядя его по государеву указу переведен с Березова в Томск, а он пришел в Томск своею волею и верстан в пешую слежбу вместо дяди своего Семена Козлова. Оклад пеший рядовой».

И в составе отряда якутского воеводы П. Головина был тобольский стрелец Васка Фефилов Козлов.

В 1649 году в Якутск сослан московский стрелец Фролка Козлов «на стрелецкую службу за воровство и за побеги».

В 1706 году в Якутском казачьем полку в первой пятидесятне служил Яков Козлов.

В 1768 году в Нижнекамчатске жил отставной казак Кирило Козлов.

* * *

Григорий Суровцов

И этого имени нет в списках Якутского казачьего полка за 1706 год.

В 1640 году в Якутске служил енисейский казак Иван Суровцов.

Данила Суровцов отмечен в Томске в 1703 году.

В 1700 году среди тобольских посадских упоминается Якушка Иванов Суровцов, а в 1704 году среди служилых людей — Иван Суровцов сын Яковлев.

* * *

Иван Федоров сын Уваровский был верстан в казаки в 1691 году: «Воинко Берсенев в прошлом во 199-м [1691] году в Якутцком умер воспою. И в нынешнем в 200-м [1692] году июня в 25 день приверстан в ево Воинково место казачей брат Ивашко Федоров Уваровских».

Он в чине казачьего сотника прибыл на Камчатку по приказу якутского воеводы полковника Якова Агеевича Ельчина. Считается, что это был последний официальный приказчик Нижнекамчатска — в дальнейшем (с открытия морского пути Охотск – Большерецк) все назначения в камчатских острогах производились из Большерецкой приказной избы и, соответственно, с этого

врмени центральная власть на Камчатке сосредоточена именно здесь.

Ниже мы публикуем документ, в котором сообщается о тех пушных богатствах камчатских казаков, которыми они владели.

Донесение приказчика Нижнекамчатского острога Уваровского якутскому воеводе Ельчину от 17 сентября 1719 г.

Великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белыя России самодержца, в Охоцкой острог, или где ни будет, полковнику Якову Агеевичю, **Камчадальского Нижнего острогу прикащик, сотник казачей Иван Уваровской** челом бьет. В прошлом 718 году послан я, по указу великого государя, в Камчадальской Нижней острог, и я на Камчатку в Нижней острог пришел того же 1718 году октября в последних числех и Камчадальской Нижней острог **принял у прикащика служилого человека Григорья Суровцова и служилых людей. А он, Григорей, пришел на Камчатку того ж 718 году в июне месяце из Анадырска от капитана Петра Татаринова, а с ним Григорьем пришло служилых людей 65 человек.** А ныне в Камчадальском Нижнем остроге всех служилых и промышленных людей 120 человек.

А казну великого государя всякую и пожитки бывшаго прикащика Алексея Петриловскаго принял я у бывших прикащиков у Козьмы Вежливцова да у Алексея Колычева; а той казны коего году, и сколько чего, и каким зверем, и чьих пожитков, и то все имянно писано. **715 году сбору Ивана Козыревского** 68 сороков 19 соболей, да 1090 лисиц красных, в том числе 16 лисиц сиводушек, да лисица бурая, лисица чернобурая недошлая, 3 лисицы буренких, 7 лисиц с буренка без загривков, 3 лисицы буренких плелых, лисица с буренка голубая, да 67 бобров, в том числе 4 кошлока; да **поклонные Ивана Козыревского** 31 сорок 20 соболей, да лоскут, по передним лапам лисицы буренкие, да 100 лисиц красных, в том числе 15 недолисей, да 13 бобров, в том числе 1 кошлок; да **поклонных же служилого человека Федора Балдакова** лисица крестовка, да загривок, по передним лапам лисицы буренкой. Да **716 году сбору Алексея Петриловского** и с привозом олюторским 58 сороков 31 соболь да 1116 лисиц

красных, в том числе 21 лисица сиводущатая, лисица да лоскут буренкие, да лоскут же олюторской; **да поклонные Алексея Петриловского** недолись буренкая, да 3 лисицы сиводущатых; да сборные же ясачные 73 бобра, в том числе 6 кошлоков, в том числе 3 бобра с откупщиков картеных взято. Да **поклажи промышленного человека Аники Батюшкова** лисица бурая да 2 сорока соболей да 9 бобров, в том числе два кошлока, в том же числе у двух бобров по лоскуту вырезано. И в той поклаже он, Аника, подал великому государю челобитную, что в той поклаже его бити челом и исцом стоять **казаку Ивану Шамаеву**, и та челобитная под сею отпискою выслана к тебе ж, полковнику Якову Агеевичю. Да 717 году сбору **Козьмы Вежливцова да Алексея Колычева** 22 сорока 1 соболь, да 262 лисицы красных, в том числе 13 лисиц сиводущатых, да в вышепомянутом же числе 12 пластин собольих без лап и без хвостов, да 2 лисицы буренких, да 54 бобра, в том числе 6 кошлоков, да 20 парок собольих больших и малых, в них же вшито 7 пластин лисьих, да 2 лоскута собольих вшивках, в них же 6 чеверов собольих, да 5 малахаев собольих, да 6 хвостов собольих, да 3 парки лисиц красных, да парка же сваленая в лоскутах, да парка же в ней 3 пластины собольи, да лоскутья красные. Да **718 году сбору Козьмы же Вежливцова да Алексея Колычева** 56 сороков 10 соболей, и в том числе 3 соболя по пупкам пороты, и те 3 соболя не высланы, да 2 лисицы буренкие, 1034 лисицы красных, в том числе 12 лисиц сиводущатых, 63 бобра, в том числе 5 кошлоков. А вышеписанная казна которого году или чьих пожитков соболи и лисицы бурые, или какого приходу, и те соболи и лисицы за ярлыками и за печатью моею имянно. **Да оборных пожитков Алексея Петриловского 140 сороков с однем сороком 29 соболей, в том числе 154 соболя без хвостов, да в том же числе 3 пластины, 1542 лисицы красные, в том числе и недолиси есть, да 161 лисица сиводущатая, в том числе 16 хребтин, да 169 выдер, в том числе 19 черев выдерьих, да 207 бобров, в том числе 97 кошлоков, шуба соболья пластинная под камкою вишневою, пушена хвостами, шуба соболья пластинная под камкою же вишневою васильковою, шуба соболья пупчетая под камкою рудожелтою, 5 мехов собольих пластинных и с рукавами, сана-**

як соболей, оплечье лисиц сиводущатых, парка соболья, оплечье бобровое, санаяк лисиц красных, оплечье лисиц сиводущатых, 2 санаяка бобровых, оплечье сиводущатое, санаяк выдряной, оплечье бобровое, шуба лисиц красных под камкою лимонной, 2 шубы лисиц красных под китайками, ветхие, мех сиводущатой хребтовой, мех черевей сиводущатой, мех лисиц красных, одеяло лисиц красных, мех бобровой, 4 полы собольи загривчатые да лоскут шитой мех дущатой соболей, да 5 лоскутов лбовых, 2 полы да хребет лапчетые лисиц сиводущатых, три полы да два хребта да рукав лапчетые собольи, шуба лапчетая лисиц красных, ветхая, под отласом лазоревым, одеяло бобровое, куклянка соболья, парка соболья пупчетая, мех лапчетой лисиц красных без рукавов, два меха да парка бобровые, треух соболей хвостовой без верху, 100 хвостов лисьих, 250 пупков собольих, 4 шапки собольи и с вершками 3 подскора собольих, двои рукавицы собольи под сукном, 2 малахая собольих, 485 хвостов собольих, пояс с ножем и с пожнями, оправа серебряная, чарка да ложка серебряные, 7 блюд да 7 торелей оловянных, 3 чети табаку да 3 аскурги бисерные, 2 игры карт да подскор дущатой лисиц сиводущатых да 5 писем неистовых и те письма за печатью высланы же под сею отпискою. А из вышеписанных его, Алексеевых, пожитков, против челобитной его, выдано ему, Алексею, на подъем 200 лисиц красных да 27 бобров и кошлоков, да санаяк бобровой, 2 шубы под китайками старые, да шуба лапчетая лисиц красных под отласом, 2 меха да парки бобровые, малахай соболей, 7 блюд да 7 торелей оловянных, а 2 игры карт здесь в Камчадальском остроге оставлено (выделено мной. — *С.В.*). А той великого государя сборной казне тех годов следуют книги, и те книги, против указу великого государя, для счету высланы к тебе, полковнику Якову Агеевичю, а с теми книгами посланы **прежние прикащики Козьма Вежлицов да Алексей Колычев**, да выслан же и Алексей Петриловской для отчету той казны, да поклажи сына боярского **Назара Колесова** лисица крестовая. А ту великого государя вышеписанную казну выслал на Большую реку с сыном боярским **Семеном Жинбицким**, против указу великого государя, для отправления

судном через море. А в Камчадальском Нижнем остроге и к тому в присутствующих уездах казна великого государя с ясачных иноземцов, ради их скудости на 719 год марта по 21 число в полусборе и ту сборную казну, для недобору и ради скудости подводной, на Большую реку не выслал, а высланы ж будут в скорости. А достальной недоборной ясак с ясачных иноземцов сбираю в казну великого государя с великою нуждою. А **Большия реки прикащик Василей Качанов** пишет о присылке служилых людей, кои пришли из Анадырска, и тех служилых людей к нему послать, без указу великого государя, не смею, а коих, против указу великого государя, для построения городоваго 10 человек к нему выслал. Да промышленные люди подали мне челобитную о приверстке в службу, или о сбавке податей и оброков ради их равныя с рядовыми службы, и та челобитная послана под сей же отпискою. И об том ты, полковник Яков Агеевич, что укажешь. А с сею отпискою посланы служилые люди **Иван Шамаев, Козьма Харитонов, Егор Бобякин**. Да по повелению твоему, Яков Агеевич, послан же **Петр Литвинцов.**

719, сентября в 17 день, подал Ларион Бобякин.

Памятники сибирской, истории XVIII в. Кн. II. С. 252–256.

* * *

Сын боярский Иван Поротов

Сидел «на приказе» в Большерецке в 1718 году.

В 1706 году в списках Якутского казачьего полка Иван Васильев Поротов указан рядовым казаком, присланным в Якутск из Енисейска. Из Енисейска же прислан был и казак Андрей Поротов, который «поверстан в 1706 г. на убылое место Люткина» в дети боярские, а в 1709 году произведен царским указом в дворяне по московскому списку.

В 1710 году сын боярский Иван Поротов был Охотским приказчиком.

«В мае 1710 г. охотский приказчик И. Поротов предпринял поход из Тауйского острога на ямских коряков, на которых в прошлом году ходил И. Мухоплев. Несколько коряков, захваченных в плен, дали ясак. Но большая часть коряков укрылась на острове напротив р. Ямы. Посланным к ним казакам удалось уговорить их вернуться. Переговоры закончились миром. Коряки выдали пять аманатов, хотя ясак обещали внести только осенью» (А. Зуев).

Был еще Алексей Васильев сын Поротов, который в 1706 году указан также рядовым казаком четырнадцатой пятидесятни.

«Алексей Поротов в допросе сказал: в прошлом 704 году, послал его Алексея с Иваном Томским из Анандырского острогу прикащик Евфим Петров в Камчадальские остроги с присланными из Якутцка указными памятьми к прикащику Василью Колесову. И он де Алексей с товарищем шли с Анандыря до Пенжины и с Пенжины до Камчатки горою на оленях и на собакак 4 месяца, и отдал те указные памяти Василью Колесову в целости. И идучи де они на Камчатку, не дошед до Камчатки, против Караги, от Брусеной, видели значится остров, и сказывал де ему Иван Голыгин, что он на том острову в байдарах был, и иноземцы де на том острову есть, и много ль иноземцов, того де он Иван ему Алексею не сказал. А грести де в байдарах до того острова от устья Караги реки с утра до вечера. А с Камчатки де он Алексей вышел в Анандырской с камчатскою казною с Васильем Колесовым с товарищи. А про иные де острова он Алексей не ведает.

На подлинном пишет тако: к сему допросу вместо Алексея Поротова, по его велению якуцкой казак Дмитрей Голыгин руку приложил».

А вот еще весьма любопытный материал:

«16 февраля 1790 г. якутский сын боярский Тимофей Поротов подал местному коменданту, полковнику Григорию Алексеевичу Козлову-Угренину прошение о переводе его во дворяне, ибо по указу 22 января 1709 г. его отец, родом из казаков, был переведен из якутских детей боярских с жалованием 10 руб., пять четей хлеба и три пуда соли во дворяне по московскому списку с жалованием в 16 руб. из убылых окладов. На свое место Тимофей просил поверстать брата Ивана, который служил с 1700 г. (?) в Якутске и на Камчатке. Повышение отец получил за "сбор ясака в излишек" в 1706–1707 гг. в Батурской волости и Верхневилюйском зимовье.

Челобитчик подчеркивал при этом, что в поданной им копии жалованной грамоты, выданной на якутского воеводу Траурнихту сказано, что дворянство по московскому списку дается наследственно, то есть "по смерти ево, на ево место быть сыну ево, Василью". Челобитчик в связи с этим предоставил особую родословную "Род Поротовых", в которой схема была прокомментирована. Из нее видно, что отец служил все время по штату. Его дети: Иван — служит в Охотской области унтерофицером; Авраам — слеп, потому не в службе; Тимофей — проситель; Андрей — в Якутском дворянском штате сын боярский. Кроме того, у Ивана был сын Алексей, находившийся в казачьей службе в Охотской области, а Александр и Андрей — "мальцы"; у Тимофея и Андрея были сыновья Федор и Кирилл, которые обучались "российской грамоте".

Столь позднее свое обращение по поводу законного статуса Тимофей объяснял тем, что после отца они остались малолетние, сам же в службу вступил в 1772 г. и "по незнанию" молчал. Якутский комендант направил прошение и приложенные к нему материалы в Иркутск генерал-губернатору Пилю, однако получил в ответ выговор, что не им этот вопрос решать, а высшему начальству. Тогда Якутск послал запрос в Герольдмейстерскую контору о том, точно ли была жалованная грамота Поротову. На это 19 ноября 1792 г., то есть через 2,5 года, пришел положительный ответ. Вместе с тем подняли материалы о службах Поротовых, что привело к значительной задержке в решении этого вопроса. Выяснилось, что еще в 1770 г. иркутский губернатор генерал-майор Иван Адамович Бриль якутского сына боярского Ивана Поротова за утрату собранных ясачных денег предписал выключить его из штатных списков, наказать кнутом и отправить в ссылку с семьей в Охотск на почтовый станок № 7 на реке Амге, записав в разночинцы с платежем подушного оклада, с отводом под строение, скотский выпуск и пашню угодий в размерах, определенных новой Межевой инструкцией 1766 г.

Якутская воеводская канцелярия возложила ответственность по выселению семьи Ивана Поротова на канцеляриста Аржакова, а по причислению в подушный оклад – на подканцеляриста Расторгуева, который заведывал подушным повытьем. Показательно, что Первая ясачная комиссия за "весьма малые взятки с ясачных" аналогичное наказание, только с принудительным поселением в новоучрежденный город Алдан, а также и в работы на Нерчинские заводы, назначила в 1768 г. 12 якутским казакам, в том числе одному сыну боярскому и одному из бывших посадских.

Возможно, наказанный Поротов не был прямым родственником просителя Поротова, либо наказания удалось ему из-

бежать, в связи с чем имел место в декабре 1770 г. выговор А.И. Бриля Якутской воеводской канцелярии о том, что сам воевода ответственен за спущенное сверху решение.

Как бы то ни было, Поротовы продолжали добиваться льготного статуса.

Первого февраля 1795 г. Тимофей вновь сделал запрос о судьбе своего прошения "об утверждении меня с братьями и детьми в наследственном нашем дворянстве, а у высшего начальства просить награждения обер-офицерским чином". Интересно, что брат его Андрей и даже слепой Авраам тогда же запросили себе копии с жалованной грамоты деду, что хранилась в "Якутской архиве".

Настойчивость Тимофея Поротова была все же вознаграждена, но уже в правление Александра I. В 1810 г. он показан дворянином с 14 классом по Табели о рангах».

Источник: ЦГАРС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 117. Л. 1–18; Г.Ф. Быконя «Казачество и другое служебное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX в. (демографо-сословный аспект)», Красноярск.

* * *

Василий Кочанов (Качалов)

С.П. Крашенинников: *«…в 1718 году прислано из Якутска уже три приказчика из детей боярских: Иван Уваровский в Нижний Камчатский острог, Иван Поротов в Верхний, а в Большерецкий Василий Кочанов, которого, однако, казаки скоро команды лишили и в тюрьму посадили по обыкновению, где он более полугода был мучен и наконец избавился бегством. Но Кочанов, видно, без довольной причины с приказа свержен, ибо мятежники взяты были в Тобольск и наказаны за своевольство.*

Между такими замешательствами сделалась измена на Воровской реке, побиты ясачные сборщики и ясачная казна разграблена, но оные того ж года усмирены военною рукою».

В 1706 году Василий Качанов был в Якутском полку казачьим десятником, а в 1718 году он был уже сыном боярским.

И по всей видимости, это не было случайным. Возможно, Сгибнев совсем не ошибается, когда называет Качанова Качаловым.

Дело в том, что первые Качановы появляются в Сибири, в ссылке, под своей настоящей фамилией — Качаловы:

«Старший сын новгородского помещика Родиона Дмитриевича Качалова, сосланного в 1646 г. в Сибирь, Иван Качалов, "служа по Томску, стал писатца Качанов"; вслед за ним точно так

же изменили свои фамилии и его младшие братья Осип и Федор. Причина этого заключалась в том, что у их современников данная фамилия вызывала негативные ассоциации с Никитой Качаловым, являвшимся по официальной версии одним из убийц царевича Дмитрия в Угличе в 1591 г., из-за чего, в частности, Ф.Р. Качанову неоднократно приходилось в судебном порядке доказывать, что он не принадлежит к "изменничьему" роду» (Э.А. Пензин, А.Т. Шашков «Дело монаха Феодосия» (материалы к биографии сибирского администратора Ф.Р. Качанова) // Источники по истории общественного сознания и литературы периода феодализма. — Новосибирск, 1991. С. 116–118).

Отец Качаловых — Качановых — Родион Дмитриевич Качалов, помещик Новогородской пятой пятины города Торопца был сослан в Сибирь в 1646 году.

Его сын Федор Родионович (1648 г. р.), по примеру старшего брата Ивана сменивший свою фамилию: *«В 1690 году послан в Якутск, для "разбора ясачных иноземцов и для прииску не-ясачных детей, братей и захребетников, дабы обложить их вновь ясаком и открыть, от чего учинился ясачной недобор и заповедное винное курение". Проводя в 1690–1695 гг. в Якутске сыск о злоупотреблениях местных воевод П.П. Зиновьева и князя И.М. Гагарина, Ф.Р. Качанов оказался со своими людьми в самой настоящей осаде на съезжем дворе в Якутске, которую организовал беззастенчивый взяточник и казнокрад И.М. Гагарин. Тут было все: и перестрелки, и штурмы, и вылазки, и смерть осажденных от цинги и голода… Чудом вырвавшись в 204 (1696) году в Москву, Качанов представил молодому царю Петру Алексеевичу столь впечатляющий "компромат" на якутского воеводу и его родственников (двоюродные братья князя, И.П. и М.П. Гагарины, были в то время воеводами соответственно в Иркутске и Нерчинске), что это послужило одной из главных причем нового, теперь уже всесибирского сыска…*

…В 1698 году Ф.Р. Качанов был назначен комендантом Илимска. 24 сентября 1698 года Качанов прибыл в Илимский острог. В течение 1699–1700 гг. объехал все селения Илимского воеводства, дал их описание. Эту "Описную книгу" впоследствии называли иногда "Межевой книгой, межевания Качанова". Работа илимской приказной избы и всей администрации была серьезно улучшена Качановым. Его наградили 100 рублями, и он удостоился похвалы Петра I.

В 1701 году Ф. Качанов проводил розыск в Красном Яру (Красноярске), в 1702 — в Иркутске (про воеводу Мирона Башковского), в Братском и Балаганском острогах (про стряпчаго Христофора Кофтырева), в 1704 — на р. Лене (о убийстве прикащика Чекавинскаго) и в 1705 — в Илимске (про воеводу Богдана Челищева).

В 1708 году в Иркутске, Нерчинске и Якутске Федор Родионович Качанов проводил розыск "о приводе заповедных китайских товаров и мягкой рухляди".

В 1709 году царским указом было повелено Ф. Качанову "ехать в Нерчинск и быть у серебряного промыслу, для прииска золотых, серебряных и медных руд", а также "сменить Нерчинских воевод, стольников Петра и Федора Мусиных-Пушкиных и быть на их месте воеводою".

О своей деятельности в Даурии Ф.Р. Качанов писал: "В Нерчинске принял я тяглых людей 258 человек, казны 575 рублей, табаку 29 пуд. 16 фунт. Таможенные головы продали оного в 5 лет 16 пуд. по цене на 360 руб., а при мне в 5 же лет продано табаку на 3702 руб. 80 коп., у таможенных голов становилось вино по 1 руб. 30 коп. ведро. К серебряному промыслу подряжали дрова по 40, а при мне по 6 коп. пуд сажень. Свинец перевозили из Аргунска до Нерчинска по 15, а при мне по 6 копеек пуд. Серебра при моей бытности с 1710 по 1715 год выплавленного отправлено в Сибирский Приказ 41 пуд, 13 фунтов, 49 золотников".

3 января 1711 года "за многие …труды и радение… и за присылку серебра" Ф. Качанов был пожалован в стольники и награжден кубом серебряным весом в 3 фунта.

Правительство не единожды награждало Качанова за труды. Его считали наиболее инициативным из всех управляющих в Восточной Сибири в петровское время.

По окончании воеводства в 1716 году Качанова назначили в Томск комендантом по "сбору ратных людей".

В 1717 году Федор Родионович переменен из стольников и послан в Тобольск, где по болезни постригся в монахи, получив имя Феодосия».

Иван и Осип Родионовичи Качановы также отметились в сибирской истории. «Благодаря» им мы узнали и истинную причину ссылки в Камчатку бывшего томского архимандрита Мартиниана, который проходил с братьями Качановыми по делу о незаконном винокурении. Алчность бывшего архимандрита,

разжалованного в пешие казаки, проявилась и на Камчатке – он участвовал в дележе награбленного у убитых приказчиков и в конечном итоге сам был убит собственными холопами, которых имел в качестве военных трофеев.

Все трое вновь прибывшитх на Камчатку морем приказчиков представляли на Камчатке интересы не столько якутского воеводы Ельчина, как Ельчина — руководителя Большого Камчатского наряда, задачей которого было отыскание новых земель «противу устьев» северных и восточных рек. Задачу, решением которой позже занималась Великая Северная экспедиция, вошедшая в мировую историю как Вторая Камчатская экспедиция.

«Качанову, отправившемуся из Охотска 12 августа 1718 г., поручено было управление всею Камчаткою и устройство города на Большой реке, как самом удобном месте для якорной стоянки и зимовки приходящих из Охотска судов. Кроме того, ему было приказано со служилыми, посланными с ним из Якутска, и большерецкими казаками построить в удобном месте крепость, где хранить со всех острогов ясачную казну до отправления ее в Якутск, казенное имущество и содержать аманатов.

Качанову предписано было ясаки отправлять со служилыми и мореходами в Охотск; а самому оставаться в Камчатке до особого распоряжения, чего прежде никогда не делалось. До него все прикащики отправлялись в Камчатку за ясачным сбором обыкновенно осенью, и, пробыв там зиму, возвращались весною, чтобы лично представить ясак в Якутск. Приняв в свое управление камчатские остроги, он, в видах приобретения у камчадалов привязанности к себе и доверия, выпустил из Большерецка давно содержавшихся там в казенке крепко закованных Воровского острожка (получившего название по частым изменам живших в нем камчадалов. — Авт.) двух аманатов Киврю и Купку, которых камчадалы слушались и держались умом к злодуме и измене по их великим умам. Воротившись из плена и узнав от своих родовичей о разных притеснениях от русских, они вздумали отомстить им и возмутили камчадалов, которые сперва убили сборщика ***Степана Чаплина*** *с 4-мя человеками, а собранные им ясаки разделили между собою; потом убили двух служилых, посланных Качановым за сбором с камчадалов белой травы, кипрею и всяких кормов, что до настоящего времени делалось в год по нескольку раз. После того камчадалы хотели идти на р. Ичу, сжечь судно, на котором прибыл Качанов, и убить оставшихся при нем лю-*

*дей; но Качанов, узнав об их замысле, послал из Большерецкого острога на Воровской острожек **сына боярского Мухоплева** с 30 вооруженными казаками. Ему поручено было уговорить иноземцев принять по-прежнему подданство и выдать отпущенных к ним аманатов; если же они на это не согласятся ласковыми убеждениями, то усмирить вооруженною рукою. Мухоплев по прибытии к ним потребовал выдачи выпущенных аманатов, как главнейших изменников; но иноземцы согласились лучше умереть, нежели подвергнуть своих однородцев томительному заточению в остроге. Не видя более возможности уговорить их, Мухоплев начал громить камчадалов огнестрельным оружием. Три острога их разорены и сожжены, а люди почти все перебиты. Казаков у Мухоплева убито три человека, многие ранены. У убитых камчадалов взят 21 соболь из числа ясаков, собранных Чаплиным, но, главное, спасено судно и его команда.*

*При отправлении осенью 1719 г. в Охотск судна (на этом судне большерецкие служилые послали с мореходом несколько соболей для покупки Нового Завета для большерецкой церкви. — Авт.), послан из Камчатки в Якутск донос на Качанова, что причинами измены на р. Воровской были безрассудные его распоряжения: во-первых, данная свобода двум аманатам, которые постоянно руководили соотичей к восстанию и, во-вторых, отправление для своих выгод двух казаков за поборами. А как по заведенному в Камчатке обычаю всякий прикащик, подвергавшийся доносам, лишался права на управление и имение его конфисковалось до исследования, то казаки своевольно распорядились посадить Качанова в тюрьму и забрать себе его пожитки. Однако Качанову удалось спастись от заключения бегством, а мятежники были впоследствии взяты в Тобольск, где жестоко наказаны. Главный зачинщик **был казак Попов».***

Это мнение А.С. Сгибнева.

А вот мнение С.П. Крашенинникова:

«Большерецкого острогу прикащик Василей Качанов, будучи на приказе, чинил, как русским, так и иноземцам, великие обиды, с иноземцов брал в ясак одного соболя, а себе трех, о чем по смене его Качанова с приказу иноземцы лутчие тойон в Большерецком в приказной избе и били челом.

*Как некогда случилось ему ехать из Большерецкого острогу в Верхней Камчатской острог, то в небытность его казаки удумали с приказу его сменить, что они и зделали, ибо как помянутой Качанов назад в Большерецкой острог поехал, то он по дороге получил известие, что большерецкие служивые **Василей Княжей**, **Григорей Тюшев** с товарищи учинили без него разбой, и на постоялом его дворе весь его багаж обрали, и приезду его караулят и хотят его убить.*

*Апреля 13 дня 1719 году, приехавши в Большерецкой острог, прикащик Василей Качанов посылал 15 числа служивого человека **Данила Абалакова** просить караульного списка, которому служивые Василей Княжей помянутого списка не дали.*

*Апреля 18 дня послал он, Качанов, в ясашную избу **сына боярского Назара Колесова** со служивыми людьми, дав ему указную память по силе которой велено ему было, Колесову, большерецких служивых на караул наряжать, и обретающуюся в Большерецком остроге всякую казну и аманатов по прежнему хранить и о бунтовщиках, ежели которые будут ослушны указу, репортовать, сколько их числом и кто имяны.*

*Сын боярской Назар Колосов, пришед в ясашную избу, прочел данную ему указную память, а служивые Василей Княжей с товарыщи ему, Колесову, от вышеозначенного дела отказали, и из посланных с ним служивых **Андрея Петрова** били и в казенку посадили, а прежде того многих служивых, которые не с ними в совете, смертно били, а иных в казенку сажали.*

*Прикащик Василей Качанов, видя помянутых бунтовщиков непокорство и великие обиды, извещал о том **детям боярским Петру Мухоплеву**, **Назару Колесову** и казакам, которые к бунту казаков Василья Княжева с товарыщи не приобщились, что послан он Качанов по указу на Большую реку прикащиком и велено ему как русских, так и иноземцов ведать судом и расправою. Да ему же, Качанову, велено в удобном месте построить город и казенные анбары, потому что ясашная казна будет привозиться со всех острогов на Большую реку, и аманаты всех острогов будут держаны на Большой реке, и назначено де по указу быть столичному месту на Большой реке и морской пристани.*

И по силе оного указу в феврале месяце посылал де он, Качанов, для рубления лесу на вышеписанное строение казаков, Григорья Тюшева с товарыщи, которые несколько лесу и срубили, а ныне де оные служивые забунтовали и чинят де остановку в приказанном ему деле.

Между тем Кыкчика реки чрез тойона Окагыша в Большерецком остроге получено известие, что три острога иноземцов

Воровской реки изменили, и посланных из Большерецкого острога за збором ясашной казны служивых Кирилу Цаплина с товарыщи в 7 человеках убили.

Получа вышеозначенное известие, служивые бунтовщики посылали к Василью Качанову, чтоб он шел в ясашную избу и отправил бы служивых в поход на изменников Воровской реки, а сами они, бунтовщики зговорились, чтоб его, Качанова, как он в ясашную избу придет, посадить в казенку.

Хотя Качанов и знал, что его бунтовщики хотят посадить в казенку и убить, и он по сие время для того в ясашную избу не ходил, однакож он, известяся о убивстве служивых, по их бунтовщиков просьбе, пошел в ясашную избу, надеяся, что они, опасайся иноземческой измены отложа бунт, в прежнее состояние пришли, но надежда его обманулась, ибо как только он в ясашную вошел, то бунтовщики, не допустя его до судейского места, оковав в казенку посадили, а на его место выбрали прикащиком бывшего при Качанове ***пищика Григорья Попова.***

Оной Попов на вышеозначенных изменников того же апреля в последних числах отправил в поход сына боярского Петра Мухоплева с 30 человеками служивых людей, которой майя 2 дня пришел на Воровскую реку и, понеже близ устья батов не было и переправиться чрез Воровскую реку было не на чем, то он пошел со служивыми людьми вверх по оной реке до иноземческих жилищ для батов и, пришед в Амшигачев острог, нашел в нем двух стариков иноземцов, которые объявили, что де баты все уведены вверх по Воровской реке, а там де зделан острожек на острову.

Оттуда помянутой Мухоплев пошел со служивыми к новозделанному иноземческому острожку. Оной острожек зделан был стоячей деревянной, а в стене у него закладены были баты, под которой пришед стал он, Мухоплев, разговаривать их иноземцов ласкою и прошать у них батов для переправы, а они стали по них стрелять из ружья и ранили в то время из них пять человек да двух человек убили.

Мухоплев, видя, что оные иноземцы покориться не хотят, отошед от их острожку, ночевал, а они той ночи вышли на вылазку и, пришед к таборам их, стреляли из луков и огненного ружья и многих служивых и ясашных иноземцов, которыя были у служивых в каюрах, изранили, и служивые едва их ночью от табар отбили.

Следующего дня Мухоплев со служивыми людьми, приступи к острожку изменническому, стали вал валить и из-за валу оной острожек с бою взяли, а на приступе убили они, изменники, одного из служивых только человека, а иноземцов побили они в острожке малое число, а большая часть из них розбежалась.

По взятии оного острожка служивые люди из ясашной казны, которую збирал Кирило Цаплин с товарыщи, немалое число находили по балаганам, и у баб в пазухах, всего 13 соболей, 12 лисиц красных, да лоскутье лисье и соболье, которую казну Петр Мухоплев со служивыми отослал в Большерецкой острог.

Майя 20 дня на Воровской реке нашел он, Петр Мухоплев, Катонача с родниками и звал его попрежнему в ясашной платеж, также просил он, чтоб помянутой Катонач погромную ясашную казну збору Кирила Цаплина, ежели ему что досталось, отдал, и по его, Мухоплеву, призыву оной, Катонач, дал в аманаты сына своего и обещал ясак платить попрежнему безизменно, а ясашной казны у себя не объявил. И означенным походом та измена выведена.

1719 году июля с 15 числа Нижнего острога прикащик Иван Уваровской с прочими поехал на судне возвратно в Якуцк с ясашною казною, а Василей Качанов сидел в казенке по август месяц, а августа 15 дня оной Качанов с прочими с его стороны служивыми, которые в казенке же сидели, ушел, и, пришед в Нижней острог, жил по июня месяца 1720 года, а июня месяца вышел оттуда в Якуцк и в Тобольск, где он о своей обиде бил челом. И по челобитью его бунтовщики большерецкие служивые в Тобольске розыскиваны и в ссылки разосланы.

1719 году в сентябре месяце (в рукописи зачеркнуто: на место Василея Качанова) прислан из Якуцка в камчатские остроги прикащиком сын боярской Иван Харитонов, которой так, как прежние прикащики, управлял всеми тремя камчатскими острогами, а жил в Нижнем остроге».

А.С. Зуев:

*«**1718–1719 годы.** Сын боярский Василий (Евфимий?) Качанов. Прибыв в 1718 г., в апреле 1719 г. был лишен власти взбунтовавшимися казаками и посажен в тюрьму. В августе 1719 г. бежал в Нижнекамчатск, откуда в июне 1720 г. отправился в Якутск. Вместо Качанова казаки в мае 1719 г. выбрали "на приказ"* ***Григория Попова.*** *Одновременно, в апреле того же года, Большерецкую ясачную избу принял сын боярский* ***Назар Коле-***

сов. *Позднее, в июле 1719 г., приказчиком Большерецкой ясачной избы числился* ***Иван Шапошников****. Но оба они не были назначены официально».*

* * *

Данила Абалаков

Из новоприборных казаков. Этой фамилии нет в якутских казачьих списках. Абалак — селение под Тобольском.

* * *

Василий Княжей

Тимофей Княжнин был в числе тех якутских казаков, которые подписали в 1663 году «*Челобитную служилых людей Якутского острога, в том числе атамана Михаила Стадухина и пятидесятника Ивана Реброва, о снижении цен на хлеб, ввиду дороговизны снаряжения, покупаемого при походах в "дальние землицы"».*

Пушкари Княжнины отмечены в материалах Якутской приказной избы за 1675 год: «Дело о выдаче за хлебное жалованье рыбой… городовым пушкарям Тимофею и Никите Княжниным». «Митька (Тимофей. — *С.В.*) Княжнин в прошлом во 199-м [1691] году в Якутцком умер воспою. И в нынешнем в 200-м [1692] году июня в 10 день приверстан в ево Митькино место казачей сын Ивашко Третьяков Кузнецов».

Федька Княжнин, вероятно, сын одного из пушкарей, служил в Якутске в 1681 г., а в 1706 году — в пятой пятидесятне Якутского казачьего полка.

* * *

Петр Мухоплев

Один из потомков томского Васьки Мухосрана, который был: «Сослан в службу в Якутск за участие в томском бунте 1649–1650 с женой Овдотьицей, детьми Ивашкой и Анюткой». Здесь он числился уже под новым своим именем Мухоплев. Данилко Иванов Мухоплев (брат?) также был «сослан в службу в Якутск за участие в томском бунте 1649–1650 с женой Оленькой и детьми Потапком, Сергейком, Димкой, Анюткой, Наташкой и Марфуткой». А третьим «сослан в службу в Якутск за участие в томском бунте 1649–1650 с женой Овдотьицей» Титко Васильев сын Мухоплев (в 1706 году он еще служит в третьей пятидесятне Якутского казачьего полка).

«Как сообщал бывший в 1665 г. командиром Охотского острога боярский сын Федор Пущин, там произошли массовые нападения эвенов на казаков и русских охотников, от которых

те понесли существенные потери. Так, например, был полностью уничтожен отряд Потапа Мухоплева численностью в 50 человек, «а как их и какими мерами и кто именем и за что побили, того подлинно в Охотском остроге не ведомо, потому что из того походу Русских людей никто в живых не остался».

В 1681 году в женатых окладах в Якутске служили трое из Мухоплевых: казак Максим Мухоплев и пятидесятники Сергушка Мухоплев и Титко Мухоплев.

В 1691 году Сергей Мухоплев был атаманом и имел сыновей Гришку (1669 г.р.) и Ивашку (1677). У пятидесятника Тита Мухоплева был сын Микитка (1669).

«Григорей Мухоплев в прошлом во 199-м [1691] году в Якутцком умер воспою. И в нынешнем в 200-м [1692] году августа в 12 день по помете на челобитной стольника и воеводы князя Ивана Михайловича Гагарина приверстан в ево Григорьево место казак Ивашко Григорьев».

«Максимко Мухоплев в прошлом во 199-м [1691] году приверстан он Максимко в пятидесятники».

«Микитка Титов Мухоплев в нынешнем в 200-м [1692] году августа в 21 день хлебной оклад учинен ему женатой».

«Федька Мухоплев в прошлом во 199-м [1691] году в Якутцком умер воспою».

«Мишка Залесов в нынешнем в 200-м [1692] году идучи в Охотцкой от иноземцов убит. И августа в 31 день приверстан в ево Мишкино место казачей сын Ивашко Мухоплев».

В 1690 году Сергей Мухоплев попал под воеводскую раздачу, будучи участником «Камчатского бунта», правда, косвенно: «…казаки Сергушка, да и Максимко Мухоплевы и хотели они, Сергушка и Максимко, их, Фильку с товарищи, порохом свинцом и иных товарами ссужать, а сами де они с ними в совете и в думе не были и за Нос бежать не хотели…» Но, вероятно, после этих (для многих трагичных) событий он вскоре умер и в 1691 году на его убылое место «верстан племянник Кузьма Микулинов».

Его сын — Иван Сергеевич Мухоплев, будучи в чине сына боярского, был в 1709 году приказчиком Охотского острога: «Приказчик Охотского острога Иван Мухоплев совместно с тунгусами ходил в поход до р. Тубаны (в район современного Магадана) на немирных коряков, которые в прошлые годы побили ясачных пеших тунгусов. В марте 1709 г. он встал перед корякским острожком и запросил ясак и аманатов. Коряки отказали: *"не допустя к*

острогу, учали стрелять, а иные из острогу кинулись с копьями", переранили многих служилых и ясачных тунгусов. Русские открыли огонь из пушки. Коряки отступили в острожек. Мухоплев вновь пытался "ласкою уговорить" коряков, но безуспешно. Они перекололи своих жен и детей и заявили, "что де мы живы в руки не дадимся". "И будчи в осаде, из юрт испереранили многих служилых людей и иноземцов". Русские сожгли острог и юрты вместе с их защитниками. О числе жертв среди коряков Мухоплев в своей отписке ничего не сообщил» (А.С. Зуев).

В отличие от Сергея и Тита Максим Нестеров сын Мухоплев был отправлен в 1673 году на якутскую службу в качестве толмача не из Томска, а из Енисейска. Казаком он стал позже: «Максимко Мухоплев во 191-м [1683] году по Указу Великих государей и по сыску ясачных людей он Максимко от толмачества отставлен и приверстан в казачью службу».

И судьба у него была несколько иной: *«Казак, впоследствии сын боярский. В 1673 году был переведен из Енисейска в Якутск. В 1687 году находился в Среднем зимовье на Вилюе. В 1690 году открыл обозначенный на карте Ремезова около дельты Лены остров Крестовой (возможно, остров Столбовой). Витсен называет этого казака князем Максимилианом Мухоплетиусом.*

Максим Мухоплев в течение многих лет служил в самых различных зимовьях и острожках Ленского края, то в качестве толмача — переводчика с якутского и эвенкийского языков, то в качестве "приказного" (начальника). Он был блестящим знатоком всей Якутии от Лены до Колымы. В 1697 г. он принял участие в составлении сводного географического чертежа "Якутского города с уезды" — чертежа всего обширного Ленского края, на котором нашли свое отражение и сведения о Камчатке, полученные от якутского казака Л.С. Мороско Старицына. Максим Мухоплев доставил этот важный чертеж в Москву и давал по нему разъяснения в Сибирском приказе. Он лично был знаком с выдающимся сибирским картографом Семеном Ремезовым. Максим Мухоплев был даже известен голландскому географу Николаасу Витсену, который в своем капитальном труде "Северная и восточная Татария" даже ссылается на сведения "князя Максимилиана Мухоплетиуса". (Максим Мухоплев за свою успешную службу был произведен в высший казачий чин — "сына боярского". Витсен решил, что "сын боярский" и "князь" — это одно и то же!)» (Б.П. Полевой).

Якутск, 1720 год: «Во дворе Максим Нестеров сын Мухоплев …дети его Петр двацати пяти лет служит в детях боярских и послан на службу на Камчатку», где он оставил свои «следы»:

«В конце апреля 1719 г. приказчик Г. Попов отправил из Большерецка в поход на р. Воровскую отряд (30 служилых) во главе с сыном боярским Петром Мухоплевом. В составе отряда были также ясачные иноземцы. В мае отряд вышел на острожек Амшиги и предложил ему сдаться. Получив отказ, казаки штурмом взяли острожек, потеряв при этом убитыми трех человек. Была захвачена пограбленная прежде ясачная казна. После этого Мухоплев нашел Катанача "с родниками", которых убедил смириться и выдать в аманаты сына Катанача.

По версии А. Сгибнева и Б. Долгих, события на р. Воровской развивались иначе. В 1718 г. камчатский приказчик В. Качанов, рассчитывая приобрести доверие ительменов, отпустил из Большерецка содержавшихся там двух аманатов — Киврю и Купку, которые пользовались большим авторитетом у сородичей. Выйдя на свободу и узнав о притеснениях со стороны русских своих родовичей, они "возмутили" их. Сперва "изменники" убили ясачного сборщика Степана Чаплина и с ним 4 чел., а собранный ими ясак разделили. Затем ими были убиты двое служилых, посланных за сбором травы и кормов. После этого Киврю и Купка намеревались идти на р. Ичу, сжечь стоящее там русское судно (на котором прибыл Качанов) и убить бывших при нем казаков. Узнав об этом, Качанов послал из Большерецка на Воровской острожек сына боярского Мухоплева с 30 казаками. Мухоплев, прибыв на Воровскую, потребовал от ительменов выдать Киврю и Купку, но получил отказ. Тогда он разорил три острожка, перебив почти всех защитников. Потери русских составили: три казака и много раненых» (А.С. Зуев).

В 1687 году сын пятидесятника Тита Мухоплева Никита приверстан в пешую казачью службу, в 1706 году он был записан в седьмой пятидесятне.

Якутск, 1720 год: «Во дворе отставного служивого человека Никиты Иванова сына Мухоплева…»; «Во дворе сына боярского Ефима Иванова сына Мухоплева…»

Последний, вероятно, тот самый подьячий Яким Мухоплев, который прибыл на Камчатку с приказчиком Новгородовым и был, как один из «поджигателей» Харчинского бунта «вместо смерти бит кнутом (50 ударов) в Нижнекамчатском остроге 4 марта 1734 г.».

* * *

Андрей Петров

При всех многочисленных якутских Петровых Андрея нам отыскать не удалось. Вероятно, из якутских казачьих детей.

* * *

Иван Харитонов

Дворянину Ивану Харитонову, который не в первый раз был на Камчатке, приказано было продолжить дело Большого Камчатского наряда, хотя полковник Ельчин, руководитель экспедиции, уже находился под следствием и был отрешен от всех дел.

«…Якутский воевода Ракитин послал прикащиком на Камчатку и для приведения в подданство Курильских островов дворянина Ивана Харитонова. Ему, между прочим, предписывалось в Охотске достроить заложенное в 1718 г. камчатским нарядом судно, взять морехода и потребное число служилых из партии Ельчина и идти на Камчатку. По дороге же от Якутска до Охотска ставить зимовья, чтобы людям от пути не было остановки, а Якутам изнурения и разорения. Харитонов вышел 19 августа 1719 г. из Охотска в Большерецк с артиллерией, сколько мог вместить на судне. Перед отбытием своим в Камчатку он послал 4 августа в Якутск донесение о разных беспорядках в Охотске, возникших, по его словам, еще при жизни капитана Абыштова. Сентября 1-го Харитонов прибыл в Большерецк и избрал Верхнекамчатск для постоянного жительства, как по надежному острогу, так и по положению его. Находясь в феврале 1720 г. в Нижнекамчатске, он узнал от ясачных с р. Тигиля, что палланцы и лесные камчадалы не хотят платить ясаков и обещались убить сборщиков. Эти слухи заставили Харитонова в марте месяце идти на изменников с 60 казаками и тигильскими камчадалами. Хотя возмутившиеся не показали сопротивления, однакоже, по совету тигильцев, Харитонов для осторожности отобрал у бунтовщиков оружие. Но, когда палланцы беспрекословно заплатили ясака, Харитонов отдал им оружие и расположился с своими казаками на ночлег в особой юрте. Камчадалы, дав заснуть русским, подступили к занимаемой ими юрте, вооруженные копьями, ножами и луками, напали на спящих. Харитонова и 9 казаков закололи копьями и ножами, а 14 казаков ранили, остальные, схватив ружья, бросились на изменников и отмстили за смерть своих товарищей. Одни из камчадалов пали под оружием пробившихся из юрты казаков,

остальные сожжены в юрте вместе с убитыми ими русскими. Когда не осталось ни одного камчадала в Палланском остроге, русские заперлись в нем и не знали, что и делать, потому что им не известны были дальнейшие планы Харитонова. Камчадалы же ближайших острогов также разбежались, боясь мести казаков, не щадивших в подобных случаях ни правого, ни виноватого. Наконец, 2-го апреля, казаки дали знать о себе в Большерецк, а вслед за тем и сами благополучно возвратились в Нижнекамчатск.

Между тем в Большерецке казак Лукашевский, узнав о смерти Харитонова, принял управление острогом и отправил в Охотск ясак» (А.С. Сгибнев).

С.П. Крашенинников: *«В 1719 году прислан был на смену тем приказчикам дворянин Иван Харитонов, который ходил в поход против немирных сидячих коряков на Паллан-реку, и в оном походе убит обманом: ибо коряки сперва приняли его честно, дали ясак и аманатов и, таким образом исплоша, за ужиною с несколькими человеками закололи; однако тот подлог не совсем им удался, ибо большая часть казаков, справясь, имели счастье из юрты выйти и изменников сжечь без остатка в остроге.*

…1720 году в марте месяце вышепомянутой Иван Харитонов пошел в поход на впадающую в Пенжинское море Паллан реку в 50 человеках, чтоб живущих на оной реке иноземцов без бою к ясашному платежу привесть. И пришед на оную реку иноземцов без бою к ясашному платежу привел, а иноземцы не бились с ними для того, что они не войною их, но лукавством убить зговорились. И как помянутой Харитонов со служивыми вошел в иноземческую юрту, то они его, Харитонова, во время ужина с несколькими служивыми нечаянно побили, иные раненые служивые вон выбежали; которые были на отводном карауле, услыша о убивстве своего прикащика, всех их иноземцов в юрте сожгли».

* * *

Максим Лукашевский

Перед началом своего последнего военного похода Иван Харитонов оставил память о назначении вместо себя старшим рядового казака Максима Лукашевского (в подчинении которого оказались дети боярские и сотники).

Максим Лукашевский сообщал впоследствии в Якутск: «…Ивана Харитонова убили марта в 27 день, да с ним служилых людей убито ж: **Дмитрей Шевыря, Петр Молчанов, Осип Тру-**

бач, Иван Колычов, Трофим Пономарев, Тимофей Воробьев, Ефим Рудаков, Алексей Мохначевской, Антипа Суклерской, да раненых 14 человек».

Первый из Лукашевских, появившихся в Сибири в 1661 году, был ссыльным военнопленным:

*«Тое ж присылки ссылные ж люди Мишка Темецкий, **Куземка Лукашевский**; и по указу великих государей посланы ис Тоболска те ссылные люди в Красноярской острог, а государева служба велено им служить в пеших казаках. — Тое ж присылки ссылные ж люди Стенка Маневский, Хриштопко Велчицкий, Ивашко Семенов, Павлик Лазовский; и по указу великих государей посланы ис Тоболска те ссылные люди на Лену в Якуцкой острог, а государева служба велено им служить в пеших казаках».*

Максим Лукашевский сын Андреев, узнав о смерти приказчика Харитонова, «принял управление острогом и отправил в Охотск ясак».

Но этого ему показалось мало — и он… провел самостоятельное следствие, в результате которого был арестован монах Игнатий Козыревский (в миру Иван Петрович Козыревский, бывший «воровской» есаул).

«…закащик камчатского наряду служилой человек Максим Лукашевский челом бьет. В нынешнем 720 году, майя в 2 день, будучи в Большерецку у отправления великого государя казны чрез Ламское море в Якуцк, приехал из нижнего Камчадалского острогу в Большерецкой острог служилой человек **Прокопей Третьяков** и сказывал мне Максиму: нижнего де Камчадалского острогу закащик **сын боярской Василий Чемесов** приходил де во многолюдствии на постоялой государев двор и дал де он Василей за своею рукою память на имя служилого человека **Петра Неворотова**, чтоб идти ему Петру на постоялой государев двор со служилыми людми; и он Петр Неворотов да с ним служилые люди **Степан Саблин, Алексей Отопок, Дмитрей Варжа, Петр Литвинцов, Яков Мохначевской, Обросим Сорокоумов** и протчие де многие служилые и промышленные люди приходили на постоялой государев двор, где жил сын боярской Иван Харитонов, чая у него Ивана великих пожитков; а у него Ивана которые и были пожитки, и он при бытности своей положил в казну на продажу 6 сороков, да купил рыбной кости у **Емельяна Баева** в Анадырску 50 пуд, цена по 5 руб. пуд; а та кость явленая; а в поездки за ясачным сбором отпущал он Иван без дач, а из поездок еще и не бывали; а его Ивана Харитонова убили. И будучи они служилые (люди) на постоялом государевом дворе, видя, что у него Ивана пожитку мягкой рухляди не явилось, а явилось малое число соболей не корысных да выдер малое число и бобров також, и оне обрали его Иваново платье, которое привезено из Якуцка, мундиры, камзолы, шапки, рубашки и протчей всякий шкарп, и посуду, и сносили в государев казенной анбар; а из того числа, что оне себе взяли, того я не знаю, буде чего не явитца, то знает про то Василей Чемесов для того, что он, сообщася с ними служилыми людми, без указу великого государя сбирал. А на государеве дворе были оставлены служилые люди 7 человек, и велено им двор государев и шкарп Ивана Харитонова беречь и караулить. Да он же де Василей Чемесов после того спустя 3 дни посылал служилых людей **Михайла Мешкова, Петра Литвинцова, промышленного человека Якова Тугобезменова** с товарищи на тот постоялой государев двор и обрали мое пожитченко и платье и обувей и рубашки, порох и свинец, которые я привез из Якуцка, покупил на данное мне великого государя жалованье, и оное все снесли де в государев анбар, или оне что из того числа разделили по себе, про то я не знаю. И ныне я живу в Большерецку в великом сомнении для того, что оне возмутители и мятежники в указе великого государя не брегут. Преж сего бывало, что на Камчатке и прикащиков убивали, а животы их прикащичьи по себе делили, и после за то им розыск и иных вершение, чтоб они впредь такова начинания и не помышляли, не толико что затевали; а они, небрежа от оной великого государя в себе милости, его великого государя указ уничтожили, бывшего прикащика пятидесятника казачья Алексея Петриловскаго обругали и без указу великого государя от приказу ему Алексею отказали и мучили его Алексея в аманацкой казенке; да в прошлом 719 году сын боярскому Василью Качанову, такожде ж без указу ж великого государя от приказу отказали и мучили его Василья в аманацкой казенке в вилах, хотя его Василья и до смерти замучить, и ежели их таких возмутителей и великого государя указу презрителей с Камчатки не переселить, то не престанут оне возмутители от злаго своего намерения, будут и впредь прикащиком или воеводам отказы-

вать и будет в службе великого государя всякое непоспешение, такожде же и в судовом строении нерадение; а надлежит послать для проведыванья на море новых земель и островов для судового строения собственного прикащика, а в острогах за ясачным сбором и иным, и будет в службе поспешение велие; а на судовое строение лесу по Камчатке реке доволно, толко надобно приложить радение. … Да у них же на Камчатке имеется такой случай: буде их поставишь в государеве деле на правеж, их на какую службу принудишь, и оне, избывая оного, заводят дела государевы; а как спросят, и оне говорят: объелся де мухомору и не памятует, и уже тех их дел обретаетца в Камчадальских острогах множество».

* * *

Делая отчет по отправляемому в Якутск ясаку, Максим Лукашевский называет еще несколько неизвестных нам фамилий камчатских казаков: **Иван Бадаин, Иван Шапочников, Константин Шевырин, Федор Болдаков,** а также упоминает о челобитной «**служилого человека Василья Полуехтова на Алексея Петриловского об обиде и разорении».**

* * *

Иван Бадаин

Вероятно, Бадалин: «Устинко Хохулин в нынешнем в 200-м [1692] году идучи в Охотцкой от иноземцов убит. И августа в 31 день приверстан в ево Устинково место казачей брат Сенька Анциферов Бадалин», который в 1706 году служит в четырнадцатой пятидесятне. В другом случае эта фамилия писалась как Баданин: «Ужинная и умолотная книга выдельного десятинного хлеба по Криволуцкой, Верхокиренской и Усть-Кутской волостям приказчика Семена Баданина, выдельщика Якова Протасова и житничных целовальников Ивана Иванова и Мирона Титова, 1694–1695 (203) г.».

* * *

Федор Болдаков

Его имени нет в списках якутских казаков.

Это, скорее всего, якутский потомок тобольского казака Тимошки Михаилова сына Булдакова Кузнеца, прибывшего на Лену в отряде воеводы Петра Головина.

Помимо Тимофея в Якутии в начале 1670 года служил Михаил Булдаков, имя которого мы узнали из документа, который

называется «Дело о избиении подьячим Михаилом Булдаковым десятника Корнилы Анкидинова и выемного головы Якутского острога пятидесятника Потапа Рогова».

В 1681 году в Якутии служат Васка Булдаков, казак (ж/о) и Гришка Булдаков, казак (х/о).

Десятник «Васка Булдаков в прошлом во 199-м [1691] году в Якутцком умер воспою».

А Григориев Булдаковых было двое:

«Гришка Булдаков в прошлом во 199-м [1691] году в Якутцком умер воспою. И в нынешнем в 200-м [1692] году июня в 25 день приверстан в ево Гришкино место казачей брат Кирилко Степанов Шапошниковых».

«Гришка Васильев Булдаковых в нынешнем в 200-м [1692] году августа в 8 день хлебной оклад учинен ему женатой».

В 1706 году Григорий Васильевич служит в седьмой пятидесятне.

* * *

Дмитрей Варжа

Информации об этой фамилии у нас нет.

* * *

Тимофей Воробьев

Вероятно, этот тот самый Воробьев, который был «прибран» Атласовым в Тобольске, а потом вместе с Владимиром Владимировичем сидел в якутской тюрьме.

* * *

Иван Колычов

В 1706 году записан в восьмой пятидесятне Якутского казачьего полка.

В 1748 году в Якутске в служилых людях записан Иван Харитонов сын Колычев.

Харитон Яковлевич Колычев, служилый человек, отмечен в Якутске в 1720 году. У него было два сына — Иван и Харитон.

* * *

Петр Литвинцов

Очень распространенная фамилия, родоначальником которой, как правило, был военнопленный из Великого княжества Литовского.

В 1681 году в списках якутских казаков подобную фамилию носили четверо: Гришка Литвинов, казак (х/о); Матюшка Литвинов, казак (ж/о); Пашко Ларионов Литвинов, казак (х/о); Стенька Литвинов, казак (х/о).

В 1691 году есть упоминание и о других носителях этой фамилии в Якутии: «Выбылой оклад пятидесятника казачья Ивашка Кожина что осталось от верстанья пятидесятника Корнилка Анкидинова Ондрюшки Литвинца», казак Матюшка Литвинцов и Лучка Литвинцов.

В 1706 году трое: Павел Ларионов Литвинов (11-я пятидесятня), **Петр Литвинцов** (3-я), Семен Литвинцов (2-я).

Якутск, 1720 год: «Во дворе Иван Михайлов сын Антипин и он Иван послан Великого государя на службу в Ылимск в [1]718-м году …у нее живет на подворье служивой Петр Литвинцов и он Петр послан Великого государя на службу на Камчатку в [1]714-м году».

То есть, судя по этой информации, Петр Литвинцов был из новоприборных якутских казаков.

* * *

Петр Молчанов

В списках якутских казаков этого имени нет.

Возможно, из тюменских казаков. В 1680 году в Тюмени служили в детях боярских Иван и Михаил Молчановы.

* * *

Алексей Мохначевской, Яков Мохначевской

В 1681 году ссыльный военнопленный Григорий Мохначевский «верстан в дети боярские в 7189 г. на убылое место Лошакова Кузьмы». Правда, в материалах Якутской приказной избы за 1674–1675 годы приказчик Бутальского зимовья Григорий Мохначевский был уже в чине сына боярского. Но в 1693 году «по грамоте великих государей от службы отставлен и велено его ссылать в ссылку в Красный Яр в казачью службу». Но в Якутске остались его дети и внуки

У Григория в 1681 году было два сына — Якунька (1673 г. р.) и Васька (1678).

«Пронка Лукьянов Овечкин в нынешнем в 200-м [1692] году идучи из Охотцкого на Юдоме на пороге утонул. И августа в 18 день приверстан в ево Пронькино место сына боярского Григорья Мохначевского сын ево Якунька в холостой оклад».

«Гришка Тюленев в нынешнем в 200-м [1692] году в Скитаке умер воспою. И августа в 11 день приверстан в ево Гришкино место сына боярского Григорья Мохначевского сын ево Васка».

Вероятно, еще раньше у Григория родился еще один сын — Иван, так как в 1706 году в седьмой пятидесятне Якутского казачьего полка служил Яков Иванов сын Мохначевский. И этому мы нашли доказательства в материалах Якутской приказной избы: «Ужинная и умолотная и расходная книги выдельного десятинного хлеба по Чечуйской волости выдельщика сына боярского Ивана Мохначевского и житничных целовальников Никифора Родионова Ильиных и Ивана Авдеева Творогова 1688–1689 (197) г. Переходящие скрепы Зиновьева, Ивана Мохначевского за себя и отца приказчика сына боярского Григория Мохначевского, пашенного крестьянина Федора Осипова — за Родионова и Авдеева». Последний раз упоминание о сыне боярском Иване Мохначевском датировано 1698 годом.

Еще один Яков Мохначевский (1688 г. р.), тоже внук Григория, служил в семнадцатой пятидесятне.

В 1706 году Василий Григорьев Мохначевский служил в десятниках пятнадцатой пятидесятни. А Яков Григорьевич был в чине сына боярского и чуть было не стал камчатским приказчиком: «В 1726 г. в Камчатку за ясачным сбором послан дворянин Яков Мохначевский, которому поручались Верхне- и Нижнекамчатские остроги, а в Большерецком оставлен сборщиком находящийся в Камчатке Степан Трифанов. Мохначевскому дана инструкция, писарь Судаков и 20 человек казаков; но, выехавши из Якутска, взял самовольно у якутов 70 подвод вместо положенных ему 6 лошадей, о чем донес капитан Беринг, сам нуждавшийся в лошадях; почему якутская канцелярия Мохначевского от посылки в Камчатку отставила, а вместо него назначила в августе 1726 г. пятидесятника Тарабукина, который по прибытии в Охотск целый год дожидался прихода судна из Камчатки и с своею командою бедствовал от усиленных работ на экспедицию Беринга и от недостатка провизии».

Якутск, 1720 год: «В юрте служивой Василей Григорьев сын Мохначевской».

* * *

Алексей Отопок

Вероятно, Отопков. Диалектное слово «отопок» — лапоть. То есть, Лаптев.

В списках якутских казаков эта фамилия не встречается.

* * *

Василий Полуехтов

А 1632 году в отряде енисейских казаков Петра Бекетова, построившего Ленский острог», был казак Микляшка Полуектов.

Но якутская династия Полуехтовых начинается с Томска: «Атаман казачей Степан Полуехтов, уроженец томской, а сослан он в сылку ис Томского в Якутцкой с отцом своим с Ондрюшкою Щербаковым во прошлом во 162-м году за томской бунт».

Якутск, 1681 год: атаман Степан Полуехтов.

Дети атамана: Васка (1671), Ивашко (1675), Офонька (1678), Петрушка (1686), Алешка (1689).

В 1692 году Васька и Ивашко Полуехтовы — рядовые казаки в холостых окладах.

1706 год: Полуехтов Афанасий [Степанов] (12), Полуехтов Василий Степанов (13), Полуехтов Иван [Степанов] (16), Полуехтов Степан, с. б.

Якутск, 1720 год: «Во дворе Алексей Стефанов сын Полуехтов», «Во дворе служивого Василья Михайлова сына Говорова живет служивого Василья Стефанова сына Полуехтова жена ево Ирина сказала муж де Василей пятидесяти лет и он послан Великого государя на службу на Камчатку».

Камчатка, 1715 год: *«В январе 1715 г. коряки напали на отряд Аф. Сургуцкого (всего 29 чел., по другим данным — 18), который из Олюторского острога направлялся на р. Апуку и Пахачу для сбора с местных коряков рыбного, оленьего и другого “корма”. Апукские оленные и пешие коряки перебили большинство русских, в том числе Сургуцкого, и захватили в плен то ли двух, то ли четырех человек. Бежать назад, в Олюторский острог, удалось только двум анадырским жителям (по другим данным, одному). Из пленных позднее двое бежали в Анадырск, один был отпущен в Олюторский острог.*

С 12 февраля олюторские и прибывшие к ним на помощь с Оклана (Аклана) и Пенжины оленные и пешие акланские и каменские коряки стали часто подъезжать к Архангельскому Олюторскому острогу, периодически его осаждая. В марте они захватили бывших на заготовке дров казачьих холопов-коряков и побили высланный им на помощь из острога отряд (из 10 казаков убили 8, один успел бежать в острог, другой был взят в плен, но позднее также бежал).

После этого в Олюторском остроге осталось примерно 35 чел., в том числе три приказчика — Василий Полуехтов, Илья Фролов и Алексей Петриловский.» (А.С. Зуев).

Камчатка, 1716 год: «В то время сидел в Большерецком остроге закащиком Василей Полуехтов, при котором в Лопатке

на Мамговой реке курильские мужики Нелюка с товарыщи изменили и многих ясашных мужиков на Опале и на Голыгине и на озере живущих побили, жен и детей полонили и кормы их прижгли, о чем доносил посыланной в ту сторону за ясашным зборм служивой Агапит Лопухин и притом объявил, что и остальные ясашные иноземцы, бояся убивства и разорения, живут в бегах и ясаку промыслить не могли, потому что все промыслы отбил помянутой изменник Нелюка с товарыщи и он, Лопухин, к нему Нелюке под острог ходил, и его розговаривал и призывал его попрежнему в ясашной платеж, и на том подзыве и разговоре убили из острогу из лука казака Ивана Попова, а изменники в разговор не далися».

* * *

Трофим Пономарев

В списках якутских казаков такой фамилии нет. В 1696 году в Тобольске служили Олешка и Офонка Пономаревы.

* * *

Ефим Рудаков

В якутских списках этого имени нет, но в 1647 году на Лене был один из Рудаковых: «…по государеве грамоте отпущен в Енисейской острог с служилыми людьми с Микифорком (Никифором Ивановым сыном. — *С.В.*) Рудаковым с товарыщи…»

В 1669 году в Енисейске записан двор «пятидесятника Кирилка Рудокова, а у него сын Еремка 13, сын Ивашко 7», а также отмечен «Ивашко Матвеев Рудаков, холост, служит на Байкале».

* * *

Степан Саблин

Этого имени мы не обнаружили в списках якутских казаков. Но фамилия в 1696 году отмечена среди казаков Тобольска: Иван Степанов Саблин.

* * *

Обросим Сорокоумов

Фамилия якутских казаков. В 1637 году на Лене добывал пушного зверя Богдан Артемьевич Сорокоумов, который впоследствии был верстан в енисейские казаки, в 1640 году — служилый Ленского острога.

В 1668 году в одном из документов («Отписке служилого человека Семена Сорокоумова в Якутскую приказную избу о затертом льдами в устье Индигирки коче и ввиду этого задержке соболиной казны, доставляемой с р. Колымы в Якутский острог»)

Семен называет свое отчество — сын Дементьев. То есть, вполне возможно, приходился внуком Богдану Артемьевичу.

1681 год: десятник Сенка Сорокоумов в женатом окладе, впоследствии пятидесятник.

«Семен Сорокоумов принадлежал ко второму поколению якутских казаков. Свои службы на северо-восточных реках он начал в 60-х годах на Колыме. В челобитной царю Алексею Михайловичу, поданной в Якутскую съезжую избу в 1669 г., Сорокоумов упоминает, что в течение предыдущих 8 лет он служил на Колыме без царского жалованья (ЯОУ, ст. 455, л. 229).

16 июля 1667 г. Сорокоумов вышел на коче с Колымы в Якутск (ЯА, карт. 22, ст. 15, ст. 39). Около устья Индигирки его судно попало в лед и было оставлено (отписки Сорокоумова якутскому воеводе. ДАИ, т. V, с. 335–336). Так же неудачным было плавание Семена Сорокоумова в следующем году с Индигирки на Лену (ЯА, карт. 22, ст. 15, сст. 39–44). Лишь на третий год ему удалось войти в Лену. Летом 1672 г. Сорокоумов поехал на Колыму, но у Бузина острова его судно потерпело крушение. От места гибели коча казак пришел в Верхнеколымск (ЯОУ, ст. 469, л. 1–14), а потом вернулся в Якутск в 1673 г. "через Камень" (ЯА, карт. 29, ст. 2, сст. 26 и 29). В 1678 г. он вновь был послан служить на Колыму (ЯОУ, ст. б/н, на 95 л., 1678 г., л. 41). В его отряде находился Яков Пермяков, известный впоследствии мореход, принимавший участие в открытии Новосибирских островов. С Сорокоумовым поехали дети прославленных якутских мореходов: Абрам Салдатков, сын Артемия Салдата, товарища Дежнева, Василий Аргунов, сын Лазаря Аргунова, и др. Сорокоумов благополучно прибыл на Колыму (Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в. Л., 1936, с. 243). Затем Сорокоумов служил на Индигирке, где в 1685 г. во время восстания юкагиров был убит (ЯА, к. 37, ст. 2, ст. 16)» (М.И. Белов).

1692 год: казак Ивашко Сорокоумов.

1706 год: Иван Семенов Сорокоумов, с.б.; Степан Иванов Сорокоумов (8); Петр Иванов Сорокоумов (8).

Сын боярский Иван Семенов сын Сорокоумов весьма печально завершил свой жизненный путь: «…в 1713 г. последовал указ Петра I об отыскании морского пути на Камчатку. Исполняя этот приказ, сибирский губернатор Гагарин предписал якутскому воеводе Ельчину "послать из Якутска в Камчатку сына боярского с 12 казаками через Ламу. С Ламы ему идти с людьми в Камчатку

морем". Дополнительно от себя Гагарин приписал посылать не охотников, а по очереди, "ибо дело нужное, и по возвращении пожалованы будут чинами и богатством".

Выбор руководителя похода был весьма неудачен. Сын боярский Иван Сорокоумов, нерадиво отнесшийся перед этим (1709–1710 гг.) к выполнению приказа об осмотре Шантарских островов, и сейчас совершил свой поход в Охотск без всякой пользы. Подойдя к острогу, он без видимой причины взял его боем, а вслед за тем, вместо принятия мер к выполнению приказа, предался пьянству и грабежам. Сорокоумов по прибытии в Якутск был заключен в острог, где умер в 1718 г. Команда его послана в Анадырский острог».

Якутск, 1720 год: «Двор служилого Стефана Иванова сына Сорокоумова и он Стефан послан на службу Великого государя в Жиганы в 719-м году а по скаске матери ево ему дватцати девяти лет».

Обросим Сорокоумов долгие годы жил на Камчатке в Нижнекамчатском остроге. В 1731 году это был тот самый спасшийся нижнекамчатский казак, донесший о нападении камчадалов, которые убили его жену с двумя сыновьями.

* * *

Антипа Суклерской

Этого имени нет в списках якутских казаков.

Оно встречается в Забайкалье. Печальную весть о гибели сына бывшего гетмана Украины Демьяна Многогрешного Петра Демьяновича в 1691 году «…доставили в Иркутск… — казачий пятидесятник Антон Березовский и стрелец Иван Суклерский. Из их распросных речей в Иркутской приказной избе и из отписки Евсеева Кислянский сообщает Сибирскому приказу… подробности о неудаче отряда Петра Многогрешнаго и Ф. Леонтьева».

* * *

Прокопей Третьяков

Фамилия очень распространенная. Третьяк — третий по старшинству сын в семье.

Первым на Лены пришел стрелец «Евфимко Третьяков мать у него в Тобольску в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву дальную службу на Оленек реку».

Якутск, 1706 год: Тимофей Третьяков (6-я пятидесятня), а также Гаврило Третьяков Тобольской, десятая пятидесятня: «На Камчатке от иноземцов убит и на его убылое место поверстан казачий племянник Тимофей Иванов».

По всей видимости, Прокопий Фомич был из новоприборных, возможно, тобольских, а может быть, и томских казаков Третьяковых.

Томск, 1680 год, казак Елфимко Третьяков сын Тарасов: «Отец родом с Устюга Великого, в Томск пришел охотою и был в конной службе, а он родился в Томске и верстан в отцово место при воеводе Даниле Афанасьевиче Барятинском. Оклад 7 рублев с четью, хлеба 6 четей с осьминою ржи, 4 чети овса, 2 пуда соли».

Томск, 1704 год: «Елфим Тарасов сын Третьяков, сын Иван женат, у Ивана сын Иван году; сын Дорофей 25, Дмитрей 14, Алексей 10».

Якутск, 1720 год: «Во дворе вдовы Евдокеи Федоровой… Прокофей Фомин сын Третьяков и он Прокофей послан Великого государя на службу на Камчатку в 719 году а по скаске жены ево ему Прокопью трицеть лет»; «Служивой Иван Михайлов сын Третьяков сказал дватцети трех лет холост стоит на подворье у Ивана Катасонова»; «Служивой Яков Михайлов сын Третьяков сказал дватцети з годом холост».

Якутск, 1748 год: казак Максим Прокопьевич Третьяков.

* * *

Осип Трубач

В списках якутских казаков не значится Трубачевы служили в Тобольске и в Томске. Историю уроженца Лебедяни Алексея, взятого в плен и проданного в Бухару, бежавшего из неволи и ставшего дворовым человеком томского сына боярского Матвея Трубачева, мы уже рассказывали. У Алексея было трое сыновей, верстанных в конные казаки, — Ларка, Митька, Якимка.

* * *

Иван Шапочников

Этого имени нет в списках якутских казаков.

«**1718–1719 годы.** Сын боярский Василий (Евфимий?) Качанов. Прибыв в 1718 г., в апреле 1719 г. был лишен власти взбунтовавшимися казаками и посажен в тюрьму. В августе 1719 г. бежал в Нижнекамчатск, откуда в июне 1720 г. отправился в Якутск. Вместо Качанова казаки в мае 1719 г. выбрали “на приказ” Григория Попова. Одновременно, в апреле того же года, Большерецкую ясачную избу принял сын боярский Назар Колесов. Позднее, в июле 1719 г., приказчиком Большерецкой ясачной избы числился **Иван Шапошников**. Но оба они не были назначены официально».

Якутск, 1684 год. Казак Алешка Акимов Шапошник: «Сослан с Москвы за Коломенский бунт, а ныне де он Олешка послан из Якуцкого острогу за костяною великих государей казною».

«Гришка Булдаков в прошлом во 199-м [1691] году в Якутцком умер воспою. И в нынешнем в 200-м [1692] году июня в 25 день приверстан в ево Гришкино место казачей брат Кирилко Степанов Шапошниковых».

В 1693 году тобольский сын боярский Шапошников Борис Онофриев «послан в Якуцкой на службу».

Тобольск, 1696 год: десятник Ивашка Шапошников сын Исаков и стрелец Ивашко Шапошников.

Якутск, 1706 год: Кирило Степанов Шапошников (8-я пятидесятня); Тихон Савельевич Шапошников (6).

Якутск, 1720 год: «Во дворе пушкарь Кузьма Стефанов сын Шапошников»; «Во дворе Василья Шапошникова»; «Во дворе бывшей надзиратель Михайло Игнатьев сын Шапошников родом устюженин»; «Во дворе сына боярского Тихона Сергеева сына Шапошникова»; «Служивой Максим Тихонов сын Шапошников сказал дватцети лет холост».

Но Ивана среди них нет. Вероятно, из числа новоприборных казаков, возможно, тобольских.

* * *

Дмитрей Шевыря, Константин Шевырин

Согласно словарю Даля: «Шевыряла, шевыря об. ворошила, шевелила, кто роется, где не должно».

Дмитрий Шевыря сын Григорьев, служил в 1706 году в двенадцатой пятидесятне Якутского казачьего полка.

Судя по дальнейшей истории Камчатки, связанной с Русской Америкой, Дмитрий Григорьевич стал родоначальником Шевыриных — камчатских казаков-мореходов, прокладывавших путь в Русскую Америку.

* * *

*«После Харитонова назначен в Камчатку **сын боярский Степан Бобровский** и при нем сын же **боярский Михайло Петров.** Бобровскому в июне 1720 г. прибывший по делу князя Гагарина в Якутск капитан Измайлов дал инструкцию, какой до того времени не было даваемо ни одному комиссару. Ему поручено было заведовать Верхнекамчатским и Большерецким острогами, а в Нижний назначен другой **прикащик Алексей Шестаков.***

Инструкция, данная Бобровскому Измайловым, заключалась следующих пунктах:

«1) Ехать в Камчатку, взяв от якутского казачьего полка несколько служилых.

2) Прибыв чрез море в Камчатку, принять Верхнекамчатский острог от прикащика Ивана Харитонова, также казну, дела, аманатов, служилых и все по росписным спискам. Объявить всем камчадалам при собрании всех служилых "Милостивое Государево слово", что кому из них были какие налоги от прежних прикащиков, которые ими корыстовались, а суда не было, то ныне Государь велел подавать на них жалобы; виновных розыскивать и оборону чинить камчадалам от русских обидчиков.

3) А чтобы камчадалы жили в покое и тишине, занимались бы промыслами и ясак и поклон Государю платили.

4) Ясаки иноземцам отправлять самим в Верхнекамчатск, чтобы служилые не обменивали и не плутовали; а в улусы посылать только за недобором.

5) Управлятся своими старшинами и быть им покорными, за что будет царское жалование.

6) Злоумышление ежели за кем уведают, не укрывать.

7) А кто до кого доведет измену, тому отдать пожитки изменника.

8) В лесах огня не пускали бы — соболь уходит.

9) Ясак в Верхнекамчатске прикащику принимать при служилых.

10) Сыскивать в ясак новых плательщиков и записывать в ясак захребетников и подростков».

Приписка. «За взнос полного ясака награждать камчадалов; сверх ясака покупать зверей в казну; до сбору ясаков никого в остроги не отпускать для торговли и вымену зверей; в Якутск с ясаками идти самому комиссару с переменными служилыми. В улусы казаков ни зачем не отпускать; аманатов держать в железах, бес тесноты и кормить необходимым, чтобы не было сомнения в них и от них жалоб. По жалобам на русских розыскивать, для чего употреблять бумагу гербовую. В Верхнем питья, …игры картежной не держать. Ясырей и погромных переписать, также и служилых, издавна живущих в Камчатке, а взявших за долги жен и детей бить батогами. Убитых и умерших имения переписывать; изб и бань все лето не топить, чтобы не сделать пожару в Верхнекамчатске, а пищу приготовлять на дворе. По-

сылать для приводу новых землиц в подданство ласкою и брать с них по одному ясаку в год; а которые живут близ Камчатки и могут быть опасными, то на непослушных ясачных посылать служилых из Верхнекамчатска, по рассмотрению, и прежде всего уговаривать, а после, ежели чается от них зло, идти войною и брать с них аманатов. Отложившихся убийц русских и идущих войною под остроги уговаривать; а после смирять войною — зачинщиков сажать в казенку до указу. Беглецов не брать с собою через море в Камчатку. При отбытии с Камчатки острог сдать надежному доброму человеку, а ежели будет нерадеть, то будешь отвечать против каждого пункта наказанием, разорением, ссылкою и лишением живота» (А. Сгибнев).

* * *

Степан Никитин сын Бобровский

Сын боярский из Тобольска. Назначен в 1720 году. Выехал с Камчатки в июле 1723 года, умер в этом же году по дороге в Якутск на реке Урак.

«После просмотра окладной книги служилых людей Тобольска (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1376, 1703 г.) удалось установить, что Бобровские в 1693 г. уже были в Тобольске (в 1678 г. их там, скорее всего, еще не было): среди детей боярских упоминаются Иван Никитин сын Бобровской и Степан Никитин сын Бобровской, при этом отмечено, что Степан в 201 году (1693 г. при грубом пересчете) был послан в Якуцкой».

Но эти данные не совсем верные или совсем не верные:

*«В прошлом же во 167-м году декабря в 24 де по государеве цареве и великого князя Алексея Михайловича, всеа в. и м. и б. Р. с., грамоте присланы с Москвы в Тоболеск ссылные иноземьцы новокрещены, которые взяты на боях в языцех, с тоболским сыном боярским з Давыдом Бурцовым: прапорщик Михайло Клосинов, Костянтин Ляпинской, **Микита Бобровъского** з женою Варварою, и жена ево в Тоболеск не привезена, а по скаске Тоболского сына боярского Давыда Бурцова, что та жена ево на Москве збежала безвестно; и ис тех ссылных людей 2 человека Костянтин Ляпинской да **Микита Бобровъского в Тоболску женились на руских казачьих дочерях**. А по государеве грамоте велено им служить в Тоболску государеву службу в литовском списке».*

То есть Микита Бобровский появляется в Тобольске уже в 1659 году.

В 1690-х годах его дети — Иван и Степан — тобольские дети боярские. В 1693 году сын боярский Степан Никитин Бобровский отправлен на службу в Якутск.

Возможно, в Якутске существовала и самостотельная ветвь казаков Бобровских, по крайней мере нам известен целовальник (возможно, из торговых людей), служивший на Колыме: приказчик на Колыме Елисей Осипов (Нижнее), сын боярский Петр Ярыжкин, Никифор Бобровский —1674–1676, пятидесятник Иван Дорофеев, Никифор Бобровский — 1684–1686.

«Ортюшка Рязанов в прошлом во 198-м [1690] году в верху на заимках умер. И в нынешнем в 200-м [1692] году июля в 8 день приверстан в ево Ортюшкино место казачей брат Ондрюшка Бобровской в холостой оклад».

А в 1748 году среди якутских служилых людей упоминается Семен Бобровской сын Васильев, который, возможно, служил на Камчатке и участвовал в крещении камчадалов — эта фамилия сохраняется на полуострове и по сей день.

* * *

Михайло Петров

Забегая вперед, скажем, что Петровы были представлены на Камчатке большой группой. В 1720 году это была «разведка».

«**1728–1729 годы.** Сын боярский **Михаил Петров.** Назначен в 1727 г. При нем "подчиненным комиссаром" был служилый **Петр Петров**. Оба прибыли 2 сентября 1728 г. в Большерецк, приняв остроги от временных управляющих. М. Петров расположился в Нижнекамчатске, а П. Петров — в Верхнекамчатске. Управление Большерецком было поручено Шапошникову. При отъезде обоих Петровых остроги были переданы в 1729 г. заказчикам: Нижнекамчатский 26 мая — Г. Чудинову, Верхнекамчатский 11 июля – Михаилу Сапожникову, Большерецкий 16 июля — **Степану Петрову»** А. Зуев).

У А. Сгибнева есть уточнение: *«…прислал в Камчатку сына боярского Степана Петрова для заведения там соляных заводов, так как камчатские служилые неоднократно жаловались на недостаток соли и происходящие от этого болезни. С ним отправлены из Якутска необходимые инструменты для соляных заводов, и велено заводы строить служилыми и обывателями, платя поденные деньги из соляной суммы. "Публиковать, чтобы для себя и продажи там утайкою соли не варили, под смертной казнию; а покупали из казны по положенной цене. А в котором месте будут построены солевые заводы, сколько и какого строения, в скольких верстах от которого острога и во что станет, описав обстоятельно в земскую контору"».*

Казаков Петровых в Сибири было превеликое множество, но Петровых — детей боярских — не так много.

Имя Остапа Петрова из «тобольской литвы» мы нашли в документе за 1598 год, который называется «Роспись именная детям боярским, и атаманам, и Литве, и казакам, и толмачам, и юртовским татарам Тарским и Тобольским, которые посланы к Государю Царю и Великому Князю Борису Федоровичу всея Руси с царевичами и царицами». Речь в документе — о детях сибирского хана Кучума.

В 1661 году в Тобольске отмечен сын боярский Томила Петров.

1681 год, Кузнецк: «Так, атаман Корнило Петров сообщил, что его отец Петр Дорофеев нес службы "против неприятельских людей" под Москвой, Великим Новгородом, Псковом, Тихвином, будучи в Кузнецке был атаманом у конных казаков "лет сорок", где и умер, а он "пожалован на место отца своего" и служит в Кузнецке "верой и правдой" десять лет».

В 1703 году в Томске — сын боярский Петр Иванов сын Петров.

А вот сведения о его отце: «Иван Петров сын сказал: отец его Петр служил по Томску пятидесятинскую службу и в есаулах лет с сорок. А он Иван родился в Томску и отец де его в киргизской земле в походе с Яковом Тухачевским убит».

В 1697 году сын боярский Афанасий Петров приказчик на Колыме.

В 1712 году приказчиком Анадырского острога стал дворянин Афанасий Петров.

В «Дозорной книге Томского уезда за 1703 год» указан «сын боярской Афонасей Иванов сын **Петров**, сын Данило 25 лет, Федор женат, Семен 15».

В истории Северо-Востока России Афанасий Петров оставил о себе самую зловещую память.

«В 1711 году Якутскому воеводе Трауэрнихту приказану "как ни есть а умножить бы людей на Камчатке" и если там мало казаков, то приверстать 100 человек. (Памятн. Сибир. Истор., кн. II, № 126.)

Несмотря на столь значительныя силы, высылавшиеся в Камчатские остроги, их оказывалось недостаточно, потому

что убыль убитыми бывала ежегодно очень велика. Так, например, в 1714 году юкагиры, коряки, олюторы — возмущенные несправедливостями и поборами прикащика Олюторского острога Афанасия Петрова — убили его и вслед за сим возстали. Бунт охватил весь Крайний северо-восток Камчатки, подсылались поджигатели даже к чукчам. В это время были убиты также прикащики Иван Енисейский и Василий Колесов, а казна бывшая при них, разграблена; вслед засим в присудах острогов: Олюторского, Акланского, Покачского и Анадырского убито и взято в плен 79 человек».

В Якутске для нас большой интерес представляет линия казака Ефима Петрова. В 1687 году казачий сын Ефим Петров поверстан в якутские казаки. То есть он уроженец Якутска. «Ефимко Петров в нынешнем в 200-м [1692] году октября в 22 день хлебной оклад учинен ему женатой». В 1706 году — десятник седьмой пятидесятни. А в 1708 году — сын боярский, приказчик Анадырского острога. Его сменил на посту приказчика дворянин Афанасий Петров: «**1715 год.** Вслед за юкагирами (возможно, еще в декабре 1714 г.) к Акланскому острожку подъехали оленные олюторские коряки во главе со своим “лучшим мужиком” Кончалом Энгилиным. Во время осады Большого посада они соблюдали нейтралитет, внесли ясак и даже снабжали русских по их требованию оленями. Однако А. Петров своими действиями довел и их до “измены”. Со слов коряка Белоглаза (Белогласа), которого допросили в апреле 1717 г. в Анадырске, “он де Афонасей для своих пожитков жил у них, оленных коряк, целой месяц, и имал де он, Афонасей, с них коряк по лисице сиводущетой, а с ыных по красной лисице, да по четыре и по три оленя езжалых с санками добрых на выбор, а у кого лисиц сиводущетых и красных не было, и у тех имал он, Афонасей, юрты чюмовые и одежду их коряцкую — парки и куклянки — и кормы их, обкрал юколу, жир и икру. Да он же, Афонасей, имал у них коряк по две каргины добрые жирные и те каргины он, Афонасей, у них коряк бил и на вышеписанных де с них взятых добрых езжалых оленях посылал он, Афонасей, те убитые каргины на санках в Анадырск к жене своей и к брату ево Афонасьеву **Петру Петрову**”» (А.С. Зуев).

В 1663 году в списках якутских казаков мы находим сына боярского Василия Петрова.

В 1681 году у казака Федьки Петрова сыновья Ивашко (1672), Гришка (1677).

В 1691 году у казака Васьки Петрова брат Васька (1685).

В 1692 году — якутский казачий атаман Григорий Петров (сын Федоров?).

* * *

Алексей Еремеевич(?) **Шестаков**

Это информация от А.С. Зуева: «***1720–1721 годы.*** *Дети боярские Алексей Еремеевич Шестаков и Степан Бобровский. Оба назначены в 1720 г.: первый — в Нижнекамчатск, второй — в Верхнекамчатск и Большерецк. В помощь Бобровскому придали сына боярского Михаила Петрова. В августе 1720 г. они прибыли к месту назначения. В конце 1720 или начале 1721 г. Шестаков был отстранен от власти прибывшим на Камчатку геодезистом И.М. Евреиновым, и в 1721 г. выехал в Якутск».*

А вот выписка из архива: «Во дворе казачей голова Афонасей Федотов сын Шестаков сказал сорока трех лет племянники ево Афонасьевы Петр Григорьев сын Шестаков дватцати лет служит в детях боярских брат ево Иван Григорьев сын пятнацати лет служит в дворянех да у него ж живет **брат ево двоюродной Алексей Федоров сын Шестаков служит в детях боярских сорока трех лет** у него сын Лаврентей четырнацати лет сын же Петр дву лет».

«26 июля 1732 г. в далеком Сибирском приказе было рассмотрено и удовлетворено прошение недорослей Василия и Петра Афанасьевичей Шестаковых “о определении в Якуцк в дети боярские в первую статью по штату и о учинении им против таковых же жалованья за службы отца их, Афанасья Шестакова, который был по городу Якуцку во дворянех и на баталии убит от неприятелей”. Так русское правительство отметило служебную деятельность незаурядного и самобытного человека, оставившего заметный след в организации освоения Восточной Сибири. Голова конных и пеших казаков Якутского полка Афанасий Федотович Шестаков и его многочисленные родственники издавна несли военную службу в Сибири. Переписная книга по городу Якутску за 1720 г. отмечает живущих в одном доме братьев-близнецов **Афанасия и Алексея** (род. в 1677 г.), их сыновей — Василия Афанасьевича (1715 г.), Лаврентия Афанасьевича (1706 г.), Петра Алексеевича (1718 г.), племянников — Петра Григорьевича (1710 г.), Ивана Григорьевича (1705 г.), и дальнего родственника Степана Герасимовича Парамонова (1707 г.)».

(Л.А. Гольденберг «Между двумя экспедициями Беринга», Магадан, 1984 г., с. 8–9).

Следовательно, отчество сына боярского Алексея Шестакова Федорович.

Конечно, возможен и второй вариант — из числа «годовальщиков», но пока Еремеев Шестаковых найти нам не удалось ни в Тобольске, ни в Томске, ни в Енисейске, ни в Нерчинске.

В Якутске служил в 1690 году Сидор Шестаков, иркутский сын боярский, но в *«1698 г. по возвращении с караваном из Китая сын боярский С. Шестаков был убит (утоплен) на Аргунском перевозе аргунскими казаками. Причиной расправы послужили его злоупотребления в бытность приказным и широкая ростовщическая деятельность, в результате которой многие из рядовых казаков разорялись и попадали к нему в кабалу»*. В 1701 году такая же участь постигла и жену С. Шестакова, которая была убита *«купленной дворовой девкой Палашкой»*.

В 1690 году в Якутске служил и нерчинский сын боярский Леонтий Афанасьевич Шестаков, но эта линия не была связана с якутскими Шестаковыми.

Фамилия казаков Шестаковых в Якутске появилась из Тобольска вместе с казаками, которые пришли в отряде первого якутского воеводы Петра Головина и которые строили собственно Якутский острог. Об этом более подробно позже.

* * *

Никита Лосев

«1722–1723 годы. *Дворянин Никита Лосев. Назначен в 1722 г. приказчиком всех острогов. 14 октября 1722 г. принял от С. Бобровского Верхнекамчатский острог, который сделал "столицей" Камчатки. Уезжая, оставил временных управителей: в Нижнекамчатске — **Матвея Нифонтьева**, в Большерецке — **Артемия Попова**, в Верхнекамчатске — **Петра Баранова**. С Камчатки отплыл 1 июля 1723 г. вместе с С. Бобровским. Умер в Охотске в июле 1723 г.»* (А. Зуев).

А.С. Сгибнев: *«В 1722 г. определен в Камчатку прикащиком дворянин Никита Лосев. Он отправился из Якутска с 30-ю казаками, двумя мореходами и плотником морских судов Каргопольцевым, вытребованным из Архангельска. Плотник назначен к Лосеву для достройки на Ламе двух судов, заложенных в 1718 и 1719 г. Лосев требовал с собою к полковой службе священника Ермолая Иванова, ибо отправленный из Тобольска иеромонах*

Иосиф пришел в 1721 г. на Ламу и в 1722 г. хотел возвратиться в Якутск; а другой черный священник (Варлаам) в Камчатских острогах едва жив; а поселившимся на Камчатке служилым без священника быть нельзя (но ему не дали Иванова, а разрешили взять в Камчатку Иосифа Лазарева. — *С.В.*).

Лосев с командою пришел в Охотск августа 6-го, где взял порох, свинец, оружие, знамя и на переправленном Мошковым и Трескою старом судне вышел из Охотска 24 августа 1722 г., а от земли 1 сентября чрез святое Ламское море. Заложенное же в 1719 г. судно поручил достроить Каргопольцеву.

*1722 г. октября 14-го Бобровский сдал Лосеву Верхнекамчатский острог, бревенчатый, на иглах. В остроге: ясачная изба и амбар; да амбар над воротами, в котором летом содержали аманатов; казенка с аманатами, да колодники по убийствам и между ними **Алексей Еремеев, убивший Степана Чебукина**. В остроге медная пушка; казаков 41; промышленных 2.*

Лосев в трех камчатских острогах переменил закащиков, стал брать зверями за винный откуп, с карточной продажи, с площадного откупу, табачной продажи и с судебных дел за гербовую бумагу, чем увеличил доходы в Камчатских острогах.

*В 1723 г., по изготовлению судна к походу, Лосев сдал по росписным спискам назначенным от него летним управителям Камчатские остроги: марта 18-го **Матвею Нифонтьеву** Нижний острог, стоячий тын и в нем на полдень изба ясачная, на запад аманатская с 11 аманатами, из них двое олюторцев; башни над воротами; амбары, дела, судовые припасы. Гарнизону в остроге: **сын боярский Петр Чижевский**, казаков 80, промышленных 9 челов., 2 пушки.*

*В июне принял у Лосева Большерецкий острог служилый **Артемий Попов** — острог деревянный, стоячий тын, на западном углу казенный амбар, в середине приказная изба, на севере аманатская казенка, в которой Воровской реки аманатов 5; две медные пушки; казаков 40 человек.*

С Камчатки Лосев вместе с Бобровским отправился 1 июля и прибыл в Охотск 7-го. Ясаки отправил в Якутск с подьячим Афонасием Лузиным; а сам по болезни остался в Охотске, где и умер в июле же 1723 г.

…Казну от Охотска везли на лошадях до р. Юдомы, откуда на плотах, из коих один, с писками, опрокинулся, и таким образом

уничтожились все донесения Лосева. При казенных вещах шли воротившиеся с Камчатки 34 казака; 16 колодников русских, да 3 инородца, убившие прежнего архимандрита камчатского Мартемиана; всего 70 подвод».

До прибытия дворянина Никиты Лосева на Камчатке служили уже выходцы из Тобольска казаки Лосевы.

Никита Лосев вошел в историю Якутского воеводства, как один, пусть «сиюминутный», но воевода: с марта 1720 по 29 мая того же 1720 года якутские дворяне Никита Лосев и Василий Вытин исполняли обязанности якутского воеводы.

Их карьерный «взлет» обеспечил якутский ландрат Иван Ракитин, уроженец Зарайска: «С самого почти вступления, на него начались доносы от дворян и детей боярских. Он, преимущественно, нападал на богатых и теснил их… Вероятно, были же какие-нибудь факты, потому что дело доходило уже до бунта?! В 1720 году ландрат был отрешен и едва ли не выслан в Тобольск… В управление вступили якутские дворяне: Никита Лосев и Василий Вытин, и управляли с марта 1720 по 29-е мая того же года…»

«…ландрат И.В. Ракитин, за отпуск на сбор ясака получил со служилых людей, по подсчетам следственной комиссии, 10 815 рублей. По данным этой комиссии, якутский ландрат, дворяне, дети боярские и другие служилые (всего 117 человек) оказались виновными в грабежах и взятках у ясачных огромного количества пушнины (одних только соболей 10 тысяч штук), скота, денег (1344 рублей)…»

* * *

Федор Шелковников

А.С. Сгибнев: *«В 1723 г. послан в Камчатские остроги прикащиком сын боярский Федор Шелковников. Мореходом к нему определен Иван Бутин, с которым из Якутска отправлены к снаряжению и починке судна смола, пенька, железо и холст. Шелковникову по его прошению назначен на Камчатку от якутского Спасского монастыря священник Ермолай Иванов; кроме того, 19 человек казаков из команды головы Афанасия Шестакова и с ним пятидесятник **Андрей Штинников**. Шелковникову дана была большая инструкция».*

А.С. Зуев: *«1723–1724 годы. Сын боярский Федор Иванович Шелковников. Назначен в качестве комиссара в 1723 г., прибыл в сентябре того же года. Обосновался в Нижнекамчатском*

*остроге, приняв там дела у **М. Нифонтьева.** В Большерецкий острог на смену **А. Попову отправил Ивана Федоровича Эверстова**, в Верхнекамчатский на смену **П. Баранова – Безсонова.** Выезжая с Камчатки, оставил на приказе в Нижнекамчатске **Елисея Долгополова**, в Верхнекамчатске — **М. Нифонтьева**, в Большерецке — **Петра Чупрова**. Прибыл в Охотск 24 июня 1724 г.».*

А.С. Сгибнев: *«Вместе с Шелковниковым отправился в Камчатку поручик Сафронов для наблюдения за переписью иноземцев и их угодий, для высылки их на прежние места жительства и окончания дел камчатского наряда.*

*Шелковников по прибытии в Камчатские остроги велел Эверстову принять Большерецкий острог у **Артемия Попова** и быть в команде поручика Сафронова; Верхний поручил принять от служилого **Петра Баранова Безсонову**; сам отправился в Нижний, где принял острог от Нифонтьева.*

*Собрав ясаки, Шелковников сдал Нижнекамчатский острог **Елисею Долгополову,** до присылки Безсонова в Верхнем оставлен Нифонтьев; Большерецкий острог сдан от **Эверстова Петру Чупрову**. После того Шелковников морем отправился с ясаками в Охотск с Сафроновым и ясачную казною, куда и прибыл 24 июня 1724 г. В сборной ясачной книге Шелковникова на 1724 год в 3 острогах написано ясачных 5 138 человек; окладу с них: 68 сороков 34 соболя, 13 сиводушек, 2 262 лисицы красных, 95 бобров, 14 колонков; но ясаку не донято 35 сороков 10 соболей, 5 сиводушек, 599 лисиц красных, 42 бобра, 4 колонки. Доимка не взята, потому что из написанных в данной из Якутска книге, по сказке лучших камчатских людей, 1 556 человек в разных годах померло; 25 не дали за скудостью, 6 за скорбию, 19 за старостию, одни в аманатах, 334 сошли в разные остроги, 80 к сыску не явилось.*

Хотя Шелковников приказал в 1723 г. непременно строить в Охотске новое судно; но в 1724 г. плотник Плосских доносил, что с 8-ю человеками, данными ему комиссаром Охотска Борисом Сухановым вместо 30, новое судно не будет построено; старое же судно в это время до того было ветхо, что опасно пускаться на нем в море».

Федор Иванович Шелковников был братом Василия Ивановича Шелковникова, погибшего на пути в Камчатку. См. выше.

* * *

Братья Жирковы

А.С. Сгибнев: *«Вместо Шелковникова в камчатские прикащики выбран **Степан Трифанов**; но впоследствии ему поручены другие обязанности по якутской канцелярии, и на место его послан **Андрей Жирков,** которому дан в помощь **Афанасий Жирков**, для письма **Иван Шамаев**, мореход Невейца и 21 человек казаков.*

…Жирков прибыл в Охотск 1-го сентября 1724 г., принял морское судно, которое за древностию много дней починивали. По возможности исправив его, все с печалью переносились на судно и ждали попутного ветра по 16 сентября. Мореходы Невейца, Мошков и Буш просили донести в Якутск о непременном строении нового судна к 1725 г., ибо в будущем уже году на этом нельзя будет идти за море.

*Вскоре по принятии острогов Андрей Жирков в Нижнем умер, а потому и остался подле него Афанасий Жирков. Афанасий Жирков в 1725 г. при отправлении из Камчатки оставил закащиками в Нижнем **Артемья Кочетова**, в Верхнем **Петра Чупрова** и в Большерецком **В. Пашкова».***

С.П. Крашенинников: *«1724 году в октябре месяце приехал из Якуцка на место Федора Шелковникова прикащиком якуцкой* (в рукописи зачеркнуто*: сын боярской*) *служивой Афонасей Жирков, которой всеми тремя острогами управлял, как и прежние прикащики, один год. В бытность его объясачено на Карагинском острову карагинцов дватцать один человек чрез промышленного **Ивана Золотавина**, а ныне их в ясаке обретается 30 человек, а всех их на оном острову живет человек со его или больше. Платят в ясак лисицы красные».*

А.С. Зуев: *«**1724–1725 годы.** Сын боярский Андрей Жирков. Назначен комиссаром всех острогов в 1724 г. Ему в помощники определен сын боярский Афанасий Жирков, видимо, близкий родственник. Оба прибыли в октябре 1724 г., и вскоре Андрей скончался. Обязанности комиссара стал выполнять Афанасий Жирков. Последний при отбытии летом 1725 г. с Камчатки оставил заказчиками: в Нижнекамчатске — Артемия Кочетова, в Верхнекамчатске — П. Чупрова, в Большерецке — Василия Пашкова».*

Енисейский казак Иван Семенов сын Жирков был одним из первых Жирковых на реке Лене (в списках якутских казаков отмечен в 1641 году, а в 1663 году как десятник).

В 1706 году Андрей Михайлов сын Жирков был отмечен в списках якутских казаков в восьмой пятидесятне.

В 1693 году у Михайлы Жиркова, якутского казака (в 1706 году в третьей пятидесятне) было 4 сына: Ондрюшка (1687), Офонка (1688), Оска (1689), Сенка (1691).

Была еще одна ветвь якутских казаков Жирковых — в 1681 году в «женатом окладе» числился пятидесятник Ивашка (Иван сын Нестеров) Жирков, приказчик Усть-Кутской и Криволуцкой волостей в 1691 г. У него был сын Ивашко (1681 г. р.) и племянник Степан (1677 г. р.)

В 1706 году служили в Якутском казачьем полку: Андрей Жирков (8-я пятидесятня), Михайла Жирков (3-я), Степан Жирков (2-я).

Вероятно, кто-то из Жирковых впоследствии служил на Камчатке, и эта фамилия сохранилась на полуострове при крещении аборигенов.

* * *

Степан Трифонов

А.С. Сгибнев: *«23 декабря 1724 г. …получен указ сибирского губернатора князя Черкасского, чтобы определенные при князе Гагарине прикащики были высланы из острогов в города и впредь не посылались, “ибо они, не ища в ясаке государственной выгоды, больше похищали для себя ясачную рухлядь, отчего в ясаке всегда был недобор. Посылать же за ясаком выборных, за присягою, добрых и правдивых”. К этому указу был приложен и указ 1723 г., чтобы к сборам ясаков не выбирать, а назначать к большим в помощь офицеров и детей боярских; а к меньшим унтер-офицеров и солдат, а к ним в целовальники из раскольщиков и бородачей из магистрата.*

*Вследствие этого указа назначен в Камчатку прежде бывший уже там дворянин Степан Трифанов; а в подчиненные к нему комиссары служилый **Петр Корякин**; мореходы Мошков и Треска, подъячий **Михайло Борисов** и 30 челов. казаков якутского полка, а за сбором подушных денег **Никита Жданов.***

Трифанову же велено: “По прибытии в Камчатку Жиркова сменить и переменить всех закащиков; камчатские остроги и всякую наличную казну, порох и свинец, служилых и прочих людей принять по именному списку, также аманатов, книги и всякие дела. Во всем росписаться и разменяться росписными книгами. Коммисаров же с приходно-расходными книгами выслать

в Якутск к ревизии; но с книг оставить копии. В острогах ясачных и всяких чинов русских ведать судом по инструкции камчатских прикащиков.

А ежели учините против указу и просто сыщется до пряма, и вам по розыску учинено будет жестокое наказание или ссылка на галеру, взятием движимого и недвижимого имени бесповоротно, и в 1726 г. непременно воротиться с ясаками в Якутск".

Поздней осенью 1725 г. Трифанов на ветхом судне прибыл к Камчатке. В том же году, еще до его туда прибытия, камчадалы, жившие на Бобровом море, убили ясачного сборщика и сами скрылись на острова. Трифанов в 1726 г. отправил на отложившихся (изменивших. — *С.В.*) ***казака Пашкова*** *с 10 челов., который 2-го марта доносил, что изменников не нашел, а те, которые не были в измене, не могли заплатить ясаки, ибо они, боясь изменников, не промышляли; а летний промысел весь пограблен изменниками, которые приходили летом 1725 г. на Бобровое море в 10 байдарах, по 20 и 30 челов. на каждой, и ограбили зверей и корма, а жен и детей увели в плен за то, что не согласились с ними отложиться от русских.*

В том же 1725 г. летом на р. Авече ясачные убили трех сборщиков: служилых ***Илью Садилова****,* ***Ивана Панова*** *и* ***Петра Балаконова****. На авачинских изменников и за сбором с них ясака Трифанов отправил* ***сына боярского Алексея Еремеева,*** *который 19-го марта 1726 г. доносил о недоборе ясаков, ибо некоторые отказались платить их».*

А.С. Зуев: ***«1725–1727 годы.*** *Дворянин Степан Трифанов. Назначен в 1725 г. комиссаром. В "товарищи" (помощники) к нему был приставлен* ***сын боярский Петр Осипович Корякин****. Оба прибыли поздней осенью 1725 г. Известно, что после их отъезда в Нижнекамчатском остроге управлял* ***Петр Бобров****, а в Верхнекамчатском —* ***П. Чупров»****.*

С.П. Крашенинников: «В бытность их на Пенжинском море ичинские иноземцы, не знатные мужики, без ведома тойонов убили трех человек: **Луку Бурцова** с товарыщи, которые убийцы перехватаны и в Нижнем остроге батожьем до смерти убиты».

* * *

Иван Тарабукин

А.С. Сгибнев: *«В 1726 г. в Камчатку за ясачным сбором послан дворянин Яков Мохначевский, которому поручались Верхне- и Нижнекамчатские остроги, а в Большерецком оставлен*

сборщиком находящийся в Камчатке Степан Трифанов. Мохначевскому дана инструкция, ***писарь Судаков*** *и 20 человек казаков; но, выехавши из Якутска, взял самовольно у якутов 70 подвод вместо положенных ему 6 лошадей, о чем донес капитан Беринг, сам нуждавшийся в лошадях; почему якутская канцелярия Мохначевского от посылки в Камчатку отставила, а вместо него назначила в августе 1726 г.* ***пятидесятника Тарабукина,*** *который по прибытии в Охотск целый год дожидался прихода судна из Камчатки и с своею командою бедствовал от усиленных работ на экспедицию Беринга и от недостатка провизии».*

А.С. Зуев: ***«1727–1728 годы.*** *Пятидесятник Иван Тарабукин. Назначен комиссаром в 1726 г. Прибыл в октябре 1727 г., приняв под команду все остроги. Отбыл, вероятно, в 1728 г., оставив временными управляющими (заказчиками): в Большерецке —* ***Ивана Остафьева****, в Верхнекамчатске —* ***Семена Хмылева****, в Нижнекамчатске —* ***Гаврилу Чудинова»****.*

Эту фамилию — Тарабукин, Тарабыкин — принесли в Сибирь коми-зыряне.

Поэтому она была, несмотря на свое экзотичное звучание, довольно распространенной.

Например, в Томском уезде была их целая «гроздь»: «В Томском уезде в Сосновском стану конные казаки живут в разных деревнях на пашенных своих заимках.

Село Флоровское Заледеево тож на р. Томи. Филип Федоров сын **Тарабукин**, сын Осип 20 Иван 3; Иван Яковлев сын **Тарабукин**, детей нет; братья родные Илья 15 Василей 7»; «В Томском уезде в Окологородном стану приказные избы подячих пашенные их заимки в разных деревнях. Иван **Тарабукин**. Сын Матвей женат, Андрей 20, Иван 17».

О происхождении Тарабыкиных мы узнаем из собственного сообщения о себе в 1680 году Ивана Васильева сына Тарабукина: «Отец с Выми, Еренского уезду, в Сибирь пришел своею охотою, в Томске был в церковных дьячках, а он родился в Томске и верстан в пешую службу. Оклад 4 рубли с четью, 1½ п. соли. Служит с пашни»; Ильи Степанова сына: «Отец родиною с Тюмени, в Томск пришел на государеву службу и по челобитью был взят в пятидесятники, а он, Илейко, родился в Томске, был в пешей службе и верстан в пятидесятники в отцово место. Оклад 5 рублев с четью, 5 четей с осьминю ржи, 4 чети овса, 1½ п. соли».

Казак Ивашка Тарабукин служил в Якутске в 1661 году. Якутск, 1720 год: «пятидесятник Иван Иванов сын Тарабукин».

* * *

И снова **Петровы**

А.С. Сгибнев: *«Тарабукина сменил якуцкой **сын боярской Михайло Петров** с братом в 1728 году. В бытность его прикащиком в 1729 году в апреле месяце изменили было курильские иноземцы, тойон Пекера с родниками, которые посыланных за ясашным збором служивых **Осипа Соловьева** с товарыщи в юрте заперли и зажечь хотели, но оные служивые, разломав юрту, оттуда вышли, а оные иноземцы розбежались. При выходе из юрты несколько служивых ранили, а они служивые убили одного иноземца».*

А.С. Зуев: ***«1728–1729 годы.** Сын боярский Михаил Петров. Назначен в 1727 г. При нем "подчиненным комиссаром" был служилый **Петр Петров.** Оба прибыли 2 сентября 1728 г. в Большерецк, приняв остроги от временных управляющих. М. Петров расположился в Нижнекамчатске, а П. Петров — в Верхнекамчатске. Управление Большерецком было поручено **Шапошникову**. При отъезде обоих Петровых остроги были переданы в 1729 г. заказчикам: Нижнекамчатский 26 мая — **Г. Чудинову**, Верхнекамчатский 11 июля — **Михаилу Сапожникову**, Большерецкий 16 июля — **Степану Петрову**».*

А.С. Сгибнев: *«В 1728 г. послан на смену Тарабукину сын боярский Михайло Петров с служилым Петром Петровым и писарем Суховым.*

*По прибытии в Камчатку он принял 2-го сентября Большерецкий острог у **Ивана Остафьева**; Верхний у **Семена Хмылева**, октября 5-го, **Нижний у Гаврила Укдинова** (**Чудинова.** — С.В.), октября 14-го 1728 г. Михаил Петров остался в Нижнем, а Петр в Верхнем; Большерецкий же острог поручен от них **Шапошникову.** Михайло Петров объявил в Камчатке указ о вступлении на престол Императора Петра II-го.*

…Петров не имел полного сбору ясаков и меньше сбору Тарабукина 1728 г., потому что 1728 и 29 гг. моровым поветрием умерло 212, сошлых (ушедших. — Авт.) на острова 41, неявившихся к платежу 95, за скудостию и безпромыслицею не платили 198, за старостию и болезнями 217, у Беринга для доставки провианта и материалов в подводах и умершие 51, да бывшие в

подводах у Беринга за непромыслом не платили 7 человек. Итого в недобор 720, на них ясаков: 4 сорока 22 соболя, 2 сиводушки, 265 красных лисиц, 1 пластина (мех без головы и хвоста. — Ред.), 12 бобров. Собрано ясаков на 1729 г. только с 2 535 человек.

*1729 г. мая 26, Нижний острог сдан опять **Чудинову**; июня 11 — Верхнекамчатский **Михаилу Сапожникову**; июля 16 — Большерецкий сыну боярскому **Степану Петрову.***

В 1728 г. Петровы отправились со штурманом экспедиции Энзелем в Охотск на "Фортуне", на которой в том же году воротился и Тарабукин.

Тарабукин и Петров были снисходительнее к камчадалам, нежели их предшественники. Но несмотря на это, время их управления надолго сохранилось в памяти камчадалов по тем бедствиям, которые пришлось им перенести в эти два года по причинам, не зависящим от прикащиков. Осенью 1727 г. пришел в Большерецк Беринг с двумя судами, погруженными провизиею и другими экспедиционными припасами. Все эти грузы Беринг распорядился отправить в Нижнекамчатск поперек всего полуострова (833 версты) по рекам Быстрой и Камчатке на камчадальских ботах, а между этими реками зимою в нартах, на собаках, согнанных из всех камчатских селений. Независимо от того, камчадалы перевозили на собаках в Нижнекамчатск и самого Беринга со всею командою. Такое безрассудное распоряжение Беринга вредно отразилось на хозяйстве камчадалов. Собранные на продолжительное время из селений для траспортирования грузов, камчадалы потеряли удобное зимнее время для звериного промысла, единственного источника их благосостояния. Да и оставшиеся в селениях камчадалы, по неимению собак, принуждены были прекратить свои обычные зимние занятия. Наконец, большая часть собак подохла от продолжительных и тяжких работ, что на долгое время привело в расстройство хозяйство камчадалов, не получивших за все эти лишения почти никакого вознаграждения.

Беринг впоследствии постиг всю бездну зла, причиненного им камчадалам, и как бы в очищение своей совести писал президенту адмиралтейств-коллегии: "Весьма желали идти в Нижнекамчатск кругом Камчатского носа; но для осеннего времени и за жестокими ветрами на таком ветхом карбусе идти не посмел". Но если не посмел идти в Нижнекамчатск осенью, то мог бы доставить туда грузы на судах весною. Ведь привел же мо-

реход Мошков весною 1728 г. в Нижнекамчатск пустое его судно "Фортуну". Положим, что самому Берингу необходимо было провести зиму в Нижнекамчатске, где предположил он построить для предстоящей экспедиции новое судно; но переезд его туда зимним путем с мастеровыми и необходимыми припасами для судостроения не был бы так обременителен для камчадалов, как в настоящем случае.

14 июля экспедиция отправилась в море и 2-го сентября возвратилась в Нижнекамчатск, где Беринг оставался зимовать, и в июле 1729 г. ушел из Камчатки в Охотск».

Михаила Петрова сменил служивой якуцкой **Иван Новогородов** в 1729 году.

* * *

Иван Новгородов

А.С. Зуев: ***«1729–1730 годы.*** *Иван Новгородов. Прибыл комиссаром в 1729 г. При нем заказчиком в Большерецке был* ***Иван Герасимов****. 1 января 1731 г. у Новгородова приняли дела в Нижнекамчатском — служилый* ***Михаил Шехурдин****, в Верхнекамчатском —* ***Иван Уваровский*** *(у него в июне 1731 г. принял острог казак* ***Василий Пашков****), в Большерецком —* ***Кузьма Олесов****. Новгородов, Уваровский и Шехурдин выехали с Камчатки в 1731 г.».*

А.С. Сгибнев: *«Между тем в 1729 г. был послан из Якутска в камчатские остроги на смену Петровых с прежнею инструкциею Иван Новгородов и с ним* ***пищик Мухоплев, служилый Максим Лукашевский и монах Спиридон.*** *По прибытии их в Охотск он принял в свое ведение судно и уже погрузил на него 7 августа некоторые вещи; но казачий голова Шестаков велел матросу Сметанину все сгрузить и переписать; а мореходам Мошкову, Треске и Бутину приказал не уходить в море до его распоряжения.*

Таким образом Новгородов должен был подчиниться воле Шестакова и отправился в Камчатку с сыном Шестакова Василием, который по инструкции отца, высадив в Большерецке всех следующих в Камчатку служилых, сам на судне "Фортуна" посетил первые пять Курильских островов, взяв от жителей ясак и двух аманатов. Потом прибыл в Нижнекамчатск, где и остался для окончания порученных ему дел, отправив судно в Охотск.

В 1729 г. прибило к Камчатке японскую бусу, полгода носимую разными переменными ветрами по морю.

На ней были товары и 17 японцев. Выгрузившись на берег с помощью лодки, японцы случайно наткнулись на ***пятидесятника Штинникова****, пробиравшегося с камчадалами на трех байдарах подле берега. Японцы подарили ему мешок крупы, десять фанз (шелковая ткань. — Ред.), десять кусков другой материи, два лакированных ящика, 30 сабель и два топора. Но Штинников не довольствовался этим. Через двое суток скрылся, чтобы воспользоваться железом с бусы, которую бурею отнесло в другое место. В то время, когда Штинников предавал огню бусу, японцы на лодке плыли мимо горевшего судна и вскоре увидели за собою погоню Штинникова с камчадалами, который, догнав японцев, всех переколол, исключая двух, взятых в холопство (себе Штинников взял от японцев: 16 азямов (кафтан халатного покроя. — Ред.), 8 фанз, 2 куска холста, 5 зеркал, остальные вещи роздал камчадалам. — Авт.).* ***Новгородов,*** *узнав об этом происшествии, посадил злодея в тюрьму, а японцев по приказанию помощника головы Шестакова капитана Павлуцкого, остававшегося по смерти его главным начальником всего северо-восточного края и жившего в Анадырске, отправил в Петербург, где они были окрещены под именем Козьмы и Дамиана, а фамилии им даны: первому* ***Шульц****, а второму* ***Поморцев****. Последний был назначен в 1739 г. учителем в школе японского языка, учрежденной в 1706 г. в С.-Петербурге Петром I. Новгородов, как открылось по следствию, освободил Штинникова и взял себе из японских вещей: 8 фанз, 2 войлока, тюфяк, кусок крепу, зеркал медных 2, азямов из дабы (китайская бумажная ткань. — Ред.) 2, саблю и другие вещи (****брат Новгородова Матвей*** *взял 2 фанзы и конец крепу;* ***подъячий Мухоплев*** *фанзу;* ***Кирил Сапожников*** *2 фанзы, креп белой, 2 куска холста, азям, войлок и саблю;* ***казак Копылов*** *фанзу белую;* ***иркутский дворянин Чемесов*** *2 фанзы,* ***казак Широв*** *полфанзы белой;* ***Василий Шестаков и Андрей Шергин*** *8 крепов, 3 войлока красных, 10 азямов, 8 фанз, 4 рубашки, 8 сабель, 5 чашек деревянных и 3 фарфоровых, 1 ящик с перьями и 2 с бритвами, ящик с зеркалом, гребень, 2 зеркала медных, три ножа, три махалки, 11 вилок по их обычаю, три картины, два листа их письма, одно деревцо благоухания, пять раковин, две чернильцы, три кушака, два флага. — Авт.).*

В 1729 г. из Верхнекамчатска Новгородов предписывал ***большерецкому закащику Ивану Герасимову*** *о крепком хранении*

оставшегося в устье Большой реки судна-лодии и о наряде для караула ея служилых.

Новгородов оставался прикащиком по 1 января 1731 г., в котором сдал Нижнекамчатский острог служилому ***Михаилу Шехурдину****; а Верхнекамчатск* ***Ивану Уваровскому****, от которого в июне 1731 г. принял острог казак* ***Василий Пашков****, а Большерецк —* ***Кузьма Олесов.***

Во время Новгородова в Камчатке, независимо от него, распоряжался делами управления Василий Шестаков, как уполномоченный от экспедиции. Он объявил всем камчатским острогам, что впредь уже не будет им обид от русских, и принял на себя исследование поступка Штинникова. Но Новгородов убедил его предоставить это дело ему. Василий Шестаков с помощником своим Шергиным сбирал также и ясак, а когда коммисары Уваровский и Шехурдин требовали от первого из них ясачные книги, то он ответил им, что без приказу Павлуцкого этого сделать не вправе.

Кроме того, осенью 1729 г. на боте "Гавриил" прибыл в Большерецк племянник головы Шестакова — ***Иван Шестаков****, который также считал себя начальником. Узнав здесь о крушении японской бусы, разграбленной Штинниковым, он 22 ноября отправил к месту ея крушения* ***служилого Каращина****, который привез в Большерецк 3 якоря, 3 пуда 10 ф. железа и часть японских вещей, которые записал на приход в казну. Иван Шестаков выехал из Камчатки в 1730 г., Новгородов, Уваровский и Шехурдин в 1731 г.*

Новгородов представил ясаков с 3-х острогов с 2 527 челов., а Уваровский и Шехурдин сбору 1731 г. с 2 634 челов».

А вот и первые порывы ветра будущей бури: «В декабре 1729 г. и январе 1730 г. челобитные с жалобами на поборы со стороны ясачных сборщиков **Василия Полозкова** "с товарищи" подали в Большерецкую приказную избу "лудчие иноземцы Кыкчика реки того острогу тоен Шемкоч, да Немты реки тоен Налач", в январе 1730 г. там же на "обиды" казака **Лариона Валынкина** "словесно" доносили "Карымчина острога ясачные Кулмалеч Каначев, Тавака Кунгучев"».

* * *

А теперь подведем итоги и проведем сравнительный анализ деятельности камчатских приказчиков, которые благополучно здравствовали на полуострове, не смотря на свои многочисленные злоупотребления.

Вот, например, выводы, сделанные историком А.С. Зуевым:

«В условиях частых вооруженных столкновений и активного противодействия ительменов организовать их стабильное ясачное обложение на протяжении первой четверти XVIII в. не удалось, хотя ясак собирался и в достаточно большом количестве вывозился с Камчатки. По данным ведомости Якутской воеводской канцелярии, составленной на запрос Г.Ф. Миллера в 1736 г., с полуострова с 1702 по 1729 г. было вывезено ***47 177 соболей, 17 640 собольих хвостов, 21 659 лисиц, 1360 бобров****. Согласно "росписному списку" 1731 г., составленному ясачным комиссаром С. Вологдиным, за предшествующий год с ясачных, подведомственных камчатским острогам, было взято 1448 соболя, 1129 лисиц, 32 бобра, 12 кошлоков.*

*За 1702–1720 гг. с Камчатки было собрано в "государев" ясак 33 896 соболей****. За эти же годы приказчики В. Атласов, П. Чириков, О. Миронов, А. Петриловский, И. Козыревский и И. Енисейский приобрели для себя 18 189 соболей — больше половины "государева" соболиного ясака за 19 лет»***

При этом доля Ивана Енисейского составляла: **«150 сороков соболей, 200 бобров, 5 мехов собольих, 20 санаяхов бобровых и выдряных, 1 070 лисиц красных, 300 сиводушек…»**.

И никто на его «животы» не позарился…

Доля Петриловского была чуть поменьше: «**Да оборных пожитков Алексея Петриловского 140 сороков с однем сороком 29 соболей, в том числе 154 соболя без хвостов, да в том же числе 3 пластины, 1542 лисицы красные, в том числе и недолиси есть, да 161 лисица сиводущатая, в том числе 16 хребтин, да 169 выдер, в том числе 19 черев выдерьих, да 207 бобров, в том числе 97 кошлоков…»**

150 сороков — это 6 тысяч шкурок соболя. 140 сороков — 5600 шкурок (точнее, «с однем сороком 29 соболей» — 5629).

То есть на долю Енисейского (самого уважаемого) и Петриловского (смещенного с должности из-за жестокости, но не убитого) приходится 11 629 соболей.

На долю казненных приказчиков (включая и их убийцу Ивана Козаревского, умершего в тюрьме) — 7560.

Интересные пропорции, не правда ли?

«Численность русских на полуострове существенно уступала численности местного населения. К середине 1720-х гг. здесь, по данным секретаря Сената И. К. Кирилова, находилось 255 слу-

жилых людей. Из них 100 были годовальщиками (временно командированными), а остальные — "жилыми", то есть постоянными жителями. По другим сведениям, в 1723 г. все русское население Камчатки состояло из 165 казаков и 11 промышленных людей (к ним можно добавить одного священника). ***Первая перепись населения учла в 1724 г. в камчатских острогах 61 разночинца*** (то есть разжалованных казаков. — *С.В.*). *Беринг сообщал, что "в бытность нашу при Камчатке (то есть в 1727 г. — А. Зуев) во всех трех острогах служилых людей было не более 150 человек, которые живут для збору ясака…" и "есть служилые люди, которые уже давно обретаютца и имеют жен и детей и домы".*

Помимо "годовальщиков" и постоянного населения, на Камчатке во второй половине 1720-х гг. находились участники морских экспедиций. В 1727–1728 гг. там располагалась Первая Камчатская экспедиция. В сентябре – октябре 1730 г. на полуостров на суднах "Св. Гавриил" и "Восточный Гавриил" прибыл морской отряд экспедиции А.Ф. Шестакова — Д.И. Павлуцкого, созданной в 1727 г. для подчинения коряков и чукчей, а также народов, которые "сысканы и прилегли к Сибирской стороне, а не под чьею властию".

Отряд в составе 65 казаков, 7 матросов, 3 мореходов, 4 гренадеров, двух солдат, подштурмана Ивана Федорова, геодезиста Михаила Гвоздева и "судовых дел подмастерья" Ивана Спешнева возглавлял штурман Яков Генс. Вместе сними прибыли новый комиссар камчатских острогов И. Уваровский с одним казаком, денежный комиссар И. Жданов "с товарищем" и восемь торговых людей. В задачи отряда входило плавание к р. Анадырь для поддержки с моря действий "партии" Павлуцкого против чукчей и "проведывания морских островов". Помимо отряда Генса, на Камчатке также находилась прибывшая туда ранее команда В.А. Шестакова (около 50 чел.), совершившая в 1730 г. плавание по Охотскому морю».

* * *

Колесовы

Эта фамилия в истории Камчатки является в определенной степени символической — камчатский приказчик якутский дворянин Василий Михайлович Колесов, проводя следствие по бунту камчатских казаков, не вник, будучи сам представителем этого самого казачества, в суть происшедшего на Камчатке конфликта, списал все камчатские беды на тобольских детей казачьих и оставил на свободе (по повелению Якутска и Москвы, а также по собственной «доброй» воле) главных зачинщиков бунта и тем самым спровоцировал всех, кто служил в те годы на Камчатке, не считаться с властью и обеспечивать свой личный достаток и богатство за счет коренного населения…

И сам в итоге стал жертвой казачьего произвола — восставшие коряки в отместку за самоуправство и жестокость камчатских и анадырских казаков убили его самого, убили его сына сотника Степана Колесова, приказчика Ивана Енисейского и многих других служилых людей Олюторского и Акланского острогов.

А в 1731 году во время Харчинского бунта, спровоцированного неуемной жадностью пришлых якутских приказчиков и казаков, еще один сын Василия Михайловича Колесова — сын боярский Назар Васильевич Колесов был убит восставшими авачинскими камчадалами.

В 1740 году приказчиком Камчатки назначен сын боярский Петр Васильевич Колесов, родной брат Назара, который *«избрал своим местопребыванием Большерецкий острог, и с этого времени все распоряжения по Камчатке делались от имени большерецкой канцелярии. Управление же над Верхним и Нижним* ***острогами он поручил брату своему Ивану Колесову, который брал взятки и буйствовал, и наконец за убийство в пьяном виде служилого Пинегина был отдан под суд»*** (А. Сгибнев).

Так печально завершился камчатский этап в судьбе самих приказчиков Колесовых…

РАЗБОРНЫЙ СПИСОК ИМЕН

Петр Балаконов

Этого имени нет в списках якутских казаков. Нет информации и о том, откуда мог быть «прибран» Балаконов — возможно, из гулящих людей.

Петр Баранов

Его имени также нет в списках якутских казаков.

Ивашко Баранов, тобольский казак станицы («старой сотни») Гаврилы Ильина прибыл на реку Лену в составе отряда первого якутского воеводы Петра Головина. Это был тот самый Баранов, который первым побывал на реке Гижиге: «От устья Пенжины

Стадухин отправился на р. Гижигу, впадающую в Гижигинскую губу того же моря. Там он поставил острог и перезимовал, отбивая все время нападения воинственных коряков. Правда, до него на Гижиге уже побывал во главе отряда из 35 казаков Иван Абрамович Баранов. Именно последний прошел по притоку Колымы р. Омолон до ее верховьев и перевалил в долину реки, принадлежавшую уже бассейну Гижиги, и по ней спустился к морю. Таким образом, Баранов открыл путь, связывавший Колыму с побережьем Охотского моря».

Вместе с Иваном Барановым прибыл на Лену и Офонка Ильин Баранов — казак из станицы тобольского атамана Клима Бобошина. А также тобольский стрелец «Степан Григорьев сын Баранов Вятчанин в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву на годовую службу вниз по Лене в Жиганы».

Якутск, 1720 год: «Во дворе пушкарь Юрий Федоров сын Баранов».

Безсонов

В 1720 году в Якутске служили два десятника: Родион Иванов сын Безсонов и Яков Иванов сын Безсонов. А в четырнадцатой пятидесятне в 1706 году записан Иван Иванов сын Безсонов. Явно, что это братья.

В 1696 году в Тобольске служили два Ивана Безсоновых — Иван сын Дмитриев, подьячий приказной избы (как и его брат — Петр сын Дмитриев) и Иван сын Михайлов, казак литовского списка (переведенный из рейтаров в 1676 году). Вероятно, это его отец «Мишка Безсонов и в 201-м (1693) году на береговой службе в слободах у Семискулья озера от воинских людей убит».

Яков (Якунька) Безсонов отмечен в якутских казаках в 1681 году.

В 1692 году — Максимко Акакиев Безсоновых и Петрушка Максимов Безсоновых. Вероятно, отец и сын. В 1706 году Петр Максимов Безсоновых служит в пятой пятидесятне.

Петр Бобров

Якутский казак Ивашко Леонтьев Бобров служил в 1681 году в женатом окладе. «Ортюшка Рязанов в прошлом во 198-м [1690] году в верху на заимках умер. И в нынешнем в 200-м [1692] году июля в 8 день приверстан в ево Ортюшкино место казачей брат Ондрюшка Бобровской в холостой оклад». В 1706 году Андрей записан в пятнадцатой пятидесятне

Якутского казачьего полка как Андрей Бобровых сын Федоров.

Якутск, 1720 год: «Служивой Петр Григорьев сын Бобров сказал тритцети семи лет холост стоит на подворье у священного протопопа Михайла Данилова».

Бобровы — тобольские служилый люди: в 1661 году Васка и Якунка Бобровы дети Федоровы служат в стрельцах, а в 1696 году Ивашка Федоров Бобров — у стрельцов десятник, а Яков сын Федоров по-прежнему в рядовых стрельцах.

Вполне вероятно, что и у иркутских Бобровых тобольские корни: «**Никита (Микитка) Бобров сын Федоров,** иркутский рядовой конный казак, казак Тункинского острога, 1688 г.; иркутский рядовой конный казак с окладом 7 руб., 7 четей с осьминою ржи, 4 пуда овса, 2 пуда соли в год, 1699–1700 гг.; иркутский рядовой конный казак с окладом 7 руб. в год, 1704 г.».

Михайло Борисов, подьячий

Якутск, 1720 год: «Во дворе Алексей Иванов сын Борисов и он послан на службу на Усть Яну и по скаски матери ево Феклы он Алексей двадцети дву лет»; «Во дворе служивой **Михайло Алексеев сын Борисов**».

А также: «Во дворе служивой городовой толмач Иван Андреев сын Борисов».

В 1706 году: Алексей Борисов, десятник, и Иван Борисов служат в четвертой пятидесятне. Скорее всего, отец и сын.

Об Алексее, отце Михаила, сведений нет — вероятно, Михаил из новоприборных служилых людей.

В 1681 году — Петрушка Борисов и Тимошка Борисов, казаки, оба в холостых окладах. «Петрушка Борисов в нынешнем во 159-м [1651] году послан на государеву дальную службу на Оленек реку».

Первыми на Лену прибыли березовские казаки Борисовы: «Олешка Борисов в прошлом во 153-м [1645] году отпущен з государевою казною к Москве и в прошлом во 154-м [1646] году на смотре у розбору воеводы Василей Пушкин с товарыщи велели быть в его Олешкино место из новоприборных...»

Ситуация на Лене была не простой, и казаки Борисовы являются хорошей иллюстрацией этого процесса начальной колонизации Якутии: «Суханко Ермолин сын Устюжанин в прошлом во 149-м [1641] году отпущен к государю к Москве с отписки и в

прошлом во 154-м [1646] году на смотре у розбору воеводы Василей Пушкин с товарыщи велели… место из новоприборных Дорошке Борисову и в том же в прошлом во 154-м [1646] году тот Дорошка на Вилюй реке збежал»; «Омелька Микитин в прошлом во 149-м [1641] году по его челобитью для бедности отставлен а в его место промышленой человек Сенька Макаров сын Упругой в прошлом во 150-м [1642] году убит и того ж 150-го [1642] году в его место Ивашко Борисов сын… в прошлом во 155-м [1647] году тот Ивашко из Якутцково острогу збежал».

Лука Бурцов

В списках якутских казаков этого имени мы не нашли.

Тобольск, 1661 год: «В прошлом же во 167-м году декабря в 24 де по государеве цареве и великого князя Алексея Михайловича, всеа в. и м. и б. Р. с., грамоте присланы с Москвы в Тоболеск ссылные иноземьцы новокрещены, которые взяты на боях в языцех, с тоболским сыном боярским з Давыдом Бурцовым».

В 1696 году в чине детей боярских служат Алексей, Богдан, Иван и Яков Давыдовичи Бурцовы.

Иван Герасимов

Этого имени тоже нет в якутских казачьих списках.

«Якимко Гарасимов жена у него в Тобольску в нынешнем во 159-м [1651] году отпущен з государевою соболиною казною к Москве в провожатых». Якимко Гарасимов — казак тобольской «старой сотни» атамана Гаврилы Ильина.

«Пятунка Гарасимов на государеве дальней службе на новой на Охоте реке послан в прошлом во 154-м [1646] году».

В 1687 году в Якутской приказной избе рассматривалось «Дело по челобитью посадского человека Якутского города Ивана Иванова Герасимова о приверстании, вместо ссылки, в казачью службу на реку Анадырь».

Елисей Долгополов

Об этой фамилии выше.

Алексей Еремеев, сын боярский

В 1649 году в Якутск был сослан «за воровство» Еремеев Васька.

У якутского казака Еремеева Ивашка в 1672 году родился Елеска. Возможно, Елисей, возможно — Алексей. Позже эта фамилия не встречается в списках якутских казаков. Но эта фамилия была широко представлена в Красноярке, где была даже основана деревня Еремеевская.

Свои Еремеевы были в Тобольске и в Томске.

В 1598 году тобольский казак «из Литвы» Иван Еремеев был в числе конвоиров семьи сибирского хана Кучума в Москву.

Тобольск, 1623 год: «Деревня на Иштаманской кривой протоке. Во дворе конной казак Исак Еремеев. Пашни у нево середние паханные земли 8 четей да перелогу 10 четей в поле а в дву потому ж. Пашенного лесу дубровы 10 десятин. Сена косит 300 копен».

Но дети боярские Еремеевы были только в Красноярске:

«В Красноярском остроге, несмотря на наличие там более мощной служилой корпорации, чем в Енисейске, казачий голова появился только в начале XVIII в. Так, в 1709 г. этот пост занял ветеран войн с джунгарами и енисейскими киргизами Трифон Васильев сын Еремеев (РГАДА. Ф. 214. Сибирский приказ. Оп. 5. Д. 1655. Л. 1–7). К моменту назначения он имел 45-летний стаж только в чине сына боярского. В год Полтавской баталии Трифон был в весьма преклонных годах, поскольку известно, что уже в 1662 г. он в должности казачьего пятидесятника руководил “полусотней” ссыльных “черкас” и московских стрельцов (РГАДА. Ф. 214. Сибирский приказ. Кн. 438. Л. 350)».

Никита Жданов

Его имени нет в списках якутских казаков, но, вполне вероятно, что он из семьи старослужащих Якутска: «Трифанов просил воеводу Полуэктова позволить ему идти из Охотска в Камчатку через Анадырск, ежели встретится затруднение плыть морем за ветхостью судна. Но воевода не согласился и разрешил только Жданову отправиться в Камчатку берегом. Жданов выехал в сентябре из Якутска через Анадырск».

Якутск, 1720 год: «Двор сына боярского Григорья Жданова и он Григорей послан на службу Великого государя в Анадырской острог в 719-м году»; «Во дворе Иван Васильев сын Жданов».

Якутск, 1706 год: Василий Федоров Жданов (1-я пятидесятня), Григорий Жданов, п-к (1), Иван Васильев Жданов (11).

Якутск, 1691 год: Васка Жданов, у него в 1683 году родился сын Ивашко.

Каращин

Возможно, Василий Карашков, участник убийства камчатских приказчиков, большерецкий казак. Но его имени также нет в списках якутских казаков, как нет и информации о фамилии.

Копылов

Мы писали выше об убитом на Камчатке в 1703 году тобольском казаке Кузьме Копылове. Варианта два: Копылов — новоприборный казак либо из Тобольска, либо из Томска.

Петр Осипович Корякин, сын боярский

В 1706 году якутские казаки Корякины представлены весьма широко: Данило Корякин, подьячий, Дмитрий (Осипович) Корякин (3-я пятидесятня), Иван Осипов Корякин (8), Осип Корякин, пятидесятник (14), Петр (Осипович) Корякин, десятник (6), Сава (Осипов) Корякин, десятник (2).

Патриарх этого якутского рода Оска (Осип) Корякин имел несколько сыновей: Данилко (1674), Савка (1679), Ивашко (1684), Митька (1685), Петрушка (1688).

Откуда пришла в Якутию эта фамилия.

«Г.Ф. Миллер указывает, что в построении Тары в 1594 году принимали участие из «Казани сотник с полусотнею пленных поляков», из Тетюш «сотник Никита Корякин с полусотнею польских казаков, т.е. пленных поляков, поступивших на казачью службу», из Тюмени «40 человек конных литвы, черкасов и казаков», из Тобольска, «из тамошних пленных литвы, черкасов и казаков 100 человек под командою головы Своитина Рупосова».

В 1626 году в десятке Дмитрия Копылова, будущего томского атамана, приказчика Бутальского острога в Якутии, был казак «из Литвы» Семейка Коряка. А другой томский казак Васька Андреев Корякин сообщал: «Отец родом с Тотмы, в Томск присланы в пешую службу по грамоте государя, а он родился в Томске и верстан в службу в место отца. Оклад пеший рядовой».

Казаки Корякины служили и в Тобольске.

Артемий Кочетов

Этой фамилии также нет в списках якутских казаков.

В 1646 году в Якутске служил Кочетихин Андрей, возможно, новоприборный из промышленных или гулящих людей. В 1683 году сюда сослан зарайский стрелец Кочетаев Онтошка с «женой Дарьицей, сыновьями Гришкой, Бориском и с Иевком, с дочерью Матренькой».

Матвей Нифонтьев

«В 1723 г. …Лосев сдал по росписным спискам назначенным от него летним управителям Камчатские остроги: марта 18-го Матвею Нифонтьеву Нижний острог, стоячий тын и в нем на полдень изба ясачная, на запад аманатская с 11 аманатами, из них двое олюторцев; башни над воротами; амбары, дела, судовые припасы. Гарнизону в остроге: сын боярский Петр Чижевский, казаков 80, промышленных 9 челов., 2 пушки» (А.С. Сгибнев).

Первым из Нифантьевых на Лену пришел енисейский казак Кирил Нифантьев: «Во второе посещение Индигирки Поснику Иванову удалось более прочно закрепить “новую землицу” за московским царем. Поэтому он решил оставить в Уяндинском зимовье 17 своих товарищей во главе с Кириллом Нифантьевым “для государева ясачного збору”».

В 1635 году в Енисейске жил казак Никита Нифантьев: «Никитка Нифонтов, Пахоты его 4 чети ржи, 6 четей овса, четь ячменя. И всего служилых людей к восьми пашенно писаны. А пахоты их с оклады их будет и с лишком. А служить им государева служба с пашен своих без хлебново жалованья 8 человек да сын боярской да казачей атаман».

В 1669 году служили в Енисейске Митка и Федька Нифантьевы дети Никитины, а его брат жил при отце: «За рекою против города (двор) служилово человека Никиты Нифантьева, у него детей Васка 30 женат».

В 1682 году Федька Нифантьев служит в Якутске: «Федька Нифантьев в прошлом во 197-м [1689] году за Носом на Ананды-ре реке от иноземцов убит».

Кондрашка и Пронька Нифантьевы проходят по спискам якутских казаков за 1692 год.

В 1706 году Нифантьев Кондратий служит в четвертой пятидесятне Якутского казачьего полка.

Матвей Новгородов

Брат приказчика Ивана Новгородова и казака Дмитрия Новгородова, детей якутского посадского человека Василия Новгородова.

В 1691 году: Васка Новгородов, посадский — сыновья Митька (1688), Ивашко (1689); Олешка Новгородов, посадский — сын Афонка (1691); Пашка Новгородов, посадский — сыновья Егорко (1670), Офонка (1679), Митька (1681).

В 1684 году промышленный человек Алексей Спиридонов Новгородов сообщал:

«В прошлом, великие государи, во 191 году был брат мой Иван Семенов Новогород здесь на Ковыме реке с торгом, с русскими всякими товары, а по отпуску из Якутцкого острогу по таможенной грамоте пришло с ним, братом моим, на коче всяково товару и хлебново запасу на сто рублев. И отсель с Ковымы реки, с ярманги в том прошлом во 191 году тот брат мой Иван Семенов пошел водяным путем в каюке вверх по Анюю реке и за Камень в Анандырской острожек. А с ним пошло, з братом моим с Ываном, хлебного запасу муки ржаной восемь мешков, четырнатцеть котлов красной меде, да зеленой меди восемь котлов, да дельного железа топоров и палем и копей и стрел и ножев и пил и молотов и клещи и наковальней и трубок и трезубов и наглазников — восемь пуд, кумач красной, китайка, два конца крашенин, пятьдесят аршин холсту тонково, якорь ломаной, снасти кочевые, кокошник на золоте з жемчюгом, два зипуна сермяжного сукна белого, кафтан холодной стаметной, письменных крепостей кабал. А те его братни животы и товары и ево, брата моево Ивана, нанялся он, Косой, с родниками и с товарищи, довести и поставить в Анандырской острожек. И он, Косой, с родниками и с товарищи, на дороге ево, брата моего Ивана, на том Анюе убили и животы его и товары все побрали».

В 1731 году будут убиты на Камчатке во время Харчинского бунта казак Дмитрий Новгородов, его жена, два сына и две дочери.

В 1761 году дети Дмитрия Новгородова — Алексей и Яким будут в Якутске служить в детях боярских, а Матвей Дмитриевич — в казачьих сотниках.

Приказчик Иван Новгородов по расследованию причин Харчинского бунта будет повешен в Нижнекамчатске 4 марта 1734 года

Кузьма Олесов

Якутск, 1720 год: «Во дворе служивой Стефан Олесов ... дети его Иван двацати лет Федор осмнатцати лет в службе посланы по хлебные запасы».

Якутск, 1706 год: Степан Семенович Олесов, девятая пятидесятня Якутского казачьего полка, и Иван Козмин Олесов (3-я пятидесятня).

«Стенка Григорьев Мохнатко в прошлом во 199-м [1691] году в Якутцком умер воспою. И в нынешнем в 200-м [1692] году июня в 26 день приверстан в ево Стенькино место казачей сын Стенька Семенов Олесов в холостой оклад».

В 1681 году в холостом окладе в якутских казаках записан Сенка Олесов.

В 1692 году казак Ивашко Степанов Олесов (у него брат Яков).

Иван Остафьев

В списках якутских казаков такой фамилии не обнаружено. Это коренная тобольская фамилия, первое упоминание о которой относится к 1623 году: «В деревне на плоском баяраке. Во дворе пеший казак Ермачко Остафьев. Пашни паханые дубровные середние земли 7 четей без третника в поле а в дву потому ж. Пашенного лесу дубровы 5 десятин да поскотинные земли в логу 2 десятины. Сено косят в Саусканском логу 100 копен».

Тобольск, 1627 год: «20 июня 1627 года из Тобольска («Тоболска» или «Тоболеска», как его тогда часто называли) служилые люди под руководством сына боярского воеводы Андрея Ануфриева Дубенского начали свой поход в Тюлькину землицу. Отряд насчитывал 303 человека, в том числе 270 рядовых казаков, 3-х атаманов, или сотников. Атаманами были: ссыльный «литвин» Иван Федоров Астраханец, **Ермолай Остафьев** и Иван Елфимов Кольцов из Великого Устюга. Каждая сотня состояла из двух полусотен, которые возглавляли шесть пятидесятников: Парфентий Петров, Афанасий Иванов Путимец, Василий Яковлев Москвитин, Иван Фадеев, Захар Игнатьев и Иван Сафронов Чечулин. Самым низшим звеном отряда были десятки, которыми командовали 24 десятника».

В 1661 году Иван Остафьев — атаман тобольских пеших казаков.

Иван Панов

В 1706 году Иван Панов служил десятником восьмой пятидесятни Якутского казачьего полка, в третьей пятидесятне служил Кузьма Яковлевич Панов. Они служили в Якутске и в 1692 году.

У Кузка Панова в 1689 году родился сын Афонка. У казака Матюшки Панова — сыновья Сенька (1683), Федька (1689). Был еще казак Андрюшка, у которого в 1672 году родился сын Лучка (1672).

Якутск, 1720 год: «Во дворе вдовы Марфы Михайловой живут служивые Андрей Никифоров сын Марамыгин двацети семи лет Иван Терентьев сын Панов двацети шести лет».

А первым из Пановых, по всей видимости, был на Лене Панов Вергунов: «Петрушка Гаврилов сын Панов Вергунов он же жена у него в Тобольску в прошлом во 154-м [1646] году послан на государеву дальную службу на Оленек реку»; «Петрушка Гаврилов сын Панов Вергунов он же в нынешнем во 159-м [1651] году отпущен з государевою соболиною казною к Москве в провожатых».

В 1696 году подьячим в Тобольской приказной избе служил Иван Иванов Панов.

Василий Пашков

В якутских казачьих списках этой фамилии нет.

Василий Пашков был заказчиком (управляющим) Верхнекамчатского острога в период Харчинского бунта. 17 апреля 1735 года согласно приговору Розыскной канцелярии был подвергнут вторичному наказанию целый ряд камчатских казаков. Пашков ранее наказан не был, но на этот раз его приговорили к битью батогами, во время экзекуции он умер.

В 1696 году в Илимске в казачьих пятидесятниках служил Иван Пашков, возможно и Василий был «прибран» в Илимске.

Степан Петров

О Петровых выше.

Артемий Попов

О Поповых выше.

Илья Садилов

В списках якутских казаков такой фамилии не встречается. Но она встречается в Томске в 1703 году: казак Михайло **Садилов** сын Антонов.

Кирила Сапожников, Михаил Сапожников

В 1706 году в пятой пятидесятне Якутского казачьего полка служит Василий Сапожников сын Борисов. В 1681 году в женатых окладах Ивашко Сапожник и Данилко Сапожник.

Самый первый на Лене из Сапожников: «Оска Сапожник в прошлом во 153-м [1645] году отпущен з государевою казною к Москве». Это был казак из тобольской «старой сотни» Гаврилы Ильина. А также тобольский стрелец Ивашко Оникеев Сапожник.

Осип Соловьев

Фамилия якутских казаков Соловьевых появляется только в списках 1706 года: Григорий Федоров Соловьев, прибывший из Енисейска, и Конон (Константин) Федоров Соловьев (11-я пятидесятня), убитый на Камчатке в 1710 году.

Осип Соловьев — представитель нового набора якутских и камчатских казаков: «Служивой Афонасья Шестакова набору Осиф Кузьмин сын Соловьев сказал дватцети трех лет холост стоит на подворье на съезжем дворе у Пушкина». Это был набор 1718 года для поддержки анадырских казаков.

Возможно, что и Осип Соловьев был «прибран» в Енисейске.

Семен Хмылев

В списках якутских казаков такой фамилии мы не нашли.

Прокопей Хмылев сын Федоров был подьячим Тобольской приказной избы в 1696 году. Возможно, Семен — это казак еще атласовского набора.

Казаки Хмылевы также служили и в Томске.

Чемесов, иркутский дворянин

Мы нашли одно, но весьма любопытное упоминание об этой фамилии, раскрывающее отношение сибирских (прежде всего — иркутских) приказчиков к своим русским собратьям — казакам и крестьянам: «Приказчики обзаводились батогами, кнутами, железами, даже имели тюрьмы. Приказчик Братского острога

Х. Кафтырев приспособил под тюрьму амбар, держал “в железах” крестьянку Орину. В амбар он сумел посадить и своего недруга, балаганского приказчика Чемезова, которого в амбаре поднимал на дыбу. Приказчик того же острога И. Похабов приспособил под тюрьму баню, куда сажал крестьян “в дым”. В этих слободских амбарах-тюрьмах для виновных, кроме козел, батогов, кнута, очевидно, имелись и колоды и кандалы. В наказной памяти приказчику Ирбитской слободы давалось указание на замену содержания в колодах содержанием в железных ножных кандалах».

Петр Чижевский, сын боярский

Мартын Семенов Чижевский, сын боярский, был прислан из Тюмени. Вместо него служил его сын Петр: «…оклад денег 7 рубл., хлеба …чети без малого чет-ка ржи, овса тож, 2 пуда соли; в пр. в 202 г. при стольнике и воеводе князь Иване Гагарине послан на службу в Ковымское зимовье вместо рядового казака и в Якуцкой не бывал».

«Вместо смерти бит кнутом в Нижнекамчатском остроге 10 марта 1735 г.».

Гаврила Чудинов

Якутск, 1692 год, служилые люди: Алешка Чюдинов, Ивашко Чюдинов, Оска Чюдинов, Илюшка Чюдинов.

Илюшка Чудинов, десятник — братья Феонька (1673), Ивашко (1678).

Якутск, 1706 год: Алексей Семенов Чюдинов (8-я пятидесятня), убит на Камчатке в 1706 году, Иван Чюдинов большей (16), Иван Чюдинов меньший (4), Илья Чюдинов, д-к (1).

Якутск, 1720 год: «Во дворе конной казак Илья Семенов сын Чюдинов да отставной казак Ион Семенов сын Чюдинов»; «Во дворе Иван Семенов сын Чюдинов».

Вполне вероятно, что братья Чудиновы были родом из Тобольска, где мы видим в 1688–1696 годах аналогичные имена: Ивашка и Илья Чудиновы (Чюдиновы).

Петр Чупров

В списках якутских казаков этой фамилии мы не нашли.

Якутск, 1720 год: «Во дворе пономарь церковной Фома Осипов сын Чюпров»; «Служивой набору Афонасья Шестакова Яков

Иванов сын Чюпров сказал трицети пяти лет живет у камисара Григорья Кандакова».

В 1731 году казак Василий Чупров был убит женой Офимьей на Шантальском озере — его пасынком был казачий сын Никита Родихин, впоследствии повешенный за участие в убийстве отчима.

В 1685 году некий казак Василий Чупров служил в Нерчинске. Казаки Чупровы служили также в Тобольске и в Енисейске.

Иван Шамаев

Якутск, 1720 год: «Во дворе пономарь Семен Иванов сын Шамаев …брат ево родной Иван дватцати шести лет и он Иван послан Великого государя на службу на Камчатку в прошлом в 718-м году».

Судя по возрасту, это сыновья Ивана Шамаева, который пришел на Камчатку в составе отряда Тимофея Кобелева: «Иван Шамаев в допросе сказал: в прошлом де в 700 году посылан он Иван в Камчадальской острог для ясачного сбору с прикащиком Тимофеем Кобелевым. И шли они с Анадыря до Пенжины на оленях и на собаках, и поделав на Пенжине в море суды, и шли подле Камчацкой Нос морем в судах до пустого острога; и теми де судами море не пропустило. И от того де острогу ходили они на оленных на неясашных Коряк, и погромили оленей, и на тех оленях поднялись через хребты на Камчатку. А против Пенжинского де устья он Иван и никто никакова острова сами не видали и ни от кого не слыхали. А с Камчатки де он Иван посылан был на Пенжинское море с служилыми людми для ясачного сбору, и против де реки Харьюзовы камень голец видеть, а на матерой или остров, того де он не ведает; а и у иноземцов де они о том спрашивали, и те де иноземцы им сказывали, что они у того камени не бывали и людей никаких не знают. А идучи де он с Камчатки с отписки один, видел против Караги реки в море значится остров, и на том де острову Иван Голыгин с товарищи, трое человек, в байдарах для проведывания к иноземцом ездили; а грести де до того острова в байдарах день; и на том де острову они людей видели и ясаку просили; и те де люди им Ивану Голыгину ясаку не дали; а вдаль де они на тот остров за малолюдством ходить не смели, и боясь их иноземцов, воротились назад. А после де его Ивана на том острову руские

люди никто не бывали, и много ль на том острову людей, про то подлинно никто не ведает. А в Ковымском де и в Ленском устье он Иван не бывал и никакова острова не знает и от людей не слыхал.

На подлинном пишет тако: к сей сказке Иван Шамаев руку приложил».

Шапошников

«Гришка Булдаков в прошлом во 199-м [1691] году в Якутцком умер воспою. И в нынешнем в 200-м [1692] году июня в 25 день приверстан в ево Гришкино место казачей брат Кирилко Степанов Шапошниковых».

Якутск, 1706 год, служилые: Кирило Степанов Шапошников (8-я пятидесятня) и Тихон Савельевич Шапошников.

Якутск, 1720 год: «Во дворе Василья Шапошникова»; «Во дворе пушкарь Кузьма Стефанов сын Шапошников»; «Служивой Максим Тихонов сын Шапошников сказал дватцети лет холост»; «Во дворе сына боярского Тихона Сергеева сына Шапошникова»; «Во дворе бывшей надзиратель Михайло Игнатьев сын Шапошников родом устюженин»; «Торговой устюжанин Василей Игнатьев сын Шапошников приплыл в Якуцк в 716-м году стоит на своем дворе купленом а ныне пишиком в таможне».

Выбор большой. Но искомого Ивана Шапошникова обнаружить не удалось.

В 1696 году в Тобольске в стрельцах служил Ивашко Шапошников, в десятниках — Ивашко Шапошников сын Исаков.

Андрей Шергин

В списках якутских казаков эта фамилия нам не встречалась. Он прибыл на Камчатку в составе команды Афанасия Федотовича Шестакова.

Позже, уже в 1737 году на него жаловался С.П. Крашенинников: «Марта 27 дня послал я в Большерецкую приказную избу требование, в котором написал, что бывшие при мне служивые Петр Евлантьев, Семен Бочкарь и толмач по отбытии моем отсюда отданы в приказную избу, а служивого Василья Шелковникова, которой оставлен был в Большерецке для посылки ко мне с репортами, и казачья сына Ивана Пашкова, которой определен был вместо Никифора Саламатова (которой в то время ослеп,

а ныне уже умер) отнял от меня зборщик Андрей Шергин без всякого виду, и по сие число об них от приказной избы ничего не объявлено, только слышно, что Шелковников отнят того ради, 1) что де его по силе ее императорского величества указов к делам определять не велено, и на оное объявил я, что то до одних только ясашных зборов касается, а не до службы, ибо ежели бы он от службы откинут был, то б жалованья ее императорского величества не получал, 2) что де его, Шелковникова, велено выслать в Охоцк. И о том, понеже он, Шелковников, прислан ко мне из Большерецкой приказной избы при ведении, надлежало было меня уведомить и требовать его в приказную избу письменно, а на его место определить иного, а не так нагло отнимать».

Возможно, Шергин из нерчинских казаков: в 1685 году здесь служил Василий Шергин. В 1708 году нерчинский сын боярский 2-й статьи «Василей Гарасимов сын Шергин, …за хлебное жалованье служит с пашни, а за сколко чети того в грамоте Великого Государя не написано».

Михаил Шехурдин

«Васка Михайлов Шехурдин в прошлом во 196-м [1688] году послан Великих государей за казною к Москве в провожатых и в Якутцком не бывал». Скорее всего, это его отец — енисейский казак (по данным переписи 1669 года).

Якутск, 1720 год: «Андрей Иванов сын Кычкин …у него ж в доме живет пятидесятник казачей Михайло Шехурдин тритцети трех лет».

Михаил Шехурдин на Камчатке не был новым человеком: «В 1712 г. ительмены рек Ича и Облуковина отказались платить ясак и оказали сопротивление ясачному сборщику пятидесятнику Михаилу Шехурдину».

В 1731 году он был назначен камчатским приказчиком. Впоследствии Розыскная канцелярия, расследуя причины Харчинского бунта, выяснила, что «он в 1731 г. за предоставление права отдельным казакам ехать в острожки за сбором ясака, получил потом с них 540 соболей, лисиц и бобров и как из всего полученного 200 лисиц, 30 соболей и 4 бобра он, в свою очередь, “отдал за отпуск в камчадальские остроги комиссаром якуцкому воеводе Ивану Полуектову”».

Вместо смерти бит кнутом (100 ударов) в Нижнекамчатском остроге 4 марта 1735 года.

На Камчатке у Шехурдина была семья — в 1748 году в Верхнекамчатске проживал разночинец Василий Шехурдин с сыном Алексеем.

Широв, казак

В списках якутских казаков такой фамилии не найдено.

Иван Федорович Эверстов

Якутск, 1718 год: «Привезен сосланный на жительство некто **Эверстов**. В Москве он был на придворной службе у царевича Алексея Петровича. Вина, за которую он попал в страну изгнания, неизвестна. Через 10 лет ссылочной жизни он получил амнистию с правом возвращения на родину, но он добровольно остался здесь на службе, так как имел хозяйство и семейство, а в 1731 году, получивши звание дворянина, уехал в Камчатку на должность комиссара».

Сергей Иванович ВАХРИН

Дѣло объ убійствѣ Володимера Атласова. Камчатская Сибириада. Книга I

Верстка, дизайн Е.Ю. Дорт-Гольца

В оформлении обложки использован
фрагмент картины худ. Ю.Е. Колдаева

Подписано в печать 30.04.2021. Формат 84×108/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 102,6. Тираж 133 экз. Заказ № КПОО–002639.

Отпечатано в ООО «Камчатпресс».
683017, г. Петропавловск-Камчатский, ул. Кроноцкая, д. 12а.
www.kamchatpress.ru